ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА

.НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№9

2026

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Авоян Р.А. О некоторых положениях военной реформы в Российской империи во второй половине XIX века 6

Ахрамеев П.С. Теоретико-правовой анализ понятия «электронное правительство»: российский и зарубежный опыт, проблемы терминологии 11

Галузин А.А. О конституционно-правовом установлении «веры в Бога» и опыте общетеоретического исследования-толкования новелл ст. 67.1 Конституции Российской Федерации как духовно-нравственных и правовых основ формирования понятия межотраслевого правового института покаяния 15

Петров А.В., Горбатова М.К., Кирюшина Н.Ю. Содержание права как сфера явления правовой воли 19

Дегтярев А.В. Финансово-экономические основы местного самоуправления в Российской империи на рубеже XIX–XX веков: историко-правовой аспект 22

Жиков М.В. Традиционные российские ценности в правовом регулировании: проблемы юридической конкретизации и правоприменения 26

Ильтер Серхат. Институциональные структуры и организационно-правовые модели военного строительства в османской империи и России в XVI–XVIII вв. 30

Клычев Р.А., Хапаев А.Р. Критерии легитимности власти в западноевропейской правовой мысли XIII–XVII веков: опыт классификации 35

Мурин Д.А. Законность и правопорядок как системообразующие начала правовой жизни общества 38

Пестов М.М. De officiis 1.150: наемный труд в этико-юридических представлениях Цицерона 42

Упоров И.В. Преступления против государства в своде законов уголовных 1832 года 46

Штурцев Ю.Ю. Принципы объективного юридического права в правовом регулировании общественных отношений 50

Щемелева Д.Е. Теоретико-правовые пределы применения искусственного интеллекта в адвокатской деятельности 53

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Алексеева А.Н., Клепиков И.В. Проблемные вопросы применения федерального законодательства в части изменения категории земельных участков из земель, относящихся к сельскохозяйственным угодьям 57

Бестужев А.К. Пределы контрольных полномочий органов государственного жилищного надзора и проблемы уголовно-правовой оценки фальсификации документов общих собраний собственников 61

Алексеева Л.А., Майорова С.А. Проблемы реализации принципа неделимости безопасности 64

Васиян Р.И. Особенности правового регулирования экономической деятельности, связанной с майнингом криптовалюты, в контексте цифровой экономики 68

Виноградова И.В. Основные направления взаимодействия участкового уполномоченного полиции с подразделениями ГИБДД в сфере обеспечения безопасности дорожного движения 72

Гришак А.И. Правовой статус служащих в условиях цифровой трансформации: сравнительный анализ опыта ЕС, США и Китая 75

Данилкина Д.С., Балашкина И.В. Место и роль экономической конституции в обеспечении суверенитета государства 78

Дегтярев Д.Д. Сущность конституционного права на судебную защиту 81

Доманов В.В. Арбитраж, суд по интеллектуальной собственности и институт медиации в Китайской Народной Республике 84

Учредитель: **ООО «Издательство КНОРУС»**
Издатель: **ООО «Издательство «КноРус»**

Издание зарегистрировано Роскомнадзором, регистрационный номер:
ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018
ISSN 2220-5500
Подписной индекс Роспечати: **82319**

Адрес редакции и издателя: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: jurscience@mail.ru *Сайт:* www.jurnauka.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Ашмарина Елена Михайловна, д-р юрид. наук, проф., Российский государственный университет правосудия; **Барабанова Светлана Васильевна,** д-р юрид. наук, доц., Казанский национальный исследовательский технологический университет; **Бирюков Павел Николаевич,** д-р юрид. наук, проф., Воронежский государственный университет; **Галушкин Александр Александрович,** д-р пед. наук, канд. юрид. наук, профессор РАО, Российская академия естественных наук; **Казачкова Земфира Мухарбиевна,** д-р юрид. наук, проф., Всероссийский государственный университет юстиции; **Калиниченко Пауль Алексеевич,** д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Кожанков Антон Юрьевич,** кандидат юридических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет); **Липатов Эдуард Георгиевич,** д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Липски Станислав Анджеевич**, д-р экон. наук, Московский государственный университет геодезии и картографии (МИИГАиК); **Малько Александр Васильевич,** д-р юрид. наук, проф., Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции; **Мамитова Наталия Викторовна,** д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Махтаев Махтай Шапиевич,** д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; **Мещерякова Ольга Михайловна,** д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Панченко Владислав Юрьевич,** д-р юрид. наук, доц., Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России); **Рузакова Ольга Александровна,** д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Сангаджиев Бадма Владимирович,** д-р юрид. наук, доц., Российский университет дружбы народов; **Степанян Армен Жоресович,** кандидат юридических наук, доц., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Цареградская Юлия Константиновна,** д-р юрид. наук, доц., проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чаннов Сергей Евгеньевич,** д-р юрид. наук, проф., Саратовская государственная юридическая академия; **Четвериков Артем Олегович,** д-р юрид. наук, проф., Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чихладзе Леван Теймуразович,** д-р юрид. наук, проф., Российский университет дружбы народов; **Шохин Сергей Олегович,** д-р юрид. наук, проф., Московский государственный институт международных отношений (университет); **Щукина Татьяна Владимировна,** д-р юрид. наук, доц., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Павликов Сергей Герасимович,** д-р юрид. наук, проф. Департамента правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Скитович Виктор Викторович,** доктор юридических, наук, проф., проф. Кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ имени Г.В. Плеханова»; **Шагиева Розалина Васильевна,** д-р юрид. наук, проф., Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Джинджолия Рауль Сергеевич,** д-р юрид. наук, проф., Российский новый университет; **Стойко Николай Геннадьевич,** д-р юрид. наук, проф., проф. Кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет;

Главный редактор:
Кашкин Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, профессор

Заместитель главного редактора:
Коровяковский Денис Геннадьевич, канд. юрид. наук, доц.

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс»,
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Формат А4. *Дата выхода в свет:* 15.10.2026

Цена свободная
Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

Климович Е.В. Субъект административной ответственности за правонарушения, совершенные с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств, участвующих в дорожном движении ... 87

Кузнецов Н.В. Публично-значимые полномочия кредитных организаций: финансовый мониторинг, исполнительное производство и противодействие мошенническим переводам ... 91

Минаева А.И. Технологический суверенитет России и правовое регулирование искусственного интеллекта ... 96

Кузнецов Л.Д. Федеральная налоговая служба России: компетенция и функции в условиях цифровизации ... 100

Миронов И.А. Права, обязанности и социальные гарантии сотрудников аппарата суда: проблемы правового регулирования ... 102

Мухачев И.В., Аванесова А.А. Соотношение прав и свобод личности в сфере информации и информационной безопасности общества и государства ... 106

Облаков А.А. Институт досудебного соглашения о сотрудничестве: теория и практика применения ... 109

Рыбин М.Д. Цифровые права человека в системе конституционных гарантий достоинства личности: теоретико-доктринальный анализ ... 113

Ситник Е.Г. Конституционно-правовые основы цифровой культуры и правомерного поведения граждан ... 116

Третьяк И.Ю. Мотивированное мнение налогового органа и право налогоплательщика на судебную защиту: пределы предупредительного характера документа ... 119

Федонина С.Г., Власов Е.Г. Взаимодействие представительств субъектов Российской Федерации на примере Совета руководителей представительств ... 122

Щукин В.В., Шелонин Ф.С. Конституционно-правовые проблемы информированного добровольного согласия пациента ... 127

Шевчук Т.Е. Восстановление утраченных архивных сведений при установлении фактов, имеющих юридическое значение в вопросах гражданства ... 132

Щукин В.В., Шелонин Ф.С. Конституционно-правовые гарантии защиты прав пациента при использовании технологий искусственного интеллекта в здравоохранении Российской Федерации ... 136

Арбузов Д.А. Конституционно-правовая защита свободы предпринимательской деятельности в условиях цифровизации государственного управления ... 140

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Аксенов И.С. Правовое регулирование труда цифровых кочевников и цифровых трудящихся-мигрантов: проблемы и перспективы ... 143

Аликина С.В., Охотников И.В., Спектор А.А. Трансформация института юридической ответственности за обеспечение транспортной безопасности в мультимодальной беспилотной логистике ... 147

Бестужев А.К. Проблемы конкретизации предмета негаторного иска собственников помещений МКД при нарушениях со стороны обладателя сервитута ... 151

Груздев И.М. Обращение взыскания на цифровые активы: проблемы правового регулирования и пути их решения ... 154

Гулягин Я.А., Челышева Н.Ю. Саморегулирование микрофинансовых организаций: риск-ориентированная модель ... 157

Евдокимов Д.А. Выявление и доказывание подозрительных сделок с цифровыми финансовыми активами в процедурах банкротства ... 160

Зарубина Э.А. Установление судебной юрисдикции по трансграничным спорам с участием потребителей в соответствии с международными договорами в условиях цифровизации ... 164

Захаров А.А. Автоматизированный анализ данных и обучение генеративных моделей искусственного интеллекта: проблема отсутствия надлежащего специального ограничения исключительных прав в российском праве ... 168

Колесников Ю.А., Мальцев О.В., Глухарева А.О., Швец С.В., Соколова Т.Л. Применение искусственного интеллекта в налоговом праве: предиктивное моделирование рисков и автоматизация ответов на запросы ФНС ... 172

Комаров В.В. Депозитное размещение денежных пожертвований благотворительной организацией: проблема целевого использования и разграничения с целевым капиталом ... 176

Копытов А.И. Трансграничное банкротство: сложности взыскания долгов с иностранных граждан и россиян, уехавших за рубеж ... 180

Левин М.Г. Институт солидарной ответственности и особенности взыскания долга с солидарных должников ... 184

Миронов В.А. Рецепция и адаптация принципа добросовестности по модели континентальной правовой системы (на примере Китайской Народной Республики, Японии и Республики Корея) ... 187

Найденов К.Р. Следование права аренды за непереданной вещью при переходе права собственности: пределы обязательственной защиты и публичности обременения ... 190

Николаев Р.О. Цифровой депозитарий как гражданско-правовое средство обеспечения доверия в предпринимательском обороте цифровых прав ... 194

Петрунева А.Н. Специальные знания в цивилистическом процессе: понятие, признаки ... 197

Сероватов А.И. Судебная экспертиза в упрощенном производстве: пределы процессуальной формы и направления совершенствования правового регулирования ... 201

Силиверстов Н.И. Гражданско-правовая ответственность оператора маркетплейса и продавца: проблема разграничения в платформенной экономике ... 205

Синицына Е.И. Изменение очередности удовлетворения требований кредиторов по текущим платежам ... 209

Соколов М.В. Баланс интересов должника и кредиторов как критерий квалификации недобросовестного поведения в отношениях несостоятельности (банкротства) ... 213

Степанов Д.А. Влияние страхования ответственности директоров и должностных лиц (D&O) на поведение выгодоприобретателей ... 217

Сычев А.И. Насцитурус в российском наследственном праве: развитие охраны интересов неродившегося ребенка и проблемы наследования детьми, зачатыми посмертно ... 221

Филипенко Я.В. Конвергенция правовых режимов авторского и патентного права ... 224

Чекмарев М.Ю. Вознаграждение посредника и зачёт встречных требований: риски двойного платежа и защита агента/комиссионера ... 226

Чесноков П.В. Залог обязательственных прав (прав требования) в банкротстве: особенности удовлетворения требований кредиторов ... 229

Штивельберг М.Ф. Ответственность наследников по долгам наследодателя: момент оценки и форма ответственности по статье 1175 ГК РФ ... 233

Эминли Н.М. Правовые основания прекращения права собственности в законодательстве Азербайджанской Республики ... 236

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Алексеева Е.Э. Воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности (в порядке анализа правоприменительной практики органов внутренних дел Российской Федерации) ... 239

Брума Н.М. Уголовно-правовые проблемы противодействия мошенничеству, совершаемому с использованием специальных технических средств ... 242

Алексеева Е.С. Правовые и лингвистические аспекты совершенствования законодательной техники норм, регулирующих основания возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств ... 246

Васяев А.А., Даниленко И.А. Символическая функция «мягкого права» в уголовном процессе: от обзоров судебной практики Верховным Судом РФ к стандартам справедливого правоприменения ... 249

Гасанова М.Г. Состояние и тенденции современной женской преступности в Российской Федерации ... 254

Васяев А.А. Пределы расширительного толкования норм уголовно-процессуального закона: гарантия прав личности и риск подмены процессуального закона судебной практикой ... 258

Глушкова Е.М. Формирование теории русского уголовного права и представлений о кодификации законодательства ... 263

Дятчина В.П. Размышления о понятии и формах цифрового насилия ... 267

Коваленко М.С. Специфика бытовой насильственной преступности как объекта виктимологического анализа: латентность, цикличность, системный характер ... 270

Корнилова И.Г. О некоторых проблемах использования заключения специалиста в уголовном судопроизводстве ... 275

Кургузкина Е.Б., Авдеев М.А., Черняев Е.А. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: сравнительно-правовой анализ ... 280

Лукожев Х.М., Баграмян В.В. Предъявление гражданского иска прокурором в уголовном процессе в защиту интересов иностранных граждан ... 283

Ситник А.А., Князьков А.А., Ролик А.И., Мансуров Д.Р. Проблемы квалификации преступлений против личности сотрудников правоохранительных органов: конкуренция норм и проблемы легального определения специального потерпевшего ... 286

Марзаев Д.В. Необходимая оборона и ее значение в уголовном праве ... 290

Наумов В.В. Особенности трансформации уголовно-правового обеспечения экологической безопасности КНР в условиях кодификации экологического законодательства в 2026 году ... 293

Нырова Б.Р. Критерии оценки коррупционного поведения в контексте взаимосвязи коррупции и правового нигилизма ... 297

Посельская Л.Н. Тактико-криминалистические особенности использования психологических знаний при получении вербальной информации по преступлениям в сфере экономической деятельности ... 300

Прокофьев О.М. Оперативно-розыскное мероприятие «получение компьютерной информации» как инструмент противодействия преступлениям, совершаемым с использованием мобильных устройств: правовые и прикладные аспекты ... 303

Самедов Д.С. Некоторые вопросы правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление ... 306

Сдашников В.Э. Хулиганство: сравнительно-правовой анализ российского и белорусского уголовного законодательства с учетом последних изменений ... 311

Самедов Д.С. Некоторые вопросы правомерности причинения вреда в состоянии необходимой обороны ... 315

Смарыгин А.С. Искусственный интеллект как катализатор киберпреступности: криминологический взгляд на цифровую угрозу ... 318

Хафизова А.М. Влияние цифровой среды на формирование преступного поведения несовершеннолетних (современные направления профилактики) ... 321

Царькова Е.Г. Анализ пространственно-временных паттернов поведения в видеопотоке для прогнозирования ситуационных рисков безопасности в учреждениях УИС ... 324

Чайникова А.О. Информационная безопасность как объект уголовно-правовой охраны: эволюция и поиск единой модели ... 327

Царькова Е.Г. Аудиоаналитика для прогнозирования поведения осужденных в учреждениях УИС: технологические возможности и правовые пределы ... 331

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Барабашев А.Г. От многоскоростной интеграции к изменяемой геометрии: правовые метаморфозы Африканского Союза ... 334

Мирзаев Ф.С. Российско-монгольская граница: историческая преемственность, договорное разграничение и пределы uti possidetis juris ... 338

Синёва Н.А. Правовая природа и роль электронной подписи в цифровой экономике ЕАЭС ... 343

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА

Панченко В.Ю., Веселова А.П., Лунгу Е.В. О творчестве и технологии в подготовке диссертации по юриспруденции: юбилей выдающегося методолога правовых исследований профессора В.М. Сырых ... 347

Бубякин А.В. Трансформация публично-правового статуса государственного и муниципального служащего под влиянием искусственного интеллекта: теоретико-правовой аспект ... 354

Зорина Н.С. Физическая культура в процессе перевоспитания несовершеннолетних осужденных ... 358

Королев А.Г. Влияние цифровой трансформации налогового администрирования на выявление и доказывание налоговых преступлений ... 361

Мутьянов Д.Ю. Правовой режим конвертации цифровых прав и токенов в доли (акции) хозяйственных обществ ... 364

Николаев Д.О. Гражданско-правовая природа обязательства по возмещению вреда, причиненного органами публичной власти ... 367

Попова И.П., Ахвледиани О.С. Трансформация механизмов финансовой защиты в условиях глобализации как средство противодействия преступности ... 371

Романов М.А. Методология исследования и реализации цифрового правотворчества ... 374

Садыков М.М. Сэмплы и сэмплирование – правовая квалификация с точки зрения авторского права США ... 377

Соболев Н.Г. К проблеме дезадаптации подозреваемых, обвиняемых и осужденных: диагностика и профилактика ... 381

Степанова Н.В. Трансформация функций государства с учетом необходимости обеспечения цифрового суверенитета России ... 384

Степурин Д.Б. Пределы ответственности наследников по обязательствам наследодателя о компенсации морального вреда ... 388

Филатов Г.И. Региональные международно-правовые механизмы сотрудничества государств в противодействии киберпреступности, связанной с использованием искусственного интеллекта ... 391

Юнусов А.А., Хасимова Л.Н., Ахметов Р.Р. Вопросы отказа в возбуждении уголовного дела или процессуальный бег по кругу ... 395

TABLE OF CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

Avoyan R.A. On some provisions of the military reform in the Russian Empire in the second half of the 19th century 6

Akhrameev P.S. Theoretical and legal analysis of the concept of «e-government»: Russian and foreign experience, problems of terminology 11

Galuzin A.A. On the constitutional and legal establishment of «faith in God» and the experience of general theoretical research-interpretation of the novels of Article 67.1 of the Constitution of the Russian Federation as the spiritual, moral, and legal foundations for the formation of the concept of an interdisciplinary legal institution of repentance. 15

Petrov A.V., Gorbatova M.K., Kiryushina N.Yu. The content of law as a sphere of the phenomenon of legal will 19

Degtyarev A.V. Financial and economic foundations of local self-government in the Russian Empire at the turn of the 19th-20th centuries: historical and legal aspect 22

Zhikov M.V. Traditional Russian values in legal regulation: problems of legal specification and law enforcement 26

Serhat Iter. Institutional structures and organizational–legal models of military organization in the ottoman empire and Russia in the 16th-18th centuries 30

Klychev R.A., Khapaev A.R. Criteria of the legitimacy of power in western European legal thought of the 13th-17th centuries: an attempt at classification 35

Murin D.A. Legality and legal order as system-forming principles of the legal life of society 38

Pestov M.M. De officiis 1.150: ethical-juridical perception of hired work by Cicero 42

Uporov I.V. Crimes against the state in the 1832 criminal code of laws 46

Shturtsev Yu.Yu. Principles of objective juridical law in the legal regulation of social relations 50

Schemeleva D.E. Theoretical and legal limits of using artificial intelligence in advocacy 53

PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

Alekseeva A.N., Klepikov I.V. Problematic issues in the application of federal legislation regarding the reclassification of land plots designated as agricultural land 57

Bestuzhev A.K. Limits of supervisory powers of state housing supervision bodies and issues of criminal law assessment of falsification of general meetings documents of premises owners 61

Alekseeva L.A., Mayorova S.A. Challenges in implementing the principle of indivisible security 64

Vasiyan R.I. Specific features of the legal regulation of economic activities related to cryptocurrency mining in the context of the digital economy 68

Vinogradova I.V. Key areas of cooperation between the district police officer and traffic police units in ensuring road safety 72

Grishak A.I. Legal status of civil servants in the context of digital transformation: a comparative analysis of the experience of the EU, USA and China 75

Danilkina D.S., Balashkina I.V. The place and role of the economic constitution in ensuring the sovereignty of the state 78

Degtyarev D.D. The essence of the constitutional right to judicial protection 81

Domanov V.V. Arbitration, the intellectual property court, and the mediation institute in the People's Republic of China 84

Klimovich E.V. Subject of administrative responsibility for offenses committed using highly automated vehicles participating in road traffic 87

Kuznetsov N.V. Publicly significant powers of credit institutions: financial monitoring, enforcement proceedings and countering fraudulent transfers 91

Minaeva A.I. Russia's technological sovereignty and the legal regulation of artificial intelligence 96

Kuznetsov L.D. The Federal Tax Service of Russia: competence and functions in the context of digitalization 100

Mironov I.A. Rights, duties and social guarantees of court staff: problems of legal regulation 102

Mukachev I.V., Avanesova A.A. The balance between individual rights and freedoms in the sphere of information and the information security of society and the state 106

Oblakov A.A. Institute of pre-trial cooperation agreement: theory and enforcement 109

Rybin M.D. Digital human rights within the system of constitutional guarantees of human dignity: a theoretical and doctrinal analysis 113

Sitnik E.G. Constitutional and legal foundations of digital culture and lawful behavior of citizens 116

Tretyak I.Yu. A tax authority's reasoned opinion and the taxpayer's right to judicial protection: limits of its preventive function 119

Fedonina S.G., Vlasov E.G. Interaction of representations of subjects of the Russian Federation on the example of the council of heads of representations 122

Shchukin V.V., Shelonin Ph.S. Constitutional law issues of patients informed consent 127

Shevchuk T.E. Restoration of lost archival information when establishing facts of legal significance in matters of citizenship 132

Shchukin V.V., Shelonin Ph.S. Constitutional and legal guarantees for the protection of patient rights in the use of artificial intelligence technologies in healthcare of the Russian Federation 136

Arbuzov D.A. Constitutional and legal protection of freedom of entrepreneurial activity in the context of digitalization of public administration 140

PRIVATE LEGAL (CIVILITY) SCIENCES

Aksyonov I.S. Legal regulation of the labor of digital nomads and digital migrant workers: problems and prospects 143

Alikina S.V., Okhotnikov I.V., Spector A.A. The transformation of the institution of legal liability for ensuring transport security in multimodal unmanned logistics 147

Bestuzhev A.K. Problems of specifying the subject matter of negatory action of apartment building premises owners in case of violations by the servitude holder 151

Gruzdev I.M. Foreclosure on digital assets: problems of legal regulation and ways to solve them 154

Gulyagin Ya.A., Chelysheva N.Yu. Self-regulation of microfinance organizations: a risk-oriented model 157

Evdokimov D.A. Detection and proof of suspicious transactions involving digital financial assets in bankruptcy proceedings 160

Zarubina E.A. Establishing judicial jurisdiction over cross-border consumer disputes under international treaties in the context of digitalization 164

Zakharov A.A. Automated data analysis and the training of generative artificial intelligence models: the lack of an adequate special limitation on exclusive rights in Russian law 168

Kolesnikov Yu.A., Maltsev O.V., Glukhareva A.O., Shvets S.V., Sokolova T.L. Application of artificial intelligence in tax law: predictive risk modeling and automated responses to federal tax service requests 172

Komarov V.V. Deposit placement of monetary donations by a charitable organization: the problem of targeted use and delimitation from endowment capital 176

Kopytov A.I. Crossborder bankruptcy: difficulties in collecting debts from foreign nationals and Russians who have left the country 180

Levin M.G. The institution of joint and several liability and peculiarities of debt recovery from joint and several debtors 184

Mironov V.A. Reception and adaptation of the principle of good faith within the civil law tradition: China, Japan and the Republic of Korea 187

Naidenov K.R. The running of a lease with a thing not yet delivered upon transfer of ownership: the limits of obligational protection and of the publicity of an encumbrance 190

Nikolaev R.O. Digital depository as a civil–law means of ensuring trust in the business circulation of digital rights 194

Petruneva A.N. Specialised knowledge in civil procedure: concept and characteristics 197

Serovatov A.I. Judicial expert examination in simplified proceedings: limits of procedural form and directions for improving legal regulation 201

Siliverstov N.I. Civil liability of the marketplace operator and the seller: the problem of delineation in the platform economy 205

Sinitsyna E.I. Change in the order of satisfaction of creditors' claims for current payments 209

Sokolov M.V. The balance of interests of the debtor and creditors as a criterion for qualifying bad-faith conduct in insolvency (bankruptcy) relations 213

Stepanov D.A. The impact of directors and officers liability insurance (d&o) on claimants' behavior 217

Sychev A.I. Nasciturus in Russian inheritance law: the development of legal protection of the interests of the unborn child and the problems of succession by posthumously conceived children 221

Filipenko Ya.V. Convergence of copyright and patent law 224

Chekmarev M.Yu. Intermediary's remuneration and offset of counterclaims: double payment risks and agent/commission agent protection 226

Chesnokov P.V. Pledge of obligational rights (claims) in bankruptcy: specific features of satisfying creditors' claims 229

Shtivelberg M.F. Heirs' liability for the testator's debts: the timing of valuation and the form of liability under article 1175 of the civil code ... 233

Eminli N.M. Legal grounds for termination of property rights in the legislation of the Republic of Azerbaijan ... 236

CRIMINAL LEGAL SCIENCES

Alekseeva E.E. Obstruction of lawful entrepreneurial or other activities (in the context of an analysis of the law enforcement practice of the internal affairs bodies of the Russian Federation) ... 239

Bruma N.M. Criminal law problems of countering fraud committed using special technical means ... 242

Alekseeva E.S. Legal and linguistic aspects of improving the legislative technique of norms regulating the grounds for resuming criminal proceedings due to new or newly discovered circumstances ... 246

Vasyaev A.A., Danilenko I.A. The symbolic function of «soft law» in criminal proceedings: from reviews of judicial practice by the Supreme Court of the Russian Federation to standards of fair enforcement ... 249

Gasanova M.G. The state and trends of contemporary female crime in the Russian Federation ... 254

Vasyaev A.A. The limits of expansive interpretation of criminal procedure law: safeguarding individual rights and the risk of judicial practice supplanting procedural law ... 258

Glushkova E.M. The formation of the theory of Russian criminal law and concepts of legislative codification ... 263

Dyatchina V.P. Reflections on the concept and forms of digital violence ... 267

Kovalenko M.S. Specific features of domestic violent crime as an object of victimological analysis: latence, cyclicity, and systemic nature ... 270

Kornilova I.G. On some problems related to the use of a specialist's conclusion in criminal proceedings ... 275

Kurguzkina E.B., Avdeev M.A., Chernyaev E.A. Threat of murder or infliction of grievous bodily harm: a comparative legal analysis ... 280

Lukozhev Kh.M., Bagramyan V.V. Filing a civil claim by the public prosecutor in criminal proceedings to protect the interests of foreign nationals ... 283

Sitnik A.A., Knyazkov A.A., Rolik A.I., Mansurov D.R. Problems of qualification of crimes against the personality of law enforcement officers: conflict of norms and issues of legal definition of a special victim ... 286

Marzaev D.V. Necessary defense and its significance in criminal law ... 290

Naumov V.V. Characteristics of the transformation of criminal law provisions for environmental safety in the PRC in the context of the 2026 codification of environmental legislation ... 293

Nyrova B.R. Criteria for assessing corrupt behavior in the context of the relationship between corruption and legal nihilism ... 297

Poselskaya L.N. Tactical and criminalistic features of using psychological knowledge when obtaining verbal information about crimes in the sphere of economic activity ... 300

Prokofiev O.M. Operational and search activities «obtaining computer information» as a tool for countering crimes committed using mobile devices: legal and applied aspects ... 303

Samedov D.S. Some issues of the legality of causing harm during the detention of a person who has committed a crime ... 306

Sdashnikov V.E. Hooliganism: a comparative legal analysis of Russian and Belarusian criminal legislation, taking into account the latest amendments. ... 311

Samedov D.S. Some issues of the legality of causing harm in a state of necessary defense ... 315

Smarygin A.S. Artificial intelligence as a catalyst for cybercrime: a criminological perspective on the digital threat ... 318

Khafizova A.M. The influence of the digital environment on the formation of criminal behavior in minors (modern areas of prevention) ... 321

Tsarkova E.G. Analysis of spatio-temporal behavior patterns in video stream for predicting situational safety risks in penitentiary institutions ... 324

Chaynikova A.O. Information security as an object of criminal law protection: evolution and the search for a unified model ... 327

Tsarkova E.G. Audioanalytics in predicting the behavior of convicts in penitentiary institutions: technological capabilities and legal limits ... 331

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

Barabashev A.G. From multi-speed integration to variable geometry: the legal metamorphoses of the African union ... 334

Mirzayev F.S. The Russia-Mongolia boundary, historical continuity, treaty delimitation and the limits of uti possidetis juris ... 338

Sineva N.A. The legal nature and role of electronic signatures in the EAEU digital economy ... 343

CURRENT ISSUES OF MODERN LAW-MAKING

Panchenko V.Yu., Veselova A.P., Lungu E.V. On creativity and technology in the preparation of a dissertation in jurisprudence: on the anniversary of the outstanding methodologist of legal research, professor V.M. Syrykh ... 347

Bubyakin A.V. Transformation of the public law status of state and municipal servants under the influence of artificial intelligence: a theoretical legal perspective ... 354

Zorina N.S. Physical education in the process of re-education of juvenile convicts ... 358

Korolev A.G. Analysis of the digital transformation of tax administration for the detection and proof of tax offenses ... 361

Mutyanov D.Yu. Legal framework for the conversion of digital rights and tokens into shares (equity interests) in business companies ... 364

Nikolaev D.O. The civil law nature of the obligation to compensate for damage caused by public authorities ... 367

Popova I.P., Akhvlediani O.S. Transformation of financial protection mechanisms in the context of globalization as a means of combating crime ... 371

Romanov M.A. Methodology of research and implementation of digital law-making ... 374

Sadykov M.M. Samples and sampling: legal classification under U.S. copyright law ... 377

Sobolev N.G. On the problem of maladjustment among suspects, defendants, and convicts: diagnostics and prevention ... 381

Stepanova N.V. Transformation of state functions in light of the need to ensure Russia's digital sovereignty ... 384

Stepurin D.B. Limits of heirs' liability for the testator's obligations to compensate for moral harm ... 388

Filatov G.I. Regional international legal mechanisms of inter-state cooperation in countering cybercrime related to the use of artificial intelligence ... 391

Yunusov A.A., Khasimova L.N., Akhmetov R.R. Issues regarding the refusal to initiate criminal proceedings or running in procedural circles ... 395

О некоторых положениях военной реформы в Российской империи во второй половине XIX века

Авоян Роберт Артурович,
аспирант кафедры теории и истории государства и права им. Г.В. Мальцева Института права и национальной безопасности РАНХиГС при Президенте РФ
E-mail: a777ra77@gmail.com

Целью исследования является анализ некоторых положений военной реформы, проведенной в Российской империи во второй половине XIX века. Автором рассмотрены основные предпосылки указанной реформы; описаны ключевые этапы ее реализации и дана ее общая характеристика, в том числе с учетом ключевых направлений. Обращено внимание на теснейшую взаимосвязь военных преобразований Александра II с другими его реформами, особенно с отменой крепостного права. Отдельные аспекты военной реформы рассмотрены более детально. Особый акцент сделан на вопросах перехода от рекрутской повинности к всеобщей воинской повинности (обязанности), который предложено расценивать как ключевой элемент реформирования армии XIX века. Также в статье отражены вопросы формирования офицерского корпуса, преобразования системы военных судов, некоторые другие аспекты. Подвергся обсуждению ряд спорных вопросов историко-правовой оценки отдельных итогов указанной реформы. Отмечено частичное сохранение крепостнических пережитков, расцениваемое в качестве важнейшего недостатка. По результатам анализа автором изложена и аргументирована собственная позиция.

Ключевые слова: военная история; военная реформа; всеобщая воинская повинность; право XIX века; рекрутская повинность; реформы XIX века; сословные пережитки.

Введение

Проблематика историко-правового развития всегда была актуальной и остается таковой по-прежнему. Это вполне справедливо и применительно к реформированию армии Российской империи XIX века. Причин тому немало.

Во-первых, всегда важно понимать закономерности развития своего государства, учитывать накопленный им за многовековую историю опыт, причем не только позитивный, но и негативный. В этой связи изучение реформ прошлых времен представляет немалый интерес, особенно в военной сфере, которая всегда относилась к числу приоритетных и крайне сложных направлений политики.

Во-вторых, многие вопросы, связанные с анализируемой реформой, продолжают оставаться среди наиболее актуальных. Так, спор о всеобщей воинской повинности (всеобщей воинской обязанности) по-прежнему поднимается в историческом, правовом (историко-правовом), политическом дискурсах. Вопросы формирования офицерского корпуса, совершенствования военного образования, развития военных судов и многие другие аспекты применительно к современной России тоже нередко оказываются в центре внимания исследователей, ввиду чего и рассматриваемая реформа становится предметом изучения. При этом многие вопросы, прямо или косвенно касающиеся ее, сохраняют свой спорный характер, особенно в части оценки итогов. Все это характеризует избранную автором тему как достаточно актуальную и требующую дальнейшей проработки.

Целью данного исследования является анализ некоторых положений военной реформы, проведенной в Российской империи во второй половине XIX века.

Основная часть

Обращаясь к проблематике исследуемой военной реформы, принципиально важно акцентировать внимание на наличии некоторых предпосылок, которые ей способствовали, поскольку их анализ дает не только более целостное представление о соответствующих преобразованиях, но и позволяет лучше понять специфику, конкретные проблемы реформы, дать более адекватную оценку ее итогов. Кроме того, изучение предпосылок дает возможность увязать саму реформу, а также отдельные ее элементы с развитием невоенных сфер жизни Российского государства и общества, что тоже немаловажно.

Круг предпосылок в целом был достаточно широк, однако в данном случае представляется необходимым выделить лишь некоторые, наиболее значимые по мнению автора.

Во-первых, в целом реформаторская направленность политики Российского государства, возглавляемого Александром II с 1855 по 1881 год, сама по себе создавала среду для преобразований в армии. Основной вектор реформ в анализируемый период был направлен на отмену крепостного права, а также на реализацию сопутствовавших этому идей, связанных в целом с наделением подданных Российской империи более широкими правами и свободами. Во многом преобразования касались функционирования судебной системы, развития местного самоуправления, экономической жизни и становления гражданского общества [16, с. 71]. И поскольку реформистская активность государства носила практически всеобъемлющий характер, то и распространение ее на военную сферу видится вполне закономерным.

В литературе подчеркивается параллельный характер реформирования военной и невоенной сфер [16, с. 71]. Это можно расценивать по-разному. С одной стороны, рассмотрение армейских преобразований как шедших параллельно (независимо) с гражданскими, можно считать подтверждением некоторой самостоятельности и одних, и других. Но с другой стороны, параллельный характер преобразований военной и гражданской сфер может рассматриваться как проявление политики системного и всестороннего совершенствования жизни общества и государства. В любом случае становится еще более очевидным всеобъемлющий характер изменений в государстве, где военная реформа закономерно заняла свое место.

Нельзя отрицать традицию рассмотрения в рамках научного дискурса военных преобразований второй половины XIX века в общем контексте реформистской деятельности Александра II. В то же время

не представляется возможным игнорирование и особо значимой роли министра Д.А. Милютина в проведении указанной реформы [16, с. 71]. Разумеется, что изложенное означает допустимость рассмотрения военных преобразований второй половины XIX века и как самостоятельной реформы военного характера, и как части системы государственно-правовых реформ в целом.

Вообще следует признать, что «начинания военного ведомства были тесно связаны с другими реформами царствования Александра II и основывались на тех же принципах законности и гуманности» [16, с. 74]. И с учетом этого тоже есть основания рассматривать военную реформу как некоторую составляющую общей политики Российского государства.

Во-вторых, предпосылкой реформы военной сферы были не вполне приемлемые результаты участия Российской империи в военных кампаниях, в частности, в Крымской войне. Исследователи в этой связи обращают особое внимание на техническую отсталость отечественной армии и флота, а также на то, что западные державы свои армии модернизировали [12, с. 116]. Конечно, это не могло не быть принято во внимание российским руководством.

С военными неудачами России связывались и некоторые другие события. Так, есть мнение, что дело Ф.К. Затлера, приговор которому был вынесен в 1859 г., «прокладывало дорогу» военным реформам 1860–1870-х гг., по сути, став своеобразным этапом на пути от поражения в Крымской войне к военным преобразованиям [17, с. 231]. С этим нельзя не согласиться, поскольку в рамках рассмотрения данного дела были вскрыты многие недостатки армии в части организации управления, снабжения, вооружения, ответственности. В свою очередь, данные обстоятельства стали стимулом для дискуссий о преобразованиях, обострили соответствующий запрос со стороны общества.

В-третьих, предпосылкой можно считать и наметившиеся тенденции в реформировании армий других держав, в том числе конкурировавших с Россией. В этом смысле реформа, очевидно, диктовалась острой потребностью в поддержании обороноспособности страны на приемлемом уровне.

Вообще военная реформа 1862–1874 гг. характеризуется даже в качестве прямого результата социально-политических сдвигов, которые имели место во второй половине XIX [10, с. 24]. Эта оценка не лишена оснований, особенно с учетом того, что армейские преобразования во многом носили либеральный характер, как и преобразования социально-политической сферы, и находились в определенной взаимосвязи с отменой крепостного права.

В советском историко-правовом дискурсе предпосылки рассматриваемых реформ, как и сопутствовавшие им события и трудности, было принято объяснять кризисным состоянием феодально-крепостнического строя, которое характеризовалось обострением классовой борьбы в условиях отсутствия гражданских и политических свобод, а также усилением эксплуатации крестьянства [9, с. 151–152]. Конечно, такой взгляд на предпосылки не был безосновательным, но акцент на аспекте классовых противоречий видится излишним.

Очевидно, представленный круг предпосылок не является исчерпывающим, но и их вполне достаточно для общего понимания истоков и общего вектора реформаторской деятельности государства в военной сфере. При этом логично, что предпосылками реформы предопределялись и конкретные направления, которые было необходимо реализовать по объективным либо субъективным причинам. Изложенное характеризует рассматриваемую реформу как вполне закономерную, которая должна была представлять собой череду решений и событий, продиктованных потребностями в изменениях и стремлении затронуть практически все аспекты обороны.

Если рассматривать реформирование российской армии во второй половине XIX века широко, то в контексте периодизации уместно отметить три больших этапа.

1. От Крымской войны (1853–1856) до 1862 г. (принято рассматривать как переходный этап, поскольку проходил еще в условиях николаевской армии и ему был присущ частичный характер реформ).

2. С 1862 по 1881 г. (рассматривается как главный этап, в целом ставший частью реформ Александра II, характеризуемый, прежде всего, созданием буржуазной армии, которая имела характерную структуру и систему управления в условиях отсутствия рекрутчины).

3. С 1882 по 1905 г. (этап не связан с политикой Александра II; рассматривается как «застойный», поскольку на протяжении него не был обеспечен вывод армии на новый уровень) [14, с. 105].

Представленные этапы позволяют более системно понять специфику военных преобразований, характеризуют их сложность и длительность. Если же рассматривать военную реформу более узко, исключительно в контексте деятельности Александра II (а именно с его именем в основном принято связывать реформирование армии во второй половине XIX века), то хронологию можно ограничить периодом с 1862 года, когда план военных преобразований был утвержден, по 1874 год, когда было реализовано последнее из наиболее значимых преобразований, а именно введение всесословной воинской повинности [6, с. 5].

То есть анализируемая реформа по своему характеру была весьма длительно исполняемым решением, включающим в себя широкий комплекс государственных мер, так или иначе касавшихся «всех отраслей организации армии и управления войсками» [6, с. 4], практически всех сторон военного дела [10, с. 10].

В связи с этим уместно обратить внимание на ряд направлений, по которым она проводилась.

1. Комплектование.
2. Формирование офицерского корпуса.
3. Военное образование.
4. Организация системы военного управления.
5. Судопроизводство в военных судах.
6. Перевооружение [16, с. 73–76].

Перечисленные аспекты не отражают всего многообразия армейских преобразований. Они лишь свидетельствуют о тех нюансах, которые, с точки зрения автора, надлежит расценивать как наиболее значимые либо проблемные, представляющие наибольший научный интерес. При этом каждое из перечисленных направлений являлось по своей сути комплексным.

Изложенное отражает разнонаправленный характер анализируемой реформы, ее многоаспектность, продолжительность, сложность. И, несмотря на то что она именуется военной по характеру проводимых государством мероприятий, фактически ей были затронуты и гражданские сферы, прямо или косвенно связанные с военным делом, в том числе социальная сфера, образование, область правовой политики.

В связи с этим совсем не случайным видится рассмотрение изучаемых военных преобразований как совокупности или комплекса военных реформ, а не как одной военной реформы. В то же время вполне оправданными видятся оба подхода, то есть рассмотрение анализируемых преобразований и в качестве единой реформы, и в качестве комплекса реформ военного характера.

Совершенствование комплектования армии путем перехода от рекрутской к всеобщей воинской повинности в отечественной историко-правовой науке вполне справедливо признается в качестве ключевого направления военной реформы. Потому в данной статье такой переход рассматривается в первую очередь, хотя хронологически был последним значимым событием реформы [16, с. 71]. Отказ от системы рекрутирования произошел в результате принятия Устава о воинской повинности 1 января 1874 г.; одновременно был сокращен срок прохождения действительной службы до 6–7 лет. В определенной степени это вынуждало реформировать и некоторые иные аспекты организации армии, в том числе образование, управление и пр. [10, с. 22].

Сама проблема комплектования армии во второй половине XIX века была довольно острой. Основанная на рекрутской повинности система становилась все менее пригодной для изменяющихся условий. Потребность в сокращении численности армии в мирное время и обеспечении возможности увеличения ее численности на случай войны была очевидной и носила объективный характер. А потому необходимо было формировать мобилизационный резерв. Именно эти задачи ставил министр Д.А. Милютин [6, с. 13].

Отмена рекрутской повинности была особо важна не только в контексте реформирования армии второй половины XIX века, но и в общем контексте отечественной истории. Такой взгляд на указанное событие видится не случайным, поскольку на протяжении довольно длительного времени рекрутчина рассматривалась в качестве главного инструмента комплектования вооруженных сил дореволюционной России.

Процедура рекрутского набора отличалась крайней несправедливостью, что выражалось, в частности, в использовании жребия для выбора лиц, подлежащих призыву; в предоставлении возможности отдельным категориям лиц (в зависимости от этнической принадлежности или места проживания) нести данную повинность в денежной форме. Более того, среди помещиков имела место и практика сдачи в рекруты «неугодных» крепостных, что, по сути, означало использование данной повинности как своеобразной меры наказания [8, с. 58–61]. Конечно, это не идет ни в какое сравнение с современным представлением о военной службе как о почетной обязанности гражданина.

Стоит признать, что в условиях крепостного права наличие рекрутской повинности создавало некоторые возможности получить личную свободу, поскольку человек, зачисленный рекрутом в армию, освобождался от крепостной зависимости [6, с. 9].

Существенный негативный аспект рекрутчины, по крайней мере применительно к первой половине XIX века, выражался и в сроках

службы: человек рекрутировался на период от 22 до 25 лет, фактически отрываясь от семьи, от своего дома [2, с. 20].

В этом смысле введение всеобщей воинской повинности способствовало фактическому пересмотру самого отношения к военной службе. Можно сказать, что таким образом был дан импульс превращению военной службы именно в почетную обязанность. По крайней мере, значимый шаг в этом направлении был сделан.

Указанное изменение во многом соответствовало и общемировым тенденциям. В условиях перехода многих держав к капитализму усилились потребности в укреплении армии; но постоянно содержать большую по численности армию было крайне сложно с экономической точки зрения. В этой связи введение системы всеобщего призыва и формирование на его основе мобилизационного ресурса становилось одним из оптимальных вариантов решения проблемы [3, с. 36].

Стоит, однако, сказать, что в условиях крепостного права введение всеобщей воинской повинности было бы в принципе невозможно реализовать, поэтому увеличить количество призываемых и создать кадры обученного запаса стало реально именно благодаря отмене крепостного права [6, с. 9]. В этом тоже видится определенная закономерность исторического и правового развития военной сферы Российской империи.

Данное направление представляет особую значимость с точки зрения историко-правового анализа и по той причине, что фактически вся история российской армии и военного дела указанной реформой была разделена на две части. В дореформенной России всеобщая воинская повинность отсутствовала, что предопределяло многие особенности поддержания оборонного потенциала страны. В то же время реализация указанной части реформы, выразившаяся в переходе к всеобщей воинской повинности, фактически определила новую веху и новый подход, который в целом был поддержан в Советской России и сохранился в современной России (хотя сейчас де-юре речь идет не о всеобщей воинской повинности, а о всеобщей воинской обязанности, применительно к мужчинам).

Формирование офицерского корпуса тоже стало особо важным направлением реформирования армии во второй половине XIX века, хотя его вполне уместно анализировать и в контексте пересмотра подхода к комплектованию. Сами изменения во многом были продиктованы потребностью в адаптации армии к новым условиям, повышении ее боеспособности.

Данные изменения были связаны и с развитием военного образования в Российской империи. Государством предпринимались активные меры, нацеленные на искоренение старых сословных пережитков, и в целом это можно оценить положительно, хотя не представляется возможным утверждать, что устаревшие на тот момент пережитки были искоренены в полной мере.

В советской литературе, посвященной проблематике реформ в царской России, оценки давались весьма неоднозначные. С одной стороны, подчеркивались положительные моменты, в частности, решенность вопроса укомплектования армии офицерами. В то же время давались резкие критические оценки. Например, высказывались мнения о неспособности царского правительства коренным образом изменить систему подготовки кадров, особенно в области высшего образования, что аргументировалось указанием на преобладание представителей дворянского сословия в военных учебных заведениях и в офицерском корпусе, а также на ничтожно малое число слушателей военных академий [6, с. 24].

Тем не менее, коренные изменения были заметны в других направлениях. Так, система армейского управления при Александре II была пересмотрена коренным образом, что дает возможность рассматривать этот аспект как значимое направление военной реформы. В ней была сведена к минимуму централизация, а органы военного управления на местах, соответственно, получили больше свободы для решения текущих задач [4, с. 29].

Если говорить более конкретно, то армия стала управляться посредством военно-окружной системы, включавшей 15 военных округов, в каждом из которых действовало окружное управление, состоявшее из совета, штаба и функциональных управлений, находившихся в двойном подчинении. Окружные управления де-факто представляли собой военные министерства «в миниатюре», где одновременно компоновалось военно-административное и войсковое управление. Таким образом, русская армия стала более гибкой в плане управления и пригодной для оперативного решения задач на местах, а это было принципиально важно для обеспечения возможности скорейшей мобилизации в военное время [11].

В рамках исследования преобразований в военной сфере Российской империи XIX века нельзя обойти вниманием и систему (подсистему) военных судов. С одной стороны, соответствующие изменения непосредственно касались военной сферы; в то же время они носили в большей мере правовой, нежели военный характер.

Дела в отношении военных в прежние времена непосредственно рассматривало военное начальство, что вполне укладывалось в отечественную традицию. Можно полагать, что аналогичного рода традиции имели место и в других странах. Однако, такой подход не в полной мере соответствовал объективным потребностям государства и общества, которые развивались в сторону укрепления права.

Очевидно, что бытовавшая ранее система весьма способствовала злоупотреблениям со стороны начальства, ведь в ее условиях отсутствовало какое-либо разделение власти, которая сосредотачивалась именно в руках военачальников. Мероприятия же анализируемой реформы повлекли принципиальный пересмотр подходов к судопроизводству в целом и в военных судах в частности. «Отныне маловажные дела решались не властью полкового командира, а передавались полковому суду из трех офицеров. Полковой командир только утверждал или не утверждал их приговор. Более серьезные дела находились в ведении военно-окружного суда» [16, с. 74].

Ведущую роль в этом играли новые принципы судопроизводства, а именно гласность, состязательность и пр. Но позитивный эффект этих изменений во многом нивелировался сохранением старых пережитков, в том числе принципа сословности, который содержался в Уставе о наказаниях. Кроме того, по-прежнему имела место некоторая зависимость военных судов от военной администрации [6, с. 18]. Это можно считать одним из проявлений незавершенности реформы. Само право командира полка утвердить или не утверждать приговор говорит о многом.

Тем не менее, состоявшиеся преобразования производства в военных судах есть все основания оценивать положительно, пусть и с оговорками. При этом нельзя не подчеркнуть, что они шли в общем русле реформирования судебной системы, которая в целом становилась более справедливой, более совершенной, более развитой, нацеленной не только на защиту интересов государства и общества, но и на соблюдение прав самого человека, который, вольно или невольно, оказывался участником судебного разбирательства.

Принимавшиеся по перевооружению российской армии меры также выступали особо важным направлением военных преобразований и сами по себе представляли ценность как шаг в сторону укрепления обороноспособности страны. Дело в том, что вооружение армии Российской империи постепенно переставало отвечать объективным нуждам, в том числе ввиду недостаточной дальности и точности стрельбы: стрелковое оружие было представлено преимущественно гладкоствольными ружьями, нарезное же оружие было редкостью. Аналогичного характера проблема касалась и артиллерии [6, с. 8].

Возможно, проблема перевооружения русской армии стояла бы не так остро, если бы государством заблаговременно предпринимались меры по развитию промышленности. Но, к сожалению, в ту эпоху промышленность правительством не рассматривалась в числе приоритетов, хотя ее значимость для решения отдельных задач не отрицалась [7, с. 313].

Недостаток финансирования в совокупности с неспособностью организовать государственную военную промышленность на новых началах не принудительного, а наемного труда, не позволили завершить все запланированные мероприятия. Потому и зависимость от зарубежных поставок оружия сохранялась. В то же время, изложенное не ставит под сомнение огромный вклад отечественных ученых-оружейников в поддержание обороноспособности страны во второй половине XIX века: благодаря их усилиям современное для тех времен вооружение российского производства начало поступать в армию [6, с. 20].

Охарактеризованные направления отражают значимость проведенных преобразований в военной сфере. Однако нельзя не признать, что реализация этих и других изменений была сопряжена с массой трудностей. Поэтому анализируемая реформа порождает научные дискуссии в части отдельных аспектов, касающихся оценки ее итогов.

В целом указанную реформу принято оценивать положительно. По крайней мере, реализованные преобразования способствовали искоренению старых сословных пережитков, препятствовавших прогрессу государства и общества в рассматриваемой сфере. Однако, реформа часто оценивается как не вполне завершенная. И в этой связи возникает вопрос о целесообразности или возможности ее положительной оценки. К тому же и в искоренении пережитков некоторые авторы сомневаются.

Проанализированные преобразования военной сферы, безусловно, были крайне значимы для того времени, что не представляется возможным отрицать. Одновременно с этим, незавершенность и неполноту реформы отрицать невозможно. Но такие недостатки присущи также многим другим реформам, которые проводились в разные времена

в дореволюционной России, Советской России, современной России. Поэтому некоторая незавершенность и неполнота вполне естественны для любых государственно-правовых преобразований.

Безусловно, положительно следует отметить переход к всеобщей воинской повинности, что кардинально изменило саму систему обеспечения обороны страны. Результаты реформы в этом аспекте отразились и на всей последующей отечественной истории. В этой связи можно сказать, что в части всеобщей воинской повинности положительный эффект носил долгосрочный характер. Изложенное также не означает, что иные преобразования были несущественными; но их роль представляется менее значимой.

Несмотря на положительную оценку, важно подчеркнуть отсутствие изначальных планов качественной перестройки военной системы [5]. По этой причине более существенных изменений вряд ли можно было бы ожидать. В этом смысле некоторая неполнота в самой идее реформы презюмировалась изначально.

Качественно перестроить военную систему полностью, как можно полагать, не позволял и сам характер Российского государства и общества. Во второй половине XIX века по-прежнему сохранялась феодально-крепостническая система, причем уже в стадии разложения, когда был очевиден рост классовых противоречий и формировалась новая буржуазная идеология [6, с. 6]. Отсюда и сохранение некоторых пережитков, носивших сословный характер, видится закономерным.

Нельзя не обратить внимание на проблематику исключительно юридического характера. Во второй половине XIX века кардинальные изменения претерпело правовое регулирование практически всех сфер юридически значимых отношений, в связи с чем умножался и объем нормативных актов. Это позволяло различным ведомствам, в том числе военному, использовать указанный нюанс в собственных интересах, в различных ситуациях ссылаясь на старые либо новые законы, в зависимости от специфики конкретной ситуации [1, с. 68]. В этом видится проявление несовершенства проведенной реформы. С другой стороны, и в современных реалиях вполне распространена практика неединообразного толкования и применения законов и подзаконных актов разными ведомствами в собственных интересах, в зависимости от конкретной ситуации.

Среди проблем, которые в значительной степени усложняли разработку и реализацию реформы армии, причем не в отдельных аспектах, а в целом, можно отметить наличие противоречий в руководстве страны. Так, имело место противодействие реформе со стороны весьма высокопоставленных лиц. В частности, среди противников преобразований выделялся фельдмаршал князь А.И. Барятинский, которому более близка была прусская система организации и управления в армии [6, с. 14].

Также присутствовал конфликт интересов между представителями военного министерства и финансистами. Но необходимость реформы армии признавали если не все, то, по крайней мере, большинство представителей армейского руководства и приближенных к императору. Были спорные вопросы, касавшиеся определения приоритетов и некоторых нюансов реформы. Причем предложения зачастую высказывались диаметрально противоположные: например, об усилении бюрократического контроля с одной стороны, а с другой – о децентрализации военного управления. Не оставались без внимания и многие нюансы самого военного дела, а именно подготовки офицерского корпуса, обучения самих солдат военному делу, усиления дисциплины и порядка [16, с. 72].

Споры имели место уже в 1860-х годах, когда потребность в преобразованиях армии была очевидна, в том числе в связи с участием в Крымской войне. Тогда были известны недостатки в комплектовании, подготовке офицерского состава, обеспечении вооружением и пр. [15, с. 42]. Однако взгляды относительно конкретных мер и финансирования по-прежнему различались. Это не позволило провести преобразования более системно. Но, несмотря на трудности, особенно финансовые, базовые изменения осуществить удалось, что дает возможность в целом положительно оценивать изучаемую реформу.

Положительная оценка становится еще более уверенной, если учесть, что в литературе рассматриваемая реформа описывается как наиболее завершенная в сравнении с прочими преобразованиями Александра II [13, с. 264]. При этом в целом его реформы в отдельных трудах даже именуют великими [9, с. 157].

Выводы

Военная реформа, проведенная в Российской империи во второй половине XIX века, была тщательно спланированным, хотя и трудно реализуемым комплексом мероприятий, нацеленным на решение широкого спектра проблем, прежде всего, связанных с адаптацией оборонной сферы к новым реалиям перехода к капитализму.

Оценка реформы дается исключительно положительная, по крайней мере, с учетом состояния государства и права, которое имело место в середине XIX века. Вряд ли можно было ожидать от анализируемой реформы большего, чем она дала де-факто. Но сократить до минимума численность армии в мирное время и сформировать большой мобилизационный резерв на случай войны реформа позволила.

Наиболее значимым элементом рассматриваемой реформы автор предлагает считать замену крайне несправедливой и жесткой рекрутской повинности введением всеобщей воинской повинности (обязанности), что заложило фундамент для перехода военной службы от повинности, зачастую сравнимой с наказанием, к почетной обязанности и делу чести. Такой подход получил дальнейшее развитие в Советском Союзе и современной Российской Федерации.

Литература

1. Барыкина И.Е. Между самодержавием и автократией (Внутренняя политика Российской империи второй половины XIX в.: государственное управление и самодержавная власть). – СПб.: СПб АППО, 2016. – 204 с.
2. Баяндин В.И. Всеобщая воинская повинность как часть военных реформ императора Александра II // Гуманитарные науки в Сибири. – 2011. – № 2. – С. 18–21.
3. Бенда В.Н., Леонов Е.А. Мобилизационные резервы и запасные войска в русской армии в рамках военных реформ 60–70-х гг. XIX века // История и современное мировоззрение. – 2024. – Т. 6, № 1. – С. 33–41.
4. Вертеловский А.Ф. Реформы императора Александра II: исторический очерк. – Харьков: Унив. тип., 1880. – 46 с.
5. Володина Т.А., Юдин С.С. От Крымской войны к военным реформам: предыстория преобразований в русской армии, 1856–1862 // Былые годы. – 2023. – № 18(3). – С. 1219–1226.
6. Зайончковский П.А. Военные реформы 60–70 годов XIX века: автореф. дис. … д-ра ист. наук. – М., 1950. – 28 с.
7. Ермолов А.Ю. Военная промышленность и экономическое развитие России: исторический обзор (Часть 1) // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2024. –Том 14. – № 12А. – С. 300–318.
8. Кухарук А.В. Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I: дис. … канд. ист. наук. – М., 1999. – 235 с.
9. Мезенцев С.Д., Матюхин А.В. Либеральные социально-политические реформы Александра II: причины, сущность, характер // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2023. – Т. 29, № 4. – С. 150–160.
10. Пряхин Ю.В. Деятельность Российского государства по воинскому воспитанию военнослужащих в период военных реформ (1855–1914 гг.): дис. … канд. ист. наук. – М., 2026. – 239 с.
11. Романова Л.Н., Шарипова Т.Л. Деятельность Военного министерства времен императорской России: успехи и неудачи армейских реформ // Гуманитарный вестник Военной академии Ракетных войск стратегического назначения. – 2022. – № 4(30). – С. 131–139.
12. Рудник С.Н. Великие реформы в России 1860–1870 годов: Эпоха и люди: монография – СПб.: Изд. РГГМУ, 2013. – 176 с.
13. Собожников Н.А. Демократизация в Российской Империи: реформа вооруженных сил Д.А. Милютина в 60–70-е гг. XIX в. // Kant. – 2018. – № 1(26). – С. 259–265.
14. Спирин Р.Б., Немцов А.В., Щукин В.Д. Преобразования русской армии во второй половине XIX века // Известия Российской академии ракетных и артиллерийских наук. – 2021. – № 4. – С. 105–113.
15. Степанов В.Л. Финансисты и генералы: дискуссии о военных расходах в правящих кругах Российской империи (1860-е – начало 1890-х гг.) // Российская история. – 2022. – № 3. – С. 41–65.
16. Шевырев А.П., Юдин С.С. Военные реформы и модернизация Русской армии: достижения и неудачи // Клио. – 2024. – № 11 (215). – С. 70–79.
17. Юдин С.С Дело Затлера: коррупция и реформы после Крымской войны 1853–1856 гг. // Клио. – 2026. – № 5 (233). – С. 226–232.

ON SOME PROVISIONS OF THE MILITARY REFORM IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

Avoyan R.A.
RANEPA under the President of the Russian Federation

The aim of this study is to analyze certain provisions of the military reform carried out in the Russian Empire in the second half of the 19th century. The author examines the main prerequisites for this reform; describes the key stages of its implementation and provides

a general characterization of it, including taking into account the key areas. Attention is drawn to the close relationship between Alexander II's military reforms and his other reforms, especially the abolition of serfdom. Certain aspects of the military reform are examined in more detail. Particular emphasis is placed on the transition from conscription to universal military service (obligation), which is proposed to be regarded as a key element of the 19th-century army reform. The article also addresses issues related to the formation of the officer corps, the transformation of the system of military courts, and some other aspects. A number of controversial issues concerning the historical and legal assessment of certain outcomes of this reform were discussed. The partial preservation of serfdom remnants is noted, which is regarded as a major shortcoming. Based on the analysis, the author sets out and justifies their own position.

Keywords: military history; military reform; universal conscription; 19thcentury law; conscription; 19thcentury reforms; estatebased remnants.

References

1. Barykina I.E. Between Autocracy and Autocracy (The Domestic Policy of the Russian Empire in the Second Half of the 19th Century: State Administration and Autocratic Power). – St. Petersburg: SPb APPO, 2016. – 204 p.

2. Bayandin V.I. Universal Military Conscription as Part of the Military Reforms of Emperor Alexander II // Humanities in Siberia. – 2011. – № 2. – Pp. 18–21.

3. Benda V. N., Leonov E.A. Mobilization reserves and reserve troops in the Russian army as part of the military reforms of the 1860s-1870s // History and the Modern Worldview. – 2024. – Vol. 6, № 1. – Pp. 33–41.

4. Vertelovsky A.F. Reforms of Emperor Alexander II: a historical essay. – Kharkiv: Univ. typ., 1880. – 46 p.

5. Volodina T.A., Yudin S.S. From the Crimean War to Military Reforms: The Prehistory of Reforms in the Russian Army, 1856–1862 // Bylye Gody. – 2023. – № 18(3). – Pp. 1219–1226.

6. Zayonchkovsky P.A. Military Reforms of the 1860s-1870s: abstract of the dissertation … Doctor of Historical Sciences. – Moscow, 1950. – 28 p.

7. Ermolov A. Yu. Military Industry and Economic Development of Russia: A Historical Overview (Part 1) // Economics: Yesterday, Today, Tomorrow. – 2024. – Volume 14. – № 12A. – Pp. 300–318.

8. Kukharuk A.V. The Active Army in the Military Reforms of the Government of Nicholas I: dissertation … Candidate of Historical Sciences. – Moscow, 1999. – 235 p.

9. Mezentsev S.D., Matyukhin A.V. Liberal socio-political reforms of Alexander II: causes, essence, nature // Bulletin of the Trans-Baikal State University. – 2023. – Vol. 29, № 4. – Pp. 150–160.

10. Pryakhin Yu.V. The Russian State's Activities in Military Education of Military Personnel during the Period of Military Reforms (1855–1914): dissertation … Candidate of Historical Sciences. – Moscow, 2026. – 239 p.

11. Romanova L.N., Sharipova T.L. The Activities of the War Ministry during Imperial Russia: Successes and Failures of Army Reforms // Humanitarian Bulletin of the Military Academy of Strategic Rocket Forces. – 2022. – № 4(30). – Pp. 131–139.

12. Rudnik S.N. Great Reforms in Russia in the 1860s-1870s: The Era and the People: monograph – St. Petersburg: Publishing House of RSHU, 2013. – 176 p.

13. Sobozhnikov N.A. Democratization in the Russian Empire: the Reform of the Armed Forces by D.A. Milyutin in the 1860s-1870s // Kant. – 2018. – № 1(26). – Pp. 259–265.

14. Spirin R.B., Nemtsov A.V., Shchukin V.D. Reforms of the Russian Army in the Second Half of the 19th Century // Proceedings of the Russian Academy of Missile and Artillery Sciences. – 2021. – № 4. – Pp. 105–113.

15. Stepanov V.L. Financiers and Generals: Discussions about Military Spending in the Ruling Circles of the Russian Empire (1860s – early 1890s) // Russian History. – 2022. – № 3. – Pp. 41–65.

16. Shevyrev A.P., Yudin S.S. Military reforms and modernization of the Russian Army: achievements and failures // Klio. – 2024. – № 11 (215). – Pp. 70–79.

17. Yudin S.S. The Zatler case: corruption and reforms after The Crimean War of 1853–1856 // Clio. – 2026. – № 5 (233). – Pp. 226–232.

Теоретико-правовой анализ понятия «электронное правительство»: российский и зарубежный опыт, проблемы терминологии

Ахрамеев Павел Сергеевич,
аспирант кафедры теории государства и права
Московского государственного юридического университета
им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: akhrameev.pavel130@gmail.com

Статья посвящена исследованию теоретико-правовых подходов к пониманию электронного правительства и его места в процессе цифровой трансформации публичного управления. На основе анализа отечественной и зарубежной научной доктрины, подходов международных организаций и нормативно-правовых источников рассматриваются основные этапы становления концепции электронного правительства, особенности её трактовки в западной, китайской и российской моделях. Выявляется терминологическая неопределённость между понятиями «электронное правительство», «электронное государство», «цифровое государство» и «сетевое государство». Обосновывается, что российский подход характеризуется инструментальным и административно-технологическим восприятием электронного правительства, ориентированным на информатизацию государственного управления, развитие электронных услуг и цифровое взаимодействие власти с обществом. Предлагается разграничение электронного правительства и электронного государства, как последовательно расширяющихся форм цифровой трансформации публичной власти, позволяющее определить теоретические предпосылки дальнейшей сетевизации механизма государства.

Ключевые слова: электронное правительство, электронное государство, цифровое государство, сетевое государство, цифровизация, публичное управление, цифровая трансформация, механизм государства, электронное управление, сетевизация.

Введение

Практика цифровой трансформации публичного управления в последние десятилетия развивается быстрее её теоретико-правового осмысления. Государственные порталы, платформы межведомственного взаимодействия и электронные сервисы стали повседневной реальностью, изменив способы предоставления государственных услуг, взаимодействия власти с обществом, а также структуру и организационные принципы механизма государства. При этом базовые юридические категории, описывающие данные процессы, до сих пор не получили однозначного закрепления. Понятие «электронное правительство», вошедшее в научный и политический оборот в 1990-е годы, продолжает оставаться предметом теоретических дискуссий.

Объектом данного исследования являются общественные отношения, возникающие в процессе функционирования электронного правительства и его правового регулирования. Предмет составляют теоретические подходы к определению понятия «электронное правительство» в российской и зарубежной доктрине, позиции международных организаций и нормативные основы его функционирования в Российской Федерации.

Цель исследования заключается в выявлении теоретико-правовой сущности электронного правительства на основе сравнительного анализа отечественных и зарубежных подходов, а также в выработке авторского подхода к определению электронного правительства и его соотношению со схожими категориями цифрового публичного управления.

Актуальность исследования обусловлена отсутствием единого подхода к пониманию электронного правительства как правовой категории. Обращение к зарубежному опыту и позициям международных организаций позволяет выявить как общие закономерности, так и национальную специфику правового оформления данного института.

В связи с междисциплинарным характером исследования, находящегося на стыке теории государства и права, административного права и политической философии, использованы диалектический, общенаучные анализ, синтез, сравнение, системно-структурный, функциональный и междисциплинарный методы, исторический подход, а также историко-правовой и сравнительно-правовой методы.

Основное исследование

Вторая половина XX в. стала отправной точкой переосмысления традиционной бюрократической модели управления, заложенной М. Вебером. Иерархические государственные аппараты индустриальной эпохи оказались недостаточно адаптированы к условиям постиндустриального и информационного общества. Избыточная бюрократизация, дублирование функций, инертность аппарата и высокие расходы на его содержание снижали качество государственных услуг, усиливали отчуждение граждан от власти и подрывали доверие к государству. Особенно остро эти проблемы проявились в 1970–1980-е годы на фоне энергетического кризиса, экономической стагнации и роста активности гражданского общества.

Переход к новым формам управления требовал изменения не только технологий, но и механизма взаимодействия государственных органов того времени между собой и с обществом. При этом отдельные исследователи, к примеру, Ю.Л. Сиваков связывают предпосылки сетевизации публичного управления с практиками еще СССР, как масштабной сети пионерских, комсомольских и партийных организаций, возглавляемых Политбюро ЦК КПСС и генеральным секретарём [12, с. 7–8].

Ответом на кризис классической бюрократии стали концепции «хорошего управления» (good governance) и «нового государственного управления» (New Public Management, NPM). Первая, получившая распространение в документах Всемирного банка в 1992 г., акцентировалась на подотчётности, прозрачности и эффективности государственного сектора, а также участии граждан в управленческих процессах.

NPM, в свою очередь, предполагала перенос в публичное управление принципов частного сектора: результативности, инновационности, конкуренции и децентрализации. Основополагающие идеи данной концепции были развиты К. Худом [17, pp. 3] и Д. Осборном [31], высту-

павшими за более компактное, гибкое и ориентированное на потребности граждан государство. При этом сама традиционная бюрократия, по М. Веберу, основывалась на непрерывности, разделении компетенций, вертикальной иерархии, документированности и нормативной регламентированности [4, с. 256–258].

Одним из первых исследователей, связавших сетевизацию исполнительной власти и информационные технологии с электронной формой государственного управления, был Т. Дворецки, употребивший термин «электронное правительство» (electronic government) в своих работах 1992 г. об электронной демократии [15, pp. 27].

Во второй половине 1990-х годов, на фоне распространения Интернета и цифровых коммуникаций, началась институционализация цифровизации государственного управления. Национальный научный фонд США (NSF) запустил программу «Цифровое правительство» (Digital Government) [25], ориентированную на использование ИКТ в деятельности федеральных органов, повышение эффективности управления и доступности государственных услуг. В дальнейшем данные идеи получили развитие в концепции электронного правительства, закреплённой в Законе об электронном правительстве США 2002 г. [26], где e-Government связывается с использованием Интернета и иных информационных технологий для расширения доступа к государственной информации и услугам и повышения эффективности государственного управления.

В западной доктрине сформировалось несколько подходов к соотношению электронного правительства и более широких форм цифрового управления. Т. Райли выделял последовательные этапы: e-Government, e-Governance и e-Democracy, предполагающие движение от присутствия государства в сети к предоставлению услуг, представительному взаимодействию и электронной демократии [32]. М. Говард, Ф. Баннистер и Н. Волш рассматривали e-Government преимущественно, как предшествующую стадию e-Governance [14, pp. 115] [29].

Д. Стамулис, напротив, не связывал развитие электронного государства с жёсткой последовательностью этапов и выделял функциональные пространства: информационное, коммуникационное, транзакционное и дистрибуционное [21, pp. 151], опираясь на модель А. Ангерна [22]. Б. Куирк дополнял эту картину сферами e-Service, e-Commerce, e-Democracy, e-Decision-making и e-Management [20]. Н. Ханна также рассматривала e-Government не как завершённое явление, а как одну из стадий более широкого понятия e-Development [16, pp. 33].

Особого внимания заслуживает разграничение, предложенное Джаином Палвией и С. Шармой: e-government относится преимущественно к внешнему взаимодействию граждан и иных заинтересованных субъектов с государством, тогда как e-governance охватывает административные и организационные процессы внутри соответствующих организаций [30]. В обобщённом виде западный подход к пониманию электронного правительства можно охарактеризовать, как сложное социальное явление, связанное с трансформацией органов власти, изменением их взаимодействия с общественными институтами и повышением открытости государственного управления [11, с. 147–148].

Развитие электронного правительства в Китае началось в конце 1990-х годов с проекта «Government Goes Online», предусматривавшего перевод государственных сервисов в онлайн-формат, создание электронных баз данных и сетевых платформ [28]. Руководящие принципы электронного правительства были закреплены в 2002 г. Декретом № 17 Аппарата Государственного Совета КНР [34]. В отличие от преимущественно сервисной ориентации ряда западных моделей, китайский подход сочетал повышение эффективности государственного управления с упорядочением компетенции органов власти, межведомственным обменом информацией и усилением контроля центра над региональными структурами.

К.Т. Лю связывал развитие электронного правительства в Китае с повышением административной эффективности, улучшением коммуникации между центральными и региональными органами и своевременным выявлением социальных проблем [19, pp. 76–95]. М. Ляндж и Дж. Чун отмечали, что при формальном акценте на государственных услугах китайская реформа в значительной степени была направлена на усиление центрального контроля за региональными властями посредством надзора и мониторинга [18, pp. 20–37].

На международном уровне также неоднократно предпринимались попытки определить сущность электронного правительства. ООН определяет его через использование ИКТ для взаимодействия граждан, организаций и бизнеса с правительством [27], одновременно допуская более широкое понимание, как совокупности платформ и приложений ИКТ, используемых государственным сектором [24]. Сходный подход представлен Тихоокеанским советом по международной политике, связывающим электронное правительство с эффективностью, подотчётностью и качеством государственных услуг [33]. «Gartner Group» дополняет его возможностью участия граждан в государственном управлении [23].

Отечественная правовая мысль в целом восприняла основные доктринальные положения зарубежных исследований. Уже в начале 2000-х гг. М.С. Вершинин связывал развитие электронного правительства с интерактивным взаимодействием государства и граждан посредством Интернета, очевидно предвещая развитие электронных государственных услуг [5, с. 7]. Схожий подход сохраняется и в современных исследованиях. К примеру, Е.В. Бурденко [3, с. 63], Е.Г. Иншакова [9, с. 18], С.В. Габуев [6, с. 37] и другие рассматривают электронное правительство также, как средство взаимодействия органов власти и граждан при оказании электронных государственных услуг.

Вместе с тем отечественная доктрина включает и более широкие трактовки. О.Ю. Ивойлова связывает развитие e-government с формированием e-citizen и электронной демократии, основанной на участии граждан в деятельности органов власти, открытости и прозрачности процедур [8, с. 53].

Характерной чертой российского подхода остаётся также перенятая у западной теории терминологическая неопределённость. К.В. Черкасов и Д.А. Захаревич рассматривают «цифровое государство», как структурный элемент электронного правительства и электронной демократии, имеющий инструментальный характер [13, с. 40]. И.Ю. Богдановская допускает даже смешение терминов, ссылаясь на Закон США «Об электронном государстве», который в оригинальном его содержании посвящен именно электронному правительству [2, с. 105]. В.В. Люблинский в разрезе анализа современного социального государства, использует совместный термин «цифро-сетевое общество» [10, с. 110].

В этой связи К.С. Евсиков обоснованно предлагает разграничивать понятия «электронное» и «цифровое». Электронное правительство следует связывать преимущественно с информатизацией и автоматизацией административных процедур, тогда как цифровое предполагает переход к модели управления, основанной на больших данных, искусственном интеллекте, алгоритмизации и платформах [7, с. 1036].

Нормативное определение электронного правительства в России содержится в Распоряжении Правительства РФ от 6 мая 2008 г. № 632-р [1], где оно определяется, как новая форма организации деятельности органов государственной власти, обеспечивающая посредством ИКТ повышение оперативности и удобства получения государственных услуг и доступа к информации о деятельности государственных органов. Таким образом, российский национальный подход к электронному правительству характеризуется преимущественно инструментальным и административно-технологическим восприятием. Оно рассматривается как форма модернизации государственного управления посредством информатизации административных процедур, развития электронных услуг, цифровых каналов взаимодействия власти с гражданами и обеспечения доступа к государственной информации. При этом совершенствование существующего государственного аппарата выражено сильнее, чем трансформация содержания управленческих процессов, организационной структуры государства и распределения управленческих возможностей между государством и обществом. В результате российская модель может быть охарактеризована как преимущественно государственно-центричная система цифровой модернизации публичного управления.

Сравнительный анализ позволяет также разграничить понятия «электронное(цифровое) правительство» и «электронное государство». По мнению автора, сетевое государство следует рассматривать, как следующий этап эволюции электронного правительства, предполагающий переход от цифровизации отдельных административных процессов к распределённой организации публичной власти на основе горизонтального взаимодействия и обмена данными.

В предлагаемой системе категорий «электронное государство» является более широким понятием по отношению к «электронному правительству». Если последнее охватывает преимущественно деятельность исполнительной власти и её взаимодействие с гражданами, то электронное государство представляет собой политико-правовой формат, в котором основные направления государственной деятельности и общественно-политической и социально-экономической жизни реализуются на основе цифровых технологий и сетевой инфраструктуры. Такой подход позволяет уточнить соотношение рассматриваемых категорий и создать теоретическую основу для дальнейшего правового оформления сетевизации механизма государства.

Заключение

Проведённое исследование показывает, что развитие представлений об электронном правительстве отражает более глубокую трансформацию публичной власти: переход от преимущественно иерархических

моделей к более открытым и функционально дифференцированным формам организации. Концепции «хорошего управления» и «нового государственного управления» стали теоретическим выражением этого процесса, а электронное правительство выступило одним из его институциональных воплощений.

Сравнение отечественных, западных и китайских подходов демонстрирует отсутствие универсальной модели цифровизации публичного управления. Национальные различия определяются прежде всего целями цифровой трансформации: повышением прозрачности и участия граждан, административной эффективности либо усилением централизованного контроля. Поэтому правовое оформление электронного правительства неизбежно отражает политико-правовую специфику конкретного государства.

Общей проблемой остаётся отставание правового и теоретического осмысления от технологического развития. Понятия электронного, цифрового и сетевого государства нередко используются как взаимозаменяемые, хотя отражают различные уровни трансформации публичной власти.

Предложенное разграничение понятий «электронное правительство», «электронное государство» и «сетевое государство» позволяет представить их как последовательное расширение цифровой трансформации: от инструмента взаимодействия государства с гражданами к цифровой организации всей публичной власти и далее к её распределённой сетевой модели.

Литература

1. Распоряжение Правительства РФ от 6 мая 2008 г. № 632-р «О Концепции формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 г.» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 20. Ст. 2372.

Русскоязычные источники:

2. Богдановская И.Ю. Электронное государство // Общественные науки и современность. 2004. № 6. С. 105–111.

3. Бурденко Е.В. Модели электронного правительства // Вопросы инновационной экономики. 2023. Т. 13. № 1. С. 59–76.

4. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. Т. 1: Социология. М., 2016. 445 с.

5. Вершинин М.С. Политическая коммуникация в информационном обществе. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2001. 253 с.

6. Габуев С.В. Электронное правительство: проблемы эффективности политического управления (сравнительный анализ российского и мирового опыта): дис. … канд. полит. наук: 23.00.02. 2019. 225 с.

7. Евсиков К.С. Эволюция концепции правового регулирования использования информационных технологий в государственном управлении // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2023. № 33(6). С. 1033–1039.

8. Ивойлова О.Ю. Электронное правительство в формировании позитивного имиджа региона // Вопросы государственного и муниципального управления. 2008. № 3. С. 51–60.

9. Иншакова Е.Г. Электронное правительство в публичном управлении: монография. 1-е изд. М.: Издательство Юрайт, 2017. 139 с.

10. Люблинский, В.В. Социальное государство: проблемы и приоритеты в цифро-сетевом обществе / В.В. Люблинский, Л.В. Макушина // Среднерусский вестник общественных наук. – 2019. – Т. 14, № 4. – С. 108–122.

11. Садиков С.А. Узбекистан: от электронного правительства к умному правительству: модель и этапы развития // Вестник Казахского гуманитарно-юридического инновационного университета. 2020. № 2(46). С. 146–152.

12. Сиваков, Ю.Л. Некоторые особенности управленческой деятельности в условиях сетевого государства и цифровой трансформации общества / Ю.Л. Сиваков // Вести Института предпринимательской деятельности. – 2020. – № 1(22). – С. 5–12.

13. Черкасов К.В., Захаревич Д.А. «Открытое правительство» и «Электронное правительство»: вопросы соотношения концепций государственного управления // Гражданин и право. 2016. № 2. С. 40–46.

14. Bannister F., Walsh N. The virtual public servant: Ireland's public services broker // Information Polity. 2002. Vol. 7. Nos. 2–3. pp. 115–127.

15. Dworetzky T. Political Science: Electronic Democracy // Omni. 1992. Vol. 14. № 5. pp. 27.

16. Hanna N. E-Government and e-Leadership // E-Governance: A Global Perspective on a New Paradigm. 2007. Vol. 1. pp. 33–37.

17. Hood C. A Public Management for All Seasons? // Public Administration. 1991. Vol. 69. № 1. pp. 3–19.

18. Lianjie M., Chung J., Thorson S. E-Government in China: Bringing Economic Development Through Administrative Reform // Government Information Quarterly. 2005. Vol. 22. pp. 20–37.

19. Liou K.T. E-Government Development and China's Administrative Reform // International Journal of Public Administration. 2007. Vol. 31. № 1. pp. 76–95.

20. Quirk B. From Managing Change to Leading Transformation. United Kingdom: Paper presented at the E-Government Summit, December 2000.

21. Revisiting public information management for effective e-government services / D. Stamoulis, D. Gouscos, P. Georgiadis, D. Martakos // Information Management and Computer Security. 2001. Vol. 9. № 4. pp. 146–153.

22. Angehrn A. Designing mature Internet business strategies: the ICDT model // European Management Journal. 1997. Vol. 15. № 4. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0263237397000169 (дата обращения: 10.09.2026).

23. Baum C., Di Maio A. Gartner's four phases of e-government model. 2000. URL: http://www.gartner.com/DisplayDocument?id=317292 (дата обращения: 10.09.2026).

24. Benchmarking E-government: A Global Perspective 2001. URL: https://desapublications.un.org/publications/benchmarking-e-government-global-perspective-2001 (дата обращения: 10.09.2026).

25. Designing the Digital Government of the 21st Century: A Multidisciplinary Workshop. URL: https://www.ctg.albany.edu/projects/diggov/ (дата обращения: 10.09.2026).

26. E-Government Act of 2002. URL: https://www.justice.gov/opcl/e-government-act-2002 (дата обращения: 10.09.2026).

27. E-Government Survey in Media. URL: https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Home/E-Government-Survey-in-Media/ID/1376/A-General-Framework-for-E-Government-Definition – Maturity-Challenges-Opportunities-and-Success (дата обращения: 10.09.2026).

28. Government Goes Online. URL: http://www.china.org.cn/english/China/50908.htm (дата обращения: 10.09.2026).

29. Howard M. E-Government across the globe: How will «e» change government? // Government Finance Review. 2001. Vol. 17. № 4. URL: https://www.academia.edu/2259802/e_Government_Across_the_Globe_How_Will_e_Change_Government (дата обращения: 10.09.2026).

30. Jain Palvia S.C., Sharma S.S. E-Government and E-Governance: Definitions/Domain Framework and Status around the World. URL: https://www.academia.edu/6283380/E_Government_and_E_Governance_Definitions_Domain_Framework_and_Status_around_the_World (дата обращения: 10.09.2026).

31. Reinventing Government: What a Difference a Strategy Makes. 2007. URL: https://thetechnocratictyranny.com/PDFS/unpan025253_Osborne_Reinventing_Government.pdf (дата обращения: 10.09.2026).

32. Riley T.B. Electronic governance and electronic democracy: living and working in the wired world. London: The Commonwealth Secretariat, 2000. 130 p. URL: https://archive.org/details/electronicgovern0000rile/page/n5/mode/2up (дата обращения: 10.09.2026).

33. Roadmap for E-government in the Developing World. URL: https://www.pacificcouncil.org/sites/default/files/related_resources_files/e-gov.paper_.f.pdf (дата обращения: 10.09.2026).

34. 电子政务外网建设解决方案 (Решения по построению внешних сетей электронного правительства). URL: https://blog.csdn.net/junge_sys/article/details/118518639 (дата обращения: 10.09.2026).

THEORETICAL AND LEGAL ANALYSIS OF THE CONCEPT OF «E-GOVERNMENT»: RUSSIAN AND FOREIGN EXPERIENCE, PROBLEMS OF TERMINOLOGY

Akhrameev P.S.
Postgraduate student of the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The article is devoted to the study of theoretical and legal approaches to understanding e-government and its place in the process of digital transformation of public administration. Based on an analysis of domestic and foreign scientific doctrine, the approaches of international organizations, and regulatory and legal sources, the main stages in the formation of the e-government concept are examined, along with the specific features of its interpretation in Western, Chinese, and Russian models. The article reveals the persistent terminological uncertainty between the concepts of «e-government», «e-state», «digital state» and «network state». It is substantiated that the Russian approach is primarily characterized by an instrumental and administrative-technological perception of e-government, focused on the informatization of public administration, the development of electronic services, and the digital interaction between the authorities and society. A distinction is proposed between e-government and e-state as progressively expanding forms of digital transformation of public power, which makes it possible to identify the theoretical prerequisites for the further networkization of the state mechanism.

Keywords: e-government, e-state, digital state, network state, digitalization, public administration, digital transformation, mechanism of the state, e-governance, networkization.

References

1. Order of the Government of the Russian Federation dated May 6, 2008, № 632-r «On the Concept for the Formation of E-Government in the Russian Federation until 2010» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2008. № 20. Art. 2372.

Russian-language sources:

2. Bogdanovskaya I.Yu. E-State // Social Sciences and Modernity. 2004. № 6. Pp. 105–111.

1. Burdenko E.V. Models of e-government // Issues of Innovative Economy. 2023. Vol. 13. № 1. Pp. 59–76.

4. Weber M. Economy and Society: Essays in Understanding: in 4 vols. Vol. 1: Sociology. Moscow, 2016. 445 p.

5. Vershinin M.S. Political Communication in the Information Society. St. Petersburg: V.A. Mikhailov Publishing House, 2001. 253 p.

6. Gabuev S.V. E-government: Problems of the Effectiveness of Political Governance (a Comparative Analysis of Russian and Global Experience): dis. … Cand. Polit. Sci.: 23.00.02. 2019. 225 p.

7. Evsikov K.S. Evolution of the Concept of Legal Regulation of the Use of Information Technologies in Public Administration // Bulletin of Udmurt University. Series «Economics and Law». 2023. № 33(6). Pp. 1033–1039.

8. Ivoilova O.Yu. E-government in shaping a positive image of a region // Issues of State and Municipal Administration. 2008. № 1. Pp. 51–60.

9. Inshakova E.G. E-government in public administration: a monograph. 1st ed. Moscow: Yurayt Publishing House, 2017. 139 p.

10. Lyublinsky, V.V. Social State: Problems and Priorities in a Digital Network Society / V.V. Lyublinsky, L.V. Makushina // Central Russian Journal of Social Sciences. – 2019. – Vol. 14, № 4. – Pp. 108–122.

11. Sadikov S.A. Uzbekistan: From E-Government to Smart Government: Model and Stages of Development // Bulletin of the Kazakh Humanitarian and Law Innovation University. 2020. № 2(46). Pp. 146–152.

12. Sivakov, Yu.L. Some Features of Management Activities in the Context of a Network State and the Digital Transformation of Society / Yu.L. Sivakov // Vestnik Instituta predprinimatelskoy deyatelnosti. – 2020. – № 1(22). – Pp. 5–12.

13. Cherkasov K.V., Zakharevich D.A. «Open Government» and «E-Government»: Issues of the Relationship between Concepts of Public Administration // Grazhdanin i Pravo. 2016. № 2. Pp. 40–46.

14. Bannister F., Walsh N. The virtual public servant: Ireland's public services broker // Information Polity. 2002. Vol. 7. Nos. 2–3. pp. 115–127.

15. Dworetzky T. Political Science: Electronic Democracy // Omni. 1992. Vol. 14. № 5. pp. 27.

16. Hanna N. E-Government and e-Leadership // E-Governance: A Global Perspective on a New Paradigm. 2007. Vol. 1. pp. 33–37.

17. Hood C. A Public Management for All Seasons? // Public Administration. 1991. Vol. 69. № 1. pp. 3–19.

18. Lianjie M., Chung J., Thorson S. E-Government in China: Bringing Economic Development Through Administrative Reform // Government Information Quarterly. 2005. Vol. 22. pp. 20–37.

19. Liou K.T. E-Government Development and China's Administrative Reform // International Journal of Public Administration. 2007. Vol. 31. № 1. pp. 76–95.

20. Quirk B. From Managing Change to Leading Transformation. United Kingdom: Paper presented at the E-Government Summit, December 2000.

21. Revisiting public information management for effective e-government services / D. Stamoulis, D. Gouscos, P. Georgiadis, D. Martakos // Information Management and Computer Security. 2001. Vol. 9. № 4. pp. 146–153.

22. Angehrn A. Designing mature Internet business strategies: the ICDT model // European Management Journal. 1997. Vol. 15. № 4. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0263237397000169 (дата обращения: 10.09.2026).

23. Baum C., Di Maio A. Gartner's four phases of e-government model. 2000. URL: http://www.gartner.com/DisplayDocument?id=317292 (дата обращения: 10.09.2026).

24. Benchmarking E-government: A Global Perspective 2001. URL: https://desapublications.un.org/publications/benchmarking-e-government-global-perspective-2001 (дата обращения: 10.09.2026).

25. Designing the Digital Government of the 21st Century:

A Multidisciplinary Workshop. URL: https://www.ctg.albany.edu/projects/diggov/ (дата обращения: 10.09.2026).

26. E-Government Act of 2002. URL: https://www.justice.gov/opcl/e-government-act-2002 (дата обращения: 10.09.2026).

27. E-Government Survey in Media. URL: https://publicadministration.un.org/egovkb/en-us/Home/E-Government-Survey-in-Media/ID/1376/A-General-Framework-for-E-Government-Definition – Maturity-Challenges-Opportunities-and-Success (дата обращения: 10.09.2026).

28. Government Goes Online. URL: http://www.china.org.cn/english/China/50908.htm (дата обращения: 10.09.2026).

29. Howard M. E-Government across the globe: How will «e» change government? // Government Finance Review. 2001. Vol. 17. № 4. URL: https://www.academia.edu/2259802/e_Government_Across_the_Globe_How_Will_e_Change_Government (дата обращения: 10.09.2026).

30. Jain Palvia S.C., Sharma S.S. E-Government and E-Governance: Definitions/Domain Framework and Status around the World. URL: https://www.academia.edu/6283380/E_Government_and_E_Governance_Definitions_Domain_Framework_and_Status_around_the_World (дата обращения: 10.09.2026).

31. Reinventing Government: What a Difference a Strategy Makes. 2007. URL: https://thetechnocratictyranny.com/PDFS/unpan025253_Osborne_Reinventing_Government.pdf (дата обращения: 10.09.2026).

32. Riley T.B. Electronic governance and electronic democracy: living and working in the wired world. London: The Commonwealth Secretariat, 2000. 130 p. URL: https://archive.org/details/electronicgovern0000rile/page/n5/mode/2up (дата обращения: 10.09.2026).

33. Roadmap for E-government in the Developing World. URL: https://www.pacificcouncil.org/sites/default/files/related_resources_files/e-gov.paper_.f.pdf (дата обращения: 10.09.2026).

34. 电子政务外网建设解决方案 (Решения по построению внешних сетей электронного правительства). URL: https://blog.csdn.net/junge_sys/article/details/118518639 (дата обращения: 10.09.2026).

О конституционно-правовом установлении «веры в Бога» и опыте общетеоретического исследования-толкования новелл ст. 67.1 Конституции Российской Федерации как духовно-нравственных и правовых основ формирования понятия межотраслевого правового института покаяния

Галузин Александр Александрович,
независимый исследователь, прокурор Кошкинского района Самарской области
E-mail: gall11@mail.ru

Статья 67.1 Конституции Российской Федерации структурирована как системность новелл-категорий, правоустанавливающих в этом качестве исторически сформированные в создании Российской цивилизации поколениями многонационального и многоконфессионального социума народов идеи, идеологемы, идеалы, нормы поведения, моральные и духовно-нравственные и иные ценности национального кода россиян, которые в истоках своего содержания являются религиозно-богословскими, ставшими в общественном сознании, идеологии и культуре в эпоху Просвещения – перехода от религиозного к светскому мировоззрению, экстремально революционно обособленными в богоборческий период советской власти, общечеловеческими социокультурными традиционными ценностями.

Например, в ст. 67.1 Конституции Российской Федерации они сформулированы как «идеалы предков», «память предков», «преемственность в развитии Российского государства», «исторически сложившееся государственное единство».

Лингвистический анализ построения структуры и смыслового содержания, формул изложения новелл ст. 67.1 Конституции Российской Федерации в их системных взаимосвязях выделяет категорию «веры в Бога» в полном объеме содержания основной и смыслоопределяющей значения слов, обозначающих каждую категорию – новеллу и в их взаимосвязях. Вся законодательно формализированная системность новелл является правовой основой, источником формирования понятия межотраслевого правового института покаяния лица, совершившего правонарушение, как индивидуального личностного духовно-нравственного и юридического по форме процесса, который недопустимо отождествлять в теории и практике с коллективным покаянием и с нигде и никогда не происходившем покаянием народов за содеянное предками.

Новеллы Конституции ориентируют на использование в юриспруденции и юридической практике научного богословского понимания Веры и Бога как Личности трансцедентного абсолюта благодати, верности, воли, всемогущества, любви, разума, святости, силы, славы, предстающего в светском социокультурном контексте духовно-нравственным идеалом и основой идеологии аврамических религий как власти Духовной. Категория «веры в Бога» привнесла правовую определенность в идеологические и иные взаимоотношения религиозных конфессий с обществом и государством: конфессии отделены от государства – не обладают государственно-властными полномочиями, но их власть Духовная, не являясь государственной, не отделена от общества и государства и гарантирована как «свобода вероисповедания религиозных убеждений и действий в соответствии с ними в рамках закона» (ст. 28 Конституции Российской Федерации).

В конституционно-правовом установлении «веры в Бога», образующем системность категорий-новелл, и в каждой из которых и в их системности узаконена моральная духовно-нравственная религиозная и светская ценность исторически сформированных предками и современных идей, идеалов, традиций и иных элементов национального кода народов России. В этом качестве категории-новеллы ст. 67.1 Конституции Российской Федерации являются конституционными общеправовыми принципами и правоустановлениями, как определяющими идеологию, вектор, программы духовно-нравственного развития личности, государства, права, правоприменительной практики.

Ключевые слова: вера в Бога, идея, идеал, идеологема, идеология, категория, право, принцип, покаяние, религиозные конфессии, системность, толкование.

Президент Российской Федерации В.В. Путин в Послании Совету Федерации 15 января 2020 года предложил внести изменения в Конституцию Российской Федерации, провести обсуждение и голосование граждан по всему пакету поправок, законопроект которых 21 января 2020 года внес в Государственную Думу Российской Федерации [1]. И все отечественные СМИ информировали о высказанном 1 февраля 2020 года Патриархом Московским и Всея Руси Кириллом законопредложении внести упоминание о Боге в Конституцию Российской Федерации, ожидаемое в постсоветской России, мотивированном провозглашением в Государственном гимне России «Хранимая Богом родная земля» [2].

Призыв Патриарха Кирилла к представителям других конфессий о содействии в «присутствии… возвышенной идеи веры в Бога, которая формирует нравственность личную, и общественную, и политическую в нашей Конституции», поддержали Верховный Муфтий России, руководство Конгресса еврейских религиозных общин и организаций России, участники объединенного заседания Межрегионального Совета России и Христианского межконфессионального консультативного Совета, на котором Патриарх Кирилл определил «упоминание веры в Бога» как «не несущее угрозы светскому характеру Российской государственности», как «закрепление духовной преемственности народов страны и данью памяти пострадавшим во время гонений на религию», как ценность и гарантию «благополучия личности учетом трансцедентного измерения жизни людей» [2]. Этими высказываниями была задана сущностная смысловая определенность объему содержания, форме, месту, значению в категориально-понятийной системе Конституционного права узаконению упоминания веры в Бога, последующим его толкованиям, в том числе в данной статье.

В лаконизм и сущностную емкость фразы Конституции «вера в Бога» вводит слово из законопредложения Патриарха Кирилла «упоминание» – это и вспоминание, и поминовение, и напоминание о Вере – авт., концентрирует внимание на в высокой степени абстрактности выражение многомерного объема религиозных и социокультурных ценностей познанного богословием понимания возвышенной идеи Веры в Бога как фундаментального во всех авраамических религиях принципа – идеи как основной мысли, побуждающей к действию – авт., познания и вероисповедания Бога.

Богословское познание достоверно раскрывает посредством теологического инструментария и критериев восприятия и анализа в Божественных откровениях в Библии, Коране, Торе, Священных преданиях Пророков, Святых Апостолов, Отцов и Учителей Церкви объективность феномена Абсолюта Личности Бога [2, с. 386], определяющую убежденность и сущностность направленности веры Богу, не требующих и не исключающих иных научных подтверждений.

Слово «упоминание» обозначает и введение в фундаментальные конституционные политико-правовые установления и констатации доправового свойства религиозных, социокультурных идей, идеалов, принципов, ценностей абсолютно новой в праве категории и понятия «веры в Бога», которая – вера – исторически овладевала и материализовывалась предками в создании морально-нравственных устоев Российской цивилизации, религиозной в истоках содержания, из которого позднее светской культурой морально-нравственная составляющая Веры в Бога обособлена в национальный социокультурный код, включающий морально-нравственные идеалы, принципы, ценности, например, в советский моральный кодекс строителя коммунизма, в общечеловеческие морально-нравственные ценности в их социальном, культурном, идеологическом, политическом функционале, системообразующем как нравственность личности воцерковленной, верующей или разделяющей религиозно-общечеловеческие ценности, так и в основы и нормативы права, правовой политики, правоотношений во всех сферах Российской государственности.

В лаконичной форме изложения научно аргументированного богословского и светского понимания предправового факта реальности Бога в многоконфессиональной многонациональной России и его правообразующего и правореализационного потенциала, очерчиваю-

щего и их религиозную и светскую формы конституционной правовой определенности, законодатели включили «веру в Бога» в ч. 2 ст. 67.1 Главы 3 «Федеративное устройство» Конституции Российской Федерации, которая с другими поправками была принята Государственной Думой и одобрена Советом Федерации 11 марта 2020 года [4, с. 64]. За это проголосовали 1 июля 2020 года 77,2% из 67, 97% принявших участие в голосовании россиян и 4 июля 2020 года все поправки в Конституцию по указу Президента Российской Федерации вступили в законную силу [5].

Таким образом новая для Конституции категория, обозначающая прежде всего идею – основной принцип конфессий авраамических религий «веры в Бога», обрела и правовые свойства формы нормы права и ее юридико-правовой реализации: верховенства и обязательности прямого и опосредованного в федеральном законодательстве отраслей публичного и частного права и в сочетании с ним действия; субъективного права и обеспечивающих его реализацию и защиту юридико-правовых средств и методов; необходимости научного, правоприменительного, включая судебное, толкования этого конституционного установления как средств содействия адаптации его многозначности – идеи, идеала, принципа, программы, в категориально-понятийной среде части 2 статьи 67.1, иных частей статьи 67.1, самой статьи в системе категорий и норм глав в Конституции и федерального законодательства в их функциональных взаимосвязях в правоприменении и правотворчестве.

Вера человека в Бога – трансцедентного (потустороннего для мира человека) бытия Создателя мира людского и земного для них Абсолюта нравственности личности человека, передается из поколения в поколение с убежденностью и решительностью, превышающими силу любых внешних фактических и формально-логических доказательств [6, с. 352] издревле априорным и подтверждаемым опытом человеческого бытия знанием существования и истинности Бога и веры в Бога, являющих человеку сущность истин нравственности, правды, справедливости земного бытия.

Вера предстает исторически принятым из мировых аврамических религий и по своим жизненным потребностям создаваемым многонациональным народом России феноменом существования и безопасности суверенной государственности и ее культуры на фундаменте и в векторе универсальных (общечеловеческих) правил нравственности самовоспроизводства в признании в своей экзистенциальной реальности Бытия Бога, в доверии и верности Ему [7, с. 404–407], открывающемуся и присутствующему в жизни человека Божественной Личностью трансцедентного Абсолюта благодати, верности, воли, всемогущества, любви, разума, святости, силы, славы [7, с. 386–387]. В этой связи приведем высказывание историка и богослова Лосского В.Н.: «…если для философского понимания Бога характерна Вера в идею Бога, а в итоге подчинение идее Бога, то для христианского богословия основой Веры является живое присутствие личного Бога, познаваемого в Откровении» [8, с. 149–168].

В части 2 статьи 67.1 Конституции абсолютная для нее новелла категория «идеалы» обрела следующий контекст: «Российская Федерация…сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога…», в котором объем ее содержания и обозначаемого им понятия предопределяет слово «предков», то есть это содержание предопределено как «идеалы предков» и слово «предки» дает смысловое указание на требуемое им направление поиска и наполнения объема содержания значение термина «идеалы». В русском языке слово идеал обозначает идею, мысль и первообраз совершенства [8, 9, 10, 11, 12], а в правоведении основополагающую идею определяют как принцип [13, 14, 15].

Во фрагменте «…идеалы и веру в Бога…» сочинительно-соединительный союз «и» отделяет и выделяет «веру в Бога» в самостоятельный идеал предков, отличающийся и соединением в себе двух различных идеалов «Веры» в значении религиозной в широком ее значении и «Бога», каждый из которых и в их взаимосвязи значимые в обществе и государстве идеалы и принципы.

Перечень из трех названных идеалов в ч. 2 ст. 67.1 Конституции завершает формула четвертого идеала, следующая в логике перечисления в контексте «…веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства…» за союзом «также», равнозначным союзу «и», присоединяющим «преемственность» к перечню идеалов, обозначая в нем самостоятельный в своем значении идеал предков.

Категория «веры в Бога» в значении принципа в системе принципов Конституции, определяющих духовно-нравственную основу вектора конституционного политико-правового развития государства и общества, представляется законодательно утвержденной ч. 2 ст. 67.1 Конституции концептуальной мировоззренческой, идеологической программой морально-нравственного бытия Бога и с Богом на земле, религиозной издревле и включенной народной философией бытия в здравомыслие воинское и трудовое, на полях военных сражений и в мирской жизни, выражаемой и поговорками: «Не гневи, побойся Бога», «Боже упаси», «Ради Бога», «Покайся Богу», «С Богом» и т.д.

Существуя в прагматично-утилитарном, обыденном в народе режиме привычек, традиций, правил поведения обычного права, философия и практика здравомыслящего прагматизма в относительно-обособленном от политических, классовых, социально-экономических, имущественных и иных статусных и государственно-правовых различий состоянии самодостаточной нравственности, правды и справедливости жизни, является ее самоорганизующим началом в различных исторических политико-правовых формах Российского государства – досоветских, советских, постсоветских, основывающихся на религиозных как на социокультурных ценностях, включающих традицию возвращения мыслей и поступков заблудшего грешника пред Богом в русло Заповедей Божиих, являющихся и нравственным критерием истинности такого возвращения через религиозное, светское или юридико-правовое покаяние – осознание поступков и мыслей, противоречащих нравственным нормам, и раскаяние в этом у верующих – Богу с искуплением грехов пред Ним, в этом единственном пути уподобления нравственному искренне до несовершения грехов впредь Абсолюту и вхождения в Рай – Царствие Небесное.

В этой связи отметим предварительность доказанной в рамках и на основании формально-юридических точных законодательных определений деятельного раскаяния уголовно-процессуальной оценки глубины, искренности и достоверности, покаяния обвиняемого в совершении преступления лицами органов предварительного расследования и прокурорского надзора и поэтому судам предоставлена завершающая, высокая степень установления справедливости в ее отражении в уголовном законе при вынесении приговора подсудимому с учетом его деятельного раскаяния на основании закона, исходя из своего понимания судьей справедливости и внутреннего убеждения в судах общей юрисдикции, а так же в военных судах в период военного положения (в стране либо в отдельных территориях), контртеррористических операций, специальных военных операций и на поле боя. Мировой опыт установления в законах сформулированной справедливости к лицу, совершившему преступление, дал человечеству суд присяжных.

Классическим религиозно-богословским и юридическим понятиям и практикам покаяния и деятельного раскаяния противоречат, на наш взгляд, попытки уместить их в абстрактную и неподтвержденную никакой практикой гипотезу желаемого единства множества личностных покаяний за сугубо свои грехи в категории «национальное покаяние», обозначая ею всенародное покаяние – суд и искупление грехов предков, побуждая этим к ошибкам практику и научные оценки покаяния в политико-правовых высказываниях представителей государственной власти и в конституционных установлениях, например, в следующей цитате – «Предавая земле останки невинно убиенных, мы хотим искупить грехи своих предков», из речи Б.Н. Ельцина в день захоронения 18.07.1998 останков царской семьи императора Николая II. Также в Преамбуле Конституции Южно-Африканской Республики, в которой весьма развернуто иносказательно выражены не какие-либо элементы покаяния, а признание наличия в несправедливом прошлом геноцида и сегрегации коренного темнокожего населения и отказ от этого в настоящем и будущем обществе, «закончившим разногласия прошлого», и государстве, создаваемом на основе демократии, социальной справедливости как «суверенное государство в объединении наций» [16].

Одной из опор-оснований отстаивания своего национального единства и независимости религиозный философ И.А. Ильин назвал выработанное на протяжении веков особое русское правосознание и юриспруденцию, сочетающую в себе христианский дух с утонченным чувством справедливости и неформальным созерцанием права [17, с. 18–19].

Одним из элементов такой юриспруденции, сочетающей в себе «христианский дух» покаяния с «чувством справедливости» к совершившему грех правонарушения, является назначение более мягкого наказания или освобождение от него и юридической ответственности, был в досоветском, советском и есть в современном законодательстве институт деятельного раскаяния, исследуемый нами методами общей теории права как межотраслевой правовой институт покаяния, имеющий конституционно-правовые основы [18, с. 236] и правоустановление в административном, уголовном, уголовно-процессуальном, уголовно-исполнительном праве, учитывая в изучении института и сугубо светское (внерелигиозное, внеюридическое) покаяние человека в проступке и его возможное «неформальное созерцание» – чувственно-смысловыделяющие рефлексию и осознание реальности проступка – авт., а также выраженных в правовой форме и содержании

деятельного раскаяния духовно-нравственных религиозных и общечеловеческих ценностей.

Элементы каждой части статьи и статьи Конституции структурированы в логической смысловой взаимосвязанности с элементами других статей и включающих их глав Конституции, создающей системную смысловую взаимосвязанность всех Конституционных правоустановлений, их категорий и определяемых ими значений и понятий.

В этой связи ч. 2 ст. 67.1 Конституции с категорией «веры в Бога» в контексте категорий «память предков», «идеалы предков», «преемственность в развитии», «исторически сложившееся государственное единство» представляется в этих взаимосвязях основной системообразующей идеологемой содержания ч. 2 ст. 67.1 Конституции, всей этой статьи и включающий ее главы 3 «Федеративное устройство», название которой в контексте этих категорий обозначает самостоятельный идеал предков, определяющий форму государственного национально-территориального устройства Российской Федерации, правовой статус, систему и структуру органов власти и управления субъектов федерации, их взаимоотношений с федеральными органами государственной власти и управления, надзора и контроля.

В контексте новых в Конституции категорий, размещенных в ч. 2 ст. 67.1 в следующем логико-смысловом порядке: «память предков», «идеалы предков», «преемственность», включая производную от нее – «правопреемник (правопродолжатель)», «государственное единство», в ч. 4 ст. 67.1 Конституции словосочетание «государство…берет на себя обязанности родителей» раскрывает в персонифицированном варианте синонима значения терминов преемственность, правопреемник и придает, обозначает их свойства в идеологеме ч. 4 ст. 67.1 Конституции как одной из основных конституционных – «…дети важнейший приоритет политики государства, берущего на себя обязанности родителей детей, оставшихся без попечения», и обосабливает в самостоятельный идеал предков.

Лексико-понятийная новелла ч. 1 ст. 67.1 Конституции «правопреемник (правопродолжатель)» дополняет понятийную системность категорий института правопреемства и дает собственное наименование входящей в правопреемство деятельности продолжения, продления правопродолжателем своих правомочий и действий и в последующем правопреемстве.

В теории конституционного права исследователи Российского государства, например Ю.И. Скуратов, обращают внимание в раскрытии его природы на специфику ее обуславливающих социальных отношений в широком их понимании как взаимодействия социальных общностей во всех видах общечеловеческой деятельности и предлагают в этой связи «…вовлечение в его орбиту» воздействия на социальные отношения «в качестве составной части воспроизводства человеческой жизни духовной или социально-культурной сферы» при соблюдении «четкости категориального аппарата» в развитии и реформировании законодательства в социальной сфере [19, с. 98, 112].

Приведенные предложения государству реализованы, как показывает приведенный в статье анализ, законодательной властью государства декларированием в ст. 67.1 Конституции основных фундаментальных конституционно-правовых и духовно-нравственных религиозно-социокультурных идеологем в сущностях их функционала в правовой, культурной, духовной и социальной системах государства. Формулировки новелл ст. 67.1 Конституции позволяют понимать и классифицировать их по содержанию как исторически сформированные предками феномены федеративного социального государства, как идеалы и принципы предков в преемственности развития, как конституционные констатации этих фундаментальных для Российской государственности явлений на основании таких критериев-категорий ст. 67.1 Конституции, как «память предков», «идеалы», «идеалы предков», «преемственность» в их смысловой взаимосвязанности, образующей системную целостность всего содержания ст. 67.1, позволяющую Российскую федеративную, демократическую, республиканскую, социальную, правовую государственность характеризовать как исторически состоявшуюся и устойчивую суверенную цивилизацию с цементирующими ее фундамент преемственность идеалов предков и религиозность, что представляет возможность провести отдельное исследование конституционно-правовой системности религиозных, социальных, политических, правовых идеалов, включая покаяние.

Во всем многообразии конституционно-правового потенциала категория «вера в Бога» имеет для религиозных конфессий утилитарное значение – привносит завершенность в правовую определенность идеологических и иных взаимоотношений конфессий с обществом и государством, вводя их в правоотношения, регулируемые взаимонепротиворечащими, взаимосоответствующими внутриконфессиональными и законодательными актами, включая отношения со святынями и реализации правомочий религиозно-идеологического, духовно-нравственного, социокультурного функционала власти Духовной.

Конституция Российской Федерации устанавливает систему органов государственной власти и разделение их государственно-властных полномочий на законодательные, исполнительные, судебные, контрольно-надзорные. Религиозные конфессии Конституцией не включены в систему органов государства, то есть отделены от него (ч. 2 ст. 14 Конституции) и это означает отсутствие у них как у власти Духовной до и после упоминания Бога в Конституции каких-либо государственно-властных полномочий. Но власть Духовная как религиозная идеология морали и нравственности и социокультурный феномен и фактор самовоспроизводства, существования и развития общества и государства в этом смысле и значении не отделена от государства и, более того, гарантирована со всей конституционно-правовой определенностью: «никакая идеология не устанавливается в качестве государственной или обязательной (статья 13)», включая религиозную, которая свободна существовать с иными в государстве и с государством в гарантируемой им «свободой вероисповедания религиозных убеждений и действий в соответствии с ними в рамках закона (статья 28)» и запрета «возбуждения религиозной ненависти и вражды, религиозного превосходства (ч. 1 ст. 29)», «деятельности, направленной на насильственное изменение основ конституционного строя, целостности Российской Федерации, безопасности, разжигание религиозной розни (ч. 5 ст. 13)».

Один из основных разработчиков проекта Конституции Российской Федерации С.С. Алексеев определил право как объективированное бытие разума в содержательной форме права, в его собственном содержании, выраженных в нем духовных, интеллектуальных богатств, культуры и свободы каждого человека [20, с. 575, 581], что в полной мере применимо в определении сущности новелл ст. 67.1 Конституции Российской Федерации и объективированием ими в содержании российского права бытия разума в главнейшей идеологеме «веры в Бога» духовных, интеллектуальных богатств тысячелетней культуры многонациональных и религиозно-многоконфессиональных наций народов Российской Федерации.

Предметом научных исследований автора посредством предоставляемых уровнем абстрагирования общей теории права возможностей межотраслевого анализа и синтеза понятий новой общеправовой категории является выявление и обоснование наличия в отраслях права совокупности законоустановлений, образующих межотраслевой общеправовой институт норм покаяния лиц, совершивших преступления.

В этом контексте в статье проанализирован и представлен лишь один – конституционно-правовой, новый в Российском праве и основополагающий в нем ракурс покаяния в правом установленных религиозных, исторических социокультурных морально-нравственных источниках – идеях, идеалах, образах, возведенных в конституционно-правовые идеалы, принципы, ценности, являющиеся основополагающей частью общеправового понятия в теории права покаяния, включающего и ставшую классикой Российского права составляющую часть покаяния – действия искупления вины, которые юридическими теоретико-историческими правовыми науками и законодательно определены «деятельным раскаянием» лица, совершившего правонарушение, исходящим и из обоснований покаяния в богословии, философии и других науках.

В качестве обобщенного в теории права юридического знания покаяние обретает прикладное практическое значение в практико-ориентированных научных разработках и внедрении юридического механизма методик обеспечения реализации норм правового института покаяния в его непосредственном значении в практике определения юридической ответственности в рамках, например, наук и практик реализации прокурорского надзора, административного, государственного и иного права, включая покаяние опосредованное помилование осужденных, в том числе и по особой для него в своей обоснованности инициативе и обращениям представителей религиозных конфессий, что относительно ново в практике помилования и в части правовой определенности оснований и процедур такого участия и этим актуализирует необходимость исследования согласованности в этой части конфессиональных норм и федерального законодательства, а в случае выявления противоречивости или пробельности – необходимых предложений по их разрешению, включающих правовое регулирование.

Литература

1. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342959/ (дата обращения: 15.01.20).

2. https://www.patriarchia.ru/article/65835 (дата обращения: 01.02.20).

3. Православная энциклопедия/ под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, Изд. Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», М. 2002 – т. IV. – С. 386.

4. Конституция Российской Федерации (с гимном России). – Москва: Проспект, 2024. – 64 с.

5. «Российская газета», № 144, 04.07.2020.

6. Христианство. Энциклопедический словарь; изд. Научное издательство «Большая Российская Энциклопедия», М., 1993 – Т. 1 – С. 352.

7. Православная энциклопедия/ под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II, Изд. Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», М. 2002 – т. V.

8. Лосский В.Н. Спор о Софии: Статьи разных лет. М., 1996, с. 149–168.

9. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. – М.: Рус. Яз., 2000. – Т. 2: И – О. – 779 с., 1 портр., ст. 8.

10. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений/Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. – М.: Азбуковник, 1997–944 стр., ст. 236.

11. Брокгауз Ф.А. и Эфрон И.А. Энциклопедический словарь., т. 2, изд. «Терра-Терра», Ярославль, 1991, с. 797.

12. Большая советская энциклопедия, изд. «Советская энциклопедия», М. 1972, с. 34.

13. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков): изд. Инс-т государства и права Рос. Акад. наук.: Саратов, 2001, с. 123.

14. Керимов Д.А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права. М., 2000, с. 356.

15. Черданцев А.Ф. Теория государства и права. Учебник для ВУЗов. М. Изд. «Юрайт», 2002, с. 186.

16. https://irsepi.ru/repentance-in-the-modern-world6545/

17. Ильин И.А. О русском национализме. Сборник статей. – М., Российский Фонд Культуры, 2007, с. 18–19.

18. Галузин А.А. Конституционные основы покаяния лица, совершившего преступление. В сб.: П 25 Уголовно-исполнительная система: законодательство, политика, процесс: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, приуроченной к 30-летию со дня образования Самарского юридического института ФСИН России, посвященной памяти российского ученого-пенитенциариста заслуженного юриста Российской Федерации доктора юридических наук, профессора О.В. Филимонова (20–21 июня 2024 г.): в 2 ч. – Самара: Самарский юридический институт ФИСН России, 2024. – Ч. 1. – 236 с.

19. Скуратов Ю.И. Социальное государство как институт гражданского общества и конституционного права. В кн.: Проблемы государственно-правового развития России: взгляд ученого и практика. Избранные труды: Монография.-М.: РГУ нефти и газа (НИУ) им. И.М. Губкина, 2023, с. 98–112.

20. Алексеев С.С. Право: азбука-теория-философия: опыт комплексного исследования.-М.: Статут, 1999, с. 575–581.

ON THE CONSTITUTIONAL AND LEGAL ESTABLISHMENT OF «FAITH IN GOD» AND THE EXPERIENCE OF GENERAL THEORETICAL RESEARCH-INTERPRETATION OF THE NOVELS OF ARTICLE 67.1 OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION AS THE SPIRITUAL, MORAL, AND LEGAL FOUNDATIONS FOR THE FORMATION OF THE CONCEPT OF AN INTERDISCIPLINARY LEGAL INSTITUTION OF REPENTANCE.

Galuzin A.A.
Independent researcher

Article 67.1 of the Constitution of the Russian Federation is structured as a set of novel categories that establish as such ideas, ideologems, ideals, norms of behavior, moral and spiritual-moral and other values of the national code of Russians historically formed in the creation of Russian civilization by generations of a multinational and multi-confessional society of peoples, which are religious and theological in the origins of their content., which became part of the public consciousness of ideology and culture in the Age of Enlightenment – the transition from a religious to a secular worldview, which were extremely revolutionarily isolated during the atheistic period of Soviet power, and universal socio-cultural traditional values.

For example, in Article 67.1 of the Constitution of the Russian Federation they are formulated as «ideals of ancestors», «memory of ancestors», «continuity in the development of the Russian state», «historically formed state unity».

The linguistic analysis of the construction of the structure and semantic content, formulas for the presentation of novels of Article 67.1 of the Constitution of the Russian Federation in their systemic interrelationships identifies the category of «faith in God» in the full scope of the content of the main and semantic meanings of the words denoting each category – novel and in their interrelationships. The entire legislatively formalized system of the novels is the legal basis, the source of the formation of the concept of an interdisciplinary legal institution of repentance of a person who has committed an offense, as an individual, personal, spiritual, moral and legal process in the form of a process that cannot be identified in theory and practice with collective repentance, with the repentance of peoples for what their ancestors did.

The novelties of the Constitution focus on the use in jurisprudence and legal practice of the scientific theological understanding of Faith and God as a Person, the transcendent absolute of grace, faithfulness, will, omnipotence of love, reason, holiness, power, glory, which appears in a secular socio-cultural context as a spiritual and moral ideal and the basis of the ideology of the Abrahamic religions as Spiritual power. The category of «faith in God» has brought legal certainty to the ideological and other relationships of religious denominations with society and the state: confessions are separate from the state – they do not have state authority, but their Spiritual power, not being state, is not separate from society and the state and is guaranteed as «freedom of religion, religious beliefs and actions in accordance with with them within the framework of the law» (Article 28 of the Constitution of the Russian Federation).

In the constitutional and legal establishment of «faith in God», which forms a system of categories-novels, and in each of which and in their systemality the moral, spiritual, moral, religious and secular value of historically formed by the ancestors and modern ideas, ideals, traditions and other elements of the national code of the peoples of Russia is legitimized. As such, the category includes short stories by art. 67.1 The Constitutions of the Russian Federation are constitutional general legal principles and legal regulations that define the ideology, vector, and programs of spiritual and moral development of the individual, the state, law, and law enforcement practice.

Keywords: faith in God, idea, ideal, ideologeme, ideology, category, law, principle, repentance, religious denominations, consistency, interpretation.

References

1. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_342959 / (accessed 01/15/20).

2. https://www.patriarchia.ru/article/65835 (accessed 02/01/20).

3. Orthodox Encyclopedia/ ed. Patriarch Alexy II of Moscow and All Russia, Publishing House of the Orthodox Encyclopedia Church Research Center, M. 2002 – Vol. IV. – p. 386.

4. Constitution of the Russian Federation (with the anthem of Russia). – Moscow: Prospekt, 2024. – 64 p.

5. Rossiyskaya Gazeta, № 144, 07/04/2020.

6. Christianity. Encyclopedic dictionary; ed. Scientific publishing house «Great Russian Encyclopedia», Moscow, 1993 – Vol. 1 – P. 352.

7. The Orthodox Encyclopedia/ ed. Patriarch Alexy II of Moscow and All Russia, Publishing House of the Orthodox Encyclopedia Church Research Center, Moscow, 2002 – vol.

8. Lossky V.N. The dispute about Sofia: Articles from different years. Moscow, 1996, Pp. 149–168.

9. Explanatory dictionary of the living Great Russian language: In 4 volumes. – Moscow: Rus. Yaz., 2000. – Vol. 2: I – O. – 779 p., 1 portr., art. 8.

10. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions/Russian Academy of Sciences. V.V. Vinogradov Institute of the Russian Language, 4th ed., expanded. Moscow: Azbukovnik, 1997, 944 p., art. 236.

11. Brockhaus F.A. and Efron I.A. Encyclopedic dictionary, Vol. 2, ed. Terra-Terra, Yaroslavl, 1991, p. 797.

12. The Great Soviet Encyclopedia, ed. The Soviet Encyclopedia, M. 1972, p. 34.

13. Baitin M.I. The essence of law (Modern normative legal understanding on the verge of two centuries): ed. The Institute of State and Law grew. Academy of Sciences: Saratov, 2001, p. 123.

14. Kerimov D.A. Methodology of law. The subject, functions, and problems of the philosophy of Law. Moscow, 2000, p. 356.

15. Cherdantsev A.F. Theory of the State and Law. Textbook for universities. Moscow Publishing house «Yurayt», 2002, p. 186.

16. https://irsepi.ru/repentance-in-the-modern-world6545

17. Ilyin I.A. On Russian nationalism. Collection of articles. Moscow, Russian Cultural Foundation, 2007, Pp. 18–19.

18. Galuzin A.A. The constitutional foundations of repentance of a person who committed a crime. In collection: P 25 The penal enforcement system: legislation, policy, process: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International participation, dedicated to the 30th anniversary of the founding of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, dedicated to the memory of the Russian scientist and penitentiary officer, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor O.V. Filimonov (20–21 June 2024): at 2 a.m. – Samara: Samara Law Institute of the Federal Law Service of Russia, 2024. – Part 1. – 236 p.

19. Skuratov Yu.I. The social state as an institution of civil society and constitutional law. In: Problems of state and Legal Development of Russia: A Scientist's view and Practice. Selected works: Monograph. Moscow: Gubkin Russian State University of Oil and Gas, 2023, Pp. 98–112.

20. Alekseev S.S. Law: ABC-theory-philosophy: experience of complex research. Moscow: Statute, 1999, Pp. 575–581.

Содержание права как сфера явления правовой воли

Петров Александр Васильевич,
кандидат юридических наук, доцент, научный сотрудник Нижегородского института управления – филиала РАНХиГС
E-mail: avpetrov@unn.ru

Горбатова Марина Константиновна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского
E-mail: mkg@jur.unn.ru

Кирюшина Наталья Юрьевна,
кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Нижегородского института управления – филиала РАНХиГС
E-mail: kirushina@unn.ru

В статье рассматривается проблема содержания права, которая имеет особое теоретическое и практическое значение, поскольку понятие содержания входит в число узловых понятий любой науки и определяет основной блок тех явлений и процессов, которые необходимы для формирования и эффективного функционирования права. Отмечается недостаточность определений понятия содержания права в советской юридической литературе и почти полное исчезновение этого понятия в современной российской правовой теории. Авторами предлагается путь рассмотрения понятия содержания права на основе понятия сущности права. Содержание права в этом аспекте представлено как сфера проявления сущности права, как процесс, который начинается с формирования правовой воли и завершается при достижении ее целей в правопорядке, охватывая всю систему юридических явлений общества.

Ключевые слова: понятие содержания, сущность права, правовая воля, явления права, содержание права.

Введение

В развитии каждой науки периодически появляются проблемы уточнения или корректировки ее понятийного аппарата, который в абстрактной теоретической форме отражает изучаемый данной наукой природный или социальный объект. Проблема изменений в понятийном аппарате науки обычно возникает тогда, когда происходят значимые перемены ее эмпирической базы, т.е. существенно меняется реальное состояние ее объекта или достигается качественный скачок в развитии методов исследования, дающий возможность по-иному подойти к изучению объекта и получить более глубокие и достоверные знания о нем.

Такой период переживает сейчас российское правоведение и, соответственно, общая теория права, обусловленный, во-первых, тем, что примерно за тридцатилетний период практически полностью обновилась эмпирическая база юридической науки и создана, по сути, новая правовая система; во-вторых, тем, что в самой науке изменились, если не полностью и везде, по крайней мере в заметной части методологические подходы к исследованию предмета. Изменения в онтологической и гносеологической частях теории права неизбежно должны повлечь за собой переосмысление логической структуры теории права, прежде всего в части наиболее фундаментальных ее понятий, которые определяют не отдельные части правовой системы общества, а охватывают все юридические явления общества в целом.

Анализ связанных с этими процессами изменений в понятийном аппарате теории российского права представляет собой не только, как это может показаться на первый взгляд, чисто научный интерес в плане уточнения научных абстракций и построения логически обоснованной системы понятий теории права. Здесь явственно присутствует и интерес практический, состоящий в том, что логика понятий теории права есть отражение объективной структуры и функциональной последовательности самой правовой системы общества, только в ее выкристаллизованном, свободном от случайных отклонений виде, указывающим на те ориентиры, которые необходимо иметь в виду как при решении общих, так и частных проблем функционирования и развития правовой системы общества.

Задачи и методы

Понятно, что рассмотрение системы даже фундаментальных понятий теории права в рамках одной статьи задача не реализуемая, и попытаемся здесь сосредоточится на понятии содержания права, которое, в системе любого научного знания, отражающего объективную реальность, является необходимым элементом его логической системы, наряду с понятиями сущности, формы, закономерностей, действительности и др. Понятие содержания, являясь конкретизацией понятия сущности, очерчивает круг элементов, которые необходимо входят в состав данного явления, образуя в совокупности его особое качество, устанавливает последовательность связи этих элементов в единое целое, которое в процессе функционирования проявляет себя как отдельная сфера, наряду с другими.

Отметим, что именно в таком качестве понятие содержания позиционируется в философской литературе, по крайней мере начиная с немецкой классической философии [1. С. 297–312], выступая как необходимая ступень обнаружения, проявления сущности предмета и, соответственно, приобретая смысл одного из центральных понятий для любого научного теоретического знания. Приведем некоторые определения из философских источников, которые показывают смысл содержания в понятийной структуре научного знания. «Содержание – это совокупность элементов и процессов, образующих данный предмет или явление» [2. С. 118]. «Под содержанием в философии понимают все, что содержится в системе. Сюда входят не только субстрат – элементы, но и отношения, связи, процессы, тенденции развития, все части системы» [3. С. 470].

В философии понятие содержания обычно рассматривается в паре с понятием формы. «Форма и содержание – философские категории, которые служат для выявления внутренних источников единства, целостности и развития материальных объектов. Содержание – совокупность тех элементов и процессов, которые составляют основу объектов и обусловливают существование, развитие и смену их форм. Форма выражает внутреннюю связь и способ организации, взаимодействия элементов и процессов, как между собой, так и с внешним миром» [4. С. 382]. Обратим внимание на то, что в качестве связи между структурными элементами содержания форма выступает как тот же

самый элемент содержания, что подчеркивается и в философском тезисе о формированности содержания и содержательности формы [5. С. 73–84].

В рамках нашей тематики важно подчеркнуть, что содержание позиционируется в философии как одно из ключевых понятий научного знания, непосредственно производное от сущности изучаемого объекта и выступающая как способ ее проявления, конкретизации, последовательного развертывания в необходимых элементах данного предмета и их существенных структурных связях. Соответственно задача применительно к правовой теории заключается в том, чтобы определить круг правовых явлений, которые входят в содержание права, установить последовательную связь между ними, вследствие которой они образуют единое качественно определенное целое, или, переформулируя задачу, установить из чего, собственно, из каких соединенных ингредиентов состоит право, в каком объеме и порядке они являют право как таковое.

С этих философских методологических позиций, используя прежде всего метод восхождения от абстрактного (сущности права) к более конкретному (содержанию права), попытаемся определить понятие содержания права и его место в современной логической структуре теории права, предварив собственный анализ кратким обзором научной юридической литературы недавнего времени по данной тематике.

Обзор литературы

В юридической литературе советского периода категория содержания права исследовалась в связи с категорией сущности права и категорией формы права, разрабатывалась в целом ряде монографических работ, присутствуя иногда даже в учебной литературе [6. С. 13]. Акцент в понимании содержания права как, например в работах Б.В. Шейндлина [7. С. 25], Д.А. Керимова [8. С. 192], С.С. Алексеева [9. С. 26] и других авторов, делался на ее представлении как государственной воли, базирующейся на воле экономически господствующего класса, которая объективируется в системе юридических норм, что практически смыкало понятие содержания права с представляемым ими же понятием сущности права.

В фундаментальной четырехтомной не имеющей аналогов в современной литературе монографии «Марксистско-ленинская теория государства и права» авторы соответствующего раздела, не разделяя полностью идею выделения в качестве содержания права государственной воли экономически господствующего класса и считая, не без оснований, что эти параметры относятся к определению сущности права, выдвигают несколько взаимосвязанных элементов, которые в совокупности характеризуют содержание права. К ним относятся:

1) детерминированный экономическими условиями развития общества интерес господствующего класса, объективируемый в государственной воле;

2) выражение интереса и воли господствующего класса в системе юридических норм, направленных на регулирование общественных отношений;

3) обеспеченность правовых норм системой организационных и идеологических средств и охрана их принудительной силой государства [10. С. 19–21].

Здесь, помимо попытки размежевания понятий сущности права и понятия содержания права, виден несколько более широкий подход к наполнению содержания права за счет включения в его структуру средств обеспечения права, хотя методологический принцип и его итог остаются тем же: сущность права – это государственная воля экономически господствующего класса, содержание права – это система юридических норм, зафиксированных главным образом в нормативных актах, в которых государственная воля объективно выражаешься.

Российская постсоветская теория права не пошла по пути диалектического снятия и развития положений советской теории права о соотношении сущности и содержания права, заменив этот вопрос по большей части расплывчатыми рассуждениями о понятии права, хотя методологически очевидно, что определить понятие права можно лишь предварительно пройдя ступени понимания сущности, содержания, формы права, его закономерностей и ряда других понятий. Соответственно понятие сущности права, теряя свою системообразующую роль начинает, как было показано нами ранее [11. С. 68–91] постепенно размываться, занимая далеко не ключевое положение в понятийном аппарате современной российской теории права, тогда как понятие содержания права вообще исчезает из системных изложений правовой теории [12].

Мало кто обращает внимание на следующий за этим дисбаланс понятийной структуры теории права в целом, который попытаемся продемонстрировать только на примере определения понятия формы права. Если любая форма есть способ структурирования и внешнего выражения определенного содержания, то столь подробно расписанное в теории понятие формы права никакого отношения к форме именно права не имеет, ибо заключенное в ней содержание права не выявлено, не понято, не определено и в этой ситуации понятие формы права просто подменяется рассмотрением понятия формы иного предмета.

Решения

Смысл представляемой статьи заключается прежде всего в том, чтобы показать, что понятие содержания права в понятийном аппарате теории права непосредственно вытекает из понятия сущности права и является ее логическим продолжением, что отражает объективную, закономерную, необходимую связь сущности и содержания права. Другими словами, раскрыть содержание права можно только через понимание того, что представляет собой сущность права и как она реализует себя в сфере своего явления. Понятие сущности права достаточно, полагаем, подробно проанализировано авторами в ряде статей, поэтому ограничимся здесь указанием только на последнюю из публикаций [13. С. 9–11], и остановимся лишь на краткой фиксации основных параметров сущности права.

Сущность права определяется как социальная воля, которая по общим основным признакам не отличается от социальной воли, лежащей в основе экономической, политической, идеологической, нравственной и иных сфер общественной жизни. Вместе с тем социальная воля, образующая сущность права, обладает рядом особенных параметров, которые дают основание выделить ее именно как волю правовую.

Правовая воля формируется на базе особых общественных отношений, которые обозначим как предправовые, поскольку только они, а не любые отношения вообще, содержат в себе потенцию перехода в правовую форму. Эти отношения носят массовый характер, появляются в наиболее важных для нормального функционирования и развития сферах социальной жизни и структурно характеризуются как взаимообусловленные, когда деянию одной стороны отношения должно соответствовать согласованное деяние другой стороны отношения.

Выделение этих отношений как приоритетных на данном этапе исторического развития общества или их нарушения, ведущие к дестабилизации нормального функционирования социума, порождают правовую потребность, т.е. осознание активными субъектами социальной жизни необходимости закрепления обязательности для всех субъектов форм значимых отношений и обеспечения их охраны от возможных нарушений.

Правовая потребность становится непосредственной предтечей правовой воли, если осознание необходимости стабилизации определенных отношений переходит в соответствующие конкретные действия активных субъектов социальной жизни. Воля это не просто размышления о чем-то, а, как точно заметил еще Г.В.Ф. Гегель. это мышление «перемещающее себя в наличное бытие, … влечение сообщить себе наличное бытие» [14. С. 69].

Правовая воля имеет своих особых субъектов, она появляется как результат жизнедеятельности общества в целом, где все основные субъекты заинтересованы в поддержании стабильности наиболее важных социальных связей и охране их от нарушений. Эта заинтересованность проявляется и действует на любом этапе исторического развития общества, вне зависимости от возможных социальных конфликтов, противоречий или переходов от одного этапа к другому. Вместе с тем в социально дифференцированном общества объективно возникают, существуют и активно действуют доминирующие по отношению к другим социальные группы, которые обладают большими, а иногда и несоизмеримо большими, материальными, финансовыми, политическими, идеологическим ресурсами и возможностями для влияния на ход и направленность социальных процессов.

Доминирующие социальные группы различаются в зависимости от типа общества или этапа исторически развития, но именно они через создаваемые социальные институты, прежде всего политические, осознают и концентрируют правовые потребности, трансформируя их в правовую волю, не забывая, естественно, о своих как социальной группы частных потребностях и интересах. Поэтому правовая воля, с одной стороны, – это воля всех активных субъектов социальной жизни, заинтересованных в стабильности, упорядочении социальных связей; с другой стороны, – это воля всех, прошедшая и трансформированная через волю доминирующих на данном этапе исторического развития общества социальных групп.

Правовая воля обладает особыми целями, которые отличают ее от целей социальных воль, продуцирующих иные сферы общественной жизни. Подчеркнем здесь, что стабильность, упорядочивание значимых для общества отношений необходимы не сами по себе, а чтобы закрепить приемлемый для основных социальных групп баланс их основных интересов; баланс, который не носит постоянного характера, а различается в зависимости от типа социальной системы, конкретной

фазы ее исторического развития, соотношения сил основных социальных групп и иных факторов. В установлении такого баланса проявляется особая роль и значимость права для общества в целом: оно позволяет достичь упорядочения, стабильности, незыблемости основных социальных связей не прибегая как правило к силе (хотя и ее применение возможно, но в единичных случаях общественно опасных деяний), а как результата приемлемости закрепленного и поддерживаемого баланса интересов для основной части субъектов социальной системы.

Правовая воля, сформировавшись на основе предправовых отношений и правовой потребности, вступает в сферу явления, где развертывается через деятельность субъектов социальной жизни в систему разнообразных юридических явлений и процессов, которые в своей номенклатуре и последовательности появлении определяют процесс движения правовой воли к достижению своих целей. Здесь важно констатировать, что процесс явления права начинается с предправовых общественных отношений, правовой потребности, правовой воли и, проходя через сформированные этой волей этапы в виде разнообразных юридических явлений и процессов, заканчиваются формированием правопорядка, в котором удовлетворяется порожденная предправовыми общественными отношениями правовая потребность и достигаются цели правовой воли.

В этом движении совершается и завершается актуальный цикл действия правовой воли, возобновляясь при появлении новых предправовых отношений и правовых потребностей или неполного удовлетворения уже сформированных целей правовой воли. Совершая это циклическое движение, правовая воля определяет необходимые изменения права и этапы его исторического развития. Актуальный цикл проявления сущности права, собственно, и образует содержание права, включающее зарождение права в виде предправовых отношений и правовой потребности, его развитие благодаря энергии правовой воли в систему юридических явлений и окончательной завершенности или полной зрелости в виде правопорядка, где сущность права как особая социальная воля достигает своих целей.

В содержании права можно выделить несколько последовательно взаимосвязанных блоков. Во-первых, блок формирования правовой воли как сущности права, включающий в себя наличие предправовых общественных отношений, появление правовых потребностей и собственно правовой воли; блок нормотворчества, включающий процессы создания нормативных предписаний, интеграции их в систему юридических норм и систематизацию; блок правоотношений, включающий установление юридического статуса субъектов, возникновение юридических фактов и конкретных прав и обязанностей субъектов; блок реализации правоотношений, включающий деяния субъектов в простых или сложных (путем применения юридических норм) формах и их результаты; блок юридической ответственности, включающий установление фактов правонарушений, определение вида юридической ответственности и ее реализацию в различных формах; наконец блок реального правопорядка, включающего соответствующие предписаниям юридических норм деяния субъектов правоотношений и итоги реализации юридической ответственности.

Указанные блоки образуют необходимые этапы проявления правовой воли как сущности права и только посредством их последовательного и полного развертывания сущность права достигает свих целей и реализуется как правовая воля в адекватном для себя содержании права. С другой стороны, отсутствие какого-либо из блоков или их необходимых элементов лишает сущность того содержания, которое в совокупности можно было бы определить как право.

Это важно учитывать не только в теоретической, но и практической юридической деятельности, не сводя содержание права и соответственно способы его функционирования к созданию и действию одного или нескольких, пусть и представляющихся кому-то особо важными, юридических явлений. Подчеркнем еще раз, что содержание права – это последовательный цикл юридических явлений, через который правовая воля как сущность права приходит от правовой потребности к своему удовлетворению в виде правопорядка. Иное, внесущностное понимание содержание права не более как позитивистская иллюзия.

Выводы

1. Содержание права представляет одно из основных понятий теории права, необходимое как для построения адекватной предмету исследования логической понятийной структуры теории права, так и для оптимального осуществления практической юридической деятельности.

2. Содержания права является непосредственным продолжением сущности права, т.е. способом проявления и представления правовой воли в системе юридических явлений, которая как особенная социальная воля имеет свои истоки, особых субъектов и цели реализации.

3. Содержание права – это не какое-то одно юридическое явление или несколько из них, а целостный процесс поэтапного развертывания правовой воли через всю необходимую систему юридически явлений от начального пункта до конечного, от правовой потребности до правопорядка.

4. В своем движении содержание права представляет собой цикл, в котором начало правовой воли замыкается на ее конец, и именно в этом цикле достигаются цели правовой воли, упорядочивая общественные отношения и устанавливая баланс интересов субъектов социальной жизни.

5. Важно также иметь в виду, что отсутствие существенно необходимых этапов или элементов содержания лишает в этой части право существенно значимых сторон и превращает его в иллюзорный феномен, не способный реализовывать цели сущности права.

Литература

1. Гегель. Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М., 1974.

2. Афанасьев В.Г. Основы философских знаний. М., 1981.

3. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. М., 2007.

4. Философский словарь. Под ред. М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина. М., 1968.

5. Гегель Г.В.Ф. Наука логики. Т. 2. М., 1971.

6. Общая теория государства и права. Т. 2. Общая теория права / Отв. ред. проф. В.С. Петров и проф. Л.С. Явич. Л., 1974.

7. Шейндлин Б.В. Сущность советского права. Л., 1959.

8. Керимов Д.А. Свобода, право и законность в социалистическом обществе. М., 1960.

9. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Вып. 1. Свердловск, 1963.

10. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Социалистическое право. М., 1973.

11. Петров А.В. Современная российская теория о сущности права. – Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Право. Выпуск 1(9). – Н. Новгород, 2006.

12. Чашин А.Н. Теория государства и права. – Москва, 2019.

13. Петров А.В., Кирюшина Н.Ю., Лебедева Е.А. Правовая воля как сущность права: субъекты, цели, сфера проявления. – Юридическая наука, 2026, № 1.

14. Гегель Г.В.Ф. Философия права. – М., 1990.

THE CONTENT OF LAW AS A SPHERE OF THE PHENOMENON OF LEGAL WILL

Petrov A.V., Gorbatova M.K., Kiryushina N.Yu.
Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of the RANEPA, Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky

The article examines the problem of the content of law, which has particular theoretical and practical significance, since the concept of content is among the key concepts in any science and defines the main set of phenomena and processes that are necessary for the formation and effective functioning of law. The article notes the inadequacy of definitions of the concept of the content of law in Soviet legal literature and the almost complete disappearance of this concept in modern Russian legal theory. The authors propose a way to consider the concept of the content of law based on the concept of the essence of law. The content of law in this aspect is presented as the sphere in which the essence of law manifests itself, as a process that begins with the formation of legal will and ends when its goals are achieved within the legal order, encompassing the entire system of legal phenomena in society. Keywords: concept of content, essence of law, legal will, legal phenomena, content of law.

References

1. Hegel. Encyclopedia of the Philosophical Sciences. Vol. 1: The Science of Logic. Moscow, 1974.

2. Afanasyev V.G. Fundamentals of Philosophical Knowledge. Moscow, 1981.

3. Alekseev P.V., Panin A.V. Philosophy. Moscow, 2007.

4. Philosophical Dictionary. Ed. by M.M. Rosenthal and P.F. Yudin. Moscow, 1968.

5. Hegel G.W.F. The Science of Logic. Vol. 2. Moscow, 1971.

6. General Theory of State and Law. Vol. 2: General Theory of Law. Ed. by Prof. V.S. Petrov and Prof. L.S. Yavich. Leningrad, 1974.

7. Sheindlin B.V. The Essence of Soviet Law. Leningrad, 1959.

8. Kerimov D.A. Freedom, Law, and Legality in Socialist Society. Moscow, 1960.

9. Alekseev S.S. General Theory of Socialist Law. Issue 1. Sverdlovsk, 1963.

10. Marxist-Leninist General Theory of State and Law: Socialist Law. Moscow, 1973.

11. Petrov A.V. «Modern Russian Theory on the Essence of Law.» Bulletin of the N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. Series: Law. Issue 1(9). Nizhny Novgorod, 2006.

12. Chashin A.N. Theory of State and Law. Moscow, 2019.

13. Petrov A.V., Kiryushina N.Yu., Lebedeva E.A. «Legal Will as the Essence of Law: Subjects, Goals, and Sphere of Manifestation.» – Legal Science, 2026, № 1.

14. Hegel G.W.F. Philosophy of Right. – Moscow, 1990.

Финансово-экономические основы местного самоуправления в Российской империи на рубеже XIX–XX веков: историко-правовой аспект

Дегтярев Алексей Владимирович,
специалист, ООО ЭПЦ «Бизнес- Консультант»
E-mail: b-kons@bk.ru

Проблематика справедливого разграничения фискальных полномочий между государственным аппаратом и локальными администрациями сохраняет неизменную остроту в современной практике бюджетного федерализма. Именно исторический опыт дореволюционной России позволяет наиболее отчетливо проследить системные последствия нормативного ограничения ресурсов на местах. Цель – выявить закономерности формирования муниципальных капиталов, а также объективно оценить влияние имперского законодательства на реальную хозяйственную самостоятельность земств и городских дум. Фундаментальное противоречие исследуемой эпохи проявилось в явном разрыве между быстро растущими социальными обязательствами самоуправления (медицина, образование, благоустройство) и очень узкой, жестко лимитированной налоговой базой. В историографии до сих пор сохраняется концептуальный раскол: одни специалисты трактуют пересмотр профильных Положений в 1890–1892 гг. как обоснованную меру финансовой дисциплины; другие же справедливо усматривают в этом регрессивный барьер. Авторский вклад по существу состоит в междисциплинарном синтезе: юридический анализ текстов законов органично совмещен с оценкой перекоса фискальной нагрузки. На основании отмеченного в работе сформулированы выводы. Так, государственная монополия на сверхдоходные косвенные сборы, в том числе, питейные акцизы, загнала местные бюджеты в ловушку прямых имущественных налогов. Резюмировано, что земские учреждения оказались заложниками центрального казначейства. И это предсказуемо привело к накоплению многомиллионных недоимок разоренного крестьянства. Темпы модернизации провинции замедлились. Институциональная модель земств изначально проектировалась как зависимая. Представленные результаты и рекомендации будут полезны теоретикам муниципального права, экспертам по экономической истории.

Ключевые слова: акцизная система, бюджетный дефицит, земские финансы, кадастровая оценка, контрреформы, местное самоуправление, налоговое бремя

Введение

Эпоха Великих реформ Александра II стала поворотным этапом в институциональном развитии российского государства. Освобождение крестьян в 1861 г. разрушило прежнюю систему управления на местах, где помещик выступал в роли ключевого звена административно-полицейской и хозяйственной власти. По сути, возникла острая потребность в создании новых управленческих механизмов, которые способны решать насущные экономические и социальные задачи в провинции.

Ответом на указанный исторический вызов явилось принятие Положения о губернских и уездных земских учреждениях 1864 г., а затем и издание Городового положения 1870 г. Как представляется, именно эти правовые акты заложили базис местного самоуправления в Российской империи. Финансово-экономическая основа новых общественных институтов с самого начала выстраивалась в условиях жесткого дефицита ресурсов и весьма сложного взаимодействия с центральной государственной властью [5, 10].

В сопоставлении с более ранними подходами, которые опирались на строгую централизацию и бюрократический диктат, земская и городская реформы предполагали частичную, но вполне реальную децентрализацию фискальных полномочий. Разумно предположить, что передача масштабных хозяйственных функций на места не могла быть действенной без предоставления земствам и городским думам самостоятельных источников дохода. Государство уступило местным учреждениям право взимать налоги с недвижимости, промыслов, торговли. Между тем, наиболее прибыльные косвенные сборы, в том числе, питейные акцизы [2], казна оставила за собой. Финансово-экономические основы местного самоуправления на рубеже XIX–XX вв. характеризовались выраженной внутренней противоречивостью. С одной стороны, наблюдался стабильный, а порой и форсированный рост местных бюджетов. С другой, фиксировалась хроническая нехватка средств для удовлетворения базовых социальных потребностей населения в медицине и грамотности. По-видимому, именно обозначенный системный фискальный дисбаланс послужил главным тормозом развития земств.

Местные органы управления были вынуждены непрерывно лавировать между жесткими интересами государственного казначейства и нуждами рядовых плательщиков, представленных, в основном, разоренным крестьянским сословием. В данной статье проанализируем структуру доходов и расходов местного самоуправления, правовое регулирование финансовых потоков, ключевые проблемы фискальной политики империи в указанный исторический период. Особое внимание будет уделено историко-правовым аспектам трансформации налоговой базы земств и городов, поскольку нормативная база регулярно корректировалась Министерствами финансов и внутренних дел.

Материалы и методы исследования

Теоретическую базу работы составил перечень научных трудов, в которых охватываются правовые, институциональные, фискальные аспекты дореволюционного местного управления. Выбор конкретных публикаций объясняется необходимостью междисциплинарного синтеза: для объективного раскрытия темы потребовалось объединить сугубо юридический анализ нормативной базы с определенными экономическими данными и широким историческим контекстом. По существу, этот источниковый массив дает возможность рассмотреть проблему комплексно – как со стороны фискальных интересов государства, так и с позиции насущных муниципальных нужд.

В литературе разносторонне исследуется длительная эволюция земских и городских бюджетов, подробно анализируется правовая среда, регламентировавшая налоговые полномочия на местах, детально разбираются сложные, подчас конфликтные взаимоотношения между императорским правительством и развивающимися органами самоуправления [3, 4, 10].

В методологическом плане исследователи опираются на несколько ключевых подходов. Так, В.Д. Гончаров [3], Л.А. Зайцева, Д.С. Бережная [5], В.И. Червонюк [10] используют историко-правовой ракурс. Они концентрируют внимание на трансформации законодательства и изменении юридического статуса муниципальных институтов.

В свою очередь, Д.Е. Скутарлеев [9], М.И. Долакова [4] применяют организационно-экономический инструментарий, фокусируясь на структуре доходов, расходов, финансовых инициативах на местах. Большое значение имеет фискально-статистический подход, который реализован в работах Ю.В. Веретило [2], Ю.А. Петрова [7]. Там отражена практическая реализация акцизной системы; оценивается реальная налоговая нагрузка на различные слои населения. О.Ю. Ананьин, А.А. Базулина, А.В. Жуланов [1], Н.Г. Карнишина [6], Е.М. Петровичева [8] придерживаются институционально-исторического ракурса, оценивая эффективность реформ через призму восприятия современников и эволюции самих управленческих учреждений.

При написании данной статьи использовался ряд взаимодополняющих методов. Базовым послужил историко-правовой; он позволил проанализировать содержание Земских и Городовых положений в их исторической динамике. Без буквального толкования этих нормативных актов невозможно понять истинные рамки фискальной свободы органов местного управления. Сравнительно-исторический метод задействован в целях сопоставления доходных и расходных возможностей городских дум в отличие от сельских земств. Применен системно-структурный анализ. Он дает возможность рассматривать местные капиталы не изолированно, а как органичную, пусть и весьма противоречивую, часть общей общегосударственной финансовой системы империи.

Результаты и обсуждение

Во второй половине XIX в. Российская империя переживает процесс эволюционного развития, сопряженный с широким развитием буржуазных отношений. По замечанию Л.А. Зайцевой, Д.С. Бережной, «… именно в этот исторический период происходит осознание невозможности осуществления управления на местах при максимальном сосредоточении полномочий в центре. Государственная власть, осуществляя серию реформ, в том числе, обращается к обществу с целью широкого вовлечения его в систему управления на местах» [5].

Правовой статус земств и городов претерпел существенные, во многом регрессивные изменения в период так называемых контрреформ императора Александра III. Как отмечают О.Ю. Ананьин, А.А. Базулина, А.В. Жуланов, они представляют собой «…многоступенчатую систему преобразования российского общества и государственной системы в целом … вынужденные меры по борьбе за Россию во внутриполитическом пространстве, стремление к реформированию всех систем и сфер общественных отношений» [1]. Новое Земское положение 1890 г. и пересмотренное Городовое 1892 г. значительно усилили административный контроль губернаторов над местными финансами. Одновременно с этим, правительство попыталось жестко упорядочить саму систему налогообложения, лишив муниципалитеты прежней гибкости. По существу, центральная власть стремилась ограничить рост земских сборов, опасаясь переобложения крестьянства, которое уже несло тяжелейшее бремя выкупных платежей и прямых государственных податей.

В отличие от предыдущих подходов, когда земства имели относительную процессуальную свободу в установлении ставок обложения, закон 1893 г. ввел строгие процентные рамки для земских сборов. В частности, ежегодный рост налогов не мог превышать 3% без специального согласования с министрами внутренних дел и финансов. Вероятно, такая заградительная мера была продиктована стремлением правительственных кругов защитить общегосударственную налоговую базу от конкуренции со стороны муниципалитетов. Между тем, местные потребности неуклонно росли. Строительство земских школ, содержание фельдшерских пунктов, прокладка дорог требовали постоянного, а не лимитированного увеличения расходов. Фискальная политика носила выраженный охранительный характер, искусственно сдерживая хозяйственную инициативу на местах [4].

Благодаря законодательству местные налоги четко разделялись на обязательные (имеются в виду содержание земских управ, финансирование тюрем, оплата мировых судей, формирование продовольственного капитала) и необязательные (подразумеваются медицина, ветеринария, народное образование). Примечательно, что именно последняя группа расходов со временем стала доминирующей в структуре бюджетов, адекватно отражая реальные потребности общества. Впрочем, правовая база оставляла земствам определенные лазейки. Не имея возможности повышать прямые ставки свыше установленного лимита, самоуправления стали активнее использовать специальные целевые сборы, а также привлекать частные и банковские займы с целью покрытия кассовых разрывов.

Основой финансовых поступлений местного самоуправления традиционно являлось прямое обложение недвижимого имущества. Для уездных и губернских земств это были, в первую очередь, земельные угодья, лесные массивы. Для городских дум ключевым объектом служили жилые строения, фабрично-заводские предприятия, торговые площади. Согласно статистическим данным Вестника Банка России, в 1902 г. земства получили совокупный доход от налогов в размере 121 млн руб., а городские думы собрали порядка 117,7 млн руб. [7]. В связи с этим отметим, что экономический вес обеих ветвей местного управления был вполне сопоставим, невзирая на значительную разницу в территориальном охвате и количестве опекаемого населения.

Городские бюджеты опирались на гораздо более концентрированную, ликвидную, предсказуемую налоговую базу. Так, в Москве оценочный сбор с состоятельных владельцев недвижимости стабильно приносил до 60% всех прямых налогов, которые поступали в казну города. Земства же тотально зависели от аграрного сектора, подверженного климатическим рискам, неурожаям. Оценка реальной доходности земель являлась сложнейшей управленческой задачей. Для ее решения на местах создавались специальные губернские, уездные оценочные комиссии. Их работа с 1899 г. начала частично субсидироваться государством. Видимо, центральное правительство осознало вопиющее несовершенство кадастрового учета в империи и попыталось привести его к единому бюрократическому стандарту, выделив на эти цели около 1 млн руб. ежегодных субвенций [7].

К началу XX в. местное самоуправление превратилось в серьезный, системный экономический институт. Предположительно, если бы не жесткие законодательные ограничения, которые были введены контрреформами, темпы естественного роста муниципальных капиталов были бы еще выше. И это позволило бы избежать масштабного кризиса инфраструктуры в дореволюционной России.

Расходная политика земств и городов являлась прямым отражением их социальной миссии. В период форсированной индустриализации рубежа XIX–XX вв. наблюдался ускоренный рост земских бюджетов [8]. Львиная доля собираемых средств направлялась на медицину, строительство начальных школ, дорожное благоустройство. Архаичные натуральные повинности, когда крестьяне были обязаны лично чинить мосты или предоставлять подводы, постепенно, но неуклонно заменялись монетизированными сборами.

В крупных городах миллионные суммы тратились на создание передовой инфраструктуры: закладку водопроводов; устройство канализации, электрического освещения; запуск трамвайного сообщения. Многие из обозначенных дорогостоящих проектов финансировались, в основном, за счет выпуска облигационных займов. И это неизбежно приводило к долгосрочному увеличению муниципальной задолженности. Анализируя структуру налогового бремени того периода, современные исследователи отмечают серьезный, системный перекос [3, 6, 9]. Основная тяжесть государственного поземельного налога и местных земских сборов ложилась на крестьян-землепользователей. А крупный капитал находил способы оптимизировать свои издержки.

В то время, как государственная казна извлекала свои основные доходы из косвенных сборов, таможенных пошлин, винной монополии, местные органы власти вынуждены были буквально «выжимать» средства из низкодоходных слоев населения посредством прямых налогов. Это закономерно порождало хроническую проблему недоимок. Жесткие полицейские методы взыскания долгов, вплоть до продажи крестьянского имущества с торгов, приводили к массовому разорению мелких хозяйств, к росту социальной напряженности в губерниях. Одновременно с этим, имперское правительство весьма неохотно делилось своими источниками доходов. Оно предпочитая держать земства на коротком финансовом «поводке».

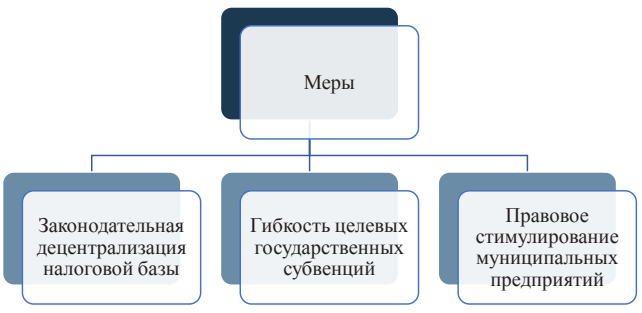


Рис. 1. Историко-правовые ориентиры обеспечения муниципальной финансовой автономии

Источник: составлено автором.

Далее необходимо сформулировать ряд рекомендаций, которые всецело опираются на проведенный историко-правовой анализ (рис. 1). Ретроспективное исследование должно иметь очевидную практическую значимость для сегодняшнего дня. Проблематика спра-

ведливого разграничения фискальных полномочий между федеральным центром и муниципалитетами остается острой и не до конца решенной в современных правовых реалиях.

Так, исторический опыт земств показывает, что жесткое квотирование роста местных бюджетов (как это было реализовано законом 1893 г.) неминуемо ведет к стагнации локальной инфраструктуры. Рекомендуется закрепить за органами местного самоуправления не только традиционно малодоходные имущественные сборы, но и твердую, защищенную законом долю от косвенных налогов, собираемых на территории конкретного муниципалитета. Описываемый шаг поможет разрешить проблему хронической дотационности территорий.

В конце XIX в. правительственные субсидии на работу земских оценочных комиссий продемонстрировали высокую управленческую эффективность. Современной бюджетной системе следует значительно активнее применять инструменты целевого софинансирования муниципальных инфраструктурных проектов без тотального ужесточения административного контроля за остальными, текущими статьями расходов.

Успешный, приносящий прибыль опыт городских дум рубежа веков по извлечению доходов из инфраструктурных монополий (развитие трамвайных сетей, строительство муниципальных водопроводов) доказывает необходимость создания более благоприятного правового режима для муниципально-частного партнерства.

Перечисленные выше предложения призваны нивелировать фундаментальную, исторически укоренившуюся проблему несоответствия объема возлагаемых на местные органы полномочий реальному объему их финансовой самостоятельности.

Заключение

Финансово-экономические основы местного самоуправления в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. представляли собой сложную, компромиссную, постоянно трансформирующуюся систему. Реформы Александра II дали мощный, живительный импульс развитию земств и городов, возложив на эти институты важнейшие функции по обустройству социальной и хозяйственной жизни в огромных регионах. Однако центральная власть, панически опасаясь чрезмерной политической и финансовой независимости муниципальных институтов, намеренно сохранила в своих руках ключевые рычаги фискального регулирования. Развитие местного самоуправления носило вынужденно догоняющий характер. Так, реальные потребности растущего населения в качественной медицине, массовом образовании, городском благоустройстве многократно опережали скромные возможности местных бюджетов.

Земства и думы проделали большую и кропотливую работу по систематизации налоговой базы, созданию передового института кадастровой оценки имущества, формированию прозрачной, публичной бюджетной отчетности. Впрочем, фискальная модель самоуправления оставалась структурно уязвимой. Тяжесть прямого налогообложения, которая ложилась, в основном, на разоренное крестьянство, неминуемо приводила к накоплению многомиллионных недоимок. Резко сужались перспективы дальнейшего роста доходов. Государственная монополия на наиболее прибыльные и легко собираемые источники поступлений, такие, как косвенные акцизы, лишала местные бюджеты необходимой экономической маневренности. Видимо, это глубинное противоречие между масштабными историческими задачами и искусственно ограниченными ресурсами было изначально заложено в самом историко-правовом «фундаменте» российских дореволюционных реформ.

Сформулированные в статье выводы имеют научное значение для понимания эволюции отечественного муниципального права и архитектуры государственных финансов. Продемонстрированные механизмы взаимодействия имперского центра и регионов в сочетании с историческими примерами распределения налогового бремени доказывают один факт. Без реальной, гарантированной законом финансовой автономии любой институт самоуправления быстро превращается в простое, бесправное «приложение» к государственному административному аппарату. Полученные результаты могут быть применены в дальнейших научных изысканиях по истории экономики и права, в повседневной практике современного законотворчества при разработке сбалансированных концепций бюджетного федерализма и новой муниципальной реформы. Восприятие и осмысление исторических ошибок дадут возможность избежать их разрушительного повторения в современной политике, которая направлена на укрепление местных бюджетов.

Литература

1. Ананьин, О.Ю. Значение реформ Александра III с точки зрения современников и правоведов / О.Ю. Ананьин, А.А. Базулина, А.В. Жуланов // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 3. – С. 11–13. – DOI 10.24412/2073–0454–2021–3–11–13. – EDN EBWOJP.

2. Веретило, Ю.В. Деятельность губернских акцизных управлений по порядку определения и взимания акциза с алкоголя в период действия акцизной системы взимания питейных сборов / Ю.В. Веретило // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 1. История и археология. Философия. Политология. – 2022. – Т. 14, № 3. – С. 21–28. – EDN JYQKZB.

3. Гончаров, В.Д. Отношения государственной власти и городского самоуправления в дореволюционной России (историко-правовой анализ) / В.Д. Гончаров // Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. – Санкт-Петербург: 2001. – 361 с. – EDN NLXPHF.

4. Долакова, М.И. Финансовая политика российской империи во второй половине XIX – начале XX века через призму гражданских инициатив / М.И. Долакова // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2022. – № 1(94). – С. 19–23. – EDN VFNEWN.

5. Зайцева, Л.А. Реформа местного управления в Российской империи (вторая половина XIX В.) / Л.А. Зайцева, Д.С. Бережная // Российское право онлайн. – 2023. – № 4. – С. 89–93. – DOI 10.17803/2542–2472.2023.28.4.089–094. – EDN AILZCY.

6. Карнишина, Н.Г. Реформа местного самоуправления в России во второй половине XIX в.: взгляд современников / Н.Г. Карнишина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2014. – № 4(32). – С. 25–34. – EDN TNVQZZ.

7. Петров, Ю.А. Налоги и налогоплательщики в России на рубеже XIX–XX веков / Ю.А. Петров. – URL: https://www.vep.ru/bbl/history/cbr-124.html (дата обращения: 09.09.2026).

8. Петровичева, Е.М. Земства / Е.М. Петровичева. – URL: https://knowledge.su/z/zemstva (дата обращения: 09.09.2026).

9. Скутарлеев, Д.Е. Местное самоуправление Центральных губерний России в 1864–1918 годы: организационно-финансовые и экономические аспекты / Д.Е. Скутарлеев // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Москва: 2006. – 29 с. – EDN ZNRCON.

10. Червонюк, В.И. Земское и городское самоуправление России (вторая половина XIX – начало XX вв.) / В.И. Червонюк // Вестник Московского университета МВД России. – 2018. – № 4. – С. 153–160. – EDN YJDHFZ.

FINANCIAL AND ECONOMIC FOUNDATIONS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN THE RUSSIAN EMPIRE AT THE TURN OF THE 19TH-20TH CENTURIES: HISTORICAL AND LEGAL ASPECT

Degtyarev A.V.
EPC Business-Consultant LLC

The problem of equitable delineation of fiscal powers between the state apparatus and local administrations retains its enduring urgency in the modern practice of budgetary federalism. It is the historical experience of pre-revolutionary Russia that allows us to most clearly trace the systemic consequences of the regulatory limitation of resources at the local level. The aim is to identify the patterns of formation of municipal capital, as well as to objectively assess the impact of imperial legislation on the real economic independence of zemstvos and city dumas. The fundamental contradiction of the studied era manifested itself in an obvious gap between the rapidly growing social obligations of self-government (medicine, education, public amenities) and a very narrow, strictly limited tax base. In historiography, a conceptual schism still persists: some specialists interpret the revision of the relevant Regulations in 1890–1892 as a justified measure of financial discipline; others rightly see this as a regressive barrier. The author's contribution essentially consists of an interdisciplinary synthesis: the legal analysis of legislative texts is organically combined with an assessment of the fiscal burden imbalance. Based on the noted, conclusions are formulated in the work. Thus, the state monopoly on highly profitable indirect taxes, including excise taxes on alcohol, drove local budgets into the trap of direct property taxes. It is summarized that zemstvo institutions turned out to be hostages of the central treasury. And this predictably led to the accumulation of multi-million arrears of the impoverished peasantry. The pace of provincial modernization slowed down. The institutional model of zemstvos was initially designed as dependent. The presented results and recommendations will be useful to theorists of municipal law and experts in economic history.

Keywords: excise system, budget deficit, zemstvo finances, cadastral valuation, counter-reforms, local self-government, tax burden.

References

1. Ananyin, O. Yu. The significance of the reforms of Alexander III from the perspective of contemporaries and legal scholars / O. Yu. Ananyin, A.A. Bazulina, A.V. Zhulanov // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – № 3. – Pp. 11–13. – DOI 10.24412/2073–0454–2021–3–11–13. – EDN EBWOJP.

2. Veretilo, Yu.V. Activities of provincial excise departments on the procedure for determining and collecting excise tax on alcohol during the period of the excise system of collecting drinking duties / Yu.V. Veretilo // Bulletin of the Yanka Kupala Grodno State Uni-

versity. Series 1. History and Archeology. Philosophy. Political Science. – 2022. – Vol. 14, № 3. – Pp. 21–28. – EDN JYQKZB.

3. Goncharov, V.D. Relations between state power and city self-government in pre-revolutionary Russia (historical and legal analysis) / V.D. Goncharov // Dissertation for the degree of Doctor of Law. – St. Petersburg: 2001. – 361 p. – EDN NLXPHF.

4. Dolakova, M.I. Financial policy of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th centuries through the prism of civil initiatives / M.I. Dolakova // Scientific Notes of Orel State University. – 2022. – № 1(94). – Pp. 19–23. – EDN VFNEWN.

5. Zaitseva, L.A. Reform of local government in the Russian Empire (second half of the 19th century) / L.A. Zaitseva, D.S. Berezhnaya // Russian Law Online. – 2023. – № 4. – Pp. 89–93. – DOI 10.17803/2542–2472.2023.28.4.089–094. – EDN AILZCY.

6. Karnishina, N.G. Reform of local self-government in Russia in the second half of the 19th century: the view of contemporaries / N.G. Karnishina // News of Higher Educational Institutions. Volga Region. Humanities. – 2014. – № 4(32). – Pp. 25–34. – EDN TNVQZZ.

7. Petrov, Yu.A. Taxes and taxpayers in Russia at the turn of the 19th-20th centuries / Yu.A. Petrov. – URL: https://www.vep.ru/bbl/history/cbr-124.html (accessed: 09/09/2026).

8. Petrovicheva, E.M. Zemstvos / E.M. Petrovicheva. – URL: https://knowledge.su/z/zemstva (accessed: 09/09/2026).

9. Skutarteev, D.E. Local self-government of the Central provinces of Russia in 1864–1918: organizational, financial and economic aspects / D.E. Skutarteev // Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences. – Moscow: 2006. – 29 p. – EDN ZNRCON.

10. Chervonyuk, V.I. Zemstvo and city self-government in Russia (second half of the 19th – early 20th centuries) / V.I. Chervonyuk // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2018. – № 4. – Pp. 153–160. – EDN YJDHFZ.

Традиционные российские ценности в правовом регулировании: проблемы юридической конкретизации и правоприменения

Жиков Михаил Викторович,
аспирант, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов
E-mail: jikovmv@mail.ru

В статье исследуется изменение юридической роли традиционных российских духовно-нравственных ценностей и степень их нормативной конкретизации. На основе анализа Указа Президента РФ от 09.11.2022 № 809 и отраслевого регулирования показано, что единый перечень объединяет ценности с различным регулятивным потенциалом. Выделены риски нормативной асимметрии, декларативного расширения ценностной терминологии и подмены правовой оценки мировоззренческим усмотрением. Обозначены направления дальнейшей юридической конкретизации ценностей с учетом требований правовой определенности и соразмерности.

Ключевые слова: традиционные российские духовно-нравственные ценности, аксиология права, Указ № 809, правовая определенность, юридическая конкретизация, правоприменение, искусственный интеллект.

Введение

Принятие Указа Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее – Указ № 809, Основы) стало новым этапом нормативного закрепления ценностной проблематики, ранее уже занимавшей заметное место в отечественной правовой доктрине и законодательстве. Основы определяют традиционные ценности как нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению и лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности. В пункте 5 Основ закреплен перечень из семнадцати ценностных ориентиров, включающий жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, крепкую семью, справедливость, историческую память, единство народов России и иные категории [1]. В редакции от 04.03.2026 года Основы дополнительно увязаны с обновленной системой документов стратегического планирования, включая национальные цели развития на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года.

На первом этапе после принятия Указа № 809 традиционные ценности преимущественно воспринимались как программная основа государственной политики. Однако последующее развитие законодательства показывает движение к иной модели. Ценностные категории постепенно включаются в отраслевое законодательство и начинают выполнять функцию самостоятельного ориентира правового регулирования. Наиболее показателен Федеральный закон от 26.07.2026 № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» (далее – закон № 243-ФЗ). В числе общих принципов регулирования он закрепляет учет и уважение традиционных российских духовно-нравственных ценностей, воспроизводя их перечень, а для суверенных и национальных больших фундаментальных моделей искусственного интеллекта предусматривает подтверждение соответствия законодательству и традиционным ценностям, соответствующие положения статьи 6 вступают в силу с 01 марта 2027 года [4]. Тем самым вопрос о содержании ценностей выходит за пределы стратегического планирования и приобретает непосредственное практическое значение.

В этих условиях центральной становится не столько дискуссия о допустимости ценностного начала в праве, сколько вопрос о способах его юридической конкретизации. Сама по себе нравственная ценность еще не определяет, каким образом она должна применяться в конкретном правоотношении, какие юридические последствия может порождать и каким образом проверяется обоснованность решения правоприменителя. Цель настоящей статьи состоит в выявлении различий в регулятивном потенциале традиционных ценностей и формулировании требований, позволяющих использовать их в праве без утраты правовой определенности. Методологическую основу исследования составляют аксиологический и формально-юридический подходы, дополненные системным анализом.

Традиционные ценности: особенности нормативного закрепления

Пределы применения Основ во многом связаны с их юридической природой. В самом Указе № 809 они определены как документ стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности. Это означает, что их основная задача состоит в определении целей и направлений государственной политики, а не в установлении конкретных правил поведения, которые могут применяться напрямую. Поэтому многие положения Основ сформулированы достаточно абстрактно и требуют дальнейшей детализации в законодательстве. Для документа такого уровня это представляется закономерным. Вместе с тем Основы не ограничиваются простым перечислением традиционных ценностей. В документе одновременно обозначены угрозы их сохранению, среди которых основное место занимает распространение деструктивной идеологии. Противодействие таким угрозам, в свою очередь, включено в число целей государственной политики (п. 14, 23) [1]. Таким образом, Основы устанавливают не только перечень защищаемых ценностей, но и общее направление государственной деятельности по их сохранению.

При этом программный характер Основ не исключает их влияния на последующее развитие правового регулирования. Н.М. Кропачев и В.В. Архипов отмечают, что закрепление традиционных ценностей предполагает их дальнейшее отражение в законодательстве и правовой политике [8, с. 296, 304]. Распоряжением Правительства РФ от 01.07.2024 № 1734-р утвержден действующий план мероприятий по реализации Основ на 2024–2026 годы, предусматривающий, в частности, дальнейшее совершенствование законодательства и подготовку проекта плана мероприятий на 2027–2030 годы [3]. Таким образом, закрепленный перечень ценностей приобретает значение исходного ориентира для последующих решений органов публичной власти, государственных программ и отраслевого нормотворчества.

Доктринальный анализ также свидетельствует о неоднородности нормативного материала, связанного с закреплением традиционных ценностей. Г.А. Борщевский обращает внимание на различия в составе и содержании ценностей в документах стратегического планирования и на фрагментарность механизмов их правового обеспечения [7, с. 83–84]. О.Н. Хужина указывает на сохраняющуюся терминологическую неопределенность и необходимость самостоятельной общеправовой разработки категории традиционных духовно-нравственных ценностей [5, с. 40–41]. При этом в настоящий момент остается открытым вопрос о том, какое место отдельная ценность должна занимать в механизме правового регулирования и в каких случаях она может приобретать непосредственное значение для правоприменения.

В одних случаях ценность сохраняет значение общего ориентира государственной политики, в других приобретает более выраженную юридическую функцию, влияя на толкование правовых норм, выбор способа их применения и обоснование конкретного правоприменительного решения. При этом единый подход к разграничению таких случаев в юридической науке пока не сложился. В литературе уже поставлен вопрос о возможном юридическом приоритете традиционных ценностей [6], одновременно исследователи обращают внимание, как на возможности этой категории, так и на ее ограничения [11, с. 37–40]. Отдельное направление научной дискуссии связано и с формированием правовых средств их охраны в рамках государственной политики [12, с. 40–41].

Представленное положение меняется, когда традиционные ценности начинают закрепляться непосредственно на уровне федерального законодательства. Показателен в этом отношении Закон № 243-ФЗ, который включает их в число принципов регулирования технологий искусственного интеллекта. Тем самым ценностные ориентиры получают более конкретное правовое значение и начинают влиять уже не только на содержание государственной политики, но и на регулирование отдельных видов деятельности. В этих условиях важно определить, как общее ценностное положение может использоваться при оценке конкретного объекта или решения. Чем значимее правовые последствия такой оценки, тем выше требования к ее нормативной определенности и пределам усмотрения правоприменителя.

Классификация правовых ценностей

Перечень, закрепленный в пункте 5 Основ, является закрытым и не содержит внутреннего деления ценностей на отдельные группы. Вместе с тем, входящие в него категории заметно различаются по степени юридической разработанности в действующем законодательстве. Именно это различие представляется важным для понимания возможностей их использования в правовом регулировании. Речь при этом не идет о выстраивании жесткой иерархии ценностей по степени их значимости. Существеннее определить, насколько содержание каждой из них уже раскрыто в Конституции РФ, отраслевом законодательстве, и судебной практике.

К первой группе можно отнести ценности, получившие наиболее полное нормативное закрепление. Жизнь, достоинство, права и свободы человека непосредственно закреплены в Конституции РФ [2], а их содержание получает дальнейшее развитие в различных отраслях законодательства. Справедливость и гуманизм также имеют выраженное правовое содержание и закрепляются, в частности, в качестве отраслевых принципов. Дополнительное конституционно-правовое значение после реформы 2020 года получила и защита семьи, в том числе традиционных семейных ценностей. Включение этих категорий в Указ № 809 не придает им принципиально нового юридического содержания, поскольку они уже занимают устойчивое место в правовой системе. Однако Указ объединяет их в рамках общей государственной политики, направленной на сохранение и укрепление единого перечня традиционных ценностей.

Показательным в этом отношении является обращение Конституционного Суда РФ к категории человеческого достоинства во взаимосвязи с традиционными духовно-нравственными ценностями. В Информации от 30.10.2025 гарантии индивидуальной автономии рассматриваются Судом с учетом необходимости поддержания конституционно обоснованного равновесия и сохранения конституционной идентичности государства [14]. Такой подход позволяет увидеть, что соотношение ценностей определяется не путем их формального ранжирования, а через обращение к положениям Конституции и оценке обстоятельств конкретной правовой ситуации.

Во вторую группу можно включить ценности, имеющие устойчивое публично-правовое значение, но более широкое содержание, которое раскрывается в зависимости от соответствующей сферы регулирования. К ним относятся патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, историческая память, преемственность поколений и единство народов России. Эти категории находят отражение в документах стратегического планирования, законодательстве об образовании, культуре, государственной службе, однако их правовое значение определяется исходя из конкретной сферы правового регулирования. Так, патриотизм может выступать целью воспитательной политики, но сам по себе не образует какой-либо юридической обязанности. Сходным образом ценность исторической памяти, являясь объектом государственной защиты, не становится только в силу этого самостоятельным основанием для ограничения субъективных прав граждан. Поэтому применительно к данной группе особое значение имеют содержание отраслевого регулирования и цели, для достижения которых используется соответствующая ценностная категория.

Третью группу составляют преимущественно нравственно-мировоззренческие ценности, которые пока в меньшей степени получили самостоятельное юридическое содержание. К ним можно отнести, например, такие ценности как высокие нравственные идеалы, приоритет духовного над материальным, взаимопомощь и взаимоуважение, или милосердие. Их значимость для государственной и общественной жизни не вызывает сомнений, однако возможность их непосредственного использования в правоприменении зависит от степени нормативной определенности соответствующей категории и наличия правовых механизмов ее конкретизации. Чем слабее такая ценность связана с конкретными нормами права и устоявшимися подходами к ее толкованию, тем выше риск, что содержание ценности будет формироваться преимущественно на уровне индивидуального усмотрения правоприменителя.

Такое деление целесообразно рассматривать как функциональное, поскольку степень нормативной конкретизации одной и той же ценности может различаться в зависимости от отрасли права и характера регулируемых отношений. Например, милосердие как нравственный ориентир само по себе не тождественно конкретным правовым механизмам, через которые могут выражаться идеи гуманности и смягчения государственного воздействия, включая помилование, индивидуализацию наказания и меры социальной поддержки. Следовательно, при оценке значения той или иной ценности необходимо исходить не из ее абстрактной способности приобретать правовое значение, а из конкретной нормативной формы, посредством которой она получает выражение в соответствующих правоотношениях.

Личностные, общественные и государственные ценности: проблема баланса

Второе измерение классификации связано с объектом преимущественной охраны. Для анализа возможных ценностных конфликтов целесообразно различать личностные, общественные и государственные ценности. Личностный блок связан с жизнью, достоинством, правами и свободами человека. Общественный выражается в семье, солидарности, взаимопомощи, созидательном труде и иных ориентирах, обеспечивающих устойчивость социальных связей. Государственный блок охватывает ценности, связанные с государственным единством, исторической преемственностью и национальной идентичностью: патриотизм, служение Отечеству, историческую преемственность, единство народов России. Такое деление не превращает перечисленные категории в изолированные группы, но позволяет увидеть, чьи интересы и какое социальное благо преимущественно затрагивает конкретное решение.

Подобная модель важна потому, что традиционные ценности потенциально могут конкурировать между собой. Защита общественного или государственного интереса способна затрагивать автономию личности; реализация индивидуального права, в свою очередь, может вступать в противоречие с задачами охраны семьи, общественной нравственности или исторической памяти. Сам перечень Указа № 809 не устанавливает заранее заданного приоритета одной группы над другой. Порядок перечисления также недостаточен для вывода о жесткой иерархии между ценностями.

В российской конституционной доктрине подобные конфликты рассматриваются через категорию баланса частных и публичных ин-

тересов и конституционное взвешивание. Е.С. Аничкин и Ю.А. Рудт характеризуют балансирование как прием конституционного толкования, позволяющий обосновывать допустимость и пределы ограничения прав применительно к конкретной ситуации [9, с. 83–86]. И.В. Рехтина рассматривает принцип правовой определенности в качестве одного из критериев достижения баланса публичного и частного интересов в гражданском судопроизводстве [10, с. 28–29]. Применительно к традиционным ценностям данная логика приобретает особое значение: ссылка на соответствующую ценность сама по себе не должна заменять юридическое обоснование решения, а должна соотноситься с содержанием применимой нормы, целью правового регулирования и пределами допустимого ограничения иных прав и законных интересов.

С учетом изложенного само по себе включение определенной ценности в пункт 5 Основ не может рассматриваться как достаточное основание для признания ее безусловного юридического приоритета. Ее значение в конкретной правовой ситуации зависит от того, в каком нормативном акте ценность получила закрепление, какие отношения регулируются этим актом и какие права или законные интересы при этом затрагиваются. Если защита одной ценности связана с ограничением другой, такое решение должно иметь самостоятельное правовое обоснование в каждом конкретном случае и отвечать требованию соразмерности. Тем самым ценностное содержание права может учитываться без превращения перечня традиционных ценностей в заранее заданный способ разрешения любого правового спора.

Проблемы правовой реализации традиционных ценностей

По мере расширения нормативного закрепления традиционных ценностей становятся заметнее и связанные с этим риски. Если ценностные положения включаются в нормативные акты, но их место в механизме правового регулирования и связь с конкретными юридическими последствиями не получают достаточной конкретизации, возникает опасность размывания их содержания. Само по себе частое обращение к категориям духовности, нравственности и традиции еще не усиливает их правовое значение, если соответствующие положения не получают достаточной нормативной определенности.

Представляется, что не менее важно учитывать и тот факт, что разные ценности получают неодинаковую степень правовой, организационной и финансовой поддержки. В одних случаях механизмы их реализации подробно закрепляются в законодательстве, в то время как в других соответствующие положения продолжают существовать, имея преимущественно только декларативный характер. Такое различие само по себе может быть объяснимо спецификой регулируемых отношений, однако проблемы возникают тогда, когда фактическое преимущество отдельных ценностей не получает достаточного правового обоснования. В результате возникает риск утраты доверия к самой идее баланса правовых ценностей.

Отдельная проблема связана с использованием в правоприменительной практике категорий, содержание которых еще недостаточно разработано в законодательстве. Например, если соответствие высоким нравственным идеалам или приоритету духовного над материальным начинает учитываться при принятии конкретного юридически значимого решения, особенно важным становится вопрос о пределах усмотрения правоприменителя. При отсутствии достаточно определенных нормативных оснований такая оценка неизбежно приобретает более субъективный характер, а содержание самой ценности может зависеть уже не столько от нормы права, сколько от индивидуального представления о должном.

Дополнительные сложности возникают при перенесении единого перечня ценностей в новые сферы регулирования. Закон № 243-ФЗ показывает, что традиционные ценности становятся частью регулирования больших фундаментальных моделей искусственного интеллекта [4]. Однако само включение этих категорий в новую отраслевую среду еще не отвечает на вопрос о способах оценки соответствия им конкретных технологических решений. Очевидно, что подходы, применимые к культурным или образовательным проектам, не всегда могут быть непосредственно использованы, например, при регулировании технологий искусственного интеллекта. Это вновь ставит вопрос о соотношении общего ценностного ориентира и специфики конкретной сферы регулирования.

Таким образом, проблема состоит не в самом расширении правового значения традиционных ценностей, а в том, насколько способы их нормативного закрепления соответствуют требованиям правовой определенности и соразмерности. Чем ближе ценностная категория оказывается к индивидуальному административному решению, разрешению спора или установлению обязательного требования, тем более значимыми становятся вопросы об ее нормативной основе, пределах толкования и возможности контроля за применением и исполнением.

В связи с этим, по мнению автора, дальнейшее исследование целесообразно сосредоточить на поиске способов юридической конкретизации традиционных ценностей. При этом важно учитывать, насколько каждая из них уже закреплена в действующем праве, какую роль она выполняет в конкретной сфере регулирования и как соотносится с иными ценностными категориями. В качестве одного из возможных ориентиров может использоваться практика конституционного балансирования, позволяющая оценивать допустимые пределы ограничения конкурирующих правовых интересов [9; 14]. Однако применительно к традиционным ценностям такой подход требует самостоятельного осмысления и не может быть сведен к прямому заимствованию уже сложившихся моделей.

Особенно это относится к ценностям, содержание которых сохраняет преимущественно нравственный и мировоззренческий характер. В данном случае отдельного рассмотрения требует вопрос о том, какие средства их реализации должны преимущественно использоваться: правовые либо иные формы государственной и общественной деятельности. В таких случаях воспитательные, образовательные и просветительские меры могут иметь существенное значение наряду с правовыми средствами. Н.Б. Афанасов справедливо связывает жизнеспособность традиционных ценностей не с их сохранением в неизменном виде, а с актуализацией их содержания и способов включения в современную жизнь [13, с. 30, 42–44]. Поэтому дальнейшее исследование данной проблематики целесообразно связывать не с поиском единого механизма правовой реализации традиционных ценностей, а с определением тех правовых форм, которые соответствуют содержанию конкретной ценности и характеру регулируемых отношений.

Заключение

Традиционные российские духовно-нравственные ценности в последние годы получили более последовательное нормативное закрепление и стали заметной частью государственной правовой политики. Указ № 809 сформировал общую ценностную основу государственной политики в данной сфере, определив перечень традиционных ценностей, основные цели, задачи и направления их сохранения и укрепления. Последующее развитие законодательства показывает, что отдельные ценностные положения постепенно выходят за пределы документов стратегического планирования и получают отражение в отраслевом регулировании. Изменения 2026 года дополнительно связали Основы с обновленной системой стратегического планирования, включая действующие национальные цели развития. В свою очередь, Федеральный закон № 243-ФЗ продемонстрировал возможность прямого закрепления традиционных ценностей на уровне федерального законодательства и их включения в регулирование отдельных общественных отношений. Тем самым значение традиционных ценностей постепенно расширяется: наряду с функцией общего ориентира государственной политики они начинают приобретать более конкретное правовое содержание в отдельных сферах регулирования.

Вместе с тем единый перечень объединяет категории с различной степенью нормативной конкретизации. Игнорирование этих различий создает риск аксиологической инфляции, нормативной асимметрии и подмены правовой оценки нравственным усмотрением. Поэтому перспективное направление развития состоит не в формальном расширении числа нормативных отсылок к традиционным ценностям, а в разработке механизма их юридической конкретизации. Такой механизм должен учитывать источник и степень нормативной разработанности ценности, ее функцию в конкретном регулировании, требования правовой определенности и процессуальной проверяемости, а при столкновении нескольких ценностных начал – использовать логику конституционного балансирования. Для нравственно-мировоззренческих категорий основным способом реализации могут оставаться образование, культура и просвещение. При этом правовые ограничения допустимы лишь при наличии достаточной нормативной основы. Именно такое разграничение позволяет сохранить консолидирующее значение традиционных ценностей и одновременно обеспечить предсказуемость правоприменения.

Литература

1. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 (ред. от 04.03.2026) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019 (дата обращения: 07.09.2026).

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 07.09.2026).

3. Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2024–2026 годах Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: распоряжение Правительства РФ от 01.07.2024 № 1734-р (ред. от 14.11.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202407050032 (дата обращения: 07.09.2026).

4. О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации: Федеральный закон от 26.07.2026 № 243-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202607260003 (дата обращения: 07.09.2026).

5. Хужина О.Н. Традиционные духовно-нравственные ценности в российском праве: постановка научной проблемы // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 3 (63). С. 39–43.

6. Хужина О.Н., Плешаков Е.А. О юридическом приоритете традиционных духовно-нравственных ценностей // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2024. № 1 (65). С. 32–40.

7. Борщевский Г.А. Традиционные российские ценности: институциональный анализ // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2023. № 4 (111). С. 67–93.

8. Кропачев Н.М., Архипов В.В. Традиционные духовно-нравственные ценности в контексте цифровой трансформации общества: теоретико-правовые аспекты // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. Т. 14. № 2. С. 294–306.

9. Аничкин Е.С., Рудт Ю.А. Конституционное балансирование в России: практика и перспективы // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 5. С. 80–100.

10. Рехтина И.В. Баланс публичного и частного интересов и принцип правовой определенности в гражданском судопроизводстве // Российско-Азиатский правовой журнал. 2021. № 1. С. 27–30.

11. Гилязова О.С. Традиционные российские ценности: понятия, назначение, достоинства и ограничения // Социально-политические исследования. 2024. № 2 (23). С. 27–45.

12. Мещерякова А.Ф. Правовая охрана и защита традиционных ценностей в контексте обеспечения духовно-нравственной и религиозной безопасности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 39–44.

13. Афанасов Н.Б. О современности и своевременности традиционных ценностей // Patria. 2024. Т. 1. № 1. С. 30–49.

14. Информация Конституционного Суда Российской Федерации от 30.10.2025 «Конституционно-правовая защита человеческого достоинства: актуальные аспекты» // ГАРАНТ: информационно-правовой портал. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412861663/ (дата обращения: 07.09.2026).

TRADITIONAL RUSSIAN VALUES IN LEGAL REGULATION: PROBLEMS OF LEGAL SPECIFICATION AND LAW ENFORCEMENT

Zhikov M.V.
Saint-Petersburg Humanitarian University of Trade Unions

The article examines changes in the legal role of traditional Russian spiritual and moral values and the degree of their normative specification. Based on an analysis of Presidential Decree of the Russian Federation № 809 of November 9, 2022, and sector-specific regulation, it is shown that the unified list combines values with different regulatory potential. The study identifies the risks of normative asymmetry, the declarative expansion of value-based terminology, and the substitution of legal assessment with worldview-based discretion. The article also outlines directions for further legal specification of these values with due regard to the requirements of legal certainty and proportionality.

Keywords: traditional Russian spiritual and moral values, legal axiology, Decree № 809, legal certainty, legal specification, law enforcement, artificial intelligence.

References

1. On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Decree of the President of the Russian Federation № 809 of November 9, 2022 (as amended on March 4, 2026) // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019 (accessed: September 7, 2026).

2. Constitution of the Russian Federation (adopted by nationwide vote on December 12, 1993, with amendments approved during the nationwide vote on July 1, 2020) // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: http://pravo.gov.ru (accessed: September 7, 2026).

3. On Approval of the Action Plan for the Implementation in 2024–2026 of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Order of the Government of the Russian Federation № 1734-r of July 1, 2024 (as amended on November 14, 2025) // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202407050032 (accessed: September 7, 2026).

4. On Supporting the Development of Artificial Intelligence Technologies in the Russian Federation: Federal Law № 243-FZ of July 26, 2026 // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202607260003 (accessed: September 7, 2026).

5. Khuzhina O.N. Traditional Spiritual and Moral Values in Russian Law: Formulation of a Scientific Problem // Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 3 (63). Pp. 39–43.

6. Khuzhina O.N., Pleshakov E.A. On the Legal Priority of Traditional Spiritual and Moral Values // Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024. № 1 (65). Pp. 32–40.

7. Borshchevsky G.A. Traditional Russian Values: An Institutional Analysis // Politeia: Analysis. Chronicle. Forecast. 2023. № 4 (111). Pp. 67–93.

8. Kropachev N.M., Arkhipov V.V. Traditional Spiritual and Moral Values in the Context of the Digital Transformation of Society: Theoretical and Legal Aspects // Vestnik of Saint Petersburg University. Law. 2023. Vol. 14. № 2. Pp. 294–306.

9. Anichkin E.S., Rudt Yu.A. Constitutional Balancing in Russia: Practice and Prospects // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2019. № 5. Pp. 80–100.

10. Rekhtina I.V. Balance of Public and Private Interests and the Principle of Legal Certainty in Civil Proceedings // Russian-Asian Law Journal. 2021. № 1. Pp. 27–30.

11. Gilyazova O.S. Traditional Russian Values: Concepts, Purpose, Advantages and Limitations // Social and Political Research. 2024. № 2 (23). Pp. 27–45.

12. Meshcheryakova A.F. Legal Protection and Safeguarding of Traditional Values in the Context of Ensuring Spiritual, Moral and Religious Security // Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 2 (70). Pp. 39–44.

13. Afanasov N.B. On the Modernity and Timeliness of Traditional Values // Patria. 2024. Vol. 1. № 1. Pp. 30–49.

14. Information of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 30, 2025 «Constitutional and Legal Protection of Human Dignity: Current Aspects» // GARANT Legal Information Portal. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412861663/ (accessed: September 7, 2026).

Институциональные структуры и организационно-правовые модели военного строительства в османской империи и России в XVI–XVIII вв.

Ильтер Серхат,
аспирант, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: s2021693@edu.msal.ru

Статья посвящена сравнительному историко-правовому исследованию институциональных структур и организационно-правовых моделей военного строительства в Османской империи и Российском государстве XVI–XVIII вв. Научная проблема определяется необходимостью рассматривать военную организацию раннемодерных государств не только как совокупность военно-технических и административных мероприятий, но и как особую сферу формирования и реализации публично-правовых отношений. В исследовании анализируются правовые механизмы комплектования вооружённых сил, имущественное обеспечение военной службы, статус военнослужащих, административная иерархия, система государственного финансирования, дисциплинарная и уголовная ответственность, а также военно-судебные институты. Особое внимание уделяется сравнительному анализу османской тимарной системы, корпуса капыкулу и янычарского войска, с одной стороны, и российского поместного войска, стрелецких формирований, полков нового строя и регулярной армии XVIII в. – с другой. Обосновывается положение о том, что функциональное сходство отдельных военно-служилых институтов не означает тождества их юридической природы. Тимар и русское поместье выполняли сходную функцию материального обеспечения службы, однако существовали в различных системах земельного, налогового и административного права. Переход к постоянным и регулярным формам военной организации сопровождался усилением непосредственного государственного регулирования службы и формированием специальных норм военно-служебного и военно-уголовного права. На материале российского законодательства Петровской эпохи исследуется значение «Артикула воинского» 1715 г. как источника, закрепившего специальный режим военной дисциплины и ответственности. В результате устанавливается, что военное строительство XVI–XVIII вв. являлось одним из факторов институциональной трансформации государства: изменение способов комплектования и содержания армии сопровождалось изменением правового статуса военнослужащих, расширением административной компетенции государства и специализацией механизмов юридической ответственности.

Ключевые слова: история государства и права, Османская империя, Российское государство, военное строительство, военное право, тимарная система, тимар, сипахи, капыкулу, янычары, поместная система, дворянская служба, стрельцы, полки нового строя, рекрутская система, регулярная армия, военное законодательство, военная юстиция.

Военное строительство в государствах в XVI–XVII вв. являлось одним из наиболее сложных направлений деятельности публичной власти. Создание боеспособной армии требовало не только наличия людских ресурсов и вооружения, но и формирования устойчивой системы правовых отношений, посредством которой государство могло обеспечивать комплектование войск, определять обязанности военнослужащих, распределять материальные ресурсы, устанавливать порядок командования и применять принудительные меры при нарушении служебных обязанностей. В XVI–XVIII вв. данная проблема приобрела особую остроту в Османской империи и Российском государстве. Обе державы располагали обширными территориями, сложным социальным составом населения и значительными военными потребностями. Однако институциональные механизмы, посредством которых государственная власть организовывала вооружённые силы, формировались в различных правовых и административных условиях. Именно поэтому сопоставление Османской империи и России представляет интерес не только для военной истории, но прежде всего для истории государства и права. Военная служба в обеих системах была связана с публичной обязанностью, имущественным обеспечением, административным подчинением и юридической ответственностью. Следовательно, изменение военной организации неизбежно затрагивало содержание государственных институтов. В отечественной историко-правовой литературе российская военная организация рассматривается в тесной связи с формированием централизованного государства. Поместное землевладение стало одним из механизмов обеспечения служилых людей и формирования конного войска. Его особенность заключалась в том, что имущественное положение служилого человека было связано с исполнением публичной обязанности. Поэтому поместье нельзя понимать исключительно как форму землевладения: оно являлось частью механизма организации государственной службы.

В Османской империи сходную функциональную нагрузку выполняла тимарная система. Согласно энциклопедическому определению, тимар представлял собой форму условного доходного владения, выделявшегося из фонда казённых земель и связывавшего получение дохода с участием держателя в военных походах. В зависимости от доходности тимара определялся и объём связанных с ним военных обязательств; невыполнение этих обязанностей могло повлечь утрату соответствующего владения[1]. Уже сама конструкция тимара показывает, что военная служба была встроена в систему публичных финансов и территориального управления. Государство не просто предоставляло военнослужащему материальное содержание, а определённым образом связывало получение дохода с исполнением публичной обязанности. Тем самым имущественное отношение становилось элементом военно-служебного механизма.

Российская поместная система обладала иной юридической природой, но также связывала имущественный ресурс с государственной службой. Служилый человек получал возможность пользоваться земельным фондом на условиях, обусловленных его обязанностью перед государством. В этом отношении поместная система являлась важнейшим институтом служилого государства.

Сравнение этих институтов позволяет сформулировать исходную исследовательскую позицию настоящей статьи: военное строительство XVI–XVIII вв. следует изучать как процесс формирования особого комплекса публично-правовых отношений, а не только как изменение состава и организации вооружённых сил. Такой подход требует разграничения нескольких взаимосвязанных элементов. Во-первых, необходимо определить правовой механизм поступления на военную службу. Во-вторых, исследовать имущественную и финансовую основу службы. В-третьих, определить положение военнослужащего в административной иерархии. В-четвёртых, рассмотреть систему дисциплинарной и уголовной ответственности. В-пятых, установить, каким образом изменение военной организации влияло на развитие государственного аппарата. Именно последовательность этих вопросов позволяет проследить переход от военно-служилых систем XVI–XVII вв. к более централизованным моделям XVIII столетия. Особое значение

[1] Кораев Т.К. Тимар // Большая российская энциклопедия: электронная версия. М., 2016. Т. 32. С. 135.

в этом отношении имеет российская Петровская эпоха. К началу XVIII в. традиционные формы военной организации уже не обеспечивали в полном объёме потребности государства в постоянной армии. Создание регулярных войск потребовало изменения принципов комплектования, системы управления, материального обеспечения и правового регулирования службы. «Артикул воинский» 1715 г. занимает в данном процессе особое место. Источник был издан 26 апреля 1715 г.; современная публикация фиксирует его как самостоятельный нормативный памятник российского права, опубликованный в составе «Законодательства Петра I»[1]. Значение данного памятника для истории государства и права состоит не только в установлении наказаний за воинские преступления. Он создавал нормативную модель военной дисциплины, определял характер подчинения, закреплял специальные составы нарушений службы и тем самым оформлял особый правовой режим военнослужащих. Таким образом, исследование военного строительства через правовые институты позволяет увидеть более глубокую закономерность: централизация вооружённых сил сопровождалась централизацией юридического регулирования военной службы.

Османская военная система XVI в. основывалась на сочетании нескольких организационных механизмов[2]. Нельзя сводить её к одному институту, поскольку военная сила империи формировалась посредством взаимодействия центральных войск, провинциальной военно-фискальной организации и различных форм мобилизации населения. Особое место занимала тимарная система. Её историко-правовая специфика заключалась в соединении трёх элементов: территориального управления, получения дохода и исполнения военной обязанности. В отличие от современного частноправового представления о собственности, держатель тимара не получал абсолютного права распоряжения территорией как самостоятельным объектом частной собственности. Юридическое значение имело право получать определённые доходы, связанные с соответствующим источником. Поэтому тимар следует анализировать прежде всего в контексте публично-правовой организации государства. Это обстоятельство принципиально важно для сравнительного исследования с Россией. Если абстрагироваться от юридической терминологии и рассматривать исключительно экономическую функцию, тимар и поместье действительно обнаруживают значительное сходство. Оба института обеспечивали материальную основу для военной службы. Однако при рассмотрении их юридического содержания выявляются существенные различия. Тимар являлся частью османской военно-фискальной системы. Держатель получал право на доход, но это право было связано с выполнением военных обязанностей[3]. Для тимаров существовала установленная зависимость между размером дохода и количеством сопровождавших держателя вооружённых конников; невыполнение соответствующих обязательств могло повлечь конфискацию тимара[4].

Таким образом, право здесь выполняло две взаимосвязанные функции. С одной стороны, оно закрепляло материальный ресурс военнослужащего. С другой – превращало получение этого ресурса в условное право, обусловленное исполнением государственной обязанности. Из этого следует, что тимар нельзя рассматривать как обычную форму земельного владения. Его существование поддерживалось государственным административным механизмом: необходимо было определять размер дохода, фиксировать права держателя, контролировать исполнение службы и применять санкции при нарушении установленных требований. Тимарная система являлась не только экономическим, но и административно-правовым институтом.

Сопоставление тимара с российским поместьем является одним из центральных вопросов сравнительной истории государства и права. На поверхностном уровне сходство очевидно. В обоих случаях государство использовало имущественный ресурс для обеспечения военной функции. Лицо, связанное с соответствующим владением или доходом, должно было исполнять определённые обязанности перед государством. Однако одинаковая функция ещё не означает одинакового права. В Российском государстве поместная система формировалась в рамках московской системы служилого землевладения. Её развитие было связано с процессом централизации и с превращением дворянства в важнейшую военно-служилую группу. Поместье являлось частью системы, в которой государственная служба определяла положение значительной части служилого населения. Поэтому земельный ресурс выступал средством материального обеспечения службы.

В Османской империи тимар функционировал прежде всего как элемент военно-фискального устройства провинций. Держатель получал доход не потому, что обладал универсальным частным правом собственности, а потому, что государственная система предоставляла ему соответствующий источник дохода в связи с его служебным положением. Итак, различие можно выразить следующим образом: в российской системе земельное обеспечение было встроено в служилое землевладение, тогда как в османской системе доходное право являлось частью военно-фискального механизма. Это различие имело последствия для последующего развития обеих моделей. В России постепенное усиление наследственного характера дворянского землевладения и изменение характера службы способствовали трансформации первоначальной связи между поместьем и непосредственным исполнением военной обязанности. В Османской империи изменения военно-фискальной системы постепенно ослабляли классическую тимарную модель, поскольку государство всё чаще нуждалось в иных формах финансирования и содержания войск[5]. Таким образом, в обоих государствах произошло постепенное расхождение между имущественным обеспечением и непосредственным исполнением военной службы, однако пути этого расхождения были различными.

Параллельно с провинциальной тимарной системой в Османской империи существовала система центральных войск капыкулу. Её значение для истории государства и права определяется прежде всего характером связи между военнослужащим и государственным центром. В данном случае материальное и служебное положение лица было непосредственно связано с центральной властью. Особое место занимал корпус янычар. Его развитие показывает постепенное формирование профессионализированной военной структуры, для которой требовались собственные нормы дисциплины, подчинения, снабжения и внутренней организации[6]. Здесь происходило изменение самой модели государственной службы. Военнослужащий уже не только получал экономическую возможность исполнять военную обязанность; он непосредственно включался в государственную организацию. Это различие имело принципиальное юридическое значение. В военно-фискальной модели государство могло передавать часть доходов в распоряжение военнослужащего и связывать их с обязательством службы. В центральной модели государство непосредственно организовывало службу, определяло порядок подчинения и обеспечивало функционирование военного корпуса.Таким образом, развитие центральных войск означало усиление непосредственного административного характера государственной власти.

Российское поместное войско формировалось в рамках служилой организации Московского государства. Его принципиальной особенностью было соединение имущественного и публично-служебного статуса. Земельное обеспечение позволяло служилому человеку содержать себя и выполнять военную обязанность, а государство получало военно-мобилизационный ресурс. Правовое значение этой системы состояло в том, что государственная служба становилась определяющим фактором социально-правового положения дворянства. Служилый человек не мог рассматриваться только как частный землевладелец. Его статус определялся также обязанностями перед государством. Именно поэтому развитие поместной системы имело значение для формирования российского сословного права. Земельный ресурс и государственная служба образовывали взаимосвязанную систему, в рамках которой имущественные отношения поддерживали публичную обязанность. При этом необходимо учитывать, что реальная практика значительно сложнее нормативной модели. Государство было заинтересовано в сохранении служебной функции поместий, но постепенно сталкивалось с процессом сближения поместного и вотчинного землевладения[7]. В результате первоначальная модель «земля за службу» постепенно трансформировалась. Это имело важное правовое последствие: по мере изменения имущественного статуса дворянства возникала необходимость искать новые основания для военной обязанности. Такой переход подготовил почву для последующих реформ.

[1] Артикул воинский. 26 апреля 1715 г. // Законодательство Петра I.М., 1997. С. 751–791.

[2] Тверитинова А.С. Аграрный строй Османской империи XV–XVII вв.: Документы и материалы. М. 1963. 223 с.

[3] См.: Kaldy-Nagy G. The First Centuries of the Ottoman Military Organization // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1977. Vol. 31, № 2. p. 147–183.

[4] Кораев Т.К. Тимар. С. 135.

[5] См.: Gábor Ágoston. Military Transformation in the Ottoman Empire and Russia, 1500–1800. //Kritika: Exploration in Russian and Eurasian History. 2011. Vol. 12 (№ 2). p. 283–286.

[6] İnalcık H. An Economic and Social History of the Ottoman Empire, 1300–1914. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. p. 995.

[7] См.: Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М. 1985. 279 с.; Водарский Я.Е. Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XIX в. М. 1988. 301 с.; Стрельников С.В. К изучению обстоятельств складывания поместной системы в Русском государстве в конце XV в. (Ростов и Новгород) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Ч. 1. Великий Новгород, 2000. С. 130–134; Маньков А.Г. Уложение 1649 г. М., 2003 369 с.; Бенцианов М.М. Князья, бояре и дети боярские. Система служебных отношений в Московском государстве в XV–XVI вв. М. 2019. 350 с

Стрелецкое войско занимает особое положение в истории российского военного права. В отличие от поместной конницы, стрельцы представляли собой более постоянный военный контингент. Это означало, что государство должно было регулировать не только обязанность явиться на службу в случае военного похода, но и постоянное пребывание человека в составе военной организации. Возникала необходимость правового определения: порядка зачисления, служебных обязанностей, подчинения, материального обеспечения, ответственности и порядка внутреннего управления. Тем самым стрелецкая организация способствовала дальнейшему отделению военной службы от непосредственного земельного обеспечения[1]. Однако стрельцы не являлись полностью профессиональной армией в позднейшем смысле. Их социальное и имущественное положение сохраняло особенности переходной системы. поэтому их институт следует рассматривать как промежуточную форму между традиционной военно-служилой организацией и регулярной армией XVIII столетия.

Создание полков нового строя стало следующим этапом институциональной трансформации российской армии. Здесь особенно заметно изменение роли государства. Если традиционная система в значительной степени основывалась на мобилизации уже существующей социальной структуры, то полки нового строя требовали постоянного организационного контроля. Государство должно было определять штат, структуру командования, систему подготовки и снабжения. И военная организация становилась всё более бюрократизированной. В правовом отношении это означало расширение административной компетенции государства. Военнослужащий теперь включался в более формализованную служебную иерархию. Его положение определялось не только происхождением и имущественным статусом, но и должностью внутри военной организации. Это обстоятельство имело фундаментальное значение для последующего формирования регулярной армии.

Рекрутская повинность, на протяжении многих лет обеспечивавшая русскую регулярную армию солдатами, давно и подробно изучена исследователями. Они рассматривают вокруг этой системы самые разные темы: как проходили наборы, включая очередные и жеребьёвые, как распределялись призывы по годам, на какие сословия и группы населения ложилась эта обязанность, а также как рекрутчина, чаще всего в негативном свете, отражалась на хозяйстве и повседневной жизни страны[2]. Система пополнения регулярных вооружённых сил в России формировалась постепенно, а не сразу. Поначалу это были отдельные распоряжения, связанные с разовыми наборами «даточных людей» на службу. К таким документам относится, например, указ от 6 декабря 1699 года «Об изготовлении служивых людей к походу и о сборе с тех, кои на службу быть не пожелают, деньгами по указанным статьям»[3]. Да и требования к годности для службы тоже вводились не сразу. Сначала предписывалось лишь приводить людей на смотр «вдвое, чтобы было из кого выбрать», при этом им должно было быть от 20 до 30 лет, а среди них не должно было оказаться «увечных и дураков»[4].

Обычно начало рекрутской повинности как полноценной системы набора армии связывают с 20 февраля 1705 года. Тогда был издан именной указ «О наборе рекрут, с 20 дворов по человеку, от 15 до 20 лет возраста». Одновременно появились «Статьи, данные Стольникам о сборе даточных солдат или рекрут». В них подробно разъяснялось, как проводить набор и составлять списки, как размещать и содержать солдат на постоялых дворах и станциях, а также отдельно подчёркивалось, что беглецов и нарушителей порядка следует наказывать. Важно и то, что указ «О наборе рекрут…» был направлен в Поместный приказ. Именно этот приказ ведал государственными землями, которые раздавались в поместья, и там же вели «даточные» книги с указанием размеров всех поместий. Именно Поместный приказ отправлял писцов, дозорщиков и межевщиков, чтобы те вели учётные записи. В этих документах содержались сведения, которые нужны были не только для сбора налогов, но и для подсчёта даточных людей, то есть рекрутов. В 1707 году вышел указ: всех офицеров, которых Поместный приказ посылал на рекрутский набор, велено было вернуть в Москву, а сами дела передать воеводам и «другим начальствующим в городах»[5]. В феврале 1710 года появилось ещё одно распоряжение, где порядок уточнялся: «рекрут собирать по губерниям губернаторам, а собрав… послать их, куда указом определено будет»[6]. Чтобы у губернаторов были нужные данные для набора, им приказали направить в Поместный приказ дьяков и подьячих – переписывать дела, книги и столбцы. 12 августа 1712 года Сенат издал указ «О введении Поместного приказа в Сенат и передаче дел по набору рекрут и рабочих людей Московской губернской канцелярии». С этого времени стали формироваться местные исполнительные органы, которые следили за тем, как население исполняет рекрутскую повинность. Параллельно усиливались и центральные структуры управления. В 1711 году в Москве учредили Комиссариат – отдельное ведомство, которое занималось набором и «ремонтированием» армии, а также снабжало войска деньгами, вещами и ручным оружием. В 1723 году, чтобы военное управление стало более единым, Комиссариат подчинили Военной коллегии, а в январе 1736 года при её президенте графе Х.А. Минихе его объединили с коллегией. После этого набор рекрутов и их отправка в полки стали обязанностью Военной коллегии. Дальнейшее влияние на органы комплектования регулярной армии оказала административная реформа.

Рекрутская система XVIII в. представляла собой качественно новый механизм комплектования армии. Её отличие от поместной модели заключалось в том, что государство получало возможность непосредственно определять контингент лиц, подлежащих военной службе. Военная обязанность переставала быть исключительно характеристикой служилого сословия. Она становилась публичной повинностью, осуществляемой через административный механизм. Для государства это означало необходимость ведения учёта населения, определения соответствующих категорий, установления норм набора и контроля исполнения. Рекрутская система была одновременно военным, административным и правовым институтом. Она расширяла возможности государства по мобилизации людских ресурсов и одновременно усиливала вмешательство публичной власти в жизнь податного населения. В результате происходило дальнейшее укрепление централизованного характера государства.

Значение для завершения институциональной перестройки российской армии имел «Артикул воинский» 1715 г. В отличие от прежних разрозненных норм, новый законодательный акт формировал специальную систему военно уголовных предписаний. Сам источник был опубликован в 1715 г., а современная научная публикация указывает его объём в составе соответствующего законодательного издания[7]. Принципиальное значение имело установление специальных составов нарушений военной службы. Нарушение приказа, неподчинение начальству, нарушение караульной службы, оставление места службы, преступления против воинской дисциплины рассматривались как деяния, затрагивающие не только частные интересы, но и способность армии выполнять государственную функцию. Отсюда вытекала особая строгость военно-уголовных норм. Право защищало не просто порядок внутри воинской части. Оно защищало саму организационную способность государства использовать вооружённую силу. Именно поэтому военное уголовное право XVIII в. следует рассматривать как часть публичного права.

Формирование специального военно-уголовного законодательства неизбежно требовало соответствующего судебного механизма. На практике военная юстиция воплощала в жизнь нормы, регулирующие службу. При этом она выполняла сразу две функции. С одной стороны, военный суд наказывал военнослужащих за проступки. С другой стороны, он являлся инструментом поддержания административной иерархии и дисциплины. Из этого видно, что судебная власть в армии была тесно связана с системой управления. Это показывает, что регулярная армия представляла собой не просто новый тип войск, а особый государственный институт с собственной системой управления и юридической ответственности.

Сравнительный анализ показывает наличие общей исторической закономерности: обе системы постепенно сталкивались с необходимостью уменьшения зависимости военной организации от традиционного военно-имущественного уклада. Однако формы решения проблемы различались. В Османской империи традиционная тимарная система продолжала существовать наряду с центральными войсками и другими механизмами финансирования и комплектования[8]. В России трансформация постепенно привела к созданию более унифицированной регулярной армии, основанной на централизованном комплектовании

[1] См.: Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М.1954.

[2] Трошина Т.И. Рекрутская повинность в Архангельской губернии // Защитники Отечества: Материалы XXIII. Архангельск, 2007. С. 118–133.

[3] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1. Т. 3. № 1729. СПБ. 1830, С. 677.

[4] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1. Т. 4. № 1944. СПБ. 1830, С. 225; Редигер А.Ф. Комплектование и устройство вооружённой силы // Российский военный сборник. 1994. Вып. 4. С. 49.

[5] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1. Т. 4. № 2180. С. 399–400.

[6] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1. Т. 4. № 2251. С. 477.

[7] Артикул воинский. 26 апреля 1715 г. // Законодательство Петра I.М., 1997. С. 751–791.

[8] См.: Imber C. The Ottoman Empire, 1300–1650: The Structure of Power. 2nd ed. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002. 405 с.

и специальном законодательстве. Поэтому нельзя утверждать, что одна система просто «повторяла» другую. Правильнее говорить о функционально сходных ответах двух государств на общую проблему: как превратить ограниченные и распределённые военно-фискальные ресурсы в постоянную государственную военную силу. Российское государство решало эту проблему посредством всё большей унификации службы и расширения административно-правового регулирования. Османская империя дольше сохраняла многосоставность военно-фискальной организации. В обоих случаях результатом становилось усиление государства как непосредственного организатора военной службы. Именно эта тенденция представляет наибольший интерес для истории государства и права. Военное строительство становилось механизмом институциональной централизации.

Заключение

Сравнительное исследование военно-организационных систем Османской империи и Российского государства XVI–XVIII вв. позволяет сделать вывод о непосредственной связи военного строительства с развитием институтов государства и права. В обеих державах военно-служилые отношения первоначально основывались на тесном соединении имущественного ресурса и публичной обязанности. В Османской империи данная связь получила выражение в тимарной системе, в России – в поместном обеспечении служилого сословия. Однако юридическая природа этих институтов не была тождественной. Османский тимар являлся элементом военно-фискальной и провинциально-административной системы. Его держатель получал право на определённый доход при условии исполнения установленных военно-служилых обязанностей. Российское поместье развивалось как элемент служилого землевладения, в котором имущественное положение было связано с обязанностью государственной службы.

Таким образом, одинаковая функциональная задача – обеспечение военной службы – решалась посредством различных правовых конструкций. В дальнейшем обе системы столкнулись с объективным усложнением военного дела. Рост значения постоянных войск, огнестрельного оружия, артиллерии, длительных военных кампаний и централизованного снабжения требовал более устойчивой административной организации. В Османской империи усиление центральных войск увеличивало непосредственную связь военнослужащего с государственной властью.

В России развитие стрелецкого войска, полков нового строя и затем регулярной армии вело к постепенному отделению военной службы от традиционного поместного механизма. Особое значение в российской истории имела рекрутская система, превратившая комплектование армии в централизованно регулируемую публичную повинность. Одновременно происходила юридическая специализация военной службы. «Артикул воинский» 1715 г. стал важнейшим выражением этой тенденции. Он закрепил особые нормы военной дисциплины и ответственности и тем самым сформировал специальный режим военно-уголовного права. Из этого следует принципиальный для истории государства и права вывод: военная модернизация раннемодерного государства неизбежно сопровождалась правовой модернизацией военной службы. Армия становилась самостоятельным институциональным элементом государственного механизма. Для её функционирования требовались специальные нормы о комплектовании, служебной иерархии, материальном обеспечении, дисциплине, ответственности и судопроизводстве. При этом российская и османская модели сохраняли существенные различия. Российская трансформация XVIII в. привела к более последовательной унификации военной службы и формированию регулярной армии с развитой системой военно-правового регулирования. Османская система дольше сохраняла сочетание традиционных военно-фискальных институтов и центральных войск. Итак, сравнительная история военного строительства позволяет увидеть в армии не только средство ведения войны, но и важнейший механизм формирования публичного права. Через организацию военной службы государство определяло правовой статус значительных групп населения, перераспределяло имущественные ресурсы, формировало административную иерархию и создавало специальные формы юридической ответственности. В XVI–XVIII вв. военное строительство тем самым выступало одним из каналов перехода от преимущественно традиционных военно-служилых отношений к более централизованным административно-правовым моделям. Именно в этом заключается его значение для истории государства и права.

Литература

1. Imber C. The Ottoman Empire, 1300–1650: The Structure of Power. 2nd ed. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002. 405 с.

2. İnalcık H. An Economic and Social History of the Ottoman Empire, 1300–1914. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 995.

3. Kaldy-Nagy G. The First Centuries of the Ottoman Military Organization // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1977. Vol. 31, № 2. P. 147–183.

4. Артикул воинский купно с процесом, надлежащим судящим. Санкт-Петербург: Печатано повелением царского величества, 1715. 152 с.

5. Артикул воинский. 26 апреля 1715 г. // Законодательство Петра I.М.: Юридическая литература, 1997. С. 751–791.

6. Бенцианов М.М. Князья, бояре и дети боярские. Система служебных отношений в Московском государстве в XV–XVI вв. М. 2019. 350 с.

7. Водарский Я.Е. Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XIX в. М. 1988 301 с.

8. Кобрин В.Б. Власть и собственность в средневековой России (XV–XVI вв.). М. 1985 279 с.

9. Кораев Т.К. Тимар // Большая российская энциклопедия: электронная версия. М., 2016. Т. 32. С. 135.

10. Маньков А.Г. Уложение 1649 г. М., 2003 369 с.

11. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1. Т. 4. № 1944. СПБ. 1830, с. 881.

12. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1. Т. 4. № 2180. СПБ. 1830, с. 881.

13. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1. Т. 4. № 2251. СПБ. 1830, с. 881.

14. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 1. Т. 3. № 1729. СПБ. 1830, с. 691.

15. Стрельников С. В. К изучению обстоятельств складывания поместной системы в Русском государстве в конце XV в. (Ростов и Новгород) // Прошлое Новгорода и Новгородской земли. Ч. 1. Великий Новгород, 2000. с. 130–134.

16. Тверитинова А.С. Аграрный строй Османской империи XV–XVII вв.: Документы и материалы. М. 1963. 223 с.

17. Трошина Т.И. Рекрутская повинность в Архангельской губернии // Защитники Отечества: Материалы XXIII. Архангельск, 2007. С. 118–133.

18. Чернов А.В. Вооруженные силы Русского государства в XV–XVII вв. М.: Воениздат, 1954. 224 с.

INSTITUTIONAL STRUCTURES AND ORGANIZATIONAL–LEGAL MODELS OF MILITARY ORGANIZATION IN THE OTTOMAN EMPIRE AND RUSSIA IN THE 16TH-18TH CENTURIES

Serhat İlter
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

This article presents a comparative historical and legal study of the institutional structures and organizational-legal models of military organization in the Ottoman Empire and the Russian State during the sixteenth to eighteenth centuries. The scholarly problem is determined by the need to examine the military organization of early modern states not merely as a set of military-technical and administrative measures, but also as a distinct sphere in which public-law relations were established and implemented. The study analyzes the legal mechanisms for the recruitment of armed forces, the material provision of military service, the legal status of military personnel, administrative hierarchy, the system of state financing, disciplinary and criminal liability, as well as military judicial institutions. Particular attention is devoted to a comparative analysis of the Ottoman timar system, the Kapıkulu corps, and the Janissary army, on the one hand, and the Russian pomestie-based service army, streltsy formations, regiments of the new order, and the regular army of the eighteenth century, on the other. The article substantiates the proposition that the functional similarity of individual military-service institutions does not imply the identity of their legal nature. The timar and the Russian pomestie performed a similar function of materially supporting military service; however, they operated within different systems of land, tax, and administrative law. The transition to permanent and regular forms of military organization was accompanied by the strengthening of direct state regulation of military service and the development of specialized norms of military-service and military-criminal law. Drawing on Russian legislation of the Petrine era, the study examines the significance of the Military Articles (Artikul voinskiy) of 1715 as a legal source that established a special regime of military discipline and liability. The study concludes that military organization in the sixteenth to eighteenth centuries constituted one of the factors contributing to the institutional transformation of the state: changes in the methods of recruiting and maintaining the army were accompanied by changes in the legal status of military personnel, an expansion of the administrative powers of the state, and the specialization of mechanisms of legal liability.

Keywords: history of state and law, Ottoman Empire, Russian State, military organization, military law, timar system, timar, sipahis, Kapıkulu, Janissaries, pomestie system, noble service, streltsy, regiments of the new order, conscription system, regular army, military legislation, military justice.

References

1. Imber, C. The Ottoman Empire, 1300–1650: The Structure of Power. 2nd ed. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002. 405 p.
2. İnalcık, H. An Economic and Social History of the Ottoman Empire, 1300–1914. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 995 p.
3. Kaldy-Nagy, G. «The First Centuries of the Ottoman Military Organization.» Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1977. Vol. 31, № 2. pp. 147–183.
4. Military Articles, Together with the Proper Judicial Procedure. St. Petersburg: Printed by Order of His Tsarist Majesty, 1715. 152 p.
5. «Military Articles.» April 26, 1715. In: Legislation of Peter I. Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1997. pp. 751–791.
6. Bentsianov, M.M. Princes, Boyars, and Boyar Children: The System of Service Relations in the Muscovite State in the Fifteenth and Sixteenth Centuries. Moscow, 2019. 350 p.
7. Vodarsky, Ya.E. Noble Landownership in Russia in the Seventeenth to the First Half of the Nineteenth Century. Moscow, 1988. 301 p.
8. Kobrin, V.B. Power and Property in Medieval Russia (Fifteenth–Sixteenth Centuries). Moscow, 1985. 279 p.
9. Koraev, T. K. «Timar.» Great Russian Encyclopedia: Electronic Edition. Moscow, 2016. Vol. 32. 135 p.
10. Mankov, A.G. The Law Code of 1649. Moscow, 2003. 369 p.
11. Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI). First Collection. Vol. 4. № 1944. St. Petersburg, 1830. 881 p.
12. Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI). First Collection. Vol. 4. № 2180. St. Petersburg, 1830. 881 p.
13. Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI). First Collection. Vol. 4. № 2251. St. Petersburg, 1830. 881 p.
14. Complete Collection of Laws of the Russian Empire (PSZRI). First Collection. Vol. 3. № 1729. St. Petersburg, 1830. 691 p.
15. Strelnikov, S. V. «On the Study of the Circumstances Surrounding the Formation of the Pomestie System in the Russian State at the End of the Fifteenth Century (Rostov and Novgorod).» In: The Past of Novgorod and the Novgorod Land. Part 1. Veliky Novgorod, 2000. pp. 130–134.
16. Tveritinova, A.S. The Agrarian System of the Ottoman Empire in the Fifteenth–Seventeenth Centuries: Documents and Materials. Moscow, 1963. 223 p.
17. Troshina, T. I. «The Conscription Obligation in Arkhangelsk Governorate.» In: Defenders of the Fatherland: Proceedings of the 23rd Conference. Arkhangelsk, 2007. pp. 118–133.
18. Chernov, A.V. The Armed Forces of the Russian State in the Fifteenth–Seventeenth Centuries. Moscow: Voenizdat, 1954. 224 p.

Критерии легитимности власти в западноевропейской правовой мысли XIII–XVII веков: опыт классификации

Клычев Рафаэль Арзабекович,
кандидат юридических наук, доцент, Пятигорский государственный университет
E-mail: rafael-77@inbox.ru

Хапаев Аслан Русланович,
аспирант, Карачаево-Черкесский филиал НОЧУ ВО «Синергия»
E-mail: aslan.khapayev@mail.ru

Цель статьи – классифицировать критерии легитимности власти, применявшиеся в западноевропейской правовой мысли XIII–XVII вв., и определить характер их соотношения. Основанием деления избран предмет проверки: то, о чем спрашивают, вынося суждение об обоснованности притязания власти на повиновение. Выделены три критерия – телеологический, генетический и нормативный; показано, что институциональные конструкции эпохи самостоятельного критерия не образуют. Ведущим предложено считать критерий, отрицательный результат по которому прекращает проверку; по этому признаку к XVII в. критерии действуют совместно, а первенство переходит от цели власти к ее происхождению.

Ключевые слова: легитимность власти; критерии легитимности; телеологический критерий; генетический критерий; нормативный критерий; легальность; тирания; общее благо; история учений о праве и государстве.

Введение

Вопрос о том, при каких условиях притязание власти на повиновение следует считать обоснованным, ставится правовой наукой непрерывно; меняются ответы, но не сам вопрос, и это делает сопоставимыми доктрины, разделенные столетиями. Понятие легитимности употребляется в двух смыслах: в одном оно описывает фактическое расположение общества к власти [1], в другом оценивает притязание, обоснованность которого не совпадает с соблюдением процедуры, которой власть оформлена [5]. Статья работает со вторым понятием. Проблема признается для эпохи сквозной: к основным вопросам кембриджской истории средневековой политической мысли отнесены «проблема легитимности, верности, сопротивления существующим властям» [13]. Отечественная доктрина обращается к периоду через отдельные сюжеты – теорию суверенитета Бодена [9], соборную практику Констанца [8], – однако сквозной классификации оснований проверки для XIII–XVII вв., насколько удалось установить, не построено.

Объектом исследования выступают доктринальные представления о законности публичной власти в западноевропейской правовой мысли XIII–XVII вв., предметом – основания, по которым в них производится такая проверка. Прием – формально-юридический анализ: в каждой конструкции отыскивается суждение, которое автор считает достаточным для вывода о законности власти. Новизна состоит в основании классификации и в операциональном признаке старшинства критериев.

Основание классификации

Делить следует не учения, а сам вопрос. О власти, притязающей на повиновение, можно спросить лишь три вещи: зачем она, откуда она и в каких границах действует. Отсюда три критерия – телеологический, генетический и нормативный. Законность здесь не тождественна легальности: власть, безупречно оформленная по действующей процедуре, может не пройти ни одной из трех проверок. Самостоятельность критериев проверяется различием последствий: провал по первому делает правление превратным, но вопроса о титуле не ставит; провал по второму лишает притязание титульного основания; провал по третьему превращает правление в тиранию в узком смысле. Ведущим предлагается считать критерий, отрицательный результат по которому прекращает проверку и делает остальные вопросы излишними. Признак проверяем по тексту и позволяет говорить о перестановке критериев как о наблюдаемом факте.

Критерии легитимности в источниках XIII–XVII веков

Телеологический критерий. Фома Аквинский различает правление по адресату выгоды: если множество свободных людей направляется к общему благу, «это правление прямое и справедливое»; если же оно направлено «не к общему благу множества, а к личному благу властителя», правление несправедливо и превратно [11, гл. I]. Данте доводит ту же зависимость до формулы служения: не народ существует ради царя, «а наоборот… царь ради народа» [4, кн. I, гл. XII]. Общее благо соединялось при этом с христианской идеей личного спасения [10, с. 5], и проверка оставалась качественной. У Фомы отрицательный ответ о цели прекращает проверку, а вопрос о происхождении власти появляется отдельно – в связи с низложением [11, гл. VI]. Предел критерия виден из его устройства: узурпатор, добросовестно пекущийся об общем благе, проходит проверку полностью.

Генетический критерий закрывает эту брешь. Марсилий Падуанский делает носителем законодательной власти не лицо, а состав – *universitas civium* либо ее превалирующую часть [6, с. 113]. Обоснование не сводится к подсчету голосов: закон уподобляется зрению, составленному из многих глаз, и потому «судить по закону безопаснее, чем по усмотрению судьи» [18]. У Суареса человек по природе свободен и никому не подчинен, «кроме Творца», а место власти остается, пусть латентно, за сообществом [20]. Юридическую форму учредительный акт получает в XVII в.: Гроций спрашивает, разве не волен свободный народ подчиниться кому угодно, «перенеся таким образом на них целиком власть управления собой и не сохранив за собой ни малейшей доли этой власти» [3, кн. I, гл. III, VIII.1], а Гоббс определяет государство

как единое лицо, ответственным за действия которого «сделало себя путем взаимного договора между собой огромное множество людей» [2, гл. XVII]. Гоббс дает пограничный случай: у него генетический критерий не соседствует с нормативным, а поглощает его – подданный, санкционировавший все действия суверена, лишается основания оценивать их по третьей проверке. Критерии, таким образом, способны не только накапливаться, но и вытеснять друг друга. Предел второго критерия симметричен пределу первого: он проверяет титул, но уже полученную власть не ограничивает.

Нормативный критерий обращен к тому, действует ли власть в границах права. Локк определяет тиранию юридически: это «осуществление власти помимо права, на что никто не может иметь права» [7, кн. II, гл. XVIII, § 199]. Правитель законного титула, преследующий благие цели, становится тираном в тот момент, когда действует вне права. Почему нарушение влечет юридические последствия, объясняет естественно-правовая традиция: дефект справедливости в конкретном законе «лишает его того решающего значения, на которое всякое право притязает» [14]. Институциональные конструкции эпохи – обособление должности от лица [16], смешанное устройство [12], соборная процедура, отвергшая безусловную легитимность тираноубийства [8, с. 61], – четвертого критерия не образуют: их соблюдение не влечет вывода о законности, а отсутствие – вывода о незаконности. Это механизмы, которые делают связанность власти правом устойчивой и проверяемой, то есть принадлежат нормативному критерию.

Соотношение критериев

Критерии не сменяют друг друга, а накапливаются. Даже конструкция суверенитета не вытесняет третьей проверки: Боден полагал, что осуществляющий суверенитет орган связан естественным и божественным законом, хотя никакой человеческий закон не может его судить [19]. Нормативный критерий сохраняется, меняя масштаб. Показательно и то, что абсолютизм Бодена был, по Франклину, настолько же беспрецедентным, насколько и доктрина, которой он противостоял [15]: радикализация одной проверки вызывает радикализацию другой, а не ее отмену.

Меняется иерархия. У Фомы отрицательный ответ о цели прекращает проверку; у авторов XVII в. порядок обратный. Гроций и Гоббс начинают с вопроса о том, откуда власть, и лишь затем переходят к ее пределам; Локк, определяя тиранию, предполагает вопрос о происхождении уже решенным. Первенство переходит к генетическому критерию и закрепляется в доктрине народного суверенитета, которая есть, по Ли, «пожалуй, кардинальная доктрина» современной конституционной теории [17]. Телеологическая проверка при этом не исчезает, но меняет содержание: у Локка «великой и главной целью объединения людей в государства и передачи ими себя под власть правительства является сохранение их собственности» [7, кн. II, гл. IX, § 124]. Этим объясняется и то, что при модели замены выглядит аномалией, – сохранение у авторов XVII в. языка общего блага рядом с языком договора и суверенитета: это не архаизм, а работа критерия, сместившегося в иерархии, но не отмененного.

Заключение

Основания, по которым доктрины XIII–XVII вв. проверяют обоснованность притязания власти на повиновение, следует классифицировать по предмету проверки: цель власти, ее происхождение и ее связанность правом дают телеологический, генетический и нормативный критерии. Институциональные конструкции эпохи четвертого критерия не образуют и служат механизмом нормативного. Каждый критерий закрывает брешь, оставленную другим, и к XVII в. действуют все три; меняется их иерархия – первенство переходит от цели власти к ее происхождению, а телеологическая проверка сохраняется в подчиненном положении, заменяя личное спасение безопасностью и сохранением собственности. Предложенное деление применимо и за пределами периода: требование получить власть в установленном порядке есть генетическая проверка, требование действовать в границах права – нормативная, апелляция к назначению публичной власти – телеологическая.

Литература

1. Беженцев А.А. Легитимность государственной власти: историко-правовые и теоретико-правовые аспекты // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2025. Т. 9, № 4. С. 596–606. DOI 10.21603/2542–1840–2025–9–4–596–606.

2. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского / пер. А. Гутермана // Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1991. Т. 2.

3. Гроций Г. О праве войны и мира: три книги / пер. с лат. А.Л. Саккетти. Репр. воспроизведение изд. 1956 г. М.: Ладомир, 1994. 868 с.

4. Данте Алигьери. Монархия / пер. В.П. Зубова; коммент. И.Н. Голенищева-Кутузова; вступ. ст. А.Л. Доброхотова. М.: КАНОН-пресс-Ц: Кучково поле, 1999. 192 с.

5. Денисенко В.В. Легитимность как правовая категория: обоснование концепции // Российский журнал правовых исследований. 2018. Т. 5, № 2. С. 86–89. DOI 10.17816/RJLS18406.

6. Ключко Б.И. Марсилий Падуанский // Православная энциклопедия. Т. 44. С. 113–117. URL: https://www.pravenc.ru/text/2562404.html (дата обращения: 05.09.2026).

7. Локк Дж. Два трактата о правлении / пер. Е.С. Лагутина, Ю.В. Семенова // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3. С. 137–405.

8. Проввиденте С. Дело Иоанна Фалькенберга и соборная практика на Констанцском соборе (1414–1418) // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 6, № 4. С. 61–98. DOI 10.17323/2587–8719–2022–4–61–98.

9. Силина Е.В. Теория суверенитета Жана Бодена как политико-философское обоснование концепции национальных государств // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 3. С. 100–106. DOI 10.17308/vsu.proc.law.2021.3/3543.

10. Тимошина Е.В. «Общее благо» классической правовой традиции: актуальный дискурс и судьба понятия в картинах мира (Античность и Средневековье) // Вопросы философии. 2025. № 4. С. 5–16. DOI 10.21146/0042–8744–2025–4–5–16.

11. Фома Аквинский. О правлении государей // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе, VI–XVII вв. / отв. ред. В.И. Рутенбург, И.П. Медведев. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1990.

12. Blythe J.M. Ideal Government and the Mixed Constitution in the Middle Ages. Princeton: Princeton University Press, 1992; repr. 2016. 362 p. (Princeton Legacy Library).

13. The Cambridge History of Medieval Political Thought, c. 350 – c. 1450 / ed. by J.H. Burns. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 818 p. DOI 10.1017/CHOL9780521243247.

14. Finnis J. Natural Law Theories // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / ed. by E.N. Zalta, U. Nodelman. Spring 2026 Edition. URL: https://plato.stanford.edu/entries/natural-law-theories/ (дата обращения: 05.09.2026).

15. Franklin J.H. Jean Bodin and the Rise of Absolutist Theory. New York: Cambridge University Press, 1973. viii, 124 p. (Cambridge Studies in the History and Theory of Politics).

16. Kantorowicz E.H. The King's Two Bodies: A Study in Medieval Political Theology. Princeton: Princeton University Press, 2016. 632 p. (Princeton Classics).

17. Lee D. Popular Sovereignty in Early Modern Constitutional Thought. Oxford: Oxford University Press, 2016. 378 p. (Oxford Constitutional Theory).

18. Mulieri A. Marsilius of Padua // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / ed. by E.N. Zalta, U. Nodelman. Spring 2026 Edition. URL: https://plato.stanford.edu/entries/marsilius-padua/ (дата обращения: 05.09.2026).

19. Philpott D. Sovereignty // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / ed. by E.N. Zalta, U. Nodelman. Spring 2026 Edition. URL: https://plato.stanford.edu/entries/sovereignty/ (дата обращения: 05.09.2026).

20. Schwartz D. Francisco Suárez // The Stanford Encyclopedia of Philosophy / ed. by E.N. Zalta, U. Nodelman. Summer 2026 Edition. URL: https://plato.stanford.edu/entries/suarez/ (дата обращения: 05.09.2026).

CRITERIA OF THE LEGITIMACY OF POWER IN WESTERN EUROPEAN LEGAL THOUGHT OF THE 13TH-17TH CENTURIES: AN ATTEMPT AT CLASSIFICATION

Klychev R.A., Khapaev A.R.
Pyatigorsk State University, Karachay-Cherkess Branch of the Non-State Educational Private Institution of Higher Education «Synergy»

The purpose of the article is to classify the criteria of the legitimacy of power applied in Western European legal thought of the 13th-17th centuries and to determine the nature of their interrelation. The object of the test is chosen as the basis of division: what is asked when judging whether a claim of power to obedience is well founded. Three criteria are distinguished – teleological, genetic and normative; it is shown that the institutional constructions of the period do not form an independent criterion. The criterion under which a negative result terminates the test is proposed as the leading one; on this basis, by the 17th century the criteria operate jointly, while primacy passes from the purpose of power to its origin.

Keywords: legitimacy of power; criteria of legitimacy; teleological criterion; genetic criterion; normative criterion; legality; tyranny; common good; history of legal and political doctrines.

References

1. Bezhentsev A.A. Legitimacy of State Power: Historical-Legal and Theoretical-Legal Aspects. Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences. 2025. Vol. 9, № 4. P. 596–606. DOI 10.21603/2542–1840–2025–9–4–596–606. (In Russ.)

2. Hobbes T. Leviathan, or the Matter, Form and Power of a Commonwealth Ecclesiastical and Civil. Transl. by A. Guterman. In: Hobbes T. Works: in 2 vols. Moscow: Mysl Publ., 1991. Vol. 2. (In Russ.)

3. Grotius H. On the Law of War and Peace: Three Books. Transl. from Latin by A.L. Sakketti. Reprint of the 1956 ed. Moscow: Ladomir Publ., 1994. 868 p. (In Russ.)

4. Dante Alighieri. Monarchy. Transl. by V.P. Zubov; comment. by I.N. Golenishchev-Kutuzov; introd. by A.L. Dobrokhotov. Moscow: KANON-press-Ts Publ.; Kuchkovo pole Publ., 1999. 192 p. (In Russ.)

5. Denisenko V.V. Legitimacy as a Legal Category: Substantiation of the Concept. Russian Journal of Legal Studies. 2018. Vol. 5, № 2. P. 86–89. DOI 10.17816/RJLS18406. (In Russ.)

6. Klyuchko B.I. Marsilius of Padua. Orthodox Encyclopedia. Vol. 44. P. 113–117. Available at: https://www.pravenc.ru/text/2562404.html (accessed 05.09.2026). (In Russ.)

7. Locke J. Two Treatises of Government. Transl. by E.S. Lagutin, Yu.V. Semenov. In: Locke J. Works: in 3 vols. Moscow: Mysl Publ., 1988. Vol. 3. P. 137–405. (In Russ.)

8. Provvidente S. The Case of John Falkenberg and Conciliar Practice at the Council of Constance (1414–1418). Philosophy. Journal of the Higher School of Economics. 2022. Vol. 6, № 4. P. 61–98. DOI 10.17323/2587–8719–2022–4–61–98. (In Russ.)

9. Silina E.V. Jean Bodin's Theory of Sovereignty as a Political and Philosophical Justification of the Concept of Nation States. Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2021. № 3. P. 100–106. DOI 10.17308/vsu.proc.law.2021.3/3543. (In Russ.)

10. Timoshina E.V. The «Common Good» of the Classical Legal Tradition: Current Discourse and the Fate of the Concept in Worldviews (Antiquity and the Middle Ages). Problems of Philosophy. 2025. № 4. P. 5–16. DOI 10.21146/0042–8744–2025–4–5–16. (In Russ.)

11. Thomas Aquinas. On the Government of Rulers. In: Political Structures of the Feudal Epoch in Western Europe, 6th-17th Centuries. Ed. by V.I. Rutenburg, I.P. Medvedev. Leningrad: Nauka Publ., 1990. (In Russ.)

12. Blythe J.M. Ideal Government and the Mixed Constitution in the Middle Ages. Princeton: Princeton University Press, 1992; repr. 2016. 362 p. (Princeton Legacy Library).

13. The Cambridge History of Medieval Political Thought, c. 350 – c. 1450. Ed. by J.H. Burns. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 818 p. DOI 10.1017/CHOL9780521243247.

14. Finnis J. Natural Law Theories. In: The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Ed. by E.N. Zalta, U. Nodelman. Spring 2026 ed. Available at: https://plato.stanford.edu/entries/natural-law-theories/ (accessed 05.09.2026).

15. Franklin J.H. Jean Bodin and the Rise of Absolutist Theory. New York: Cambridge University Press, 1973. viii, 124 p. (Cambridge Studies in the History and Theory of Politics).

16. Kantorowicz E.H. The King's Two Bodies: A Study in Medieval Political Theology. Princeton: Princeton University Press, 2016. 632 p. (Princeton Classics).

17. Lee D. Popular Sovereignty in Early Modern Constitutional Thought. Oxford: Oxford University Press, 2016. 378 p. (Oxford Constitutional Theory).

18. Mulieri A. Marsilius of Padua. In: The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Ed. by E.N. Zalta, U. Nodelman. Spring 2026 ed. Available at: https://plato.stanford.edu/entries/marsilius-padua/ (accessed 05.09.2026).

19. Philpott D. Sovereignty. In: The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Ed. by E.N. Zalta, U. Nodelman. Spring 2026 ed. Available at: https://plato.stanford.edu/entries/sovereignty/ (accessed 05.09.2026).

20. Schwartz D. Francisco Suárez. In: The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Ed. by E.N. Zalta, U. Nodelman. Summer 2026 ed. Available at: https://plato.stanford.edu/entries/suarez/ (accessed 05.09.2026).

Законность и правопорядок как системообразующие начала правовой жизни общества

Мурин Дмитрий Анатольевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства Омской академии МВД России
E-mail: nauka_murin@bk.ru

Статья посвящена теоретико-правовому анализу законности и правопорядка как фундаментальных оснований правовой жизни общества, исследованию их сущности, соотношения и функций в механизме правового регулирования. На основе теоретико-правового анализа исследуется системообразующая роль законности и правопорядка в правовой жизни современного общества. Автор обосновывает положение о том, что законность и правопорядок представляют собой диалектически взаимосвязанные категории, выступающие фундаментальными основаниями функционирования правовой системы. Рассматриваются понятие и сущность законности как принципа, режима и метода функционирования государства и общества; анализируется правопорядок как результат реализации требований законности и состояние фактической упорядоченности общественных отношений. Особое внимание уделяется соотношению законности и правопорядка с правовой жизнью общества, их интегративной и стабилизирующей функциям. Обосновывается вывод о том, что законность и правопорядок образуют системообразующий каркас правовой жизни, обеспечивающий ее устойчивость, предсказуемость и развитие.

Ключевые слова: законность, правопорядок, правовая жизнь общества, системообразующие начала, правовое регулирование, принципы законности, гарантии законности, правовое государство.

Правовая жизнь общества представляет собой сложный, многогранный феномен, охватывающий всю совокупность правовых явлений, процессов и институтов, в которых реализуется правовая активность субъектов [7, с. 24–25]. В этом многообразии особое место занимают законность и правопорядок – категории, которые не просто являются элементами правовой системы, но выполняют роль ее системообразующих начал. В современной юридической науке законность и правопорядок признаются диалектически парными взаимосвязанными категориями [3, с. 11–12]. Их значимость выходит далеко за рамки узкоюридического понимания: они представляют собой основу нормальной жизнедеятельности цивилизованного общества, всех звеньев его политической системы.

Категория «законность» относится к числу наиболее сложных и многогранных в теории государства и права. Как справедливо отмечается в научной литературе, законность и правопорядок являются не только известнейшими правовыми категориями, но и самыми сложными с точки зрения теоретического анализа [8, с. 5–7]. Многозначность законности обусловлена тем, что она может рассматриваться в различных аспектах: как принцип права, как метод государственного руководства, как режим общественной жизни и как требование правомерного поведения.

В отечественной теории права сложилось несколько основных подходов к пониманию законности. Чаще всего под законностью понимают правовой принцип или политико-правовой режим, предполагающие необходимость неукоснительно соблюдать и исполнять всеми субъектами права принимаемые государством нормы [1, с. 56]. В этом определении акцент сделан на формально-юридической стороне законности – на требовании точного и неуклонного исполнения правовых предписаний.

Однако содержание законности не исчерпывается формальным соблюдением норм. Как отмечает Н.Н. Вопленко, с содержательной точки зрения законность может рассматриваться как реализованная в виде основных принципов и норм система социальных и юридических требований правомерного поведения [5, с. 62]. Такой подход позволяет увидеть в законности не только совокупность требований, но и определенную систему ценностей и ориентиров. В современной юридической литературе законность определяется как принцип, режим и метод функционирования общества и государства [3, с. 27].

Как принцип – законность представляет собой основополагающее начало, пронизывающее всю правовую систему. В этом качестве она требует, чтобы все нормативные правовые акты соответствовали Конституции и законам большей юридической силы, а все субъекты права действовали в рамках правового поля. Принцип законности предполагает также, что какое-либо ограничение личной свободы возможно исключительно на законных основаниях и при соблюдении соответствующей процессуальной формы [2, с. 110–112].

Как режим – законность характеризует состояние правовой жизни общества, при котором обеспечивается господство права, неотвратимость ответственности за правонарушения и защита прав и свобод человека. В этом аспекте законность выступает как режим и характеризует соотношение правомерных и противоправных поступков в правовой жизни общества.

Как метод – законность представляет собой способ осуществления государственной власти и управления общественными процессами через правовые средства. Через законность реализуется связь государства и права, обеспечивается подчинение всех ветвей власти закону.

Содержание принципа законности может быть сведено к двум основным требованиям: 1) использование гражданами прав и свобод, исполнение ими своих обязанностей должны соответствовать целям, закрепленным в Конституции РФ; 2) какое-либо ограничение личной свободы возможно исключительно на законных основаниях и при соблюдении соответствующей процессуальной формы.

Кроме того, к числу требований законности относятся: верховенство закона в системе нормативных правовых актов; единство законности (единообразное понимание и применение законов на всей территории государства); целесообразность законности (недопустимость противопоставления целесообразности закону); реальность законности (неотвратимость ответственности за нарушения) [6, с. 71–74]. Необходимым условием законности является понимание индивидом необходимости существования системы права как ценности [2, с. 115–117].

С законностью органически связано другое правовое явление – правопорядок (правовой порядок). Как справедливо отмечается, в данном случае слово «правовой» указывает на то, что порядок как явление образуется в связи с правом и базируется на нем [9, с. 33–34].

В юридической науке сложилось несколько определений правопорядка. Наиболее распространенным является понимание правопорядка как системы общественных отношений, складывающейся на основе права и законности [6, с. 77]. Правопорядок также определяется как основанная на праве и законности организация общественной жизни, отражающая качественное состояние общественных отношений, или как состояние фактической упорядоченности общественных отношений, выражающих реальное осуществление требований законности [9, с. 35–37].

С.С. Алексеев определял правопорядок как состояние фактической упорядоченности общественных отношений, выражающее реальное, практическое осуществление требований законности [2, с. 115–118].В этой дефиниции подчеркивается, что правопорядок – это не просто нормативная модель, а реально существующее состояние общественных отношений.

Анализ различных подходов к пониманию правопорядка позволяет выделить его основные признаки.

Во-первых, правопорядок является результатом реализации права. В качестве важнейшей предпосылки возникновения правопорядка надо считать юридическую норму и механизмы, обеспечивающие ее издание и претворение в жизнь. Следовательно, правопорядок – результат реализации юридических норм.

Во-вторых, правопорядок представляет собой фактическое состояние упорядоченности общественных отношений. Это не идеальная конструкция и не совокупность норм, а реально существующая система связей и отношений.

В-третьих, правопорядок основан на праве и законности. Правопорядок означает обеспечение и реализацию субъективных прав, соблюдение юридических обязанностей всеми гражданами, должностными лицами, органами и организациями.

В-четвертых, правопорядок представляет собой систему общественных отношений, что указывает на его системный характер, внутреннюю согласованность и взаимосвязь элементов.

М.И. Байтин выделял три признака правопорядка: правопорядок – это порядок в общественных отношениях, регулируемых правом, при котором гарантируется реализация субъективных прав и юридических обязанностей участников правоотношений, обеспечиваются их правомерное поведение и осуществление законности [4, с. 38].

В юридической науке важно разграничивать правопорядок и общественный порядок. Общественный порядок в широком смысле выступает как понятие родовое, а правопорядок – как видовое. Общественный порядок охватывает всю систему отношений, складывающихся в обществе, регулируемых не только правовыми, но и иными социальными нормами (моральными, религиозными, корпоративными и др.). Правопорядок же представляет собой лишь ту часть общественного порядка, которая урегулирована правовыми нормами и обеспечена государственным принуждением. Правопорядок является качественным выражением законности и в то же время частью общественного порядка.

Законность и правопорядок находятся в диалектической взаимосвязи, где законность выступает в качестве необходимого условия и средства формирования правопорядка. Законность обеспечивает (точнее, направлена на обеспечение) общеобязательность права, а правопорядок является результатом такого обеспечения [6, с. 81].

Эта взаимосвязь прослеживается в нескольких аспектах. Во-первых, законность создает нормативную основу для возникновения правопорядка. Только при условии существования качественного, непротиворечивого законодательства и его неуклонного исполнения возможно формирование устойчивого правопорядка. Во-вторых, законность выступает как процесс, а правопорядок – как результат этого процесса. Правопорядок – это итог правового регулирования; реализованная законность. В-третьих, законность является необходимым режимом функционирования правовой системы, обеспечивающим переход правовых норм из сферы должного в сферу сущего. Правопорядок – это фактическое состояние упорядоченности общественных отношений, основанное на праве и законности.

Правопорядок выступает не только результатом, но и целью законности. Конечной целью правового регулирования является не законность, а именно правопорядок, его действенность в государстве. Это положение имеет важное теоретическое и практическое значение. Законность сама по себе не является самоцелью; она служит инструментом достижения более высокого состояния – правопорядка, который представляет собой реальное воплощение правовых идеалов в общественных отношениях. Таким образом, соотношение законности и правопорядка можно представить как соотношение процесса и результата, средства и цели, должного и сущего. Правопорядок – результат законности, характеризующий степень осуществления ее требований.

Законность и правопорядок не тождественны, хотя и находятся в тесной взаимосвязи. Их различие проявляется в следующем: 1) по характеру явлений: законность – это принцип, режим, метод; правопорядок – это состояние, система отношений; 2) по соотношению с правом: законность – это требование соблюдения права; правопорядок – это результат реализации права; 3) по сфере существования: законность существует как идея, требование; правопорядок – как реальное состояние общественных отношений. Вместе с тем понятия «законность» и «правопорядок» находятся в одном смысловом ряду, противостоят произволу, нарушению законных прав и интересов граждан [6, с. 76].

Категория «правовая жизнь общества» в современной юридической науке используется для обозначения всей совокупности правовых явлений, процессов, институтов и отношений, в которых реализуется правовая активность субъектов. Правовая жизнь включает в себя не только позитивные правовые явления, но и негативные – правонарушения, злоупотребления правом, деформации правосознания. Как обоснованно отмечает А.В. Малько, любая жизнь, независимо от ее формы, не может содержать только конструктивные, положительные начала, ибо она включает в себя все возможные проявления, реальное существование различных тенденций, видов поведения, со всеми их плюсами и минусами [7, с. 26–28]. В этом контексте законность и правопорядок выступают как начала, которые упорядочивают правовую жизнь, придают ей системность и определенность, ограничивают негативные проявления.

Законность и правопорядок выполняют важнейшую интегративную функцию в правовой жизни общества. Они выступают как связующее звено между различными элементами правовой системы: нормами права, правоотношениями, правосознанием, правовой культурой, правоприменительной деятельностью. Через законность обеспечивается единство и согласованность правовой системы. Законность и правопорядок являются диалектически парными взаимосвязанными категориями в правовой системе [3, с. 84–87]. Их взаимодействие создает тот системообразующий каркас, который придает правовой жизни целостность и направленность.

Интегративная функция проявляется также в том, что законность и правопорядок обеспечивают согласованное взаимодействие различных социальных регуляторов. Правопорядок характеризует их согласованное, синергийное воздействие. Достижение целей правового регулирования может быть достигнуто лишь в случае синергийного воздействия правовых и социальных средств.

В условиях социальной динамики, экономических и политических трансформаций законность и правопорядок выполняют стабилизирующую функцию, обеспечивая устойчивость общественных отношений и предсказуемость правового регулирования. Изменение режима законности обусловлено качественными и количественными изменениями в структуре правонарушений. Устойчивый правопорядок, напротив, свидетельствует о стабильности общественных отношений и эффективности правового регулирования. Стабилизирующая функция законности проявляется в том, что она: обеспечивает предсказуемость государственной политики и правоприменения; создает условия для планирования экономической и социальной деятельности; защищает права и законные интересы граждан и организаций; предотвращает произвол и злоупотребления со стороны государственных органов.

Законность и правопорядок являются необходимыми условиями существования правового государства и развитого гражданского общества. Построение демократического правового государства в России требует реального обеспечения законности и установления в российском обществе устойчивого правопорядка. Правовое государство немыслимо без господства закона во всех сферах общественной жизни, без реального обеспечения прав и свобод человека, без эффективного механизма контроля за деятельностью государственных органов. Все эти элементы предполагают существование режима законности и устойчивого правопорядка.

Важнейшим принципом демократического правопорядка и его ценностной характеристикой следует считать единство законности и демократизма. Правопорядок немыслим в обход соблюдения принципа законности. Это означает, что правопорядок не может быть установлен авторитарными методами; он предполагает сочетание законности и демократии, что именно демократический правопорядок призван объединить. Гражданское общество также требует высокого уровня законности и правопорядка. Только в условиях, когда закон гарантирует

свободу личности, защищает ее от произвола и создает условия для самореализации, возможно развитие гражданского общества.

Под гарантиями законности и правопорядка понимаются такие условия общественной жизни и специальные меры, принимаемые государством, которые обеспечивают реализацию требований законности и поддержание правопорядка. Гарантии законности и правопорядка подразделяются на несколько видов.

1. Общие гарантии – социально-экономические, политические, идеологические и культурные условия, создающие основу для законности и правопорядка. К ним относятся: уровень экономического развития, политическая стабильность, уровень правовой культуры населения, состояние правосознания. Существенное влияние на процесс реализации права оказывает правосознание. Причем это не просто следование внутренним мотивам, образующим его. Это прежде всего соотношение норм и принципов права с сознанием и действиями человека.

2. Специальные гарантии – юридические средства и механизмы, непосредственно обеспечивающие законность и правопорядок. К ним относятся: совершенство законодательства, эффективность правоприменительной деятельности, независимость суда, деятельность правоохранительных органов, прокурорский надзор.

Особую роль в укреплении законности и правопорядка играют органы государственной власти. Как отмечается в научной литературе, особую роль в укреплении законности и правопорядка играют органы внутренних дел. Показано влияние деятельности органов исполнительной и законодательной власти на общее состояние уровня законности и правопорядка. Деятельность государства по укреплению законности может носить как функциональный, так и дисфункциональный характер. Это означает, что государственные органы могут как способствовать укреплению законности, так и, наоборот, подрывать ее своими действиями или бездействием. Важное значение имеет сотрудничество государства с институтами гражданского общества. Активное сотрудничество государства с институтами гражданского общества положительно влияет на обеспечение законности и устойчивого правопорядка.

Одним из важнейших факторов укрепления законности и правопорядка является повышение уровня правовой культуры граждан и профессиональной подготовки юристов. Правовая культура включает в себя: знание законов и правовых норм; уважительное отношение к праву; привычку к правомерному поведению; умение использовать правовые средства для защиты своих прав. Необходимым условием законности является также понимание индивидом необходимости существования системы права как ценности [6, с. 82].

В условиях цифровизации всех сфер общественной жизни возникают новые вызовы для законности и правопорядка. Цифровые технологии создают как новые возможности для укрепления законности (электронное правосудие, автоматизированные системы контроля), так и новые угрозы (киберпреступность, цифровой контроль над личностью, «цифровой произвол»). Законность и правопорядок нуждаются в новом осмыслении в связи с наступлением постклассического этапа науки. Требуется переосмысление традиционных подходов к обеспечению законности в цифровую эпоху, разработка новых механизмов защиты прав и свобод человека в цифровой среде.

Укреплению законности и правопорядка будет способствовать комплекс мероприятий, включающий: совершенствование законодательства, устранение пробелов и противоречий; повышение эффективности правоприменительной деятельности; обеспечение неотвратимости юридической ответственности; повышение уровня правовой культуры граждан; укрепление независимости судебной власти; развитие институтов гражданского общества и общественного контроля.

Законность напрямую связана с законотворческой деятельностью. Для законности недостаточно совокупности законов и управления обществом с помощью законов. Законы – это основа законности. Однако сами по себе законы не гарантируют законности; необходимо их реальное исполнение и эффективный контроль за этим исполнением. Конституционная законность (конституционность) является основой законности и правопорядка. Верховенство Конституции в системе нормативных правовых актов, соответствие всех законов и подзаконных актов Конституции – это фундаментальное требование, без которого невозможно существование устойчивого правопорядка. Конституционная законность предполагает не только формальное соответствие нормативных актов Конституции, но и реальное воплощение конституционных принципов в общественной практике, защиту конституционных прав и свобод граждан.

Проведенный теоретико-правовой анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. Законность и правопорядок являются фундаментальными, системообразующими началами правовой жизни общества. Они не просто представляют собой отдельные правовые явления, но образуют тот каркас, который придает правовой системе целостность, устойчивость и направленность развития.

2. Законность выступает как принцип, режим и метод функционирования государства и общества, предполагающий неукоснительное соблюдение и исполнение правовых норм всеми субъектами права. Правопорядок представляет собой результат реализации требований законности – состояние фактической упорядоченности общественных отношений, основанное на праве и законности.

3. Диалектическая взаимосвязь законности и правопорядка проявляется в том, что законность является условием и средством формирования правопорядка, а правопорядок выступает целью и результатом законности. При этом данные категории не тождественны: законность – это процессуальная, динамическая характеристика, а правопорядок – результативная, статическая.

4. Сисемообразующая роль законности и правопорядка проявляется в их интегративной и стабилизирующей функциях. Они обеспечивают согласованное взаимодействие различных элементов правовой системы, упорядочивают правовую жизнь, придают ей предсказуемость и определенность, создают условия для развития правового государства и гражданского общества.

5. Укрепление законности и правопорядка требует комплексного подхода, включающего совершенствование законодательства, повышение эффективности правоприменения, обеспечение неотвратимости ответственности, повышение правовой культуры и развитие институтов гражданского общества. В условиях цифровизации и новых социальных вызовов требуется новое осмысление традиционных подходов к обеспечению законности и правопорядка.

Таким образом, законность и правопорядок не просто являются важными правовыми категориями – они представляют собой системообразующие начала правовой жизни общества, без которых невозможно существование ни правового государства, ни цивилизованного гражданского общества. Их укрепление и развитие является одной из ключевых задач современной правовой политики.

Литература

1. Алексеев С.С. Теория права. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: БЕК, 1995. – 320 с.
2. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. – М.: Юридическая литература, 1966. – 187 с.
3. Ахматов А.В. Законность: основы общей теории: монография. – М.: Русайнс, 2025. – 158 с.
4. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Монография. Саратов: СГАП, 2001. 416 с.
5. Вопленко Н.Н. Законность и правовой порядок: монография. – Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2006. – 135 с.
6. Лазарев В.В. Теория государства и права: учебник для вузов / В.В. Лазарев, С.В. Липень. – 5-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. – 521 с.
7. Малько А.В. Правовая жизнь общества: проблемы теории и практики: монография / под ред. А.В. Малько. – М. Проспект. 2016. – 488 с.
8. Рыбаков В.А. Законность: новое прочтение // Современное право. 2017. № 4.
9. Хропанюк В.Н. Теория государства и права [Текст]: учебник / В.Н. Хропанюк; под ред. В.Г. Стрекозова. – 5-е изд., стер. – Москва: Омега-Л, 2011. – 323 с.

LEGALITY AND LEGAL ORDER AS SYSTEM-FORMING PRINCIPLES OF THE LEGAL LIFE OF SOCIETY

Murin D.A.
Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia

This article presents a theoretical and legal analysis of legality and legal order as fundamental pillars of the legal life of society, examining their essence, interrelationship, and functions within the mechanism of legal regulation. Based on this analysis, the study explores the system-forming role of legality and legal order in the legal life of modern society. The author substantiates the premise that legality and legal order are dialectically interconnected categories serving as the fundamental basis for the functioning of the legal system. The article examines the concept and essence of legality – viewed as a principle, a regime, and a method of operation for the state and society – and analyzes legal order as the outcome of adhering to the requirements of legality and as a state of actual orderliness in social relations. Particular attention is paid to the relationship between legality, legal order, and the legal life of society, as well as to their integrative and stabilizing functions. The author concludes that legality and legal order constitute the system-forming framework of legal life, ensuring its stability, predictability, and development.

Keywords: legality, legal order, the legal life of society, foundational principles, legal regulation, principles of legality, guarantees of legality, rule-of-law state.

References

1. Alekseev S.S. Theory of Law. – 2nd ed., revised and supplemented. – Moscow: BEK, 1995. – 320 p.

2. Alekseev S.S. The Mechanism of Legal Regulation in a Socialist State. – Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1966. – 187 p.

3. Akhmatov A.V. Legality: Foundations of General Theory: Monograph. – Moscow: Rusains, 2025. – 158 p.

4. Baitin M.I. The Essence of Law (Modern Normative Understanding of Law at the Turn of the Century). Monograph. Saratov: SGAP, 2001. 416 p.

5. Voplenko N.N. Legality and Legal Order: Monograph. – Volgograd: Volgograd State University Press, 2006. – 135 p.

6. Lazarev V.V. Theory of State and Law: Textbook for Higher Education Institutions / V.V. Lazarev, S.V. Lipen. – 5th ed., corrected and supplemented. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2024. – 521 p.

7. Malko A.V. The Legal Life of Society: Problems of Theory and Practice: Monograph / Ed. by A.V. Malko. – Moscow: Prospekt, 2016. – 488 p.

8. Rybakov V.A. Legality: A New Interpretation // Sovremennoe Pravo [Modern Law]. 2017. № 4.

9. Khropanyuk V.N. Theory of State and Law [Text]: Textbook / V.N. Khropanyuk; Ed. by V.G. Strekozov. – 5th ed., stereotype. – Moscow: Omega-L, 2011. – 323 p.

De officiis 1.150: наемный труд в этико-юридических представлениях Цицерона

Пестов Михаил Михайлович,
к.ю.н., доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: Pestov-2013@ya.ru

Статья посвящена анализу этико-юридических представлений о наемном труде в Древнем Риме на материале фрагмента Цицерона De officiis 1.150. Рассматривается место mercennarius в предложенной Цицероном классификации занятий на artes liberales и artes illiberales, а также основания негативной оценки наемного труда. Особое внимание уделяется выражению auctoramentum servitutis, которое сопоставляется с юридической терминологией, использовавшейся для обозначения зависимости и рабства. Анализируются также сходные представления у Сенеки и различные интерпретации статуса mercennarius в современной романистике. Обосновывается вывод, что Цицерон использует юридический язык преимущественно как средство выражения этической оценки: auctoramentum servitutis не следует рассматривать как указание на самостоятельную юридическую конструкцию. Сопоставление наемного работника с рабом служит обоснованию его низкого положения в социальной иерархии, связанного с подчинением чужим интересам и отстранением от политической жизни.

Ключевые слова: вознаграждение за труд, найм труда, наемный работник, рабство, римское право, Цицерон.

Введение

Найм труда в Древнем Риме представлял собой комплексный феномен, правовое регулирование которого было тесно связано с различными социально-этическими воззрениями, существовавшими в различные периоды. Считается, что оказывавший услуги за вознаграждение человек уподоблялся рабу, а наймодатель наделялся над ним патриархальной властью. Поэтому в источниках действия наемного работника (*mercennarius*) приравнивались к действиям подвластных лиц. Так, например, против наймодателя предъявлялся интердикт владельцем, чье владение было нарушено работником (D.43.16.1.20). При этом сам работник не отвечал перед наймодателем по иску из кражи (D.47.2.90.pr.).

Такое положение дел актуализирует вопрос об оценке этических воззрений на наемный труд в Древнем Риме: действительно ли наемный работник занимал низменное положение в обществе, и если да, то чем это объяснялось.

Довольно часто данные вопросы обсуждаются на примере знаменитого фрагмента Цицерона:

Cicer. De Officiis, 1.150

Iam de artificiis et quaestibus, qui liberales habendi, qui sordidi sint, haec fere accepimus. Primum improbantur ii quaestus, qui in odia hominum incurrunt, ut portitorum, ut feneratorum. Illiberales autem et sordidi quaestus mercennariorum omnium, quorum operae, non quorum artes emuntur; est enim in illis ipsa merces auctoramentum servitutis. Sordidi etiam putandi, qui mercantur a mercatoribus, quod statim vendant; nihil enim proficiant, nisi admodum mentiantur; nec vero est quicquam turpius vanitate. Opificesque omnes in sordida arte versantur; nec enim quicquam ingenuum habere potest officina. Minimeque artes eae probandae, quae ministrae sunt voluptatum: cetarii, lanii, coqui, fartores, piscatores, ut ait Terentius; adde huc, si placet, unguentarios, saltatores, totumque ludum talarium[1].

Трактат Цицерона «Об обязанностях» является последним философским сочинением оратора и традиционно считается его политическим завещанием. В нем Цицерон излагает свои представления об идеальном устройстве общества, развивая идеи, изложенные в двух предыдущих работах «О законах» и «О республике». Существует мнение, что структура *De officiis* представляет собой обычную переработку многочисленных сочинений древнегреческих авторов[2]. Тем не менее, Цицерон при написании трактата стремился повлиять на молодое поколение современных ему римлян, участвующих в политической жизни. Само же сочинение посвящено его сыну Марку. В связи с этим считается, что оратор не просто эклектически компонует различные философские суждения, но добавляет в них свои личные идеи[3].

Итак, можно сказать о том, что рассуждения ритора о промысле наемных работников представляют собой сочетание литературных заимствований и личного опыта самого автора. Будучи вдохновленным древнегреческой философией, Цицерон стремится выстроить иерархическую структуру общества на основе этических воззрений. При этом для обоснования своих взглядов он использует юридические категории.

Этическая классификация видов труда

В целом оратор не первый, кто попытался осуществить общественное деление по видам труда. До него похожую иерархию выстраивал По-

[1] Перевод: «Назвав занятия и промыслы, считающиеся свободными, скажем в общих чертах о тех, что являются грязными. Прежде всего порицаются промыслы, вызывающие ненависть у людей, вроде носильщиков и займодавцев. Несвободные же и грязные промыслы всяких наемных работников, у коих приобретаются не искусства, а работы; ведь в них само вознаграждение является уговором о рабстве. Грязными почитать следует и тех, кто выторговывает у торговцев то, что сразу продает; ведь не соврав, они, естественно, ничего не заработают, а постыднее пустословной лжи нет ничего. И всякие ремесленники занимаются грязным делом; ведь никто из свободных не может владеть мастерской. И уж точно не могут быть одобрены те занятия, что служат удовольствиям: рыбаторговцы, мясники, повара, птичники, рыбаки, как говорит Теренций; Добавь сюда, если угодно, парфюмеров, танцоров и всяких игроков в кости»

[2] Наиболее категоричную точку зрения о Цицероне как об обычном компиляторе древнегреческой философии отстаивал Теодор Моммзен (см.: Mommsen Th. Römische Geschichte. Bd. 3. Von Sullas Thode bis zur Schlacht von Thapsus. 6. Auflage. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1875. S. 625).

[3] Более подробнее об истории создания сочинения и его адресатах см.: Dyck A.R. A Commentary on Cicero, De Officiis. Ann Arbor: The Universtiy of Michigan Press, 1996. P. 1–3, 8–16.

сидоний, о чем нам свидетельствует Сенека (Epistulae, 88.21). Последний пишет, что древнегреческий философ делил все людские занятия на четыре вида, среди которых выделял грязные и вульгарные (*sordidi et vulgares*), которыми занимаются работники, выполняющие ручной труд для обеспечения жизни, и в которых нет даже намека на честь и достоинство.

Как мы видим, Цицерон вводит более общее деление. Он разделяет всю людскую деятельность на свободную (*artes liberales*) и несвободную (*artes illiberales*), занося промысел работников во вторую категорию. Проводит ли он деление и среди *artes illiberales*? Ответить на это можно двояко. С одной стороны, об этом не говорится напрямую в анализируемом фрагменте. С другой, допустимо предположить, что ранжированием недостойных занятий занимались и до Арпината, а потому он мог испытывать чужое влияние и в этом вопросе. На это нам, по всей видимости, намекает он сам во второй книге *De Officiis*, говоря, что во многих рассуждениях он следовал Панаэтию Родосскому (2.60). В предыдущих пассажах (2.52–59) Цицерон как раз рассуждал о том, нужно ли оказывать благодеяние деньгами или делом (*pecunia aut opera*), приходя к заключению, что деньгами необходимо помогать лишь в редких случаях, как, например, постройка общественных зданий. Однако Панаэтий, замечает ритор, был против и даже этого. Иными словами, даже безвозмездное предоставление денег Панаэтий рассматривал как неподобающее действие.

Но если порицалось даже одаривание деньгами, то тем более осуждалось ростовщичество. Об этом еще до Цицерона выразился Катон во введении к своей книге о земделии. Говоря о том, что хороших людей часто хвалят за то, что они хорошие земледельцы, Катон противопоставляет им ростовщиков. По его мнению, достаточно учесть законы, которые наказывают кражу ростовщиков в четырехкратном размере краденного, чтобы составить представление об их положении в обществе (*De Agri Cultura*, praef.).

Наконец, стоит обратить внимание на то, как Цицерон аргументирует низменное положение мелких торговцев. Ритор отмечает, что продавая то, что только что приобрели, они не могут извлечь прибыль, не обманув своего покупателя. Иными словами, дело не только в том, что занятие торговцев меркантильно, но и в том, что они получают деньги обманным путем. А по мнению Арпината, нет ничего хуже, чем пустословная ложь (*nec vero est quicquam turpius vanitate*).

Таким образом, мы можем предположить, что на этической шкале Цицерона наемные работники занимали далеко не самое низменное положение. Почему же, однако, он причисляет их труд к разряду *artes illiberales*? Думается, что взгляд ритора станет гораздо яснее, если сравнить меркеннария с упомянутыми ремесленниками (*opificesque*). Как мы видим, Цицерон осуждает их за владение мастерской, что не подобает делать ни одному свободному человеку. Но почему? По всей видимости, дело в том, что занимаясь собственными делами в мастерской, они отдаляются от остального общества, забывая про свои политические обязанности. Такая гипотеза может подтверждена фрагментом из обвинительной речи против Гая Верреса, который, злоупотребляя своими должностными полномочиями, построил в Сиракузах мастерскую, где проводил там целые дни, занимаясь изготовлением дорогой утвари (*In Verrem*, 2.4.54).

Уговор о рабстве (*auctoramentum servitutis*)

Очевидно, что забота о своих, а не о делах *rei publicae*, может быть вменена всем, чей род занятий соотносится с *artes illiberales*. Тем не менее, в отношении меркеннариев мы обнаруживаем два важных обстоятельства. Во-первых, Цицерон говорит о том, что у них приобретаются не искусства, а работы (*quorum operae, non quorum artes emuntur*). Во-вторых, что в получаемом вознаграждении за эти работы содержится уговор о рабстве (*auctoramentum servitutis*). В литературе иногда интерпретируют первое уточнение как пример проведенному разделению на *artes illiberales* и *liberales*[1]. В этой концепции последующее замечание связывается с критерием возмездности, который предлагается по отношению к данному делению. Представляется, однако, более точной позиция исследователей, делающих акцент на самом характере осуществляемой деятельности[2]. Как уже было сказано, дело не в том, что наемные работники зарабатывают деньги своим трудом. То же самое делают ремесленники и торговцы. Дело в том, что характер выполняемой ими работы предполагает подчинительные отношения. Именно на них указывает Цицерон, упоминая об *auctoramentum servitutis*. И именно этим наемный работник отличается в классификации ритора от ремесленника. Если последний ставит личный интерес выше общественного, то интерес первого предопределяется указаниями своего нанимателя.

Сопоставление меркеннария с рабом прослеживается позднее и у Сенеки Младшего. Писатель, рассуждая о том, способен ли на благодеяние раб, упоминает, что Хрисипп сравнивал его с вечным наемным работником:

Seneca. De Beneficiis, III.22

Servus, ut placet Chrysippo, perpetuus mercennarius est. Quemadmodum ille beneficium dat, ubi plus praestat, quam <in> quod operas locavit, sic servus, ubi benevolentia erga dominum fortunae suae modum transit et altius aliquid ausus, quod etiam felicius natis decori esset, spem domini antecessit, beneficium est intra domum inventum[3].

Здесь с самого начала нам бросается глаза примечательное отличие от текста Цицерона. Мы не видим в этом фрагменте уничижительного отношения к наемному труду. Сенека просто цитирует высказывание Хрисиппа, но едва ли можно подумать, что он с ним солидарен. Его главная мысль сводится к тому, что рабство присуще далеко не всем людям[4] и определяется отнюдь не их юридическим статусом. Тот, кто способен оказывать благодеяние, возвеличивает самого себя, приподнимаясь над рабским состоянием. Сенека в этом отношении не делает различия между наемным работником и рабом, что само по себе могло быть предопределено самыми разными мотивами. Однако примечательным является то обстоятельство, что во времена Сенеки сопоставление наемного работника и раба по-прежнему является актуальным топосом при развитии этических воззрений.

Здесь, как представляется, нужно исключить интерпретацию, которая была дана в литературе. Альфонс Бюрге, отрицая, что Сенека приравнивает свободного работника к рабу, развивает экзегезу, согласно которой термином *mercennarius* философ обозначал самого раба. По мнению романиста, фразу «*Servus, ut placet Chrysippo, perpetuus mercennarius est*» следует читать таким образом, что прилагательное *perpetuus* относится не к *mercennarius*, а к самому рабу (*servus*). Упоминание Хрисиппа является отнюдь не мимолетным отступлением, но парентезой – особым стилистическим приемом, при котором вставленное между существительным и прилагательным дополнение служит эмоциональному окрасу всей фразы и приданию акцента первому слову как определяющему тему высказывания. Бюрге считает, что *servus perpetuus* – полноценный (в переводе Бюрге – *durch und durch*) раб – как бы противопоставляется мерканнарию – рабу, не принадлежащему главе семьи, которому он предоставляет свои работы. Таким образом романист проводит параллель с сочинениями Хрисиппа, который разделял рабов на внутренних, домашних, и внешних[5].

Тем не менее господствующий на сегодня вариант чтения относит прилагательное *perpetuus* к *mercennarius*. Так, Козима Меллер отмечает, что для такого разъединения нет никаких оснований. С ее точки зрения, Сенека лишь указывает на автора используемой дефиниции, а сопоставление мерканнария и раба нужно философу лишь для того, чтобы показать, что не только свободный наемник, но и раб может оказывать благодеяние господину, выполняя больше, чем тот ему отмерит. Ученая также отмечает, что Сенека вовсе не говорит о превышающем исполнении мерканнария своему господину. Об этом просто не может быть речи, так как все, что приобретает раб за его работы другому лицу, приобретает его господин. Следовательно, сопоставление, предлагаемое в интерпретации Бюрге, является непоследовательным[6].

Как мы видим, Бюрге реконструирует социальный статус меркеннария на основе остроумных интерпретаций огромного количества источников, в том или ином ключе упоминающих меркеннария. Его главный довод сводится к тому, что в этих многочисленных источниках термин *mercennarius* используется в значении нанятого раба. Поэтому автор и не погружается глубоко в вопрос о причинах надменного отношения к наемному труду из-за его очевидности.

С иных позиций подошла Козима Меллер в своей более ранней работе, в которой она не ставит под сомнение *status libertatis* меркеннария. Поэтому для нее были важны причины презрительного отноше-

[1] См. напр.: Таль Л.С. Наем труда свободных лиц в римском праве // Журнал министерства народного просвещения. 1912. № 2. С. 234–235.

[2] См.: De Robertis F.M. Lavoro e lavoratori nel mondo romaNo. Bari: Adriatica editrice, 1963. P. 53–54.

[3] Перевод: «Раб, согласно Хрисиппу, вечный наемный работник. Ведь как тот оказывает благодеяние, выполняя работу больше обещанного, так и раб превосходит ожидания господина, когда рискуя оказывает к нему расположение и отваживается на что-то более высокое, что подобает более удачно родившимся; тогда и обнаруживается благодеяние в доме».

[4] См. там же (III.20): Errat, si quis existimat seruitutem in totum hominem descendere… [Ошибается тот, кто считает, что рабство присуще всякому человеку…].

[5] См.: Bürge A. Der mercennarius und die Lohnarbeit // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung. Bd. 107 (1990). S. 89–95.

[6] См.: Möller C. Die mercennarii in der römischen Arbeitswelt // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung. Bd. 110 (1993). S. 314–316.

ния при рассмотрении социального положения наемного работника. По мнению ученой, приведенный текст Сенеки пересекается в том отношении с текстом Цицерона, что у обоих писателей прослеживается влияние стоицизма при определении положения наемного работника. Само обстоятельство, что он занимается зависимой от других работой, позволяет уподобить его рабу. Разница между ними не в юридическом статусе, а лишь в фактической возможности использовать труд раба неограниченный период времени[1].

И здесь же мы обнаруживаем интересное отличие от фрагмента Цицерона, который, как кажется, идет дальше и старается отыскать основание для сопоставления наемного труда с рабством в римской юриспруденции. Поэтому он и связывает с вознаграждением работника соглашение о рабстве (*auctoramentum servitutis*). Но что это такое? Имело ли оно самостоятельную и обособленную от остальных договорную форму? Могло ли оно иметь исковую защиту? По мнению Франческо Де Робертиса, Цицерон отражает здесь характерную для его времени практику включения в договор *locatio-conductio operarum* особого пакта, по которому наниматель получает особое властное полномочие (*ius coerctionis*) над работником наподобие пакта, заключавшегося с гладиаторами[2]. Мы, однако, не располагаем текстами, которые могли бы подтвердить существование такого пакта. Ученый, правда, ссылается на фрагмент Валерия Максима, который сообщает о том, что до консульства Публия Рупилия (132 г. до н.э.) последний выполнял работу публикана, а чтобы восполнить имущественный недостаток он занимал в товариществах аукторatорскую должность (*auctoratum officium*). Валерий Максим особенно отмечает, что при его правлении некоторые люди возвысились в своем статусе, будучи наделенными полномочиями по управлению войсками и флотилией (Val. Max. 6.9.8).

Вряд ли этот фрагмент может стать подтверждением мыслей Де Робертиса. В конце концов, мы видим, что Валерий Максим говорит о должности в товариществах, но при этом ничего не упоминает о *locatio operarum*. Его мысль, очевидно, следует в конве общей идеи об общественном возвышении обычного человека за счет собственных усердий. Но едва ли можно говорить о юридической квалификации отношений Рупилия с товариществами.

Более вероятным представляется мнение Хорнста Кауфманна, что выражение Цицерона *auctoramentum servitutis* следует понимать не более, чем в переносном значении. По мнению ученого, ко времени Цицерона уже вполне установилась четкое разделение между работником и его *operae*, а потому о предоставлении в наем самого лица не могло быть и речи[3]. Правда, те источники, на которые ссылается ученый, содержат употребление слова *opera* в обиходном, но не специальном юридическом смысле. Вероятно, что в этом же смысле его использовал и Цицерон, ведь последнему вполне могли быть известны те устойчивые юридические фразеологизмы, которые характеризовали соглашение о найме труда[4].

Иными словами, выбранная Цицероном терминология носит экспрессивный окрас и едва ли указывает на современное ему юридическое регулирование. Естественно, нельзя исключать, что Арпинату, как судебному оратору и просто образованному римлянину было известно о правовом значении слова *operae*, о правовом положении гладиаторов, заключавших *auctoramentum*, равно как и о существовании особого нормативного регулирования в отношении определенных видов деятельности. Тем не менее, анализируемый текст не позволяет утверждать, что классификация Цицерона строится на особом юридическом фундаменте. Вероятнее всего, что своим сопоставлением наемного работника с рабом ритор стремился усилить свое основное деление занятий на *artes liberales* и *illiberales*. Ведь в конце концов, источники сообщают нам, что те же врачи, чье искусство Цицерон при известных оговорках причисляет к почетным[5], еще издавна оказывали врачебную помощь за деньги[6]. К тому же представленный перечень оказался весьма гибким и зависимым от социально-этических воззрений в конкретный временной период. Поэтому ритору и могла потребоваться дополнительная характеристика наемных работников.

Вывод

Таким образом, Цицерон проводит этическую классификацию труда в зависимости от того, осуществляется он возмездно или нет. В своем презрительном отношении к возмездному труду Цицерон следует древнегреческим философам, не будучи до конца последовательным и делая исключения в отношении врачей. При этом он обосновывает, почему трудящиеся занимают и должны занимать низшие ступени. Своей деятельностью, направленное на зарабатывание хлеба, они отстраняются от политической жизни, ставя в себя в подчинение чужим интересам.

С этой идеей связано употребление им термина *auctoramentum servitutis*, что следует считать не правовой квалификацией, но переложением этической рефлексии на юридический язык. Для Цицерона человек, выполняющий за деньги работы, уподобляется рабу, который тоже лишен возможности участвовать в политической жизни. Связь между рабом и наемным работником прослеживается и у Сенеки, однако тот в отличие Цицерона не выражает тем самым пренебрежительного отношения к труду, но напротив подчеркивает их близость в возможности проявления добродетели.

Литература

1. Таль Л.С. Наем труда свободных лиц в римском праве // Журнал министерства народного просвещения. 1912. № 2. С. 209–256.
2. Bürge A. Der mercennarius und die Lohnarbeit // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung. Bd. 107 (1990). S. 80–136.
3. De Robertis F.M. Lavoro e lavoratori nel mondo romaNo. Bari: Adriatica editrice, 1963. 436 p.
4. Dyck A.R. A Commentary on Cicero, De Officiis. Ann Arbor: The Universtiy of Michigan Press, 1996. 716 p.
5. Kaufmann H. Die altrömische Miete, ihre Zusammenhänge mit Gesellschaft, Wirtschaft und staatlicher Vermögensverwaltung. Köln-Graz: Böhlau-Verlag, 1964. 393 S.
6. Kudlien F. Die Stellung des Arztes in der römischen Gesellschaft. Freigeborene Römer, Eingebürgerte, Peregrine, Sklaven, Freigelassene als Ärzte. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1986. 228 S.
7. Mommsen Th. Römische Geschichte. Bd. 3. Von Sullas Thode bis zur Schlacht von Thapsus. 6. Auflage. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1875. vi + 609 S.
8. Möller C. Die mercennarii in der römischen Arbeitswelt // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung. Bd. 110 (1993). S. 296–330.
9. Möller C. Freiheit und Schutz im Arbeitsrecht. Das Fortwirken des römischen Rechts in der Rechtssprechung des Reichsgerichts. Göttingen, 1990. xix + 141 S.
10. Sciuto P. Auctoramentum militiae: a proposito di CTh. 9.35.1 // Teoria e Storia del Diritto Privato. Vol. X (2017). P. 1–42.

DE OFFICIIS 1.150: ETHICAL-JURIDICAL PERCEPTION OF HIRED WORK BY CICERO

Pestov M.M.
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The article examines ethical and juridical perceptions of hired labour in ancient Rome on the basis of Cicero's De officiis 1.150. It considers the position of the mercennarius within Cicero's classification of occupations into artes liberales and artes illiberales, as well as the grounds for his negative assessment of hired labour. Particular attention is paid to the expression auctoramentum servitutis, which is examined in relation to the legal terminology used to describe dependence and slavery. The article also considers similar ideas in Seneca and different interpretations of the social and legal status of the mercennarius in modern Romanist scholarship. It argues that Cicero employs juridical language primarily as a means of expressing an ethical judgment: auctoramentum servitutis should not be understood as referring to an autonomous legal institution. The comparison between hired workers and slaves serves to explain their subordinate position in the social hierarchy, resulting from their dependence on the interests of others and their withdrawal from political life.

Keywords: labor remuneration, hiring of labor, wage worker, slavery, Roman law, Cicero.

[1] См.: Möller C. Freiheit und Schutz im Arbeitsrecht. Das Fortwirken des römischen Rechts in der Rechtssprechung des Reichsgerichts. Göttingen, 1990. S. 17–18.

[2] Цит. по: Sciuto P. Auctoramentum militiae: a proposito di CTh. 9.35.1 // Teoria e Storia del Diritto Privato. Vol. X (2017). P. 15, n. 36.

[3] См.: Kaufmann H. Die altrömische Miete, ihre Zusammenhänge mit Gesellschaft, Wirtschaft und staatlicher Vermögensverwaltung. Köln-Graz: Böhlau-Verlag, 1964. S. 189–193.

[4] См. напр.: Cicero, De dom. 30.79: … consulari homini P. Clodius eversa re publica civitatem adimere potuit concilio advocato, conductis operis non solum egentium, sed etiam servorum… [Публий Клодий, очистив республику, смог лишить гражданства консуляра, созвав собрание и наняв работы не только бедняков, но даже рабов].

[5] De officiis. 1.151: «Quibus autem artibus aut prudentia maior inest aut non mediocris utilitas quaeritur ut medicina, <…>, eae sunt iis, quorum ordini conveniunt, honestae…» [Те же занятия, которые требуют глубоких знаний или не стяжают огромную прибыль как медицина, являются почетными для тех, кому соответствует положение…].

[6] Пожалуй, наиболее говорящее свидетельство нам предоставляет Плиний Старший, который, цитируя Марка Катона в своей Естественной истории, сообщает о его презрительном отношении к греческим врачам (Historia naturalis. 29.13–16). Опираясь на данный пассаж, Фридольф Кудлин делает вывод, что древними римлянами занятие считалось достойным не когда оно безвозмездно само по себе, но когда оно служит общему благу. См. подробнее: Kudlien F. Die Stellung des Arztes in der römischen Gesellschaft. Freigeborene Römer, Eingebürgerte, Peregrine, Sklaven, Freigelassene als Ärzte. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1986. S. 167–169.

References

1. Tal L.S. The Hiring of Free Persons' Labour in Roman Law // Journal of the Ministry of Public Education. 1912. № 2. Pp. 209–256.
2. Bürge A. Der mercennarius und die Lohnarbeit // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung. Bd. 107 (1990). Pp. 80–136.
3. De Robertis F.M. Lavoro e lavoratori nel mondo romaNo. Bari: Adriatica editrice, 1963. 436 p.
4. Dyck A.R. A Commentary on Cicero, De Officiis. Ann Arbor: The Universtiy of Michigan Press, 1996. 716 p.
5. Kaufmann H. Die altrömische Miete, ihre Zusammenhänge mit Gesellschaft, Wirtschaft und staatlicher Vermögensverwaltung. Köln-Graz: Böhlau-Verlag, 1964. 393 pp.
6. Kudlien F. Die Stellung des Arztes in der römischen Gesellschaft. Freigeborene Römer, Eingebürgerte, Peregrine, Sklaven, Freigelassene als Ärzte. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 1986. 228 pp.
7. Mommsen Th. Römische Geschichte. Bd. 3. Von Sullas Thode bis zur Schlacht von Thapsus. 6. Auflage. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1875. vi + 609 pp.
8. Möller C. Die mercennarii in der römischen Arbeitswelt // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. Romanistische Abteilung. Bd. 110 (1993). Pp. 296–330.
9. Möller C. Freiheit und Schutz im Arbeitsrecht. Das Fortwirken des römischen Rechts in der Rechtssprechung des Reichsgerichts. Göttingen, 1990. xix + 141 pp.
10. Sciuto P. Auctoramentum militiae: a proposito di CTh. 9.35.1 // Teoria e Storia del Diritto Privato. Vol. X (2017). Pp. 1–42.

Преступления против государства в своде законов уголовных 1832 года

Упоров Иван Владимирович,
доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор, Российская академия естествознания
E-mail: uporov@list.ru

В первой трети XIX в была осуществлена фундаментальная систематизация российского законодательства под общим руководством выдающегося государственного деятеля М.М. Сперанского, в результате в 1832 г. был издан Свод законов Российской империи из 15 томов. В том 15 был включен Свода законов уголовных, состоящий из двух книг. В статье представлен историко-правовой обзор норм Свода законов уголовных о составах преступлений против государства и наказаний за их совершение, причем рассматривается только Книга первая («О преступлениях и наказаниях вообще»). поскольку Книга вторая («О судопроизводстве по преступлениям») посвящена уголовно-процессуальным аспектам. Отмечается, что составителями Свода законов уголовных осуществлена огромная работа по обобщению множества действовавших актов в этой сфере общественных отношений, в том числе еще времен Московского государства, и по их редактированию согласно изменившимся условиям. Вместе с тем не удалось избежать недостатков (громоздкость текстов, неопределенность санкций по ряду деяний и др.).

Ключевые слова: свод законов уголовных, преступления против государства, систематизация, наказания, смертная казнь, каторга.

В 1832 г. был издан 15-томный Свод законов Российской империи, при составлении которого исключались недействующие нормы, устранялись противоречия, проводилась редакционная обработка текста; материал располагался уже не по хронологическому, как в Полном собрании законов Российской империи (в первом издании 1830 г. было 45 томов), а по отраслевому принципу, причем не всегда выдержанному. Это касалось едва ли не всех сфер общественно-политической и социально-экономической жизни тогдашнего российского общества, в том числе и уголовно-правовых отношений, а их рамках – института уголовного наказания, включая, разумеется, ответственность за преступления против государства. И в отличие от ранее издаваемых правовых актов, здесь уже некоторым образом ощущалось влияние нарождающейся российской уголовно-правовой науки. Свод законов был введен в действие с 1835 г. и заменил собой все действовавшие ранее законодательные акты.

В т. 15 Свода законов Российской империи содержался Свод законов уголовных, где в Книге первой («О преступлениях и наказаниях вообще») были собраны собственно уголовно-правовые нормы, которые, ранее в разные предшествовавшие годы изданные и действовавшие, были сведены (отсюда слово «свод»), отредактированы в один обширный закон после соответствующей систематизации [1, с. 85]. Здесь в 765 статьях впервые выделены, если использовать современную терминологию, Общая и Особенная части уголовного права, даны понятия преступления, форм вины, видов наказания и других институтов, санкции за конкретные деяния; Книга вторая этого же т. 15 («О судопроизводстве по преступлениям») была посвящена уголовно-процессуальным нормам, и здесь не рассматривается. При разработке Свода законов уголовных его составители делали ссылки на Соборное уложение 1649 г., Артикул воинский 1715 г., Полевое уголовное уложение 1812 г. и другие акты, использовались также материалы, связанные с подготовкой неосуществленного проекта Уголовного уложении 1813 г. [2, с. 93].

Соответственно этот Свод законов включал в себя составы преступлений против государства и наказания за их совершение.

Так, Раздел третий озаглавлен так: «О преступлениях государственных по первым двум пунктам» (в первых двух Разделах данного Свода законов речь идет о преступлениях в области религии и церковных отношений).

В Разделе третьем несколько глав: Глава 1. О преступлениях по первым двум пунктам вообще (ст. 214); Глава 2. О наказаниях за преступления против священной Особы Государя императора и членов императорского дома (ст. 215–222); Глава 3. О наказаниях за бунт и государственную измену (ст. 223–228).

Помимо этого, имелся Раздел четвертый «О преступлениях против Правительства», в котором имелись главы: Глава 1. О наказаниях за поношение Присутственных мест и должностных лиц (ст. 229–231); Глава 2. О наказаниях за препятствие и обнародовании законов (ст. 232–234); Глава 3. О наказаниях за сочинение и распубликование подложных указов, за распространение вредных слухов, за пасквили и подметные письма (ст. 235–241); Глава 4. О наказаниях за непослушание и сопротивление властям законным (с. 242–246); Глава 5. О запрещенных сходбищах и незаконных и тайных обществах (ст. 247–249); Глава 6. Об оставлении отечества и преслушании вызова, Правительством учиненного (ст. 250–251; Глава 7. О взломе тюрем, выпуске преступников и возмущении против законов установленных властей (с. 252–255). По своему содержанию большинство указанных в соответствующих статьях преступления можно относить также к государственным.

Далее следует Раздел пятый «О преступлениях чиновников по службе» содержащий шесть глав в ст. 256–316. Здесь преступные деяния по описании вполне сходны с современным должностными преступлениями (включая взяточничество), и однозначно относить их к преступлениям против государства нельзя, хотя некоторые деяния данной категории, совершаемые государственными служащими против установленного прядка этой службы, безусловно, посягают на интересы государства, но в меньшей степени.

Вот как, например, выглядит в оригинале содержание ст. 215–217 Свода законов уголовных за самые тяжкие преступления против государства и наказания за их совершения (текст несколько адаптирован):

«215. Злоумышлениемъ противу священной Особы Государя Императора почитается умыслъ противу жизни, чести и здравия Государя,

свержение Его съ Престола, похищение Верховной Власти, лишение Государя свободы и учинение Ему какого-либо насилия.

216. Злоумышление во всехъ вышеозначенныхъ видахъ считается действительнымъ преступлениемъ, когда по следствию окажется, что злоумышленникъ или открылъ о предпринятомъ имъ деле другому мысли свои, или что онъ имелъ твердую волю и намерение произвести свой умыслъ въ действие, и учинилъ уже къ тому какое либо приуготовление.

217. За преступления во всехъ означенныхъ видахъ, противу Высочайшей Особы Государяя Императора, определяется смертная казнь въ техъ случаяхъ, когда преступления сии, по особенной ихъ важности, предаются Верховному Уголовному Суду (а); когда же они судятся въ обыкновенныхъ Судебныхъ местахъ, тогда определяются наказания, заменяющия смертную казнь, а именно, лишение всехъ правъ состояния, наказание кнутомъ и ссылка въ каторжную работу (б)».

Далее указывается, что «соучастникам в злодейственных умыслах» полагается то же наказание, что и «главным виновникам». Обращает на себя внимание то обстоятельство, что здесь законодатель не определяет способа исполнения смертной казни – это делается уже в Книге второй т. 15 (ст. 1179–1192), согласно которым смертная казнь исполняется двумя способами – либо обезглавлением, либо повешением, причем перед казнью осужденного должно было приводить к исповеди, а также провозглашался приговор; казнь совершалась публично, исполнителями приговора суда являлись органы полиции.

Наказание за «поношения злыми и вредительными словами» определялось в ст. 220: «Обличенные въ произношении дерзкихъ словъ противу Императорского Величевства, или въ издании письменныхъ или печатныхъ сочинений, заключающихъ поносительныя слова къ личнымъ качествамъ Государя или къ управлению Государствомъ, подлежатъ той же казни и наказанию, какия выше сего въ статье 217 постановлены за злоумышление». Как видно, и здесь перечень видов наказания прежний: смертная казнь, битье кнутом и ссылка в каторжную работу. Равным образом такая ответственность полагалась и за «поносительные слова» в отношении супруги императора.

В ст. 223 Свода законов уголовных раскрывается состав преступления в виде бунта: «Бунтомъ называется возстание скопомъ и заговоромъ многихъ подданныхъ противу Государя и Государства, сопряженное съ насильственными действиями, какъ то: съ грабежемъ, убийствами, зажигательствомъ, взломомъ тюремъ и освобождениемъ преступниковъ, или же съ намерениемъ учинить преступление таковаго рода». Наказание – то же самое, что и в предыдущих случаях.

Здесь обращает на себя внимание то обстоятельство, что законодатель дает толкование содержанию некоторых преступных деяний во избежание разночтений в правоприменительной практике. Кроме того, говорится о бунте против «Государя» и против «Государства», соединенных союзом «и», т.е., показываются два объекта преступления, а не один. Такой подход объясняется переходным периодом, в который входила Россия в контексте опять же европейских общественно-государственных изменений либерально-демократической направленности, где «глава государства» уже не отожествлялся с «государством». В Московском государстве и далее служивые всех рангов присягали на верность лично государю. Так, в Указе от 10 ноября 1721 г. приводится текст присяги для военнослужащих, которая стала иметь статус закона, и, вобрав в себя предшествовавший опыт, отражала клятву на верность государю, государству и вере: «Я (имя рек) обещаюсь всемогущим богом служить всепресветлейшему нашему царю государю верно и послушно, что в сих постановленных, таком и впредь поставляемых воинских артикулах, что оные в себе содержати будут, все исполнять исправно. Его царского величества государства и земель его врагам, телом и кровию, в поле и крепостях, водою и сухим путем, в баталиях, партиях, осадах, и штурмах, и в протчих воинских случаях, какова оные звания ни есть, храброе и сильное чинить противление, и всякими образы оных повреждать потщусь…» [3].

Но со второй половины XIX в. и донца существования Российской империи в такого рода текстах присяги уже стали смещаться акценты, а именно речь шла уже о верности не только лично царю, но и отечеству, государству. Например, в тексте «Клятвенного обещания самарских городовых околоточных надзирателей» (1900 г.) отмечалось, что полицейский обещает «верно и нелицемерно служить, и во всем повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови … старатися спосшествовать все, что его императорского величества верной службе и пользе государственной во всяких случаях касаться может … и для своей корысти, свойства, дружбы и вражды противно должности своей и присяги не поступать … В заключение же сей клятвы целую слова и крест Спасителя моего» [4]. Такого рода изменения начали замечаться с правления Александра I, в том числе в рассматриваемых составах государственных преступлений в Своде законов уголовных 1832 г.

Еще более подробно в Своде законов толкуется понятие государственной измены. В ст. 226 это сделано следующим образом:

«Государственною изменою признается: «1) Когда кто умыслитъ предатъ Государство или какую либо часть онаго внешнему неприятелю (а). 2) Когда кто будетъ вызывать и поощрять соседния Го сударства къ войне противу отечества или подавать имъ поводъ и предлогъ къ оной (б). 3) Когда кто будетъ благоприятствовать неприятелямъ въ военныхъ или другихъ неприязненныхъ действияхъ противу отечества (в). 4) Когда кто во время войны или самъ будетъ переезжать къ неприятелю для сообщения ему сведения о состоянии Армии и внутреннемъ положении Государства, или иметь съ неприятелемъ тайную переписку, или принимать неприятельскихъ шпионовъ (г). 5) Когда кто съ намерениемъ сдастъ неприятелю городъ, крепость, портъ, корабли, команду людей, запасы и снаряды, или откроетъ способъ къ завладению оными (д). 6) Когда кто перейдетъ къ неприятелю (е). 7) Когда кто, принявъ отъ неприятеля возмутительные манифесты и объявления, будетъ разсеявать оныя (ж)».

К этой статье делается довольно объемное примечание:

«Примечание. Сверхъ сихъ случаевъ, по Полевому Уголовному уложению 1812 Янв. 27, Гл. 1, 5 2, виновными въ измене почитаются: 1) Кто откроетъ другому вверенную ему тайну или скажетъ пароль и лозунгъ постороннему. 2) Кто заклеплетъ или подобьетъ, безъ особеннаго приказания, какое либо артиллерийское орудие (изъ сего исключаются те случаи, въ коихъ не можно иначе спасти оное отъ неприятеля), или съ злымъ намерениемъ испортитъ военныя повозки, либо упряжь во время сражения. 3) Всякий, кто ропотомъ и жалобами своими предъ неприятелемъ разсеетъ ужасъ или причинитъ смятение въ строю. 4) Кто передастъ ложный пароль и лозунгъ. 5) Кто, будучи Начальникомъ отряда, съ намерениемъ скроетъ нужныя сведения и известия. 6) Кто скроетъ нужныя известия и обязательства при сдаче должности или караула. 7) Кто сдастъ крепость, не выдержавъ трехъ приступовъ и прежде, нежели пробита большая бреша въ главномъ внутреннемъ вале, или безъ совершеннаго недостатка въ самомъ необходимомъ количестве хлеба и воды, либо крепостныхъ снарядовъ. 8) Кто, командуя армиею, корпусомъ, дивизиею, либо крепостыо, не представитъ въ свое время о снабжении оныхъ какимъ либо родомъ продовольствия, или, имея власть или спос бы распоряжения, не обезпечитъ онаго. 9) Кто не доставитъ, не выставитъ и не отпуститъ какого либо рода продовольствия и подвергнетъ чрезъ то корпусъ, дивизию, команду, или крепость опасности, или воспрепятствуетъ важнымъ операциямъ. 10) Кто не обезпечитъ отъ неприятеля магазиновъ, снарядовъ или обозовъ обыкновенно принимаемыми средствами, ежели попадутся они отъ сего неприятелю».

Состав этого вида государственного преступления отрегулирован подробнее, чем составы всех других преступлений этой категории, что может свидетельствовать о повышенной значимости для абсолютистской власти опасности от государственной измены. Это подтверждается и содержанием ст. 227 Свода законов уголовных, согласно которой «тому же подлежитъ сие преступление, по состоянию дела и признанию Суда, даже и въ томъ случае, когда кто измену учинить намерится, хотя въ действие не произведетъ». С учетом современной терминологии, вероятно, имелось в виду, что во время следствия стали известными и доказанными некоторые действия обвиняемого, показывающие его желание совершить данное преступление (в действующем УК РФ согласно ст. 30 «Приготовлением к преступлению признаются приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления, приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления либо иное умышленное создание условий для совершения преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам … Уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому и особо тяжкому преступлениям» [5]).

Здесь нужно подчеркнуть, что приготовление к преступлению по общему правилу наказывается значительно мягче, чем покушение на преступление (когда виновный уже начал преступное деяние, но не закончил его по не зависящим от него причинам) и тем более чем совершенное преступление. Однако в данном случае по степени ответственности в Своде законов не делается различий между приготовлением к измене и уже совершенной изменой – в любом случае – смертная казнь с возможностью вместо нее назначения наказания кнутом и ссылкой в каторжные работы (по правилам вышеприведенной ст. 217). Такое же наказания предусмотрено и для соучастников государственной измены.

Что касается составов преступлений в Разделе четвертом «О преступлениях против Правительства» Свода законов уголовных (Кни-

га первая), то они хотя и не именуются государственными, но фактически, с учетом объекта посягательства (государственные интересы), некоторые из них их можно относить к таковым, – так, как это имело место в более ранних правовых актах.

В этом контексте можно назвать следующие преступления: «Сочинители подложныхъ указовъ отъ имени Правительства, клонящихся къ нарушению Государственнаго спокойствия, подлежатъ лишению всехъ правъ состояния, наказанипо кнутомъ и ссылке въ каторжную работу» (ст. 235»; «Разгласители подложныхъ указовъ, ко вреду Государственному клонящихся и нарушающихъ тишину, под лежатъ, яко возмутители Государственнаго покоя, сему же наказанию» (ст. 236); «Къ вреднымъ разглашениямъ, нарушающимъ общее спокойствие, относятся пасквили и подметныя письма противъ Правительства» (ст. 238); «Оказавшие сопротивление властямъ законнымъ под лежатъ лишенипо всехъ правъ состояния, наказанию плеть ми и ссылке на поселение (а); оказавшие сопротивление властямъ законнымъ вооруженною рукою, подлежатъ ли шению всехъ правъ состояния, наказанию кнутомъ и катор жной работе (б)» (ст. 243); «Оказавшие сопротивление властямъ законнымъ подвергаются Военному Суду и наказаниямъ, по оному определяемымъ, въ следующихъ случаяхъ: 1) Въ случае сопротивления воинской силе, присланной для усмирения возмутившихся противу помещиковъ крестьянъ (а). 2) Въ случае сопротивления воинской команде при выемке корчемнаго вина (б). 5) Въ случае сопротивления Таможенной и Кордонной Страже и местной Полиции при провозе запрещенныхъ. товаровъ (в). 4) Въ случае сопротивления вооруженною рукою Лесной Страже при порубке корабельныхъ лесовъ (г)» (ст. 246); «Участвующие и управляющие незаконными тайными обществами, имеющими какую либо цель Государству вредную и подающими поводъ къ возмущению и бунту, наказываются какъ Государственные преступники … Таковому же наказанию подлежатъ Начальники, которые таковыя сходбища, съ целью возмущения составленныя, дозволятъ или оныя допустятъ или къ нимъ поводъ подадутъ.» (ст. 248, 249); «Кто отлучится безъ позволения Правительства въ иностранныя земли для службы и вывезя свои пожитки, обяжется вечнымъ житиемъ, съ темъ поступать, какъ по становлено за измену … Тому же наказанию подлежитъ тотъ, кто отлу часъ за границу съ дозволения Правительства, по вызову онаго не явится; имение же его берется въ секвестръ» (ст. 250, 251); «Взломъ тюремъ, уводъ и освобождение изъ оныхъ преступниковъ, подвергаетъ виновнаго лишению всехъ правъ состояния, наказанию кнутомъ и ссылке въ катор жную работу … Если Начальники, обязанные надзирать за содержимыми въ тюрьмахъ, или тюремные надзиратели и стражи умышленно допустятъ побегъ преступниковъ, то они подвергаются тому самому наказанию, которому бежавшие преступники подлежали (ст. 252–253) и др.

В Разделе пятом («О преступлениях чиновников по службе») также некоторые преступления имеют признаки преступлений против государства. Здесь ограничимся двумя примерами. Первый их них связан с превышением власти: «Превышениемъ власти вообще считается, когда Чиновникъ, власть имеющий, выступитъ изъ пределовъ, назначенныхъ ему закономъ въ отправлении должности, и учинитъ что-либо въ отмену существующихъ законовъ, Уставовъ или Учреждений, или же собственнымъ своимъ действиемъ и миновавъ порядокъ, для сего установленный, предпишетъ къ исполнению такую меру, которая требуетъ новаго закона или постановления. Бездействиемъ власти считается, когда Чиновникъ оставивъ власть, ему данную, небрежениемъ своимъ попуститъ важное злоупотребление или Государственный ущербъ» (ст. 278). В другом примере речь идет об ответственности за разглашение государственной тайны: «За умышленное объявление Государственныхъ тайнъ врагамъ внешнимъ, преступникъ подлежитъ наказанию, определенному за Государственную измену» (ст. 282).

В целом в Своде законов уголовных 1832 г. подробно описаны составы преступлений и наказаний за их совершение в различных сферах общественной, государственной и личной жизни, включая составы государственных преступлений. Подчеркнем еще раз: это сделано системно и в едином документе (исключение составляют воинские преступления – ответственность за них определялась Сводом военных постановлений). И для того времени такая систематизация уголовного и уголовно-процессуального законодательства была, бесспорно, значительным шагом вперед с точки зрения упорядочения ранее действовавших множества правовых актов в этой сфере. Но подчеркнем еще раз – данная систематизация не изменяла сущности уголовной политики Российской империи, в том числе по отношению к государственным преступлениям.

Вместе с тем, несмотря на позитивную в целом оценку, Свод законов уголовных действовал относительно недолго (учитывая, что он вступил в силу с 1835 г.) до 1846 г., когда вступил в силу новый, еще более фундаментальный уголовный закон в виде Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Почему так произошло? Некоторые авторы в этом контексте преувеличивают значимость т. 15 Свода законов Российской империи, например, С.В. Бородин полагает возможным считать, что в нем обнаруживаются два кодекса в современном понимании: уголовный («О преступлениях и наказаниях вообще») и уголовно-процессуальный («О судопроизводстве по преступлениям») [6, с. 106].

Однако, как считает Н.П. Ерошкин, «кодификацией законов не вполне точно именовалось в первую половину XIX в. составление различных сборников законов царской России … Фактически эти сборники представляли собой механическое соединение («инкорпорацию») законов» [7, с. 142]. И такой подход представляется более точным. Дело в том, что Свод законов 1832 г. был сформирован на основании актов, включенных в Полное собрание законов Российской империи (в первом издании 1830 г. было 45 томов), т.е., были собраны все имевшиеся ранее действующие акты и затем они были распределены по отдельным сферам общественных отношений, при этом устранялись противоречия, дублирования, соединялись в одно целое в последовательном изложении, и получился Свода законов Российской империи, в том числе т. 15 – Свод законов уголовных. Всю эту работу осуществляли чиновники разных ведомств при главенстве Второго отделения императорской канцелярии («Собственной Его Императорского Величия канцелярии») под общим руководством М.М. Сперанского. При этом чиновники выполняли свою работу в административном ключе, без осмысления ее с точки зрения целей наказания, причин преступности и т.д.

Между тем в то время (рубеж XVIII–XIX вв.) в России стала активно развиваться правовая наука. Начались целенаправленные теоретические исследования в сфере уголовно-правовых отношений, и тем самым уголовное право стало формироваться в самостоятельную отрасль права, причем многие российские правоведы занимались указанной проблематикой на профессиональной основе. Зачинателями такого рода исследований в конце XVIII в. были С.Е. Десницкий и А.Н. Радищев, а позже, уже с начала XIX в. эстафету подхватили такие правоведы, как Ф.А. Баузе, А.П. Куницын, О.Г. Горегляд, Г.И. Солнцев, С.Баршев, Л.А. Цветаев, П.Д. Лодий и др. В их работах раскрывались причины преступности, сущность наказания, обосновывается право государства применять меры принуждения к лицам, совершавшим общественно-опасные деяния, приводились аргументы в отношении конкретных видов уголовного наказания, в том числе смертной казни и телесных наказаний и т.д. Ученые высказывали различные точки зрения, при этом доминировала позиция в том, что государство должно определять такую уголовно-правовую политику, чтобы применяемые меры наказания способствовали предупреждению совершения новых преступлений.

Так, А.Н. Радищев, признавая право государства применять принуждение к преступнику, писал вместе с тем, что прежде чем наказывать преступников, надо уничтожить общественную основу преступлений. Правило всякого законоположения, указывал Радищев, состоит в том, «что лучше предупреждать преступления, нежели оные наказывать» [8, с. 230]. И далее добавлял, что правом на наказание (принуждение) обладает лишь тот, кто «долг имеет пещися о благе общества» [8, с. 231]. Целью наказания, по мнению А.Н. Радищева, является не мщение (оно всегда гнусно), а «исправление преступника или действие примера для воздержания от будущего преступления» [8, с. 232]. О.Г. Горегляд в 1815 г. отмечал, что задачей наказания должно быть лишение или умаление чести преступника, а не причинение ему физических страданий, а само наказание определял как «зло физическое или нравственное, налагаемое за преступление» [9, с. 3]. Заслуживает внимания и его суждение о том, что «если деяние не запрещено законом, то по общему правилу не подлежит наказанию, однако к сему непременно требуется, дабы сие же деяние не было вместе и вредно для государства или частных людей, ибо если оно причиняет какой вред, то не освобождает от соразмерной ответственности» [9, с. 3]. По мнению Г.И. Солнцева, преступления могут быть разделены на восемь видов: «1) по умышлению или вменяемости преступных деяний; 2) по важности и степени, происходящих от оного, зла и большей или меньшей наказательности; 3) по произведению преступлений в действие; 4) по количеству содеянных преступных деяний; 5) по различию самих лиц преступников и по различию их судимости; 6) по самому способу совершения преступления; 7) по различию нарушаемых уголовных законов; 8) по различию субъекта (предмета), против коего оные устремлены бывают» [10, с. 104].

Свою позицию высказывал и сам М.М. Сперанский, который признавал уголовными наказаниями только те, «кои удручают или умаляют бытие или состояние лица». Уголовные наказания, считал М.М. Сперанский, должны быть разделены на три вида – соответственно «жизни

физической, политической и гражданской». Сперанский считал, что наказание, как последствие вменения, является «возбуждающим средством», позитивно воздействующим на разум человека и заставляющим его (разум) правильно воздействовать на волю. Считая наказание побудительной силой для исполнения законов, он придавал особое значение правильно построенной системе наказаний. Сложность построения такой системы Сперанский видел в том, что наказания должны правильно сочетаться не только с преступлениями, но они должны быть соразмерны со степенью народного образования, нравственностью и свойствами, а также со многими местными обстоятельствами. При этом полагал необходимым выделять три «меры»: «мера важности нарушенного права», «мера причиненного вреда», «мера опасности союзам общежития» [11, с. 159–164].

Но тогда, в первой трети XIX в., воззрения этих и других ученых-правоведов еще не настолько были авторитетны, чтобы заметно влиять на законотворческую деятельность. Но время не стоит на месте. И оно показало, что Свод законов уголовных, при всей позитивной оценке проведенной работе по его созданию, не во всем соответствовал требованиям правоприменительной практики. И речь шла, в частности, о сохранявшейся архаичности текста Свода законов уголовных, поскольку, в Свод включались фрагменты прежних актов, в том числе Соборного уложения 1649 г., после которого прошло едва ли не двести лет! Отредактировать надлежащим образом все огромные по объему тексты 15 томов Свода законов Российской империи, вероятно, было чрезвычайно сложно. Отмеченные «два пункта» времен Петра I в контексте государственных преступлений по стилю их изложения также уже отдавали архаизмом. Помимо этого, в явно недостаточно степени нашли отражение толкующие нормы Общей части Свода законов уголовных, имела место невероятная громоздкость текста в Особенной части Свода законов уголовных, недостаточная определенность санкций, наличие во многих статьях Особенной части отсылок к другим статьям для определения меры наказания. Эти и другие недостатки во многом были исправлены в упомянутом Уложении о наказаниях уголовных и исправительных.

Литература

1. Кандабарова Т.С. Уголовное наказание: история и современность // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 4. С. 84–88.

2. Андрусенко О.В. Систематизация уголовного законодательства Российской империи, первая половина XIX века: дисс. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2000.

3. Указ от 10.11. 1721 г. «О учинении присяги на каждый чин, как военным, так и гражданским, так и духовным лицам; а солдатам при определении в службу» // ПСЗ-1. № 3846.

4. Клятвенное обещание самарских городовых // Сайт ГУ МВД по Самарской области / https://63.мвд.рф/project-300-let/news/item/10949396?year=2018&month=6&day=5 (дата обращения: 01.09.2026).

5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.09.2026).

6. Бородин С.В. О соотношении норм уголовного и уголовно-процессуального права при предварительном расследовании и судебном разбирательстве // Государство и право. 2002. № 9. С. 104–107.

7. Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX века). М., 1981.

8. Радищев А.Н. Избранные философские сочинения. М., 1949.

9. Горегляд О.Г. Опыт начертания российского уголовного права. Ч. 1. О преступлениях и наказаниях вообще. СПб., 1815.

10. Солнцев Г.И. Российское уголовное право. Казань, 1820 (издано: Ярославль, 1907).

11. Солодкин И.И. Некоторые вопросы уголовного права и законодательства в работах М.М. Сперанского // Правоведение. 1965. № 1. С. 159–164.

CRIMES AGAINST THE STATE IN THE 1832 CRIMINAL CODE OF LAWS

Uporov I.V.
Russian Academy of Natural Sciences

In the first third of the 19th century, a fundamental systematization of Russian legislation was carried out under the general direction of the outstanding statesman M.M. Speransky. As a result, the Code of Laws of the Russian Empire, consisting of 15 volumes, was published in 1832. Volume 15 included the Code of Criminal Laws, consisting of two books. This article presents a historical and legal overview of the provisions of the Code of Criminal Laws on the elements of crimes against the state and the punishments for committing them, examining only Book One («On Crimes and Punishments in General»). Since Book Two («On the Procedure of Crimes») is devoted to criminal procedural aspects, it is noted that the authors of the Code of Criminal Laws undertook a tremendous amount of work to summarize numerous existing acts in this area of social relations, including those dating back to the Muscovite state, and to revise them in accordance with changing conditions. However, they were unable to avoid some shortcomings (cumbersome texts, vagueness of sanctions for a number of offenses, etc.).

Keywords: Code of Criminal Laws, crimes against the state, systematization, punishments, death penalty, penal servitude.

References

1. Kandabarova T.S. Criminal Punishment: History and Modernity // Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta MVD Rossii. 2021. № 4. Pp. 84–88.

2. Andrusenko O.V. Systematization of Criminal Legislation of the Russian Empire, the First Half of the 19th Century: diss. … cand. jurid. sciences'. Yekaterinburg, 2000.

3. Decree dated 10.11.1721 «On administering the oath for each rank, both military and civilian, as well as for clergy; and for soldiers upon their enlistment» // PSZ-1. № 3846.

4. The oath-taking promise of the Samara city police officers // Website of the Main Directorate of the Ministry of Internal Affairs for the Samara Region / https://63.мвд.рф/project-300-let/news/item/10949396?year=2018&month=6&day=5 (accessed: 01.09.2026).

5. Criminal Code of the Russian Federation dated 13.06.1996 № 63-FZ (as amended on 04.08.2026) // SPS «ConsultantPlus» (accessed: 15.09.2026).

6. Borodin S.V. On the relationship between the norms of criminal and criminal procedural law in preliminary investigation and court proceedings // State and Law. 2002. № 9. Pp. 104–107.

7. Eroshkin N.P. Serfdom-based autocracy and its political institutions (the first half of the 19th century). Moscow, 1981.

8. Radishchev A.N. Selected Philosophical Works. Moscow, 1949.

9. Goreglyad O.G. An Attempt at Outlining Russian Criminal Law. Part 1. On Crimes and Punishments in General. St. Petersburg, 1815.

10. Solntsev G.I. Russian Criminal Law. Kazan, 1820 (published: Yaroslavl, 1907).

11. Solodkin I.I. Some Issues of Criminal Law and Legislation in the Works of M.M. Speransky // Pravovedenie. 1965. № 1. Pp. 159–164.

Принципы объективного юридического права в правовом регулировании общественных отношений

Штурцев Юрий Юрьевич,
старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства Крымский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»
E-mail: shturcev@mail.ru

Рассматривается действие принципов объективного юридического права при формировании юридических норм, их осуществлении и оценке результатов правового регулирования общественных отношений. Цель исследования состоит в раскрытии взаимосвязи указанных направлений и обосновании условий, при которых принципы сохраняют определяющее значение на всем протяжении регулирования. Методологическую основу составляют системный, функциональный и формально-логический подходы, а также сопоставление современных доктринальных позиций. Принципы исследуются как выражение государственно-правовых закономерностей, обусловленных общесоциальным правом. Обосновывается различие между провозглашением принципа, его конкретизацией в юридических нормах и осуществлением в общественных отношениях. Показано, что регулятивное значение принципов не исчерпывается восполнением недостаточности нормативного регулирования: оно проявляется также в согласовании юридических средств, определении пределов усмотрения и проверке достигаемого результата. Предлагается рассматривать действие принципов через взаимосвязь нормативного содержания, условий реализации и фактических последствий регулирования. Разграничиваются оценка нормы на основе принципов и юридические основания изменения, отмены либо неприменения соответствующего предписания. Сделан вывод о том, что целостность и стабильность объективного юридического права зависят от последовательности воплощения системы его принципов, а не только от их текстуального закрепления. Предложенные положения имеют теоретический характер и определяют направления дальнейшей проверки в юридической практике.

Ключевые слова: объективное юридическое право; общесоциальное право; принципы права; государственно-правовые закономерности; правовое регулирование; реализация права; показатели принципов права; целостность права; стабильность права.

Введение

Закрепление принципа в нормативном правовом акте само по себе не свидетельствует о соответствии ему общественных отношений. Между общей формулировкой и положением участников располагаются юридические нормы, процедуры, решения компетентных субъектов. На каждом из этих участков возможно расхождение между провозглашенным требованием и действительным направлением регулирования. Поэтому исследование принципов не должно завершаться установлением их перечня.

Цель работы заключается в раскрытии действия принципов на всем протяжении правового регулирования общественных отношений. Основной вопрос состоит в том, каким образом выраженные ими требования сохраняют содержание при переходе от системы норм к поведению субъектов, не превращаясь в основание произвольного усмотрения. В этом контексте исследуются условия непрерывности действия принципов, их системного осуществления и проверки результата.

Материалы и методы

Исследование имеет теоретико-правовой характер. Системный подход раскрывает взаимосвязь принципов, функциональный – направления их действия, формально-логический – различия принципа, цели, нормы и результата. Судебная практика рассматривается в пределах ее анализа авторами публикаций; самостоятельное эмпирическое обобщение не проводилось. Предлагаемые показатели являются основаниями дальнейшего исследования, а не результатами измерения эффективности права.

Литературный обзор

Регулятивная роль принципов раскрывается с различных позиций. А.А. Арямов связывает их действие с организацией регулирования, определением его направленности и пределов, адресуя требования также правотворческому субъекту [1, с. 28–30]. В.А. Илюхина разграничивает нормативно закрепленные и доктринальные принципы: научное признание идеи не придает ей обязательности [2, с. 14–15]. Тем самым обоснованность содержания принципа и его юридическое значение рассматриваются как самостоятельные вопросы.

Д.А. Фаталиева допускает принадлежность принципов к юридическим нормам и связывает их использование с открытостью содержания и контекстуальным обоснованием решения [3, с. 106–109]. Такой подход отличается от принятого здесь разграничения принципов и правил поведения, но обнаруживает значимую проблему: общая формулировка еще не обосновывает конкретного юридического последствия.

Анализируя концепцию Я. Стоилова, В.А. Илюхина рассматривает выявление неявных принципов посредством интерпретации, но сама критически оценивает этот способ их определения [4, с. 373–374]. Следовательно, научное выявление, юридическое признание и применение принципа нельзя отождествлять: теоретическое предпочтение не равнозначно существующему обязательному требованию.

Ю.Н. Величинская показывает значение принципов для установления и оценки обязательных требований, выделяя процедурные условия этой оценки [5, с. 192–195]. В.В. Ершов исследует их конкретизацию в трудовых правоотношениях [6, с. 53–54]. Эти работы позволяют поставить вопрос о сохранении содержания принципа в специальных нормах, несмотря на различие исходных представлений о правовых регуляторах.

Результаты

Объективное юридическое право рассматривается как система общеобязательных юридических норм, устанавливаемых либо санкционируемых и обеспечиваемых государством для регулирования, охраны и защиты общественных отношений. Общесоциальное право охватывает права и обязанности участников общественной жизни, необходимые для существования и развития общества в конкретно-исторических условиях. Юридические средства должны создавать условия их осуществления в социально-неоднородном обществе.

Принципы объективного юридического права выражают обусловленные общесоциальным правом государственно-правовые закономерности, определяя содержание юридических норм и направленность регулирования. Имеются в виду существенные, необходимые, устойчивые связи, обусловливающие юридические свойства явлений. Регулярность произвола или нарушения не составляет основания признания принципа. Иначе описание практики подменило бы обоснование должной организации общественных отношений.

Принцип не создает закономерность своим провозглашением. Правотворческий субъект выявляет необходимые для ее осуществления условия и придает им юридическую определенность. Так, признание равенства в общем предписании само по себе не устраняет различий в доступе к защите. Необходимо определить возможности обращения, обязанности компетентного субъекта, способы рассмотрения требования и восстановления нарушенного положения. Следовательно, действие принципа связано с формированием согласованного комплекса средств, а не с одним актом его словесного выражения.

При этом следует различать принцип и цель регулирования. Цель характеризует предполагаемое состояние отношений, достижение которого планируется посредством юридических мер. Принцип предъявляет требования к содержанию этих мер и допустимому способу получения результата. Сокращение продолжительности процедуры, например, может выступать целью ее изменения. Однако достижение такого показателя не оправдывает устранения возможности участника изложить свою позицию. Принцип позволяет оценивать юридические условия достижения результата, а не только его полезность.

Действие принципов не ограничивается отсутствием подходящего правила поведения. При обычном осуществлении норм оно проявляется через содержание прав, обязанностей и гарантий. Норма конкретизирует требование применительно к определенным условиям и субъектам. Принцип обеспечивает ее связь с другими элементами объективного юридического права. Разграничение не означает противопоставления: различаются способы участия в регулировании.

Конкретизация принципа не сводится к повторению его названия в отраслевом акте. Необходимо установить, какие правомочия, обязанности и гарантии требуются для соответствующих отношений. Общность принципа не предполагает одинаковости всех правил. Различие фактического положения участников может требовать неодинаковых средств, обеспечивающих совместимый результат. Единство содержания сохраняется, когда особенности регулирования объясняются свойствами отношений, а не предпочтением отдельной группы субъектов.

Рассмотрим условную ситуацию: для получения публичной услуги установлен одинаковый перечень документов, но один из них объективно недоступен определенной категории заявителей. Единая формулировка создает для нее препятствие, отсутствующее у других участников. Оценка на основе принципов требует проверить необходимость документа, возможность подтверждения обстоятельства иным способом и последствия отказа. Пример не описывает установленное нарушение; он показывает отличие внешнего совпадения правил от согласованности их юридического содержания.

Дальнейшее действие принципов связано с толкованием. Формулировка нормы может допускать варианты понимания, различающиеся по последствиям для участников отношений. Обращение к принципам необходимо не для отказа от текста, а для установления его смысла во взаимосвязи с другими нормами. Предпочтение определенного варианта должно объясняться тем, как он обеспечивает согласованное осуществление прав и обязанностей. Ссылка на справедливость без раскрытия такого перехода оставляет вывод на уровне утверждения.

М.В. Казакова анализирует, в частности, конституционно-судебную оценку правил о премировании работника, подвергнутого дисциплинарному взысканию [7, с. 76–77]. Юридическое значение приобретает не только наличие локального правила, но и его соотношение с общими и специальными принципами трудового права. Необходимо показать связь особенностей отношений с системой принципов, а не заменять анализ нормы оценочным суждением.

Системность действия принципов исключает подбор удобного основания после определения желаемого результата. Следует установить круг относящихся к рассматриваемым отношениям принципов и характер их взаимосвязи. Общие принципы конкретизируются в публичном и частном, материальном и процессуальном праве; специальные выражают особенности соответствующих элементов. Различие по сфере действия само по себе не устанавливает преимущества одного требования. В.А. Илюхина обращает внимание на необходимость различать классификацию принципов и решение вопроса об их иерархии и конкуренции [8, с. 25–27].

Согласование принципов требует объяснить содержание относящихся к делу требований, основания ограничения возможностей субъекта и необходимость выбранного средства. Число названных принципов не свидетельствует о полноте анализа. Совокупность становится системой лишь при раскрытии того, как соответствующие требования совместно определяют решение.

Регулирование не завершается изданием индивидуального акта. Использование признанного субъективного юридического права предполагает исполнение корреспондирующей обязанности и доступ к соответствующему благу. Поэтому результат не тождествен количеству решений или завершенных процедур. Существенно, созданы ли условия предупреждения нарушения и восстановления нарушенного положения.

Предлагается рассматривать действие принципов через три взаимосвязанных аспекта. Нормативный характеризует согласованность содержания норм и достаточность предусмотренных средств. Реализационный отражает условия использования прав, исполнения обязанностей и принятия решений. Результативный позволяет установить положение участников отношений, образующееся вследствие такого осуществления. Это не самостоятельные системы принципов, а стороны проверки одного требования при переходе от нормативного содержания к общественным отношениям.

Для каждого аспекта необходимо определить показатели наличия, отсутствия или степени воплощения принципа. В нормативном содержании ими могут выступать согласованность оснований предоставления права и возложения обязанности, определенность исключений, достаточность гарантий. В реализации – доступность процедуры, возможность получить мотивированный ответ и добиться исполнения решения. При оценке результата – восстановление обеспечиваемой возможности, устранение препятствий ее осуществлению. Набор показателей зависит от принципа и свойств отношений; универсальная шкала, одинаковая для всех случаев, из данного подхода не следует.

Обсуждение

Принцип задает юридически значимые свойства ожидаемого положения субъектов, а результат образуется при взаимодействии правовых и иных условий. Их расхождение требует выяснения причин: недостатка нормы, средств реализации, дефекта решения либо обстоятельств, не устраняемых юридическими средствами. Неудовлетворительный результат поэтому не доказывает сам по себе ошибочности содержания принципа.

Оценка нормы на основе принципов и юридическое последствие этой оценки не тождественны. Несовместимость содержания может обосновывать необходимость изменения регулирования, но не устанавливает полномочий любого субъекта отменять правило или отказываться от его исполнения. Отдельного обоснования требуют содержание принципа и компетенция, основания, процедура принятия решения. Его теоретическое значение не превращается в разрешение произвольного неприменения предписаний.

Недостаточность регулирования не означает одинакового усмотрения частного участника и носителя публичной власти. Недопустимо обосновывать властное полномочие только полезностью результата. А.Н. Мелькова, сопоставляя законность и целесообразность, связывает целесообразный выбор с законностью [9, с. 28–30]. Следовательно, результативность средства не устраняет вопроса о юридических границах его использования.

Проверка действия принципа отличается от подсчета ссылок. А.А. Демичев на материале принципа сочетания убеждения и принуждения выявляет его упоминания без содержательного значения для судебной аргументации [10, с. 24–25]. Вывод касается исследованного материала, а не всех принципов. Он показывает направление проверки: какое звено обоснования и какое последствие объясняются посредством конкретного принципа?

Для ответа необходимо проследить связь принципа, нормы, установленных обстоятельств и решения. Выявление неполноты гарантии, необоснованного исключения или несовместимых последствий норм позволяет определить регулятивное значение принципа. Существенна проверяемость перехода от общего требования к выводу, а не частота употребления термина.

Целостность объективного юридического права предполагает совместимость его элементов, стабильность – определенность действия и обоснованность ожиданий развития. Сохранение текста не всегда означает стабильность: при изменившихся условиях он может перестать обеспечивать необходимое положение субъектов. Изменение нормы сохраняет преемственность, если восстанавливает ее связь с системой принципов. Проверка результатов служит тогда основанием уточнения средств, а не произвольной замены направленности регулирования.

Заключение

Принципы объективного юридического права определяют содержание норм, согласование их осуществления и оценку положения субъектов. Их значение не сводится к ориентиру правотворчества или средству разрешения сложных дел. Оно сохраняется при последовательном воплощении обусловленных общесоциальным правом государственно-правовых закономерностей в юридических средствах и условиях их использования.

Условиями такого действия являются непрерывность, системность и проверяемость. Непрерывность характеризует сохранение требований при формировании, осуществлении и изменении норм. Системность предполагает взаимосвязь общих и специальных принципов вместо избирательного обращения к одному из них. Проверяемость требует показателей воплощения принципа в нормативном содержании, реализации и последствиях регулирования.

Литература

1. Арямов А.А. Характеристика принципов права как правовых регуляторов // Правосудие/Justice. 2024. Т. 6. № 3. С. 18–42.
2. Илюхина В.А. Доктринальные принципы права: понятие и специфика // Актуальные проблемы государства и права. 2021. Т. 5. № 17. С. 9–21.
3. Фаталиева Д.А. Differentia specifica правовых принципов в контексте судебной аргументации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Т. 18. № 1. С. 85–114.
4. Илюхина В.А. Принципы права в интегративном правопонимании (концепция Янаки Стоилова) // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 3. С. 366–377.
5. Величинская Ю.Н. Принципы права: проблемы применения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 1. С. 180–207.
6. Ершов В.В. (мл.). Природа и классификация принципов права, регулирующих трудовые правоотношения // Российское правосудие. 2026. № 1. С. 50–56.
7. Казакова М.В. Применение российскими судами принципов трудового права // Российское правосудие. 2025. № 11. С. 71–80.
8. Илюхина В.А. Иерархия и конкуренция принципов права: методологические проблемы // Правовое государство: теория и практика. 2024. Т. 20. № 3 (77). С. 22–29.
9. Метельков А.Н. Соотношение принципов права: целесообразность в законности // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: гуманитарные и общественные науки. 2025. № 1. С. 24–33.
10. Демичев А.А. Доктринальный принцип сочетания убеждения и принуждения в теории и правоприменительной практике // Правовое государство: теория и практика. 2025. Т. 21. № 3 (81).

PRINCIPLES OF OBJECTIVE JURIDICAL LAW IN THE LEGAL REGULATION OF SOCIAL RELATIONS

Shturtsev Yu.Yu.
Crimean Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

The article examines the operation of principles of objective juridical law in the formation and implementation of legal norms and in the assessment of regulatory outcomes. It aims to explain the connections between these dimensions and the conditions under which principles remain effective throughout legal regulation. The research combines systemic, functional and formal-logical approaches with comparative doctrinal analysis. Principles are understood as expressions of state-legal regularities conditioned by general-social law. The study distinguishes the declaration of a principle from its specification in legal norms and its implementation in social relations. It argues that principles operate beyond situations involving gaps: they also coordinate legal means, delimit discretion and provide criteria for assessing outcomes. A framework is proposed that connects normative content, conditions of implementation and the actual consequences of regulation. Evaluating a norm against principles is distinguished from establishing legal grounds for its amendment, repeal or non-application. The integrity and stability of objective juridical law therefore depend on the consistent implementation of its system of principles rather than textual recognition alone. The findings are theoretical and identify directions for subsequent examination in legal practice.

Keywords: objective juridical law; general-social law; principles of law; state-legal regularities; legal regulation; implementation of law; indicators of legal principles; integrity of law; stability of law.

References

1. Aryamov A.A. Characteristics of Principles of Law as Legal Regulators. Pravosudie/Justice. 2024. Vol. 6. № 3. Pp. 18–42. (In Russ.).
2. Ilyukhina V.A. Doctrinal Principles of Law: Concept and Specificity. Current Issues of the State and Law. 2021. Vol. 5. № 17. Pp. 9–21. (In Russ.).
3. Fatalieva D.A. Differentia Specifica of Legal Principles in the Context of Judicial Reasoning. Law. Journal of the Higher School of Economics. 2025. Vol. 18. № 1. Pp. 85–114. (In Russ.).
4. Ilyukhina V.A. Principles of Law in Integrative Legal Understanding (Yanaki Stoilov's Concept). Current Issues of the State and Law. 2024. Vol. 8. № 3. Pp. 366–377. (In Russ.).
5. Velichinskaya Yu.N. Principles of Law: Problems of Application. Law. Journal of the Higher School of Economics. 2022. Vol. 15. № 1. Pp. 180–207. (In Russ.).
6. Ershov V.V., Jr. The Nature and Classification of Legal Principles Governing Labor Relations. Russian Justice. 2026. № 1. Pp. 50–56. (In Russ.).
7. Kazakova M.V. Application of Labor Law Principles by Russian Courts. Russian Justice. 2025. № 11. Pp. 71–80. (In Russ.).
8. Ilyukhina V.A. The Hierarchy and Competition of Principles of Law: Methodological Problems. The Rule-of-Law State: Theory and Practice. 2024. Vol. 20. № 3 (77). Pp. 22–29. (In Russ.).
9. Metelkov A.N. Correlation of the Principles of Law: Expediency in Legality. Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and Social Sciences. 2025. № 1. Pp. 24–33. (In Russ.).
10. Demichev A.A. The Doctrinal Principle of Combining Persuasion and Coercion in Theory and Law Enforcement Practice. The Rule-of-Law State: Theory and Practice. 2025. Vol. 21. № 3 (81). Pp. 21–26. (In Russ.).

Теоретико-правовые пределы применения искусственного интеллекта в адвокатской деятельности

Щемелева Дарья Евгеньевна,
магистрант, Кафедра адвокатуры, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: Lipkinad13@mail.ru

Статья развивает авторский тезис: адвокатская защита не является набором операций, поддающихся алгоритмизации, поскольку включает доверие, оценку психологии доверителя, процессуальную интуицию, тактическое молчание, моральную ответственность и принятие риска решения. На этой основе обосновывается невозможность доверить искусственному интеллекту (далее – ИИ) функцию защиты прав человека: ИИ способен обработать правовую информацию, но не способен быть носителем профессиональной независимости, адвокатской тайны, присяги, дисциплинарной ответственности и доверительного отношения с доверителем. Проблема современного состояния LegalTech – не в самом ИИ, а в отсутствии институционального стандарта его допустимого использования адвокатами. С опорой на ст. 48 Конституции РФ, ст. 6–8 Федерального закона № 63-ФЗ, Кодекс профессиональной этики адвоката, законодательство об информации и персональных данных, EU AI Act и Formal Opinion 512 ABA предлагаются два институциональных инструмента: авторская модель допустимой алгоритмизации адвокатской деятельности (таблица 1) и концепция единой системы критериев допуска и использования LegalTech-инструментов, утверждаемой компетентными органами адвокатского самоуправления.

Ключевые слова: адвокатская деятельность; искусственный интеллект; LegalTech; профессиональное усмотрение; адвокатская тайна; присяга адвоката; алгоритмизация юридического мышления; объяснимость алгоритма; единая система критериев; дисциплинарная ответственность.

Введение

Дискуссия о цифровизации адвокатской деятельности в Российской Федерации к 2026 году утратила футурологическую окраску: ИИ-инструменты перешли из разряда экспериментальных в разряд повседневных. По данным совместного исследования платформы «Авито» и портала «Право.ru», 88% опрошенных юристов уже используют ИИ в работе, 63% фиксируют рост личной продуктивности, и каждый второй применяет ИИ для составления и проверки правовых документов [1]. Тенденция усиливается и на уровне адвокатского сообщества: Федеральная палата адвокатов РФ (далее – ФПА РФ) последовательно обсуждает применение ИИ в юридической практике, отмечает риски и одновременно ведет экспериментальные проекты, в том числе в рамках Комплексной информационной системы адвокатуры России (КИС АР) [2]. Принципиальной особенностью ситуации является то, что ИИ все чаще применяется не для рутины, а для содержательного анализа: составления проектов исковых заявлений, жалоб, выработки правовой позиции и прогнозирования исхода спора [3].

Актуальность исследования обусловлена тремя обстоятельствами: цифровая практика опережает корпоративное регулирование, и адвокаты вынуждены самостоятельно определять пределы допустимого использования ИИ; на рынок выходят специализированные адвокатские ИИ-сервисы (например, Plevako.ai), что обостряет вопрос о профессиональной оценке инструментов с точки зрения адвокатской тайны и независимости [4].

Степень научной разработанности проблемы. В современной доктрине уже сформировалась позиция, согласно которой ИИ может ускорять юридический поиск, подготовку документов и обработку массивов информации, однако не способен полностью заменить адвоката в силу творческого характера защиты, необходимости соблюдения адвокатской тайны, критической проверки правовых источников и сохранения человеческого контроля. Так, Р.Е. Смецкой указывает на риски недостоверных данных, генерируемых ИИ, недостаточность специального регулирования и невозможность замены адвоката технологией там, где требуется построение профессиональной защиты доверителя. Э.П. Голенищев и В.И. Фатхи, анализируя влияние ИИ на рынок юридических услуг, также приходят к выводу, что будущее адвокатской профессии связано не с вытеснением адвоката, а с симбиозом ИИ-технологий и человеческого интеллекта при обязательной критической оценке результатов. Следовательно, научная проблема настоящей статьи развивается в русле уже обозначенной исследователями дискуссии, но конкретизирует ее применительно к адвокатскому самоуправлению: не только «может ли ИИ заменить адвоката», а какие институциональные критерии должны исключить подмену профессионального усмотрения вероятностным машинным выводом.

Цель исследования – теоретико-правовое обоснование пределов алгоритмизации адвокатской деятельности и разработка практических институциональных инструментов, обеспечивающих сохранение профессионального усмотрения и адвокатской тайны при использовании ИИ.

Научная проблема статьи: каким образом обеспечить сохранение профессионального усмотрения и неотчуждаемой ответственности адвоката в условиях, когда ИИ-инструменты способны имитировать значительную часть юридической работы, но не способны нести юридическую и этическую ответственность за исход дела? Решение требует не запрета, а институциональной модели: алгоритма допустимого применения ИИ и единой системы критериев оценки LegalTech-инструментов в рамках адвокатского самоуправления.

Цель исследования – теоретико-правовое обоснование пределов алгоритмизации адвокатской деятельности и разработка практических институциональных инструментов, обеспечивающих сохранение профессионального усмотрения и адвокатской тайны при использовании ИИ. Объектом выступают общественные отношения в сфере применения ИИ в адвокатской деятельности; предметом – нормы об адвокатуре и адвокатской этике, законодательство об информации и персональных данных, акты адвокатского самоуправления, релевантная зарубежная регуляторная практика и доктринальные источники.

Методология: формально-юридический и сравнительно-правовой методы, метод правового моделирования, системно-структурный ана-

лиз. Нормативной базой послужили Конституция РФ; ФЗ № 63-ФЗ; КПЭА; Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ; Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ; Указ Президента РФ № 490 (в редакции 2024 г.); Регламент (ЕС) 2024/1689 (EU AI Act); Formal Opinion 512 ABA.

Адвокатская защита как отношение, а не набор операций: пределы алгоритмизации

Юридическая дискуссия об ИИ в адвокатуре нередко строится на молчаливой презумпции, будто адвокатская деятельность сводится к последовательности операций – поиску норм, подбору практики, составлению документа. Если принять эту презумпцию, замещение адвоката алгоритмом становится лишь вопросом времени. Представляется принципиальным ее отвергнуть: адвокатская защита – не набор операций, а правовое отношение, выстроенное вокруг конкретного человека.

Содержание этого отношения включает по меньшей мере шесть несводимых к алгоритму элементов: доверие, обеспечивающее раскрытие сведений, охраняемых адвокатской тайной; оценку конфликта интересов, требующую понимания личных мотивов сторон; психологический контакт и оценку позиции доверителя; процессуальную интуицию – способность к выбору момента действия; тактическое молчание как инструмент защиты; моральную ответственность и готовность принять на себя риск решения, которое в адвокатуре всегда персонифицировано.

Ни один из этих элементов не способна нести программная система. ИИ как технологический объект не обладает статусом, не приносит присяги (ст. 13 ФЗ № 63-ФЗ), не входит в адвокатскую палату (ст. 29 ФЗ № 63-ФЗ), не подлежит дисциплинарному производству (ст. 33 ФЗ № 63-ФЗ; раздел второй КПЭА), не связан режимом адвокатской тайны (ст. 8 ФЗ № 63-ФЗ; ст. 6 КПЭА) и не несет обязанности честности, разумности и добросовестности в смысле ст. 7 ФЗ № 63-ФЗ и п. 1 ст. 8 КПЭА. Следовательно, передача алгоритму функций защиты юридически невозможна: все, что выглядит как такая передача, фактически остается действием адвоката, использующего инструмент.

Пределы цифровизации адвокатской деятельности

Феномен «черного ящика» представляет собой специфическую конфигурацию алгоритмического вывода, при которой субъект, фиксируя конечный результат работы системы, оказывается фундаментально отчужден от возможности реконструировать, проверить и процессуально верифицировать внутреннюю логику его формирования. Для адвоката это не техническое, а нормативное препятствие: ст. 7 ФЗ № 63-ФЗ и п. 1 ст. 8 КПЭА требуют действовать честно, разумно и добросовестно, то есть на основании понимаемой и проверяемой правовой логики. Адвокат не вправе превращать вероятностный вывод системы в суррогат собственной правовой позиции: именно от него, а не от модели, ожидается осознанный выбор средств защиты.

Адвокатская тайна (ст. 8 ФЗ № 63-ФЗ; ст. 6 КПЭА) образует абсолютный предел цифровизации адвокатуры. Ее содержанием выступают любые сведения, связанные с оказанием юридической помощи: материалы досье, информация о доверителе, обстоятельства дела, условия соглашения, переписка, оценка доказательств. Передача таких сведений во внешние генеративные модели, особенно расположенные за пределами российской юрисдикции, создает неприемлемо высокий риск несанкционированного доступа и вторичного использования данных для обучения модели. Подобный риск прямо отмечается в актуальных материалах ФПА РФ и «Адвокатской газеты»: заявления разработчиков о безопасности недостаточны – требуется институциональная, а не маркетинговая оценка [4].

Нормативный контур усиливается законодательством об информации. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ устанавливает режим ограниченного доступа к конфиденциальной информации (ст. 9, 16), а Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ предъявляет жесткие требования к законности и безопасности обработки персональных данных (ст. 6, 7, 18, 19). Загрузка материалов адвокатского производства в публичные облачные LLM в большинстве случаев не отвечает этим требованиям ни по составу согласий, ни по контуру обработки, ни по режиму трансграничной передачи (ст. 12 ФЗ № 152-ФЗ). Принципы обновленной Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года (Указ Президента РФ № 490 в редакции 2024 г.) – прозрачность, недискриминация, безопасность данных, технологический суверенитет – задают внешний нормативный контур: ИИ-сервисы, не отвечающие этим принципам, не могут быть признаны пригодными для адвокатской деятельности.

Второй нормативный предел – принцип персональной ответственности конкретного защитника. Ни одна программа, нейросеть или организация не может быть привлечена к дисциплинарной ответственности по правилам ФЗ № 63-ФЗ и КПЭА. Любое юридическое действие, совершенное с использованием ИИ, остается действием адвоката, полностью отвечающего за его содержание, форму и последствия. Отсюда категорически неприемлема конструкция «ошибка алгоритма»: статус, присяга, дисциплинарная ответственность и обязанности перед доверителем закреплены за человеком (ст. 7, 13, 17 ФЗ № 63-ФЗ; ст. 8, 18 КПЭА).

Унификация защиты как системный риск и ценность стратегического синтеза

Ч. 1 ст. 48 Конституции РФ гарантирует каждому индивидуализированную квалифицированную юридическую помощь. Массовое тиражирование однотипных LegalTech-платформ этому прямо противоречит. Возникает системный риск – унификация правовых позиций. Механизм прост: десятки тысяч защитников используют сходные алгоритмические рекомендации, и в результате складывается эффект шаблонной защиты, при котором дела, принципиально несхожие по существу, укладываются в ограниченный набор типовых сценариев.

В принципе, если смотреть на этот процесс, то когда алгоритм обучается на массиве таких как бы «средних» дел, то эта система неизбежно начинает тяготеть именно к усредненному сценарию. Получается, что тут всплывает один важный аспект.

Защитник ведь вообще действует совершенно иначе, потому что закон прямо обязывает его искать индивидуальное решение для конкретного человека – это прописано в подп. 1 п. 1 ст. 7 ФЗ № 63-ФЗ, а также в ст. 9 КПЭА, что в принципе является важным показателем всей структуры. А причина такого расхождения между подходом алгоритма и защитником кроется, наверное, в самой природе правовой ситуации доверителя. Это такой феномен, который складывается из самых разных параметров: тут есть и процессуальное положение, и вся доказательственная база, и то, как ведут себя оппоненты в процессе. Ну и, естественно, индивидуальные и психологические черты самого человека тоже играют роль. По сути, получается, что значительная часть этих параметров просто не поддается никакой корректной формализации, и из-за этого алгоритм не может эффективно работать, как человек, и все равно возвращается к своему среднему подходу.

Здесь на первый план выходит стратегический синтез. Именно эта функция сводит воедино нормативный и фактический анализ, оценку рисков, психологию доверителя и прогноз поведения оппонентов и суда – превращая разрозненные данные в цельную линию защиты.

Сравнительно-правовой контекст: международные подходы к человеческому контролю

Сравнительный анализ показывает, что ведущие правопорядки движутся к единой формуле: ИИ в юридической деятельности – инструмент, но не субъект решения. Эта формула реализуется в трех типичных моделях. Рамочно-регламентная модель Европейского союза: Регламент (ЕС) 2024/1689 (AI Act) относит системы ИИ, используемые в сфере правосудия и оказания юридических услуг, к категории высокорисковых (Annex III), что влечет обязательные требования прозрачности, технической документации, человеческого надзора и информирования пользователей.

Судебно-этическая модель Соединенных Штатов опирается на профессиональную этику: Formal Opinion 512 ABA обязывает юристов соблюдать обязанности компетентности, конфиденциальности, коммуникации с доверителем и добросовестности перед судом при использовании генеративного ИИ, устанавливая, что технологическая компетентность является непрерывной обязанностью.

Авторская модель цифровизации адвокатуры

Сама эта модель строится по принципу последовательных этапов адвокатской работы. Это как бы главная структура.

И там для каждого из этих этапов подробно указываются такие параметры: содержание самого действия, потом допустимая роль ИИ и связанный с этим риск, а также еще требуемый уровень человеческого контроля и, конечно, нормативно-этическая опора. Получается, что каждый аспект расписан через эти показатели, чтобы была видна вся взаимосвязь и эффективность процесса, когда человек контролирует систему на разных этапах. Внутреннее ядро модели: ИИ может встраиваться в работу адвоката, но ни в один момент не может брать на себя итоговую юридическую квалификацию, решение в интересах доверителя или подпись под документом.

Модель систематизирует требования законодательства об адвокатуре применительно к цифровым практикам, обеспечивает прослеживаемость роли адвоката на каждом этапе и задает практический ориентир для дисциплинарной практики: если установлено, что адвокат передал алгоритму этап, помеченный как зона ис-

ключительного человеческого контроля, это создает презумпцию нарушения ст. 7 ФЗ № 63-ФЗ и ст. 8 КПЭА. Главное, что фиксирует модель, – неотчуждаемая ответственность адвоката и сохранение профессионального усмотрения как осевого элемента процесса; ИИ-инструмент здесь является технической периферией, а не центром процесса защиты.

Таблица 1. Авторская модель допустимой алгоритмизации адвокатской деятельности (12 этапов)

Этап	Содержание	Роль ИИ и риски	Человеческий контроль	Нормы
1. Принятие поручения	Проверка конфликта интересов	ИИ только для поиска по внутренним базам. Запрет передачи данных во внешние сервисы	Личное решение адвоката	ФЗ № 63-ФЗ, 152-ФЗ, КПЭА
2. Соглашение	Определение границ применения ИИ	Работа с ИИ недопустима без письменного согласия. Риск формального подхода	Адвокат лично разъясняет риски и берет согласие	ФЗ № 63-ФЗ, 152-ФЗ, КПЭА
3. Работа с досье	Сбор и систематизация материалов	Обработка только обезличенных данных. Запрет передачи тайны в публичные LLM	Обеспечение режима тайны и обезличивания	ФЗ № 63-ФЗ, 152-ФЗ, 149-ФЗ
4. Квалификация	Определение проблемы и норм	Риск подмены вывода юриста готовым ответом модели	Исключительная, неделегируемая воля адвоката	Конституция РФ, ФЗ № 63-ФЗ
5. Поиск практики	Подбор норм и позиций судов	Высокий риск «галлюцинаций» (выдуманных дел и норм)	Сплошная проверка по официальным базам	ФЗ № 63-ФЗ, КПЭА
6. Аналитика	Подготовка справок и черновиков	ИИ – вспомогательный инструмент. Вывод ИИ не является заключением	Запрет автоматических решений. Авторство за юристом	ФЗ № 63-ФЗ, КПЭА
7. Верификация	Проверка дат, цитат, реквизитов	Модель не подтверждает достоверность источников (риск фабрикации)	Сверка каждого источника с оригиналами	КПЭА
8. Формирование позиции	Выбор линии защиты и тактики	Прогноз ИИ нельзя использовать как окончательную позицию	Синтез стратегии и согласование с волей доверителя	ФЗ № 63-ФЗ, КПЭА
9. Оценка рисков	Анализ перспектив дела	ИИ-аналитика – лишь источник. Не заменяет рекомендацию защитника	Решение принимает доверитель на основе разъяснений	ФЗ № 63-ФЗ, КПЭА
10. Подготовка документов	Составление жалоб, заявлений, договоров	Допустимы черновики и редактура. Риск фактических ошибок	Вычитка текста, проверка расчетов и реквизитов	ФЗ № 63-ФЗ, проц. кодексы
11. Финальный контроль	Итоговая проверка перед подачей	ИИ – не инстанция. Риск слепого доверия тексту	Личная ответственность адвоката за итоговый документ	ФЗ № 63-ФЗ, КПЭА
12. Фиксация и хранение	Документирование применения ИИ	Риск потери следов вмешательства нейросетей	Фиксация задач, переданных ИИ, защита архива	ФЗ № 63-ФЗ, КПЭА

Единая система критериев допуска и использования LegalTech-инструментов

Дополнения в КПЭА и методические рекомендации ФПА РФ необходимы, но недостаточны. Адвокат самостоятельно выбирает между разнородными ИИ-сервисами с несравнимыми уровнями безопасности, прозрачности и надежности. Возникает парадокс: режим адвокатской тайны един и абсолютен (ст. 8 ФЗ № 63-ФЗ), а инфраструктура ее цифровой защиты фрагментарна и зависит от случайного выбора отдельного защитника, что создает неравенство стандартов помощи и системные риски.

В качестве решения предлагается формирование единой системы критериев допуска и использования ИИ-инструментов в адвокатской деятельности – набора обязательных критериев и реестра LegalTech-инструментов, прошедших оценку. Юридически корректная конструкция предполагает утверждение единой системы компетентными органами адвокатского самоуправления: Федеральной палатой адвокатов Российской Федерации, Советом ФПА РФ, Всероссийским съездом адвокатов или Комиссией по этике и стандартам ФПА РФ [5]. Модель не является монополией одного сервиса и не сводится к закрытому списку: реестр содержит инструменты, прошедшие оценку, но рынок остается открытым, а адвокаты сохраняют свободу выбора в пределах сертифицированных решений.

Содержательно единая система критериев формируется из нескольких блоков – авторских ответов на риски, выявленные выше:

- локализация и безопасность данных в контуре, обеспечивающем соблюдение ст. 12, 18, 19 ФЗ № 152-ФЗ и ст. 16 ФЗ № 149-ФЗ;
- договорной запрет обучения модели на адвокатской тайне без явного согласия;
- объяснимость алгоритма: документированное описание принципов работы и известных ограничений модели;
- журналирование запросов, версий моделей и использованных данных для последующего аудита;
- готовность поставщика к независимой технико-юридической экспертизе;
- актуальность правовой базы с предупреждениями о возможном устаревании источника;
- разграничение справочной и рекомендательной функции в интерфейсе, исключающее иллюзию заключения;
- независимость адвоката: запрет функций, направляющих выбор позиции;
- информированное согласие доверителя, согласованное со ст. 9 ФЗ № 152-ФЗ и КПЭА.

Юридическая природа единой системы критериев – корпоративная: ее обязательность вытекает из положений КПЭА и решений органов адвокатского самоуправления, принятых в пределах их компетенции (п. 6 ст. 15 КПЭА). Такая конструкция не вторгается в сферу свободной конкуренции на рынке LegalTech, но в адвокатской деятельности применяется только инструмент, прошедший профессиональную оценку. Принципиально важно: проблема состоит не в самой технологии, а в отсутствии профессионально утвержденной границы ее использования. Единый стандарт необходим не для торможения цифровизации, а для предотвращения хаотичного и небезопасного применения ИИ в адвокатской практике; он переводит вопрос из плоскости индивидуального усмотрения каждого защитника в плоскость корпоративно обеспеченной нормы.

Предложения по совершенствованию нормативной базы и корпоративных стандартов

Полученные выводы позволяют сформулировать предложения de lege ferenda и de corpore, исходящие из невозможности доверить ИИ функции защиты человека.

Во-первых, целесообразно дополнить КПЭА самостоятельной статьей об использовании информационных технологий и систем ИИ, закрепив: право применять ИИ как вспомогательный инструмент; запрет использования результата ИИ как единственного или преимущественного основания процессуального решения; обязанность верифицировать каждый юридически значимый результат; обязанность уведомить доверителя и получить информированное согласие; обязанность фиксации факта и пределов использования ИИ в материалах адвокатского производства.

Кроме того, считаем, что Совету ФПА РФ следует утвердить методические разъяснения и стандарт адвокатской деятельности, обеспечивающие минимальные требования информационной безопасности при работе с LegalTech-сервисами; в рамках компетенции Комиссии ФПА РФ по этике и стандартам разъяснения могут быть направлены адвокатским палатам субъектов РФ.

В-третьих, всероссийскому съезду адвокатов и Совету ФПА РФ рекомендуется рассмотреть вопрос об утверждении единой системы критериев допуска ИИ-инструментов и о ведении реестра соответствующих LegalTech-инструментов. А адвокатским образованиям было бы хорошо разработать локальные политики использования ИИ, отража-

ющие двенадцатиэтапную модель (таблица 1), и обеспечить регулярное повышение технологической компетентности, что соответствует вектору ABA Formal Opinion 512.

И в завершении на уровне корпоративных стандартов следует установить безусловное, не подлежащее договорному отступлению требование: материалы, охватываемые адвокатской тайной, недопустимо обрабатывать в публичных генеративных моделях; для этого могут использоваться только сервисы, отвечающие критериям единой системы.

Обсуждение

Предложенный подход вступает в дискуссию с двумя крайними позициями. Первая – мягкая регламентация без существенных корпоративных ограничений, недооценивающая абсолютный характер адвокатской тайны и принцип персональной ответственности. Вторая – запретительная модель, отрицающая реальные эффективности автоматизации и неприменимая на практике, что подтверждают данные о фактическом распространении ИИ среди юристов [1]. Авторская позиция содержательно нейтральна по отношению к технологии: ИИ допустим, но строго как инструмент в рамках профессионального усмотрения, при соблюдении адвокатской тайны, наличии стандартизированных критериев и полной персональной ответственности защитника. Локальные регламенты отдельных адвокатских образований [6] ценны, но не заменяют общую корпоративную инфраструктуру: режим адвокатской тайны един и не может опираться на разрозненные практики. Ограничения исследования связаны с быстрым обновлением LegalTech и ограниченной отечественной дисциплинарной практикой.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сформулировать итоговые выводы. Алгоритмизация юридического мышления не упраздняет профессионального усмотрения адвоката, а трансформирует его: акцент смещается с поиска и первичной обработки информации на критическую верификацию, стратегический синтез и принятие всей полноты ответственности за судьбу доверителя.

Вообще, если смотреть на этот процесс, авторская позиция тут состоит как бы в следующем. Во-первых, если разбирать саму структуру, то адвокатская защита – это не просто какой-то набор отдельных операций. Она ведь включает в себя целую систему разных аспектов: это и доверие, и конфликт-чек, и оценка психологии доверителя, а еще тут важна процессуальная интуиция, тактическое молчание, моральная ответственность и даже само принятие риска решения. В общем, получается, ни один из этих элементов ИИ не способен на себе нести в принципе, потому что это чисто человеческий феномен.

И вот отсюда сразу вытекает второй момент, если смотреть на этот параметр. ИИ легко может обработать любую правовую информацию, это да, но он как бы не может являться носителем профессиональной независимости.

Тут важно отметить, что он также не может нести в себе такие вещи, как адвокатская тайна, присяга, дисциплинарная ответственность и вот это самое доверительное отношение, про которое уже говорилось. И именно отсюда получается категорическая невозможность доверить ИИ саму функцию защиты человека.

В-третьих, если брать современное состояние сферы LegalTech, то проблема тут кроется вообще не в самом ИИ как таковом. Можно сказать, что вся проблема заключается в отсутствии институционального стандарта его допустимого использования. То есть именно отсутствие этой границы, а вовсе не сама технология, и образует как бы ключевую ошибку регулирования в этой системе.

В-четвертых, получается, что совместимость ИИ с базовыми принципами адвокатской деятельности вполне достигается. Но для этого нужен правильный подход, а точнее – два взаимосвязанных инструмента. Это авторская двенадцатиэтапная модель, которая показана в таблице 1, и еще единая система критериев допуска LegalTech-инструментов, которую должны утверждать компетентные органы адвокатского самоуправления. Это, наверное, показывает, как можно наладить всю эффективную взаимосвязь.

Искусственный интеллект по своей природе остается генеративной моделью, способной предложить вероятность и предположение, но не гарантированно точный правовой ответ. Задача адвокатского сообщества – не остановить технологический прогресс, а удержать его в границах, в которых ИИ остается инструментом адвоката, а не подменой его профессионального усмотрения и неотчуждаемой ответственности. Единый стандарт необходим не для торможения цифровизации, а для предотвращения хаотичного и небезопасного применения ИИ в адвокатской практике.

Литература

1. Смецкой Р.Е. Искусственный интеллект в адвокатской деятельности: перспективы и проблемы // Дневник науки. 2026. URL: https://dnevniknauki.ru/images/publications/2026/4/law/Smetskoy.pdf (дата обращения: 14.08.2026).
2. Искусственный интеллект в юридической практике: польза и риски // Федеральная палата адвокатов РФ. 25.04.2023. URL: https://fparf.ru/news/fpa/iskusstvennyy-intellekt-v-yuridicheskoy-praktike-polza-i-riski/ (дата обращения: 03.09.2026).
3. Эксперты обсудили конституционные риски и способы защиты правосудия в эпоху ИИ // Адвокатская газета. 13.04.2026. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/eksperty-obsudili-konstitutsionnye-riski-i-sposoby-zashchity-pravosudiya-v-epokhu-ii/ (дата обращения: 11.09.2026).
4. Заменит ли искусственный интеллект адвоката? // Федеральная палата адвокатов РФ. Раздел «Полемика. Мнения». 11.07.2025. URL: https://fparf.ru/polemic/opinions/zamenit-li-iskusstvennyy-intellekt-advokata/ (дата обращения: 27.08.2026).
5. Регламент Комиссии Федеральной палаты адвокатов по этике и стандартам. URL: https://fparf.ru/documents/fpa-rf/dokumenty-kes/the-regulation-of-the-commission-of-the-federal-chamber-of-lawyers/ (дата обращения: 19.08.2026).
6. Цифровая адвокатская тайна и искусственный интеллект // МГКА «Торкунов и Партнеры». 18.08.2025. URL: https://ak-tr.ru/news/blogs/digital-advokatskaya-tayna-ii/ (дата обращения: 18.09.2026).

THEORETICAL AND LEGAL LIMITS OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN ADVOCACY

Schemeleva D.E.
Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSAL)

This article develops the author's thesis: legal defence is not a set of operations that can be algorithmised, as it involves trust, an assessment of the client's psychological state, procedural intuition, tactical silence, moral responsibility and the acceptance of decision-making risks. On this basis, the article argues that it is impossible to entrust the function of defending human rights to artificial intelligence (hereinafter 'AI'): whilst AI is capable of processing legal information, it cannot embody professional independence, solicitor-client privilege, the oath of office, disciplinary responsibility or a relationship of trust with the client. The problem with the current state of LegalTech lies not in AI itself, but in the absence of an institutional standard governing its permissible use by lawyers. Drawing on Article 48 of the Constitution of the Russian Federation, Articles 6–8 of Federal Law № 63-FZ, the Code of Professional Ethics for Lawyers, legislation on information and personal data, the EU AI Act and ABA Formal Opinion 512, two institutional instruments are proposed: an author-developed model for the permissible use of algorithms in legal practice and the concept of a unified system of criteria for the authorisation and use of LegalTech tools.

Keywords: legal profession; artificial intelligence; LegalTech; professional discretion; attorney – client privilege; oath of the advocate; algorithmisation of legal reasoning; explainability; unified criteria; disciplinary liability.

References

1. Smetskoy R.E. Artificial Intelligence in Legal Practice: Prospects and Challenges // Science Diary. 2026. URL: https://dnevniknauki.ru/images/publications/2026/4/law/Smetskoy.pdf (accessed: 14.08.2026).
2. Artificial Intelligence in Legal Practice: Benefits and Risks // Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation. 25 April 2023. URL: https://fparf.ru/news/fpa/iskusstvennyy-intellekt-v-yuridicheskoy-praktike-polza-i-riski/ (accessed: 03.09.2026).
3. Experts discussed constitutional risks and ways to safeguard justice in the age of AI // Advokatskaya Gazeta. 13 April 2026. URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/eksperty-obsudili-konstitutsionnye-riski-i-sposoby-zashchity-pravosudiya-v-epokhu-ii/ (accessed: 11.09.2026).
4. Will artificial intelligence replace lawyers? // Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation. «Debate. Opinions» section. 11 July 2025. URL: https://fparf.ru/polemic/opinions/zamenit-li-iskusstvennyy-intellekt-advokata/ (accessed: 27.08.2026).
5. Rules of Procedure of the Federal Chamber of Lawyers' Commission on Ethics and Standards. URL: https://fparf.ru/documents/fpa-rf/dokumenty-kes/the-regulation-of-the-commission-of-the-federal-chamber-of-lawyers-on-ethics-and-standards/ (accessed: 19.08.2026).
6. Digital legal professional privilege and artificial intelligence // MGKA «Torkunov & Partners». 18 August 2025. URL: https://ak-tr.ru/news/blogs/digital-advokatskaya-tayna-ii/ (accessed: 18.09.2026).

Проблемные вопросы применения федерального законодательства в части изменения категории земельных участков из земель, относящихся к сельскохозяйственным угодьям

Алексеева Анастасия Николаевна,
консультант отдела комплексного развития сельских территорий управления сельского хозяйства и социального развития села министерства агропромышленного комплекса и торговли Архангельской области
E-mail: nastyia2010@mail.ru

Клепиков Игорь Владимирович,
кандидат технических наук, доцент, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: i.klepikov@narfu.ru

В статье на основе анализа федерального законодательства, практики его применения исполнительными органами государственной власти субъектов РФ, регионального законодательства, судебной практики исследуется вопрос изменения целевого назначения земель, относящихся к сельскохозяйственным угодьям в составе земель сельскохозяйственного назначения: обоснование и цель перевода, порядок, исключительность угодий в случаях перевода. Проведённое исследование выявило ряд проблем, свидетельствующих о том, что в федеральном законодательстве требуются совершенствования.

Ключевые слова: земли сельскохозяйственного назначения; сельскохозяйственные угодья; категория земель; изменение целевого назначения земель.

Актуальность

В России земли сельскохозяйственного назначения, а особенно сельскохозяйственные угодья, всегда играли большую роль как природного ресурса, так и в качестве опоры для обеспечения продовольственной безопасности. Но в текущих реалиях мы видим, что сельскохозяйственные земли повсеместно выводятся из оборота: используются для размещения промышленных объектов, строительства жилых домов, переводятся в земли лесного фонда ввиду их зарастания древесной растительностью и так далее.

В период с 1990 по 2020 год земли сельскохозяйственного назначения потеряли в площади 258,4 млн га, что составляет сокращение примерно в 1,6 раза [1]. Согласно информации Министерства сельского хозяйства РФ, за те же годы площадь сельхозугодий сократилась с 213,8 млн га до 197,6 млн га, то есть на 16 млн га. [2].

Стоит согласиться, что включение сельхозземель в другие категории нередко становится необходимой мерой для учёта частных и общественных интересов, но всё же сельхозземли, а именно сельскохозяйственные угодья, представляют собой ценный и практически невозобновляемый природный ресурс. Поэтому предотвращение сокращения площади земель сельскохозяйственного назначения и возвращение в оборот заброшенных пахотных угодий стали одними из приоритетных задач в России. Для этих целей на федеральном уровне системно вносят изменения в законодательство в части регулирования вопросов, связанных с изменением категории земель сельскохозяйственного назначения.

С 2025 года вступил в силу ряд законодательных актов, которые внесли глобальные изменения в федеральное законодательство в части изменения категории и видов разрешенного использования земельных участков сельхозназначения. В настоящее время складывается практика исполнения новых норм, на основе которой уже можно сделать выводы о реальных сложностях в их правоприменении.

Цель и задачи исследования

Цель данной статьи: рассмотреть правовую проблему изменения категории земель сельскохозяйственного назначения.

Задачи исследования:

1. Провести анализ действующих нормативных правовых актов на предмет изменения целевого назначения земель.
2. Рассмотреть сложившуюся ситуацию, касающуюся изменения категории земельных участков, относящихся к землям сельскохозяйственного назначения, в том числе к сельскохозяйственным угодьям.
3. Определить проблемные вопросы и пути практического решения проблемы изменения категорий земель.

Методология

В основе методологии исследования лежит анализ федерального законодательства, практика регионов и судебная практика в отношении изменения целевого назначения участков, относящихся к сельскохозяйственным угодьям в составе земель сельскохозяйственного назначения.

Результаты исследования

Структура земельного фонда России закреплена в статье 7 Земельного кодекса Российской Федерации (ЗК РФ); детальное описание категорий земель, их состава и особенностей использования приведено в главах XIV–XVIII ЗК РФ. Согласно статье 77 ЗК РФ землями сельскохозяйственного назначения признаются земли, находящиеся за границами населенного пункта и предоставленные для нужд сельского хозяйства, а также предназначенные для этих целей. Статья 79 ЗК РФ предусматривает выделение в составе сельхозземель особой группы земель – сельскохозяйственные угодья, включающая пашни, сенокосы, пастбища, залежи, земли, занятые многолетними насаждениями, которые имеют приоритет в использовании и подлежат особой охране. На указанных землях разрешено только сельскохозяйственное производство; любое иное использование, включая ведение садоводства, возведение жилых и садовых домов, хозпостроек и гаражей, не допускается (исключение – один жилой дом для крестьянского фермерского хозяйства) [3].

Применение земель сельхозназначения для несельскохозяйственных целей возможно лишь после изменения категории земель. Это не требуется лишь в ситуациях, перечисленных в пунктах 2 и 3 статьи 78 ЗК РФ. Правовое регулирование изменения целевого назначения участков осуществляется в установленном Федеральным законом от 21.12.2004 № 172-ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» порядке.

С марта 2026 года вступили в силу изменения в отдельные законодательные акты Российской Федерации, утвержденные Федеральным законом от 01.04.2025 № 52-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». В частности, Федеральный закон № 52-ФЗ внёс принципиальные корректировки в процедуру рассмотрения ходатайств об изменении категории сельхозугодий – ту самую, что была предусмотрена Законом № 172-ФЗ. Раньше решение о переводе данных земель выносилось исключительно исполнительным органом государственной власти субъекта РФ (ИОГВ РФ) в виде акта о переводе, то с 01.03.2026 ввели более жёсткий механизм – так называемый принцип «двух ключей»: решение о переводе (акт) принимается на основании областного закона с учетом позиции федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по выработке государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере использования и охраны земель сельскохозяйственного назначения. Уполномоченным органом в данной сфере признано Министерство сельского хозяйства Российской Федерации.

Коротко обозначим процедуру именно утверждения перевода сельхозугодий, установленную статьей 3 Федерального закона 52-ФЗ (порядок, о котором идёт речь, не применяется к землям федеральной собственности): ИОГВ субъекта РФ в течение одного месяца со дня поступления ходатайства согласовывает перевод с высшим должностным лицом субъекта РФ – губернатором; в случае согласия в региональное собрание депутатов направляется законодательная инициатива о переводе сельхозугодий, параллельно пакет документов направляют в Минсельхоз России для получения заключения; по итогам процедуры утверждается областной закон о переводе сельхозугодий, на основании которого ИОГВ субъекта РФ принимает акт о переводе [5].

Очевидно, что процедура утверждения перевода «обросла» новыми действиями, которые требуют временных затрат. С учетом рассмотрения инициатив о переводе угодий на внеочередных сессиях законодательного органа региона в среднем процесс перевода может занимать от четырех месяцев. Согласно Федеральному закону № 52-ФЗ акт о переводе земель ИОГВ субъекта РФ должен быть принят в течение двух месяцев со дня поступления ходатайства. На практике идея «двух ключей» превратилась в «гонку» за сроками. **Так, выявлена первая проблема в утверждении перевода сельхозугодий – риск срыва сроков исполнения обязательств со стороны ИОГВ РФ.**

Отметим, что пунктом 13 статьи 3 Федерального закона № 172-ФЗ предусмотрено рассмотрение законодательной инициативы с обязательным заключением Минсельхоза РФ, но положение о том, что заключение федерального органа носит императивный характер, отсутствует, а значит, оно может иметь рекомендательный характер. При этом нормативно не закреплен пакет документов, представляемый в Минсельхоз РФ для рассмотрения инициативы о переводе, а также отсутствует информация по каким параметрам федеральный орган оценивает возможность перевода угодий, и что именно указывает в заключении. **Минсельхоз России оценивает ситуацию с фокусом на главную задачу – сохранение агрофонда, но из-за отсутствия жёсткой регламентации заявителям самостоятельно необходимо максимально полно собрать аргументационную базу, чтобы снизить риски замечаний и отрицательного заключения со стороны органа власти.**

Переходим к следующей проблематике, которая сложилась в обосновании перевода сельхозугодий. Пунктом 2 статьи 2 Федерального закона № 172-ФЗ определено, что содержание ходатайства о переводе и состав прилагаемых к нему документов устанавливается ИОГВ РФ в отношении земель сельскохозяйственного назначения, за исключением земель, находящихся в федеральной собственности. Пунктом 3 статьи 2 Федерального закона № 172-ФЗ установлено, что в ходатайстве о переводе участков из одной категории в другую указывается обоснование изменений [4]. **При этом на федеральном уровне не установлено, что для перевода необходимо приложение подтверждающих обоснование документов**.

Эти слова находят своё подтверждение в Определении Верховного Суда РФ от 26.01.2011 № 41-Г10–66 и Определении Верховного Суда РФ от 30.05.2012 № 41-АПГ12–6. Судами установлено, что требование об обосновании перевода относится к содержанию самого ходатайства, а не к перечню прилагаемых к нему документов. Необходимость приложения к ходатайству о переводе земельных участков каких-либо документов в подтверждение обоснования перевода федеральным законодательством не предусмотрена [6,7].

Так, состав ходатайства и прилагаемой документации для перевода земель на уровне субъектов РФ приведён в соответствие с Федеральным законом № 172-ФЗ и закреплён отдельными постановлениями, например, в Вологодской области – от 30.05.2005 № 556, в Архангельской – от 24.05.2011 № 169-пп [8, 9].

В свою очередь, постановлением Правительства Ярославской области от 27.01.2012 № 36-п, постановлением Администрации Алтайского края от 26.10.2009 № 441, постановление Правительства Республики Ингушетии от 23.06.2026 № 92 в состав прилагаемых к ходатайству документов определены: заключение органов местного самоуправления о возможности и целесообразности изменения категории сельхозземель; утвержденный проект рекультивации сельхозземель; сведения о кадастровой стоимости земель сельскохозяйственного назначения; для мелиоративных сельскохозяйственных угодий – акт на списание мелиоративных систем их собственником, балансодержателем; документ, выданный органом местного самоуправления, подтверждающий отсутствие иных вариантов размещения соответствующих объектов [10, 11, 12].

Получается такая ситуация: федеральный закон не обязывает прикладывать документы для обоснования, но регион в своём акте это делает и может детализировать процедуру и требовать дополнительные материалы. Заявитель же может ссылаться на то, что Федеральный закон № 172-ФЗ не требует приложений для обоснования – только текст в ходатайстве.

С 01.01.2027 вступят в силу отдельные нормы Закона № 52-ФЗ, которые внесут изменения в статью 7 Федерального закона № 172-ФЗ о переводе. Как отметила Тоточенко Д.А. [13], перевод сельхозугодий в другую категорию сейчас возможен в девяти предусмотренных Законом № 172-ФЗ случаях: консервация земель; формирование особо охраняемых и иных особо ценных территорий (включая природоохранные, историко-культурные, рекреационные); включение в населённые пункты; размещение промышленных, линейных, социальных, коммунально-бытовых, медицинских и образовательных объектов (при отсутствии альтернативных площадок); перевод непригодных для сельского хозяйства участков в лесной, водный фонд или земли запаса; выполнение международных обязательств, а также задач в сфере обороны и безопасности (если иные варианты размещения невозможны); добыча полезных ископаемых. Отдельные основания позволяют переводить даже особо ценные продуктивные сельхозугодья.

В соответствии с обновлённой нормой, перевод сельскохозяйственных угодий в иные категории разрешён лишь в строго определённых исключительных пяти случаях. В первую очередь речь идёт о ситуациях, когда земли фактически непригодны для сельхозпроизводства, в том числе из-за химического, радиоактивного загрязнения либо деградации (на это указывают п. 7 ст. 13 и ст. 14 ЗК РФ). Допускается перевод при создании особо охраняемых природных территорий (ООПТ), при формировании границ населённых пунктов, при реализации проектов строительства или реконструкции объектов государственного или местного значения, если такие случаи прямо предусмотрены подп. 1 и 2 ст. 49 ЗК РФ. Ещё одно основание это добыча полезных ископаемых, за исключением общераспространённых. При этом угодья, отнесённые к категории особо ценных продуктивных, не могут быть переведены ни при каких обстоятельствах [5].

Отметим, что закон в части перевода распространяется только в отношении сельхозугодий, перевод всего остального в составе земель сельхозназначения регулируется общими нормами.

И если в большинстве случаев возможно включить угодья в населенные пункты для развития проектов различной направленности, то для добычи общераспространенных полезных ископаемых (ОПИ) перевод угодий полностью запрещен. Например, в Архангельской области львиная доля недропользования связана именно с участками недр местного значения и добычей ОПИ: пески строительные, суглинки кирпичные, строительный камень, известняк, песчано-гравийные материалы. Сравнив перечень участков недр местного значения в Архангельской области, содержащих ОПИ [15], и данные карты-схемы земель сельскохозяйственного назначения региона, можно сделать вывод, что многие перспективные с точки зрения логистики месторождения «наложились» на сельхозугодья. С 2027 года предприятия, даже имея лицензию на добычу недр и проект рекультивации, не смогут использовать участок, отнесенный к угодьям, для добычи ОПИ. Пользователям необходимо будет тщательнее проверять статус земель ещё на этапе планирования их использования. Возможно, часть проектов придётся скорректировать, искать альтернативные участки. Для региона это означает сокращение территорий для недропользования

и добычи строительных материалов, истощение действующих карьеров, а значит и возможное удорожание материалов на рынке, и рост незаконной добычи ОПИ.

Следующий момент, который необходимо обозначить, это само расположение сельскохозяйственных угодий.

С марта 2026 года также вступило в силу Постановление Правительства РФ от 28.11.2025 № 1943 «Об утверждении Положения о порядке установления и изменения границ сельскохозяйственных угодий в составе земель сельскохозяйственного назначения», согласно которому Минсельхоз России до 01.01.2028 должен установить границы сельхозугодий и совместно с Росреестром поставить эти границы в ЕГРН [14].

В настоящее время границы сельхозугодий не утверждены. Так, ориентироваться можно на материалы Государственного фонда данных (землеустроительные дела, карты, результаты прошлых инвентаризаций – они ценны, но устарели) и на данные, полученные в результатах работ по созданию единой федеральной карты-схемы земель сельхозназначения, созданной на основе множества сведений в рамках Госпрограммы эффективного вовлечения в оборот земель сельскохозяйственного назначения и развития мелиоративного комплекса Российской Федерации. Но сравнивая эти два источника, нередко можно увидеть разногласия в части отображений угодий.

На практике уже не один десяток лет для правообладателей ситуация с отсутствием официального источника данных об отнесении их земель к угодьям вызывает ряд проблем при планировании использования земли. И хоть ситуация с отображением современных и корректных границ сельхозугодий временная, пока только тщательная и перекрёстная проверка данных и диалог с ведомствами помогут определить отнесение территорий к угодьям.

Заключение

В последние годы вектор законодательства сместился в сторону более жёсткой защиты сельскохозяйственных угодий: государство ставит задачу остановить сокращение плодородных земель и укрепить продовольственную безопасность, но при этом не может полностью игнорировать потребности экономики – отсюда и возникает необходимость поиска баланса.

В статье выделено четыре проблемы, которые по нашему мнению, возможно устранить в ближайшее время путем внесения изменений в Федеральный закон от 21.12.2004 № 172-ФЗ «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую».

Сроки утверждения акта о переводе сельскохозяйственных угодий в другую категорию земель: с учетом многоступенчатости рассмотрения ходатайств о переводе возможно увеличение сроков утверждения исполнительным органом госвласти субъекта РФ акта с двух месяцев до четырех.

Необходимо регламентировать заключение Министерства сельского хозяйства Российской Федерации, предусмотренное пунктом 13 статьи 3 Федерального закона 172-ФЗ, в части направляемого пакета документа для рассмотрения инициативы о переводе сельхозугодий, а также сведений, на основании которых федеральный орган власти выносит заключение.

Обоснование перевода сельскохозяйственных угодий: предлагается внести изменения в статью 7 Федерального закона № 172-ФЗ, закрепив в ней общие требования к обоснованию изменения целевого назначения сельскохозяйственных угодий, а также обязательный перечень документов, прилагаемых к ходатайству, с дифференацией по каждому из исключительных случаев перевода.

Кроме того, считаем необходимым уточнить норму о запрете с 01.01.2027 на перевод сельхозугодий для добычи общераспространённых полезных ископаемых: ограничение следует применять не ко всем угодьям, а лишь к тем, что включены в перечень особо ценных продуктивных сельскохозяйственных угодий.

В отношении неопределенности границ сельскохозяйственных угодий: предоставить всем лицам свободный доступ к системе, которая графически отражает расположение сельскохозяйственных угодий как по архивным данным, так и актуальным сведениям. Такой системой сейчас может стать Единая федеральная государственная информационная система о землях сельскохозяйственного назначения (ЕФГИС ЗСН).

Таким образом, по нашему мнению, уточнение закона о переводе земель в отношении сельхозугодий добавит предсказуемости для заявителей и усилит защиту земель сельскохозяйственного назначения.

Литература

1. Материалы совместного заседания межведомственного координационного совета РАН по исследованиям в области агропромышленного производства и комплексного развития сельских территорий и Комитета Совета Федерации по аграрно-продовольственной политике и природопользованию / М.: РАН, 2023. с. 94, ил. 12. – стр. 9.

2. Пояснительная записка к законопроекту № 542461–8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]: // Система обеспечения законодательной деятельности – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/542461–8 (дата обращения: 20.07.2026).

3. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 29.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026). [Электронный ресурс]: // СПС Консультант Плюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773 (дата обращения: 20.07.2026).

4. Федеральный закон «О переводе земель или земельных участков из одной категории в другую» от 21.12.2004 № 172-ФЗ. [Электронный ресурс]: // СПС Консультант Плюс. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50874 (дата обращения: 20.07.2026).

5. Федеральный закон от 01.04.2025 № 52-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». [Электронный ресурс]: // СПС Консультант Плюс. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_502191/ (дата обращения: 20.07.2026).

6. Определение Верховного Суда РФ от 26.01.2011 № 41-Г10–66 «Об оставлении без изменения решения Ростовского областного суда от 12.11.2010, которым частично удовлетворено заявление о признании частично недействующим Порядка рассмотрения ходатайств о переводе земель или земельных участков из одной категории в другую, утв. постановлением администрации Ростовской области от 31.03.2008 № 162 «Об уполномоченном органе и утверждении Порядка рассмотрения ходатайств о переводе земель или земельных участков из одной категории в другую». [Электронный ресурс]: // СПС Консультант Плюс. – URL: https://ovmf2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=2AD8A23D139E33CD1BB4FAA24C38690F&mode=backrefs&base=ARB&n=180451&BASENODE=liliMSw0LEFSQjAwMiliLCliMiwyMDMsQVJCQSliLCliMiwyLEFSQiliIg&rnd=nnOXA#ATFeXPVuUOTg3Z6M (дата обращения: 20.07.2026).

7. Определение Верховного Суда РФ от 30.05.2012 № 41-АПГ12–6 «Об оставлении без изменения решения Ростовского областного суда от 28.02.2012, которым удовлетворено заявление о признании недействующим пункта 2.4 Порядка рассмотрения ходатайств о переводе земель или земельных участков из одной категории в другую, утвержденного постановлением администрации Ростовской области от 31.03.2008 № 162 (в ред. постановлений от 27.05.2010 № 343 и от 14.06.2011 № 373). [Электронный ресурс]: // СПС Консультант Плюс. – URL: https://ovmf2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=2AD8A23D139E33CD1BB4FAA24C38690F&mode=backrefs&base=ARB&n=284450&BASENODE=liliMSw0LEFSQjAwMiliLCliMiwyMDMsQVJCQSliLCliMiwyLEFSQiliIg&rnd=nnOXA#77SVXPV44Ibb2SFl (дата обращения: 20.07.2026).

8. Постановление Правительства Вологодской области от 30.05.2005 № 556 (ред. от 21.03.2025) «О содержании ходатайства о переводе земель сельскохозяйственного назначения, за исключением находящихся в собственности Российской Федерации, в земли других категорий и составе прилагаемых к нему документов». [Электронный ресурс]: // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: https://docs.cntd.ru/document/460303222 (дата обращения: 20.07.2026).

9. Постановление Правительства Архангельской области от 24.05.2011 № 169-пп (ред. от 27.08.2025) «О содержании ходатайства о переводе земель из одной категории в другую и состава прилагаемых к нему документов в отношении земель сельскохозяйственного назначения, за исключением земель, находящихся в федеральной собственности». [Электронный ресурс]: // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: https://docs.cntd.ru/document/962107027 (дата обращения: 20.07.2026).

10. Постановление Правительства Ярославской области от 27.01.2012 № 36-п (ред. от 21.03.2025) «О содержании ходатайства о переводе земель сельскохозяйственного назначения, за исключением находящихся в собственности Российской Федерации, в земли других категорий и составе прилагаемых к нему документов». [Электронный ресурс]: // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: https://docs.cntd.ru/document/934031539 (дата обращения: 20.07.2026).

11. Постановление Администрации Алтайского края от 26.10.2009 № 441 (ред. от 27.04.2024) «Об утверждении Порядка рассмотрения ходатайств о переводе земель или земельных участков в составе таких земель из одной категории в другую». [Электронный ресурс]: // Электронный фонд правовых и нормативно-технических докумен-

тов. – URL: https://docs.cntd.ru/document/895222084 (дата обращения: 20.07.2026).

12. Постановление Правительства Республики Ингушетии от 23.06.2026 № 92 «О некоторых вопросах, связанных с переводом земель сельскохозяйственного назначения или земельных участков в составе таких земель из одной категории в другую на территории Республики Ингушетия». [Электронный ресурс]: // Официальный интернет-портал правовой информации – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0600202606250001 (дата обращения: 20.07.2026).

13. Тоточенко Д.А. Изменение категории земельных участков сельскохозяйственного назначения / Д.А. Тоточенко // Нотариус. – 2019. – № 4. – С. 38–42.

14. Постановление Правительства РФ от 28.11.2025 № 1943 «Об утверждении Положения о порядке установления и изменения границ сельскохозяйственных угодий в составе земель сельскохозяйственного назначения». [Электронный ресурс]: // Информационно-правовой портал Гарант.ру – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413066777/ (дата обращения: 20.07.2026).

15. Перечень участков недр местного значения по Архангельской области, содержащих общераспространенные полезные ископаемые. [Электронный ресурс]: // сайт Правительства Архангельской области – URL: https://dvinaland.ru/gov/iogv/minlpk/nedra/ (дата обращения: 20.07.2026).

PROBLEMATIC ISSUES IN THE APPLICATION OF FEDERAL LEGISLATION REGARDING THE RECLASSIFICATION OF LAND PLOTS DESIGNATED AS AGRICULTURAL LAND

Alekseeva A.N., Klepikov I.V.
Ministry of agro-industrial complex and trade Arkhangelsk region, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov

Based on an analysis of federal legislation, the practice of its application by the executive bodies of state power of the constituent entities of the Russian Federation, regional legislation, and judicial practice, the article examines the issue of changing the intended use of lands classified as agricultural land within the agricultural land category: the rationale and purpose of the transfer, the procedure, and the exclusivity of the lands in cases of transfer. The study revealed a number of problems indicating that federal legislation requires improvements.

Keywords: agricultural land; agricultural land; land category; change of land purpose.

References

1. Proceedings of the joint meeting of the RAS Interdepartmental Coordination Council on Research in Agro-Industrial Production and Integrated Rural Development and the Federation Council Committee on Agrarian and Food Policy and Environmental Management / – Moscow: RAS, 2023. – p. 9, ill. 12.

2. Explanatory note to Draft Law № 542461–8 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» [Electronic resource]: // Legislative Activity Support System – URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/542461–8 (accessed: 20.07.2026).

3. Land Code of the Russian Federation № 136-FZ dated October 25, 2001 (as amended on December 29, 2025) (with amendments and additions entering into force on January 1, 2026). [Electronic resource]: // Consultant Plus Legal Reference System. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773 (accessed:20.07.2026).

4. Federal Law № 172-FZ dated December 21, 2004, «On the Transfer of Lands or Land Plots from One Category to Another.» [Electronic resource]: // Consultant Plus Legal Reference System. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50874 (accessed:20.07.2026).

5. Federal Law № 52-FZ dated April 1, 2025, «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation.» [Electronic resource]: // Consultant Plus Legal Reference System. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_502191/ (accessed: 20.07.2026).

6. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 26, 2011, № 41-G10–66 «On upholding the decision of the Rostov Regional Court dated November 12, 2010, which partially granted the application to declare partially invalid the Procedure for considering petitions for the reclassification of lands or land plots from one category to another, approved by Resolution of the Administration of the Rostov Region dated March 31, 2008, № 162 'On the authorized body and approval of the Procedure for considering petitions for the reclassification of lands or land plots from one category to another'.» [Electronic resource]: // Consultant Plus Legal Reference System. – URL: https://ovmf2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=2AD8A23D139E33CD1BB-4FAA24C38690F&mode=backrefs&base=ARB&n=180451&BASENODE=liliMSw0LEFSQ-jAwMiliLCliMiwyMDMsQVJCQSliLCliMiwyLEFSQiliIg&rnd=nnOXA#ATFeXPVuUOTg3Z6M (accessed: 20.07.2026).

7. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 30, 2012, № 41-APG12–6 «On upholding the decision of the Rostov Regional Court dated February 28, 2012, which granted the application to declare invalid Clause 2.4 of the Procedure for considering petitions to reclassify lands or land plots from one category to another, approved by Resolution of the Administration of the Rostov Region dated March 31, 2008, № 162 (as amended by resolutions dated May 27, 2010, № 343, and June 14, 2011, № 373).» [Electronic resource]: // Consultant Plus Legal Reference System. – URL: https://ovmf2.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&cacheid=2AD8A23D139E33CD1BB-4FAA24C38690F&mode=backrefs&base=ARB&n=284450&BASENODE=liliMSw0LEFSQ-jAwMiliLCliMiwyMDMsQVJCQSliLCliMiwyLEFSQiliIg&rnd=nnOXA#77SVXPV44Ibb2SFl (accessed: July 20, 2026).

8. Resolution of the Government of the Vologda Region dated May 30, 2005, № 556 (as amended on March 21, 2025) «On the content of the petition to reclassify agricultural lands – excluding those owned by the Russian Federation – into lands of other categories, and the composition of documents attached thereto.» [Electronic resource]: // Electronic Fund of Legal and Regulatory-Technical Documents. – URL: https://docs.cntd.ru/document/460303222 (accessed: July 20, 2026).

9. Resolution of the Government of Arkhangelsk Oblast № 169-pp dated May 24, 2011 (as amended on August 27, 2025) «On the content of the petition for the transfer of lands from one category to another and the composition of documents attached thereto regarding agricultural lands, excluding lands under federal ownership.» [Electronic resource]: // Electronic Fund of Legal and Regulatory-Technical Documents. – URL: https://docs.cntd.ru/document/962107027 (date of access: July 20, 2026).

10. Resolution of the Government of Yaroslavl Oblast № 36-p dated January 27, 2012 (as amended on March 21, 2025) «On the content of the petition for the transfer of agricultural lands – excluding those owned by the Russian Federation – to lands of other categories, and the composition of documents attached thereto.» [Electronic resource]: // Electronic Fund of Legal and Regulatory-Technical Documents. – URL: https://docs.cntd.ru/document/934031539 (date of access: July 20, 2026).

11. Resolution of the Administration of Altai Krai № 441 dated October 26, 2009 (as amended on April 27, 2024) «On approving the Procedure for reviewing petitions for the transfer of lands or land plots comprising such lands from one category to another.» [Electronic resource]: // Electronic Fund of Legal and Regulatory-Technical Documents. – URL: https://docs.cntd.ru/document/895222084 (date of access: July 20, 2026).

12. Resolution of the Government of the Republic of Ingushetia № 92 dated June 23, 2026, «On Certain Issues Related to the Reclassification of Agricultural Land or Land Plots Comprising Such Land within the Territory of the Republic of Ingushetia.» [Electronic resource]: // Official Internet Portal of Legal Information – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0600202606250001 (accessed: July 20, 2026).

13. Totochenko D.A. Changing the Category of Agricultural Land Plots / D.A. Totochenko // Notarius. – 2019. – № 4. – P. 38–42.

14. Resolution of the Government of the Russian Federation № 1943 dated November 28, 2025, «On Approving the Regulation on the Procedure for Establishing and Altering the Boundaries of Agricultural Lands within Agricultural Land Areas.» [Electronic resource]: // Garant.ru Legal Information Portal – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413066777/ (accessed: July 20, 2026).

15. List of Subsoil Areas of Local Significance in the Arkhangelsk Region Containing Common Mineral Resources. [Electronic resource]: // Website of the Government of the Arkhangelsk Region – URL: https://dvinaland.ru/gov/iogv/minlpk/nedra/ (accessed: July 20, 2026).

Пределы контрольных полномочий органов государственного жилищного надзора и проблемы уголовно-правовой оценки фальсификации документов общих собраний собственников

Бестужев Александр Кириллович,
магистр юриспруденции, РАНХиГС при Президенте РФ,
частнопрактикующий юрист
E-mail: a.bestoujev.@gmail.com

В статье рассматриваются актуальные публично-правовые и уголовно-деликтные аспекты противодействия фальсификации протоколов и решений общих собраний собственников помещений в многоквартирных домах. На основе догматического анализа жилищного, административного и уголовного законодательства, а также репрезентативного массива правоприменительной практики исследуются пределы проверочных полномочий органов государственного жилищного надзора при внесении изменений в реестр лицензий субъекта РФ. Вскрываются дефекты регламентных процедур, способствующие легализации подложных документов посредством манипуляций («ошибки печати и сканирования», предоставление неполных пакетов и пустых листов). Анализируются уголовно-правовые тупики расследования преступлений по ст. 327 УК РФ, порожденные доктриной «бесконтрольного сбора бюллетеней» («анонимная урна»), исключающей установление конкретного субъекта подделки. Оцениваются проблемы систематической процессуальной волокиты по материалам проверок сообщений о преступлениях (ст. 144–145 УПК РФ), специфика взыскания компенсации морального вреда за незаконное бездействие правоохранительных органов (ст. 1069 ГК РФ), а также условия квалификации масштабных злоупотреблений по составу мошенничества (ст. 159 УК РФ).

Ключевые слова: государственный жилищный надзор, реестр лицензий, протокол общего собрания, фальсификация документов, подделка подписей, доследственная проверка, ст. 327 УК РФ, ст. 159 УК РФ, бездействие правоохранительных органов, возмещение вреда.

Введение

Придание протоколам и решениям общего собрания собственников помещений многоквартирных домов (далее – ОСС) статуса официальных документов (ч. 1 ст. 46 Жилищного кодекса РФ, далее – ЖК РФ) преследовало цель усиления публично-правовой защиты прав участников общей долевой собственности и повышения юридической ответственности лиц, вовлеченных в процесс управления жилищным фондом. На практике же введение данного статуса не создало действенного барьера против недобросовестных управляющих организаций, стремящихся к рейдерскому захвату многоквартирных домов, неправомерному установлению завышенных тарифов на содержание жилья или легализации сомнительных расходов за счет средств фондов капитального ремонта [1, с. 38].

Основная сложность разрешения подобных конфликтов сместилась из частно-правовой плоскости в сферу публичного контроля и уголовной юстиции. Попытки собственников восстановить нарушенные права через обращение в органы государственного жилищного надзора (далее – ГЖН) и правоохранительные структуры регулярно сталкиваются с институциональной несогласованностью:

1) инспекции ГЖН при ведении реестра лицензий придерживаются формального проверочного стандарта, отказываясь оценивать подлинность подписей на стадии приема документов [2, с. 21];

2) органы внутренних дел при проведении доследственных проверок по признакам преступления, предусмотренного ст. 327 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), годами выносят отказные постановления, не будучи способными установить конкретное лицо, совершившее подделку.

Цель настоящей статьи – системный анализ пределов контрольно-надзорной компетенции органов ГЖН, уголовно-правовых и процессуальных дефицитов расследования фактов фальсификации документации ОСС, а также выявление правовых условий для привлечения недобросовестных субъектов к ответственности.

Пределы полномочий органов государственного жилищного надзора и уловки с документацией

В соответствии со ст. 198 ЖК РФ и Порядком внесения изменений в реестр лицензий субъекта РФ (утвержденным приказом Минстроя России от 28.10.2015 № 938/пр, а также сменившим его ведомственным регулированием) основанием для рассмотрения вопроса о передаче дома в управление лицензиату является заявление управляющей организации с приложением подлинников решений и протокола ОСС [3, с. 142].

Формальный характер лицензионного контроля

В судебных процессах органы ГЖН последовательно отстаивают правовую позицию, согласно которой жилищная инспекция не наделена функциями судебно-экспертного органа и в силу своего регламента не вправе оценивать достоверность подписей собственников или давать оценку ничтожности представленных актов. Оценка законности ОСС ограничивается формальной проверкой наличия обязательных приложений, соблюдения сроков и непротиворечивости реквизитов.

Как следствие, даже при наличии массовых заявлений собственников о неучастии в голосовании инспекция вносит дом в лицензию заявителя, мотивируя это презумпцией действительности неоспоренного в судебном порядке протокола (данная позиция надзорного органа зафиксирована, например, в Апелляционном определении Московского областного суда от 11.11.2024 по делу № 33–40208/2024). Это провоцирует прокурорское реагирование: в упомянутом деле в адрес руководителя инспекции было внесено представление за ненадлежащую проверку пакета документов, на основании которого дом перешел к управляющей компании при наличии сфальсифицированного протокола от имени умершего председателя.

Манипуляции с нечитаемыми копиями и «пустыми листами»

Осознавая пределы компетенции инспекций, недобросовестные управляющие компании целенаправленно сдают в архив надзорного ведомства дефектные комплекты документации:

1) Сдача пустых белых листов и нечитаемых копий. В надзорный орган и систему ГИС ЖКХ направляются бюллетени с отсутствующей оборотной стороной, незаполненными графами волеизъявления либо фактически чистые листы.

2) Доктрина «ошибки печати и сбоя сканирования». Когда в судебном заседании вскрывается отсутствие подписей или решений собственников на критический объем площадей, представители управляющих организаций объясняют дефекты «техническими накладками»: сбоем двухсторонней печати принтера («зажевал бумагу») либо технической ошибкой сканера при пакетной загрузке файлов в ГИС ЖКХ.

3) Процессуальный расчет. Поскольку орган ГЖН принимает документацию по количеству листов без полистной проверки читаемости смыслового текста каждого бланка, формальный контроль оказывается пройденным. К моменту судебного спора подлинники бюллетеней признаются «утраченными» при пересылке между ведомствами, а проверка по дефектным копиям становится экспертно невозможной, что парализует защиту прав собственников (как отмечено Шестым кассационным судом общей юрисдикции в определении от 01.08.2023 по делу № 88–17775/2023) [4, с. 95].

Уголовно-правовые тупики расследования: концепция «анонимной урны» и лакуны ст. 327 УК РФ

Практика показывает, что возбуждение уголовных дел по ст. 327 УК РФ по фактам подделки протоколов ОСС в подавляющем большинстве случаев заходит в процессуальный тупик.

Концепция «бесконтрольного сбора» бюллетеней

Главное препятствие для правоохранительных органов кроется в особенностях заочного голосования. Руководство управляющих организаций, допрашиваемое по материалам проверок, использует типичную защитную позицию: сбор решений осуществлялся бесконтрольно – урна или коробка для бланков находилась в открытом доступе (в холле МКД или в помещении диспетчерской), куда любые лица свободно опускали бюллетени.

В условиях, когда поквартирный обход отрицается, доказать умысел и непосредственное участие должностных лиц управляющей организации в изготовлении конкретных подписей становится невозможным. Диспозиция ч. 1 ст. 327 УК РФ требует установления конкретного физического лица, выполнившего поддельную подпись или текст. Поскольку в доме проживают сотни жильцов, круг потенциальных исполнителей признается неопределенным. Выводы почерковедческих исследований в рамках проверок МВД лишь констатируют, что подпись выполнена «не титульным собственником, а иным лицом», не отвечая на вопрос, кем именно.

Систематическая волокита по материалам КУСП

Невозможность установления субъекта приводит к практике «ведомственного пинг-понга»: органы дознания выносят шаблонные постановления об отказе в возбуждении уголовного дела «за отсутствием события или состава преступления», прокуратура отменяет их как незаконные и необоснованные, возвращая материалы на дополнительную проверку, после чего цикл повторяется годами без проведения реальных следственных мероприятий.

Данная деструктивная модель подтверждается многочисленными судебными актами.

1. В определении Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 09.10.2025 по делу № 88–17302/2025 установлено, что дознаватели отдела полиции неоднократно отказывали в возбуждении дела по ст. 327 УК РФ по факту фальсификации протокола ОСС; прокурор отменял эти акты, прямо указывая на невыполнение поручений об опросе директора, бухгалтера и инженеров управляющей компании, однако мер к их розыску и допросу полиция так и не предприняла.

2. Аналогичная многолетняя волокита установлена Первым кассационным судом общей юрисдикции по спору с УМВД по г. Воронежу (дело № 88–8808/2025) и Калининградским областным судом (дело № 33–1623/2024), где материалы проверок по подделке протоколов безосновательно списывались более четырех лет подряд.

3. В кассационном определении Второго КСОЮ от 24.07.2024 № 88а-15209/2024 зафиксировано, что даже направление жалоб в Генеральную прокуратуру РФ на бездействие следственных органов по фактам фальсификаций ОСС не приводит к активизации следствия, поскольку суды признают разъяснительные ответы ведомства соответствующими закону, констатируя дискреционный характер прокурорского реагирования.

В итоге уголовные дела возбуждаются лишь по факту («в отношении неустановленных лиц») и вскоре приостанавливаются на основании п. 1 ч. 1 ст. 208 Уголовно-процессуального кодекса РФ (УПК РФ).

Гражданско-правовая ответственность государства за бездействие при проверке заявлений о фальсификации (ст. 1069 ГК РФ)

Многолетнее бездействие органов внутренних дел вынуждает граждан прибегать к институту деликтной ответственности казны, заявляя иски о компенсации морального вреда, причиненного незаконным бездействием должностных лиц (ст. 53 Конституции РФ, ст. 1069, 1070, 151 ГК РФ).

Судебная практика кассационных судов по данной категории споров демонстрирует строгую дифференциацию оснований ответственности:

Недостаточность факта отмены постановлений об отказе в возбуждении дела

Суды кассационной инстанции исходят из того, что сама по себе неоднократная отмена прокурором отказных постановлений в порядке надзора не презюмирует безусловного причинения гражданину морального вреда. Стадия доследственной проверки (ст. 144–145 УПК РФ) признается самостоятельным этапом процесса, процессуальные решения на котором не свидетельствуют автоматически о нарушении личных неимущественных благ заявителя.

Бремя доказывания причинно-следственной связи и состава правонарушения

Как указал Восьмой кассационный суд общей юрисдикции в определении от 09.10.2025 № 88–17302/2025, для возложения деликтной ответственности по ст. 1069 ГК РФ истец обязан доказать:

– наличие физических или нравственных страданий;

– противоправность поведения причинителя (виновное неисполнение служебных обязанностей);

– прямую причинную связь между волокитой правоохранителей и наступившими неблагоприятными последствиями для личных нематериальных прав гражданина. При отсутствии таких доказательств признание бездействия незаконным в порядке ст. 125 УПК РФ не влечет денежной сатисфакции.

Критерии взыскания компенсации при доказанной системной волоките

В тех случаях, когда волокита носит характер грубого пренебрежения служебным долгом (например, в деле Калининградского областного суда № 33–1623/2024, где полиция уклонялась от выполнения прямых указаний прокурора свыше четырех лет), суды взыскивают компенсацию морального вреда с МВД России за счет казны РФ. Размер взыскания определяется судами с учетом принципов разумности и соразмерности (в среднем от 5 000 до 20 000 рублей), компенсируя претерпевание негативных психологических факторов, ощущение правовой незащищенности и утрату доверия к правоохранительной системе.

Квалификация масштабных фальсификаций через состав мошенничества (ст. 159 УК РФ)

Изолированное применение ст. 327 УК РФ к подделке бюллетеней ОСС малоэффективно. Реальная уголовная ответственность наступает тогда, когда изготовление подложных протоколов встраивается правоохранительными органами в контекст корыстного имущественного преступления [5, с. 312].

Наиболее репрезентативным прецедентом служит уголовное дело, рассмотренное Верховным Судом Республики Карелия и Третьим кассационным судом общей юрисдикции (Кассационное определение от 12.12.2024 № 77–2688/2024). В рамках данного дела исполнительный директор управляющей компании М. был признан виновным по ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ (покушение на мошенничество в особо крупном размере, совершенное группой лиц по предварительному сговору, с использованием служебного положения).

1. Фабула махинации. Руководители вновь созданной управляющей организации изготовили сфальсифицированные протоколы ОСС сразу по 386 многоквартирным домам, датировав их одним днем. На допросах соучастники признавали, что протоколы передавались на электронных флеш-картах, а расчет строился на пассивности населения, которое «не будет жаловаться».

2. Легализация через надзорные органы. Сфальсифицированные протоколы были представлены в Государственную жилищную инспекцию для включения в реестр лицензий и выставления гражданам «двойных квитанций» на оплату коммунальных услуг на сумму свыше десятков миллионов рублей.

3. Правовое значение квалификации. Суд квалифицировал изготовление поддельных протоколов собраний не как самостоятельное малозначительное деяние, а как способ обмана и создания условий для

противоправного завладения денежными средствами граждан и ресурсоснабжающих организаций. Судебные коллегии отклонили доводы защиты о том, что часть жителей подтвердила факт проведения собраний, указав, что системный характер изготовления фальсификатов подтверждает наличие единого преступного умысла организованной группы.

Данная правоприменительная практика демонстрирует, что выход из уголовно-правового тупика возможен только при переквалификации системных фальсификаций протоколов со ст. 327 УК РФ на статьи об экономических преступлениях (ст. 159, 160, 201 УК РФ), где подделка документа выступает лишь способом совершения хищения.

Заключение

Исследование публично-правовых и уголовно-деликтных аспектов противодействия подделке документов общих собраний собственников позволяет констатировать наличие институционального разрыва между нормативными целями жилищного законодательства и механизмом их принудительного обеспечения.

1. Органы государственного жилищного надзора, будучи связанными узковедомственными регламентами формального контроля, фактически лишены полномочий на оперативное пресечение фальсификаций, что позволяет недобросовестным управляющим компаниям легализовывать ничтожные решения с помощью технических уловок (нечитаемые скан-образы, передача неполных комплектов документов).

2. Органы внутренних дел при расследовании сообщений по ст. 327 УК РФ заходят в тупик вследствие доктрины «бесконтрольного сбора бюллетеней» («анонимной урны»), порождающей многолетнюю процессуальную волокиту и отказы в возбуждении уголовных дел в связи с неустановлением конкретного субъекта подделки.

Преодоление доказательственных дефицитов возможно путем комплексной переориентации надзорной и правоприменительной практики:

– признание за органами ГЖН обязанности приостанавливать лицензионные процедуры при поступлении массовых обращений собственников о фальсификации их подписей до проведения проверочных процедур;

– рассмотрение фактов подделки протоколов ОСС не как изолированных формальных нарушений, а как этапов приготовления к хищению чужого имущества, с оценкой действий организаторов по правилам ст. 159 УК РФ.

Литература

1. Долинская, В.В. Решения собраний: общие положения и признание недействительными / В.В. Долинская. – Текст: непосредственный // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 4. – С. 3–12. EDN: TJMEXW.

2. Гришаев, С.П. Жилищный кодекс Российской Федерации: постатейный научно-практический комментарий: учебное пособие / С.П. Гришаев. – Москва: Проспект, 2022. – 592 с. – ISBN 978-5-392-37047-4. – URL: Запись в каталоге ЭБС ИД «Проспект» (дата обращения: 22.09.2026.

3. Карпухин, Д.В. Проблемы правоприменительной практики при оспаривании решений общих собраний собственников помещений в МКД / Д.В. Карпухин. – Текст: непосредственный // Жилищное право. – 2023. – № 3. – С. 17–28. – URL: Архив журнала в СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.09.2026.

4. Лопашенко, Н.А. Преступления в сфере экономики: авторский комментарий к уголовному закону (раздел VIII УК РФ) / Н.А. Лопашенко. – Москва: Волтерс Клувер, 2006. – 674 с. – ISBN 5-466-00202-X. – URL: Запись в официальном каталоге РГБ (дата обращения: 22.09.2026.

5. Бычков, А.И. Споры по жилищным вопросам / А.И. Бычков. – Текст: непосредственный // Новая бухгалтерия. – 2020. – № 5. – С. 114–132.

LIMITS OF SUPERVISORY POWERS OF STATE HOUSING SUPERVISION BODIES AND ISSUES OF CRIMINAL LAW ASSESSMENT OF FALSIFICATION OF GENERAL MEETINGS DOCUMENTS OF PREMISES OWNERS

Bestuzhev A.K.
RANEPA (Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

The article examines pressing public law and criminal tort aspects of countering the falsification of minutes and decisions of general meetings of apartment building premises owners. Based on a dogmatic analysis of housing, administrative, and criminal legislation, alongside a representative array of law enforcement practice, the paper investigates the limits of the verification powers of state housing supervision authorities when making amendments to the regional register of licenses. The study exposes procedural defects that facilitate the legalization of forged documents through technical pretexts ('printing and scanning errors', submission of incomplete packages, and blank pages). It analyzes criminal law impasses in investigating offenses under Article 327 of the Criminal Code of the Russian Federation generated by the doctrine of 'uncontrolled ballot collection' ('anonymous drop box'), which prevents the identification of the specific perpetrator of forgery. Furthermore, the paper evaluates problems of systematic procedural delays in pre-investigation checks (Articles 144–145 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation), the specifics of recovering non-pecuniary damage for unlawful inaction of law enforcement agencies (Article 1069 of the Civil Code of the Russian Federation), and the conditions for qualifying large-scale abuses under the offense of fraud (Article 159 of the Criminal Code of the Russian Federation).

Keywords: state housing supervision, register of licenses, minutes of general meeting, falsification of documents, forgery of signatures, pre-investigation check, Art. 327 of the Criminal Code of the Russian Federation, Art. 159 of the Criminal Code of the Russian Federation, inaction of law enforcement agencies, compensation for harm.

References

1. Dolinskaya, V.V. Decisions of meetings: general provisions and invalidation / V.V. Dolinskaya. – Text: direct // Laws of Russia: experience, analysis, practice. – 2018. – № 4. – pp. 3–12. EDN: TJMEXW.

2. Grishaev, S.P. The Housing Code of the Russian Federation: an article-by-article scientific and practical commentary: a textbook / S.P. Grishaev. – Moscow: Prospekt, 2022. – 592 p. – ISBN 978-5-392-37047-4. – URL: Entry in the catalog of the Electronic Book Publishing House «Prospekt» (accessed: 09/22/2026).

3. Karpukhin, D.V. Problems of law enforcement practice in challenging decisions of general meetings of owners of premises in the MCD / D.V. Karpukhin. – Text: direct // Housing law. – 2023. – № 3. – pp. 17–28. – URL: Archive of the journal in the SPS «ConsultantPlus» (accessed: 09/22/2026.

4. Lopashenko, N.A. Crimes in the field of economics: the author's commentary to the criminal law (Section VIII of the Criminal Code of the Russian Federation) / N.A. Lopashenko. – Moscow: Walters Kluwer, 2006. – 674 p. – ISBN 5-466-00202-X. – URL: Entry in the official RGB catalog (accessed: 09/22/2026).

5. Bychkov, A.I. Disputes on housing issues / A.I. Bychkov. – Text: direct // New accounting. – 2020. – № 5. – pp. 114–132.

Проблемы реализации принципа неделимости безопасности

Алексеева Лилия Алексеевна,
кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова
E-mail: lllilia@mail.ru

Майорова Светлана Анатольевна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент департамента публичного права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
E-mail: Plavalaguna@inbox.ru

Авторы рассуждают на тему международно-правовых основ национальной безопасности говоря о том, что они формируются системой норм и принципов международного права, регулирующих отношения между государствами в сфере безопасности, а также их обязательств в рамках международных организаций. Эффективность национальной безопасности во многом зависит от участия государства в международных правовых механизмах, соблюдения международных обязательств и развития сотрудничества на основе принципов международного права.

Ключевые слова: национальная безопасность, инструмент правового регулирования, принцип неделимости безопасности, государство.

Основное назначение права в современных социальных, правовых государствах, к числу которых относится и Россия, состоит в регулировании общественных отношений и обеспечении безопасности личности, общества и государства. Обеспечение национальной безопасности – одна из первоочередных задач государства[1]. В связи с этим национальная безопасность в современной юриспруденции рассматривается как правовой феномен, актуальная повестка в постоянно меняющейся обстановке возникновения новых угроз и стратегических рисков. Действительно, стремительные изменения в международной ситуации, появление новых центров влияния, тенденции глобализации, усиление миграционных процессов, появление очагов межнациональной и межконфессиональной розни, проявления экстремизма, неравномерное технологическое и экономическое развитие государств, повышение межгосударственной конкуренции, непредсказуемость ряда глобальных и региональных конфликтов – все это повышает актуальность создания адекватной и эффективной системы обеспечения национальной безопасности.

Анализ ряда международных актов позволяет прийти к выводу, что комплексная система норм, принципов и механизмов, регулирующих отношения между государствами в сфере безопасности стали основами для национальной безопасности. Действительно, международное право выступая самостоятельной правовой системой, оказывает значительное влияние на внутригосударственное право[2].

Фундаментальным документом можно признать Устав ООН 1945 года, установивший основные принципы международного права: суверенное равенство государств, запрет применения силы или угрозы силой, обязательство разрешать международные споры мирными средствами, невмешательство во внутренние дела государств, добросовестное выполнение международных обязательств.

Пчелинцев Е.С. отмечал, что «поддержание международного мира и безопасности – первая и основная цель ООН. Все другие цели, зафиксированные в ст. 1 Устава, подчинены в конечном счете первой как наиболее фундаментальной по своему характеру»[3]. Система коллективной безопасности ООН предусматривает центральную роль Совета Безопасности в поддержании международного мира и безопасности. Глава VII Устава ООН наделяет СБ полномочиями по принятию принудительных мер, включая экономические санкции и использование вооруженной силы. Генеральная Ассамблея также играет важную роль через резолюцию «Единство в пользу мира» 1950 года, которая позволяет ей рассматривать вопросы безопасности при отсутствии единогласия среди его пяти постоянных членов. В такой ситуации Генеральная Ассамблея немедленно рассматривает этот вопрос и может дать соответствующие рекомендации членам ООН в отношении коллективных мер, включая применение вооруженной силы, когда это необходимо, для поддержания или восстановления международного мира и безопасности. Справедливой представляется позиция А.М. Юркевича, о том, что «обозначившаяся в последние десятилетия тенденция к усилению роли региональных организаций требует создания более интегрированной системы взаимодействия между ООН и региональными и субрегиональными организациями, а механизм применения силы региональными объединениями нуждается в более действенном контроле со стороны Совета Безопасности»[4].

Действительно, ООН, выступающая основной платформой для коллективного обеспечения мира и безопасности, не является единственной организацией в обозначенной сфере. Необходимо также упомянуть Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) – занимающуюся предотвращением конфликтов, мониторингом прав человека и выборов, Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), выступающую платформой взаимодействия в сфере региональной безопасности, Организацию Договора о коллективной безо-

[1] Гарина О.В. Участие органов местного самоуправления в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации // Advances in Law Studies. 2021. Т. 9. № 3.

[2] Жадан В.Н. Международное право в системе российского законодательства // Научно-информационный журнал армия и общество. – 2012. – № 4 (32). С. 89.

[3] Пчелинцев, Е.С. ООН: 25 лет борьбы за мир и безопасность // Сов. Ежегодник междунар. права. 1970. – М.: Наука, 1972. – С. 43–67.

[4] Юркевич А.М. О понятии коллективной безопасности в современном международном праве // Право.by. – 2014. – № 1 (23). – С. 108–118.

пасности (ОДКБ) – военный союз государств СНГ с механизмами коллективной обороны, а также Интерпол, координирующий международное сотрудничество в сфере борьбы с преступностью и терроризмом.

Вместе с тем, усилия международных организаций не всегда оказываются достаточными для обеспечения национальной безопасности в случае если отдельные государства не выполняют свои обязанности, к числу которых можно отнести такие как соблюдение международных договоров и обязательств, не допущение использования своей территории для агрессии против других государств, участие в коллективных мерах безопасности, сотрудничество в борьбе с терроризмом, организованной преступностью, киберугрозами, предоставление отчетности и обеспечение транспарентность в военной сфере (по механизмам ООН, ОБСЕ и др.).

Большое значение в вопросах обеспечения национальной безопасности имеет и международное гуманитарное право, основанное на Женевских конвенциях 1949 года и дополнительных протоколах 1977 года, которое регулирует ведение вооруженных конфликтов, защиту гражданского населения, военнопленных и раненых, а Римский статут Международного уголовного суда 1998 года, в свою очередь, устанавливает индивидуальную ответственность за военные преступления, преступления против человечности и геноцид.

Особое значение имеют договоры о контроле над вооружениями и разоружении. Так, Договор о нераспространении ядерного оружия 1968 года создает режим нераспространения, основанный на трех столпах: нераспространение, разоружение и мирное использование атомной энергии. Конвенция о запрещении химического оружия 1993 года и Конвенция о запрещении биологического оружия 1972 года запрещают целые классы оружия массового поражения. Договоры СНВ между США и Россией ограничивали стратегические наступательные вооружения и предусматривали взаимные инспекции на военные ядерные объекты, однако 28 февраля 2023 Россия приостановила действие договора СНВ III.

Региональные соглашения о безопасности дополняют универсальную систему. Статья 51 Устава ООН признает право на индивидуальную и коллективную самооборону. Североатлантический договор 1949 года, Договор о коллективной безопасности 1992 года в рамках СНГ, Межамериканский договор о взаимной помощи 1947 года создают правовую основу для региональных систем коллективной безопасности.

Международное право прав человека также связано с безопасностью. Справедливым представляется суждение Курбанова Т.Б. о невозможности обеспечить национальную безопасность только военно-техническими средствами, созданием мощной обороны. В связи с этим, концепция безопасности личности взаимодополняет национальную или государственную безопасность[1]. Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года защищает право на жизнь, свободу и безопасность личности. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года создает эффективный механизм защиты прав человека в Европе.

Таким образом, международно-правовые основы национальной безопасности формируются системой норм и принципов международного права, регулирующих отношения между государствами в сфере безопасности, а также их обязательств в рамках международных организаций. Они создают правовую и институциональную платформу для предотвращения и преодоления глобальных и региональных угроз. Эффективность национальной безопасности во многом зависит от участия государства в международных правовых механизмах, соблюдения международных обязательств и развития сотрудничества на основе принципов международного права.

Особое значение в обеспечении национальной безопасности имеет принцип равной и неделимой безопасности, который базируется на убеждении, что устойчивый международный мир возможен только при уважении интересов безопасности всех участников международного сообщества.

Принцип равной и неделимой безопасности является одним из основополагающих принципов современного международного права и дипломатии безопасности. Этот принцип предполагает равноправное участие всех государств в системе международной безопасности и равную степень защищенности от внешних угроз. Он был разработан как альтернатива концепциям блоковой безопасности, основанной на союзах и конфронтации. Его концептуальные основы были заложены в период разрядки международной напряженности в 1970-е годы и получили развитие в документах Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

[1] Курбанов Т.Б. Концепция безопасности личности в контексте межгосударственного сотрудничества в сфере прав человека: международно-правовые аспекты: дисс.. канд.юрид.наук – М., 2004

Впервые в международной практике принцип неделимой безопасности был зафиксирован в рамках Хельсинкского заключительного акта, подписанного 35 государствами в рамках Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) в 1975 году. Хельсинкский заключительный акт 1975 года впервые зафиксировал понимание того, что безопасность в Европе неделима и что каждое государство имеет равное право на безопасность. Принцип получил дальнейшее развитие в Парижской хартии для новой Европы 1990 года, где было подчеркнуто, что безопасность неделима и что безопасность каждого государства неразрывно связана с безопасностью всех остальных.

Сущность принципа заключается в нескольких ключевых положениях. Во-первых, все государства, независимо от их размера, военной мощи или экономического потенциала, имеют равное право на безопасность. Во-вторых, безопасность носит взаимозависимый характер – угроза безопасности одного государства затрагивает безопасность других. В-третьих, укрепление безопасности должно происходить не за счет ослабления безопасности других, а на основе взаимного учета интересов.

Принцип предполагает отказ от политики односторонних преимуществ в области безопасности. Это означает, что государства не должны стремиться к обеспечению своей безопасности способами, которые подрывают безопасность других стран. Военное планирование и развертывание вооруженных сил должно осуществляться с учетом законных интересов безопасности соседних государств.

Как справедливо отмечал И. Каримов, безопасность во всех ее измерениях не может быть фрагментарной… не может быть локальной безопасности. К проблемам, рискам и вызовам необходимо подходить универсально[2].

Практическое применение принципа включает развитие мер доверия и безопасности, транспарентность в военной сфере, уведомления о военных учениях и передвижениях войск, взаимные инспекции военных объектов. Венский документ ОБСЕ по мерам укрепления доверия и безопасности детализирует эти механизмы. «Патриотизм, уважение к своей стране и своей культуре не предполагает пренебрежительного или высокомерного отношения к другим нациям и культурам»[3]. Так, в рамках ОБСЕ предусматриваются переговоры, миссии, мониторинг и поддержка стабильности, в рамках СНГ, ШОС, ОДКБ – развитие коллективных механизмов безопасности, без ущемления интересов других стран.

Принцип также предусматривает кооперативный подход к безопасности, основанный на диалоге, консультациях и совместном решении проблем безопасности. Это противоположно конфронтационному подходу, основанному на балансе сил и взаимном сдерживании.

Современные стратегии национальной безопасности ряда стран (включая Россию) закрепляют приверженность принципу неделимой безопасности на двустороннем и многостороннем уровнях.

Однако реализация принципа сталкивается с серьезными проблемами. Одной из таких значимых проблем выступает расширение военно-политических блоков, в частности НАТО, который прошел через несколько волн трансформации с окончания холодной войны. Первая волна включала поиск новой роли после исчезновения основной угрозы – Советского Союза. Концепция «out of area or out of business» привела к расширению географии деятельности альянса за пределы евроатлантического региона. Операции в Боснии и Герцеговине (1995), Косово (1999), Афганистане (2001–2021) и Ливии (2011) продемонстрировали готовность НАТО действовать глобально. Именно расширение НАТО стало ключевым процессом его трансформации. Включение стран Центральной и Восточной Европы, Балтии кардинально изменило стратегическую конфигурацию в Европе и стало источником напряженности с Россией. Стратегические концепции НАТО 1999, 2010 и 2022 годов фиксируют эволюцию подходов альянса к безопасности. Если в 1999 году основной акцент делался на управлении кризисами и партнерстве, то концепция 2022 года вновь определяет Россию как основную угрозу и предусматривает возврат к коллективной обороне как приоритетной задаче. В Азиатско-Тихоокеанском регионе также формируются новые форматы военно-политического сотрудничества. AUKUS (Австралия, Великобритания, США) представляет собой трехстороннее партнерство в области безопасности с акцентом на передовые технологии, включая атомные подводные лодки, искусственный

[2] Бафоев Ф., Мирзаходжаев А., Мирзаев А. Принцип неделимости безопасности: непрерывность, целостность, универсальность // Гражданское общество. – 2018. – № 1 (53). – С. 82.

[3] Алексеева Л.А. Патриотическое воспитание как основа национальной безопасности России // В сборнике: Идеологические координаты России в условиях противостояния с Западом: философские, исторические и государственно-правовые вопросы (памяти А.В. Давиденко). сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 2023. С. 20–25.

интеллект, квантовые технологии, кибервозможности. Примечательна аналитическая оценка России как ближне- и среднесрочной угрозы, в то же время Китай оценивается как системный, т.е. долгосрочный, соперник. По оценкам экспертов, на региональном уровне AUKUS, скорее всего, приведет к милитаризации региона, его насыщению новыми военными технологиями и разворачиванию гонки вооружений[1].

В связи с вышеизложенным, расширение военно-политических блоков, которое трактуется рядом государств как угроза неделимой безопасности, размещение систем противоракетной обороны, военные интервенции без санкции ООН часто рассматриваются как нарушения принципа неделимой безопасности, а односторонние меры давления – подрывающими основы международной безопасности. Различные интерпретации принципа ведут к обвинениям в его нарушении со стороны различных государств. Кроме того, в современных условиях приходится констатировать о наличии кризиса доверия между странами и асимметричную трактовку угроз и интересов.

С сожалением приходится констатировать наличие глубокого и многоаспектного кризиса универсальной системы безопасности, созданной после Второй мировой войны и основанной на центральной роли Организации Объединенных Наций. Этот кризис обусловлен фундаментальными изменениями в международной системе и неспособностью существующих институтов адаптироваться к новым реалиям XXI века. Институциональный кризис ООН проявляется в первую очередь в дисфункциональности Совета Безопасности. Система, созданная в 1945 году, отражает расстановку сил послевоенного периода и не соответствует современному распределению власти в мире. Пять постоянных членов СБ (США, Россия, Китай, Великобритания, Франция) обладают правом вето, которое часто используется для блокировки решений по политическим мотивам, а не исходя из интересов международной безопасности.

Паралич Совета Безопасности особенно очевиден в урегулировании крупных международных конфликтов. Сирийский кризис, украинский конфликт, ситуация в Йемене, проблемы Корейского полуострова, противостояние Израиля и Ирана демонстрируют неспособность СБ выполнять свою основную функцию поддержания международного мира и безопасности. Взаимные обвинения и блокирование резолюций превратили СБ в арену геополитического противостояния.

Эрозия международного права проявляется в игнорировании принципов Устава ООН, односторонних военных действиях без санкции СБ, нарушении суверенитета государств. Концепция «гуманитарной интервенции» и «ответственности по защите» используется селективно, что подрывает легитимность международно-правовых норм. Примеры Югославии (1999), Ирака (2003), Ливии (2011) показывают тенденцию к обходу ООН при принятии решений об использовании силы.

Кризис системы коллективной безопасности усугубляется неэффективностью миротворческих операций ООН. Ограниченные мандаты, недостаточное финансирование, политические ограничения снижают эффективность «голубых касок».

Проблема легитимности усугубляется недемократичностью принятия решений в ООН. Генеральная Ассамблея, где представлены все государства-члены, имеет ограниченные полномочия в вопросах безопасности. Попытки реформирования ООН, включая расширение состава СБ, блокируются существующими центрами власти. Следует согласится с С.В. Лавровым, что подлинная многосторонность на современном этапе требует адаптации ООН к объективным тенденциям формирования многополярной архитектуры международных отношений. Необходимо ускорить реформу Совета Безопасности за счет расширения представленности в нем стран Азии, Африки и Латинской Америки[2].

Кризис многосторонности проявляется в предпочтении односторонних действий или узких коалиций многосторонним институтам. Создание параллельных форматов сотрудничества в обход ООН, таких как «Группа семи», «Группа двадцати», различные региональные объединения, свидетельствует о поиске альтернатив универсальной системе.

Региональные системы безопасности, создававшиеся как дополнение к универсальной системе ООН и механизм учета специфических региональных интересов и угроз, также переживают серьезный кризис. Этот кризис имеет различные проявления в разных регионах мира, но общие тенденции включают ослабление институтов, рост недоверия между участниками и неспособность эффективно реагировать на новые вызовы.

В Европе Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) утратила большую часть своей эффективности. Консенсусный принцип принятия решений, который был преимуществом в период окончания холодной войны, стал препятствием в условиях роста противоречий между Россией и западными странами. Долгосрочные миссии ОБСЕ в зонах «замороженных конфликтов» (Приднестровье, Южная Осетия, Абхазия, Нагорный Карабах) не смогли обеспечить их урегулирование, а в некоторых случаях конфликты эскалировали.

Система контроля над обычными вооруженными силами в Европе фактически разрушена. Договор об обычных вооруженных силах в Европе 1990 года потерял актуальность из-за изменения геополитической ситуации. Адаптированный ДОВСЕ не был ратифицирован всеми участниками и фактически не действует. Россия объявила о приостановлении участия в ДОВСЕ в 2007 году, что лишило Европу важного инструмента военной транспарентности и ограничения вооружений.

Меры доверия и безопасности, зафиксированные в Венском документе ОБСЕ, выполняются формально и не способствуют реальному укреплению доверия. О военных учениях государства не всегда уведомляются в соответствии с установленными процедурами, а взаимные инспекции часто носят ритуальный характер.

На Ближнем Востоке отсутствует комплексная региональная система безопасности. Лига арабских государств не смогла стать эффективным механизмом обеспечения региональной безопасности из-за внутренних противоречий и внешнего вмешательства. Сирийский кризис, йеменский конфликт, противостояние Израиля и Ирана демонстрируют неспособность региональных институтов урегулировать конфликты.

Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) сталкивается с внутренними противоречиями, что особенно ярко проявилось в кризисе вокруг Катара в 2017–2021 годах. Несмотря на формальное урегулирование, глубинные противоречия между монархиями Залива сохраняются.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе наблюдается дефицит многосторонних институтов безопасности. АСЕАН, несмотря на принцип невмешательства и консенсуса, не может эффективно реагировать на рост напряженности в Южно-Китайском море. Региональный форум АСЕАН по безопасности остается в основном дискуссионной площадкой без реальных механизмов принуждения.

Шестисторонние переговоры по корейской ядерной программе приостановлены с 2009 года, что демонстрирует неспособность региональных акторов найти решение одной из самых серьезных проблем безопасности в регионе. Рост военных расходов, гонка вооружений, территориальные споры усиливают напряженность в регионе.

В Африке региональные экономические сообщества (ЭКОВАС, САДК, ИГАД, ЭАС) пытаются играть роль в обеспечении региональной безопасности, но сталкиваются с ограниченными ресурсами, слабостью государственных институтов и внешним вмешательством. Африканский союз создал Совет мира и безопасности, но его эффективность остается ограниченной.

Вместе с тем, Россия последовательно выступает за укрепление неделимой безопасности и критикует попытки формирования эксклюзивных военных союзов. В официальных доктринальных документах[3] подчеркивается приоритет политико-дипломатических методов и равноправного диалога, однако, создание предпосылок для устойчивого и справедливого миропорядка не всегда можно признать успешным. Таким образом, принцип равной и неделимой безопасности – это краеугольный камень справедливой и стабильной международной системы. Его реализация требует политической воли, уважения к международному праву и отказа от односторонних подходов к вопросам безопасности.

Литература

1. Гарина О.В. Участие органов местного самоуправления в обеспечении национальной безопасности Российской Федерации // Advances in Law Studies. 2021. Т. 9. № 3.
2. Жадан В.Н. Международное право в системе российского законодательства // Научно-информационный журнал армия и общество. – 2012. – № 4 (32). С. 89.
3. Пчелинцев, Е.С. ООН: 25 лет борьбы за мир и безопасность // Сов. Ежегодник междунар. права. 1970. – М.: Наука, 1972. – С. 43–67.
4. Юркевич А.М. О понятии коллективной безопасности в современном международном праве // Право.by. – 2014. – № 1 (23). – С. 108–118.

[1] Рощупкин В.Г., Симанов Е.С. Национальные интересы США, Великобритании и Австралии в соглашении AUKUS //Общество: политика, экономика, право. – 2023. – № 7 (120). – С. 19.

[2] Лавров С.В. Подлинная многосторонность и дипломатия против «порядка, основанного на правилах» // Россия в глобальной политике. – 2023. – Том 21. № 4. – С. 73.

[3] Выходов А.А. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации в современной государственно-правовой действительности // В сборнике: Актуальные проблемы государственно-правового строительства. сборник статей. Орел, 2022. С. 13–17.

5. Курбанов Т.Б. Концепция безопасности личности в контексте межгосударственного сотрудничества в сфере прав человека: международно-правовые аспекты: дисс.. канд.юрид.наук – М., 2004.

6. Бафоев Ф., Мирзаходжаев А., Мирзаев А. Принцип неделимости безопасности: непрерывность, целостность, универсальность // Гражданское общество. – 2018. – № 1 (53). – С. 82.

7. Алексеева Л.А. Патриотическое воспитание как основа национальной безопасности России // В сборнике: Идеологические координаты России в условиях противостояния с Западом: философские, исторические и государственно-правовые вопросы (памяти А.В. Давиденко). сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 2023. С. 20–25.

8. Рощупкин В.Г., Симанов Е.С. Национальные интересы США, Великобритании и Австралии в соглашении AUKUS //Общество: политика, экономика, право. – 2023. – № 7 (120). – С. 19.

9. Лавров С.В. Подлинная многосторонность и дипломатия против «порядка, основанного на правилах» // Россия в глобальной политике. – 2023. – Том 21. № 4. – С. 73.

10. Выходов А.А. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации в современной государственно-правовой действительности // В сборнике: Актуальные проблемы государственно-правового строительства. сборник статей. Орел, 2022. С. 13–17.

CHALLENGES IN IMPLEMENTING THE PRINCIPLE OF INDIVISIBLE SECURITY

Alekseeva L.A., Mayorova S.A.
V.V. Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, National Research University Higher School of Economics

The authors discuss the international legal foundations of national security, saying that they are formed by the system of norms and principles of international law that regulate relations between states in the sphere of security, as well as their obligations within international organizations. The effectiveness of national security largely depends on the state's participation in international legal mechanisms, compliance with international obligations, and the development of cooperation based on the principles of international law.

Keywords: national security, instrument of legal regulation, principle of indivisibility of security, state.

References

1. Garina O.V. Participation of local governments in ensuring national security of the Russian Federation // Advances in Law Studies. 2021. Vol. 9. № 3.

2. Zhadan V.N. International law in the system of Russian legislation // Scientific and information journal Army and Society. – 2012. – № 4 (32). P. 89.

3. Pchelintsev, E.S. UN: 25 years of the struggle for peace and security // Sov. Yearbook of international. law. 1970. – Moscow: Nauka, 1972. – P. 43–67.

4. Yurkevich A.M. On the concept of collective security in modern international law // Pravo.by. – 2014. – № 1 (23). – P. 108–118.

5. Kurbanov T.B. The concept of personal security in the context of interstate cooperation in the field of human rights: international legal aspects: diss. candidate of legal sciences – M., 2004.

6. Bafoev F., Mirzakhodjaev A., Mirzaev A. The principle of indivisibility of security: continuity, integrity, universality // Civil society. – 2018. – № 1 (53). – P. 82.

7. Alekseeva L.A. Patriotic education as the basis of national security of Russia // In the collection: Ideological coordinates of Russia in the context of confrontation with the West: philosophical, historical and state-legal issues (in memory of A.V. Davidenko). collection of scientific papers of the All-Russian scientific and practical conference. Moscow, 2023. P. 20–25.

8. Roshchupkin V.G., Simanov E.S. National Interests of the United States, Great Britain and Australia in the AUKUS Agreement // Society: Politics, Economics, Law. – 2023. – № 7 (120). – P. 19.

9. Lavrov S.V. Genuine Multilateralism and Diplomacy versus the «Rules-Based Order» // Russia in Global Politics. – 2023. – Vol. 21. № 4. – P. 73.

10. . Vyhodov A.A. National Security Strategy of the Russian Federation in the Modern State and Legal Reality // In the collection: Actual Problems of State and Legal Construction. collection of articles. Orel, 2022. P. 13–17.

Особенности правового регулирования экономической деятельности, связанной с майнингом криптовалюты, в контексте цифровой экономики

Васиян Роман Иванович,
доцент Департамента гуманитарного и социально-экономического образования, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»
E-mail: R_Vasiyan@mail.ru

Статья посвящена анализу правового регулирования экономической деятельности, связанной с майнингом цифровой валюты, в Российской Федерации. Исследовано легальное определение майнинга, содержащееся в Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ, и его содержательные дефекты. Предложено авторское определение, акцентирующее экономико-правовую природу данного явления. Проанализированы подзаконные акты 2024–2025 гг., регламентирующие ведение реестра майнеров, лимиты энергопотребления и территориальные запреты. Обосновано, что майнинг цифровой валюты представляет собой специфический вид экономической деятельности, не тождественный предпринимательской деятельности в смысле статьи 2 Гражданского кодекса Российской Федерации. Аргументирована необходимость консолидации нормативного регулирования в едином законодательном акте.

Ключевые слова: майнинг цифровой валюты, криптовалюта, правовое регулирование, цифровая экономика, блокчейн, предпринимательская деятельность, цифровые финансовые активы, защита цифровых активов.

Введение

В условиях цифровой трансформации экономических отношений формирование адекватного правового регулирования деятельности, связанной с обращением цифровых валют, стало одной из ключевых задач российского законодателя. С.А. Авакьян справедливо отмечал, что информационное пространство знаний и цифровой мир ставят перед конституционным правом принципиально новые вопросы о границах дозволенного и правовых формах экономической активности [1]. Развитие цифровой экономики регионов России, как показывают А.В. Минаков и А.Е. Суглобов, порождает целый спектр проблем, требующих комплексного правового осмысления, – от обеспечения инфраструктурных условий до выработки адекватных регуляторных моделей [2]. При этом цифровые технологии все активнее проникают и в сферу государственного управления, формируя новый контекст для нормотворческой деятельности [3].

Майнинг цифровой валюты, представляющий собой деятельность по проведению математических вычислений с целью формирования новых блоков в распределенном реестре, оказался на пересечении целого ряда отраслей права -конституционного, гражданского, финансового, налогового и административного, что обусловливает комплексный характер его правового регулирования. Процесс цифровой трансформации затрагивает и региональное управление: Л.В. Дмитриева отмечает, что выработка эффективных практик и подходов к цифровой трансформации является необходимым условием совершенствования управленческой деятельности на всех уровнях [4].

До недавнего времени в России имели место серьезные пробелы в правовом регулировании экономической деятельности, связанной с майнингом криптовалюты, которые в отсутствие специального законодательства приходилось восполнять посредством судебного толкования. Так, Четвертый арбитражный апелляционный суд поддержал решение Арбитражного суда Иркутской области от 5 октября 2018 года по делу № А19–15918/2017, в котором суд первой инстанции пришел к выводу о том, что деятельность истца не соответствует по количественному критерию – объему потребленной электроэнергии – категории потребителей, приравниваемых к населению, которым электрическая энергия поставляется для удовлетворения коммунально-бытовых нужд по регулируемым тарифам. Фактическая деятельность по майнингу криптовалюты была тем самым признана как носящая предпринимательский (коммерческий) характер и не соответствующая деятельности некоммерческой (религиозной) организации.

Одним из важнейших шагов по преодолению указанных пробелов стало принятие Федерального закона от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон о ЦФА, ФЗ № 259-ФЗ), где цифровая валюта была признана платежным средством и определен ряд базовых категорий – «цифровая валюта», «майнинг цифровой валюты» и связанные с этим «смежные» термины. Г.Ф. Ручкина обоснованно подчеркивает, что регулирование оборота цифровых финансов является важной составляющей экономического и технологического суверенитета России [5]. Вопросы защиты цифровых активов в условиях цифровизации приобретают особую значимость, на что справедливо обращают внимание И.В. Левкин и С.М. Аламова [6]. Аналогичным образом, формирование правовых механизмов защиты интеллектуальной собственности в контексте цифровизации, как показывает С.М. Аламова, требует комплексного подхода, учитывающего специфику цифровой среды [7].

Материалы и методы исследования

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы (анализ, синтез, системный подход, формально-логический метод) и специально-юридические методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод правовой герменевтики). Нормативную базу исследования образовали Конституция Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации, Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (в редакции ФЗ от 8 августа 2024 г. № 221-ФЗ), Федеральный закон от 25 октября 2024 г. № 349-ФЗ, Постановления Правительства Российской Федерации от 31 октября 2024 г. № 1462,

от 1 ноября 2024 г. № 1464, 1466, 1468, 1469, от 23 декабря 2024 г. № 1869, от 21 марта 2025 г. № 341, а также Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 и доклад Евразийской экономической комиссии 2019 года. Эмпирическую базу составили материалы судебной практики, в том числе дело № А19–15918/2017 Арбитражного суда Иркутской области. Доктринальной основой послужили работы М.А. Егоровой, А.В. Белицкой [8], И.В. Ершовой, Е.В. Трофимовой [9], В.С. Белых [10], В.И. Крусса [11], Д.А. Кочергина, С.А. Андрюшина [12], Э.Л. Сидоренко [13], Л.В. Санниковой, Ю.С. Харитоновой [14] и других ученых. Сравнительно-правовой анализ проведен с привлечением зарубежных источников, включая исследования В. Бенсона и др. [15], а также опыт Республики Беларусь. При анализе процессов цифровизации в более широком контексте учитывались работы А.В. Минакова и А.Е. Суглобова [2; 3; 16]. Исторический аспект правового регулирования в смежной области цифровых прав исследован, в частности, С.М. Аламовой [17].

Результаты и обсуждение

Согласно положению части 3.1 статьи 1 ФЗ № 259-ФЗ майнингом цифровой валюты признается деятельность по проведению математических вычислений путем эксплуатации технических и программно-аппаратных средств для внесения записей в информационную систему, использующую технологию, в том числе технологию распределенного реестра, имеющих целью выпуск цифровой валюты и (или) получение лицом, осуществляющим такую деятельность, вознаграждения в цифровой валюте за подтверждение записей в информационной системе.

Этимологически термин «майнинг» является русскоязычной транскрипцией английского слова mining, что означает «добыча». В сочетании с существительным «криптовалюта», попадая в цифровую среду и правовое поле, данный термин приобретает специфическое содержательное наполнение, связанное с технологией блокчейн (blockchain-цепочка блоков) [8; 12]. Оценивая приведенное легальное определение с технической точки зрения, можно заметить, что оно не вызывает принципиальных возражений. Вместе с тем следует иметь в виду, что феномен майнинга цифровой валюты – это не только техническое явление, но и субстанция, которой имманентно присущи социально-экономические, правовые и иные характеристики. Как верно замечает О.С. Лабабуева, определение майнинга не должно сводиться к описанию технологического процесса, а должно отражать экономико-правовую сущность данной деятельности [18].

Нуждается в корректировке та часть легального определения, где указана цель майнинговой деятельности. Использование одновременно соединительного союза «и» и разделительного «или» приводит к тому, что при буквальном толковании сам по себе выпуск цифровой валюты оказывается не сопряжен с вознаграждением для майнера, а такое вознаграждение полагается лишь за подтверждение записи в информационной системе. Между тем, как показывают исследования Д.А. Кочергина и С.А. Андрюшина, экономическая модель криптовалют предполагает получение вознаграждения как за эмиссию (создание нового блока), так и за верификацию транзакций [12]. Выпуск цифровой валюты означает действия, связанные с использованием средств информационной инфраструктуры, направленные на предоставление возможностей использования цифровой валюты третьими лицами, и за выпуск, и за подтверждение записей информационная система предусматривает вознаграждение.

Кроме того, выражение «вознаграждение в цифровой валюте» представляется недостаточно релевантным: более точным было бы говорить о «вознаграждении в виде права обладания цифровой валютой», поскольку именно право обладания цифровым активом составляет юридически значимый результат майнинговой деятельности. Вопросы правовой квалификации объектов, существующих в цифровой среде, являются общей проблемой для различных сфер правового регулирования, включая область интеллектуальной собственности, где С.М. Аламова обосновывает необходимость выработки адекватных принципов защиты прав в цифровой среде [19]. На эволюционный характер формирования правовых институтов в сфере цифровых прав указывает и историко-правовой анализ, проведенный тем же автором [17].

С учетом сказанного представляется возможным сформулировать следующее определение. Майнингом цифровой валюты признается вид (разновидность) экономической деятельности, которая связана с проведением математических вычислений путем эксплуатации технических и программно-аппаратных средств для внесения записей в информационную систему, основанную на использовании информационных технологий, в том числе технологии распределенного реестра, имеющих целью выпуск цифровой валюты и получение лицом, осуществляющим такую деятельность, вознаграждения в виде права обладания цифровой валютой за подтверждение записей в информационной системе.

В отечественной юридической литературе майнинг характеризуется как вид деятельности по формированию новых элементов обеспечения функционирования криптовалютных платформ. Такой подход имеет под собой определенное основание, однако следует учитывать, что в результате майнинговой деятельности может преследоваться цель, не только связанная с выпуском цифровой валюты, но и с ее продажей и обменом, и что криптовалюты могут создаваться вне рамок майнинга – например, путем первичного размещения токенов (ICO) [20].

М.А. Егорова и А.В. Белицкая, со ссылкой на зарубежных авторов, определяют майнинг как «процесс, включающий в себя решение сложных математических и криптографических алгоритмов, который предполагает использование высокотехнологического оборудования и определенных мощностей компьютеров» [8]. С технической точки зрения такое определение является оправданным, однако в нем не учитывается, что феномен майнинга представляет собой многогранное явление, обладающее не только техническими, но и социально-экономическими, финансовыми и правовыми характеристиками. По мнению Е.И. Щедриной, «майнинг – это создание криптомонет по специальному алгоритму», когда «в компьютере генерируется уникальный набор данных (также называемый блоком), который подтверждает достоверность платежных транзакций»; при этом «блок состоит из хеша заголовка предыдущего блока, хеша транзакций и случайного числа» [21].

Для майнинга как вида экономической деятельности характерно, что в указанной сфере отсутствует централизованное управление; лица, осуществляющие майнинг, не обязаны представлять свои персональные данные; майнинг осуществляется по первоначально заданным алгоритмам, которые невозможно дополнить, изменить, подкорректировать, что выступает в качестве его важнейшего ценностного свойства [9]. А.Г. Гаврилов и И.Ю. Арзина удачно используют метафору, сравнивая отражение добытых в результате майнинга электронных денег с регистрацией «в публичной «бухгалтерской книге» (blockchain)» [22].

Определение майнинга содержится и в международных документах. В соответствии с Декретом Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики» майнинг характеризуется как отличная от создания собственных цифровых знаков (токенов) деятельность, направленная на обеспечение функционирования реестра блоков транзакций посредством создания новых блоков. Однако в данном определении имеются, по меньшей мере, два дефекта: во-первых, «майнинг» определяется не через родовую категорию, а через противопоставление иной деятельности, что нарушает каноны дефиниции; во-вторых, указание на то, что лицо «становится владельцем цифровых знаков (токенов)», не вполне релевантно, ибо майнеру нужны не «цифровые знаки» как таковые, а право обладания криптовалютой как цифровым активом. Определение, сформулированное в Глоссарии доклада Евразийской экономической комиссии 2019 года [23], также страдает неполнотой: в нем не отражена правовая цель майнинга. Между тем, как отмечает Э.Л. Сидоренко, отсутствие четкого указания на правовую цель деятельности, связанной с криптовалютой, приводит к неопределенности статуса участников соответствующих отношений [13]. Тенденции развития правовых институтов в смежных сферах цифровой экономики, в том числе в области интеллектуальной собственности, свидетельствуют о необходимости формирования целостных подходов к определению юридически значимых категорий в цифровой среде [24].

В соответствии с положениями ФЗ № 259-ФЗ (в редакции Федерального закона от 8 августа 2024 г. № 221-ФЗ) к субъектам, вправе осуществлять майнинг цифровой валюты (в том числе участвовать в майнинг-пуле), относятся физические лица, зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей, и юридические лица, личным законом которых является российское право, с момента включения их в реестр лиц, осуществляющих майнинг. Граждане Российской Федерации, не являющиеся индивидуальными предпринимателями, вправе осуществлять майнинг без включения в реестр при условии, что потребляемая энергия не превышает лимита, установленного Постановлением Правительства РФ от 1 ноября 2024 г. № 1469–6000 киловатт-часов в месяц.

Положение части 4 статьи 14.2 ФЗ № 259-ФЗ наделяет Правительство Российской Федерации по согласованию с Банком России полномочиями устанавливать «иные требования» к деятельности майнеров. Данное положение нуждается в корректировке: когда полномочия федерального органа исполнительной власти конкретно не ограничены рамками и критериями, он может не только частично изменить соответствующие положения закона, но и установить принципиально иные требования, что подрывает стабильность законодательного

регулирования. В.И. Крусс справедливо указывает, что размывание границ законодательного и подзаконного регулирования в сфере оборота криптовалют создает предпосылки для неконституционного правопользования [11].

В случае нарушения положений Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и (или) неоднократного в течение одного года нарушения требований подзаконных актов и (или) нарушения иных требований компетентный федеральный орган исполнительной власти принимает решение об исключении лица из реестра майнеров. Однако из буквального смысла нормы неясно, должны ли и нарушения «иных требований» также носить неоднократный характер в течение одного года, как это предусмотрено для двух предшествующих видов нарушений. Такая техника изложения не способствует однозначному пониманию нормативной позиции.

Санкции рассредоточены по нескольким актам – ФЗ № 259-ФЗ, Постановлению Правительства РФ от 31 октября 2024 г. № 1462 и иным актам, что не обеспечивает консолидации и единства правового регулирования. Вести реестр возложено на ФНС России; Постановлением Правительства РФ от 31 октября 2024 г. № 1464 утверждены Правила ведения реестра лиц, осуществляющих майнинг, и Правила ведения реестра операторов майнинговой инфраструктуры. С 1 ноября 2024 года на сайте ФНС размещен сервис «МайнингРеестр».

Согласно Федеральному закону от 25 октября 2024 г. № 349-ФЗ Правительство наделено полномочием устанавливать запрет на осуществление майнинга в отдельных субъектах Российской Федерации в случае наличия дефицита электрической энергии (Постановление от 1 ноября 2024 г. № 1468). Постановлением Правительства от 21 марта 2025 г. № 341 предусмотрены исключения из данного запрета для территорий, на которых энергопринимающие устройства не имеют технологического присоединения к электрическим сетям в составе Единой энергетической системы России. Следует обратить внимание на то, что вопрос энергопотребления при майнинге выходит далеко за пределы внутригосударственного регулирования. В частности, В. Бенсон и соавторы отмечают, что энергоемкость майнинга стала одним из аргументов в пользу ужесточения регуляторных режимов в ряде европейских юрисдикций [15]. А.В. Минаков и А.Е. Суглобов, анализируя управление бизнесом в условиях цифровой экономики, указывают, что энергетическая и инфраструктурная обеспеченность регионов непосредственно определяет возможности развития цифровых отраслей на их территории [16].

Помимо территориальных ограничений, закон устанавливает и информационные обязанности участников майнинга. Согласно Постановлению Правительства РФ от 1 ноября 2024 г. № 1466 лица, осуществляющие майнинг, обязаны сообщать в ФНС России сведения о полученной криптовалюте и об использованных адресах-идентификаторах. ФНС, в свою очередь, передает эти данные Росфинмониторингу и Банку России, что обеспечивает встраивание майнинговой деятельности в систему финансового мониторинга.

Отдельного рассмотрения заслуживает дискуссионный в доктрине вопрос о том, является ли майнинг разновидностью предпринимательской деятельности. Позиции исследователей по этому поводу расходятся. И.В. Ершова и Е.В. Трофимова квалифицируют майнинг как «один из новых видов предпринимательства, вызванный к жизни потребностями цифровой экономики» [9]. Иной точки зрения придерживаются В.С. Белых и М.А. Егорова, которые обращают внимание на отсутствие у майнера признака самостоятельности, поскольку реестр цифровых транзакций ведется по правилам, заданным алгоритмом, а не волей самого участника [10]. Н.М. Сухомлинов, в свою очередь, предлагает разрешить это противоречие путем введения в научный оборот нового понятия – «цифровая предпринимательская деятельность» [25].

Действующее законодательство, однако, не дает прямого ответа на поставленный вопрос. С 1 ноября 2024 года юридические лица и индивидуальные предприниматели вправе осуществлять майнинг исключительно после включения в соответствующий реестр. Вместе с тем сам факт такого включения свидетельствует лишь о допуске лица к майнинговой деятельности и не влечет за собой ее автоматической квалификации в качестве предпринимательской. Анализ действующего законодательства свидетельствует: в нем отсутствует указание на то, что майнинговая деятельность является видом предпринимательской деятельности. Последняя по смыслу статьи 2 Гражданского кодекса Российской Федерации направлена на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг – ни под один из этих критериев осуществление майнинга цифровой валюты не подпадает. Как показывает Л.В. Санникова, правовая квалификация цифровых активов находится в стадии становления и нуждается в дальнейшем теоретическом осмыслении [14]. Е.В. Зайнутдинова аналогично отмечает, что цифровая валюта и цифровые права требуют самостоятельного правового режима, не вписывающегося в традиционные рамки гражданского оборота [26]. Зарубежный опыт, в частности Регламент MiCA Европейского Союза, показывает, что квалификация деятельности, связанной с криптоактивами, может существенно различаться в зависимости от выбранной регуляторной модели [15].

Следовательно, майнинг цифровой валюты есть иной, отличный от предпринимательской деятельности, специфический вид экономической деятельности в условиях цифровой трансформации, направленный на получение дохода. Извлечение дохода влечет обязанность уплатить налог, однако это обстоятельство не дает оснований для квалификации майнинга в качестве предпринимательской деятельности.

Выводы

В России правовое регулирование майнинга цифровой валюты осуществляется сравнительно недавно и представляет собой комплексный экономико-правовой институт, включающий нормы конституционного, административного, финансового, налогового, гражданского права и нуждающийся в эффективной имплементации в правовую сферу.

Нормы, регулирующие майнинг, рассредоточены по различным нормативным правовым актам, характеризуются моментами неопределенности и несогласованности, что обусловливает необходимость их консолидации в едином акте, каковым мог бы стать Федеральный закон «Об основах правового регулирования майнинга цифровых валют».

Криптовалюта фактически не является средством платежа на территории Российской Федерации (хотя формально провозглашена таковым – ч. 4 ст. 14 ФЗ № 259-ФЗ); использование криптовалют сопряжено со значительными рисками, связанными с их высокой волатильностью, возможностью использования в противоправных целях и отсутствием гарантий возврата вложенных средств, что предполагает осторожную и сдержанную позицию законодателя в вопросах дальнейшего развития правового регулирования данной сферы.

Литература

1. Авакьян С.А. Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право / С.А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. – 2019. – № 7. – С. 23–28.

2. Минаков А.В. Проблемы развития цифровой экономики регионов России / А.В. Минаков, А.Е. Суглобов // Вопросы региональной экономики. – 2022. – № 4 (53). – С. 63–72.

3. Суглобов А.Е. Перспективы использования цифровых технологий в сфере государственных услуг и управления / А.Е. Суглобов, А.В. Минаков // Russian Journal of Management. – 2021. – Т. 9. – № 3. – С. 46–50.

4. Дмитриева Л.В. Практики и подходы цифровой трансформации к совершенствованию регионального управления / Л.В. Дмитриева // Социальные и экономические системы. – 2022. – № 6–7 (36). – С. 176–197.

5. Ручкина Г.Ф. Регулирование оборота цифровых финансов как важной составляющей экономического и технологического суверенитета России / Г.Ф. Ручкина // Банковское право. – 2024. – № 3. – С. 7–15.

6. Левкин И.В. Защита цифровых активов / И.В. Левкин, С.М. Аламова // Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики: материалы VII Национальной науч.-практ. конф. – Казань, 2023. – С. 129–134.

7. Аламова С.М. Правовые механизмы защиты интеллектуальной собственности в контексте цифровизации / С.М. Аламова // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 9 (237). – С. 348–351.

8. Егорова М.А. Майнинг криптовалюты в России и в мире: понятие и правовое регулирование / М.А. Егорова, А.В. Белицкая // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 4. – С. 129–136.

9. Ершова И.В. Майнинг и предпринимательская деятельность: в поисках соотношения / И.В. Ершова, Е.В. Трофимова // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 6 (103). – С. 73–82.

10. Белых В.С. Криптовалюта как средство платежа: новые подходы и правовое регулирование / В.С. Белых, М.А. Егорова // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2019. – № 2 (54). – С. 222–232.

11. Крусс В.И. Криптовалюты и майнинг как формы неконституционного правопользования / В.И. Крусс // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 4. – С. 11–20.

12. Кочергин Д.А. Цифровые активы, криптоактивы и цифровые валюты: экономическое содержание и потенциал конвергенции /

Д.А. Кочергин, С.А. Андрюшин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика. – 2023. – Т. 39. – Вып. 4. – С. 497–530.

13. Сидоренко Э.Л. Правовой статус криптовалют в Российской Федерации / Э.Л. Сидоренко // Экономика. Налоги. Право. – 2018. – Т. 11. – № 2. – С. 129–137.

14. Санникова Л.В. Цифровые активы: правовой анализ: монография / Л.В. Санникова, Ю.С. Харитонова. – М.: 4 Принт, 2020. – 304 с.

15. Benson V. Harmonising cryptocurrency regulation in Europe: opportunities for preventing illicit transactions / V. Benson [et al.] // European Journal of Law and Economics. – 2024. – Vol. 57. – № 1–2. – P. 37–61.

16. Минаков А.В. Управление бизнесом в цифровой экономике / А.В. Минаков, А.Е. Суглобов // Russian Journal of Management. – 2021. – Т. 9. – № 1. – С. 226–230.

17. Аламова С.М. Исторический аспект правового регулирования интеллектуальной собственности / С.М. Аламова // Вопросы российского и международного права. – 2025. – Т. 15. – № 2–1. – С. 391–400.

18. Лабабуева О.С. Понятие и правовая природа майнинга / О.С. Лабабуева // Хозяйство и право. – 2024. – № 1. – С. 69–79.

19. Аламова С.М. Основные принципы защиты интеллектуальных прав в цифровой среде / С.М. Аламова // Юридическая наука. – 2025. – № 5. – С. 139–143.

20. Егорова М.А. Правовое регулирование выпуска и размещения криптовалюты: тенденции и перспективы / М.А. Егорова, А.В. Белицкая // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 6. – С. 33–43.

21. Щедрина Е.И. Криптовалюта как новый специфический вид денег / Е.И. Щедрина // Проблемы и перспективы развития России: Молодежный взгляд в будущее: сб. науч. ст. Всерос. науч. конф. – Курск, 2018. – Т. 1. – С. 326–328.

22. Гаврилов А.Г. Майнинг криптовалюты / А.Г. Гаврилов, И.Ю. Арзина // Аллея науки. – 2017. – Т. 2. – № 16. – С. 355–361.

23. Криптовалюты и блокчейн как атрибуты новой экономики: доклад Евразийской экономической комиссии. – М.: ЕЭК, 2019. – 54 с.

24. Аламова С.М. Основные тенденции развития права интеллектуальной собственности в современном мире / С.М. Аламова // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 1. – С. 305–308.

25. Сухомлинов Н.М. Правовое регулирование майнинга в России / Н.М. Сухомлинов // Бизнес. Образование. Право. – 2025. – № 2 (71). – С. 216–221.

26. Зайнутдинова Е.В. Цифровая валюта, цифровые права и цифровой рубль: перспективы использования в российской юрисдикции / Е.В. Зайнутдинова // Право и бизнес. – 2024. – № 2. – С. 30–34.

SPECIFIC FEATURES OF THE LEGAL REGULATION OF ECONOMIC ACTIVITIES RELATED TO CRYPTOCURRENCY MINING IN THE CONTEXT OF THE DIGITAL ECONOMY

Vasiyan R.I.
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

The article analyses the legal regulation of economic activity related to digital currency mining in the Russian Federation. The statutory definition of digital currency mining contained in Federal Law № 259-FZ of July 31, 2020, and its substantive defects are examined. The author proposes an original definition emphasising the economic and legal nature of this phenomenon. Subordinate normative acts of 2024–2025 regulating the maintenance of the miners' registry, energy consumption limits and territorial bans are analysed. It is concluded that digital currency mining constitutes a specific type of economic activity not identical to entrepreneurial activity within the meaning of Article 2 of the Civil Code of the Russian Federation. The necessity of consolidating normative regulation in a single legislative act is substantiated.

Keywords: digital currency mining, cryptocurrency, legal regulation, digital economy, blockchain, entrepreneurial activity, digital financial assets, protection of digital assets.

References

1. Avak'yan S.A. Informacionnoe prostranstvo znanij, cifrovoj mir i konstitucionnoe pravo / S.A. Avak'yan // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. – 2019. – № 7. – S. 23–28.

2. Minakov A.V. Problemy razvitiya cifrovoj ekonomiki regionov Rossii / A.V. Minakov, A.E. Suglobov // Voprosy regional'noj ekonomiki. – 2022. – № 4 (53). – S. 63–72.

3. Suglobov A.E. Perspektivy ispol'zovaniya cifrovyh tekhnologij v sfere gosudarstvennyh uslug i upravleniya / A.E. Suglobov, A.V. Minakov // Russian Journal of Management. – 2021. – T. 9. – № 3. – S. 46–50.

4. Dmitrieva L.V. Praktiki i podhody cifrovoj transformacii k sovershenstvovaniyu regional'nogo upravleniya / L.V. Dmitrieva // Social'nye i ekonomicheskie sistemy. – 2022. – № 6–7 (36). – S. 176–197.

5. Ruchkina G.F. Regulirovanie oborota cifrovyh finansov kak vazhnoj sostavlyayushchej ekonomicheskogo i tekhnologicheskogo suvereniteta Rossii / G.F. Ruchkina // Bankovskoe pravo. – 2024. – № 3. – S. 7–15.

6. Levkin I.V. Zashchita cifrovyh aktivov / I.V. Levkin, S.M. Alamova // Osnovnye tendencii razvitiya sovremennogo prava: problemy teorii i praktiki: materialy VII Nacional'noj nauch.-prakt. konf. – Kazan', 2023. – S. 129–134.

7. Alamova S.M. Pravovye mekhanizmy zashchity intellektual'noj sobstvennosti v kontekste cifrovizacii / S.M. Alamova // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2024. – № 9 (237). – S. 348–351.

8. Egorova M.A. Majning kriptovalyuty v Rossii i v mire: ponyatie i pravovoe regulirovanie / M.A. Egorova, A.V. Belickaya // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). – 2020. – № 4. – S. 129–136.

9. Ershova I.V. Majning i predprinimatel'skaya deyatel'nost': v poiskah sootnosheniya / I.V. Ershova, E.V. Trofimova // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2019. – № 6 (103). – S. 73–82.

10. Belyh V.S. Kriptovalyuta kak sredstvo platezha: novye podhody i pravovoe regulirovanie / V.S. Belyh, M.A. Egorova // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). – 2019. – № 2 (54). – S. 222–232.

11. Kruss V.I. Kriptovalyuty i majning kak formy nekonstitutsionnogo pravopol'zovaniya / V.I. Kruss // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. – 2022. – № 4. – S. 11–20.

12. Kochergin D.A. Cifrovye aktivy, kriptoaktivy i cifrovye valyuty: ekonomicheskoe soderzhanie i potencial konvergencii / D.A. Kochergin, S.A. Andryushin // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika. – 2023. – T. 39. – Vyp. 4. – S. 497–530.

13. Sidorenko E.L. Pravovoj status kriptovalyut v Rossijskoj Federacii / E.L. Sidorenko // Ekonomika. Nalogi. Pravo. – 2018. – T. 11. – № 2. – S. 129–137.

14. Sannikova L.V. Cifrovye aktivy: pravovoj analiz: monografiya / L.V. Sannikova, Yu.S. Haritonova. – M.: 4 Print, 2020. – 304 s.

15. Benson V. Harmonising cryptocurrency regulation in Europe: opportunities for preventing illicit transactions / V. Benson [et al.] // European Journal of Law and Economics. – 2024. – Vol. 57. – № 1–2. – P. 37–61.

16. Minakov A.V. Upravlenie biznesom v cifrovoj ekonomike / A.V. Minakov, A.E. Suglobov // Russian Journal of Management. – 2021. – T. 9. – № 1. – S. 226–230.

17. Alamova S.M. Istoricheskij aspekt pravovogo regulirovaniya intellektual'noj sobstvennosti / S.M. Alamova // Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava. – 2025. – T. 15. – № 2–1. – S. 391–400.

18. Lababueva O.S. Ponyatie i pravovaya priroda majninga / O.S. Lababueva // Hozyajstvo i pravo. – 2024. – № 1. – S. 69–79.

19. Alamova S.M. Osnovnye principy zashchity intellektual'nyh prav v cifrovoj srede / S.M. Alamova // Yuridicheskaya nauka. – 2025. – № 5. – S. 139–143.

20. Egorova M.A. Pravovoe regulirovanie vypuska i razmeshcheniya kriptovalyuty: tendencii i perspektivy / M.A. Egorova, A.V. Belickaya // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). – 2020. – № 6. – S. 33–43.

21. Shchedrina E.I. Kriptovalyuta kak novyj specificheskij vid deneg / E.I. Shchedrina // Problemy i perspektivy razvitiya Rossii: Molodezhnyj vzglyad v budushchee: sb. nauch. st. Vseros. nauch. konf. – Kursk, 2018. – T. 1. – S. 326–328.

22. Gavrilov A.G. Majning kriptovalyuty / A.G. Gavrilov, I. Yu. Arzina // Alleya nauki. – 2017. – T. 2. – № 16. – S. 355–361.

23. Kriptovalyuty i blokchejn kak atributy novoj ekonomiki: doklad Evrazijskoj ekonomicheskoj komissii. – M.: EEK, 2019. – 54 s.

24. Alamova S.M. Osnovnye tendencii razvitiya prava intellektual'noj sobstvennosti v sovremennom mire / S.M. Alamova // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2025. – № 1. – S. 305–308.

25. Sukhomlinov N.M. Pravovoe regulirovanie majninga v Rossii / N.M. Sukhomlinov // Biznes. Obrazovanie. Pravo. – 2025. – № 2 (71). – S. 216–221.

26. Zajnutdinova E.V. Cifrovaya valyuta, cifrovye prava i cifrovoj rubl': perspektivy ispol'zovaniya v rossijskoj yurisdikcii / E.V. Zajnutdinova // Pravo i biznes. – 2024. – № 2. – S. 30–34.

Основные направления взаимодействия участкового уполномоченного полиции с подразделениями ГИБДД в сфере обеспечения безопасности дорожного движения

Виноградова Ирина Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры административной деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России
E-mail: irina_vinogradov@bk.ru

В статье рассматриваются актуальные аспекты взаимодействия участковых уполномоченных полиции на закрепленных за ними административных участках и подразделений ГИБДД в системе обеспечения безопасности дорожного движения. Автор анализирует существующие формы сотрудничества между данными службами, выявляет ключевые проблемы, препятствующие эффективному обмену информацией и совместному реагированию на правонарушения. В работе обосновывается необходимость совершенствования механизмов взаимодействия, а также предлагаются практические рекомендации по оптимизации совместной деятельности, направленной на профилактику дорожно-транспортных происшествий и повышение уровня правопорядка на обслуживаемых территориях.

Ключевые слова: участковый уполномоченный полиции, взаимодействие, дорожное движение, ГИБДД, административное правонарушение, административный участок.

Введение

Служба участковых уполномоченных полиции занимает центральное место в деятельности МВД России по профилактике правонарушений и преступлений среди населения, а также по поддержанию правопорядка на территории Российской Федерации.

Выполнение поставленных задач, а также эффективное обеспечение охраны общественного порядка и борьба с преступностью на обслуживаемой участковым уполномоченным полиции территории во многом зависит от правильной организации его взаимодействия с другими подразделениями органов внутренних дел, в том числе с подразделениями Государственной инспекцией безопасности дорожного движения.

Примечателен тот факт, что при изучении нормативных правовых актов, в которых закреплены полномочия тех или иных подразделений органов внутренних дел, можно сделать вывод о том, что любые мероприятия в области обеспечения безопасности дорожного движения относятся к компетенции сотрудников ГИБДД, однако, данный вывод будет крайне ошибочным. Служба участковых уполномоченных полиции наделена законодателем достаточно широким кругом административно-юрисдикционных полномочий в сфере обеспечения безопасности дорожного движения.

Основная часть

В первую очередь, следует отметить, что участковые уполномоченные полиции, наделенные правом в соответствии с занимаемой должностью и правовым статусом привлекать виновных лиц к административной ответственности за совершенные административного правонарушения, могут также составлять протоколы об административном правонарушении и налагать санкции в виде административных наказаний по отдельным видам административных правонарушений против безопасности дорожного движения[1].

Так, согласно, пункту 9 части 1 ст. 23.3 КоАП РФ, участковый уполномоченный полиции наделен полномочиями возбуждать и рассматривать дела об административном правонарушении по следующим статьям КоАП РФ:

– ст. 12.1 КоАП РФ «Управление транспортным средством, не зарегистрированным в установленном порядке, транспортным средством, не прошедшим государственного технического осмотра или технического осмотра»;

– ч. 1 и 2 ст. 12.2 КоАП РФ «Управление транспортным средством с нарушением правил установки на нем государственных регистрационных знаков»;

– ч. 1–3 ст. 12.3 КоАП РФ «Управление транспортным средством водителем, не имеющим при себе документов, предусмотренных Правилами дорожного движения»;

– ст. 12.22 КоАП РФ «Нарушение правил учебной езды»;

– ст. 12.23 КоАП РФ «Нарушение правил перевозки людей»;

– ст. 12.28 КоАП РФ «Нарушение правил, установленных для движения транспортных средств в жилых зонах»;

– ч. 1–2 ст. 12.29 КоАП РФ «Нарушение Правил дорожного движения пешеходом или иным лицом, участвующим в процессе дорожного движения»;

– ч. 1 ст. 12.30 КоАП РФ «Нарушение Правил дорожного движения пешеходом или иным участником дорожного движения, повлекшее создание помех в движении транспортных средств либо причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью потерпевшего»[2].

Более того, как упоминалось ранее, одной из обязанностей участкового уполномоченного полиции на обслуживаемом им административном участке является знание его территории, в том числе системы дорог, мест стоянки транспортных средств, наличие или отсутствие охраны на стоянках. Согласно положениям приказа МВД России № 205, участковый уполномоченный полиции имеет право в пределах своей компетенции осуществлять функции федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требова-

[1] Организация деятельности участкового уполномоченного полиции: учебник / М.Е. Труфанов [и др.]; под общ. ред. К.Д. Рыдченко. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2020. – С. 210–212.

[2] См. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ [Электронный ресурс]: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/.

ний законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения[1].

Отдельное внимание следует уделить ситуации, в которой на закрепленном за участковым уполномоченным полиции административном участке происходит дорожно-транспортное происшествие. При выявлении условий, способствовавших дорожно-транспортному происшествию, участковый уполномоченный полиции вправе выносить представления о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений и правонарушений, в компетентные государственные учреждения. В представлении участковый уполномоченный полиции предлагает конкретные меры, обязательные для исполнения. В случае невыполнения должностными лицами законных требований участкового уполномоченного полиции, заключающихся в устранении являвшихся «катализатором» для ДТП причин и условий, а также обязательном уведомлении о принятых мерах не позднее одного месяца со дня вынесения представления, должностные лица могут быть привлечены к административной ответственности по ст. 17.7. КоАП РФ.

Проведя анализ соответствующих нормативных правовых актов, приходим к мнению о том, что в настоящее время функции и задачи участкового уполномоченного полиции в сфере обеспечения безопасности дорожного движения сводятся к следующим.

1. Владение информацией о направлении шоссейных, грунтовых и железных дорог, горных троп, местонахождении и состоянии мостов и переправ в пределах закрепленного административного участка.

2. Участие в пропаганде соблюдения Правил дорожного движения среди населения страны.

3. Регулирование дорожного движения при возникновении необходимости, организация объездов опасных участков и мест ДТП.

4. Оцепление и охрана места ДТП до приезда сотрудников подразделений ГИБДД и/или следственно-оперативной группы.

5. Составление схемы ДТП при возникновении необходимости.

6. Остановка транспортных средств, проверка документов, осмотр транспортных средств, проверка соблюдений правил перевозки пассажиров в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, а также в рамках проведения специальных мероприятий и операций.

7. Составление протоколов об административном правонарушении и рассмотрение ограниченной КоАП РФ категории дел об административных правонарушениях.

8. Внесение представлений об устранении причин, способствовавших совершению правонарушения в сфере безопасности дорожного движения, в случае установления таковых в пределах закрепленного административного участка.

Безусловно, деятельность участкового уполномоченного полиции неразрывно связана с подразделениями ГИБДД МВД России, причем как в рамках обеспечения безопасности дорожного движения, так и в других сферах. По нашему мнению, участковый уполномоченный полиции и подразделениями ГИБДД «пересекаются» и координируют при осуществлении своей деятельности в следующих направлениях.

1. Охрана общественного порядка и обеспечение общественной безопасности граждан.

2. Обеспечение безопасности дорожного движения.

3. Профилактика правонарушений в сфере безопасности дорожного движения.

В частности, результаты по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности как одних из приоритетных направлений деятельности правоохранительных органов достигаются именно путем координации всех подразделений полиции, вовлечения каждой службы. Сотрудниками ГИБДД оказывается большой объем мероприятий по охране общественного порядка, при этом наиболее тесно данная служба взаимодействует с патрульно-постовой службой полиции и участковыми уполномоченными полиции.

При осуществлении деятельности по охране общественного порядка ГИБДД обеспечивает надзор за соблюдением правил дорожного движения, регистрирует и учитывает автомототранспортные средства, что позволяет в дальнейшем контролировать их использование, организует и проводит работу по розыску похищенных автотранспортных средств, разыскивает участников дорожного движения, скрывшихся с места ДТП, осуществляет производство по делам об административных правонарушениях, участвует в задержании лиц, которые скрываются от предварительного расследования и суда[2].

Полагаем важным выделить еще одну форму взаимодействия участковых уполномоченных полиции и подразделений ГИБДД, абсолютно не изученную учеными-юристами, однако достаточно часто практикуемую в деятельности органов внутренних дел. В систему подразделений ГИБДД входят регистрационно-экзаменационные отделы, в компетенцию которых входит осуществление регистрационных действий с транспортными средствами, проведение соответствующих экзаменов и выдача/замена водительских удостоверений. Сотрудниками подразделений, уполномоченных осуществлять регистрацию транспортных средств, ежедневно осуществляется прием граждан и оказание им государственных услуг по постановке транспортного средства на учет и/или внесении изменений в базы данных ГИБДД. При приеме документов от гражданина сотрудником ГИБДД производится их проверка и приобщение к материалам как оснований для проведения регистрационных действий, при этом, нередки случаи, когда у сотрудника ГИБДД при проведении проверки и выявлении соответствующих обстоятельств возникают предположения по поводу подделки подписей в документах либо же сомнения в подлинности самих документах. Сотрудник регистрационного подразделения ГИБДД не является лицом, уполномоченным проводить проверки по подобным фактам, и, тем более, принимать решения по ним.

Согласно УПК РФ, преступления, связанные с подделкой официальных документов, подследственны дознавателям органов внутренних дел, для которых участковый уполномоченный полиции как представитель органа дознания в большинстве случаев осуществляет сбор и передачу материалов доследственной проверки.

Таким образом, взаимодействие в подобных ситуациях осуществляется следующим образом: сотрудник регистрационного подразделения ГИБДД, при наличии у него сомнений в подлинности переданных ему гражданином документов для получения государственной услуги, связанной с регистрацией транспортных средств и внесением изменений в базы данных ГИБДД, оказывает соответствующую государственную услугу, после чего вызвавшие сомнения документы собирает в отдельный материал, подготавливает мотивированный рапорт и, получив визу своего руководителя, передает рапорт с приложением в виде материала участковому уполномоченному полиции для проведения проверки и дальнейшей передачи дознавателю для принятия решения в порядке ст.ст. 144–145 УПК РФ.

Ввиду большого количества граждан, ежедневно обращающихся в регистрационные подразделения ГИБДД для получения государственных услуг, и, соответственно, немалых объемов получаемых от граждан документов, рассмотренная форма взаимодействия способствует эффективной реализации полномочий полиции по выявлению и пресечению преступлений.

Отдельного внимания заслуживает также взаимодействие участковых уполномоченных полиции и подразделений ГИБДД при обеспечении общественного порядка в период проведения массовых мероприятий, поскольку данный вид деятельности органов внутренних дел можно отнести к особым условиям службы.

Так, при введении плана единой дислокации участковые уполномоченные полиции и сотрудники подразделений ГИБДД принимают участие в совместных инструктажах и проверках несения службы, также на участковых уполномоченных полиции и сотрудников подразделений ГИБДД ложится обязанность по взаимному обучению специфике деятельности той или иной службы в целях достижения цели по взаимозаменяемости[3].

Непосредственно во время проведения массового мероприятия и охране общественного порядка взаимодействие участкового уполномоченного полиции и подразделений ГИБДД осуществляется по следующим направлениям.

1. Ограничение движения транспортных средств путем отвода транспортных потоков по заранее определенным маршрутам движения.

2. Досмотр проезжающих транспортных средств с целью недопущения террористических и иных противоправных действий, а также провоза на территорию проведения массового мероприятия предметов и веществ, запрещенных в гражданском обороте.

3. Получение оперативно значимой информации путем осуществления наблюдения и сбора сведений в ходе общения с участниками массового мероприятия.

4. Взаимный обмен собранной оперативной информацией.

5. Пресечение правонарушений, препятствование нарушениям общественного порядка.

[1] Организация деятельности участкового уполномоченного полиции: учебник / М.Е. Труфанов [и др.]; под общ. ред. К.Д. Рыдченко. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2020. – С. 210.

[2] Балдынов Р.И. Участие подразделений органов внутренних дел в охране общественного порядка // «Актуальные вопросы тактики охраны общественного порядка и общественной безопасности» – Сборник научных статей: материалы межвузовской научно-практической конференции, состоявшейся 10.01.2020 в Восточно-Сибирском институте МВД России / Отв. ред. А.А. Каримов, А.А. Сысоев. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2018. – С. 20–25.

[3] Беженцев А.А. Охрана общественного порядка: учебное пособие. – М.: Вузовский учебник, ИНФРА-М, 2015. – С. 172.

6. Контроль за проходом в зону проведения мероприятия лиц, имеющих соответствующий допуск в виде билета либо пропуска, препятствование проходу лиц, допуском не обладающих.

7. Препятствование проносу участниками массового мероприятия колющих и режущих предметов, предметов, конструктивно схожих с оружием, в результате применения которых может быть причинен вред окружающим.

8. Оказание содействия друг другу по вопросам информационного обеспечения, выделения дополнительных сил личного состава и средств.

9. Формирование обособленных специальных групп для решения конкретных задач, к примеру, создание группы по применению специальных средств[1].

Таким образом, считаем справедливым утверждать, что участковый уполномоченный полиции в сфере обеспечения безопасности дорожного движения является полноправным субъектом, осуществляющим тесное взаимодействие с подразделениями ГИБДД.

Формы координации деятельности участкового уполномоченного полиции и подразделений ГИБДД не ограничиваются взаимодействием по поводу непосредственного обеспечения безопасности дорожного движения и профилактики нарушений дорожно-транспортной дисциплины. Совместная деятельность участкового уполномоченного полиции и сотрудников подразделений ГИБДД, несмотря на недостаточную проработанность в теоретическом плане, является разноплановой и охватывающей многие направления деятельности правоохранительных органов.

Заключение

Как мы можем увидеть, взаимодействие в деятельности органов внутренних дел – один из основополагающих принципов. Только в совместной работе полицией достигаются все необходимые цели.

Обеспечение безопасности дорожного движения – одно из приоритетных направлений деятельности полиции. В условиях нынешних реалий транспорт, в частности, автомобильный, является неотъемлемой частью жизни общества. Без автомобилей общество уже не сможет нормально функционировать и соответствовать уровню своего развития.

Соответственно, дорожно-транспортная дисциплина, правила дорожного движения – это все обязательные для соблюдения правила, и, даже если человек является пешеходом, он передвигается по автомобильным дорогам ежедневно, на его пути встречается множество транспортных средств, за рулем которых находятся водители, и каждый из них обретает статус участника дорожного движения, будучи должным придерживаться правил.

Возложенные на полицию обязанности по регулированию дорожного движения и обеспечению его безопасности выполняются не только сотрудниками ГИБДД. Как было установлено исследованием, участковый уполномоченный полиции, сотрудник полиции, наиболее близкий к населению – в такой деятельности участвует также полноправно, как и сотрудники ГИБДД. Безусловно, в большей мере это определяется наличием у участкового уполномоченного полиции «подконтрольных» им административных участков, знать территорию которого входит в обязанности каждого участкового уполномоченного полиции.

В ходе исследования выявлены следующие проблемы взаимодействия участкового уполномоченного полиции и подразделений ГИБДД:

– во-первых, недостаточная осведомленность участкового уполномоченного полиции в спектре своих прав и обязанностей, в частности, в сфере безопасности дорожного движения;

– во-вторых, некомплект подразделений ГИБДД, ведущий к необходимости возложения полномочий по обеспечению безопасности дорожного движения и оформлению дорожно-транспортных происшествий на сотрудников других служб, в том числе участкового уполномоченного полиции;

– игнорирование участковым уполномоченным полиции важности организации и посещения профилактических мероприятий с участием населения по вопросам необходимости соблюдения правил дорожного движения.

Литература

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ [Электронный ресурс]: // СПС КонсультантПлюс.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ [Электронный ресурс]: // СПС КонсультантПлюс.

3. О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ: [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

4. О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности: Приказ МВД России от 29.03.2019 № 205 [Электронный ресурс]: // СПС Гарант.

5. Балдынов Р.И. Участие подразделений органов внутренних дел в охране общественного порядка // «Актуальные вопросы тактики охраны общественного порядка и общественной безопасности» – Сборник научных статей: материалы межвузовской научно-практической конференции, состоявшейся 10.01.2020 в Восточно-Сибирском институте МВД России / Отв. ред. А.А. Каримов, А.А. Сысоев. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России, 2018. – С. 20–25.

6. Беженцев А.А. Охрана общественного порядка: учебное пособие. – М.: Вузовский учебник, ИНФРА-М, 2015. – С. 172.

7. Давыдов М.В. Особенности взаимодействия участкового уполномоченного полиции с сотрудниками ГИБДД в сфере обеспечения безопасности дорожного движения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2020. № 4(85). С. 110–115.

8. Климович Е.В. К вопросу о правах участкового уполномоченного полиции по составлению протоколов об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 КоАП РФ // Законодательство и практика. – 2014. – № 2. – С. 59–60.

9. Организация деятельности участкового уполномоченного полиции: учебник / М.Е. Труфанов [и др.]; под общ. ред. К.Д. Рыдченко. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2020. – С. 330–331.

10. Петров Г.В., Таран И.С. Особенности обеспечения безопасности дорожного движения участковыми уполномоченными полиции на административном участке // Научно-практические исследования. 2019. № 8–5(23). С. 143.

KEY AREAS OF COOPERATION BETWEEN THE DISTRICT POLICE OFFICER AND TRAFFIC POLICE UNITS IN ENSURING ROAD SAFETY

Vinogradova I.V.

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article examines the current aspects of the interaction between district police officers assigned to specific administrative areas and traffic police units within the road safety system. The author analyzes the existing forms of cooperation between these services and identifies the key problems hindering the effective exchange of information and joint response to offenses. The paper substantiates the need to improve the mechanisms of interaction and offers practical recommendations for optimizing joint activities aimed at preventing traffic accidents and improving the level of law and order in the territories under their supervision.

Keywords: local police officer, interaction, road traffic, traffic police, administrative offense, administrative district.

References

1. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated December 30, 2001, № 195-FZ [Electronic resource] // ConsultantPlus Legal Reference System.

2. Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated December 18, 2001, № 174-FZ [Electronic resource] // ConsultantPlus Legal Reference System.

3. On the Police: Federal Law dated February 7, 2011, № 3-FZ [Electronic resource] // ConsultantPlus Legal Reference System.

4. On the Performance of Duties by a District Police Commissioner within an Assigned Administrative Area and the Organization of Such Activities: Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated March 29, 2019, № 205 [Electronic resource] // Garant Legal Reference System.

5. Baldynov R.I. Participation of Internal Affairs Agency Units in Maintaining Public Order // «Current Issues Regarding Tactics for Maintaining Public Order and Public Safety» – Collection of Scientific Articles: Proceedings of the Inter-university Scientific and Practical Conference held on January 10, 2020, at the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia / Eds. A.A. Karimov, A.A. Sysoev. – Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. – P. 20–25.

6. Bezhentsev A.A. Maintenance of Public Order: Study Guide. – Moscow: Vuzovsky Uchebnik, INFRA-M, 2015. – P. 172.

7. Davydov M.V. Specifics of the interaction between the precinct police officer and traffic police officers in ensuring road safety // Scientific Bulletin of the V.V. Lukyanov Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 4(85). Pp. 110–115.

8. Klimovich E.V. On the issue of the precinct police officer's authority to draw up protocols regarding administrative offenses provided for by Chapter 12 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation // Legislation and Practice. – 2014. – № 2. – Pp. 59–60.

9. Organization of the activities of a precinct police officer: textbook / M.E. Trufanov [et al.]; ed. by K.D. Rydchenko. – Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. – Pp. 330–331.

10. Petrov G.V., Taran I.S. Specifics of ensuring road safety by precinct police officers within an administrative precinct // Scientific and Practical Research. 2019. № 8–5(23). P. 143.

[1] Беженцев А.А. Охрана общественного порядка: учебное пособие. – М.: Вузовский учебник, ИНФРА-М, 2015. – С. 172.

Правовой статус служащих в условиях цифровой трансформации: сравнительный анализ опыта ЕС, США и Китая

Гришак Александр Иванович,
аспирант АОЧУ ВО «Московский финансово-юридический университет МФЮА»
E-mail: stk_261@mail.ru

Статья посвящена анализу зарубежного опыта правового регулирования статуса государственных служащих в условиях внедрения систем искусственного интеллекта в публичное управление. Рассматриваются стратегии ведущих юрисдикций – Европейского Союза, США и Китая – в определении правовых рамок использования ИИ в административной деятельности, а также влияния этих технологий на трудовые правоотношения. Особое внимание уделяется требованиям к цифровым компетенциям служащих, гарантиям защиты от необоснованных кадровых решений, а также процедурам обеспечения прозрачности и подотчетности алгоритмических решений. Делается вывод о необходимости адаптации российского законодательства с учетом международных стандартов и практик.

Ключевые слова: искусственный интеллект, государственная служба, правовое регулирование, зарубежный опыт, цифровые компетенции, гарантии служащих, прозрачность алгоритмов, административные решения.

Стремительное внедрение систем искусственного интеллекта в публичное управление порождает принципиально новую проблему – необходимость переосмысления правового статуса государственных служащих, чья профессиональная деятельность все чаще опосредуется алгоритмическими решениями. Различия в подходах к регулированию искусственного интеллекта (*далее* – ИИ), наблюдаемые в Европейском Союзе, Соединенных Штатах, Китае и Великобритании, демонстрируют отсутствие единой модели, способной обеспечить баланс между технологической эффективностью и гарантиями прав служащих. В этих условиях сравнительный анализ зарубежного опыта приобретает не только теоретическую, но и практическую ценность, позволяя выявить как успешные регуляторные решения, так и системные риски, связанные с автоматизацией административных процедур. Для Российской Федерации, находящейся на этапе цифровой трансформации государственного аппарата, осмысление международных стандартов и практик становится необходимым условием выработки сбалансированной правовой политики.

Показательно, что юрисдикции демонстрируют полярные стратегии: от скрупулезной нормативной регламентации в ЕС до рыночно-ориентированных моделей в США, от централизованного контроля в Китае до принципиально-ориентированного регулирования в Великобритании. Подобный разброс подходов свидетельствует об отсутствии универсального решения и актуализирует задачу системного осмысления накопленного опыта.

Таким образом, цель данной статьи – систематизировать и проанализировать зарубежные подходы к правовому регулированию статуса государственных служащих при использовании систем ИИ, выявить общие тенденции и специфические особенности, а также сформулировать рекомендации для совершенствования российского законодательства.

Европейский Союз, как отмечается в научной литературе, утвердился в роли регуляторного первопроходца в сфере ИИ, приняв всеобъемлющий AI Act, который классифицирует системы ИИ по уровням риска и устанавливает обязательные требования для высокорисковых приложений, включая используемые в государственном управлении. Данный подход оказывает непосредственное влияние на правовой статус государственных служащих, определяя требования к их цифровым компетенциям, процедурам принятия решений и механизмам подотчетности.

Принципиально иной ракурс проблемы предлагает В.И. Кузнецов, который рассматривает трансформацию институтов государственной службы через призму информационной среды и интеллектуализации [1]. Исследователь обоснованно указывает, что цифровизация, информатизация и интеллектуализация представляют собой последовательные этапы жизненного цикла средств и методов управления обществом, а не изолированные явления. Особое внимание автор акцентирует на то обстоятельство, что государственная служба, будучи «доверена» информационным технологиям, начинает утрачивать человеческий аспект, двигаясь к неконтролируемым и непредсказуемым результатам управленческих процессов [1].

В европейских странах сформировались различные подходы к обеспечению прозрачности алгоритмических решений, затрагивающих статус служащих. Например, в Австрии требуется, чтобы автоматизированные системы были встроены в процессуальные рамки, соответствующие верховенству права, позволяя стороне знать и комментировать процесс принятия решения. Испания ввела требования к проактивному раскрытию информации, так как административные органы должны предоставлять описание механизмов, используемых данных и логики алгоритмических действий.

В Нидерландах прозрачность обеспечивается через судебную практику, требующую раскрытия соответствующих решений, данных и допущений. Италия закрепляет прозрачность в законодательстве, утверждая, что алгоритм не должен снижать познаваемость причин решения, а публичные органы должны гарантировать последующий технический и правовой контроль над рациональностью результата. Франция закрепила право на понимание алгоритмов, обязав публичные власти предоставлять общую информацию, явно упоминать цели

обработки, давать информацию по запросу заинтересованного лица и раскрывать исходный код алгоритма.

В высокорисковых сферах, таких как судебная система и пенитенциарные учреждения, европейское регулирование предъявляет повышенные требования к использованию ИИ. В этой связи подчеркивается, что такие сферы отмечены принудительным государственным авторитетом, значительным дисбалансом власти, постоянным наблюдением, ограничением индивидуальной свободы и ограниченными возможностями для обжалования. Это требует создания специальных правовых механизмов защиты прав служащих, работающих в таких условиях, включая прозрачность процедур, человеческий надзор и возможность обжалования решений

Великобритания придерживается принципиально-ориентированного подхода, полагаясь на существующие отраслевые регуляторы, а не на всеобъемлющее законодательство об ИИ. Такой подход создает гибкую, но не всегда определенную среду для регулирования статуса служащих.

Существенный вклад в систематизацию правовых барьеров цифровизации государственного управления вносят В.Н. Южаков, Э.В. Талапина и А.А. Ефремов, которые разграничивают этапы информатизации, цифровизации и цифровой трансформации и выявляют правовые ограничения по отдельным стадиям управленческого цикла [2]. Авторы обоснованно указывают на отсутствие нормативного определения базовых понятий цифровых технологий и общего правового режима их внедрения, что создает неопределенность для всех участников правоотношений, включая государственных служащих. Особого внимания заслуживает вывод исследователей об отсутствии четкого определения ответственности субъектов правоотношений, связанных с применением цифровых технологий, в том числе за достоверность информации, собираемой без участия человека, и за решения, принимаемые на основе алгоритмической обработки данных [2]. Кроме того, вышеуказанные исследователи акцентируют проблему императивного определения конкретных информационных технологий и отсутствия единого порядка проведения правовых экспериментов в государственном управлении, что напрямую затрагивает правовой статус служащих, чья деятельность опосредуется такими технологиями.

В Великобритании прозрачность при использовании ИИ в государственном управлении основывается как на Законе о защите данных, так и на общих принципах законности и процессуальной справедливости, включая право понимать правовые и фактические основания решения, даже если оно было сгенерировано компьютерной системой. Это создает определенные гарантии для служащих, чьи решения могут быть проверены или оспорены.

Осмысление правового положения служащих в условиях цифровизации раскрывают ученые С.Ю. Адонина и Т.Н. Михеева, которые исследуют феномен цифрового профиля служащего в органах публичной власти [3]. Авторы отмечают, что формирование датацентричного аппарата требует перевода персональной информации о государственных и муниципальных служащих в цифровой формат, что порождает потребность в правовом регулировании возникающих отношений прежде всего на понятийном уровне. Особого внимания заслуживает вывод исследователей о тесной интеграции цифрового профиля служащего с цифровым профилем физического лица, а также предложение осуществлять цифровое профилирование на единой государственной цифровой платформе, обеспечивающей равный доступ органов местного самоуправления к сведениям антикоррупционного контроля [3].

Расширяя анализ влияния цифровых технологий на публично-правовую сферу, нельзя обойти вниманием опыт, накопленный в области избирательного права. Исследование Т.Ю. Фроловой, Т.К. Сацкевич, О.С. Дудченко и В.Т. Сакаева, посвященное внедрению биометрической идентификации избирателей, демонстрирует, что цифровая трансформация затрагивает не только внутреннюю деятельность государственного аппарата, но и фундаментальные механизмы взаимодействия государства и общества [4]. Хотя предмет указанной работы лежит в плоскости реализации политических прав граждан, выявленные авторами закономерности обладают значительной эвристической ценностью для понимания правового статуса служащих. В частности, авторы отмечают, что внедрение биометрических систем требует создания специализированных организационно-правовых гарантий, включая синхронизацию государственных информационных ресурсов (Портала «Госуслуги», Единой биометрической системы и реестров ЦИК) [4]. По аналогии с этим, цифровизация деятельности государственных служащих также требует не просто технического оснащения, но и формирования единой доверенной среды, в которой права служащих (например, на защиту персональных данных, на обжалование алгоритмических решений) были бы четко гарантированы. Более того, предложенная исследователями модель дифференцированного подхода к использованию биометрии (от обязательной идентификации в отдельных случаях до добровольной) может быть экстраполирована на сферу кадровых решений в государственных органах, где внедрение ИИ-систем оценки персонала должно сопровождаться правовыми гарантиями защиты от необоснованного алгоритмического давления.

Проблематика цифрового профилирования получает дальнейшее развитие в исследовании О.А. Степанова и Д.А. Басангова, которые акцентируют внимание на конституционно-правовых рисках внедрения данной технологии [5]. Авторы обоснованно указывают, что цифровое профилирование, основанное на анализе данных о человеке, фактически ставит его в положение некой информационной единицы, подлежащей классификации и ранжированию, при котором правосубъектность постепенно уступает место результатам оценок сведений о нем алгоритмами искусственного интеллекта [5]. Особую озабоченность исследователей вызывает формирование разрыва между формально закрепленными правами и фактической способностью их реализации, а также риск создания «ранжированного» общества, в котором доступ к публичным услугам начинает зависеть от результатов цифрового профилирования, а не от норм законов, действующих равным образом в отношении всех лиц [5]. Данный вывод имеет прямое отношение к правовому статусу государственных служащих, поскольку их профессиональная деятельность все чаще опосредуется алгоритмическими системами, а результаты профилирования могут влиять на кадровые решения. Разделяем мнение авторов о необходимости нормативного закрепления гарантий неприкосновенности частной жизни, включая законодательный запрет на включение в цифровые профили чувствительной информации и регламентацию состава, целей и конечных получателей таких сведений [5]. Представляется, что данные предложения должны быть учтены при разработке правовых основ цифрового профилирования служащих в органах публичной власти.

В британском контексте, как и в других странах, исследователи отмечают вызовы для «уличных бюрократов» (street-level bureaucrats), чья работа трансформируется под воздействием автоматизации. Таким образом, цифровая трансформация создает необходимость пересмотра правовых рамок и усиления контрольных функций для обеспечения подотчетности автоматизированных решений. Это особенно актуально для служащих, работающих на передовой взаимодействия с гражданами.

В Соединенных Штатах Америки, в отличие от ЕС, наблюдается более фрагментированный подход к регулированию ИИ в государственном управлении. Как отмечается в источниках, администрация Трампа отменила предыдущие исполнительные указы по ИИ и сосредоточилась на снижении регуляторных барьеров, что отражает стратегию, направленную на сохранение технологического доминирования. Это создает особый контекст для правового статуса государственных служащих.

В отсутствие всеобъемлющего федерального регулирования, отдельные штаты и города принимают собственные нормы. Например, Нью-Йорк ввел постановления, регулирующие использование ИИ в процессах найма, что непосредственно затрагивает статус служащих. Города, такие как Сан-Хосе, публикуют общедоступные реестры всех систем ИИ, используемых государственными органами, давая жителям представление о том, где и как автоматизированные инструменты влияют на публичные услуги. Это способствует прозрачности и создает дополнительные гарантии для служащих, чья работа подвергается автоматизации.

В США наблюдается напряженность между федеральными усилиями по регулированию ИИ и нормами штатов, что создает неопределенность для государственных служащих. Отсутствие единого подхода может приводить к различным стандартам защиты прав служащих в зависимости от места работы. В некоторых юрисдикциях, таких как Техас, создаются консультативные органы для анализа последствий ИИ, что может способствовать выработке более сбалансированных подходов к регулированию статуса служащих.

Заслуживает внимания позиция Н.В. Архиереева, который в своем исследовании, посвященном правовым аспектам регулирования автономных устройств, акцентирует проблему «разрыва ответственности» (responsibility gap) – ситуации, при которой поведение автономной системы не может быть разумно предсказано человеком, что делает невозможным возложение ответственности на конкретное лицо по традиционным правилам деликтной ответственности [6]. Автор обоснованно указывает, что принцип «только владелец отвечает за свою вещь» более не соответствует реальности распределенного управления и алгоритмической автономии, что напрямую затрагивает статус государственных служащих, использующих такие системы в административной деятельности. Кроме того, Н.В. Архиереев обращает внимание на отсутствие в российском законодательстве комплексного пра-

вового режима для автономных разумных устройств, что подтверждает актуальность адаптации зарубежного опыта, рассмотренного в рамках настоящего исследования [6].

Китайская Народная Республика стала первой страной, принявшей регулирование ИИ, начиная с 2021 года, охватив рекомендательные алгоритмы, синтетически сгенерированный контент и генеративный ИИ. Однако, как отмечается в научной литературе, в Китае существует разрыв между формальными правовыми нормами и их практической реализацией в отношении государственных служащих.

Китайский Закон о защите персональной информации (PIPL) [7], как отмечается в анализе, в теории распространяет на публичные органы обязательства прозрачности, доступа к информации и обоснования решений. Однако на практике эти процессуальные требования остаются лишь на бумаге, поскольку, согласно имеющимся данным, не было ни одного судебного дела в Китае, в котором гражданин подал бы в суд на правительство из-за автоматизированного административного решения.

Особую озабоченность вызывают случаи использования ИИ-систем для неправомерных целей. Наиболее показательным является скандал с «красным кодом» в провинции Хэнань в июне 2022 года, когда местные власти манипулировали системой кодов здоровья, произвольно присваивая красный код сотням граждан. Этот случай демонстрирует риски использования автоматизированных систем для ограничения прав и свобод, что может затрагивать и статус государственных служащих, подвергая их неправомерному давлению и дискриминации.

Таким образом, проведенный анализ зарубежного опыта правового регулирования статуса государственных служащих при использовании систем ИИ позволяет сделать вывод о многообразии подходов, обусловленных различиями в правовых традициях, политических системах и экономических стратегиях. Европейская модель характеризуется детальным нормативным регулированием и сильным акцентом на защиту прав, американская – фрагментированностью и рыночной ориентацией, китайская – централизованным контролем и разрывом между нормой и практикой, британская – гибкостью и опорой на принципы.

Вместе с тем, прослеживаются общие тенденции, такие как: повышение требований к цифровым компетенциям служащих, усиление прозрачности алгоритмических решений, разработка механизмов переподготовки и адаптации, а также защита от дискриминационных решений. Эти тенденции представляют интерес для Российской Федерации, где также ведется работа по цифровой трансформации государственного управления и внедрению систем искусственного интеллекта.

Учитывая зарубежный опыт, представляется целесообразным законодательно закрепить требования к цифровым компетенциям государственных служащих в профессиональных стандартах; разработать механизмы переподготовки и трудоустройства служащих, чьи должности подлежат сокращению в связи с автоматизацией; внедрить процедуры оценки воздействия на права служащих при внедрении ИИ-систем; обеспечить прозрачность алгоритмических решений, затрагивающих статус служащих, включая право на обоснование и обжалование

Литература

1. Кузнецов В.И. Институты государственной службы в условиях информационной среды // Журнал российского права. – 2023. – № 12.

2. Южаков В.Н., Талапина Э.В., Ефремов А.А. Правовые ограничения для использования прорывных цифровых технологий в государственном управлении // Вестник РУДН. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2018. Выпуск 5. № 3. С. 235–247.

3. Адонина С.Ю., Михеева Т.Н. Цифровой профиль служащего в органах публичной власти: вопросы информационного и административного права // Журнал российского права. – 2026. – № 8.

4. Фролова Т.Ю., Сацкевич Т.К., Дудченко О.С., Сакаев В.Т. Биометрия в избирательном процессе: зарубежный опыт и перспективы внедрения в Российской Федерации // Юридическая наука. 2026. № 8. С. 357–361.

5. Степанов О.А., Басангов Д.А. О правовых особенностях и рисках реализации цифрового профилирования // Российская юстиция. – 2024. – № 1.

6. Архиереев Н.В. Искусственный интеллект и автономные устройства: правовые аспекты регулирования // Хозяйство и право. – 2026. – № 1.

7. Personal Information Protection Law of the People's Republic of China. (PIPL). URL: http://en.npc.gov.cn.cdurl.cn/2021–12/29/c_694559.htm (дата обращения: 19.08.2026).

LEGAL STATUS OF CIVIL SERVANTS IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION: A COMPARATIVE ANALYSIS OF THE EXPERIENCE OF THE EU, USA AND CHINA

Grishak A.I.
Moscow University of Finance and Law (MFUA)

The article is devoted to the analysis of foreign experience in the legal regulation of the status of civil servants in the context of the introduction of artificial intelligence systems into public administration. The strategies of leading jurisdictions – the European Union, the United States and China – are examined in terms of defining the legal framework for the use of AI in administrative activities, as well as the impact of these technologies on labour relations. Particular attention is paid to the requirements for the digital competencies of civil servants, guarantees of protection against unjustified personnel decisions, as well as procedures for ensuring the transparency and accountability of algorithmic decisions. A conclusion is drawn regarding the need to adapt Russian legislation taking into account international standards and practices.

Keywords: artificial intelligence, civil service, legal regulation, foreign experience, digital competencies, guarantees for civil servants, transparency of algorithms, administrative decisions.

References

1. Kuznetsov V.I. Public Service Institutions in an Information Environment // Journal of Russian Law. – 2023. – № 12.

2. Yuzhakov V.N., Talapina E.V., Efremov A.A. Legal Restrictions on the Use of Breakthrough Digital Technologies in Public Administration // RUDN Journal of Public Administration. 2018. Vol. 5, № 3. P. 235–247.

3. Adonina S.Yu., Mikheeva T.N. The Digital Profile of a Public Official: Issues of Information and Administrative Law // Journal of Russian Law. – 2026. – № 8.

4. Frolova T.Yu., Satskevich T.K., Dudchenko O.S., Sakaev V.T. Biometrics in the Electoral Process: Foreign Experience and Prospects for Implementation in the Russian Federation // Legal Science. 2026. № 8. P. 357–361.

5. Stepanov O.A., Basangov D.A. Legal Specifics and Risks of Implementing Digital Profiling // Russian Justice. – 2024. – № 1.

6. Arkhiereev N.V. Artificial Intelligence and Autonomous Devices: Legal Aspects of Regulation // Economy and Law. – 2026. – № 1.

7. Personal Information Protection Law of the People's Republic of China (PIPL). URL: http://en.npc.gov.cn.cdurl.cn/2021–12/29/c_694559.htm (accessed: 19.08.2026).

Место и роль экономической конституции в обеспечении суверенитета государства

Данилкина Дарья Сергеевна,
студент, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: darya.danilkina.03@mail.ru

Балашкина Ирина Валерьевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права, Российская Академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: balashkina-iv@ranepa.ru

На основе анализа эволюции концепции экономической конституции в исследовании раскрываются ее место и роль в обеспечении суверенитета государства через закрепление конституционных принципов экономического строя. Автором в процессе исследования становления и развития экономической конституции в России выявлены доктринальные проблемы, проблемы нормативно-правового характера и организационно-правовые проблемы и предложены конкретные практические рекомендации по их преодолению. На основе авторской классификации моделей экономической конституции сделан вывод о тенденции их сосуществования, гибридизации и об особенностях формирования российской модели экономической конституции сегодня.

Ключевые слова: экономическая конституция, экономический суверенитет, конституционно-правовой механизм, конституционная экономика, ордолиберализм.

За последние десятилетия роль международных интеграционных объединений и международных организаций возросла и ставит перед каждым государством задачу о сохранении и защите своего суверенитета. Современное государство при этом для своего существование должно, с одной стороны, максимально эффективно использовать интеграционные процессы в своих национальных интересах, а с другой – минимизировать пагубное влияние данных процессов на собственную политическую, экономическую и правовую системы.

Государственная политика Российской Федерации в качестве приоритетов выдвигает защиту национальных интересов и укрепление экономической самостоятельности страны. Президент Российской Федерации В.В. Путин подчеркнул: «Экономический суверенитет – это единственная возможность защитить интересы страны в условиях глобальной турбулентности и искусственных санкционных ограничений» [6]. Тем самым констатирована неразрывная связь между устойчивостью национальной экономики и независимостью государства в целом. Устойчивость экономики к внешним и внутренним угрозам, обеспечение независимости во всех сферах и их развитие требуют не только политико-экономических решений, но и научных исследований, направленных на формирование единого представления о взаимодействия государства, экономики и общества.

Обеспечение суверенитета государства неразрывно связано со стабильной моделью экономической конституции. Ее роль в обеспечении суверенитета раскрывается через закрепление основополагающих принципов в Конституции Российской Федерации, среди которых: право на денежную эмиссию, единство экономического пространства, принципы единой валюты и единой налоговой системы, свободы экономической деятельности и поддержки конкуренции, равной защиты всех форм собственности, а также социальных гарантий [1]. Именно эти принципы позволяют сохранять государству самостоятельность в принятии экономических решений в условиях внешнего давления и мировой нестабильности.

Однако на сегодняшний день единообразной и универсальной модели экономического развития в мире не сформировано. Существующие особенности экономического развития и совокупность исторических, геополитических и социокультурных факторов, имеющиеся в каждом государстве подтверждают отсутствие единой универсальной модели экономического развития.

Государство с момента своего возникновения не существовало в отрыве от хозяйственной жизни общества и нуждалось в ее упорядочении. Это обусловило формирование идеи экономической конституции, научных школ и противоположных позиций. Становление концепции представляет собой многовековой интеллектуальный синтез – от идей Локка и Смита о естественных пределах власти, через систематизацию в рамках немецкого ордолиберализма, к практической реализации. Концепция эволюционировала от узкого понимания как раздела о хозяйстве в тексте конституции до широкой парадигмы, охватывающей всю систему норм, структурирующих экономический порядок и балансирующих свободу, справедливость и эффективность.

Первоначально формулировка концепции экономической конституции возникла под влиянием философии либерализма и теории общественного договора. Идея о том, что государство создается для защиты естественных прав, среди которых ключевое место занимает право собственности, является краеугольным камнем экономической конституции. Конституция, в том числе, экономическая, предстает как воплощение общественного договора, ограничивающего власть в обмен на гарантии свободы и неприкосновенности частной сферы, включая хозяйственную деятельность. Ключевой тезис Вольтера Ойкена заключался в том, что прямое государственное вмешательство в функционирование сложившегося экономического порядка недопустимо. Вместо этого роль государства должна ограничиваться установлением и гарантирование фундаментальных правовых рамок – экономической конституции [2].

Уже в отечественной науке концепция Вальтера Ойкена была развита в трудах таких ученых, как Г.А. Гаджиев, Н.С. Бондарь, В.Е. Чиркин, А.С. Сухоруков, П.Д. Баренбойм. Например, Г.А. Гаджиев считает, что понятие «экономическая конституция» приходит на замену устаревшим понятиям «экономическая система» и «экономическая основа». Под экономической конституцией он понимает совокупность кон-

ституционных положений, которые связаны между собой предметом, а именно отношениями в сфере экономики [5]. П.Д. Баренбойм в свою очередь утверждает: «В конституционной экономике речь должна идти не просто о понятном и взаимном дополнении юридического и экономического анализа, а об их частичном слиянии и взаимопроникновении, причем как в теории, так и на практике, то есть в создании их методологического единства» [4].

Существенный вклад в разработку концепции внесли и другие исследователи, каждый из которых акцентировал внимание на различные ее аспекты. Но, скорее, они изучали не саму экономическую конституцию, а касающиеся ее темы, например, пределы государственного вмешательства в экономику, конституционные гарантии предпринимательской деятельности и другие вопросы.

Таким образом, в начале XXI века в Российской Федерации сформировалась своя научная школа, которая основана выдающимися конституционалистами и экономистами.

Осмыслив имеющиеся концепции (от возникновения концепции экономической конституции в рамках общей теории конституционного права до появления обособленной научной теории экономической конституции) представляется возможным сформулировать определение экономической конституции, под которой понимается: «конституционно-правовой феномен, включающий совокупность конституционных норм, принципов и правовых гарантий, которые закрепляют основы экономического строя государства, определяют формы собственности, свободу экономической деятельности, пределы вмешательства государства в хозяйственную сферу».

Дальнейшее развитие экономической конституции определяется способностью отвечать на вызовы, которые ставят под вопрос традиционные модели экономико-конституционного регулирования. Цифровизация экономики, глобализация создают правовые пробелы на стыке национальных юрисдикций и ставят проблему применимости классических принципов в информационной среде. Кроме того, усиление роли надгосударственных образований и международных экономических организаций приводит к формированию многоуровневой экономической конституции, где национальные нормы взаимодействуют, а иногда и конфликтуют с нормами международного экономического права. Эти тенденции смещают фокус с исключительно государствоцентричной модели в сторону поиска гибридных форм правового порядка, способных регулировать экономические отношения, сохраняя при этом ключевые конституционные гарантии прав и свобод.

В связи с вышеназванными вызовами выявлен ряд проблем развития экономической конституции в Российской Федерации, среди которых:

– доктринальные проблемы (отсутствие единого подхода к определению категорий экономическая конституция и экономический суверенитет, несформированность методологии анализа, теоретическая неопределенность содержания социальной функции государства),

– проблемы нормативно-правового характера (нормативная неопределенность, несовершенство законодательного регулирования, наличие правовых пробелов и коллизий в регулировании экономических отношений),

– организационно-правовые проблемы (необходимость поиска баланса между государственным вмешательством и рыночной экономикой, неготовность к стремительным процессам глобализации и цифровизации, сложность в правоприменительной практике при реализации экономической конституции).

Предложены разрешения правовых проблем, среди которых:

– доктринальное закрепление экономического суверенитета как конституционно-правовой категории,

– четкое разграничение сфер государственного вмешательства в экономике,

– совершенствование стратегического планирования,

– создание учебного курса или научной лаборатории.

Определено, что ключевыми актуальными тенденциями являются: конституционализация технологического и цифрового суверенитета, нормативное закрепление финансового суверенитета, приоритет технологической независимости, выразившийся в переходе критической информационной инфраструктуры на отечественное программное обеспечение, а также переосмысление роли государства в экономике.

В этом контексте обеспечение экономического суверенитета в условиях глобализации может базироваться не только на ситуативных мерах, но и на формировании целостной системы, позволяющей национальной экономике занимать устойчивую и конкурентоспособную позицию. Такая система достигается за счет трех взаимосвязанных составляющих: банковской суверенности, то есть независимости кредитно-финансовой системы от внешнего влияния, инвестиционной независимости как способности финансировать развитие из внутренних источников, валютного суверенитета, предполагающего контроль над обращением капитала и ценообразованием. Ключевым принципов здесь выступает свобода выбора модели финансового поведения, продиктованная исключительно национальными экономическими приоритетами, а также неотъемлемое право государства на самостоятельное принятие любых стратегически значимых решений. А государственно-частное партнерство в этих сферах должно рассматриваться не как отказ от суверенитета, а как форма его реализации при условии сохранения за государством функций «последней инстанции», включая право контроля, национализации или пересмотра условий соглашений в исключительных обстоятельствах.

Модель экономической конституции эволюционирует, выходя за рамки текста. Полицентричный мир побуждает же к переосмыслению классического понимания экономической конституции, требуя большей гибкости в подходах и способности сочетать традиционные подходы с современными.

Для систематизации наблюдаемых различий появляется потребность в выделении моделей экономической конституции: они позволяют увидеть, как государства по-разному выстраивают баланс между национальными интересами, международными обязательствами и открытостью.

1. «Суверенная» модель (Соединенные Штаты Америки): приоритет национальной и экономической безопасности над международными обязательствами государств. Основные инструменты: субсидии, тарифы и инвестиционные стимулы, а не универсальные правила торговли.

2. «Полицентрическая» (Китайская Народная Республика): предполагает создание альтернативных финансовых и технологических инструментов: государственная цифровая валюта, собственная межбанковская система.

3. «Балансирующая» модель (государства-члены Европейского Союза): основана на принципе совмещения требований экономической безопасности и сохранения открытости к международному сотрудничеству. Основные инструменты: контроль иностранных инвестиций, поддержка технологических стартапов.

Выявлено, что ключевая тенденция состоит не в прорыве вперед одной из названных, а в их сосуществования и возможной последующей гибридизацией.

Анализ современных моделей экономической конституции актуализирует вопрос о конкретных правовых инструментах, посредством которых различные государства реализуют и защищают свой экономический суверенитет, что предопределяет необходимость исследования соответствующего конституционно-правового механизма. А.В. Васильев и Е.Ю. Догадайло приводят следующее определение: «система правовых средств, при помощи которой осуществляется правовое воздействие на общественные отношения и в обществе устанавливается определенный, соответствующий предписаниям права порядок поведения и деятельности юридических и физических лиц – субъектов права» [3]. В рамках концепции экономической конституции механизм обеспечение суверенитета выступает центральным компонентом этой системы. Категория экономического суверенитета, будучи производной от общего принципа государственного суверенитета, в современном конституционном праве требует развернутого нормативного и институционального наполнения.

В Российской Федерации конституционно-правовой механизм формируется на основе взаимодействия органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов и органов местного самоуправлений. В механизм обеспечения экономического суверенитета на федеральном уровне входят: Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание, Правительство, Конституционный Суд, Верховный суд, Центральный Банк; на уровне субъектов Российской Федерации: высшее должностное лицо субъекта, высший законодательный орган, высший исполнительный орган, высший финансовый орган и иные органы государственной власти субъектов; на муниципальном уровне органы и должностные лица местного самоуправления участвуют в обеспечении внутреннего экономического суверенитета через реализацию программ развития [1]. Отличительной чертой данного конституционно-правового механизма является согласованное взаимодействие элементов всех уровней.

Каждая система адаптирована к условиям конкретного государства и по-своему уникальна. Безусловно, у каждой системы есть свои отличительные особенности, проявляющиеся в различной значимости того или иного механизма. Например, в одних правопорядках стратегическое планирование является центральным механизмом, в других традиционный судебный контроль остается главенствующим конституционно-правовым механизмом обеспечения экономического суверенитета. Несмотря на выявленные различия, общей тенденцией

выступает усиление роли государства в защите стратегических национальных интересов.

Проведенное исследование приводит к выводу, что устойчивость экономики к внешним и внутренним угрозам, обеспечение независимости во всех сферах и их развитие требуют не только политико-экономических решений, но и научных исследований, направленных на формирование единого представления о взаимодействии государства, экономики и общества. Одним из путей развития экономической конституции представляется создание Лаборатории экономической конституции на базе Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. Такая лаборатория, объединяя юристов, экономистов и специалистов в области государственного управления, а возможно и будучи открытой для представителей иных специальностей, например, социологов, специалистов в сфере информационных технологий, позволила бы исследовать роль экономической конституции в обеспечении экономического суверенитета более тщательно, а также вероятно сподвигла бы на разработку рекомендаций по устранению актуальных на сегодняшний день проблем. Деятельность лаборатории способствовала бы дальнейшему развитию концепции экономической конституции и укреплению междисциплинарного подхода. Таким образом формирование модели экономической конституции России должно опираться на современные модели экономической конституции, тенденции ее развития в стране и предложенные пути решения проблем, стоящие перед Российской Федерацией, и в конечном счете должно стать основой укрепления экономического суверенитета, устойчивости экономики и согласованного развития государства, экономики и общества.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации [Официальный сайт]. URL: http://www.pravo.gov.ru (дата опубликования: 04.07.2020; дата обращения: 17.09.2026).

2. Билалова, Ж.Ж. Концепция «экономической конституции» и ее практическая значимость / Ж.Ж. Билалова. – Текст: непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2010. – № 5. – С. 98–107. – EDN MWAKGT.

3. Васильев, А. В. 101 вопрос и ответ по теории права и государства: учебное пособие / А.В. Васильев, Е.Ю. Догадайло; Российская академия государственной службы при Президенте Российской Федерации. – Москва: Издательство РАГС, 2008. – 131 с. – ISBN 978-5-7729-0352-0. – URL: rsl.ru (дата обращения: 17.09.2026).

4. Гаджиев, Г.А. Очерки конституционной экономики / Г.А. Гаджиев. – Москва: Юстицинформ, 2009. – 280 с. – ISBN 978-5-7205-0969-9. – URL: rsl.ru (дата обращения: 17.09.2026).

5. Гаджиев, Г.А. Экономическая конституция. Конституционные гарантии свободы предпринимательской (экономической) деятельности / Г.А. Гаджиев. – Текст: непосредственный // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2009. – № 1 (16). – С. 4–15. – EDN PYMBNT.

6. Суверенитет, адаптация к санкциям и ставка на ИИ: главное из выступления Путина на съезде РСПП 26 марта 2026 года // Информационно-аналитическое агентство «УРА.РУ»: [официальный сайт]. – 2026. – 26 марта. – URL: ura.news (дата обращения: 17.09.2026).

THE PLACE AND ROLE OF THE ECONOMIC CONSTITUTION IN ENSURING THE SOVEREIGNTY OF THE STATE

Danilkina D.S., Balashkina I.V.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Based on an analysis of the evolution of the concept of the economic constitution, the study reveals its place and role in ensuring the sovereignty of the state through the consolidation of constitutional principles of the economic order. In the course of examining the formation and development of the economic constitution in Russia, the author identifies doctrinal problems, problems of a normative-legal nature, and organizational-legal problems, and proposes specific practical recommendations for overcoming them. On the basis of the author's classification of models of the economic constitution, a conclusion is drawn about the tendency toward their coexistence and hybridization, as well as about the specific features of the formation of the Russian model of the economic constitution today.

Keywords: economic constitution, economic sovereignty, constitutional-legal mechanism, constitutional economics, ordoliberalism.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12/12/1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // Official Internet portal of legal Information [Official website]. URL: http://www.pravo.gov.ru (date of publication: 07/04/2020; date of access: 09/17/2026).

2. Bilalova, J.J. The concept of the «economic constitution» and its practical significance / J.J. Bilalova. – Text: direct // Bulletin of the Moscow University. Episode 11: The Law. – 2010. – № 5. – pp. 98–107. – EDN MWAKGT.

3. Vasiliev, A.V. 101 questions and answers on the theory of law and the state: a textbook / A.V. Vasiliev, E.Y. Gaddailo; Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation. Moscow: RAGS Publishing House, 2008. 131 p. ISBN 978-5-7729-0352-0. – URL: rsl.ru (date of reference: 09/17/2026).

4. Gadzhiev, G.A. Essays on Constitutional Economics / G.A. Gadzhiev. Moscow: Justicinform, 2009. 280 p. ISBN 978-5-7205-0969-9. – URL: rsl.ru (date of request: 09/17/2026).

5. Gadzhiev, G.A. Economic Constitution. Constitutional guarantees of freedom of entrepreneurial (economic) activity / G.A. Gadzhiev. – Text: direct // Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. – 2009. – № 1 (16). – Pp. 4–15. – EDN PYMBNT.

6. Sovereignty, adaptation to sanctions and reliance on AI: the main thing from Putin's speech at the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs Congress on March 26, 2026 // Information and Analytical Agency «HURRAH.<url><«: [official website]. – 2026. – March 26. – URL: ura.news (accessed: 09/17/2026).

Сущность конституционного права на судебную защиту

Дегтярев Даниил Дмитриевич,
аспирант, Образовательное частное учреждение высшего образования «Московский Инновационный Университет»
E-mail: degtyarev2000@list.ru

Статья посвящена анализу конституционно-правовой сущности права на судебную защиту, изменению ее классического содержания под влиянием современных условий. Автор обосновывает системную взаимосвязь конституционных норм и выявляет дуализм субъективно-правового (личностного) и институционально-процессуального (объективного) начал, образующих единую конституционную конструкцию судебной защиты. Особое внимание уделено обеспечительному и гарантийному характеру данного права, в силу которого оно имманентно присутствует в содержании любого иного конституционного права, обеспечивая тем самым формирование обобщающего понятия судебного права. В статье сформулирован авторский подход к пониманию конституционного права на судебную защиту в качестве метаправа, выступающего основой для установления баланса конкурирующих конституционных ценностей. Автор рассматривает тенденции трансформации права на судебную защиту в условиях цифровизации правосудия и обосновывается тезис о сохранении конституционных пределов такой трансформации. Формулируется авторский вывод о перспективности унификации процессуального законодательства и постановки вопроса о едином процессуальном кодексе Российской Федерации.

Ключевые слова: конституционное право на судебную защиту, правосудие, статья 46 Конституции РФ, статья 47 Конституции РФ, обеспечительный характер права, метаправо, судебное право, цифровизация правосудия, единый процессуальный кодекс.

Введение

Право на судебную защиту относится к числу конституционных установлений, сущностное содержание которых не сводится к простому перечислению правомочий, а раскрывается через системное взаимодействие с иными нормами Конституции Российской Федерации, а также через функциональную роль в механизме реализации всех прав и свобод человека и гражданина. Актуальность обращения к названной теме обусловлена не только ключевой ролью обозначенного права в главе 2 Конституции Российской Федерации, но и происходящей на современном этапе цифровой трансформацией судоустройства, которая ставит перед конституционно-правовой наукой вопрос о пределах допустимой модификации формы осуществления права при неизменности его конституционной природы.

Как справедливо отмечает Н.С. Бондарь, право на судебную защиту и вытекающие из его конституционного содержания иные юстициарные права являются важнейшей конституционно-процессуальной гарантией всех других прав и свобод человека и гражданина, выступая элементом общей системы основных прав, получающим в то же время самостоятельное конституционное закрепление [4]. Именно названная двойственность, выраженная в праве на судебную защиту, как самостоятельном праве и одновременно в том обстоятельстве, что право на судебную защиту является универсальной гарантией определяет необходимость исследования сущности права на судебную защиту с позиций конституционного права.

Статья 46 Конституции Российской Федерации гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод, возможность обжалования в суде решений и действий органов публичной власти и право обращения в межгосударственные органы защиты прав человека при исчерпании внутригосударственных средств правовой защиты. В свою очередь, статья 47 Конституции Российской Федерации, устанавливает, что никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом, а также право на рассмотрение дела с участием присяжных заседателей в случаях, предусмотренных федеральным законом.

При отдельном рассмотрении вышеуказанных статей, можно предположить, что в них указаны два самостоятельных и близких по своей сущности права. Однако при системном рассмотрении можно сделать вывод, что названные статьи дополняют друг друга и существуют в общей взаимосвязи. Конституционное право на судебную защиту предполагает не только право на обращение в суд, но и возможность получения реальной судебной защиты в форме эффективного восстановления нарушенных прав и свобод в соответствии с законодательно закрепленными критериями. Как справедливо отмечает Н.С. Бондарь, право на судебную защиту раскрывается через призму конституционных характеристик правосудия как особой сферы взаимоотношений личности с государством, а основы процессуально-правового статуса человека выступают элементом общей системы конституционно-процессуальных прав-гарантий [1]. Аналогичным образом Н.С. Бондарь и А.А. Джагарян связывают право на судебную защиту с особой ролью судебной власти именно через подходы Конституционного Суда РФ к толкованию взаимосвязанных статей 46 и 47 [2].

Сущностной характеристикой конституционного права на судебную защиту, на наш взгляд, выступает его дуалистическая природа, состоящая именно в соотношении статей 46 и 47 Конституции Российской Федерации. С одной стороны, право на судебную защиту есть субъективное правомочие личности, то есть притязание, принадлежащее конкретному лицу и реализуемое по его собственной инициативе, а равно личностное, частноправовое начало статьи 46. С другой стороны, оно является объективной институциональной гарантией. Совокупность требований к организации судебной власти, таких как компетентный суд, законный судья, установленная законом процедура, существующих независимо от воли конкретного заявителя и обращенных, по сути, к государству состоит в публично-правовом, институциональном начале статьи 47.

Названный дуализм принципиально отличается от классического процессуальной дифференциации материального и процессуального права, поскольку речь идет не о разграничении отраслей, а о внутреннем двойственном характере единого конституционного права, разделяющегося на два неразрывно связанных модуса. С.А. Авакьян

обоснованно относит право на судебную защиту к особой категории основных прав – прав по защите других прав и свобод, которые в силу этого обеспечивают реализацию личных, политических, социально-экономических прав, закрепленных в иных статьях Конституции Российской Федерации. Право на рассмотрение дела в надлежащем суде, вытекающее из статьи 47 Конституции РФ, выступает у С.А. Авакьяна необходимым структурным элементом этой обеспечительной конструкции [7]. Данная позиция подтверждает выдвигаемый нами тезис. Без институционального и процессуального модуса статьи 47 субъективное правомочие статьи 46 не способно выполнить обеспечительную функцию, ради которой оно и было конституционно закреплено.

Дуализм также проявляется также в том, что личностный модус права допускает индивидуальное усмотрение. Лицо самостоятельно решает, обращаться ли за защитой, к какому способу защиты прибегнуть, тогда как институциональный модус носит императивный характер и не может быть изменен по соглашению сторон либо волей одной из них. Подсудность, состав суда, процессуальная форма определяются законом, а не заявителем. Именно это сочетание диспозитивности в инициировании защиты и императивности в ее институциональном оформлении и образует специфическую сущность конституционного права на судебную защиту, отличающую его от большинства иных прав и свобод человека и гражданина.

Обеспечительная и гарантийная природа права на судебную защиту означает, что оно не имеет самостоятельного материального содержания в отрыве от того права, которое подлежит защите. Право на судебную защиту трудового права предполагает существование трудового права, право на судебную защиту права собственности предполагает существование права собственности и т.д. В этом смысле рассматриваемое право носит не самостоятельный, а служебный или инструментальный характер по отношению к любому иному субъективному праву. На наш взгляд, именно в этом заключается его конституционная уникальность. Оно имманентно входит в состав всякого права, выступая его необходимым «вторым слоем», без которого первый слой (материальное содержание права) остается юридически необеспеченным.

Обладая свойствами универсальности, абсолютности и сквозного процессуального влияния, данное право может быть определено как *метаправо – основа, предопределяющая жизнеспособность конституционного строя в целом.* Концепция метаправа разрабатывалась в трудах отечественных исследователей, включая Д.Ю. Шапсугова, Э.А. Каракуляна, а в западной правовой мысли фундаментально развита профессором Гарвардской школы права Генри Э. Смитом. Г. Смит указывает: «…Метаправо оперирует на уровень выше по сравнению с обычным правом. Оно решает специфическую проблему – проблему несоответствия и непредвиденных ситуаций, с которыми не могут справиться жесткие нормы законодательства» [3]. Представляется, что в статусе метаправа конституционное право на судебную защиту не конкурирует за приоритет с иными конституционными ценностями, а, напротив, выполняет роль интегратора, позволяющего гармонизировать их и установить ценностный баланс. В связи с чем можно утверждать, что статьи 46 и 47 Конституции России закрепляют базисную гарантию, закладывая метаправовой фундамент, защищающий гражданина от злоупотребления государственной власти и обеспечивающий справедливый баланс публично-правовых и частных начал.

Представляется, что данный подход находит обоснование в работах российских конституционалистов. Эту мысль можно проиллюстрировать через категорию судебного конституционализма, разработанную Н.С. Бондарем. Судебный конституционализм обеспечивает достоверность Конституции Российской Федерации как акта прямого действия именно потому, что любое конституционное право реализуется не иначе как через возможность его судебной защиты [6]. Если Конституция Российской Федерации провозглашает права, но не обеспечивает их судебной защитой, эти права остаются лишь программными положениями. И.А. Кравец, развивая категорию судебного конституционализма, прямо связывает его с гарантированием конституции судебными средствами, показывая, что судебное гарантирование является неотъемлемым атрибутом действующей, а не декларативной конституции [8; 9].

Из имманентности права на судебную защиту следует важный вывод, поскольку право на судебную защиту присутствует в структуре каждого отраслевого права (гражданского, административного, уголовного, трудового, семейного и т.д.) в виде единого по своей конституционной природе гарантийного элемента, оно образует общий, надотраслевой каркас, на основе которого возможно и необходимо формирование обобщающего понятия судебного права, то есть единой системы принципов и правил осуществления правосудия, не зависящей от конкретной материально-правовой отрасли, в рамках которой возник спор. Данный вывод согласуется с позицией А.А. Чечулиной, которая обосновывает концепцию судейского (судебного) права как механизма, обеспечивающего единство правоприменения и адаптацию правовой системы к меняющимся социальным условиям через восполнение пробелов и защиту интересов уязвимых субъектов [12], а также с более ранней разработкой этой же концепции применительно к унификации гражданского и арбитражного процессов [13].

Цифровая трансформация судоустройства объективно затрагивает форму осуществления права на судебную защиту, однако, как показывает анализ, не способна изменить его конституционную сущность. Тенденции трансформации выражаются, во-первых, в переосмыслении категории доступности правосудия, выраженной в создании единого информационного пространства судебной системы, развитии платформенного правосудия (по аналогии с зарубежными системами электронного разрешения споров – European E-Justice Portal, платформами Amazon и Ebay), а также в постепенном внедрении технологий искусственного интеллекта в отдельные процессуальные процедуры [10]. Во-вторых, тенденции связаны с формированием концепции машиночитаемого права – формализованной репрезентации правовых норм, потенциально способной автоматизировать часть процессуальных действий и тем самым качественно изменить инфраструктуру доступа к правосудию [11].

Тем не менее конституционные пределы указанной трансформации остаются неизменными и сосредотачиваются именно в институциональном (процессуальном) модусе права на судебную защиту, то есть в содержании статьи 47 Конституции РФ. Согласно статье 125 Конституции РФ и статье 11 Федерального конституционного закона «О судебной системе Российской Федерации», судьей может быть только физическое лицо, наделенное соответствующими полномочиями и осуществляющее правосудие на профессиональной основе. Это означает, что право на рассмотрение дела тем судом и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом, принципиально не может быть исполнено алгоритмом или системой искусственного интеллекта. Цифровизация способна автоматизировать вспомогательные, обеспечивающие процедуры, такие как подачу документов, извещение сторон, распределение дел, формирование доказательственной базы, но не может подменить конституционно обязательный человеческий элемент правосудия.

Соответственно, мы полагаем возможным сформулировать следующий тезис. Цифровая трансформация модифицирует субъективно-правовой (личностный) модус права на судебную защиту, расширяя формы и способы обращения за защитой, но не проникает в институционально-процессуальный (объективный) модус этого права, который сохраняет свои конституционные пределы независимо от степени технологического развития судебной системы. Дуализм, описанный ранее, таким образом, выполняет дополнительную функцию конституционного барьера, не позволяющего цифровизации выйти за рамки обеспечения доступности правосудия и превратиться в замену самого правосудия. Данный вывод соотносится с выводом об «включении третьих лиц» для обеспечения справедливости цифрового правосудия – то есть о необходимости сохранения институционального, властно-публичного контроля даже при максимальном развитии технологической инфраструктуры судопроизводства [10].

Признание обеспечительного и имманентного характера права на судебную защиту закономерно приводит к постановке вопроса о целесообразности унификации процессуального законодательства. Если конституционная гарантия судебной защиты является единой по своей природе независимо от отраслевой принадлежности спора, то дробление процессуальных правил ее реализации между гражданским, арбитражным, административным и, в значительной части, уголовным судопроизводством представляется исторически обусловленным, но не конституционно предопределенным решением. Разработанная ранее в отечественной доктрине концепция судебного права, к которой обращается А.А. Чечулина применительно к унификации гражданского и арбитражного процессов [13], получает дополнительное конституционно-правовое обоснование, состоящее в том, что единство процессуальных принципов, таких как независимость и законность суда, состязательность, равенство сторон, и т.п. связано не с отраслевой спецификой, а непосредственно с единой конституционной природой статей 46–47 Конституции Российской Федерации.

В рамках вышеизложенного, доводы и исследования о едином процессуальном кодексе Российской Федерации, связанные с объединением Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, приобретает конституционно-системный смысл, а не отраслевой. Унификация процесса выступает не каким-то упрощением с точки зрения юридической техники, а прямым следствием того, что право на судебную защиту как конституционная категория не может иметь различного содержания в зависимости

от того, к какой отрасли материального права относится. Развитие концепции машиночитаемого права и связанных с ней технологий автоматизации процессуальных действий, объективно требует именно такой унификации ведь разнородность процессуальных форм существенно затрудняет создание единого информационного пространства судебной системы и препятствует полноценной цифровой трансформации правосудия [10; 11]. Таким образом, конституционно-правовая сущность права на судебную защиту ставит вопрос о единой процессуальной форме в рамках системного толкования затронутых положений Конституции.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы. Конституционное право на судебную защиту не может быть раскрыто исключительно через анализ статьи 46 Конституции РФ. Его сущность образуется в рамках системной взаимосвязи статей 46 и 47. Во-вторых, данное право характеризуется дуализмом, состоящим в сочетании диспозитивного личностного и императивного институционального начал, что качественно отличает его от большинства иных конституционных прав и составляет специфику его конституционно-правовой природы.

Право на судебную защиту носит обеспечительный характер и имманентно входит в структуру любого иного права, что отражает важность надотраслевого понятия судебного права. Представляется, что данное обстоятельство позволяет сформулировать подход к пониманию конституционного права на судебную защиту в качестве метаправа, выступающего основой для установления баланса конкурирующих конституционных ценностей.

Цифровая трансформация правосудия затрагивает преимущественно личностный аспект рассматриваемого права, расширяя доступность и формы обращения за защитой, тогда как институционально-процессуальный аспект образует конституционный предел такой трансформации, сохраняющийся независимо от уровня технологического развития судебной системы.

Признание единой конституционной природы права на судебную защиту вне зависимости от отраслевой принадлежности спора служит самостоятельным конституционно-правовым основанием для рассмотрения вопроса об унификации процессуального законодательства и создании единого процессуального кодекса Российской Федерации в рамках развитии конституционного содержания статей 46–47 Конституции Российской Федерации.

Литература

1. Бондарь Н.С. Личность и судебная власть: конституционные основы взаимоотношений // Российская юстиция. 2025. № 8. С. 8–16. DOI 10.52433/01316761_2025_08_08.
2. Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Правосудие: ориентация на Конституцию: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. 224 с.
3. Smith H.E. Equity as Meta-Law // The Yale Law Journal. – 2021. – Vol. 130, № 5. – P. 1050–1259.
4. Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М.: ИНФРА-М, 2011. 544 с.
5. Авакьян С.А. Конституционное право России: учебный курс: в 2 т. Т. 1. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019.
6. Кравец И.А. О понятии судебного конституционализма // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Ч. 46 / под ред. М.М. Журавлева, А.М. Барнашова, В.М. Зуева. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2010. С. 58–59.
7. Кравец И.А. Судебное гарантирование конституции и президентский конституционализм // NB: Вопросы права и политики. 2014. № 8. С. 1–35. DOI: 10.7256/2305-9699.2014.8.12780.
8. Дегтярев Д.Д. Проблемы цифровой трансформации судоустройства // Юридическая гносеология. 2025. № 8. С. 57–63.
9. Чечулина А.А., Дегтярев Д.Д. Концепция машиночитаемого права как элемент цифровой трансформации правосудия // Юридическая наука. 2026. № 1. С. 28–31.
10. Чечулина А.А. Концепция судейского права как гарантия социальной справедливости. С. 170–176. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=90744983
11. Чечулина А.А. Унификация гражданского и арбитражного процессов в рамках концепции судебного права // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 1. С. 11–16.
12. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26.04.2021 № 15-П по делу о проверке конституционности положений абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 19. Ст. 3290.

THE ESSENCE OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT TO JUDICIAL PROTECTION

Degtyarev D.D.
Moscow Innovation University

The article is devoted to the analysis of the constitutional and legal essence of the right to judicial protection, the change of its classical content under the influence of modern conditions. The author substantiates the systemic interrelation of constitutional norms and reveals the dualism of subjective-legal (personal) and institutional-procedural (objective) principles that form a single constitutional structure of judicial protection. Special attention is paid to the security and guarantee nature of this right, by virtue of which it is immanently present in the content of any other constitutional law, thereby ensuring the formation of a generalizing concept of judicial law. The article formulates the author's approach to understanding the constitutional right to judicial protection as a meta-principle that serves as the basis for establishing a balance of competing constitutional values. The author examines the trends in the transformation of the right to judicial protection in the context of the digitalization of justice and substantiates the thesis of maintaining the constitutional limits of such a transformation. The author's conclusion is formulated about the prospects of unification of procedural legislation and raising the issue of a unified procedural code of the Russian Federation.

Keywords: constitutional right to judicial protection, justice, article 46 of the Constitution of the Russian Federation, article 47 of the Constitution of the Russian Federation, the security nature of law, meta-law, judicial law, digitalization of justice, unified procedural code.

References

1. Bondar N.S. The Individual and Judicial Power: Constitutional Foundations of the Relationship // Rossiyskaya Yustitsiya [Russian Justice]. 2025. № 8. P. 8–16. DOI 10.52433/01316761_2025_08_08.
2. Bondar N.S., Dzhagaryan A.A. Justice: Orientation towards the Constitution: Monograph. Moscow: Norma: INFRA-M, 2024. 224 p.
3. Smith H.E. Equity as Meta-Law // The Yale Law Journal. – 2021. – Vol. 130, № 5. – P. 1050–1259.
4. Bondar N.S. Judicial Constitutionalism in Russia in Light of Constitutional Justice. Moscow: INFRA-M, 2011. 544 p.
5. Avakyan S.A. Constitutional Law of Russia: A Course of Study: in 2 vols. Vol. 1. Moscow: Norma: INFRA-M, 2019.
6. Kravets I.A. On the Concept of Judicial Constitutionalism // Legal Problems of Strengthening Russian Statehood. Part 46 / Ed. by M.M. Zhuravlev, A.M. Barnashov, V.M. Zuev. Tomsk: Tomsk State University Press, 2010. P. 58–59.
7. Kravets I.A. Judicial Guaranteeing of the Constitution and Presidential Constitutionalism // NB: Voprosy prava i politiki [NB: Issues of Law and Politics]. 2014. № 8. P. 1–35. DOI: 10.7256/2305-9699.2014.8.12780.
8. Degtyarev D.D. Challenges of the Digital Transformation of the Judicial System // Legal Epistemology. 2025. № 8. P. 57–63.
9. Chechulina A.A., Degtyarev D.D. The Concept of Machine-Readable Law as an Element of the Digital Transformation of Justice // Legal Science. 2026. № 1. P. 28–31.
10. Chechulina A.A. The Concept of Judge-Made Law as a Guarantee of Social Justice. P. 170–176. URL: https://www.elibrary.ru/item.asp?id=90744983
11. Chechulina A.A. Unification of Civil and Arbitrazh Proceedings within the Framework of the Concept of Judicial Law // Arbitrazh and Civil Procedure. 2018. № 1. P. 11–16.
12. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 15-P dated April 26, 2021, on the case concerning the review of the constitutionality of the provisions of Paragraph 2, Part 1, Article 446 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. № 19. Item 3290.

Арбитраж, суд по интеллектуальной собственности и институт медиации в Китайской Народной Республике

Доманов Владислав Викторович,
аспирант кафедры конституционного и международного права ВГУЮ (РПА Минюста России)

В статье исследована арбитражная процедура в Китае, деятельность судом по рассмотрению интеллектуальных споров. Проанализированы законодательные изменения в регулировании арбитража в КНР, рассмотрены основные органы международного арбитража. Выявлены особенности рассмотрения споров в сфере интеллектуального права, проведено сравнение с аналогичной процедурой в России. Исследована процедура медиации в Китае, приведена статистика ее применения.

Ключевые слова: арбитраж, арбитражные суды, международный арбитраж, суды по интеллектуальным спорам, медиация.

Закон Китайской Народной Республики об арбитраже принят на девятом заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей восьмого созыва 31 августа 1994 год с целью обеспечения справедливого и своевременного арбитражного разрешения экономических споров, защиты законных прав и интересов сторон и содействия здоровому развитию социалистической рыночной экономики (статья 1) и в дальнейшем оказал значительное влияние на законодательство КНР в сфере международного коммерческого арбитража (МКА), обозначил различие между арбитражем и судебным разбирательством[1].

Закон КНР об арбитраже регламентирует договорные споры и иные споры о правах собственности и имущественных интересах за исключением споров, вытекающих из брака, усыновления, опеки, содержания и наследования, административные споры, которые в соответствии с законом подлежат рассмотрению административными органами; определяет требования к арбитражным учреждениям, включая их состав и вопросы надзора за деятельностью арбитражных учреждений, требования к арбитражным соглашениям и порядку их заключения, порядок ведения арбитражного разбирательства; регулирует вопросы формирования состава арбитража, включая требования к арбитрам, вынесения арбитражного решения, его исполнение и отмену, а также вопросы внешнеторгового арбитража.

При этом, высокие темпы экономического роста КНР в конце 20 века, воссоединение с Гонконгом и Макао и, напротив, охлаждение отношений с Тайванем, ознаменовали переход КНР де-факто в страну со множеством юрисдикций, что в свою очередь предопределило быстрое устаревание принятого закона КНР об арбитраже, потребовало от властей принятия новых нормативных правовых актов в развитие указанного закона, среди которых: Соглашение Верховного народного суда по вопросам о взаимном исполнении арбитражных решений между материковым Китаем и Специальным административным районом Китая – Гонконгом (Гонконгское соглашение); Соглашения Верховного народного суда по вопросам о взаимном исполнении арбитражных решений между материковым Китаем и Специальным административном районом Макао (Соглашение о Макао); Положение Верховного народного суда о признании и приведении в исполнение арбитражных решений на Тайване (Тайваньские правила)[2].

Следует отметить, что КНР, начиная с конца 90-х годов прошлого столетия и до настоящего времени, свойственна ситуация, когда реформирование законодательства не поспевает за темпами экономического развития. Отражением этого является противоречивость складывающейся судебной практики.

В связи с этим уже в 2006 г. Верховный народный суд КНР, деятельность которого в том числе является нормотворческой, на основе обобщения опыта судебных разбирательств издал Судебное толкование Закона об арбитраже Китайской Народной Республики, касающееся вопросов формы арбитражного соглашения, предмета арбитражного соглашения, выбора арбитражных учреждений, принятия другими сторонами арбитражного соглашения, автономности и действительности арбитражного соглашения и рада других.

В целях эффективного разрешения споров в зонах свободной торговли в 2016 г. Верховный народный суд КНР издал Заключение Верховного народного суда об обеспечении судебной защиты при строительстве экспериментальных зон свободной торговли, которое, по сути, создало предпосылки для развития специального так называемого ad hoc арбитража, приближая арбитраж таких зон к международным стандартам.

В 2018 г. Верховный народный суд КНР официально учредил Международный коммерческий суд, применение международного коммерческого арбитража в рамках которого стороны, в том числе, выбирают способ альтернативного разрешения спора (арбитраж, медиацию, посредничество и пр.).

[1] Закон Китайской Народной Республики «Об арбитраже»: принят на девятом заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей восьмого созыва 31 августа 1994 г.

[2] Янь Чжэ. Краткий очерк развития правового регулирования международного коммерческого арбитража в Китайской Народной Республике // Третейский суд. 2021. № 3/4. С. 10–15.

В КНР не существует судов для рассмотрения экономических споров, а арбитражное разбирательство проводится арбитражными учреждениями, зарегистрированными в органах юстиции Китая. На территории КНР не могут действовать иностранные арбитражные учреждения, при этом, на территории КНР действует система международных коммерческих арбитражных судов, в частности, Китайская международная комиссия по экономическому и торговому арбитражу «CIETAC»), Шанхайский международный арбитражный центр SHIAC, Шэньчжэньский международный арбитражный суд «SCIA-SAC», Международный арбитражный центр Гонконга «HKIAC»[1].

В рамках системы международных коммерческих арбитражных судов на территории КНР ключевым является CIETAC, которое действует с 1956 года и считается ведущей арбитражной инстанцией Азиатско Тихоокеанского региона. В первую очередь CIETAC уполномочена рассматривать споры между резидентами КНР и иностранными резидентами. Однако, в компетенции CIETAC находятся также и внутренние споры, если хотя бы одна сторона выразила согласие на применение третейской процедуры. Решения CIETAC, при условии соответствующих положений, содержащихся в арбитражной оговорке, подлежат обязательному исполнению на территории КНР[2].

В 2013 из состава CIETAC в качестве самостоятельного органа был выделен SHIAC (Шанхайский международный арбитражный центр).

Рассматривая арбитраж в КНР нельзя не упомянуть о Своде арбитражных правил Китайской Международной Торгово-Экономической Арбитражной Комиссии (КМТЭАК) – центрального арбитражного органа страны и роли Верховного суда Китая, который издаёт разъяснения по вопросам арбитражного процесса, включая описание порядка применения закона в делах с иностранным участием[3].

В КНР существует более 140 местных арбитражных комиссий, осуществляющие свою деятельность в крупных городах и работающие на основании Закона об арбитраже, которые могут рассматривать все виды споров (включая внутренние споры без участия «иностранного элемента»), которые, в свою очередь проистекают из соглашения сторон. При этом, наибольший вес в разрешении споров с участием «иностранного элемента» имеет Пекинская Арбитражная Комиссия (ПАК)[4].

Передача споров в арбитраж в КНР возможна только при наличии письменного арбитражного соглашения сторон.

Примеры арбитражных оговорок приведены в работе С. Белявского и применительно, например, к CIETAC можно использовать следующую формулировку арбитражной оговорки «Любой спор, возникающий из настоящего контракта или в связи с ним, должен быть передан в Китайскую международную экономическую и торговую арбитражную комиссию (CIETAC) и разрешен путем арбитража в соответствии с ее Регламентом, действующим на момент подачи заявления об арбитраже. Арбитражное решение является окончательным и обязательным для сторон»[5].

Следует также обратить внимание на возросшую за последние несколько лет значимость Гонконгского международного арбитражного суда (HKIAC), в особенности для российских компаний. Отличительной особенностью HKIAC является наименьшая зависимость от политических процессов, включая введенные рядом стран санкций в отношении России и влияния административного ресурса континентального Китая[6].

С момента принятия Закона КНР об арбитраже законодателем последовательно решались задачи, связанные с поддержкой и развитием арбитражных центров с национальным и глобальным влиянием, обеспечением доступности арбитража на публичных платформах юридических услуг, продвижением интернет-арбитража, платформ больших данных и развитием информационно-коммуникационных технологий.

При этом, наиболее масштабные реформы всей арбитражной системы КНР нашли отражение в поправках в Закон КНР об арбитраже, вступившие в силу 01 марта 2026 г..[7] Ниже представлен краткий анализ наиболее значимых из указанных поправок.

1. Стороны получили право договориться о месте арбитража, то есть, по сути, выбрать правовую систему, которой они доверяют (при этом, слушания могут пройти, например, в Пекине (CIETAC) или в Шанхае (SHIAC)).

2. Допускается ad hoc арбитраж, когда стороны сами договариваются о месте и правилах арбитража, выбирают арбитра, однако, при этом рассматриваемое дело должно быть с участием «иностранного элемента», иметь специализацию и (или) сложность и (или) срочность и при этом ни одна из сторон не должна иметь имущества в материковом Китае.

3. Стал возможен он-лайн арбитраж, если стороны не выразили возражений.

4. Расширен субъектный состав арбитров, которыми могут быть не только юристы, но и признанные специалисты в различных сферах деятельности, включая прокуроров с опытом работы не менее восьми лет. Запрет на деятельность в качестве арбитра введен для должников, исключенных из госслужбы, имеющих отозванную лицензию.

5. Арбитражное соглашение получило независимость от основного договора, т.е. сохраняет действительность, в случае, если договор будет признан недействительным.

6. Срок на оспаривание решения сокращен с шести месяцев до трех.

7. Арбитражные учреждения станут более прозрачными, т.к. будут должны публиковать свои уставы, регламенты, сведения об арбитрах, годовые отчеты и т.д., а арбитры должны заявлять о конфликте интересов.

8. Арбитражный суд получил право в течение суток принимать решение о временных мерах – замораживании счётов, изъятии имущества, запретах на действия. В случаях если для арбитражного суда станет очевидным отсутствие фактического спора между сторонами он, отклонив требования, может передать материалы дела в правоохранительные органы.

Следует отметить, что в отличие от Российской Федерации, где суд по интеллектуальным правам является специализированным арбитражным судом, рассматривающим в пределах своей компетенции в качестве суда первой и кассационной инстанций дела по спорам, связанным с защитой интеллектуальных прав (ст. 43.2 ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации»), с января 2019 года в КНР действует Суд по интеллектуальной собственности (не входит в систему арбитража КНР), учреждённый Верховным народным судом и одобренный Центральным комитетом Коммунистической партии Китая в соответствии с Решением по ряду вопросов, касающихся судопроизводства по делам о патентах и других видах интеллектуальной собственности, принятым Постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей, и Положением о ряде вопросов, касающихся Суда по интеллектуальной собственности, изданным Верховным народным судом[8].

Суд по интеллектуальной собственности – это постоянно действующий судебный орган Верховного народного суда, расположенный в Пекине, который рассматривает апелляции по делам, связанным с патентами и другими правами на интеллектуальную собственность, в том числе в сфере профессиональных технологий, по всей стране. Цель этого суда – унифицировать критерии рассмотрения дел об интеллектуальной собственности, обеспечить законную и равную защиту законных прав и интересов различных субъектов рынка, усилить защиту прав на интеллектуальную собственность, оптимизировать правовую среду для научно-технических инноваций и в конечном итоге ускорить реализацию Стратегии инновационного развития.

В завершении настоящей статьи целесообразно отметить, что в КНР широко развит институт медиации, который неразрывно связан с историческими и культурными особенностями КНР, согласно которым сам по себе «открытый» конфликт (обращение в суд) является крайней мерой в процессе разрешения споров, а примирение сторон в результате конфликта является наиболее приоритетным способом его разрешения.

В Китае существует четыре типа медиации: 1) народная медиация, 2) административная медиация, 3) судебная медиация, 4) институциональная медиация (на базе союзов, арбитражных учреждений, торговых палат).

[1] Емелин А. Судебная система Китая: особенности и нюансы. Интеллектуальный издательская система Ridero. 2024. С. 1.

[2] Разрешение споров и судебное разбирательство в Китае: как бизнесу защитить свои права // Т-Банк. Электронный ресурс. URL: https://secrets.tbank.ru/blogi-kompanij/sudebnoe-razbiratelstvo-v-kitae/ (дата обращения: 20.04.2026).

[3] Арбитраж в Китае [Электронный ресурс]. URL: https://uglc.ru/china-export-import/arbitration (дата обращения: 01.09.2026).

[4] Арбитраж в Китае: правовое регулирование и порядок разрешения споров [Электронный ресурс]. URL: http://www.russchinatrade.ru/ru/import_export/loyer/l_info/cn-arbitration (дата обращения: 01.09.2026)

[5] Китайские партнеры: правовые механизмы защиты прав и взыскания задолженности [Электронный ресурс]. URL: https://ilex.by/news/kitajskie-partnery-pravovye-mehanizmy-zashhity-prav-i-vzyskaniya-zadolzhennosti/ (дата обращения: 01.09.2026).

[6] Hong Kong International Arbitration Centre: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: https://hkiac.org/ (дата обращения: 02.09.2026).

[7] Новый закон об арбитраже в Китае [Электронный ресурс] // Vitvet. URL: https://vitvet.com/articles/ispolnenie_sudebnyh_reshenij/kitaj/novyj_zakon_ob_arbitrazhe/ (дата обращения: 02.09.2026).

[8] «Об арбитражных судах в Российской Федерации»: Федеральный конституционный закон от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ: в ред. от 31 июля 2023 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 18. Ст. 1589.

Основную роль в системе медиации КНР отведена судебной медиации, в рамках которой судьи, которые проходят отдельную подготовку по разрешению споров в рамках медиативных процедур, до вынесения решения по делу в обязательном порядке предлагают сторонам примириться и предлагают варианты достижения мирного урегулирования споров.

При этом, в 2011 г. в КНР насчитывалось в общей сложности более 820 тыс. народных примирительных организаций и свыше 4,67 млн народных посредников, а с 2010 г. в КНР действует закон «О народной медиации»[1].

В 2022 году китайские суды разрешили 16 113 798 гражданских дел по первой инстанции, из которых 3 547 192 дела (22%) были урегулированы путем медиации. Отметим, что Глава 8 ГПК КНР полностью посвящена процедуре примирения.

В 2022 году в семи арбитражных учреждениях КНР (в них рассматривается порядка 80% арбитражных споров) проведено 415 889 арбитражных дел, из них 93 162 дела завершились мировым соглашением (35%).

В Российской Федерации в соответствии с ч. 1 ст. 138.4 Арбитражного процессуального кодекса стороны вправе урегулировать спор путем применения процедуры медиации в порядке, установленном настоящим Кодексом и федеральным законом (Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»[23],. Однако, в России альтернативная процедура урегулирования споров в настоящее время, к сожалению, не получила должного развития.

Подводя итоги отметим, что арбитраж в КНР представляет собой постоянно развивающуюся в соответствии с запросами экономики страны систему урегулирования споров, ориентированную на международные стандарты и вместе с тем, учитывающую особенности политической и правой систем КНР. Споры, связанные с вопросами интеллектуальной собственности, решаются в КНР вне системы арбитража, а обращение в суд (арбитраж) в силу национальных особенностей КНР является крайней мерой разрешения спора.

Литература

1. «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации»: Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ: в ред. от 15 декабря 2025 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2026 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.

2. «Об арбитражных судах в Российской Федерации»: Федеральный конституционный закон от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ: в ред. от 31 июля 2023 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 18. Ст. 1589.

3. Hong Kong International Arbitration Centre: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: https://hkiac.org/ (дата обращения: 02.09.2026).

4. Арбитраж в Китае [Электронный ресурс]. URL: https://uglc.ru/china-export-import/arbitration (дата обращения: 01.09.2026).

5. Арбитраж в Китае: правовое регулирование и порядок разрешения споров [Электронный ресурс]. URL: http://www.russchinatrade.ru/ru/import_export/loyer/l_info/cn-arbitration (дата обращения: 01.09.2026).

6. Емелин А. Судебная система Китая: особенности и нюансы. Интеллектуальный издательская система Ridero. 2024. С. 1.

7. Закон Китайской Народной Республики «Об арбитраже»: принят на девятом заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей восьмого созыва 31 августа 1994 г.

8. Китайские партнеры: правовые механизмы защиты прав и взыскания задолженности [Электронный ресурс]. URL: https://ilex.by/news/kitajskie-partnery-pravovye-mehanizmy-zashhity-prav-i-vzyskaniya-zadolzhennosti/ (дата обращения: 01.09.2026).

9. Коростелева Ю. А., Симоновский Д.А. Правовое регулирование медиации в Китае: краткий обзор // Международный научный журнал «Молодой ученый». 2023. № 6 (132). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-mediatsii-v-kitae-kratkiy-obzor (дата обращения: 02.04.2026).

10. Новый закон об арбитраже в Китае [Электронный ресурс] // Vitvet. URL: https://vitvet.com/articles/ispolnenie_sudebnyh_reshenij/kitaj/novyj_zakon_ob_arbitrazhe/ (дата обращения: 02.09.2026).

11. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ: в последней редакции // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 31. Ст. 4162.

12. Разрешение споров и судебное разбирательство в Китае: как бизнесу защитить свои права // Т-Банк. Электронный ресурс. URL: https://secrets.tbank.ru/blogi-kompanij/sudebnoe-razbiratelstvo-v-kitae/ (дата обращения: 20.04.2026).

13. Янь Чжэ. Краткий очерк развития правового регулирования международного коммерческого арбитража в Китайской Народной Республике // Третейский суд. 2021. № 3/4. С. 10–15.

[1] Коростелева Ю.А., Симоновский Д.А. Правовое регулирование медиации в Китае: краткий обзор // Международный научный журнал «Молодой ученый». 2023. № 6 (132). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-mediatsii-v-kitae-kratkiy-obzor (дата обращения: 02.04.2026).

[2] «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации»: Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ: в ред. от 15 декабря 2025 г., с изм. и доп., вступ. в силу с 1 января 2026 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.

[3] Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ: в последней редакции // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 31. Ст. 4162.

ARBITRATION, THE INTELLECTUAL PROPERTY COURT, AND THE MEDIATION INSTITUTE IN THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Domanov V.V.
AllRussian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

The article examines the arbitration procedure in China and the activities of the court responsible for considering intellectual property disputes. It analyzes the legislative changes in the regulation of arbitration in the PRC and examines the main bodies involved in international arbitration. The specific features of considering disputes in the field of intellectual property law are identified, and a comparison is made with a similar procedure in Russia. The mediation procedure in China is also studied, and statistics on its use are provided.

Keywords: arbitration, arbitration courts, international arbitration, courts dealing with intellectual property disputes, mediation.

References

1. «Arbitration Procedural Code of the Russian Federation»: Federal Law № 95-FZ of July 24, 2002: as amended on December 15, 2025, with amendments and additions entering into force on January 1, 2026 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 30. Art. 3012.

2. «On Arbitration Courts in the Russian Federation»: Federal Constitutional Law № 1-FKZ of April 28, 1995: as amended on July 31, 2023 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1995. № 18. Art. 1589.

3. Hong Kong International Arbitration Centre: official website [Electronic resource]. URL: https://hkiac.org/ (accessed: September 2, 2026).

4. Arbitration in China [Electronic resource]. URL: https://uglc.ru/china-export-import/arbitration (accessed: September 1, 2026).

5. Arbitration in China: legal regulation and dispute resolution procedure [Electronic resource]. URL: http://www.russchinatrade.ru/ru/import_export/loyer/l_info/cn-arbitration (accessed: September 1, 2026).

6. Emelin A. China's Judicial System: Features and Nuances. Ridero Intelligent Publishing System. 2024. P. 1.

7. Arbitration Law of the People's Republic of China: adopted at the 9th session of the Standing Committee of the 8th National People's Congress on August 31, 1994.

8. Chinese Partners: Legal Mechanisms for Rights Protection and Debt Recovery [Electronic resource]. URL: https://ilex.by/news/kitajskie-partnery-pravovye-mehanizmy-zashhity-prav-i-vzyskaniya-zadolzhennosti/ (accessed: 01.09.2026).

9. Korosteleva Yu. A., Simonovsky D.A. Legal Regulation of Mediation in China: A Brief Overview // International Scientific Journal «Young Scientist». 2023. № 6 (132). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-mediatsii-v-kitae-kratkiy-obzor (accessed: 02.04.2026).

10. New Arbitration Law in China [Electronic resource] // Vitvet. URL: https://vitvet.com/articles/ispolnenie_sudebnyh_reshenij/kitaj/novyj_zakon_ob_arbitrazhe/ (accessed: 02.09.2026).

11. On the Alternative Procedure for Dispute Resolution Involving a Mediator (Mediation Procedure): Federal Law № 193-FZ of July 27, 2010 (as amended) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2010. № 31. Art. 4162.

12. Dispute Resolution and Litigation in China: How Businesses Can Protect Their Rights // T-Bank. Electronic resource. URL: https://secrets.tbank.ru/blogi-kompanij/sudebnoe-razbiratelstvo-v-kitae/ (accessed: April 20, 2026).

13. Yan Zhe. A Brief Overview of the Development of Legal Regulation of International Commercial Arbitration in the People's Republic of China // Treteyskiy Sud. 2021. № 3/4. P. 10–15.

Субъект административной ответственности за правонарушения, совершенные с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств, участвующих в дорожном движении

Климович Евгений Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России
E-mail: klimovich55@mail.ru

Появление принципиально нового вида транспортных средств, управляемых в автоматическом (беспилотном) режиме ставит перед наукой административного права ряд проблем, связанных с регулированием их использования, установлением административной ответственности за нарушение установленных правил безопасности дорожного движения, привлечением виновных лиц к административной ответственности. Установление экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по предоставлению транспортных услуг с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств, сделало возможным их участие в дорожном движении. Основным признаком этих транспортных средств является форма управления их движением, исключающая постоянный контроль со стороны человека, его удаленное, опосредованное информационной технологией участие. Эта особенность эксплуатации ставит проблему определения субъекта административной ответственности за правонарушения в области дорожного движения, совершенные с использованием транспортных средств такого типа.

Ключевые слова: административная ответственность, собственник транспортного средства, субъект производства по делу, специальные технические средства, субъект административной ответственности, дорожное движение, транспортное средство, экспериментальный правовой режим.

Введение

Актуальность темы исследования. Установление экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по предоставлению транспортных услуг с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств, сделало возможным их участие в дорожном движении. Этот режим не охватывает использование высокоавтоматизированных транспортных средств, технические характеристики которых не позволяют относить их к механическим транспортным средствам. В настоящее время ведется работа над проектом постановления Правительства РФ, устанавливающим экспериментальный правовой режим для высокоавтоматизированных транспортных средств по своим техническим характеристикам относимым к категории «мопед». Объединяющим признаком этих транспортных средств является форма управления их движением, исключающая постоянный контроль со стороны человека, его дистанционное и не постоянное участие. Это ставит под сомнение возможность привлечения к административной ответственности водителя, ввиду его фактического отсутствия. Система управления транспортными средствами включает несколько компонентов (исполнительные механизмы, технические средства получения и обработки информации, программное обеспечение, геоинформационное обеспечение, систему передачи информации). Структурные особенности системы управления транспортными средствами определяют круг субъектов, которые могут быть привлечены к юридической ответственности. Начала формироваться судебная практика по делам, связанным с нарушениями правил дорожного движения, совершенными с участием высокоавтоматизированных транспортных средств. При этом одно из важных обстоятельств дела, рассматриваемого судом – установление субъекта правонарушения и его вины. Исследовательской задачей является обоснование юридически значимых признаков, которым должен соответствовать субъект административной ответственности в условиях эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств.

Изученность проблемы. В научных исследованиях представлены аргументы, обосновывающие ограничение презумпции невиновности, установленной ст. 1.5 КоАП РФ [1. с. 43], условий привлечения собственников (владельцев), водителей транспортных средств к административной ответственности [2. с. 40, 3. с. 282, 4. с. 591], признаков субъективной стороны правонарушений, выявленных специальными техническими средствами, работающими в автоматическом режиме [5. с. 179].

Комплексного анализа законодательства и научных трудов, позволяющего определить субъект административной ответственности за нарушения правил дорожного движения, совершенные с участием высокоавтоматизированных транспортных средств, пока не проводилось. Отдельные предложения по данному вопросу содержатся в проектах нормативных правовых актов.

Целесообразность разработки темы определяется увеличением количественного и качественного состава высокоавтоматизированных транспортных средств, участвующих в дорожном движении, влекущим рост риска совершения нарушений правил дорожного движения, при отсутствии определенных законодательством субъектов, подлежащих привлечению к административной ответственности.

Научная новизна исследования состоит в обосновании авторского подхода к определению субъектов административной ответственности за правонарушения, совершенные с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств, участвующих в дорожном движении.

Задачи исследования:

– представить описание видов высокоавтоматизированных транспортных средств;
– описать признаки исследуемого субъекта;
– представить обоснование целесообразности применения специальных технических средств, работающих в автоматическом режиме, для выявления нарушений правил дорожного движения, совершенных с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств.

Теоретическая значимость исследования состоит в выявлении и обосновании признаков субъекта, подлежащего привлечению к административной ответственности, за правонарушения, совершенные с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств, участвующих в дорожном движении.

Практическая значимость исследования состоит в формировании отдельных рекомендаций, направленных на формирование законодательства об административной ответственности собственников (владельцев) транспортных средств.

Основная часть

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы исследования, в частности анализа и синтеза, а также частные методы: системного анализа, позволяющие выявить признаки субъекта, подлежащего привлечению к административной ответственности, за правонарушения, совершенные с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств, участвующих в дорожном движении.

Результаты исследования

В России эксплуатация высокоавтоматизированных транспортных средств на дорогах общего пользования началась с 2018 года[1]. На трассе М-11 «Нева» для перевозки коммерческих грузов на постоянной основе эксплуатируются 90 беспилотных тягачей, относящихся к механическим транспортным средствам. До 2027 года планируется увеличение количества таких транспортных средств до 334[2]. В ряде регионов эксплуатируется другой тип высокоавтоматизированных транспортных средств – роверы (транспортные средства, не относящиеся к механическим транспортным средствам, по скорости передвижения и мощности двигателя не превышающие показатели, установленные для мопедов, предназначенные для движения по правому краю проезжей части, велосипедным, пешеходным дорожкам, тротуарам, жилым зонам, а также внутри зданий и сооружений, используемые для перевозки грузов). До 2028 года их общее количество на территориях введения экспериментального правового режима должно составить 2685[3].

Правовую основу эксплуатации транспортных средств обоих типов составляет ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» и соответствующая Программа экспериментального правового режима в сфере цифровых и технологических инноваций по коммерческой эксплуатации[4]. В отношении транспортных средств второй группы, разработан проект программы.

Инициатором установления экспериментальных правовых режимов может выступать юридическое лицо, в том числе орган государственной власти, орган местного самоуправления, индивидуальный предприниматель.

Важным для определения критериев выбора субъекта административной ответственности за нарушения правил дорожного движения, совершенные с участием высокоавтоматизированных транспортных средств, является рассмотрение их технических характеристик.

В первую группу входят механические колесные транспортные средства, предназначенные для перевозки грузов и пассажиров. Они могут входить в любую из категорий, указанных в приложении 1 к техническому регламенту Таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств»[5]. Эта группа подразделяется на две категории, различающиеся степенью автоматизации управления при движении транспортного средства[6]. Первая отличается обязательным наличием водителя испытателя, который находится в транспортном средстве, принимает участие в управлении при возникновении нештатных ситуаций и для предупреждения аварии.

Для второй категории необходимо участие оператора, который не является водителем, не осуществляет управление, но дистанционно может задавать маршрут движения, останавливать транспортное средство, активировать и деактивировать систему автоматического управления, следить за условиями эксплуатации на предмет их соответствия параметрам заданным для автоматизированной системы управления[7].

Другая разновидность высокоавтоматизированных транспортных средств, именуемых роверами, при эксплуатации не предполагает присутствия водителя в транспортном средстве, управление им осуществляется автоматизированной системой управления[8]. Контроль за правильным функционированием системы управления осуществляет диспетчер.

Объединяющим признаком для обоих видов транспортных средств является преимущественно автоматическое управление движением, осуществляемое автоматизированной системой управления без участия человека. Организация функционирования этой системы – обязанность субъекта экспериментального правового режима, который может иметь статус юридического лица или индивидуального предпринимателя. Эти же субъекты являются собственниками (владельцами) высокоавтоматизированных транспортных средств.

Исходя из смысла презумпции невиновности, субъект может нести ответственность только за виновные действие или бездействие.

Соответственно основным критерием для определения субъекта административной ответственности, в рамках настоящего исследования, является наличие установленных обязанностей по обеспечению безопасности дорожного движения и возможностей исполнять эти обязанности.

Однако в приведенных Программе экспериментального правового режима по предоставлению транспортных услуг с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств и проекте Программы экспериментального правового режима по коммерческой эксплуатации роверов предлагается в качестве критерия определения субъектов юридической ответственности использовать наличие или отсутствие последствий в виде причинения вреда жизни или здоровью участников дорожно-транспортного происшествия.

Если нарушение правил дорожного движения не повлекло указанного последствия, то субъектом административной ответственности предложено признать субъекта экспериментального правового режима (при эксплуатации роверов). В отношении высокоавтоматизированных колесных транспортных средств 1 или 2 категории аналогичные предложения в Программе отсутствуют.

Если же нарушение правил дорожного движения повлекло указанные последствия, то субъектами административной ответственности, в зависимости от наличия вины могут быть: единоличный исполнительный орган субъекта экспериментального правового режима, оператор, лицо, отвечающее за техническое состояние транспортного средства, или водитель транспортного средства 1 категории. Единоличным исполнительным органом, может быть юридическое лицо (ч. 9 ст. 2.10 КоАП РФ) директор юридического лица или индивидуальный предприниматель (ст. 2.4 КоАП РФ).

Разделение всех возможных нарушений правил дорожного движения, совершенных с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств на повлекшие и не повлекшие причинение вреда здоровью человека является важным критерием для определения субъекта административной ответственности.

Многолетняя правоприменительная практика по делам об административных правонарушениях связанных с нарушением правил дорожного движения или правил эксплуатации транспортных средств, повлекших причинение вреда здоровью, предполагает обязательное установление виновного физического лица. Санкция ст. 12.24 КоАП РФ по своему смыслу применима в отношении водителей.

---

[1] См.: Постановление Правительства РФ от 26 ноября 2018 г. № 1415 «О проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств» (вместе с «Положением о проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств»).

[2] См.: Российская Газета https://auto.rambler.ru/news/55997260-ekspert-davydova-za-tri-goda-ekspluatatsii-bespilotnyh-fur-avariy-ne-bylo/. Дата обращения 28.04.2026 г.

[3] См.: Проект Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых и технологических инноваций по коммерческой эксплуатации роверов. (подготовлен Минэкономразвития России, ID проекта 01/01/08–25/00159265). Доступ из справ.-правовой системе «КонсультантПлюс».

[4] См.: Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 2495 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых и технологических инноваций и утверждении Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых и технологических инноваций по предоставлению транспортных услуг с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств на территориях отдельных субъектов Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системе «КонсультантПлюс».

[5] Решение Комиссии Таможенного союза от 9 декабря 2011 г. № 877 «О принятии технического регламента Таможенного союза «О безопасности колесных транспортных средств» (вместе с «ТР ТС 018/2011. Технический регламент Таможенного союза. О безопасности колесных транспортных средств»). Доступ из справ.-правовой системе «КонсультантПлюс».

[6] См.: п. 2 Программы экспериментального правового режима (утв. постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 2495 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых и технологических инноваций…). Доступ из справ.-правовой системе «КонсультантПлюс».

[7] См.: п.п. 2, 26 Программы экспериментального правового режима (утв. постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 2495 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых и технологических инноваций…). Доступ из справ.-правовой системе «КонсультантПлюс».

[8] См.: Пункт 2 раздела 2 проекта Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых и технологических инноваций по коммерческой эксплуатации роверов. (подготовлен Минэкономразвития России, ID проекта 01/01/08–25/00159265). Доступ из справ.-правовой системе «КонсультантПлюс».

В рассматриваемых Программах содержится предписание о прибытии на место дорожно-транспортного происшествия представителя организации, что позволяет провести все необходимые процессуальные действия по обнаружению и фиксации доказательств, в рамках административного расследования.

Поэтому вполне обоснованно содержащееся в Программах указание о возможности признать субъектом правонарушения, повлекшего причинение вреда здоровью, оператора, лицо, отвечающее за техническое состояние транспортного средства, или водителя транспортного средства 1 категории. Само юридическое лицо – субъект экспериментального правового режима не может нести административную ответственность за виновные действия конкретного работника или лица, выполняющего функции, установленные гражданско-правовым договором, связанные с непосредственным управлением транспортными средствами.

Иная ситуация складывается в отношении нарушений правил дорожного движения, совершенных при использовании высокоавтоматизированных транспортных средств, если это не повлекло дорожно-транспортного происшествия.

Неопределенность относительно субъекта административной ответственности не способствует правовой охране безопасности дорожного движения.

Вполне можно представить ситуацию, когда привлечение к административной ответственности конкретного гражданина, выполняющего трудовую функцию или оказывающего услуги на основании гражданско-правового договора (оператор, диспетчер, лицо, отвечающее за техническое состояние транспортного средства, водитель высокоавтоматизированного транспортного средства 1 категории или единоличный исполнительный орган субъекта экспериментального правового режима в лице директора) будет способствовать сокрытию системных недостатков в управлении процессом коммерческой эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств. Это будет происходить потому, что юридическое лицо[1] – субъект экспериментального правового режима к административной ответственности привлекаться не будет.

Объектом административно-правовых отношений, в том числе и отношений административной ответственности, по меткому определению П.И. Кононова, поддержанного М.Н. Кобзарь-Фроловой выступают обеспечение конституционных прав и свобод граждан и их объединений; защита, обеспечение безопасности участников отношений [6, с. 80, 7, с. 99, 8, с. 50].

Согласно ст. 20 Федерального закона от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» юридические лица и индивидуальные предприниматели, эксплуатирующие транспортные средства обязаны анализировать и устранять причины дорожно-транспортных происшествий и нарушений правил дорожного движения с участием принадлежащих им транспортных средств, обеспечивать соответствие технического состояния транспортных средств требованиям законодательства Российской Федерации о безопасности дорожного движения, о техническом регулировании, требованиям международных договоров Российской Федерации, соблюдать правила обеспечения безопасности перевозок автомобильным транспортом и городским наземным электрическим транспортом. При этом законом не определена возможность переноса ответственности за выполнение этих обязанностей на работников и лиц, оказывающих услуги юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю.

Указанные обязанности распространяются и на инициатора экспериментального правового режима. Его деятельность, состоит в управлении внедрением цифровой инновации, содержание которой – предоставление транспортных услуг с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств.

Содержание этой деятельности охватывает управление персоналом (включая подготовку водителей-испытателей, операторов, диспетчеров), управление сбором, обработкой и предоставлением в уполномоченные органы информации о функционировании цифровой инновации, маркетинг-менеджмент (в случае коммерческого использования инновации), финансовое управление, управление процессом изготовления, испытания, эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств. Только в совокупности эти виды управления позволят достигнуть безопасности цифровой инновации – системного качества, которым не обладают в отдельности элементы социально-технической системы. И это системное качество не могут обеспечить отдельные члены трудового коллектива или лица, оказывающие инициатору экспериментального правового режима услуги на основании гражданско-правовых договоров.

В статье 12.21.1 КоАП РФ представлен пример признания собственника (владельца) грузовых транспортных средств единственным субъектом административной ответственности, независимо от формы собственности на транспортное средство и способа фиксации соответствующего административного правонарушения. Такие субъекты как водитель транспортного средства или должностное лицо, ответственное за перевозку были исключены из числа субъектов ответственности в действующей редакции статьи. Аргументом в пользу такого решения стало признание Конституционным Судом РФ обязанности работодателя, эксплуатирующего тяжеловесные и крупногабаритные транспортные средства, нести в правоотношениях с государством риски и неблагоприятные последствия необеспечения надлежащего контроля за своим работником[2].

Роли собственника (владельца) тяжеловесных, крупногабаритных транспортных средств и инициатора экспериментального правового режима, также являющегося собственником (владельцем) высокоавтоматизированных транспортных средств в процессе управления перевозкой грузов и пассажиров во многом идентичны. Разница состоит в том, что управление высокоавтоматизированными транспортными средствами организуется посредством автоматизированной системы управления, без или с ограниченным участием водителей. Организация функционирования этой системы, контроль соответствия параметров ее функционирования установленным требованиям, контроль за деятельностью персонала, обеспечивающего посредством применения соответствующих информационно-технологических решений безопасность движения транспортных средств, находится под непосредственным управлением инициатора экспериментального правового режима. Иначе говоря, централизация управления высокоавтоматизированными транспортными средствами гораздо выше, чем иным коммерческим транспортом. В транспортно-логистических кампаниях, использующих обычные транспортные средства, управленческие решения, касающиеся движения транспортных средств могут приниматься с учетом дискреции полномочий управляющего персонала и даже водителями, находящимися в конкретных условиях дорожного движения.

В системе управления высокоавтоматизированными транспортными средствами такая дискреция управления невозможна ввиду того, что правила диспетчеризации и разрешенные действия персонала относительно управления транспортными средствами устанавливаются инициатором экспериментального правового режима.

Для цели определения субъекта административной ответственности важно учесть при каких обстоятельствах и каким способом водитель или оператор (диспетчер) высокоавтоматизированного транспортного средства может влиять на его движение.

Водитель транспортного средства первой категории может влиять на его движение только в случае перехвата управления в процессе выполнения маневра минимального риска[3]. В остальное время он не осуществляет управления.

Оператор – единственный субъект, имеющий возможность оказывать ограниченное управляющее воздействие на транспортные средства второй категории. Оно состоит в выборе точек маршрута и путей следования, выполнении вынужденной остановки в безопасном месте.

Функционально диспетчер высокоавтоматизированных, не относящиеся к механическим транспортным средствам (роверы), соответствует оператору высокоавтоматизированных механических транспортных средств второй категории, но спектр возможностей управления у него шире Он может активировать и деактивировать ровер, задавать маршрут движения, останавливать его в случае ДТП или иных нештатных ситуаций и осуществлять иные действия, которые разрешены владельцем роверов – субъектом экспериментального правового режима.

В рассматриваемых нами случаях административно наказуемое деяние может быть совершено только в период осуществления управления транспортным средством человеком. В остальное время нарушение установленных правил дорожного движения может быть связано

[1] В настоящее время, согласно принятой Правительством РФ Программы и разрабатываемого проекта программы субъектами экспериментального правового режима в области эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств являются исключительно юридические лица.

[2] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 января 2019 г. № 5-П по делу о проверке конституционности статьи 2.6–1 и частей 1, 2, 3 и 6 статьи 12.21–1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Костромского областного суда и жалобами граждан А.И. Думилина и А.Б. Шарова. Доступ из справ.-правовой системе «КонсультантПлюс».

[3] См.: п. 3 Приложения 1.1. к Программы экспериментального правового режима в сфере цифровых и технологических инноваций по предоставлению транспортных услуг с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств на территориях отдельных субъектов Российской Федерации (утв. постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 2495 «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых и технологических инноваций…). Доступ из справ.-правовой системе «КонсультантПлюс».

с ненадлежащим функционированием аппаратной или программной составляющей системы управления либо ошибками в настройках условий эксплуатации транспортного средства.

На основании сказанного можно утверждать, что возможность совершения нарушения правил дорожного движения водителем-испытателем, оператором или диспетчером высокоавтоматизированного транспортного средства и, как следствие признание их субъектами административной ответственности, предопределяется возможностью оказывать непосредственное управляющее воздействие на транспортное средство во время совершения правонарушения. Перечень и техническое содержание разрешенных управляющих воздействий определяется правилами, заложенными в программное обеспечение автоматизированной системы управления, а также указаниями и разрешениями инициатора установления экспериментального правового режима – юридического лица, владеющего транспортными средствами.

Определяя возможность признания водителя-испытателя, оператора или диспетчера субъектами административной ответственности необходимо, на мой взгляд, учитывать способ фиксации деяния, имеющего признаки административного правонарушения. Поскольку высокоавтоматизированные транспортные средства эксплуатируются без водителя (роверы и высокоавтоматизированные транспортные средства 2 категории) и частично с участием водителя (высокоавтоматизированные транспортные средства 1 категории) выявление нарушений правил дорожного движения и составление постановления по делу об административном правонарушении или протокола должностным лицом Госавтоинспекции представляется очень затруднительным. Отсутствие лица, непосредственно находящегося в транспортном средстве и управляющего им, не позволяет применять ч.ч. 1 и 2 ст. 28. 6 КоАП РФ и составлять постановление или протокол на месте выявления правонарушения.

Поэтому только управляющий транспортным средством водитель-испытатель высокоавтоматизированного транспортного средства 1 категории может быть субъектом административной ответственности, в случае выявления и фиксации правонарушений в порядке п. 1 ч. 1 ст. 28.1 КоАП РФ без применения работающих в автоматическом режиме специальных технических средств.

Приведенные аргументы свидетельствуют о том, что наиболее эффективным способом выявления нарушений правил дорожного движения, совершенных при использовании высокоавтоматизированных транспортных средств можно признать автоматическую фиксацию правонарушений по правилам с. 2.6.1 и ч. 3 ст. 28.6 КоАП РФ. В этом случае перечисленные лица не могут быть субъектами административной ответственности в виду того, что не являются собственниками (владельцами) транспортных средств.

Заключение

На основе приведенных аргументов предлагаем следующие критерии для определения субъекта административной ответственности за правонарушения, совершенные с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств.

Дорожно-транспортное происшествие, возникшее в результате нарушения правил дорожного движения в процессе эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств, является основанием для признания физического лица (водителя, оператора, диспетчера) субъектом административной ответственности, оказывавшего прямое управляющее воздействие на процесс движения транспортного средства. Установление виновного лица может быть осуществлено в процессе административного расследования.

При нарушениях правил дорожного движения в процессе эксплуатации высокоавтоматизированных транспортных средств не повлекших дорожно-транспортных происшествий критерием для определения субъекта административной ответственности является наличие установленных законом обязанностей по обеспечению безопасности дорожного движения и возможность управления внедрением цифровой инновации, содержание которой – предоставление транспортных услуг с использованием высокоавтоматизированных транспортных средств. Дополнительным критерием выступает невозможность применения положений ч.ч. 1 и 2 ст. 28.6 КоАП РФ должностными лицами, надзирающими за безопасностью дорожного движения ввиду отсутствия в высокоавтоматизированном транспортном средстве водителя. В совокупности эти критерии позволяют считать юридическое лицо, эксплуатирующее высокоавтоматизированные транспортные средства, надлежащим субъектом административной ответственности.

Литература

1. Кисин В.Р., Попугаев М.Ю Проблемные аспекты реализации принципов вины и презумпции невиновности в нормах законодательства об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2024. № 2. С. 43–49.

2. Аникеенко Ю.Б., Новоселова Н.В. Особенности административной ответственности собственников и арендаторов транспортных средств при заключении договора аренды транспортного средства. Бизнес, Менеджмент и право. 2024. № 1 (61). С. 38–43.

3. Мишина Ю.В. Привлечение к административной ответственности собственников транспортных средств: вопросы теории и практики. // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования. Сборник материалов XVII Международной научно-практической конференции. Орёл, 2023. С. 280–284.

4. Шкеля О.В. Некоторые аспекты привлечения водителей транспортных средств к административной ответственности. // Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности: теория и практика. Материалы Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2023. С. 590–593.

5. Гирийчук В.В. О субъективных признаках административных правонарушений в области дорожного движения, зафиксированных специальными техническими средствами // Закон и право. 2020. № 7. С. 178–180.

6. Кононов П.И. Дискуссионные вопросы теории административных правоотношений // Административное право и процесс. 2021. № 2. С. 76–88.

7. Кобзарь-Фролова М.Н. Административное правоотношение: эволюция взглядов на понятие и сущность // Государство и право, 2022. № 4. С. 99.

8. Серков П.П. Административные правоотношения // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 6. С. 49–64.

SUBJECT OF ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY FOR OFFENSES COMMITTED USING HIGHLY AUTOMATED VEHICLES PARTICIPATING IN ROAD TRAFFIC

Klimovich E.V.
Donetsk affiliate of an Volgograd academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

The emergence of a fundamentally new type of vehicles controlled in automatic (unmanned) mode poses a number of problems for the science of administrative law related to the regulation of their use, the establishment of administrative responsibility for violation of established road safety rules, and the prosecution of those responsible. The establishment of an experimental legal regime in the field of digital innovations in the provision of transport services using highly automated vehicles made it possible for them to participate in road traffic. The main feature of these vehicles is a form of control over their movement, excluding constant control by a person, his remote, information technology-mediated participation. This feature of operation poses the problem of determining the subject of administrative responsibility for traffic offenses committed using vehicles of this type.

Keywords: administrative responsibility, vehicle owner, subject of proceedings, special technical means, subject of administrative responsibility, road traffic, vehicle, experimental legal regime.

References

1. Kisin V.R., Popugaev M. Yu. Problematic aspects of implementing the principles of fault and the presumption of innocence in legislation on administrative offenses // Administrative Law and Process. 2024. № 2. P. 43–49.

2. Anikeenko Yu.B., Novoselova N.V. Specifics of administrative liability for vehicle owners and lessees upon the conclusion of a vehicle lease agreement. Business, Management and Law. 2024. № 1 (61). P. 38–43.

3. Mishina Yu.V. Holding vehicle owners administratively liable: theoretical and practical issues. // Management of road safety activities: status, problems, and ways to improve. Proceedings of the XVII International Scientific and Practical Conference. Oryol, 2023. P. 280–284.

4. Shkelya O.V. Some aspects of holding vehicle drivers administratively liable. // Administrative-legal regulation of law enforcement activities: theory and practice. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Krasnodar, 2023. P. 590–593.

5. Giriychuk V.V. On the subjective elements of road traffic administrative offenses recorded by special technical devices // Law and Right. 2020. № 7. P. 178–180.

6. Kononov P.I. Debatable issues in the theory of administrative legal relations // Administrative Law and Process. 2021. № 2. P. 76–88.

7. Kobzar-Frolova M.N. Administrative Legal Relations: Evolution of Views on the Concept and Essence // State and Law, 2022, № 4, p. 99.

8. Serkov P.P. Administrative Legal Relations // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MSAL), 2019, № 6, Pp. 49–64.

Публично-значимые полномочия кредитных организаций: финансовый мониторинг, исполнительное производство и противодействие мошенническим переводам

Кузнецов Никита Владимирович,
аспирант, кафедра финансового права, ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева»
E-mail: nkuznetsov2401@gmail.com

Статья посвящена сравнительному исследованию полномочий кредитных организаций, реализуемых в трех правовых режимах: противодействия легализации преступных доходов и финансированию терроризма, исполнения требований исполнительных документов и противодействия переводам денежных средств без добровольного согласия клиента. Обосновывается, что кредитные организации, сохраняя частноправовую организационную форму, наделяются широким спектром публично значимых функций. При этом юридическая природа их компетенции при реализации различных публичных функций неоднозначна. Например, в сфере финансового мониторинга преобладает риск-ориентированная правоприменительная дискреция, в исполнительном производстве – императивное исполнение властного предписания с ограниченной проверкой законности и исполнимости, в национальной платежной системе – превентивно-защитная дискреция, сочетающая автоматизированную оценку риска, временное приостановление операции и информационное взаимодействие с Банком России. Через призму судебной практики и различий в реализации указанных полномочий выявляются основные проблемы каждого режима и предлагаются пути их преодоления.

Ключевые слова: кредитная организация; правовой статус; публично значимые полномочия; банковская дискреция; финансовый мониторинг; исполнительное производство; мошеннический перевод; Федеральный закон № 115-ФЗ; Федеральный закон № 161-ФЗ; судебный контроль.

Введение

Современная кредитная организация уже не может быть описана исключительно как коммерческое юридическое лицо и сторона договора банковского счета. Законодатель последовательно включает кредитные организации в реализацию задач, имеющих публичное значение: обеспечение прозрачности финансового оборота, исполнение судебных актов, предотвращение хищений и блокирование инфраструктуры, используемой для совершения противоправных операций. В результате частноправовая форма банковской деятельности сочетается с обязанностями и полномочиями, функционально приближенными к правоприменению. Такая трансформация требует доктринального объяснения, поскольку механическое обозначение всех названных полномочий как «публичных» скрывает различия между ними и затрудняет определение пределов банковского усмотрения.

Цель статьи состоит в выявлении через призму судебной практики общего и особенного в полномочиях кредитных организаций по Федеральным законам № 115-ФЗ, № 229-ФЗ и № 161-ФЗ, определении проблем реализации каждого вида компетенции и разработке способов их преодоления. Методологическую основу составляют формально-юридический, функциональный и сравнительно-правовой методы. Научная новизна выражается в дифференциации трех типов банковской компетенции – риск-ориентированной правоприменительной, исполнительной и превентивно-защитной – и в соотнесении каждого типа с характерными дефектами правоприменения и необходимыми гарантиями судебного контроля.

Кредитная организация как частный субъект, участвующий в осуществлении публичных функций

В доктрине банковского права двойственность правового положения кредитной организации раскрывается с разных сторон. О.М. Олейник полагала, что банковское право формируется на пересечении частноправовых отношений кредитной организации с клиентом и публичного регулирования устойчивости денежно-кредитной системы; поэтому договорная свобода здесь изначально ограничена специальными требованиями [9]. Т.Э. Рождественская и А.Г. Гузнов развивают эту мысль применительно к публичному банковскому праву: по их позиции, разрешительный режим, надзор и обязательные стандарты деятельности не просто воздействуют на договор извне, а задают нормативные пределы самой банковской деятельности [6].

В.А. Белов, анализируя банковское право через конструкцию банковских операций и сделок, акцентирует частноправовую основу отношений кредитной организации с клиентом и необходимость различать договорное обязательство и административно-правовое регулирование допуска к профессиональной деятельности [4]. Л.Г. Ефимова также исходит из гражданско-правовой природы банковских сделок, но показывает, что их исполнение зависит от специальных публичных обязанностей профессионального участника финансового рынка [5]. А.Я. Курбатов объясняет особый статус кредитной организации сочетанием исключительной правоспособности, лицензирования и повышенного государственного контроля, направленного на защиту публичного интереса и прав клиентов [7]. Совокупность этих подходов позволяет говорить не о превращении кредитной организации в орган власти, а о функциональном включении частного субъекта в реализацию законодательно определенных публичных задач.

Вместе с тем участие кредитной организации в достижении публичной цели само по себе не превращает его в орган государственной власти. Кредитная организация не приобретает общей публичной компетенции, не действует от имени государства и не вправе самостоятельно создавать обязательные для неопределенного круга лиц правила. Ее полномочия производны от закона, имеют специальный характер и реализуются внутри конкретного банковского либо связанного с ним правоотношения. Поэтому точнее говорить о распределенном осуществлении публичной функции: государство нормативно определяет цель, основания и пределы вмешательства, Банк России и иные органы формируют регуляторную и информационную инфраструктуру, а кредитная организация осуществляет первичную оценку и исполняет предусмотренную законом меру.

Риск-ориентированная правоприменительная дискреция по Федеральному закону № 115-ФЗ

В сфере ПОД/ФТ/ЭД/ФРОМУ кредитная организация одновременно исполняет императивные обязанности и реализует оценочную компетенцию. К первой группе относятся идентификация клиента, выгодоприобретателя и бенефициарного владельца, документирование сведений, разработка правил внутреннего контроля, подготовка и обучение работников, направление предусмотренной законом информации в Росфинмониторинг. Эти действия обязательны и не зависят от коммерческого усмотрения кредитной организации. Во второй группе находятся оценка уровня риска, квалификация операции как необычной или подозрительной, запрос документов, отказ в выполнении распоряжения в предусмотренных законом случаях и решение о дальнейшем обслуживании. [1].

Д.Г. Алексеева квалифицирует предусмотренные Законом № 115-ФЗ отказы в совершении операций и заключении договора как специальные «отказные» полномочия, осуществление которых должно оцениваться с учетом цели финансового мониторинга, оснований конкретного решения и запрета произвольного ограничения прав клиента [8]. Тем самым автор отделяет публично обусловленную меру предупреждения риска от обычного договорного отказа: ссылка на исполнение закона сама по себе не заменяет индивидуального обоснования.

Юридическое основание ограничительной меры в данном режиме носит вероятностный характер. Кредитная организация реагирует не на установленное судом правонарушение, а на риск использования финансовой инфраструктуры для противоправной цели. Поэтому решение не может строиться как квазисанкция за недоказанное нарушение. Его назначение – предотвратить либо снизить риск, сохраняя возможность клиента раскрыть экономический смысл операции и представить документы. Из этого вытекают материальные пределы усмотрения: наличие относимых факторов риска, связь меры с конкретной операцией или моделью поведения, учет представленных объяснений и соразмерность ограничения [8].

В.А. Капарчук рассматривает недействительность сделки как гражданско-правовой способ защиты в механизме противодействия легализации преступных доходов и подчеркивает, что такая защита не должна приводить к более существенному нарушению других прав и законных интересов, чем предотвращаемое ею последствие [10]. Для исследуемой темы это подтверждает необходимость соизмерять ограничительную меру кредитной организации с характером выявленного риска и сохранять возможность последующей проверки ее законности.

Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31 марта 2021 г. № Ф05–4616/2021 по делу № А40–68993/2020 подтверждает право кредитной организации самостоятельно оценивать сомнительность операций, тогда как в деле № А40–223716/2020 суды проверяли фактические основания отказа и достаточность документов клиента [16; 17]. Сопоставление дел выявляет основную проблему режима № 115-ФЗ: признание оценочной компетенции кредитной организации нередко сопровождается неопределенностью требуемой глубины мотивировки и объема раскрываемых доказательств. Ее преодоление предполагает проверку не абстрактного права кредитной организации применить закон, а зафиксированной совокупности факторов риска, анализа пояснений клиента и соразмерности конкретной меры.

Особое значение имеет Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 16 февраля 2026 г. № 308-ЭС25–11615 по делу № А32–29429/2024. Верховный Суд разграничил ограничение дистанционного банковского обслуживания и блокирование доступа к денежным средствам: сохранение возможности представить распоряжение на бумажном носителе исключает автоматический вывод о полной невозможности распоряжения счетом. Одновременно Суд подчеркнул необходимость установления причинной связи между действиями кредитной организации и заявленными убытками [13]. Позиция важна методологически: правомерность ограничения и гражданско-правовая ответственность кредитной организации должны оцениваться раздельно.

Исполнительная компетенция кредитной организации

При исполнении исполнительного документа кредитная организация включается в механизм принудительной реализации судебного или иного властного предписания. Взыскатель вправе направить исполнительный документ непосредственно в кредитную организацию, обслуживающую счета должника. В соответствии со статьей 70 Федерального закона № 229-ФЗ кредитная организация незамедлительно исполняет требование о взыскании денежных средств с учетом установленных законом ограничений и информирует взыскателя либо судебного пристава-исполнителя. Здесь кредитная организация не оценивает материальную обоснованность присужденного требования и не пересматривает судебный акт. Ее основная функция имеет исполнительный, а не юрисдикционный характер [2].

С.Н. Махина и Я.П. Горбунова рассматривают исполнение судебных актов как систему взаимодействия органов и организаций, в которой кредитные организации не заменяют службу судебных приставов, а исполняют отдельную категорию исполнительных документов [23]. Авторы показывают и практическую сложность такой модели: для расчетной операции кредитной организации нужны сведения, которых может не быть в исполнительном документе, а дополнительные формальные проверки одновременно служат снижению риска списания по поддельному документу. Эта доктринальная характеристика подтверждает вспомогательный, но не сугубо технический характер исполнительной компетенции кредитной организации.

Тем не менее роль кредитной организации не сводится к техническому списанию. Кредитная организация проверяет формальные реквизиты документа и заявления, наличие счета и денежных средств, соблюдает очередность, учитывает режим счета, ограничения на обращение взыскания и специальные коды вида дохода. Законодатель тем самым возлагает на кредитную организацию ограниченную проверочную компетенцию. Ее границы определяются принципом формальной легальности: кредитная организация не разрешает спор между взыскателем и должником, но не вправе исполнять документ при наличии прямо установленного препятствия.

В.В. Ярков связывает принципы исполнительного производства с реальностью и своевременностью судебной защиты: окончательное решение сохраняет практическую ценность лишь при наличии эффективного механизма исполнения [24]. Для исследуемой темы из этого следует, что проверочные действия кредитной организации должны препятствовать очевидно незаконному списанию, но не могут образовывать самостоятельную процедуру пересмотра исполнительного документа. Иначе частный инфраструктурный субъект фактически получит возможность отсрочить реализацию обязательного судебного акта.

Решение Верховного Суда Российской Федерации от 20 января 2014 г. № АКПИ13–1211 подтверждает законность специального порядка приема и исполнения кредитными организациями документов, предъявляемых взыскателями непосредственно [11]. В Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 13 марта 2018 г. № 6-КГ18–4 разграничена ответственность кредитной организации и службы судебных приставов применительно к обращению взыскания на защищенные выплаты. Верховный Суд связал объем проверочных обязанностей кредитной организации с редакцией части 8 статьи 70, действовавшей на момент списания [12]. Из этой позиции следует общий вывод: ответственность кредитной организации определяется не фактом участия в списании как таковым, а нормативно закрепленным на соответствующий момент объемом ее проверочной компетенции.

Современная редакция статьи 70 показывает сближение исполнительного производства с финансовым мониторингом: часть 8.1 позволяет кредитной организации не исполнить исполнительный документ при возникновении подозрений по правилам внутреннего контроля. Здесь возникает коллизия между обязательностью судебного акта и вероятностной оценкой риска. Неопределенность срока проверки, содержания сообщения взыскателю и последствий необоснованного отказа способна превратить защитную меру в фактическую отсрочку исполнения. Поэтому необходимы исчерпывающая фиксация основания, незамедлительное мотивированное уведомление и последующий контроль, не допускающий пересмотра кредитной организацией существа судебного акта.

Превентивно-защитные полномочия по Федеральному закону № 161-ФЗ

Федеральный закон № 161-ФЗ формирует самостоятельный режим противодействия переводам денежных средств без добровольного согласия клиента. Кредитная организация обязана обеспечить защиту информации, выявлять операции, соответствующие установленным Банком России признакам, проверять сведения о получателе и взаимодействовать с базой данных о случаях и попытках мошеннических переводов. В предусмотренных законом случаях оператор по переводу денежных средств приостанавливает исполнение распоряжения, уведомляет клиента и предоставляет возможность подтвердить либо опровергнуть операцию. Отдельные последствия связываются с поступлением сведений от МВД России и нахождением реквизитов в базе Банка России [3].

Е.Г. Хоменко и О.А. Тарасенко характеризуют национальную платежную систему как совокупность взаимосвязанных субъектов и инфраструктурных элементов, в которой надежность перевода обеспечивается распределением нормативно закрепленных обязанностей

между оператором, платежной инфраструктурой и регулятором [25]. Такой системный взгляд не позволяет свести противодействие мошенничеству к ответственности одной кредитной организации: качество защиты зависит также от обмена сведениями, единых признаков риска и согласованности действий участников перевода.

Принципиальное значение имеет понятие добровольного согласия. Формальная аутентификация распоряжения не всегда свидетельствует о свободном волеизъявлении клиента: код может быть сообщен под влиянием обмана, доступ к приложению – получен злоумышленником, а кредит и перевод – оформлены в единой быстрой последовательности. Поэтому судебная проверка не должна ограничиваться установлением корректности пароля или СМС-кода. Необходимо оценивать нетипичность операции, последовательность действий, предупреждения кредитной организации, примененные антифрод-механизмы и возможность выявления аномалии.

Н.С. Воробьев и К.П. Кавкаева обосновывают необходимость интеграции юридических и технических мер противодействия операциям без добровольного согласия клиента: совершенствование алгоритмов выявления риска должно сопровождаться правовыми гарантиями, повышением финансовой грамотности и учетом приемов социальной инженерии [26]. Их вывод поддерживает разграничение технической аутентификации и юридически значимого волеизъявления: корректный код подтверждает использование средства доступа, но не всегда доказывает свободное формирование воли клиента.

В Определении Верховного Суда РФ от 17 января 2023 г. № 5-КГ22–121-К2 указано на необходимость исследовать обстоятельства дистанционного заключения кредитного договора и перечисления средств, а не выводить согласие только из сообщения кодов [15]. В Определении от 8 июля 2025 г. № 45-КГ25–7-К7 подчеркнуты обязанности кредитной организации по уведомлению и содержательной оценке обстоятельств операции [14]. Эти позиции выявляют проблему формального отождествления аутентификации с добровольным волеизъявлением. Ее преодоление требует оценки последовательности цифровых действий, нетипичности операции, реакции антифрод-системы и возможности оперативного человеческого контроля.

Сравнительная характеристика и единый стандарт законности

Сопоставление трех режимов позволяет конкретизировать не только различия полномочий, но и соответствующие им проблемы. В финансовом мониторинге инициатива и первичная оценка принадлежат кредитной организации, поэтому основной риск состоит в непрозрачности дискреции и затрудненном опровержении подозрений. В исполнительном производстве основанием служит обязательный исполнительный документ, а проблемой становится смешение формальной проверки с риск-ориентированным отказом. По Федеральному закону № 161-ФЗ защитная мера зависит от признаков операции, внешних баз и поведения клиента, что создает риск ложного срабатывания и подмены анализа формальной аутентификацией. Следовательно, одинаковая формула контроля для всех трех функций неприемлема.

Доктринальные позиции подтверждают необходимость функциональной дифференциации. Подходы О.М. Олейник, Т.Э. Рождественской и А.Г. Гузнова объясняют общую публичную обусловленность банковской деятельности [6; 9]; концепция Д.Г. Алексеевой раскрывает специфику риск-ориентированного отказа [8]; исследование С.Н. Махиной и Я.П. Горбуновой показывает включение кредитной организации в распределенную систему исполнения [23]; выводы Н.С. Воробьева и К.П. Кавкаевой связывают антифрод-компетенцию с одновременным применением технических и юридических средств [26]. Следовательно, единый публичный интерес не устраняет различий в основании, процедуре и последствиях каждого полномочия.

Для всех режимов применим трехэлементный стандарт законности банковского решения. Первый элемент – нормативная компетенция: кредитная организация должна сослаться на конкретную норму, предоставляющую право либо возлагающую обязанность совершить действие. Второй – фактическая обоснованность: в материалах должны быть зафиксированы обстоятельства, с которыми закон связывает меру. Третий – процедурная проверяемость: решение принимается компетентным лицом или системой под контролем уполномоченного работника, оформляется, доводится до заинтересованного лица в допустимом объеме и может быть пересмотрено.

Судебный контроль должен проверять юридические пределы решения, не подменяя кредитную организацию в технической или риск-аналитической оценке. Суд устанавливает наличие компетенции, относимых данных, логической связи между ними и мерой, соблюдение процедуры и соразмерность последствия. При споре об убытках дополнительно исследуются противоправность, причинная связь, размер вреда и поведение клиента. Определение № 308-ЭС25–11615 показательно именно тем, что отделяет режим ограничения ДБО от вопроса о доказанности ущерба, а определения № 5-КГ22–121-К2 и № 45-КГ25–7-К7 требуют содержательно оценивать цифровую процедуру выражения воли.

Направления совершенствования законодательства и практики

Пути преодоления выявленных проблем должны сочетать общий минимум и специальные решения. Общий минимум включает идентифицируемое нормативное основание, фиксацию ключевых фактов, соразмерность, уведомление о категории причины и доступный пересмотр. Для режима № 115-ФЗ необходимо закрепить проверяемый стандарт документирования факторов риска и рассмотрения пояснений клиента без раскрытия закрытых методов финансовой разведки. В исполнительном производстве требуется конкретизировать срок, содержание уведомления и последствия применения части 8.1 статьи 70 Закона № 229-ФЗ, сохраняя приоритет обязательности судебного акта. В режиме № 161-ФЗ следует разграничить автоматический риск-сигнал и юридически значимое решение, обеспечить человеческий контроль длительного ограничения и эффективное исправление ошибочных сведений. Информационный обмен между режимами не должен автоматически переносить наиболее строгое последствие без самостоятельной правовой оценки.

Заключение

Проведенное исследование подтверждает внутреннюю противоречивость правового статуса кредитной организации. Кредитная организация остается частноправовым субъектом и стороной договора, но одновременно исполняет публично значимые обязанности и реализует специально предоставленные законом полномочия, непосредственно затрагивающие имущественную сферу клиента, должника и взыскателя. Такое соединение договорного положения, инфраструктурной власти и делегированных законом контрольных функций не устраняется отнесением кредитной организации ни к частным, ни к публичным субъектам. Оно образует функционально неоднородный статус, содержание которого должно определяться применительно к конкретному полномочию.

Противоречие материально-правового статуса получает процессуальное продолжение. Экономический спор с кредитной организацией рассматривается по АПК РФ, а спор с гражданином, в том числе потребителем, – по ГПК РФ [18; 19]. При общем правиле статей 65 АПК РФ и 56 ГПК РФ доказательственный риск различается: арбитражный процесс предполагает профессиональное раскрытие доказательств, тогда как в потребительском споре кредитная организация доказывает основания освобождения от ответственности, а суд содействует гражданину в истребовании документов [20; 22]. Поэтому однотипное ограничение счета может получить различную процессуальную оценку.

Различаются также досудебный порядок, расходы и способы понуждения. В экономических спорах предварительное обращение к ответчику во многих случаях обязательно; по ГПК РФ оно требуется только в предусмотренных законом случаях. Потребитель освобожден от государственной пошлины и может требовать штраф, а коммерческий клиент таких преимуществ не имеет. Судебная неустойка по статье 308.3 ГК РФ, части 4 статьи 174 АПК РФ или части 3 статьи 206 ГПК РФ допустима при понуждении кредитной организации к гражданско-правовой обязанности в натуре, но не как санкция за исполнение непосредственно возложенной законом публичной функции [21].

Выявленные проблемы требуют дифференцированных решений: проверяемой мотивировки риск-ориентированного отказа, пределов приостановления исполнения судебного акта и содержательной оценки добровольности цифрового волеизъявления. Конфиденциальность риск-моделей не освобождает кредитную организацию от представления доказательств суду. Кредитная организация раскрывает нормативное основание, фактические данные и процедуру, а суд определяет его функциональную роль, распределяет бремя доказывания и избирает способ защиты. Такой подход соединяет профессиональную самостоятельность кредитной организации с эффективным судебным контролем.

Литература

1. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3418.

2. Об исполнительном производстве: Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 41. Ст. 4849.

3. О национальной платежной системе: Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 27. Ст. 3872.

4. Белов В.А. Банковское право России: теория, законодательство, практика: юридические очерки. Москва: ЮрИнфоР, 2000. 395 с.

5. Ефимова Л.Г. Банковские сделки: право и практика: монография. Москва: НИМП, 2001. 654 с. ISBN 5-88720-030-8.

6. Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г. Публичное банковское право: учебник для магистров. Москва: Проспект, 2016. 448 с. ISBN 978-5-392-21483-9.

7. Курбатов А.Я. Банковское право России: учебник для вузов. 7-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2022. 421 с. ISBN 978-5-534-14795-7.

8. Алексеева Д.Г. Правовые проблемы реализации банками «отказных» полномочий в отношении клиентов, разместивших средства на банковских счетах // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 10 (50). С. 67–85. DOI 10.17803/2311–5998.2018.50.10.067–085.

9. Олейник О.М. Основы банковского права: курс лекций. Москва: Юристъ, 1997. 424 с. ISBN 5-7975-0020-5.

10. Капарчук В.А. Гражданско-правовые способы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем // Advances in Law Studies. 2024. Т. 12, № 3. С. 36–40. DOI 10.29039/2409–5087–2024–12–3–36–40.

11. Решение Верховного Суда Российской Федерации от 20 января 2014 г. № АКПИ13–1211 // Верховный Суд Российской Федерации. – URL: https://vsrf.ru/files/14644/ (дата обращения: 03.09.2026).

12. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 13 марта 2018 г. № 6-КГ18–4 // Верховный Суд Российской Федерации. – URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1637656 (дата обращения: 03.09.2026).

13. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 16 февраля 2026 г. № 308-ЭС25–11615 по делу № А32–29429/2024 // Гарант.ру. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413550948/ (дата обращения: 04.09.2026).

14. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 8 июля 2025 г. № 45-КГ25–7-К7 // Верховный Суд Российской Федерации. – URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2482016 (дата обращения: 02.09.2026).

15. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 2023 г. № 5-КГ22–121-К2 // Верховный Суд Российской Федерации. – URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2211722 (дата обращения: 02.09.2026).

16. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31 марта 2021 г. № Ф05–4616/2021 по делу № А40–68993/2020.

17. Решение Арбитражного суда города Москвы от 30 марта 2021 г. по делу № А40–223716/2020 // Картотека арбитражных дел. – URL: https://kad.arbitr.ru/Card/34a7fa87–83da-462f-a5f2–6200852ff4e7 (дата обращения: 03.09.2026).

18. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.

19. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.

20. О защите прав потребителей: Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300–1 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 140.

21. О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 5.

22. О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2012 г. № 17 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 9.

23. Махина С.Н., Горбунова Я.П. Исполнительное производство: проблемы реализации, взаимодействия и повышения эффективности // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2007. № 1. С. 167–174.

24. Ярков В.В. Некоторые принципы гражданского исполнительного права (в связи с Постановлением Конституционного Суда России от 12 июля 2007 г. № 10-П и новым Федеральным законом «Об исполнительном производстве») // Исполнительное производство: процессуальная природа и цивилистические основы: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Казань, 4 апреля 2008 г.) / отв. ред. Д.Х. Валеев, М.Ю. Челышев. Москва: Статут, 2009. С. 198–210.

25. Хоменко Е.Г., Тарасенко О.А. Национальная платежная система Российской Федерации и ее элементы: монография. Москва: Проспект, 2016. 176 с. ISBN 978-5-392-21597-3.

26. Воробьев Н.С., Кавкаева К.П. К вопросу интеграции правовых и технических мер в борьбе с операциями без добровольного согласия клиента // Финансовое право. 2025. № 12. С. 21–24. DOI 10.18572/1813–1220–2025–12–21–24.

PUBLICLY SIGNIFICANT POWERS OF CREDIT INSTITUTIONS: FINANCIAL MONITORING, ENFORCEMENT PROCEEDINGS AND COUNTERING FRAUDULENT TRANSFERS

Kuznetsov N.V.
Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

The article compares the powers exercised by credit institutions under three legal regimes: anti-money laundering and counter-terrorist financing, enforcement of writs of execution, and prevention of money transfers made without the client's voluntary consent. It is argued that credit institutions, while retaining their private-law organisational form, perform a broad range of publicly significant functions. The legal nature of their competence differs across these functions. Risk-based enforcement discretion prevails in financial monitoring; mandatory execution of an authoritative order with limited verification operates in enforcement proceedings; and preventive protective discretion combining automated risk assessment, temporary suspension and information exchange with the Bank of Russia applies within the national payment system. Judicial practice and the differences between these powers are used to identify the principal problems of each regime and propose ways to overcome them.

Keywords: credit institution; legal status; public function; banking discretion; financial monitoring; enforcement proceedings; fraudulent transfer; judicial review.

References

1. On countering the legalization (laundering) of proceeds from crime and the financing of terrorism: Federal Law № 115-FZ dated August 7, 2001 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. № 33 (Part I). Art. 3418.

2. On enforcement proceedings: Federal Law № 229-FZ dated October 2, 2007 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2007. № 41. Art. 4849.

1. On the National Payment System: Federal Law № 161-FZ dated June 27, 2011 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. № 27. Art. 3872.

2. Belov V.A. Banking Law of Russia: Theory, Legislation, Practice: Legal Essays. Moscow: YurInfoR, 2000. 395 p.

5. Efimova L.G. Banking Transactions: Law and Practice: a monograph. Moscow: NIMP, 2001. 654 p. ISBN 5-88720-030-8.

6. Rozhdestvenskaya T.E., Guznov A.G. Public Banking Law: a textbook for master's students. Moscow: Prospekt, 2016. 448 p. ISBN 978-5-392-21483-9.

7. Kurbatov A. Ya. Banking Law of Russia: a textbook for universities. 7th ed., revised and expanded. Moscow: Yurayt, 2022. 421 p. ISBN 978-5-534-14795-7.

8. Alekseeva D.G. Legal problems related to banks' exercise of «refusal» powers regarding clients who have deposited funds in bank accounts // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGłOA). 2018. № 10 (50). Pp. 67–85. DOI 10.17803/2311–5998.2018.50.10.067–085.

9. Oleinik O.M. Fundamentals of Banking Law: a course of lectures. Moscow: Yurist, 1997. 424 p. ISBN 5-7975-0020-5.

10. Kaparchuk V.A. Civil-legal methods of countering the legalization (laundering) of income obtained by criminal means // Advances in Law Studies. 2024. Vol. 12, № 3. Pp. 36–40. DOI 10.29039/2409–5087–2024–12–3–36–40.

11. Decision of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 20, 2014, № AKPI13–1211 // Supreme Court of the Russian Federation. – URL: https://vsrf.ru/files/14644/ (accessed: 03.09.2026).

12. Ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 13, 2018, № 6-KG18–4 // Supreme Court of the Russian Federation. – URL: https://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=1637656 (date of appeal: 09/03/2026).

13. Ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 16, 2026 № 308-ES25–11615 in case № A32–29429/2024. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413550948 / (date of access: 04.09.2026).

14. Ruling of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 8, 2025 № 45-KG25–7-K7 // The Supreme Court of the Russian Federation. – URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2482016 (accessed: 02.09.2026).

15. Ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated January 17, 2023, № 5-KG22–121-K2 // Supreme Court of the Russian Federation. – URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2211722 (date of application: 09/02/2026).

16. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated March 31, 2021 № F05–4616/2021 in case № A40–68993/2020.

17. Decision of the Arbitration Court of the City of Moscow dated March 30, 2021 in case № A40–223716/2020 // File of arbitration cases. – URL: https://kad.arbitr.ru/Card/34a7fa87–83da-462f-a5f2–6200852ff4e7 (date of application: 09/03/2026).

18. The Arbitration Procedural Code of the Russian Federation: Federal Law № 95-FZ of July 24, 2002 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 30. Art. 3012.

19. Civil Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law № 138-FZ dated November 14, 2002 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 46. Art. 4532.

20. On the Protection of Consumer Rights: Law of the Russian Federation № 2300–1 dated February 7, 1992 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 3. Art. 140.

21. On the application by courts of certain provisions of the Civil Code of the Russian Federation concerning liability for breach of obligations: resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 24, 2016, № 7 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2016. № 5.

22. On the consideration by courts of civil cases involving disputes over the protection of consumer rights: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 28, 2012, № 17 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2012. № 9.

23. Makhina S.N., Gorbunova Ya.P. Enforcement proceedings: problems of implementation, interaction, and improving efficiency // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. 2007. № 1. Pp. 167–174.

24. Yarkov V.V. Some principles of civil enforcement law (in connection with the Resolution of the Constitutional Court of Russia dated July 12, 2007 № 10-P and the new Federal Law «On Enforcement Proceedings") // Enforcement proceedings: procedural nature and civil foundations: materials of the All-Russian Scientific andpractical conference (Kazan, April 4, 2008) / ed. by D.H. Valeev, M.Y. Chelyshev. Moscow: Statut, 2009. Pp. 198–210.

25. Khomenko E.G., Tarasenko O.A. The National Payment System of the Russian Federation and Its Elements: a Monograph. Moscow: Prospekt, 2016. 176 p. ISBN 978-5-392-21597-3.

26. Vorobyov N.S., Kavkaeva K.P. On the issue of integrating legal and technical measures in the fight against transactions without the client's voluntary consent // Financial Law. 2025. № 12. Pp. 21–24. DOI 10.18572/1813–1220–2025–12–21–24.

Технологический суверенитет России и правовое регулирование искусственного интеллекта

Минаева Анастасия Игоревна,
к.ю.н., старший преподаватель кафедры теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: AIMinaeva@msal.ru

В статье рассматривается проблема правового регулировании искусственного интеллекта в контексте необходимости обеспечения суверенитета государства в целом и его технологической составляющей в частности. Обосновывается, что технологический суверенитет государства не может быть обеспечен без обладания технологиями стратегического значения для национальной безопасности и экономического развития. Создание и развитие технологий, включая искусственный интеллект, рассматривается не как самоцель государственной политики, а как средство достижения национальных целей развития. Особую сложность представляет выработка адекватного современным реалиям правового регулирования суверенного искусственного интеллекта. Эффективность реализации принципа технологического суверенитета в сфере создания и эксплуатации технологии искусственного интеллекта должна быть связана с обеспечением защиты прав и законных интересов человека в отношениях с применением этой технологии.

Ключевые слова: суверенитет; технологический суверенитет; технологическая политика государства; технологии искусственного интеллекта; суверенные большие фундаментальные модели искусственного интеллекта.

В современных геополитических условиях развитие новейших технологий выступает одним из определяющих критериев конкурентноспособности и обеспечения безопасности государства. В этой связи технологический суверенитет становится неотъемлемой составляющей государственного суверенитета в целом. Технологический суверенитет определяется в нормативных правовых актах России как:
– способность государства создавать и применять наукоемкие технологии, критически важные для обеспечения независимости и конкурентоспособности, и иметь возможность на их основе организовать производство товаров (выполнение работ, оказание услуг) в стратегически значимых сферах деятельности общества и государства (пп. «и» п. 4 Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. № 145);
– наличие в стране (под национальным контролем) критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе, обеспечивающих устойчивую возможность государства и общества достигать собственные национальные цели развития и реализовывать национальные интересы (раздел 2 Концепции технологического развития на период до 2030 года, утвержденной Распоряжением Правительства Российской Федерации от 20.05.2023 № 1315-р).

Сравнение представленных определений технологического суверенитета государства позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, технологический суверенитет невозможен без наличия в стране технологий, имеющих стратегическое значение для национальной безопасности и экономического развития. Во-вторых, он предполагает, что ключевые технологии разрабатываются, контролируются и применяются именно внутри государства. В-третьих, технологический суверенитет предполагает не просто наличие технологий, а организацию производства на их основе, а, значит, способность превратить их в реальные товары или услуги. В-четвертых, создание и развитие технологий является условием (средством), а не самоцелью политики государства.

Уже устоявшееся в нормативных правовых актах понятие «технологический суверенитет» – это не только политико-экономический феномен, но и важная категория теории государства, требующая осмысления в том числе через традиционный категориальный аппарат. Технологический суверенитет отражает способность государства как субъекта обеспечивать свою независимость и конкурентноспособность посредством обладания, контроля и промышленного освоения критически важных технологий. Кроме того, он проявляется в способности правовой системы обеспечивать регулирование отношений, возникающих в процессе создания, внедрения и использования технологий, обеспечивая баланс между стимулированием технологического развития и защитой частных и публичных интересов.

Содержание понятия «суверенитет государства» в современных условиях постоянно расширяется: помимо политического, экономического и военного аспектов, особое значение приобретает и технологическая составляющая, то есть способность государства обеспечить свою независимость через обладание критически важными технологиями и контроль над их развитием и применением.

Технологический суверенитет представляет собой производную категорию от государственного суверенитета, отражающую его технологический компонент. Без технологического суверенитета современный государственный суверенитет становится уязвимым, поскольку зависимость от иностранных технологий создает риски для национальной безопасности, экономической независимости и способности государства оптимально реализовать свои функции в полном объеме.

Обеспечение технологического суверенитета является одной из функций современного государства и имеет два измерения: внутреннее и внешнее. Первое предполагает создание условий для развития отечественных технологий, поддержку научных исследований и разработок, формирование благоприятной правовой среды для технологического предпринимательства и подготовки квалифицированных кадров в этой области. Внешнее связано с защитой национальных технологических интересов в международных отношениях, обеспечение технологической независимости (особенно от недружественных государств), участие в формировании международных стандартов и правил в сфере технологий.

Таким образом, технологический суверенитет может рассматриваться как элемент государственного суверенитета, как самостоятельная функция государства или как средство (инструмент) реализации функций государства.

Особое место в системе приоритетов технологического развития занимают технологии искусственного интеллекта, отнесенные к числу сквозных технологий, определяющих облик экономики и социальной сферы будущего. В условиях глобальной технологической конкуренции вопрос обеспечения суверенитета в сфере искусственного интеллекта приобретает стратегическое значение для Российской Федерации и формирует для юридической науки ряд новых вызовов, требующих соотнесения инноваций с традиционными правовыми конструкциями. Государство увязывает развитие когнитивных технологий, включая непосредственно искусственный интеллект, с достижением цели своего развития, поэтому уже осуществляет правовое регулирование создания, совершенствования и использования этой технологии (табл. 1).

Таблица 1. Правовое регулирование технологии искусственного интеллекта в России

Нормативный правовой акт	Содержание
Федеральный закон от 26.07.2026 № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации»	Закреплены определения ключевых понятий; цели и общие принципы правового регулирования отношений в сфере разработки, внедрения и применения больших фундаментальных моделей искусственного интеллекта; заложены основы обеспечения развития суверенных и национальных больших фундаментальных моделей искусственного интеллекта
Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации»	Определены цели и принципы установления экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых и технологических инноваций, круг участников, а также урегулированы отношения, связанные с их установлением и реализацией, в том числе изменением, приостановлением, прекращением, мониторингом, оценкой их эффективности и результативности. Закреплен механизм рассмотрения случаев причинения вреда жизни, здоровью или имуществу человека либо имуществу юридического лица при реализации экспериментального правового режима в результате использования решений, разработанных с применением технологий искусственного интеллекта
Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»	Закреплены определения ключевых понятий; дана оценка развития искусственного интеллекта в России и в мире; сформулированы основные принципы, цели и основные задачи развития и использования технологий искусственного интеллекта; механизмы реализации положений Стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года
Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»	В рамках достижения национальной цели «Технологическое лидерство» установлен такой целевой показатель как обеспечение технологической независимости и формирование новых рынков по таким направлениям в том числе, как беспилотные авиационные системы и искусственный интеллект
Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»	Согласно пп. 12 п. 57 достижение цели обеспечения информационной безопасности осуществляется путем реализации государственной политики, направленной на решение в том числе задачи совершенствования средств и методов обеспечения информационной безопасности на основе применения передовых технологий, включая технологии искусственного интеллекта и квантовые вычисления. В соответствии с пп. 6 п. 67 достижение целей обеспечения экономической безопасности Российской Федерации осуществляется в том числе путем решения задачи повышения производительности труда путем модернизации промышленных предприятий и инфраструктуры, цифровизации, использования технологий искусственного интеллекта. В пп. 14 п. 76 достижение цели научно-технологического развития Российской Федерации увязано с развитием в том числе искусственного интеллекта
Указ Президента Российской Федерации от 18.06.2024 № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий»	Согласно п. 25 среди сквозных технологий названы технологии искусственного интеллекта в отраслях экономики, социальной сферы (включая сферу общественной безопасности) и в органах публичной власти
Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»	В пп. «б» п. 15 среди наиболее значимых для научно-технологического развития больших вызовов названы внедрение технологий искусственного интеллекта во всех отраслях экономики и социальной сферы и появления ограниченной группы стран-лидеров, обладающих передовыми производственными технологиями. Согласно пп. «а» п. 21 в ближайшее десятилетие приоритетами научно-технологического развития следует считать переход к передовым технологиям проектирования и создания высокотехнологичной продукции, основанным в том числе на применении технологий машинного обучения и искусственного интеллекта. В соответствии с пп. «ж» п. 29 создание инфраструктуры и условий, отвечающих современным принципам организации научной, научно-технической и инновационной деятельности и основанных на лучших российских и мировых практиках, для проведения научных исследований и разработок и внедрения наукоемких технологий обеспечивается путем интеграции технологий искусственного интеллекта и активного использования их возможностей для повышения качества и эффективности научных исследований и разработок, в том числе посредством создания методологии обмена научными данными и информацией, развития отечественных сервисов, предназначенных для сбора, хранения и обработки таких данных
Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»	Согласно п. «в» п. 36 технологии искусственного интеллекта отнесены к основным направлениям развития российских информационных и коммуникационных технологий
Национальный стандарт Российской Федерации ГОСТ Р 71657–2024 «Технологии искусственного интеллекта в образовании. Функциональная подсистема создания научных публикаций. Общие положения» (утв. и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 1 октября 2024 г. № 1364-ст)	В п. 3.4 искусственный интеллект определен как комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллекту альной деятельности человека или превосходящие их, включающий в себя информационно-коммуникационную инфраструктуру, программное обеспечение (в том числе в котором используются методы машинного обучения), процессы и сервисы по обработке данных и поиску решений. В 3.18 технологии искусственного интеллекта определены как совокупность технологий, включающая в себя компьютерное зрение, обработку естественного языка, распознавание и синтез речи, интеллектуальную поддержку принятия решений и перспективные методы искусственного интеллекта
«Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2036 года» (разработан Минэкономразвития России)	Отмечено, что в долгосрочной перспективе влияние на развитие машиностроительного комплекса окажут перспективные фундаментальные и прикладные научные исследования, в том числе в части увеличения возможностей беспилотной и автоматизированной техники, искусственного интеллекта, роботизированных систем
Приложение к Информационному письму Банка России «О Кодексе этики в сфере разработки и применения искусственного интеллекта на финансовом рынке» от 09.07.2025 № ИН-016–13/91	Закреплены цели и принципы разработки и применения искусственного интеллекта на финансовом рынке, предусмотрены меры обеспечения организациями принципов человекоцентричности, справедливости, прозрачности, безопасности, надежности и эффективности, а также ответственного управления рисками
Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта (от 26.10.2021), разработанный Альянсом в сфере ИИ совместно с Аналитическим центром при Правительстве России и Минэкономразвития России	Закреплены рекомендательные принципы и правила поведения в отношениях с применением технологии искусственного интеллекта, сформулирована идея приоритета защиты интересов и прав человека, ответственного создания и использования технологии ИИ, а также принцип ответственности исключительно человека за негативные последствия применения технологии ИИ

Важной вехой в правовом регулировании технологии искусственного интеллекта, в том числе в контексте решения проблемы обеспечения технологического суверенитета страны, стало принятие Федерального закона от 26.07.2026 № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации», закрепившего нормативное понимание сущности больших фундаментальных моделей искусственного интеллекта как комплекса технологических решений, являющегося результатом интеллектуальной деятельности человека и выступающего лишь «имитацией» когнитивных возможностей последнего.

Среди общих принципов правового регулирования отношений, связанных с ИИ, названных в ст. 4 указанного Закона, в контексте обеспечения технологического суверенитета государства особого внимания заслуживают: принцип технологической независимости; принцип учета и уважения традиционных российских духовно-нравственных ценностей; принцип поддержки российских разработчиков больших фундаментальных моделей искусственного интеллекта.

Нормативно установлены требования, при выполнении которых последние могут быть квалифицированы как суверенные: статус разработчика однозначно определен как исключительно российское юридическое лицо; весь жизненный цикл модели (от проектирования до изменения параметров), включая обеспечение полной воспроизводимости и процесса обучения, реализуется им же; формирование ответов на пользовательские запросы и хранение данных осуществляется исключительно в дата-центрах, физически расположенных на территории России; прохождение процедуры проверки на предмет соответствия требованиям законодательства России и, что крайне важно, традиционным российским духовно-нравственным ценностям.

Национальная большая фундаментальная модель ИИ допускает использование зарубежных или открытых компонентов (включая другие большие фундаментальные модели), при условии, что существенные характеристики модели определяются российским разработчиком, а все сторонние компоненты распространяются на условиях открытой лицензии. Ключевое различие между национальной и суверенной моделями заключается в степени технологической независимости: первая должна быть полностью независима от иностранных решений, а вторая допускает контролируемое использование открытых иностранных компонентов.

Формальная сторона (в части регистрации юридического лица) и техническая (в части создания технологической воспроизводимости и т.п.) на первый взгляд кажутся понятными. Некоторые опасения вызывает реальное обеспечение защиты традиционных духовно-нравственных ценностей в рамках модели ИИ. Такие ценности по своей природе являются достаточно абстрактными, многозначными категориями, зависящими от культурного кода России, что затрудняет их формализацию в виде алгоритмических (математических) кодировок и решений. Не совсем понятно, как именно достоверно определить, во всех ли случаях ответ на запрос пользователя соответствует нравственным идеалам, а также как избежать «математического», упрощенного понимания ценностей и их механистичного применения без учета конкретного контекста. Особенно сложной реализация указанного выше принципа видится применительно к использованию национальной модели ИИ, так как именно понимание ценностей во многом зависит от культурного, религиозного, идеологического, а иногда даже экономического контекстов. Последние, очевидно, варьируются в зависимости от конкретного цивилизационного поля того или иного государства.

Кроме того, программирование неких «фильтров», ограничений выдаваемого, а, значит, и получаемого самой моделью ИИ, контента может снижать обучаемость и уменьшать «библиотеку» данных. Видимо, для обеспечения баланса между развитием самой технологии и соблюдением принципов, установленных федеральным законом, понадобится включение в этот процесс экспертов различных областей: культурологов, философов, юристов и т.д. То есть необходимо формирование такой базы данных, на основании которой производилась бы выдача только того контента, который соответствует требованиям закона. Также необходим механизм, скажем, общественной реакции на такую выдачу, которая не соответствует традиционным духовным ценностям России (пользователь должен иметь возможность в какой-то доступной форме заявить разработчику модели о соответствующем факте).

В правовом регулировании технологии искусственного интеллекта в России на сегодняшний день (табл. 1), как представляется, акцент смещен в большей степени именно на создание комфортных условий ее разработки, необходимости создания основы для привлечения инвестиций в эту область, а выработка ограничительных норм и мер, наоборот, находится в начальной точке.

При этом интересно, что, скажем, на территории Европейского союза принят Регламент 2024/1689 «Об искусственном интеллекте», установивший четкие, единые правила в отношении искусственного интеллекта, основанные на оценке рисков, возникающих для разработчиков и пользователей искусственного интеллекта в отношении конкретных областей его применения. Названный выше нормативный правовой акт интересен высокой долей своей категоричности и своеобразной запретительной направленностью. Технологии искусственного интеллекта поделены на виды по степени риска, в первую очередь, именно для человека. Можно с уверенностью сказать, что такой нормативный правовой акт требует повышенного внимания и исследования, поскольку действительно он заложил определенную систему разделения систем ИИ не по областям их применения или качеству самих систем, а, исходя, из тех рисков, которые они могут создавать для человека, общества, государства.

Важно также отметить Закон Республики Казахстан от 17 ноября 2025 года № 230-VIII «Об искусственном интеллекте»[1], в котором в качестве адресатов закреплены в том числе собственники, владельцы, пользователи технологии искусственного интеллекта, в то время как отечественный закон адресован разработчикам, государственным органам, государственным корпорациям, органам местного самоуправления и иным участникам именно разработки больших моделей.

Закон Казахстана прямо закрепляет принципы законности, справедливости и равенства, прозрачности и объяснимости, ответственности и подконтрольности, приоритета благополучия человека и свободы его воли, защиты данных и конфиденциальности, а человеческая жизнь, права и свободы объявляются высшей ценностью при создании и эксплуатации систем искусственного интеллекта. На основании этого акта человек как субъект права приобретает важные правомочия: знать о применении автоматизированной обработки данных и ее последствиях; возражать против нее; получать объяснения о результатах работы системы, затрагивающих его права и интересы; запрашивать информацию о данных, на основании которых принято решение; отказаться от взаимодействия с системой искусственного интеллекта, если обязательность такого взаимодействия прямо не установлена законом и другие. Российский закон закрепляет обеспечение прав и свобод человека, уважение его автономии и свободы воли, а также риск-ориентированный подход, но эти положения сформулированы как принципы государственной политики и регулирования больших моделей, а не как конкретная совокупность субъективных прав человека.

Закон Казахстана классифицирует системы искусственного интеллекта по степени риска: минимальный, средний и высокий риск (так, прямо запрещены системы, которые используют подсознательные или манипулятивные методы) Как представляется, защита прав и законных интересов пользователей в рамках правового регулирования создания и применения любых технологий, включая технологии искусственного интеллекта, важна в контексте обеспечения, если не технологического суверенитета государства, то суверенитета как такового, поскольку развитие технологий не может и не должно осуществляться в ущерб гражданам государства.

Поэтому в рамках совершенствования правового регулирования технологии ИИ необходимо предусмотреть конкретные механизмы защиты именно человека, например, закрепив возможность отказаться от использования систем ИИ в определенных сферах (в медицине или принятии кадровых решений), если это не нарушает критически важные процессы[2].

Одной из наиболее сложных проблем взаимодействия человека и искусственного интеллекта остается определение юридической ответственности за вред, причиненный применением соответствующей технологии, которая, к сожалению, так и не решена однозначно в действующем законодательстве России. Нарушение прав и законных интересов человека может быть обусловлено ошибкой алгоритма, неисправностью носителя технологии искусственного интеллекта, ненадлежащими действиями или бездействием разработчика, владельца или оператора системы. Следовательно, именно связанные с технологией лица, а не сам искусственный интеллект, должны рассматриваться в качестве потенциальных субъектов ответственности.

В качестве исходной модели регулирования может использоваться конструкция ответственности владельца источника повышенной опас-

[1] Закон Республики Казахстан от 17 ноября 2025 года № 230-VIII «Об искусственном интеллекте» (Режим доступа: https://prg.kz/document/?doc_id=34207749&pos=7;179 (дата обращения: 01.06.2026).

[2] См. напр. Десять идей для законопроекта о безопасном искусственном интеллекте в России / В.Б. Наумов // Юрист. – 2026. – № 5. – С. 10–17; Бычков А.В., Бычкова А.М. Способен ли проект закона «Об основных государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» стать «ИИ-конституцией»? // Пролог: журнал о праве. – 2026. – № 2. – С. 37–53.

ности. К таким объектам относятся те, которые вследствие физических, технических свойств не поддаются постоянному и всестороннему контролю со стороны человека и способны при этом причинять вред. На первый взгляд технологии искусственного интеллекта вполне соответствуют этому описанию.

Правовое регулирование когнитивных технологий должно исходить из четкого, доказанного технической наукой представления о сущности искусственного интеллекта, в первую очередь, как определенной технологии. Робот, оснащенный искусственным интеллектом, и сама такая технология должны признаваться объектами права, а ответственность за причиненный ими вред должна возлагаться на лиц, участвующих в их создании, внедрении и эксплуатации. Конкретные правовые нормы, предусматривающие механизм реализации такой ответственности, на сегодняшний день отсутствуют.

Защита прав и законных интересов человека является необходимым условием технологического суверенитета государства и не должна рассматриваться в качестве ограничения технологического развития. Суверенное государство должно обеспечивать применение технологий искусственного интеллекта в соответствии с человекоцентричным подходом. Если внедрение ИИ-систем связано с непрозрачным принятием решений, невозможностью знать об этом и оспорить такие решения, неправомерной обработкой персональных данных, тогда технологическая независимость не приводит к укреплению суверенитета государства в его содержательном смысле.

В этой связи правовое регулирование искусственного интеллекта должно сочетать меры поддержки российских разработчиков с обязательными гарантиями защиты человека: закрепления права на получение информации о применении технологии искусственного интеллекта, возможности требовать разъяснения решений, принятых посредством этого, а также права на отказ от взаимодействия с такой технологией.

Правовое регулирование, выстроенное с учетом возможных рисков от применения технологии искусственного интеллекта, представляется эффективным в том смысле, что оно позволяет дифференцировать требования к разработке и эксплуатации систем искусственного интеллекта в корреляции с их потенциальной опасностью: чем серьезнее последствия их решений для жизни, здоровья, свободы, нравственного развития для человека, тем более строгими должны быть и требования к прозрачности, безопасности, контролю и механизму реализации юридической ответственности разработчиков, владельцев, операторов и пользователей технологии искусственного интеллекта. Риск-ориентированное правовое регулирование представляет собой сочетание диспозитивного и императивного правового воздействия, где создание и применение технологий искусственного интеллекта с минимальным риском для человека, общества и государства происходит на основе диспозитивных (в особенности локальных) норм, а технологии с высоким риском требуют императивных норм (ограничений и запретов). В целом подобный подход в полной мере соответствует современным тенденциям развития права и законодательства, опирающимся на гибкое реагирование на изменяющиеся технологические, политические, экономические и социальные условия, а также поиск баланса между инновациями и безопасностью.

Тем не менее принятие в России федерального закона, закладывающего само понятие «суверенной модели», проводящего категоризацию моделей на суверенные и национальные, локализующего обработку данных для них на территории России, закрепляющего обязательное участие российских юридических лиц на всех стадиях жизненного цикла моделей и основу системы маркировки информации, выдаваемой технологией ИИ, безусловно, внесло существенный вклад в правовое регулирование технологий ИИ именно в контексте обеспечения технологического суверенитета государства.

Эффективность реализации принципа технологического суверенитета в сфере создания и эксплуатации технологии искусственного интеллекта будет зависеть от сбалансированности регуляторных требований, качества мер поддержки разработчиков, темпов подготовки кадров и способности российской технологической системы к генерации собственного контента, качество и количество которого будет достаточно для обучения «суверенного искусственного интеллекта».

Литература

1. Федеральный закон от 26.07.2026 № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» // «Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru)», 26.07.2026, № 0001202607260003.

2. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // «Собрание законодательства РФ», 14.10.2019, № 41, ст. 5700.

3. Указ Президента Российской Федерации от 18.06.2024 № 529 «Об утверждении приоритетных направлений научно-технологического развития и перечня важнейших наукоемких технологий» // «Собрание законодательства Российской Федерации» от 2024 г., № 26, ст. 3640.

4. Указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // «Собрание законодательства Российской Федерации» от 2024 г., № 10, ст. 1373.

5. Распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 г. № 1315-р Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 г. // «Официальный интернет-портал правовой информации (pravo.gov.ru)», 25.05.2023, № 0001202305250050.

6. Бычков А.В., Бычкова А.М. Способен ли проект закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» стать «ИИ-конституцией»? // Пролог: журнал о праве. – 2026. – № 2. – С. 37–53.

7. Десять идей для законопроекта о безопасном искусственном интеллекте в России / В.Б. Наумов // Юрист. – 2026. – № 5. – С. 10–17.

8. Минаева А.И. К вопросу о влиянии искусственного интеллекта на индивидуальных субъектов права // Образование и право. – 2022 – № 7. – С. 249–253.

RUSSIA'S TECHNOLOGICAL SOVEREIGNTY AND THE LEGAL REGULATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Minaeva A.I.

State and Law at Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

This article examines the issue of legal regulation of artificial intelligence in the context of the need to ensure the sovereignty of the state as a whole and its technological component in particular. It is substantiated that the technological sovereignty of the state cannot be ensured without possessing technologies of strategic importance for national security and economic development. The creation and development of technologies, including artificial intelligence, is viewed not as an end in itself in state policy, but as a means of achieving national development goals. A particular challenge is the development of a legal regulation framework for sovereign artificial intelligence that is adequate to the current realities. The effectiveness of implementing the principle of technological sovereignty in the field of developing and using artificial intelligence technology should be linked to ensuring the protection of human rights and legitimate interests in relation to the use of this technology.

Keywords: sovereignty; technological sovereignty; state technological policy; artificial intelligence technologies; sovereign largescale fundamental models of artificial intelligence.

References

1. Federal Law № 243-FZ of July 26, 2026, «On Supporting the Development of Artificial Intelligence Technologies in the Russian Federation» // «Official Internet Portal of Legal Information (pravo.gov.ru)» July 26, 2026, № 0001202607260003.

2. Decree of the President of the Russian Federation № 490 of October 10, 2019, «On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation» (together with the «National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period up to 2030») // «Collection of Legislation of the Russian Federation» October 14, 2019, № 41, Item 5700.

3. Decree of the President of the Russian Federation № 529 of June 18, 2024, «On Approving Priority Areas for Scientific and Technological Development and the List of Key Knowledge-Intensive Technologies» // «Collection of Legislation of the Russian Federation» 2024, № 26, Item 3640.

4. Decree of the President of the Russian Federation № 145 of February 28, 2024, «On the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation» // «Collection of Legislation of the Russian Federation» 2024, № 10, Item 1373.

5. Directive of the Government of the Russian Federation № 1315-r of May 20, 2023, «On Approving the Concept of Technological Development for the Period up to 2030» // «Official Internet Portal of Legal Information (pravo.gov.ru)» May 25, 2023, № 0001202305250050.

6. Bychkov A.V., Bychkova A.M. Can the draft law «On the Fundamentals of State Regulation of the Spheres of Application of Artificial Intelligence Technologies in the Russian Federation» Become an «AI Constitution»? // Prologue: Journal of Law. – 2026. – № 2. – P. 37–53.

7. Ten Ideas for a Bill on Safe Artificial Intelligence in Russia / V.B. Naumov // Yurist. – 2026. – № 5. – P. 10–17.

8. Minaeva A.I. On the Impact of Artificial Intelligence on Individual Legal Subjects // Education and Law. – 2022. – № 7. – P. 249–253.

Федеральная налоговая служба России: компетенция и функции в условиях цифровизации

Кузнецов Леонид Дмитриевич,
кандидат юридических наук, профессор кафедры административного права Московского университета МВД России имени В.Я Кикотя
E-mail: leonkuzn@mail.ru

Статья посвящена анализу трансформации компетенции и функций Федеральной налоговой службы (ФНС России) в условиях всеобщей цифровизации. Отмечается, что ФНС России, являясь одним из наиболее технологически продвинутых и эффективных институтов государственного управления, стала ключевым драйвером цифровой экономики, формируя прозрачную налоговую среду. В работе подробно раскрывается расширение компетенции ФНС, охватывающей администрирование страховых взносов, контроль ККТ в режиме онлайн, валютное законодательство, международное сотрудничество (ОЭСР, ЕАЭС, инициативы BEPS), а также цифровую правоприменительную юрисдикцию и межведомственную координацию в цифровой среде. Анализируются ключевые функции ФНС России в условиях цифровизации. Выделяются контрольно-надзорные функции, трансформировавшиеся от ретроспекции к превенции за счёт проактивного цифрового контроля (системы АСК НДС-2, онлайн-мониторинг ККТ, риск-ориентированный анализ Big Data, межведомственный цифровой обмен), направленные на усиление прозрачности. Детально рассматриваются информационно-сервисные функции, превратившие ФНС в «цифрового партнера» налогоплательщика, посредством персонализированных электронных сервисов (личные кабинеты, мобильное приложение «Мой налог»), проактивного информирования, внедрения Единого налогового счета (ЕНС) и Единого налогового платежа (ЕНП), а также цифровой поддержки.

Ключевые слова: ФНС России, компетенция, функции, цифровизация, налоговое администрирование, АСК НДС-2, ЕНС, личный кабинет, Big Data, искусственный интеллект, налоговый комплаенс.

Федеральная налоговая служба (ФНС России) в современном мире представляет собой не просто фискальный орган, а один из наиболее технологически продвинутых и эффективных институтов государственного управления. В условиях всеобщей цифровизации её компетенция и функции претерпели значительную трансформацию, выйдя далеко за рамки традиционного сбора налогов и контроля. ФНС стала ключевым драйвером цифровой экономики, способствуя формированию прозрачной налоговой среды и повышению уровня налогового комплаенса [1, с. 45–52].

В эпоху цифровизации компетенция ФНС России включает в себя совокупность установленных законодательством полномочий, определяющих её предмет ведения и границы деятельности. В условиях цифровизации компетенция ФНС расширяется и углубляется, охватывая новые аспекты. Например, расширяется её предметная сфера деятельности. Так, помимо традиционных налогов и сборов, ФНС осуществляет администрирование страховых взносов, контроль за применением контрольно-кассовой техники (ККТ) в условиях онлайн-передачи данных, контроль за соблюдением валютного законодательства, а также регулирование и контроль в области акцизов, лотерей и азартных игр. Расширилась цифровая правоприменительная юрисдикция. Компетенция ФНС теперь включает не только работу с «бумажными» документами, но и обработку, анализ и реагирование на огромные массивы электронных данных (Big Data), поступающих в режиме реального времени [2, с. 60–80].

Это требует глубокой компетенции в области IT-права и информационной безопасности. Ей осуществляется межведомственная координация в цифровой среде. ФНС России активно взаимодействует с другими государственными органами (Банк России, Росфинмониторинг, Минцифры, правоохранительные органы) в цифровом формате, обмениваясь данными для выявления рисков и предотвращения правонарушений [3, с. 15–70].

В рамках международного сотрудничества (ОЭСР, ЕАЭС) ФНС России участвует в обмене налоговой информацией, борьбе с уклонением от налогов в офшорах и предотвращении агрессивного налогового планирования (инициативы BEPS), что требует компетенций в международном налоговом праве и цифровой криминалистике [4, с. 380–405].

Анализируя функции ФНС России в условиях цифровизации следует отметить, что цифровизация не только оптимизировала существующие функции, но и породила новые, трансформируя ФНС России в многогранный институт публичной власти. Значительно расширены контрольно-надзорные функции (трансформация от ретроспекции к превенции). Появился проактивный цифровой контроль. Это ключевая функция, которая отличает ФНС России от многих мировых налоговых служб. Системы, такие как АСК НДС-2, позволяют в реальном времени отслеживать цепочки добавленной стоимости, автоматически выявляя разрывы и налоговые схемы до их завершения. К тому же онлайн-мониторинг ККТ, когда ФНС России осуществляет непрерывный контроль за полнотой учета выручки через онлайн-кассы, получая данные о каждой транзакции [5, с. 180–220]. Это минимизирует сокрытие доходов в розничной торговле. ФНС России стала осуществлять риск-ориентированный анализ Big Data. Она, с помощью алгоритмов искусственного интеллекта (ИИ) и технологий Big Data ФНС проводит предиктивную аналитику, выявляя наиболее высокорискованных налогоплательщиков и сегменты экономики для проведения целенаправленных проверок [6, с. 15–70]. Вместе с тем, стала проводить межведомственный цифровой обмен, то есть автоматизированный обмен данными с банками, Росфинмониторингом, таможней, который позволяет формировать единую базу для всестороннего контроля. Усилена прозрачность деятельности. Эта функция направлена на создание максимально прозрачной налоговой среды, где возможность для уклонения сводится к минимуму.

Кроме вышеперечисленных функций, существуют ещё информационно-сервисные функции. ФНС активно развивает личные кабинеты налогоплательщика (для физических лиц, индивидуальных предпринимателей, юридических лиц), предоставляющие широкий спектр услуг (подача деклараций, уплата налогов, получение вычетов, запрос справок) в режиме 24/7. Установлены мобильные приложения, например, приложение «Мой налог» для самозанятых является

образцом клиентоориентированности, полностью автоматизируя взаимодействие с налоговой службой от регистрации до уплаты налога. [7, Официальный сайт ФНС России: www.nalog.gov.ru].

ФНС не просто отвечает на запросы, но и проактивно информирует налогоплательщиков о сроках уплаты, изменениях в законодательстве, наличии задолженностей или права на вычеты.

Внедрение Единого налогового счета (ЕНС) и Единого налогового платежа (ЕНП) значительно упростило порядок уплаты налогов, минимизируя ошибки и путаницу. Установлена также цифровая поддержка, например, идёт развитие чат-ботов, виртуальных помощников на основе ИИ для оперативного консультирования налогоплательщиков [5, с. 180–220].

Существуют правоприменительные функции. К ним относятся оптимизация и точечное воздействие. Внедрена автоматизация взыскания, то есть процессы взыскания недоимки, пеней и штрафов становятся все более автоматизированными, что повышает их оперативность и неотвратимость.

Внедрено риск-ориентированное правоприменение. Использование аналитики Big Data позволяет точечно применять меры принуждения к тем налогоплательщикам, у которых выявлены максимальные риски налоговых нарушений.

ФНС России осуществляет электронное взаимодействие с судебными и правоохранительными органами. Передача материалов и информации производится в электронном формате, ускоряя процессы привлечения к ответственности.

Нормотворческие и методологические функции тесно связаны с формированием цифрового налогового права. А это значит: ФНС России активно участвует в разработке законопроектов, регулирующих цифровую экономику, электронный документооборот, налогообложение криптовалют и новые формы занятости. ФНС России выпускает многочисленные разъяснения по применению налогового законодательства в цифровой среде, адаптируя его к новым реалиям, таким образом разрабатывает методические указания и разъяснения. ФНС является оператором и хранителем таких важнейших цифровых реестров, как ЕГРЮЛ, ЕГРИП, Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства, что является основой для всей государственной статистики и идентификации субъектов экономики. Следовательно, ФНС России осуществляет ведение цифровых реестров [8, с. 130–140, 145–150].

На основе вышеизложенного цифровизация не просто изменила отдельные аспекты деятельности ФНС России, она кардинально трансформировала её институциональную архитектуру, компетенцию и функции. ФНС России стала многофункциональным, высокотехнологичным институтом, способным осуществлять проактивный контроль в реальном времени, предоставлять передовые цифровые сервисы и активно влиять на формирование налоговой политики в условиях цифровой экономики. Это делает ФНС России одним из самых эффективных и инновационных налоговых органов в мире, успешно адаптирующимся к вызовам XXI века.

Литература

1. Герасименко В.Г. Цифровая трансформация ФНС России: опыт и перспективы // Финансовое право. 2023. № 1. с. 45–52.
2. Тосунян Г.А., Егиазарян А.К. Налоговое администрирование в цифровой экономике. М.: Проспект, 2023. с. 60–80.
3. Анищенко А.В. Налоговое администрирование в условиях цифровизации: новые вызовы и перспективы // Налоговое право в XXI веке: Сб. науч. тр. М., 2022. с. 15–70.
4. Винницкий Д.В. Налоговое право: Учебник для бакалавриата и магистратуры. М.: Норма, ИНФРА-М, 2021. с. 380–405.
5. Макаров И.Н. Налоговое администрирование: Учебник. М.: КноРус, 2021. С. 180–220.
6. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Цифровое право. М.: Норма, ИНФРА-М, 2020. с. 15–70.
7. Официальный сайт Федеральной налоговой службы Российской Федерации: www.nalog.gov.ru.
8. Кучеров И.И. Налоговое право России: Учебник для бакалавриата и магистратуры. М.: Статут, 2022. с. 130–140, 145–150.

THE FEDERAL TAX SERVICE OF RUSSIA: COMPETENCE AND FUNCTIONS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Kuznetsov L.D.
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya Kikoty

The article is devoted to an analysis of the transformation of the competence and functions of the Federal Tax Service (FTS of Russia) in the context of universal digitalization. It is noted that the FTS of Russia, being one of the most technologically advanced and efficient institutions of public administration, has become a key driver of the digital economy, creating a transparent tax environment. The paper details the expansion of the competence of the Federal Tax Service, covering the administration of insurance premiums, online control of CCT, currency legislation, international cooperation (OECD, EAEU, BEPS initiatives), as well as digital law enforcement jurisdiction and interdepartmental coordination in the digital environment. The key functions of the Federal Tax Service of Russia in the context of digitalization are analyzed. Control and supervisory functions have been transformed from retrospective to preventive measures through proactive digital control (ASC VAT-2 systems, online monitoring of tax control bodies, risk-based Big Data analysis, interdepartmental digital exchange), aimed at enhancing transparency. The information and service functions that have turned the Federal Tax Service into a «digital partner» of the taxpayer are considered in detail through personalized electronic services (personal accounts, the mobile application «My Taxes»), proactive information, the introduction of a Single Tax Account (ENS) and a Single Tax Payment (ENP), as well as digital support.

Keywords: Federal Tax Service of Russia, competence, functions, digitalization, tax administration, VAT-2 tax code, ENS, personal account, Big Data, artificial intelligence, tax compliance.

References

1. Gerasimenko V.G. Digital Transformation of the Federal Tax Service of Russia: Experience and Prospects // Financial Law. 2023. № 1. pp. 45–52.
2. Tosunyan G.A., Yeghiazaryan A.K. Tax administration in the digital economy. Moscow: Prospekt, 2023. pp. 60–80.
3. Anishchenko A.V. Tax administration in the context of digitalization: new challenges and prospects // Tax law in the XXI century: Collection of scientific papers. tr. Moscow, 2022. pp. 15–70.
4. Vinnitskiy D.V. Tax law: Textbook for undergraduate and graduate studies. Moscow: Norm, INFRA-M, 2021. pp. 380–405.
5. Makarov I.N. Tax administration: Textbook. Moscow: KnoRus, 2021. pp.180–220.
6. Khabrieva T.Ya., Chernogor N.N. Digital Law. Moscow: Norm, INFRA-M, 2020. pp. 15–70.
7. Official website of the Federal Tax Service of the Russian Federation www.nalog.gov.ru.
8. Kucherov I.I. Tax Law of Russia: A Textbook for Bachelor's and Master's Programs. Moscow: Statut, 2022, pp. 130–140, 145–150.

Права, обязанности и социальные гарантии сотрудников аппарата суда: проблемы правового регулирования

Миронов Игорь Андреевич,
аспирант, Российский государственный университет правосудия (РГУП) имени В.М. Лебедева
E-mail: dorosnik58@mail.ru

В статье проводится комплексный анализ правового статуса сотрудников аппарата суда в Российской Федерации. Предметом исследования выступает система нормативных правовых актов, регулирующих права, обязанности и социальные гарантии данной категории федеральных государственных гражданских служащих. Целью работы является выявление пробелов и противоречий в правовом регулировании статуса работников аппаратов судов. Методологическую основу исследования составляют формально-юридический, сравнительно-правовой и системно-структурный методы научного познания. В результате исследования выявлены ключевые проблемы правового регулирования: отсутствие единого федерального закона, недостаточная социальная защищенность, текучесть кадров. Проанализированы законодательные изменения 2022–2025 годов, включая введение должности администратора суда. Научная новизна состоит в систематизации актуальных проблем правового регулирования и формулировании конкретных предложений по совершенствованию законодательства. Результаты исследования могут быть использованы в законотворческой деятельности и правоприменительной практике.

Ключевые слова: аппарат суда, государственная гражданская служба, помощник судьи, секретарь судебного заседания, социальные гарантии, правовой статус, судебная система, классные чины юстиции.

Судебная власть в Российской Федерации, как и всякая ветвь государственной власти, не может действовать без надлежащего кадрового обеспечения; при этом организационное обеспечение деятельности судов, от которого напрямую зависит доступность правосудия для граждан, лежит на сотрудниках аппарата суда. Между тем правовое положение этой категории государственных служащих урегулировано с пробелами, и такие пробелы прямо сказываются на качестве кадрового состава судебной системы. Об остроте проблемы говорит, в частности, текучесть кадров в аппаратах судов, которая в отдельных регионах достигает весьма существенных значений.

На протяжении 2022–2025 годов правовое положение работников судебного аппарата подверглось заметной перестройке: в структуру судов вошла должность руководителя аппарата – администратора суда; для гражданских служащих, участвующих в заседаниях, стало обязательным ношение форменной одежды; вступили в силу новые редакции положений об аппаратах федеральных судов общей юрисдикции. Насколько эти новеллы изменили правовое положение работников судебного аппарата в действительности, доктрина пока не оценила; уже поэтому они нуждаются в системном рассмотрении, причем не порознь, а во взаимной связи и с учетом того, как они меняют положение работников на практике.

Целью настоящего исследования является проведение комплексного анализа правового статуса данной категории государственных служащих, выявление существующих проблем правового регулирования и формулирование научно обоснованных предложений по совершенствованию законодательства в данной сфере.

Обращаясь к анализу нормативно-правовых основ статуса сотрудников аппарата суда, необходимо отметить, что правовое регулирование в данной сфере строится на многоуровневой системе нормативных актов, образующих сложную иерархическую структуру. Базовое положение, определяющее функциональное назначение аппарата суда, закреплено в статье 32 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 года № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», согласно которому аппарат суда осуществляет обеспечение работы суда и подчиняется председателю соответствующего суда [1].

Федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 года № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации» детально регламентирует организационную структуру функционирования судебного аппарата. Принципиальное для всей рассматриваемой темы положение содержится в части 6 статьи 38 этого закона: работники аппарата суда признаются федеральными государственными гражданскими служащими, а замещаемые ими должности отнесены к должностям федеральной государственной гражданской службы [2].

Стержнем же всего массива норм, регулирующих положение лиц, которые проходят государственную гражданскую службу на соответствующих должностях, остается Федеральный закон от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ; именно он очерчивает круг принадлежащих им прав, возлагаемых на них обязанностей и предоставляемых им социально-правовых гарантий [7]. Целесообразно акцентировать внимание на том, что действующая версия указанного законодательного акта содержит ряд значимых поправок последнего времени, кардинально изменивших юридическое положение гражданских служащих [8].

Принципиальное значение для понимания современного состояния правового регулирования имеют законодательные изменения 2022 года в системе управления аппаратом суда. Федеральный конституционный закон от 19.12.2022 № 9-ФКЗ учредил качественно новую должность руководителя судебного аппарата – администратора суда для кассационных инстанций общей юрисдикции, апелляционных судов общей юрисдикции, а равно судов субъектного уровня: верховных судов республик, краевых и областных судов, судов городов федерального значения, суда автономной области и судов автономных округов [3]. При этом законодателем было установлено обязательное требование о наличии у данной категории должностных лиц высшего юридического образования, что свидетельствует о повышении квалификационных требований к руководящему составу аппаратов судов. Помимо этого, Федеральный конституционный закон от 16 апреля 2022 года № 1-ФКЗ установил обязательное служебное обмундиро-

вание для работников аппаратов судов, участвующих в судебных заседаниях и непосредственно взаимодействующих с гражданами, что направлено на повышение статуса и авторитета работников судебной системы.

На подзаконном уровне положение работников судебного аппарата определяют указы Президента Российской Федерации и ведомственные акты Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Указом Президента Российской Федерации от 19 ноября 2007 года № 1554 для лиц, замещающих должности в аппаратах судов и в органах Судебного департамента, установлены особые классные чины юстиции [11]; Указ Президента РФ от 11 сентября 2023 года № 672 дополнил соответствующую таблицу должностями руководителя аппарата – администратора суда и администратора постоянного судебного присутствия [12]. Значим и Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29 мая 2023 года № 91, которым утверждено Положение об аппарате федерального суда общей юрисдикции; в нем обстоятельно прописаны внутреннее устройство аппарата, стоящие перед ним задачи и объем его полномочий [14].

В контексте исследования структурной организации судебных органов и квалификационных критериев, предъявляемых к соискателям соответствующих должностей, надлежит констатировать, что исчерпывающий каталог служебных полномочий работников судебного аппарата нормативно зафиксирован в статье 39 Федерального конституционного закона о судах общей юрисдикции [2]. Что же касается распределения должностей аппарата суда по категориям и группам, то оно осуществляется на основании Реестра должностей федеральной государственной гражданской службы, утвержденного Указом Президента РФ от 31 декабря 2005 года № 1574 [9].

Должность помощника судьи является особенно значимой и характеризуется определенной специфичностью. Как в системе судов общей юрисдикции, так и в системе арбитражных судов, статус указанной должности регламентируется совокупностью норм о государственной гражданской службе и нормами процессуального права.

В силу статьи 58 АПК РФ, статьи 47.1 ГПК РФ и статьи 52.1 КАС РФ (все три нормы появились в кодексах благодаря Федеральному закону от 29.07.2018 № 265-ФЗ) на помощника судьи возложено содействие судье в подготовке и организации судебного разбирательства, а также подготовка проектов судебных актов [6]; одновременно законодатель жестко очертил пределы его полномочий: осуществление правосудия помощнику не доверено, как не доверено ему и совершение действий, порождающих, изменяющих либо прекращающих права и обязанности участвующих в деле лиц. В этом ограничении, на наш взгляд, прямо выражен конституционный принцип осуществления правосудия только судом, который исключает передачу судебных полномочий кому бы то ни было из должностных лиц аппарата.

Секретарю судебного заседания вверена процессуальная функция, значение которой трудно переоценить: он ведет протокол судебного заседания, а это единственный процессуальный документ, фиксирующий течение разбирательства. Перечень его обязанностей раскрыт в статье 245 УПК РФ: полно и правильно отражать в протоколе как действия и решения суда, так и действия участников судебного разбирательства, совершенные в ходе заседания; удостоверяться в явке лиц, участие которых в заседании необходимо; следить за ведением аудио- и видеозаписи хода процесса. Иными словами, именно секретарь придает ходу судебного заседания документальную форму.

Квалификационные требования к работникам судебного аппарата зависят от категории должности. Для высших и главных должностей требуется высшее образование по программам специалитета или магистратуры; сверх образовательного ценза законодатель требует стажа государственной гражданской службы от двух до четырех лет либо, как альтернативы, подтвержденного стажа работы по специальности не менее четырех лет [15]. Планка, как видим, установлена достаточно высокая, что само по себе разумно для руководящего звена, хотя (и об этом пойдет речь ниже) едва ли согласуется с уровнем денежного содержания на этих должностях.

Анализируя совокупность прав и обязанностей работников судебного аппарата, необходимо указать, что правомочия этой категории государственных гражданских служащих зафиксированы в статье 14 Федерального закона № 79-ФЗ и формируют целостную систему полномочий, ориентированных на осуществление служебной деятельности и охрану законных интересов служащего. Среди базовых прав следует назвать: право на организационно-технические условия, без которых надлежащее исполнение должностных обязанностей невозможно; право на отдых, которое обеспечивается установленной продолжительностью служебного времени, предоставлением выходных и нерабочих праздничных дней, а также ежегодных оплачиваемых основного и дополнительных отпусков; право на оплату труда и иные выплаты, причитающиеся в соответствии с федеральным законодательством, иными нормативными правовыми актами и служебным контрактом [7].

Не меньший вес для служащего имеют закрепленные пунктами 13–15 части 1 статьи 14 Федерального закона № 79-ФЗ права на профессиональное развитие и должностной рост на конкурсной основе, на государственную защиту жизни и здоровья, на пенсионное обеспечение, а равно право обжаловать решения представителя нанимателя [18].

Круг обязанностей работников аппарата суда очерчен статьей 15 Федерального закона № 79-ФЗ; служащий обязан следовать требованиям законодательства, действовать в рамках должностного регламента и выполнять поручения руководителей, уважать права граждан и организаций, поддерживать квалификацию, хранить государственную тайну, беречь вверенное имущество, представлять сведения о доходах и сообщать о конфликте интересов [7].

Ограничениям и запретам, призванным исключить конфликт интересов, посвящены статьи 16 и 17 Федерального закона № 79-ФЗ; службе препятствуют, в частности, недееспособность, судимость, отказ от оформления допуска к гостайне, заболевания определенного рода, близкое родство при подчиненности, выход из гражданства РФ, подложные документы и нарушение антикоррупционных требований [7].

Финансовое обеспечение в соответствии со статьей 50 Федерального закона № 79-ФЗ формируется из совокупности выплат: базового оклада по занимаемой должности, дополнительного оклада за присвоенный классный чин, доплат за продолжительность служебной деятельности в диапазоне от 10 до 30 процентов, компенсационных выплат за специфические условия осуществления служебных обязанностей в размере до 200 процентов, дополнительных выплат за осуществление деятельности, связанной с доступом к сведениям, составляющим государственную тайну, поощрительных премиальных вознаграждений по результатам служебной деятельности, а также единовременной материальной поддержки в установленных законодательством случаях [7]. Конкретные размеры окладов определяет Указ Президента Российской Федерации от 25 июля 2006 года № 763 [10].

Федеральный закон от 10 января 1996 года № 6-ФЗ предусматривает надбавки за ученые степени и звания: 5% за кандидата наук или доцента, 10% за доктора наук, профессора или звание «Заслуженный юрист РФ» [4]. Пенсия за выслугу лет назначается согласно Федеральному закону от 15 декабря 2001 года № 166-ФЗ при стаже не менее 19,5 лет в 2025 году с увеличением до 20 лет [5].

Время отдыха гражданских служащих судебного аппарата регулируется статьей 46 Федерального закона № 79-ФЗ. Основной ежегодный оплачиваемый отпуск составляет 30 календарных дней для всех гражданских служащих независимо от категории должности; дополнительный отпуск за выслугу лет исчисляется из расчета один календарный день за каждый год гражданской службы, причем общая продолжительность отпуска ограничена 45 календарными днями для служащих, замещающих должности высшей и главной групп, и 40 календарными днями для остальных. Единовременная субсидия на приобретение жилого помещения предоставляется на основании статьи 53 Федерального закона № 79-ФЗ и Постановления Правительства Российской Федерации от 27.01.2009 № 63 при стаже замещения должности не менее одного года и только один раз за весь период гражданской службы [13].

Что же касается проблем правового регулирования, то главная из них остается прежней: единого федерального закона об аппарате суда и о статусе его работников нет. А.А. Коблова справедливо замечает, что действующее законодательство не содержит единой и ясной схемы подчиненности работников аппарата суда, а это порождает вполне осязаемые практические трудности в организации их работы [16].

Особого внимания требует «двойное подчинение» администратора суда, о котором в литературе спорят не первый год. Администратор подчинен одновременно председателю суда и начальнику соответствующего подразделения Судебного департамента; отсюда неизбежные противоречия в организации его работы и конфликт компетенций. Федеральный закон от 19 декабря 2022 года № 515-ФЗ попытался снять проблему, выделив два вида администраторов суда и изменив порядок их подчиненности, однако Е.В. Королева обоснованно указывает, что законодательная работа по оптимизации статуса администратора и устранению двойственности его положения должна быть продолжена [17]. С этим трудно не согласиться: половинчатое решение здесь едва ли лучше его отсутствия.

Наиболее же острой и болезненной для современной судебной системы России остается, думается, недостаточная социальная защищенность сотрудников аппарата суда.

Цифры текучести кадров говорят сами за себя: в Амурской области в 2022 году она составила 100 процентов в год; в судах Удмуртской Республики в 2024 году уволилось 65 процентов численности аппарата; в Ярославской области за 2024 год показатель вырос с 30,8 до 40 процентов; в отдельных районных судах текучесть достигает 200–400 процентов [19]. По официальным данным Совета судей Российской Федерации за 2024 год, количество вакантных должностей судей в судах общей юрисдикции составляет 3581 единицу, что соответствует 14,05 процента штатной численности; в арбитражных судах вакантны 599 должностей; что же касается укомплектованности аппаратов судов, то здесь положение, по всей видимости, еще хуже, и приведенные региональные цифры это подтверждают.

Научная дискуссия о возможности расширения процессуальных полномочий помощников судей ведется в отечественной юридической науке с 2011 года, когда в Президиуме Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации обсуждался соответствующий законопроект. О.В. Николайченко указывает на необходимость более детальной законодательной регламентации процессуального положения помощника судьи по образцу арбитражного процессуального законодательства. Иную позицию отстаивает Е.А. Фокин: в статье «О перспективах перераспределения судебной компетенции по делам приказного производства» он обстоятельно обосновывает вывод о том, что помощник судьи не может рассматриваться как самостоятельная и полноправная фигура в разрешении дел, поскольку совершать независимые процессуальные действия закон ему не позволяет [20].

Итог проведенного анализа сводится к следующему. Правовой статус сотрудников аппарата суда в Российской Федерации представляет собой комплексный институт публичного права, лежащий на стыке законодательства о государственной гражданской службе и законодательства о судебной системе; работники аппарата суда как федеральные государственные гражданские служащие наделены развернутой системой прав, обязанностей и социальных гарантий, закрепленных в многочисленных нормативных правовых актах разной юридической силы. Между тем на практике эти гарантии упираются в проблемы системного свойства: низкий уровень оплаты труда, высокую текучесть кадров, разрозненность и фрагментарность нормативного регулирования.

Научная дискуссия сегодня сосредоточена вокруг нескольких вопросов: нужен ли единый федеральный закон об аппарате суда; допустимо ли расширять процессуальные полномочия помощников судей; как совершенствовать статус секретаря судебного заседания как участника судопроизводства. Законодательные изменения 2022–2025 годов (должность руководителя аппарата – администратора суда, новые положения об аппаратах судов, законопроект о нормах служебной нагрузки судей и работников аппаратов) показывают, что проблема признана на государственном уровне и системная работа над ней начата; вопрос лишь в том, будет ли она доведена до конца.

По результатам исследования мы предлагаем принять отдельный федеральный закон о статусе работников аппарата суда, который системно регулировал бы их правовое положение, устанавливал единую схему подчиненности и закреплял, в числе прочего, легальные определения основных понятий рассматриваемой сферы; разрозненные нормы, рассеянные сегодня по актам разной юридической силы, такой закон должен свести воедино.

Не менее важным представляется проведение комплексных мероприятий, направленных на повышение уровня социальных гарантий сотрудников аппарата суда.

По нашему мнению, вышеуказанные меры в своей совокупности и системной связи окажут существенное влияние на решение актуальных задач, стоящих перед судебной системой и повысят престиж должности сотрудника аппарата суда.

Литература

1. О судебной системе Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 1. – Ст. 1.

2. О судах общей юрисдикции в Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 07.02.2011 № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 898.

3. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации»: Федеральный конституционный закон от 19.12.2022 № 9-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 52. – Ст. 9126.

4. О дополнительных гарантиях социальной защиты судей и работников аппаратов судов Российской Федерации: Федеральный закон от 10.01.1996 № 6-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 144.

5. О государственном пенсионном обеспечении в Российской Федерации: Федеральный закон от 15.12.2001 № 166-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 51. – Ст. 4831.

6. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

7. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2004. – № 31. – Ст. 3215.

8. О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации»: Федеральный закон от 22.04.2024 № 87-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 18. – Ст. 2357.

9. О Реестре должностей федеральной государственной гражданской службы: Указ Президента РФ от 31.12.2005 № 1574 // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 1. – Ст. 118.

10. О денежном содержании федеральных государственных гражданских служащих: Указ Президента РФ от 25.07.2006 № 763 // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3459.

11. О порядке присвоения и сохранения классных чинов юстиции: Указ Президента РФ от 19.11.2007 № 1554 // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 48 (ч. 2). – Ст. 5952.

12. О внесении изменений в таблицу соответствия классных чинов юстиции: Указ Президента РФ от 11.09.2023 № 672 // Собрание законодательства РФ. – 2023. – № 38. – Ст. 6820.

13. О предоставлении федеральным государственным гражданским служащим единовременной субсидии на приобретение жилого помещения: Постановление Правительства РФ от 27.01.2009 № 63 // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 6. – Ст. 739.

14. Об утверждении Положения об аппарате федерального суда общей юрисдикции: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29.05.2023 № 91. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406986182/ (дата обращения: 24.09.2026)

15. Квалификационные требования к кандидатам на замещение должностей государственной гражданской службы в аппарате Верховного Суда Российской Федерации. – URL: https://vsrf.ru/about/hr/admission/qualified_requirements/ (дата обращения: 24.09.2026)

16. Коблова, А.А. Неясность в правовом статусе секретаря судебного заседания в уголовном процессе / А.А. Коблова // Юридический факт. – 2020. – № 115. – С. 56–58.

17. Королева, Е.В. Председатель суда и администратор суда в условиях правовой действительности / Е.В. Королева // Администратор суда. – 2021. – № 1. – С. 13–15. – DOI 10.18572/2072–3636–2021–1–13–15.

18. Кулаков, Н.А. Права государственного гражданского служащего как элемент его административно-правового статуса: некоторые проблемы реализации / Н.А. Кулаков, Д.Р. Усманова, А.А. Шельпяков // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 2(218). – С. 76–78. – DOI 10.47643/1815–1337_2023_2_76. – EDN JFFTEY.

19. Повышение оклада денежного содержания служащих аппарата суда: Российская общественная инициатива. – URL: https://www.roi.ru/53360/ (дата обращения: 24.09.2026)

20. Фокин, Е.А. О перспективах перераспределения судебной компетенции по делам приказного производства / Е.А. Фокин // Журнал российского права. – 2023. – № 7. – С. 112–126.

RIGHTS, DUTIES AND SOCIAL GUARANTEES OF COURT STAFF: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Mironov I.A.
Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

This article presents a detailed examination of the legal standing of court personnel within the Russian Federation. The study focuses on the framework of normative legal acts that govern the rights, obligations, and social protections afforded to this category of federal civil servants. The purpose of the work is to identify gaps and contradictions in the legal regulation of court staff status. The methodological basis of the study includes formal-legal, comparative-legal and system-structural methods of scientific cognition. The study identifies key problems of legal regulation: the absence of a unified federal law, insufficient social protection, and high staff turnover. Legislative changes of 2022–2025 are analyzed, including the introduction of the court administrator position. The scientific novelty lies in systematizing current problems of legal regulation and formulating specific proposals for improving legislation.

Keywords: court staff, civil service, judge's assistant, court session secretary, social guarantees, legal status, judicial system, class ranks of justice.

References

1. On the Judicial System of the Russian Federation: Federal Constitutional Law of December 31, 1996 № 1-FKZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1997. – № 1. – Art. 1.

2. On Courts of General Jurisdiction in the Russian Federation: Federal Constitutional Law of February 7, 2011 № 1-FKZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2011. – № 7. – Art. 898.

3. On Amendments to the Federal Constitutional Law «On Courts of General Jurisdiction in the Russian Federation»: Federal Constitutional Law of December 19, 2022 № 9-FKZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2022. – № 52. – Art. 9126.

4. On Additional Guarantees of Social Protection of Judges and Court Staff of the Russian Federation: Federal Law of January 10, 1996 № 6-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – № 3. – Art. 144.

5. On State Pension Provision in the Russian Federation: Federal Law of December 15, 2001 № 166-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2001. – № 51. – Art. 4831.

6. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation of July 24, 2002 № 95-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – № 30. – Art. 3012.

7. On State Civil Service of the Russian Federation: Federal Law of July 27, 2004 № 79-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2004. – № 31. – Art. 3215.

8. On Amendments to the Federal Law «On State Civil Service of the Russian Federation»: Federal Law of April 22, 2024 № 87-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2024. – № 18. – Art. 2357.

9. On the Register of Positions of Federal State Civil Service: Decree of the President of the Russian Federation of December 31, 2005 № 1574 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2006. – № 1. – Art. 118.

10. On Monetary Allowance for Federal State Civil Servants: Decree of the President of the Russian Federation of July 25, 2006 № 763 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2006. – № 31 (Part 1). – Art. 3459.

11. On the Procedure for Assignment and Retention of Class Ranks of Justice: Decree of the President of the Russian Federation of November 19, 2007 № 1554 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2007. – № 48 (Part 2). – Art. 5952.

12. On Amendments to the Table of Correspondence of Class Ranks of Justice: Decree of the President of the Russian Federation of September 11, 2023 № 672 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2023. – № 38. – Art. 6820.

13. On Provision of One-Time Subsidy for Purchase of Residential Premises to Federal State Civil Servants: Resolution of the Government of the Russian Federation of January 27, 2009 № 63 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2009. – № 6. – Art. 739.

14. On Approval of the Regulation on the Staff of a Federal Court of General Jurisdiction: Order of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation of May 29, 2023 № 91. – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406986182/ (accessed: 24.09.2026).

15. Qualification Requirements for Candidates for Positions of State Civil Service in the Staff of the Supreme Court of the Russian Federation. – URL: https://vsrf.ru/about/hr/admission/qualified_requirements/ (accessed: 24.09.2026).

16. Koblova, A.A. Ambiguity in the Legal Status of the Court Session Secretary in Criminal Proceedings / A.A. Koblova // Yuridicheskiy Fakt. – 2020. – № 115. – P. 56–58.

17. Koroleva, E.V. Court Chairman and Court Administrator in Legal Reality / E.V. Koroleva // Administrator Suda. – 2021. – № 1. – P. 13–15. – DOI 10.18572/2072–3636–2021–1–13–15.

18. Kulakov, N.A. Rights of State Civil Servant as an Element of Their Administrative and Legal Status: Some Implementation Problems / N.A. Kulakov, D.R. Usmanova, A.A. Shelpyakov // Law and State: Theory and Practice. – 2023. – № 2(218). – P. 76–78. – DOI 10.47643/1815–1337_2023_2_76. – EDN JFFTEY.

19. Increasing the Salary of Court Staff: Russian Public Initiative. – URL: https://www.roi.ru/53360/ (accessed: 24.09.2026).

20. Fokin, E.A. On Prospects of Redistribution of Judicial Competence in Writ Proceedings / E.A. Fokin // Journal of Russian Law. – 2023. – № 7. – P. 112–126.

Соотношение прав и свобод личности в сфере информации и информационной безопасности общества и государства

Мухачев Игорь Владимирович,
профессор, доктор юридических наук, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
E-mail: imukhachev@ncfu.ru

Аванесова Анна Артёмовна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права. ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет»
E-mail: annavanesova@yandex.ru

В статье предложен новый теоретический подход, согласно которому информационная безопасность личности рассматривается не как внешнее ограничение права на информацию, а как его имманентное свойство и неотъемлемый элемент. На основе анализа конституционных норм, действующего законодательства и правовых позиций Конституционного Суда России, выявлены системные пробелы в правовом регулировании: отсутствие легального определения информационной безопасности личности, избыточность ограничений доступа к информации, недостаточная проработанность механизмов защиты персональных данных и судебного контроля за блокировкой информационных ресурсов. В отличие от традиционных подходов, рассматривающих информационную безопасность как функцию государства, авторы обосновывают необходимость её конституционно-правового закрепления в качестве гарантии реализации информационных прав. В заключительной части статьи предлагаются конкретные редакции законодательных норм.
Сделан вывод о необходимости поиска оптимального баланса между реализацией информационных прав личности и обеспечением информационной безопасности общества и государства, который составляет суть правового регулирования в информационной сфере в демократическом правовом государстве.

Ключевые слова: информационная безопасность, цифровизация, ограничение доступа к информации, баланс прав и безопасности, Конституционный Суд РФ, совершенствование законодательства.

Цифровая трансформация всех сфер общественной жизни поставила перед правовой наукой и практикой принципиально новый вопрос: в какой мере обеспечение информационной безопасности может служить основанием для ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина. Думается, этот вопрос не сводится к банальной дилемме «свобода или безопасность», поскольку в информационной сфере оба эти начала неразрывно связаны.

Несмотря на бесспорную востребованость практикой, термины «информационная безопасность», «частная жизнь», «личная тайна» не имеют единого легального толкования, что создает возможности для их расширительного толкования в правоприменительной практике. Федеральные законы, регулирующие оперативно-розыскную деятельность и обеспечение безопасности, предоставляют государственным органам широкие полномочия по доступу к информации о частной жизни граждан без достаточных судебных гарантий. Рост числа утечек персональных данных из государственных и частных информационных систем свидетельствует о неэффективности существующих механизмов их защиты [2].

В доктрине конституционного права сложилось понимание информационной безопасности личности как элемента конституционно-правового статуса гражданина [4]. В системе информационных прав и свобод, как подчеркивает А.А. Чеботарева, праву на информационную безопасность должно отводиться далеко не последнее место. С данной позицией, думается, можно согласиться [7].

Отметим позицию М.К. Водопьяновой, которая, анализируя конституционные гарантии приватности и киберугрозы, приходит к выводу о наличии правовых коллизий между конституционными правами на неприкосновенность частной жизни и мерами обеспечения информационной безопасности [2].

Тем не менее, мы полагаем, что эти коллизии не являются непреодолимыми: при последовательной судебной интерпретации конституционных принципов возможно достижение баланса между названными ценностями.

В отличие от традиционного подхода, доминирующего в современной доктрине, рассматривающего информационную безопасность как внешнее ограничение права на информацию, мы считаем в большей степени соответствующим сущности информационных прав и свобод личности иной подход.

Суть его в том, что информационная безопасность, это, прежде всего, не ограничение, а имманентное свойство самого права на информацию, его неотъемлемый элемент. Без способности личности контролировать информацию о себе, защищать её от несанкционированного доступа и искажения, право на информацию утрачивает своё реальное содержание и превращается в формальную декларацию.

Ключевая задача, стоящая перед законодателем и правоприменителем, заключается в поиске оптимального баланса между реализацией информационных прав и свобод личности и обеспечением информационной безопасности общества и государства.

Думается, далеко не во всем можно согласиться с теми авторами, которые рассматривают информационную безопасность исключительно как функцию государства, а право на информацию, как подлежащую своего рода «дозированию» возможность личности, в том числе и из «экономической целесообразности» [1].

Такой подход, по нашему глубокому убеждению, игнорирует конституционную природу информационных прав как субъективных прав, которые государство не «предоставляет», а обязано защищать. В этом смысле информационная безопасность представляет собой не «ограничение», а имманентное свойство права на информацию, без которого оно теряет своё содержание и превращается в формальную декларацию. В настоящее время большее внимание уделяется обеспечению информационной безопасности, которое порой осуществляется вопреки логике развития информационного общества. Это более чем обосновано в период Специальной военной операции, но должно осмысляться как временное явление, как требование времени, когда усилия государства по недопущению информационных угроз и минимизации информационных рисков должны быть максимальны.

Практика Конституционного Суда Российской Федерации подтверждает необходимость системного подхода. В Постановлении

от 26 октября 2017 года № 25-П Конституционный Суд России рассмотрел дело о проверке конституционности пункта 5 статьи 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в связи с жалобой гражданина А.И. Сушкова. Суд указал на важное обстоятельство: наличие у лица доступа к информации не означает, что оно становится её обладателем, и условия пользовательского соглашения не могут трактоваться как предоставляющие владельцу интернет-сервиса право на информацию, содержащуюся в сообщениях пользователей. Суд определил, что право на информацию включает в себя правомочие по контролю за её использованием, что является элементом информационной безопасности личности [6].

В Определении от 28 января 2025 года № 283-О Конституционный Суд РФ отказал в принятии к рассмотрению жалобы граждан Д.Г. Галицкого и Д.Г. Жебелева на нарушение их конституционных прав частями 5 и 6 статьи 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Суд фактически подтвердил конституционность внесудебного порядка ограничения доступа к информации [5].

Думается, что в современных условиях данная позиция Конституционного Суда России вполне оправдана. Тем не менее, в долгосрочной перспективе, по нашему мнению, этот подход должен носить временный характер, так как внесудебный порядок создает риски злоупотреблений и требует дополнительных процессуальных гарантий для обеспечения прав и свобод личности в информационной сфере.

Сохраняется проблема избыточного и не всегда обоснованного ограничения доступа к информации. Законодательные механизмы блокировки Интернет-ресурсов, предусмотренные статьями 15.1–15.3 Закона № 149-ФЗ, не всегда сопровождаются адекватными процессуальными гарантиями для обладателей информации.

Представляется необходимым закрепить в Законе № 149-ФЗ обязанность уполномоченных органов уведомлять владельцев информационных ресурсов о причинах блокировки с указанием конкретных правовых оснований и предоставлять разумный срок для устранения нарушений до применения мер ограничения доступа.

Предлагается дополнить статью 15.1 Закона № 149-ФЗ частью 3.1 следующего содержания: 3.1. Уполномоченный орган, принявший решение о включении доменного имени и (или) указателя страницы сайта в сети «Интернет» в реестр, в срок не позднее одного рабочего дня со дня принятия такого решения направляет владельцу информационного ресурса уведомление о включении с указанием оснований и даты принятия решения. Владелец информационного ресурса вправе в течение десяти рабочих дней со дня получения уведомления представить в уполномоченный орган возражения в письменной форме с приложением документов, подтверждающих устранение нарушений. При наличии таких возражений уполномоченный орган обязан рассмотреть их в течение пяти рабочих дней и принять решение об исключении доменного имени и (или) указателя страницы сайта из реестра в случае подтверждения устранения нарушений.

Принятие данной нормы позволит существенно повысить уровень защиты персональных данных граждан, создать действенные стимулы для операторов по обеспечению безопасности информационных систем и обеспечить соразмерность ответственности характеру нарушений.

Требует совершенствования механизм судебного контроля за ограничением информационных прав. Внесудебный порядок ограничения доступа к информации, который Конституционный Суд РФ подтвердил в Определении от 28 января 2025 года № 283-О, в долгосрочной перспективе создает риски злоупотреблений. В будущем, представляется необходимым расширить полномочия судов по пересмотру решений о блокировке информационных ресурсов, предусмотрев возможность обжалования таких решений в упрощённом порядке с сокращёнными сроками рассмотрения, а также обязать уполномоченные органы направлять в суд мотивированные

Принятие в будущем данной нормы позволит обеспечить эффективный судебный контроль за внесудебными решениями о блокировке информационных ресурсов, сократить сроки рассмотрения таких дел и создать для обладателей информации реальную возможность защиты своих прав в судебном порядке.

Таким образом, соотношение прав и свобод личности в сфере информации и информационной безопасности общества и государства представляет собой одну из наиболее сложных проблем современного конституционного права. Её решение не может быть сведено к простому противопоставлению частного и публичного интересов, поскольку сама информационная безопасность личности является неотъемлемым элементом конституционно-правового статуса гражданина.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, конституционные гарантии информационных прав, закреплённые в статьях 23, 24 и 29 Конституции РФ, образуют нормативную основу для защиты личности от произвольного вмешательства в информационную сферу.

Во-вторых, информационная безопасность личности не является новым самостоятельным правом, а представляет собой элемент конституционно-правового статуса, относящийся к гарантиям реализации прав и свобод человека и гражданина.

В-третьих, в отличие от традиционных подходов, рассматривающих информационную безопасность как внешнее ограничение прав, я предлагаю понимать её как имманентное свойство права на информацию, его неотъемлемый элемент.

В-четвертых, практика Конституционного Суда России последовательно развивает конституционные принципы защиты информационных прав, однако сохраняются пробелы в законодательном регулировании, связанные с отсутствием легального определения информационной безопасности личности.

Думается, введение процессуальных гарантий при ограничении доступа к информации, усиление ответственности за нарушение требований к защите персональных данных, расширение судебного контроля за решениями о блокировке, призваны способствовать достижению оптимального баланса между реализацией информационных прав личности и обеспечением информационной безопасности общества и государства. Именно этот баланс, а не доминирование одной общественной ценности над другой, составляет суть правового регулирования в информационной сфере в демократическом правовом государстве.

Литература

1. Абдрахманов Д.В. Развитие информационного общества и информационная безопасность в России: конституционные ценности для поиска золотой середины // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 2. С. 28–35.
2. Водопьянова М.К. Конституционные гарантии приватности и киберугрозы: правовые коллизии защиты критической информационной инфраструктуры // Вопросы российской юстиции. 2023. № 36. С. 132–139.
3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправке к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 11. Ст. 1416.
4. Никитина Е.Е. Информационная безопасность как элемент конституционного статуса личности // Журнал российского права. 2024. Т. 28. № 1. С. 81–94.
5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28.01.2025 № 283-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Галицкого Дениса Григорьевича и Жебелева Дмитрия Геннадьевича на нарушение их конституционных прав частями 5 и 6 статьи 15.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»« // СПС Консультант Плюс. (дата обращения: 20.07.2026).
6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 26.10.2017 № 25-П «По делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в связи с жалобой гражданина А.И. Сушкова» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 44. Ст. 6567.
7. Чеботарева А.А. Информационная безопасность личности в системе информационных прав и свобод // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2015. № 4 (20). С. 73–77.

THE BALANCE BETWEEN INDIVIDUAL RIGHTS AND FREEDOMS IN THE SPHERE OF INFORMATION AND THE INFORMATION SECURITY OF SOCIETY AND THE STATE

Mukachev I.V., Avanesova A.A.
North-Caucasus Federal University

The article proposes a new theoretical approach, according to which personal information security is viewed not as an external limitation of the right to information, but as an inherent property and integral element of this right. Based on an analysis of constitutional provisions, current legislation, and the legal positions of the Constitutional Court of Russia, systemic gaps in legal regulation have been identified: the absence of a legal definition of an individual's information security, excessive restrictions on access to information, and insufficiently developed mechanisms for the protection of personal data and judicial over-

sight of the blocking of information resources. Unlike traditional approaches, which view information security as a function of the state, the authors argue for the need to enshrine it in the constitution and law as a guarantee of the realization of information rights.
The concluding section of the article proposes specific wording for legislative provisions. It has been concluded that it is necessary to strike an optimal balance between the exercise of individuals' information rights and the safeguarding of information security for society and the state, which constitutes the essence of legal regulation in the information sphere in a democratic state governed by the rule of law.

Keywords: information security, digitalization, restriction of access to information, balance of rights and security, Constitutional Court of the Russian Federation, legislative improvement.

References

1. Abdrakhmanov, D.V. «Development of the Information Society and Information Security in Russia: Constitutional Values for Finding a Middle Ground» // Russian Law: Education, Practice, Science. 2024. № 2. pp. 28–35.

2. Vodopyanova, M.K. «Constitutional Guarantees of Privacy and Cyber Threats: Legal Conflicts in Protecting Critical Information Infrastructure» // Issues of Russian Justice. 2023. № 36. pp. 132–139.

3. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12.12.1993 (taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 № 6-FKZ, of 30.12.2008 № 7-FKZ, of 05.02.2014 № 2-FKZ, of 21.07.2014 № 11-FKZ, of 14.03.2020 № 1-FKZ) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2020. № 11. Article 1416.

4. Nikitina E.E. Information Security as an Element of the Constitutional Status of an Individual // Journal of Russian Law. 2024. Vol. 28. № 1. Pp. 81–94.

5. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated January 28, 2025 № 283-O «On Refusal to Accept for Consideration the Complaint of Citizens Denis Grigorievich Galitsky and Dmitry Gennadievich Zhebelev Regarding the Violation of Their Constitutional Rights by Parts 5 and 6 of Article 15.3 of the Federal Law «On Information, Information Technologies, and the Protection of Information»« // SPS Consultant Plus. (date accessed: July 20, 2026).

6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated October 26, 2017 № 25-P «On the Case of Verifying the Constitutionality of Clause 5 of Article 2 of the Federal Law «On Information, Information Technologies, and the Protection of Information» in Connection with the Complaint of Citizen A.I. Sushkov» // Collected Legislation of the Russian Federation. 2017. № 44. Article 6567.

7. Chebotareva A.A. Information security of the individual in the system of information rights and freedoms // Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series «Legal Sciences». 2015. № 4 (20). P. 73–77.

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве: теория и практика применения

Облаков Алексей Анатольевич,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин, Дальневосточный филиал Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»
E-mail: aoblakov@mail.ru

В статье рассмотрены дефиниции понятия «досудебное соглашение о сотрудничестве», выделены его основные черты, предмет, объект, цели и функции в российской правоприменительной практике. Рассмотрены общие черты досудебного соглашения о сотрудничестве и сделки о признании вины. Сделан вывод о том, что многие из аспектов функционирования института досудебного соглашения о сотрудничестве вызывают оживленные споры в научной литературе. Отмечаются такие спорные аспекты, как нравственная оправданность включения института досудебного соглашения о сотрудничестве в российское право, обеспечение его соответствия принципу законности и справедливости, игнорирование интересов потерпевшего при заключении соглашений о сотрудничестве. Также выделена проблема отсутствия законодательной фиксации обязанностей прокурора по соглашению, что существенно повышает уровень субъективного усмотрения при интерпретации степени помощи, которую оказывает обвиняемый для следствия и ставит в невыгодное положение обвиняемого или подозреваемого. Отмечается, что одним из проблемных аспектов функционирования института досудебного соглашения о сотрудничестве являются признание и раскаяние как подразумеваемые, но не урегулированные законом условия досудебного соглашения.

Ключевые слова: досудебное соглашение о сотрудничестве, сделка о признании вины, обвиняемый, подозреваемый, справедливость, раскаяние, постпреступные действия.

Институт досудебного соглашения о сотрудничестве относительно недавно вошел в отечественную правоприменительную практику. В данной связи далеко не все его аспекты являются урегулированными. В научной литературе возникает множество дискуссий относительно его правовой природы, дефиниции, функций и общего влияния на работу правоохранителей. Представляется весьма актуальным рассмотрение основных сущностных черт института досудебного соглашения о сотрудничестве.

Ю.Е. Михайлова указывает на то, что досудебное соглашение о сотрудничестве фактически являет собой один из способов расследования и раскрытия наиболее тяжких преступлений, который реализуется посредством использования активного содействия следствию со стороны обвиняемой стороны. Исследователь определяет досудебное соглашение о сотрудничестве в качестве соглашения между сторонами обвинения и защиты, в котором они согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого; данные условия обусловлены определенными действиями подозреваемого или обвиняемого после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения [3, с. 46]. Аналогичная дефиниция представлена в Уголовно-процессуальном Кодексе Российской Федерации (п. 61 ст. 5): «досудебное соглашение о сотрудничестве – соглашение между сторонами обвинения и защиты, в котором указанные стороны согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения» [13].

М.В. Носков говорит о том, что соглашение о досудебном соглашении о сотрудничестве кардинально отличается от иных видов договоров, зафиксированных в гражданском законодательстве, так как в его основе отчетливо прослеживаются публичные начала. Так, в частности, в ситуации противоречия между частными и публичными началами в ходе заключения досудебного соглашения о сотрудничестве прокурор принимает решение исходя из публичных интересов [5, с. 229].

А.С. Охлопкова определяет досудебное соглашение о сотрудничестве следующим образом: соглашение между сторонами обвинения и защиты, по условиям которого подозреваемый или обвиняемый берет на себя обязательство оказать содействие обвинению в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании иных соучастников преступления, розыске имущества в обмен на существенное снижение наказания в порядке ч. 2, 4 ст. 62 УК РФ [6, с. 101]; [12].

Рассуждая о правовой природе досудебного соглашения о сотрудничестве, М.В. Носков пишет: соглашение «является своеобразным подтверждением деятельного раскаяния обвиняемого», но при этом – оно не способно обеспечить полный иммунитет от уголовного преследования [5, с. 227].

Я.М. Плошкина, в свою очередь, говорит о том, что в основе досудебного соглашения о сотрудничестве лежит компромисс, зафиксированный в виде законодательных гарантий уступок в отношении обвиняемого (подозреваемого) «в обмен на совершение им определенных позитивных постпреступных действий» [8, с. 99].

В отношении места и роли досудебного соглашения о сотрудничестве в правоприменительной практике (судопроизводстве) единства мнений пока не наблюдается: по мнению некоторых авторов, его можно классифицировать как мероприятие по ускоренному производству или по сокращению процесса доказывания. Другие же рассматривают его с позиции специального порядка уголовного судопроизводства.

Рассматриваемый нами институт имеет множество схожих черт со сделками о признании вины. В частности, и досудебное соглашение, и сделка о признании вины заключаются исключительно между прокурором и обвиняемым и имеют место на досудебной стадии уголовного судопроизводства [2, с. 73]. Ключевым отличием двух вышеназванных институтов является то, что досудебное соглашение подразумевает совершение определенных действий со стороны обвиняемого или подозреваемого.

Тем не менее, изначально появление института досудебного соглашения о сотрудничестве в России было связано с адаптацией зарубежного опыта именно в области сделок о признании вины. Как показывает анализ зарубежного законодательного массива, во многих странах не существует разграничения между двумя типами соглашений

[6, с. 101]. Заключение сделки о признании вины, к примеру, является распространенной практикой в США, где большинство уголовных дел решается именно в рамках подобного досудебного мероприятия [4, с. 183].

В континентальной системе права также существуют процедуры по заключению разного рода досудебных соглашений. Так, к примеру, во Франции данная процедура имеет своей целью документальное оформление т.н. «деятельного раскаяния» лиц, которые были участниками преступной деятельности, но сообщили о преступлении, содействовали его предотвращению или установлению виновных лиц [6, с. 102].

В России институт досудебного соглашения о сотрудничестве был введен в Федеральным законом от 29.06.2009 № 141-ФЗ [14]. Как указывает А.С. Охлопкова, основными целями нововведения стало, во-первых, повышение качества работы правоохранителей при раскрытии дел, во-вторых, повышение эффективности уголовного судопроизводства и обеспечения процессуальной экономии [6, с. 101].

Одним из ключевых признаков досудебного соглашения о сотрудничестве выступает ограниченный круг лиц, которые способны его заключить. Как определено в п. 61 ст. 5 Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации, досудебное соглашение о сотрудничестве заключается между сторонами обвинения и защиты. Пп. 46 и 47 ст. 5 Уголовно-процессуального Кодекса, тем не менее, достаточно широко интерпретируют круг субъектов, рассматриваемых как стороны защиты и обвинения. Далеко не все эти субъекты способны заключать соглашение о сотрудничестве: в процедуре заключения досудебного соглашения о сотрудничестве принимают участие прокурор, подозреваемый (обвиняемый) и его защитник.

Еще одним важным признаком рассматриваемого нами института выступает предмет соглашения. П. 61 ст. 5 Уголовно-процессуального Кодекса содержит положение, согласно которому предметом соглашения выступают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого в зависимости от его действий после возбуждения уголовного дела или предъявления обвинения. Предмет соглашения недостаточно подробно детализирован отечественным законодателем – не конкретизированы действия, которые может совершить подозреваемый (обвиняемый), а также правовые последствия, наступающие после совершения этих действий. В реальной практике действиями, порождающими благоприятные для обвиняемого или подозреваемого правовые последствия, выступают содействие следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании соучастников преступления, розыск имущества, добытого в результате преступления (ч. 2 ст. 3171 Уголовного Кодекса).

Совокупность подобных действий служит выражением деятельного раскаяния подозреваемого или обвиняемого [11, с. 34]. Действия подозреваемого или обвиняемого влекут за собой назначение наказания с учетом положений чч. 2 и 4 ст. 62 Уголовного Кодекса, возможностью назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление (ст. 64 Уголовного Кодекса), условного осуждения (ст. 73 Уголовного Кодекса) или освобождения от наказания в связи с изменением обстановки (ст. 801 Уголовного Кодекса).

Введенный в законодательный массив в 2009 г., институт досудебного соглашения о сотрудничестве едва ли можно считать правовой новеллой. Тем не менее, многие из аспектов функционирования данного института вызывают оживленные споры в научной литературе.

Во-первых, не наблюдается единства мнений в отношении нравственной оправданности включения института досудебного соглашения о сотрудничестве в российское право. По мнению некоторых исследователей, данное соглашение можно считать «сделкой с правосудием», явлением, компрометирующим российское правосудие или даже свидетельством неспособности правоприменителей раскрывать преступления.

Во-вторых, А.В. Победкин и В.Н. Яшин говорят о том, что функционирование института досудебного соглашения о сотрудничестве будет соответствовать принципу законности и справедливости только в том случае, если законодатель представит положения, которые учтут интересы потерпевшего. Сегодня же для прохождения процедуры заключения досудебного соглашения получения согласия потерпевшего не требуется [9, с. 55]. Игнорирование позиции потерпевшего выступает, с одной стороны, нарушением прав и законных интересов данного участника уголовного судопроизводства, который заинтересован в том, чтобы наказание было соразмерным с правонарушением. С другой стороны, можно предположить, что необходимость в получении согласия потерпевшего резко снизит количество заключенных соглашений, что, в свою очередь, может негативно повлиять на раскрываемость преступлений.

В-третьих, многие авторы высказывают позицию о том, что институт досудебного соглашения о сотрудничестве не согласуется с природой российского уголовного процесса и противоречит его ключевым принципам: презумпции невиновности, права на защиту, состязательности и проч. Судопроизводство в России, по мнению Я.М. Плошкиной, нацелено на справедливое разрешение дела, основанное на объективной и всесторонней оценке доказательств [7, с. 50]. Заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, в свою очередь, во многом обесценивает собранные доказательства и делает оценку ситуации менее объективной – в учет принимаются действия обвиняемого, реализуемые им с целью снижения меры наказания. Безусловно, эти и другие аргументы, высказываемые против института досудебного соглашения о сотрудничестве, имеют под собой достаточно веские основания и должны быть учтены как в правоприменительной практике, так и в процессе модернизации соответствующих законодательных положений.

Тем не менее, следует отметить, что соглашение о сотрудничестве имеет колоссальную прикладную значимость, так как его заключение чаще всего имеет место в действительно сложных с точки зрения расследования и доказания делах. Речь идет о групповых формах преступной деятельности, обладающих высокой латентностью и «круговой порукой» участников. Досудебное соглашение о сотрудничестве в таких случаях нередко выступает единственным способом получить доказательства по делу [1, с. 144].

В-четвертых, помимо дискуссий о концептуальных началах досудебного соглашения о сотрудничестве, в современной науке можно встретить обсуждения частных вопросов, связанных с рассматриваемым нами институтом. Так, к примеру, М.В. Носков указывает на то, что ст. 317.3 Уголовно-процессуального Кодекса не содержит перечисления конкретных обязательств прокурора, что существенно повышает уровень субъективного усмотрения при интерпретации степени помощи, которую оказывает обвиняемый для следствия. Кроме того, соглашение о сотрудничестве уже по своей форме является двусторонней сделкой, но отсутствие детализации обязательств одной из сторон (обвинения) ставит в невыгодное положение вторую из сторон (обвиняемого или подозреваемого) [5, с. 230]. Фактически досудебное соглашение в части исполнения его положений сторонами носит исключительно односторонний характер, что не позволяет считать его соглашением как таковым. Следуя данной логике, исследователи предлагают указать конкретные обязательства прокурора и гарантировать таким образом исполнение соответствующих норм уголовно-процессуального закона относительно положительных последствий действий обвиняемого.

В-пятых, Ю.Е. Михайлова предлагает расширить и модернизировать перечень механизмов и оснований для заключения соглашения о сотрудничестве. Так, в частности, автор указывает на то, что данный институт будет весьма полезным и действенным при рассмотрении уголовных дел о коррупционных преступлениях. Потребность в использовании подобных стимулов для сотрудничества со стороной обвинения обусловлена, во-первых, высокой общественной опасностью коррупционных преступлений, а во-вторых – высокой латентностью данного вида правонарушений [3, с. 47]. Кроме того, в коррупционных делах также имеет место взаимосвязанность участников противоправных схем, и эффективным средством для разрыва «поруки» выступает именно досудебное соглашение о сотрудничестве.

Наконец, в-шестых, одним из проблемных аспектов функционирования института досудебного соглашения о сотрудничестве являются признание и раскаяние как подразумеваемые, но не урегулированные законом условия досудебного соглашения. Как отмечено выше в статье, досудебное соглашение о сотрудничестве в некоторых аспектах схоже со сделкой о признании вины. Признание вины и раскаяние, на первый взгляд, выступают основанием и причиной для заключения досудебного соглашения. Тем не менее, реальная практика показывает, что заключение соглашения нередко обусловлено лишь утилитаристскими соображениями.

Лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве, может не признавать вину и не раскаиваться в содеянном. В уголовно-процессуальном законодательстве правоприменитель «удовлетворяется лишь готовностью лица сотрудничать» [цит. по 10, с. 154].

Таким образом, ни признание вины, ни раскаяние не установлены в качестве обязательных условий заключения соглашения о сотрудничестве. Следует согласиться с А.А. Погорельским в том, что если обвиняемый не признает вину, «вести речь о заключении соглашения о сотрудничестве вообще немыслимо» [10, с. 154]. Конструктивный, социализирующий, воспитательный потенциал сотрудничества в таком случае полностью утрачивается, как и утрачивается смысл соглашения как выражения т.н. «деятельностного раскаяния». Более того, можно

предположить возникновение ситуаций, в которых невиновное лицо, столкнувшееся с перспективами заключения, согласится на заключение досудебного соглашения.

В идеальной ситуации подписание досудебного соглашения о сотрудничестве должно выступать первым шагом на пути к ресоциализации преступника. Для того, чтобы соглашение о сотрудничестве стало одной из мер ресоциализации, оно, на наш взгляд, должно подразумевать признание вины. Как отмечает А.М. Яблоков, «обвиняемый, который изъявил формальное желание исправиться, объективно заслуживает помощи со стороны государства в ресоциализации, возврате своих социальных позиций» [15, с. 69]. По мнению автора, обязанность по оказанию помощи осужденному, заключившему досудебное соглашение, может быть возложена на Федеральную службу исполнения наказаний Российской Федерации, а контроль за оказанием такой помощи могут осуществлять органы прокуратуры.

Таким образом, проведенное исследование позволяет прийти к следующим выводам.

1. В России институт досудебного соглашения о сотрудничестве был введен в Российской Федерации Федеральным законом от 29.06.2009 № 141-ФЗ с целью повышения качества работы правоохранителей и обеспечения процессуальной экономии.

2. Анализ дефиниций понятия «досудебное соглашение о сотрудничестве» позволил выявить его сущностные черты: (1) подразумевает активное содействие следствию со стороны обвиняемой стороны; (2) выступает одним из способов расследования и раскрытия наиболее тяжких преступлений; (3) оформляется в виде соглашения между сторонами обвинения и защиты, в котором они согласовывают условия ответственности подозреваемого или обвиняемого; (4) основываются на идеях о компромиссе – уступок в отношении обвиняемого (подозреваемого) в обмен на совершение им позитивных постпреступных действий.

3. Институт досудебного соглашения о сотрудничестве имеет схожие черты со сделками о признании вины. Ключевым отличием двух вышеназванных институтов является то, что досудебное соглашение подразумевает совершение определенных действий со стороны обвиняемого или подозреваемого.

4. Многие из аспектов досудебного соглашения о сотрудничестве вызывают оживленные споры в научной литературе в отношении: нравственной оправданности включения института досудебного соглашения о сотрудничестве в российское право, игнорирование интересов потерпевшего, несоразмерность наказания и правонарушения, отсутствие законодательно зафиксированных обязательств прокурора, что ставит в невыгодное положение вторую из сторон (обвиняемого или подозреваемого).

5. Одним из проблемных аспектов функционирования института досудебного соглашения о сотрудничестве являются признание и раскаяние как подразумеваемые, но не урегулированные законом условия досудебного соглашения. Лицо, заключившее досудебное соглашение о сотрудничестве, может не признавать вину и не раскаиваться в содеянном. Конструктивный, социализирующий, воспитательный потенциал сотрудничества в таком случае полностью утрачивается, как и утрачивается смысл соглашения как результата «деятельностного раскаяния».

Литература

1. Асадуева, С.А. Значение института досудебного соглашения о сотрудничестве в уголовном судопроизводстве / С.А. Асадуева // Закон и право. – 2021. – № 6. – С. 144–145.

2. Горнышкова, А.М. Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовая природа и проблемы правового регулирования / А.М. Горнышкова, А.А. Подопригора // Скиф. – 2023. – № 11 (87). – С. 72–76.

3. Михайлова, Ю.Е. Сущность, понятие и значение досудебного соглашения о сотрудничестве / Ю.Е. Михайлова // Вестник магистратуры. – 2022. – № 8 (131). – С. 46–48.

4. Нисредов, Э.Э. Особенности институтов досудебного соглашения о сотрудничестве и «сделки с правосудием» / Э.Э. Нисредов, Х.Г. Дациева // Закон и право. – 2022. – № 8. – С. 182–184.

5. Носков, М.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве: понятие, содержание, признаки / М.В. Носков // Скиф. – 2023. – № 7 (83). – С. 227–232.

6. Охлопкова, А.С. Досудебное соглашение о сотрудничестве / А.С. Охлопкова // Евразийская адвокатура. – 2021. – № 3 (52). – С. 101–103.

7. Плошкина, Я. М. О необходимости института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном процессе / Я.М. Плошкина // Lex Russica. – 2024. – № 7 (212). – С. 49–57.

8. Плошкина, Я.М. Правовая природа института досудебного соглашения о сотрудничестве / Я.М. Плошкина // Криминалист Ъ. – 2024. – № 2 (47). – С. 98–104.

9. Победкин, А.В. Некоторые проблемы института досудебного соглашения о сотрудничестве и пути их решения / А.В. Победкин, В.Н. Яшин // Известия ТулГ У. Экономические и юридические науки. – 2022. – № 1. – С. 53–59.

10. Погорельский, А.А. Дискуссионные вопросы заключения досудебного соглашения о сотрудничестве / А.А. Погорельский // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 1 (146). – С. 150–160.

11. Салыкова, А.К. Понятие досудебного соглашения о сотрудничестве (соглашения о сотрудничестве) по законодательству Российской Федерации и Республики Казахстан / А.К. Салыкова // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2020. – № 1 (76). – С. 31–36.

12. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.04.2024) – 2024 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/. – Дата доступа: 17.05.2024.

13. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 «174-ФЗ (ред. от 29.05.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.07.2024) // КонсультантПлюс. – 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/8c2f3ce950529a94889f934dc122bc9e145a1f51/. – Дата доступа: 01.08.2024.

14. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 29.06.2009 № 141-ФЗ // КонсультантПлюс. – 2023 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_88930/. – Дата доступа: 01.08.2024.

15. Яблоков, А.М. Ресоциализация субъекта преступления как условие досудебного соглашения о сотрудничестве / А.М. Яблоков // Евразийская адвокатура. – 2022. – № 3 (58). – С. 66–70.

INSTITUTE OF PRE-TRIAL COOPERATION AGREEMENT: THEORY AND ENFORCEMENT

Oblakov A.A.
Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

The article examines the definitions of the concept of pre-trial cooperation agreement, highlights its main features, subject, object, goals and functions in Russian law enforcement practice. The article examines the general features of a pre-trial cooperation agreement and a plea bargain. It is concluded that many aspects of the functioning of the pre-trial cooperation agreement institution cause heated debate in the scientific literature. The author analyzes such controversial issues as the moral justification for including the institution of pre-trial cooperation agreement in Russian law, ensuring its compliance with the principle of legality and fairness, ignoring the interests of the victim when concluding cooperation agreements. Moreover, the lack of legislative fixation of the prosecutor's duties under the agreement is listed among other problems. This issue significantly increases the level of subjective discretion in interpreting the degree of assistance that the accused provides for the investigation and puts the other party (the accused or the suspect) at a disadvantage. It is noted that one of the problematic aspects of the functioning of the institution of pre-trial cooperation agreement is recognition and repentance as implied, but not regulated by law, conditions of the pre-trial agreement.

Keywords: pre-trial cooperation agreement, please bargain, accused, suspect, justice, repentance, post-criminal actions.

References

1. Asadueva, S.A. The significance of the institution of the pre-trial cooperation agreement in criminal proceedings / S.A. Asadueva // Zakon i pravo. – 2021. – № 6. – P. 144–145.

2. Gornyshkova, A.M. Pre-trial cooperation agreement: legal nature and issues of legal regulation / A.M. Gornyshkova, A.A. Podoprigora // Skif. – 2023. – № 11 (87). – P. 72–76.

3. Mikhailova, Yu.E. Essence, concept, and significance of the pre-trial cooperation agreement / Yu.E. Mikhailova // Vestnik magistratury. – 2022. – № 8 (131). – P. 46–48.

4. Nisredov, E.E. Specific features of the institutions of the pre-trial cooperation agreement and the «plea bargain» / E.E. Nisredov, Kh.G. Datsieva // Zakon i pravo. – 2022. – № 8. – P. 182–184.

5. Noskov, M.V. Pre-trial cooperation agreement: concept, content, and characteristics / M.V. Noskov // Skif. – 2023. – № 7 (83). – P. 227–232.

6. Okhlopkova, A.S. Pre-trial cooperation agreement / A.S. Okhlopkova // Evraziyskaya advokatura. – 2021. – № 3 (52). – P. 101–103.

7. Ploshkina, Ya.M. On the necessity of the institution of the pre-trial cooperation agreement in Russian criminal procedure / Ya.M. Ploshkina // Lex Russica. – 2024. – № 7 (212). – P. 49–57.

8. Ploshkina, Ya.M. The legal nature of the institution of the pre-trial cooperation agreement / Ya.M. Ploshkina // Kriminalist. – 2024. – № 2 (47). – P. 98–104.

9. Pobedkin, A.V. Certain problems regarding the institution of the pre-trial cooperation agreement and ways to resolve them / A.V. Pobedkin, V.N. Yashin // Izvestiya TulG U. Economic and Legal Sciences. – 2022. – № 1. – P. 53–59.

10. Pogorelsky, A.A. Debatable issues concerning the conclusion of a pre-trial cooperation agreement / A.A. Pogorelsky // Actual Problems of Russian Law. – 2023. – № 1 (146). – P. 150–160.

11. Salykova, A.K. The concept of a pre-trial cooperation agreement (cooperation agreement) under the legislation of the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan / A.K. Salykova // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Russian Interior Ministry. – 2020. – № 1 (76). – P. 31–36.

12. Criminal Code of the Russian Federation № 63-FZ dated June 13, 1996 (as amended on April 6, 2024) – 2024 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/. – Access date: May 17, 2024.

13. Criminal Procedure Code of the Russian Federation № 174-FZ dated December 18, 2001 (as amended on May 29, 2024; amendments and additions effective from July 1, 2024) // ConsultantPlus. – 2023 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/8c2f3ce950529a94889f934dc122bc9e145a1f51/. – Access date: August 1, 2024.

14. Federal Law № 141-FZ «On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» dated June 29, 2009 // ConsultantPlus. – 2023 [Electronic resource]. – Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_88930/. – Access date: August 1, 2024.

15. Yablokov, A.M. Resocialization of the offender as a condition for a pre-trial cooperation agreement / A.M. Yablokov // Eurasian Advocacy. – 2022. – № 3 (58). – P. 66–70.

Цифровые права человека в системе конституционных гарантий достоинства личности: теоретико-доктринальный анализ

Рыбин Михаил Дмитриевич,
аспирант, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: misharibin14@gmail.com

В статье рассматриваются законодательный и научно-правовые подходы к определению содержания прав человека, осуществляемых с применением цифровых технологий. Цель исследования состоит в установлении их юридической природы, соотношения с традиционными конституционными правами и значения достоинства личности при их реализации. Методологическую основу составили формально-юридический, системный, сравнительно-правовой, статистический и теоретико-доктринальный методы. Разграничены узкое законодательное и широкое научное понимание цифровых прав, предложено их определение, учитывающее изменение способов реализации традиционных прав и возникновение специальных правомочий в информационной среде. Обосновано, что цифровые права не образуют самостоятельного четвертого поколения. Новизна исследования заключается в определении достоинства личности как центрального основания их защиты. Результаты могут быть полезны для дальнейших научно-правовых исследований и совершенствования действующего законодательства.

Ключевые слова: конституционное право, принцип достоинства личности, права и свободы гражданина, конституционные гарантии, цифровое право, поколение прав, цифровизация, правовой статус личности.

Введение

Общественные отношения непрерывно изменяются под влиянием социальных, экономических и технологических процессов. Однако независимо от направления и интенсивности таких изменений конституционные права и свободы человека сохраняют основополагающее значение, а обеспечение их реализации и защиты остается одной из главных обязанностей государства.

Конституционное значение прав и свобод человека и гражданина закреплено в ст. 18 Конституции РФ, согласно которой, они являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность органов законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления, а также обеспечиваются правосудием. Их реализация неразрывно связана с охраной достоинства личности, недопустимость умаления которого закреплена ст. 21 Конституции РФ. Тем самым достоинство личности выступает основой признания и реализации конституционных прав и свобод во взаимоотношениях человека с государством и другими участниками общественных отношений.

Развитие информационных технологий изменило условия реализации указанных прав, теперь их реализация может осуществляться посредством обращения в государственные органы, подачи документов и получения государственных и муниципальных услуг в электронной форме.

Эмпирическим подтверждением распространения цифровой формы взаимодействия служат результаты анализа данных Росстата, проведенного ИСИЭЗ НИУ ВШЭ. В 2024 г. среди россиян в возрасте 15 лет и старше, обращавшихся за государственными и муниципальными услугами, 55% получали их исключительно через интернет, не посещая ведомства и многофункциональные центры. Еще 31,6% сочетали электронный и очный форматы, тогда как 13% не использовали интернет для получения подобных услуг[1]. В совокупности полностью или частично цифровой формой взаимодействия с государством пользовались 86,7% человек. Их распространение свидетельствует о включении информационных систем в механизм реализации прав граждан, поскольку от работы таких систем зависит доступность предусмотренных законом услуг.

Правовое осмысление указанных изменений связано с категорией цифровых прав, содержание которой неодинаково определяется в законодательстве и юридической науке. Основное расхождение касается их конституционно-правовой природы: цифровые права рассматриваются либо как самостоятельное четвертое поколение прав человека, либо как результат преобразования форм реализации традиционных прав.

Проблематикой цифровых прав занимались многие отечественные ученые, в том числе Н.В. Варламова, В.Д. Зорькин и В.А. Карташкин, труды которых посвящены правовой природе цифровых прав, их месту в системе прав человека и влиянию цифровизации на конституционно-правовой статус личности. Вместе с тем различие представленных научных позиций не позволяет говорить о формировании единого теоретико-доктринального подхода к соотношению цифровых и традиционных конституционных прав, а также к определению места достоинства личности в системе их гарантий.

Цель исследования состоит в определении конституционно-правовой природы цифровых прав, установлении их соотношения с традиционными конституционными правами и раскрытии значения абсолютной защиты достоинства личности в системе их гарантий.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический, статистический, системный, сравнительно-правовой и теоретико-доктринальный методы.

Основная часть

Развитие информационного общества сопровождалось расширением сферы применения цифровых технологий в общественных отношениях. Получение государственных услуг, обмен информацией, обращение в органы публичной власти и совершение юридически значимых дей-

[1] Щербаков Р.А. Цифровизация государственных услуг. М.: ИСИЭЗ НИУ ВШЭ, 2025. URL: https://issek.hse.ru/news/1039474722.html (дата обращения: 10.08.2026).

ствий стали осуществляться с применением информационных систем. Эти изменения обусловили появление в законодательстве и юридической доктрине категории цифровых прав.

В российском законодательстве категория цифровых прав закреплена в узком гражданско-правовом значении. Согласно ст. 141.1 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), цифровыми правами признаются названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Ст. 128 ГК РФ относит цифровые права к имущественным правам, являющимся объектами гражданских прав. Таким образом, законодательное определение характеризует особый порядок осуществления имущественных прав в информационной системе, но не охватывает права и свободы человека, реализуемые с применением цифровых технологий. Конституция РФ категорию «цифровые права» не содержит, однако осуществление конституционных прав в цифровой среде не исключает действия предусмотренных ею гарантий.

Сопоставление положений действующего законодательства показывает, что цифровые технологии используются как средство осуществления уже признанных прав. Согласно ч. 1 ст. 8 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» граждане вправе искать и получать информацию в любых формах и из любых источников, а ч. 5 указанной статьи обязывает государственные органы и органы местного самоуправления обеспечивать доступ к сведениям об их деятельности в том числе посредством информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет. П. 3 ч. 1 ст. 5 Федерального закона «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» закрепляет право заявителя получать государственные и муниципальные услуги в электронной форме. В приведенных случаях законодательство закрепляет цифровой способ доступа к информации и государственным услугам, не изменяя содержания соответствующих прав.

Доктринальные подходы к определению содержания цифровых прав характеризуются разнообразием и не сводятся к гражданско-правовой конструкции, закрепленной в ст. 141.1 ГК РФ. В.Д. Зорькин относит к ним права на доступ к цифровым произведениям, компьютерам и коммуникационным сетям, их исполнение, свободное общение и выражение мнения в сети Интернет, а также неприкосновенность частной информационной сферы[1]. Такой подход обоснованно связывает цифровые права с уже признанными правами человека. Однако предложенное определение носит перечислительный характер, не раскрывая общего признака данных прав и не позволяет разграничить содержание самого права и условия его реализации.

В.А. Карташкин предлагает именовать рассматриваемую категорию информационно-цифровыми правами и характеризует ее как новый вид традиционных информационных прав, образующих с ними единое целое[2]. Автор обоснованно указывает на связь цифровых прав с традиционными правами человека. Вместе с тем предложенное им понятие информационно-цифровых прав сужает рассматриваемую категорию, поскольку цифровые технологии применяются при реализации не только информационных, но также политических, социально-экономических и других прав. В следствие чего информационный характер не может рассматриваться в качестве общего признака всех цифровых прав.

Анализ положений законодательства и научных позиций показывает недостаточность как перечислительного подхода, так и ограничения цифровых прав сферой информационных отношений. В связи с этим понятие цифровых прав человека предлагается сформулировать следующим образом: цифровые права – это права и свободы, осуществление и защита которых связаны с применением цифровых технологий, а также специальные правомочия, обеспечивающие защиту личности при обработке данных и автоматизированном принятии юридически значимых решений. Такое понимание позволяет раскрыть содержание цифровых прав человека, не ограничивая его сферой имущественных отношений, в рамках которой данная категория закреплена ст. 141.1 ГК РФ.

Определение содержания цифровых прав позволяет установить их место в общей системе прав и свобод человека. В юридической науке цифровые права нередко относят к четвертому поколению прав человека. Однако данная характеристика требует уточнения, поскольку первоначальная концепция поколений прав, предложенная К. Васаком в 1977 г., включала только три группы[3]. Первое поколение составляли гражданские и политические права, связанные с идеей свободы; второе – экономические, социальные и культурные права, основанные на идее равенства; третье – коллективные права, или права солидарности. Представление о четвертом поколении возникло позднее в результате доктринального осмысления изменений, вызванных научно-техническим прогрессом.

Однако, содержание четвертого поколения прав человека не получило единообразного доктринального понимания. К нему относят различные по своей природе правовые возможности, возникновение которых связывают с развитием биомедицины, информационных технологий и иных направлений научно-технического прогресса. В их числе называются соматические, репродуктивные, информационные и цифровые права.

Подход, согласно которому цифровые права относятся к четвертому поколению прав человека, представлен в исследованиях ряда авторов. Так, Гун Нань связывает их возникновение с формированием «умного общества», в котором цифровые технологии преобразуют общественные отношения, создают новые интересы личности и изменяют условия осуществления основных конституционных прав[4]. В рамках такого подхода цифровые права приобретают самостоятельное значение вследствие специфики информационной среды и характерных для нее технологических рисков. Но при этом, неоднородность объектов правового регулирования, относимых в совокупности к цифровым правам, свидетельствует об отсутствии общепризнанных критериев, позволяющих признать цифровые права непосредственно самостоятельным (четвертым) поколением прав, в связи с чем не представляется возможным согласиться с утверждением автора.

Иной подход представлен в работах Н.В. Варламовой, Е.Е. Никитиной и В.А. Карташкина. Н.В. Варламова отмечает, что цифровизация изменяет способы осуществления традиционных прав и создает новые угрозы их реализации, но не меняет их юридическую природу[5]. Е.Е. Никитина также считает необоснованным выделение цифровых прав в самостоятельное поколение, поскольку защищаемые ими интересы сохраняют связь с уже признанными ценностями свободы и равенства[6]. В.А. Карташкин рассматривает традиционные и цифровые права как взаимосвязанные элементы общей системы прав человека[7].

С позицией указанных авторов можно согласиться. Связь прав с общей технологической средой сама по себе не свидетельствует о возникновении самостоятельного поколения, так как для этого необходимы качественно новое содержание и особый объект правовой защиты. Цифровизация затрагивает различные сферы конституционно-правового статуса личности, но не создает такого содержательного единства.

Связь цифровых прав с конституционными правами получила отражение в Определении Конституционного Суда РФ от 26 марта 2019 г. № 849-О[8]. Поводом для обращения послужило исключение оператором поисковой системы ссылок на материалы, содержавшие сведения о лицах, ранее привлеченных к уголовной ответственности. Заявитель оспаривал положения ст. 10.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», закрепляющие обязанность оператора поисковой системы по требованию гражданина прекратить выдачу ссылок на недостоверную или утратившую актуальность информацию о нем. Конституционный Суд РФ указал, что

[1] Зорькин: Задача государства – признавать и защищать цифровые права граждан [Электронный ресурс] // Российская газета. URL: https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html (дата обращения: 10.08.2026).

[2] Карташкин В.А. Цифровые права человека: международно-правовое и социальное измерения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 4. С. 951.

[3] Vasak K. A 30-Year Struggle: The Sustained Efforts to Give Force of Law to the Universal Declaration of Human Rights // The UNESCO Courier. 1977. Vol. 30. № 11. P. 29–32.

[4] Гун Нань. Четвертое поколение прав человека в умном обществе и трансформация основных конституционных прав // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2024. Т. 15. № 4. С. 1153.

[5] Варламова Н.В. Цифровые права – новое поколение прав человека? (окончание) // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 5. С. 162.

[6] Никитина Е.Е. Система прав и свобод человека в условиях технологической революции // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 30.

[7] Карташкин В.А. Цифровые права человека: международно-правовое и социальное измерения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 4. С. 951.

[8] Определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2019 N 849-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Региональной общественной организации содействия просвещению граждан «Информационно-аналитический центр «Сова» на нарушение конституционных прав и свобод статьей 10.3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», пунктом 2 статьи 1 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации. URL: https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-26032019-n-849-o/ (дата обращения: 12.08.2026).

особый характер прав, гарантированных ст. 23 и 24 Конституции РФ, распространяется на производные от них права, к которым относятся право на защиту персональных данных и право на забвение в сети Интернет. Реализация последнего должна осуществляться с учетом права на доступ к информации, предусмотренного ст. 29 Конституции РФ, и предполагает установление баланса между соответствующими конституционными ценностями.

Приведенная правовая позиция имеет принципиальное значение для определения места цифровых прав в системе прав человека. Право на забвение возникло вследствие особенностей распространения и хранения информации в сети Интернет, однако охраняемый им интерес связан с неприкосновенностью частной жизни и защитой сведений о личности. Технологическая обусловленность способа защиты не создает самостоятельного объекта конституционной охраны, поскольку соответствующее правомочие является производным от уже закрепленных прав. Таким образом, рассмотренный частный пример – возникновение права на забвение – опровергает тезис о формировании самостоятельного четвертого поколения прав человека и свидетельствует о развитии содержания и гарантий традиционных конституционных прав в цифровой среде.

Признание цифровых прав производными от традиционных конституционных прав означает, что изменение среды их осуществления не отменяет действия установленных Конституцией РФ гарантий. Особое место в их системе занимает достоинство личности. Оно представляет собой не отдельное цифровое право, а общее конституционное основание реализации и защиты прав человека независимо от используемых технологий. В силу ст. 21 во взаимосвязи с ч. 3 ст. 56 Конституции РФ достоинство личности не подлежит умалению, а право на его охрану – ограничению, в том числе при использовании цифровых технологий.

Отдельные права и способы их осуществления в цифровой среде могут быть ограничены федеральным законом в целях, предусмотренных ч. 3 ст. 55 Конституции РФ. Однако такие ограничения не должны умалять достоинство личности, лишать человека положения самостоятельного субъекта правоотношений и возможности защищать свои интересы. Таким образом, абсолютный характер имеет не весь комплекс цифровых прав, а требование уважения и защиты достоинства личности при их реализации.

Заключение

Проведенное исследование показало, что цифровые права в широком понимании не образуют самостоятельного четвертого поколения прав человека. Они представляют собой неоднородную совокупность, включающую формы осуществления традиционных конституционных прав посредством информационных технологий и правомочия, возникшие в связи с необходимостью защиты личности от новых технологических рисков.

Теоретико-доктринальный анализ понятия цифровых прав позволил установить, что ядром системы их конституционных гарантий выступает абсолютная защита достоинства личности. Отдельные цифровые права и способы их реализации могут подвергаться ограничениям, однако они не должны затрагивать достоинство личности. Достоинство личности тем самым обеспечивает сохранение конституционного статуса человека независимо от среды реализации принадлежащих ему прав.

Литература

1. Варламова Н.В. Цифровые права – новое поколение прав человека? (окончание) // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14. № 5. С. 141–167.
2. Гун Нань. Четвертое поколение прав человека в умном обществе и трансформация основных конституционных прав // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2024. Т. 15. № 4. С. 1153–1176.
3. Карташкин В.А. Цифровые права человека: международно-правовое и социальное измерения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2022. Т. 22. № 4. С. 949–962.
4. Никитина Е.Е. Система прав и свобод человека в условиях технологической революции // Журнал российского права. 2020. № 8. С. 27–44.
5. Vasak K. A 30-Year Struggle: The Sustained Efforts to Give Force of Law to the Universal Declaration of Human Rights // The UNESCO Courier. 1977. Vol. 30. № 11. P. 29–32.
6. Терехов М.Г. Цифровое процессуальное право. Общая часть: учебное пособие / М.Г. Терехов. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2026. – 120 с. – ISBN 978-5-392-46394-7. – EDN QAAVPJ.
7. Терехов М.Г. Цифровое право: учебное пособие / М.Г. Терехов. – Москва: Блок-Принт, 2025. – 144 с. – ISBN 978-5-605-28613-4. – EDN MINGFT.

DIGITAL HUMAN RIGHTS WITHIN THE SYSTEM OF CONSTITUTIONAL GUARANTEES OF HUMAN DIGNITY: A THEORETICAL AND DOCTRINAL ANALYSIS

Rybin M.D.
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The article examines statutory and scholarly approaches to defining the content of human rights exercised through digital technologies. The study aims to determine their legal nature, relationship with traditional constitutional rights, and the significance of human dignity in their implementation. The methodology combines formal legal, systemic, comparative legal, statistical, and theoretical-doctrinal methods. The narrow statutory and broader scholarly understandings of digital rights are distinguished, and a definition is proposed that accounts for new ways of exercising traditional rights and the emergence of specific legal entitlements in the digital environment. It is argued that digital rights do not constitute an independent fourth generation of human rights. The novelty lies in identifying human dignity as the central foundation of their protection. The findings may contribute to further legal research and the improvement of current legislation.

Keywords: constitutional law, principle of human dignity, rights and freedoms of citizens, constitutional guarantees, digital rights, generations of human rights, digitalization, legal status of the individual.

References

1. Varlamova N.V. Digital Rights: A New Generation of Human Rights? (Conclusion) // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2019. Vol. 14. № 5. P. 141–167.
2. Gun Nan. The Fourth Generation of Human Rights in a Smart Society and the Transformation of Fundamental Constitutional Rights // Vestnik of Saint Petersburg University. Law. 2024. Vol. 15. № 4. P. 1153–1176.
3. Kartashkin V.A. Digital Human Rights: International Legal and Social Dimensions // RUDN Journal of Sociology. 2022. Vol. 22. № 4. P. 949–962.
4. Nikitina E.E. The System of Human Rights and Freedoms in the Context of the Technological Revolution // Journal of Russian Law. 2020. № 8. P. 27–44.
5. Vasak K. A 30-Year Struggle: The Sustained Efforts to Give Force of Law to the Universal Declaration of Human Rights // The UNESCO Courier. 1977. Vol. 30. № 11. P. 29–32.
6. Terekhov M.G. Digital Procedural Law. General Part: Study Guide / M.G. Terekhov. – Moscow: Prospekt LLC, 2026. – 120 p. – ISBN 978-5-392-46394-7. – EDN QAAVPJ.
7. Terekhov M.G. Digital Law: Study Guide / M.G. Terekhov. – Moscow: Blok-Print, 2025. – 144 p. – ISBN 978-5-605-28613-4. – EDN MINGFT.

Ситник Екатерина Геннадьевна,
преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин,
ФКОУ ВО «Кузбасский институт ФСИН России»
E-mail: dokumentys@bk.ru

В статье исследуется цифровая культура как конституционно значимый фактор правомерного поведения личности и фактической осуществимости прав и свобод в цифровой среде. Предмет исследования составляют конституционно-правовые условия ее формирования и корреспондирующие им обязанности публичной власти. Цель работы заключается в определении конституционно-правового содержания цифровой культуры и обосновании требований к организации публичной цифровой среды. Использованы формально-юридический, системный и сравнительно-функциональный методы. Установлено, что цифровая культура включает правовые знания, ценностные установки, цифровую осмотрительность и способность использовать средства защиты права. Обосновывается двусторонняя модель, соединяющая личную ответственность гражданина с обязанностью государства обеспечивать доступность, безопасность, понятность и обжалуемость цифровых процедур. Результаты могут быть использованы при совершенствовании регулирования государственных информационных систем и реализации государственной политики повышения цифровой грамотности. Сделан вывод о необходимости конституционно ориентированного развития цифровой культуры в рамках действующей Концепции повышения уровня цифровой грамотности граждан Российской Федерации.

Ключевые слова: цифровая культура; цифровое государство; правомерное поведение; цифровое неравенство; публичная власть; цифровые платформы; конституционные права и свободы; человекоориентированная цифровизация.

В общетеоретическом смысле культура представляет собой систему ценностей, регуляторов и способов созидательной деятельности, которая в правовой сфере конкретизируется через правовую культуру как единство правовых знаний, ценностных установок и практики правомерного поведения. Их соотношение с цифровой культурой носит характер общего, особенного и функционального: цифровая среда не образует автономной нормативной системы, но опосредует юридически значимые действия алгоритмами и программными интерфейсами, требуя адаптации базовых правовых ориентиров к технологическому взаимодействию[1]. Под цифровой средой стоит понимать пространство государственных информационных систем, цифровых платформ и сетей, в котором человек взаимодействует с публичной властью, совершает юридически значимые действия и реализует свои права. Особенность этой среды в том, что правила программного кода и алгоритмы систем фактически определяют, насколько доступны человеку государственные сервисы и как именно он может действовать правомерно[2].

Внедрение цифровых технологий изменяет не только способы коммуникации и предоставления услуг, но и фактические условия реализации конституционных прав, исполнения обязанностей и взаимодействия личности с публичной властью. Возможность осуществления права все чаще зависит от цифровой инфраструктуры, способа идентификации, понятности интерфейса и способности гражданина совершать юридически значимые действия в информационной системе. Поэтому цифровая среда выступает не только техническим каналом, но и пространством формирования моделей поведения и новых рисков для частной жизни, равенства и правовой защищенности личности[3].

В этих условиях под цифровой культурой в конституционно-правовом аспекте предлагается понимать совокупность правовых знаний, ценностных установок, практических навыков и моделей ответственного поведения личности в цифровой среде, обеспечивающих осознанную и безопасную реализацию прав, свобод и обязанностей, уважение достоинства, частной жизни и иных прав других лиц, а также использование предусмотренных законом способов защиты при их нарушении. Конституционно-правовое содержание цифровой культуры имеет двусторонний характер: наряду с обязанностью гражданина действовать осмотрительно и правомерно, не нарушая прав других лиц (ч. 2 ст. 15, ч. 3 ст. 17 Конституции РФ), публичная власть в силу статей 2 и 18 Конституции РФ обязана обеспечивать понятность,

[1] См. об аксиологической и деятельностной природе культуры и ее преломлении в правовых ценностях правовой системы: Бондарев А.С. Философско-правовая природа традиционных духовно-нравственных ценностей России // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2024. № 1 (67). С. 6–15. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/filosofsko-pravovaya-priroda-traditsionnyh-duhovno-nravstvennyh-tsennostey-rossii

О правовых ценностях как определяемых культурой формах позитивного отношения к правовой системе, обусловливающих выбор правомерного поведения, и их взаимосвязи с правосознанием см.: Бабенко А.Н. Правовая ценность в России: теоретико-правовой и ретроспективный анализ // Право и политика. 2017. № 4. С. 60–71. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-tsennost-v-rossii-teoretiko-pravovoy-i-retrospektivnyy-analiz; о структуре правовой культуры как системы правовых ценностей, правосознания и правовой деятельности см. также: Байниязова З.С. Синкретизм правовой культуры и оптимизация общественных отношений // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 1 (96). С. 96–101. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sinkretizm-pravovoy-kultury-i-optimizatsiya-obschestvennyh-otnosheniy-1

[2] См.: Авакьян С.А., Батурин Ю.М., Козырева А.А. и др. Конституционализация цифровой правовой среды в современной России // Вестник СПбГУ. Право. 2024. Т. 15, № 4. С. 838–858. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionalizatsiya-tsifrovoy-pravovoy-sredy-v-sovremennoy-rossii.; См.: Кабышев С.В., Козырева А.А., Минбалеев А.В. Цифровые платформы в праве и право цифровых платформ // Вестник СПбГУ. Право. 2024. Т. 15, № 3. С. 574–595. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-platformy-v-prave-i-pravo-tsifrovyh-platform-novye-vyzovy-zakonodatelyu-i-puti-ih-resheniya.

[3] Лунгу Е.В. Конституционные правоотношения в эпоху цифровизации // Теория и практика социогуманитарных наук. 2024. № 3 (27). С. 122–127; Кравченко С.А. Амбивалентности цифровизации: востребованность ее культурно-национальной модели для устойчивого развития // Социологические исследования. 2022. № 9. С. 29–37; Иванов Д.В., Асочаков Ю.В. Цифровизация и критическая теория общества // Социологические исследования. 2023. № 6. С. 16–28; Кудрявцева М.Е., Пряхина А.В. Цифровая культура личности как фактор социально-психологической безопасности цифрового пространства // Дискурс. 2023. Т. 9, № 5. С. 98–116.

безопасность и доступность процедур в публичной цифровой инфраструктуре, а также гарантировать эффективное исправление ошибок и восстановление нарушенных прав. Тем самым цифровая культура формируется как результат взаимодействия личной ответственности гражданина и позитивных обязанностей государства.

Правомерное поведение в цифровой среде выражается в разумной осмотрительности при совершении юридически значимых действий, соблюдении режимов конфиденциальности и ответственном обращении со средствами идентификации и доступа. Судебная практика связывает границы такого поведения с принципом правовой определенности и действительным волеизъявлением лица. Так, в Постановлении от 26 октября 2017 г. № 25-П Конституционный Суд РФ указал, что пересылка работником конфиденциальных сведений на личную почту нарушает права их обладателя лишь при условии, что соответствующий запрет был заранее установлен и доведен до гражданина, а обладателем приняты меры защиты информации[1]. В свою очередь, в Определении от 3 апреля 2025 г. № 66-УДП25–11-К8 Верховный Суд РФ признал отсутствие состава преступления по статье 187 УК РФ в действиях лица, передавшего третьим лицам подлинные электронные средства платежа и данные доступа к банковским счетам, при недоказанности умысла на неправомерный вывод средств[2]. В конституционно-правовом измерении приведенные позиции подтверждают, что цифровая неосмотрительность гражданина не тождественна умышленному правонарушению и не должна влечь мер государственного принуждения в отсутствие вины и ясных нормативных запретов (статьи 19 и 54 Конституции РФ). Следовательно, осмотрительное поведение в сети зависит не только от самого человека, но и от того, насколько понятно государство и сервисы объясняют правила и предупреждают о рисках.

При использовании государственных информационных систем, цифровой идентификации и алгоритмов требуется конкретизация конституционных гарантий достоинства личности, равенства, неприкосновенности частной жизни, доступа к информации, судебной защиты и возмещения вреда (ст. 21, 23, 24, ч. 4 ст. 29, ст. 33, 43, 45, 46, 53 Конституции РФ). Условием их действенности выступает цифровая культура, позволяющая гражданину осознанно и безопасно реализовывать права и исполнять обязанности во всех сферах жизни – от образования и труда до правосудия и публичного управления. Вместе с тем условия формирования цифровой культуры объективно различаются. На государственном уровне задачи адаптации граждан к технологической среде и защиты от цифровых угроз последовательно решаются через Концепцию повышения уровня цифровой грамотности, развивающую ранее принятые стратегические документы в сфере информационной безопасности граждан и детей[3].

Концепция ориентирована на внедрение единых правил безопасного поведения во все уровни образования, подготовку специалистов и противодействие цифровым угрозам. Тем самым государство признает межпоколенческий характер цифровой грамотности. Однако для защиты конституционных прав эти просветительские меры должны обязательно дополняться требованиями к качеству и безопасности самой публичной цифровой среды. Межпоколенческие различия приобретают конституционно-правовое значение, когда препятствуют равному доступу к осуществлению прав, исполнению обязанностей и использованию средств правовой защиты. Государственная политика не должна исходить из презумпции одинаково высокой цифровой компетентности населения. Конституционно приемлемой является дифференциация мер поддержки, направленная не на предоставление необоснованных преимуществ, а на выравнивание фактических возможностей реализации прав в соответствии с принципом равенства, закрепленным статьей 19 Конституции РФ.

Формирование цифровой культуры не сводится к обучению правилам использования технологий. Осознанное участие личности в цифровых отношениях предполагает доверие к применяемым платформам. Если сервис перегружен, использует непонятные формулировки, скрывает юридически значимые условия или не позволяет исправить ошибку, риск неправомерного либо ошибочного действия возрастает независимо от добросовестности пользователя. По данным исследования Аналитического центра НАФИ, проведенного в мае 2024 г. среди 1600 совершеннолетних жителей Российской Федерации, защищенность персональных данных в государственных интернет-сервисах положительно оценивали 68% опрошенных, в банках – 62%, у крупных маркетплейсов – 59%, в отечественных интернет-компаниях – 57%[4]. Эти сведения отражают дифференцированный характер доверия, связанный с назначением сервиса и воспринимаемой надежностью обработки данных.

Кроме этого, не порождает доверия и техническая доступность платформы. Например, включение цифровой платформы MAX в перечни программ, подлежащих предварительной установке в 2025 и 2026 гг., обеспечивает доступность сервиса на соответствующих устройствах, но не предопределяет доверия пользователей к нему[5]. Последнее формируется в процессе повседневного взаимодействия и зависит от понятности интерфейса, прозрачности правил, безопасности обработки данных, возможности осознанного выбора способа взаимодействия и наличия действенных средств защиты. Поэтому содействие распространению цифровых платформ должно сопровождаться соответствующими правовыми, организационными и просветительскими мерами, позволяющими гражданину понимать условия использования сервиса, а также юридические последствия своих действий.

Техническим ориентиром удобства интерфейсов служит ГОСТ Р ИСО 9241–210–2016, однако он не создает общеобязательных правовых требований для государственных информационных систем. С конституционной точки зрения человекоориентированность сервиса означает, что гражданин без специальных знаний должен понимать порядок действий, их юридические последствия и способы защиты своих прав[6]. Поэтому операторов публичных систем целесообразно обязать заблаговременно направлять пользователям краткие и понятные уведомления об изменении правил идентификации, доступа или обработки данных с указанием порядка действий и способов обжалования. Понятность интерфейсов и своевременное информирование не исключают технических сбоев, искажения реестровых данных или ошибочных цифровых решений. В таких случаях публичная власть обязана не просто устранить неисправность, а восстановить правовое положение гражданина: вернуть доступ к сервису, исправить сведения, отменить неправомерный акт или восстановить пропущенный срок. Действующие механизмы обжалования и защиты данных процедурно разобщены, поэтому требуется их системная конкретизация применительно к ошибкам государственных систем – с установлением четких сроков, определением ответственного органа и приостановлением неблагоприятных последствий на период проверки.

В итоге цифровая культура выступает ключевым фактором правомерного поведения и действенности прав личности в цифровой среде, объединяя познавательную, регулятивную, предупредительную и правозащитную функции. Однако ее формирование не должно означать перекладывания технологических рисков на человека. Конституционно приемлемая модель цифровизации основана на взаимной ответственности: гражданин действует осмотрительно и добросовестно, а государство организует цифровую среду так, чтобы технологическая сложность систем не умаляла достоинства личности и не препятствовала реальной реализации и защите прав и свобод.

Литература

1. Авакьян С. А., Батурин Ю.М., Козырева А.А. и др. Конституционализация цифровой правовой среды в современной России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2024. Т. 15, № 4. С. 838–858.

2. Бабенко А.Н. Правовая ценность в России: теоретико-правовой и ретроспективный анализ // Право и политика. 2017. № 4. С. 60–71.

3. Байниязова З.С. Синкретизм правовой культуры и оптимизация общественных отношений // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 1 (96). С. 96–101.

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 26 октября 2017 г. № 25-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 3 апреля 2025 г. № 66-УДП25–11-К8. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] Распоряжение Правительства РФ от 7 сентября 2026 г. № 2402-р «Об утверждении Концепции повышения уровня цифровой грамотности граждан Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru. См. также предшествующие распоряжения Правительства РФ: от 22 декабря 2022 г. № 4088-р (о Концепции культуры информационной безопасности); от 28 апреля 2023 г. № 1105-р (о Концепции информационной безопасности детей).

[4] Аналитический центр НАФИ. В защите персональных данных россияне все больше доверяют крупным операторам и все меньше уповают на себя. 27 июня 2024 г. URL: https://nafi.ru/polls/v-zashchite-personalnykh-dannykh-rossiyane-vse-bolshe-doveryayut-krupnym-operatoram-i-vse-menshe-upo/

[5] Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2025 г. № 2240-р «Об утверждении перечня российских программ для электронных вычислительных машин, которые подлежат предварительной установке на отдельные виды технически сложных товаров в 2025 году»; распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2025 г. № 2241-р «Об утверждении перечня российских программ для электронных вычислительных машин, которые подлежат предварительной установке на отдельные виды технически сложных товаров в 2026 году».

[6] ГОСТ Р ИСО 9241–210–2016. Эргономика взаимодействия человек – система. Часть 210. Человеко-ориентированное проектирование интерактивных систем: утв. приказом Росстандарта от 02.11.2016 № 1581-ст.

4. Бондарев А.С. Философско-правовая природа традиционных духовно-нравственных ценностей России // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2024. № 1 (67). С. 6–15.

5. Иванов Д. В., Асочаков Ю.В. Цифровизация и критическая теория общества // Социологические исследования. 2023. № 6. С. 16–28.

6. Кабышев С. В., Козырева А.А., Минбалеев А.В. Цифровые платформы в праве и право цифровых платформ: новые вызовы законодателю и пути их решения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2024. Т. 15, № 3. С. 574–595.

7. Кравченко С.А. Амбивалентности цифровизации: востребованность ее культурно-национальной модели для устойчивого развития // Социологические исследования. 2022. № 9. С. 29–37.

8. Кудрявцева М. Е., Пряхина А.В. Цифровая культура личности как фактор социально-психологической безопасности цифрового пространства // Дискурс. 2023. Т. 9, № 5. С. 98–116.

9. Лунгу Е.В. Конституционные правоотношения в эпоху цифровизации // Теория и практика социогуманитарных наук. 2024. № 3 (27). С. 122–127.

CONSTITUTIONAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF DIGITAL CULTURE AND LAWFUL BEHAVIOR OF CITIZENS

Sitnik E.G.
Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

The article examines digital culture as a constitutionally significant factor of lawful individual conduct and the effective exercise of rights and freedoms in the digital environment. The subject of the study is the constitutional and legal framework for its development and the corresponding duties of public authorities. The purpose is to define the constitutional and legal content of digital culture and substantiate requirements for the organization of a public digital environment. The research is based on formal legal, systemic and comparative-functional methods. The study demonstrates that digital culture encompasses legal knowledge, value orientations, digital prudence and the ability to use legal remedies. A bilateral model is substantiated, combining the individual's responsibility for prudent digital conduct with the State's duty to ensure accessible, secure, comprehensible and appealable digital procedures. The findings may be used to improve the regulation of state information systems and implement the public policy on digital literacy. The article concludes that digital culture should be developed through a constitutional rights-oriented implementation of the current Concept for Raising the Level of Digital Literacy of Citizens of the Russian Federation.

Keywords: digital culture; digital state; lawful behavior; digital inequality; public authority; digital platforms; constitutional rights and freedoms; human-centred digitalization.

References

1. Avakyan S. A., Baturin Yu. M., Kozyreva A.A., et al. Constitutionalization of the Digital Legal Environment in Modern Russia // Vestnik of Saint Petersburg University. Law. 2024. Vol. 15, № 4. P. 838–858.

2. Babenko A.N. Legal Value in Russia: A Theoretical-Legal and Retrospective Analysis // Law and Politics. 2017. № 4. P. 60–71.

3. Bainiyazova Z.S. Syncretism of Legal Culture and the Optimization of Social Relations // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2014. № 1 (96). P. 96–101.

4. Bondarev A.S. The Philosophical-Legal Nature of Russia's Traditional Spiritual and Moral Values // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2024. № 1 (67). P. 6–15.

5. Ivanov D. V., Asochakov Yu.V. Digitalization and Critical Theory of Society // Sociological Studies. 2023. № 6. P. 16–28.

6. Kabyshev S. V., Kozyreva A.A., Minbaleev A.V. Digital Platforms in Law and the Law of Digital Platforms: New Challenges for the Legislator and Ways to Address Them // Vestnik of Saint Petersburg University. Law. 2024. Vol. 15, № 3. P. 574–595.

7. Kravchenko S.A. Ambivalences of Digitalization: The Demand for a Cultural-National Model for Sustainable Development // Sociological Studies. 2022, № 9, pp. 29–37.

8. Kudryavtseva M. E., Pryakhina A.V. An individual's digital culture as a factor of the socio-psychological security of the digital space // Diskurs. 2023, Vol. 9, № 5, pp. 98–116.

9. Lungu E.V. Constitutional legal relations in the era of digitalization // Theory and Practice of Social and Humanitarian Sciences. 2024, № 3 (27), pp. 122–127.

Мотивированное мнение налогового органа и право налогоплательщика на судебную защиту: пределы предупредительного характера документа

Третьяк Иван Юрьевич,
юрисконсульт, соискатель ученой степени кандидата юридических наук, прикрепленный к Всероссийскому государственному университету юстиции (РПА Минюста России), кафедра административного, финансового и налогового права
E-mail: tretyak.iu@gmail.com

Цель исследования – определить условия судебного оспаривания мотивированного мнения налогового органа, в том числе после его исполнения. Формально-юридический и системный анализ позволяет сопоставить нормы Налогового кодекса Российской Федерации, доктринальные позиции и арбитражную практику. Разграничиваются оспоримость документа, нарушение прав или законных интересов и проверка налогового расчета. Обосновывается совместимость предупредительной цели мнения с признаками индивидуального правоприменительного акта. Научная новизна состоит в разработке порядка защиты сохраняющегося законного интереса при исполнении мнения без согласия с ним. Предложены изменения статей 105.30, 105.31, 138 и 89 НК РФ о достаточности взаимосогласительной процедуры, сроках обращения в суд, последствиях бездействия ФНС и позднего изменения мнения. Судебная защита не должна автоматически блокировать налоговый контроль. Результаты применимы при совершенствовании законодательства и обосновании судебной защиты участников мониторинга. Правовой срез – 22 сентября 2026 года.

Ключевые слова: налоговый мониторинг; мотивированное мнение; законный интерес; судебная защита; взаимосогласительная процедура; исполнение при сохранении разногласий; выездная налоговая проверка.

Введение

Организация может выполнить мотивированное мнение, сохранив возражения против налогового вывода. Когда декларация уже изменена, ожидание решения по будущей проверке способно лишить защиту своевременности.

Цель исследования – определить условия самостоятельного оспаривания мнения и согласовать их с полномочиями контроля. Формально-юридический и системный анализ дополнен сопоставлением доктринальных позиций и судебных мотивировок. Правовой срез – 22.09.2026[1].

Правовая природа мнения и основания защиты

По пункту 7 статьи 105.30 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) мнение обязательно для налоговых органов и организации в ходе мониторинга. Исключения связаны с качеством информации, существенными условиями и изменением примененных норм. Выполнение выражается в учете позиции инспекции при ведении налогового учета, составлении деклараций или иным способом.

Д.В. Винницкий и Д.А. Курочкин усматривают признаки правоприменительного акта в оценке индивидуальных обстоятельств, толковании норм и побуждении к исполнению обязанности под угрозой контроля. После взаимосогласительной процедуры мнение закрепляет окончательную позицию в рамках мониторинга, что требует судебного контроля над интерпретацией права[2]. Эта окончательность не тождественна решению о налоговой ответственности по статье 101 НК РФ.

Н.С. Коваленко и Е.М. Леонов в отдельном комментарии обращают внимание на дополнительную нагрузку: ради бесспорно оспоримого решения организация должна пройти выездную проверку. Отрицательная оценка планируемой сделки способна побудить к отказу от нее. Прямое закрепление судебного обжалования в НК РФ, а до этого его подтверждение Верховным Судом предложены именно комментаторами[3].

А.Р. Султанов связывает защиту с законным интересом в понимании налоговых последствий. Отсутствие взыскания не устраняет этот интерес; индивидуализация нормы определяет природу мнения. Ненормативный характер документа не доказывает нарушения интересов[4]. Аналогия с антимонопольным предупреждением и постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 15.04.2014 № 18403/13 подтверждают совместимость предупредительной цели и судебного контроля, но не требуют переноса антимонопольной процедуры в налоговое право[5].

О.И. Лютова, ссылаясь на А.В. Демина, поддерживает двойственную природу мнения: интерпретационную либо правоприменительную. Позиция Демина учитывается в ее изложении. Документ по планируемой сделке Лютова признает письменным разъяснением с особым режимом. Разграничивая затрагивание и нарушение прав, она связывает воздействие мнения с последующей проверкой и предлагает закрепить обжалование законом либо подтвердить прецедентом[6]. Конкретных поправок и правил исчисления сроков автор не формулирует.

---

[1] Налоговый кодекс РФ (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 04.08.2026, с изм., вступившими в силу с 01.09.2026); Арбитражный процессуальный кодекс РФ от 24.07.2002 № 95-ФЗ. Правовой срез – 22.09.2026.

[2] Винницкий Д.В., Курочкин Д.А. Мотивированное мнение и проблемы контроля за качеством интерпретации налогового законодательства // Налоговед. 2023. № 8. С. 13–18; с. 2–5 электронной копии основного текста.

[3] Коваленко Н.С., Леонов Е.М. Комментарий к статье Д.В. Винницкого и Д.А. Курочкина // Налоговед. 2023. № 8. С. 6–9 электронной копии.

[4] Султанов А.Р. Мотивированное мнение налогового органа как обжалуемый в суде ненормативный акт // Налоговед. 2023. № 8. С. 24–31. Электронная копия: законный интерес – с. 1–2; правовая природа – с. 2–5; обжалование – с. 5–7; антимонопольная аналогия – с. 6–7.

[5] Постановление Президиума ВАС РФ от 15.04.2014 № 18403/13 по делу № А43–26473/2012.

[6] Лютова О.И. Мотивированное мнение налогового органа: правовая природа и возможности обжалования // Финансовое право. 2024. № 6. С. 20–21. DOI: 10.18572/1813-1220-2024-6-19-21.

Интерес в определенности не дает права на выгодное толкование. По статьям 198, 200 и 201 Арбитражного процессуального кодекса РФ (далее – АПК РФ) оспоримость, нарушение прав или законных интересов и налоговый расчет требуют самостоятельной оценки. Значение содержания и последствий акта отражено в пунктах 3 и 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 21[1].

Исследования 2023–2024 годов предшествуют поправкам Федерального закона от 08.08.2024 № 259-ФЗ о более позднем сроке выполнения мнения и изменениям Федерального закона от 28.11.2025 № 425-ФЗ о правопреемнике, действующим с 01.09.2026. Лютова учитывает Закон от 31.07.2023 № 389-ФЗ, но описывает получение разъяснений как продление срока до трех месяцев[2]. Пункт 5 статьи 105.30 предусматривает приостановление; речь идет о неточности изложения, а не о позднейшей поправке.

Подпункт 3 пункта 5.1 статьи 89 НК РФ допускает проверку при невыполнении мнения до 1 декабря года, следующего за периодом мониторинга, либо до специального более позднего срока, связанного с приостановлением подготовки мнения. На назначение проверки отводятся последующие два месяца; ее предмет ограничен вопросами невыполненного мнения. Это влияет на положение организации, не означая автоматической проверки или ответственности.

Судебная проверка и исполнение при разногласиях

В делах № А40–305870/2023, № А40–306027/2023 и № А40–305119/2023 оспаривались мнения от 27.09.2023, составленные по инициативе инспекции при мониторинге за 2022 год. Они касались налога на добычу полезных ископаемых (далее – НДПИ) за июль 2022 года. Обстоятельства устанавливаются по судебным актам.

ООО «Газпромнефть-Оренбург» оспаривало мнение № 10 о дополнительном НДПИ в размере 53 645 руб. После получения мнения 09.10.2023 общество 16 октября уточнило декларацию, сохранив разногласия. Взаимосогласительная процедура состоялась 29 ноября; ее результат и отдельная жалоба по статье 138 НК РФ в изученных актах не описаны. Упоминание пеней не устанавливает их размер и уплату. Решением от 09.04.2024 и последующими актами в требованиях отказано[3].

ООО «Газпромнефть-Ямал» оспаривало мнение № 8 о доплате 6 279 757 руб. НДПИ по газу и 3 098 343 руб. по конденсату; АО «Газпромнефть-Ноябрьскнефтегаз» – мнение № 11 на 12 761 919 руб. Мнения получены 9 октября, декларации уточнены 17 октября, разногласия и отдельные жалобы представлены 3 ноября. Федеральная налоговая служба (далее – ФНС России) рассмотрела разногласия 29.11.2023. Уведомлениями от 17.01.2024 № 6 и № 8 мнения оставлены без изменения; уведомления направлены 18 января и получены 19 января. В решениях от 13.03.2024 специальная процедура признана соблюденной, отдельная жалоба – не предусмотренной законом[4].

Суды признали применение к июлю цен на газ по приказу Федеральной антимонопольной службы от 01.07.2022 № 493/22, действующему с 13 августа, обоснованным пунктом 4 статьи 342.4 НК РФ[5]. Дополнительное исчисление налога само по себе не подтверждает уплаты.

На с. 5 решений от 13.03.2024 мнение признано документом без самостоятельных правовых последствий. Однако налоговые доводы рассмотрены: суд отказал в требованиях по части 3 статьи 201 АПК РФ, а не прекратил производство. Апелляция от 06.12.2024 и кассация от 21.02.2025 по делу № А40–305119/2023 сохраняют этот результат[6]. Практика сочетает ограничительное понимание объекта контроля с проверкой налогового спора по существу; общего запрета доступа к суду из нее не следует.

Отличие мнения от решения об ответственности не исключает правового воздействия. Обязанность возникает из закона, но обязательное толкование определяет поведение адресата. Будущее обжалование не всегда обеспечивает своевременную защиту.

На с. 6 решений от 13.03.2024 согласие выведено из уточнения деклараций, хотя на с. 4 установлено представление разногласий. Апелляция от 06.12.2024 повторяет этот довод, кассация отдельно его не обосновывает. Между тем пункты 6–8 статьи 105.30 и пункт 5 статьи 105.31 НК РФ различают согласие, выполнение и разногласия. Системное толкование допускает исполнение ради снижения риска с сохранением возражений. Исчерпывающего порядка закон не содержит; обращение в суд само по себе не отменяет декларацию и не влечет возврата средств.

Постановление Конституционного Суда РФ от 28.11.2017 № 34-П касается гарантий следования официальной позиции, а не самостоятельной оспоримости мнения[7]. Совпадение гарантий не доказывает тождества режимов. Освобождение от пеней и ответственности зависит от условий статей 75 и 111 НК РФ.

По пункту 8 статьи 105.30 НК РФ на разногласия отводится месяц, на передачу материалов в ФНС – три дня. Месяц по пункту 2 статьи 105.31 исчисляется от их получения. Достаточность этой стадии для статьи 138 не установлена. В деле № А40–305119/2023 апелляция и кассация сообщают о неполучении результата вопреки установленному первой инстанцией получению уведомления 19.01.2024. Между рассмотрением разногласий и составлением уведомлений прошло 49 дней. Без даты поступления всех материалов это не доказывает незаконного бездействия ФНС. Январские даты не относятся к делу «Газпромнефть-Оренбург».

Отказные определения Верховного Суда РФ сохраняют результаты конкретных дел. Они не заменяют рассмотрения спора Судебной коллегией и не устанавливают общего запрета оспаривания мотивированных мнений[8].

В деле № А40–136093/2024 по требованию АО «РЖДстрой» к контрагенту о возмещении потерь кассация оценивала договорные гарантии и уведомление об основаниях подготовки мнения, а не само мнение[9]. В решении по делу № А40–71089/2025 разграничены прежняя проверка вследствие неисполнения мнения о льготной ставке и последующий контроль квалификации имущества по подпункту 1 пункта 5.1 статьи 89 НК РФ. Отрицание свойств ненормативного акта изложено как довод ФНС; самостоятельное требование против мнения не разрешалось[10]. Оспаривание мнения не исключает иных оснований контроля.

Предложения по согласованию процедур

Далее изложены авторские предложения об изменении статей 105.30, 105.31, 138 и 89 НК РФ.

Статья 105.30 должна закрепить право оспаривать мнение полностью или в части, включая планируемую сделку. Суд проверяет фактические основания, применение нормы и при необходимости расчет с учетом изменений ФНС. Подтверждающее уведомление не должно становиться обязательным дополнительным объектом заявления; отдельное требование оправданно самостоятельным нарушением. Выполнение мнения, в том числе уточнение декларации, не означает согласия, отзыва разногласий или отказа от защиты. Заявитель должен показать сохраняющиеся последствия спорного вывода.

В статье 105.31 предельный срок необходимо связать с подтверждаемой датой представления разногласий. Предлагается сохранить три дня на передачу материалов и отвести месяц после их истечения на решение ФНС. Результат направляется в течение трех дней со дня решения, но не позднее трех дней после истечения месячного срока. Внутренние задержки срок не сдвигают. Решение должно оценивать существенные доводы, а изменение мнения сопровождаться новым текстом. Для доступа к суду стадия завершается получением результата либо истечением срока его направления, если результат не получен раньше. Предварительно признавать бездействие незаконным не требуется. Молчание не означает согласия ФНС и не прекращает ее обязанности рассмотреть спор.

В статье 138 следует признать эту процедуру достаточной для досудебного порядка. Если она не использована, предлагается сохранить общую жалобу по статье 139 с годичным сроком и возможностью восстановления. Рассмотренные суды такой альтернативы не признали. После специальной стадии срок обращения в суд должен состав-

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2022 № 21. П. 3, 6.

[2] Лютова О.И. Указ. соч. С. 21.

[3] Решение Арбитражного суда г. Москвы от 09.04.2024; постановления Девятого арбитражного апелляционного суда от 18.06.2024 № 09АП-30313/2024 и Арбитражного суда Московского округа от 28.08.2024 № Ф05–18286/2024 по делу № А40–305870/2023.

[4] Решения Арбитражного суда г. Москвы от 13.03.2024 по делам № А40–306027/2023 и № А40–305119/2023. С. 2–6 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 23.09.2026).

[5] Там же. С. 7–10; постановления Девятого арбитражного апелляционного суда от 05.06.2024 № 09АП-26135/2024 и Арбитражного суда Московского округа от 06.09.2024 № Ф05–18058/2024 по делу № А40–306027/2023.

[6] Постановления Девятого арбитражного апелляционного суда от 06.12.2024 № 09АП-26046/2024 и Арбитражного суда Московского округа от 21.02.2025 № Ф05–461/2025 по делу № А40–305119/2023 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 23.09.2026).

[7] Постановление Конституционного Суда РФ от 28.11.2017 № 34-П.

[8] Определения Верховного Суда РФ от 18.11.2024 № 305-ЭС24–21197, от 11.02.2025 № 305-ЭС24–21265 и от 13.05.2025 № 305-ЭС25–3153.

[9] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22.09.2025 № Ф05–15111/2025 по делу № А40–136093/2024.

[10] Решение Арбитражного суда г. Москвы от 02.12.2025 по делу № А40–71089/2025. С. 10, 13–15 // Картотека арбитражных дел. URL: https://kad.arbitr.ru/ (дата обращения: 23.09.2026).

лять три месяца со дня ее завершения. Повторная жалоба и позднее подтверждение мнения срок не возобновляют. Позднее изменение открывает трехмесячный срок для измененной части со дня получения уведомления и нового текста, без повторной досудебной стадии. Восстановление судебного срока производится по АПК РФ; для общей жалобы действуют статьи 138–140 НК РФ и часть 4 статьи 198 АПК РФ.

По предлагаемой редакции подпункта 3 пункта 5.1 статьи 89 срок выполнения мнения не может истечь ранее месяца после завершения специальной стадии по своевременным разногласиям, а для позднее измененной части – ранее месяца после получения нового текста. Применяется более поздний из этих и действующих сроков; затем исчисляются два месяца на назначение проверки. Позднее подтверждение мнения сроков не меняет. Изменение не возобновляет истекшего срока назначения проверки по тем же вопросам и не расширяет предмет назначенной проверки. Месяц на сообщение о согласии или несогласии по пункту 5 статьи 105.31 исчисляется от получения результата, а при изменении – также нового текста мнения. Он не подменяет срок выполнения. Сроки в днях рассчитываются по статье 6.1 НК РФ; месяц не равен тридцати дням.

Общая жалоба и судебное заявление сами по себе не должны продлевать выполнение мнения или приостанавливать контроль. Если суд запрещает назначать проверку, для защиты бюджета предлагается приостанавливать неистекший двухмесячный срок ее назначения. При запрете, действующем на дату возникновения основания, срок начинается после отмены; начавшийся срок продолжается в оставшейся части. Истекшие сроки не возобновляются. При переносе назначения на другой год глубину проверки по пункту 4 статьи 89 следует определять по году, в котором срок назначения истек бы без запрета. Предмет ограничен вопросами мнения. Иные основания контроля сохраняются без возможности обхода запрета; соразмерность меры оценивается по главе 8 и части 3 статьи 199 АПК РФ.

Выводы

Мотивированное мнение является предупредительным по цели, но может приобретать признаки индивидуального правоприменительного акта по содержанию и последствиям. Оспоримость не предрешает незаконности вывода или нарушения прав. Исполнение не устраняет законного интереса, пока сохраняются спорная корректировка декларации либо иные последствия. Новизна решения – согласование защиты этого интереса со сроками досудебного рассмотрения и контроля.

Доступ к суду должен зависеть от определимого срока. Позднее изменение мнения открывает защиту в измененной части без восстановления прекратившихся контрольных полномочий. Судебная защита не освобождает от законного налога; отмена мнения требует исправления деклараций и возврата средств по НК РФ. Основания контроля проверяются самостоятельно.

Литература

1. Винницкий Д.В., Курочкин Д.А. Мотивированное мнение и проблемы контроля за качеством интерпретации налогового законодательства // Налоговед. 2023. № 8. С. 13–18.

2. Коваленко Н.С., Леонов Е.М. [Комментарий к статье «Мотивированное мнение и проблемы контроля за качеством интерпретации налогового законодательства»] // Налоговед. 2023. № 8. URL: https://e.nalogoved.ru/1041225 (дата обращения: 23.09.2026).

3. Лютова О.И. Мотивированное мнение налогового органа: правовая природа и возможности обжалования // Финансовое право. 2024. № 6. С. 19–21. DOI: 10.18572/1813-1220-2024-6-19-21.

4. Султанов А.Р. Мотивированное мнение налогового органа как обжалуемый в суде ненормативный акт // Налоговед. 2023. № 8. С. 24–31.

A TAX AUTHORITY'S REASONED OPINION AND THE TAXPAYER'S RIGHT TO JUDICIAL PROTECTION: LIMITS OF ITS PREVENTIVE FUNCTION

Tretyak I.Yu.
All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

The study examines judicial review of a tax authority's reasoned opinion, including after compliance. Formal legal and systemic analysis compares the Russian Tax Code, scholarly positions and commercial court reasoning. It distinguishes reviewability, infringement of rights or legitimate interests, and the merits of tax calculations. A preventive purpose is compatible with the effects of an individual administrative act. The contribution is a procedure protecting a continuing legitimate interest after compliance without agreement. Proposed amendments to Articles 105.30, 105.31, 138 and 89 address sufficient pre-litigation review, court deadlines, administrative inaction and late amendments to opinions. Judicial protection should not automatically suspend tax control. The findings can inform legislative reform and legal arguments for protecting participants in tax monitoring. The legal cut-off date is 22 September 2026.

Keywords: tax monitoring; reasoned opinion; legitimate interest; judicial protection; mutual agreement procedure; compliance without waiver; on-site tax audit.

References

1. Vinnitskiy D.V., Kurochkin D.A. Reasoned opinion and issues regarding the quality control of tax legislation interpretation // Nalogoved. 2023. № 8. P. 13–18.

2. Kovalenko N.S., Leonov E.M. [Commentary on the article «Reasoned opinion and issues regarding the quality control of tax legislation interpretation»] // Nalogoved. 2023. № 8. URL: https://e.nalogoved.ru/1041225 (accessed: 23.09.2026).

3. Lyutova O.I. Reasoned opinion of the tax authority: legal nature and possibilities for appeal // Financial Law. 2024. № 6. P. 19–21. DOI: 10.18572/1813-1220-2024-6-19-21.

4. Sultanov A.R. Reasoned opinion of the tax authority as a non-normative act subject to judicial review // Nalogoved. 2023. № 8. P. 24–31.

Взаимодействие представительств субъектов Российской Федерации на примере Совета руководителей представительств

Федонина Светлана Григорьевна,
постоянное представительство Республики Мордовия при Президенте Российской Федерации

Власов Евгений Гаврилович,
Краевое государственное казенное учреждение «Представительство Губернатора и Правительства Камчатского края при Правительстве Российской Федерации»

В статье рассматриваются институциональные и организационные аспекты горизонтального взаимодействия представительств субъектов Российской Федерации при Президенте и Правительстве России. Предметом анализа выступает Совет руководителей представительств как коллегиальный совещательный орган, созданный в 2016 г. по инициативе Постоянного представительства Республики Коми. Исследуются его нормативно-правовая основа, эволюция, структура, направления деятельности и конкретные проекты, реализованные в рамках межрегионального сотрудничества. Особое внимание уделяется роли Совета в Год единства народов России, когда его деятельность приобретает дополнительное значение для укрепления общероссийской гражданской идентичности. Методологическую базу составили общенаучные методы (анализ, синтез, системный подход), формально-юридический метод при анализе нормативных правовых актов, а также применялся метод институционального и сравнительного анализа (компаративистики), включающий изучение зарубежного опыта организации координационных институтов в федеративных государствах, с последующим сопоставлением функциональных и структурных характеристик. Использованы методы описания и обобщения практического опыта работы Совета на основе открытых источников, официальных документов и публичных отчетов. Применен ретроспективный анализ для выявления динамики развития Совета и оценки эффективности его проектной деятельности. Впервые в научной литературе представлено комплексное исследование Совета руководителей представительств субъектов Российской Федерации как эффективного механизма горизонтальной координации регионов. Обосновано, что Совет эволюционировал от неформального клуба до реального инструмента реализации межрегиональных инициатив федерального уровня. Выявлены четыре ключевых фактора успеха: институционализация горизонтальных связей, преодоление региональной дифференциации через кооперацию, наличие нормативно-правовой базы и многовекторность деятельности. Сделан вывод о применимости данной модели для других уровней публичной власти в целях укрепления единства и социально-экономического развития Российской Федерации.

Ключевые слова: межрегиональное сотрудничество, представительства субъектов Российской Федерации, Совет руководителей представительств, горизонтальная координация, региональная дифференциация, публичная власть, межрегиональные проекты, нормативно-правовое регулирование, единство народов России, государственное управление.

Межрегиональные связи способствуют решению задач социально-экономического развития регионов, обеспечивают обмен передовым опытом и содействуют укреплению культурных и гуманитарных связей субъектов Российской Федерации. Мировой опыт показывает, что развитые межрегиональные отношения мобилизуют внутренний потенциал регионов и укрепляют единство страны.

Субъекты Российской Федерации характеризуются высокой степенью дифференциации по специфике социально-экономического развития, климатическим условиям и обеспеченности природными ресурсами.

Большая неравномерность социально-экономического развития российских регионов во многом определяет содержание работы представительств субъектов Российской Федерации – реципиентов федеральных дотаций, неизбежно акцентируя их внимание на обеспечении стабильности дотационных потоков. Представительства регионов, относящихся к экономическим лидерам, напротив, могут сконцентрировать работу на инициировании и продвижении долгосрочных экономических проектов, поддержании привлекательного инвестиционного имиджа и т.п.

Представительства новых регионов Российской Федерации объективно ориентированы на работу по всесторонней интеграции этих территорий в социально-экономическую систему страны, координации помощи в условиях СВО и налаживанию межрегиональных связей. Таким образом, ключевые задачи региональных представительств в настоящее время сфокусированы на конкретных экономических задачах в зависимости от уровня социально-экономического развития субъекта Российской Федерации. В частности, это:

– привлечение инвестиций в регион, работа с инвесторами, создание положительного имиджа и информирование о возможностях региона;
– лоббирование интересов региона, в частности, участие в заседаниях федеральных органов власти при рассмотрении вопросов развития экономики региона;
– создание условий для экономического роста региона;
– обеспечение механизмов межбюджетных трансфертов в рамках политики выравнивания уровня развития регионов;
– ускорение интеграции новых регионов в социально-экономическую систему Российской Федерации.

Вместе с тем указанные различия надлежит рассматривать не столько как ограничения для взаимодействия, сколько как совокупность возможностей для выстраивания взаимовыгодного сотрудничества, позволяющего компенсировать диспропорции регионального развития.

Эффективное функционирование институтов регионального представительства выступает важным условием согласования интересов центра и субъектов федерации. Они не только обеспечивают каналы коммуникации и лоббирования, но и способствуют повышению легитимности государственных институтов, снижению конфликтного потенциала и поиску компромиссных решений в процессе выработки государственной политики. Тем самым представительства вносят вклад в поддержание политической устойчивости федеративной системы в целом.

Зарубежный опыт координационных институтов в федеративных государствах

Прямых аналогов Совета руководителей представительств субъектов Российской Федерации в других федеративных государствах практически не существует. Это связано с уникальным для России сочетанием функций и форматом работы этой структуры.

По своей сути, Совет является неформальным координационным клубом для руководителей региональных представительств в Москве. Он создан для обмена опытом, координации действий и совместного решения общих проблем, но не обладает законодательными или властными полномочиями.

В большинстве случаев аналогичные структуры других федеративных государств представляют собой органы, которые имеют право участвовать в законотворческом процессе, высказывать мнения регионов и лоббировать их интересы.

Например, в Канаде действуют Совет федерации (Council of the Federation) [16] и Конференция премьер-министров провинций и территорий (Conference of Provincial and Territorial Premiers), которые являются аналогами встреч на высшем уровне для координации политики. Ключевым органом здесь является Совет федерации, который является официальным и постоянным институтом. Понятие «Конференция премьер-министров» обычно относится к ежегодным встречам, которые проводит этот Совет.

В совет входят премьер-министры всех 10 провинций и 3 территорий. Ежегодно председательство переходит к премьеру одной из провинций или территорий, который и принимает у себя летнюю конференцию. У совета есть штаб-квартира в Оттаве.

Сегодня Совет федерации проводит как минимум две встречи в год: основную летнюю конференцию и, как правило, еще одну зимой. В 2013 году Совет был ребрендирован и теперь также известен как «Премьер-министры Канады».

В Соединенных Штатах Америки институт представительства интересов штатов на федеральном уровне сформировался в результате длительной эволюции и представляет собой сложную, многоуровневую систему [1, с. 275]. Необходимо разграничить два основных канала представительства: индивидуальные офисы (представительства) штатов в Вашингтоне и коллективные ассоциации губернаторов. Примерно половина американских штатов содержит собственные лоббистские офисы в столице. В большинстве своем губернаторы используют лоббистов для усиления своих позиций в системе федерализма, а наличие или отсутствие такого офиса зависит не только от экономической выгоды, но и от политических и культурных факторов конкретного штата. Мотивация и стратегии открытия представительств подчиняются определенным институциональным закономерностям: иногда одни региональные правительства активнее лоббируют федеральный центр, чем другие, что напрямую влияет на процесс принятия решений на федеральном уровне, управление фискальными ресурсами и характер межправительственных отношений. Исследования показывают, что подобная практика порождает проблему неравенства возможностей. В работе Костяева С.С. [2, с. 42] отражен важный аспект: богатые и благополучные муниципалитеты не только чаще прибегают к услугам лоббистов, но и получают большую финансовую отдачу от этих усилий. Зачастую способность «покупать» адвокацию своих интересов позволяет богатым регионам транслировать свое экономическое превосходство в политическую власть.

В качестве примера коллективной структуры представительств можно привести Национальную ассоциацию губернаторов (NGA) [3], основанную в 1908 году по инициативе президента Теодора Рузвельта. Ассоциация представляет собой двухпартийную организацию, объединяющую губернаторов 55 штатов, территорий и содружеств, которая выступает в качестве институционализированной площадки для координации позиций глав исполнительной власти по широкому спектру вопросов государственной политики. Ключевым механизмом работы NGA выступает Офис по связям с правительством (Office of Government Relations) [4], сотрудники которого обеспечивают постоянное представительство интересов губернаторов при выработке федеральной политики, поддерживая регулярные контакты с лидерами Конгресса и ключевыми должностными лицами администрации. Структурно работа NGA организована через систему губернаторских целевых рабочих групп (Task Forces), которые занимаются выработкой согласованных позиций по приоритетным направлениям федеральной политики: экономическое развитие; общественное здоровье и реагирование на чрезвычайные ситуации; образование, рабочая сила и инвестиции в сообщества [5]. Показательным этапом в развитии координирующей функции NGA стала пандемия COVID-19 [6, с. 96], когда ассоциация на протяжении 67 недель организовывала еженедельные встречи губернаторов, превратившись в важнейший ресурс для региональных лидеров в условиях кризиса.

В Федеративной Республике Германия горизонтальную координацию земель обеспечивает Конференция премьер-министров земель (Ministerpräsidentenkonferenz, MPK). Она действует с 1954 года как постоянный механизм самокоординации шестнадцати земель и, в отличие от Бундесрата, конституционным органом не является. Решения Конференции политически обязывают земельные правительства, но прямой юридической силы не имеют и вводятся в действие через законодательные процедуры самих земель, а межземельные договоренности закрепляются государственным договором (Staatsvertrag). Собирается Конференция минимум четыре раза в год, дважды по ее итогам к главам земель присоединяется федеральный канцлер. Повестку готовит разветвленная сеть отраслевых министерских конференций (порядка 18–19 профильных форматов) и экспертных рабочих групп. Результативность немецкой модели держится на связке тщательно подготовленной повестки и закрытого неформального обсуждения на высшем уровне. Конституционную ветвь представительства земель образует Бундесрат, через который земли участвуют в федеральном законотворчестве.

Сопоставление зарубежных институтов с российским Советом руководителей представительств выявляет и близость функций, и различие правовой природы (табл. 1).

Таблица 1. Сравнение институтов горизонтальной координации регионов в федеративных государствах

Параметр	Канада: Совет федерации	США: NGA	ФРГ: Конференция премьер-министров земель	Россия: Совет руководителей представительств
Год создания	2003 (на базе Конференции премьеров 1960 г.)	1908	1954 (первое заседание 1948 г.)	2016
Правовой статус	Межправительственный форум, не конституционный орган	Двухпартийная ассоциация, не конституционный орган	Механизм самокоординации, не конституционный орган (в отличие от Бундесрата)	Совещательный клуб, не юридическое лицо
Состав	13 премьеров провинций и территорий	Губернаторы 55 штатов, территорий, содружеств	Главы правительств 16 земель	Руководители представительств регионов в Москве
Полномочия	Консенсус, решения не обязательны юридически	Координация, адвокация в Конгрессе	Политически обязывающие решения, вводятся законами земель	Координация, обмен опытом, продвижение инициатив
Периодичность	Не реже 2 раз в год	Регулярно, рабочие группы постоянно	Не реже 4 раз в год, 2 из них с канцлером	Общее собрание не реже 1 раза в год, Президиум регулярно
Аппарат	Секретариат в Оттаве	Офис по связям с правительством, рабочие группы	Отраслевые минконференции и экспертные группы	Президиум из 15 человек, секретариат, с 2026 г. 5 комитетов

Общее у всех четырех институтов – это добровольная, клубная по духу координация без властных полномочий и опора на консенсус. Российская модель отличается субъектом взаимодействия. За столом здесь не главы регионов, как в Канаде, США или ФРГ, а руководители их постоянных представительств в столице. Совет работает на уровне ниже губернаторского, что превращает его в площадку повседневного согласования, а не эпизодических саммитов. Отсюда и специфическая ниша, которую не занимают ни Государственный Совет, ни Совет Федерации.

Правовые основы межрегионального сотрудничества в Российской Федерации

Правовую основу межрегионального сотрудничества в Российской Федерации формирует ряд нормативных правовых актов. Базовым выступает Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», закрепляющий за субъектами федерации право на установление и развитие межрегиональных связей. Процедурные аспекты взаимодействия конкретизированы в постановлении Правительства Российской Федерации от 06.02.2023 № 167 «Об утверждении общих требований к порядку заключения соглашений о межрегиональном и межмуниципальном сотрудничестве для совместного развития инфраструктуры», целью которого прямо провозглашается сокращение уровня дифференциации социально-экономического развития субъектов Российской Федерации и укрепление межрегионального сотрудничества. Обобщение опыта отдельных субъектов, в частности Республики Татарстан, показывает устойчивый запрос регионов на институционализацию таких связей [7, с. 684–700].

Генезис, статус и структура Совета руководителей представительств

В 2016 г. по инициативе Постоянного представительства Республики Коми при Президенте Российской Федерации был создан Совет руководителей региональных представительств при Президенте и Правительстве России, основной целью которого является укрепление сотрудничества, координации и взаимодействия между представительствами российских регионов.

В соответствии с Положением о Совете руководителей представительств субъектов Российской Федерации Совет является коллегиальным и совещательным органом, учрежденным представительствами и/или представителями субъектов Российской Федерации, расположенными в городе Москве. Совет не является юридическим лицом и представляет собой клуб руководителей представительств регионов России.

Уставными направлениями деятельности Совета определены:
– повышение эффективности деятельности представительств субъектов Российской Федерации;
– обмен опытом работы, включая взаимодействие с федеральными органами государственной власти, представительствами Российской Федерации за рубежом, российскими учреждениями, организациями и предприятиями, иностранными дипломатическими и консульскими учреждениями, международными организациями и иностранными компаниями;
– взаимное информирование о социально-экономической ситуации в представляемых регионах, ключевых событиях и инвестиционных возможностях;
– содействие торгово-промышленной и научно-технической кооперации регионов;
– стимулирование расширения межрегиональных связей в социальных отраслях, в том числе в области культуры, образования, медицины, туризма, молодежной политики и спорта [8].

Организационная структура Совета включает три уровня. Высшим органом управления является Общее собрание членов Совета, которое проводится не реже одного раза в год и правомочно принимать решения при наличии более 50% членов (в том числе участвующих в режиме видеоконференцсвязи). Текущую деятельность координирует Президиум Совета в составе 15 человек, избираемых из числа руководителей представительств. Президиум определяет приоритеты работы и формирует повестку заседаний. Возглавляет Совет председатель Президиума, избираемый из его состава сроком на 3 года [9].

За время существования Совета его возглавляли видные руководители представительств, что подчеркивает преемственность и авторитет органа. Первым руководителем Совета был Постоянный представитель Республики Коми при Президенте Российской Федерации Григорий Наскидович Саришвили. В июне 2020 г. Совет возглавил Федотов Андрей Сандаминович, постоянный представитель Республики Саха (Якутия) при Президенте Российской Федерации, Первый заместитель Председателя Правительства Республики Саха (Якутия) [10]. В 2022 г. председателем Совета стал занимавший в то время пост руководителя представительства Калининградской области Салий Денис Александрович [11]. С 2025 г. и по настоящее время Совет возглавляет руководитель представительства Камчатского края Власов Евгений Гаврилович.

Направления и проектная деятельность Совета

Ежегодно в первом квартале Секретариат Совета проводит работу по сбору предложений в План работы Совета. На основании этого документа и строится работа организации. Все мероприятия поделены по 5 направлениям:
– экономические вопросы и национальные проекты;
– международная и внешнеэкономическая деятельность;
– социально-гуманитарные вопросы и туризм;
– межрегиональное сотрудничество;
– культурно-спортивные мероприятия.

Такой подход позволяет охватить практически все сферы, в которых пересекаются интересы субъектов Российской Федерации, и обеспечивает комплексный характер межрегионального взаимодействия. Заседания Совета и его Президиума проходят на регулярной основе и становятся площадкой для обсуждения наиболее актуальных вопросов, от продвижения конкретных инвестиционных проектов до масштабирования успешных социальных практик.

В целях дальнейшего повышения эффективности и специализации деятельности Совета в 2026 г. принято решение о включении в его структуру пяти профильных комитетов, призванных углубить работу по приоритетным направлениям и обеспечить постоянную экспертную и координационную поддержку соответствующих проектов:
– Комитет по развитию молодежных инициатив и патриотическому воспитанию;
– Комитет по поддержке СВО и социальной поддержке ветеранов;
– Комитет по межнациональным отношениям и внешнеэкономическим связям;
– Комитет по содействию инвестиционному развитию и туризму;
– Комитет по взаимодействию с землячествами и общественными объединениями.

Профиль каждого комитета отвечает конкретной задаче представительств. Комитет по развитию молодежных инициатив и патриотическому воспитанию координирует просветительские акции, объединяющие молодежь разных субъектов. Работа с ветеранами и поддержка участников специальной военной операции выделены в отдельный комитет, что отражает приоритет гуманитарной повестки последних лет. Комитет по межнациональным отношениям и внешнеэкономическим связям сводит воедино два, казалось бы, разных направления, поскольку для многонациональных регионов культурная дипломатия и внешнеэкономическая работа часто идут в одной связке. Инвестиционный блок и туризм закреплены за комитетом, который ближе всего к экономическому профилю деятельности представительств. Наконец, комитет по взаимодействию с землячествами и общественными объединениями работает с той средой, через которую регион присутствует в столице неформально. Формирование комитетов придает работе Совета системный, постоянно действующий характер, что особенно важно при расширении круга задач представительств на современном этапе.

За прошедшие годы Совет зарекомендовал себя как действенный инструмент горизонтальной координации. На его заседаниях регулярно обсуждались вопросы формирования межрегиональных промышленных кластеров, развития внутреннего туризма, обмена опытом в сферах образования, здравоохранения и молодежной политики. Ряд инициатив, рожденных или поддержанных на площадке Совета, получили практическое воплощение в виде масштабных межрегиональных проектов, наглядно демонстрирующих возможности кооперации (табл. 2).

Таблица 2. Межрегиональные проекты, реализованные при участии Совета

Проект	Год	Регионы, участники	Направление	Результат
Брендированный поезд «Дальний Восток» в метро	2021	Регионы ДФО	Имидж, культура	Продвижение образа макрорегиона
Тематический поезд «Крым»	2022	Республика Крым, Севастополь	Историческая память	К годовщине воссоединения
Поезд «Сибирь здесь»	2022	Регионы СФО	Имидж, культура	Презентация Сибири в столице
«Вахта памяти. Ржев – Дальний Восток»	2022	Дальневосточные регионы, Тверская обл.	Патриотическое воспитание	Молодежные смены в Ржевском районе
Отправка гуманитарного груза (ЦСКА)	2024	Федеральные округа	Поддержка СВО, спорт	Груз в зону СВО, турнир по тэг-регби
Фестиваль «Россия – это мы! Созвучие культур»	2026	Многонациональные регионы	Культура, идентичность	Укрепление гражданской идентичности

Одним из наиболее ярких направлений стали имиджевые и культурно-просветительские проекты в московском транспорте, реализуемые при непосредственном участии представительств регионов: торжественный запуск брендированного состава, посвященного Дальнему Востоку [12], запуск тематического «крымского» поезда, приуроченный к восьмой годовщине воссоединения Республики Крым и города Севастополя с Российской Федерацией [13], патриотический проект «Сибирь здесь», тематический поезд, посвященный регионам Сибирского федерального округа [14].

Не менее значимым направлением является военно-патриотическое воспитание и сохранение исторической памяти, где межрегиональное взаимодействие также приносит ощутимые плоды. 16 июля 2022 г. состоялась презентация проекта «Вахта памяти. Ржев-Дальний Восток» [15]. Смена, участниками которой становятся молодые люди из дальневосточных регионов, проходит в Ржевском районе Тверской области

на базе военно-патриотического лагеря. Этот проект демонстрирует, как через площадку представительств удается объединить ресурсы нескольких регионов для решения общей гуманитарной задачи, способствуя патриотическому воспитанию молодежи и укреплению межрегиональных культурных связей.

Расширение спектра форматов работы Совета подтверждается и мероприятиями, сочетающими спортивную, социальную и патриотическую составляющие. Так, в Центральном спортивном клубе Армии (ЦСКА) в Москве состоялось расширенное заседание Совета руководителей представительств регионов России, важной частью программы которого стал торжественный митинг, посвященный отправке гуманитарного груза для помощи регионам в зоне проведения специальной военной операции. В состав колонны вошли современные мотоциклы, профессиональный спортивный инвентарь, надежная экипировка, школьные принадлежности и другие предметы первой необходимости. Завершил день показательный турнир по бесконтактному регби (тэг-регби) среди команд федеральных округов, вида спорта, сочетающего элементы классического регби с обеспечением безопасности участников.

Показательным событием, характеризующим дальнейшее развитие культурного направления, выступает состоявшийся 10 июня 2026 г. Всероссийский фестиваль народного творчества «Россия – это мы! Созвучие культур», приуроченный к «Году единства народов России». Фестиваль проводился при поддержке Федерального агентства по делам национальностей, Департамента национальной политики и межрегиональных связей города Москвы, Комитета общественных связей и молодежной политики города Москвы. Целями фестиваля заявлены укрепление общероссийской гражданской идентичности, сохранение культурного наследия и развитие межнационального диалога. Сам факт проведения столь масштабного и уже традиционного мероприятия под эгидой Совета подтверждает его эволюцию в полноценный институт, способный инициировать и координировать проекты федерального значения.

Экономическое измерение межрегиональной кооперации

Горизонтальная координация через Совет имеет измеримый экономический смысл. Представительства конвертируют кооперацию в конкретные результаты по трем линиям. Первая – это инвестиции: совместное продвижение проектов и обмен контактами на площадке Совета снижают для регионов издержки выхода на федеральных инвесторов и институты развития. Вторая линия – это межрегиональные производственные и туристические кластеры, где объединение компетенций сырьевых, промышленных и аграрных субъектов дает эффект, недостижимый в одиночку. Третья связана с политикой выравнивания. Дотационные регионы через Совет получают доступ к практикам более сильных субъектов, а регионы-доноры находят рынки и партнеров, что работает на сглаживание диспропорций без прямого перераспределения из центра.

Именно эта экономическая отдача отличает российскую модель от зарубежных клубов глав регионов. Совет действует на рабочем уровне и ближе к операционной экономике территорий, чем ежегодные саммиты премьеров. Оценка эффективности его проектной деятельности пока затруднена отсутствием единой системы показателей. В качестве рабочих критериев логично использовать число доведенных до реализации совместных проектов, объем привлеченных в регионы инвестиций по инициативам Совета и охват участников межрегиональных программ. Формализация таких критериев в Плане работы Совета сделала бы его результаты сопоставимыми по годам и регионам.

Заключение

Проведенный анализ взаимодействия представительств субъектов Российской Федерации на примере Совета руководителей представительств позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Институционализация горизонтальных связей. Создание и функционирование Совета руководителей представительств подтверждает тенденцию к укреплению горизонтальных связей между субъектами Российской Федерации. За годы работы Совет эволюционировал от формата неформального консультационного клуба до реального инструмента координации усилий губернаторского корпуса в Москве. Реализованные при его участии проекты, от тематических поездов в метро до межрегиональных патриотических смен и всероссийских культурных фестивалей, демонстрируют способность Совета влиять на продвижение региональных инициатив на федеральный уровень, способствуя формированию единого информационного и культурного пространства.

2. Преодоление дифференциации через кооперацию. Деятельность Совета наглядно доказывает, что высокая дифференциация регионов по уровню социально-экономического развития и ресурсной обеспеченности является не препятствием, а стимулом для поиска комплементарных экономических моделей и взаимообогащения культур. Именно площадка Совета позволяет нивелировать эту дифференциацию путем прямого обмена опытом между представителями сырьевых, промышленных и аграрных регионов. Пример объединения усилий дальневосточных, сибирских и центральных областей в проекте «Вахта памяти» подтверждает, что совместные гуманитарные инициативы эффективно стирают административные границы.

3. Нормативно-правовая база как фундамент сотрудничества. Эффективность межрегионального взаимодействия напрямую зависит от качества и полноты его правового регулирования. Действующая система, включающая Федеральный закон от 21.12.2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» и Постановление Правительства Российской Федерации от 06.02.2023 г. № 167, создает необходимые правовые рамки. Вместе с тем сохраняющиеся в научной литературе указания на пробелы и противоречия в регламентации института представительств указывают на потребность в дальнейшем совершенствовании федерального законодательства, в том числе в части уточнения полномочий и гарантий деятельности таких советов.

4. Многовекторность как принцип успеха. Распределение деятельности Совета по нескольким равнозначным направлениям, от экономики и международных связей до культуры и спорта, отражает комплексный подход к межрегиональному сотрудничеству. Данная модель доказала свою жизнеспособность и может быть рекомендована в качестве ориентира для развития межрегионального взаимодействия на других уровнях публичной власти. Практика запуска тематических поездов, объединяющих сразу несколько регионов, и проведения межрегиональных патриотических акций подтверждает, что сочетание экономических, культурных и социальных инициатив дает синергетический эффект, усиливая позитивный образ регионов как внутри страны, так и за ее пределами.

Литература

1. Америка против всех. Геополитика, государственность и глобальная роль США: история и современность. – М.: ООО «Содружество культур», 2023.

2. Бюджетный лоббизм в США: от Дж. Буша-мл. к Б. Обаме: монография / С.С. Костяев. – М.: Финансовый университет, 2017.

3. National Governors Association [Электронный ресурс] / NGA. – Washington, D.C., 1908. – URL: https://www.nga.org (дата обращения: 19.02.2026).

4. National Governors Association. Government Relations [Электронный ресурс] / NGA. – Washington, D.C. – URL: https://www.nga.org (дата обращения: 19.02.2026).

5. National Governors Association. Committees and Task Forces [Электронный ресурс] / NGA. – URL: https://www.nga.org (дата обращения: 19.02.2026).

6. Лебедева М.М. Влияние пандемии COVID-19 на мировую политику // Вестник МГИМО-Университета. – 2022. – Т. 15, № 1. – С. 92–110. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-1-92-110.

7. Насыров И.Р. Представительства субъектов Федерации как институт межрегионального сотрудничества (опыт Республики Татарстан) / И.Р. Насыров, Ю.Д. Якубов // Регионология. – 2023. – Т. 31, № 4. – С. 684–700.

8. Власов Е.Г., Федонина С.Г., Ростанец В.Г. Институт региональных представительств при Правительстве РФ и при Президенте РФ: история становления и роль в экономическом развитии территорий // Вестник Российской академии естественных наук. 2026. Т. 26, № 2. С. 79–84. DOI: 10.52531/1682-1696-2026-26-2-79-84.

9. Положение о Совете руководителей представительств субъектов Российской Федерации (утв. Общим собранием членов Совета 20.03.2017, с изм. от 12.02.2025) // Архив Совета руководителей представительств. Москва, 2025.

10. Андрей Федотов избран председателем Совета представительств регионов при президенте России [Электронный ресурс] // ЯСИА: информ. агентство. – 2020. – 6 июня. – URL: https://ysia.ru/andrej-fedotov-izbran-predsedatelem-soveta-predstavitelstv-regionov-pri-prezidente-rossii/ (дата обращения: 18.06.2026).

11. Представительство Правительства Калининградской области [Электронный ресурс] // Правительство Калининградской области: офиц. сайт. – URL: https://gov39.ru/vlast/predstavitelstva.php (дата обращения: 18.06.2026).

12. Департамент транспорта г. Москвы. Запуск брендированного поезда «Дальний Восток» в московском метро. Пресс-релиз от 10.09.2021. URL: https://postpredstvo.sakha.gov.ru/news/14861 (дата обращения: 15.05.2026).

13. Информационное агентство «ТАСС». В московском метро запустили тематический поезд «Крым». 30.03.2022. URL: https://tass.ru/obschestvo/14229959 (дата обращения: 15.05.2026).

14. В метро появился новый тематический поезд «Сибирь здесь» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Мэра Москвы mos.ru. – 2022. – 15 окт. – URL: https://www.mos.ru/news/item/114566073/ (дата обращения: 18.06.2026).

15. Вахта памяти. Ржев – Дальний Восток. Расширяем горизонты! [Электронный ресурс]: заявка на грант № 24–1–009941 // Фонд президентских грантов: офиц. сайт. – 2023. – URL: https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=9ae6c450–0f77–45e3–8e1d-45ef10a35099 (дата обращения: 18.06.2026).

16. Canada's Premiers: сайт / Секретариат Совета Федерации Канады. – Оттава, [2026]. – URL: https://canadaspremiers.ca (дата обращения: 11.08.2026). – Текст: электронный

INTERACTION OF REPRESENTATIONS OF SUBJECTS OF THE RUSSIAN FEDERATION ON THE EXAMPLE OF THE COUNCIL OF HEADS OF REPRESENTATIONS

Fedonina S.G., Vlasov E.G.
Mordovia to the President of the Russian Federation, Representative Office of the Governor and Government of the Kamchatka Territory under the Government of the Russian Federation

The article examines the institutional and organizational aspects of horizontal interaction between representations of the subjects of the Russian Federation under the President and Government of Russia. The subject of analysis is the Council of Heads of Representations as a collegial advisory body established in 2016 on the initiative of the Permanent Representation of the Komi Republic. The study analyzes its legal and regulatory framework, evolution, structure, areas of activity, and specific projects implemented within the framework of interregional cooperation. Special attention is paid to the Council's role during the Year of Unity of the Peoples of Russia, when its activities gain additional significance for strengthening all-Russian civic identity. The methodological basis includes general scientific methods (analysis, synthesis, systems approach), the formal legal method in the analysis of normative legal acts, as well as institutional analysis. Methods of description and generalization of the practical experience of the Council's work based on open sources, official documents and public reports are used. Retrospective analysis is applied to identify the dynamics of the Council's development and assess the effectiveness of its project activities. Additionally, a case study method is employed for detailed examination of the most indicative interregional initiatives (themed trains in the Moscow metro, patriotic camps, the festival «Russia is Us!»). For the first time in the scientific literature, a comprehensive study of the Council of Heads of Representations of the Subjects of the Russian Federation as an effective mechanism for horizontal coordination of regions is presented. The novelty also lies in identifying the correlation between the Council's activities and the implementation of state national policy in the context of the Year of Unity of the Peoples of Russia. It is substantiated that the Council has evolved from an informal club into a real instrument for implementing interregional initiatives at the federal level. Four key success factors are identified: institutionalization of horizontal ties, overcoming regional differentiation through cooperation, presence of a regulatory framework, and multi-vector activity. The conclusion is made about the applicability of this model for other levels of public authority in order to strengthen the unity and socio-economic development of the Russian Federation.

Keywords: interregional cooperation, representations of the subjects of the Russian Federation, Council of Heads of Representations, horizontal coordination, regional differentiation, public authority, interregional projects, legal regulation, unity of the peoples of Russia, public administration.

References

1. America against All: Geopolitics, Statehood, and the Global Role of the USA: History and Modernity. – Moscow: Sodruzhestvo Kul'tur LLC, 2023.

2. Kostyaev, S.S. Budget Lobbying in the USA: from George W. Bush to Barack Obama: a monograph. – Moscow: Financial University, 2017.

3. National Governors Association [Electronic resource] / NGA. – Washington, D.C., 1908. – URL: https://www.nga.org (Accessed: 19.02.2026).

4. National Governors Association. Government Relations [Electronic resource] / NGA. – URL: https://www.nga.org (Accessed: 19.02.2026).

5. National Governors Association. Committees and Task Forces [Electronic resource] / NGA. – URL: https://www.nga.org (Accessed: 19.02.2026).

6. Lebedeva M.M. COVID-19 Pandemic: Impact on World Politics // MGIMO Review of International Relations. – 2022. – Vol. 15, № 1. – P. 92–110. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-1-82-92-110.

7. Nasyrov, I. R., Yakubov, Yu.D. Representations of the Subjects of the Federation as an Institute of Interregional Cooperation (the Experience of the Republic of Tatarstan) // Regionologiya. – 2023. – Vol. 31, № 4. – P. 684–700.

8. Vlasov E.G., Fedonina S.G., Rostanets V.G. The Institute of Regional Representations under the Government and the President of the Russian Federation: History of Formation and Role in the Economic Development of Territories // [verify publication data: title, volume/issue, pages and DOI].

9. Regulations on the Council of Heads of Representative Offices of the Subjects of the Russian Federation (approved by the General Meeting of Council Members on 20.03.2017, as amended on 12.02.2025) // Archive of the Council of Heads of Representative Offices. Moscow, 2025.

10. Andrey Fedotov Elected Chairman of the Council of Regional Representative Offices under the President of Russia [Electronic resource] // YASIA. – 2020. – June 6. – URL: https://ysia.ru/andrej-fedotov-izbran-predsedatelem-soveta-predstavitelstv-regionov-pri-prezidente-rossii/ (accessed: 18.06.2026).

11. Representation of the Government of the Kaliningrad Region [Electronic resource] // Government of the Kaliningrad Region: official website. – URL: https://gov39.ru/vlast/predstavitelstva.php (accessed: 18.06.2026).

12. Department of Transport of Moscow. Launch of the Branded Train «Far East» in the Moscow Metro. Press release dated 10.09.2021. URL: https://postpredstvo.sakha.gov.ru/news/14861 (accessed: 15.05.2026).

13. Information Agency «TASS». Themed Train «Crimea» Launched in the Moscow Metro. 30.03.2022. URL: https://tass.ru/obschestvo/14229959 (accessed: 15.05.2026).

14. New Themed Train «Siberia is Here» Appeared in the Metro [Electronic resource] // Official Website of the Mayor of Moscow mos.ru. – 2022. – Oct. 15. – URL: https://www.mos.ru/news/item/114566073/ (accessed: 18.06.2026).

15. Memory Watch. Rzhev – Far East. Expanding Horizons! [Electronic resource]: grant application № 24–1–009941 // Presidential Grants Foundation: official website. – 2023. – URL: https://президентскиегранты.рф/public/application/item?id=9ae6c450–0f77–45e3–8e1d-45ef10a35099 (accessed: 18.06.2026).

16. Canada's Premiers: website / Secretariat of the Federation Council of Canada. – Ottawa, [2026]. – URL: https://canadaspremiers.ca (date of request: 08/11/2026). – Text: electronic

Конституционно-правовые проблемы информированного добровольного согласия пациента

Щукин Владимир Викторович,
кандидат юридических наук, доцент, Московский инновационный университет

Шелонин Филипп Сергеевич,
аспирант, Московский инновационный университет
E-mail: phshelonin@gmail.com

В статье исследуется конституционно-правовая природа информированного добровольного согласия пациента на медицинское вмешательство, а также проблемы его нормативного закрепления и практической реализации в российском праве. Цель исследования состоит в выявлении содержания данного института как механизма обеспечения прав и свобод человека в сфере охраны здоровья и в обосновании направлений совершенствования его правового регулирования. Методологическую основу составили формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы, позволившие сопоставить российское регулирование с международными стандартами и доктринальными подходами. В результате показано, что информированное добровольное согласие не может быть сведено исключительно к частноправовой конструкции акцепта или обычному договорному волеизъявлению, поскольку его сущностное значение связано с реализацией конституционных гарантий достоинства личности, личной неприкосновенности и права на охрану здоровья. Установлено, что действующее правовое регулирование страдает неопределенностью категориального аппарата, а правоприменительная практика нередко придает согласиям формальный характер, не обеспечивающий подлинной информированности и добровольности пациента. Сделан вывод о необходимости конкретизации требований к содержанию и форме информирования, усиления гарантий автономии пациента и ограниченного, строго регламентированного использования презумпции согласия. Научная новизна исследования заключается в конституционно-правовой интерпретации информированного добровольного согласия как юридического механизма, обеспечивающего допустимость медицинского вмешательства и одновременно служащего гарантией прав личности.

Ключевые слова: информированное добровольное согласие; медицинское вмешательство; автономия пациента; право на охрану здоровья; конституционно-правовые гарантии; информирование пациента; презумпция согласия; медицинское право.

Введение

Информированное добровольное согласие пациента на медицинское вмешательство сегодня выходит за рамки отраслевого медико-правового института и приобретает значение самостоятельного конституционно-правового механизма защиты прав человека, поскольку его содержание непосредственно связано с правом на охрану здоровья, достоинством личности и неприкосновенностью частной жизни, закрепленными в Конституции РФ.

Актуальность исследования обусловлена несколькими обстоятельствами. На практике сохраняется разрыв между нормативной моделью согласия и реальным порядком его получения: оно нередко сводится к подписанию стандартного бланка без действительного понимания пациентом характера, целей и рисков вмешательства. В доктрине отсутствует единство в понимании правовой природы такого согласия – оно квалифицируется как сделка, акцепт, юридический факт, юридический поступок либо особый механизм реализации автономии пациента, что затрудняет формирование единообразного подхода в науке и судебной практике. Дополнительно цифровизация здравоохранения, развитие телемедицины и усложнение медицинских технологий ставят вопрос о пределах допустимой формализации согласия и обеспечении действительной, а не номинальной информированности пациента.

Особое место в дискуссии занимает вопрос о частноправовой природе согласия: в литературе высказана позиция, что оно представляет собой акцепт при заключении договора об оказании медицинских услуг. Этот подход не бесспорен, поскольку автономия воли пациента реализуется в условиях нормативно установленной обязанности медорганизации обеспечить надлежащее информирование, а само согласие служит не только выражением частной воли, но и гарантией реализации конституционного права на охрану здоровья.

Цель исследования – выявить конституционно-правовую природу информированного добровольного согласия, определить его место в механизме обеспечения прав человека и выработать подходы к совершенствованию его нормативного и правоприменительного оформления. Для этого решаются задачи: раскрыть конституционно-правовые основания института; проанализировать категориальный аппарат российского законодательства и международных актов в данной сфере; исследовать доктринальные подходы к правовой природе согласия (акцепт, сделка, юридический факт, юридический поступок); сформулировать авторский подход к соотношению частноправовых и публично-правовых начал; выявить проблемы реализации согласия в практике и судебной деятельности; определить направления совершенствования регулирования.

Методологическую основу составили формально-юридический метод (анализ Конституции РФ, ФЗ № 323-ФЗ, подзаконных актов и судебной практики), сравнительно-правовой метод (сопоставление с Нюрнбергским кодексом, Хельсинкской декларацией, Конвенцией о правах человека и биомедицине), системный метод (рассмотрение согласия как элемента конституционных гарантий в сфере охраны здоровья) и анализ научных позиций для оценки конкурирующих доктринальных подходов.

Конституционно-правовая природа и содержание информированного добровольного согласия пациента

Информированное добровольное согласие пациента на медицинское вмешательство представляет собой не только институт отраслевого медицинского права, но и важнейший конституционно-правовой механизм реализации прав и свобод человека и гражданина. Его сущностное содержание определяется через призму положений Конституции Российской Федерации, закрепляющих приоритет прав личности, право на охрану здоровья, достоинство человека и неприкосновенность частной жизни. В этой связи согласие пациента выступает юридической формой выражения автономии личности в сфере медицинских правоотношений и одновременно условием легитимности вмешательства в сферу его физической и психической неприкосновенности [2].

Конституционно-правовая природа информированного согласия обусловлена, прежде всего, его связью с правом на охрану здоровья, закрепленным в статье 41 Конституции Российской Федерации. Ука-

занное право предполагает не только доступ к медицинской помощи, но и возможность участия пациента в принятии решений относительно способов ее оказания. Такое участие реализуется через институт согласия, который обеспечивает возможность выбора и тем самым выступает формой реализации конституционного принципа свободы личности. Одновременно с этим значение согласия раскрывается через положение части 3 статьи 41 Конституции Российской Федерации, устанавливающее ответственность за сокрытие информации об обстоятельствах, создающих угрозу жизни и здоровью людей. В данном контексте информированное согласие следует рассматривать как способ доведения до пациента информации о рисках медицинского вмешательства, то есть как инструмент исполнения обязанности по предупреждению о возможных угрозах [3].

Не менее значимым конституционным основанием является принцип достоинства личности, закрепленный в статье 21 Конституции Российской Федерации. Достоинство предполагает признание за человеком права самостоятельно определять свою судьбу, в том числе в вопросах, связанных с медицинским вмешательством. Следовательно, любое вмешательство без действительного согласия пациента либо при его формальном получении противоречит конституционным гарантиям. В научной литературе справедливо отмечается, что информированное добровольное согласие выступает формой реализации принципа автономии личности и обеспечивает возможность свободного волеизъявления пациента при выборе медицинского вмешательства [2].

Связь рассматриваемого института с правом на неприкосновенность частной жизни (статья 23 Конституции Российской Федерации) проявляется в том, что сведения о состоянии здоровья и решения о медицинском вмешательстве относятся к сфере личной жизни человека. Соответственно, доступ к этой сфере и вмешательство в нее допустимы лишь при наличии добровольного и осознанного согласия. Международные биоэтические стандарты также исходят из приоритета уважения к личности, ее телесной и психической неприкосновенности, что подтверждается положениями Конвенции о правах человека и биомедицине, Нюрнбергского кодекса и Хельсинкской декларации [4].

Содержание информированного добровольного согласия традиционно раскрывается через совокупность его ключевых элементов: информированность, добровольность и форма выражения. Информированность предполагает предоставление пациенту полной, достоверной и доступной информации о целях, методах и рисках медицинского вмешательства. Однако в научной литературе и правоприменительной практике отмечается, что данный элемент зачастую реализуется формально, поскольку предоставляемая информация является сложной для восприятия и не всегда учитывает индивидуальные особенности пациента [1].

Добровольность предполагает отсутствие давления на пациента, но ее реализация осложняется его зависимым положением, состоянием здоровья и уровнем медицинской осведомленности. Даже без прямого принуждения возможно косвенное влияние – через авторитет врача или обстоятельства оказания помощи, – что снижает реальную свободу волеизъявления. Добровольность не сводится к отсутствию угрозы: она предполагает достаточное время и информационные ресурсы для решения без навязанности. Поэтому в доктрине справедливо подчеркивается, что принцип автономии пациента требует институционального, а не декларативного обеспечения [4].

Форма выражения согласия в российском праве преимущественно письменная и служит для доказуемости волеизъявления. Однако письменный документ не гарантирует действительности согласия, поскольку может отражать лишь формальное соблюдение процедуры без реального понимания пациентом сути вмешательства. В литературе подчеркивается необходимость отхода от исключительно формальной оценки согласия в пользу его содержательной стороны: письменная форма важна как доказательство, но не исчерпывает сущность института, а ее чрезмерная стандартизация подменяет индивидуальное общение врача и пациента унифицированным административным актом [5].

Термин «информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство» используется в законодательстве как нормативно значимый, но не имеет завершенного легального определения: закреплена лишь совокупность признаков и процедурных требований (субъект, предварительность, доступность информации, письменная форма). Это обоснованно рассматривается в литературе как источник неопределенности правовой природы ИДС, затрудняющий единообразное толкование в судебной и административной практике [6].

Анализ конституционно-правовой природы и содержания информированного добровольного согласия позволяет сделать вывод о его двойственной правовой природе. С одной стороны, оно выступает формой реализации автономии личности и гарантией прав пациента, с другой – инструментом исполнения государством обязанности по информированию граждан об угрозах их жизни и здоровью. Такое понимание позволяет рассматривать информированное согласие как ключевой элемент механизма обеспечения конституционных прав в сфере охраны здоровья, что предопределяет необходимость его дальнейшего совершенствования с учетом как правовых, так и фактических условий медицинской практики. В то же время двойственность природы этого института не означает его неопределенности. Напротив, она указывает на сочетание частноправовых и публично-правовых начал, где частная воля пациента реализуется внутри правового режима, сконструированного государством для охраны здоровья как публичной ценности.

Популярная позиция, поддерживаемая А.С. Поздняковой, отождествляет информированное добровольное согласие с акцептом и выводит его к модели договора на оказание медицинских услуг [7]. Такая позиция представляется дискуссионной. Действительно, в медицинских правоотношениях присутствует элемент согласованного волеизъявления, однако из этого еще не следует, что ИДС исчерпывается частноправовой конструкцией акцепта. Такая интерпретация чрезмерно акцентирует равенство сторон, тогда как в реальности пациент находится в информационно и организационно зависимом положении по отношению к медицинской организации и врачу, обладающим специальными знаниями, профессиональным авторитетом и контролем над формой информирования. Следовательно, равенство здесь носит преимущественно формальный характер и не может служить достаточным основанием для квалификации ИДС как обычного договорного акта.

Если исходить из акцептной модели, то из поля зрения выпадает публично-правовая составляющая института, выражающаяся в том, что ИДС является прежде всего условием допустимости вмешательства в сферу телесной и личной неприкосновенности человека, а не только способом заключения договора. Именно поэтому согласие пациента не может рассматриваться как равнозначное гражданско-правовому акцепту, поскольку его правовое значение не исчерпывается заключением соглашения, а связано с выполнением конституционной гарантии допустимости медицинского вмешательства.

В доктрине справедливо отмечается, что информированное согласие не может быть сведено к обычной сделке или к частному договорному волеизъявлению, поскольку оно связано не только с распоряжением нематериальным благом, но и с обеспечением личной неприкосновенности, жизни и здоровья, которые по своей природе не могут быть полностью включены в гражданский оборот на началах равенства сторон. Схожие аргументы приводит и И.А. Логинова, подчеркивая, что согласие пациента не совпадает с конструкцией сделки, поскольку в медицинской сфере речь идет не о гражданско-правовом обмене, а о юридическом оформлении допустимости воздействия на личную сферу человека [8]. Дополнительный аргумент в пользу такого вывода дает международно-правовой контекст развития данного института. Как показывает анализ, зарубежные и международные стандарты формировались не вокруг идеи акцепта или договора, а вокруг требований добровольности, информированности, понимания и отсутствия принуждения. Нюрнбергский кодекс, Хельсинкская декларация исходят из того, что согласие правомерно лишь тогда, когда лицо обладает достаточной информацией, способно ее понять и принимает решение свободно, без давления и зависимости. Следовательно, международная эволюция концепции ИДС подтверждает его происхождение прежде всего как гарантии человеческого достоинства и автономии, а не как разновидности частноправового согласования условий оказания услуги [4].

К числу основных проблем относится формализация процедуры получения согласия. В медицинской практике она зачастую сводится к подписанию пациентом стандартных бланков, содержащих значительный объем специализированной информации. Такая информация нередко излагается сложным медицинским языком, что затрудняет ее восприятие и осмысление пациентом. В результате информированность носит номинальный характер и не обеспечивает реального понимания сущности вмешательства и связанных с ним рисков [9]. Подобный подход фактически подменяет содержание согласия его формальной фиксацией, что противоречит его конституционно-правовой природе.

Не менее значимой является проблема недостаточной индивидуализации информирования. На практике используются унифицированные формы согласия, не учитывающие особенности конкретного пациента, его уровень подготовки и состояние здоровья. В научной литературе отмечается, что подобная стандартизация снижает уровень осознанности согласия и препятствует реализации права пациента на участие в принятии медицинских решений [3].

Серьезной проблемой является также обеспечение добровольности согласия. Несмотря на формальное отсутствие принуждения,

пациент нередко находится в зависимом положении по отношению к медицинскому работнику, обладающему специальными знаниями и профессиональным авторитетом. Кроме того, влияние на волю пациента оказывает его физическое и психоэмоциональное состояние, что объективно ограничивает способность к свободному принятию решений. В правовой доктрине подчеркивается, что в таких условиях добровольность согласия носит относительный характер и требует дополнительного правового обеспечения [2].

Отдельного внимания заслуживает проблема недостаточного раскрытия информации о рисках медицинского вмешательства. Действующие формы информированного согласия нередко содержат обобщенные формулировки и не позволяют пациенту в полной мере оценить возможные последствия вмешательства. Как отмечается в научных исследованиях, отсутствие конкретизации рисков является одной из причин признания согласия ненадлежащим в судебной практике [9].

Так, в апелляционном определении Московского городского суда от 16 августа 2018 г. № 33–35969/2018 суд пришел к выводу о ненадлежащем информировании пациента в связи с отсутствием доказательств разъяснения возможных осложнений [10]. Суд указал, что медицинская организация обязана представить доказательства того, что пациент был проинформирован о характере вмешательства, его рисках и возможных последствиях.

Аналогичный подход прослеживается и в практике Европейского суда по правам человека. В решении по делу «V.C. против Словакии» отмечено, что согласие не может считаться действительным, если оно получено без предоставления полной и понятной информации либо в условиях давления на пациента [11]. Данная позиция подчеркивает необходимость обеспечения реальной добровольности и осознанности волеизъявления.

Особое значение в судебной практике приобретает вопрос распределения бремени доказывания. Обязанность доказать факт надлежащего информирования, как правило, возлагается на медицинскую организацию, что обусловлено ее профессиональным статусом и доступом к соответствующей документации. В случае отсутствия таких доказательств неблагоприятные последствия возлагаются на медицинскую организацию, что направлено на защиту пациента как более слабой стороны правоотношений.

Таким образом, анализ проблем реализации информированного добровольного согласия и судебной практики позволяет сделать вывод о том, что данный институт функционирует с существенными отклонениями от своей конституционно-правовой модели. Формализация процедуры, недостаточность и обобщенность информации, а также сложности доказывания приводят к снижению эффективности согласия как гарантии прав пациента. Это свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования правового регулирования и разработки механизмов, обеспечивающих реальную, а не формальную защиту конституционных прав личности.

Направления совершенствования правового регулирования

Проведенный анализ позволяет констатировать необходимость совершенствования правового регулирования информированного добровольного согласия пациента с учетом его конституционно-правовой природы и выявленных проблем реализации.

Прежде всего, требует нормативного уточнения содержание обязанности по информированию пациента. Действующее законодательство устанавливает общий объем подлежащей предоставлению информации, однако не содержит критериев ее достаточности и доступности. В научной литературе подчеркивается необходимость конкретизации требований к информированию, включая обязательность раскрытия индивидуализированных рисков и возможных последствий медицинского вмешательства [12]. Закрепление таких стандартов позволит обеспечить реальную осознанность согласия и повысить уровень правовой защищенности пациента. Дополнительно следует отметить, что используемые в настоящее время формы согласия, как справедливо указывает А.С. Позднякова, фактически фиксируют лишь сам факт согласия, не предусматривая надлежащих средств фиксации объема и содержания доведенной до пациента информации. Из данного наблюдения, на наш взгляд, должен следовать вывод о необходимости усиления публично-правовых гарантий содержательного информирования пациента [7].

Важным направлением является преодоление формального характера согласия. Применение типовых форм без учета индивидуальных особенностей пациента снижает эффективность данного института. Как отмечается в научных исследованиях, отказ от исключительно формального подхода является необходимым условием обеспечения действительности согласия [13]. Также обращается внимание на то, что единый бланк с идентичным содержанием для всех пациентов не отражает индивидуальных особенностей случая, цели вмешательства и возможных индивидуальных негативных последствий, что подрывает само содержание ИДС как правового механизма защиты автономии личности [8].

В условиях зависимого положения пациента необходимо создание дополнительных гарантий, исключающих возможность косвенного давления. В частности, целесообразно закрепление процедур, обеспечивающих возможность получения независимого мнения или дополнительной консультации перед принятием решения. Такой подход соответствует международным стандартам защиты прав человека и способствует укреплению автономии личности [14]. В этой связи заслуживает внимания позиция Е.В. Юдина, связывающего ИДС с более широким биоэтическим принципом автономии пациента, который включает не только формальное право дать согласие, но и реальную способность принимать свободные и обоснованные решения, понимать предоставленную информацию и действовать в соответствии с собственным выбором. Следовательно, добровольность не должна пониматься узко, как отсутствие прямого физического принуждения; она предполагает создание правовых и организационных условий для подлинно самостоятельного волеизъявления пациента [4].

Отдельным направлением является регулирование применения презумпции согласия. Учитывая ее потенциальное противоречие принципу свободного волеизъявления, необходимо установить четкие пределы ее использования. В научной литературе указывается, что допустимость презумпции согласия возможна лишь при условии наличия эффективных механизмов информирования и реальной возможности выражения отказа [15]. В этой связи требуется нормативное закрепление обязательности доведения до граждан информации о действии такой модели, а также создание доступных способов реализации права на отказ.

Необходима унификация подходов к оценке надлежащего информирования пациента и установление единых стандартов фиксации согласия. В этой части представляется целесообразным разработка рекомендаций и разъяснений, направленных на формирование единообразной практики применения законодательства. Судебная практика до настоящего времени не вполне единообразна: в одних случаях суды признают стандартную форму недостаточной для подтверждения полноты информирования, в других – придают решающее значение самому факту подписания бланка. Такая неоднородность свидетельствует о необходимости более четкого нормативного разграничения между формальной фиксацией согласия и содержательным подтверждением факта надлежащего информирования пациента [6].

Кроме того, важным направлением является учет зарубежного опыта и международных стандартов. В частности, в документах Всемирной организации здравоохранения подчеркивается необходимость обеспечения прозрачности, доступности информации и ориентации на пациента при оказании медицинской помощи. Имплементация данных подходов в национальное законодательство позволит повысить его эффективность и обеспечить соответствие современным требованиям защиты прав человека.

Следовательно, совершенствование правового регулирования информированного добровольного согласия должно быть комплексным и ориентированным на преодоление формализации данного института, обеспечение содержательной информированности пациента и подлинной добровольности его волеизъявления. Реализация указанных мер позволит укрепить конституционные гарантии прав личности и повысить уровень доверия к системе здравоохранения.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что информированное добровольное согласие пациента представляет собой не только институт медицинского права, но и важнейший конституционно-правовой механизм реализации прав и свобод человека. Его сущностное значение раскрывается через связь с правом на охрану здоровья, достоинством личности и неприкосновенностью частной жизни, что обусловливает необходимость его рассмотрения в контексте конституционных гарантий. Информированное согласие выступает формой выражения автономии личности и обеспечивает возможность самостоятельного принятия решений в сфере медицинского вмешательства.

Вместе с тем анализ действующего правового регулирования и практики его применения свидетельствует о наличии существенного разрыва между нормативной моделью информированного согласия и его фактической реализацией. Основными проблемами являются формализация процедуры получения согласия, недостаточная полнота и доступность предоставляемой информации, ограниченная добровольность волеизъявления пациента, а также отсутствие индивидуального подхода при информировании. Указанные обстоятельства приво-

дят к снижению эффективности данного института и ставят под сомнение его способность обеспечивать реальную защиту прав пациента.

Заключение

Информированное добровольное согласие пациента представляет собой не только отраслевой институт медицинского права, но и конституционно значимый механизм обеспечения достоинства личности, личной неприкосновенности, автономии воли и права на охрану здоровья. Его значение выходит за пределы формального разрешения на вмешательство: через данный институт обеспечивается допустимость воздействия на физическую и психическую сферу личности на основе осознанного и свободного волеизъявления.

Конституционно-правовые основания согласия вытекают из статей 21, 23 и 41 Конституции РФ в их системной взаимосвязи. Согласие выступает не только формой индивидуальной автономии, но и условием реализации позитивной обязанности государства обеспечить оказание медицинской помощи с соблюдением прав личности, а не по одностороннему профессиональному усмотрению.

В доктрине нет единого подхода к правовой природе согласия: одни авторы трактуют его как акцепт или элемент договора об оказании медуслуг, подчеркивая частноправовую сторону отношений; другие – как юридический факт или юридический поступок, значение которого не исчерпывается волеизъявлением стороны договора, а связано прежде всего с обеспечением личной неприкосновенности пациента и предшествует исполнению услуги. Более обоснованной представляется вторая позиция: трактовка согласия исключительно как акцепта не отражает сущности института, поскольку фактическое положение пациента характеризуется информационной, организационной и профессиональной асимметрией, а не равенством сторон. Согласие ближе к юридическому факту, обеспечивающему допустимость вмешательства в личную неприкосновенность, чем к классическому гражданско-правовому акцепту.

Основные проблемы правоприменения – формализация процедуры получения согласия, использование унифицированных бланков без учета особенностей пациента, отсутствие критериев полноты и доступности информации, а также смешение медицинского содержания согласия с условиями, снижающими ответственность исполнителя услуги. Судебная практика подтверждает: подписанный документ сам по себе не доказывает соблюдение прав пациента, если организация не подтвердила факт доведения понятной информации о характере, рисках и последствиях вмешательства.

Совершенствование регулирования должно включать нормативную конкретизацию требований к содержанию информирования, отказ от шаблонных форм согласия, стандарты индивидуализации сведений и формирование единообразных судебных подходов к оценке надлежащего получения согласия. Недопустимо использование данного института как инструмента минимизации гражданско-правовых рисков медорганизации – это противоречит его правозащитной и конституционной природе.

Таким образом, информированное добровольное согласие следует рассматривать прежде всего как условие реализации конституционных гарантий охраны здоровья, а не технический элемент договора. Научная новизна работы состоит в обосновании приоритета конституционно-правового подхода к этому институту, позволяющего преодолеть его сведение к частноправовому акцепту и раскрыть его значение как средства защиты достоинства и автономии пациента.

Литература

1. Акимцева Я.В. Доктрина информированного согласия на биометрические исследования и презумпция согласия в практике Конституционного Суда Российской Федерации и Европейского суда по правам человека // Академический и вузовский юридический научный журнал «Правовая политика и правовая жизнь». – № 3(89). – 2022. – С. 262–270.

2. Смоланов А.М. Правовая природа добровольного информированного согласия на медицинское вмешательство в аспекте конституционных прав граждан // Евразийская адвокатура. 2025. № 2 (73). С. 133.

3. Винокуров В.А., Шафигулин К.В. Обязанность государства информировать о фактах и обстоятельствах, создающих угрозу для жизни и здоровья людей // Образование и право. 2026. № 2. С. 96–97.

4. Юдин Е.В. Принцип автономии пациента и право на информированное добровольное согласие при оказании медицинской помощи: некоторые правовые и биоэтические аспекты // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11, № 1А. С. 239–252.

5. Бояринова В.И. Правовое значение информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2021. Т. 18, № 1. С. 66–74.

6. Бояринова В.И. Правовая природа информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2019. Т. 16, № 4. С. 115–124.

7. Позднякова А.С. К вопросу о правовой природе информированного добровольного согласия на медицинское вмешательство // Эффективность современного законодательства: вопросы теории и практики: сборник статей по материалам конференции. Иркутск: Российский государственный университет правосудия, 2025. С. 102–106.

8. Логинова И.А. Информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство как юридический факт // По мотивам учения О.А. Красавчикова «Классификация юридических фактов»: сборник научных статей. Екатеринбург, 2023. С. 61–70.

10. Апелляционное определение Московского городского суда от 16.08.2018 № 33–35969/2018.

11. European Court of Human Rights. V.C. v. Slovakia. Judgment of 8 November 2011.

12. Тимофеев И.В. К вопросу о содержании права на охрану здоровья и медицинскую помощь в конституционно-правовом аспекте // Ученые записки юридического факультета. Ид-во СПбГЭУ, 2015. Вып. 39 (49). – С. 109–116

13. Власенкова В.В. Право на охрану здоровья и медицинскую помощь в Российской Федерации: автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2014. 24 с.

14. Convention on Human Rights and Biomedicine (ETS № 164) (Oviedo Convention). Oviedo, 4 April 1997.

15. Murdoch B. Privacy and artificial intelligence: challenges for protecting health information in a new era // BMC Medical Ethics. 2021. Vol. 22. Article 122. DOI: 10.1186/s12910-021-00687-3.

CONSTITUTIONAL LAW ISSUES OF PATIENTS INFORMED CONSENT

Shchukin V.V., Shelonin Ph.S.
Moscow Innovation University

The article examines the constitutional and legal nature of the patient's informed voluntary consent to medical intervention, as well as the problems of its normative regulation and practical implementation in Russian law. The aim of the study is to identify the content of this institution as a mechanism for securing human rights and freedoms in the field of health protection and to substantiate directions for improving its legal regulation. The methodological framework includes formal legal, comparative legal, and systemic methods, which made it possible to compare Russian regulation with international standards and doctrinal approaches. The study shows that informed voluntary consent cannot be reduced solely to a private-law acceptance model or to an ordinary contractual declaration of will, since its substantive meaning is associated with the implementation of constitutional guarantees of human dignity, personal inviolability, and the right to health protection. It is established that the current legal regulation suffers from uncertainty in its conceptual apparatus, while law enforcement practice often gives consent a formal character that does not ensure the patient's genuine awareness and voluntariness. The study concludes that there is a need to specify the requirements for the content and form of information disclosure, strengthen guarantees of patient autonomy, and introduce a limited and strictly regulated use of the presumption of consent. The scientific novelty of the research lies in the constitutional and legal interpretation of informed voluntary consent as a legal mechanism ensuring the permissibility of medical intervention and, at the same time, serving as a guarantee of individual rights.

Keywords: informed voluntary consent; medical intervention; patient autonomy; right to health protection; constitutional and legal guarantees; patient information disclosure; presumption of consent; medical law.

References

1. Akimtseva Ya.V. The doctrine of informed consent for biometric research and the presumption of consent in the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights // Academic and University Legal Journal «Legal Policy and Legal Life». – № 3(89). – 2022. – P. 262–270.

2. Smolanov A.M. The legal nature of voluntary informed consent to medical intervention in the context of citizens' constitutional rights // Eurasian Advocacy. 2025. № 2 (73). P. 133.

3. Vinokurov V.A., Shafigulin K.V. The state's obligation to provide information regarding facts and circumstances posing a threat to human life and health // Education and Law. 2026. № 2. P. 96–97.

4. Yudin E.V. The principle of patient autonomy and the right to informed voluntary consent in the provision of medical care: certain legal and bioethical aspects // Issues of Russian and International Law. 2021. Vol. 11, № 1A. P. 239–252.

5. Boyarinova V.I. The legal significance of informed voluntary consent to medical intervention // Bulletin of Omsk University. Series: Law. 2021. Vol. 18, № 1. P. 66–74.

6. Boyarinova V.I. The legal nature of informed voluntary consent to medical intervention // Bulletin of Omsk University. Series: Law. 2019. Vol. 16, № 4. P. 115–124.

7. Pozdnyakova A.S. On the Legal Nature of Informed Voluntary Consent to Medical Intervention // Effectiveness of Modern Legislation: Theoretical and Practical Issues: Col-

lection of Conference Papers. Irkutsk: Russian State University of Justice, 2025. Pp. 102–106.

8. Loginova I.A. Informed Voluntary Consent to Medical Intervention as a Legal Fact // Based on O.A. Krasavchikov's Doctrine of the «Classification of Legal Facts»: Collection of Scientific Articles. Yekaterinburg, 2023. Pp. 61–70.

10. Appellate Ruling of the Moscow City Court dated August 16, 2018, № 33–35969/2018.

11. European Court of Human Rights. V.C. v. Slovakia. Judgment of 8 November 2011.

12. Timofeev I.V. On the Content of the Right to Health Protection and Medical Care from a Constitutional-Legal Perspective // Scholarly Notes of the Law Faculty. St. Petersburg State University of Economics (UNECON) Press, 2015. Issue 39 (49). Pp. 109–116.

13. Vlasenkova V.V. The Right to Health Protection and Medical Care in the Russian Federation: Abstract of Candidate of Legal Sciences Dissertation. Moscow, 2014. 24 p.

14. Convention on Human Rights and Biomedicine (ETS № 164) (Oviedo Convention). Oviedo, April 4, 1997.

15. Murdoch B. Privacy and artificial intelligence: challenges for protecting health information in a new era // BMC Medical Ethics. 2021. Vol. 22. Article 122. DOI: 10.1186/s12910-021-00687-3.

Восстановление утраченных архивных сведений при установлении фактов, имеющих юридическое значение в вопросах гражданства

Шевчук Татьяна Евгеньевна,
независимый исследователь

В статье исследуются процессуальные особенности установления судами фактов родственных отношений, принадлежности документа и проживания предка на определённой территории при частичной или полной утрате архивных фондов вследствие войн, репрессий и стихийных бедствий. На основе анализа норм Федерального закона № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации», ГПК РФ, Федерального закона № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния», а также обобщения судебной практики (включая дела об установлении фактов проживания и родства) обосновывается, что судебное решение в порядке особого производства является одним из основных правовых средств, которое позволяет восполнить отсутствие архивных подтверждений юридически значимых фактов. Выявлены ключевые правоприменительные риски, такие как отсутствие единых критериев оценки совокупности косвенных доказательств, риск недостаточного использования полномочий суда по содействию в собирании доказательств. Предложены юридические механизмы преодоления архивной утраты. Результаты могут быть использованы в правоприменительной практике судов и в законотворческой деятельности.

Ключевые слова: установление юридических фактов, особое производство, утрата архивных фондов, факт родственных отношений, факт проживания, факт принадлежности документа, гражданство Российской Федерации, косвенные доказательства.

Введение

Проблема утраты архивных фондов представляет собой системный вызов для института гражданства, поскольку именно архивные документы являются первичным и наиболее достоверным источником подтверждения юридических фактов, лежащих в основе приобретения гражданства. Масштаб данной проблемы обусловлен трагическими событиями отечественной истории: в годы Великой Отечественной войны Россия утратила свыше 600 тыс. единиц хранения ценнейших документов из дореволюционной и первых десятилетий послереволюционной истории [8]; только в Беларуси было утрачено около 15 млн дел, а в Краснодарском крае погибли 244 фонда – 32 571 дело [9]. В Новороссийском филиале погибли 244 фонда – 32 571 дело [9]. В Могилеве перед войной хранилось более 382 тыс. дел Центрального государственного исторического архива БССР, однако после освобождения города в 1944 г. в архиве оставалось всего 44 дела [2]. Военные действия 1994–1996 гг. и 1999–2000 гг. нанесли сокрушительный удар по архивному наследию Чеченской Республики: было утрачено 82% республиканского Архивного фонда, при этом из 663 264 единиц хранения, насчитывавшихся к началу военных действий, уцелело всего 122 058 дел [7]. Указанные потери имеют не только историко-культурное, но и глубокое правовое измерение, поскольку делают невозможным подтверждение ключевых юридических фактов в административном порядке.

Массовый характер обращений граждан за установлением юридических фактов при отсутствии архивных подтверждений превратился в устойчивую тенденцию судебной практики. Граждане вынуждены обращаться в суды в порядке особого производства (глава 28 ГПК РФ) для установления факта родственных отношений, факта принадлежности документов или факта проживания предка на определённой территории, поскольку получить надлежащие документы во внесудебном порядке невозможно. Как свидетельствует судебная практика [3], заявители сталкиваются с ситуациями, когда свидетельства о рождении не сохранились, архивные фонды районов утеряны, а нотариусы отказывают в совершении наследственных действий ввиду отсутствия подтверждающих документов. При этом установление таких фактов имеет критическое значение не только для наследственных прав, но и для приобретения гражданства Российской Федерации, в том числе в упрощённом порядке, участия в Государственной программе переселения соотечественников. Суды, рассматривая подобные дела, вынуждены восполнять отсутствие архивных сведений посредством оценки совокупности косвенных доказательств – свидетельских показаний, фотографий, переписки, документов из личных архивов, что порождает сложные процессуальные вопросы о достаточности и достоверности доказательственной базы.

Статистические данные о масштабах утраты архивных документов в отдельных регионах и исторические периоды демонстрируют, что проблема носит не единичный, а системный характер. Утрата архивных фондов является не частным случаем, а масштабной проблемой, охватывающей различные регионы и исторические эпохи, что обусловливает необходимость выработки процессуальных механизмов, позволяющих судам эффективно восстанавливать юридически значимые факты в условиях отсутствия или фрагментарности архивной информации.

Объектом настоящего исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе судебного установления фактов, имеющих юридическое значение для решения вопросов гражданства, в условиях, когда надлежащее подтверждение этих фактов посредством архивных документов невозможно либо затруднительно. Указанные отношения носят комплексный характер, поскольку опосредуют как материально-правовые аспекты реализации конституционного права на гражданство, так и процессуальные механизмы защиты нарушенных или оспариваемых прав в судебном порядке. Предмет исследования составляют процессуальные особенности рассмотрения судами общей юрисдикции дел об установлении факта родственных отношений, факта принадлежности документа и факта проживания предка на определённой территории в условиях частичной или полной утраты архивных фондов вследствие войн, репрессий и стихийных бедствий.

Цель работы заключается в анализе проблем восстановления утраченных архивных сведений при установлении фактов, имеющих

юридическое значение в вопросах гражданства, для достижения поставленной цели необходимо исследовать процессуальные особенности рассмотрения судами дел об установлении факта родственных отношений, факта принадлежности документа или факта проживания предка на определенной территории при частичной или полной утрате архивных фондов.

Основная часть исследования

В теории права под юридическими фактами принято понимать конкретные жизненные обстоятельства, с которыми нормы объективного права связывают возникновение, изменение или прекращение правоотношений [4], при этом в сфере гражданства такие факты приобретают особое значение, поскольку именно они лежат в основе определения правового статуса лица и его принадлежности к государству.

В сфере гражданства такими фактами являются, в частности, рождение на определённой территории, наличие родственных отношений с гражданином Российской Федерации, проживание (в прошлом или настоящем) на территории РСФСР, Российской империи или СССР, а также факт принадлежности документов, подтверждающих указанные обстоятельства. В соответствии с Федеральным законом от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» именно эти факты лежат в основе приобретения гражданства по рождению (ст. 13), в упрощённом порядке (ст. 16) или посредством признания гражданином РФ (ст. 19), а также служат доказательственной базой при установлении правового статуса лица.

При этом иностранный гражданин (а равно лицо без гражданства), постоянно проживающий в Российской Федерации (независимо от срока проживания), вправе подать заявление о приеме в гражданство Российской Федерации без учета общих требований (пп. 1–3 ч. 1 ст. 15 Федерального закона от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»), если: данный иностранный гражданин родился или постоянно проживал на территории РСФСР и являлся гражданином СССР; имеет родственников по прямой восходящей линии, родившихся или постоянно проживавших на территории РСФСР либо территории, относившейся к Российской империи или СССР, в пределах Государственной границы Российской Федерации (пп. 1–2 ч. 2 ст. 16 Федерального закона от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»).

Факт принадлежности документа не является самостоятельным основанием, но имеет критическое значение для подтверждения тождественности заявителя и его родственных связей, особенно в условиях утраты архивных фондов, когда суды в порядке особого производства (гл. 28 ГПК РФ) восполняют отсутствие архивных сведений на основе совокупности косвенных доказательств.

В системе доказывания данных юридических фактов архивам отводится роль первичного и наиболее достоверного источника доказательств, поскольку именно архивные документы (метрические книги, похозяйственные книги, домовые книги, актовые записи) содержат официально зафиксированные сведения о событиях, имевших место в прошлом, и в силу своей публичной природы обладают высокой доказательственной ценностью, однако в условиях частичной или полной утраты архивных фондов суды вынуждены обращаться к альтернативным источникам информации, восполняющим отсутствие архивных подтверждений.

Особого внимания заслуживает также противоположная категория дел, в которых суд устанавливает факт сообщения заведомо ложных сведений при приобретении гражданства, что служит основанием для отмены ранее принятого решения о приёме в гражданство [5].

Нормативно-правовое регулирование установления фактов, имеющих юридическое значение для решения вопросов гражданства, представляет собой комплексную систему, включающую нормы материального и процессуального права. Материально-правовые основания приобретения гражданства закреплены в Федеральном законе от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации», который определяет исчерпывающий перечень юридических фактов, порождающих правовые последствия в сфере гражданства: рождение на определённой территории (ст. 13), наличие родственных отношений с гражданином Российской Федерации (п. 3–4 ч. 2 ст. 16), проживание на территории РСФСР по состоянию на 6 февраля 1992 г. либо на территории Российской империи или СССР (п. 1–2 ч. 2 ст. 16), а также принадлежность документов, подтверждающих указанные обстоятельства. Процессуальный порядок установления данных фактов в случае невозможности их подтверждения во внесудебном порядке регламентируется главой 28 Гражданского процессуального кодекса РФ (ст. 264–268 ГПК РФ), которая устанавливает условия и порядок рассмотрения судами дел об установлении фактов, имеющих юридическое значение, в порядке особого производства. При этом Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» закрепляет правила государственной регистрации актов гражданского состояния (рождения, заключения брака, установления отцовства, смерти и др.), а также порядок выдачи повторных свидетельств, внесения исправлений и изменений в записи актов, их восстановления и аннулирования (ст. 9, 69–75), что имеет определяющее значение для подтверждения родственных отношений и иных юридически значимых обстоятельств в административном порядке, а при утрате архивных документов для обращения в суд.

Юридическое значение факта родственных отношений в сфере гражданства определяется тем, что наличие родственных связей с гражданином Российской Федерации выступает самостоятельным основанием для приобретения гражданства в упрощённом порядке.

В соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 16 Федерального закона № 138-ФЗ, иностранный гражданин или лицо без гражданства, достигшие возраста восемнадцати лет и обладающие дееспособностью, вправе подать заявление о приёме в гражданство Российской Федерации без учёта требований о сроке постоянного проживания (пять лет), владении русским языком, знании истории России и основ законодательства, если они имеют хотя бы одного родителя (усыновителя), являющегося гражданином Российской Федерации и проживающего в Российской Федерации.

Аналогичная льгота установлена п. 4 ч. 2 ст. 16 в отношении лиц, имеющих сына или дочь – граждан Российской Федерации, проживающих в Российской Федерации. Кроме того, п. 2 ч. 2 ст. 16 предусматривает упрощённый порядок для лиц, имеющих родственников по прямой восходящей линии, родившихся или постоянно проживавших на территории РСФСР либо территории, относившейся к Российской империи или СССР, в пределах Государственной границы Российской Федерации. Таким образом, факт родства выступает элементом юридического состава, позволяющим претендовать на приобретение гражданства без соблюдения общих требований, установленных для иностранных граждан.

Родственные связи также выступают в качестве основания для участия в Государственной программе по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, факт родства с лицами, исторически связанными с территорией России, позволяет отнести лицо к категории репатриантов (п. а[1] части 6 раздела II «Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом» – Указ Президента РФ от 14.09.2012 № 1289 «О реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом»).

Обращение в суд для установления факта родственных отношений возможно лишь при соблюдении ряда процессуальных условий, закреплённых в главе 28 ГПК РФ. Первым и важнейшим условием является невозможность получения документов, подтверждающих факт родственных отношений, во внесудебном порядке. Согласно ст. 265 ГПК РФ, суд устанавливает факты, имеющие юридическое значение, только при отсутствии возможности получить заявителем в ином порядке надлежащие документы, удостоверяющие эти факты, или при невозможности восстановления утраченных документов. Применительно к родственным отношениям это означает, что заявитель должен сначала обратиться в органы записи актов гражданского состояния (ЗАГС) за получением повторного свидетельства о рождении, заключении брака, установлении отцовства (ст. 9 Федерального закона № 143-ФЗ) либо в архивные учреждения за архивными справками, подтверждающими родство. Если такие документы не сохранились ввиду утраты архивных фондов вследствие войн, стихийных бедствий или иных причин, и органы ЗАГСа или архива выдают письменный отказ или сообщение об отсутствии запрашиваемых сведений, заявитель вправе обратиться в суд.

При этом согласно ст. 74 Федерального закона № 143-ФЗ восстановление записей актов гражданского состояния производится органом ЗАГС на основании решения суда, вступившего в законную силу, а основанием для обращения в суд является сообщение органа ЗАГС об отсутствии первичной или восстановленной записи акта гражданского состояния.

Вторым условием является необходимость подтверждения факта обращения в компетентные органы и получения от них соответствующего ответа об отсутствии документов или невозможности их восстановления. Это требование вытекает из содержания ст. 265 ГПК РФ и подтверждается судебной практикой, заявитель обязан представить суду доказательства того, что он предпринял все возможные меры для получения документов во внесудебном порядке.

К таким доказательствам относятся письменные отказы органов ЗАГС, архивов, нотариусов, а также иные документы, свидетельствующие о невозможности подтверждения родственных отношений в административном порядке. Отсутствие таких доказательств влечёт оставление заявления без движения или отказ в его удовлетворении, поскольку суд не подменяет собой административные органы и не должен устанавливать факты, которые могут быть подтверждены в ином, внесудебном порядке.

Третьим условием является отсутствие спора о праве [6] как необходимое требование для рассмотрения дела в порядке особого производства. Согласно ст. 264 ГПК РФ, дела об установлении фактов, имеющих юридическое значение, рассматриваются судом в особом производстве лишь при условии, что отсутствует спор о праве, подведомственный суду. Если при установлении факта родственных отношений затрагиваются права третьих лиц (например, наследников, имеющих возражения относительно степени родства заявителя) либо возникает спор о принадлежности документа или о праве на наследство, дело не может быть рассмотрено в порядке особого производства и подлежит рассмотрению в порядке искового производства. В соответствии с п. 3 ст. 263 ГПК РФ, в случае если при подаче заявления или при рассмотрении дела в порядке особого производства устанавливается наличие спора о праве, подведомственного суду, суд выносит определение об оставлении заявления без рассмотрения и разъясняет заинтересованным лицам их право разрешить спор в порядке искового производства. Таким образом, условие об отсутствии спора о праве выступает процессуальной гарантией, обеспечивающей надлежащую защиту прав всех заинтересованных лиц.

Вместе с тем судебная практика свидетельствует о том, что суды не всегда правильно квалифицируют наличие либо отсутствие спора о праве при рассмотрении заявлений об установлении фактов, имеющих юридическое значение для вопросов гражданства. Так, Тюменский областной суд в апелляционном определении от 9 августа 2021 г. по делу № 33–4200/2021 указал, что само по себе обращение с заявлением об установлении факта проживания на территории Российской Федерации для дальнейшего приобретения гражданства не может свидетельствовать о наличии спора о праве, а оставление такого заявления без рассмотрения препятствует реализации заявителем права на судебную защиту и ограничивает доступ к правосудию. Суд апелляционной инстанции отменил определение суда первой инстанции, который оставил заявление без рассмотрения, усмотрев спор о праве в требовании об установлении факта проживания, и направил дело в части установления факта проживания для рассмотрения по существу, одновременно разъяснив, что установление в судебном порядке факта принятия гражданства законом не предусмотрено, поскольку порядок приёма в гражданство регламентирован Федеральным законом «О гражданстве Российской Федерации» и не может быть заменён судебным установлением [1].

Данный подход представляется обоснованным, поскольку позволяет разграничить допустимые в особом производстве факты (проживание, родство, принадлежность документа) и вопросы, отнесённые к исключительной компетенции органов, ведающих делами о гражданстве, не подменяя административную процедуру судебной.

Основные результаты исследования

Проблема восстановления утраченных архивных сведений при установлении фактов, имеющих юридическое значение в вопросах гражданства, имеет три ключевых аспекта.

1. В условиях частичной или полной утраты архивных фондов именно судебное решение, выносимое в порядке особого производства (глава 28 ГПК РФ), выступает одним из основных правовых средств, которое позволяет восполнить отсутствие архивных подтверждений юридически значимых фактов. Оно не создаёт новый юридический факт, а юридически констатирует уже имевший место факт (родство, проживание, принадлежность документа), восполняя тем самым пробел в доказательственной базе, необходимой для реализации конституционных прав на гражданство, что отличает его от решений, принимаемых в исковом производстве, где суд разрешает спор о праве.

2. Проблематика доказывания при отсутствии первичных источников заключается в переходе от прямых (архивных) доказательств к системе косвенных (свидетельские показания, переписка, фотографии, домовые книги, церковные метрические книги), при этом ключевые правоприменительные риски связаны с отсутствием единых критериев оценки «совокупности» косвенных доказательств, риск недостаточного использования полномочий суда по содействию в собирании доказательств. Например, заявитель, как правило, не обладает доступом к ведомственным архивам и не может самостоятельно собрать весь объём доказательств, а суды не всегда используют предоставленные им процессуальные полномочия для истребования доказательств.

3. Современные механизмы преодоления архивной утраты предполагают комплексное использование трёх инструментов: применение альтернативных источников доказывания, включая ДНК-экспертизу для подтверждения кровного родства, что особенно актуально при отсутствии документов о рождении или установлении отцовства (может применяться в совокупности с доказательствами гражданства, национальности или проживания предка); учёт правовых позиций высших судов, в частности, недопустимость отказа в приобретении гражданства лишь на основании отсутствия архивных данных, если заявитель представил достаточную совокупность косвенных доказательств; перспективное совершенствование законодательства, направленное на введение унифицированных правил оценки косвенных доказательств в делах особого производства и расширение судебных полномочий по сбору доказательств по собственной инициативе, что позволит снизить риск субъективизма при оценке доказательственной базы и обеспечит единообразие судебной практики, а также защитит права граждан в условиях системной утраты архивного наследия, вызванной войнами, репрессиями и стихийными бедствиями.

Литература

1. Апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Тюменского областного суда от 9 августа 2021 г. по делу № 33–4200/2021 (УИД 72RS0013–01–2021–005050–97) // URL: https://sudrf.cntd.ru/document/608669949 (дата обращения: 25.08.2026).

2. Архивы Беларуси в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // URL: https://centennial.archonline.by/?page_id=1739 (дата обращения: 24.08.2026).

3. Ленинский районный суд г. Орска Оренбургской области // URL: https://leninskyorsk – orb.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=1185 (дата обращения: 24.08.2026).

4. Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник / Л.А. Морозова. – 6-е изд., перераб. и доп. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2026. С. 312.

5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции от 13 февраля 2025 г. по делу № 88–3687/2025 // URL: https://sudrf.cntd.ru/document/1313752467?section=text (дата обращения: 24.08.2026).

6. Рожкова М.А. Понятие спора о праве гражданском // Журнал российского права. 2005. № 4 (100). С. 98–102.

7. Сайт Архивного управления Правительства Чеченской Республики // URL: https://arhiv-chr.ru/download/sovet/Protokol/2023/prot_3_2023_obsh.sovet.docx#1#1 (дата обращения: 24.08.2026).

8. Смирницкий А.Е., Волкова А.И. Научное сообщество советских историков в условиях великой отечественной войны (1941–1945 гг.) // Манускрипт. 2021. № 7. С. 1342–1346.

9. Хотина Ю.В. Архивы Краснодарского края в годы Великой отечественной войны // ИСОМ. 2013. № 4. С. 51–53.

RESTORATION OF LOST ARCHIVAL INFORMATION WHEN ESTABLISHING FACTS OF LEGAL SIGNIFICANCE IN MATTERS OF CITIZENSHIP

Shevchuk T.E.
Independent Researcher

The article examines the procedural features of the courts establishing the facts of family relations, the ownership of the document and the residence of the ancestor in a certain territory with a partial or complete loss of archival funds due to wars, repressions and natural disasters. Based on the analysis of the norms of Federal Law № 138-FZ «On Citizenship of the Russian Federation,» Code of Civil Procedure of the Russian Federation, Federal Law № 143-FZ «On Acts of Civil Status,» as well as a generalization of judicial practice (including cases of establishing the facts of residence and kinship), it is justified that a court decision in special proceedings is one of the main legal means that allows to fill the lack of archival evidence of legally significant facts. Key enforcement risks were identified, such as the lack of uniform criteria for assessing the totality of circumstantial evidence, the risk of insufficient use of the court's powers to assist in collecting evidence. Proposed legal mechanisms to overcome archival loss. The results can be used in the law enforcement practice of the courts and in legislative activities.

Keywords: establishment of legal facts, special proceedings, loss of archival funds, fact of family relations, fact of residence, fact of ownership of a document, citizenship of the Russian Federation, circumstantial evidence.

References

1. Appellate Ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Tyumen Regional Court dated August 9, 2021, in Case № 33–4200/2021 (UID 72RS0013–01–2021–005050–97) // URL: https://sudrf.cntd.ru/document/608669949 (accessed: August 25, 2026).

2. Archives of Belarus during the Great Patriotic War (1941–1945) // URL: https://centennial.archonline.by/?page_id=1739 (accessed: August 24, 2026).

3. Leninsky District Court of Orsk, Orenburg Region // URL: https://leninskyorsk – orb.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=1185 (accessed: August 24, 2026).

4. Morozova L.A. Theory of State and Law: Textbook / L.A. Morozova. – 6th ed., revised and supplemented. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2026. P. 312.

5. Ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the First Cassation Court of General Jurisdiction dated February 13, 2025, in Case № 88–3687/2025 // URL: https://sudrf.cntd.ru/document/1313752467?section=text (accessed: August 24, 2026).

6. Rozhkova M.A. The Concept of a Civil Law Dispute // Journal of Russian Law. 2005. № 4 (100). Pp. 98–102.

7. Website of the Archival Administration of the Government of the Chechen Republic // URL: https://arhiv-chr.ru/download/sovet/Protokol/2023/prot_3_2023_obsh.sovet.docx#1#1 (accessed: 24.08.2026).

8. Smirnitsky A.E., Volkova A.I. The Scientific Community of Soviet Historians During the Great Patriotic War (1941–1945) // Manuscript. 2021. № 7. Pp. 1342–1346.

9. Khotina Yu.V. Archives of Krasnodar Krai During the Great Patriotic War // ISOM. 2013. № 4. Pp. 51–53.

Конституционно-правовые гарантии защиты прав пациента при использовании технологий искусственного интеллекта в здравоохранении Российской Федерации

Щукин Владимир Викторович,
кандидат юридических наук, доцент, Московский инновационный университет

Шелонин Филипп Сергеевич,
аспирант, Московский инновационный университет
E-mail: phshelonin@gmail.com

Цель исследования состоит в выявлении конституционно-правовых параметров защиты прав пациента при применении технологий искусственного интеллекта в системе здравоохранения Российской Федерации, а также в обосновании направлений доктринальной и нормативной модернизации соответствующих правовых институтов. Методологическую основу работы образуют формально-юридический, сравнительно-правовой методы, юридическая герменевтика, контент-анализ доктринальных и правоприменительных источников, системно-структурный метод и метод правового моделирования. На базе анализа статей 21, 23, 41 Конституции Российской Федерации, Федерального закона № 323-ФЗ, Федерального закона № 152-ФЗ, актов «мягкого права», правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, а также положений Регламента (ЕС) 2024/1689 (AI Act) и Регламента (ЕС) 2016/679 (GDPR) в работе обосновано, что внедрение алгоритмических систем в медицинскую деятельность не порождает самостоятельной группы новых прав, а трансформирует содержание уже закрепленных конституционных прав пациента. Результаты исследования включают авторскую систематизацию производных правомочий пациента (право на информирование о применении систем искусственного интеллекта, право на отказ от их использования, право на сохранение «человеческого решения», право на объяснимость алгоритмических решений), многоуровневую модель распределения юридической ответственности между врачом, медицинской организацией и разработчиком. Сформулированы выводы о необходимости перехода от фрагментарного к системному риск-ориентированному регулированию с обязательным сохранением человеческого контроля и закреплением презумпций в пользу пациента.

Ключевые слова: конституционные права пациента; искусственный интеллект; цифровая медицина; врачебная тайна; информированное добровольное согласие; алгоритмическая прозрачность; право на человеческое решение; юридическая ответственность.

Введение

Интеграция технологий искусственного интеллекта в оказание медицинской помощи меняет структуру медицинских правоотношений и затрагивает фундаментальные права личности, закрепленные в Конституции РФ – право на охрану здоровья (ст. 41), неприкосновенность частной жизни (ст. 23) и достоинство личности (ст. 21). При этом российское законодательство не содержит комплексного регулирования применения алгоритмических систем в здравоохранении, что порождает правовую неопределенность в реализации и защите прав пациента.

Актуальность исследования усиливается тем, что в юридической науке не сложилось единого подхода к содержанию конституционных гарантий прав пациента в цифровой медицине: остается дискуссионным, порождает ли алгоритмизация медицинской деятельности новые субъективные права или лишь трансформирует существующие конституционные правомочия. Не определены и критерии, по которым действия субъектов таких правоотношений можно оценивать на соответствие принципам соразмерности, законности и уважения достоинства личности. Отдельная проблема – отсутствие единой модели ответственности за вред, причиненный пациенту вследствие ошибки алгоритмической системы, при том что зарубежный опыт предлагает конкретные правовые инструменты, применимость которых к российскому праву пока не исследована.

Указанные обстоятельства обусловливают необходимость системного конституционно-правового анализа механизмов защиты прав пациента в условиях цифровизации здравоохранения. Целью исследования является анализ конституционных норм, действующего законодательства РФ, правовых позиций Конституционного Суда РФ и зарубежного опыта регулирования для выявления содержания конституционно-правовых гарантий прав пациента при использовании ИИ и обоснования направлений их совершенствования. Достижение этой цели предполагает решение следующих задач: определить конституционно-правовую природу прав пациента и их соотношение с категориями цифровой медицины; проанализировать категориальный аппарат нормативных актов РФ в сфере охраны здоровья и цифровизации и выявить пробелы и коллизии; систематизировать угрозы конституционным правам пациента при применении алгоритмических систем; проанализировать доктринальные позиции о трансформации прав пациента и моделях ответственности; провести сравнительно-правовой анализ регулирования ИИ в здравоохранении в ЕС и России с оценкой возможности рецепции зарубежных механизмов; сформулировать предложения по совершенствованию российского законодательства.

Для решения поставленных задач использовалась совокупность общенаучных и специально-юридических методов: формально-юридический метод – для анализа нормативных актов и выявления пробелов и коллизий в регулировании применения ИИ в здравоохранении; сравнительно-правовой метод – для сопоставления российского законодательства с регуляторными моделями ЕС (GDPR, Регламент (ЕС) 2024/1689) и оценки возможности заимствования отдельных инструментов; метод юридической герменевтики – для толкования ст. 21, 23 и 41 Конституции РФ применительно к отношениям в сфере цифровой медицины; контент-анализ научных публикаций и правовых позиций КС РФ – для систематизации доктринальных подходов; методы анализа и синтеза – для обобщения материала и формулирования выводов.

Право пациента в условиях использования искусственного интеллекта: трансформация содержания

Интеграция алгоритмических систем в процесс оказания медицинской помощи не порождает принципиально новых субъективных прав, не предусмотренных действующим конституционным и отраслевым законодательством. Вместе с тем она обусловливает качественную трансформацию содержания уже существующих правомочий пациента: расширяет их предметный охват, конкретизирует механизм реализации и обнажает системные пробелы в нормативном регулировании. Речь идет о формировании производных правомочий, которые вытекают

непосредственно из конституционных гарантий достоинства личности (ст. 21), неприкосновенности частной жизни (ст. 23) и права на охрану здоровья (ст. 41 Конституции РФ) [1], но приобретают самостоятельное юридическое значение в условиях цифровой среды. Именно такой подход – трансформации, а не генерации новых прав – в наибольшей мере соответствует системному толкованию Конституции Российской Федерации и позволяет избежать искусственного расширения каталога субъективных прав за пределы его конституционных основ.

Первым и системообразующим производным правомочием является право пациента на информацию об использовании алгоритмических систем. Это правомочие вытекает из права на получение информации о состоянии здоровья и характере медицинского вмешательства, закрепленного в статье 22 Федерального закона № 323-ФЗ [2]. В условиях традиционной медицины данное право исчерпывалось обязанностью врача предоставить сведения о диагнозе, прогнозе и методах лечения. В условиях ИИ-опосредованной медицины его содержание расширяется: пациент должен быть информирован о самом факте применения алгоритмической системы, ее роли в формировании диагностического или терапевтического решения, а также о допустимых пределах погрешности используемой модели.

Логическим продолжением указанного правомочия выступает право пациента на объяснение алгоритмического решения. Системы машинного обучения нередко функционируют по принципу «черного ящика», при котором ни медицинский работник, ни пациент не имеют возможности воспроизвести логическую цепочку, приведшую к конкретному диагностическому выводу. В такой ситуации информированное добровольное согласие, предусмотренное статьей 20 Федерального закона № 323-ФЗ, утрачивает свою конституционную функцию обеспечения автономии личности: пациент соглашается с тем, чего не понимает и не может оценить. Принцип объяснимости (explainability), закрепленный в качестве обязательного требования к высокорисковым системам ИИ в статье 13 Регламента (ЕС) 2024/1689 и статье 22 GDPR, предлагает нормативный ориентир: клинически значимое решение, принятое с участием алгоритма, должно сопровождаться доступным обоснованием его логики. Отсутствие аналогичной нормы в российском законодательстве является одним из наиболее очевидных правовых пробелов, требующих устранения на уровне федерального закона.

Третьим производным правомочием является право на отказ от применения алгоритмических систем. В традиционной модели медицинского права принцип добровольности вмешательства предполагает возможность пациента отказаться от любой медицинской процедуры, включая предложенные методы диагностики и лечения. В условиях цифровизации данный принцип должен распространяться и на выбор технологического инструментария: если использование ИИ-системы не является единственно возможным способом оказания медицинской помощи, пациент вправе настаивать на принятии решения исключительно на основе клинического суждения врача. Непредоставление такого выбора фактически ограничивает конституционно закрепленную свободу личности и противоречит принципу уважения достоинства пациента. Данное правомочие приобретает особое значение в контексте применения алгоритмов с неустановленным уровнем ошибок или прошедших апробацию на нерепрезентативных выборках данных.

Центральное место в системе трансформирующихся прав пациента занимает право на человеческое решение – правомочие, обеспечивающее сохранение решающей роли медицинского работника при постановке диагноза и определении тактики лечения. Данное правомочие конкретизирует конституционный принцип уважения достоинства личности применительно к медицинским правоотношениям: полная автоматизация клинического решения означала бы фактическое устранение пациента как субъекта правоотношений, превращение его в объект алгоритмической обработки. Конституционный Суд Российской Федерации последовательно исходит из недопустимости умаления человеческого достоинства и необходимости сохранения индивидуального подхода в правоотношениях, затрагивающих права и свободы личности [3].

Авторами, анализирующими трансформацию прав пациента, обоснованно акцентируется необходимость нормативного закрепления принципа обязательного человеческого контроля над клинически значимыми алгоритмическими решениями – именно в целях предотвращения утраты пациентом субъектности в медицинском правоотношении [4, с. 40–41]. С этим тезисом следует согласиться, однако его реализация требует не декларативного закрепления, а конкретных нормативных механизмов: обязательного документирования участия ИИ-системы в принятии решения, закрепления стандарта «последнего слова врача» на уровне подзаконного акта, а также установления юридических последствий отклонения врачом алгоритмической рекомендации.

Таким образом, совокупность рассмотренных производных правомочий – право на информацию об использовании ИИ, право на объяснение алгоритмического решения, право на отказ от применения алгоритмических систем, право на человеческое решение и право на защиту от алгоритмической дискриминации – не формирует самостоятельного нового конституционного права, а представляет собой конкретизацию действующих конституционных гарантий применительно к условиям цифровой медицины. Их нормативное закрепление в рамках Федерального закона № 323-ФЗ либо специального федерального закона о применении искусственного интеллекта в здравоохранении является необходимым условием обеспечения реальной, а не формальной конституционно-правовой защиты пациента.

Правовое регулирование искусственного интеллекта и угрозы конституционным правам пациента при использовании искусственного интеллекта

В Российской Федерации отсутствует специальное законодательство, комплексно регулирующее использование технологий искусственного интеллекта в здравоохранении, что обусловливает необходимость обращения к конституционно-правовым основам защиты прав пациента. Указанные права формируют базу правового статуса пациента и приобретают дополнительное содержание в условиях цифровизации медицины, где возрастает роль алгоритмического принятия решений и обработки больших массивов медицинских данных. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации исходят из приоритета прав личности и допускают вмешательство в частную жизнь лишь при соблюдении принципов законности, необходимости и соразмерности [3].

Действующее отраслевое законодательство формирует лишь фрагментарную основу регулирования. Федеральный закон № 323-ФЗ закрепляет права пациента и регулирует медицинскую деятельность, однако ориентирован на традиционную модель оказания помощи и не учитывает специфику алгоритмического принятия решений и распределения ответственности [2]. Федеральный закон № 152-ФЗ устанавливает режим обработки персональных данных, включая сведения о состоянии здоровья, однако его применение в условиях искусственного интеллекта сопровождается правовыми коллизиями. В частности, допускается обработка обезличенных данных в исследовательских целях (ст. 6), тогда как сведения о здоровье относятся к специальной категории данных с повышенным режимом защиты (ст. 10), что затрудняет использование медицинской информации для обучения алгоритмов [5]. Дополнительные акты, регулирующие цифровизацию здравоохранения и развитие информационных систем, а также стратегические документы (включая Национальную стратегию развития искусственного интеллекта до 2030 года [6]) носят преимущественно рамочный характер и не устраняют правовую неопределенность. Аналогичный ограниченный регулятивный эффект имеют акты «мягкого права», включая Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта [7]. В этих условиях особое значение приобретает риск-ориентированный подход, закрепленный в международных документах, предполагающий оценку и управление рисками на всех этапах жизненного цикла технологий [8].

Проблема обработки, передачи и хранения персональных данных является краеугольной тематикой при использовании технологий искусственного интеллекта. Условно их можно разбить на 2 вида: проблемы ответственности и проблемы процесса.

К проблемам процесса относятся в первую очередь такие проблемы, которые возникают при использовании технологий искусственного интеллекта. Например, проблема утечки персональных данных. Обработка значительных массивов медицинских данных, включая сведения о состоянии здоровья, повышает риски утечек, несанкционированного доступа и неправомерного использования информации. Особую опасность представляют кибератаки на медицинские информационные системы, способные привести к раскрытию медицинской тайны [9]. Традиционные механизмы защиты персональных данных недостаточны: даже обезличенные данные могут быть повторно идентифицированы аналитическими технологиями, что порождает проблему псевдоанонимизации и говорит о несоответствии правового режима цифровым рискам. Отдельная проблема – чувствительные данные, в частности генетические, используемые ИИ для прогнозирования лечения и профилактики. Их применение в персонализированной медицине создает риски дискриминации и злоупотреблений, что требует усиленной правовой защиты [10].

Пока эти риски слабо отражены в судебной практике РФ ввиду ограниченного применения ИИ в публичном здравоохранении. Однако включение ИИ-технологий в перечень услуг ОМС расширит круг субъектов и число правовых конфликтов. Поэтому задача регулятора не реагировать постфактум, а проактивно формировать систему гарантий с учетом зарубежного опыта и принципов соразмерности, правовой определенности и приоритета прав личности.

Вместе с тем исследование Федотова Н.Е., посвященное защите врачебной тайны при использовании телемедицинских технологий, позволяет зафиксировать уже существующие правоприменительные проблемы, возникающие при использовании искусственным интеллектом медицинских данных [11]. Автор констатирует, что действующее правовое регулирование врачебной тайны, сформированное применительно к традиционной модели оказания медицинской помощи, не учитывает технологических особенностей дистанционного взаимодействия субъектов медицинских правоотношений. В частности, обоснованно указывается на коллизию между режимом «специальных персональных данных» по Федеральному закону № 152-ФЗ и режимом «врачебной тайны» по Федеральному закону № 323-ФЗ: законы устанавливают различные основания допустимой обработки фактически идентичных по содержанию сведений, что создает правовую неопределенность при использовании медицинских данных для обучения и функционирования алгоритмических систем [там же, с. 48–50]. Кроме того, Федотов Н.Е. справедливо обращает внимание на то, что легальное определение «телемедицинских технологий», закрепленное в Федеральном законе № 242-ФЗ, не охватывает медицинские приложения и «умные» устройства мониторинга, поскольку системообразующим признаком данного понятия выступает дистанционное взаимодействие субъектов, а не технологический инструмент обработки данных [там же, с. 51–52]. В результате целый класс ИИ-инструментов остается за пределами правового регулирования телемедицины.

С позицией Федотова Н.Е. следует согласиться в части констатации терминологической несогласованности российского законодательства. Вместе с тем представляется дискуссионным тезис о достаточности устранения выявленных коллизий посредством изменения подзаконных актов: масштаб правовой неопределенности, охватывающий вопросы субъектного состава, оснований ответственности и механизмов защиты прав пациента, свидетельствует о необходимости специального федерального законодательного регулирования.

Проблемы правовой и этической ответственности применения технологий искусственного интеллекта в здравоохранении необходимо выделить отдельно. Традиционная конструкция, предполагающая ответственность медицинского работника и медицинской организации, оказывается недостаточной в условиях включения в процесс оказания медицинской помощи алгоритмических систем и их разработчиков. В результате формируется сложная многоуровневая структура правоотношений, в которой отсутствует четкое разграничение обязанностей и ответственности между участниками.

Врач остается ключевым субъектом медицинской деятельности, принимающим итоговое решение и несущим профессиональную ответственность. Но применение ИИ снижает его автономность и усиливает зависимость от алгоритмических рекомендаций, порождая проблему пределов ответственности при следовании таким рекомендациям. Медицинская организация отвечает за выбор, внедрение и безопасность технологий, однако закон не устанавливает специальных требований к использованию ИИ, что снижает эффективность этого механизма.

Особую сложность представляет определение ответственности разработчика технологий искусственного интеллекта. В действующем праве отсутствует специальный правовой режим, позволяющий учитывать особенности самообучающихся систем, функционирование которых изменяется в процессе эксплуатации. Применение общих норм о гражданско-правовой ответственности за недостатки товара или услуги не обеспечивает адекватного регулирования, поскольку не учитывает автономность и непрозрачность алгоритмов.

Дополнительным фактором является сложность доказывания причинно-следственной связи между использованием искусственного интеллекта и наступившим вредом. Эффект неопределенности, характерный для алгоритмов машинного обучения, затрудняет установление причин ошибок и определение виновного лица, что снижает эффективность судебной защиты прав пациента. В зарубежной практике, в частности в праве Европейского союза, предлагается использование презумпций ответственности и механизмов перераспределения бремени доказывания в пользу потерпевшего [12], что представляется обоснованным с учетом информационной асимметрии между сторонами.

Гаджимагомедова Ш.С., Хамавова З.Р. и Ахмедова У.А. рассматривают правовые и этические последствия применения ИИ в здравоохранении в широком контексте, акцентируя внимание на трех ключевых проблемах: защите персональных данных пациентов, ответственности за ошибки автоматизированных диагностических систем и обеспечении информированного согласия [13]. Авторы указывают, что с расширением использования электронных медицинских записей и систем ИИ-диагностики возникает риск неправомерного доступа к сведениям о состоянии здоровья пациента, а действующее законодательство – в частности, Федеральный закон № 152-ФЗ – не в полной мере обеспечивает их защиту в цифровой среде [там же, с. 150]. Применительно к ответственности за ошибки алгоритмов авторы со ссылкой на исследование Гарвардской школы общественного здравоохранения (2019) констатируют, что системы машинного обучения допускают ошибки при диагностике онкологических заболеваний, что ставит вопрос о правовой ответственности разработчиков и операторов таких систем [там же, с. 151].

Вывод авторов о необходимости «строгого законодательства» для регулирования ИИ в медицине представляется верным, однако недостаточно конкретизированным с правовой точки зрения. В частности, остается нераскрытым вопрос о том, какая именно модель ответственности – деликтная, договорная или специальная административная – наиболее соответствует конституционному принципу справедливости применительно к вреду, причиненному пациенту алгоритмической ошибкой. С точки зрения автора настоящего исследования, наиболее обоснованной является модель строгой (безвиновной) ответственности оператора ИИ-системы с сохранением регрессного требования к разработчику, поскольку именно данная модель в наибольшей мере обеспечивает реализацию конституционного права пациента на возмещение вреда (ст. 52 Конституции РФ).

Выявленные правовые пробелы обусловливают необходимость переосмысления содержания института информированного добровольного согласия. Непрозрачность алгоритмических решений исключает возможность формирования подлинного согласия пациента: субъект не располагает достаточными сведениями для осознанной оценки предлагаемого медицинского вмешательства, что лишает институт согласия его конституционной функции обеспечения автономии личности. Об этой проблеме пишут Кантемирова М.А., Дзилихова Д.В. и Абаев А.Т. В своем исследовании, посвященном возможностям и вызовам применения искусственного интеллекта в системе медико-санитарной помощи, авторы анализируют трансформацию содержания прав пациента в условиях алгоритмизации медицинской деятельности [4]. Применение алгоритмических систем в диагностике и лечении порождает специфическую проблему так называемого «черного ящика»: ни врач, ни пациент нередко не имеют возможности уяснить логику принятого системой решения, что фактически обесценивает институт информированного добровольного согласия, предусмотренный статьей 20 Федерального закона № 323-ФЗ [там же, с. 38–39]. Помимо этого, авторами обосновывается необходимость закрепления принципа обязательного человеческого контроля над клинически значимыми решениями алгоритмических систем в целях предотвращения полной утраты пациентом субъектности в медицинском правоотношении [там же, с. 40–41].

Соглашаясь с данными выводами, следует уточнить их правовой аспект. Проблема «черного ящика» требует решения не только через технические требования к прозрачности алгоритмов, но прежде всего через нормативное переопределение содержания информированного согласия: последнее должно включать право пациента на получение объяснимого обоснования клинически значимого решения – как это закреплено, например, в статье 13 Регламента (ЕС) 2024/1689 и статье 22 GDPR [14]. Без соответствующего изменения Федерального закона № 323-ФЗ даже технически «прозрачные» алгоритмы не обеспечат реальной реализации права пациента на информацию.

Приведенный анализ свидетельствует о системном характере проблемы правовой неопределенности, не ограниченной институтом информированного добровольного согласия: она охватывает категориальный аппарат, субъектный состав и механизм распределения ответственности в целом.

В целом действующая модель юридической ответственности в Российской Федерации не адаптирована к условиям цифровой медицины и характеризуется правовой неопределенностью. В этой связи представляется необходимым формирование многоуровневой модели ответственности, предусматривающей дифференцированное распределение обязанностей между врачом, медицинской организацией и разработчиком технологий, а также внедрение специальных правил доказывания и возможных механизмов солидарной ответственности. Это является необходимым условием обеспечения эффективной защиты конституционных прав пациента в условиях использования искусственного интеллекта.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд теоретических выводов и практических предложений, непосредственно вытекающих из анализа конституционно-правовых основ защиты прав пациента в условиях применения технологий искусственного интеллекта в здравоохранении.

Алгоритмизация медицины не создает новых субъективных прав, а трансформирует содержание конституционных прав пациента – на достоинство, частную жизнь и охрану здоровья. Они конкретизируются в производных правомочиях: информирование об использовании ИИ, объяснение решения, отказ от ИИ, право на человеческое решение и защиту от алгоритмической дискриминации. Их закрепление на уровне федерального закона необходимо для реальной, а не декларативной защиты.

Действующий понятийный аппарат («искусственный интеллект», «врачебная тайна», «телемедицинские технологии», «ИДС») не учитывает специфику алгоритмических систем. Отсутствие единого понятия «медицинские данные», разграничения «технологии»/«системы» ИИ и риск-ориентированной классификации порождает пробелы и коллизии.

Модель ответственности за вред от применения ИИ не соответствует принципам соразмерности и справедливости: персональная ответственность врача не учитывает многоуровневый характер отношений (разработчик, оператор, медорганизация) и специфику самообучающихся систем. Обоснована модель строгой ответственности оператора ИИ-системы с регрессным требованием к разработчику и презумпциями в пользу пациента.

Предложения: закрепить в ФЗ № 323-ФЗ производные правомочия пациента в цифровой среде; ввести единое понятие «медицинские данные» с повышенным режимом защиты; принять отдельный закон о применении ИИ в здравоохранении с риск-ориентированной классификацией, обязательным человеческим контролем и многоуровневой ответственностью с презумпцией в пользу пациента.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // Российская газета. 1993. 25 дек.
2. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
3. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25.05.2021 № 22-П // СПС «КонсультантПлюс».
4. Кантемирова М.А., Дзилихова Д.В., Абаев А.Т. Искусственный интеллект в системе медико-санитарной помощи: современные возможности, вызовы и перспективы трансформации здравоохранения // Журнал монетарной экономики и менеджмента. 2025. № S2. С. 35–42.
5. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.
6. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.
7. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта: утв. 26.10.2021 // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации.
8. World Health Organization. Regulatory considerations on artificial intelligence for health. Geneva: World Health Organization, 2023.
9. Рычкова К.О. Проблемы правового регулирования использования искусственного интеллекта в сфере здравоохранения // Аграрное и земельное право. 2024. № 6 (234). С. 53–55. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_6_53.
10. Климан Ю.А. Правовые проблемы применения искусственного интеллекта в сфере здравоохранения // Теория и практика общественного развития. 2024. № 11. С. 237–243. DOI: 10.24158/tipor.2024.11.28.
11. Федотов Н.Е. Отдельные аспекты защиты врачебной тайны при использовании телемедицинских технологий в здравоохранении // Сравнительное конституционное обозрение. 2024. Т. 33. № 1 (158). С. 40–59.
12. European Commission. Proposal for a Directive on adapting non-contractual civil liability rules to artificial intelligence (AI Liability Directive). Brussels, 2022.
13. Гаджимагомедова Ш.С., Хамавова З.Р., Ахмедова У.А. Правовые и этические последствия новых медицинских технологий // Образование и право. 2023. № 10. С. 147–152.
14. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 (General Data Protection Regulation).
15. ГОСТ Р 59277–2020. Системы искусственного интеллекта. Классификация систем искусственного интеллекта. – М.: Стандартинформ, 2021.

CONSTITUTIONAL AND LEGAL GUARANTEES FOR THE PROTECTION OF PATIENT RIGHTS IN THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN HEALTHCARE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Shchukin V.V., Shelonin Ph.S.
Moscow Innovation University

The purpose of the study is to identify the constitutional and legal parameters for the protection of patient rights in the application of artificial intelligence technologies in the healthcare system of the Russian Federation, as well as to substantiate directions for the doctrinal and regulatory modernization of the relevant legal institutions. The methodological basis of the work comprises the formal-legal and comparative-legal methods, legal hermeneutics, content analysis of doctrinal and law enforcement sources, the systemic-structural method, and the method of legal modeling. Based on the analysis of Articles 21, 23, and 41 of the Constitution of the Russian Federation, Federal Law № 323-FZ, Federal Law № 152-FZ, soft law instruments, legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, and the provisions of Regulation (EU) 2024/1689 (AI Act) and Regulation (EU) 2016/679 (GDPR), the study substantiates that the integration of algorithmic systems into medical practice does not generate an independent group of new rights, but transforms the content of already established constitutional rights of the patient. The results include an original systematization of derivative patient entitlements, and a multi-level model for the distribution of legal liability among the physician, the medical organization, and the developer. Conclusions are drawn regarding the need to transition from fragmented to systemic risk-based regulation, with mandatory preservation of human oversight and the establishment of presumptions in favour of the patient.

Keywords: constitutional rights of the patient; artificial intelligence; digital medicine; medical confidentiality; informed voluntary consent; algorithmic transparency; right to a human decision; legal liability.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993) // Rossiyskaya Gazeta. 1993. Dec. 25.
2. Federal Law № 323-FZ dated November 21, 2011, «On the Fundamentals of Health Protection of Citizens in the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. № 48. Art. 6724.
3. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 22-P dated May 25, 2021 // ConsultantPlus Legal Reference System.
4. Federal Law № 152-FZ dated July 27, 2006, «On Personal Data» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. № 31 (Part 1). Art. 3451.
5. Decree of the President of the Russian Federation № 490 dated October 10, 2019, «On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2019. № 41. Art. 5700.
6. Code of Ethics in the Field of Artificial Intelligence: approved on October 26, 2021 // Analytical Center under the Government of the Russian Federation.
7. World Health Organization. Regulatory considerations on artificial intelligence for health. Geneva: World Health Organization, 2023.
8. Rychkova K.O. Issues of Legal Regulation Regarding the Use of Artificial Intelligence in Healthcare // Agrarian and Land Law. 2024. № 6 (234). P. 53–55. DOI: 10.47643/1815-1329_2024_6_53.
9. Kliman Yu.A. Legal Issues Regarding the Application of Artificial Intelligence in Healthcare // Theory and Practice of Social Development. 2024. № 11. P. 237–243. DOI: 10.24158/tipor.2024.11.28.
10. Fedotov N.E. Selected aspects of protecting medical confidentiality when using telemedicine technologies in healthcare // Comparative Constitutional Review. 2024. Vol. 33. № 1 (158). P. 40–59.
11. European Commission. Proposal for a Directive on adapting non-contractual civil liability rules to artificial intelligence (AI Liability Directive). Brussels, 2022.
12. Gadzhimagomedova Sh.S., Khamavova Z.R., Akhmedova U.A. Legal and ethical consequences of new medical technologies // Education and Law. 2023. № 10. P. 147–152.
13. Kantemirova M.A., Dzilikhova D.V., Abaev A.T. Artificial intelligence in the healthcare system: modern capabilities, challenges, and prospects for healthcare transformation // Journal of Monetary Economics and Management. 2025. № S2. P. 35–42.
14. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 (General Data Protection Regulation).
15. GOST R 59277–2020. Artificial intelligence systems. Classification of artificial intelligence systems. – Moscow: Standartinform, 2021.

Конституционно-правовая защита свободы предпринимательской деятельности в условиях цифровизации государственного управления

Арбузов Данила Алексеевич,
аспирант РАНХиГС при Президенте РФ
E-mail: arbuzowdan@yandex.ru

Свобода предпринимательской деятельности является неотъемлемой частью российского правопорядка, играя ключевую роль в развитии рыночной экономики, реализации права на труд и использовании имущества. Однако стремительная цифровизация государственного управления порождает организационно-правовую неопределённость, что требует особого внимания к конституционно-правовой защите прав и свобод предпринимателей.

Проведённое исследование включает анализ различных правовых, доктринальных и аналитических источников, отражающие современное состояние цифровой трансформации органов публичной власти и организаций, которые участвуют в конституционно-правовой защите в самозащитной, административной, судебной, международной форме.

В результате анализа определены ключевые проблемы, затрагивающие каждую из форм конституционно-правовой защиты прав и свобод предпринимателей в условиях цифровизации. К ним относится разрозненность цифровых платформ, что влечёт сложности в обеспечении кибербезопасности и технической поддержки. Вместе с тем, отсутствует единый правовой подход к регламентации работы цифровых систем. Исходя из этого, предложена разработка концепции развития предоставления государственных услуг субъектам предпринимательской деятельности в электронном виде. Данное нововведение позволит оптимизировать диалог между ведомствами и бизнес-сообществом, и, следовательно, обеспечить более надежную защиту свободы предпринимательской деятельности.

Ключевые слова: конституционные права и свободы, конституционно-правовая защита, свобода предпринимательской деятельности, цифровизация, цифровые и технологические инновации.

Масштабное внедрение цифровых технологий в работу государственных органов затрагивает свободу предпринимательской деятельности, провозглашённой частью 1 статьи 34 Конституции Российской Федерации (далее – Конституция РФ)[1]. Для того, чтобы свобода предпринимательской деятельности способствовала стимулированию экономического роста, созданию рабочих мест, увеличению налоговых поступлений, ускорению научно-технического прогресса, ей необходимо обеспечить эффективную конституционно-правовую защиту – комплекс мер, которые направлены на восстановление нарушенных конституционных прав, устранение препятствий в их осуществлении, а также применение ответственности к нарушителю. Эти меры реализуются в форме административной, судебной, международной защиты, а также в виде применения способов самозащиты.

Актуальность исследования заключается в том, что конституционно-правовая защита свободы предпринимательской деятельности претерпевает изменения в условиях цифровизации – «способа представления, хранения, передачи, применения информации с помощью цифровых устройств» согласно п. 3.23 ГОСТ Р 43.0.27–2022[2]. С одной стороны, с помощью цифровых сервисов происходит преобразование форм конституционно-правовой защиты свободы предпринимательской деятельности, что ведёт к сокращению бюрократизма, повышению прозрачности взаимодействия с органами власти, экономии ресурсов. С другой стороны, беспорядочная цифровизация порождает пробелы в правовом регулировании, касающиеся порядка электронной подачи обращений и их рассмотрения, документооборота, отслеживания хода дела и прочего. Следовательно, данное противоречие требует решения в ближайшее время для того, чтобы избежать массового нарушения конституционных прав и свобод предпринимателей.

Правовой основой для цифровизации органов публичной власти является Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309 «Национальные цели развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», который ставит цель цифровой трансформации государственного и муниципального управления[3]. В свою очередь, Распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 марта 2024 года № 637-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления» уделяет внимание обеспечению свободного, устойчивого и безопасного информационное взаимодействие между органами власти, гражданами и бизнесом[4]. Более того, Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» устанавливает цели, принципы, круг участников специального регулирования, позволяющего апробировать инновации[5].

Примечателен Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека «Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве 2.0», согласно которому внедрение технологий должно учитывать ре-

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) [Электронный ресурс] Официальный интернет-портал правовой информации. – Режим доступа: publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 15.06.2026).

[2] Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 18 января 2022 г. № 14-ст «Об утверждении национального стандарта Российской Федерации «Информационное обеспечение техники и операторской деятельности. Среды информационные в деятельности специалиста» // Официальный сайт Росстандарта – Режим доступа: https://www.rst.gov.ru/portal/gost/search?query=%D0%93%D0%9E%D0%A1%D0%A2+%D0%A0+43.0.27–2022, свободный (дата обращения: 15.06.2026).

[3] Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 года № 309 «Национальные цели развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Российская газета. 2024. № 100.

[4] Распоряжении Правительства Российской Федерации от 16 марта 2024 года № 637-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 13, 1837.

[5] Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31, ст. 5017; 2025. № 31, ст. 4690.

ализацию и защиту всех конституционных прав и свобод, цифровой суверенитет личности, необходимость разработки и законодательного закрепления российской модели цифровизации[1].

Прежде всего, защита свободы предпринимательской деятельности начинается с самозащиты – права каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещёнными законом, в силу части 2 статьи 45 Конституции РФ. На этот процесс оказывает существенное влияние динамично формирующуюся цифровая среда.

Например, АО «Корпорация «МСП» предоставляет цифровой сервис «Правовой гид» – юридическая консультация, «Конструктор документов» – база актуальных шаблонов документов, «Сервис 360°» – подача обращения с автозаполнением о нарушении своих прав при проверках контрольных, надзорных органов и иных проблемах.

По этому вопросу интересна позиция Н.В. Уздимаевой, которая заключается в том, что цифровые технологии следует направить не только на активизацию самозащиты, но и вовлечение государства в процесс создания благоприятных условий для её применения через актуализацию нормативной базы и выработки стандартов реализации[2].

Далее рассмотрим административную форму защиты свободы предпринимательской деятельности, предполагающей обращение в уполномоченные государственные органы для восстановления нарушенных прав и законных интересов предпринимателей. Основные субъекты, наделённые публичными полномочиями для обеспечения такой защиты, имеют свои цифровые каналы связи.

На сайте Уполномоченного по защите прав предпринимателей, Прокуратуры Российской Федерации (далее – Прокуратура РФ), ФАС России, Роспатента, ФНС России, ФТС России, ФССП России можно дистанционно обратиться с жалобой на действия или бездействия органов государственной власти, их должностных лиц, руководителей организаций, нарушающих права и законные интересы предпринимателей, и отслеживать ход проверки.

Стоит также сказать об АНО «Платформа для работы с обращениями предпринимателей», которая позволяет бизнесу сообщать о случаях неправомерного давления силовых структур на бизнес. Алгоритм заключается в электронной подаче обращения, а также его модерации, обезличенной публикации, а затем перенаправлении в компетентное ведомство с последующим ответом в течение тридцати дней. Кроме того, по желанию предпринимателя к рассмотрению заявления может быть подключён бизнес-омбудсмен и общественные организации.

Помимо этого, существует федеральная государственная информационная система «Единый портал государственных и муниципальных услуг (функций)» (далее – портал «Госуслуги»). Эта универсальная платформа даёт возможность предпринимателям через личный кабинет взаимодействовать с органами власти, а именно подавать различного рода заявления и жалобы, записываться на приём к должностным лицам, получать уведомления, отслеживать и оплачивать штрафы и многое другое.

Наряду с этим при защите свободы предпринимательской деятельности могут быть полезны специализированные сервисы и реестры. Например, Генеральная Прокуратура РФ выступает в качестве оператора Единого реестра проверок, содержащий сведения о проверках контрольных и надзорных органов, мерах по устранению нарушений. Предприниматель также может воспользоваться различными сервисами ФССП России, среди которых «Банк данных исполнительных производств», представляющий собой источник первичной информации об исполнении судебных актов.

Однако пользователи данных цифровых систем отмечают, что возникают трудности со своевременным информирование о результатах рассмотрения жалоб, а также реализации предписаний. Кроме этого, разрозненность цифровых сервисов и ограниченная функциональность препятствуют нормальному взаимодействию между бизнес-сообществом и публичной властью.

По мнению А.Е. Епифанова, будущее государственных органов неразрывно связано с цифровой трансформацией, для осуществления которой необходимо выработать системный правовой подход. Он должен предусматривать, прежде всего, укрепление отечественных платформ с целью обеспечения информационной безопасности, а также развитие цифровых навыков у государственных служащих путём создания для них специализированных образовательных программ[3].

Что касается судебной формы защиты свободы предпринимательской деятельности, то она осуществляется посредством обращения в суды общей юрисдикции, арбитражные суды, Верховный Суд Российской Федерации (далее – ВС РФ), Конституционный Суд Российской Федерации (далее – КС РФ) для разрешения споров, связанных с нарушением прав предпринимателей.

Большая часть судов общей юрисдикции подключены к государственной автоматизированной системе «Правосудие» (далее – ГАС «Правосудие»). Однако часть судов общей юрисдикции, а именно Московский городской суд, 35 районных судов и 471 мировой участок г. Москвы используют Комплексную информационную систему судов общей юрисдикции[4]. Арбитражные суды осуществляют взаимодействие через электронную информационную систему «Картотека арбитражных дел». Что касается ВС РФ и КС РФ, то данные суды коммуницируют через личный кабинет, размещенный на официальном сайте.

Указанные системы способствуют защите свободы предпринимательской деятельности, позволяя в электронном виде подавать заявления и иные процессуальные документы, дистанционно ознакомиться с материалами дела, принимать участие в онлайн-заседаниях, получать электронные исполнительные документы для последующего исполнения и другое. Однако в этом процессе имеются существенные недостатки, которые касаются, в первую очередь, уязвимости информационной безопасности, к примеру, 7 октября 2024 года хакерская атака привела к потере контроля над системой ГАС «Правосудие» и вероятной утрате базы данных, где хранились более 89 миллионов решений. Кроме того, отсутствует единая цифровая среда судопроизводства, что препятствует экономически выгодному и оперативному техническому обеспечению цифровой трансформации. Стоит сказать о нелогичности структуры интерфейса действующих цифровых систем, из-за чего возникают трудности при их использовании.

По этому вопросу высказался председатель ВС РФ И.В. Краснов. Он упомянул о разработанной в 2025 году Концепции цифровой трансформации судебной системы, определяющей актуальные направления развития цифрового сопровождения судебной деятельности. По словам председателя ВС РФ, данная концепция включает интеграцию и повышение функциональности цифровых систем, обеспечение информационной безопасности, а также создание условий доступности технологий для всех категорий пользователей. Тем не менее на данный момент не наблюдается подробного плана по адаптации судебной системы к цифровой среде и его реализации[5].

Подобной критике прибегает А.В. Шухарева, считающая, что эффективное функционирования цифровых систем в процессе осуществления правосудия напрямую зависти от чёткой регламентации, в частности, обнаруживается отсутствие правового статуса рассмотрения обращений и работы службы поддержки[6].

Не менее значимой является международная защита свободы предпринимательской деятельности, подразумевающая обращение в международные организации для обеспечения безопасности предпринимательского сообщества на глобальном уровне.

Даже после выхода Российской Федерации из Совета Европы, предприниматели по-прежнему могут подавать жалобы в Европейский Суд по правам человека в отношении нарушений, возникших до 16 сентября 2022 года. Важно отметить, что решения данного суда будут не обязательны для исполнения на территории России. Направление жалоб осуществляется исключительно в бумажном виде, а применение Службы электронной корреспонденции применяется только для некоторых документов в ходе разбирательства.

Альтернативный инстанцией является Суд Евразийского экономического союза, позволяющий хозяйствующим субъектам через официальный сайт подавать заявления по вопросу соответствия решений Евразийской экономической комиссии (далее – ЕЭК) учредительному

[1] Доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека «Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве 2.0» от 25 июня 2025 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Совета при губернаторе Краснодарского края по развитию гражданского общества и правам человека – Режим доступа: https://sovet-nko.ru/files/2025/06/doklad-spch-po-pch-v-tsifre-2.0–2025–06–27_15–54–14_624644.pdf?ysclid=mqhrhf9q9i816183592, свободный (дата обращения: 15.06.2026).

[2] Уздимаева Н.И. Инновационные механизмы реализации права на самозащиту в условиях цифровизации права: современное состояние и перспективы // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 468.

[3] Епифанов А.Е. Цифровая трансформация государственного управления: проблемы и перспективы завтрашнего дня // Право и практика. 2025. № 3. С. 9.

[4] Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ текущего состояния информатизации судебной системы Российской Федерации» от 28 февраля 2025 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Счетной палаты Российской Федерации – Режим доступа: https://ach.gov.ru/checks/ne-v-tsifre, свободный (дата обращения: 15.06.2026).

[5] Игорь Краснов принял участие в пленарном заседании Совета судей Российской Федерации от 02 декабря 2025 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации – Режим доступа: https://www.vsrf.ru/press_center/news/35028/?ysclid=mqgp0plv1e268228424, свободный (дата обращения: 15.06.2026).

[6] Шухарева А.В. Проблемные вопросы реализации права на доступ к правосудию в условиях цифровизации судебной системы // ВЭПС. 2025. № 1. С. 225.

договору и иным международным договорам в рамках данного союза, а также об оспаривании действия или бездействия ЕЭК.

Субъекты предпринимательской деятельности имеют возможность обратиться в Организацию Объединённых Наций за защитой своей свободы путём достижения рекомендательного решения. В этом поможет Комитет по правам человека – договорный орган, который рассматривает индивидуальные жалобы о нарушенных правах; а также Совет по правам человека – межправительвенный орган, принимающий жалобы на систематические, грубые и достоверно подтверждённые нарушения прав посредством рабочих групп и специальных процедур. Электронная подача документов доступна для обеих структур.

Соответственно, международные правозащитные организации используют дистанционные технологии, однако на сегодняшний день этого недостаточно. Поскольку отсутствует комплексная цифровая форма подачи документов, контроля их рассмотрения, а также участия в заседаниях, что, несомненно, осложняет защиту свободы предпринимательской деятельности.

Похожей позиции придерживается Н.А. Чернядьева, которая полагает, что в эпоху цифровизации международная защита сталкивается с необходимостью формирования универсального правового режима, адаптации существующих норм права к инновациям, преодоление цифрового разрыва через программы технической помощи, а также обеспечения информационной безопасности[1].

В научном сообществе активно обсуждается, как несоответствие правовых положений технологическому прогрессу влияет на защиту конституционных прав и свобод, в частности свободы предпринимательской деятельности.

А.В. Украинчик говорит о цифровой трансформации как об особом процессе, создающим новую форму реализации и защиты конституционных прав и свобод, но вместе с этим возникает проблема, заключающаяся в отставании правовой базы, что затрудняет разрешение спорных ситуаций[2].

И.А. Минникес указывает на то, что в условиях внедрения цифровых технологий должно формироваться отдельное правовое регулирование защиты конституционных прав и свобод, для чего требуется консолидация всего юридического сообщества[3].

Полноценное взаимодействие предпринимателей с государственными органами, включая вопросы конституционно-правовой защиты, требует создания единого и удобного цифрового пространства, например, на базе личного кабинета организации на портале «Госуслуги». Для этого следует определить концепцию развития предоставления государственных услуг субъектам предпринимательской деятельности в электронном виде. Задачами данной концепции является создание цифрового портала для бизнеса посредством обеспечения безопасного канала связи с государственными органами или интеграции существующих у ведомств сервисов, регламентирование и стандартизация подачи обращения и его рассмотрения, организация качественной и оперативной технической поддержки, внедрение письменной юридической консультация с использованием искусственного интеллекта и проведение онлайн-консультаций в рамках бесплатной юридической помощи.

Таким образом, внедрение новых технологий не должно ограничивать конституционно-правовую защиту свободы предпринимательской деятельности. Выявленные препятствия свидетельствуют о том, что темпы цифровой трансформации государственного управления опережают эволюцию законодательства. Для восстановления равновесия необходимо на концептуальном уровне определить сбалансированный подход, который станет ключом к созданию цифровой среды, способствующей эффективной защите предпринимательской деятельности.

[1] Чернядьева Н.А. Цифровые технологии и права человека: эпоха взаимозависимости или кризис международной системы защиты прав человека // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 2, С. 170.

[2] Украинчик А.В. Реализация и защита конституционных прав граждан в условиях цифровизации общества // Вестник экспертного совета. 2022. № 4. С. 64.

[3] Минникес И.А. Проблемы защиты конституционных прав граждан в условиях глобализации и цифровизации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 4. С. 83.

Литература

1. Епифанов А.Е. Цифровая трансформация государственного управления: проблемы и перспективы завтрашнего дня // Право и практика. 2025. № 3. С. 6–10.
2. Минникес И.А. Проблемы защиты конституционных прав граждан в условиях глобализации и цифровизации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 4. С. 80–85.
3. Уздимаева Н.И. Инновационные механизмы реализации права на самозащиту в условиях цифровизации права: современное состояние и перспективы // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 463–469.
4. Украинчик А.В. Реализация и защита конституционных прав граждан в условиях цифровизации общества // Вестник экспертного совета. 2022. № 4. С. 58–66.
5. Чернядьева Н.А. Цифровые технологии и права человека: эпоха взаимозависимости или кризис международной системы защиты прав человека // Правопорядок: история, теория, практика. 2023. № 2, С. 164–172.
6. Шухарева А.В. Проблемные вопросы реализации права на доступ к правосудию в условиях цифровизации судебной системы // ВЭПС. 2025. № 1. С. 223–226.

CONSTITUTIONAL AND LEGAL PROTECTION OF FREEDOM OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF PUBLIC ADMINISTRATION

Arbuzov D.A.
RANEPA under the President of the Russian Federation

Freedom of entrepreneurial activity is an integral part of the Russian legal order, playing a key role in the development of a market economy, the realization of the right to work and the use of property. However, the rapid digitalization of public administration creates organizational and legal uncertainty, which requires special attention to the constitutional and legal protection of the rights and freedoms of entrepreneurs.

The conducted research includes an analysis of various legal, doctrinal and analytical sources reflecting the current state of digital transformation of public authorities and organizations that participate in constitutional and legal protection in a self-protective, administrative, judicial, and international form.

As a result of the analysis, key issues affecting each of the forms of constitutional and legal protection of the rights and freedoms of entrepreneurs in the context of digitalization have been identified. These include the fragmentation of digital platforms, which entails difficulties in providing cybersecurity and technical support. At the same time, there is № unified legal approach to regulating the operation of digital systems. Based on this, the development of a concept for the development of the provision of public services to business entities in electronic form is proposed. This innovation will optimize the dialogue between departments and the business community, and, consequently, provide more reliable protection of freedom of entrepreneurial activity.

Keywords: constitutional rights and freedoms, constitutional and legal protection, freedom of entrepreneurial activity, digitalization, digital and technological innovations.

References

1. Epifanov A.E. Digital transformation of public administration: problems and prospects of tomorrow // Law and practice. 2025. № 3. pp. 6–10.
2. Minnikes I.A. Problems of protecting constitutional rights of citizens in the context of globalization and digitalization // Legal Science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 4. pp. 80–85.
3. Uzdimaeva N.I. Innovative mechanisms for the realization of the right to self-defense in the context of the digitalization of law: current state and prospects // Legal technology. 2021. № 15. pp. 463–469.
4. Ukrainchik A.V. Realization and protection of constitutional rights of citizens in the context of digitalization of society // Bulletin of the Expert Council. 2022. № 4. pp. 58–66.
5. Chernyadyeva N.A. Digital technologies and human rights: the era of interdependence or the crisis of the international human rights protection system // Law and order: history, theory, and practice. 2023. № 2, pp. 164–172.
6. 11. Shukhareva A.V. Problematic issues of the realization of the right to access justice in the context of the digitalization of the judicial system // VEPS. 2025. № 1. pp. 223–226.

Правовое регулирование труда цифровых кочевников и цифровых трудящихся-мигрантов: проблемы и перспективы

Аксенов Илья Сергеевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения имени К.Н. Гусова Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина
E-mail: nauka_lo@mail.ru

Четвертая промышленная революция и повсеместная цифровизация трансформировали классическую модель занятости, породив новые феномены – цифровое кочевничество и цифровую трудовую миграцию, требующих правового осмысления. В статье исследуются правовые проблемы, связанные с трудом работников, выполняющих трудовую функцию удаленно за пределами страны работодателя. Проводится разграничение понятий «цифровой кочевник» и «цифровой трудящийся-мигрант», анализируются их общие черты и принципиальные различия. Отдельное внимание уделяется правовым рискам для сторон трудовых отношений при частой смене стран пребывания. Обосновывается вывод о невозможности разрешения возникающих коллизий в рамках национального законодательства и необходимости принятия специализированной международной Конвенции о правовом статусе цифровых трудящихся-мигрантов, которая установила бы единый понятийный аппарат, базовые принципы применимого права и механизмы координации социального обеспечения и налогообложения.

Ключевые слова: трансграничная дистанционная работа, цифровой кочевник, цифровой трудящийся-мигрант, мобильность, цифровизация труда, международное трудовое право.

Четвертая промышленная революция, основанная на распространении информационных технологий и искусственного интеллекта, кардинально изменила условия жизни, характер социальных взаимоотношений и организацию труда. Долгое время рабочее время и рабочее место были тесно связаны. Рабочее время соответствовало времени, в течение которого работник на своем рабочем месте посвящал себя выполнению своей работы. Исчезновение пространственно-временных маркеров, традиционно ассоциирующихся с выполнением работы, стало возможным благодаря широкому внедрению и активному использованию информационно-коммуникационных технологий, которые позволяют эффективно выполнять определенные задачи удаленно, без необходимости физического присутствия работника в определенном месте. В этих условиях сформировались новые феномены – цифровое кочевничество и цифровая миграция.

Термин «цифровой кочевник» впервые появился в 1997 году в названии новаторской научной работы ученого Цугио Макимото и писателя Дэвида Маннерса. Центральный тезис их исследования заключался в том, что потребность человека в мобильности в сочетании с неизбежными преобразованиями, вызванными появлением цифровых технологий, вскоре приведет к созданию новых сообществ удаленных, кочевых работников, которых эти авторы впервые описали как «цифровых кочевников». То, что поначалу казалось утопической мечтой, постепенно воплотилось в жизнь.

Классическая модель трудовой занятости, при которой человек обязуется выполнять работу в условиях «привязки» к физическому рабочему месту (офису, производству и т.п.), на условиях, установленных работодателем, в обмен на финансовое вознаграждение, быстро изменилась под воздействием стремительного развития цифровых инструментов, информационно-коммуникационных технологий и появления различных устройств для доступа к этому цифровому миру. Как справедливо отмечается в литературе, «традиционная территориальная модель трудового права уже не в полной мере соответствует условиям цифровой экономики» [1, с. 147]. Пандемия COVID-19 стала катализатором массового перехода на удаленную работу, сделав гибридные формы занятости «новой нормой». Однако если внутригосударственная дистанционная работа получила относительно четкое правовое регулирование, то трансграничная удаленная занятость остается одной из наиболее сложных и неразрешенных проблем современного трудового права.

Растущая тенденция так называемых «цифровых кочевников» создает проблемы как для трудового права, так и для систем социального обеспечения во всем мире. Недостаточно развитое законодательное регулирование специфических характеристик их труда ставит «цифровых кочевников» в положение нестабильности и особой уязвимости. Как работники, они имеют право на защиту своих трудовых прав, независимо от того, каким образом формализирован их правовой статус: путем заключения договора гражданско-правового характера, трудового договора или иным образом.

Цель статьи – комплексный анализ правового регулирования труда работников, выполняющих трудовую функцию удаленно за пределами страны работодателя, выявление основных проблем и обоснование направлений совершенствования правового регулирования.

Термин «цифровой кочевник» в нестоящее время не имеет ни на национальном, ни на международном уровне легального определения, которое бы охватывало условия или требования для определения того, является ли работник цифровым кочевником или просто подпадает под другие существующие категории в трудовом праве.

Цифровой кочевничество – это структурированное явление, объединяющее высококвалифицированных и высокооплачиваемых работников, которые выполняют свою работу удаленно благодаря цифровым технологиям, часто путешествуя по разным странам, без фиксированного или заранее определенного места работы [2, с. 142; 3, с. 92].

Следует отметить, что цифровые кочевники, в некотором смысле, являются крайней формой мобильности работника. Российскому трудовому праву известны различные модели выполнения трудовой функции в зависимости от места ее осуществления: подвижной характер работы, разъездная работа, удаленная (дистанционная) работа, надомная работа, работа в пути, вахтовый метод, временная работа в другой стране.

Вместе с тем цифровые кочевники отличаются от перечисленных категорий. Для более точного позиционирования данного феномена целесообразно рассмотреть континуум мобильности и территориальной рассредоточенности в трудовой деятельности. Уточним, что при исполнении трудовой функции мобильность и рассредоточенность могут сочетаться по-разному, поэтому один работник может фактически принадлежать к нескольким категориям одновременно. Итак, на одном полюсе этого спектра находятся надомные работники, выполняющие свои обязанности из дома и удаленные (дистанционные) работники, выполняющие трудовые обязанности вне своего обычного рабочего места, полный рабочий день. Надомники и удаленные работники, строго говоря, не столько «мобильны», сколько «смещены» географически – находятся в ином физическом месте, нежели их коллеги или работодатель. Далее можно выделить экспатриантов, то есть сотрудников, которые переезжают на среднесрочный или долгосрочный период из головной компании в другие страны, где эта компания осуществляет свою деятельность, сохранив при этом привязку к компании и стране исхода. Следующую ступень занимают мобильные работники, которые систематически перемещаются между несколькими локациями. Так, разъездная работа предполагает регулярные поездки в пределах определенной территории с возможностью ежедневного возвращения к месту постоянного проживания (курьеры, страховые агенты, торговые представители и т.п.). Существуют и «кочевые» формы организации труда, в частности работа в пути (стюардессы, экспедиторы) и работники, которым определен подвижной характер работы, предполагающая периодическое перемещение специалистов с одного объекта на другой.

Цифровой кочевник имеет ряд общих характеристик с разными «формами мобильности», однако их невозможно отнести ни к одной из упомянутых категорий работников, поскольку их поездки не носят исключительно деловой характер и не связаны с исполнением трудовой функции в пути или выбранном ими месте временного проживания. Напротив, их перемещения между различными местами соответствуют их личным желаниям и не всегда носят исключительно профессиональный характер.

Цифровые кочевники – это люди, которые живут и работают без постоянного места жительства. То есть, это разновидность удаленных работников, которые, помимо возможности выполнять свои обязанности, не выходя из дома, предпочитают, чтобы их дом не имел определенного местоположения. Технологический элемент – наличие хорошего Интернет-соединения и мобильного устройства для доступа к глобальной паутине – является не просто вспомогательным, а необходимым и существенным условием выполнения работы цифрового кочевника.

Поскольку их работа должна быть отделена от места ее выполнения, большинство цифровых кочевников работают в сфере информационных технологий, цифрового маркетинга, графического дизайна, перевода, финансового и бизнес-консалтинга, он-лайн консультаций (например, психологических). Как правило, места, которые интересуют цифровых кочевников, обладают следующими характеристиками: низкая стоимость жизни, доступ к быстрому и надежному интернет-соединению, а также приятный климат и окружающая среда. Эта новая концепция работы имеет огромное значение, учитывая ее значительное влияние на экономику принимающих стран, в частности, полагаем, цифровые кочевники будут способствовать росту в секторах общественного питания, арендного жилья, развлечений, туризма, интернет-инфраструктуры и коворкинга.

В современном научном дискурсе для обозначения феномена трансграничной удаленной занятости наряду с термином «цифровой кочевник» используется также понятие «цифровой трудящийся-мигрант». При внешней смысловой близости данные категории, по нашему мнению, различаются по своему содержанию.

Миграцию часто характеризуют как явление, существующее веками, но ее устойчивость не означает, что она застрахована от изменений, связанных с политическими, историческими и социальными преобразованиями. Если ранее миграция неизменно ассоциировалась с физическим перемещением человека через государственные границы, то в современных условиях представления о миграции меняются, все большее значение приобретает так называемая «виртуальная» или «цифровая» миграция – перемещение не тела, а трудовых навыков и услуг в цифровом пространстве. Возникает новый тип трудовой мобильности, при котором работник выполняет трудовую функцию для иностранного работодателя, оставаясь в своей стране, – то есть миграция происходит без перемещения, а сама трудовая деятельность становится трансграничной по своему содержанию, но не по географическому положению исполнителя. Таким образом, цифровая миграция не только расширяет смысловые границы самого понятия «миграция», но и ставит перед законодателем задачу выработки новых подходов к регулированию труда, выходящего за рамки национальных юрисдикций.

В.С. Ронин и А.П. Перегудова отмечают, что цифровая миграция «существует в науке и практике как теоретическая концепция», но общим знаменателем большинства научных позиций выступают две характеристики: «сетевизация (все коммуникативные и трудовые процессы протекают в цифровой среде с активным использованием интернета) и территориальный разрыв (между фактическим местопребыванием работника и юрисдикцией, где осуществляется его трудовая деятельность)» [4, с. 142]. Исходя из выделенных признаков, авторы предлагают закрепить на уровне международной конвенции понятие «цифровой трудящийся-мигрант», то есть «лицо, которое осуществляет свою трудовую деятельность посредством использования сети Интернет и цифровых технологий на территории государства, которое не является страной его происхождения, не пересекая при этом его физической границы» [4, с. 144]. Данное определение не бесспорно. Фактическое выполнение работы на территории государства, которое не является страной его происхождения, полагаем, невозможно без физического пересечения его границы. По-видимому, под «не пересекая границы» авторы подразумевают, что работник, которые физически находятся в стране своего происхождения, может удаленно работать на работодателя, физически находящегося в другой стране. Таким образом, цифровой трудящийся-мигрант – физическое лицо, постоянно проживающее в одном государстве (стране происхождения или постоянного проживания), которое состоит в трудовых отношениях с работодателем, зарегистрированным и (или) фактически находящимся на территории другого государства, и выполняет свою трудовую функцию дистанционно с использованием информационно-коммуникационных технологий, не покидая страны своего проживания для целей выполнения работы.

В отличие от цифрового мигранта, понятие «цифровой кочевник» акцентирует внимание не столько на факте трудовой деятельности для иностранной юрисдикции, сколько образе жизни, характеризующимся систематическим перемещением между странами при сохранении удаленного характера работы. Цифровой кочевник не имеет фиксированного места жительства или работы, самостоятельно выбирает и часто меняет страны пребывания, руководствуясь личными предпочтениями, а не производственной необходимостью. Ключевые различия между цифровыми мигрантами и цифровыми кочевниками представлены в таблице 1.

Таблица 1. Различия между цифровыми мигрантами и цифровыми кочевниками

Критерий	Цифровой мигрант	Цифровой кочевник
Цель	Трудовая деятельность в другой стране	Сочетание работы и путешествий, смена впечатлений
Правовой статус	Имеет постоянное место жительства в одной стране, но работает на работодателя из другой	Часто не имеет постоянного места жительства, перемещается без закрепления за юрисдикцией
Пересечение границы государства	Не пересекает границу физически (только виртуально)	Пересекает границы регулярно, но не для трудоустройства на местном рынке
Оформление трудовых отношений	Работает на иностранную компанию по трудовому договору или по договору ГПХ	Работает как фрилансер или по договору ГПХ, может иметь нескольких заказчиков

Общим для цифровых кочевников и цифровых трудящихся-мигрантов является выполнение свое трудовой функции дистанционно, и соответственно, необходимость использования информационно-телекоммуникационных технологий и доступ к сети Интернет, а также осложненность трудовых отношений иностранным международным элементом, который возникает из-за того, что работодатель и работник находятся в разных юрисдикциях, что создает коллизии в вопросах применимого трудового права, налогообложения, социального обеспечения и охраны труда.

В случае с цифровыми кочевниками, систематически меняющими страны пребывания указанные коллизии приобретают многомерный и динамический характер. Если для цифрового трудящегося-мигранта, имеющего постоянное место жительства в одном государстве и работающего на иностранного работодателя, правовая неопределенность ограничена двумя юрисдикциями, то цифровой кочевник, перемещаясь между государствами, сталкивается с необходимостью учитывать правопорядок каждой из них. Множественность юрисдикций создает сложности и для работодателя: сложно оценить рабочую нагрузку

и состояние здоровья мобильных работников, обеспечить соблюдение требований охраны труда, со сменой страны может измениться законодательство, применимое к трудовому договору, что, соответственно, повлияет на условия труда работника. Таким образом, если правовой статус цифрового трудящегося-мигранта может быть урегулирован через двусторонние соглашения и специальные коллизионные нормы (например, адаптировать коллизионную привязку к месту работы – lex loci laboris или выбор сторонами применимого к договору права), то положение цифрового кочевника требует принципиально иного подхода – возможно, создания унифицированного международного режима.

В действующем международном праве (Конвенция ООН о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 г., Конвенция о статусе беженцев 1951 г., рекомендации и конвенции МОТ) сходятся в том, что ключевым признаком мигранта является именно физическое пересечение границы и последующее пребывание в иной стране. Традиционный трудящийся-мигрант – это лицо, покинувшее государство постоянного проживания (страны происхождения) с целью трудоустройства за рубежом. Хотя цифровой мигрант де-факто работает на территории иностранного государства, отсутствие физического перемещения лишает его возможности ссылаться на перечисленные конвенции, которые разрабатывались в эпоху, когда дистанционная занятость не носила массового характера и при осуществлении профессиональной деятельности не требовалось использование ИКТ. Как подчеркивается научной литературе, работник может проживать в одной стране, выполняя работу в другой, при этом его трудовая зависимость сохраняется, но механизм обеспечения его прав становится менее определенным [1].

Международная организация труда (МОТ) традиционно является ключевым субъектом формирования международных трудовых стандартов. В июне 2026 года Международная конференция труда приняла Конвенцию о достойном труде в платформенной экономике. Конвенция признает трансграничный характер платформенной работы, отмечая, что там, где цифровые трудовые платформы работают через границы, клиенты, работники и платформы могут находиться в разных странах. Документ требует от правительств обеспечения классификации работников в соответствии с реальными условиями их труда, а не в соответствии с договорами, выбранными платформами; распространяется как на работников формального, так и неформального секторов, а также на задачи, выполняемые лично или онлайн, обеспечивает защиту в области охраны труда и техники безопасности, гарантии в отношении заработной платы и доступа к социальной защите, обязывает государства принимать меры для предотвращения злоупотреблений в отношении трудящихся-мигрантов и беженцев.

Вместе с тем, терминами цифровые мигранты и цифровые кочевники Конвенция не оперирует, в отношении указанных категорий работников возникают принципиальные вопросы о применимости Конвенции. Сфера действия Конвенции ограничена платформенной занятостью (статья 1), не устанавливает единых коллизионных норм для разрешения вопросов о том, право какой страны подлежит применению к трудовым отношениям, какая страна несет ответственность за социальное обеспечение или каков налоговый статус работника.

Важно, чтобы государства обеспечивали защиту трудящихся независимо от их статуса, будь то традиционная форма занятости или дистанционная работа.

Российское трудовое законодательство содержит положения о дистанционной работе, однако под регулирование не попадают трудовые отношения с гражданами, находящимися за границей РФ (письмо Минтруд России от 15.02.2022 № 14–4/10/В-1848). Официальная позиция Минтруда сводится к тому, что заключение трудового договора о дистанционной работе с работником, находящимся за пределами России, невозможно, поскольку обеспечение безопасных условий труда признается неосуществимым, а оформлять трудовые правоотношение следует посредством заключения договора ГПХ.

Данная позиция представляется дискуссионной, критикуется в научной литературе. Так, С.П. Басалаева и М.К. Старикова полагают, что ограничительное толкование трудового законодательства, основанное на его пробельности, не может служить достаточным основанием для запрета на оформление трудовых отношений с дистанционными работниками, выполняющими трудовую функцию за рубежом. Требования к расследованию несчастных случаев и охране труда в таких отношениях архаичны и должны быть отменены или трансформированы, поскольку работодатель не контролирует рабочее место за границей. Также требуется разработка специальных коллизионных норм, адаптирующих или заменяющих традиционную привязку lex loci laboris, которая в случае оформления трудовых отношений с цифровым мигрантом может быть «истолкована двояко: и как место нахождения работодателя, и как место фактического выполнения работником работы» [5, с. 604].

Если рассматривать адаптировать положения ТК РФ о дистанционной (удаленной) работе к удаленному режиму по модели «цифрового кочевничества» то, полагаем, трудовой договор должен прямо предусматривать условия территориальной мобильности, согласованные с работодателем. Правовая подчиненность работника работодателю составляет основу трудовых отношений и проявляется в обязанности работника выполнять порученную работу, следовать инструкциям и соблюдать установленные работодателем правила и процедуры относительно организации рабочего времени. Цифровое кочевничество допустимо только при явном разрешении работодателя на выполнение работы с использованием ИКТ в условиях множественных заграничных перемещений. В противном случае работник может быть привлечен к дисциплинарной ответственности вплоть до увольнения. Работодатель обязан обосновать отказ в «цифровом кочевничестве», если коллективный договор или внутренний акт организации предусматривают такую возможность для занимаемой должности. Критерии допуска должны включать: наличие надлежащих технических условий (интернет, оборудование), функциональную автономию работника (способность самостоятельно управлять нагрузкой и графиком), а также стаж, характер должности и занятость (полная/неполная ставка). Но даже при получении разрешения на удаленную работу в таком формате частые перемещения между странами создают дополнительные правовые риски для обеих сторон. В частности, возникает ряд вопросов. Обязан ли работодатель обеспечивать соблюдение требований охраны труда и техники безопасности, в том числе проверять соответствие помещений, используемых работником в разных странах, установленным стандартам, учитывая частую смену локаций? Должен ли работодатель оплачивать командировочные расходы и регулировать частоту возвращений в офис? Может ли работодатель ограничить или запретить такие перемещения, если они затрудняют выполнение трудовой функции, нарушают требования охраны труда или создают налоговые/миграционные риски? Какие налоговые последствия влечет за собой частая смена стран пребывания? В каких случаях работник утрачивает/получает доступ к системе социального обеспечения и медицинского страхования страны проживания или страны работодателя? Каковы миграционные последствия выполнения оплачиваемой работы по туристической или гостевой визе? Какие риски возникают для работника в связи с защитой персональных данных при использовании незащищенных сетей и устройств в разных странах, особенно с учетом различий в национальных стандартах защиты информации?

Все эти вопросы, полагаем, невозможно разрешить в полном объеме в рамках национального законодательства. Модель работы цифровых кочевников включает в себя несколько сторон: работник, работодатель, компании-подрядчики, которые предоставляют работу цифровым кочевникам и получают выгоду от этой модели работы за счет снижения затрат, государства с различными интересами (страны пребывания, страна происхождения работника, страна, где базируется компания или компании, предоставляющие работу). В связи с этим возникает проблема контроля за исполнением обязанностей как работниками, так и работодателями. Национальные административные органы испытывают серьезные затруднения при осуществлении надзора за такими отношениями, а также при определении собственной компетенции в данном виде деятельности. Каждое из вовлеченных государств имеет свой набор интересов: страна происхождения работника заинтересована в сохранении налоговых поступлений от своих граждан, а также в их социальной защите, страна базирования работодателя стремится к упрощению процедур найма, снижению административной и финансовой нагрузки, страна пребывания получает экономические выгоды от присутствия цифровых кочевников, но при этом несет риски нелегальной занятости, неуплаты местных налогов и нагрузки на инфраструктуру.

Полагаем, необходима специализированная Конвенция, которая бы установила: (1) единый понятийный аппарат, т.е. четко разграничить понятия «цифровой кочевник», «цифровой трудящийся-мигрант», «дистанционный работник», (2) базовые принципы применимого права, (3) механизмы социального обеспечения и налогообложения.

Трудовое право должно адаптироваться, чтобы сохранить свою эффективность как инструмент защиты прав работников в цифровую эпоху.

Литература

1. Шатверян Н.Г., Пак К.М. Правовой статус дистанционного работника в условиях трансграничных трудовых отношений // Вестник юридических исследований. 2026. Том 5. № 3. С. 147–151.

2. Карнаухова Н.А. Online позиционирование цифровых кочевников / Н.А. Карнаухова, Е.В. Полянская // Цифровое кочевничество как глобальный и сибирский тренд: Сборник материалов III Международной трансдисциплинарной научно-практической WEB-конференции, Томск, 24–26 мая 2016 года. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2017. С. 140–144.

3. Олейник Е.Б. Цифровые кочевники: количественный и качественный анализ // Проблемы теории и практики управления. 2024. № 7–8. С. 89–102.

4. Ронин В.С., Перегудова А.П. Цифровые трудящиеся-мигранты как феномен современного международного права: проблемы определения и регламентации правового статуса // Вестник экономической безопасности. 2025. № 1. С. 141–146.

5. Басалаева С.П., Старикова М.К. Дистанционный трудовой договор за границей: правовые проблемы // Образование и право. 2024. № 6. С. 597–606.

LEGAL REGULATION OF THE LABOR OF DIGITAL NOMADS AND DIGITAL MIGRANT WORKERS: PROBLEMS AND PROSPECTS

Aksyonov I.S.
Moscow State Law University named after O.E. Kutafin

The Fourth Industrial Revolution and widespread digitalization have transformed the classical employment model, giving rise to new phenomena – digital nomadism and digital labor migration – which require legal consideration. This article examines the legal issues associated with the labor of workers performing their work functions remotely outside the employer's country. A distinction is made between the concepts of «digital nomad» and «digital migrant worker,» and their common features and fundamental differences are analyzed. Special attention is given to the legal risks for parties to employment relationships that frequently change countries of residence. The article argues that it is impossible to resolve these conflicts within national legislation and that a specialized international Convention on the Legal Status of Digital Migrant Workers is needed. This Convention would establish a unified conceptual framework, basic principles of applicable law, and mechanisms for coordinating social security and taxation.

Keywords: cross-border remote work, digital nomad, digital migrant worker, mobility, digitalization of labor, international labor law.

References

1. Shatveryan N.G., Pak K.M. Legal status of a remote worker in the context of cross-border labor relations // Bulletin of Legal Research. 2026. Vol. 5. № 3. P. 147–151.

2. Karnaukhova N.A. Online positioning of digital nomads / N.A. Karnaukhova, E.V. Polyanskaya // Digital nomadism as a global and Siberian trend: Proceedings of the III International Transdisciplinary Scientific and Practical Web-Conference, Tomsk, May 24–26, 2016. Tomsk: National Research Tomsk State University, 2017. P. 140–144.

3. Oleynik E.B. Digital nomads: quantitative and qualitative analysis // Problems of Management Theory and Practice. 2024. № 7–8. P. 89–102.

4. Ronin V.S., Peregudova A.P. Digital migrant workers as a phenomenon of modern international law: issues of definition and regulation of legal status // Bulletin of Economic Security. 2025. № 1. P. 141–146.

5. Basalaeva S.P., Starikova M.K. Remote employment contract abroad: legal issues // Education and Law. 2024. № 6. P. 597–606.

Трансформация института юридической ответственности за обеспечение транспортной безопасности в мультимодальной беспилотной логистике

Аликина Светлана Викторовна,
преподаватель кафедры информатики и математики, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации», майор полиции

Охотников Илья Викторович,
кандидат экономических наук, доцент, доцент Российского университета транспорта (МИИТ)

Спектор Асия Ахметовна,
доктор юридических наук, доцент, профессор Российского университета транспорта (МИИТ)

В работе рассматривается трансформация института юридической ответственности в сфере обеспечения транспортной безопасности при переходе к мультимодальной беспилотной логистике. Рассматриваются публично-правовые аспекты ответственности за нарушение требований транспортной безопасности в условиях интеграции беспилотных авиационных систем, автономных наземных транспортных средств и морских автономных судов в единую мультимодальную систему. Предмет исследования – трансформация субъектного состава и содержания юридической ответственности в связи с появлением новых участников правоотношений (операторы беспилотных систем, разработчики алгоритмов искусственного интеллекта, технические супервайзеры, сервис-провайдеры U-space). Методологическая основа исследования – формально-юридический анализ нормативных правовых актов Российской Федерации, Европейского Союза, Германии и Великобритании, а также сравнительно-правовой метод. Автором рассмотрены понятие и содержание транспортной безопасности в условиях цифровизации, субъекты обеспечения транспортной безопасности, особенности деликтной ответственности за вред, причиненный беспилотными средствами, и административной ответственности за нарушение правил эксплуатации беспилотных систем. Отдельно автор рассматривает трансформацию Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с введением экспериментальных правовых режимов и появлением новых составов правонарушений. Автором сделан вывод о необходимости создания комплексной системы юридической ответственности, включающей унификацию требований к безопасности мультимодальных беспилотных перевозок, введение новых субъектов ответственности и адаптацию административного и гражданского законодательства.

Ключевые слова: транспортная безопасность, беспилотная логистика, мультимодальные перевозки, юридическая ответственность, экспериментальный правовой режим, искусственный интеллект, деликтная ответственность, административная ответственность, U-space, цифровизация транспорта.

Введение

Мультимодальная беспилотная логистика, предполагающая интеграцию автономных воздушных, наземных и морских средств в единые цепочки доставки, требует создания эффективного правового дизайна, способного обеспечить безопасность, ответственность и защиту прав участников и третьих лиц, но сам процесс формирования такого регулирования осложняется не только технологической новизной объекта, но и экстраординарными обстоятельствами современной геополитической обстановки. Текущая реальность отражает эволюцию беспилотных систем в эффективное и широкодоступное оружие, которое используется в том числе для целенаправленных атак на гражданское население и объекты критической инфраструктуры. Эта реальность напрямую затрагивает проблематику мультимодальной логистики, поскольку делает критически важным защиту логистических цепочек от подобных угроз, включая кибератаки и несанкционированное использование воздушного пространства, а сами условия вооруженного конфликта и гибридной войны создают непреодолимые препятствия для имплементации правовых норм: 1) верификация событий; 2) сбор доказательств; 3) установление виновных; 4) привлечение их к ответственности становятся практически невыполнимыми задачами в условиях ограниченного доступа, высокой динамики боевых действий и целенаправленного противодействия расследованиям. Правовой дизайн мультимодальной беспилотной логистики должен быть разработан не в вакууме, а с учетом этих новых и крайне опасных реалий, где технологии опережают право, а сами правовые механизмы подвергаются прямой атаке, что требует переосмысления принципов ответственности, создания более гибких и устойчивых регуляторных режимов, а также интеграции механизмов контроля и надзора, которые могли бы функционировать даже в условиях высокой степени неопределенности и риска.

Обзор литературы

В современной зарубежной и отечественной научной юридической литературе проблематика правового обеспечения мультимодальной беспилотной логистики разрабатывается по нескольким ключевым направлениям. Зарубежные исследования фокусируются на прикладных аспектах интеграции беспилотных систем в логистические цепочки, например Х.Ю. Аргау предлагает унифицированную нормативно-операционную модель для интеграции морского и портового сегментов с доставкой дронами, акцентируя необходимость согласования регуляторных требований на стыке различных видов транспорта [1]. М.С. Ромеро-Мансилья с соавторами разрабатывает многокритериальную математическую модель для гуманитарной логистики, учитывающую мультимодальность перевозок, что имеет значение для правового моделирования чрезвычайных ситуаций [2]. Д. Виттенберг с соавторами исследуют информационные требования и правовые рамки координации мультимодальных транспортных систем, подчеркивая, что эффективность логистики напрямую зависит от гармонизации правовых режимов обмена данными [3]. К. Гобинат с соавторами анализирует влияние искусственного интеллекта на работу беспилотных авиационных систем, обращая внимание на вызовы для правового регулирования в части обработки данных реального времени [4]. В российской научной литературе Д.А. Воронин и М.Л. Макаревич рассматривают общие проблемы правового регулирования автономного транспорта, обусловленные технологическим развитием [5]. Д.Д. Мотасова исследует международно-правовые аспекты использования беспилотных летательных аппаратов, выделяя необходимость гармонизации национальных подходов [6]. М.А. Дроздова и О.В. Зарубкина анализируют актуальные вопросы международно-правового регулирования транспортно-логистической сферы в современных социально-экономических условиях [7]. Г.Ю. Лещов рассматривает формирование нормативно-правовой базы для создания инфраструктуры беспилотного транспорта, уделяя внимание необходимости комплексного подхода [8]. М.А. Дроздова в отдельной работе исследует международно-правовое регулирование применения беспилотных технологий на железнодорожном транспорте в рамках Евразийского экономического союза [9]. В.А. Хайруллин с соавторами обосновывает необходимость знание-ориентированного подхода при подготовке специалистов и учете социально-экономических фак-

торов, что особенно актуально для динамично развивающихся сфер, к числу которых относится мультимодальная беспилотная логистика [10]. С.Ю. Морозов анализирует новые изменения в транспортно-экспедиционном законодательстве, выявляя возникающие теоретические и практические проблемы, требующие законодательного разрешения [11]. Отсюда мы видим, что комплексные научные исследования, посвященные именно правовому дизайну мультимодальной беспилотной логистики, остаются ограниченными, что определяет актуальность и новизну настоящей работы.

Материалы и методы

Особое внимание уделено анализу Имплементирующего регламента Европейского Союза № 2019/947 от 24 мая 2019 года, устанавливающего правила и процедуры эксплуатации беспилотных авиационных систем. Данный регламент вводит три категории операций – «открытую», «специфическую» и «сертифицированную» – в зависимости от уровня риска, а также устанавливает требования к регистрации операторов, идентификации беспилотных воздушных судов и созданию географических зон U-space. В работе также проанализирован Закон об автономном вождении Федеративной Республики Германия от 2021 года, который впервые в европейском праве урегулировал допуск автономных транспортных средств уровня 4 по классификации SAE на дороги общего пользования. Важной новацией немецкого закона является введение фигуры «технического супервайзера», который дистанционно мониторит движение и при необходимости деактивирует транспортное средство. В рамках исследования изучен Акт об автоматизированных транспортных средствах Соединенного Королевства 2024 года, вводящий новую категорию «авторизованное самоуправляемое лицо» – организацию, ответственную за транспортное средство.

В российской правовой системе исследованы положения Воздушного кодекса Российской Федерации, Федерального закона от 9 февраля 2007 года № 16-ФЗ «О транспортной безопасности», а также постановления Правительства Российской Федерации об экспериментальных правовых режимах в сфере беспилотного транспорта, включая постановление от 31 марта 2026 года о расширении эксперимента с беспилотными грузовиками до 46 субъектов Российской Федерации.

Методологический аппарат включает формально-юридический анализ, направленный на установление содержания правовых норм и выявление коллизий и пробелов. Сравнительно-правовой метод позволяет сопоставить подходы различных правопорядков к регулированию ответственности в сфере беспилотной логистики.

Результаты исследования

Понятие транспортной безопасности, закрепленное в Федеральном законе от 9 февраля 2007 года № 16-ФЗ, ограничивается защитой от актов незаконного вмешательства, но внедрение беспилотных систем и алгоритмов искусственного интеллекта расширяет содержание этого понятия (табл. 1).

Таблица 1. Новые элементы транспортной безопасности в условиях мультимодальной беспилотной логистики

Элемент транспортной безопасности	Содержание	Нормативное основание (РФ/зарубежье)
Кибербезопасность систем управления	Защита от несанкционированного доступа к каналам управления и телеметрии	Проект ФЗ «О безопасном функционировании искусственного интеллекта» (2026)
Защита данных логистической цепочки	Обеспечение целостности и конфиденциальности данных о грузе, маршруте, состоянии ТС	Регламент ЕС 2019/947, ст. 14 (регистрация операторов БАС)
Предотвращение сбоев алгоритмов ИИ	Минимизация рисков ошибок систем машинного зрения и принятия решений	Закон Германии об автономном вождении 2021 г. (обязанности техсупервайзера)
Защита от «умных» угроз	Предотвращение целенаправленного воздействия на сенсоры и системы позиционирования	Акт Великобритании 2024, раздел 4 (кибербезопасность)

Источник: составлено автором.

Мы видим, что в зарубежных правопорядках новые элементы транспортной безопасности уже получают нормативное закрепление, тогда как в российском законодательстве они находятся на стадии проектов и экспериментальных правовых режимов. Наиболее продвинутым является регулирование в ЕС и Германии, где требования к кибербезопасности и защите данных интегрированы в общие правила эксплуатации беспилотных систем. Трансформация субъектного состава является ключевым аспектом изменения института ответственности (табл. 2).

Таблица 2. Трансформация субъектного состава в сфере обеспечения транспортной безопасности

Традиционные субъекты	Новые субъекты	Основания для выделения	Ответственность
Владелец транспортного средства	Оператор беспилотной системы (UAS operator)	Регламент ЕС 2019/947, ст. 2(2)	Обязанность регистрации, разработки процедур, страхования
Перевозчик	Технический супервайзер	Закон Германии об автономном вождении 2021 г.	Дистанционный мониторинг, деактивация, хранение данных
Водитель (экипаж)	Авторизованное самоуправляемое лицо	Акт Великобритании 2024 г.	Ответственность за режимы «user-in-charge» и «no-user-in-charge»
Отправитель груза	Сервис-провайдер U-space	Регламент ЕС 2019/947, раздел U-space	Обеспечение общих информационных сервисов и управления потоками
Органы госнадзора	Разработчик алгоритмов ИИ	Ответственность за ошибки ПО	Деликтная ответственность за дефекты продукции
Эксплуатирующая организация	Производитель систем распознавания (сенсоров, лидаров)	Ответственность за технические сбои	Ответственность за качество оборудования (англ. product liability)

Источник: разработано автором.

Традиционная линейная структура ответственности («владелец – водитель – перевозчик») трансформируется в многосубъектную модель, но наибольший интерес для нас представляет появление «технического супервайзера» в Германии и «авторизованного самоуправляемого лица» в Великобритании, что свидетельствует о двух подходах к распределению ответственности: 1) операторско-надзорном (Германия); 2) организационно-лицензионном (Великобритания). В таблице 3 представим сравнительный анализ моделей деликтной ответственности за вред, причиненный беспилотными средствами.

Таблица 3. Сравнительный анализ моделей деликтной ответственности в мультимодальной беспилотной логистике

Параметр	Российская модель	Германская модель	Британская модель	Модель ЕС
Основной субъект	Владелец ИПО (ст. 1079 ГК РФ)	Владелец + Технический супервайзер	Авторизованное самоуправляемое лицо	Оператор UAS
Принцип ответственности	Вина владельца	Вина владельца + ответственность за действия супервайзера	Распределенная ответственность	Операционная ответственность
Лимиты страхования	По ОСАГО (до 2 млн руб.)	До 10 млн евро (жизнь/здоровье), до 2 млн евро (имущество)	Не установлены (в стадии обсуждения)	Зависят от категории операции
Хранение данных для установления вины	Отсутствует	Обязательное хранение данных о событиях и вмешательствах	Предусмотрено для режимов «no-user-in-charge»	Требования к регистрации и идентификации [8]
Субъект ответственности за ошибки ИИ	Не определен	Производитель (по деликту и за дефект продукции)	Производитель или разработчик (в зависимости от режима)	Оператор или разработчик (в зависимости от сертификации)

Источник: разработано автором.

Российская модель существенно отстает от зарубежных аналогов по всем ключевым параметрам – отсутствие фигуры технического супервайзера, низкие лимиты страхования и пробел в вопросе ответ-

ственности за ошибки ИИ создают правовую неопределенность. Наиболее сбалансированной представляется германская модель, которая сочетает традиционную ответственность владельца с новыми механизмами контроля (супервайзер, хранение данных). На основе проведенного анализа выделены четыре основные правовые проблемы (табл. 4).

Таблица 4. Пробелы и коллизии юридической ответственности обеспечения транспортной безопасности в мультимодальной беспилотной логистике

Правовая проблема	Сущность проблемы	Проявление в законодательстве	Возможное решение
Неопределенность субъекта ответственности при мультимодальной перевозке	Отсутствие единого субъекта на стыке разных видов транспорта	Отсутствие специальных норм в ГК РФ, Воздушном кодексе, УАТ	Введение фигуры «мультимодального оператора беспилотной системы»
Отсутствие фигуры технического супервайзера	Нет субъекта, ответственного за дистанционный мониторинг	Отсутствие в КоАП РФ, Воздушном кодексе, Законе о транспортной безопасности	Законодательное закрепление статуса и ответственности техсупервайзера
Недостаточная защита и использование данных как доказательств	Данные не имеют юридической силы, отсутствуют механизмы хранения	Отсутствие норм о «цифровом двойнике» перевозки	Внедрение обязательного хранения телеметрии и событий (по аналогии с Германией)
Отсутствие специальных составов административных правонарушений	Общие составы КоАП РФ не учитывают специфику цифровых угроз	Ст. 11.3, 11.5.2, 11.5.3 КоАП РФ не охватывают многие деяния с БАС	Введение новых составов: несанкционированный доступ, нарушение правил эксплуатации в зонах U-space

Источник: разработано автором.

Мы выяснили, что наиболее остро стоит проблема доказательственного статуса данных так как без законодательного закрепления юридической силы электронных записей телеметрии и событий установление виновных в судебном порядке будет затруднено. Введение новых составов в КоАП РФ и фигуры технического супервайзера является приоритетным направлением, которое уже реализовано в зарубежных правопорядках (Германия, Великобритания, ЕС) и может быть адаптировано к российской правовой системе.

Обсуждение результатов

Существующая модель правовой ответственности, основанная на принципе вины человека-владельца источника повышенной опасности, не учитывает появление алгоритмов искусственного интеллекта как субъектов, принимающих решения поэтому требуется пересмотр оснований ответственности через переход от вины к распределению рисков между участниками на основе критериев контроля и возможности предотвращения вреда. При этом принцип ответственности независимо от вины для владельцев беспилотных средств может быть сохранен, но механизм регрессных требований к производителям, разработчикам ПО и операторам систем управления должен быть детализирован. Система субъектов обеспечения транспортной безопасности должна быть расширена за счет включения технического супервайзера (как в Германии), сервис-провайдера U-space (как в ЕС) и авторизованного самоуправляемого лица (как в Великобритании). Зарубежные правопорядки демонстрируют разнообразие подходов: Германия делает ставку на фигуру технического супервайзера, Великобритания – на авторизованное самоуправляемое лицо, ЕС – на сертификацию операторов и создание общей инфраструктуры U-space. Для российской правовой системы оптимальной может быть модель Германии, как наиболее близкая по структуре ответственности владельца источника повышенной опасности, с адаптацией к российским реалиям.

Административное законодательство требует специальных составов правонарушений, учитывающих специфику беспилотных систем: несанкционированный доступ к системам управления, нарушение правил эксплуатации за пределами разрешенных зон, нарушение требований кибербезопасности, а также нарушение правил межвидового взаимодействия (стыковка беспилотных средств разных видов, передача управления между операторами). Цифровизация транспортной деятельности создает новые вызовы для судебной практики. Данные, формируемые в процессе автономного движения (телеметрия, сенсорная информация, записи о вмешательствах супервайзера), должны получить статус юридически значимых доказательств. Требуется разработка механизмов электронного документооборота и хранения данных, позволяющих фиксировать все этапы перевозки для последующего установления причин инцидента и виновных лиц.

Экспериментальные правовые режимы в Российской Федерации создают площадку для тестирования новых моделей ответственности, но отсутствие системного регулирования сохраняет правовую неопределенность для бизнеса и создает риски для защиты прав граждан. Переход от «режима исключений» к постоянному регулированию – насущная задача, требующая разработки комплексного нормативного акта.

Заключение

В Российской Федерации основным инструментом остаются экспериментальные правовые режимы, но их расширение до 46 субъектов Российской Федерации создает прецедентную практику для дальнейшего совершенствования законодательства в области мультимодальной беспилотной логистики. Ключевыми направлениями трансформации института ответственности являются в рамках транспортной безопасности выступает именно унификация требований к безопасности мультимодальных беспилотных перевозок, введение новых субъектов ответственности (оператор U-space, технический супервайзер), а также адаптация Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях к новым вызовам, создание механизмов использования данных в качестве доказательств в судебных процессах, а также гармонизация российского и международного права в условиях развития трансграничных мультимодальных перевозок.

Литература

1. Argaw H.Y. Toward Seamless Ship-to-Drone Logistics: A Unified Regulatory and Operational Framework for Maritime-Port Integration //Journal of Maritime Research. – 2026. – С. 127–131. – URL: https://www.jmr.unican.es/jmr/article/download/1635/1227

2. Romero-Mancilla M.S., Hernandez-Ruiz K.E., Huerta-Muñoz D.L. A multiobjective mathematical model for a humanitarian logistics multimodal transportation problem //Journal of Humanitarian Logistics and Supply Chain Management. – 2024. – Т. 14. – № . 3. – С. 247–261. – DOI: https://doi.org/10.1108/JHLSCM-01-2023-0004

3. Wittenberg D. et al. Information requirements and legal framework for multimodal transport system coordination //Logistics. – 2024. – Т. 8. – № . 4. – С. 123. – DOI: https://doi.org/10.3390/logistics8040123

4. Gobinath C. et al. Impact and Assessment of Artificial Intelligence Enabled UAV for Real Time Data Streaming Application //Drones for Transportation Logistics and Disaster Management. – 2025. – С. 115–144. – DOI: https://doi.org/10.1002/9781394386451.ch6

5. Воронин, Д.А. Проблемы правового регулирования автономного транспорта / Д.А. Воронин, М.Л. Макаревич // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. – 2018. – Т. 1, № 7(33). – С. 123–128. – EDN YPNDCP.

6. Мотасова, Д.Д. Международно-правовое регулирование использования беспилотных летательных аппаратов / Д.Д. Мотасова // Транспортное право и безопасность. – 2019. – № 1(29). – С. 116–128. – EDN TJFMCF.

7. Дроздова, М.А. Актуальные вопросы развития международно-правового регулирования транспортно-логистической сферы в современных социально-экономических условиях / М.А. Дроздова, О.В. Зарубкина // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2022. – Т. 2, № 4(103). – С. 160–168. – DOI 10.51965/2076–7919_2022_2_4_160. – EDN WGEOGF.

8. Лещов, Г.Ю. Современные аспекты формирования нормативно-правовой базы для создания инфраструктуры беспилотного транспорта / Г.Ю. Лещов // Вестник евразийской науки. – 2022. – Т. 14, № 1. – EDN MUGGWJ.

9. Дроздова, М.А. Актуальные вопросы международно-правового регулирования применения беспилотных технологий на железнодорожном транспорте в рамках ЕАЭС / М.А. Дроздова // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2023. – Т. 17, № 2(44). – С. 102–110. – DOI 10.22394/2073–2929–2023–02–102–110. – EDN IESKHE.

10. Хайруллин, В.А. Экономика и социология современного образования / В.А. Хайруллин, И.С. Бакланов, Э.Н. Ямалова // Дискуссия. – 2025. – № 1(134). – С. 6–32. – DOI 10.46320/2077–7639–2025–1–134–6–32. – EDN WQIGQC.

11. Морозов С.Ю. Новые изменения в транспортно-экспедиционном законодательстве и новые проблемы теории и практики // Правовое государство: теория и практика. – 2026. – № . 2 (84). – С. 104–110. – DOI: m33184/pravgos-2026.2.12

THE TRANSFORMATION OF THE INSTITUTION OF LEGAL LIABILITY FOR ENSURING TRANSPORT SECURITY IN MULTIMODAL UNMANNED LOGISTICS

Alikina S.V., Okhotnikov I.V., Spector A.A.
Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Russian University of Transport (MIIT)

The paper examines the transformation of the institution of legal liability in the field of ensuring transport security during the transition to multimodal unmanned logistics. The paper considers the public law aspects of liability for violating transport security requirements in the context of integrating unmanned aviation systems, autonomous ground vehicles, and autonomous maritime vessels into a single multimodal system. The subject of the study is the transformation of the subject composition and content of legal liability due to the emergence of new participants in legal relations (operators of unmanned systems, developers of artificial intelligence algorithms, technical supervisors, service providers of U-space). The methodological basis of the study is a formal legal analysis of the regulatory legal acts of the Russian Federation, the European Union, Germany, and the United Kingdom, as well as the comparative legal method. The author examines the concept and content of transport security in the context of digitalization, the subjects responsible for ensuring transport security, the specifics of tort liability for damage caused by unmanned vehicles, and administrative liability for violating the rules for operating unmanned systems. Separately, the author examines the transformation of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation in connection with the introduction of experimental legal regimes and the emergence of new offenses. The author concludes that it is necessary to create a comprehensive system of legal liability, which would include the unification of safety requirements for multimodal unmanned transportation, the introduction of new subjects of liability, and the adaptation of administrative and civil legislation.

Keywords: transport security, unmanned logistics, multimodal transportation, legal liability, experimental legal regime, artificial intelligence, tort liability, administrative liability, U-space, digitalization of transport.

References

1. Argaw H.Y. Toward Seamless Ship-to-Drone Logistics: A Unified Regulatory and Operational Framework for Maritime-Port Integration // Journal of Maritime Research. – 2026. – Pp. 127–131. – URL: https://www.jmr.unican.es/jmr/article/download/1635/1227

2. Romero-Mancilla M.S., Hernandez-Ruiz K.E., Huerta-Muñoz D.L. A multiobjective mathematical model for a humanitarian logistics multimodal transportation problem // Journal of Humanitarian Logistics and Supply Chain Management. – 2024. – Vol. 14. – № 3. – Pp. 247–261. – DOI: https://doi.org/10.1108/JHLSCM-01-2023-0004

3. Wittenberg D. et al. Information requirements and legal framework for multimodal transport system coordination // Logistics. – 2024. – Vol. 8. – № 4. – P. 123. – DOI: https://doi.org/10.3390/logistics8040123

4. Gobinath C. et al. Impact and Assessment of Artificial Intelligence-Enabled UAV for Real-Time Data Streaming Application // Drones for Transportation Logistics and Disaster Management. – 2025. – Pp. 115–144. – DOI: https://doi.org/10.1002/9781394386451.ch6

5. Voronin, D.A. Problems of Legal Regulation of Autonomous Transport / D.A. Voronin, M.L. Makarevich // Innovative Economy: Prospects for Development and Improvement. – 2018. – Vol. 1, № 7(33). – Pp. 123–128. – EDN YPNDCP.

6. Motasova, D.D. International Legal Regulation of the Use of Unmanned Aerial Vehicles / D.D. Motasova // Transport Law and Security. – 2019. – № 1(29). – Pp. 116–128. – EDN TJFMCF.

7. Drozdova, M.A. Current issues in the development of international legal regulation of the transport and logistics sector in modern socio-economic conditions / M.A. Drozdova, O.V. Zarubkina // Vestnik of the Volzhsky University named after V.N. Tatishchev. – 2022. – Vol. 2, № 4(103). – Pp. 160–168. – DOI 10.51965/2076–7919_2022_2_4_160. – EDN WGEOGF.

8. Leshchov, G. Yu. Modern aspects of forming the regulatory and legal framework for creating the infrastructure of unmanned transport / G. Yu. Leshchov // Bulletin of Eurasian Science. – 2022. – Vol. 14, № 1. – EDN MUGGWJ.

9. Drozdova, M.A. Current issues of international legal regulation of the use of unmanned technologies in railway transport within the framework of the EAEU / M.A. Drozdova // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. – 2023. – Vol. 17, № 2(44). – Pp. 102–110. – DOI 10.22394/2073–2929–2023–02–102–110. – EDN IESKHE.

10. Khairullin, V.A. Economics and Sociology of Modern Education / V.A. Khairullin, I.S. Baklanov, E.N. Yamalova // Discussion. – 2025. – № 1(134). – Pp. 6–32. – DOI 10.46320/2077–7639–2025–1–134–6–32. – EDN WQIGQC.

11. Morozov S. Yu. New changes in transport and forwarding legislation and new problems of theory and practice //The Rule of Law: Theory and Practice. – 2026. – № 2 (84). – Pp. 104–110. – DOI: m33184/pravgos-2026.2.12

Проблемы конкретизации предмета негаторного иска собственников помещений МКД при нарушениях со стороны обладателя сервитута

Бестужев Александр Кириллович,
магистр юриспруденции, РАНХиГС при Президенте РФ,
частнопрактикующий юрист
E-mail: a.bestoujev.@gmail.com

В статье исследуются актуальные материально-правовые и процессуальные проблемы индивидуализации нарушений и формулирования предмета негаторного иска (ст. 304 ГК РФ) собственниками помещений в многоквартирных домах при превышении пределов сервитутных полномочий третьими лицами. На основе анализа положений жилищного и гражданского законодательства, а также актуальной судебной практики арбитражных судов и судов общей юрисдикции выявлены системные сложности защиты вещных прав на общее неделимое имущество, обусловленные идеальным характером долей и отсутствием выдела земельного участка в натуре. Обобщены типичные ошибки истцов, включая чрезмерную абстрактность и декларативность требований, отождествление законной деятельности сервитуария с правонарушением и отсутствие геодезической фиксации выхода за границы сервитута. Обоснована ключевая роль судебной землеустроительной экспертизы и процессуального института судебной неустойки (астрента) для обеспечения реальной исполнимости судебных актов.

Ключевые слова: негаторный иск, сервитут, придомовая территория, многоквартирный дом, общее имущество, долевая собственность, превышение пределов сервитута, землеустроительная экспертиза, исполнимость решения, астрент.

Введение

Правовой режим придомовой территории многоквартирного дома (далее – МКД) характеризуется высокой степенью нормативной и практической сложности. Выступая объектом общей долевой собственности всех владельцев помещений в здании (ст. 36 Жилищного кодекса Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ [СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. I). Ст. 14], ст. 287.5, 290 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ [СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301], далее – ГК РФ), земельный участок МКД регулярно становится пространством для реализации инфраструктурных интересов сторонних субъектов – через установление частных либо публичных сервитутов (прокладка линейных объектов, размещение инженерных коммуникаций, организация проезда к соседним строительным площадкам или торговым объектам) [1, с. 45; 3, с. 172].

Однако в процессе осуществления сервитутных прав нередки ситуации, когда держатель сервитута выходит за рамки согласованных или нормативно установленных ограничений: использует тяжелую строительную технику за пределами полосы отвода, складирует материалы на придомовой территории, повреждает элементы благоустройства или препятствует парковке жителей.

Попытки жильцов защитить свои имущественные права посредством негаторного иска (ст. 304 ГК РФ) сталкиваются с серьезными практическими препятствиями. Из-за природы права общей долевой собственности, отсутствия индивидуализированного выдела земельной доли в натуре и слабой геодезической осведомленности граждане испытывают существенные трудности с точным формулированием того, какое именно субъективное правомочие нарушено и в каких конкретно пространственных границах держатель сервитута вышел за пределы своего титула. В результате исковые требования формулируются излишне абстрактно, что влечет отказы в удовлетворении исков либо порождает заведомо неисполнимые судебные акты.

Целью настоящей статьи является исследование материально-правовых и процессуальных проблем индивидуализации нарушений и формулирования предмета негаторного иска собственниками помещений МКД при неправомерных действиях сервитуария, а также выработка практических рекомендаций по сбору доказательственной базы и структурированию исковых требований.

Специфика общего имущества МКД как барьер для индивидуальной негаторной защиты

Конструкция права общей долевой собственности на придомовую территорию предопределяет ключевую специфику предмета доказывания по ст. 304 ГК РФ. В силу положений гражданского законодательства собственник или иной законный владелец вправе требовать устранения любых нарушений его вещного права, даже если эти нарушения не были соединены с лишением владения (ст. 304, 305 ГК РФ) [2, с. 141; 4, с. 219]. При этом защита нарушенного права осуществляется независимо от того, совершаются ли действия на самом спорном участке или на смежной территории.

Вместе с тем применительно к земельному участку МКД возникают следующие системные коллизии.

1. Отсутствие выдела доли в натуре и диффузность владения. Доля собственника квартиры в праве на придомовую территорию является идеальной и неотделимой от права на жилое помещение. Когда сервитуарий занимает часть газона или внутридворового проезда под строительные нужды, нарушается режим пользования общим неделимым объектом. Жильцы зачастую ошибочно полагают, что для обращения в суд необходимо доказать ущемление доступа непосредственно к их квартире или персональному машино-месту, тогда как объектом защиты выступает право беспрепятственного пользования всем общим имуществом пропорционально доле в праве.

2. Процессуальная легитимация отдельного собственника. В судебной практике длительное время существовала неопределенность: вправе ли один собственник помещения заявлять негаторный иск без предварительного одобрения общим собранием собственников (ОСС)? В настоящее время практика исходит из того, что каждый сособственник обладает самостоятельным титулом и законным инте-

ресом на защиту общего имущества, поскольку для удовлетворения иска по ст. 304 ГК РФ истцу достаточно подтвердить наличие права собственности на помещение в МКД. Тем не менее отсутствие консолидированной позиции через ТСЖ или управляющую организацию существенно ослабляет доказательственную базу иска.

3. Бремя доказывания противоправности и распределение обязанностей сторон. Классический стандарт доказывания по ст. 304 ГК РФ возлагает на истца обязанность доказать факт совершения ответчиком действий, создающих реальные препятствия в пользовании общим имуществом, либо наличие реальной угрозы таких нарушений (в соответствии с п. 45 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010). Ответчик же обязан доказать правомерность своего поведения и соответствие осуществляемой деятельности параметрам сервитута. Однако на практике сервитуарий формально прикрывается актом об установлении сервитута, перекладывая всю сложность доказывания конкретных фактов пространственного или функционального превышения полномочий на жильцов.

Типичные ошибки жильцов при описании нарушений со стороны держателя сервитута

Анализ судебно-арбитражной практики по спорам, связанным с применением положений ст. 304 ГК РФ в отношении общего имущества МКД, позволяет выявить устойчивый комплекс ошибок, допускаемых собственниками помещений при формировании и обосновании предмета негаторного иска против обладателя сервитута [5, с. 92].

1. Недопустимая абстрактность и декларативность исковых требований. Наиболее распространенным дефектом исковых заявлений выступает формулирование требований общего, абстрактного характера. Жильцы МКД нередко требуют «запретить ответчику производить любые работы на придомовой территории», «обязать прекратить движение строительной техники» или «устранить любые помехи в пользовании участком». Суды последовательно исходят из того, что судебный акт по негаторному иску должен отвечать принципам правовой определенности и исполнимости (ст. 13 ГПК РФ, ст. 16 АПК РФ). Требование собственника по ст. 304 ГК РФ должно содержать указание на конкретные материально-физические действия, подлежащие совершению или прекращению ответчиком. Отсутствие указания на точные пространственные границы нарушения, периоды времени или конкретные виды запрещаемой деятельности лишает судебное решение свойства исполнимости, что влечет закономерный отказ в иске.

2. Отождествление законной деятельности сервитуария с противоправным нарушением. Значительная часть исков собственников МКД обусловлена субъективным бытовым дискомфортом, вызванным самим фактом присутствия сторонней организации или техники на земельном участке дома. Однако если публичный или частный сервитут установлен в соответствии с законом (для прокладки линейного объекта, линий электропередачи, газопроводов или тепловых сетей), само по себе ведение предусмотренных проектом работ является правомерным. В судебной практике сформирована однозначная позиция: иск по ст. 304 ГК РФ не может служить средством преодоления законно установленного сервитута. Требования собственников о демонтаже опор ЛЭП, вскрытии проложенных сетей или запрете их обслуживания подлежат отклонению, если ответчик действует строго в рамках предоставленного ему вещного титула, а истцы не доказали факт выхода за границы сервитута либо нарушения градостроительных регламентов.

3. Отсутствие геодезической и инструментальной фиксации факта выхода за границы сервитута. В случаях, когда обладатель сервитута действительно выходит за рамки отведенной зоны (например, складирует строительный мусор, размещает бытовки, технику или металлические конструкции на элементах благоустройства за пределами полосы отвода), жильцы часто ограничиваются свидетельскими показаниями или бытовой фотофиксацией. В силу п. 45 Постановления Пленума ВС РФ/ВАС РФ № 10/22 бремя доказывания факта противоправных действий и создания реальных препятствий возложено на истца. Непредставление собственниками заключений кадастровых инженеров, актов обследования с привязкой к координатам сервитутной зоны и документальных подтверждений повреждения общего имущества приводит к выводу суда о недоказанности реального нарушения прав сособственников неделимого участка.

4. Игнорирование механизмов понуждения к исполнению (астрента). Формулируя негаторные требования по ст. 304 ГК РФ, истцы зачастую упускают процессуальную возможность применения судебной неустойки (п. 1 ст. 308.3 ГК РФ, п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7). Даже в случае удовлетворения абстрактного требования об устранении препятствий отсутствие установленного судом астрента за каждый день неисполнения решения сводит на нет стимулирующий эффект судебной защиты, позволяя сервитуарию затягивать освобождение неправомерно занятых частей придомовой территории.

Проблема исполнимости судебного акта и особенности доказывания по ст. 304 ГК РФ

Специфика споров об устранении препятствий в пользовании общим имуществом МКД со стороны обладателя сервитута заключается в том, что положительное для собственников решение суда само по себе не гарантирует фактического восстановления нарушенного права, если в процессе судебного разбирательства не сформирована надлежащая доказательственная база и не обеспечена исполнимость резолютивной части судебного акта.

1. Доказательственное значение судебной землеустроительной и строительно-технической экспертизы. Поскольку иск по ст. 304 ГК РФ направлен на устранение конкретных материальных препятствий, ключевым средством доказывания в данной категории дел выступает заключение эксперта. В предмет экспертного исследования при спорах с сервитуарием входят вопросы установления точных пространственно-географических границ фактически занимаемого ответчиком участка и их сопоставление с границами утвержденного сервитута; выявления фактов повреждения элементов благоустройства, дорожного покрытия, зеленых насаждений или отмостки МКД; определения технической возможности эксплуатации сервитута в строгом соответствии с правоустанавливающими документами. Практика показывает, что уклонение от проведения экспертизы либо ограничение доказательств бытовой фотофиксацией влечет отказ в иске ввиду недоказанности реальных препятствий (см. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 13.05.2024 № 305-ЭС23–29621 по делу № А41–83261/2022).

2. Критерии исполнимости резолютивной части негаторного иска. Решение суда по негаторному иску должно обладать признаком безусловной определенности (ст. 198 ГПК РФ, ст. 170 АПК РФ). Применительно к нарушениям, допускаемым сервитуарием на придомовой территории, в резолютивной части должны быть четко зафиксированы: исчерпывающий перечень конкретных физических действий (демонтировать ограждение, освободить проезд от конструкций, восстановить покрытие); точные пространственные координаты (геодезические точки) зоны, подлежащей освобождению; разумный и конкретно определенный срок исполнения (см. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 06.05.2026 № 88–15690/2026). Формулировки судебных актов, содержащие общие запреты, на стадии исполнительного производства признаются неконкретными, что делает принудительное исполнение невозможным.

3. Процессуальные механизмы обеспечения исполнения: судебная неустойка (астрент). Эффективным инструментом обеспечения исполнимости негаторного иска в спорах с сервитуариями является институт судебной неустойки на случай неисполнения судебного акта в натуре (п. 1 ст. 308.3 ГК РФ; Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 27.05.2026 № 88а-11060/2026). Учитывая, что обладатели публичных и инфраструктурных сервитутов нередко заинтересованы в затягивании освобождения участка до завершения строительно-монтажных работ, установление судом денежной суммы (астрента) за каждый день просрочки создает действенный экономический стимул для своевременного возврата сервитуария в законные пространственные границы.

Заключение

Проведенный анализ материально-правовых и процессуальных аспектов защиты прав собственников помещений в МКД от неправомерных действий обладателя сервитута позволяет сформулировать следующие концептуальные выводы и практические рекомендации.

1. Преодоление проблемы диффузности общего имущества: природа общей долевой собственности на земельный участок МКД не должна выступать препятствием для эффективной защиты вещных прав. Нарушение режима пользования неделимой придомовой территорией (газонами, проездами, парковками) за пределами сервитутной зоны нарушает субъективное право каждого сособственника МКД на беспрепятственное использование общего имущества пропорционально его доле. Для успешного отстаивания прав в суде жильцам необходимо сместить фокус с субъективного недовольства («дискомфорт от стройки») на доказывание объективного факта неправомерного пространственного или функционального выхода сервитуария за рамки установленного сервитута.

2. Стандарт конкретизации негаторных требований: судебная практика категорически отвергает абстрактные формулировки исков по ст. 304 ГК РФ. Предмет негаторного иска собственников МКД про-

тив сервитуария должен содержать закрытый перечень материально-физических действий с обязательной привязкой к геодезическим координатам кадастровых границ земельного участка и сервитутной зоны. Единственным надлежащим доказательственным базисом в таких делах выступает инструментальная фиксация – заключение судебной землеустроительной или комплексной строительно-технической экспертизы.

3. Обеспечение реальной исполнимости судебного акта: для исключения декларативности выносимых решений собственникам МКД целесообразно на стадии предъявления иска заявлять требования о присуждении судебной неустойки (астрента по ст. 308.3 ГК РФ) за каждый день просрочки исполнения обязанности в натуре. Это нивелирует экономическую мотивацию недобросовестного сервитуария затягивать освобождение неправомерно захваченной территории дома.

4. Совершенствование правоприменительной практики: в целях обеспечения единообразия судебной практики высшим судебным инстанциям целесообразно выработать разъяснения, закрепляющие четкий алгоритм проверки встречных возражений сервитуария, а также обязывающие суды при вынесении решений по ст. 304 ГК РФ указывать конкретные пространственные координаты освобождаемых участков общего имущества МКД.

Литература

1. Анисимов, А.П. Ограничение права частной собственности путем установления публичных земельных сервитутов: поиск баланса интересов / А.П. Анисимов, Е.С. Болтанова // Журнал российского права. – 2020. – № 4. – С. 141–152. – DOI: 10.12737/jrl.2020.048.
2. Болтанова, Е.С. Публичный сервитут в целях строительства сооружений: вопросы конституционных прав граждан и обеспечения баланса интересов / Е.С. Болтанова // Закон. – 2019. – № 2. – С. 45–55.
3. Волков, Г.А. Земельные сервитуты: развитие и проблемы гарантий прав / Г.А. Волков // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 161, кн. 1. – С. 219–236. – DOI: 10.26907/2541-7738.2019.1.219-236.
4. Завьялов, А. А. «Публичные» сервитуты / А.А. Завьялов // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2019. – № 9 (216). – С. 92–99.
5. Краснова, Т.С. Установление сервитута для размещения линейного объекта федерального или регионального значения / Т.С. Краснова // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2023. – Т. 16, № 1. – С. 172–200. – DOI: 10.17323/2072-8166.2023.1.172.200.

PROBLEMS OF SPECIFYING THE SUBJECT MATTER OF NEGATORY ACTION OF APARTMENT BUILDING PREMISES OWNERS IN CASE OF VIOLATIONS BY THE SERVITUDE HOLDER

Bestuzhev A.K.
RANEPA under the President of the Russian Federation

The article examines pressing substantive and procedural problems of individualizing infringements and formulating the subject matter of a negatory action (Article 304 of the Civil Code of the Russian Federation) by premises owners in apartment buildings when third parties exceed the scope of servitude rights. Based on an analysis of housing and civil legislation alongside current judicial practice of commercial (arbitration) courts and courts of general jurisdiction, the author identifies systemic difficulties in protecting property rights to common indivisible property arising from the ideal nature of shares and the absence of physical allotment of land plots. Typical mistakes made by plaintiffs are summarized, including excessive abstractness of claims, conflating lawful servitude activities with unlawful infringements, and the lack of geodetic instrument fixation of boundary overruns. The crucial role of forensic land surveying and the procedural mechanism of astreinte (judicial penalty) for ensuring the actual enforceability of court rulings is substantiated.

Keywords: negatory action, servitude, adjacent land plot, apartment building, common property, shared ownership, exceeding servitude limits, land surveying examination, enforceability of judgment, astreinte.

References

1. Anisimov, A.P. and Boltanova, E.S. (2020) 'Limitation of Private Property Rights by Establishing Public Land Easements: Finding a Balance of Interests', Journal of Russian Law, (4), pp. 141–152 (in Russ.). DOI: 10.12737/jrl.2020.048.
2. Boltanova, E.S. (2019) 'Public Easement for the Construction of Structures: Issues of Constitutional Rights of Citizens and Ensuring a Balance of Interests', Zakon, (2), pp. 45–55 (in Russ.).
3. Krasnova, T.S. (2023) 'Establishing Servitude in Order to Place Infrastructure Facility of Federal or Regional Significance', Law. Journal of the Higher School of Economics, 16(1), pp. 172–200 (in Russ.). DOI: 10.17323/2072-8166.2023.1.172.200.
4. Volkov, G.A. (2019) 'Land Easements: Development and Rights Guarantee Issues', Proceedings of Kazan University. Humanities Series, 161(1), pp. 219–236 (in Russ.). DOI: 10.26907/2541-7738.2019.1.219-236.
5. Zavyalov, A.A. (2019) '«Public» easements', Property relations in the Russian Federation, (9), pp. 92–99 (in Russ.).

Обращение взыскания на цифровые активы: проблемы правового регулирования и пути их решения

Груздев Илья Максимович,
соискатель кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
E-mail: kkafedra983@gmail.com

Статья посвящена анализу проблем обращения взыскания на цифровые активы (цифровую валюту, цифровые финансовые активы) в рамках исполнительного производства и процедур банкротства граждан. Автор показывает, что формально-юридическое признание цифровой валюты имуществом (ч. 4 ст. 68 Федерального закона «Об исполнительном производстве») не сопровождалось выработкой специального механизма ареста, оценки и реализации таких активов, что создает существенный разрыв между материальным правом и процессуальными возможностями его принудительной реализации. На основе анализа российского законодательства, судебной практики и зарубежного опыта (Property (Digital Assets etc) Act 2025 в Великобритании, GENIUS Act 2025 в США) предложены три возможных способа ареста цифровых активов и обоснован наиболее реалистичный из них – арест обязательственных прав должника по отношению к оператору централизованной криптобиржи с последующей принудительной реализацией и перечислением вырученных средств в депозит службы судебных приставов. Сделан вывод о необходимости точечных изменений законодательства об исполнительном производстве, а не полного пересмотра его основ.

Ключевые слова: цифровые активы, цифровая валюта, криптовалюта, обращение взыскания, исполнительное производство, банкротство граждан, конкурсная масса, цифровые финансовые активы, арест имущества.

Введение

Развитие цифровой экономики и появление новых объектов гражданских прав – цифровых активов (криптовалют, токенов, цифровой валюты) – создало новые вызовы для института обращения взыскания. С принятием Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» цифровая валюта приобрела легальный статус, что создало предпосылки для обсуждения вопроса об обращении взыскания на нее в рамках исполнительного производства. Однако специфический механизм такого взыскания в Федеральном законе «Об исполнительном производстве» закреплен не был: законодательство ограничивается лишь указанием на то, что для целей исполнительного производства цифровая валюта признается имуществом (ч. 4 ст. 68 Закона) [1; 2].

Актуальность темы обусловлена также значительным объемом цифровых активов, находящихся в собственности российских граждан, и растущим числом дел о банкротстве, в которых возникает вопрос о судьбе принадлежащей должнику криптовалюты [3; 4]. Отсутствие работающего процессуального механизма выявления, ареста и реализации таких активов создает риск того, что цифровая среда превратится в пространство для сокрытия имущества недобросовестными должниками.

Материалы и методы

Методологическую основу составили формально-юридический, сравнительно-правовой методы и метод правового моделирования. Эмпирическую базу исследования составили Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте…», Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», а также зарубежные акты – Property (Digital Assets etc) Act 2025 (Великобритания) и GENIUS Act 2025 (США).

Обзор литературы

Вопрос о правовой природе цифровых активов и допустимости обращения на них взыскания в процедурах банкротства активно разрабатывается в современной российской доктрине. Т.П. Шишмарева и Е.Е. Енькова обосновывают имущественную природу цифровых прав и необходимость их включения в конкурсную массу должника независимо от полноты законодательного регулирования отдельных видов цифровых прав [1]. Д.А. Гаврин анализирует особенности обращения взыскания на цифровые финансовые активы и валюту в делах о несостоятельности, обращая внимание на лакуны законодательного регулирования [2]. Н.В. Алексеев указывает на трудности, связанные с отсутствием единого оператора, аккумулирующего сведения о принадлежащих должнику цифровых активах, что существенно затрудняет их выявление и включение в конкурсную массу [3]. Д.О. Османова рассматривает вопросы идентификации, оценки и реализации цифровых активов в конкурсной массе должника [4]. Более ранние работы А.В. Сятчихина [6] и А.В. Саженова [7] заложили основу для дискуссии о вещно-правовой квалификации криптовалюты в российском гражданском праве, а Е.А. Русскевич и И.И. Малыгин анализируют смежные вопросы уголовно-правовой квалификации операций с криптовалютой [8], что имеет значение для разграничения законного и незаконного оборота цифровых активов в исполнительном производстве.

Вместе с тем комплексного анализа именно процессуального механизма ареста, оценки и реализации цифровых активов в исполнительном производстве (в отличие от вопроса об их включении в конкурсную массу как таковую) в доктрине проведено не было, что и определяет задачу настоящей статьи.

Результаты

Правовой статус цифровых активов. Статья 1 Закона № 259-ФЗ определяет цифровую валюту как совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве

средства платежа и (или) инвестиций, что по своей природе принципиально отличает такой объект от традиционных объектов гражданских прав, классифицируемых по критерию оборотоспособности (ст. 129 ГК РФ) [10]. Федеральным законом № 259-ФЗ в ст. 68 Закона об исполнительном производстве введена ч. 4, согласно которой цифровая валюта признается имуществом. Правовым последствием такого признания является принципиальная допустимость обращения взыскания на цифровую валюту, принадлежащую должнику [1].

Арест цифровых активов. Арест цифровых активов имеет существенные особенности, обусловленные их цифровой природой и отсутствием физического носителя: они существуют в распределенных реестрах (блокчейнах), а доступ к ним осуществляется посредством закрытых ключей. В доктрине и правоприменительной практике предлагается три возможных способа ареста цифровых активов: (1) арест закрытых ключей как носителей информации; (2) арест криптокошелька путем внесения записи в специальный реестр; (3) арест обязательственных прав должника по отношению к оператору централизованной криптобиржи (если активы размещены на такой бирже). Наиболее реалистичным представляется третий способ, поскольку централизованные биржи располагают реальными активами и подконтрольны юрисдикции государств, в отличие от децентрализованных («холодных») кошельков, доступ к которым напрямую зависит от воли должника раскрыть закрытый ключ.

Оценка цифровых активов. В силу ст. 85 Закона об исполнительном производстве оценка имущества стоимостью свыше 30 000 рублей производится профессиональным оценщиком [5]. Применительно к цифровым активам это требование осложняется высокой волатильностью криптовалютных рынков и отсутствием единых стандартов оценки: практика идет по пути определения стоимости на момент, максимально приближенный к реализации, с учетом средневзвешенного курса по нескольким крупным биржам. Особый случай образуют стейблкоины – цифровые активы, обеспеченные фиатными резервами, которые в силу требований, аналогичных установленным американским GENIUS Act 2025 года (100-процентное резервирование, ежемесячный аудит), могут оцениваться по номиналу, в отличие от необеспеченных криптовалют, требующих полноценной рыночной оценки.

Реализация цифровых активов. Наиболее сложной стадией является реализация арестованных цифровых активов, поскольку общий порядок торгов и комиссионной реализации (ст. 87 Закона об исполнительном производстве), рассчитанный в первую очередь на традиционные виды движимого и недвижимого имущества [9], не приспособлен для специфики цифровых активов. В доктрине предлагается два подхода: реализация через уполномоченные криптобиржи, включенные в специальный реестр, либо принудительная продажа цифровой валюты самим должником с последующим перечислением вырученных средств на депозитный счет подразделения судебных приставов. Второй подход представляется более реалистичным на текущем этапе, поскольку не требует создания новой государственной инфраструктуры.

Проблема конфискации в уголовно-процессуальной сфере. Значимым шагом в развитии регулирования стало введение в Уголовно-процессуальный кодекс РФ статьи 164.2 «Особенности изъятия цифровой валюты при производстве следственных действий», закрепляющей обязательное участие специалиста при изъятии, особый режим хранения носителей ключей доступа и право следователя переводить изъятую валюту на специальный государственный адрес-идентификатор. Вместе с тем практика показывает, что признание цифровой валюты имуществом для целей конфискации без создания работающего механизма ее реализации не решает проблему принудительного исполнения: первые приговоры о конфискации криптовалюты, вынесенные в 2021 году, на протяжении длительного времени оставались неисполненными из-за отсутствия у Федеральной службы судебных приставов необходимого инструментария для хранения, перевода и реализации таких активов.

Обсуждение

Сравнительный анализ зарубежного опыта показывает два альтернативных пути решения проблемы принудительного исполнения за счет цифровых активов. Британский Property (Digital Assets etc) Act 2025, получивший королевскую санкцию 2 декабря 2025 года, пошел по пути введения самостоятельной, третьей категории личного имущества для цифровых активов, прямо указав, что они не могут быть исключены из категории имущества лишь на том основании, что не подпадают под традиционные категории «вещей во владении» и «вещей в действии». Это позволяет применять к цифровым активам весь существующий арсенал имущественно-правовых средств защиты (трасты, обеспечительные меры, виндикацию) без создания специального регулирования для исполнительного производства. Американский GENIUS Act 2025 года, напротив, избрал путь детального отраслевого регулирования – но не цифровых активов в целом, а лишь их отдельного вида (платежных стейблкоинов), установив требования к лицензированию эмитентов и резервированию, что технически упрощает обращение взыскания именно на этот вид активов за счет возможности их оценки по номиналу.

Применительно к российскому правопорядку наиболее продуктивным представляется не заимствование одной из указанных моделей целиком, а точечное развитие уже существующего инструментария исполнительного производства: расширение полномочий судебного пристава-исполнителя по направлению запросов операторам информационных систем и криптобиржам, законодательное закрепление порядка оценки цифровых активов с учетом их волатильности и создание нормативной основы для их реализации через уполномоченных операторов. Такой подход соответствует уже сформировавшейся в законодательстве модели (признание цифровой валюты имуществом без полного пересмотра системы исполнительного производства) и не требует радикальной перестройки существующих институтов.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что признание цифровой валюты имуществом в российском законодательстве создало формально-юридическую, но не процессуальную основу для обращения на нее взыскания: специальный механизм ареста, оценки и реализации цифровых активов в Законе об исполнительном производстве отсутствует. Наиболее реалистичным способом ареста представляется арест обязательственных прав должника к оператору централизованной криптобиржи, а наиболее реалистичным способом реализации – принудительная продажа цифровой валюты самим должником с перечислением вырученных средств в депозит службы судебных приставов. Зарубежный опыт демонстрирует два альтернативных пути интеграции цифровых активов в систему имущественных отношений – через введение самостоятельной категории имущества (Великобритания) либо через детальное отраслевое регулирование отдельных видов цифровых активов (США), – однако для российского правопорядка на современном этапе более обоснованным представляется путь точечного изменения законодательства об исполнительном производстве без полного пересмотра его основ.

Литература

1. Шишмарева Т.П., Енькова Е.Е. Цифровые активы как объекты взыскания в процедурах банкротства // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2024. Т. 17. № 6. С. 1078–1087.
2. Гаврин Д.А. Цифровые финансовые активы и валюта в делах о несостоятельности (банкротстве) // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 4. С. 75–81.
3. Алексеев Н.В. Цифровые валюты в конкурсной массе должника // Экономика. Социология. Право. 2023. № 1 (29). С. 85–90.
4. Османова Д.О. Цифровые активы в конкурсной массе должника // Право и цифровая экономика. 2023. № 2. С. 4.
5. Исполнительное производство: учебник / К.Л. Брановицкий, Д.В. Бурачевский, В.В. Долганичев [и др.]; под общ. ред. В.В. Яркова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2023. 558 с.
6. Сятчихин А.В. Криптовалюта как объект конкурсной массы // Ex jure. 2019. № 1. С. 80–90.
7. Саженов А.В. Криптовалюты: дематериализация категории вещей в гражданском праве // Закон. 2018. № 9. С. 96–105.
8. Русскевич Е.А., Малыгин И.И. Преступления, связанные с обращением криптовалют: особенности квалификации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 3. С. 106–124/
9. Мизинова В.С. Особенности обращения взыскания на заложенное недвижимое имущество // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 14. Право. 2014. Вып. 4. С. 220–227.
10. Головизнин А. Оборотоспособность объектов гражданских прав // Право и экономика. 2018. № 4. С. 21–26.

FORECLOSURE ON DIGITAL ASSETS: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND WAYS TO SOLVE THEM

Gruzdev I.M.
Kazan (Volga Region) Federal University

The article analyzes the problems of foreclosure on digital assets (digital currency, digital financial assets) within enforcement proceedings and personal bankruptcy procedures. The author shows that the formal legal recognition of digital currency as property (Part 4, Art. 68 of the Federal Law «On Enforcement Proceedings») has not been accompanied by the development of a special mechanism for seizing, valuing and selling such assets, which creates a significant gap between substantive law and the procedural possibilities for its

enforcement. Based on an analysis of Russian legislation, case law and foreign experience (the UK Property (Digital Assets etc) Act 2025 and the US GENIUS Act 2025), three possible methods of seizing digital assets are proposed, and the most realistic one is substantiated – seizure of the debtor's contractual claims against a centralized cryptocurrency exchange operator, followed by compulsory sale and transfer of proceeds to the bailiff service's deposit account. It is concluded that targeted amendments to enforcement legislation are needed rather than a complete overhaul of its foundations.

Keywords: digital assets, digital currency, cryptocurrency, foreclosure, enforcement proceedings, personal bankruptcy, bankruptcy estate, digital financial assets, seizure of property.

References

1. Shishmareva T.P., Enkova E.E. Digital assets as objects of foreclosure in bankruptcy procedures // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2024. Vol. 17. № 6. Pp. 1078–1087.

2. Gavrin D.A. Digital financial assets and currency in insolvency (bankruptcy) cases // Russian Law: Education, Practice, Research. 2023. № 4. Pp. 75–81.

3. Alekseev N.V. Digital currencies in the debtor's bankruptcy estate // Economics. Sociology. Law. 2023. № 1 (29). Pp. 85–90.

4. Osmanova D.O. Digital assets in the debtor's bankruptcy estate // Law and Digital Economy. 2023. № 2. P. 4.

5. Enforcement proceedings: textbook / K.L. Branovitsky, D.V. Burachevsky, V.V. Dolganichev [et al.]; ed. by V.V. Yarkov. 2nd ed. Moscow: Statut, 2023. 558 p.

6. Syatchikhin A.V. Cryptocurrency as an object of the bankruptcy estate // Ex Jure. 2019. № 1. Pp. 80–90.

7. Sazhenov A.V. Cryptocurrencies: dematerialization of the category of things in civil law // Zakon. 2018. № 9. Pp. 96–105.

8. Russkevich E.A., Malygin I.I. Crimes related to cryptocurrency circulation: qualification issues // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2021. № 3. Pp. 106–124.

9. Mizinova V.S. Features of foreclosure on mortgaged real estate // Vestnik of Saint Petersburg University. Ser. 14. Law. 2014. Is. 4. Pp. 220–227.

10. Goloviznin A. Negotiability of objects of civil rights // Law and Economics. 2018. № 4. Pp. 21–26.

Саморегулирование микрофинансовых организаций: риск-ориентированная модель

Гулягин Ярослав Андреевич,
кафедра гражданского права, Уральский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Челышева Наталья Юрьевна,
кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса

Актуальность исследования обусловлена тем, что обязательное членство микрофинансовых организаций в саморегулируемых организациях сформировало многоуровневый механизм контроля, однако его результативность по-прежнему нередко оценивается по числу проверок и формальному соблюдению стандартов, а не по снижению потребительского риска. *Цель работы* состоит в определении направлений перехода от документарной модели саморегулирования к риск-ориентированному контролю, учитывающему цифровой характер микрокредитования. *Методологическую основу* составили формально-юридический, системный и сравнительно-институциональный методы. Установлено, что эффективность саморегулирования зависит от разграничения функций Банка России и СРО, независимости дисциплинарных процедур, сопоставимости данных о жалобах и повторных нарушениях, а также анализа полного клиентского пути. Предложены единый комплаенс-паспорт МФО, унифицированный классификатор нарушений, дифференциация интенсивности проверок и предварительная оценка высокорисковых цифровых продуктов.
Сделан *вывод*, что саморегулирование сохраняет регуляторную ценность при условии измерения фактических результатов: скорости прекращения недобросовестной практики, сокращения повторности нарушений и предупреждения долговой спирали. Научная новизна заключается в объединении поведенческих, операционных и цифровых индикаторов в единой модели текущего контроля членов СРО.

Ключевые слова: саморегулирование, надзор, комплаенс, заемщик, цифровой риск, жалобы, проверки.

Введение. Постановка проблемы

Микрофинансовые организации выполняют функцию, которая не сводится к замещению банковского кредита. Они обеспечивают доступ к небольшим суммам для граждан и субъектов малого предпринимательства, чьи запросы не всегда соответствуют банковским моделям оценки риска. Одновременно краткий срок займа, высокая стоимость обслуживания и дистанционный способ заключения договора повышают вероятность импульсивного решения и повторного заимствования. В результате регулирование должно поддерживать финансовую доступность, не допуская превращения доступности в долговую зависимость. Банк России связывает дальнейшее развитие рынка с повышением качества кредитования, предотвращением долговой спирали и совершенствованием защиты клиентов [Банк России, 2024: 6–15]. Цифровизация усиливает эту задачу, т.к. автоматизация снижает издержки выдачи, но переносит значительную часть риска в интерфейс, скоринговую модель и порядок использования данных.

Российская модель строится на сочетании государственного регулирования и обязательного саморегулирования. МФО действует в пределах закона, нормативных актов Банка России и базовых стандартов, а СРО конкретизирует требования, контролирует их исполнение и применяет меры воздействия. Такая конструкция потенциально быстрее централизованного надзора реагирует на изменение практики, однако содержит внутреннее противоречие: СРО одновременно представляет интересы участников рынка и оценивает их поведение. Поэтому наличие стандартов и проведенных проверок еще не доказывает результативность системы.

В научной литературе справедливо подчеркивается, что гармонизация государственного и отраслевого регулирования требует четкого разграничения функций и процедурной подотчетности [Барков, Гришина, 2024: 2–9], а защита потребителя должна рассматриваться как самостоятельный результат саморегулирования [Лесных, 2024: 19–23].

Проблема исследования состоит в несоответствии между цифровым характером современного микрокредитования и преимущественно документарной логикой контроля. Проверка формы договора не позволяет установить, как клиенту показывалась полная стоимость, какие предложения были выделены визуально, каким образом оформлялись дополнительные услуги и почему заемщик получил повторный заем.

Цель статьи заключается в разработке компактной риск-ориентированной модели саморегулирования, связывающей стандарты, контроль и дисциплинарные решения с измеримым изменением практики МФО.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу составили формально-юридический, системный и сравнительно-институциональный методы. Формально-юридический метод применен для определения места федеральных законов, актов Банка России, базовых и внутренних стандартов в единой системе требований. Системный метод позволил рассмотреть саморегулирование как последовательность взаимосвязанных функций: установление правил, получение риск-сигналов, проверка, устранение нарушения, применение меры ответственности и подтверждение устойчивости результата. Сравнительно-институциональный подход использован для выявления рисков, характерных для цифрового кредита в зарубежных юрисдикциях, без механического переноса иностранных решений в российскую практику.

Материал исследования охватывает действующее регулирование микрофинансовой деятельности, базовые стандарты СРО, доклад Банка России. Критериями оценки модели выступили оперативность выявления массовой практики, независимость контрольной процедуры, сопоставимость данных, пропорциональность вмешательства и способность предотвращать повторное нарушение. Такой набор критериев переносит внимание с количества контрольных действий на их фактический эффект.

Институциональные основы и пределы саморегулирования

Саморегулирование МФО по своей правовой природе представляет регулируемое со-регулирование. Федеральный закон о микрофинансовой

деятельности определяет статус участника рынка и основные пределы его операций[1], а закон о саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка закрепляет обязательное членство и компетенцию СР[2]. Банк России сохраняет нормотворческие и надзорные полномочия, утверждает базовые стандарты и контролирует деятельность самих СРО. Отраслевой уровень, следовательно, не заменяет государственный, а обеспечивает технологическую конкретизацию общих требований. Его преимущество проявляется в работе с ранними сигналами: типовыми ошибками в документах, жалобами на интерфейс, ростом пролонгаций, повторностью нарушений и изменением продуктовой модели.

Ключевым институциональным риском остается совмещение представительской и контрольной функций. Финансирование СРО за счет взносов членов не означает автоматической зависимости, но требует гарантий беспристрастности. Решение о существенном нарушении должно опираться на заранее определенные критерии, содержать мотивировку и допускать проверку соблюдения процедуры. В дисциплинарные органы целесообразно включать независимых специалистов по защите прав потребителей и цифровым рискам, а история нарушений не должна обнуляться при переходе организации в другую СРО. Иначе конкуренция между объединениями может сместиться от качества контроля к мягкости требований.

Нормативная база исследования формирует базовые стандарты совершения операций, управления рисками и защиты прав получателей финансовых услуг, их действующие редакции публикуются Банком России[3].

Значение стандарта определяется не объемом текста, а проверяемостью требования. Формулировка о добросовестном поведении становится рабочим инструментом только тогда, когда она связана с контрольными точками: способом раскрытия полной стоимости, подтверждением согласия на дополнительную услугу, порядком отказа, сроком ответа на обращение и доказательством устранения выявленной причины. Законодательство о потребительском кредите формирует обязательный минимум таких гарантий[4], а СРО должна переводить его в единообразные процедуры проверки.

Жалоба клиента должна рассматриваться одновременно как индивидуальное обращение и как источник данных о повторяющейся практике. Изолированное разрешение спора восстанавливает право конкретного лица, но не прекращает причину, если аналогичный интерфейс или алгоритм используется для тысяч договоров. Поэтому сведения об обоснованных жалобах необходимо нормировать на количество активных договоров, группировать по этапам клиентского пути и сопоставлять с результатами последующих проверок. Институт финансового уполномоченного дополняет эту систему внешним механизмом разрешения споров[5], решения и типовые основания обращений могут использоваться СРО для выявления зон повышенного риска.

Цифровые риски и изменение предмета контроля

Цифровой кредит изменяет объект контроля. Существенные условия формально могут быть представлены клиенту, но оставаться практически незаметными из-за последовательности экранов, размера шрифта, заранее выбранных опций или контрастного выделения кнопки согласия. Алгоритмический скоринг способен повысить точность оценки риска, однако его непрозрачность затрудняет проверку причин решения и выявление косвенной дискриминации. Эффективная проверка должна охватывать не только договор, но и рекламное сообщение, путь пользователя, правила формирования предложения, данные скоринга, коммуникацию после выдачи и действия при просрочке. Именно полный жизненный цикл продукта позволяет связать нарушение с его технической или организационной причиной.

Международные исследования подтверждают, что расширение цифрового кредита без согласованных механизмов защиты усиливает риск множественного заимствования и непрозрачного использования данных. Сравнительный анализ 135 стран показывает зависимость качества защиты финансового потребителя от институциональной согласованности, цифровой инфраструктуры и доступности механизмов обжалования [Dinh et al., 2023]. Исследование кенийского рынка демонстрирует, что формальное регулирование не всегда устраняет высокую стоимость и ухудшение положения уязвимых заемщиков, если контроль не затрагивает бизнес-модель и поведение платформы [Kim, Duvendack, 2025]. Для России это означает необходимость оценивать не отдельный документ, а совокупный результат продукта для типичного клиента.

Предел саморегулирования проходит там, где отраслевой стимул устойчиво расходится с публичным интересом. СРО не может самостоятельно изменить законодательный предел стоимости займа или обязательные правила обработки персональных данных. Ее задача состоит в раннем выявлении практик, подготовке доказательной базы, быстром прекращении нарушения и передаче системного сигнала Банку России. Такая модель исключает две крайности: формальное дублирование государственного надзора и превращение СРО в консультативное объединение без реальной контрольной функции.

Направления перехода к риск-ориентированной модели

Переход к риск-ориентированной модели целесообразно начать с единого комплаенс-паспорта МФО. Он должен содержать ограниченный набор сопоставимых показателей: динамику обоснованных жалоб, повторность нарушений, долю пролонгаций и повторных займов, концентрацию просрочки, результаты исполнения предписаний и сведения о существенных изменениях цифрового продукта. Паспорт не является публичным рейтингом и не должен раскрывать коммерческую тайну. Его назначение – определить глубину проверки и обеспечить преемственность контроля. Высокий риск должен вести к тематической проверке и сокращенному сроку устранения, низкий – к менее затратному дистанционному мониторингу.

Вторым элементом выступает единый классификатор нарушений. Одинаковая практика должна одинаково кодироваться всеми СРО: например, навязанная услуга, неполное раскрытие стоимости, дефект оценки долговой нагрузки, нарушение при взыскании или несвоевременный ответ на обращение. Унификация данных не отменяет самостоятельности контрольной методики, но позволяет сопоставлять результаты, выявлять повторность и оценивать эффективность принятых мер. Исследования российского онлайн-микрокредитования подтверждают необходимость учитывать взаимосвязь кредитного, поведенческого и системного риска [Евлахова, Трегубова, Чекункова, 2025: 85–109].

Третий элемент – предварительная оценка материально нового цифрового продукта. До массового запуска МФО должна представить СРО описание клиентского пути, логику ключевых автоматизированных решений, порядок подключения дополнительных услуг и результаты тестирования понятности раскрытий. Такая процедура не должна превращаться в разрешительный режим для каждого изменения интерфейса. Она оправданна лишь при признаках повышенного риска: новой модели скоринга, автоматической пролонгации, существенном изменении ценообразования или использовании новых категорий данных.

Наконец, контроль должен завершаться проверкой результата: предписание считается исполненным после подтверждения устранения корневой причины и отсутствия повторения в новых договорах. Публичная отчетность СРО должна показывать долю исполненных предписаний, повторность нарушений и средний срок прекращения массовой практики. Матрица связывает ключевые сигналы с действиями и измеримым эффектом.

Таблица 1. Матрица риск-ориентированного контроля

Риск-сигнал	Действие СРО	Показатель результата
Рост обоснованных жалоб	Тематический аудит клиентского пути	Снижение повторности
Высокая доля пролонгаций	Проверка скоринга и лимитов	Сокращение долговой спирали
Существенное изменение продукта	Предварительная оценка риска	Понятность условий до запуска

Итак, проведенный анализ показывает, что саморегулирование МФО сохраняет самостоятельную ценность как уровень оперативной конкретизации публичных требований. Его эффективность определяется не степенью организационной автономии, а качеством распределения функций между Банком России и СРО, независимостью дисциплинарных процедур и способностью работать с ранними риск-сигналами.

[1] Федеральный закон от 02.07.2010 № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях» (действующая редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102112/ (дата обращения: 17.09.2026).

[2] Федеральный закон от 13.07.2015 № 223-ФЗ «О саморегулируемых организациях в сфере финансового рынка» (действующая редакция). URL: https://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102376337 (дата обращения: 17.09.2026).

[3] Саморегулируемые организации и стандарты // Банк России. URL: https://www.cbr.ru/microfinance/sro/ (дата обращения: 17.09.2026).

[4] Федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)» (действующая редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155986/ (дата обращения: 17.09.2026).

[5] Федеральный закон от 04.06.2018 № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» (действующая редакция). URL: https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201806040039 (дата обращения: 17.09.2026).

Документарная проверка должна быть дополнена аудитом полного клиентского пути и цифровой архитектуры продукта. Единый комплаенс-паспорт, классификатор нарушений и дифференцированная интенсивность контроля позволяют сосредоточить ресурсы на организациях и практиках, создающих наибольшую угрозу. При этом меры воздействия должны быть соразмерными и учитывать не только факт нарушения, но также его повторность, охват и скорость устранения.

Итоговыми показателями результативности следует считать сокращение повторных нарушений, уменьшение времени прекращения недобросовестной практики, снижение вовлечения клиентов в долговую спираль и устойчивое исполнение предписаний. Количество стандартов, проверок и дисциплинарных дел характеризует активность системы, но не заменяет оценки фактического положения заемщика.

Заключение

Таким образом, перспективная модель саморегулирования должна сочетать обязательные публичные пределы с профессиональной скоростью отраслевого контроля. СРО способна стать центром раннего выявления и предупреждения риска при условии сопоставимости данных, процедурной независимости и проверки результата, а не только документов. Это позволяет одновременно сохранить финансовую доступность и повысить доверие к микрофинансовому рынку без создания нового контролирующего органа.

Литература

1. Банк России. Перспективные направления развития рынка микрофинансовых организаций на 2025–2027 годы: доклад для общественных консультаций. Москва: Банк России, 2024. 26 с.

2. Барков А.В., Гришина Я.С. О гармонизации саморегулирования и государственного регулирования в эпоху цифровизации: тенденции и перспективы // Гражданское право. 2024. № 1. С. 2–9. DOI: 10.18572/2070-2140-2024-1-2-9.

3. Евлахова Ю.С., Трегубова А.А., Чекункова И.А. Российский рынок онлайн-микрозаймов и краудлендинга: оценка подверженности рискам в контексте финансовой стабильности // Журнал Новой экономической ассоциации. 2025. № 2 (67). С. 85–109. DOI: 10.31737/22212264_2025_2_85-109.

4. Лесных Е.К. Саморегулирование в микрофинансовой сфере и его влияние на защиту прав потребителей финансовых услуг // Юрист. 2024. № 6. С. 19–23. DOI: 10.18572/1812-3929-2024-6-19-23.

5. Cornelli G., Frost J., Gambacorta L., Rau P.R., Wardrop R., Ziegler T. Fintech and big tech credit: Drivers of the growth of digital lending // Journal of Banking & Finance. 2023. Vol. 148. Art. 106742. DOI: 10.1016/j.jbankfin.2022.106742.

6. Dinh V., Le D.-V., Duong D., Pham D. Determinants affecting digital financial consumer protection: Evidence from 135 countries // The Journal of Economic Asymmetries. 2023. Vol. 27. Art. e00301. DOI: 10.1016/j.jeca.2023.e00301.

7. Kim M., Duvendack M. Fintech for the poor? Regulating the Kenyan digital credit market and its impact on borrowers // Development Studies Research. 2025. Vol. 12. № 1. Art. 2547852. DOI: 10.1080/21665095.2025.2547852.

SELF-REGULATION OF MICROFINANCE ORGANIZATIONS: A RISK-ORIENTED MODEL

Gulyagin Ya.A., Chelysheva N.Yu.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The *study* examines the effectiveness of mandatory self-regulation of microfinance organizations in Russia. Its purpose is to identify ways of moving from document-based compliance to risk-oriented supervision that reflects the digital nature of microcredit. The *methodology* combines formal legal, systemic, and comparative institutional approaches and covers current regulatory requirements. The *results* show that effective self-regulation requires a clear allocation of functions between the Bank of Russia and SROs, independent disciplinary procedures, comparable data on complaints and repeated violations, and analysis of the entire customer journey. The article proposes a unified MFO compliance profile, a standardized classification of violations, differentiated inspection intensity, and ex ante assessment of high-risk digital products.

The *scientific novelty* lies in integrating behavioral, operational, and digital indicators within a single control model. It is concluded that self-regulation remains valuable when performance is measured by the speed of terminating unfair practices, lower recurrence of violations, and prevention of debt spirals.

Keywords: self-regulation, supervision, compliance, borrower, digital risk.

References

1. Bank of Russia. Prospective Development Areas for the Microfinance Organization Market in 2025–2027: Public Consultation Paper. Moscow: Bank of Russia, 2024. 26 p. (In Russian).

2. Barkov A.V., Grishina Ya.S. Harmonization of self-regulation and state regulation in the digital era: trends and prospects. Civil Law. 2024. № 1. P. 2–9. DOI: 10.18572/2070-2140-2024-1-2-9. (In Russian).

3. Evlakhova Yu.S., Tregubova A.A., Chekunkova I.A. Russian online microloan and crowdlending market: risk exposure assessment in the context of financial stability. Journal of the New Economic Association. 2025. № 2 (67). P. 85–109. DOI: 10.31737/22212264_2025_2_85-109. (In Russian).

4. Lesnykh E.K. Self-regulation in the microfinance sector and its impact on the protection of financial-service consumers. Jurist. 2024. № 6. P. 19–23. DOI: 10.18572/1812-3929-2024-6-19-23. (In Russian).

5. Cornelli G., Frost J., Gambacorta L., Rau P.R., Wardrop R., Ziegler T. Fintech and big tech credit: Drivers of the growth of digital lending. Journal of Banking & Finance. 2023. Vol. 148. Art. 106742. DOI: 10.1016/j.jbankfin.2022.106742.

6. Dinh V., Le D.-V., Duong D., Pham D. Determinants affecting digital financial consumer protection: Evidence from 135 countries. The Journal of Economic Asymmetries. 2023. Vol. 27. Art. e00301. DOI: 10.1016/j.jeca.2023.e00301.

7. Kim M., Duvendack M. Fintech for the poor? Regulating the Kenyan digital credit market and its impact on borrowers. Development Studies Research. 2025. Vol. 12. № 1. Art. 2547852. DOI: 10.1080/21665095.2025.2547852.

Выявление и доказывание подозрительных сделок с цифровыми финансовыми активами в процедурах банкротства

Евдокимов Денис Андреевич,
аспирант кафедры гражданского права и процесса Академии труда и социальных отношений
E-mail: evdok1mov.denis@yandex.ru

В статье исследуются проблемные аспекты, связанные с выявлением и обоснованием оснований для признания недействительными сделок должника, совершенных с цифровыми финансовыми активами в рамках процедур несостоятельности. В работе анализируется правовая природа цифровых активов как объекта гражданских прав и их квалификация для целей включения в конкурсную массу должника. Отдельное внимание уделено механизмам получения информации о цифровых активах, находящихся во владении должника, а также сложностям, возникающим при доказывании неравноценности встречного предоставления и осведомленности контрагента в процессе оспаривания соответствующих сделок. По результатам проведенного анализа судебной практики в работе сформулированы практические рекомендации, адресованные арбитражным управляющим.

Ключевые слова: банкротство, арбитражный управляющий, конкурсная масса, цифровой финансовый актив, реализация имущества, криптовалюта, подозрительная сделка.

Введение

Развитие цифровых технологий и появление новых финансовых инструментов, а именно цифровых финансовых активов (ЦФА) и цифровой валюты (криптовалюты) создали новые возможности для недобросовестных должников по выводу ликвидных активов накануне банкротства. Как обоснованно отмечает Е.Г. Пивоварова, цифровые активы активно используются для сокрытия имущества должника и причинения убытков кредиторам, что обусловливает необходимость дальнейшего развития методического инструментария их выявления и исследования в делах о банкротстве [1, с. 108]. Анонимность, децентрализованный характер учета операций в системах распределенного реестра (блокчейн) и трансграничный характер оборота цифровой валюты создают существенные сложности при идентификации активов должника, установлении их стоимости и доказывании обстоятельств, имеющих юридическое значение для оспаривания сделок.

Целью статьи стала разработка механизма выявления и доказывания подозрительных сделок с цифровыми финансовыми активами, а также формулировка практических рекомендаций для арбитражных управляющих на основе анализа доктринальных подходов и судебной практики.

Правовая природа цифровых финансовых активов как объекта доказывания

Легальное определение цифровой валюты закреплено в Федеральном законе от 31.07.2020 № 259-ФЗ: цифровой валютой признается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа, не являющегося денежной единицей Российской Федерации, и в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных [2]. Цифровые финансовые активы, в свою очередь, признаются цифровыми правами, включающими денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества и иные права [2].

Вопрос о правовой природе цифровых активов остается дискуссионным в доктрине. Ряд исследователей придерживается позиции, согласно которой цифровые активы допустимо рассматривать в качестве вещей, что дает возможность интегрировать их в уже сложившуюся систему вещных и обязательственных правоотношений. [3, с. 157–180]. Иной позиции придерживается, к примеру, Л.Г. Ефимова, по мнению которой цифровые активы не подпадают ни под категорию вещей, ни под категорию имущественных прав, а образуют самостоятельный объект абсолютного цифрового права [4, с. 17–25]. Включение в Гражданский кодекс Российской Федерации статьи 141.1 «Цифровые права» свидетельствует о том, что отечественный законодатель определяет цифровое право, как самостоятельный объект гражданского права [5].

Судебная практика по данному вопросу претерпела существенную трансформацию. Так, в 2018 году в рамках дела о банкротстве А40–123668/2017 судебная инстанция отказала финансовому управляющему во включении криптовалюты в конкурсную массу, обосновав свое решение тем, что указанный объект не относится к числу объектов гражданских прав и, соответственно, находится за пределами правового регулирования на территории Российской Федерации [6].

Однако впоследствии Девятый арбитражный апелляционный суд разрешил включить криптовалюту в конкурсную массу, косвенно признав ее имуществом, обладающим ценностью [7]. Как справедливо отмечается в исследовании А.В. Семенова, отсутствие прямого упоминания криптовалюты в законодательстве не означает отсутствия у нее свойств имущества, а значит, она может и должна включаться в конкурсную массу [8, с. 41].

Функционирование криптовалюты обеспечивается в рамках открытых систем распределенного реестра (блокчейн), особенностью которых является одновременное хранение сведений о всех совершаемых операциях на множестве взаимосвязанных устройств [9]. В отличие от цифровых финансовых активов, выпускаемых и учитываемых в информационных системах, операторами которых могут быть только

российские юридические лица, включенные в реестр Банка России [2], криптовалюта может обращаться на зарубежных криптовалютных биржах, что создает дополнительные сложности для ее выявления и верификации.

Выявление цифровых активов должника и формирование доказательственной базы

Выявление цифровых активов должника является первоочередной задачей арбитражного управляющего. Поскольку цифровые объекты не обладают свойствами материальной вещи и находятся в неразрывной связи с информационными системами, установление факта владения должником соответствующими электронными данными нередко сопряжено с существенными трудностями [9]. На первоначальном этапе арбитражному управляющему необходимо обратиться с соответствующим запросом непосредственно к должнику. Действующее банкротное законодательство возлагает на должника обязанность по немедленному предоставлению арбитражному управляющему информации о составе и месте нахождения, принадлежащего ему имущества, а также о имеющихся у него обязательствах. (п. 2 ст. 126, п. 9 ст. 213.9 Закона о банкротстве). Принимая во внимание особую природу рассматриваемого имущества, в запросе, адресованном должнику необходимо указать и истребовать информацию о наличии цифровых финансовых активов, криптовалюты и иных цифровых активов, их наименовании, а также адресе личного кабинета пользователя на соответствующей криптобирже, логине и пароле для доступа к нему, а также ключах доступа к кошелькам Должника [9].

Вторым направлением является направление запросов в адрес известных криптовалютных бирж. Арбитражный управляющий в деле о банкротстве имеет право запрашивать необходимые сведения о должнике, о контрагентах и об обязательствах должника у физических лиц, юридических лиц, государственных органов и органов местного самоуправления [9]. Однако на практике получение сведений от зарубежных криптобирж сопряжено с существенными сложностями, обусловленными отсутствием прямого юрисдикционного воздействия российских судов на такие платформы, а также политикой конфиденциальности, нередко ограничивающей раскрытие информации о пользователях.

Как справедливо отмечает М.О. Ляшкова, важным источником информации может служить анализ открытых данных, включая цепочки транзакций в блокчейне [10, с. 139]. Однако такой анализ требует специальных познаний и привлечения специалистов. В этой связи, по справедливому замечанию Е.Г. Пивоваровой, возникает необходимость дальнейшего развития судебной экономико-цифровой экспертизы как специального инструмента исследования цифровых финансовых отношений в делах о банкротстве [1, с. 111].

Особенности оспаривания сделок с цифровыми активами

Специфика оспаривания сделок с цифровыми активами обусловлена особенностями доказывания обстоятельств, предусмотренных статьями 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве. При оспаривании сделок по пункту 1 статьи 61.2 (сделки с неравноценным встречным исполнением) ключевой проблемой является определение рыночной стоимости цифровой валюты на момент совершения сделки.

В рамках дела о банкротстве № А67–7914/2023, суд указал, что в отсутствие установленных правил эмиссии, майнинга, объема предоставленных прав и наличия или отсутствия обеспечения невозможно определить ценность цифровой валюты и, соответственно, оценить равноценность встречного предоставления [11]. Суды пришли к выводу, что распечатки с электронной платформы, содержащие сведения о переговорах с пользователем под никнеймом, без установления личности пользователя и подтверждения факта приобретения криптовалюты ответчиками за свой счет, не могут служить достоверными доказательствами [11].

В рамках обособленного спора по делу № А45–17344/2022 предметом судебного разбирательства выступил перевод денежных средств в размере 300 тысяч рублей, совершенный должником-гражданином в пользу третьего лица. Итоговым актом по данному спору стало Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 13.05.2025 № Ф04–7859/2024, которое наглядно демонстрирует попытку задействовать криптовалютные платформы в качестве инструмента для вывода активов. Существенным обстоятельством, характеризующим личность должника, является наличие у него непогашенных обязательств, совокупный размер которых превышал 8 млн рублей, а также последующее осуждение за растрату в особо крупном размере. Именно в условиях указанной неплатежеспособности должником и был осуществлен спорный перевод денежных средств в адрес третьего лица.

Со стороны Ответчика, получателя спорных денежных средств в материалы дела была представлена позиция, согласно которой перечисление было осуществлено в целях приобретения криптовалюты на платформе LocalBitcoins. Вместе с тем, каких-либо документальных свидетельств, подтверждающих как сам факт покупки, так и зачисление цифровых активов на кошелек должника, представлено не было. Арбитражный суд Западно-Сибирского округа в своем постановлении акцентировал внимание на том, что отсутствие в платежном документе указания на конкретное назначение платежа в совокупности с непредставлением доказательств приобретения криптовалюты свидетельствует о наличии признаков недействительности оспариваемой сделки. При этом кассационная инстанция отметила, что сама по себе ссылка на «покупку криптовалюты» способна выступать в качестве инструмента, используемого для фиктивного вывода денежных средств. В данном случае Суд признал данную сделку недействительной и применил последствия недействительности сделки в виде взыскания денежных средств с ответчика [12].

При оспаривании сделок с цифровыми активами бремя доказывания реальности сделки и равноценности встречного предоставления возлагается на ответчика (контрагента). Как показало дело № А04–7241/2023, суд апелляционной инстанции удовлетворил требование ответчика, который представил нотариально удостоверенные сведения об исполнении ордера на покупку токенов USDT на криптовалютной бирже, подтвердив реальность сделки. При этом суд отметил, что финансовый управляющий не представил надлежащих доказательств недостоверности представленных сведений [13]. Пассивность ответчика в раскрытии доказательств, напротив, ведет к удовлетворению заявления управляющего.

Пассивность ответчика в ходе рассмотрения заявлений о признании недействительными подобных сделок или платежей становится наиболее важным моментом с учетом самого предмета доказывания и его специфики на настоящий момент. Поскольку сделки с цифровыми активами, в частности криптовалютой оставляют минимальный след по сравнению с традиционными сделками, то и при доказывании их реальности и легальности стоит прибегать к более широкому спектру доказательств, а именно к перепискам в мессенджерах или на самой бирже для подтверждения получения заявки на покупку или продажу актива независимым покупателем, ответы из поддержки криптобирж и подтверждение получения распоряжений и заявок на операцию.

Судебная практика на настоящий момент складывается не в пользу Ответчиков по обособленным спорам в подобной специфике, поскольку зачастую встречающееся нежелание сторон раскрывать детальные сведения и представлять суду верифицируемые данные рассматривается как обстоятельство, свидетельствующее против легальности подобных сделок.

В свою очередь, стоит также учитывать особую сложность при доказывании осведомленности контрагента о целях причинения вреда, чего требует норма п. 2 ст. 61.2. ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Так в сделках с цифровыми активами зачастую встречаются анонимные сделки и установление личности продавца или покупателя существенно затруднено, поскольку криптобиржи как правило, не предоставляют информацию о персональных данных сторон сделки. Так и доказывание факта осведомленности контрагента о неплатежеспособности должника или наличия у него таких признаков существенно затруднено невозможностью предоставления объективных подтверждений со стороны заявителя. Так при отсутствии существенных доказательств и отсутствии аффилированности между участниками сделки перспективы оспаривания сделок с цифровыми активами минимальны.

Также немаловажным вопросом и проблемой, которая встает перед арбитражными управляющими и кредиторами, является определение рыночной стоимости цифрового актива для определения неравноценности встречного исполнения, как того требует п. 1 ст. 61.2 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Отличием от ценных бумаг и обычных товаров и сделок с недвижимостью является отсутствие закрепленной методики оценки цифровой валюты, поскольку стоимость различных цифровых активов подвержена значительным ежеминутным колебаниям в зависимости от стабильности конкретного токена.

В данном случае необходимо прибегать к помощи специалистов по цифровым активам и специальным экспертам-оценщикам. На настоящий момент единообразная практика оценки данных активов еще не сложилась и суды в разных случаях поступают по-разному, фиксируя дату сделки с ценой актива на конкретную дату (не всегда совпадающей с ценой на конкретную минуту заключения сделки), либо же

привлекая специалистов и назначая судебную экспертизу по ходатайству сторон.

В отсутствии конкретной методики действия с подобными активами представляется единственно возможным и правильным действием со стороны управляющего – заявлять о проведении экспертизы в случае наличия каких-либо сомнений или возражений относительно стоимости актива.

Алгоритм действий конкурсного управляющего и практические рекомендации

В контексте проанализированной судебной практики и выявленных процессуальных проблем представляется возможным сформулировать последовательный алгоритм действий арбитражного управляющего, направленный на эффективное выявление и последующее оспаривание сделок с цифровыми активами. Начальным и обязательным этапом этого алгоритма является формирование запроса непосредственно в адрес должника, в котором должны быть истребованы сведения о наличии любых цифровых финансовых активов, включая криптовалюту, с указанием конкретных адресов личных кабинетов на торговых и иных онлайн-платформах, а также логинов, паролей и, что особенно важно, криптографических ключей доступа, поскольку владение такими ключами является единственным юридически значимым подтверждением права распоряжения цифровым активом.

Одновременно с этим финансовым управляющим должны быть направлены запросы о предоставлении информации и числящихся активах на счетах должника в адрес известных криптовалютных бирж и операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск и учет цифровых финансовых активов. В последнее время данные запросы встречаются чаще и направляются управляющими также шаблонно, как и обычные банковские запросы.

В свою очередь, зарубежные криптовалютные площадки зачастую игнорируют данные запросы, что создает дополнительные трудности при сборе информации и даже истребование указанных сведений в арбитражном суде в порядке ст. 66 АПК РФ не гарантируют получение необходимых сведений.

В свою очередь, полученные в результате указанных действий данные о цифровых активах должника должны быть тщательно проанализированы самим управляющим, либо привлеченными специалистами в указанной сфере. Такой анализ позволяет не только верифицировать предоставленные должником данные, но и выявить скрытые цепочки транзакций, что в ряде случаев может служить основой для выводов о выводе активов в преддверии банкротства.

На этапе подготовки заявления о признании сделки или операции недействительными управляющему необходимо акцентировать внимание суда на отсутствии или недоказанности встречного предоставления, а также на дальнейшем опровержении доводов контрагента о реальности сделки, особенно в ситуациях, когда последний ссылается на устные договоренности или сделки, совершенные через анонимные платформы. Важным элементом тактики является одновременное заявление ходатайства о назначении судебной экспертизы, предметом которой могут быть как определение рыночной стоимости цифровой валюты на момент совершения сделки, так и подтверждение или опровержение факта перевода цифровых активов, что особенно актуально ввиду отсутствия в арбитражном процессе устоявшейся практики оценки подобных объектов.

Наконец, на протяжении всего судебного разбирательства управляющий должен занимать активную процессуальную позицию, своевременно представляя возражения на доводы ответчика, заявляя ходатайства о приобщении дополнительных доказательств и, в случае необходимости, об истребовании сведений у третьих лиц, включая операторов связи и провайдеров, у которых могут находиться сведения о IP-адресах, использовавшихся при совершении оспариваемых операций. Реализация всех перечисленных этапов в их совокупности создает необходимые предпосылки для успешного оспаривания подозрительных сделок с цифровыми активами и пополнения конкурсной массы за счет возврата незаконно выведенных средств.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что институт оспаривания подозрительных сделок с цифровыми финансовыми активами находится в стадии активного формирования. Анализ судебной практики свидетельствует о формирующейся готовности судов квалифицировать цифровую валюту в качестве имущества, подлежащего включению в конкурсную массу, а также признавать сделки с ней подозрительными. В то же время сохраняют актуальность проблемы, обусловленные отсутствием унифицированных методик оценки цифровых активов, трудностями получения доказательственной информации от иностранных криптовалютных бирж, а также потребностью в дальнейшем развитии института судебной экономико-цифровой экспертизы. Перспективными направлениями являются совершенствование законодательства о цифровых активах применительно к процедурам банкротства, разработка механизмов учета и реализации цифровых активов в конкурсной массе, а также повышение квалификации арбитражных управляющих в области работы с цифровыми активами.

Литература

1. Пивоварова Е.Г. Актуальные вопросы исследования цифровых активов в процедурах несостоятельности (банкротства) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2026. № 4. С. 106–112. DOI: 10.17803/2311-5998.2026.140.4.106-112.
2. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 5021.
3. Саженов А.В. Криптовалюты как новый вид бестелесных вещей // Современные информационные технологии и право: монография. – М.: Статут, 2019. С. 157–180.
4. Ефимова Л.Г. Криптовалюты как объект гражданского права // Хозяйство и право. – 2019 г. – № 4. С. 17–25. EDN: ZDIMPZ.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51 ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
6. Определение Девятого арбитражного апелляционного суда от 05.03.2018 по делу № А40–124668/2017. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 07.08.2026).
7. Суд признал криптовалюту имуществом // Вести.Ru. 2026. 21 августа. – URL: https://www.vesti.ru/article/1404550 (дата обращения: 07.08.2026).
8. Семенов А.В. Цифровые финансовые активы в банкротстве // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2024. Т. 9, вып. 2. С. 40–44. DOI: 10.47475/2618-8236-2024-9-2-40-44, EDN: BTFRDZ.
9. Цифровые активы в конкурсной массе // RusBankrot.ru. 2026. 22 июля. – URL: https://rusbankrot.ru/people/tsifrovye-aktivy-v-konkursnoy-masse/ (дата обращения: 07.09.2026).
10. Ляшкова М.О. Цифровые финансовые активы, цифровые валюты и банкротство // Современное право. 2025. № 6. С. 137–140. DOI: 10.25799/NI.2025.28.58.025, EDN: WICWGX.
11. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 24.07.2025 по делу № А67–7914/2023. – URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 07.09.2026).
12. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 13.05.2025 № Ф04–7859/2024 по делу № А45–17344/2022. – URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 07.09.2026).
13. Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 29.09.2025 по делу № А04–7241/2023. – URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 07.09.2026).

DETECTION AND PROOF OF SUSPICIOUS TRANSACTIONS INVOLVING DIGITAL FINANCIAL ASSETS IN BANKRUPTCY PROCEEDINGS

Evdokimov D.A.
Academy of Labor and Social Relations

This article examines problematic aspects related to identifying and substantiating the grounds for declaring invalid the debtor's transactions involving digital financial assets within the framework of insolvency proceedings. The paper analyses the legal nature of digital assets as an object of civil rights and their classification for the purpose of inclusion in the debtor's bankruptcy estate. Special attention is paid to the mechanisms for obtaining information about digital assets held by the debtor, as well as to the difficulties arising in proving the inequality of consideration and the counterparty's knowledge in the process of challenging the relevant transactions. Based on the analysis of judicial practice, the paper formulates practical recommendations for arbitration managers.

Keywords: bankruptcy, insolvency administrator, bankruptcy estate, digital financial asset, asset liquidation, cryptocurrency, suspicious transaction.

References

1. Pivovarova E.G. Topical Issues Regarding the Study of Digital Assets in Insolvency (Bankruptcy) Proceedings // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MSAL). 2026. № 4. P. 106–112. DOI: 10.17803/2311-5998.2026.140.4.106-112.
2. Federal Law № 259-FZ dated July 31, 2020, «On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. № 31. Art. 5021.
3. Sazhenov A.V. Cryptocurrencies as a New Type of Incorporeal Property // Modern Information Technologies and Law: Monograph. – Moscow: Statut, 2019. P. 157–180.

4. Efimova L.G. Cryptocurrencies as an Object of Civil Law // Economy and Law. – 2019. – № 4. P. 17–25. EDN: ZDIMPZ.

5. Civil Code of the Russian Federation (Part One) № 51-FZ dated November 30, 1994 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301.

6. Ruling of the Ninth Commercial Court of Appeal dated March 5, 2018, in Case № A40–124668/2017. URL: https://kad.arbitr.ru (date of access: August 7, 2026).

7. Court Recognizes Cryptocurrency as Property // Vesti.Ru. 2026. August 21. – URL: https://www.vesti.ru/article/1404550 (accessed: 07.08.2026).

8. Semenov A.V. Digital Financial Assets in Bankruptcy // Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law. 2024. Vol. 9, Iss. 2. P. 40–44. DOI: 10.47475/2618-8236-2024-9-2-40-44, EDN: BTFRDZ.

9. Digital Assets in the Bankruptcy Estate // RusBankrot.ru. 2026. July 22. – URL: https://rusbankrot.ru/people/tsifrovye-aktivy-v-konkursnoy-masse/ (accessed: 07.09.2026).

10. Lyashkova M.O. Digital Financial Assets, Digital Currencies, and Bankruptcy // Modern Law. 2025. № 6. P. 137–140. DOI: 10.25799/NI.2025.28.58.025, EDN: WICWGX.

11. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District dated July 24, 2025, in Case № A67–7914/2023. – URL: https://kad.arbitr.ru (accessed: 07.09.2026).

12. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District dated May 13, 2025, № F04–7859/2024 in Case № A45–17344/2022. – URL: https://kad.arbitr.ru (accessed: 07.09.2026).

13. Resolution of the Sixth Commercial Court of Appeal dated September 29, 2025, in Case № A04–7241/2023. – URL: https://kad.arbitr.ru (accessed: September 7, 2026).

Установление судебной юрисдикции по трансграничным спорам с участием потребителей в соответствии с международными договорами в условиях цифровизации

Зарубина Эльвира Анатольевна,
аспирант кафедры международного частного права
Московского государственного юридического университета
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: elvirazarubina1@gmail.com

Статья посвящена рассмотрению вопросов об установлении судебной юрисдикции по трансграничным спорам с участием потребителей по правилам международных договоров. Автором делается вывод, что Минская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г. и Кишиневская конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 г. не содержат специальных правил об установлении судебной юрисдикции по потребительским сделкам в цифровой среде. При определении судебной юрисдикции по правилам Варшавской конвенции для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок 1929 г. и Монреальской конвенции для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок 1999 г. автор исследует судебную практику Российской Федерации, Китая, государств-членов Европейского союза, США, Индии и Бразилии.

Ключевые слова: потребитель, международный договор, критерий направленной деятельности, киберпространство, судебная юрисдикция.

При разрешении как международных коммерческих споров, так и споров с участием потребителей возникает вопрос о соотношении и применении норм национального и международного права при установлении судебной юрисдикции. Большинство действующих международных конвенций, например, Венская конвенция о международной купле-продаже товаров 1980 г. не применяется к сделкам по продаже товаров, которые приобретаются для личного, семейного или домашнего использования (п. «а» ст. 2). Аналогичное исключение потребительских сделок из сферы применения воспринято и в других международных конвенциях. Например, в Гаагской конвенции в отношении соглашений о выборе суда 2005 г. (пп. «а» п. 1 ст. 2), в Нью-Йоркской конвенции об исковой давности в международной купле-продаже товаров 1974 г. (п. «а» ст. 4). Такой подход обусловлен тем, что указанные Конвенции распространяются на международные коммерческие сделки, а не на потребительские сделки.

Вместе с тем существует несколько Конвенций универсального и регионального уровня, которые не выводят из сферы своего применения потребительские сделки. Например, Варшавская конвенция для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок 1929 г. (далее – Варшавская конвенция 1929 г.) и Монреальская конвенция для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок 1999 г. (далее – Монреальская конвенция 1999 г.).

Сделки с участием потребителей также не исключены из сферы применения некоторых региональных соглашений по вопросам международного гражданского процесса; о них вовсе ничего не говорится ни в Минской конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 1993 г. (далее – Минская конвенция 1993 г.), ни в Кишиневской конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам 2002 г. (далее – Кишиневская конвенция 2002 г.).

В настоящей статье мы проанализируем положения об установлении судебной юрисдикции по правилам Варшавской конвенции 1929 г., Монреальской конвенции 1999 г., Минской конвенции 1993 г., Кишиневской конвенции 2002 г.

В Монреальской конвенции 1999 г. в отличие от Варшавской конвенции 1929 г. признается важность обеспечения защиты интересов потребителей при международных воздушных перевозках и необходимость обеспечения справедливой компенсации на основе принципа наиболее полного возмещения, о чем указано в преамбуле Монреальской конвенции 1999 г.

Правила об определении подсудности споров установлены в п. 1 ст. 28 Варшавской конвенции 1929 г., согласно которым иски об ответственности перевозчика могут быть предъявлены в пределах территории одного из государств – участников Конвенции: 1) в суде по месту жительства перевозчика, по месту его основного коммерческого предприятия; 2) по месту, где перевозчик имеет коммерческое предприятие, посредством которого был заключен договор; 3) в суде места назначения перевозки.

Аналогичные правила об определении подсудности споров предусмотрены и в п. 1 ст. 33 Монреальской конвенции 1999 г. Единственным нововведением в части определения подсудности было введение пятой юрисдикции в п. 2 ст. 33 Монреальской конвенции 1999 г., которая заключается в возможности потерпевшего обратиться в суд на территории государства, в котором потерпевший имеет место жительства на момент происшествия. Возможность предъявления иска в суд по данному основанию предусматривается только по деликтным спорам: в случае причинения вреда жизни и здоровью потерпевшего.

Правила об определении подсудности споров, обозначенные в Монреальской конвенции 1999 г. не просто разграничивают, в суды какого государства можно предъявить иск, но и распределяют внутреннюю подсудность дел в пределах этих государств [2]. Эти же утверждения характерны и для Варшавской конвенции 1929 г.

До момента ратификации Российской Федерацией Монреальской конвенции 1999 г. В.А. Канашевский отмечал, что российские суды ссылались только на нормы национального законодательства о защите прав потребителей для обоснования своей юрисдикции и при этом совершенно не учитывали, что отношения подпадают под действие Варшавской конвенции 1929 г. [1, с. 108, 109].

По мнению ученого, российские суды также не давали оценку тому, что договоры заключаются в сети Интернет не напрямую с перевозчиком, а через его посредников (онлайн-платформы) [1, с. 109]. Подобная практика встречается довольно часто. Крупные онлайн-платформы по купле-продаже авиабилетов позволяют приобрести их по всему миру, без необходимости обращаться к авиаперевозчику напрямую.

Здесь стоит отметить судебные решения, в которых российский суд применяет российское право именно потому, что авиабилет был приобретен через онлайн-платформу (которая не является перевозчиком). Подобная практика является ошибочной и приводит к необоснованному замещению норм иностранного права российским правом. Суды фактически не учитывают, что онлайн-платформа – это не сторона договора международной воздушной перевозки, а информационный посредник между потребителем и перевозчиком [8].

С момента принятия Федерального закона «О присоединении Российской Федерации к Конвенции для унификации некоторых правил международных воздушных перевозок» № 52-ФЗ от 3 апреля 2017 года, судебная практика применения норм о подсудности по Монреальской конвенции 1999 г. не отличилась единообразием.

Некоторые судебные решения содержат обоснование, что при заключении сделок с перевозчиками в сети Интернет судам необходимо оценивать местонахождение коммерческого предприятия с учетом доказательств ведения коммерческой деятельности авиакомпании в стране места жительства потребителя для целей установления юрисдикции в этой стране. Во внимание должны приниматься наличие договорных связей перевозчиков с аэропортами, расположенными в государствах – участниках Конвенции, факт осуществления перевозок из аэропортов, расположенных на территории РФ и прочие обстоятельства [6, 10].

В других решениях суды приходят к выводу, что, поскольку Российская Федерация является участницей обозначенной Конвенции, то обращение потребителя в суд, расположенный на территории Российской Федерации, обоснованно [11].

Аутентичный текст п. 1 ст. 28 Варшавской конвенции 1929 г. и п. 1 ст. 33 Монреальской конвенции 1999 г., позволяет заключить, что перечень мест, в которых допускается предъявление иска пассажиром, разделяется союзом «либо», «или». Участие государства в определенной Конвенции должно учитываться с целью возможности ее применения, но только при дословном прочтении судом норм, закрепленных в ней.

Встречаются судебные решения, где для определения подсудности суды делают ссылки только на национальное право (п. 2 ч. 3 ст. 402 ГПК РФ) [11]. Пункт 2 ч. 3 ст. 402 ГПК РФ содержит специальное правило, которое позволяет российским судам устанавливать свою юрисдикцию при наличии направленной рекламы на потребителей, находящихся на территории РФ. Потребитель может инициировать судебный процесс по месту своего жительства при наличии интернет-сайта, деятельность которого ориентирована на территорию этой страны. В качестве признаков, свидетельствующих об ориентации интернет-сайта на территорию страны места жительства потребителя, рассматриваются: язык, валюта платежа, контактные данные, относящиеся к определенному географическому диапазону [3, 4].

Анализ судебной практики зарубежных стран позволяет также отметить отсутствие единообразия при толковании положений о подсудности в Варшавской конвенции 1929 г. и Монреальской конвенции 1999 г.

Первый подход заключается в том, что суды (США (штат Калифорния) [13], Италии [14]) считают, что потребитель вправе обратиться с иском в суд по месту своего жительства, поскольку доступность сайта или возможность покупки авиабилетов в его стране уже свидетельствует о том, что предприятие перевозчика ведет свою деятельность в этой стране.

Например, в решении итальянского суда по делу итальянских потребителей против российской авиакомпании «Аэрофлот» [14] суд пытался найти критерии, по которым можно было бы определить местонахождение коммерческого предприятия, посредством которого был заключен договор. В итоге суд пришел к выводу, что поиск места расположения серверов авиакомпаний является затруднительным для потребителя. По мнению итальянского суда, если переговоры и покупка авиабилетов осуществлялись полностью в режиме онлайн, юрисдикция суда может осуществляться по месту жительства потребителя.

Данная позиция итальянского суда в значительной степени повторяет аргументацию американского суда по делу *Polanski v. KLM Royal Dutch Airlines* [13]. Американский суд также отвергал идею поиска серверов и иных технических индикаторов и посчитал, что место расположения компьютера пассажира свидетельствует о ведении бизнеса иностранной авиакомпании на территории страны места жительства потребителя. Такой подход иностранных судов представляется нам спорным.

Второй подход, отраженный в решениях судов Люксембурга [15], провинции Квебек [16], Франции [17]) основан на том, что для установления юрисдикции национального суда недостаточно только одной доступности сайта для определения местонахождения коммерческого предприятия перевозчика, посредством которого был заключен договор. В деле *Charbonneau et al v Scoot Pte Ltd* [16]. суд отметил, что было бы неверным толковать п. 1 ст. 33 Монреальской конвенции 1999 г. по месту расположения персонального компьютера пользователя.

Ко второму подходу следует отнести и Китай. В разъяснениях, размещенных на официальном сайте Верховного народного суда КНР, указано, что местонахождение коммерческого предприятия должно определяться только через его представительство или агента. При этом ничего не говорится об интернет-сайтах перевозчика [12].

Представляется, что представители первой группы государств расширительно интерпретируют термин «местонахождение коммерческого предприятия, посредством которого был заключен договор». Такой подход не соответствует общепризнанным правилам толкования международных договоров. В соответствии с п. 1 ст. 31 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г. договор должен толковаться добросовестно, в соответствии с обычным значением, которое следует придавать его терминам в их контексте, а также в свете объекта и целей договора.

Для понимания смысла положений настоящих Конвенций нам необходимо обратиться к тексту самих Конвенций, а также к материалам их разработки. Как упоминалось ранее, Варшавская конвенция 1929 г. и Монреальская конвенция 1999 г. охватывает и потребительские сделки. Последнее означает, что правила подсудности споров, установленные в данных Конвенциях, применимы и к потребительским сделкам.

С точки зрения возможности толкования некоторых оснований для установления подсудности споров с учетом цифровизации гражданского оборота необходимо исключить Варшавскую конвенцию 1929 г., поскольку в данный период электронные средства коммуникации еще только разрабатывались.

Подготовительные материалы *(travaux préparatoires)* к Монреальской конвенции 1999 г. также не подтверждают, что разработчики данной Конвенции намеревались признавать местонахождением коммерческого предприятия перевозчика государство, в котором только доступен интернет-сайт перевозчика.

Указанные материалы свидетельствуют, что вопрос расширения юрисдикционных возможностей потребителя обсуждался применительно к введению пятой юрисдикции, предусмотренной п. 2 ст. 33 Монреальской конвенции 1999 г., предоставляющей пассажиру право предъявить иск по месту своего жительства лишь по требованиям о возмещении вреда жизни или здоровью [23], при соблюдении определенных требований, указанных в п. 2 ст. 33 Монреальской конвенции 1999 г., а именно: на территории государства-участника, в котором пассажир на момент происшествия имеет основное и постоянное место жительства и в которое или из которого перевозчик предоставляет услуги, связанные с воздушной перевозкой пассажиров либо на собственных воздушных судах, либо на воздушных судах другого перевозчика на основании коммерческого соглашения и в котором этот перевозчик осуществляет деятельность, связанную с воздушной перевозкой пассажиров, используя помещения, арендуемые самим перевозчиком или другим перевозчиком, с которым он имеет коммерческое соглашение, или принадлежащие ему или другому перевозчику.

Пункт 2 ст. 33 Монреальской конвенции 1999 г. допускает установление юрисдикции в государстве постоянного проживания истца при условии, что перевозчик выполняет рейсы в это государство или из него. В нем не оговаривается необходимость наличия прямой связи между деятельностью перевозчика в государстве проживания истца и теми действиями, которые причинили истцу вред. Перевозчик-ответчик может быть вынужден участвовать в судебном разбирательстве по иску, связанному с причинением вреда, который никак не относится к его коммерческой деятельности или операциям в том государстве, где подан иск.

Определение местонахождения коммерческого предприятия, посредством которого был заключен договор, только по наличию сайта в стране места жительства потребителя носит пропотребительский характер. Такое толкование ведет к рискам привлечения перевозчика в суды нескольких юрисдикций, что налагает бо́льшие издержки на представителей иностранных авиакомпаний для участия в нескольких судебных процессах.

Также существуют риски злоупотребления со стороны потребителей в эпоху, когда иностранные авиакомпании не осуществляют рейсы

в страны, для которых введены ограничительные меры одностороннего характера («санкции»). Несмотря на то, что санкции являются незаконными и противоречат публичному порядку РФ, было бы нелогично привлекать таких перевозчиков в российские суды, если потребитель купил билет в стране, в которой он имеет место жительство, при отсутствии каких-либо доказательств ведения бизнеса авиакомпанией в этой стране.

В современных условиях, характеризующихся сокращением числа физических представительств перевозчиков и их агентов, а также дематериализацией процесса приобретения авиабилетов, толкование места заключения договора при его оформлении в электронной форме как аэропорта, в котором перевозчик непосредственно либо посредством коммерческого соглашения с другим перевозчиком осуществляет регистрацию пассажиров и их багажа, могло бы соответствовать целям и обеспечивать реализацию намерений, лежащих в основе Монреальской конвенции 1999 г. Вместе с тем закрепление такого подхода потребовало бы внесения соответствующих изменений в Монреальскую конвенцию 1999 г. путем принятия дополнительного протокола к ней.

Проблема толкования термина «местонахождение коммерческого предприятия, посредством которого был заключен договор» встречается при решении вопроса, может ли рассматриваться агент перевозчика как его предприятие.

В деле *Harsharn Kaur Dhaliwal v. Lufthansa German Airlines & Ors* [18] потребитель предъявил требования к авиакомпаниям Lufthansa, British Airways и агенту в Индии. Авиакомпании возражали против юрисдикции этой страны.

Индийская комиссия рекомендовала установить юрисдикцию суда не на основании ст. 33 Монреальской конвенции 1999 г., а на основании раздела 11(2) Consumer Protection Act 1986. Индийский суд указал, что билеты были приобретены у агента в г. Чандигарх (Индия), поэтому часть исполнения обязательств имела место в Индии. Суд отдельно анализировал Монреальскую конвенцию 1999 г., но при определении территориальной подсудности опирался на национальный закон.

В другом деле *Sara Pimentel Lopes dos Santos v. TAP Air Portugal* [20] бразильский суд указал, что применение Монреальской конвенции 1999 г. по спорам, вытекающим из международных воздушных перевозок, не исключает применения положений национального Гражданского кодекса Бразилии. Пункт 2 статьи 75 Гражданского кодекса Бразилии гласит: «Если администрация или совет директоров имеют свою штаб-квартиру за границей, местом жительства юридического лица в отношении обязательств, принятых каждым из его подразделений, является местонахождение его представительства в Бразилии, которому оно соответствует». Как указал суд, агентство ответчика, расположенное в Бразилии, может рассматриваться как местонахождение представительства авиакомпании в Бразилии.

Итальянский кассационный суд [14] исходил из того, что, если туристическое агентство имеет право выдавать авиабилет от имени авиакомпании, оно может рассматриваться в качестве ее офиса по продаже авиабилетов. При этом суд специально допустил возможность обратного доказательства: агент мог быть только независимым посредником, например действовать на основании IATA Sales Agency Agreement, а не прямого соглашения с перевозчиком. Однако именно перевозчик должен заявить и представить доказательства об этом.

Суды США исследуют наличие любых связей перевозчиков в конкретной юрисдикции. В деле Eck v. United Arab Airlines, Inc. [22] пассажир приобрёл билет в штате Окленд через офис Scandinavian Airlines Systems (далее – «SAS»), хотя фактическим перевозчиком являлась авиакомпания United Arab Airlines (далее – «UAA»). Возник вопрос, может ли офис SAS рассматриваться как «местонахождение коммерческого предприятия» авиакомпании по п. 1 ст. 28 Варшавской конвенции 1929 г. Суд придал значение практике продажи билетов UAA через другое авиапредприятие и наличию агентских связей. Суд подчеркнул, что наличие агента может рассматриваться как местонахождение коммерческого предприятия.

В решении Федерального Верховного суда Германии [22] указано, что было бы неверным требовать от пострадавшей стороны добиваться правосудия в основном месте ведения бизнеса авиакомпании или в месте назначения перевозчика – в стране местонахождения авиакомпании. Если иностранная авиакомпания не имеет собственных филиалов или офисов в Германии, а вместо этого регулярно использует независимые агентства для заключения договоров перевозки, потребитель будет полностью лишен юрисдикции в этой стране. Авиакомпания должна нести ответственность в месте ведения своей деятельности, в частности, в случаях, когда агентство действует от имени авиакомпании.

Зарубежная судебная практика не выработала единообразного подхода к квалификации независимого агента как предприятия авиаперевозчика для целей п. 3 ст. 33 Монреальской конвенции 1999 г. В одних правопорядках определяющее значение придаётся функциональной связи агента с договором на покупку конкретного билета от имени перевозчика, в других – наличию устойчивых отношений между принципалом и агентом.

Теперь обратимся к нормам Минской конвенции 1993 г. и Кишиневской конвенции 2002 г. В них установлены общие правила установления судебной юрисдикции: по месту жительства ответчика – физического лица, по местонахождению органа управления, представительства или филиала – юридического лица. (п. 1 ст. 20 Минской конвенции 1993 г. и п. 1 ст. 22 Кишиневской конвенции 2002 г.) Пункт 2 ст. 20 Минской конвенции 1993 г. и п. 2 ст. 22 Кишиневской конвенции 2002 г. также содержат идентичные положения о подсудности спора на территориях договаривающихся государств, где: а) осуществляется торговля, промышленная или иная хозяйственная деятельность предприятия (филиала); б) должно быть полностью или частично исполнено обязательство из договора, являющегося предметом спора; в) имеет постоянное место жительства или местонахождение истец по иску о защите чести, достоинства и деловой репутации.

Возвращаясь к ранее упомянутому тезису, что договоры заключаются в сети Интернет, возникает вопрос, можно ли соотносить положения подп. «а» п. 2 ст. 20 Минской конвенции 1993 г. и подп. «а» п. 2 ст. 22 Кишиневской конвенции 2002 г. с положениями п. 2. ч. 3 ст. 402 ГПК РФ.

В апелляционном определении Волгоградского областного суда от 18.04.2024 № 33–4543/2024 помимо положений Минской конвенции 1993 г. совокупно исследовались и другие основания для установления российским судом своей юрисдикции, в частности, доказательства о направленной рекламе казахстанской компании на потребителей на территории РФ, наличие филиалов, предприятий, а также факт исполнения договора на территории РФ [9].

По смыслу определения Верховного суда РФ от 24.07.2001 № 8-Г01–4 подп. «а» п. 2 ст. 20 Минской конвенции 1993 г. следует толковать широко, рассматривая любую хозяйственную деятельность ответчика без каких-либо исключений [5].

Как указывалось ранее, положения Минской конвенции 1993 г. и Кишиневской конвенции 2002 г. не содержат специальных правил о подсудности споров, возникающих из сделок с участием потребителей, заключенных в электронной форме. Применительно к сделкам с участием потребителей, заключенных в электронной форме, имеется пробел в указанных Конвенциях, поскольку традиционные правила о подсудности споров, закрепленные в указанных Конвенциях, не позволяют определить компетентный суд в ситуации, когда иностранный предприниматель не имеет в конкретной стране филиалов, представительств, но направляет на потребителей данного государства рекламу в сети Интернет.

При невозможности разрешения пробела посредством толкования положений соответствующего международного договора, вопрос должен разрешаться на основании норм национального законодательства. Такой подход не противоречит ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, поскольку при отсутствии в международном договоре специальных правил регулирования соответствующего вопроса отсутствует коллизия между нормами международного договора и нормами национального законодательства.

Если истцом выступает иностранный предприниматель, а не потребитель, необходимость предоставления иностранному предпринимателю специальной юрисдикционной защиты отсутствует. В связи с этим определение подсудности спора должно осуществляться по общим правилам соответствующих Конвенций, без применения норм национального законодательства.

В условиях цифровизации гражданского оборота и расширения возможностей потребителей по приобретению товаров (работ, услуг) в сети Интернет возникают сложности с толкованием и применением положений международных конвенций. Использование российским законодателем гибких критериев, в частности критерия направленной рекламы, не должно приводить к расширительному или искаженному пониманию положений международных договоров, а также к смешению норм национального законодательства с нормами международного права.

Литература

1. Канашевский В.А. Определение применимого права к договору международной перевозки пассажиров в российской судебной практике // Журнал российского права. Т. 3. № 10. 2015. С. 99–110.

2. Щукин А.И. Договор международной воздушной перевозки пассажиров и багажа: определение компетентного суда // ИЗиСП, Контракт. 2021 // СПС КонсультантПлюс.

3. Постановление Пленума Верховного суда РФ «О применении норм международного частного права» от 09.07.2019 № 24 // СПС КонсультантПлюс

4. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РФ от 15.12.2020 № 34-КГ20–6-К3 // СПС КонсультантПлюс

5. Определение Верховного суда РФ от 24.07.2001 № 8-Г01–4 // СПС КонсультантПлюс.

6. Обзор судебной практики Верховного суда Чувашской Республики по гражданским и административным делам № 1/2020 // СПС КонсультантПлюс.

7. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 07.05.2025 № 88–6105/2025 // СПС КонсультантПлюс.

8. Апелляционное определение Московского городского суда от 04.12.2023 по делу № 33–53600/2023 // СПС КонсультантПлюс.

9. Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 18.04.2024 № 33–4543/2024 // СПС КонсультантПлюс.

10. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 22.01.2019 по делу № 33–1174/2019;

11. Апелляционное определение Московского городского суда от 28.05.2024 № 33–16642/2024 // СПС КонсультантПлюс.

12. Позиция Верховного народного суда КНР по вопросу толкования места нахождения коммерческого предприятия перевозчика, посредством которого был заключен договор // URL: https://www.court.gov.cn/zixun/xiangqing/446311.html? (дата обращения: 01.08.2026).

13. Polanski v. KLM Royal Dutch Airlines Цит. по Tillery, R. Airline Liability – The Warsaw Convention – United States District Court of the Southern District of California Holds That the Passenger May Bring Suit in the United States because It Is KLM's Place of Business through Which the Contract Was Made: Polanski v. KLM Royal Dutch Airlines, 71 J. AIR L. & COM. 91 (2006)

14. Corte di Cassazione, sez. Unite Civile, Ordinanza n.18257 del 08/07/2019 // URL: https://www.misterlex.it/cassazione-civile/2019/18257/ (дата обращения: 01.08.2026).

15. Justice de paix de Luxembourg Cité Judiciaire – Plateau du St. Esprit – Bâtiment JP n 2830/2024 // URL: https://download.data.public.lu/resources/justice-de-paix-luxembourg-ipa-rpl/20241021–020620/20240924-jplrpl-2830-pseudonymise-accessible.pdf (дата обращения: 01.08.2026).

16. Charbonneau et al v Scoot Pte Ltd. См.: https://cms.law/en/gbr/legal-updates/aviation-e-ticketing-jurisdiction-under-the-montreal-convention-1999 (дата обращения: 01.08.2026).

17. CA Toulouse, 07–03–2019, n 18/05005 // URL: https://sfdas.org/wp-content/uploads/CA-Toulouse-7-mars-2019.pdf (дата обращения: 01.08.2026).

18. Harsharn Kaur Dhaliwal v. Lufthansa German Airlines & Ors URL // https://indiankanoon.org/doc/142223319/?utm_source (дата обращения: 07.09.2026).

19. Superior Tribunal de Justiça, Conflict of Competence № 172925/DF, Sara Pimentel Lopes dos Santos v. TAP Air Portugal URL: https://www.jusbrasil.com.br/jurisprudencia/stj/920444028/decisao-monocratica-920444038?utm_source (дата обращения: 07.09.2026)

20. Corte Suprema di Cassazione, Ordinanza n. 24632 del 5 novembre 2020 https://www.misterlex.it/cassazione-civile/2020/24632/ (дата обращения: 07.09.2026)

21. Eck v. United Arab Airlines, Inc., 360 F.2d 804 (2d Cir. 1966) https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/360/804/390725/?__cf_chl_rt_tk=ol0gOYo5fWMOBgHobGVzL0CG.Vu61Gv0t9h5R_inwWw-1788851213–1.0.1.1-Gwv80RdL_plvwOQbpGokTICktNf4YhsK-9KUq6JJpisY (дата обращения: 07.09.2026).

22. Bundesgerichtshof Urt.v. 16.06.1982, Az.: I ZR 100/80 // URL: https://www.anwalt24.de/urteile/bgh/1982–06–16/i-zr-100_80?utm_source (дата обращения: 07.09.2026).

23. International Civil Aviation Organization, International Conference on Air Law (Montreal, 10–28 May 1999), Doc 9740, Volume I (Minutes) / Volume II (Documents). P. 195–198.

ESTABLISHING JUDICIAL JURISDICTION OVER CROSS-BORDER CONSUMER DISPUTES UNDER INTERNATIONAL TREATIES IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Zarubina E.A.
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

This article examines the determination of judicial jurisdiction over cross-border disputes involving consumers under the rules of international treaties. The author concludes that neither the 1993 Convention on Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family and Criminal Matters (Minsk Convention) nor the 2002 Convention on Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family and Criminal Matters (Chisinau Convention) contains specific rules governing the determination of judicial jurisdiction over consumer transactions in the digital environment. In determining judicial jurisdiction under the 1929 Convention for the Unification of Certain Rules Relating to International Carriage by Air (Warsaw Convention) and the 1999 Convention for the Unification of Certain Rules for International Carriage by Air (Montreal Convention), the author examines judicial practice in the Russian Federation, China, the Member States of the European Union, the United States, India and Brazil.

Keywords: consumer, international treaty, directed activity criterion, cyberspace, judicial jurisdiction.

References

1. Kanashevsky V.A. Determination of the Applicable Law to International Passenger Carriage Contracts in Russian Judicial Practice // Journal of Russian Law. Vol. 3. № 10. 2015. P. 99–110.

2. Shchukin A.I. Contract for International Air Carriage of Passengers and Baggage: Determination of the Competent Court // IZiSP, Kontrakt. 2021 // ConsultantPlus Legal Reference System.

3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation «On the Application of Private International Law Rules» dated July 9, 2019, № 24 // ConsultantPlus Legal Reference System.

4. Ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 15, 2020, № 34-KG20–6-K3 // ConsultantPlus Legal Reference System.

5. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 24, 2001, № 8-G01–4 // ConsultantPlus Legal Reference System.

6. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Chuvash Republic regarding Civil and Administrative Cases № 1/2020 // ConsultantPlus Legal Reference System.

7. Ruling of the Seventh Cassation Court of General Jurisdiction dated May 7, 2025, № 88–6105/2025 // ConsultantPlus Legal Reference System.

8. Appellate Ruling of the Moscow City Court dated December 4, 2023, in Case № 33–53600/2023 // ConsultantPlus Legal Reference System.

9. Appellate Ruling of the Volgograd Regional Court dated April 18, 2024, № 33–4543/2024 // ConsultantPlus Legal Reference System. 10. Appellate Ruling of the Sverdlovsk Regional Court dated January 22, 2019, in Case № 33–1174/2019;

11. Appellate Ruling of the Moscow City Court dated May 28, 2024, № 33–16642/2024 // ConsultantPlus Legal Reference System.

12. Position of the Supreme People's Court of the PRC regarding the interpretation of the carrier's place of business through which the contract was concluded // URL: https://www.court.gov.cn/zixun/xiangqing/446311.html? (accessed: August 1, 2026).

13. Polanski v. KLM Royal Dutch Airlines. Cited in: Tillery, R. Airline Liability – The Warsaw Convention – United States District Court of the Southern District of California Holds That the Passenger May Bring Suit in the United States because It Is KLM's Place of Business through Which the Contract Was Made: Polanski v. KLM Royal Dutch Airlines, 71 J. AIR L. & COM. 91 (2006).

14. Corte di Cassazione, sez. Unite Civile, Ordinanza n. 18257 del 08/07/2019 // URL: https://www.misterlex.it/cassazione-civile/2019/18257/ (accessed: August 1, 2026).

15. Justice de paix de Luxembourg Cité Judiciaire – Plateau du St. Esprit – Bâtiment JP № 2830/2024 // URL: https://download.data.public.lu/resources/justice-de-paix-luxembourg-ipa-rpl/20241021–020620/20240924-jplrpl-2830-pseudonymise-accessible.pdf (accessed: 01.08.2026).

16. Charbonneau et al v Scoot Pte Ltd. See: https://cms.law/en/gbr/legal-updates/aviation-e-ticketing-jurisdiction-under-the-montreal-convention-1999 (accessed: 01.08.2026).

17. CA Toulouse, 07–03–2019, № 18/05005 // URL: https://sfdas.org/wp-content/uploads/CA-Toulouse-7-mars-2019.pdf (accessed: 01.08.2026).

18. Harsharn Kaur Dhaliwal v. Lufthansa German Airlines & Ors URL // https://indiankanoon.org/doc/142223319/?utm_source (accessed: 07.09.2026).

19. Superior Tribunal de Justiça, Conflict of Competence № 172925/DF, Sara Pimentel Lopes dos Santos v. TAP Air Portugal URL: https://www.jusbrasil.com.br/jurisprudencia/stj/920444028/decisao-monocratica-920444038?utm_source (accessed: 07.09.2026)

20. Corte Suprema di Cassazione, Order № 24632 of November 5, 2020 https://www.misterlex.it/cassazione-civile/2020/24632/ (accessed: September 7, 2026)

21. Eck v. United Arab Airlines, Inc., 360 F.2d 804 (2d Cir. 1966) https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/360/804/390725/?__cf_chl_rt_tk=ol0gOYo5fWMOBgHobGVzL0CG.Vu61Gv0t9h5R_inwWw-1788851213–1.0.1.1-Gwv80RdL_plvwOQbpGokTICktNf4YhsK9KUq6JJpisY (accessed: September 7, 2026).

22. Bundesgerichtshof Urt.v. 16.06.1982, Az.: I ZR 100/80 // URL: https://www.anwalt24.de/urteile/bgh/1982–06–16/i-zr-100_80?utm_source (accessed: September 7, 2026).

23. International Civil Aviation Organization, International Conference on Air Law (Montreal, 10–28 May 1999), Doc 9740, Volume I (Minutes) / Volume II (Documents). P. 195–198.

Автоматизированный анализ данных и обучение генеративных моделей искусственного интеллекта: проблема отсутствия надлежащего специального ограничения исключительных прав в российском праве

Захаров Антон Александрович,
аспирант, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Предметом исследования выступают нормы российского авторского права, определяющие правомерность автоматизированного анализа текста и данных (text and data mining) и обучения генеративных моделей искусственного интеллекта. Цель работы – установить, является ли действующий правовой режим надлежащим, и определить требования к специальному ограничению исключительных прав, пригодному для российского правопорядка. Задачи исследования: систематизировать основания правомерного использования охраняемых материалов при формировании обучающих корпусов; выявить объединяющую эти основания категорию; сопоставить зарубежные модели регулирования; оценить специальную норму Федерального закона от 26 июля 2026 г. № 243-ФЗ. Показано, что нормы части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации о свободном использовании произведений, о правах пользователя базы данных и об ограничениях права изготовителя базы данных создают лишь фрагментарные основания, не охватывающие формирование и длительное хранение обучающих корпусов. Установлено, что все эти нормы обусловлены категорией правомерного доступа, содержание которой законом не определено, что подтверждается противоречивой судебной практикой о пределах автоматизированного извлечения данных. Практическое применение результатов возможно при совершенствовании главы 70 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в правоприменительной деятельности при оценке правомерности формирования обучающих данных. Сформулированы требования к надлежащей модели ограничения: правомерный доступ, двухуровневое дозволение, машиночитаемое резервирование прав, режим хранения копий и распространение режима на право изготовителя базы данных.

Ключевые слова: искусственный интеллект; наборы данных; автоматизированный анализ текста и данных; исключительное право; свободное использование произведений; правомерный доступ; база данных; резервирование прав.

Введение

Обучение генеративных моделей искусственного интеллекта невозможно без воспроизведения огромных массивов контента, значительная часть которого охраняется авторским правом [10; 11]. Мировая практика 2023–2026 гг. показала, что центр правовых конфликтов сместился с результатов генерации на «входную» сторону технологии – правомерность формирования обучающих данных [2; 6].

В ряде правопорядков этот вопрос решен специальными ограничениями исключительных прав для автоматизированного анализа текста и данных (text and data mining, далее – TDM). Российское право до настоящего времени не располагает действующим общим дозволением такого рода, а принятый Федеральный закон от 26 июля 2026 г. № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации»[1] (далее – Закон № 243-ФЗ), как будет показано ниже, проблему в полной мере не решает. На момент подготовки настоящей статьи (сентябрь 2026 г.) закон вступил в силу в основной части, однако его статья 10, содержащая специальную норму об обучении моделей, вступает в силу лишь с 1 марта 2027 г..[2]

Актуальность темы определяется расхождением между темпами развития технологии и состоянием правового регулирования. Разработчик, формирующий обучающий корпус, вынужден действовать в условиях, при которых правомерность его действий не может быть установлена заранее, а правообладатель лишен практической возможности контролировать использование своих произведений. Цель работы – систематизировать основания, по которым действующий российский режим не может считаться надлежащим, и определить требования к специальному ограничению de lege ferenda.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили нормы части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации[3] (далее – ГК РФ), регулирующие свободное использование произведений и ограничения права изготовителя базы данных; Закон № 243-ФЗ; акты судебной практики Верховного Суда Российской Федерации и Суда по интеллектуальным правам; зарубежное законодательство (Директива (ЕС) 2019/790, Регламент (ЕС) 2024/1689, Закон Германии об авторском праве, Закон Японии об авторском праве, Закон Великобритании об авторском праве, дизайнах и патентах 1988 г., Закон Сингапура об авторском праве 2021 г., Временные меры КНР по управлению сервисами генеративного искусственного интеллекта); решения судов США и КНР; а также научные публикации российских и зарубежных авторов по проблематике использования охраняемых произведений при машинном обучении.

Методологическую основу составили формально-юридический метод, примененный при толковании норм части четвертой ГК РФ и Закона № 243-ФЗ; сравнительно-правовой метод, использованный при сопоставлении моделей регулирования TDM в различных правопорядках; метод анализа судебной практики, примененный при исследовании споров об автоматизированном извлечении данных; а также системный и логический методы, обеспечившие выявление общей категории, лежащей в основании разрозненных законодательных дозволений.

Результаты и обсуждения

Фрагментарность действующего российского регулирования

Действующая часть четвертая ГК РФ предоставляет лицу, использующему охраняемые материалы для подготовки обучающих данных без договора с правообладателем, лишь набор узких и разрозненных оснований. Квалификация самого обучения остается при этом предметом

[1] Федеральный закон от 26 июля 2026 г. № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2026. № 30. Ст. 4089.

[2] Части 1, 2 ст. 13 Закона № 243-ФЗ: пункты 3–5 части 2 статьи 5, части 2–5 статьи 6, статьи 8–10 вступают в силу с 1 марта 2027 г.

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

дискуссии: А.А. Никифоров не считает обучение как таковое использованием произведения в смысле ст. 1270 ГК РФ [3], тогда как Н.В. Бузова и Р.Л. Лукьянов подчеркивают юридическое значение сопровождающего его воспроизведения и хранения материалов [1, с. 120–121]. Для настоящего исследования принципиален именно этот последний аспект.

Во-первых, свободно используемы неохраняемые элементы: идеи, факты, официальные документы, сообщения информационного характера (п. 5, 6 ст. 1259 ГК РФ). Однако неохраняемость сведений не распространяется ни на форму их выражения, ни на структуру их систематизации: подбор и расположение материалов способны охраняться как составное произведение (п. 2 ст. 1260 ГК РФ), а инвестиции в создание базы данных – самостоятельным смежным правом изготовителя (ст. 1334 ГК РФ), действующим независимо от охраноспособности содержимого. Экономическая ценность массивов данных сама по себе не создает исключительного права на данные как таковые: их «пропертизация», по нашему мнению, противоречит и ст. 128 ГК РФ, и принципу свободы информации [5; 6, с. 130–131]. Тем важнее, что практически значимые массивы почти всегда «упакованы» в охраняемые формы и структуры.

Во-вторых, общие случаи свободного использования произведений имеют строго целевой характер. Цитирование и иллюстрирование (ст. 1274 ГК РФ) ограничены целями и объемом, оправданным целью; судебная практика, допустив цитирование фотографических произведений[1], сохранила оба ограничителя. Воспроизведение в личных целях (ст. 1273 ГК РФ) недоступно организациям и не охватывает создание корпусов для последующей неличной эксплуатации. Библиотечно-архивные льготы (ст. 1275 ГК РФ) обставлены условиями (единичность копий, отсутствие цели извлечения прибыли, пространственные ограничения доступа), не образующими общего разрешения на машинное обучение. Использование полных текстов и изображений в составе обучающего корпуса под эти конструкции не подпадает.

В-третьих, технологические дозволения не охватывают главного. Краткосрочная запись, составляющая неотъемлемую часть технологического процесса (подп. 1 п. 2 ст. 1270 ГК РФ), покрывает транзиторные копии при вычислениях, но не длительное хранение корпуса [1, с. 120–121] – целевое, длящееся воспроизведение, образующее самостоятельную экономическую ценность. Именно постоянные копии, а не транзиторные, составляют предмет реальных конфликтов: собранный корпус сохраняется на носителях, версионируется и используется в многократных циклах обучения на протяжении месяцев и лет. Права лица, правомерно владеющего экземпляром базы данных (ст. 1280 ГК РФ), ограничены действиями, необходимыми для ее функционирования по назначению, и не дозволяют использования содержимого для нового способа эксплуатации – обучения модели.

В-четвертых, специальные ограничения права изготовителя базы данных (ст. 1335.1 ГК РФ) адресованы лишь лицу, правомерно пользующемуся обнародованной базой данных, и либо отсылают к целям, для которых база предоставлена (то есть к договору), либо ограничены объемом, оправданным личными, научными, образовательными целями, либо несущественной частью базы данных; универсального дозволения на извлечение содержимого для обучения моделей эта статья не создает.

Итог очевиден: правомерность подготовки обучающих данных собирается из фрагментов с узкой предметной и целевой областью, а ключевые действия – формирование и длительное хранение корпуса – не покрыты ни одним из них. Цифровая среда требует от авторского права гибкости и баланса интересов правообладателей и пользователей [7]; применительно к TDM российский закон такого баланса не сформировал, что ставит развитие отечественных технологий в зависимость от правового риска, а правообладателей лишает механизма управляемой монетизации данных.

Категория правомерного доступа и уроки судебной практики

Систематизация приведенных норм обнаруживает объединяющую их особенность: каждая обусловливает дозволение той или иной формой правомерности – «правомерно обнародованное произведение» (ст. 1273, 1274 ГК РФ), «лицо, правомерно владеющее экземпляром» (ст. 1280 ГК РФ), «лицо, правомерно пользующееся базой данных» (ст. 1335.1 ГК РФ), «правомерное использование» как цель технологического процесса (подп. 1 п. 2 ст. 1270 ГК РФ). Категория правомерного доступа выступает, таким образом, системообразующей для всего внедоговорного использования, однако ни в одной норме она не определена, а ее словесные воплощения не согласованы между собой. Разграничение фактической доступности, договорных условий и технических ограничений существенно и для зарубежной дискуссии о пределах TDM [8; 12].

Цену этой неопределенности демонстрирует ключевой отечественный спор о больших данных – дело ООО «В Контакте» против ООО «Дабл» о правомерности автоматизированного сбора общедоступных данных пользователей социальной сети. За пять лет рассмотрения суды дали взаимоисключающие оценки одним и тем же фактам: первая инстанция дважды отказывала в иске (указав, в частности, что индексирование и кэширование общедоступной информации не нарушают смежного права на базу данных), апелляция дважды признавала нарушение, Суд по интеллектуальным правам направлял дело на новое рассмотрение[2], а завершился спор утверждением мирового соглашения[3] – без выработки прецедентной позиции.

Практикой при этом был нащупан принципиальный тезис, который можно выразить формулой «доступность не есть согласие»: общедоступность сведений в сети не тождественна разрешению на их массовое автоматизированное извлечение. Проекция на генеративный искусственный интеллект прямая: сбор общедоступного контента для обучения моделей образует тот же состав действий – автоматизированное извлечение материалов из чужих информационных систем – и наследует всю выявленную неопределенность. То, что единственный флагманский спор о больших данных завершился мировым соглашением после пяти лет взаимоисключающих судебных актов, означает, что работоспособного ориентира правоприменитель не дал ни правообладателям, ни разработчикам, и подтверждает необходимость законодательного решения. В литературе подчеркивается неготовность классических конструкций гражданского права к обороту данных без специальной законодательной адаптации [4; 7]; правомерность доступа в авторско-правовом смысле при этом не подменяет самостоятельных оснований обработки персональных данных [2].

Зарубежные модели: законодательство и судебная практика

Основу сравнительного материала составляют нормативные акты и судебная практика. В Европейском союзе ст. 3 и 4 Директивы (ЕС) 2019/790[4] закрепили двухуровневую модель: научные организации и учреждения культурного наследия вправе осуществлять TDM в исследовательских целях без возможности запрета со стороны правообладателя, а любые иные лица – при условии, что правообладатель прямо не зарезервировал свои права, причем для онлайн-контента резервирование должно выражаться машиночитаемыми средствами; обе нормы действуют лишь в отношении объектов, к которым имеется законный доступ (lawful access), и допускают хранение копий в необходимых пределах [8]. Регламент (ЕС) 2024/1689[5] обязал поставщиков моделей общего назначения соблюдать резервирование прав и публиковать резюме использованного для обучения контента; германская имплементация[6] воспроизводит связку «правомерный доступ + машиночитаемый отказ» с обязанностью удаления копий.

Япония избрала наиболее либеральную модель: ст. 30–4 Закона об авторском праве[7] дозволяет любое использование произведений, не имеющее целью восприятие выраженных в них мыслей или чувств, включая машинное обучение, без механизма резервирования, но с оговоркой о недопустимости неоправданного ущерба интересам правообладателя [13]. Великобритания[8] ограничила исключение некоммерческими исследованиями при законном доступе [10]; Сингапур[9] допустил вычислительный анализ данных при законном доступе с ограничением передачи копий третьим лицам.

Соединенные Штаты специальной нормы не имеют и решают вопрос через доктрину fair use [11], причем результаты расходятся: в деле Thomson Reuters v. Ross Intelligence в добросовестности использования отказано, в деле Bartz v. Anthropic обучение на правомерно приобретенных экземплярах признано трансформативным, но формирование библиотеки из заведомо контрафактных копий выведено за пределы защиты, а в деле Kadrey v. Meta суд, отклонив иск ввиду недоказанности рыночного вреда, специально оговорил, что это не озна-

[1] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25 апреля 2017 г. № 305-ЭС16–18302 по делу № А40–142345/2015.

[2] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 24 июля 2018 г. по делу № А40–18827/2017.

[3] Постановление Суда по интеллектуальным правам от 23 сентября 2022 г. по делу № А40–18827/2017 (об утверждении мирового соглашения).

[4] Directive (EU) 2019/790 of the European Parliament and of the Council of 17 April 2019 on copyright and related rights in the Digital Single Market. Art. 2(2), 3, 4 // OJ L 130, 17.05.2019. P. 92–125.

[5] Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence. Art. 53 // OJ L, 12.07.2024.

[6] Gesetz über Urheberrecht und verwandte Schutzrechte (UrhG). § 44b (введен Законом от 31 мая 2021 г. об имплементации Директивы (ЕС) 2019/790).

[7] Закон Японии об авторском праве (Закон № 48 от 6 мая 1970 г.). Ст. 30–4 (в ред. Закона № 30 от 25 мая 2018 г.).

[8] Copyright, Designs and Patents Act 1988 (UK). S. 29A.

[9] Copyright Act 2021 (Singapore). Ss. 243–244.

чает общей законности обучения на охраняемых материалах[1]. КНР пошла третьим путем: Временные меры по управлению сервисами генеративного искусственного интеллекта[2] не создают исключения из авторских прав, а предъявляют к поставщикам регуляторное требование использовать обучающие данные из законных источников; в китайской доктрине при этом обсуждается баланс между стимулированием индустрии и охраной прав правообладателей обучающих данных [14].

Сопоставление показывает, что модели по-разному комбинируют три переменные – требование правомерного доступа, механизм резервирования прав и (в доктринальных дискуссиях) вознаграждение [8; 9]. Резервирование прав не является универсальным условием: японская и сингапурская модели, как и исследовательское исключение ЕС, допускают использование без индивидуального согласия. Для российского права сочетание правомерного доступа и резервирования предлагается не как единственно возможное, а как предпочтительная модель баланса интересов.

Закон № 243-ФЗ: оценка специального ограничения

Закон № 243-ФЗ содержит в ч. 2 ст. 10 специальную норму, рассчитанную на обучение определенных законом категорий моделей: не является нарушением авторских и смежных прав обращение к информации, содержащейся в охраняемых объектах, в целях практического применения положений, составляющих их содержание, включая извлечение, сравнение, классификацию и анализ закономерностей, а также воспроизведение посредством краткосрочной записи в память ЭВМ исключительно для обучения суверенной и (или) национальной больших фундаментальных моделей – при условии правомерного получения экземпляра либо доведения объекта до всеобщего сведения и доступности для анализа без ограничения техническими средствами. Принятие нормы исключает характеристику российского права как полностью лишенного специального решения, но не снимает вопроса о его надлежащем содержании. Признавая сам шаг законодателя принципиально важным, отметим четыре уязвимости конструкции.

Во-первых, ограничение исключительных прав размещено вне ГК РФ, тогда как в силу п. 5 ст. 1229 ГК РФ такие ограничения устанавливаются Кодексом, что порождает коллизию, способную осложнить применение нормы в цивилистическом споре; потребность закрепления дозволения именно в части четвертой ГК РФ обосновывалась и в литературе [6, с. 136]. Само по себе это, однако, не влечет недействительности принятого закона.

Во-вторых, дозволение краткосрочной записи не легализует длительного хранения обучающего корпуса – то есть именно того действия, вокруг которого концентрируются мировые споры.

В-третьих, условия доступа рассогласованы: категория правомерного получения экземпляра вновь не определена, а альтернатива «доведен до всеобщего сведения без технических ограничений» прямо не требует правомерности самого доведения, создавая риск буквального истолкования в пользу использования неправомерно обнародованных копий; механизм юридически значимого резервирования прав (в том числе машиночитаемого) отсутствует, что расходится с моделью общего исключения ЕС и выработанным практикой принципом «доступность не есть согласие» [8; 12]. Это не равнозначно безусловной легализации неправомерных источников: пределы допуска требуют системного толкования с нормами об исключительных правах.

В-четвертых, привилегия предоставлена лишь разработчикам отдельных категорий моделей, что требует обоснования соразмерности ограничения прав неопределенного круга правообладателей в пользу специально определенного круга бенефициаров. Критерии таких моделей установлены ст. 6 Закона № 243-ФЗ, части 2–5 которой также вступают в силу с 1 марта 2027 г.; об общем дозволении для любых разработчиков речь не идет.

Подчеркнем: приведенная оценка относится к принятому закону, тогда как прогноз его правоприменения остается предварительным, поскольку ст. 10 вступает в силу лишь с 1 марта 2027 г. и на момент подготовки статьи не может считаться действующим основанием освобождения от ответственности.

Выводы

Проведенный анализ позволяет утверждать, что надлежащего ограничения исключительных прав для автоматизированного анализа данных и обучения генеративных моделей в российском праве нет: действующие нормы фрагментарны, не охватывают формирования и хранения обучающих корпусов и опираются на неопределенную категорию правомерного доступа, а закрепленная в ч. 2 ст. 10 Закона № 243-ФЗ конструкция, вступающая в силу с 1 марта 2027 г., воспроизводит эту неопределенность.

Надлежащая модель, по нашему мнению, должна отвечать пяти требованиям. Она должна закрепляться в главе 70 ГК РФ с корреспондирующими правилами о праве изготовителя базы данных, что устраняет коллизию с п. 5 ст. 1229 ГК РФ. Она должна основываться на легальном определении правомерного доступа как доступа к правомерно обнародованному объекту, полученного с согласия правообладателя, по договору либо в силу закона, без обхода технических средств защиты. Она должна строиться по двухуровневой схеме – безусловное дозволение научного анализа и обусловленное отсутствием резервирования прав дозволение для иных целей с признанием машиночитаемой формы резервирования. Она должна включать право хранения копий в объеме и в течение срока, необходимых для анализа, с обязанностью их защиты от доступа третьих лиц. Наконец, она должна распространяться на право изготовителя базы данных, поскольку в противном случае извлечение материалов из систематизированных массивов останется вне дозволения.

Такая конструкция восстановила бы принцип «доступность не есть согласие», создала бы основу лицензионного рынка обучающих данных и обеспечила бы разработчикам правовую определенность, которой не дает ни действующее регулирование, ни конструкция Закона № 243-ФЗ в ее принятой редакции.

Литература

1. Бузова Н.В., Лукьянов Р.Л. Квалификация процесса обучения системы искусственного интеллекта с помощью охраняемых авторским правом произведений // Труды по интеллектуальной собственности. 2026. Т. 57, № 2. С. 115–123.

2. Наумов В.Б., Тытюк Е.В. Правовые проблемы машинного обучения // Образование и право. 2020. № 6. С. 219–231.

3. Никифоров А.А. Копировать нельзя обучать: проблема обучения искусственного интеллекта с позиций авторского права // Цифровое право. 2025. Т. 6, № 1. С. 74–128.

4. Право цифровой экономики – 2021 (17): ежегодник-антология / рук. и науч. ред. М.А. Рожкова. Москва: Статут, 2021. 476 с.

5. Савельев А.И. Гражданско-правовые аспекты регулирования оборота данных в условиях попыток формирования цифровой экономики // Вестник гражданского права. 2020. Т. 20, № 1. С. 60–92.

6. Самарцева М.В. Использование охраняемых произведений при машинном обучении генеративного искусственного интеллекта // Труды по интеллектуальной собственности. 2025. Т. 53, № 2. С. 127–138.

7. Синицын С.А. Российское и зарубежное гражданское право в условиях роботизации и цифровизации: опыт междисциплинарного и отраслевого исследования. Москва: Инфотропик Медиа, 2021. 212 с.

8. Ducato R., Strowel A. Limitations to Text and Data Mining and Consumer Empowerment: Making the Case for a Right to «Machine Legibility» // IIC–International Review of Intellectual Property and Competition Law. 2019. Vol. 50, № 6. P. 649–684.

9. Geiger C., Iaia V. The Forgotten Creator: Towards a Statutory Remuneration Right for Machine Learning of Generative AI // Computer Law & Security Review. 2024. Vol. 52. Art. 105925.

10. Guadamuz A. A Scanner Darkly: Copyright Liability and Exceptions in Artificial Intelligence Inputs and Outputs // GRUR International. 2024. Vol. 73, № 2. P. 111–127.

11. Lemley M.A., Casey B. Fair Learning // Texas Law Review. 2021. Vol. 99, № 4. P. 743–785.

12. Margoni T., Kretschmer M. A Deeper Look into the EU Text and Data Mining Exceptions: Harmonisation, Data Ownership, and the Future of Technology // GRUR International. 2022. Vol. 71, № 8. P. 685–701.

13. Ueno T. The Flexible Copyright Exception for «Non-Enjoyment» Purposes – Recent Amendment in Japan and Its Implication // GRUR International. 2021. Vol. 70, № 2. P. 145–152.

14. You L., Luo H. Copyright Implications and Legal Responses to AI Training: A Chinese Perspective // Laws. 2025. Vol. 14, № 4. Art. 43.

AUTOMATED DATA ANALYSIS AND THE TRAINING OF GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE MODELS: THE LACK OF AN ADEQUATE SPECIAL LIMITATION ON EXCLUSIVE RIGHTS IN RUSSIAN LAW

Zakharov A.A.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The subject of the study is the provisions of Russian copyright law governing the lawfulness of text and data mining and the training of generative artificial intelligence models.

[1] Thomson Reuters Enterprise Centre GmbH v. Ross Intelligence Inc., № 1:20-cv-00613 (D. Del., 11.02.2025); Bartz v. Anthropic PBC, № 3:24-cv-05417 (N.D. Cal., 23.06.2025); Kadrey v. Meta Platforms, Inc., № 3:23-cv-03417 (N.D. Cal., 25.06.2025).

[2] Временные меры по управлению сервисами генеративного искусственного интеллекта (КНР, приняты 10 июля 2023 г., вступили в силу 15 августа 2023 г.). Ст. 7.

The purpose is to establish whether the current legal regime is adequate and to define the requirements for a special limitation on exclusive rights suitable for the Russian legal order. The objectives are: to systematise the grounds for the lawful use of protected materials in compiling training corpora; to identify the category underlying these grounds; to compare foreign models of regulation; and to assess the special provision of Federal Law № 243-FZ of 26 July 2026. It is shown that the provisions of Part IV of the Civil Code of the Russian Federation on the free use of works, on the rights of a lawful user of a database and on limitations of the database maker's right afford only fragmentary grounds that do not cover the compilation and long-term storage of training corpora. It is established that all these provisions are conditioned upon the category of lawful access, the content of which the law leaves undefined, as confirmed by inconsistent case law on the limits of automated data extraction. The results may be applied in improving Chapter 70 of the Civil Code and in legal practice. Requirements for an adequate model are formulated: lawful access, a two-tier permission, machine-readable reservation of rights, rules on the retention of copies, and extension of the regime to the database maker's right.

Keywords: artificial intelligence; datasets; text and data mining; exclusive right; free use of works; lawful access; database; reservation of rights.

References

1. Buzova N.V., Lukyanov R.L. Qualification of the Process of Training an Artificial Intelligence System Using Copyright-Protected Works. Works on Intellectual Property, 2026, Vol. 57, № 2, Pp. 115–123.

2. Naumov V.B., Tytyuk E.V. Legal Problems of Machine Learning. Education and Law, 2020, № 6, Pp. 219–231.

3. Nikiforov A.A. To Copy or to Train: The Problem of Training Artificial Intelligence from the Standpoint of Copyright Law. Digital Law Journal, 2025, Vol. 6, № 1, Pp. 74–128.

4. Law of the Digital Economy – 2021 (17): Yearbook-Anthology. Ed. by M.A. Rozhkova. Moscow, Statut Publ., 2021. 476 p.

5. Savelyev A.I. Civil Law Aspects of Regulating the Turnover of Data in the Context of Attempts to Form a Digital Economy. Civil Law Review, 2020, Vol. 20, № 1, Pp. 60–92.

6. Samartseva M.V. The Use of Protected Works in Machine Learning of Generative Artificial Intelligence. Works on Intellectual Property, 2025, Vol. 53, № 2, Pp. 127–138.

7. Sinitsyn S.A. Russian and Foreign Civil Law in the Context of Robotisation and Digitalisation: An Interdisciplinary and Sectoral Study. Moscow, Infotropic Media Publ., 2021. 212 p.

8. Ducato R., Strowel A. Limitations to Text and Data Mining and Consumer Empowerment: Making the Case for a Right to «Machine Legibility». IIC–International Review of Intellectual Property and Competition Law, 2019, Vol. 50, № 6, Pp. 649–684.

9. Geiger C., Iaia V. The Forgotten Creator: Towards a Statutory Remuneration Right for Machine Learning of Generative AI. Computer Law & Security Review, 2024, Vol. 52, art. 105925.

10. Guadamuz A. A Scanner Darkly: Copyright Liability and Exceptions in Artificial Intelligence Inputs and Outputs. GRUR International, 2024, Vol. 73, № 2, Pp. 111–127.

11. Lemley M.A., Casey B. Fair Learning. Texas Law Review, 2021, Vol. 99, № 4, Pp. 743–785.

12. Margoni T., Kretschmer M. A Deeper Look into the EU Text and Data Mining Exceptions: Harmonisation, Data Ownership, and the Future of Technology. GRUR International, 2022, Vol. 71, № 8, Pp. 685–701.

13. Ueno T. The Flexible Copyright Exception for «Non-Enjoyment» Purposes – Recent Amendment in Japan and Its Implication. GRUR International, 2021, Vol. 70, № 2, Pp. 145–152.

14. You L., Luo H. Copyright Implications and Legal Responses to AI Training: A Chinese Perspective. Laws, 2025, Vol. 14, № 4, art. 43.

Применение искусственного интеллекта в налоговом праве: предиктивное моделирование рисков и автоматизация ответов на запросы ФНС

Колесников Юрий Алексеевич,
доктор юридических наук, ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет»
E-mail: yakolesnikov@sfedu.ru

Мальцев Олег Валерьевич,
к.э.н., доцент, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин ФКОУ ВО «Пермский институт ФСИН России»
E-mail: malczevoleg@yandex.ru

Глухарева Анна Олеговна,
старший преподаватель кафедры прокурорского надзора за исполнением федерального законодательства и участия прокурора в гражданском, административном судопроизводстве и арбитражном процессе Луганского юридического института (филиала) Университета прокуратуры РФ
E-mail: Annanizhnichka@yandex.ru

Швец Сергей Владимирович,
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина»
E-mail: crimkubgau@mail.ru

Соколова Татьяна Леонидовна,
кандидат исторических наук, доцент, кафедра гражданско-правовых дисциплин, Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний (ВИПЭ ФСИН России)
E-mail: taniavol@yandex.ru

Статья посвящена комплексному анализу трансформации налогового права и административных практик под влиянием внедрения технологий искусственного интеллекта. Фокус исследования сосредоточен на двух ключевых и взаимосвязанных направлениях: предиктивном (прогнозном) моделировании налоговых рисков государственными фискальными органами и автоматизации процессов коммуникации, в частности, подготовки ответов на запросы контролирующих структур. Актуальность темы обусловлена глобальным трендом на цифровизацию экономики и государственного управления, что ставит перед налоговыми системами новых вызовы и открывает ранее недоступные возможности. В работе последовательно исследуется, как алгоритмы машинного обучения, включая методы классификации и регрессионного анализа, переопределяют парадигму налогового контроля. Методологическую основу исследования составляют системный, формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Проведено сравнение российского опыта (концепция «Риск-ориентированный подход», система АСК НДС-3) с практикой ведущих зарубежных юрисдикций, включая Службу внутренних доходов США (IRS), Налоговое и таможенное управление Великобритании (HMRC) и подходы, развиваемые в Европейском союзе. Это позволило выделить общемировые тенденции, такие как создание интегрированных аналитических платформ и акцент на кросс-бордерный обмен данными, а также определить специфику национальной модели, характеризующейся высокой централизацией и фокусировкой на ключевых фискальных рисках. В заключении формулируются выводы о том, что внедрение ИИ ведет к качественному изменению баланса в налоговых правоотношениях, требуя адекватного развития нормативно-правовой базы.

Ключевые слова: искусственный интеллект в налогообложении, предиктивное налоговое администрирование, машинное обучение в праве, риск-ориентированный подход, Федеральная налоговая служба (ФНС), автоматизация налогового контроля.

Введение

Развитие информационных технологий, происходящее на протяжении нескольких десятков лет, внесло ряд существенных изменений во все области человеческой жизни. Помимо этого, оно оказало значительное влияние на развитие законодательства многих государств, в частности налогового права.

На сегодняшний день налоговая система Российской Федерации функционирует в условиях стремительной цифровизации экономики и усложнения финансовых операций. Это создает беспрецедентные вызовы как для Федеральной налоговой службы (далее – ФНС), ответственной за администрирование и контроль, так и для налогоплательщиков, стремящихся к минимизации правовых рисков и оперативному взаимодействию с фискальными органами [1, с. 189]. В ответ на эти вызовы на первый план выходят технологии искусственного интеллекта (ИИ), открывающие новые возможности для трансформации налогового права и практики его применения [2, с. 45]. В этом случае ИИ можно рассматривать как воспроизведение биологических, аналитических и принимающих решения возможностей. Традиционные методы налогового контроля, основанные на выборочных проверках и ретроспективном анализе отчетности, все чаще демонстрируют свою ограниченность в условиях больших данных и высоких скоростей совершения сделок.

Внедрение ИИ обуславливает переход от реактивной к проактивной модели налогового администрирования. Ключевыми векторами этого перехода становятся предиктивное (предсказательное) моделирование налоговых рисков и автоматизация процессов подготовки и направления ответов на запросы ФНС [3, с. 62]. Первое направление позволяет налоговым органам перейти от тотального контроля к интеллектуальному, сфокусированному на целевых сегментах с высокой вероятностью нарушений. Второе направление призвано снизить административную нагрузку на добросовестных налогоплательщиков, обеспечить скорость и стандартизацию коммуникации.

Однако интеграция ИИ в налогово-правовую сферу сопряжена с комплексом правовых, этических и технических вопросов, требующих глубокого осмысления. К ним относятся проблемы защиты персональных данных и коммерческой тайны, обеспечения прозрачности и обоснованности алгоритмических решений, предотвращения дискриминации, а также адаптации налогового законодательства к реалиям цифровой экономики. Данная статья посвящена комплексному анализу указанных процессов, их правовых последствий и перспектив развития.

Методы исследования

Для достижения поставленной цели в исследовании применяется совокупность общенаучных и частно-научных методов познания. Ведущую роль играет метод системного анализа, позволивший рассмотреть налоговое право как динамичную систему, испытывающую влияние внешнего технологического фактора в виде ИИ. Это позволило выявить взаимосвязи между изменениями в процедурах контроля, правами налогоплательщиков и трансформацией принципов налогового права, таких как определенность и справедливость.

Формально-юридический метод использовался для анализа действующего налогового и процессуального законодательства Российской Федерации (Налоговый кодекс РФ, Федеральный закон «О персональных данных», регламенты ФНС) на предмет его готовности к регулированию отношений, возникающих в связи с применением ИИ. Особое внимание уделялось нормам, касающимся налоговых проверок, истребования документов, защиты прав налогоплательщиков и режима налоговой тайны.

Сравнительно-правовой метод дал возможность изучить зарубежный опыт внедрения ИИ в налоговое администрирование (на примерах Службы внутренних доходов США, налоговых органов Великобритании и стран Европейского Союза). Это позволило идентифицировать общемировые тенденции, а также оценить специфику российского подхода, в частности, в рамках реализации концепции риск-ориентированного подхода в системе контроля ФНС России и развития системы АСК НДС-3.

Метод моделирования был применен для концептуализации работы систем предиктивного анализа и автоматического формирования ответов. Исследование также опиралось на анализ открытых данных ФНС, материалов судебной практики по спорам, связанным с применением косвенных методов контроля и оспариванием решений, принятых на основе автоматизированного анализа, и экспертные мнения специалистов в области налогового права и IT.

Обсуждение и результаты

Внедрение ИИ в налоговое администрирование реализуется по двум основным направлениям, каждое из которых имеет глубокие правовые последствия. В первую очередь наблюдается предиктивное моделирование налоговых рисков [4, с. 236]. В основе этого направления лежит анализ больших данных (Big Data), поступающих в ФНС из множества источников: налоговой и бухгалтерской отчетности, банковских выписок, данных госреестров (ЕГРЮЛ, ЕГРИП), таможенных деклараций, информации из социальных сетей и открытых источников.

Алгоритмы машинного обучения, используемые в налоговом администрировании, такие как методы классификации (например, Random Forest, Gradient Boosting) и регрессионного анализа, обрабатывают огромные массивы структурированных и неструктурированных данных. Их ключевое преимущество перед традиционными правовыми системами заключается в способности обнаруживать нелинейные, многомерные зависимости и паттерны, которые практически невозможно заранее формализовать и задать в виде явных инструкций для аналитика.

Например, классификация позволяет автоматически отнести налогоплательщика к группе высокого, среднего или низкого риска на основе комплексного анализа сотен признаков – от финансовых коэффициентов и динамики оборотов до косвенных данных о деловой репутации и связях в сети контрагентов. Регрессионный анализ, в свою очередь, может построить прогнозную модель ожидаемых показателей деятельности (например, уровня рентабельности или доли вычетов по НДС) для конкретной отрасли и региона [5, с. 155]. Существенное отклонение фактических значений компании от спрогнозированных алгоритмом диапазонов становится сигналом аномалии. Таким образом, система выявляет не просто прямое нарушение (например, арифметическую ошибку в декларации), а оценивает контекстуальную неправдоподобность хозяйственной ситуации, анализируя одновременное влияние множества слабых сигналов.

Способность алгоритмов машинного обучения выявлять сложные, неочевидные корреляции принципиально меняет природу налогового контроля, переводя его из плоскости проверки формального соответствия отчетности в плоскость анализа правдоподобности всей хозяйственной деятельности налогоплательщика [6, с. 145]. Это создает мощный инструмент для противодействия схемам ухода от налогов, но одновременно формирует вызов правовой определенности, так как основания для проверки перестают быть прозрачными и простыми для интерпретации самим налогоплательщиком. В свою очередь система АСК НДС-3, анализирующая цепочки контрагентов на предмет необоснованной налоговой выгоды, является ранним примером подобного подхода [7, с. 58].

Таким образом, все это говорит о том, что современные модели способны оценивать риск целых секторов экономики, типов операций или конкретных налогоплательщиков, формируя «цифровой след» и профиль риска.

С правовой точки зрения это ведет к персонализации налогового контроля. Решение о проведении выездной проверки или углубленном камеральном анализе все чаще принимается не на формальных основаниях, а на основе прогнозной оценки, сгенерированной алгоритмом. Это ставит острые вопросы о процедурной справедливости. При этом налогоплательщик зачастую не знает точных критериев, по которым он был отнесен к группе высокого риска, что затрудняет возможность защищаться. В связи с этим возникает феномен «алгоритмической черной дыры» – непрозрачности и неинтерпретируемости решений сложных нейросетевых моделей.

Все это говорит о том, что сегодня требуется развитие правовых гарантий, включая право налогоплательщика на получение мотивированного объяснения причин повышенного внимания со стороны ФНС, выходящего за рамки стандартных отсылок к анализу косвенных признаков. Кроме того, использование внешних данных (например, из социальных сетей) требует четкого правового основания, чтобы не нарушать границы налоговой тайны и законодательство о персональных данных.

Следующее направление – автоматизации ответов на запросы ФНС развивается в рамках диалоговой модели «ФНС – налогоплательщик». Речь идет о создании экспертных систем и чат-ботов, которые на стороне ФНС могут автоматически генерировать и рассылать запросы на основании выявленных аномалий, а на стороне налогоплательщика – помогать в подготовке обоснованных и полных ответов. Технологии обработки естественного языка (NLP) позволяют анализировать текст запроса, извлекать суть требований и сопоставлять их с внутренней документацией компании. Система может предлагать юристу или бухгалтеру варианты ответов, ссылки на уместные нормы права и судебную практику, автоматически формировать пакет подтверждающих документов.

Правовые последствия здесь связаны с формализацией и ускорением коммуникации, что сокращает пространство для человеческой ошибки и волокиты. Однако возникает риск «машинизации» правоприменения, когда стандартизированный ответ, сгенерированный ИИ, не учитывает уникальные обстоятельства конкретной хозяйственной ситуации.

На основании вышеизложенного важнейшим вопросом остается распределение ответственности: если автоматически подготовленный и направленный ответ содержит ошибку, приведшую к доначислению налогов и штрафам, кто несет ответственность – разработчик алгоритма, налогоплательщик, утвердивший ответ, или должностное лицо ФНС, не проверившее автоматически сгенерированный запрос. Для решения этой проблемы требуется закрепление в НК РФ статуса электронного документооборота с использованием ИИ-ассистентов и четких процедур оспаривания автоматически сформированных решений и претензий.

Результатом внедрения этих технологий становится фундаментальный сдвиг в балансе сил. ФНС получает инструмент непрерывного, тотального и интеллектуального контроля. Для добросовестного налогоплательщика появляется возможность минимизировать рутинные издержки на взаимодействие с контролирующим органом. В то же время для недобросовестных участников рынка пространство для маневра резко сужается. Однако общим вызовом является необходимость обеспечения правовой определенности. Алгоритмы должны работать в четко обозначенных правовых рамках, а их логика (там, где это возможно) – поддаваться объяснению и правовой оценке.

Сравнительно-правовой анализ зарубежного опыта внедрения ИИ в налоговое администрирование (на примерах Службы внутренних доходов США, налоговых органов Великобритании и стран ЕС) показал, что ключевой общемировой тенденцией является переход к интегрированным аналитическим платформам, консолидирующим данные из внутренних и внешних источников. Например, Налоговое и таможенное управление Великобритании (HMRC) использует систему Connect, которая агрегирует информацию из налоговых деклараций, банковских транзакций, данных земельного кадастра, реестров компаний и даже публикаций в социальных сетях [8, с. 437]. Алгоритмы на основе машинного обучения анализируют эти массивы для построения сетевых моделей связей налогоплательщиков и выявления аномалий, что схоже с целями российской системы АСК НДС-3, но реализовано на более широком спектре данных. Важным отличием британского подхода является активное использование открытых данных и алгоритмов сетевого анализа для выявления сложных схем, выходящих за рамки цепочек контрагентов.

В США Служба внутренних доходов (IRS) развивает программу ICS (Integrated Collection System) и использует предиктивные модели для оценки вероятности успешного взыскания налоговой задолженности. Алгоритмы ранжируют дела на основе сотен переменных, включая историю поведения должника, размер долга и экономические факторы, что позволяет оптимизировать работу коллекторов [9, с. 108417]. В отличие от российского акцента на выявлении необоснованной выгоды, американский опыт демонстрирует глубокое внедрение ИИ в фазу исполнительного производства, что только начинает рассматриваться в практике ФНС.

В Европейском союзе, наряду с национальными системами, ключевое значение приобретает развитие европейской платформы для налогового администрирования. Директива DAC7 обязует цифровые платформы автоматически передавать данные о доходах пользователей в налоговые органы, что создает структурированный массив информации для алгоритмического анализа.

Акцент смещается на сквозной автоматизированный обмен информацией и создание единых стандартов данных, что позволяет применять ИИ для кросс-бордерного выявления уклонения от уплаты налогов [10, с. 103]. Это отличает европейский подход от российского, где интеграция данных в основном происходит в национальном контуре, хотя ФНС также активно использует информацию, поступающую в рамках международного обмена. Европейский подход институционализирован через систему директив об административном сотрудничестве в области налогообложения (Directives on Administrative Coop-

eration – DAC). Эти директивы создают обязательные правовые рамки для автоматического и стандартизированного обмена заранее определенными категориями финансовой информации между налоговыми органами государств-членов ЕС.

Ключевым элементом является не просто наличие обмена, а его полная автоматизация и машинная читаемость на основе единых форматов (например, стандарт XML). Это превращает разрозненные данные из 27 национальных юрисдикций в структурированный массив, пригодный для непосредственной обработки алгоритмами машинного обучения без трудоемкой ручной конвертации и согласования.

Например, DAC6 обязывает посредников (юристов, консультантов, банки) сообщать о трансграничных налоговых схемах, обладающих определенными признаками агрессивности. Эти отчеты, поступая в едином формате, позволяют алгоритмам ИИ анализировать типовые модели схем, выявлять их участников и оценивать риски в масштабе всего Союза. Аналогично, DAC7 предусматривает автоматический обмен данными о доходах, полученных продавцами через цифровые платформы. Таким образом, европейский ИИ работает на **наднациональном уровне**, выявляя нестыковки в декларировании доходов и активов между разными странами, что физически невозможно для системы, ограниченной национальными границами данных.

В отличие от этого, российская система, даже с учетом активного использования соглашений об обмене информацией (в рамках ОЭСР, Многосторонней конвенции, двусторонних договоров), по своей архитектуре остается ориентированной на внутренний контур. Интеграция данных происходит прежде всего внутри национальной информационной системы ФНС: данные от российских банков, таможни, регистрирующих органов, компаний-операторов фискальных данных (ОФД).

Поступающая из-за рубежа информация, хотя и используется, зачастую требует дополнительной верификации, перевода и ручного сопоставления с внутренними массивами. Она выступает скорее внешним сигналом или источником для точечной проверки гипотез, сформированных на основе внутрироссийских данных системой АСК НДС-3 или иными инструментами. Принципиальное различие заключается в том, что в ЕС единые стандарты данных и автоматизированные каналы их передачи создаются *заранее и в приоритетном порядке* как инфраструктура для будущего алгоритмического анализа.

В российском же подходе технологический анализ (ИИ) развивается преимущественно внутри уже существующей национальной цифровой экосистемы, а международный обмен остается в значительной степени отдельным, хотя и важным, ручным или полуавтоматическим процессом, результаты которого интегрируются в национальные аналитические модели постфактум. Это ограничивает возможность российских алгоритмов в реальном времени проводить комплексный сетевой анализ трансграничных финансовых потоков с той же глубиной и автоматизмом, что и в рамках единого европейского цифрового пространства.

Специфика российского подхода, таким образом, заключается в его высокой централизации и первоначальной фокусировке на ключевых фискально значимых рисках, таких как незаконный возмещение НДС, что воплощено в системе АСК НДС-3. В то время как зарубежные системы (особенно в ЕС и Великобритании) делают больший акцент на агрегации разнородных открытых и частных данных для создания комплексного профиля риска, российская практика демонстрирует мощный, но более узконаправленный инструментарий для борьбы с конкретными схемами. Общей чертой остается вызов обеспечения правовой определенности и прозрачности алгоритмических решений для налогоплательщиков, что актуализирует необходимость разработки международных стандартов контроля за алгоритмами в налоговой сфере.

Заключение

Применение ИИ в налоговом праве представляет собой не просто технологическую модернизацию, а качественную трансформацию парадигмы налогового администрирования и правоприменения. Предиктивное моделирование рисков и автоматизация коммуникаций переводят взаимодействие ФНС и налогоплательщика на новый уровень, характеризующийся проактивностью, персонализацией и высокой скоростью обработки информации. Основными результатами этого процесса являются повышение эффективности и точечности налогового контроля, сокращение административного бремени за счет автоматизации рутинных операций, а также смещение акцента с постфактумных проверок на профилактику нарушений.

Однако выявленные в ходе исследования правовые риски требуют незамедлительного системного реагирования со стороны законодателя. Насущной необходимостью является развитие нормативной базы, которая закрепит:

1) принципы использования ИИ в государственном управлении, включая транспарентность, подотчетность и недискриминационность;

2) права налогоплательщика при применении к нему алгоритмических моделей оценки риска (включая право на получение понятного обоснования и право на человеческое вмешательство);

3) четкие процедуры и распределение ответственности при использовании автоматически генерируемых запросов и ответов; 4) повышенные гарантии защиты данных, используемых для обучения и работы моделей ИИ.

Таким образом, будущее налогового права лежит в плоскости конвергенции юридических и технологических знаний. Успешная интеграция ИИ возможна только при условии, что технология будет служить инструментом для реализации фундаментальных принципов налогового права – законности, справедливости и соразмерности, а не подменять их. Это потребует совместных усилий юристов, разработчиков, законодателей и регуляторов для создания сбалансированной экосистемы, где мощь искусственного интеллекта направляется и ограничивается четкими правовыми рамками в интересах как государства, так и налогоплательщика.

Литература

1. Руднева Н. И., Бородаенко Н.В. Об использовании искусственного интеллекта в налоговом праве: российский и зарубежный опыт // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № . 11–1 (86). – С. 189–191.
2. Кузьмина Е. В., Маркосян Р.Г. Искусственный интеллект в налоговом праве //Экономика и бизнес: теория и практика. – 2021. – № . 12–2. – С. 45–47.
3. Лютова О.И. Актуальные вопросы правового регулирования налоговых отношений в условиях применения технологии искусственного интеллекта //Актуальные проблемы российского права. – 2023. – Т. 18. – № . 7 (152). – С. 62–70.
4. Мороз В. В., Яковлева Е.Е. Искусственный интеллект налоговых органов после цифровизации //Проблемы экономики и юридической практики. – 2024. – Т. 20. – № . 4. – С. 236–242.
5. Лютова О.И. Цифровая трансформация обязанности по уплате налога: этапы развития правового регулирования //Вестник Университета имени ОЕ Кутафина. – 2024. – № . 7 (119). – С. 155–162.
6. Чушкина Т. И., Шумова М.В. Некоторые вопросы правового регулирования искусственного интеллекта в сфере налогового права // Ответственный редактор. – 2021. – С. 145.
7. Полинская М. В., Чайльян М.А., Егиазарян А.А. Роль искусственного интеллекта в налоговом администрировании //Деловой вестник предпринимателя. – 2024. – № . 2 (16). – С. 58–61.
8. Daly S. Artificial intelligence, the rule of law and public administration: the case of taxation //The Cambridge Law Journal. – 2024. – Т. 83. – № . 3. – С. 437–464.
9. Koivula K., Shamsuzzoha A., Shamsuzzaman M. Application of artificial intelligence as a knowledge creation instrument in tax procedures // Engineering Applications of Artificial Intelligence. – 2024. – Т. 133. – С. 108417.
10. Bezditnyi V. Use of artificial intelligence for tax planning optimization and regulatory compliance //Research Corridor Journal of Engineering Science. – 2024. – Т. 1. – № . 1. – С. 103–142.

APPLICATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN TAX LAW: PREDICTIVE RISK MODELING AND AUTOMATED RESPONSES TO FEDERAL TAX SERVICE REQUESTS

Kolesnikov Yu.A., Maltsev O.V., Glukhareva A.O., Shvets S.V., Sokolova T.L.
Southern Federal University, Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Luhansk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia

This article provides a comprehensive analysis of the transformation of tax law and administrative practices under the influence of artificial intelligence technologies. The research focuses on two key and interconnected areas: predictive modeling of tax risks by state fiscal authorities and the automation of communication processes, specifically, the preparation of responses to requests from regulatory authorities. The relevance of this topic stems from the global trend toward digitalization of the economy and public administration, which poses new challenges for tax systems and opens up previously unavailable opportunities. This paper consistently examines how machine learning algorithms, including classification and regression analysis methods, are redefining the tax control paradigm. The methodological basis of the study is comprised of systemic, formal legal, and comparative legal approaches. A comparison of the Russian experience (the «Risk-Based Approach» concept, the ASC VAT-3 system) with the practices of leading foreign jurisdictions, including the US Internal Revenue Service (IRS), the UK Revenue and Customs (HMRC), and approaches being developed in the European Union, was conducted. This allowed us to identify global trends, such as the creation of integrated analytical platforms and an em-

phasis on cross-border data exchange, and to identify the specifics of the national model, characterized by high centralization and a focus on key fiscal risks. The conclusion states that the implementation of AI leads to a qualitative change in the balance of tax legal relations, requiring adequate development of the regulatory framework.

Keywords: artificial intelligence in taxation, predictive tax administration, machine learning in law, risk-based approach, Federal Tax Service (FTS), tax control automation.

References

1. Rudneva N.I., Borodaenko N.V. On the Use of Artificial Intelligence in Tax Law: Russian and Foreign Experience // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2023. – № 11–1 (86). – Pp. 189–191.

2. Kuzmina E.V., Markosyan R.G. Artificial Intelligence in Tax Law // Economics and Business: Theory and Practice. – 2021. – № 12–2. – Pp. 45–47.

3. Lyutova O.I. Current Issues of Legal Regulation of Tax Relations in the Context of the Application of Artificial Intelligence Technology // Current Issues of Russian Law. – 2023. – Vol. 18. – № 7 (152). – Pp. 62–70.

4. Moroz V.V., Yakovleva E.E. Artificial Intelligence of Tax Authorities after Digitalization // Problems of Economics and Legal Practice. – 2024. – Vol. 20. – № 4. – P. 236–242.

5. Lyutova O.I. Digital Transformation of Tax Payment Obligation: Stages of Legal Regulation Development // Bulletin of OE Kutafin University. – 2024. – № 7 (119). – P. 155–162.

6. Chushkina T.I., Shumova M.V. Some Issues of Legal Regulation of Artificial Intelligence in the Sphere of Tax Law // Editor-in-Chief. – 2021. – P. 145.

7. Polinskaya M.V., Chailyan M.A., Egiazaryan A.A. The Role of Artificial Intelligence in Tax Administration // Business Herald of the Entrepreneur. – 2024. – № 2 (16). – P. 58–61.

8. Daly S. Artificial intelligence, the rule of law and public administration: the case of taxation // The Cambridge Law Journal. – 2024. – Vol. 83. – № 3. – P. 437–464.

9. Koivula K., Shamsuzzoha A., Shamsuzzaman M. Application of artificial intelligence as a knowledge creation tool in tax procedures // Engineering Applications of Artificial Intelligence. – 2024. – T. 133. – P. 108417.

10. Bezditnyi V. Use of artificial intelligence for planning tax optimization and regulatory compliance //Research Corridor Journal of Engineering Science. – 2024. – T. 1. – № 1. – pp. 103–142.

Депозитное размещение денежных пожертвований благотворительной организацией: проблема целевого использования и разграничения с целевым капиталом

Комаров Вячеслав Витальевич,
независимый исследователь
E-mail: Slawa.komarov123@gmail.com

В статье рассматривается правовая квалификация ситуации, при которой благотворительная организация получает крупное денежное пожертвование, размещает его на банковском вкладе и направляет процентный доход на осуществление благотворительной деятельности. Исследуется вопрос о том, может ли такое размещение рассматриваться как целевое использование пожертвования и где проходит граница между обычным пожертвованием с условием о временном размещении денежных средств и целевым капиталом некоммерческой организации. Обосновывается вывод о том, что депозитное размещение само по себе не нарушает целевой режим пожертвования, однако не заменяет последующего использования пожертвования на благотворительные цели. Долгосрочное сохранение основной суммы пожертвования с расходованием только дохода от ее размещения экономически сближается с целевым капиталом, но не образует его без соблюдения специального порядка.

Ключевые слова: пожертвование, благотворительная организация, целевое использование, банковский вклад, целевой капитал, благотворительная программа.

Постановка проблемы

В деятельности благотворительных организаций нередко возникает вопрос о допустимости размещения временно свободных денежных средств на банковских вкладах. На практике такая ситуация приобретает особое значение при получении крупного пожертвования, которое организация не планирует немедленно расходовать в полном объеме. Экономически привлекательной выглядит модель, при которой основная сумма пожертвования сохраняется, размещается на депозите, а на благотворительные цели направляется процентный доход.

На первый взгляд такая конструкция позволяет обеспечить более устойчивое финансирование деятельности благотворительной организации. Однако с правовой точки зрения она вызывает несколько вопросов. Во-первых, можно ли считать размещение пожертвования на депозите использованием имущества по целевому назначению. Во-вторых, вправе ли благотворительная организация сохранять всю основную сумму пожертвования и расходовать только доход от ее размещения. В-третьих, как соотносится такая модель с режимом целевого капитала некоммерческой организации.

Проблема осложняется тем, что внешне депозитная модель действительно напоминает целевой капитал: имущество сохраняется, а деятельность финансируется за счет дохода. Однако юридическое сходство здесь не является полным. Российское законодательство различает обычное пожертвование, приносящую доход деятельность некоммерческой организации и целевой капитал как специальный имущественный режим.

Представляется, что ответ на поставленный вопрос должен основываться не на экономическом результате операции, а на правовом основании поступления средств, содержании воли жертвователя, режиме учета имущества и порядке управления им.

Целевой режим пожертвования

В соответствии с пунктом 1 статьи 582 Гражданского кодекса Российской Федерации пожертвованием признается дарение вещи или права в общеполезных целях. Пожертвование может быть сделано, в частности, благотворительным и иным некоммерческим организациям. При этом пожертвование имущества юридическому лицу может быть обусловлено жертвователем использованием этого имущества по определенному назначению [1].

Если такое назначение установлено, юридическое лицо обязано вести обособленный учет всех операций по использованию пожертвованного имущества. Использование имущества не в соответствии с назначением, указанным жертвователем, либо изменение этого назначения с нарушением установленного порядка дает жертвователю, его наследникам или иному правопреемнику право требовать отмены пожертвования [1].

Из этого следует, что пожертвование не является обычным безвозмездным поступлением, которым организация может распоряжаться исключительно по своему усмотрению. Даже после поступления денежных средств на счет благотворительной организации они сохраняют связь с целью, ради которой были переданы. Эта цель может быть определена широко, например как финансирование благотворительной программы или уставной деятельности фонда, либо конкретно, например как помощь определенной категории благополучателей, приобретение оборудования или проведение мероприятия.

В цивилистической литературе обращается внимание на то, что пожертвование отличается от обычного дарения не только субъектным составом и общеполезной направленностью, но и возможностью установления специального назначения передаваемого имущества [6; 7]. Именно наличие общеполезной цели и связанного с ней режима использования имущества позволяет рассматривать пожертвование как особую разновидность дарения.

Размещение денежных средств на банковском вкладе не прекращает целевой режим пожертвования. При таком размещении меняется форма существования имущества: вместо денежных средств на расчетном счете у организации возникает требование к банку о возврате суммы вклада и выплате процентов. Но обязанность использовать имущество в соответствии с назначением сохраняется.

В связи с этим депозит не должен рассматриваться как самостоятельная благотворительная цель. Это лишь способ временного управления имуществом. Он может быть допустим, если не препятствует достижению цели пожертвования, соответствует уставу организации и не противоречит воле благотворителя.

Например, если пожертвование передано для немедленного оказания помощи конкретным лицам, длительное размещение всей суммы на депозите будет плохо согласовываться с назначением пожертвования. Иная оценка возможна, если речь идет о средствах, переданных на реализацию долгосрочной благотворительной программы, где сроки расходования заранее определены, а временное размещение средств позволяет сохранить их экономическую ценность до момента фактического использования.

Правило о минимальном объеме целевого расходования

Для благотворительных организаций специальное значение имеет пункт 4 статьи 16 Федерального закона от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)». Согласно указанной норме не менее 80 процентов благотворительного пожертвования в денежной форме должно быть использовано на благотворительные цели в течение одного года с момента получения благотворительной организацией этого пожертвования, если благотворителем или благотворительной программой не установлено иное [2].

Данное правило следует понимать как минимальный законодательный стандарт целевого расходования денежных благотворительных пожертвований. Его назначение состоит не в том, чтобы позволить сторонам договора пожертвования полностью исключить реальное направление средств на благотворительные цели, а в том, чтобы обеспечить приоритет благотворительной деятельности перед накоплением имущества самой организации.

Поэтому условие благотворителя или благотворительной программы может конкретизировать порядок, направления и сроки использования пожертвования, а также предусматривать более высокий объем средств, направляемых на благотворительные цели. Однако такое условие не должно использоваться для снижения установленного законом минимального порога целевого расходования.

Отдельное исключение предусмотрено для пожертвований, полученных на формирование или пополнение целевого капитала благотворительной организации. Такие пожертвования осуществляются в порядке, установленном Федеральным законом от 30 декабря 2006 г. № 275-ФЗ «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций» [2; 4].

Следовательно, обычное денежное пожертвование не может быть произвольно превращено в «вечный» депозит, проценты по которому расходуются на благотворительные цели, а основная сумма сохраняется бессрочно. Депозитное размещение возможно как временный инструмент управления средствами до их использования. Но оно не должно заменять само использование пожертвования по благотворительному назначению.

Депозит как способ управления имуществом благотворительной организации

Размещение денежных средств на банковском вкладе имеет двойственную природу. С одной стороны, оно представляет собой гражданско-правовую сделку по управлению имуществом благотворительной организации. Закон № 135-ФЗ допускает совершение благотворительной организацией сделок с принадлежащим ей имуществом, если они не противоречат законодательству Российской Федерации, уставу организации и пожеланиям благотворителя [2].

С другой стороны, размещение средств на депозите направлено на получение дохода. В связи с этим такая операция должна оцениваться с учетом общих требований к приносящей доход деятельности некоммерческой организации. В силу пункта 2 статьи 24 Федерального закона от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» некоммерческая организация может осуществлять приносящую доход деятельность лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых она создана, соответствует таким целям и предусмотрено ее уставом [3].

Для благотворительной организации важен не сам факт получения дохода, а то, как такой доход используется. Некоммерческая природа организации не исключает возможности получения дохода. Запрет состоит в ином: организация не создается для распределения полученного дохода между учредителями или иными лицами, а полученные имущественные результаты должны служить достижению целей, ради которых она создана.

Проценты по банковскому вкладу имеют самостоятельное налоговое значение. В соответствии с пунктом 6 статьи 250 Налогового кодекса Российской Федерации проценты, полученные по договорам банковского счета и банковского вклада, относятся к внереализационным доходам [5]. Поэтому тот факт, что сам вклад сформирован за счет пожертвования, не означает автоматического распространения режима целевого поступления на процентный доход.

Кроме того, статья 17 Закона № 135-ФЗ устанавливает специальное правило для благотворительных программ: на их финансирование должно быть использовано не менее 80 процентов поступивших за финансовый год доходов от внереализационных операций, поступлений от учрежденных благотворительной организацией хозяйственных обществ и доходов от разрешенной законом приносящей доход деятельности. При реализации долгосрочных благотворительных программ поступившие средства используются в сроки, установленные такими программами [2].

Таким образом, проценты по депозиту обычной благотворительной организации должны рассматриваться отдельно от основной суммы пожертвования. Основная сумма сохраняет режим пожертвования. Процентный доход является доходом от размещения имущества и подлежит учету в соответствии с налоговым законодательством и правилами Закона № 135-ФЗ о финансировании благотворительных программ.

Целевой капитал как специальный имущественный режим

Федеральный закон № 275-ФЗ регулирует отношения, возникающие при формировании, пополнении и расформировании целевого капитала некоммерческих организаций, при доверительном управлении имуществом, составляющим целевой капитал, и при использовании доходов от такого управления. При этом закон прямо указывает, что его действие не распространяется на отношения, связанные с получением некоммерческими организациями пожертвований, а также с приносящей доход деятельностью некоммерческих организаций, если они не формируют целевой капитал [4].

Данное положение имеет принципиальное значение. Оно показывает, что не всякое пожертвование, которое временно размещается и приносит доход, становится целевым капиталом. Для возникновения целевого капитала необходимо специальное правовое основание.

Целевой капитал формируется и пополняется за счет пожертвований и иного имущества, переданных именно в порядке и целях, предусмотренных Законом № 275-ФЗ. После достижения установленного законом размера денежных средств на формирование целевого капитала, в настоящее время 3 млн руб., некоммерческая организация обязана передать такие средства в доверительное управление управляющей компании в течение двух месяцев. Со дня передачи денежных средств в доверительное управление целевой капитал считается сформированным [4].

Минимальный срок, на который формируется целевой капитал, составляет 10 лет, если иное не установлено законом. Некоммерческая организация, формирующая целевой капитал, обязана создать совет по использованию целевого капитала. До утверждения его численного и персонального состава организация не вправе передавать денежные средства в доверительное управление. Закон также предусматривает обособленный бухгалтерский учет операций, связанных с формированием, пополнением и использованием целевого капитала [4].

В литературе справедливо отмечается, что целевой капитал представляет собой не просто способ аккумулирования пожертвований, а самостоятельный правовой механизм долгосрочного финансирования некоммерческой организации. Его специфика состоит в обособлении имущества, профессиональном управлении им и использовании дохода в соответствии с заранее установленными целями [8; 9; 10].

Важно подчеркнуть, что депозит не является признаком, противопоставляющим обычное пожертвование целевому капиталу. Закон № 275-ФЗ допускает размещение денежных средств на депозитных счетах в кредитных организациях до их передачи в доверительное управление [4]. Следовательно, отличие состоит не в самом финансовом инструменте, а в правовом режиме имущества.

Обычная депозитная модель предполагает, что благотворительная организация самостоятельно размещает принадлежащие ей денежные средства на банковском вкладе. Целевой капитал предполагает иной порядок: имущество обособляется в специальном режиме, передается профессиональной управляющей компании, а доход используется по правилам закона, договора пожертвования, финансового плана и решений совета по использованию целевого капитала.

Именно поэтому сохранение основной суммы пожертвования и расходование дохода от ее размещения не образуют целевой капи-

тал автоматически. Для этого требуется прямое волеизъявление жертвователя на формирование или пополнение целевого капитала и соблюдение предусмотренной законом процедуры.

Пределы депозитной модели и ее соотношение с целевым капиталом

Представляется возможным выделить три модели использования денежных средств благотворительной организацией.

Первая модель связана с временным депозитным размещением обычного пожертвования. В этом случае денежные средства передаются благотворительной организации на определенные цели, но до момента фактического расходования временно размещаются на банковском вкладе. Такая модель допустима, если она не нарушает назначение пожертвования, сроки его использования, требования законодательства и волю благотворителя. Депозит здесь выполняет вспомогательную функцию и не меняет правовую природу поступивших средств.

Вторая модель предполагает долгосрочное сохранение основной суммы обычного пожертвования с расходованием процентного дохода. Такая конструкция требует более осторожной оценки. С одной стороны, она может отвечать интересам благотворительной организации, поскольку позволяет обеспечить регулярное финансирование деятельности. С другой стороны, при длительном сохранении основной суммы такая модель по своему экономическому эффекту сближается с целевым капиталом, хотя юридически не подчиняется специальным требованиям Закона № 275-ФЗ.

Третья модель представляет собой формирование или пополнение целевого капитала. В этом случае цель сохранения основной суммы прямо предусмотрена законом. Денежные средства передаются не просто на благотворительные цели, а на формирование специального имущественного комплекса. Такой капитал управляется по особым правилам, включая доверительное управление управляющей компанией, участие совета по использованию целевого капитала, обособленный учет и специальный порядок использования дохода.

Граница между указанными моделями должна проводиться по нескольким критериям.

Первый критерий связан с волей жертвователя. Для обычного пожертвования достаточно общеполезной цели либо конкретного назначения имущества. Для целевого капитала необходимо специальное указание на формирование или пополнение целевого капитала.

Второй критерий касается судьбы основной суммы. При временном депозитном размещении основная сумма подлежит последующему использованию на благотворительные цели. При целевом капитале сохранение основной суммы является элементом самой правовой конструкции.

Третий критерий состоит в субъекте управления. При обычном депозите денежными средствами распоряжается сама благотворительная организация. При целевом капитале имущество передается в доверительное управление управляющей компании.

Четвертый критерий относится к системе контроля. Обычное пожертвование требует соблюдения назначения и, при наличии целевого условия, обособленного учета. Целевой капитал предполагает более сложную систему контроля: совет по использованию целевого капитала, финансовый план, отчетность и специальные ограничения на операции с имуществом.

С учетом этих критериев долгосрочное сохранение обычного пожертвования на депозите с расходованием только процентов не следует рассматривать как самостоятельный аналог целевого капитала. Такая модель может быть допустима лишь в той мере, в какой она не препятствует соблюдению целевого назначения пожертвования и требований Закона № 135-ФЗ. Если же стороны изначально предполагают долгосрочное сохранение основной суммы и финансирование благотворительной деятельности преимущественно за счет дохода от ее размещения, более точной правовой формой является целевой капитал по правилам Закона № 275-ФЗ.

Выводы

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что размещение денежного пожертвования на банковском вкладе само по себе не противоречит правовой природе пожертвования и статусу благотворительной организации. Такое размещение может рассматриваться как способ временного управления имуществом, если оно соответствует цели пожертвования, воле благотворителя, уставу организации и требованиям законодательства о благотворительной деятельности.

При передаче денежных средств во вклад организация не направляет их непосредственно на достижение благотворительного результата, а лишь временно изменяет форму владения имуществом. Поэтому основная сумма пожертвования продолжает сохранять целевой режим и должна быть использована в соответствии с назначением, для которого она была передана.

Особое значение имеет правило о направлении не менее 80 процентов денежного благотворительного пожертвования на благотворительные цели. Данное правило следует рассматривать как минимальный законодательный стандарт целевого расходования. Оно ограничивает возможность построения такой модели, при которой основная сумма обычного пожертвования длительное время сохраняется на депозите, а благотворительная деятельность финансируется только за счет процентов.

При этом проценты, полученные по банковскому вкладу, имеют самостоятельное значение. Они не поглощаются режимом первоначального пожертвования автоматически и должны учитываться как доход от размещения имущества благотворительной организации. Их дальнейшее использование также должно быть связано с целями деятельности организации и правилами финансирования благотворительных программ.

Целевой капитал отличается от обычного пожертвования не тем, что имущество приносит доход, и не самим фактом размещения денежных средств на депозите. Его специфика состоит в специальном правовом основании, долгосрочном обособлении имущества, передаче средств в доверительное управление, наличии совета по использованию целевого капитала и особом порядке использования дохода.

Поэтому долгосрочное сохранение основной суммы пожертвования с направлением на благотворительные цели преимущественно дохода от ее размещения требует особенно осторожной правовой оценки. Такая модель может применяться только в пределах, в которых она не нарушает целевое назначение пожертвования и требования Закона № 135-ФЗ. Если же стороны изначально исходят из необходимости сохранить основную сумму как устойчивую имущественную базу и финансировать деятельность за счет дохода от нее, более корректным правовым механизмом является формирование целевого капитала в порядке Закона № 275-ФЗ.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть вторая, от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
2. Федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3340.
3. Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 145.
4. Федеральный закон от 30.12.2006 № 275-ФЗ «О порядке формирования и использования целевого капитала некоммерческих организаций» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 1, ч. 1. Ст. 38.
5. Налоговый кодекс Российской Федерации, часть вторая, от 05.08.2000 № 117-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2000. № 32. Ст. 3340.
6. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга вторая: договоры о передаче имущества. М.: Статут, 2000. 800 с.
7. Абросимова Е.А. Договор пожертвования между юридическими лицами // Корпоративный юрист. 2005. № 2. С. 39–42.
8. Комиссарова Е.Г. Целевой капитал некоммерческих организаций как объект имущественных отношений // Цивилист. 2013. № 2. С. 37–42.
9. Челышева Н.Ю. Правовая природа деятельности по использованию целевого капитала некоммерческих организаций и ее соотношение с благотворительной деятельностью // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. № 3. С. 44–46.
10. Подольская А.П., Харламова Е.Е. Целевой капитал как источник финансирования некоммерческой организации // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2016. № 2. С. 22–31.

DEPOSIT PLACEMENT OF MONETARY DONATIONS BY A CHARITABLE ORGANIZATION: THE PROBLEM OF TARGETED USE AND DELIMITATION FROM ENDOWMENT CAPITAL

Komarov V.V.
Independent researcher

The article examines the legal qualification of a situation in which a charitable organization receives a large monetary donation, places it in a bank deposit and uses the interest income for charitable activities. The article considers whether such placement may be regarded as targeted use of the donation and where the distinction lies between an ordinary donation with a temporary deposit condition and the endowment capital of a non-profit organization.

It is argued that deposit placement does not in itself violate the targeted regime of a donation, but it cannot replace the subsequent use of the donated funds for charitable purposes. Long-term preservation of the principal amount with the use of only the income generated by it is economically close to endowment capital, but does not create such capital without compliance with the special statutory procedure.

Keywords: donation, charitable organization, targeted use, bank deposit, endowment capital, charitable program.

References

1. Civil Code of the Russian Federation, Part Two, № 14-FZ of January 26, 1996.

2. Federal Law № 135-FZ of August 11, 1995, On Charitable Activities and Volunteering.

3. Federal Law № 7-FZ of January 12, 1996, On Non-Profit Organizations.

4. Federal Law № 275-FZ of December 30, 2006, On the Procedure for the Formation and Use of Endowment Capital of Non-Profit Organizations.

5. Tax Code of the Russian Federation, Part Two, № 117-FZ of August 5, 2000.

6. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract Law. Book Two: Contracts for the Transfer of Property. Moscow: Statut, 2000. 800 p.

7. Abrosimova E.A. Donation Agreement between Legal Entities. Corporate Lawyer, 2005, № 2, pp. 39–42.

8. Komissarova E.G. Endowment Capital of Non-Profit Organizations as an Object of Property Relations. Civilist, 2013, № 2, pp. 37–42.

9. Chelysheva N. Yu. The Legal Nature of Activities Involving the Use of Endowment Capital of Non-Profit Organizations and Its Correlation with Charitable Activities. Journal of Entrepreneurial and Corporate Law, 2016, № 3, pp. 44–46.

10. Podolskaya A.P., Kharlamova E.E. Endowment Capital as a Source of Financing for a Non-Profit Organization. Financial Analytics: Science and Experience, 2016, № 2, pp. 22–31.

Трансграничное банкротство: сложности взыскания долгов с иностранных граждан и россиян, уехавших за рубеж

Копытов Александр Иванович,
магистрант, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: 2510514@edu.fa.ru

В статье рассмотрены актуальные проблемы правового регулирования трансграничной несостоятельности в Российской Федерации. Дана оценка необходимости заключения международных договоров о трансграничном банкротстве, внесения изменений в Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» для эффективной работы арбитражных управляющих, направленной на сокращение сроков выявления и реализации имущества должников, а также на минимизацию расходов участников в процедурах банкротства.
Проанализированы сложности оценки объективного распределения субсидиарной ответственности между контролирующими должника лицами, возникающие вследствие недобросовестных действий руководителей по смене участников и (или) руководителей на лиц – граждан иностранных государств. В случае привлечения судом иностранного гражданина к субсидиарной ответственности на арбитражного управляющего ложится бремя признания и приведения в исполнение актов российских судов за границей, поиск активов контролирующего должника лица, при отсутствии или недостаточности таковых на территории России.
Особое внимание уделено банкротству физических лиц – граждан Российской Федерации, скрывающих активы за границей, с целью уклонения от погашения долгов. Поиск и взыскание зарубежного имущества – сложный и многоэтапный процесс. Финансовому управляющему необходимо не только выявить, какое имущество находится за рубежом, но и исследовать, на каком праве оно принадлежит гражданину, признанному банкротом, какова его оценка и особенности обращения взыскания.

Ключевые слова: банкротство, трансграничная несостоятельность, банкротное судопроизводство, признание актов российских судов.

В процедурах банкротства, осложненных иностранным элементом, существуют проблемы, связанные с применением положений международных договоров, особенностями национального регулирования и противоречивой судебной практикой.

Несмотря на то, что механизм привлечения иностранных граждан (участников и/или руководителей) к субсидиарной ответственности в делах о банкротстве в России урегулирован, у арбитражных управляющих возникают проблемы, связанные с поиском иностранного актива. Актуализируется ряд вопросов: как найти активы за рубежом; за счет каких средств будет происходить их поиск; как признать полномочия арбитражного управляющего, чтобы он мог вести деятельность на территории иностранного государства; как исполнить судебное поручение. По мнению Р.В. Балданова, отсутствие системного регулирования трансграничной несостоятельности в российской правовой системе приводит к конфликтам подсудности, что не способствует увеличению правовой определенности[1].

Относительно банкротства граждан, покинувших территорию РФ и переставших исполнять свои обязательства, встает практический вопрос установления и доказывания жилищных условий, так как жилье, находящееся на территории России, которое не является единственным, не подпадает под иммунитет в соответствии со ст. 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ.

Международные договоры, заключенные между государствами или международными организациями, регулируют их взаимные права и обязанности в различных сферах жизни: экономической, политической, социальной и других. Существует ряд международно-правовых соглашений, регулирующих различные аспекты трансграничной несостоятельности, например, Типовой закон ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности[2]. Однако на сегодняшний день Россия не является участником какого-либо международного соглашения с иностранным государством в сфере трансграничной несостоятельности, что значительно осложняет работу арбитражных управляющих в делах о несостоятельности.

А.А. Селькова обоснованно считает, что возникновение коллизии между нормами разных правовых систем вносит неясность относительно влияния трансграничного банкротства на судьбу арбитража, а отсутствие универсальных правил и международно-правовых актов выступает серьезным негативным фактором, мешающим достижению гармонизации национальных вопросов сосуществования арбитража и трансграничного банкротства[3].

Проблемам трансграничной несостоятельности в Российской Федерации посвящен ряд исследований, в которых поднимаются вопросы баланса интересов участников банкротного процесса, взаимосвязи между арбитражным разбирательством и процедурой трансграничного банкротства, определения подсудности, применения концепции центра основных интересов (далее – ЦОИ) должника.

П.Р. Квашнин проводит анализ ключевых аспектов трансграничного банкротства, таких как концепция ЦОИ и сложность ее применения в российском правопорядке, взаимодействие между основным и вторичным производствами[4].

Скопцова Е.И. указывает на то, что из-за отсутствия специальных международных договоров, российскому суду приходится проводить анализ допустимости использования того или иного международного либо двустороннего соглашения о правовой помощи для банкротного спора[5].

[1] Балданов Р.В. Подсудность в трансграничном банкротстве // Вестник гражданского процесса. – 2024. – № 4. – С. 208–216.

[2] UNCITRAL Model Law on Cross-Border Insolvency. – Date of adoption: 30 May 1997. – https://uncitral.un.org/en/texts/insolvency/modellaw/cross-border_insolvency (дата обращения 18.10.2025).

[3] Селькова А.А. Сосуществование арбитража и трансграничного банкротства // Арбитражный и гражданский процесс. – 2024. – № 8. – С. 48–50.

[4] Квашнин П.Р. Дело «Вествок» и важные вопросы трансграничного банкротства в России // Закон. – 2025. – № 2. – С. 178–187.

[5] Скопцова Е.И. Признание решений иностранных судов по делам о трансграничной несостоятельности в разрезе компаративистского анализа // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – № 7. – С. 161–171.

Следует отметить, что Министерство экономического развития РФ разработало проект международного соглашения о трансграничном банкротстве, которое планируется к подписанию странами СНГ[1].

В практике встречаются случаи, когда при наступлении кризисной ситуации, связанной в основном с взысканием долгов, неуплатой налогов, недобросовестные руководители организаций и участники, а зачастую это одно и то же лицо, с целью избежания как солидарной, так и субсидиарной ответственности, проводят мероприятия по смене участников и/или руководителей на лиц – граждан иностранных государств (Израиля, Сирийской Арабской Республики, США, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и других).

Впоследствии в процедуре банкротства, выясняется, что назначение генеральным директором организации иностранного гражданина имеет признак фиктивной (мнимой), выполненной для вида законности, и как следствие недействительной сделки. Назначенный иностранный гражданин никогда не пересекал границу Российской Федерации, не мог получить и не получал разрешение на трудовую деятельность в соответствии с требованиями миграционного законодательства, не получал права на пребывание или проживание на территории Российской Федерации. Таким образом, не имел законного права быть назначенным на должность генерального директора с подписанием трудового договора с участниками Общества. Указанные обстоятельства подтверждаются справками из Главного управления по вопросам миграции МВД РФ, Отряда пограничного контроля ФСБ России и Федеральной налоговой службы.

После выявления конкурсным управляющим контролирующих должника лиц и подачи заявления о привлечении к субсидиарной ответственности по долгам Общества, недобросовестный участник и/или руководитель пытается переложить ответственность на уполномоченный орган, который провел регистрационные действия по смене участника и руководителя.

Следует отметить, что налоговый орган обязан провести регистрационные действия, если он получил по телекоммуникационным каналам связи заявление по форме № Р13014, заверенное нотариусом другого государства и апостилированное на территории РФ. Только после проведения проверки, на которую уходит достаточно много времени, единственное, что может сделать налоговый орган – внести в ЕГРЮЛ запись о недостоверности сведений в отношении лица.

Подобная ситуация прослеживается в процедуре банкротства организации ООО «ОА»[2]. В рамках дела о несостоятельности № А56–38660/2023 конкурсным управляющим был установлен ряд фактов, указывающих на мнимость сделки по назначению иностранного гражданина генеральным директором.

Согласно данным, указанным в выписке из Единого государственного реестра юридических лиц, 01.09.2022 года генеральным директором ООО «ОА» был назначен гражданин Израиля – Б.Г. Смена генерального директора произошла после отражения убытков в бухгалтерском учете за 2021 год и вынесения Арбитражным судом города Москвы Решения от 15.04.2022 г. по делу № А40–11714/20–180–89 о взыскании с ООО «ОА» денежных средств в размере 4 894 050,00 рублей в пользу заявителя[3]. Кроме того, решением единственного участника от 28.06.2022 года, в состав участников ООО «ОА» были приняты две организации, а 15.07.2022 года контролирующее должника лицо вышло из состава учредителей, передав свою долю Обществу.

В соответствии с информацией, отраженной в Решении Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 10.06.2024 г. по делу № А56–38660/2023, должник отсутствует по адресу местонахождения, указанному в Едином государственном реестре юридических лиц. Операции по банковским счетам должником не производятся, налоговую отчетность должник не сдает, деятельность не осуществляет. Доказательств ведения хозяйственной деятельности должником в суд не представлено.

Таким образом, поскольку должник не вел финансовую и хозяйственную деятельность, подлежало применению положение Закона о банкротстве отсутствующего должника.

Согласно ответу ГУ МВД России по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области, Б.Г. (последний руководитель должника) никогда не был зарегистрирован и не работал на территории России.

В таком случае возникает вопрос, разумно ли привлечение иностранного гражданина к субсидиарной ответственности, который с большей вероятностью являлся номинальным директором, и каким образом конкурсному управляющему взыскивать с него денежные средства, присужденные судом в случае вынесения соответствующего определения.

Получается, что смена участников и/или руководителей на лиц – граждан иностранных государств повлечет за собой возникновение следующей проблемы при проведении процедуры конкурсного производства: обязанность передачи документации должника, печатей, штампов и иных материальных ценностей ложится на третье лицо, гражданина иностранного государства, а реальное лицо, фактически контролирующее должника, избегает ответственности.

В данной ситуации является корректным мнение Скопцовой Е.И. об ущемлении прав российских граждан и юридических лиц на доступ к правосудию в иностранных юрисдикциях под влиянием санкционных ограничений[4], так как перед арбитражным управляющим встанет задача признания и приведения в исполнение акта российского суда за границей и поиск активов контролирующего должника лица.

На практике часто встречается следующая ситуация.

Отдельные руководители действуют так, чтобы на момент смены участников и/или руководителей, была погашена задолженность перед налоговыми органами, после чего подконтрольную организацию не используют, так как согласно п. 3.3 письма ФНС России от 09.04.2020 № КВ-4–14/6053@ «О направлении обзора судебной практики по спорам с участием регистрирующих органов № 1 (2020)», отсутствие движения по расчетным счетам и не сдача отчетности в течении года – основание для внесения записи о прекращении деятельности организации и решения об исключении Общества из ЕГРЮЛ[5].

В последующем все претензии в процедурах банкротства, как налогового органа, так и кредиторов или арбитражных управляющих, обращены в сторону последних участников или руководителей – граждан иностранных государств.

Зачастую эти претензии российских арбитражных управляющих или кредиторов игнорируются гражданами других государств и не приносят какого-либо результата.

Таким образом, заключение международных соглашений или конвенции в сфере трансграничной несостоятельности с иностранными государствами исключит возможность применения незаконных схем ухода от ответственности по долгам Общества, а также упростит исполнение арбитражными управляющими своих обязанностей по поиску и реализации активов, находящихся за рубежом.

В последнее время в банкротном судопроизводстве участились случаи вывода и сокрытия своих активов гражданами-должниками за границей, что снижает вероятность пополнения конкурсной массы и погашения требований кредиторов, так как розыск активов сопряжен с рядом сложностей, прежде всего с финансированием процедуры поиска. При этом, в случае включения недвижимого имущества (жилого помещения), зарегистрированного на территории РФ, в конкурсную массу для целей его реализации и погашения кредиторских требований, должник направляет в суд заявление об исключении из конкурсной массы данного имущества как единственного пригодного для жилья, хотя есть юридическое подтверждение, что должник уже несколько лет не пересекал границы Российской Федерации и является резидентом другого государства.

Например, в производстве Арбитражного суда находится дело о банкротстве № А40–142664/24 гражданки Х[6]., которая покинула территорию Российской Федерации в 2019 году и является резидентом Испании, зарегистрированным по конкретному адресу (данный факт был скрыт должником от налоговых органов РФ). Однако в сво-

[1] Сайт Минэкономразвития РФ. Проект международного соглашения о трансграничном банкротстве. – 2025. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/8f8df90fd0ad9c46f0915e93ac22449f/Proekt_soglasheniya_po_transgranichnomu_bankrotstvu.pdf (дата обращения 18.10.2025).

[2] Решение Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 10.06.2024 г. по делу № А56–38660/2023. – [Электронный ресурс]. – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1b6bd30c-211e-42ca-a540–4bcd4410fb94/b51b-6c2a-abcc-43b9–95d1-cbfe3a69ac7f/A56–38660–2023_20240610_Reshenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 18.10.2025).

[3] Решение Арбитражного суда г. Москвы от 15.04.2022 г. по делу № А40–11714/20–180–89. – [Электронный ресурс]. – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/da567112-b985–42a5–9c89–81a263202de7/3c016563–4b68–490f-ae13–270cc82d0b62/A40–11714–2020_20220415_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 18.10.2025).

[4] Скопцова Е.И. Признание решений иностранных судов по делам о трансграничной несостоятельности в разрезе компаративистского анализа // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – № 7. – С. 161–171.

[5] Письмо ФНС от 9 апреля 2020 г. № КВ-4–14/6053@ «О направлении Обзора судебной практики по спорам с участием регистрирующих органов № 1 (2020)». – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_350088/ (дата обращения 18.10.2025).

[6] Решение Арбитражного суда г. Москвы от 07.07.2025 г. по делу № А40–142664/24. – [Электронный ресурс]. – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/0d672651–4b86–495e-ae84–3b4c8d70da75/a521f7bb-0eaf-493d-ad8a-ccedc28e6f53/A40–142664–2024_20250707_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True (дата обращения 18.10.2025).

ем заявлении должник указывает, что квартира, находящаяся в городе Москва, включенная в конкурсную массу, является единственным пригодным жильем. Получить информацию о недвижимом имуществе должника на территории Испании в соответствии с договором о правовой помощи по гражданским делам в современных условиях противостояния не представилось возможным, несмотря на действующий договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Королевством Испании о правовой помощи по гражданским делам[1].

В судебных процессах представитель должника фактически признает, что гражданка Х. (уроженка Республики Казахстан) со своим супругом занимались выводом денежных средств с подконтрольных супругу предприятий, понимая, что в Россию уже не вернутся. Кроме того, представитель говорит о невозможности финансового управляющего «дотянуться» до зарубежных активов, а дорогостоящую квартиру в жилом комплексе в городе Москве, как указано выше, пытается прикрыть от кредиторов имущественным иммунитетом.

Проблему нарушения принципа равного отношения к кредиторам без легитимных оснований рассматривает в своей статье Мохова Е.В., а именно, каким образом правовые последствия банкротного производства, открытого в одном правопорядке, могут распространяться на территорию другого, где есть активы должника[2].

Кроме этого, гражданка Х. в январе 2023 года заключила с супругом (который в тот период сам находился в процедуре банкротства) в Испании брачный договор (после 17 лет брака), согласно которому она отвечает по долгам супруга, возникшим на основании определения Арбитражного суда города Москвы от 13.03.2020 г. № А40–20955/2014–86–416[3], 10% своего имущества.

При этом по общему правилу, согласно п. 1 ст. 34 Семейного кодекса РФ, имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью и делится поровну[4].

Действуя добросовестно и разумно, в интересах кредиторов, должника и Общества, как сказано в Законе о банкротстве, финансовый управляющий был вынужден обратиться в суд с заявлением об оспаривании брачного договора. Суд первой инстанции 29.04.2026 г. удовлетворил заявление финансового управляющего.

Из представленной копии договора следует, что данный документ был оформлен в Королевстве Испания. Данное обстоятельство означает, что настоящий документ должен быть легализован или, в случае присоединения государства, где он был оформлен к «Конвенции, отменяющая требование легализации иностранных официальных документов» (заключена в г. Гааге 05.10.1961 г.)[5] – апостилирован.

Испания присоединилась к Гаагской конвенции об упрощенной процедуре легализации документов в 1978 году. Российская Федерация ратифицировала Гаагскую Конвенцию 31.05.1992 г. Исходя из представленного документа, Договор апостилирован или легализован каким-то иным способом не был.

В соответствии с п. 6 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 25.12.1996 № 10 «Обзор практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц»[6], официальные документы из стран-участниц Гаагской конвенции принимаются на территории России с апостилями, проставленными с 31 мая 1992 г.

Получается, возникает коллизия норм, что приоритетно в данной ситуации, положения российского законодательства или брачный договор, заключенный супругами в иностранном государстве и ратифицированный после введения процедуры банкротства.

Таким образом, отсутствие нормативного регулирования трансграничного банкротства повышает риск применения недобросовестными участниками и/или руководителями, а также гражданами незаконных схем ухода от исполнения обязательств перед кредиторами.

Обобщая все вышеизложенное, можно сделать вывод, что существует ряд проблем проведения процедур банкротства как юридических, так и физических лиц, осложненных иностранным элементом.

В настоящее время для того, чтобы сменить участника или руководителя Общества с ограниченной ответственностью, достаточно подать заявление определенной формы, утвержденное нотариусом или заверенное электронной подписью, и оплатить госпошлину. Процедура внесения изменений в ЕГРЮЛ в отношении участников или руководителя достаточно простая, без каких-либо дополнительных проверок со стороны регистрирующего органа.

Следует отметить, что Указом Президента РФ от 08.09.2022 г. № 618 (с изм. от 15.10.2022 г.) уже установлен особый прядок осуществления сделок с долями в уставных капиталах обществ с ограниченной ответственностью между резидентами и иностранными лицами из недружественных стран.

В данной ситуации целесообразно дополнить Приказ ФНС России от 28.12.2022 г. № ЕД-7–14/1268@ (ред. от 10.12.2024 г.) пунктом следующего содержания:

«Основанием для проведения мероприятий по проверке достоверности сведений, включаемых в ЕГРЮЛ, является представление в регистрирующий орган документов для включения в ЕГРЮЛ сведений о лице, имеющем право без доверенности действовать от имени юридического лица, либо об участнике общества с ограниченной ответственностью в отношении лица– гражданина иностранного государства, не являющимся резидентом РФ».

При этом, регистрирующему органу следует запросить у заявителя следующие сведения в отношении иностранного гражданина: биография, сведения о наличии судимостей или участии в противоправной деятельности, данные о финансовых операциях за последние пять лет.

В случае непредоставления запрошенных сведений, регистрирующий орган принимает решение об отказе в государственной регистрации.

Также следует внести дополнения в ст. 17 Федерального закона от 08.08.2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей».

Пункт 2 статьи 17 дополнить абзацем следующего содержания:

«В случае, если изменения в единый государственный реестр юридических лиц, касающиеся перехода доли или части доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью гражданину иностранного государства, для внесения записи в реестр в регистрирующий орган представляется подтверждение законности происхождения средств для оплаты доли (выписка с банковского счета за 6 месяцев до перехода права доли, налоговая декларация, заверенная нотариусом), а также копию документа, удостоверяющего личность».

В настоящее время пограничная и миграционная службы могут дать информацию только о пересечении российскими гражданами российской границы. Следует разработать систему контроля за передвижением граждан по аналогу Entry/Exit System, позволяющую отслеживать перемещения должника по миру по загранпаспорту через пограничную и миграционную службы, авиа- и железнодорожных перевозчиков. Таким образом, можно будет установить наиболее часто посещаемые юрисдикции, после чего у арбитражного управляющего появится возможность обратиться в соответствующие службы и инициировать точечный розыск имущества должника, находящегося за пределами РФ.

В настоящий момент арбитражные управляющие могут только получить судебный акт, апостилировать его для представления за границей.

Внесение в Закон о банкротстве дополнения в части наделения арбитражного управляющего полномочиями на привлечение специалистов, осуществляющих поиск имущества должников за рубежом, сократит время проведения процедур банкротства и снизит нагрузку на Арбитражные суды.

Литература

1. Балданов Р.В. Подсудность в трансграничном банкротстве // Вестник гражданского процесса. – 2024. – № 4. – С. 208–216.

2. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.12.1996 № 10 «Обзор практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц». // Вестник ВАС РФ. – 1997. – № 3; Хозяйство и право. – 1997. – № 4. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13209/

3. Квашнин П.Р. Дело «Вествок» и важные вопросы трансграничного банкротства в России // Закон. – 2025. – № 2. – С. 178–187.

[1] Договор между СССР и Королевством Испании о правовой помощи по гражданским делам (подписан в г. Мадриде 26.10.1990) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 9. Ст. 1049.

[2] Мохова Е.В. Трансграничный эффект банкротства: институт специального банкротного признания в зарубежном праве и международных стандартах (часть 1) // Закон. – 2022. – № 8. – С. 121–136.

[3] Определение Арбитражного суда города Москвы от 13.03.2020 г. по делу № А40–209555/2014–86–416 – [Электронный ресурс]. – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/4d860e86-b6b9–4142–9678–36078ea01a7b/36659b09–0035–445d-bb88-bc49dc195406/A40–209555–2014_20200313_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True

[4] Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025). Электронно-правовой ресурс Консультант Плюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/

[5] Конвенция, отменяющая требование легализации иностранных официальных документов. (заключена в г. Гааге 05.10.1961) (вступила в силу для России 31.05.1992). – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.minjust.gov.ru/ru/documents/7646/ (дата обращения 18.10.2025).

[6] Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.12.1996 № 10 «Обзор практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц». – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13209/ (дата обращения 18.10.2025).

4. Мохова Е.В. Трансграничный эффект банкротства: институт специального банкротного признания в зарубежном праве и международных стандартах (часть 1) // Закон. – 2022. – № 8. – С. 121–136.

5. Определение Арбитражного суда города Москвы от 13.03.2020 по делу № А40–209555/2014–86–416 – [Электронный ресурс]. – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/4d860e86-b6b9–4142–9678–36078ea01a7b/36659b09–0035–445d-bb88-bc49dc195406/A40–209555–2014_20200313_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True

6. Решение Арбитражного суда города Москвы от 15.04.2022 г. по делу № А40–11714/20–180–89. – [Электронный ресурс]. – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/da567112-b985–42a5–9c89–81a263202de7/3c016563–4b68–490f-ae13–270cc82d0b62/A40–11714–2020_20220415_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True

7. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 10.06.2024 г. по делу № А56–38660/2023. – [Электронный ресурс]. – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1b6bd30c-211e-42ca-a540–4bcd4410fb94/b51b6c2a-abcc-43b9–95d1-cbfe3a69ac7f/A56–38660–2023_20240610_Reshenie.pdf?isAddStamp=True

8. Решение Арбитражного суда города Москвы от 07.07.2025 г. по делу № А40–142664/24. – [Электронный ресурс]. – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/0d672651–4b86–495e-ae84–3b4c8d70da75/a521f7bb-0eaf-493d-ad8a-ccedc28e6f53/A40–142664–2024_20250707_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True

9. Сайт КонсультантПлюс. Письмо ФНС от 9 апреля 2020 г. № КВ-4–14/6053@ «О направлении Обзора судебной практики по спорам с участием регистрирующих органов № 1 (2020)». – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_350088/

10. Проект международного соглашения о трансграничном банкротстве. – 2025. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/8f8df90fd0ad9c46f0915e93ac22449f/Proekt_soglasheniya_po_transgranichnomu_bankrotstvu.pdf Сайт Минэкономразвития РФ.

11. Конвенция, отменяющая требование легализации иностранных официальных документов. (заключена в г. Гааге 05.10.1961) (вступила в силу для России 31.05.1992). – [Электронный ресурс]. – URL: https://www.minjust.gov.ru/ru/documents/7646/

12. Селькова А.А. Сосуществование арбитража и трансграничного банкротства // Арбитражный и гражданский процесс. – 2024. – № 8. – С. 48–50.

13. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026). Электронно-правовой ресурс Консультант Плюс. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/

14. Скопцова Е.И. Признание решений иностранных судов по делам о трансграничной несостоятельности в разрезе компаративистского анализа // Актуальные проблемы российского права. – 2025. – № 7. – С. 161–171.

15. UNCITRAL Model Law on Cross-Border Insolvency. – Date of adoption: 30 May 1997. – https://uncitral.un.org/en/texts/insolvency/modellaw/cross-border_insolvency

CROSSBORDER BANKRUPTCY: DIFFICULTIES IN COLLECTING DEBTS FROM FOREIGN NATIONALS AND RUSSIANS WHO HAVE LEFT THE COUNTRY

Kopytov A.I.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines current issues related to the legal regulation of crossborder insolvency in the Russian Federation. An assessment is provided of the need to conclude international treaties on crossborder bankruptcy and to amend the Federal Law dated 08.02.1998 № 14FZ «On Limited Liability Companies» in order to ensure the effective work of insolvency administrators, aimed at reducing the time required to identify and dispose of debtors' assets, as well as at minimizing the costs incurred by participants in bankruptcy proceedings.

The difficulties of assessing the objective distribution of subsidiary responsibility between persons controlling the debtor, arising from unfair actions of managers to replace participants and (or) managers with persons who are citizens of foreign countries, are analyzed. If a foreign citizen is held vicariously liable by a court, the arbitration administrator is burdened with recognizing and enforcing acts of Russian courts abroad, and searching for assets of the person controlling the debtor, in the absence or insufficiency of such on the territory of Russia.

Special attention is paid to the bankruptcy of individuals – citizens of the Russian Federation who hide assets abroad in order to evade debt repayment. The search for and recovery of foreign assets is a complex and multistage process. The financial manager must not only identify what assets are located abroad but also examine on what legal basis they belong to the citizen declared bankrupt, what their valuation is, and the specifics of the enforcement process.

Keywords: bankruptcy, crossborder insolvency, bankruptcy proceedings, recognition of Russian court judgments.

References

1. Baldanov R.V. Jurisdiction in CrossBorder Bankruptcy // Vestnik grazhdanskogo protsessa. – 2024. – № 4. – Pp. 208–216.

2. Information Letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 25.12.1996 № 10 «Review of the Practice of Resolving Disputes in Cases Involving Foreign Parties». // Vestnik VAS RF. – 1997. – № 3; Khozyaystvo i pravo. – 1997. – № 4. [Electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13209/

3. Kvashnin P.R. The «Vestvok» case and important issues of crossborder bankruptcy in Russia // Zakon. – 2025. – № 2. – Pp. 178–187.

4. Mokhova E.V. The crossborder effect of bankruptcy: The institution of special bankruptcy recognition in foreign law and international standards (Part 1) // Zakon. – 2022. – № 8. – Pp. 121–136.

5. Order of the Arbitration Court of the City of Moscow dated March 13, 2020, in case № A40–209555/2014–86–416 – [Electronic resource]. – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/4d860e86-b6b9–4142–9678–36078ea01a7b/36659b09–0035–445d-bb88-bc49dc195406/A40–209555–2014_20200313_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True

6. Decision of the Moscow City Arbitration Court dated April 15, 2022, in case № A40–11714/20–180–89. – [Electronic resource]. – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/da567112-b985–42a5–9c89–81a263202de7/3c016563–4b68–490f-ae13–270cc82d0b62/A40–11714–2020_20220415_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True

7. Decision of the Arbitration Court of the City of Saint Petersburg and the Leningrad Region dated June 10, 2024, in case № A56–38660/2023. – [Electronic resource]. – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1b6bd30c-211e-42ca-a540–4bcd4410fb94/b51b6c2a-abcc-43b9–95d1-cbfe3a69ac7f/A56–38660–2023_20240610_Reshenie.pdf?isAddStamp=True

8. Decision of the Moscow City Arbitration Court dated 07.07.2025 in case № A40–142664/24. – [Electronic resource]. – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/0d672651–4b86–495e-ae84–3b4c8d70da75/a521f7bb-0eaf-493d-ad8a-ccedc28e6f53/A40–142664–2024_20250707_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True

9. ConsultantPlus website. Letter from the Federal Tax Service dated April 9, 2020, № KV-4–14/6053@ «On the Submission of the Review of Judicial Practice on Disputes Involving Registration Authorities № 1 (2020)». – [Electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_350088/

10. Draft international agreement on crossborder bankruptcy. – 2025. [electronic resource]. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/8f8df90fd0ad9c46f0915e93ac22449f/Proekt_soglasheniya_po_transgranichnomu_bankrotstvu.pdf. Website of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation.

11. Convention Abolishing the Requirement of Legalization for Foreign Public Documents. (concluded in The Hague on 05.10.1961) (entered into force for Russia on 31.05.1992). – [Electronic resource]. – URL: https://www.minjust.gov.ru/ru/documents/7646/

12. Selkova A.A. Coexistence of Arbitration and CrossBorder Bankruptcy // Arbitration and Civil Procedure. – 2024. – № 8. – Pp. 48–50.

13. Family Code of the Russian Federation dated December 29, 1995, № 223FZ (as amended on March 23, 2026). Electronic legal resource Consultant Plus. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/

14. Skoptsova E.I. Recognition of Foreign Court Decisions in CrossBorder Insolvency Cases: A Comparative Analysis // Current Problems of Russian Law. – 2025. – № 7. – Pp. 161–171.

15. UNCITRAL Model Law on Cross-Border Insolvency. – Date of adoption: 30 May 1997. – https://uncitral.un.org/en/texts/insolvency/modellaw/cross-border_insolvency

Институт солидарной ответственности и особенности взыскания долга с солидарных должников

Левин Михаил Геннадьевич,
аспирант кафедры гражданского права и процесса,
Международный юридический институт
E-mail: mg_levin@mail.ru

Статья посвящена анализу института солидарной ответственности в российском гражданском праве. Автор исследует его ключевую гарантийную функцию, направленную на усиление защиты интересов кредитора, который получает право требовать исполнения от всех должников совместно или от любого из них в отдельности. На основе анализа судебной практики выявляются актуальные проблемы правоприменения, порожденные указанным доктринальным дуализмом. К ним относятся: противоречивая судебная трактовка «принципа превенции» и последствий предъявления иска одним из солидарных кредиторов; коллизии между правилом о личных возражениях должника и теорией единого обязательства; сложности в определении оснований солидарности при отсутствии прямого указания закона, особенно в контексте групп аффилированных лиц.

Целью статьи является научно-практическое исследование института солидарной ответственности через призму особенностей взыскания долга. Для достижения этой цели последовательно решаются следующие задачи: анализ правовой природы и оснований возникновения солидарных обязательств; систематизация и оценка позиций высших судов по спорным вопросам.

В заключение автор формулирует выводы о необходимости устранения внутренних противоречий в регулировании, детализации критериев совместного обеспечения в корпоративных группах и выработки единообразных подходов к определению долей в регрессе. Статья вносит вклад в систематизацию знаний о солидарной ответственности и предлагает направления для совершенствования законодательства и судебной практики.

Ключевые слова: солидарная ответственность, солидарные должники, взыскание долга, активная и пассивная солидарность, судебная практика, гражданское законодательство, регрессные требования.

Введение

Институт солидарной ответственности занимает одно из центральных мест в системе обеспечения исполнения обязательств. Его значение обусловлено повышенной гарантией защиты интересов кредитора, который получает возможность требовать исполнения как от всех должников совместно, так и от любого из них в отдельности, причем как полностью, так и в части долга. Данный механизм выступает эффективным инструментом минимизации рисков неисполнения обязательства, особенно в сфере предпринимательской деятельности, корпоративных отношений, деликтных и договорных обязательств с множественностью лиц.

Несмотря на кажущуюся простоту легальной конструкции, практика применения норм о солидарной ответственности выявляет ряд сложных и дискуссионных вопросов. К ним относятся: критерии установления солидарности при отсутствии прямого указания в законе, проблемы определения «единого основания» ответственности, тактика кредитора при выборе должника для взыскания, особенности процессуального соучастия, а также запутанные ситуации, возникающие на стадии регрессных требований между солидарными должниками [8]. Эти вопросы регулярно становятся предметом судебных разбирательств, что свидетельствует о недостаточной теоретической проработке и противоречиях в правоприменении.

Материалы и методы исследований

Методологическую основу исследования составили общенаучные (анализ, синтез, системный подход) и частноправовые (формально-юридический, сравнительно-правовой, метод правового моделирования) методы. Эмпирическую базу образуют постановления Пленума и обзоры практики Верховного Суда РФ, а также значительный массив решений арбитражных судов по конкретным спорам, связанным с применением статей 322–326 ГК РФ [1].

Результаты и обсуждения

Правовой режим солидарных требований кредиторов установлен положениями статей 322 и 326 Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) [1]. Лексика указанных норм, использующая термины «обязательство» и «требование» в единственном числе, имплицитно указывает на существование единого субъективного права, принадлежащего нескольким управомоченным лицам. Данная лингвистическая конструкция коррелирует с доминирующей в судебной практике позицией, трактующей права солидарных кредиторов как нераздельное целое (Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 03.03.2020 № Ф07–2509/2020 по делу № А56–99194/2019 [6]). В классической и современной цивилистической доктрине также получила распространение концепция, согласно которой на стороне кредитора в едином обязательственном правоотношении выступает множественность лиц, что предопределяет прекращение обязательства в отношении всех кредиторов при получении исполнения любым из них.

Как отмечается в статье А.И. Косова, взгляд на солидарность как на единое обязательство с множественностью лиц указывается в кодификации советского периода – ГК РСФСР 1922 г. (ст. 116) и ГК РСФСР 1964 г. (ст. 180) [9]. Тезис о наличии нескольких самостоятельных обязательств, имеющих отношение ко всем должникам одного кредитора, повлекло ряд концептуальных последствий [9]:

– стало признаваться возникновение солидарных обязательств из разнородных оснований и имеющих единый имущественный интерес;

– утвердилось понимание, что каждое из таких обязательств может обладать автономным правовым режимом, различающимся в части сроков исполнения, отлагательных условий, наличия личных возражений должника и иных особенностей.

Несмотря на указанные новации в доктрине пассивного солидаритета, они практически не затронули господствующие представления о природе прав солидарных кредиторов в науке и правоприменительной практике, что обусловлено рядом факторов:

– конструкция активной солидарности не является распространенной в гражданском обороте;

– в случае активной солидарности кредиторы не имеют существенных процессуальных преимуществ: для совместной реализации требований достаточно оформить договор поручения;

– положение каждого кредитора характеризуется зависимостью, с одной стороны, от усмотрения должника в выборе контрагента для исполнения, при этом указанный контрагент не имеет регрессных обязательств перед остальными кредиторами, а с другой – важным параметром выступает уровень платежеспособности кредитора на стадии регресса, получившего исполнение, и его готовности произвести распределение.

Указанные обстоятельства не стимулируют ни развития законодательства, ни углубления догматических исследований, остающихся в парадигме сложившегося регулирования.

Специальными основаниями возникновения солидарности являются [7]:

– требования, возникающие в сфере предпринимательства (п. 2 ст. 322 ГК РФ);

– требования, касающиеся неделимости предоставления (п. 1 ст. 322, ст. 707 ГК РФ [2]);

– требования, выставленные залогодержателями (абз. 1 п. 2 ст. 335.1 ГК РФ);

– требования в сфере лизинговых отношений (абз. 2 п. 1 ст. 670 ГК РФ [2]);

– требования в сфере перевозок.

Таким образом, основаниями возникновения солидарной ответственности могут являться:

– условия договоров;

– прямое указание закона;

– неделимость предмета обязательств.

Наиболее распространенным основанием для возникновения активной солидарности является договор, например, договор займа с несколькими займодавцами, взыскание арендной платы сособственниками. В таких ситуациях вопрос о разнородности оснований для требования не возникает. При возникновении обязательств перед разными кредиторами, основанных на различных договорах, либо в основании кредиторских требований лежит прямые законодательные указания (п. 1 ст. 670 ГК РФ), специфика реализации таких солидарных требований судебной практикой детально не раскрывается [10].

В соответствии с абз. 2 п. 1 ст. 326 ГК РФ должник вправе до предъявления требования одним из кредиторов исполнить обязательство любому из них по своему усмотрению. Несмотря на то, что норма устанавливает временной критерий для реализации данной дискреции, правовые последствия его нарушения (например, предоставления исполнения иному кредитору или прекращения обязательства зачетом) остаются неясными. Дискуссионным является и содержание термина «предъявление требования»: охватывает ли оно лишь направление претензии, подачу искового заявления или требует вынесения судебного решения в пользу конкретного кредитора.

Что касается судебной практики, то:

– ряд судебных инстанций исходит из того, что факт предъявления требования одним из солидарных кредиторов трансформирует единое солидарное обязательство в обычное (однородное), исключая тем самым возможность удовлетворения требований остальных кредиторов к должнику. Остальные кредиторы могут получить только неистребованную часть долга (например, неустойку за иные периоды) [5];

– действует принцип приоритета кредитора, первым обратившегося в суд, предъявление требования после этого момента влечет отказ в его удовлетворении.

В рамках исследования правовых оснований солидарной ответственности представляет интерес позиция суда, изложенная в Постановлении Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 10 февраля 2014 г. по делу № А33–6328/2013 [4]. Суд отклонил исковые требования о признании ответчика солидарным должником и взыскании задолженности по обязательствам третьих лиц, квалифицируя его как «фактического правопреемника».

Правовым основанием для отказа послужило отсутствие установленных законом условий для возникновения солидарного обязательства. Суд констатировал, что должник и ответчик сохраняют статус самостоятельных юридических лиц, а действующее законодательство не предусматривает солидарной обязанности одного хозяйственного общества по долговым обязательствам другого общества, не находящегося в процедуре банкротства, даже при условии идентичности состава их участников.

Как указывает И.С. Шиткина, судебные органы осуществляют правоприменительную, а не правотворческую функцию [12]. Создание нового механизма защиты прав кредитора (представляющегося истцу более эффективным) не входит в компетенцию суда, поскольку регулирование подобных отношений требует создания новой первичной нормы права, что относится к исключительной прерогативе законодательной власти».

Признание за солидарными кредиторами единого права требования предполагает и совместный характер распоряжения им: уступка права требования (п. 5 ст. 388 ГК РФ) или изменение условий обязательства по общему правилу требуют согласия всех кредиторов. В то же время предъявить требование к должнику может любой из них (абз. 1 п. 1 ст. 326 ГК РФ). Суды трактуют это как действие в интересах всех кредиторов, по аналогии с представительством в силу закона. Однако если это так, то остальные кредиторы должны иметь возможность влиять на ход процесса, присоединяясь к делу, что на практике не всегда допускается. Более того, если предъявляющий требование кредитор действует в общих интересах, результат должен распространяться на всех, однако практика преобразования обязательства в ординарное ведет к утрате другими кредиторами прав к должнику до возникновения регрессных отношений [11].

Концепция единого обязательства вступает в противоречие с п. 2 ст. 326 ГК РФ, запрещающим должнику выдвигать против требования одного кредитора возражения, основанные на его отношениях с другим кредитором. Данное правило, вытекающее из принципа относительности обязательств, предполагает существование как общих, так и личных возражений. Однако если обязательство едино, любое изменение его условий (отсрочка, прощение долга), согласованное с одним кредитором, должно быть ничтожным за отсутствием согласия остальных, что сводит на нет саму категорию личных возражений.

Как указывает Д.А. Юхнин, анализируя вопросы обеспечения при банкротстве, ст. 363 ГК РФ, регулируя вопросы множественности на стороне поручителя, устанавливает, что лица, совместно давшие поручительство (сопоручители), несут перед кредитором солидарную ответственность, если иное не предусмотрено договором поручительства [13]. Диспозитивность данной нормы позволяет сопоручителям ограничить свою ответственность, предусмотрев в договоре долевой характер своих обязательств.

Несмотря на четкость законодательных формулировок, на практике возникает ряд коллизий:

– нередко в договорах происходит смешение солидарной и субсидиарной ответственности. Если закон или договор предусматривает субсидиарную ответственность, она не может быть истолкована как солидарная. Кредитор, имеющий право на субсидиарное взыскание, должен сначала предъявить требование к основному должнику и только после отказа или неполучения ответа обратиться к субсидиарному ответственному лицу. При солидарной ответственности такой порядок не требуется;

– определение «доли», падающей на исполнившего обязательство должника. Пункт 2 ст. 325 ГК РФ говорит о равных долях, если иное не вытекает из отношений между должниками. «Иное» может следовать из закона, например, при причинении вреда доли могут определяться соразмерно степени вины, или из договора между самими солидарными должниками. Отсутствие между ними какого-либо соглашения о распределении бремени ответственности автоматически влечет равенство долей в регрессе;

– солидарно отвечающие лица несут также солидарную ответственность по возмещению судебных расходов, следовательно, кредитор, взыскавший долг с одного из солидарных должников, вправе также взыскать с него всю сумму понесенных по делу судебных расходов. Данный должник, в свою очередь, может взыскать с остальных должников в регрессном порядке их доли в этих расходах;

– зачет встречного требования одного из солидарных должников является дискуссионным. Зачет встречного однородного требования, которым один из солидарных должников располагает к кредитору, не может прекратить обязательство полностью для всех должников. Такой зачет прекращает обязательство лишь в части доли этого должника, кредитор сохраняет право требовать оставшуюся часть долга с других солидарных должников;

– срок исковой давности по регрессному требованию начинает течь с момента исполнения основного обязательства перед кредитором (п. 3 ст. 200 ГК РФ). Однако на практике возникает вопрос: с какой даты исчислять исполнение – с даты фактической уплаты или с даты вступления в силу судебного акта о взыскании? Согласно Постановлению ВС, моментом исполнения является дата фактического перечисления денежных средств кредитору, поскольку только с этого момента должник, произведший выплату, несет реальные убытки [3].

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Институт солидарности выполняет ключевую гарантийную функцию, обеспечивая повышенную защиту интересов кредитора путем предоставления ему права требования исполнения как ко всем должникам совместно, так и к любому из них в отдельности в полном объеме. Одновременно в доктрине и, отчасти, в судебной практике сосуществуют две конкурирующие концепции правовой природы солидарного обязательства: концепция единого неделимого требования (обязательства) с множественностью лиц на стороне кредитора или должника и концепция множественности самостоятельных обязательств, объединенных общей целью. Это доктринальное противоречие является источником многих практических коллизий.

Исторически сложившийся в отечественном праве взгляд на солидарность как на единое обязательство подвергается переосмыслению. Современная цивилистическая мысль, особенно в сфере пассивного солидаритета, все больше склоняется к признанию возможности существования нескольких самостоятельных обязательств, возникающих из разнородных оснований, но направленных на удовлетворение единого интереса кредитора. Однако данная новация практически не повлияла на регулирование и правоприменение в области активной солидарности (множественности кредиторов), где продолжает доминировать модель единого требования.

В качестве перспективных направлений для совершенствования правового регулирования и правоприменительной практики можно обозначить:

– устранение внутренних противоречий в регулировании активной солидарности между концепцией единого требования и нормой о личных возражениях должника;

– дальнейшую детализацию в законе или разъяснениях высших судов критериев и последствий признания обеспечения совместным в корпоративных группах;

– формирование более единообразных подходов к определению долей в регрессе и моменту их перераспределения при банкротстве одного из солидарно обязанных лиц;

– развитие доктринального анализа экономически целесообразных моделей солидарности, балансирующих между безусловной защитой кредитора и справедливым распределением рисков между должниками.

Литература

1. Часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru

2. Часть вторая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru

3. О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru

4. Постановлении Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 10 февраля 2014 г. по делу № А33–6328/2013. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru

5. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 13.07.2023 № Ф01–2213/2023 по делу № А43–13147/2022. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru

6. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 03.03.2020 № Ф07–2509/2020 по делу № А56–99194/2019. [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: https://www.consultant.ru

7. Борха С. Сфера применения и правовой режим солидарной множественности кредиторов в сравнительной перспективе // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2021. № 7 (59). С. 179–199.

8. Гончарова В.А. Непоименованные способы обеспечения исполнения обязательств в гражданском праве России: монография. Москва: Юстицинформ, 2022. 184 с.

9. Косов А.И. Основные модели реализации требований солидарных кредиторов // Актуальные проблемы российского права. 2025. vol. 20, № 6 (175). С. 45–56.

10. Лапина Е.В. Правовое регулирование отношений между несколькими поручителями // Юридическая наука. 2022. № 5. С. 63–67.

11. Рочегова К.Г. Солидарная множественность кредиторов по российскому праву в историческом и сравнительно-правовом контекстах // Вестник гражданского права. 2023. Т. 23. № 1. С. 71–108.

12. Шиткина И.С. Значение судебной практики в российском правопорядке: критический анализ судебных актов по корпоративным спорам // Lex Russica. – 2025. – vol. 78, № 4 (221). – С. 9–24.

13. Юхнин Д.А. Внутригрупповое обеспечение при банкротстве: проблемы и пути решения // Legal Bulletin. 2024. Т. 9, № 1. С. 67–80.

THE INSTITUTION OF JOINT AND SEVERAL LIABILITY AND PECULIARITIES OF DEBT RECOVERY FROM JOINT AND SEVERAL DEBTORS

Levin M.G.
International Law Institute

This article provides an analysis of the institution of joint and several liability in Russian civil law. The author examines its core security function aimed at enhancing the protection of the creditor's interests, who is granted the right to demand performance from all debtors jointly or from any one of them separately. Based on an analysis of judicial practice, current issues of law enforcement arising from the aforementioned doctrinal dualism are identified. These include: contradictory judicial interpretation of the «prevention principle» and the consequences of filing a claim by one of the joint and several creditors; collisions between the rule on the debtor's personal objections and the theory of a single obligation; difficulties in determining the grounds for solidarity in the absence of an express statutory provision, particularly in the context of groups of affiliated persons.

The purpose of this article is a scholarly and practical investigation of the institution of joint and several liability through the lens of debt recovery peculiarities. To achieve this purpose, the following tasks are addressed sequentially: analysis of the legal nature and grounds for the emergence of joint and several obligations; systematization and evaluation of the positions of the supreme courts on contentious issues.

In conclusion, the author formulates findings on the necessity of eliminating internal contradictions in the regulatory framework, detailing the criteria for joint security within corporate groups, and developing uniform approaches to determining shares in regress. The article contributes to the systematization of knowledge on joint and several liability and proposes avenues for the improvement of legislation and judicial practice.

Keywords: joint and several liability, joint and several debtors, debt recovery, active and passive solidarity, judicial practice, civil legislation, regress claims.

References

1. Part One of the Civil Code of the Russian Federation of November 30, 1994, № 51-FZ. [Electronic resource] // ConsultantPlus. – Access mode: https://www.consultant.ru

2. Part Two of the Civil Code of the Russian Federation of November 30, 1994, № 51-FZ. [Electronic resource] // ConsultantPlus. – Access mode: https://www.consultant.ru

3. On Certain Issues Concerning the Application of the General Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Obligations and Their Performance. Ruling of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 54 of November 22, 2016. [Electronic resource] // ConsultantPlus. – Access mode: https://www.consultant.ru

4. Ruling of the Federal Arbitrazh Court of the East-Siberian District of February 10, 2014, in Case № A33–6328/2013. [Electronic resource] // ConsultantPlus. – Access mode: https://www.consultant.ru

5. Ruling of the Arbitrazh Court of the Volgo-Vyatsky District of July 13, 2023, № F01–2213/2023 in Case № A43–13147/2022. [Electronic resource] // ConsultantPlus. – Access mode: https://www.consultant.ru

6. Ruling of the Arbitrazh Court of the North-Western District of March 3, 2020, № F07–2509/2020 in Case № A56–99194/2019. [Electronic resource] // ConsultantPlus. – Access mode: https://www.consultant.ru

7. Borokh S. The Scope of Application and Legal Regime of Solidary Multiplicity of Creditors in a Comparative Perspective // Skif. Voprosy Studencheskoy Nauki. 2021. № 7 (59). P. 179–199.

8. Goncharova V.A. Unnamed Methods of Securing the Performance of Obligations in the Civil Law of Russia: A Monograph. Moscow: Yustitsinform, 2022. 184 p.

9. Kosov A.I. Principal Models for the Realization of Claims by Solidary Creditors // Aktual'nye Problemy Rossiyskogo Prava. 2025. Vol. 20, № 6 (175). P. 45–56.

10. Lapina E.V. Legal Regulation of Relations Between Multiple Sureties // Yuridicheskaya Nauka. 2022. № 5. P. 63–67.

11. Rochegova K.G. Solidary Multiplicity of Creditors under Russian Law in Historical and Comparative Legal Contexts // Vestnik Grazhdanskogo Prava. 2023. Vol. 23. № 1. P. 71–108.

12. Shitkina I.S. The Significance of Judicial Practice in the Russian Legal Order: A Critical Analysis of Judicial Acts on Corporate Disputes // Lex Russica. – 2025. – Vol. 78, № 4 (221). – P. 9–24.

13. Yukhnin D.A. Intragroup Security in Bankruptcy: Problems and Solutions // Legal Bulletin. 2024. Vol. 9, № 1. P. 67–80.

Рецепция и адаптация принципа добросовестности по модели континентальной правовой системы (на примере Китайской Народной Республики, Японии и Республики Корея)

Миронов Василий Андреевич,
аспирант Высшей школы правоведения Института государственной службы и управления Президентской Академии
E-mail: vamir0n@yandex.ru

В статье рассматриваются способы конкретизации принципа добросовестности в частном праве КНР, Японии и Республики Корея. Цель работы – определить, какие юридические механизмы превращают заимствованную общую оговорку в действующий национальный стандарт поведения. Автор опирается на сравнительно-правовой, формально-юридический и историко-правовой методы, сопоставляя положения гражданских кодексов трех государств, японское регулирование договорных условий и корейскую доктрину изменения обстоятельств. Показано, что рецепция континентальной модели обеспечивает общность нормативной формы, однако не предопределяет ни оснований вмешательства в договор, ни его последствий. В изученных правопорядках выделены три способа конкретизации принципа: законодательная детализация сопутствующих обязанностей, дифференцированный контроль договорных условий и судебная оценка распределения рисков. На этой основе предлагается оценивать адаптацию принципа через связь между конкретной обязанностью, защищаемым интересом и правовым последствием – такой подход учитывает национальную специфику, не подменяя юридический анализ культурными обобщениями.

Ключевые слова: добросовестность; рецепция права; континентальная правовая система; общая оговорка; договорные обязанности; стандартные условия; изменение обстоятельств; Китай; Япония; Республика Корея.

Формально одинаковое требование добросовестности еще не гарантирует одинакового решения договорного спора. Гражданские кодексы КНР, Японии и Республики Корея закрепляют его среди общих положений, но уже круг адресатов описан по-разному: китайская ст. 7 говорит о гражданской деятельности в целом, тогда как японская ст. 1 и корейская ст. 2 связывают принцип конкретно с осуществлением прав и исполнением обязанностей [3, ст. 7; 5, ст. 1; 4, ст. 2]. Сходство терминологии само по себе ничего не говорит о том, возникнет ли из него дополнительная обязанность, утратит ли силу договорное условие или будет допущено прекращение обязательства.

Именно этот разрыв между общей формулой и конкретным последствием определяет актуальность сравнения. Установить европейское происхождение нормы для изучения рецепции недостаточно – нужно понять, кто и каким способом наполняет ее содержанием. Гипотеза статьи состоит в том, что национальная адаптация проявляется не на уровне самой общей оговорки, а в промежуточных юридических конструкциях: обязанности раскрыть информацию, контроле стандартного условия, критериях допустимого перераспределения договорного риска.

Материал статьи ограничен договорными отношениями, где связь принципа с поведением сторон поддается предметному сопоставлению. Историко-правовой метод здесь служит для разграничения путей рецепции, формально-юридический – для выявления условий и последствий применения норм, сравнительно-правовой – для оценки их функций. Приведенные конструкции и судебные примеры не претендуют на статистическую репрезентативность: их назначение – показать механизмы конкретизации принципа, а не частоту обращения судов к добросовестности.

Континентальная модель в данном контексте означает не копирование одного европейского кодекса, а включение общей оценочной нормы в систему кодифицированного частного права. Это видно уже из соотношения § 157 и § 242 Германского гражданского уложения, где добросовестность выступает соответственно ориентиром толкования договора и стандартом исполнения обязательства с учетом обычаев оборота [2, § 157, 242]. При рецепции заимствуется сама возможность юридически конкретизировать открытое требование, а не готовый перечень решений на все случаи.

В Японии европейское влияние соединило германские и французские элементы, но действующую общую оговорку о добросовестности нельзя без оговорок возводить к первоначальному тексту кодекса 1896 г. Как показывает Я. Танигути, ее появление в ст. 1 связано с поправками 1947 г., которые одновременно закрепили запрет злоупотребления правом, хотя судебная практика по последнему начала складываться раньше [11, с. 168–169]. История кодификации и история самого принципа здесь расходятся: нормативное закрепление было также результатом внутренней правовой эволюции, а не только рецепции извне.

Корейская рецепция первоначально шла через японское законодательство колониального периода. Но при подготовке собственного Гражданского кодекса, принятого в 1958 г. и вступившего в силу 1 января 1960 г., корейские законодатели обратились уже напрямую к германскому, швейцарскому и французскому праву; Ю. Квон характеризует его построение как пандектное [9, с. 149–150]. Национальную кодификацию поэтому нельзя сводить к продолжению японского регулирования – посредник рецепции и источники последующей адаптации здесь разные.

Китайский путь был еще менее прямым. Позднеимперские проекты, республиканская кодификация, отказ от прежнего законодательства после 1949 г. и последующее восстановление частноправового регулирования в период реформ – это разные этапы, а не непрерывное перенесение европейских институтов. А.П. Алексеенко связывает принятие ГК КНР 2020 г. с предшествующим развитием отдельных законов и Общих положений гражданского права [1, с. 201–202]. Для целей сравнения отсюда следует практический вывод: генеалогию конструкции и основания ее действия в современном правопорядке нужно анализировать отдельно.

Китайская модель интересна не только широкой формулировкой ст. 7, но и тем, как требования добросовестности распределены

по стадиям договорной связи. Статья 500 связывает преддоговорную ответственность с заведомо недобросовестными переговорами под видом заключения договора, сокрытием существенных обстоятельств и предоставлением ложной информации, при этом для возмещения необходимо доказать причинение другой стороне потерь. На стадии исполнения ст. 509 возлагает на стороны обязанности уведомления, содействия и сохранения конфиденциальности исходя из характера и цели договора, а также обыкновений оборота. Статья 558, наконец, сохраняет сопутствующие обязанности уже после прекращения основных требований и долгов [3, ст. 500, 509, 558].

Такое распределение возникло не одновременно с кодексом. Еще применительно к Закону КНР о договорах 1999 г. С. Новаретти выделяла добросовестность при заключении, исполнении, прекращении и толковании договора [10, с. 966–967]. Значит, кодификация 2020 г. закрепила уже сложившийся способ развития принципа, при котором общая норма получает продолжение в правилах, адресованных конкретным отношениям, – и за новизной кодекса эту преемственность не стоит терять из виду.

Юридический эффект такой детализации – в уточнении предмета спора. После прекращения основных обязательств вопрос ставится не о том, существует ли договор «вообще», а о том, сохраняется ли конкретная сопутствующая обязанность. Применительно к конфиденциальной информации это означает необходимость отдельно установить, какие сведения получены именно в связи с отношениями сторон и почему обязанность их не раскрывать не отпадает вместе с основным обязательством. Прекращение основного исполнения и исчерпание связанных с ним охранительных обязанностей поэтому требуют раздельной оценки, а объем сохраняющейся обязанности – самостоятельного обоснования в каждом случае [3, ст. 558].

Добросовестность, впрочем, не стоит растворять в публичных целях кодекса. Статья 1 упоминает основные социалистические ценности, ст. 6 отдельно закрепляет справедливость, ст. 7 – добросовестность, ст. 8 – пределы, связанные с законом, публичным порядком и добрыми нравами [3, ст. 1, 6–8]. Из такой структуры, на наш взгляд, вытекает требование раздельной аргументации: суду нужно объяснить, какое именно поведение противоречит обязанностям участника оборота, а не подменять это объяснение общей ссылкой на общественную пользу. Идеологическая рамка кодекса значима, но сама по себе частноправового последствия не определяет.

Японский материал раскрывает менее заметную сторону адаптации – выбор юридической конструкции защиты. Пункт 2 ст. 548–2 ГК устанавливает специальное правило для стандартных условий: если условие ограничивает права контрагента или расширяет его обязанности и с учетом характера и обстоятельств сделки односторонне ущемляет его интересы вопреки добросовестности, оно считается не согласованным сторонами, причем закон прямо отсылает к п. 2 ст. 1 [5, ст. 548–2, п. 2]. Речь здесь идет не о признании условия «несправедливым» в общем смысле, а о его исключении из состава согласованного содержания договора – это разные юридические операции.

Иначе устроен механизм ст. 10 Закона Японии о потребительских договорах: условие, ухудшающее положение потребителя по сравнению с применимыми неимперативными правилами и односторонне ущемляющее его интересы вопреки добросовестности, признается недействительным [6, ст. 10]. Ссылка на общий принцип та же, что и в ст. 548–2, но различаются сфера действия, условия проверки и само юридическое последствие. Две эти нормы нельзя без оговорок сводить к единой формуле «добросовестность влечет недействительность несправедливых условий».

Это различие важно для понимания рецепции в целом: общая оговорка не обязательно конкурирует с правилами о согласовании договора и его действительности, законодатель вполне может встроить ее в каждую из этих конструкций, сохранив их самостоятельные основания. Именно такую дифференциацию показывает японский пример – принцип не заменяет юридическую квалификацию, а участвует в ней. Стороне спора поэтому важно не только доказать невыгодность условия, но и соотнести ее с критериями конкретного применимого режима.

Учет практики оборота тоже не означает автоматического признания любой распространенной модели поведения. С. Кодзука, изучая японское право обычая, обращает внимание на роль судебной проверки разумности коммерческой практики [8, с. 19–20], а ст. 92 ГК прямо связывает применение обычая, отличающегося от неимперативных положений закона, с намерением сторон ему следовать [5, ст. 92]. Адаптация принципа выглядит поэтому не как безусловное признание местных привычек, а как их отбор с учетом автономии сторон и требований правопорядка.

Статья 2 ГК Республики Корея закрепляет добросовестное осуществление прав и исполнение обязанностей и отдельно – запрет злоупотребления правом, но не поглощает правила о недействительности сделок, противоречащих добрым нравам и социальному порядку, либо явно несправедливых сделок, заключенных с использованием бедственного положения, опрометчивости или неопытности другой стороны [4, ст. 2, 103–104]. Это разграничение важно на практике: сама по себе неудовлетворенность результатом договора не создает ни порока сделки, ни основания для последующего освобождения от нее.

Пределы обращения к добросовестности особенно хорошо видны в корейской доктрине изменения обстоятельств. Б. Чанг рассматривает ее развитие как судебную конкретизацию ст. 2 в условиях, когда общей кодифицированной нормы об изменении обстоятельств нет; в центре анализа – исключительность отступления от обязательности договора и вопрос о том, на какой стороне лежит возникший риск [7, с. 3, 7–10]. Смысл такого подхода не в безусловном предпочтении неизменности договора, а в проверке того, почему неблагоприятное изменение должно затронуть не только заявителя, но и его контрагента.

Показателен спор, разрешенный Верховным судом Республики Корея 8 июня 2017 г. по делу № 2016Da249557: оператор фитнес-клуба при гостинице ссылался на убыточность, сокращение притока новых участников, рост числа неактивных членов и расходов на содержание, однако суд не признал эти обстоятельства достаточными для прекращения отношений, поскольку соответствующие коммерческие риски относились к деятельности самого оператора [7, с. 9–10]. Важен здесь не сам отказ в иске, а способ его обоснования – соотнесение возникших потерь с риском, который сторона изначально должна была нести в рамках договора.

При этом доктрина не остается голой декларацией: в решении от 10 декабря 2020 г. по делу № 2020Da254846 прекращение аренды было допущено именно из-за невозможности достичь оговоренной цели – строительства демонстрационного дома, хотя Б. Чанг и ставит вопрос, нельзя ли было разрешить этот спор через восполняющее толкование договора [7, с. 11–12]. Пример показывает еще одну границу: даже при наличии оснований для защиты стороны нужно обосновать выбор конкретного механизма, а обращение к добросовестности не освобождает от проверки возможностей, которые дает содержание самого договора.

Сопоставление показывает три способа придания принципу юридического содержания: китайские нормы описывают сопутствующие обязанности на разных стадиях договорной связи, японские – встраивают добросовестность в разные режимы контроля условий, корейская доктрина – конкретизирует пределы отступления от договора через оценку риска. Закрытой классификацией национальных систем это не является: законодательная детализация и судебная конкретизация вполне могут сочетаться в рамках одного правопорядка. Различаются именно исследованные механизмы, а не способность той или иной системы пользоваться каким-либо одним из них.

Общая для всех трех систем проблема возникает там, где между ссылкой на принцип и выбранным последствием нет объяснимой связи: сама констатация «недобросовестности» не отвечает на вопрос, следует ли возместить потери, исключить условие из согласованного содержания договора или прекратить отношения вовсе. Применительно к китайскому материалу С. Новаретти писала о необходимости ориентиров применения общих оговорок, включая их соотношение с конкретными правилами и проверяемость судебной аргументации [10, с. 979–980]. Проведенное сравнение позволяет распространить эту постановку вопроса на все три модели, не перенося автоматически выводы о китайских судах на две другие страны.

На наш взгляд, мотивировка применения добросовестности должна выстраивать последовательную цепочку: какой интерес заслуживает защиты, из каких норм, договорных отношений либо допустимой практики выводится конкретная обязанность, какое поведение ей противоречит и почему избранное последствие соответствует нарушению. При наличии специального правила нужно отдельно объяснить, достаточно ли его для разрешения спора и какую роль в этом случае играет общая оговорка. Этот критерий касается качества правового обоснования и не требует унификации национальных способов судебной защиты.

Такой подход позволяет учитывать социальный контекст без культурного детерминизма: само по себе распространение ценностей доверия или устойчивых деловых связей еще не доказывает существования конкретной обязанности сотрудничать. Юридическое значение приобретает способ признания этих ожиданий – через норму, содержание договора, допустимый обычай либо обоснованную судебную конкретизацию. Успешность адаптации стоит измерять не числом ссылок на национальную традицию, а тем, способен ли участник оборота понять предъявляемое требование и предвидеть последствия его нарушения.

Рецепция принципа добросовестности в КНР, Японии и Республике Корея подтверждает воспроизводимость самой континентальной конструкции общей оговорки, но не тождество ее национального содержания. Различие путей заимствования значимо и сегодня: японская послевоенная кодификация принципа, корейская самостоятельная переработка европейского наследия и многоэтапное китайское развитие – не варианты одного и того же переноса нормы. Историческая генеалогия, однако, сама по себе не объясняет исход конкретного договорного спора.

Проведенное сопоставление подтверждает выдвинутую гипотезу: адаптация принципа обнаруживается именно в юридических конструкциях, которые связывают общую норму с конкретной обязанностью и последствием. На исследованном материале это сопутствующие договорные обязанности, разные режимы контроля условий и оценка распределения рисков при изменении обстоятельств. Практический вывод: проверять нужно не только основание оценки поведения как недобросовестного, но и основание избранной меры защиты – только такая двойная проверка сохраняет гибкость общей оговорки, не превращая ее в разрешение пересматривать договор по произвольному представлению о справедливости.

Литература

1. Алексеенко, А.П. Характерные черты Гражданского кодекса КНР / А.П. Алексеенко // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16, № 12 (133). – С. 199–211. – DOI: 10.17803/1994-1471.2021.133.12.199-211.

2. Германское гражданское уложение (Bürgerliches Gesetzbuch): пер. на англ. яз. // Gesetze im Internet. – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_bgb/englisch_bgb.html (дата обращения: 06.09.2026).

3. Гражданский кодекс Китайской Народной Республики: принят 28 мая 2020 г.: пер. на англ. яз. // The State Council of the People's Republic of China. – URL: https://english.www.gov.cn/archive/lawsregulations/202012/31/content_WS5fedad98c6d0f72576943005.html (дата обращения: 06.09.2026).

4. Гражданский кодекс Республики Корея (Civil Act): Закон № 471 от 22 февраля 1958 г.: с изм.: пер. на англ. яз. // Korea Law Translation Center. – URL: https://elaw.klri.re.kr/eng_service/lawView.do?hseq=74420&lang=ENG (дата обращения: 06.09.2026).

5. Гражданский кодекс Японии (Civil Code): Закон № 89 от 27 апреля 1896 г.: с изм.: пер. на англ. яз. // Japanese Law Translation. – URL: https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/4848 (дата обращения: 06.09.2026).

6. Закон Японии о потребительских договорах (Consumer Contract Act): Закон № 61 от 12 мая 2000 г.: с изм.: пер. на англ. яз. // Japanese Law Translation. – URL: https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/4624/en (дата обращения: 06.09.2026).

7. Chang, B. Change of Circumstances in Korean Contract Law: An Exception to Pacta Sunt Servanda / B. Chang: conference paper // The Chinese University of Hong Kong. Faculty of Law. – 2021. – 24 p. – URL: https://webapp3.law.cuhk.edu.hk/conf/20210625/wp-content/uploads/sites/34/2021/06/Boeun-Chang_The-Doctrine-of-Change-of-Circumstances-in-Korea.pdf (дата обращения: 06.09.2026).

8. Kozuka, S. The Law and Reality of Custom in a Civil Law Country: Experiences of Japan / S. Kozuka // Transnational Commercial Law Review. – 2022. – Issue 2. – [22] p. – DOI: 10.26494/tclr2202212.

9. Kwon, Y. Understanding Contract Law in Korea / Y. Kwon // Journal of Korean Law. – 2023. – Vol. 22, № 1. – P. 149–177. – DOI: 10.23110/jkl.2023.22.1.005.

10. Novaretti, S. General Clauses and Practice: The Use of the Principle of Good Faith in the Decisions of Chinese Courts / S. Novaretti // European Review of Private Law. – 2010. – Vol. 18, № 5. – P. 953–981. – DOI: 10.54648/ERPL2010072.

11. Taniguchi, Y. Good Faith and Abuse of Procedural Rights in Japanese Civil Procedure / Y. Taniguchi // Tulane Journal of International and Comparative Law. – 2000. – Vol. 8. – P. 167–187.

RECEPTION AND ADAPTATION OF THE PRINCIPLE OF GOOD FAITH WITHIN THE CIVIL LAW TRADITION: CHINA, JAPAN AND THE REPUBLIC OF KOREA

Mironov V.A.
Russian Presidential Academy

This article examines how the principle of good faith acquires concrete legal content in the private law of China, Japan and the Republic of Korea. The aim is to identify the legal mechanisms that turn a borrowed general clause into an operative national standard of conduct. Drawing on comparative, doctrinal and legal-historical methods, the study compares civil code provisions across the three jurisdictions, Japanese regulation of contractual terms and the Korean doctrine of change of circumstances. It shows that reception of the civil law model secures a common normative form but does not by itself determine either the grounds for intervening in a contract or the resulting consequences. Three ways of giving the principle concrete content are identified: legislative specification of ancillary duties, differentiated review of contractual terms and judicial assessment of risk allocation. On this basis, the article proposes assessing adaptation through the link between a specific duty, the protected interest and the legal consequence that follows – an approach that accounts for national differences without reducing legal analysis to cultural generalisation.

Keywords: good faith; legal reception; civil law tradition; general clause; contractual duties; standard terms; change of circumstances; China; Japan; Republic of Korea.

References

1. Alekseenko, A.P. Characteristic Features of the Civil Code of the PRC / A.P. Alekseenko // Actual Problems of Russian Law. – 2021. – Vol. 16, № 12 (133). – P. 199–211. – DOI: 10.17803/1994-1471.2021.133.12.199-211.

2. German Civil Code (Bürgerliches Gesetzbuch): English translation // Gesetze im Internet. – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/englisch_bgb/englisch_bgb.html (accessed: 06.09.2026).

3. Civil Code of the People's Republic of China: adopted on May 28, 2020: English translation // The State Council of the People's Republic of China. – URL: https://english.www.gov.cn/archive/lawsregulations/202012/31/content_WS5fedad98c6d0f72576943005.html (accessed: 06.09.2026).

4. Civil Code of the Republic of Korea (Civil Act): Act № 471 of February 22, 1958: as amended: English translation // Korea Law Translation Center. – URL: https://elaw.klri.re.kr/eng_service/lawView.do?hseq=74420&lang=ENG (accessed: 06.09.2026).

5. Civil Code of Japan (Civil Code): Act № 89 of April 27, 1896: as amended: English translation // Japanese Law Translation. – URL: https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/4848 (accessed: 06.09.2026).

6. Consumer Contract Act (Japan): Act № 61 of May 12, 2000: as amended: English translation // Japanese Law Translation. – URL: https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/4624/en (accessed: 06.09.2026).

7. Chang, B. Change of Circumstances in Korean Contract Law: An Exception to Pacta Sunt Servanda / B. Chang: conference paper // The Chinese University of Hong Kong. Faculty of Law. – 2021. – 24 p. – URL: https://webapp3.law.cuhk.edu.hk/conf/20210625/wp-content/uploads/sites/34/2021/06/Boeun-Chang_The-Doctrine-of-Change-of-Circumstances-in-Korea.pdf (accessed: 06.09.2026).

8. Kozuka, S. The Law and Reality of Custom in a Civil Law Country: Experiences of Japan / S. Kozuka // Transnational Commercial Law Review. – 2022. – Issue 2. – [22] p. – DOI: 10.26494/tclr2202212.

9. Kwon, Y. Understanding Contract Law in Korea / Y. Kwon // Journal of Korean Law. – 2023. – Vol. 22, № 1. – P. 149–177. – DOI: 10.23110/jkl.2023.22.1.005. 10. Novaretti, S. General Clauses and Practice: The Use of the Principle of Good Faith in the Decisions of Chinese Courts / S. Novaretti // European Review of Private Law. – 2010. – Vol. 18, № 5. – P. 953–981. – DOI: 10.54648/ERPL2010072.

11. Taniguchi, Y. Good Faith and Abuse of Procedural Rights in Japanese Civil Procedure / Y. Taniguchi // Tulane Journal of International and Comparative Law. – 2000. – Vol. 8. – P. 167–187.

Следование права аренды за непереданной вещью при переходе права собственности: пределы обязательственной защиты и публичности обременения

Найденов Кирилл Романович,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный экономический университет
E-mail: krnay@yandex.ru

Статья посвящена вопросу о судьбе договора аренды при отчуждении вещи, которая к моменту перехода права собственности еще не была передана арендатору. Закрепленное в ст. 617 Гражданского кодекса правило следования рассматривается как установленное законом сингулярное правопреемство в договорной позиции арендодателя, действие которого против приобретателя нуждается в легитимизации правовой позиции через публичность обременения. В зависимости от того, каким способом обременение может быть распознано третьими лицами обосновывается дифференцированный режим следования для движимых вещей, а также недвижимых вещей, арендованных по краткосрочному и долгосрочному договору. Показано, что при непереданной вещи конкуренция требований арендатора и приобретателя должна разрешаться по правилам ст. 398 Гражданского кодекса, а пределы защиты арендатора, не получившего владения, ограничиваются истребованием вещи у старого собственника или взысканием убытков.

Ключевые слова: аренда, право следования, противоставимость, публичность обременения.

Введение

Принцип сохранения арендного обязательства при смене собственника имущества, закрепленный в ст. 617 Гражданского кодекса, традиционно относится к числу фундаментальных гарантий стабильности гражданского оборота. Даже несмотря на то, что буквальное толкование рассматриваемой статьи не дает однозначного понимания следования арендных обязательств за вещью, а именно в статье указывается о сохранении арендных обязательств, а не о переходе прав и обязанностей прошлого собственника к новому, устойчивая судебная практика предполагает именно переход к новому собственнику вещи всех прав и обязанностей по договору аренды[1].

Доктринальное осмысление данного принципа долгое время понималось в парадигме, согласно которой принцип следования аренды за вещью являлся ее имманентным свойством, возникающим в силу самого факта заключения договора и передачи объекта во владение арендатора. Однако конфликт между принципом следования права аренды за вещью и значением фактической передачи объекта как условия противопоставимости этого права новому собственнику был рассмотрен в научной литературе не полностью.

Предметом настоящего исследования будет являться коллизия между положениями ст. 617 Гражданского кодекса, согласно которым переход права собственности на сданное в аренду имущество не будет являться основанием для изменения или расторжения договора аренды, и значением передачи вещи арендатору, как факта, создающего внешне распознаваемое состояние владения, а именно опубличивание арендных отношений между собственником переходящего имущества и арендатором.

Ключевым вопросом будет, включают ли в себя положения ст. 617 Гражданского кодекса полный переход договорной позиции арендодателя, включая еще не исполненную обязанность передать объект, либо положения указанной статьи защищают только уже возникшее состояние пользования, то есть предоставляют арендатору преимущественно отрицательную защиту от отобрания у него объекта аренды.

В первом случае, новый собственник просто становится должником по требованию о передаче арендатору вещи, во втором же случае, арендатор, который не получил владения, сохраняет лишь требование к первоначальному арендодателю о возмещении убытков за неисполнение договорного обязательства.

Влияние вещно-правового эффекта аренды на право следования

В российской цивилистике аренда традиционно квалифицируется как обязательственное отношение. Придание аренде некоторых свойств вещных прав не позволяет утверждать, что права арендатора должны характеризоваться как вещные [8, с. 97–100].

С.Г. Ким, указывая на несостоятельность позиции о вещных правах арендатора, указывает, что вещные элементы, а именно право следования, преимущественное право и абсолютная защиты, возникают из разных оснований. Так, первые два элемента из юридического факта государственной регистрации, а второе из факта передачи владения [5, с. 186].

Также Е.М. Фомин, полностью лишает аренду вещно-правовых свойств и предлагает понимать свойство следования в арендных отношениях исключительно через обязательственные правоотношения, что само по себе предполагает возможно либо ограничения рассматриваемого свойства аренды, либо его полное исключение из программы договорных отношений [13, с. 102–103].

Наличие в Гражданском кодексе положений о сохранении арендных отношений при смене собственника арендованной вещи не может само по себе влиять на правовую природу договора аренды, учитывая

[1] См. например: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 24.12.2020 № 305-ЭС20–14025 по делу № А40–89806/2019; Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 18.06.2021 № 306-ЭС21–4034 по делу № А65–27473/2019 // СПС «КонсультантПлюс»; Пункт 24 Обзора практики разрешения споров, связанных с арендой (информационное письмо Президиума ВАС РФ от 11.01.2002 № 66) // Вестник ВАС РФ. 2002. № 3.

всю совокупность других признаков, указывающих на строго обязательственную природу аренды в целом [12, с. 43].

Примечательно и то, что как отечественная дореволюционная доктрина, определяла арендные отношения как обязательственные [9, с. 54], так и советский законодатель на протяжении столетия формулировал рассматриваемое правило именно как сохранение силы договора, а не как вещное обременение, например, в ст. 169 ГК РСФСР 1922 г., а затем в ст. 288 ГК РСФСР 1964 г. устанавливал, что при переходе права собственности на сданное внаем имущество договор найма сохраняет силу для нового собственника.

Право следования, закрепленное в ст. 617 Гражданского кодекса следует понимать как установленную законом сингулярную замену стороны в обязательстве, привязанную к переходу титула, а не как классическое ограниченное право.

Соответственно, оно не может пониматься в качестве классического ограниченного вещного права. Новый собственник арендуемого имущества приобретает не только пассивную обязанность не препятствовать владению, но и активные договорные обязанности в виде получения арендной платы, а также получает право на расторжение договора в случае наличия нарушений со стороны арендатора.

Аналогичным образом механизм следования устроен и в немецком праве, где пар. 566 Германского гражданского уложения, выражающий принцип «купля-продажа не ломает наем» (Kauf bricht nicht Miete), прямо описывает вступление приобретателя на место наймодателя в права и обязанности из договора найма. Существенно, однако, что германский законодатель связывает такое вступление с отчуждением вещи «после предоставления ее нанимателю» (nach der Überlassung an den Mieter), а до передачи вещи нанимателю следование не наступает [14].

Кроме того, противопоставимость аренды в отношении объектов недвижимости поставлена законом в зависимость от опубличивания арендных отношений. Принцип публичности в известной степени может рассматриваться как средство разделения соглашения сторон и его эффекта для третьих лиц.

В силу п. 3 ст. 433 ГК РФ договор, подлежащий государственной регистрации, считается для третьих лиц заключенным с момента его регистрации, причем, в отсутствие государственной регистрации такой договор не влечет юридических последствий для третьих лиц, которые не знали и не должны были знать о его заключении[1].

Отсутствие записи об аренде в Реестре, следовательно, не уничтожает обязательство сторон, а лишь ограничивает его внешнее действие. В отличие от регистрации перехода права собственности, которая входит в юридический состав самого перехода права (ст. 8.1, 131, 551 ГК РФ).

Идея о том, что запись в Реестре выступает формой публичности, которая бы замещала владельческую публичность, а публичность есть условие противопоставимости права третьим лицам. Идея о том, что запись в реестре выступает формой публичности, замещающей владельческую, восходит к классическому противопоставлению двух форм доверия к внешним фактам владения и государственной регистрации.

Публичность абсолютных прав является, прежде всего, превенцией, которая предупреждает третьих лиц от возможных нарушений прав и законных интересов правообладателя объекта недвижимости и третьих лиц [3, с. 133–134]. Однако, если третьи лица знали или должны были знать о существующем договоре аренды, отсутствие регистрации само по себе не станет причиной, по которой такие лица смогут беспрепятственно совершить интервенцию в сложившиеся отношения со ссылкой на отсутствие регистрации договора в Росреестре [11, с. 176–177].

Если следование не является вещным эффектом, представляется, что вопрос о конкуренции права требования передачи индивидуально-определенной вещи должен решаться по общим правилам ст. 398 Гражданского кодекса. На это прямо указывают положения п. 13 Постановления Пленума ВАС от 17.11.2011 № 73 в отношении спорных отношений между арендаторами, однако какие-либо аргументы за неприменимость указанной позиции в отношении арендатора и нового собственника привести сложно.

В подкрепление можно привести позицию о невозможности истребования у третьего лица имущества, в пользовании которого оно фактически находится, поскольку, не став законным владельцем, он не будет располагать вещно-правовыми способами защиты по ст. 305 ГК РФ[2].

Это, в свою очередь, предполагает, что если предмет аренды еще не передан новому собственнику, то арендатор может требовать передать вещь именно ему. Таким образом, в ситуации, когда арендованная вещь еще не передана новому собственнику, нет оснований говорить, о необходимости обязательного совершения акта передачи вещи арендатору для срабатывания принципа следования, так как в любом случае, арендатор сможет получить владение путем предъявления иска к бывшему собственнику вещи, путем предъявления иска об истребовании индивидуально определенной вещи.

При этом, в рассматриваемой ситуации кажется нерелевантным вопрос о добросовестности нового собственника и о том, знал или не знал новый собственник о наличии заключенного договора для применения принципа следования, так как изъятие, в любом случае, будет происходить по более раннему обязательству. Соответственно, права и обязанности арендодателя по такому договору в любом случае перейдут к новому собственнику, в связи с тем, что вещь перейдет во владение арендатора.

Противоположной кажется ситуация, когда новый собственник арендованного имущества получил во владение вещь до перехода владения к арендатору, в данном случае положения ст. 398 Гражданского кодекса не будут предоставлять арендатору право на предъявления иска об отобрании индивидуально определенной вещи у нового собственника. В таком случае представляется необходимым определять добросовестность нового собственника и его знание или незнание о заключенном в отношении приобретаемой вещи договора аренды.

При этом, представляется, что вопрос о добросовестности нового собственника при таких обстоятельствах в большинстве ситуаций будет решаться в его пользу. Учитывая, что по общему правилу, наличие прав в отношении движимых вещей проявляется во внешний мир исключительно через владение, которое создает видимость прав для всех третьих лиц [4, с. 43–48].

В частности, Бевзенко Р.С. указывает, что существует три основных способа придания публичности: владение, наложения знака или регистрация [2, с. 275–276]. Для описанной ситуации никакой из указанных знаков вычленить не получается, поэтому новый собственник будет фактически лишен возможности установить с достаточной степенью достоверности о наличии прав на приобретаемую им вещь у третьих лиц, если о наличии таких прав ему не скажет продавец (старый собственник) самостоятельно.

Аналогично к критерию добросовестности покупателя имущества относится и иностранное право. Например, в немецком законодательстве владение продавца предметом определяется как видимая основа доверия для покупателя и как основу добросовестного приобретения [7, с. 417].

Таким образом, в отличие от ситуации с отсутствием владения у обоих лиц, нового собственника и арендатора, в ситуации с наличием владения у нового собственника вопрос о срабатывании права следования будет решаться отрицательно. Соответственно, новый собственник не займет место арендодателя в арендных отношениях, а арендатор сможет требовать только возмещения убытков с предыдущего собственника.

Нормативная публичность обременения как необходимость срабатывания принципа следования

Немного иной подход в применении принципа следования будет в договорах аренды, которые предполагают под объектом аренды недвижимые вещи. В ситуации, когда был заключен долгосрочный договор аренды, требующий наличие государственной регистрации (п. 1 ст. 609 Гражданского кодекса), непереход владения к арендатору не будет решающим фактором для срабатывания принципа следования.

Указанный вывод, прежде всего, основывается на положениях п. 3 ст. 433 Гражданского кодекса, которые подразумевают, что договор, подлежащий государственной регистрации, считается заключенным для третьих лиц с момента его государственной регистрации.

При этом, указанные положения не содержат в себе обязательного условия о передаче владения стороне такого договора как условия необходимости противопоставления. Запись в Едином государственном реестре недвижимости делает обременение распознаваемым для любого приобретателя, который, действуя с обычной осмотрительностью может, установить, что приобретает обремененное имущество.

Таким образом, при переходе права собственности на имущество, в отношении которого заключен договор аренды и указанный договор зарегистрирован, аренда сохранится, а новый собственник займет место арендодателя по такому договору.

[1] Пункт 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора».

[2] Пункт 9 Обзора практики разрешения споров, связанных с арендой (информационное письмо Президиума ВАС РФ от 11 января 2002 г. № 66) // СПС «КонсультантПлюс».

Аналогично просто должен решаться вопрос с имуществом, переданным арендатору по долгосрочному, но незарегистрированному договору аренды. Учитывая, что принцип противопоставимости не будет распространяться на требующие регистрации, но незарегистрированные договоры аренды[1], факт передачи или непередачи арендатору арендуемого имущества не будет играть никакой роли, в связи с отсутствием свойства следования аренды в данном случае как такого.

Более интересным кажется случай с краткосрочной арендой недвижимости, заключенной на срок менее года, который в силу п. 1 ст. 609 Гражданского кодекса не подлежит государственной регистрации. Реестровая публичность для такого договора недоступна в принципе, в данном случае ни один из ранее выработанных нами подходов в отношении передачи или непередачи недвижимости по договорам аренды работать не будет.

При таких обстоятельствах, кажется целесообразным применить критерий разделения, который мы предположили возможным применить, рассматривая вопрос об аренде движимых вещей, так как при недоступности реестровой публичности ее функции принимает на себя факт владения [6, с. 444–445].

Соответственно, в случае, если недвижимость еще не была передана новому собственнику, то приоритет будет иметь арендатор, как получивший право пользования ранее. Если же вещь уже была передана новому собственнику, то возможность реализации принципа следования необходимо рассматривать в призме добросовестности нового собственника и его знании или незнании о заключенном в отношении приобретаемой им вещи договора аренды.

Аналогичный подход по случаям добросовестности арендатора и приобретателя имущества содержится также в #Глоссе по аренде, где при недобросовестности арендатора предполагается предоставлять собственнику возможность отказа от договора аренды ретроактивно [1, с. 566–567].

Заключение

Фактически принцип следования, будучи переводом договорной позиции арендодателя на приобретателя имущества в силу закона, легитимен лишь настолько, насколько обременение было для приобретателя распознаваемо, а распознаваемость аренды обеспечивается двумя возможными факторами: либо записью в Едином государственном реестре недвижимости, либо владением, либо и тем и другим.

Пока вещь не выбыла из владения арендодателя (бывшего собственника), интерес арендодателя защищен его первой позицией по ст. 398 Гражданского кодекса, и вопрос о добросовестности нового собственника арендуемого имущества для следования договора аренды не возникает. Зарегистрированная аренда недвижимости следует за арендованным имуществом независимо от передачи владения над ним арендатора в силу принципа противопоставимости.

Таким образом, факт передачи владения над арендованной вещью будет являться обязательным юридическим фактом, отсутствие которого приведет к невозможности реализации принципа следования только в ситуациях, когда недвижимое имущество было арендовано по краткосрочному договору аренды, не требующему регистрации, или, когда было арендовано движимое имущество, но владение им уже перешло к новому собственнику.

Литература

1. Аренда: комментарий к статьям 606–625 и 650–655 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. – Москва: М-Логос, 2023. – 816 с. (Комментарии к гражданскому законодательству #Глосса) С. 566–567.

2. Бевзенко Р.С. Вещное обеспечение: залог, удержание и титульные обеспечительные конструкции: дис. … д-ра юрид. наук: 5.1.3. М.: РАНХиГС при Президенте РФ, 2022. 494 с. Научный консультант – Д.В. Дождев. С. 275–276.

3. Ермакова А.В. Публичность прав на недвижимое имущество в условиях ограничения доступа к персональным данным, содержащимся в реестре прав на недвижимость // Пермский юридический альманах. 2024. С. 131–144.

4. Карпов Д.М. Фактические основания абсолютности вещного права // Ex jure. 2019. № 2. С. 40–54. DOI: 10.17072/2619-0648-2019-2-40-54.

5. Ким С.Г. Юридическое разделение недвижимости: исследование институтов Франции и России // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 3 (88). С. 182–190. DOI: 10.17803/1994-1471.2018.88.3.182-190.

6. Латыев А.Н. Регистрация прав на недвижимое имущество и владение: соотношение и влияние на оборот недвижимости // Объекты гражданского оборота: сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2007. 542 с. (Анализ современного права). ISBN 978-5-8354-0404-9. С. 444–445.

7. Лоренц Д.В. Реестры недвижимости в Германии и России: публичное доверие к данным или добросовестное приобретение имущества // Правоведение. 2023. Т. 67. № 4. С. 413–444. DOI: 10.21638/spbu25.2023.403.

8. Полежаев О.А., Невзгодина Е.Л. О проблеме определения юридической природы права аренды // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2016. № 3 (48). С. 97–100.

9. Сбитнев В.С. Развитие доктринальных подходов к институту аренды в трудах дореволюционных ученых-цивилистов // Пролог: журнал о праве. 2024. № 2. С. 49–57. DOI: 10.21639/23136715.2024.2.5.

10. Семенова Е.Г. Правовая природа права аренды недвижимости // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2020. Т. 6 (72). № 1. С. 164–173.

11. Семионов Д.Л., Сироткин А.Г., Хлестакова Л.А., Бекренев П.Ю. О неопределенности правового регулирования государственной регистрации договора аренды здания или сооружения // Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28. № 1. С. 174–179. DOI: 10.34216/1998-0817-2022-28-1-174-179.

12. Суханов Е.А. Еще раз о различиях вещных и обязательственных прав // Частное право. Преодолевая испытания: К 60-летию Б.М. Гонгало. М.: Статут, 2016. С. 25–44.

13. Фомин Е.М. Пользование и владение нанимателя в арендном правоотношении: анализ гражданского законодательства России и Италии // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 5 (112). С. 100–104.

14. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB). § 566. Официальный текст: Bundesministerium der Justiz / Bundesamt für Justiz. – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/__566.html (дата обращения: 07.09.2026).

[1] п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // СПС «КонсультантПлюс».

THE RUNNING OF A LEASE WITH A THING NOT YET DELIVERED UPON TRANSFER OF OWNERSHIP: THE LIMITS OF OBLIGATIONAL PROTECTION AND OF THE PUBLICITY OF AN ENCUMBRANCE

Naidenov K.R.
Saint Petersburg State University of Economics

The article is devoted to the question of the fate of the lease agreement in the case of alienation of a thing that had not yet been transferred to the tenant at the time of transfer of ownership. The following rule, fixed in art. 617 of the Civil Code, is considered as a singular succession established by law in the contractual position of the lessor, whose action against the acquirer needs to legitimize the legal position through the publicity of encumbrances. Depending on how the encumbrance can be recognized by third parties, a differentiated treatment regime is justified for movable items, as well as immovable items leased under a short-term and long-term contract. It is shown that when an item is not transferred, the competition between the tenant's and the acquirer's claims must be resolved according to the rules of art. 398 of the Civil Code, and the limits of protection of the tenant who has not received possession are limited to claiming the item from the old owner or collecting damages.

Keywords: lease, right of succession, nondistributability, public notice of the encumbrance.

References

1. Lease: Commentary on Articles 606–625 and 650–655 of the Civil Code of the Russian Federation [Electronic Edition] / Ed. by A.G. Karapetov. – Moscow: M–Logos, 2023. – 816 p. (Commentaries on Civil Legislation #Glossa). Pp. 566–567.

2. Bevzenko R.S. Proprietary Security: Pledge, Right of Retention, and Title-Based Security Arrangements: Doctoral Dissertation in Law: 5.1.3. Moscow: RANEPA under the President of the Russian Federation, 2022. 494 p. Academic Advisor – D.V. Dozhdev. Pp. 275–276.

3. Ermakova A.V. Publicity of Real Estate Rights Amidst Restrictions on Access to Personal Data Contained in the Real Estate Rights Registry // Perm Legal Almanac. 2024. Pp. 131–144.

4. Karpov D.M. Factual Grounds for the Absolute Nature of Proprietary Rights // Ex jure. 2019. № 2. Pp. 40–54. DOI: 10.17072/2619-0648-2019-2-40-54.

5. Kim S.G. Legal Division of Real Estate: A Study of French and Russian Legal Institutions // Actual Problems of Russian Law. 2018. № 3 (88). Pp. 182–190. DOI: 10.17803/1994-1471.2018.88.3.182-190.

6. Latyev A.N. Registration of Real Estate Rights and Possession: Interrelation and Impact on Real Estate Transactions // Objects of Civil Commerce: Collection of Articles / Head of Author Team and Executive Ed. M.A. Rozhkova. Moscow: Statut, 2007. 542 p. (Analysis of Modern Law). ISBN 978-5-8354-0404-9. Pp. 444–445.

7. Lorents D.V. Real Estate Registries in Germany and Russia: Public Trust in Data or Good-Faith Acquisition of Property // Pravovedenie. 2023. Vol. 67. № 4. Pp. 413–444. DOI: 10.21638/spbu25.2023.403.

8. Polezhaev O.A., Nevzgodina E.L. On the Problem of Defining the Legal Nature of the Right of Lease // Herald of Omsk University. Series «Law». 2016. № 3 (48). Pp. 97–100.

9. Sbitnev V.S. Development of Doctrinal Approaches to the Institution of Lease in the Works of Pre-Revolutionary Civil Law Scholars // Prologue: Law Journal. 2024. № 2. Pp. 49–57. DOI: 10.21639/23136715.2024.2.5.

10. Semenova E.G. Legal Nature of the Right to Lease Real Estate // Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical Sciences. 2020. Vol. 6 (72). № 1. Pp. 164–173.

11. Semionov D.L., Sirotkin A.G., Khlestakova L.A., Bekrenev P. Yu. On the uncertainty of the legal regulation regarding the state registration of lease agreements for buildings or structures // Bulletin of Kostroma State University. 2022. Vol. 28. № 1. Pp. 174–179. DOI: 10.34216/1998-0817-2022-28-1-174-179.

12. Sukhanov E.A. Once again on the distinctions between rights in rem and rights in personam // Private Law. Overcoming Challenges: On the 60th Anniversary of B.M. Gongalo. Moscow: Statut, 2016. Pp. 25–44.

13. Fomin E.M. Use and possession by the lessee in a lease relationship: an analysis of the civil legislation of Russia and Italy // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2016. № 5 (112). Pp. 100–104.

14. Bürgerliches Gesetzbuch (BGB). § 566. Official text: Bundesministerium der Justiz / Bundesamt für Justiz. – URL: https://www.gesetze-im-internet.de/bgb/__566.html (accessed 07.09.2026).

Цифровой депозитарий как гражданско-правовое средство обеспечения доверия в предпринимательском обороте цифровых прав

Николаев Рустем Олегович,
аспирант кафедры предпринимательского и энергетического права, Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: nikolaevrustem13@gmail.com

Работа посвящена гражданско-правовой природе цифрового депозитария, нового профессионального участника рынка, появившегося с принятием Федерального закона от 04.08.2026 № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах», который вступил в силу 1 сентября 2026 года. Автор опирался на формально-юридический метод при толковании статьи 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации и норм специального законодательства, на системный метод при определении места депозитария среди профессиональных участников рынка, а также на сравнительно-правовой метод при сопоставлении российской модели с регулированием Европейского союза. В работе показано, что запись в информационной системе права не порождает, однако легитимирует обладателя цифрового права и определяет момент перехода этого права к приобретателю. Достоверность учета приобретает поэтому значение условия оборота. Цифровой депозитарий охарактеризован как институциональная доверенная третья сторона, замещающая взаимную проверку контрагентов профессиональным учетом, за которым стоят допуск регулятора и имущественная ответственность. Отмечен межотраслевой характер конструкции при сохранении гражданско-правового ядра. Предложено закрепить презумпцию достоверности учетной записи, распространить на депозитарий модель ответственности за утрату сведений и сбой информационной системы, а также шире использовать договорные средства распределения рисков в предпринимательском обороте.

Ключевые слова: цифровой депозитарий, цифровые права, цифровая среда доверия, учет прав, доверенная третья сторона, предпринимательский оборот, ответственность оператора, гражданско-правовые средства.

Введение

Федеральный закон от 04.08.2026 № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах» [11] действует с 1 сентября 2026 года. Вместе с ним принят закон-спутник № 283-ФЗ, изменивший более двух десятков федеральных законов [12]. Перестроилась вся архитектура рынка. В обороте появились профессиональные участники, которых прежде не существовало. Это организатор торговли, брокер, доверительный управляющий, оператор информационной системы и цифровой депозитарий. Прежний Закон о цифровых финансовых активах [10] постепенно уходит.

Долгое время регулирование строилось иначе. А.В. Габов и С.П. Саяпин пишут, что «законодатель начиная с 2019 г. пошел по пути множественности определений платформы» [3, с. 13]. Каждая новая сфера получала собственное понятие и собственный правовой режим.

Появление новых фигур закономерно. Развитие цифровых форм взаимодействия привело к тому, что «право столкнулось с большой проблемой: как регулировать различные отношения, возникающие между субъектами, использующими платформы» [3, с. 10]. В предпринимательском обороте эта проблема имеет вполне конкретное выражение. Цифровое право не существует вне информационной системы, и его принадлежность подтверждается записью, тогда как документ или владение вещью здесь ничего не решают. Практическое значение приобретают достоверность такой записи и ответственность за ее искажение.

Цель работы состоит в определении гражданско-правовой природы цифрового депозитария и в обосновании того, что за его учетными функциями стоит средство обеспечения доверия в предпринимательских отношениях.

Учет как условие оборота цифровых прав

Статья 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации относит к цифровым правам обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются правилами информационной системы. Обладателем признается тот, кто по этим правилам может правом распорядиться [4]. Принадлежность права закон связывает с положением лица в системе.

Учет при этом права не порождает. Право возникает из своего основания, то есть из решения о выпуске или из договора. Запись выполняет иную функцию. Она легитимирует обладателя, определяя, кого закон признает управомоченным лицом. Прежнее законодательство говорило об этом еще определеннее. Права, удостоверенные цифровыми финансовыми активами, переходили к приобретателю с момента внесения записи о таком переходе [10]. Запись приурочивала момент перехода права, а не просто фиксировала уже состоявшийся переход.

Служебный характер цифровой формы в доктрине отмечался неоднократно. Как пишет Л.А. Новоселова, цифровые права представляют собой «способ оформления традиционных прав», не меняющий их существа [13, с. 35]. Р.И. Ситдикова и Р.Б. Ситдиков связывают появление этих прав с потребностью закрепить в законе базовые категории для оборота новых цифровых объектов [9, с. 77]. Л.В. Санникова и Ю.С. Харитонова обращают внимание на другое обстоятельство. Правовой режим цифровых активов во многом задается той технологической средой, в которой они существуют [8].

От привычных объектов цифровые права отличаются существенно. Утрата вещи права собственности не прекращает. Искаженную запись о недвижимости можно исправить, опираясь на первичные документы. В цифровой среде документов, внешних по отношению к системе, обычно нет. Доступ к адресу-идентификатору технически равнозначен возможности распорядиться активом, поэтому компрометация ключа оборачивается для обладателя фактической утратой имущества. Гарантии здесь должны быть строже требований, традиционно предъявляемых к учетным институтам.

Правовая природа цифрового депозитария

Закон называет цифровым депозитарием хозяйственное общество, которое ведет учет и переход прав на цифровые валюты и цифровые права, а также предоставляет доступ к адресам-идентификаторам [11]. Работать в этом качестве вправе только общество, включенное в ре-

естр Банка России. Функции при этом разграничены. Организация, осуществляющая обмен цифровых валют, хранить клиентские активы и ключи доступа не может.

Юридический смысл конструкции сводится к институционализации доверия. Контрагенты перестают проверять друг друга и полагаются на запись, которую ведет третье лицо, отвечающее перед ними и подконтрольное регулятору. Обороту этот механизм известен давно. Д.Х. Валеев и А.Г. Нуриев рассматривают сервисы третьей доверенной стороны как источник юридически значимой информации в цифровом пространстве [1, с. 38]. В цифровом депозитарии та же модель перенесена в имущественный оборот.

Сходство с депозитарием на рынке ценных бумаг скорее функциональное. Депозитарий ценных бумаг учитывает права, существующие и помимо его записей, ведь бездокументарная бумага удостоверяется решением о выпуске, а реестр владельцев может вести другое лицо. У цифрового депозитария подобной опоры нет. Д.А. Павлова справедливо связывает особенности осуществления цифровых прав с тем, что все действия с ними совершаются исключительно в информационной системе [5, с. 9].

Конструкция получилась межотраслевой. Требования к капиталу, включение в реестр, надзор Банка России относятся к публично-правовому регулированию. Отношения депозитария с клиентом строятся на договоре. Объяснить такое сочетание помогает концепция межотраслевых связей гражданского права М.Ю. Челышева, который определял их как «отношения взаимной зависимости, обусловленности и общности между различными правовыми отраслями, включая и их отдельные части» [14, с. 438]. Публичный контур отвечает за надежность посредника, частноправовой наполняет содержанием его отношения с клиентом.

Достоверность записи и защита обладателя права

Насколько важна достоверность учета, показала практика Конституционного Суда Российской Федерации. В Постановлении от 20 января 2026 года № 2-П рассматривалась норма, лишавшая судебной защиты обладателей незадекларированной цифровой валюты. Суд указал, что «цифровая валюта обладает имущественным содержанием и может быть объектом гражданских прав», а произвольный отказ в судебной защите ее обладателям нарушает конституционные права и негативно влияет на гражданский оборот [6]. Новый Закон это условие судебной защиты уже не воспроизводит.

Для предпринимательских отношений значение этой позиции прямое. Е.Д. Ворникова верно замечает, что «доверие повышает лояльность контрагентов по отношению к субъектам предпринимательской деятельности» [2, с. 255]. Работает и обратная зависимость. Не будучи уверен в защите права, удостоверенного записью, участник оборота либо воздержится от сделки, либо заложит риск в цену.

Замыкает всю конструкцию ответственность. Прежнее регулирование обязывало оператора информационной системы возместить убытки от утраты сведений об обладателях активов, от сбоя технических средств, от предоставления недостоверной информации о системе и от нарушения правил ее работы [10]. Эту модель следует сохранить и для цифрового депозитария. Именно имущественная ответственность превращает доверие из ожидания в правовую гарантию.

Практическая острота вопроса очевидна. Искажение записи лишает предпринимателя самой возможности подтвердить принадлежность актива, тогда как утраченный документ обычно поддается восстановлению. Классический инструментарий защиты помогает слабо. Виндикация рассчитана на вещь. Требование о признании права исходит из того, что право можно установить помимо записи. Больше подходит требование о восстановлении положения, существовавшего до нарушения (статья 12 Гражданского кодекса Российской Федерации). Реализовать его можно как понуждение депозитария внести корректную запись, дополнив требованием о возмещении убытков. Многое, впрочем, зависит от того, как закон распределит бремя доказывания между обладателем права и профессиональным участником.

Сопоставление с зарубежным регулированием

Российская модель не уникальна. Регламент (ЕС) 2023/1114 о рынках криптоактивов [7] тоже опирается на допуск профессиональных посредников. Поставщики услуг по хранению и администрированию криптоактивов проходят авторизацию, обособляют активы клиентов от собственных и отвечают за их утрату. Совпадение здесь принципиальное. Доверие обеспечивает лицензированный хранитель с имущественной ответственностью, тогда как саморегулирование рынка отходит на второй план.

Расходятся акценты. Европейский регламент сосредоточен на обособлении клиентских активов и на ответственности за инцидент. Российский Закон больше внимания уделяет контролю за самим оборотом, ограничивая круг допустимых сделок и вводя проверку операций. Такое смещение объясняется задачами противодействия противоправному использованию цифровых валют. Для предпринимательского оборота на первый план выходит судьба искаженной записи. Публичные требования к депозитарию законодатель детализировал, а частноправовые последствия нарушения учета остались урегулированы фрагментарно.

Заключение

Учет прав в информационной системе права не порождает, однако легитимирует его обладателя и определяет момент перехода права к приобретателю. Достоверность записи в силу этого становится условием оборота, а не одним лишь техническим требованием.

Цифровой депозитарий представляет собой институциональную доверенную третью сторону. Он замещает взаимную проверку контрагентов профессиональным учетом, за которым стоят допуск регулятора и имущественная ответственность. В этом качестве депозитарий работает как гражданско-правовое средство формирования цифровой среды доверия, оставаясь одновременно элементом финансовой инфраструктуры. Сама конструкция межотраслевая, но ядро ее гражданско-правовое.

Из сказанного вытекает несколько предложений. Опровержимая презумпция достоверности записи цифрового депозитария позволила бы возложить бремя доказывания на того, кто эту запись оспаривает. Модель ответственности за утрату сведений об обладателях прав и за сбой информационной системы стоит прямо распространить на депозитарий, предусмотрев возмещение убытков независимо от вины, как это принято для лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность. Наконец, в договоры с депозитарием разумно включать условия о порядке восстановления утраченной записи и о распределении рисков компрометации ключей доступа. Тогда цифровая среда доверия перестанет быть декларацией и превратится в систему работающих гражданско-правовых средств.

Литература

1. Валеев Д.Х., Нуриев А.Г. Создание цифровой процессуальной среды доверия: сервисы третьей доверенной стороны в процессуальных отношениях как источник «квазипреюдициальной» информации в цифровом пространстве // Нотариус. – 2022. – № 3. – С. 37–40.
2. Ворникова Е.Д. Понятие цифровой среды доверия // Пробелы в российском законодательстве. – 2020. – Т. 13. – № 6. – С. 251–257.
3. Габов А.В., Саяпин С.П. Платформенные отношения как предмет правового регулирования // Lex russica. – 2025. – Т. 78. – № 11. – С. 9–33.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
5. Павлова Д.А. Особенности осуществления цифровых прав // Юрист. – 2023. – № 3. – С. 8–15.
6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20.01.2026 № 2-П по делу о проверке конституционности части 6 статьи 14 Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Д.И. Тимченко. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Регламент (ЕС) 2023/1114 Европейского парламента и Совета от 31.05.2023 о рынках криптоактивов (Markets in Crypto-Assets Regulation) // Official Journal of the European Union. – 2023. – L 150. – С. 40–205. – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/1114/oj (дата обращения: 06.09.2026).
8. Санникова Л.В., Харитонова Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. – Москва: 4 Принт, 2020. – 304 с.
9. Ситдикова Р.И., Ситдиков Р.Б. Цифровые права как новый вид имущественных прав // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2018. – № 9 (204). – С. 75–80.
10. Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Федеральный закон от 04.08.2026 № 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202608040007 (дата обращения: 06.09.2026).
12. Федеральный закон от 04.08.2026 № 283-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных

положений законодательных актов) Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202608040008 (дата обращения: 06.09.2026).

13. Цифровые права как новый объект гражданского права / Л.А. Новоселова, А.В. Габов, А.И. Савельев [и др.] // Закон. – 2019. – № 5. – С. 31–54.

14. Челышев М.Ю. Основы учения о межотраслевых связях гражданского права // Межотраслевые связи гражданского права (к 50-летию со дня рождения доктора юридических наук, профессора М.Ю. Челышева): Liber Amicorum / отв. ред. Д.Х. Валеев. – Москва: Статут, 2021. – С. 429–451.

DIGITAL DEPOSITORY AS A CIVIL–LAW MEANS OF ENSURING TRUST IN THE BUSINESS CIRCULATION OF DIGITAL RIGHTS

Nikolaev R.O.
Kazan (Volga Region) Federal University

The article deals with the civil-law nature of the digital depository, a new professional market participant introduced by Federal Law № 282-FZ of 4 August 2026 'On Digital Currencies and Digital Rights'. The author relies on formal legal interpretation of Article 141.1 of the Civil Code of the Russian Federation and of special legislation, on systemic analysis of the depository's place among professional market participants, and on comparative legal analysis of Russian and European Union regulation. The study shows that an entry in an information system does not create a right, yet it legitimises the holder of a digital right and fixes the moment when the right passes to the acquirer. Reliability of records therefore becomes a condition of circulation. The digital depository is characterised as an institutional trusted third party which replaces mutual verification by counterparties with professional record-keeping supported by regulatory authorisation and proprietary liability. The structure is cross-sectoral while its core remains civil-law. The author proposes a rebuttable presumption that depository records are accurate, liability for loss of information and for system failures, and contractual mechanisms for allocating the risks of lost records and compromised access keys.

Keywords: digital depository, digital rights, digital trust environment, record-keeping of rights, trusted third party, business circulation, operator liability, civil-law means.

References

1. Valeev D.Kh., Nuriev A.G. Creating a digital procedural environment of trust: trusted third-party services in procedural relations as a source of «quasi-prejudicial» information in the digital space // Notarius. – 2022. – № 3. – P. 37–40.

2. Vornikova E.D. The concept of a digital environment of trust // Gaps in Russian Legislation. – 2020. – Vol. 13. – № 6. – P. 251–257.

3. Gabov A.V., Sayapin S.P. Platform relations as a subject of legal regulation // Lex russica. – 2025. – Vol. 78. – № 11. – P. 9–33.

4. Civil Code of the Russian Federation (Part One) dated November 30, 1994, № 51-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – № 32. – Art. 3301.

5. Pavlova D.A. Specifics of the exercise of digital rights // Yurist. – 2023. – № 3. – P. 8–15.

6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated January 20, 2026, № 2-P on the case regarding the constitutionality check of Part 6 of Article 14 of the Federal Law «On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» in connection with the complaint of citizen D.I. Timchenko. – Accessed via the «ConsultantPlus» legal reference system.

7. Regulation (EU) 2023/1114 of the European Parliament and of the Council of 31 May 2023 on markets in crypto-assets (Markets in Crypto-Assets Regulation) // Official Journal of the European Union. – 2023. – L 150. – P. 40–205. – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/1114/oj (accessed: 06.09.2026).

8. Sannikova L.V., Kharitonova Yu.S. Digital Assets: Legal Analysis: Monograph. – Moscow: 4 Print, 2020. – 304 p.

9. Sitdikova R.I., Sitdikov R.B. Digital Rights as a New Type of Property Rights // Property Relations in the Russian Federation. – 2018. – № 9 (204). – P. 75–80.

10. Federal Law № 259-FZ of July 31, 2020, «On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» – Accessed via the «ConsultantPlus» legal reference system.

11. Federal Law № 282-FZ of August 4, 2026, «On Digital Currencies and Digital Rights» // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202608040007 (accessed: 06.09.2026).

12. Federal Law № 283-FZ dated August 4, 2026, «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation and the Repeal of Legislative Acts (Certain Provisions of Legislative Acts) of the Russian Federation» // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/0001202608040008 (accessed: September 6, 2026).

13. Digital Rights as a New Object of Civil Law / L.A. Novoselova, A.V. Gabov, A.I. Savelyev [et al.] // Zakon. – 2019. – № 5. – P. 31–54.

14. Chelyshev M. Yu. Fundamentals of the Doctrine of Inter-Branch Connections in Civil Law // Inter-Branch Connections in Civil Law (Marking the 50th Anniversary of the Birth of Doctor of Legal Sciences, Professor M. Yu. Chelyshev): Liber Amicorum / Ed. by D. Kh. Valeev. – Moscow: Statut, 2021. – P. 429–451.

Специальные знания в цивилистическом процессе: понятие, признаки

Петрунева Анна Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры частно-правовых наук Волго-Вятского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: petruneva@msalkirov.ru

В статье исследуются понятие и признаки специальных знаний в цивилистическом процессе. Актуальность избранной тематики опосредована тем, что законодатель оперирует категорией «специальные знания» в статье 79 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, статье 82 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, статье 77 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, однако не раскрывает ее содержание, что порождает правовую неопределенность при разрешении вопроса о допустимости привлечения сведущих лиц. Цель настоящего исследования – формулирование доктринальной дефиниции специальных знаний, пригодной для последующего легального закрепления, построение непротиворечивой системы их признаков. Методология основана на формально-юридическом, сравнительно-правовом, системно-структурном, логическом методах, а также методе анализа правоприменительной практики. В результате установлено, что ядро анализируемой категории образует двойственность негативных признаков – необщеизвестность и неправовой характер знания, остальные же признаки производны. Разграничены понятия «специальные знания» (объективный отраслевой стандарт) и «специальные познания» (субъективный объем усвоенного конкретным лицом). Предложена дефиниция с закреплением в законодательстве о государственной судебно-экспертной деятельности как норме межотраслевого характера. Сформулированы предложения по совершенствованию действующего отечественного процессуального законодательства.

Ключевые слова: цивилистический процесс, доказывание, специальные знания, специальные познания, сведущие лица, эксперт, специалист.

Введение

Цивилистический процесс невозможно представить без применения достижений из самых различных областей деятельности – фундаментальных или прикладных. Доказывание порой требует компетенций, которыми не обладают в полной мере ни суд, ни лица, участвующие в деле. Именно эти компетенции, выходящие за рамки обыденного опыта и юридической квалификации, в доктрине и на практике обозначают как «специальные знания».

При этом обнаруживается своеобразный парадокс: порождая столь существенное значение, указанное понятие не имеет четких законодательных границ. Иными словами, законодатель уверенно оперирует формулировкой «специальные знания», однако легальной дефиниции не закрепляет. В результате правоприменитель, устанавливая квалификацию эксперта или специалиста, руководствуется формальным критерием на основании статьи 79 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ), статьи 82 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ), статьи 77 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ), а именно «обладание специальными знаниями», но не имеет инструментария для оценки того, какие именно знания следует относить к специальным. Отсутствие четкой дефиниции образует еще одну область судебного усмотрения, где наличествует не единообразная практика по однотипным вопросам о допустимости и достоверности доказательств.

Цена такой неопределенности возрастает вместе с усложнением предмета доказывания. Например, в делах по спорам о качестве программного обеспечения, результатах работ алгоритмических систем, об оценке цифровых активов перед судом встает вопрос, ответ на который действующие редакции процессуальных кодифицированных актов не дает: где грань между общедоступным знанием и тем, которое суд должен восполнить с привлечением сведущего лица?

Значимость настоящего исследования проявляется в том, что уточнение обозначенной базовой категории позволит упорядочить производные от нее конструкции, такие как квалификация (компетенция) эксперта, пределы заключения специалиста, основания для отвода сведущего лица. Таким образом, цель исследования состоит в формулировании определения специальных знаний, на основе которого станет возможным легальное закрепление, построении иерархически упорядоченной системы их признаков. Для достижения обозначенной цели требуется решение следующих задач: 1) проанализировать наиболее значимые доктринальные подходы; 2) разграничить смежные категории; 3) выявить признаки и определить их соотношение; 4) установить цели применения специальных знаний в цивилистическом процессе; 5) сформулировать предложения по внесению изменений в действующее законодательство.

Литературный обзор

Для восполнения пробела в законодательстве наука предлагает множество доктринальных определений, пытаясь сформировать каркас понятия.

Так, А.В. Дулов предложил одну из первых лаконичных формулировок: специальные знания – это знания, которыми недостаточно владеют судьи [3, с. 32]. Изложенный подход верно указывает на относительность понятия, однако он слишком «широк», поскольку охватывает любые сведения, о которых не осведомлен конкретный судья в силу своего личного опыта, включая узкоспециализированные, бытовые навыки. В результате границы размыты, объем категории поставлен в зависимость от эрудиции конкретного лица.

Е.Р. Россинская определяет специальные знания как целостную систему теоретических знаний и практических навыков в области конкретной науки, техники, искусства или ремесла, приобретаемых путем целенаправленной подготовки или профессионального опыта и необходимых для решения вопросов, возникающих в ходе судопроизводства [11, с. 12]. Данный подход сбалансирован, а именно автором аккумулируются теоретическая составляющая, обязательный практический компонент и целевая направленность, что в целом позволяет отграничить элементарную осведомленность от профессиональной компетенции.

М.К. Треушников специальные знания определяет через противопоставление другим типам сведений: правовым нормам и устоявшимся в общественном сознании выводам, сформированным обыденной практикой [15, с. 269]. Формируется своеобразный негативный критерий: специальные знания – это то, что не является ни правом, ни общеизвестным фактом.

А.Т. Боннер акцентирует внимание на профессиональном характере знаний, увязывает их с комплексом практических навыков, источником которых служит целенаправленная подготовка или непосредственная практическая деятельность. При этом важным условием выступает соответствие их содержания актуальному уровню развития соответствующей отрасли [1, с. 143]. С этим следует согласиться. В противном же случае возможен риск использования устаревших или ненаучных методик, что не только ведет к судебной ошибке, но и в целом дискредитирует институт.

А.А. Лукашин отстаивает научную составляющую профессиональных знаний, умений и навыков, не относящихся к категории общеизвестных и юридических [9, с. 26]. Такой подход позволяет конкретизировать понятие.

В.И. Шиканов под специальными знаниями подразумевает совокупность компетенций, выходящую за пределы общедоступной образовательной базы. Такие познания исключают юриспруденцию и относятся к любой дисциплине естественнонаучного или инженерного цикла, а также к областям творческой или иной практической деятельности [17, с. 9].

Е.В. Иванова систематизировала многообразие научных подходов по нескольким направлениям: компетентностный (оценочный), дифференцированный, целевой, комплексный, содержательный (материальный) [5, с. 54]. Полагаем, что вбирающий в себя элементы иных, комплексный подход наиболее актуален, так как учитывает одновременно способ приобретения знаний, их отграничение от общеизвестных, научное содержание и конечную цель применения в судопроизводстве.

Л.П. Климович, И.И. Кривоколеско, Н.Г. Логинова выделяют в качестве признаков необщеизвестность, приобретение в ходе целенаправленной образовательной или профессиональной деятельности, отличие от правовых знаний судей и иных участников процесса, принадлежность к определенной отрасли науки или практики, возможность использования в установленных законом формах [6, с. 87].

И.А. Ефремов указывает на то, что такие знания представляют собой идеальное воспроизведение объективных закономерностей в отдельных сферах деятельности и лежат в основе конкретной профессии [4, с. 18].

Вышеуказанный обзор демонстрирует расхождения, которые касаются не столько содержания признаков, сколько их субординации. Авторы называют признаки как равнозначные, при этом не определяя, какие из них конституируют понятие, а какие являются производными. Выявленная нерешенная задача преимущественно составляет предмет настоящего исследования и подтверждает его актуальность.

Материалы и методы

Эмпирическую и нормативную основу составили ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ, Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности» от 31.05.2001 № 73-ФЗ (последняя редакция) (далее – Федеральный закон «О государственной судебно-экспертной деятельности»), разъяснения высших судебных инстанций, включая Постановление Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе», доктринальные источники по теории доказывания и доказательств, судебной экспертологии.

Методологическая основа: совокупность общенаучных и специальных (юридических) методов. При анализе конкретных положений кодифицированных процессуальных федеральных законов (кодексов) и выявлении дефектов законодательной (юридической) техники (использование термина без раскрытия его содержания) применялся формально-юридический метод. При формулировании авторской дефиниции специальных знаний и проверке уже существующих определений на отсутствие тавтологии и логического круга применялся логический метод. Построение признаков специальных знаний в иерархию, выделение конституирующих и производных элементов стало возможным при использовании системно-структурного метода. При сопоставлении ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ в части регулирования исследуемой категории применялся сравнительно-правовой метод. Для выявления типичных затруднений суда при отграничении специальных знаний от правовых и общеизвестных использовался метод анализа правоприменительной практики. В качестве вспомогательного инструмента (корректура) – метод ИИ-генерации.

Результаты

Настоящее исследование позволило:

1. Терминологически разграничить понятия «специальные знания» и «специальные познания», которые в научной литературе зачастую употребляются как синонимичные, взаимозаменяемые. Между указанными понятиями следует проводить четкую грань. Специальные знания – это объективно существующий объем информации, накопленной в определенной области и независящий от конкретного носителя (своеобразный отраслевой эталон). Познания – это, с одной стороны, процесс усвоения таковых знаний, с другой стороны, – субъективный объем усвоенного конкретным лицом. Разграничение понятий имеет практическое значение, которое выражается в том, что при назначении судом судебной экспертизы в области, где объективно существуют специальные знания, при выборе конкретного эксперта суд должен удостовериться в уровне его познаний. Отказ в назначении судебной экспертизы по мотиву отсутствия необходимости в специальных знаниях касается объективной категории, а отвод эксперта по мотиву недостаточной квалификации касается познаний.

2. Выстроить иерархию признаков. На основании проанализированной доктрины можно заключить, что ядро понятия образуют два негативных признака, а именно необщеизвестность и неправовой характер знания. Иные же признаки, среди которых приобретенность в результате специальной подготовки или опыта, системность, профессиональный характер, научная обоснованность, целевая направленность на применение в суде, являются производными. Производные признаки описывают условия, при которых объективно существующее знание приобретает процессуальную пригодность. Уточнение признаков также имеет практическое значение. При разрешении вопроса о назначении судебной экспертизы суду необходимо выяснить, не является ли вопрос правовым и не разрешим ли он на уровне обыденного опыта (конституирующие признаки). Далее суду следует выяснить, обладает ли потенциальный эксперт необходимой подготовкой, подтверждена ли научная обоснованность предлагаемой методики (производные признаки).

3. Сформулировать дефиницию специальных знаний. Под специальными знаниями в цивилистическом процессе предлагается понимать не относящуюся к правовым и общеизвестным систему научно-обоснованных сведений и базирующихся на них практических навыков в области науки, техники, искусства, ремесла, приобретенную в результате целенаправленной подготовки или профессиональной деятельности, соответствующую современному уровню развития конкретной области и используемую в предусмотренных законом формах для выявления, фиксации и интерпретации обстоятельств, имеющих значение для правильного рассмотрения и разрешения дела.

4. Установить цель применения специальных знаний. При этом она не должна быть определена ни через вынесение законного и обоснованного судебного акта, ни через установление фактов, входящих в предмет доказывания. В нашем случае учитывается именно специфика привлечения сведущих лиц. То есть цель специальных знаний состоит в выявлении, фиксации и интерпретации фактов и явлений с применением научно-апробированных методов, результаты которой в дальнейшем самостоятельно оценивает суд и подводит под правовую конструкцию.

Обсуждение

Полученные результаты требуют соотнесения с существующими в науке правовыми позициями, прежде всего по вопросу о цели. В исследованиях отдельные авторы оперируют категориями «функции», «задачи», при этом предпринимают попытку ответить на вопросы «Для чего? С какой целью?».

А.А. Мохов усматривает конечную цель применения специальных знаний в вынесении законного и обоснованного судебного акта [10, с. 8]. Полагаем, что применение специальных знаний – это не самостоятельная задача судопроизводства. Подобная (широкая) трактовка не отражает специфики исследуемого понятия.

М.Н. Чернова в качестве ключевой функции обозначает восполнение судебной потребности в специальных знаниях [16, с. 15]. Приведенная позиция методологически верна, но содержит логический круг, объясняя явление через него же.

Е.П. Гришина сводит цель к установлению фактов, входящих в предмет доказывания [13, с. 41]. Однако, это универсальная цель всей доказательственной деятельности.

Т.А. Лилуашвили предлагает более детализированную позицию, выделяя при этом три группы задач: установление определенных фактов, содействие в проведении процессуальных действий и сообщение суду научных положений в абстрактной форме [8, с. 23]. Изложенный

многоуровневый подход заслуживает внимания и поддержки, так как охватывает и теоретическую, и практическую помощь суду.

Т.В. Сахнова подчеркивает, что установление юридических и доказательственных фактов – это исключительная прерогатива суда [12, с. 8]. Цель специальных знаний заключается не в подмене суда, а в подготовке для него достоверной фактической основы. Данная научная позиция наиболее точно отражает распределение процессуальных ролей с сохранением судейского суверенитета в вопросах права.

Я.В. Комиссарова полагает, что цель состоит в получении информации, интересующей инициатора [7, с. 19]. Подобный подход позволяет легитимизировать злоупотребления: сторона или иное лицо, участвующее в деле, преследует цель затянуть процесс либо сформировать псевдодоказательственную базу.

И.В. Решетникова, Ю.К. Орлов усматривают цель в извлечении сведений о фактах и в получении заключения эксперта как средства судебного доказывания [2, с. 128; 14, с. 24], что представляется более узким подходом, однако практичным.

Отдельного обсуждения требует признак неправого характера знаний. В современных условиях он перестает быть абсолютным. Так, в вышеуказанном Постановлении Пленума Высший Арбитражный Суд Российской Федерации прямо указывал на недопустимость постановки перед экспертом вопросов права и правовых последствий оценки доказательств, одновременно сделав исключение для случаев, когда для целей применения норм иностранного права требуется установление их содержания. Данное исключение не опровергает предложенную иерархию признаков: правовое знание становится специальным, когда оно объективно находится за пределами профессиональной компетенции российского судьи (базовый критерий необщеизвестности к профессиональному стандарту правоприменителя).

Значимым представляется и вопрос о подвижности границ общеизвестности. Знание, которое требовало привлечения специалиста еще десять лет назад, сегодня стало общедоступным, и наоборот – цифровизация формирует значительные объемы сведений, недоступных суду без сведущих лиц. То есть признак необщеизвестности носит не статичный характер, а оценочный и подлежит установлению судом применительно к конкретному делу и времени (моменту) его рассмотрения. Это обусловливает практическое требование: отказ в назначении судебной экспертизы по мотиву отсутствия необходимости в специальных знаниях должен быть мотивирован не ссылкой на очевидность обстоятельства, а указанием на то, из каких именно общедоступных источников суд выводит свое суждение.

Содержание специальных знаний не дифференцируется в зависимости от процессуального действия, в рамках которого они оказываются востребованными. Судебная экспертиза, консультация специалиста, участие переводчика опираются на единую категорию, различие состоит лишь в форме вовлечения сведущего лица и доказательственном значении результата. Заключение эксперта приобретает значение самостоятельного средства доказывания в силу статьи 86 ГПК РФ, статьи 86 АПК РФ, статьи 82 КАС РФ. Консультация специалиста в порядке статьи 188 ГПК РФ такой силой не обладает. Единство категорий при различии форм служит дополнительным аргументом в пользу закрепления дефиниции не в каждом процессуальном кодексе по отдельности, а в Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности» как в акте межотраслевого действия, с корреспондирующей отсылкой в ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ. Такое решение позволит избежать трех несовпадающих редакций одного понятия и обеспечит единообразие правоприменительной практики.

Заключение

Институт специальных знаний – сложный, критически важный для цивилистического процесса феномен. Его центральным элементом выступает комплекс научных положений и прикладных умений из внеправовой сферы. Источником является целенаправленное обучение либо профессиональная деятельность. Функциональным назначением – содействие суду в установлении фактических обстоятельств. При этом ядро исследуемого понятия образует дуализм негативных признаков: необщеизвестность и неправовой характер знания. Иные признаки – приобретенность, системность, научная обоснованность, соответствие современному уровню развития отрасли, целевая направленность – производны от этого противопоставления и характеризуют условия процессуальной пригодности знания. Понятия «специальные знания» и «специальные познания» соотносятся как объективный отраслевой стандарт и субъективный объем усвоенного конкретным лицом, что порождает процессуальные последствия при разрешении вопроса о назначении судебной экспертизы и об отводе эксперта.

Цель применения специальных знаний заключается не в подмене судебного усмотрения, а в профессиональном содействии суду в выявлении, анализе, интерпретации фактических обстоятельств с применением научно-апробированных методов, что в итоге способствует вынесению законного и обоснованного судебного акта.

Дальнейшее совершенствование института представляется в закреплении комплексного определения специальных знаний в статье 9 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» с отсылочными нормами в статье 79 ГПК РФ, статье 82 АПК РФ, статье 77 КАС РФ. Такое решение инкорпорировало бы выработанные доктриной признаки, унифицировало практику, положительно повлияло на качество доказывания, не разрушая при этом имеющуюся структуру процессуальных кодексов.

Литература

1. Боннер, А.Т. Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе. – М.: Проспект, 2014. – 613 с.
2. Доказывание в гражданском процессе: учебно-практическое пособие / И.В. Решетникова. – Москва: Юрайт, 2010. – 503 с.
3. Дулов, А.В. Вопросы теории судебной экспертизы / А.В. Дулов. – Минск: Изд-во Белгосуниверситета им. В.И. Ленина, 1959. – 187 с.
4. Ефремов, И.А. Судебная экспертиза (краткое научно-практическое пособие для адвокатов). – М.: Юстиция, 2013. – 45 с.
5. Иванова, Е.В. Специальные знания о наркотических средствах в судопроизводстве России: монография. – М.: Юрлитинформ, 2009. – 352 с.
7. Комиссарова, Я.В. Концептуальные основы профессиональной деятельности эксперта в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … докт. юрид. наук. – М., 2013. – 58 с.
8. Лилуашвили, Т.А. Экспертиза в советском гражданском процессе. – Тбилиси: Мецниереба, 1967. – 218 с.
9. Лукашин, А.А. Заключение специалиста в гражданском и арбитражном судопроизводстве: доказательственное значение // Адвокатская практика. – 2022. – № 5. – С. 25–29.
10. Мохов, А.А. Использование специальных знаний в гражданском судопроизводстве России: теория и практика: дис. … докт. юрид. наук. – Санкт-Петербург, 2005. – 380 с.
11. Россинская, Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. – 576 с.
12. Сахнова, Т.В. Судебная экспертиза. – М.: Городец, 1999. – 368 с.
13. Сведущие лица в российском уголовном судопроизводстве: теоретические проблемы доказывания и правоприменительная практика: монография / Гришина Е.П.; Под ред.: Кустов А.М. – М.: Юрлитинформ, 2012. – 272 с.
14. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. Научное издание / Орлов Ю.К. – М.: ИПК РФЦСЭ, 2005. – 264 с.
15. Треушников, М.К. Судебные доказательства: монография. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Городец, 2016. – 304 с.
16. Чернова, М.Н. Заключение эксперта как доказательство в гражданском и арбитражном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Москва, 2015. – 30 с.
17. Шиканов, В.И. Проблемы использования специальных познаний и научно-технических новшеств в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … докт. юрид. наук. – М., 1980. – 31 с.

SPECIALISED KNOWLEDGE IN CIVIL PROCEDURE: CONCEPT AND CHARACTERISTICS

Petruneva A.N.
Volgo-Vyatka Institute (branch) Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The article examines the concept and characteristics of specialised knowledge in civil, commercial and administrative proceedings. The relevance of the topic stems from the fact that the legislature uses the term «specialised knowledge» in Article 79 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, Article 82 of the Commercial Procedure Code of the Russian Federation and Article 77 of the Code of Administrative Judicial Procedure of the Russian Federation, without defining it. This creates legal uncertainty as to whether persons possessing such knowledge may be engaged in proceedings. The study aims to formulate a doctrinal definition of specialised knowledge suitable for subsequent statutory incorporation and to develop a consistent framework of its characteristics. The methodology comprises formal legal, comparative legal, systemic and structural, and logical analysis, as well as analysis of enforcement legal practices. The findings show that the concept rests on two negative characteristics: the knowledge is neither common knowledge nor legal knowledge; all other characteristics are derivative. A distinction is drawn between «specialised knowledge» (an objective standard within a particular field) and «individually acquired specialised knowledge» (the extent of knowledge assimilated by a particular individual). A definition is proposed for inclusion in legislation governing state forensic examinations as a provision applicable across branches of law. Proposals are formulated to improve existing Russian procedural legislation.

Keywords: civil procedure, evidentiary process, specialised knowledge, individually acquired specialised knowledge, persons possessing specialised knowledge, expert, specialist.

References

1. Bonner, A.T. Traditional and Non-Traditional Means of Proof in Civil and Commercial (Arbitrazh) Procedure. – Moscow: Prospekt, 2014. – 613 p.

2. Proof in Civil Procedure: a study and practice guide / I.V. Reshetnikova. – Moscow: Yurait, 2010. – 503 p.

3. Dulov, A.V. Issues in the Theory of Forensic Examination / A.V. Dulov. – Minsk: Publishing House of the V.I. Lenin Belarusian State University, 1959. – 187 p.

4. Efremov, I.A. Forensic Examination (a concise academic and practical guide for attorneys). – Moscow: Yustitsiya, 2013. – 45 p.

5. Ivanova, E.V. Specialised Knowledge of Narcotic Drugs in Russian Judicial Proceedings: a monograph. – Moscow: Yurlitinform, 2009. – 352 p.

7. Komissarova, Ya.V. Conceptual Foundations of the Professional Activity of an Expert in Criminal Proceedings: abstract of a dissertation for the degree of Doctor of Law. – Moscow, 2013. – 58 p.

8. Liluashvili, T.A. Expert Examination in Soviet Civil Procedure. – Tbilisi: Metsniereba, 1967. – 218 p.

9. Lukashin, A.A. The Specialist's Opinion in Civil and Commercial (Arbitrazh) Proceedings: Evidentiary Significance // Advocate Practice. – 2022. – № 5. – Pp. 25–29.

10. Mokhov, A.A. The Use of Specialised Knowledge in Russian Civil Proceedings: Theory and Practice: dissertation for the degree of Doctor of Law. – St. Petersburg, 2005. – 380 p.

11. Rossinskaya, E.R. Forensic Examination in Civil, Commercial (Arbitrazh), Administrative and Criminal Procedure: a monograph. – 4th ed., revised and enlarged. – Moscow: Norma: INFRA-M, 2025. – 576 p.

12. Sakhnova, T.V. Forensic Examination. – Moscow: Gorodets, 1999. – 368 p.

13. Knowledgeable Persons in Russian Criminal Proceedings: Theoretical Problems of Proof and Law Enforcement Practice: a monograph / E.P. Grishina; ed. by A.M. Kustov. – Moscow: Yurlitinform, 2012. – 272 p.

14. Forensic Examination as a Means of Proof in Criminal Proceedings. Academic edition / Yu.K. Orlov. – Moscow: Institute for Advanced Training of the Russian Federal Centre of Forensic Science, 2005. – 264 p.

15. Treushnikov, M.K. Judicial Evidence: a monograph. – 5th ed., revised and enlarged. – Moscow: Gorodets, 2016. – 304 p.

16. Chernova, M.N. The Expert's Opinion as Evidence in Civil and Commercial (Arbitrazh) Procedure: abstract of a dissertation for the degree of Candidate of Law. – Moscow, 2015. – 30 p.

17. Shikanov, V.I. Problems of the Use of Specialised Knowledge and Scientific and Technical Innovations in Criminal Proceedings: abstract of a dissertation for the degree of Doctor of Law. – Moscow, 1980. – 31 p.

Судебная экспертиза в упрощенном производстве: пределы процессуальной формы и направления совершенствования правового регулирования

Сероватов Александр Игоревич,
аспирант, кафедра гражданского права и процесса
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E-mail: serovatovs@gmail.com

В статье исследуется проблема назначения судебной экспертизы при рассмотрении гражданских дел в порядке упрощенного производства. Анализируется действующее правовое регулирование, согласно которому необходимость назначения экспертизы влечет переход к рассмотрению дела по общим правилам искового производства. Обосновывается вывод о том, что сам по себе факт применения специальных знаний не свидетельствует о несовместимости судебной экспертизы с письменной процессуальной формой. Предлагается дифференцированный подход к определению возможности проведения экспертизы в упрощенном производстве в зависимости от характера экспертного исследования, способа исследования объектов и возможности обеспечить процессуальные права лиц, участвующих в деле. Формулируются критерии допустимости назначения экспертизы без перехода к общему порядку, а также рассматриваются гарантии состязательности и равноправия сторон при исследовании экспертного заключения в письменной процедуре. На основе проведенного анализа предлагаются направления совершенствования положений статей 232.2 и 232.3 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

Ключевые слова: упрощенное производство, гражданский процесс, судебная экспертиза, судебное доказывание, специальные знания, процессуальная форма, процессуальная экономия, состязательность, процессуальные гарантии, переход к общему порядку.

Актуальность обращения к теме обусловлена прежде всего последовательным расширением сферы применения упрощенного производства в гражданском процессе. Действующая редакция пункта 1 части 1 статьи 232.2 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) предусматривает рассмотрение в упрощенном порядке требований о взыскании денежных средств и об истребовании имущества при цене иска до 250 000 рублей, что закономерно увеличивает долю дел, потенциально сталкивающихся с необходимостью применения специальных знаний.

Одновременно с этим необходимость назначения экспертизы по-прежнему выступает императивным, не подлежащим дискреционной оценке судом с точки зрения содержания экспертного исследования, основанием перехода к рассмотрению дела по общим правилам искового производства (п. 1 ч. 4 ст. 232.2 ГПК РФ). Такая конструкция ставит под сомнение саму цель введения упрощенных процедур – обеспечение процессуальной экономии – применительно ко всей категории дел, по которым объективно возможно назначение письменной, не требующей личного участия сторон экспертизы.

Степень научной разработанности проблемы неоднородна. Общие вопросы упрощенного производства как процессуального института достаточно подробно исследованы в работах Е.А. Борисовой, В.В. Яркова, Н.Г. Галковской, А.Б. Алиевой [1; 3; 4; 5; 8]. Институт судебной экспертизы как средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе последовательно разработан в трудах Т.В. Сахновой и Е.Р. Россинской [6; 7].

Вместе с тем на стыке этих двух институтов – то есть применительно к вопросу о том, при каких условиях назначение экспертизы объективно требует перехода к ординарной процессуальной форме, а при каких может быть осуществлено без такого перехода, специальных комплексных исследований немного, а действующее регулирование до настоящего времени не подвергалось системной ревизии с точки зрения дифференциации видов экспертных исследований. Именно в этом видится ниша настоящего исследования.

Целью настоящего исследования является обоснование необходимости дифференцированного подхода к правовому регулированию назначения судебной экспертизы в упрощенном производстве и разработка соответствующих критериев и законодательных предложений. Для достижения цели в статье решаются следующие задачи: анализ действующего правового регулирования и выявление его дефектов; обобщение доктринальных позиций по проблеме баланса процессуальной экономии и процессуальных гарантий; анализ практики применения аналогичной по конструкции нормы части 5 статьи 227 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ); разработка авторской классификации видов судебной экспертизы применительно к упрощенному производству; формулирование критериев допустимости назначения экспертизы без перехода к общим правилам и соответствующих законодательных предложений.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический метод (анализ норм статей 79, 80, 232.2, 232.3 ГПК РФ и части 5 статьи 227 АПК РФ), метод анализа и обобщения судебной практики, сравнительно-правовой метод, использованный при сопоставлении регулирования упрощенного производства в ГПК РФ и АПК РФ, а также метод юридического моделирования, примененный при разработке предложений по изменению законодательства.

В соответствии с пунктом 1 части 4 статьи 232.2 ГПК РФ, если суду необходимо назначить экспертизу, он выносит определение о переходе к рассмотрению дела по общим правилам искового производства. Согласно части 5 статьи 232.2 ГПК РФ, переход в связи с назначением экспертизы не влечет рассмотрения дела с самого начала, однако предполагает дальнейшее применение ординарной процессуальной формы, включая возможность проведения судебного заседания и устного исследования экспертного заключения. Увеличение временных и организационных затрат, характерное для такого перехода, делает процедуру менее эффективной по сравнению с полностью письменным рассмотрением спора и нивелирует достигнутый на стадии принятия иска эффект процессуальной экономии.

В связи с этим в практике нередко возникает риск недобросовестного поведения, проявляющийся в заявлении необоснованных хода-

тайств о назначении экспертизы, направленных на создание у суда сомнений в возможности разрешения спора по имеющимся доказательствам и, как следствие, на затягивание процесса. Однако само по себе такое ходатайство не является безусловным основанием для перехода к общим правилам и подлежит оценке судом с точки зрения относимости поставленных вопросов к предмету доказывания и действительной необходимости применения специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла (ст. 79 ГПК РФ).

Особое внимание вопросам использования специальных знаний на стадии подготовки дела уделено в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21 мая 2026 г. № 15 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству». В пунктах 48–50 Постановления разъясняется обязанность суда обеспечить лицам, участвующим в деле, возможность реализации процессуальных прав, связанных с использованием специальных знаний, а при возникновении необходимости назначения экспертизы – поставить данный вопрос на обсуждение участников процесса и учитывать их мнение. Аналогичная по существу задача решается применительно к упрощенному производству и Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 18 апреля 2017 г. № 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве» (в ред. от 5 апреля 2022 г.), однако его положения по вопросу об экспертизе носят преимущественно отсылочный характер и не содержат содержательных критериев допустимости назначения экспертизы без перехода к общему порядку.

Ключевой тезис настоящего исследования состоит в том, что действующее регулирование основано на неверно избранном критерии перехода к общим правилам искового производства. Законодатель связывает переход с самим фактом необходимости применения специальных знаний, то есть с формальным признаком назначения экспертизы как таковой. Между тем показателем несовместимости экспертного исследования с письменной процессуальной формой является не факт назначения экспертизы, а объективная невозможность провести это исследование и исследовать его результаты без проведения судебного заседания.

Расчетная, бухгалтерская, оценочная либо отдельные виды товароведческой или почерковедческой (по документам, находящимся в деле) экспертизы по своей природе не требуют личного участия сторон в процессе их проведения: эксперт исследует представленные суду документы и объекты, а процессуальные права сторон (предложение вопросов эксперту, отвод, ознакомление с заключением, возражения) могут быть преимущественно реализованы в письменной форме, при условии сохранения предусмотренного частью 3 статьи 84 ГПК РФ права лиц, участвующих в деле, присутствовать при проведении экспертизы в случаях, когда такое присутствие не препятствует исследованию. Формальное распространение на такие случаи императивного правила о переходе к общим правилам не имеет под собой содержательного обоснования и противоречит цели введения упрощенного производства.

В доктрине гражданского процессуального права неоднократно поднимался вопрос о балансе между процессуальной экономией и гарантиями прав сторон. Е.А. Борисова справедливо указывает, что эффективность гражданского судопроизводства не может достигаться исключительно за счет скорости, если при этом ущемляются базовые права лиц, участвующих в деле [1, с. 18]. В свою очередь, И.В. Решетникова, исследуя пределы доказывания, отмечает важность адаптации средств доказывания к специфике упрощенных процедур [2, с. 215].

В.В. Ярков предлагает гибкие подходы к оптимизации гражданского правосудия, подчеркивая, что жесткие ограничения не всегда отвечают реалиям современной судебной практики [3, с. 45]. Схожей позиции придерживается Н.Г. Галковская, по мнению которой трансформация упрощенного производства в ординарное должна осуществляться лишь тогда, когда письменная процедура объективно не позволяет суду установить истину [4]. В более поздней работе, посвященной непосредственно механизму перехода из упрощенного производства в исковое или административное судопроизводство, Н.Г. Галковская подробно анализирует основания такого перехода в ГПК РФ и АПК РФ и приходит к выводу, что действующее регулирование не всегда учитывает содержательные различия между основаниями перехода, закрепляя за ними единый, императивный, процессуальный эффект [5].

Существенное значение для настоящего исследования имеют труды, посвященные собственно институту судебной экспертизы. Т.В. Сахнова последовательно обосновывает необходимость дифференциации видов судебной экспертизы по характеру объекта и способу исследования, что имеет прямое значение для решения вопроса о совместимости конкретного вида экспертизы с письменной процедурой [6]. Е.Р. Россинская, рассматривая особенности назначения и производства судебных экспертиз в гражданском, арбитражном и административном процессе, также выделяет экспертизы, проводимые исключительно по документам, в отдельную группу, для которой личное участие сторон в процессе исследования не является процессуально необходимым [7]. А.Б. Алиева, анализируя спорные вопросы теории и практики упрощенного производства в гражданском процессе, отмечает, что часть процессуальных гарантий сторон объективно может быть реализована и вне рамок судебного заседания, что ставит под сомнение универсальность императивного правила о переходе к общим правилам при возникновении любых, без исключения, оснований, перечисленных в части 4 статьи 232.2 ГПК РФ [8].

Опираясь на данные подходы, можно утверждать, что далеко не каждое экспертное исследование требует проведения устных слушаний. Безусловно, экспертиза может включать осмотр автомобиля, обследование человека или разрушающие методы исследования – и в таких случаях личное участие сторон объективно необходимо. Однако концептуальная совместимость с упрощенным производством наиболее выражена применительно к расчетным, бухгалтерским, оценочным и отдельным товароведческим исследованиям, если они могут быть проведены на основании представленных суду документов и объектов без необходимости совершения процессуальных действий в судебном заседании.

Само по себе правило об императивном переходе к общим правилам искового производства при необходимости назначения экспертизы (п. 1 ч. 4 ст. 232.2 ГПК РФ) действует не с недавнего времени: глава 21.1 ГПК РФ введена Федеральным законом от 2 марта 2016 г. № 45-ФЗ, то есть правило применяется уже около десяти лет, и увеличение порога цены иска до 250 000 рублей в 2024 году на существование самого правила и накопленную по нему практику не влияет, оно лишь расширяет круг дел, на которые это правило распространяется. Тем не менее непосредственный доступ к отдельным, специально мотивированным судебным актам, в которых основанием перехода прямо и исключительно названа необходимость назначения экспертизы, затруднен по двум причинам, носящим структурный характер.

Показательна и непосредственно судебная практика применения части 5 статьи 227 АПК РФ. Так, в постановлении Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 16 августа 2021 г. № 13АП-18552/2021 по делу № А56–10912/2021 ответчик просил перейти к рассмотрению дела по общим правилам в связи с необходимостью назначения судебной трасологической экспертизы. Суд первой инстанции признал имеющиеся доказательства достаточными и отказал в переходе и назначении экспертизы; апелляционная инстанция согласилась с данным выводом [14]. Аналогичный подход отражен в постановлении Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 31 марта 2022 г. № 12АП-2145/2022 по делу № А12–33464/2021, где ответчик обосновывал необходимость перехода назначением строительно-технической экспертизы, однако суд признал ее проведение необязательным и сохранил упрощенный порядок рассмотрения дела [15].

Определение о переходе к рассмотрению дела по общим правилам не преграждает движение дела и не подлежит самостоятельному обжалованию, что прямо разъяснено в пункте 33 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 апреля 2017 г. № 10, в связи с чем такие определения редко становятся предметом отдельных, содержательно мотивированных актов вышестоящих инстанций. Также, в тех случаях, когда вопрос о необходимости экспертизы всё же становится предметом апелляционной проверки, он, как правило, включен в мотивировку итогового решения по существу спора (то есть является предметом проверки при обжаловании отказа в переходе, а не самого перехода) и рассматривается судами достаточно кратко.

В силу этого при анализе практики целесообразно опираться также на практику применения структурно идентичной нормы пункта 2 части 5 статьи 227 АПК РФ, которая содержит аналогичное основание перехода к общим правилам (в том числе ввиду необходимости назначения экспертизы) и действует с 2012 года. Правомерность обращения к ней по аналогии обусловлена тем, что, как отмечается в литературе, конструкция упрощенного производства в ГПК РФ текстуально и структурно заимствована из АПК РФ [9]. Так, адвокат И. Прокофьев, анализируя дисбаланс процессуальных прав сторон при рассмотрении споров в упрощенном порядке по правилам АПК РФ, отмечает, что применительно к спорам между арендодателями и арендаторами о взыскании ущерба, причиненного помещению, – категории дел, часто рассматриваемых в упрощенном порядке, – как правило, единственным доводом ответчика, способным повлиять на решение суда о переходе к общим правилам (хотя и не всегда достаточным), выступает заявленное им ходатайство о назначении судебной экспертизы либо заявление о фальсификации доказательств; однако даже при нали-

чии такого ходатайства суды не всегда переходят к рассмотрению дела по общим правилам, оценивая необходимость перехода не содержательно (то есть не исходя из того, требует ли конкретное исследование очного участия сторон), а исходя из соображений процессуальной экономии [9].

Приведенное наблюдение показывает, что дефект действующего регулирования носит двусторонний характер: с одной стороны, императивность перехода при самом факте назначения экспертизы способна порождать необоснованное затягивание процесса недобросовестной стороной; с другой не опирающаяся на содержательные критерии дискреционная оценка судом обоснованности ходатайства об экспертизе, наблюдаемая в практике применения аналогичной нормы АПК РФ, способна необоснованно лишать добросовестную сторону возможности представить экспертное доказательство надлежащим образом. Оба дефекта имеют общую причину – отсутствие в законе содержательных критериев, позволяющих различать виды экспертных исследований по степени их совместимости с письменной процессуальной формой, что и обосновывает необходимость дифференцированной модели, предлагаемой в настоящей статье.

С учетом изложенного предлагается различать три группы судебных экспертиз в зависимости от их совместимости с письменной процессуальной формой упрощенного производства.

Первая группа – экспертизы, совместимые с упрощенным производством. К ним относятся расчетные, бухгалтерские, оценочные и отдельные виды товароведческих, а также документоведческих (в том числе почерковедческих по представленным материалам дела) экспертиз, объектом исследования которых выступают исключительно документы и материалы, уже находящиеся в деле либо представленные суду дополнительно в письменном виде. Проведение таких экспертиз, как правило, не требует проведения судебного заседания или устного допроса эксперта, а значительная часть процессуальных прав сторон, предусмотренных статьями 79 и 84 ГПК РФ, может быть реализована посредством письменного обмена процессуальными документами.

Вторая группа – экспертизы, условно совместимые с упрощенным производством. Это исследования, которые по своему характеру в принципе допускают проведение без судебного заседания, однако сопряжены с повышенным риском возникновения необходимости последующего перехода – например, при наличии между сторонами спора о методике исследования, при существенных возражениях против заключения, требующих устного разъяснения экспертом, либо при необходимости уточнения поставленных вопросов в ходе исследования. Для данной группы допустимо назначение экспертизы без перехода к общим правилам при условии сохранения за судом возможности перейти к общим правилам, если в дальнейшем выявится необходимость устного исследования заключения.

Третья группа – экспертные исследования, несовместимые с упрощенным производством в конкретных обстоятельствах дела. К ним следует относить исследования, проведение либо последующее исследование результатов которых объективно требует судебного заседания, непосредственного участия лиц, участвующих в деле, устного допроса эксперта или совершения иных процессуальных действий, которые не могут быть полноценно реализованы в письменной процедуре. При этом определяющее значение должно иметь не формальное наименование вида экспертизы, а способ ее проведения и возможность обеспечить процессуальные права участников процесса.

На основе предложенной классификации могут быть сформулированы содержательные критерии, при одновременном соблюдении которых суд вправе назначить экспертизу без перехода к общим правилам искового производства:

1) обеспеченная судом возможность проведения экспертного исследования без судебного заседания с использованием представленных эксперту документов, материалов и иных объектов исследования;

2) обеспеченная судом возможность сторон в установленный им срок предложить вопросы эксперту и кандидатуру эксперта или экспертного учреждения в письменной форме;

3) обеспеченная судом возможность заявить отвод эксперту в письменной форме до начала производства экспертизы;

4) обеспеченная судом возможность реализации права лиц, участвующих в деле, присутствовать при проведении экспертизы в случаях, предусмотренных частью 3 статьи 84 ГПК РФ;

5) обеспеченная судом возможность ознакомиться с заключением эксперта и представить письменные возражения, а также ходатайствовать о назначении дополнительной или повторной экспертизы;

6) отсутствие объективной необходимости устного допроса эксперта или очного исследования заключения – если такая необходимость возникает по итогам проведенной экспертизы (в том числе ввиду возражений сторон против заключения), суд обязан перейти к рассмотрению дела по общим правилам искового производства.

Для решения выявленной проблемы предлагается закрепить дифференцированную модель назначения экспертизы, при которой суд вправе назначить ее без перехода к общим правилам, если характер исследования это позволяет, а процедура строго регламентирует защиту прав сторон, предусмотренных статьей 79 ГПК РФ.

Предлагается внести следующие изменения в ГПК РФ.

1. Изменить редакцию пункта 1 части 4 статьи 232.2 ГПК РФ, исключив из него слова «назначить экспертизу», изложив его в следующей редакции: «1) необходимо выяснить дополнительные обстоятельства или исследовать дополнительные доказательства, а также произвести осмотр и исследование доказательств по месту их нахождения или заслушать свидетельские показания».

2. Дополнить статью 232.3 ГПК РФ частями 4.1–4.3 следующего содержания:

«4.1. Суд вправе назначить экспертизу без перехода к рассмотрению дела по общим правилам искового производства, если характер экспертного исследования позволяет провести его без судебного заседания и при этом могут быть обеспечены процессуальные права лиц, участвующих в деле.

4.2. В определении о назначении экспертизы суд устанавливает срок для представления сторонами вопросов эксперту, предложений по кандидатуре эксперта или экспертного учреждения, заявлений об отводе эксперта, ходатайств о присутствии при проведении экспертизы в случаях, предусмотренных частью 3 статьи 84 настоящего Кодекса, а также срок для внесения необходимых денежных сумм на счет суда. После проведения экспертизы суд направляет сторонам копию экспертного заключения и устанавливает срок для представления возражений и ходатайств о назначении дополнительной или повторной экспертизы.

4.3. Суд переходит к рассмотрению дела по общим правилам искового производства, если характер экспертного исследования, необходимость совершения иных процессуальных действий либо обоснованные возражения лиц, участвующих в деле, свидетельствуют о невозможности полноценно исследовать и оценить заключение эксперта и обеспечить реализацию процессуальных прав участников без проведения судебного заседания».

Реализация предложенной модели позволит сохранить преимущества упрощенного производства в виде процессуальной экономии, не нарушая при этом права лиц на состязательный процесс. Переход к общим правилам будет осуществляться только тогда, когда это действительно продиктовано объективной необходимостью (например, при допросе эксперта или совместном осмотре доказательств), а не автоматически в силу самого факта назначения экспертизы.

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

Действующее регулирование пункта 1 части 4 статьи 232.2 ГПК РФ основано на формальном критерии перехода к общим правилам искового производства – самом факте необходимости назначения экспертизы, а не на содержательном критерии совместимости конкретного экспертного исследования с письменной процессуальной формой, что приводит к необоснованному переходу к ординарной процедуре по делам, которые объективно могли бы быть разрешены без проведения судебного заседания.

При этом не всякая судебная экспертиза требует личного участия сторон и устного исследования заключения: расчетные, бухгалтерские, оценочные и отдельные товароведческие и документоведческие экспертизы по своей природе совместимы с письменной процедурой, поскольку не предполагают физического взаимодействия эксперта со сторонами или третьими лицами.

Предложенная трехзвенная классификация судебных экспертиз – на совместимые, условно совместимые и несовместимые с упрощенным производством – и производный от нее набор критериев допустимости позволяют дифференцировать подход суда без ущерба для процессуальных гарантий сторон.

Опыт применения аналогичной по конструкции нормы части 5 статьи 227 АПК РФ показывает, что чисто дискреционная, содержательно не регламентированная оценка судом необходимости перехода порождает разнородную и порой противоречивую практику – как в части необоснованного затягивания процесса недобросовестной стороной, так и в части необоснованного отказа добросовестной стороне в переходе к общим правилам, что подтверждает необходимость более четкой законодательной регламентации, а не одного лишь доктринального толкования действующих норм.

Предлагаемые изменения статей 232.2 и 232.3 ГПК РФ, вводящие дифференцированную модель назначения экспертизы, позволят

сохранить преимущества упрощенного производства в виде процессуальной экономии без ущерба для права лиц, участвующих в деле, на состязательный процесс, обеспечив переход к общим правилам исключительно в случаях, когда это объективно продиктовано характером экспертного исследования.

Литература

1. Решетникова И.В. Размышления о судопроизводстве: избранное. М.: Статут, 2019. 510 с.

2. Ярков В.В. Оптимизация гражданского правосудия России / [С.Л. Дегтярев и др.]; предисловие В.Ф. Яковлева; под ред. В.В. Яркова. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 192 с.

3. Галковская Н.Г. Трансформация упрощенного производства в гражданском и арбитражном процессе в ординарную процессуальную процедуру // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 45. С. 159–176.

4. Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса: теоретические начала и основные институты. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2014. 784 с.

5. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе: монография. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. 576 с.

6. Алиева А.Б. Упрощенное производство в гражданском процессе: спорные вопросы теории и практики // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 1. С. 104–108.

7. Прокофьев И. Дисбаланс процессуальных прав сторон при рассмотрении споров в упрощенном порядке // Адвокатская газета. 2023. 6 июля.

8. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026).

9. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ (действующая редакция).

10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 апреля 2017 г. № 10 «О некоторых вопросах применения судами положений Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации об упрощенном производстве» (в ред. от 05.04.2022).

11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21 мая 2026 г. № 15 «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству».

12. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 16 августа 2021 г. № 13АП-18552/2021 по делу № А56–10912/2021.

13. Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 31 марта 2022 г. № 12АП-2145/2022 по делу № А12–33464/2021.

JUDICIAL EXPERT EXAMINATION IN SIMPLIFIED PROCEEDINGS: LIMITS OF PROCEDURAL FORM AND DIRECTIONS FOR IMPROVING LEGAL REGULATION

Serovatov A.I.
Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (National Research University)

The article examines the issue of appointing forensic examinations in civil cases considered under simplified proceedings. The current legal regulation is analyzed, under which the need to appoint an expert examination entails a transition to the general rules of civil proceedings. It is argued that the mere use of specialized knowledge does not in itself indicate the incompatibility of forensic examination with the written procedural form. A differentiated approach is proposed for determining whether an expert examination may be conducted within simplified proceedings, depending on the nature of the examination, the method used to study the relevant objects, and the possibility of safeguarding the procedural rights of the parties. The article formulates criteria for appointing an expert examination without transferring the case to ordinary proceedings and considers procedural guarantees of adversarial proceedings and equality of the parties when examining an expert opinion in written proceedings. Based on the analysis, proposals are made for improving Articles 232.2 and 232.3 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: simplified proceedings, civil procedure, forensic examination, judicial evidence, specialized knowledge, procedural form, procedural economy, adversarial principle, procedural safeguards, transition to ordinary proceedings.

References

1. Reshetnikova I.V. Reflections on Judicial Proceedings: Selected Works. Moscow: Statut, 2019. 510 p.

2. Yarkov V.V. Optimization of Civil Justice in Russia / [S.L. Degtyarev et al.]; foreword by V.F. Yakovlev; ed. by V.V. Yarkov. Moscow: Wolters Kluwer, 2007. 192 p.

3. Galkovskaya N.G. Transformation of Simplified Proceedings in Civil and Arbitrazh Litigation into an Ordinary Procedural Procedure // Bulletin of Tomsk State University. Law. 2022. № 45. P. 159–176.

4. Sakhnova T.V. Course on Civil Procedure: Theoretical Foundations and Key Institutions. 2nd ed., revised and supplemented. Moscow: Statut, 2014. 784 p.

5. Rossinskaya E.R. Forensic Expert Examination in Civil, Arbitrazh, Administrative, and Criminal Proceedings: Monograph. 4th ed., revised and supplemented. Moscow: Norma: INFRA-M, 2025. 576 p.

6. Alieva A.B. Simplified Proceedings in Civil Litigation: Controversial Issues of Theory and Practice // Gaps in Russian Legislation. 2017. № 1. P. 104–108.

7. Prokofiev I. Imbalance of Procedural Rights of the Parties in the Resolution of Disputes via Simplified Procedure // Advokatskaya Gazeta. 2023. July 6.

8. Civil Procedure Code of the Russian Federation № 138-FZ dated November 14, 2002 (as amended on August 4, 2026).

9. Arbitrazh Procedure Code of the Russian Federation № 95-FZ dated July 24, 2002 (current version).

10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 10 dated April 18, 2017, «On Certain Issues Regarding the Application by Courts of the Provisions of the Civil Procedure Code of the Russian Federation and the Arbitrazh Procedure Code of the Russian Federation Concerning Simplified Proceedings» (as amended on April 5, 2022).

11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 15 dated May 21, 2026, «On the Preparation of Civil Cases for Trial».

12. Resolution of the Thirteenth Arbitrazh Appellate Court № 13AP-18552/2021 dated August 16, 2021, in Case № A56–10912/2021.

13. Resolution of the Twelfth Arbitrazh Appellate Court № 12AP-2145/2022 dated March 31, 2022, in Case № A12–33464/2021.

Гражданско-правовая ответственность оператора маркетплейса и продавца: проблема разграничения в платформенной экономике

Силиверстов Никита Игоревич,
аспирант кафедры гражданского права, Санкт-Петербургский государственный экономический университет
E-mail: niksili@yandex.ru

Статья посвящена исследованию проблемы разграничения гражданско-правовой ответственности оператора маркетплейса и продавца при осуществлении предпринимательской деятельности с использованием цифровой платформы. Актуальность исследования обусловлена особенностями современной электронной торговли, в которой оператор платформы, не являясь, как правило, стороной договора купли-продажи, осуществляет комплекс юридически и фактически значимых функций, связанных с размещением информации о товаре, приемом платежей, хранением и доставкой товара, организацией возврата, а также применением различных механизмов воздействия на продавцов. На основе анализа положений законодательства, доктринальных подходов и актуальной судебной практики исследуется вопрос о пределах ответственности каждого из участников платформенного оборота. Обосновывается, что формальное отсутствие у оператора статуса стороны договора купли-продажи не является достаточным основанием для исключения его гражданско-правовой ответственности, равно как и сам факт участия оператора в организации реализации товара не позволяет автоматически возложить на него обязанности продавца. Предлагается функциональный критерий разграничения ответственности, основанный на сочетании юридически принятой субъектом обязанности и фактического контроля над соответствующим элементом ее исполнения. Показано, что законодательное регулирование и судебная практика уже содержат отдельные элементы такого подхода, однако не сформировали единого общего критерия его применения. В статье формулируются предложения по дальнейшему развитию данного подхода в целях обеспечения определенности гражданского оборота и справедливого распределения платформенных рисков.

Ключевые слова: цифровая платформа, маркетплейс, оператор цифровой платформы, продавец, электронная торговля, информационный посредник, гражданско-правовая ответственность, договорная ответственность, распределение рисков, платформенная экономика.

Введение

Цифровизация предпринимательской деятельности постепенно изменяет не только способы заключения и исполнения гражданско-правовых договоров, но и организационную структуру самого имущественного оборота. Наиболее заметно это проявляется в электронной торговле, где значительная часть сделок совершается посредством маркетплейсов – цифровых платформ.

Специфика маркетплейса заключается в том, что одна цифровая среда объединяет целый комплекс юридических и экономических отношений. Предприниматель заключает договор с оператором платформы и получает возможность использовать ее цифровую инфраструктуру, одновременно покупатель взаимодействует с продавцом, заключая договор купли-продажи, кроме того, оператор может принимать платежи, организовывать хранение и доставку товара, обеспечивать информационное сопровождение сделки, участвовать в процедуре возврата товара и денежных средств. Таким образом, технологическое единство платформы сочетается с юридической множественностью возникающих обязательств.

Уже сама эта особенность позволяет говорить о необходимости разграничения двух понятий: участия в организации сделки и участия в обязательстве. Оператор может существенно влиять на условия и порядок осуществления сделки, однако из этого еще не следует, что он становится стороной договора купли-продажи и принимает на себя обязательства продавца.

Проблема заключается в том, что современная деятельность маркетплейсов во многих случаях выходит далеко за пределы предоставления исключительно технического доступа к информационной системе. Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 16 июня 2026 г. № 39-П прямо указал на то, что владелец маркетплейса, наряду с предоставлением возможности размещения информации, может осуществлять иные функции по обеспечению работы электронной площадки. При этом одинаковые по внешней форме действия в зависимости от конкретных обстоятельств могут получать различную правовую оценку. В частности, Суд разграничил ситуацию, когда маркетплейс самостоятельно рекламирует конкретный товар, и ситуацию автоматического включения товара в поисковую выдачу по обезличенным алгоритмическим критериям [1].

Тем самым в современной судебной практике формируется подход, при котором для определения правовых последствий деятельности маркетплейса значение имеет не только его формальный статус, но и содержание выполняемой функции.

Данное обстоятельство имеет непосредственное значение для гражданско-правовой ответственности. Если оператор непосредственно принимает на себя обязанность по совершению определенного действия и контролирует его исполнение, возникает вопрос о самостоятельной ответственности оператора за нарушение этой обязанности. Напротив, если нарушение связано с качеством товара, его комплектностью или иными характеристиками, находящимися в сфере ответственности продавца, само использование цифровой платформы не должно приводить к переносу соответствующего риска на оператора.

Научная разработанность проблемы характеризуется наличием нескольких взаимосвязанных направлений исследования. А.В. Габов рассматривает цифровую платформу как особое правовое явление и обращает внимание на ее организационную природу. Автор характеризует платформенную конструкцию как «сеть контрактов, которые завязаны на эту платформу», что позволяет рассматривать ее не как единое правоотношение, а как совокупность взаимосвязанных договорных связей [2, с. 13]. Данное положение представляется принципиальным для определения ответственности, поскольку наличие нескольких договоров предполагает и возможность существования нескольких самостоятельных оснований ответственности.

С.Ю. Филиппова и Ю.С. Харитонова, исследуя цифровые платформы, исходят из необходимости определения их места в системе современного права и обращают внимание на то, что платформа представляет собой сложное функциональное образование, объединяющее различные элементы и обеспечивающее взаимодействие субъектов [3, с. 58–61]. Следовательно, единый технологический объект не обязательно соответствует единому юридическому статусу его оператора.

В.О. Устюжанина и Д.С. Зорева, исследуя правовое положение участников электронных сделок, отмечают расхождения между доктринальными представлениями о платформенной экономике и формирующимся законодательным регулированием, отдельно выделяя проблему правового статуса операторов, осуществляющих посреднические функции [4, с. 6665–6671].

Непосредственно вопрос ответственности маркетплейса как информационного посредника исследуют Д.А. Лепешин и П.И. Петкилев. Авторы справедливо указывают на зависимость правовой квалификации маркетплейса от конкретной модели его взаимодействия с продавцами и подчеркивают значение характера действий платформы после получения информации о нарушении [5, с. 33–40].

Е.В. Шушина и Е.А. Малькина анализируют особенности заключения гражданско-правовых договоров на маркетплейсах и обращают внимание на необходимость разграничения дистанционного и цифрового способов заключения договора [6, с. 84–88]. Данное исследование имеет значение для понимания момента возникновения обязательства, однако вопрос последующего распределения ответственности между продавцом и оператором требует самостоятельного рассмотрения.

Таким образом, современная доктрина уже сформировала значительную основу для исследования цифровых платформ. Вместе с тем проблема разграничения ответственности участников маркетплейса не получила общего функционального критерия, который позволял бы последовательно определять, когда конкретное нарушение относится к сфере ответственности продавца, а когда – к самостоятельной ответственности оператора.

Научная проблема настоящего исследования заключается в определении гражданско-правового критерия, позволяющего разграничивать ответственность продавца и оператора маркетплейса в условиях, когда оператор не является стороной основного договора, но самостоятельно выполняет юридически и фактически значимые функции, влияющие на его заключение и исполнение. Целью исследования является формирование такого критерия и определение его значения для современной модели гражданско-правового регулирования предпринимательской деятельности посредством цифровых платформ.

Для правильного определения ответственности прежде всего необходимо установить структуру возникающих отношений.

В типичной модели маркетплейса участвуют три основных субъекта: оператор цифровой платформы, продавец и покупатель. Между оператором и продавцом возникает самостоятельное договорное отношение, предмет которого связан с предоставлением доступа к платформе и оказанием услуг, необходимых для осуществления предпринимательской деятельности посредством соответствующей цифровой инфраструктуры. Между продавцом и покупателем возникает договор купли-продажи. В зависимости от используемой модели отдельные обязательства могут возникать непосредственно между оператором и покупателем.

Следовательно, термин «сделка на маркетплейсе» не должен создавать представление о существовании единого гражданско-правового обязательства между всеми участниками платформы.

Такое разграничение подтверждается действующим законодательством о защите прав потребителей. Пункт 2.1 ст. 12 Закона РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300–1 прямо устанавливает общее правило, согласно которому ответственность за исполнение договора, заключенного потребителем с продавцом посредством информации владельца агрегатора, а также за нарушение прав потребителя вследствие передачи товара ненадлежащего качества несет продавец, если иное не предусмотрено соглашением между владельцем агрегатора и продавцом либо не вытекает из существа отношений между ними.

Данная норма имеет принципиальное значение для рассматриваемой проблемы. Законодатель тем самым не связывает сам факт использования агрегатора с переходом к нему ответственности продавца. Напротив, базовым субъектом ответственности за исполнение договора купли-продажи остается непосредственная сторона этого договора. Одновременно законодатель прямо предусматривает самостоятельную ответственность владельца агрегатора за недостоверную или неполную информацию о товаре либо продавце, если именно на основании такой информации потребитель заключил договор и понес убытки. Кроме того, в предусмотренных законом условиях потребитель получает право требовать от владельца агрегатора возврата предварительной оплаты [7].

Таким образом, законодатель уже исходит из дифференцированной модели: продавец отвечает за основное договорное обязательство, тогда как оператор агрегатора отвечает за собственные нарушения в сфере предоставления информации и отдельные предусмотренные законом действия.

Следовательно, научная проблема заключается не в отсутствии разграничения ответственности как такового, а в установлении общего принципа, позволяющего распространить существующую дифференциацию на многообразные функции современных маркетплейсов.

Формального установления того, что оператор не является продавцом, недостаточно для определения всего объема его гражданско-правовой ответственности. Причина заключается в функциональной сложности современных маркетплейсов. Владелец платформы может не только обеспечивать техническое размещение предложения, но и принимать платежи, организовывать хранение товара, обеспечивать доставку, участвовать в возврате денежных средств, осуществлять рекламу товара и применять алгоритмические инструменты, влияющие на доступ потребителя к конкретному предложению.

В этой связи понятие информационного посредника требует функционального применения. Статья 1253.1 ГК РФ устанавливает специальные особенности ответственности информационного посредника за нарушение интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационной сети. При этом сам текст нормы связывает данный статус с характером осуществляемой деятельности: передача материала, предоставление возможности размещения материала либо доступа к нему. Именно такое понимание было подтверждено Конституционным Судом РФ, в Постановлении № 39-П Суд указал, что владелец маркетплейса может признаваться информационным посредником даже в том случае, если одновременно оказывает иные услуги по обеспечению работы электронной площадки. Однако сопутствующая деятельность, выходящая за пределы непосредственно посреднической функции, требует самостоятельной оценки. Суд особо отметил, что организация рекламы конкретного товара может образовывать самостоятельное нарушение, тогда как автоматическое включение товара в приоритетную поисковую выдачу в соответствии с обезличенными критериями само по себе такой ответственности не обязательно влечет [1].

Можно сделать вывод, что для квалификации поведения оператора необходимо анализировать не платформу в целом, а конкретное действие или совокупность действий, совершенных оператором.

Такой подход соответствует позиции Д.А. Лепешина и П.И. Петкилева, которые связывают возможность квалификации маркетплейса как информационного посредника с конкретной моделью его взаимодействия с продавцом и с характером последующих действий платформы [5, с. 33–40].

Следовательно, одна и та же организация может в различных правоотношениях одновременно выступать в разных качествах: как информационный посредник, как исполнитель определенной услуги по договору с продавцом, как организатор доставки либо расчетов и, в отдельных случаях, как самостоятельный участник отношений с потребителем.

Вопрос о распределении ответственности необходимо рассматривать через содержание конкретного нарушения. Прежде всего продавец сохраняет основную ответственность за характеристики и качество реализуемого им товара. Такая конструкция соответствует как природе договора купли-продажи, так и прямому предписанию п. 2.1 ст. 12 Закона о защите прав потребителей. Однако нельзя распространить данное правило на действия, осуществляемые непосредственно оператором. Например, если маркетплейс изменяет размещенную продавцом информацию о товаре и вследствие такого изменения покупатель получает искаженное представление о его свойствах, возникшее нарушение уже невозможно объяснить исключительно ненадлежащим исполнением обязательства продавца. Аналогичный вопрос возникает при ненадлежащем исполнении оператором самостоятельно принятой обязанности по хранению, доставке либо возврату денежных средств.

При этом само по себе участие оператора в указанных процессах еще не означает его автоматической ответственности перед покупателем по договору купли-продажи. Необходимо установить наличие самостоятельного юридического основания ответственности оператора. Именно на этом этапе представляется необходимым введение функционального критерия.

Первым элементом критерия должна выступать юридически принятая оператором обязанность. Она может возникать из закона, договора с продавцом, договора с потребителем либо иного юридического основания. Без такой обязанности само по себе влияние оператора на цифровую среду не может служить самостоятельным основанием договорной ответственности.

Вторым элементом должен выступать фактический контроль оператора над соответствующей стадией исполнения. Значение этого критерия состоит в том, чтобы установить, могло ли лицо реально предотвратить нарушение либо обеспечить надлежащее исполнение принятой им обязанности.

Таким образом, предлагаемая формула может быть выражена следующим образом: оператор маркетплейса должен нести гражданско-правовую ответственность за нарушение того элемента платформен-

ного отношения, который одновременно относится к сфере юридически принятой им обязанности и находится под его фактическим контролем.

Именно сочетание двух элементов отличает предлагаемый критерий от простого признания за оператором повышенной ответственности. Если оператор контролирует соответствующий процесс, но не принимал на себя никакой юридической обязанности, одного контроля недостаточно. Если оператор формально принял обязанность, но конкретное нарушение находится за пределами предоставленных ему возможностей и контроля, само наличие такой обязанности также не означает автоматического возложения ответственности без учета общих правил гражданского законодательства.

Предлагаемый подход позволяет сохранить баланс между ответственностью продавца и оператора.

Актуальная судебная практика показывает, что необходимость разграничения ролей участников платформенного оборота уже признается судами.

В определении Пермского краевого суда от 26 августа 2025 г. по делу № 33–6832/2025 рассматривался спор о защите прав потребителя в ситуации, когда посредством агрегатора было размещено предложение от имени лица, которое фактически не проходило соответствующую регистрацию. Суд обратил внимание на обязанность владельца агрегатора проверять сведения о продавце и связал ответственность агрегатора с предоставлением потребителю недостоверной информации о продавце. Ответственность была связана с самостоятельным нарушением обязанности, относящейся к сфере деятельности самого агрегатора, а именно с ненадлежащей идентификацией продавца.

Иная ситуация отражена в определении Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 27 января 2026 г. по делу № 8Г-22428/2025. Суд исходил из того, что оператор, выполняющий функции владельца агрегатора и оказывающий продавцу услуги по размещению товарных предложений, не становится продавцом товара; ответственность за исполнение договора купли-продажи и качество товара сохраняется за продавцом.

Особенно наглядным является сопоставление данных дел. В одном случае оператор привлекается к ответственности за собственное нарушение – ненадлежащую идентификацию продавца. В другом случае суд не переносит на оператора ответственность за качество товара, поскольку соответствующая обязанность относится к продавцу.

Следовательно, судебная практика фактически демонстрирует тот же принцип, который предлагается сформулировать доктринально: ответственность должна определяться через содержание конкретной обязанности и связь нарушения с деятельностью соответствующего субъекта.

Дальнейшее развитие рассматриваемой модели связано с Федеральным законом № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации». На дату подготовки настоящей статьи данный закон еще не вступил в силу, согласно ст. 23 он вступает в силу с 1 октября 2026 г.

Несмотря на это, его положения уже имеют существенное значение для анализа направления развития российского законодательства. Например, ст. 5 закона предусматривает заключение договора между оператором и партнером и устанавливает значительный перечень условий такого договора. В частности, он должен определять исчерпывающий перечень применяемых мер ответственности, основания и порядок их применения, механизм обжалования решений оператора, порядок продажи товаров, осуществления взаиморасчетов, формирования рейтинга и поисковой выдачи, а также порядок определения вознаграждения оператора.

Данное регулирование существенно для рассматриваемой проблемы по двум причинам. Во-первых, оно подтверждает самостоятельность договора между оператором и партнером. Закон не подменяет этот договор договором между продавцом и покупателем. Во-вторых, закон прямо признает, что деятельность оператора включает широкий комплекс действий, способных оказывать существенное влияние на предпринимательскую деятельность партнера.

Особый интерес представляет регулирование одностороннего изменения договора: ст. 12 предусматривает, в частности, обязанность оператора уведомить партнера не менее чем за 45 дней до вступления определенных изменений в силу. Это свидетельствует о стремлении законодателя ограничить возможность произвольного изменения оператором правил платформы и обеспечить большую предсказуемость договорных отношений.

В контексте ответственности данная тенденция представляется закономерной. Чем больше организационных функций сосредоточено у оператора, тем более определенными должны быть его договорные права и обязанности.

Вместе с тем Федеральный закон не создает общего правила, согласно которому оператор отвечает за все последствия деятельности продавца. Поэтому и после его вступления в силу сохранится необходимость функционального разграничения ответственности участников платформенного оборота.

Проблема ответственности неразрывно связана с особенностями договорных отношений оператора и продавца. Договор между ними, как правило, заключается в условиях значительного преимущества оператора в части формирования правил использования платформы. Предприниматель, присоединяясь к соответствующим условиям, получает доступ к цифровой инфраструктуре, аудитории, механизмам продвижения и логистическим возможностям платформы. Вследствие этого возникает вопрос о пределах реализации оператором договорной свободы.

Конституционный Суд РФ в Постановлении № 39-П специально обратил внимание на необходимость баланса между экономической свободой участников рынка и требованием добросовестного отношения к правам других лиц. Суд подчеркнул, что деятельность лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, должна осуществляться с учетом необходимости соблюдения прав и законных интересов иных участников гражданского оборота [1]. Оператор вправе устанавливать правила функционирования цифровой платформы, однако соответствующие правила не должны превращаться в средство произвольного перераспределения гражданско-правовых рисков.

В этой связи представляется необходимым различать два вида риска. Первый связан с предпринимательской деятельностью продавца: качеством товара, его производством, комплектностью и соответствием заявленным характеристикам. Второй связан с функционированием самой платформы: достоверностью предоставляемой оператором информации, исполнением принятых им обязательств по расчетам, хранению, доставке, обработке возвратов и иных собственных функций.

Перенос первого вида риска на оператора только вследствие использования платформы был бы необоснованным. Напротив, освобождение оператора от ответственности за второй вид риска исключительно на том основании, что он не является продавцом, также противоречило бы существу платформенной деятельности. Именно между этими крайностями и должен находиться функциональный критерий.

Проведенное исследование позволяет сформулировать несколько выводов. Прежде всего термин «маркетплейс» не должен использоваться для обозначения единой гражданско-правовой роли оператора. Маркетплейс представляет собой организационно-технологическую модель, в пределах которой оператор может выполнять различные функции, каждая из которых имеет самостоятельное правовое содержание. Следовательно, правовую квалификацию необходимо осуществлять не применительно к маркетплейсу в целом, а применительно к конкретной функции оператора.

Второй вывод состоит в том, что статус информационного посредника не является универсальным основанием освобождения оператора от ответственности. Статья 1253.1 ГК РФ применяется к определенным видам деятельности, а не ко всему комплексу функций цифровой платформы. Именно это следует из конституционно-правового смысла нормы, выявленного Постановлением Конституционного Суда РФ № 39-П.

Третьим является предложенный в статье функциональный критерий: наличие юридически принятой обязанности в сочетании с фактическим контролем субъекта над соответствующим элементом исполнения. Представляется, что именно этот критерий способен обеспечить необходимое равновесие между принципом относительности обязательств, договорной свободой и необходимостью учитывать фактическую организационную роль цифровой платформы.

В целях дальнейшего совершенствования правового регулирования представляется целесообразным закрепить в законодательстве о платформенной экономике более детализированный подход к распределению ответственности по отдельным функциональным блокам деятельности платформы.

Такое регулирование может предусматривать разграничение обязанностей в сфере:

– предоставления информации о товаре и продавце;
– заключения и сопровождения сделки;
– приема и перечисления денежных средств;
– хранения товара;
– организации доставки;
– возврата товара и денежных средств;
– применения механизмов ранжирования и продвижения;
– ограничения доступа продавца к цифровой платформе.

При этом речь не идет о необходимости установления безусловной ответственности оператора по каждому из перечисленных направле-

ний. Цель такого регулирования состоит в закреплении юридически определенных границ ответственности, внутри которых конкретный риск возлагается на того субъекта, который принимает на себя соответствующую обязанность и обладает реальной возможностью контролировать ее исполнение.

Заключение

Развитие маркетплейсов демонстрирует трансформацию традиционной структуры договорного оборота: единая цифровая среда позволяет одновременно реализовывать несколько самостоятельных договорных отношений, участники которых обладают различным объемом прав и обязанностей.

При этом технологическое и экономическое участие оператора в реализации сделки не должно автоматически означать его превращение в сторону договора купли-продажи. Продавец сохраняет основную ответственность за исполнение обязательства перед покупателем, в частности за качество и соответствие товара условиям договора.

Одновременно оператор не может рассматриваться исключительно как технический посредник во всех случаях. Современная платформа выполняет широкий спектр самостоятельных функций, некоторые из которых прямо регулируются законодательством или принимаются оператором на себя договором.

Актуальная судебная практика подтверждает необходимость разграничения указанных сфер. Ответственность владельца агрегатора может возникать вследствие ненадлежащей идентификации продавца либо предоставления недостоверной информации, однако это не означает переноса на него ответственности за качество товара, если соответствующее обязательство сохраняется за продавцом.

Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2026 г. № 39-П имеет в этом отношении особое значение. Оно подтверждает возможность функционального подхода к деятельности владельца маркетплейса и показывает, что одинаковая по внешней форме деятельность платформы может иметь различную правовую оценку в зависимости от конкретных обстоятельств и степени непосредственного участия оператора в соответствующем процессе.

Принятие Федерального закона № 289-ФЗ свидетельствует о дальнейшем переходе к специальному регулированию платформенной экономики. Закон устанавливает самостоятельную договорную основу отношений оператора и партнера, определяет существенный круг организационных обязанностей оператора и регулирует применение мер ответственности. Вместе с тем закон не устраняет необходимости разграничения ответственности за отдельные элементы исполнения договорных обязательств.

В связи с этим наиболее обоснованным представляется функциональный подход, предполагающий оценку двух взаимосвязанных обстоятельств: наличия у субъекта юридически принятой обязанности и его фактического контроля над соответствующим элементом исполнения. Предлагаемый критерий позволяет избежать как необоснованного переноса предпринимательских рисков продавца на оператора, так и использования формального статуса посредника для исключения ответственности за собственные нарушения платформы.

Тем самым специфика гражданско-правового регулирования предпринимательской деятельности на маркетплейсах состоит не столько в создании принципиально новой модели ответственности, сколько в необходимости адаптации традиционных гражданско-правовых конструкций к многофункциональной цифровой инфраструктуре.

Литература

1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.06.2026 № 39-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 3 статьи 1253.1 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Мир Хобби»».

2. Габов А.В. Цифровая платформа как новое правовое явление // Пермский юридический альманах. 2021. № 4. С. 13–82.

3. Филиппова С.Ю., Харитонова Ю.С. Цифровые платформы в праве и право цифровых платформ: новые вызовы законодателю и пути их решения // Правоведение. 2025. Т. 69. № 1. С. 58–75. DOI: 10.21638/spbu25.2025.104.

4. Устюжанина В.О., Зорева Д.С. Правовой статус участников электронных сделок в платформенной экономике // Экономика, предпринимательство и право. 2025. Т. 15. № 10. С. 6665–6682. DOI: 10.18334/epp.15.10.123971. EDN KVORPU.

5. 5. Лепешин Д.А., Петкилев П.И. Ответственность маркетплейса – информационного посредника // Цивилист. 2025. № 4. С. 33–40. EDN ZXHUTW.

6. Шушина Е.В., Малькина Е.А. Особенности способа и формы заключения гражданско-правовых договоров на маркетплейсах // Цивилист. 2026. № 2. С. 84–90. EDN MKAHHU.

7. О защите прав потребителей: Закон РФ от 07.02.1992 № 2300–1 (в актуальной редакции).

8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ.

9. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ.

10. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): Федеральный закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ.

11. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ.

12. О защите конкуренции: Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ.

13. Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации: Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ.

14. Определение Пермского краевого суда от 26 августа 2025 по делу № 33–6832/2025.

15. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 27 января 2026 по делу № 8Г-22428/2025.

CIVIL LIABILITY OF THE MARKETPLACE OPERATOR AND THE SELLER: THE PROBLEM OF DELINEATION IN THE PLATFORM ECONOMY

Siliverstov N.I.
Saint Petersburg State University of Economics

The paper addresses the issue of distinguishing civil liability between marketplace operators and sellers in entrepreneurial activity conducted via digital platforms. The research is motivated by the evolving nature of e-commerce, where the platform operator – whilst typically not a contracting party to the sale – performs a broad spectrum of legally and operationally relevant functions, such as product listing, payment intermediation, warehousing, logistics, returns administration, and the imposition of seller sanctions. Through an examination of legislative frameworks, scholarly opinions, and recent case law, the study investigates the boundaries of liability borne by each participant in platform-mediated commerce. The authors contend that the operator's formal non-party status should not per se preclude its civil liability, nor should its functional involvement in the sales process automatically render it a seller in the legal sense. A functional test for liability allocation is advanced, predicated on the interplay between a party's legally assumed duty and its de facto control over the performance of that duty. The findings indicate that although existing regulatory provisions and judicial practice incorporate fragments of this logic, they lack a coherent overarching principle. The article concludes by offering recommendations for refining this approach in order to enhance transactional predictability and achieve a fair distribution of platform-generated risks.

Keywords: digital platform, marketplace, digital platform operator, seller, e-commerce, information intermediary, civil liability, contractual liability, risk distribution, platform economy.

References

1. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation № 39-P of June 16, 2026 «On the case of checking the constitutionality of paragraphs 1 and 3 of Article 1253.1 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaint of the limited liability company 'Mir Khobbi'».

2. Gabov A.V. Digital platform as a new legal phenomenon // Perm Legal Almanac. – 2021. – № 4. – P. 13–82.

3. Filippova S.Yu., Kharitonova Yu.S. Digital platforms in law and the law of digital platforms: new challenges for the legislator and ways to solve them // Pravovedenie. – 2025. – Vol. 69, № 1. – P. 58–75. – DOI: 10.21638/spbu25.2025.104.

4. Ustyuzhanina V.O., Zoreva D.S. Legal status of participants in electronic transactions in the platform economy // Economics, Entrepreneurship and Law. – 2025. – Vol. 15, № 10. – P. 6665–6682. – DOI: 10.18334/epp.15.10.123971. – EDN KVORPU.

5. Lepeshin D.A., Petkilev P.I. Responsibility of the marketplace as an information intermediary // Civilist. – 2025. – № 4. – P. 33–40. – EDN ZXHUTW.

6. Shushina E.V., Malkina E.A. Features of the method and form of concluding civil law contracts on marketplaces // Civilist. – 2026. – № 2. – P. 84–90. – EDN MKAHHU.

7. On Protection of Consumer Rights: Law of the Russian Federation № 2300–1 of 07.02.1992 (as amended).

8. Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law № 51-FZ of 30.11.1994.

9. Civil Code of the Russian Federation (Part Two): Federal Law № 14-FZ of 26.01.1996.

10. Civil Code of the Russian Federation (Part Four): Federal Law № 230-FZ of 18.12.2006.

11. On Information, Information Technologies and Information Protection: Federal Law № 149-FZ of 27.07.2006.

12. On Protection of Competition: Federal Law № 135-FZ of 26.07.2006.

13. On Certain Issues of Regulating the Platform Economy in the Russian Federation: Federal Law № 289-FZ of 31.07.2025.

14. Ruling of the Perm Regional Court of August 26, 2025, in case № 33–6832/2025.

15. Ruling of the Eighth Cassation Court of General Jurisdiction of January 27, 2026, in case № 8G-22428/2025.

Изменение очередности удовлетворения требований кредиторов по текущим платежам

Синицына Екатерина Ивановна,
аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права МГЮА им. О.Е. Кутафина
E-mail: katywa007@mail.ru

Предмет исследования – институт текущих платежей в российском конкурсном праве, а именно механизмы изменения очередности их удовлетворения. Цель работы – выявить правовую природу институциональных путей и пределов изменения очередности текущих платежей с учетом новейшей конституционно-судебной практики. Методология основана на формально-юридическом, сравнительно-правовом и системно-структурном методах, а также на анализе судебной практики. Результаты исследования состоят в обосновании двойственной природы механизма изменения очередности: дискреционного отступление арбитражного управляющего и судебной корректировки арбитражным судом; выявлении трансформации критерия разграничения текущих и реестровых требований от временного к материально-функциональному. Область применения настоящего исследования – законодательство о банкротстве, правоприменительная практика арбитражный судов, научные исследования в области конкурсного права. Новизна заключается в комплексом анализе влияния Постановления Конституционного Суда РФ от 31.05.2023 № 28-П на теорию очередности текущих платеже и в об основании тенденции перехода к критерии материальной связи. Вывод: институт текущих платежей переживает системную трансформацию, требующую поддержания баланса между определенностью формальных правил и материальной справедливостью.

Ключевые слова: текущие платежи, очередность удовлетворения, конкурсные право, банкротство, судебное усмотрение, арбитражный управляющий, конкурсная масса.

Центральная проблема конкурсного процесса состоит в достижении справедливого и эффективного распределения ограниченных имущественных ресурсов между множественными требованиями кредиторов. Институт текущих платежей как приоритетные уровень в этой распределительный системе непосредственно затрагивает существенные права участников конкурсного процесса. При этом пятиуровневая система очередности, установленная пунктом 2 статьи 134 Федерального закона «О несостоятельность (банкротстве)» [6], не является замкнутой нормативной конструкций – судебная практика и конституционный контроль непрерывно подвергают ее содержательной корректировке.

31 мая 2023 года Конституционный Суд РФ вынес Постановление № 28-П [7], содержащие суждение по вопросу об очередности удовлетворения требований по налогу на прибыль в конкурсном процессе. Данное решение отвергло критерий «формального возникновения после принятия заявления о признании должника банкротом» в качестве единственного основания отнесения платежа к текущему, обратившись вместо этого к методу проверки «материальной связи». Эта правовая позиция изменила не только очередность конкретного налогового платежа, но и оказала структурное воздействие на внутреннюю логику института текущих платежей.

Правовой режим удовлетворения требований кредиторов при банкротстве должника образует совокупность специализированных норм, посредством которых устанавливается порядок и последовательность распределения конкурсной массы. Основное предназначение указанных норм – обеспечение справедливого и соразмерного удовлетворения притязаний всех участников конкурсного процесса при ограниченности имущественных ресурсов должника [1].

Правовое определение текущих платежей дано в п. 1 статьи 5 Федерального закона «О несостоятельность (банкротстве)» – это «денежные обязательства, требования о выплате выходных пособий и об оплате труда лиц, работающих или работавших по трудовому договору, и обязательные платежи, возникшим после даты принятия заявления о признания должника банкротом». Нормативная функция данного определения состоит в разграничения двух базовых категорий конкурсного процесса: «текущих» и «реестровых». Первые не подпадают под замораживающий эффект введения конкурсного производства и подлежат удовлетворению в любое время, вторые – подлежат включению в реестр, проверке и распределению в установленном законом порядке.

Текущие кредиторы обладают особым процессуальным статусом. В силу п. 2 статьи 5 их требования не включаются в реестр требований кредиторов, а сами они «не признаются лицами, участвующими в деле о банкротстве». Теоретическое обоснование такого нормативного решения состоит в том, что встречное предоставление, корреспондирующее текущим платежам, необходимо для функционирования самого конкурсного процесса. Обратное парализовало бы управление и сохранение конкурсном массы.

П. 2 стати 134 устанавливает пять очередей текущих платежей: первая очередь – судебные расходы по делу о банкротстве, вознаграждение арбитражного управляющего и оплата услуг лиц, привлечение которых обязательно в силу закона; вторая очередь – оплата труда после принятия заявления о банкротстве и выходные пособия; третья очередь – оплата услуг лиц, привлеченных управляющим по своему усмотрению; четвертая очередь – эксплуатационные платежи (коммунальные, энергоснабжении и аналогичные); пятая очередь – все прочие текущие платежи.

Нормы об очередности носят императивный характер: ни договоренность между кредитором и должником, ни усмотрение арбитражного управляющего не способны их изменить. Нарушение установленной последовательности служит основанием для оспаривания произведенных расчетов. Вместе с тем именно императивность вступает в противоречие с объективной потребностью гибкого реагирования на экстраординарные обстоятельства. По этой причине законодатель и судебная практика сформировали исключения из императивного правила – механизмы изменения очередности, которые порождают серьезные теоретические и прикладные вопросы [8].

Особое положение в этой системе занимают требования об уплате налога на доходы физических лиц и страховых взносов на обязательное пенсионное страхование, удержанных при выплате текущей за-

работной платы. Согласно разъяснениям, данным в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ от 20.12.2016 [9], такие суммы перечисляются в режиме второй очереди текущих платежей одновременно с выплатой заработной платы, что создает дополнительную нагрузку на конкурсную массу и нередко становится предметом спора.

Удостоверение требований внутри одной очереди осуществляется в «календарном порядке» – по дате возникновения обязательства. Теоретическое обоснование данного правила состоит в том, что при отсутствии иных оснований приоритета более ранее требование имеет преимущество, что соответствует разумным ожиданиям кредиторов и обеспечивает операционную определенность.

П. 1.1 статьи 134 устанавливает правило приоритетного удовлетворения расходов должника (в том числе осуществляемых в обычной хозяйственной деятельности)на проведение мероприятий в целях снижения угрозы возникновения техногенных, экологических катастроф и наступления их последствий либо гибели людей на опасном объекте. Данная норма легализовала внеочередное удовлетворение значительного круга «эксплуатационных» расходов, связанных с опасными производственными объектами.

Пользуются преимуществом перед остальными кредиторами притязания кредиторов, обеспеченные залогом имущества должника, в пределах средств, вырученных от реализации предмета залога (статья 138 Закона о банкротстве). Закон при этом резервирует часть выручки для погашения требований кредиторов первой и второй очереди (если иного имущества недостаточно), а также для покрытия судебных издержек, вознаграждения управляющего и привлеченных лиц. Залоговый режим, тем самым, образует автономную подсистему в рамках конкурсного распределения. Его соприкосновение с механизмом изменения очередности текущих платежей обнаруживается в ситуации, когда расходы, направленные на сохранение предмета залога (например, на предотвращение его повреждения) требуют приоритетного удовлетворения перед иными текущими требованиями [4].

Анализ действующего регулирования и судебной практики позволяет выделить два самостоятельных, но взаимосвязанных механизма изменения очередности текущих платежей.

Первый механизм – дискреционное отступление арбитражного управляющего. Оно основано на абзаце третьем п. 40.1 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 60 [8], согласно которому арбитражный управляющий вправе отступить от очередности, если это необходимо для сохранения деятельности должника, обеспечивающей жизнедеятельность социально значимых объектов или для предотвращения утраты имущества должника, имеющего существенное значение для процедуры банкротства. Такое отступление носит временный характер и обусловлено отсутствием необходимого размера денежных средств для исполнения всех текущих обязательств в конкретном периоде. Управляющий действует самостоятельно, но под контролем суда и кредиторов.

Второй механизм – судебная корректировка очередности. Арбитражный суд рассматривает разногласия между кредиторами, управляющим и иными лицами (ст. 60 Закона о банкротстве) и может установить приоритет того или иного текущего требования, отступив от формально установленной очередности. Именно в рамках этого механизма получила развитие практика установления приоритета оплату услуг привлеченных специалистов (бухгалтера, оценщика, юриста), без которых невозможно проведение процедуры, перед иными текущими требованиями более высокой очереди.

Двойственность механизма порождает проблему соотношения дискреции управляющего и судебного контроля. Представляется, что оптимальной моделью является обязательный предварительный судебный контроль за решениями об изменении очередности, с последующей возможностью ретроспективной проверки. Это позволили бы, с одной стороны, сохранить оперативность управления, с другой – минимизировать риск злоупотреблений.

Постановление Конституционного Суда РФ от 31.05.2023 № 28-П стало поворотным моментом в развитии теории очередности текущих платежей. Суд отверг критерий «формального возникновения после принятия заявления о признании должника банкротом» в качестве единственного основания отнесения платежа к текущему, обратившись вместо этого к методу проверки «материальной связи».

Суть этого подхода состоит в том, что при определении режима требования (текущее или реестровое) необходимо учитывать не только дату возникновения обязательства, но и его материальную связь с процедурой банкротства. Если обязательство хотя и возникло после принятия заявления, но по своей природе связано с периодом, предшествующим возбуждению дела, оно может быть отнесено к реестровым. И наоборот, если обязательство возникло до принятия заявления, но его исполнение необходимо для продолжения деятельности должника в процедуре банкротства, оно может приобрести черты текущего. Если бы такие платежи погашались в общем порядке, управление конкурсной массой и ее сохранение были бы парализованы. Приоритет сохранения деятельности должника преследует цель поддержания минимально необходимого уровня его функционирования, что позволяет сохранить конкурсную массу и создать предпосылки для восстановления платежеспособности.

Эта правовая позиция оказала структурное воздействие на внутреннюю логику института текущих платежей. Она означает переход от строго темпорального (временного) критерия к материально-функциональному. Последствия такого перехода неоднозначны. С одной стороны. Он позволяет более гибко учитывать экономическую сущность отношений и защищать интересы кредиторов, чьи требования объективно связаны с процедурой. С другой – он создает правовую неопределенность, поскольку критерий «материальной связи» является оценочным и допускает широкое судебное усмотрение.

С учетом изложенного можно предложить следующую классификацию оснований изменения очередности текущих платежей.

Первое основание – предотвращение техногенных и экологических катастроф, гибели людей. Законодатель детализировал критерии реальности такой угрозы: повреждение конструкций опасного объекта, несвоевременное выявление такого повреждения, нарушение функционирования объекта. Изменение его характеристик вследствие нарушения температурного режима или прекращения снабжения энергоресурсами. Бремя доказывания реальности угрозы лежит на лице, требующем изменения очередности.

Второе основание – сохранение деятельности должника, обеспечивающей жизнедеятельность социально значимых объектов. Это основание имеет судебное происхождение и применяется. Когда остановка деятельности повлечет необратимые социальные последствия.

Третье основание – финансирование процедуры банкротства. Когда конкурсная масса недостаточна для оплаты услуг привлеченных специалистов, без которых невозможно проведение процедуры, суды в исключительных случаях допускают установление приоритета таких платежей перед иными текущими требованиями более высокой очередности.

Четвертое основание – предотвращение утраты имущества должника, имеющего существенное значение для процедуры банкротства. Это основание также вытекает из п. 40.1 Постановления Пленума ВАС РФ № 60.

Особого внимание заслуживает вопрос о приоритете требований по заработной плате перед требованиями по налогам и страховым взносам внутри второй очереди. Судебная практика здесь неоднородна. Верховный Суд в РФ в определении от 04.04.2025 № 306-ЭС24–1144 [10] подтвердил, что само по себе ошибочное отнесение части текущих платежей второй очереди к реестровым требованиям не является основанием для изменения очередности путем признания приоритета реестровых требований над текущими. Суды исходят из строго разграничения режимов текущих и реестровых требований, не допуская их смешения даже в целях защиты социально значимых интересов работников.

Важно сказать, что внутри одной очереди текущие требования удовлетворяются в порядке их возникновения (календарная очередность). Однако и здесь возможны отступления. Пункт 40.1 Постановления Пленума ВАС РФ № 60 допускает изменение календарной очередности погашения текущих требований второй очереди с учетом исключительных обстоятельств. Эта позиция подтверждается актуальной практикой. Так, Постановлением Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 09.11.2023 № 19П-415/2021 по делу № А35–9447/2020 определение об отказе в удовлетворении жалобы на действия (бездействия) конкурсного управляющего оставлено без изменения со ссылкой на сохраняющих силу разъяснений абз. 3 п. 40.1 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.07.2009 № 60. В Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 17.11.2023 № Ф05–23306/2023 по делу № А40–167435/2022 требование об изменении очередности погашения текущих требований второй очереди было удовлетворено, поскольку имелись основания для отступления законом очередности: значительный объем задолженности по заработной плате и наличие судебных споров о ее взыскании.

Практика показывает, что суды осторожно подходят к изменению календарной очередности. Требуется доказать, что неотступление от календарного порядка приведет к невозможности осуществления выплат в будущем, к утрате квалифицированного персонала или у иным необратимым последствиям. Простое наличие задолженности по заработной плате перед одними работниками и отсутствие таковой перед другими само по себе не является основанием для изменения очередности [2].

Показательно дело, рассмотренное Арбитражным судом Волго-Вятского округа [11]. Суд указал, что при определении размера убытков, причиненных нарушением очередности, необходимо установить, сколько денежных средств поступило в конкурсную массу, имелись ли на момент совершения спорных платежей иные кредиторы приоритетной очереди и каким образом подлежали бы распределению средства с учетом календарной очередности. Это демонстрирует, что нарушение календарной очередности влечет не только восстановление нарушенного права, но и деликтную ответственность арбитражного управляющего.

Важно сказать, что изменение очередности удовлетворения требований кредиторов может выражаться не только в приоритетном погашении текущих платежей, но и понижении очередности требования отдельных кредиторов. Наиболее частый случай субординации – понижение очередности требований контролирующих должника и аффилированных лиц, возникших из предоставления компенсационного финансирования, до очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты [3]. Такая очередность предусмотрена статьей 64 ГК РФ. Основанием для понижения является предоставление должнику финансирования в период его имущественного кризиса лицом, располагающим сведения о реальном финансовом состоянии должника. Кредитор принимает на себя риск, связанный с невозможностью преодоления кризиса, и не может претендовать на распределение конкурсной массы в одной очереди с независимыми кредиторами, вступившими в правоотношение с должников в виду неведения о реальном положении дел. Если требования всех кредиторов, включенные в состав текущих платежей, реестровой и зареестровой задолженности, будут погашены, производство по делу о банкротстве подлежит прекращению, а требования, учитываемые в очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты удовлетворяются вне рамок дела о банкротстве [5].

Таким образом, в настоящее время суды последовательно ужесточают требования к доказательствам «исключительности» обстоятельств, оправдывающих отступление от очередности. Суды требуют не просто констатации «трудной ситуации», а конкретных доказательств того, что без изменения очередности возникает угроза техногенной катастрофы, остановки социально значимого объекта или иных необратимых последствий.

Представляется, что оптимальной моделью правового регулирования является не расширение перечня оснований для изменения очередности, а совершенствование процедурных гарантий и критериев оценки. В частности целесообразно:

– закрепить в законе требование обязательного предварительного судебного контроля за решениями арбитражного управляющего об изменении очередности;

– установить предельный размер средств, которые могут быть направлены на приоритетное погашение;

– ввести обязательное уведомление всех кредиторов соответствующей очереди о намерении изменить очередность с предоставлением права на возражение;

– закрепить критерий «минимальной достаточности» при определении объема приоритетных платежей – то есть направлять на них лишь ту сумму, которая необходима для устранения угрозы, но не более;

– законодательно закрепить пределы судебного усмотрения при применении критерия «материальной связи», выработанного Конституционным Судом РФ в Постановлении № 28-П, с тем чтобы избежать правовой неопределенности.

Можно сделать вывод, что институт текущих платежей переживает системную трансформацию, требующую поддержания баланса между определенностью формальных правил и материальной справедливостью. Изменение очередности удовлетворения требований кредиторов по текущим платежам представляет собой экстраординарный правовой механизм, существование которого объективно необходимо, но применении которого требует максимальной осторожности. Действующее правовое регулирование, включающее как законодательные нормы, так и судебные разъяснения, а также конституционно-судебные позиции, создает достаточную правовую основу для гибкого реагирования на исключительные обстоятельства. Однако отсутствие четких законодательных пределов судебного усмотрения порождает правовую неопределенность и риск злоупотреблений.

Литература

1. Бруско, Б.С. Правовые режимы в банкротном праве / Б.С. Бруско // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2025. – № 4. – С. 122–140.

2. Баранов, Г.О. Роль разъяснений высших судов в обеспечении баланса принципов стабильности гражданского оборота и удовлетворения требований кредиторов / Г.О. Баранов // Юридическая наука. – 2025. – № 11. – С. 125–131.

3. Ефимов, А.В. Субординация требований аффилированных кредиторов: векторы развития российской судебной практики / А.В. Ефимов // Российское правосудие. – 2025. – № 12. – С. 60–71.

4. Ишбаев, Е.В. Правовые средства осуществления прав кредиторов в процедурах банкротства / Е.В. Ишбаев // Закон и власть. – 2025. – № 5. – С. 122–126.

5. Родина, Н.В. Субординация требований залогодержателя в делах о несостоятельности (банкротстве) / Н.В. Родина // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2025. – № 4. – С. 82–94.

6. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «О несостоятельности (банкротстве)» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения: 15.09.2026).

7. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.05.2023 № 28-П «По делу о проверке конституционности статей 248 и 249, пункта 1 статьи 251 и статьи 271 Налогового кодекса Российской Федерации, а также пунктов 1 и 3 статьи 5 и пункта 2 статьи 134 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с запросом Верховного Суда Российской Федерации и жалобой ООО «Предприятие строительных работ энергетики» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_448644/ (дата обращения: 15.09.2026).

8. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.07.2009 № 60 «О некоторых вопросах, связанных с принятием Федерального закона от 30.12.2008 № 296-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)»« (с изменениями и дополнениями) // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90276/ (дата обращения: 15.09.2026).

9. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2016), утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 13.04.2016 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_196727/ (дата обращения: 15.09.2026).

10. Определение Верховного Суда РФ от 04.04.2025 № 306-ЭС24–1144(9) по делу № А65–19059/2022 // URL: https://www.kontur-extern.ru/info/normativ/document/7/492813-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-04–04–2025-n-306-es24–11449-po-delu-n-a65–19059–2022 (дата обращения: 15.09.2026).

11. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 11.10.2022 № Ф01–5149/2022 по делу № А82–17594/2015 // URL: https://kad.arbitr.ru/Card?number=A82–17594/2015 (дата обращения: 15.09.2026).

CHANGE IN THE ORDER OF SATISFACTION OF CREDITORS' CLAIMS FOR CURRENT PAYMENTS

Sinitsyna E.I.
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The subject of this research is the institution of current payments in Russian bankruptcy law, namely the mechanisms for changing the order of their satisfaction. The objective of the work is to identify the legal nature of the institutional paths and limits of changing the order of current payments, taking into account the latest constitutional and judicial practice. The methodology is based on formal-legal, comparative-legal and system-structural methods, as well as on the analysis of judicial practice. The results of the study consist in substantiating the dual nature of the mechanism for changing the order: discretionary derogation of the insolvency practitioner and judicial adjustment by the arbitration court; identifying the transformation of the criterion for distinguishing current and register claims from temporary to material-functional. The scope of this study is bankruptcy legislation, law enforcement practice of arbitration courts, scientific research in the field of bankruptcy law. The novelty lies in the comprehensive analysis of the impact of the Constitutional Court of the Russian Federation's Resolution № 28-P of May 31, 2023, on the theory of current payments' priority and the underlying rationale for the shift toward a material connection criterion. Conclusion: the institution of current payments is undergoing a systemic transformation, requiring a balance between the certainty of formal rules and substantive justice.

Keywords: current payments, priority of satisfaction, bankruptcy law, bankruptcy, judicial discretion, arbitration manager, bankruptcy estate.

References

1. Brusko, B.S. Legal regimes in bankruptcy law. Bulletin of Moscow University. Series 11: Law, 2025, № 4, pp. 122–140.

2. Baranov, G.O. The role of higher courts' explanations in ensuring the balance between the principles of stability of civil circulation and satisfaction of creditors' claims. Legal Science, 2025, № 11, pp. 125–131.

3. Efimov, A.V. Subordination of claims of affiliated creditors: vectors of development of Russian judicial practice. Russian Justice, 2025, № 12, pp. 60–71.

4. Ishbaev, E.V. Legal means of exercising creditors' rights in bankruptcy procedures. Law and Power, 2025, № 5, pp. 122–126.

5. Rodina, N.V. Subordination of the pledgee's claims in insolvency (bankruptcy) cases. Bulletin of Moscow University. Series 11: Law, 2025, № 4, pp. 82–94.

6. Federal Law № 127-FZ of October 26, 2002 (as amended on August 4, 2026) «On Insolvency (Bankruptcy)» // Consultant Plus legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (accessed: 15 September 2026).

7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 28-P of May 31, 2023 «On the case of checking the constitutionality of Articles 248 and 249, paragraph 1 of Article 251 and Article 271 of the Tax Code of the Russian Federation, as well as paragraphs 1 and 3 of Article 5 and paragraph 2 of Article 134 of the Federal Law «On Insolvency (Bankruptcy)» in connection with the request of the Supreme Court of the Russian Federation and the complaint of LLC «Enterprise of Construction Works of Power Engineering»« // Consultant Plus legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_448644/ (accessed: 15 September 2026).

8. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation № 60 of July 23, 2009 «On some issues related to the adoption of Federal Law № 296-FZ of December 30, 2008 «On Amendments to the Federal Law «On Insolvency (Bankruptcy)»«« (with amendments and additions) // Consultant Plus legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_90276/ (accessed: 15 September 2026).

9. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation № 1 (2016), approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on April 13, 2016 // Consultant Plus legal reference system. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_196727/ (accessed: 15 September 2026).

10. Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation № 306-ES24–1144(9) of April 4, 2025 in case № A65–19059/2022 // URL: https://www.kontur-extern.ru/info/normativ/document/7/492813-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-04–04–2025-n-306-es24–11449-po-delu-n-a65–19059–2022 (accessed: 15 September 2026).

11. Resolution of the Arbitration Court of the Volga-Vyatka District of October 11, 2022 № F01–5149/2022 in case № A82–17594/2015 // URL: https://kad.arbitr.ru/Card?number=A82–17594/2015 (accessed: 15 September 2026).

Баланс интересов должника и кредиторов как критерий квалификации недобросовестного поведения в отношениях несостоятельности (банкротства)

Соколов Максим Владимирович,
независимый исследователь
E-mail: maxim.sokoloff2010@gmail.com

Понятие баланса интересов должника и кредиторов постоянно используется в судебной практике по делам о несостоятельности, однако остается неясным, служит ли оно мерой итогового распределения потерь или критерием поведения, сместившего это распределение. От ответа зависит, признается ли недобросовестным должник, чьи кредиторы получили мало, или только должник, который своими действиями уменьшил их удовлетворение. Проанализированы годовые ряды статистического бюллетеня Федресурса за 2015–2025 годы: исходы заявлений об оспаривании сделок, решения о субсидиарной ответственности, освобождение граждан от обязательств и доля удовлетворенных требований кредиторов. Применены ранговая корреляция Спирмена уровней и годовых изменений с перестановочной оценкой значимости и формально-юридический анализ ст. 61.2, 61.11, 213.28 Закона о банкротстве и разъяснений Верховного Суда РФ. Доля удовлетворенных заявлений об оспаривании сделок юридических лиц находилась в пределах 40,99–48,95%, доля решений о привлечении к субсидиарной ответственности в 2018–2025 годах – 51,24–61,77%, тогда как возврат кредиторам компаний изменялся от 3,5 до 13,3%. Годовые изменения частоты квалификации не связаны с изменениями возврата: $\rho = -0{,}217$, 0,643 и 0,059 при p от 0,139 до 0,883. В 2021–2025 годах от обязательств не освобождены 14 248 из 1 240 859 граждан (1,15%), при этом неудовлетворенными остались 94,1% включенных в реестр требований. Баланс интересов работает как критерий смещения распределения, вменяемого конкретному поведению, а не как критерий итогового дисбаланса; отсюда следует трехэлементный порядок квалификации: исходное распределение при добросовестном поведении, вменяемое отклонение от него и соразмерная ему санкция в отношении затронутых кредиторов.

Ключевые слова: баланс интересов, недобросовестное поведение, несостоятельность (банкротство), оспаривание сделок, субсидиарная ответственность, освобождение от обязательств.

Введение

Категория баланса интересов должника и кредиторов прочно вошла в мотивировку судебных актов по делам о несостоятельности. Пленум Верховного Суда РФ в п. 39 постановления от 13.10.2015 № 45 требует от судов обеспечивать справедливый баланс между имущественными интересами кредиторов и личными правами гражданина-должника, а Президиум Верховного Суда РФ в п. 60 Обзора судебной практики по делам о банкротстве граждан от 18.06.2025 (ред. от 29.04.2026) связывает освобождение от долгов со стандартом добросовестности, при котором должник содействует соразмерному удовлетворению требований кредиторов. В доктрине баланс определяется как установленная законом соразмерность прав и обязанностей участников дела [5] и отграничивается от гражданско-правового равенства, поскольку в банкротстве он предполагает пропорциональное удовлетворение требований с учетом целей процедуры [13].

При таком употреблении остается открытым вопрос о том, что именно измеряет баланс, когда суд решает, было ли поведение недобросовестным. Возможны два прочтения. Результатное прочтение сопоставляет итог процедуры и считает баланс нарушенным, если кредиторы получили ничтожную часть требований, а должник освобожден от остатка; такой итог сам по себе свидетельствует против должника. Поведенческое прочтение признает недобросовестным лишь такое действие должника или контролирующего лица, которое изменило распределение имущества в ущерб кредиторам по сравнению с тем, что было бы при добросовестном поведении. Сторонники более жестких требований к должнику исходят из того, что в делах о банкротстве граждан баланс смещен в пользу должника [7]; противоположная линия обращает внимание на злоупотребления самих кредиторов [3] и на реабилитационное назначение банкротства гражданина [8].

Выбор между прочтениями имеет практическое следствие. При результатном критерии частота признания поведения недобросовестным должна следовать за глубиной неудовлетворения требований, при поведенческом она от нее не зависит. Это различие проверяемо на открытых данных Единого федерального реестра сведений о банкротстве, которые с 2015 года фиксируют исходы обособленных споров и итоги расчетов с кредиторами. Цель статьи – установить по нормам и по этим данным, в каком из двух значений баланс интересов служит критерием квалификации недобросовестного поведения в делах о несостоятельности (банкротстве).

Материалы и методы исследования

Эмпирическим материалом служит статистический бюллетень Федресурса «Банкротство в России. Итоги 2025 года», загруженный с официального сайта оператора реестра 19.09.2026. Бюллетень составлен по сообщениям и отчетам арбитражных управляющих, опубликованным в реестре; издатель пересчитывает прошлые периоды и исключает отчеты, в которых удовлетворенных заявлений больше, чем принятых. Использованы годовые ряды за 2015–2025 годы, включающие число рассмотренных и удовлетворенных заявлений о признании сделок недействительными отдельно по юридическим лицам и по гражданам (с. 23), решения о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности и о взыскании убытков (с. 25, без финансовых организаций), число освобожденных и неосвобожденных граждан за 2021–2025 годы (с. 19), включенные и удовлетворенные требования (с. 9 и 17) и доля удовлетворенных требований кредиторов (с. 8 и 16).

Всего транскрибировано 25 рядов. Табличные значения автоматически сверены с текстом соответствующих страниц с проверкой порядка годов в строке; значения из подписей диаграмм сверены по изображениям страниц с контролем соответствия года и серии. Единица анализа – год в пределах института квалификации и категории должника; реестр содержит 48 записей с числителем, знаменателем, правилом расчета и страницей бюллетеня. Годы без применения процедуры (оспаривание сделок граждан в 2015 году) и годы, за которые издатель не приводит данных об освобождении (2015–2020), исключены с фиксацией в журнале очистки.

Частота квалификации рассчитана по трем институтам как доля удовлетворенных среди рассмотренных заявлений об оспаривании

сделок, доля решений о привлечении (в том числе частичном) среди всех решений о субсидиарной ответственности и доля неосвобожденных граждан среди всех граждан с завершенной реализацией имущества. Удовлетворенные заявления в бюллетене не разделены по основаниям ст. 61.2, 61.3 Закона о банкротстве и ст. 10, 168 ГК РФ, поэтому показатель описывает судебное признание сделки, изменившей распределение имущества в ущерб кредиторам, в целом. Возврат кредиторам измерен долей удовлетворенных требований в сумме включенных, как ее определяет издатель; в проверке устойчивости использована вторая мера бюллетеня – средняя по отчетам доля удовлетворения.

Связь частоты квалификации с возвратом оценена ранговым коэффициентом Спирмена с усредненными рангами при совпадениях. Значимость определена перестановочным тестом (100 000 перестановок, начальное значение генератора 20260919). Основной проверкой служит корреляция первых разностей, то есть годовых изменений, поскольку уровни рядов содержат общий тренд становления процедур. Окно для оспаривания сделок – 2016–2025 годы, для субсидиарной ответственности – 2018–2025 годы, так как гл. III.2 Закона о банкротстве действует с 30.07.2017. Дополнительно рассчитаны корреляции уровней, корреляции с иной мерой возврата, в окне 2018–2025 годов и с возвратом следующего года, а также размах и стандартное отклонение долей в процентных пунктах и в логитах. Расчет выполнен сценарием на Python без внешних библиотек и воспроизводится повторным запуском.

Для нормативной части применен формально-юридический метод с систематическим толкованием норм. Корпус актов включает п. 3 и 4 ст. 1, ст. 10 ГК РФ; ст. 61.2, 61.11 и п. 4 ст. 213.28 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» в редакции от 04.08.2026; п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25, п. 39 и 45 постановления Пленума от 13.10.2015 № 45, п. 5 постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63, п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 в редакции постановления от 23.12.2025 № 42, п. 60–63 Обзора от 18.06.2025. Тексты проверены по справочной правовой системе «КонсультантПлюс» 19.09.2026.

Результаты и обсуждение

Общее основание квалификации задают п. 3 и 4 ст. 1 и ст. 10 ГК РФ, которые устанавливают обязанность действовать добросовестно и запрещают извлекать преимущество из недобросовестного поведения; п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 определяет добросовестность через поведение, ожидаемое от участника оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» закрепляет в каждом из трех институтов, через которые квалифицируется недобросовестное поведение, в составе основания поведение, а не итог распределения. Подозрительная сделка по п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве требует совокупности цели причинения вреда имущественным правам кредиторов, фактического причинения такого вреда и осведомленности другой стороны; п. 5 постановления Пленума ВАС РФ № 63 перечисляет эти обстоятельства как подлежащие доказыванию оспаривающим лицом. Субсидиарная ответственность по п. 1 ст. 61.11 наступает, если полное погашение требований невозможно «вследствие действий и (или) бездействия» контролирующего лица. Пленум Верховного Суда РФ постановлением от 23.12.2025 № 42 дополнил п. 1 постановления № 53 положением о том, что ведение деятельности с предпринимательским риском основанием ответственности не является, а неспособность должника удовлетворить требования должна быть обусловлена поведением, не отвечающим критериям добросовестности и разумности и не связанным с рыночными или иными объективными факторами. Пункт 4 ст. 213.28 называет закрытый перечень обстоятельств, исключающих освобождение гражданина, куда входят противоправные действия при банкротстве, установленные приговором или постановлением, сокрытие или искажение сведений, незаконные действия при возникновении или исполнении обязательства. Ни одна из этих норм не упоминает долю удовлетворенных требований в качестве признака недобросовестности; итоговый дефицит является общим условием всех трех составов, но не их квалифицирующим признаком.

Эмпирические ряды показывают, что частота квалификации по юридическим лицам держится в узком коридоре. Доля удовлетворенных заявлений об оспаривании сделок в конкурсном производстве находилась в 2016–2025 годах в пределах 40,99–48,95%; в 2025 году удовлетворены 6 345 из 15 479 рассмотренных заявлений. Стандартное отклонение ряда составило 2,29 процентного пункта, или 0,093 в логитах. Доля решений о привлечении к субсидиарной ответственности в 2018–2025 годах лежала в пределах 51,24–61,77% при стандартном отклонении 3,39 процентного пункта и 0,139 в логитах. Возврат кредиторам компаний за тот же период изменялся от 3,5% в 2021 году до 13,3% в 2025 году; его стандартное отклонение в логитах, где доли разного уровня сопоставимы по масштабу, равно 0,425 для 2016–2025 годов и 0,48 для 2018–2025 годов. Кредиторы получали в разные годы втрое-вчетверо различающуюся часть требований, а суды признавали сделки подозрительными и контролирующих лиц ответственными с почти неизменной частотой.

Проверка связи подтверждает это наблюдение. Годовые изменения доли удовлетворенных заявлений об оспаривании сделок юридических лиц связаны с годовыми изменениями возврата коэффициентом $\rho = -0{,}217$ при $p = 0{,}580$ (девять пар), а изменения доли решений о субсидиарной ответственности – коэффициентом $\rho = 0{,}643$ при $p = 0{,}139$ (семь пар), то есть знак во втором случае противоположен тому, которого требует результатный критерий. При замене меры возврата на среднюю по отчетам коэффициенты составили –0,017 и 0,000, в окне 2018–2025 годов для оспаривания сделок – –0,393 при $p = 0{,}396$, при сопоставлении с возвратом следующего года – 0,071 при $p = 0{,}881$. В уровнях для оспаривания сделок юридических лиц получен отрицательный коэффициент –0,418 ($p = 0{,}232$), который при переходе к годовым изменениям ослабевает до –0,217; устойчивой отрицательной связи, которой требовало бы результатное прочтение, ни одна спецификация не дала.

По гражданам картина иная в уровнях и та же в изменениях. В 2016–2025 годах доля удовлетворенных заявлений об оспаривании сделок находилась в пределах 28,71–42,34%, а возврат кредиторам – в пределах 0,5–6,7%; оба ряда росли, и корреляция уровней высока: $\rho = 0{,}927$ при $p = 0{,}0004$. Однако корреляция годовых изменений составляет 0,059 при $p = 0{,}883$, по средней мере возврата – –0,424 при $p = 0{,}262$, с возвратом следующего года – –0,422 при $p = 0{,}298$. Совместный рост уровней отражает становление процедуры банкротства граждан после 1 октября 2015 года, а не реакцию судов на глубину неудовлетворения в конкретном году. В 2024 году, единственном году снижения возврата (с 6,1 до 5,5%), доля удовлетворенных заявлений тоже снизилась – с 42,34 до 40,23%.

Наиболее отчетливо различие двух прочтений видно на освобождении граждан от обязательств. За 2021–2025 годы процедуру реализации имущества завершили 1 240 859 граждан, из них не освобождены от обязательств 14 248, или 1,15%; по годам доля неосвобождения колебалась от 1,03 до 1,23%. За те же годы в реестры включено требований на 3 524,3 млрд руб. больше, чем удовлетворено, что составляет 94,1% включенной суммы, а доля дел, в которых кредиторы не получили ничего, возросла с 68% в 2021 году до 73% в 2025 году. Если бы баланс интересов измерялся итоговым соотношением удовлетворенного и списанного, почти каждое завершенное дело давало бы основание для отказа в освобождении. Фактически отказ применяется реже чем в одном деле из восьмидесяти, и его частота не изменилась ни при снижении доли неудовлетворенных требований с 94,94% в 2021 году до 93,25% в 2025 году, ни при росте доли дел с нулевым удовлетворением.

Нормативные и эмпирические данные согласуются в том, что баланс интересов работает в квалификации как критерий смещения распределения, вменяемого поведению. Обзор от 18.06.2025 в п. 60 описывает добросовестного должника как лица, неумышленно попавшего в затруднительное положение и содействовавшего проверке его имущественного положения, а в п. 62 признает основанием отказа принятие обязательств без намерения их исполнять. В обоих случаях суд сопоставляет фактическое распределение не с идеалом полного удовлетворения, а с тем распределением, которое сложилось бы, если бы должник раскрыл имущество, не вывел активы и не наращивал заведомо неисполнимые обязательства. Такое понимание соответствует трактовке добросовестности как юридически значимого поведения при возникновении и исполнении обязательств [9] и эволюции практики от моральной оценки к стандарту поведения и критерию правомерности [10]. Оно объясняет и неоднородность оснований отказа в освобождении, которую фиксируют исследования практики [4], [1], так как разные модели поведения объединены не общим итогом, а общим признаком – изменением распределения, которое вменяется должнику.

Граничный случай, на котором два прочтения дают разный ответ, представлен в п. 63 Обзора. Суд апелляционной инстанции отказал в освобождении только по требованию банка-залогодержателя, предмет залога которого должник продал без согласия банка, и освободил должника от остальных долгов, поскольку в отношениях с иными кредиторами недобросовестности не установлено. В другом деле суд, применив общий принцип соразмерности гражданско-правовой ответственности, уменьшил последствия для должника, так как банк при кредитовании не принял разумных мер. Результатное прочтение не может объяснить ни ограничение санкции одним требованием, ни учет

поведения кредитора, поскольку итоговый дисбаланс по делу от этого не меняется. Поведенческое прочтение объясняет оба решения, потому что санкция следует за вменяемым смещением и ограничена кругом затронутых им кредиторов. Тот же вывод о возможности неосвобождения по отдельному требованию делается в доктрине [9]; учет поведения кредитора согласуется с позицией о злоупотреблениях кредиторов как самостоятельной угрозе балансу [3] и с учетом интересов семьи гражданина как самостоятельной общности [6].

Для субсидиарной ответственности тот же критерий выражен через разграничение предпринимательского риска и вменяемого поведения. Презумпции п. 2 ст. 61.11 перераспределяют бремя доказывания, но опровергаются доказательством иных причин невозможности погашения; исследователи практики указывают, что применение презумпции существенного вреда после постановления № 42 требует постоянного уточнения конкретных ситуаций [2], а стандарт добросовестности в этих спорах применяется как последовательный порядок установления и доказывания [11]. Устойчивость доли решений о привлечении на уровне 51,24–61,77% при почти четырехкратных колебаниях возврата согласуется с таким порядком, при котором суд проверяет причинную связь дефицита с поведением, а размер дефицита влияет на объем ответственности, но не на ее основание. Правовые риски кредиторов обсуждаются и применительно к банкротству организаций, имеющих обязательства перед иностранными контрагентами [12], то есть также в терминах характера обязательств и сделок, а не итогов расчетов.

Позиция о смещении баланса в пользу гражданина-должника [7] верно описывает итог процедуры, в которой 94,1% включенных требований остаются неудовлетворенными. Низкий возврат необеспеченным кредиторам характерен для несостоятельности вообще и признаком недобросовестности не служит. Эмпирическое изучение 286 дел Коммерческого суда Гента было предпринято как раз для проверки распространенного утверждения о том, что необеспеченным кредиторам при банкротстве остается немногое [14], а в литовском праве недобросовестность гражданина служит условием отказа в процедуре и оценивается по конкретным действиям должника с обсуждением различий между потребителем и предпринимателем [15]. Перенос результатного критерия в квалификацию превратил бы низкий возврат в презумпцию недобросовестности и лишил бы смысла предусмотренное законом освобождение добросовестного должника, реабилитационное назначение которого подчеркивается в литературе [8].

Из проведенного анализа следует порядок квалификации, в котором баланс интересов получает проверяемое содержание. На первом шаге определяется исходное распределение, то есть состав имущества и очередность, в которых оно поступило бы кредиторам при добросовестном поведении должника или контролирующего лица. На втором шаге устанавливается отклонение фактического распределения от исходного и то, что оно вызвано действием должника, а не рыночным фактором, предпринимательским риском или поведением самого кредитора. На третьем шаге определяются круг кредиторов, чьи интересы затронуты отклонением, и соразмерная ему санкция в виде недействительности сделки, субсидиарной ответственности в размере вызванного дефицита или неосвобождения от отдельных либо всех требований. Итоговая доля удовлетворения в этой схеме является фоном, на котором измеряется отклонение, но сама не образует признака недобросовестного поведения. Этот порядок совпадает с совокупностью обстоятельств п. 2 ст. 61.2, с причинной формулой п. 1 ст. 61.11 в истолковании постановления № 42 и с практикой частичного неосвобождения по п. 63 Обзора.

Выводы

По данным Федресурса за 2015–2025 годы частота судебной квалификации недобросовестного поведения в делах о несостоятельности держится в узком коридоре и в годовых изменениях не связана с величиной неудовлетворенной части требований. Удовлетворялось 40,99–48,95% заявлений об оспаривании сделок юридических лиц, контролирующие лица привлекались к субсидиарной ответственности в 51,24–61,77% решений, граждане не освобождались от обязательств в 1,15% завершенных дел, тогда как возврат кредиторам компаний колебался от 3,5 до 13,3%, а у граждан неудовлетворенными оставались 94,1% включенных требований.

Нормы ст. 61.2, 61.11 и 213.28 Закона о банкротстве и разъяснения Верховного Суда РФ, включая постановление Пленума № 42 от 23.12.2025 и Обзор от 18.06.2025, строят квалификацию на поведении, а не на итоге распределения. Баланс интересов должника и кредиторов служит критерием квалификации недобросовестного поведения в значении вменяемого смещения распределения: поведение недобросовестно, если оно отклонило распределение имущества от того, которое сложилось бы при добросовестном поведении, и санкция соразмерна этому отклонению и затронутому кругу кредиторов. В этом значении критерий объясняет и устойчивость частоты квалификации при колеблющемся возврате, и частичное неосвобождение гражданина по отдельному требованию.

Литература

1. Борисова Л.В. О доказывании недобросовестности должника и защите прав и законных интересов кредиторов по делам о несостоятельности (банкротстве) граждан // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 8. С. 38–41. DOI: 10.18572/1812-383X-2023-8-38-41

2. Воронова О.Н., Гирюшта С.А. Некоторые вопросы применения презумпции причинения существенного вреда имущественным правам при доказывании субсидиарной ответственности // International Law Journal. 2026. Т. 9. № 5. С. 13–18. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-13-18

3. Глотов И.Д. Противодействие злоупотреблениям кредиторов как способ защиты законных интересов должника в деле о банкротстве // International Law Journal. 2026. Т. 9. № 5. С. 115–121. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-115-121

4. Киселев В.В. Основания, исключающие освобождение гражданина от обязательств, и оценка добросовестности его поведения // Теория и практика общественного развития. 2026. № 4. С. 266–271. DOI: 10.24158/tipor.2026.4.34

5. Коротаев Р.А. Дефиниция понятия баланса интересов кредиторов и должника в деле о несостоятельности (банкротстве) // Российский судья. 2024. № 9. С. 2–4. DOI: 10.18572/1812-3791-2024-9-2-4

6. Лагунова Е.А. Баланс интересов кредиторов и семьи должника в делах о банкротстве граждан // Пролог: журнал о праве. 2021. № 3 (31). С. 56–66. DOI: 10.21639/2313-6715.2021.3.6.

7. Москалов Г.А., Бугель Н.В. К вопросу о проблеме отсутствия баланса интересов должника и кредиторов в деле о банкротстве гражданина // Ленинградский юридический журнал. 2026. № 2 (84). С. 140–161. DOI: 10.35231/18136230_2026_2_140

8. Мубинов Д.Д. Правовые аспекты отказа в освобождении гражданина-банкрота от исполнения обязательств // Арбитражный и гражданский процесс. 2025. № 7. С. 40–44. DOI: 10.18572/1812-383X-2025-7-40-44

9. Надежин Н.Н. Освобождение гражданина от обязательств при банкротстве: стандарт добросовестного поведения // Хозяйство и право. 2026. № 9. С. 25–35. DOI: 10.18572/0134-2398-2026-9-25-35

10. Подшивалов Т.П. Добросовестность и ее критерии в судебной практике // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2024. № 1. С. 75–83. DOI: 10.46279/ASMO.2024.73.93.003

11. Рехтина И.В. Стандарт добросовестности при привлечении к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц // Хозяйство и право. 2025. № 10. С. 9–25. DOI: 10.18572/0134-2398-2025-10-9-25

12. Поляков М.А. Правовые риски кредиторов при банкротстве организаций, ведущих внешнеэкономическую деятельность в области природопользования и имеющих обязательства перед иностранными контрагентами / М.А. Поляков, С.А. Лаврентьев // Вопросы природопользования. 2026. Т. 5, № 2. С. 132–143.

13. Эдилов М.А. Обеспечение баланса интересов должника и кредиторов при оспаривании сделок в процедуре несостоятельности (банкротства) // Евразийская адвокатура. 2026. № 1 (78). С. 191–196. DOI: 10.52068/2304-9839_2026_78_1_191

14. Baeck J.R. Bankruptcy: What is left for the creditors? A Belgian exploratory study // International Insolvency Review. 2019. Vol. 28. № 2. Pp. 140–162. DOI: 10.1002/iir.1342

15. Jokubauskas R. The problems of assessment of debtor bad faith in bankruptcy proceedings of natural persons // Teisė. 2023. Vol. 126. Pp. 56–72. DOI: 10.15388/Teise.2023.126.4

THE BALANCE OF INTERESTS OF THE DEBTOR AND CREDITORS AS A CRITERION FOR QUALIFYING BAD-FAITH CONDUCT IN INSOLVENCY (BANKRUPTCY) RELATIONS

Sokolov M.V.
Independent researcher

Insolvency courts in Russia routinely invoke the balance of interests of the debtor and creditors, yet it is unclear whether this notion measures the final allocation of losses or tests conduct that distorted that allocation. The answer decides whether low recovery alone signals bad faith or only the debtor's own acts that reduced it. Annual Fedresurs series for 2015–2025 on transaction avoidance, subsidiary liability of controlling persons, discharge of individual debtors and the satisfied share of creditor claims were analysed with

Spearman rank correlations of levels and year-on-year changes and permutation p-values, together with a doctrinal reading of Articles 61.2, 61.11 and 213.28 of the Insolvency Law and Supreme Court guidance. Avoidance applications against companies succeeded in 40.99–48.95% of cases and subsidiary liability was imposed in 51.24–61.77% of rulings in 2018–2025, while creditor recovery in corporate cases ranged from 3.5 to 13.3%. Year-on-year changes in qualification rates show № link with changes in recovery (ρ = –0.217, 0.643 and 0.059; p from 0.139 to 0.883). In 2021–2025, 14,248 of 1,240,859 individuals (1.15%) were denied discharge, although 94.1% of admitted claims remained unpaid. The balance of interests thus operates as a test of an attributable shift in allocation rather than of the resulting imbalance, which yields a three-step qualification: the allocation honest conduct would have produced, the attributable deviation from it, and a proportionate sanction confined to the creditors affected.

Keywords: balance of interests, bad-faith conduct, insolvency (bankruptcy), transaction avoidance, subsidiary liability, discharge from obligations.

References

1. Borisova L.V. On Proving the Debtor's Unfairness and Protecting the Rights and Legitimate Interests of Creditors in Cases of Insolvency (Bankruptcy) of Individuals // Arbitration and Civil Procedure. 2023. № 8. Pp. 38–41. DOI: 10.18572/1812-383X-2023-8-38-41.

2. Voronova O.N., Giryushta S.A. Some Issues Related to the Application of the Presumption of Substantial Harm to Property Rights When Proving Subsidiary Liability // International Law Journal. 2026. Vol. 9. № 5. Pp. 13–18. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-13-18

3. Glotov I.D. Countering Creditors' Abuses as a Way to Protect the Legitimate Interests of the Debtor in a Bankruptcy Case // International Law Journal. 2026. Vol. 9. № 5. Pp. 115–121. DOI: 10.58224/2658-5693-2026-9-5-115-121

4. Kiselev V.V. Grounds Excluding a Citizen's Release from Obligations and Assessment of the Conscientiousness of His Conduct // Theory and Practice of Social Development. 2026. № 4. Pp. 266–271. DOI: 10.24158/tipor.2026.4.34

5. Korotaev R.A. Definition of the concept of the balance of interests of creditors and the debtor in an insolvency (bankruptcy) case // Russian Judge. 2024. № 9. Pp. 2–4. DOI: 10.18572/1812-3791-2024-9-2-4

6. Lagunova E.A. Balancing the Interests of Creditors and the Debtor's Family in Personal Bankruptcy Cases // Prolog: Journal of Law. 2021. № 3 (31). pp. 56–66. DOI: 10.21639/2313-6715.2021.3.6.

7. Moskalov G.A., Bugel N.V. On the issue of the problem of the lack of balance of interests of the debtor and creditors in the bankruptcy case of a citizen // Leningrad Law Journal. 2026. № 2 (84). pp. 140–161. DOI: 10.35231/18136230_2026_2_140

8. Mubinov D.D. Legal Aspects of Refusing to Release a Bankrupt Citizen from Fulfilling Obligations // Arbitration and Civil Procedure. 2025. № 7. Pp. 40–44. DOI: 10.18572/1812-383X-2025-7-40-44

9. Nadezhin N.N. Release of a Citizen from Obligations in Bankruptcy: the Standard of Good Faith // Economy and Law. 2026. № 9. Pp. 25–35. DOI: 10.18572/0134-2398-2026-9-25-35

10. Podshivalov T.P. Good Faith and Its Criteria in Judicial Practice // Bulletin of the Arbitration Court of the Moscow District. 2024. № 1. Pp. 75–83. DOI: 10.46279/ASMO.2024.73.93.003

11. Rekhtina I.V. The Standard of Good Faith in Holding Persons Controlling the Debtor Liable for Subsidiary Liability // Economy and Law. 2025. № 10. Pp. 9–25. DOI: 10.18572/0134-2398-2025-10-9-25

12. Polyakov M.A. Legal risks for creditors in the bankruptcy of organizations engaged in foreign economic activity in the field of environmental management and having obligations to foreign counterparties / M.A. Polyakov, S.A. Lavrentyev // Environmental Management Issues. 2026. Vol. 5, № 2. Pp. 132–143.

13. Edilov M.A. Ensuring a balance of interests between the debtor and the creditor when challenging transactions in insolvency (bankruptcy) proceedings // Eurasian Advocacy. 2026. № 1 (78). Pp. 191–196. DOI: 10.52068/2304-9839_2026_78_1_191

14. Baeck J.R. Bankruptcy: What is left for the creditors? A Belgian exploratory study // International Insolvency Review. 2019. Vol. 28. № 2. Pp. 140–162. DOI: 10.1002/iir.1342

15. Jokubauskas R. The problems of assessment of debtor bad faith in bankruptcy proceedings of natural persons // Teisė. 2023. Vol. 126. Pp. 56–72. DOI: 10.15388/Teise.2023.126.4

Влияние страхования ответственности директоров и должностных лиц (D&O) на поведение выгодоприобретателей

Степанов Дмитрий Александрович,
соискатель кафедры предпринимательского и корпоративного права Университета правосудия им. В.М. Лебедева
E-mail: dm.stepanov.msal@gmail.com

В статье исследуется влияние страхования ответственности директоров и должностных лиц (D&O) на поведение выгодоприобретателей. Анализируется концепция морального риска третьего лица, до сих пор не получившая должного освещения в отечественной научной литературе. Рассматривается вопрос о том, является ли наличие страхового полиса дополнительным стимулом для инициирования выгодоприобретателями судебных разбирательств о взыскании убытков с лиц, формирующих волю юридического лица, а также предъявления к ним необоснованных денежных требований. Исследование проведено с использованием сравнительно-правового метода, анализа эмпирических данных зарубежных исследований и системного подхода. Формулируется определение морального риска третьего лица, устанавливается круг субъектов, выявляются причины возникновения и раскрываются формы проявления. Доказывается, что традиционные способы борьбы с моральным риском страхователя не могут быть в полной мере применены к моральному риску выгодоприобретателей при страховании ответственности D&O, поскольку они основаны на договорных отношениях между страхователем и страховщиком, в то время как выгодоприобретатели могут не являться стороной договора.

Ключевые слова: страхование ответственности, D&O, моральный риск, выгодоприобретатель, корпоративное управление, злоупотребление правом.

Введение

В контексте оценки эффективности страхования ответственности как механизма защиты имущественных интересов в сфере корпоративного управления особое значение приобретает анализ его влияния на поведение выгодоприобретателей, то есть лиц, которым потенциально может быть причинен вред в результате неразумного (ошибочного) поведения субъекта корпоративной ответственности, поскольку именно они наделены правом на получение страхового возмещения.

Возможное влияние страхования ответственности D&O на поведение выгодоприобретателей до сих пор не получило должного освещения в отечественной научной литературе. Ключевой вопрос заключается в том, является ли наличие страхового полиса дополнительным стимулом для инициирования выгодоприобретателями судебных разбирательств о взыскании убытков с лиц, формирующих волю юридического лица, а также предъявления к ним необоснованных денежных требований? Иными словами, имеет ли место такая разновидность морального риска, как моральный риск на стороне выгодоприобретателей?

Необходимость обращения к иностранным источникам обусловлена тем, что само по себе существование морального риска в сфере страхования признают далеко не все отечественные ученые, занимающиеся исследованиями в области страхового права. В связи с этим в российской научной литературе имеется лишь несколько научных трудов, которые так или иначе затрагивают данный аспект [см., напр.: 1, с. 55–85; 3]. С нашей точки зрения, предположение о том, что страхование ответственности может оказывать влияние на поведение выгодоприобретателей нуждается в дополнительном теоретическом осмыслении и учете в практической деятельности, особенно применительно к сфере корпоративного управления и страхованию ответственности D&O.

Становление концепции морального риска третьего лица в западной научной доктрине

Впервые на наличие связи между возмещением финансовых расходов третьей стороной и поведением лиц, оказывающих услуги, обратили внимание ученые из Инсбрукского университета имени Леопольда и Франца (Австрия), проанализировав результаты проведенного ими эксперимента [6, с. 6]. Суть эксперимента заключалась в том, что научные сотрудники совершали поездки на такси по Афинам. В общей сложности было совершено 400 поездок, во время которых в половине случаев пассажиры сообщали водителям о возмещении их транспортных расходов работодателем. Исследование показало, что стоимость поездки, когда водители осознавали факт возмещения расходов пассажира его работодателем, завышалась в 37% случаев. Исходя из этого, ученые сделали вывод о том, что причинами необоснованного повышения цены на услуги такси являются два ключевых фактора:

1) информационная асимметрия между профессиональными участниками рынка (водителями) и конечными потребителями (пассажирами), которые не могут в полной мере оценить стоимость получаемой услуги из-за незнания города;

2) осознание лицом, оказывающим услугу, что расходы заказчика (пассажира) будут покрыты третьим лицом, то есть у заказчика отсутствует личная заинтересованность в экономии денежных средств.

В дальнейшем данная проблема, но уже применительно к страхованию, получила развитие и осмысление в совместном труде ученых из Пенсильванского и Коннектикутского университетов (США) [12]. Используя многочисленные примеры из различных сфер общественной жизни, авторы привели аргументы в пользу того, что сам по себе факт заключения договора страхования может оказывать негативное влияние на поведение третьих лиц, стимулируя их действовать неразумно и недобросовестно. Одним из примеров, приводимых исследователями, является страхование на случай похищения человека (Kidnap and Ransom Insurance, K&R), которое распространено среди компаний, отправляющих своих работников в командировку в так называемые «районы высокого риска». Оно призвано покрывать расходы на выкуп и сопутствующие затраты. Как было установлено, наличие такого страхования вызывает обратный эффект – застрахованные лица чаще подвергаются похищениям по сравнению с теми, кто не имеет страхо-

вого полиса K&R [7]. Для описания выявленной закономерности использован термин «моральный риск третьего лица».

Обобщая результаты проведенных зарубежных исследований, можно сформулировать следующее определение. Моральный риск третьего лица –обусловленная наличием страхового покрытия повышенная вероятность совершения лицом, не являющимся стороной договора страхования, но знающим или имеющим достаточные основания полагать, что такое покрытие существует, действий, которые при отсутствии страхования не были бы совершены или носили бы иной характер и которые направлены на возмещение убытков за счет средств страховщика и (или) увеличение размера такого возмещения либо объективно влекут такие последствия [3, с. 97].

В контексте страхования ответственности D&O выгодоприобретателями, подверженными моральному риску третьего лица, могут выступать участники (акционеры) юридического лица, само юридическое лицо и иные лица, которым потенциально может быть причинен вред в результате действий субъекта корпоративной ответственности, если они не являются стороной договора страхования.

Эмпирические исследования морального риска выгодоприобретателей в страховании ответственности D&O

По мнению Д. Пучняка, широкое распространение страхования ответственности руководителей является одним из ключевых факторов, провоцирующих рост судебных разбирательств в США [13, с. 1–28]. К аналогичным выводам пришел М. Уэст, который предположил, что всплеск судебных разбирательств в Японии в 1990-х годах был обусловлен развитием страхования ответственности [15, с. 376].

Представляется возможным выделить три потенциальные причины, объясняющие почему в США и Японии наблюдался рост количества судебных разбирательств:

1) традиционный моральный риск застрахованного лица – субъекты корпоративной ответственности могли менее прилежно исполнять свои обязанности, рассчитывая на покрытие убытков за счет страховой компании;

2) страховой полис D&O изначально приобретался лицами, чья деятельность связана с высокими финансовыми и иными рисками;

3) моральный риск выгодоприобретателей.

Предложенные объяснения не являются взаимоисключающими, и каждое из них находит подтверждение в зарубежных эмпирических исследованиях.

С. Гиллан и К. Панасян, исследуя причину роста числа исков, приходят к выводу, что он обусловлен оппортунизмом (моральным риском) со стороны членов органов управления [11, с. 805]. Д.Э. Кор утверждает, что с большей вероятностью полис страхования ответственности D&O приобретут фирмы с высоким риском судебных разбирательств [8, с. 84]. Хотя Т. Бейкер и Ш. Гриффит не делают акцент на моральном риске третьих лиц и прямо не используют соответствующую терминологию, они, тем не менее, исходят из того, что страхование ответственности руководителей играет ключевую роль в формировании судебной стратегии. Их выводы свидетельствуют о том, что наличие страхового покрытия значительно повышает готовность истцов к обращению в суд с иском [5]. Д.К. Донельсон выдвинул тезис о сильной корреляции между наличием страхования ответственности D&O и вероятностью участия компании в судебных разбирательствах, связанных с ценными бумагами [9, с. 528]. Ученый описывает уникальную особенность законодательства штата Нью-Йорк (США) – страховые премии D&O подлежат обязательному раскрытию. По его мнению, наличие в открытом доступе информации о высоких страховых премиях сигнализирует участникам гражданского оборота о возможности требовать с компаний более высокие суммы при урегулировании спора. Это может указывать также и на то, что страховщик изначально считал, что к юридическому лицу с высокой долей вероятности будет предъявлен иск. Ученый установил, что количество коллективных исков по ценным бумагам увеличилось бы на 12–19%, если бы информация о размерах страховых премий стала общедоступной во всех штатах США [9].

Приведенные примеры позволяют обнаружить важную особенность – в отличие от традиционного морального риска в ситуации с моральным риском выгодоприобретателя проявление должных мер заботливости и осмотрительности самим членом органа управления или контролирующим лицом после приобретения страхового полиса может не снижаться.

Причины морального риска выгодоприобретателей при страховании ответственности D&O

Наиболее очевидная причина – желание выгодоприобретателя возместить убытки не за счет физического лица, которое может не располагать необходимым объемом ликвидного имущества, а за счет страховщика, обладающего значительными финансовыми ресурсами. Закон РФ от 27.11.1992 № 4015–1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» предъявляет серьезные требования к гарантиям обеспечения финансовой устойчивости и платежеспособности страховщика. Хотя решение о взыскании убытков с субъекта корпоративной ответственности принимается в пользу самого юридического лица (статья 225.8 АПК РФ), участники косвенно заинтересованы в положительном исходе дела. Поэтому наличие реальной перспективы исполнения судебных решений в отношении руководителей может способствовать увеличению числа предъявляемых к ним требований.

Не менее важной причиной является «обезличенность» страховщиков. На подсознательном уровне они психологически воспринимаются как некие абстрактные юридические лица, которые призваны производить выплаты для покрытия чужих убытков. Данное предположение коррелирует с выводами Ш. Теннисона, установившего, что терпимое отношение к страховому мошенничеству чаще проявляется у лиц, негативно настроенных по отношению к страховым организациям [14, с. 260]. Обозначенная закономерность проявляется и в судебной практике. По наблюдениям Т. Бейкера, в США истцы редко требуют возмещения ущерба, превышающего пределы страхового полиса ответчика. Средства, полученные непосредственно от застрахованного лица (помимо того, что покрывается страхованием), известны как «blood money» («кровавые деньги»). Существует негласное правило среди адвокатов не взыскивать в суде подобные суммы [4]. Эти выводы согласуются с гипотезой о том, что люди могут по-разному относиться к деньгам от страховщиков и деньгам от конкретных лиц. Научный интерес представляет также тот факт, что в процессуальном законодательстве США существует запрет на сообщение присяжным о наличии у ответчика страхового полиса или о его отсутствии [10], что дополнительно подтверждает теорию обезличенности.

Еще одной причиной, по которой наличие договора страхования может привести к моральному риску выгодоприобретателей, является тот факт, что страховщики зачастую не участвуют в судебном споре о взыскании убытков и не располагают средствами, позволяющими оценить в полном объеме обоснованность предъявленного к субъекту корпоративной ответственности требования.

Механизмы противодействия моральному риску выгодоприобретателей

Большинство правовых механизмов противодействия, используемых в отношении традиционного морального риска (франшиза; включение в договор страхования положений, которые прямо исключают покрытие за заранее оговоренное поведение, являющееся рискованным или не поддающимся контролю; расчет страховых премий на основе ранее поданных претензий и исков; аудит и мониторинг поведения страхователя со стороны страховщика и так далее), не могут быть применены к моральному риску выгодоприобретателей, поскольку они основаны на взаимных договорных обязательствах страховщика и страхователя. В связи с этим они не способны регулировать поведение лиц, не являющихся стороной договора страхования ответственности D&O.

В сложившейся ситуации должна возрастать роль государства и его институтов, тем более что некоторые проявления морального риска выгодоприобретателей являются ничем иным, как страховым мошенничеством. При этом не видится объективных причин для того, чтобы ограничиваться лишь уголовно-правовыми средствами воздействия. Гражданско-правовые инструменты в равной степени могут оказывать положительный эффект в борьбе с негативными проявлениями морального риска выгодоприобретателей.

В связи с этим стоит согласиться с мнением В.А. Лаптева, который полагает, что «суд должен привлекать по заявлению как истца, так и ответчика в качестве второго соответчика страховую компанию в части требований суммы в размере страхового покрытия; а в части, превышающей суммы страхового покрытия, ответчиком будет выступать непосредственно причинитель вреда (руководитель и члены органов корпорации)» [2, с. 7]. Однако реализация данного подхода потребует внесения изменений в процессуальное законодательство, которые позволят расширять круг ответчиков без соответствующего волеизъявления истца.

Представляется также обоснованной позиция А.Г. Архиповой, согласно которой отсутствие в российском законодательстве обязанности выгодоприобретателя оказывать содействие страховщику после наступления страхового случая создает предпосылки для злоупотреблений и оппортунистического поведения с его стороны. В этой связи весьма перспективной является идея о применении к отношениям между выгодоприобретателем и страховщиком общего принципа добросовестности, закрепленного в пункте 3 статьи 307 ГК РФ. Такой

подход позволил бы обеспечить баланс интересов сторон и создать частноправовые механизмы для разрешения спорных ситуаций, альтернативные применению уголовно-правовой квалификации в виде страхового мошенничества, которое, будучи крайней мерой, не всегда является адекватным способом защиты интересов страховщика [1, с. 84].

Выводы

1. Страхование ответственности D&O может оказывать влияние на поведение выгодоприобретателей. Данное влияние проявляется в виде морального риска третьего лица. Моральный риск третьего лица – обусловленная наличием страхового покрытия повышенная вероятность совершения лицом, не являющимся стороной договора страхования, но знающим или имеющим достаточные основания полагать, что такое покрытие существует, действий, которые при отсутствии страхования не были бы совершены или носили бы иной характер и которые направлены на возмещение убытков за счет средств страховщика и (или) увеличение размера такого возмещения либо объективно влекут такие последствия.

2. Субъектами морального риска третьих лиц в страховании ответственности *D&O* выступают участники (акционеры) юридического лица, а также само юридическое лицо и иные лица, которым потенциально может быть причинен вред в результате неразумного (ошибочного) поведения субъекта корпоративной ответственности.

3. Моральный риск выгодоприобретателей по договору страхования ответственности *D&O* проявляется в действиях, которые при определенных обстоятельствах способны ослабить действие страхового механизма защиты имущественных интересов, а именно:

– искажении фактов, связанных со страховым случаем;

– предъявлении завышенных финансовых требований;

– повышении вероятности инициирования судебного процесса.

4. Основными причинами морального риска выгодоприобретателей по договору страхования ответственности D&O являются:

– превосходящая платежеспособность страховщика по сравнению с субъектом корпоративной ответственности;

– психологическая «обезличенность» страховщика;

– информационная асимметрия между страховщиком и участниками судебного спора о взыскании убытков с субъекта корпоративной ответственности;

– отсутствие у выгодоприобретателя заинтересованности в экономии средств страховщика.

5. Традиционные способы минимизации негативного влияния страхования на поведение застрахованных лиц неприменимы к выгодоприобретателям, поскольку основаны на договорных отношениях между страхователем и страховщиком и не могут возлагать обязанности на иных лиц.

Литература

1. Архипова А.Г. Безрассудное поведение (moral hazard) в страховании: классификация и способы контроля / А.Г. Архипова // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2023. – № 6. – С. 55–85.

2. Лаптев В.А. Взыскание убытков с руководителя и членов органов корпорации в случаях страхования их ответственности // Юрист. – 2025. – № 9. – С. 2–7.

3. Степанов Д.А. Моральный риск участника корпорации при страховании ответственности ее директора / Д.А. Степанов // Формирование многополярного мира: вызовы и перспективы: Сборник докладов XI Московского юридического форума (XXIV Международной научно-практической конференции). В 3-х частях, Москва, 08–12 апреля 2024 года. – Москва: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2024. – С. 96–99.

4. Baker T. Blood Money, New Money, and the Moral Economy of Tort Law in Action // Law & Society Review. – 2001. – Vol. 35, № 2. – P. 275–319. URL: https://www.jstor.org/stable/3185404 (дата обращения: 21.09.2026).

5. Baker T., Griffith S.J. How the Merits Matter: Directors' and Officers' Insurance and Securities Settlements // University of Pennsylvania Law Review. – 2007. – Vol. 157, № 3. – P. 755–832. URL: https://scholarship.law.upenn.edu/faculty_scholarship/118 (дата обращения: 21.09.2026).

6. Balafoutas L., Kerschbamer R., Sutter M. Second-Degree Moral Hazard in a Real-World Credence Goods Market: IZA Discussion Paper № 7714. – Bonn, 2013. – P. 6. URL: https://ssrn.com/abstract=2363201 (дата обращения: 21.09.2026).

7. Clendenin M. «No Concessions» with № Teeth: How Kidnap and Ransom Insurers and Insureds Are Undermining U.S. Counterterrorism Policy // Emory Law Journal. – 2007. – Vol. 56, № 3. – P. 741–775. URL: https://heinonline.org/HOL/LandingPage?collection=journals&handle=hein.journals/emlj56&div=26&id=&page= (дата обращения: 21.09.2026).

8. Core J.E. On the Corporate Demand for Directors' and Officers' Insurance // Journal of Risk and Insurance. – 1997. – Vol. 64, № 1. – P. 84. URL: https://www.jstor.org/stable/253822 (дата обращения: 21.09.2026).

9. Donelson D. C., Hopkins J.J., Yust C.G. The Cost of Disclosure Regulation: Evidence from D&O Insurance and Non-Meritorious Securities Litigation // Review of Accounting Studies. – 2018. – Vol. 23, № 2. – P. 528. URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s11142–017–9436–2 (дата обращения: 21.09.2026).

10. Federal Rules of Evidence, Rule 411. Liability Insurance [Электронный ресурс]. URL: https://www.law.cornell.edu/rules/fre/rule_411 (дата обращения: 21.09.2026).

11. Gillan S. L., Panasian C.A. On Lawsuits, Corporate Governance, and Directors' and Officers' Liability Insurance // Journal of Risk and Insurance. – 2015. – Vol. 82, № 4. – P. 805. URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/jori.12036 (дата обращения: 21.09.2026).

12. Parchomovsky G., Siegelman P. Third Party Moral Hazard and the Problem of Insurance Externalities // Journal of Legal Studies (forthcoming, 2022); U. of Penn., Inst. for Law & Econ. Research Paper № 22–12. URL: https://ssrn.com/abstract=3554010 (дата обращения: 21.09.2026).

13. Puchniak D.W. The Derivative Action in Asia: A Complex Reality // Berkeley Business Law Journal. – 2012. – Vol. 9, № 1. – P. 1–28. URL: https://ssrn.com/abstract=2256275 (дата обращения: 21.09.2026).

14. Tennyson S. Economic Institutions and Individual Ethics: A Study of Consumer Attitudes Toward Insurance Fraud // Journal of Economic Behavior & Organization. – 1997. – Vol. 32, № 2. – P. 260. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0167268196009043 (дата обращения: 21.09.2026).

15. West M.D. Why Shareholders Sue: The Evidence from Japan // The Journal of Legal Studies. – 2001. – Vol. 30, № 2. – P. 376. URL: https://www.journals.uchicago.edu/doi/10.1086/322056 (дата обращения: 21.09.2026).

THE IMPACT OF DIRECTORS AND OFFICERS LIABILITY INSURANCE (D&O) ON CLAIMANTS' BEHAVIOR

Stepanov D.A.
University of Justice named after V.M. Lebedev

The article examines the impact of Directors and Officers (D&O) liability insurance on the behavior of injured parties (claimants). The concept of third-party moral hazard, which has not yet received proper coverage in Russian legal scholarship, is analyzed. The article examines whether the existence of an insurance policy serves as an additional incentive for claimants to initiate legal proceedings for recovery of damages from directors and officers, as well as to bring frivolous claims against them. The research is conducted using the comparative legal method, analysis of empirical data from foreign studies, and a systematic approach. A definition of third-party moral hazard is formulated, the range of subjects is established, the causes of its occurrence are identified, and the forms of its manifestation are disclosed. The article demonstrates that traditional methods of combating the moral hazard of the policyholder cannot be fully applied to the moral hazard of claimants in D&O liability insurance, since they are based on contractual relations between the policyholder and the insurer, while claimants may not be parties to the contract.

Keywords: liability insurance, D&O, moral hazard, beneficiary, corporate governance, abuse of rights.

References

1. Arkhipova A.G. Reckless behavior (moral hazard) in insurance: classification and methods of control / A.G. Arkhipova // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. – 2023. – № 6. – pp. 55–85.

2. Laptev V.A. Recovery of losses from the head and members of the corporation's bodies in cases of liability insurance // Lawyer. – 2025. – № 9. – pp. 2–7.

3. Stepanov D.A. The moral risk of a corporation participant in the liability insurance of its director / D.A. Stepanov // Formation of a multipolar world: challenges and prospects: Collection of reports of the XI Moscow Legal Forum (XXIV International Scientific and Practical Conference). In 3 parts, Moscow, April 08–12, 2024. Moscow: O.E. Kutafin University Publishing Center (MGUA), 2024, pp. 96–99.

4. Baker T. Blood Money, New Money, and the Moral Economy of Tort Law in Action // Law & Society Review. – 2001. – Vol. 35, № 2. – P. 275–319. URL: https://www.jstor.org/stable/3185404 (date of access: 09/21/2026).

5. Baker T., Griffith S.J. How the Merits Matter: Directors' and Officers' Insurance and Securities Settlements // University of Pennsylvania Law Review. – 2007. – Vol. 157, № 3. – P. 755–832. URL: https://scholarship.law.upenn.edu/faculty_scholarship/118 (date of request: 09/21/2026).

6. Balafoutas L., Kerschbamer R., Sutter M. Second-Degree Moral Hazard in a Real-World Credence Goods Market: IZA Discussion Paper № 7714. – Bonn, 2013. – P. 6. URL: https://ssrn.com/abstract=2363201 (date of access: 09/21/2026).

7. Clendenin M. «No Concessions» with № Teeth: How Kidnap and Ransom Insurers and Insureds Are Undermining U.S. Counterterrorism Policy // Emory Law Journal. – 2007. – Vol. 56, № 3. – P. 741–775. URL: https://heinonline.org/HOL/LandingPage?collection=journals&handle=hein.journals/emlj56&div=26&id=&page= (accessed: 09/21/2026).

8. Core J.E. On the Corporate Demand for Directors' and Officers' Insurance // Journal of Risk and Insurance. – 1997. – Vol. 64, № 1. – P. 84. URL: https://www.jstor.org/stable/253822 (accessed: 09/21/2026).

9. Donelson D.C., Hopkins J.J., Yust C.G. The Cost of Disclosure Regulation: Evidence from D&O Insurance and Non-Meritorious Securities Litigation // Review of Accounting Studies. – 2018. – Vol. 23, № 2. – P. 528. URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s11142–017–9436–2 (date of request: 09/21/2026).

10. Federal Rules of Evidence, Rule 411. Liability Insurance [Electronic resource]. URL: https://www.law.cornell.edu/rules/fre/rule_411 (accessed: 09/21/2026).

11. Gillan S.L., Panasian C.A. On Lawsuits, Corporate Governance, and Directors' and Officers' Liability Insurance // Journal of Risk and Insurance. – 2015. – Vol. 82, № 4. – P. 805. URL: https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/jori.12036 (date of request: 09/21/2026).

12. Parchomovsky G., Siegelman P. Third Party Moral Hazard and the Problem of Insurance Externalities // Journal of Legal Studies (forthcoming, 2022); U. of Penn., Inst. for Law & Econ. Research Paper № 22–12. URL: https://ssrn.com/abstract=3554010 (accessed: 09/21/2026).

13. Puchniak D.W. The Derivative Action in Asia: A Complex Reality // Berkeley Business Law Journal. – 2012. – Vol. 9, № 1. – P. 1–28. URL: https://ssrn.com/abstract=2256275 (date of request: 09/21/2026).

14. Tennyson S. Economic Institutions and Individual Ethics: A Study of Consumer Attitudes Towards Insurance Fraud // Journal of Economic Behavior & Organization. – 1997. – Vol. 32, № 2. – P. 260. URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0167268196009043 (accessed: 09/21/2026).

15. West M.D. Why Shareholders Sue: The Evidence from Japan // The Journal of Legal Studies. – 2001. – Vol. 30, № 2. – P. 376. URL: https://www.journals.uchicago.edu/doi/10.1086/322056 (date of request: 09/21/2026).

Насцитурус в российском наследственном праве: развитие охраны интересов неродившегося ребенка и проблемы наследования детьми, зачатыми посмертно

Сычев Александр Игоревич,
аспирант кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева
E-mail: aisychew@gmail.com

Работа посвящена динамике правового регулирования положения детей, зачатых (в том числе с использованием вспомогательных репродуктивных технологий) после смерти генетического отца. На основе анализа практики высших судов за 2021–2025 гг. описывается, что за последние годы сформировалась устойчивая линия судебной практики, последовательно распространяющая на таких детей социальные гарантии и права присущие любому ребенку при том, что наследственное право по-прежнему формально исключает их из круга наследников по закону. Обосновывается тезис о том, что выявленный судами общий принцип – возникновение прав ребенка из факта его происхождения от умершего родителя независимо от момента установления и оформления этого происхождения с высокой вероятностью будет распространен и на наследственные правоотношения, и описываются условия, при которых такое распространение было бы юридически оправданным. Формулируются предложения по совершенствованию действующего законодательства.

Ключевые слова: наследственное право, насцитурус, зачатый ребенок, круг наследников, охрана интересов ребенка при разделе наследства.

Институт призвания к наследованию лиц, зачатых при жизни наследодателя, но родившихся после открытия наследства (насцитурусов) является классическим. Со времен римского права к наследованию призываются лица, зачатые при жизни наследодателя, но рожденные после его смерти. В этом случае действует принцип: для ребенка в утробе матери сохраняются все права, которые должны ему принадлежать в случае его рождения, в том числе и право наследования[1]. Отечественному правопорядку такой подход также известен давно, со времен Свода законов Российской империи. Между тем структурное ограничение, заложенное в этом институте, об исключении из круга наследников тех, кто зачат уже после смерти наследодателя при современном уровне развития репродуктивных технологий перестало быть чисто теоретическим вопросом. Криоконсервация половых клеток и эмбрионов делает юридически и технически возможным зачатие ребенка спустя месяцы и годы после смерти лица, чей биологический материал использован.

Настоящая работа ставит перед собой цель не столько описать существующее регулирование (оно достаточно кратко и в этом отношении небогато содержанием), сколько показать нечто более важное для практикующего юриста и законодателя – направление, в котором последние пять лет движется правоприменение. Суть исследования состоит в следующем: судебная практика, прежде всего практика Конституционного Суда РФ, не стоит на месте и год за годом, решение за решением, расширяет признание правовой связи между умершим отцом и ребенком, зачатым или рожденным после его смерти, – вначале в жилищном обеспечении, затем в деликтном праве и праве социального обеспечения. Наследственное право остается последней областью, которую эта тенденция пока не затронула прямо.

Особую актуальность данное исследование принимает в условиях продолжающейся специальной военной операции, поскольку многие военнослужащие обращаются в специализированные учреждения для замораживания своего биоматериала с целью последующего проведения процедуры ЭКО в их отсутствие.

Действующее регулирование рассматриваемого вопроса, по существу, укладывается в одну фразу закона: к наследованию по закону призываются граждане, «зачатые при жизни наследодателя и родившиеся живыми после открытия наследства» (п. 1 ст. 1116 ГК РФ). Насцитурус, таким образом, это фигура, чье зачатие обязательно должно предшествовать смерти наследодателя; ребенок, зачатый позднее, наследником по закону не становится ни при каких обстоятельствах.

Действующий Кодекс в этом отношении несколько либеральнее своих предшественников: в отличие от ГК РСФСР 1922 и 1964 гг., он не требует, чтобы насцитурус происходил именно от наследодателя, насцитурусом для целей ст. 1116 ГК РФ может быть, например, зачатый, но не родившийся брат наследодателя[2]. Однако момент зачатия как верхняя граница остается неизменным правилом на протяжении всей истории отечественного наследственного права. В литературе неоднократно отмечается, что с развитием репродуктивных технологий вопрос о судьбе детей, зачатых уже после момента открытия наследства с использованием биологического материала наследодателя, приобретает практическое значение, которого не могло быть ранее. Однако такие сигналы доктрины не воспринимаются законодателем и ст. 1116 ГК РФ в данной части не претерпела никаких изменений, направленных на разрешение достаточно остро стоящего вопроса о правах детей, зачатых после смерти наследодателя, даже несмотря на достаточно обширную судебную практику, направляющую вектор развития наследственного права в данной части именно в сторону признания их наследниками.

Если рассматривать хронологическую серию актов высших судов, то с 2019 года обнаруживается последовательное и не прерывающееся движение в одном направлении.

[1] Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации / под общей редакцией Е.Ю. Петрова. – Москва: М-Логос, 2018. С. 334.

[2] Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации / под общей редакцией Е.Ю. Петрова. – Москва: М-Логос, 2018. С. 74.

Сначала Определением от 18 марта 2019 г. по делу № 85-КГ18–22 Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ сформулировала принцип, впоследствии ставший опорным для всей последующей линии практики: правоотношения между ребенком и отцом (а также родственниками отца) возникают с момента рождения ребенка, а не со дня судебного установления отцовства. Иными словами, факт более позднего, в сравнении с моментом рождения, юридического оформления происхождения не должен «сдвигать» момент возникновения прав ребенка, так как эти права существуют объективно, с рождения, и лишь констатируются судом впоследствии[1].

Затем, постановлением от 14 декабря 2021 г. по делу № 52-П Конституционный Суд РФ признал не соответствующим Конституции РФ правило, исключавшее из состава семьи погибшего военнослужащего для целей жилищного обеспечения ребенка, родившегося после его гибели, при том что отцовство умершего в отношении такого ребенка признано семейным законодательством. Суд прямо указал, что формальная дата фиксации состава семьи не может служить основанием для дифференциации прав детей, если эта дифференциация не имеет объективного и разумного оправдания[2].

Далее постановлением от 2 марта 2023 г. по делу № 7-П Конституционный Суд РФ признал, что норма о возникновении правоспособности гражданина в момент рождения (п. 2 ст. 17 ГК РФ) не может служить основанием для отказа в компенсации морального вреда ребенку, родившемуся после смерти его отца. Отсутствие ребенка как субъекта права в момент причинения вреда более не рассматривается как непреодолимое препятствие для защиты его прав, производных от этого вреда. Более того, особого внимания заслуживает позиция Конституционного суда, изложенная в данном постановлении, закрепляющая, что в такой ситуации причинение неродившемуся ребенку морального вреда должно презюмироваться, что прямо вытекает из основных правовых принципов справедливости и равноправия, а также правовой логики и существа данной ситуации[3].

И наконец, постановлением от 11 февраля 2025 г. по делу № 6-П Конституционный Суд РФ сделал качественный шаг вперед, распространив логику предыдущих актов на случаи именно посмертной репродукции: часть 1 и 3 статьи 10 Федерального закона «О страховых пенсиях» признаны неконституционными в той мере, в какой они не предусматривают пенсию по случаю потери кормильца ребенку, «зачатому с помощью вспомогательных репродуктивных технологий после смерти» застрахованного супруга его матери, при условии, что при жизни это лицо выразило намерение иметь детей с использованием ВРТ, а отцовство впоследствии установлено в судебном порядке. Особое значение в данной ситуации имеет тот факт, что ребенок в этом деле был рожден по истечении трехсот дней с момента смерти отца, то есть за пределами презумпции отцовства по ст. 48 Семейного кодекса РФ, что не помешало суду признать его права. Но при всем этом, по моему мнению Конституционный суд в данной постановлении сделал очень важную оговорку, заключающуюся в обязательности зафиксированного и недвусмысленного выражения согласия отца на рождение детей даже в случае его смерти, которую нельзя не учитывать в последующем реформировании соответствующих правовых норм[4].

Дополнительным судебным актом, подтверждающим вышеизложенную направленность судов высших инстанции, является определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 18 мая 2026 г. по делу № 86-КГ26–3-К2, в котором рассматривая спор о выплатах в пользу дочери военнослужащего, чье отцовство установлено в судебном порядке после его смерти, было подтверждено право на получение выплат принадлежит ребенку с момента рождения, вне зависимости от того, когда именно отцовство было установлено юридически. Это решение показывает, что принцип, выведенный Конституционным Судом РФ, уже стал рабочим инструментом судов общей юрисдикции, а не остался декларацией на уровне абстрактного нормоконтроля[5].

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что наследственные права детей вне зависимости от того, рождены и (или) зачаты они до смерти наследодателя с установление отцовства после нее или же уже зачатые после нее с применение ВРТ не должны ставиться в более ущемленное положение по сравнению с иными наследниками и именно поэтому они должны обладать равными с ними правами именно с момента рождения.

Иной подход вызывал бы правовую дискриминацию, в результате которой дети одного и того же наследодателя, находящиеся в одинаковой степени родства с ним, обладали бы различным объемом имущественных прав исключительно по формальным основаниям.

Показанная линия судебной практики обнаруживает не случайный набор разрозненных решений, а системное движение, в основе которого лежит единый принцип: правовая связь ребенка с умершим родителем и производные от нее права возникают из факта происхождения (в том числе установленного судом впоследствии либо основанного на прижизненно выраженной воле умершего), а не из момента и способа оформления этой связи. Данный принцип последовательно распространен Конституционным Судом РФ на жилищное обеспечение (2021), деликтные обязательства (2023) и право социального обеспечения, включая прямо случаи посмертной репродукции (2025).

Примечательно, что во всех приведенных делах заявителями выступали дети (в лице законных представителей), требовавшие признания прав в социальной, жилищной или деликтной сфере, но ни в одном из них прямо не ставился вопрос о включении такого ребенка в круг наследников по закону. Это можно объяснить прикладной причиной: срок исковой давности и сама процедура наследования (шестимесячный срок принятия наследства) на практике делают такой спор менее вероятным, чем спор о длящейся социальной выплате. Однако с точки зрения материального права зазор между наследственным правом, с одной стороны, и деликтным или правом социального обеспечения, с другой, выглядит все менее оправданным: если ребенок, зачатый посмертно, признается связанным с умершим для целей пенсии по случаю потери кормильца, то есть для целей замещения дохода умершего кормильца, то трудно найти убедительное объяснение тому, почему та же правовая связь не порождает права на долю в имуществе того же кормильца.

Единственным содержательным аргументом против автоматического распространения такого подхода на наследственное право выступает необходимость обеспечения правовой определенности оборота: в отличие от текущей пенсионной выплаты, которая может быть присуждена и после длительного разбирательства без ущерба третьим лицам, раздел и оборот наследственного имущества требуют временной определенности, а открытые наследственные дела не могут оставаться неопределенно долго в ожидании гипотетического зачатия ребенка от умершего. Именно поэтому, как мной обращено внимание, разумным решением видится не безусловное применение такого похода, а его применение с дополнительными процессуальными ограничителями.

Также, существенным практическим вопросом, касающимся прав насцитурусов на наследственное имущество, является проблема появления ситуаций в которых о его наличии не знали ни иные наследники, ни нотариус, тем более в ситуации если ребенок зачат даже не при жизни наследодателя. Представляется разумным посвятить подробному разбору данной проблематики отдельную работу, однако для настоящей статьи имеет смысл сформулировать сжатую позицию, соотносящуюся с избранной темой. Действующее регулирование не дает ответа на вопрос о последствиях раздела наследства, произведенного без учета зачатого, но еще не родившегося наследника, если о его существовании не было известно ни нотариусу, ни другим наследникам, а такая ситуация вполне вероятна, поскольку закон не предусматривает механизма выявления факта беременности при оформлении наследственных прав и целиком полагается на добровольное раскрытие этой информации. На сегодняшний день ни действующее законодательство, ни судебное правотворчество не раскрывают правовые последствия уже совершенного распределения наследственной массы в такой ситуации. Логика ст. 168 ГК РФ подталкивает к выводу о ничтожности такого раздела как нарушающего императивную норму, установленную в интересах третьего лица, –однако этот вывод не апробирован практикой и, что самое главное, представляется избыточным способом защиты, явно нарушающим права добросовестных наследников. Оптимальным способом разрешения таких ситуаций видится применение правовой конструкции схожей с защитой обязательной доли в наследстве, не безусловная ничтожность раздела, а соразмерное перераспределение долей (либо взыскание стоимости причитающейся доли) в пользу родившегося впоследствии наследника, поскольку наследственное имущество делится поровну между наследниками призываемой очереди[6].

[1] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 18 марта 2019 г. по делу № 85-КГ18–22.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 14 декабря 2021 г. по делу № 52-П.

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 2 марта 2023 г. по делу № 7-П.

[4] Постановление Конституционного Суда РФ от 11 февраля 2025 г. по делу № 6-П.

[5] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 18 мая 2026 г. по делу № 86-КГ26–3-К2.

[6] Гражданское право: Учебник. В 2 т. / Под ред. Б.М. Гонгало. Т. 1. 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Статут, 2017. – 511 с. С. 448

С учетом выявленной тенденции и вытекающего из нее конституционного принципа представляется обоснованным следующее направление реформы п. 1 ст. 1116 ГК РФ.

Во-первых, целесообразно ввести специальное, узко очерченное исключение из правила об исключении из круга наследников по закону детей, зачатых после открытия наследства, для случаев зачатия ребенка наследодателя посредством ВРТ с использованием его криоконсервированного биологического материала, по модели, уже апробированной Конституционным Судом РФ в Постановлении № 6-П: (а) прижизненно выраженное в надлежащей форме намерение наследодателя стать родителем посредством применения ВРТ; (б) последующее судебное установление происхождения ребенка от наследодателя. Перенос именно этих двух условий из судебного спора касающегося права социального обеспечения в наследственное право обеспечивает содержательную и терминологическую последовательность правового регулирования.

Во-вторых, ввиду отмеченной выше потребности в правовой определенности оборота, право такого ребенка следовало бы ограничить разумным пресекательным сроком для рождения, исчисляемым с момента открытия наследства (например, до трех лет), с сохранением уже известного закону механизма приостановления выдачи свидетельства о праве на наследство (по аналогии с п. 3 ст. 1163 ГК РФ) на период, когда факт применения ВРТ уже заявлен, но ребенок еще не родился. Применение подхода с приостановлением процедуры оформления наследства достаточно целесообразно, ведь он применятся и в аналогичной ситуации, даже когда ребенок на момент смерти наследодателя уже зачат, но еще не родился, ведь на момент открытия наследства неизвестно, родится ли ребенок живым или нет[1].

В-третьих, независимо от изменения текста ст. 1116 ГК РФ, судам и нотариусам следует уже сегодня учитывать выявленный Конституционным Судом РФ принцип при толковании смежных норм наследственного права (в частности, при оценке действительной воли завещателя, прямо выразившего при жизни намерение иметь детей посредством ВРТ), не дожидаясь законодательной реформы, поскольку правовые позиции Конституционного Суда РФ обязательны для всех правоприменителей уже в силу их вынесения на основании ст. 6 ФКЗ.

Проведенный анализ показывает, что за период с 2019 по 2026 г. в практике высших судов последовательно, сформировался устойчивый принцип: права ребенка, связанные с личностью умершего родителя, будь то жилищное обеспечение, компенсация морального вреда или пенсия по случаю потери кормильца, производны от факта происхождения ребенка от этого родителя, а не от момента и процедуры юридического оформления такого происхождения. Это не единичное решение, а именно тенденция, то есть развитие, наблюдаемое на протяжении семи лет, включая прямое распространение принципа на случаи посмертной репродукции. Наследственное право, где действует буквальное и не пересматривавшееся с 2002 г. правило п. 1 ст. 1116 ГК РФ, остается на сегодняшний день единственной областью, прямо не охваченной этой тенденцией, что, при сохранении набранной практикой инерции, следует расценивать не как окончательное состояние регулирования, а как временный и, по всей видимости, преодолимый пробел.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 49. ст. 4552.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Российская газета. – 1996.
3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 18 марта 2019 г. по делу № 85-КГ18–22.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 декабря 2021 г. по делу № 52-П.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 2 марта 2023 г. по делу № 7-П.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 11 февраля 2025 г. по делу № 6-П.
7. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 18 мая 2026 г. по делу № 86-КГ26–3-К2.
8. Наследственное право (Включая наследственные фонды, наследственные договоры и совместные завещания) / П.В. Крашенинников. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2021. С. 187.
9. Гражданское право: Учебник. В 2 т. / Под ред. Б.М. Гонгало. Т. 1. 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Статут, 2017. – 511 с. С. 462.
10. Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации / под общей редакцией Е.Ю. Петрова. – Москва: М-Логос, 2018. С. 74, 334.

NASCITURUS IN RUSSIAN INHERITANCE LAW: THE DEVELOPMENT OF LEGAL PROTECTION OF THE INTERESTS OF THE UNBORN CHILD AND THE PROBLEMS OF SUCCESSION BY POSTHUMOUSLY CONCEIVED CHILDREN

Sychev A.I.
Ural State Law University named after V.F. Yakovleva

This paper examines the evolution of the legal regulation of the status of children conceived (including through the use of assisted reproductive technologies) after the death of their genetic father. Based on an analysis of the case law of the highest courts from 2021 to 2025, it demonstrates that, in recent years, a consistent line of judicial practice has emerged, progressively extending to such children the social guarantees and rights inherent in every child, while inheritance law continues formally to exclude them from the class of intestate heirs. The paper substantiates the proposition that the general principle identified by the courts – namely, that a child's rights arise from the fact of their descent from a deceased parent, irrespective of when such descent is established and legally recorded – is highly likely to be extended to inheritance relationships as well. It further examines the conditions under which such an extension would be legally justified. Finally, proposals are put forward for improving the existing legislation.

Keywords: inheritance law, nasciturus, conceived child, circle of heirs, protection of the child's interests in the partition of the estate.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part Three) of November 26, 2001, № 146-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. № 49. Art. 4552.
2. Family Code of the Russian Federation of December 29, 1995, № 223-FZ // Rossiyskaya Gazeta. 1996.
3. Ruling of the Civil Cases Panel of the Supreme Court of the Russian Federation of March 18, 2019, in Case № 85-KG18–22.
4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 14, 2021, in Case № 52-P.
5. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 2, 2023, in Case № 7-P.
6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 11, 2025, in Case № 6-P.
7. Ruling of the Civil Cases Panel of the Supreme Court of the Russian Federation of May 18, 2026, in Case № 86-KG26–3-K2.
8. Krasheninnikov, P.V. Inheritance Law (Including Inheritance Funds, Inheritance Agreements and Joint Wills). 5th ed., revised and expanded. Moscow: Statut, 2021. P. 187.
9. Civil Law: Textbook. In 2 vols. / Edited by B.M. Gongalo. Vol. 1. 2nd ed. revised and expanded. Moscow: Statut, 2017. 511 Pp. P. 462.
10. Inheritance Law: Article-by-Article Commentary on Articles 1110–1185 and 1224 of the Civil Code of the Russian Federation / Edited under the general supervision of E. Yu. Petrov. Moscow: M–Logos, 2018. Pp. 74, 334.

[1] Наследственное право (Включая наследственные фонды, наследственные договоры и совместные завещания) / П.В. Крашенинников. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2021. С. 187.

Конвергенция правовых режимов авторского и патентного права

Филипенко Яна Владиславовна,
студент ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ»
E-mail: yana_vladisl@mail.ru

В данной статье исследуется проблема конвергенции правовых режимов авторского и патентного права, проявление которых отражено в защите и появлении гибридных объектов. Проанализировав отечественную и зарубежную судебную практику, сложилось мнение, что конвергенция правовых систем является объективной тенденцией. Тем не менее, осуществление создания единой системы интеллектуальной собственности затмевает существенные характеристики авторских и патентных прав. Это создает благоприятные условия для злоупотреблений.

Ключевые слова: конвергенция, авторское право, патентное право, промышленный образец, произведение искусства, кумулятивная охрана, искусственный интеллект, NFT.

Авторское и патентное право понимаются как самостоятельные системы институты гражданского права. Они имеют существенные различия по объекту, основаниях возникновения прав и объеме охраны. По данной теории, авторское право в основном защищает форму произведения, тогда как изобретательское право защищает содержание произведения. Авторское право возникает с момента создания произведения в объективной форме. В то время как патентная охрана требует процедуру проверки квалификации компетентным органом.

В настоящее время правовые системы продемонстрировали устойчивую тенденцию к сближению и слиянию. Это поднимает главный вопрос: является ли конвергенция закона об авторском и патентном праве фактическим результатом прогресса технологий или данный факт подтолкнет к утрате основных характеристик каждой системы?

Предпосылки конвергенции связаны главным образом с появлением гибридных объектов, которые требуют особого правового подхода. Подходящим примером такого объекта является промышленный дизайн. Произведения дизайна, указанные в п. 1 ст. 1259 ГК РФ как объект авторского права, могут одновременно охраняться как промышленный образец. Е.П. Гаврилов подмечает следующее: «отделить промышленные образцы от авторских произведений никогда не удастся»[1]. Когда один и тот же объект охраняется как авторским, так и патентным правом, создается возможность для кумулятивной защиты. В некотором роде это расширяет возможности правообладателя, но и так же создает риск недобросовестных деяний и множественных претензий, как это происходит при фрагментации исключительных прав в доверительном управлении.

Зарубежная доктрина для преодоления данной проблемы разработала теорию утилитарной функциональности. Из практики судов США следует, что утилитарный объект в целом не охраняется авторским правом. Но можно сказать, что отдельные элементы промышленного образца могут охраняться как оригинальные произведения. Однако данный стандарт не является единообразным. Существуют трудности в его применении. Поэтому необходим более четкий регламент по обеспечению его соблюдения.

Конвергенция технологий стирает границы между традиционным авторским и патентным правом. Так объекты, которые были созданы с применением искусственного интеллекта, по формальным критериям могут быть отнесены к охраняемым авторским правам.

Рассмотрим один из кейсов Пресненского районного суда города Москвы. Автор иска заявил о том, что переработал в нейросети репродукции картины «Мона Лиза» («Джоконда») Леонардо да Винчи и фотографии Статуи Свободы. В результате у него получились арт-объекты «Мона Лиза с вином» и «Статуя Свободы с вином», ответчик использовал их на футболках, худи, свитшотах и термостаканах, которые продавал на своем сайте. Истец просил суд взыскать с индивидуального предпринимателя компенсацию за нарушение исключительных прав автора на произведения дизайна. В решении суд отметил, что «Представленные истцом объекты не могут являться самостоятельными объектами авторского права, подлежащего защите, поскольку дача команд для искусственного интеллекта представляет собой простые механические действия, носит исключительно технический характер. В данном случае дача команд компьютерной программе применить уже существующую идею (неоднократно реализованную) к ранее существующему произведению не может расцениваться как творческий вклад». Тем самым суд отклонил исковые требования[2].

Из данной практики следует, что авторское право защищает творческий вклад автора, а патентное право – техническое решение. Правовую неопределенность можно дополнить рядом режимов специальной защиты, аналогичной практике топологии интегральных микросхем или селекционных достижений.

Сложности конвергенции выражаются в риске утери основных особенностей авторского права. В цивилистической доктрине отмечается цель авторского права: защита авторского права и правообладателя от плагиата как исключительного права на произведение. Цель патентного права: создание особого режима защиты для изобретения,

[1] Гаврилов Э.П. Правовая охрана промышленных образцов в России: прошлое, настоящее, будущее // Патенты и лицензии. – 2014. – № 5. – С. 13–18.

[2] ИИ и авторское право: суд отказал в защите изображений, созданных с помощью нейросетей [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 2026.

который может быть сосредоточен в основном на его использовании в производстве. Авторское право основано на презумпции оригинальности. То есть независимое создание произведения автором. Данный принцип отрицает возможность создания нескольких произведений одновременно. Каждая работа уникальна и неповторима, потому что она отражает личный почерк автора. В патентном праве дела обстоят иначе. Тут имеет место быть возможность создания идентичных технических решений разными авторами. Слияние этих подходов может привести утере оригинальности, которое приведет к снижению защиты авторских прав.

Слияние личных имущественных и неимущественных прав также является довольно серьезной проблемой. Обычно, авторское право состоит из вышеуказанных прав равномерно. В то время над патентным правом преобладает имущественный аспект. В законе об авторском праве закреплено право следования, которое не имеет аналогов в патентном праве, так как оно связано с автором и произведением духовно.

Дело испанского бренда Mango показывает, как попытка оцифровать произведения искусства и преобразовать их в NFT для коммерческого использования без согласия автора столкнулись с обвинениями в нарушении авторских прав. В честь открытия бутика, Mango оцифровала пять картин из своей личной коллекции и загрузила их на платформу OpenSea, а также представила их в этом формате на мероприятии. Хотя эти NFT нельзя было купить или скачать, управляющая организация сочла это несанкционированным использованием охраняемых авторским правом произведений и подала на компанию в суд за нарушение авторских прав. Суд признал, что такие действия нарушают не только имущественные права, но и права авторов. В конечном итоге Mango обязали выплатить компенсацию. Также суд запретил повторение подобных практик в будущем[1].

Перейдем к делу Hermès и художника Мейсона Ротшильда, которое показывает другое проявление конвергенции, а именно защиту товарных знаков в цифровой среде. Бренд Hermès выиграл судебный иск против художника Мейсона Ротшильда за создание и продажу 100 NFT сумок – цифровых копий, которые напоминают сумки марки Hermès Birkin. Французский модный дом считал, что произведения художника NFT могут ввести в заблуждение потребителя. Таким образом, вызов перед судом заключался в ответе на вопрос о том, что такое NFT – активы или произведения искусства. Суд вынес решение в пользу Hermès по делу о нарушении товарного знака. Данное дело является важнейшим прецедентом в судебной практике, касающейся защиты товарных знаков в метавселенной. Вопрос о том, является ли невзаимозаменяемый токен произведением искусства или же активом, в этом случае решен американским судом однозначно: создатели NFT должны учитывать авторские права[2].

Таким образом, анализ показывает, что конвергенция между авторским и патентным правом является следствием технологических преобразований и появления гибридных объектов. Но сближение этих систем носит функциональный, а не материальный характер. Отличия между институтами неустранимы, так как авторское право направлено на защиту творчества и ее выражения, а патентное право охраняет техническое решение. Слияние данных систем приведет к потере оригинальности как принципа авторского права и критериев его защиты.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 52 (ч. 1). – Ст. 5496.

2. Синицын С.А. Сравнительное патентное право: актуальные проблемы. – М.: Инфотропик Медиа, 2022. – 416 с.

3. Гаврилов Э.П. Правовая охрана промышленных образцов в России: прошлое, настоящее, будущее // Патенты и лицензии. – 2014. – № 5. – С. 13–18.

4. Никифоров, А.А. На пути к балансу между охраной имущественных прав и свободой творчества (исторический анализ зарубежного развития института производных произведений) (окончание) / А.А. Никифоров // Вестник гражданского права. – 2025. – Т. 25, № 4. – С. 189–212.

5. Иванов А.А. Цифровизация и вещные права. Фрагмент из цикла лекций «Гражданское право и цифровизация» // Закон. 2023. № 7. С. 43–52.

6. Близнец И.А. Депонирование в условиях цифровых технологий: за и против: монография / отв. ред. В.В. Гриб. – Москва: Проспект, 2025. – 80 с.

7. Решение Пресненского районного суда г. Москвы по делу № 02–4220/2025 от 19 марта 2026 г. [Электронный ресурс] // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: https://www.mos-gorsud.ru/rs/presnenskij/services/cases/civil/details/06639510-d1b5–11ef-acee-ffdb7619fac1.

8. ИИ и авторское право: суд отказал в защите изображений, созданных с помощью нейросетей [Электронный ресурс] // РИА Новости. – 2026.

9. NFT Day and Copyright: Lessons from the Mango vs. VEGAP Case [Электронный ресурс] // Cecamagan: [блог]. – 2025.

10. Johnson H. Case Review: Hermès International v. Rothschild // Center for Art Law.

CONVERGENCE OF COPYRIGHT AND PATENT LAW

Filipenko Ya.V.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This article examines the convergence of copyright and patent law regimes, which is reflected in the protection and emergence of hybrid objects. Based on an analysis of domestic and international judicial practice, it is concluded that the convergence of legal systems is an objective trend. However, the creation of a unified intellectual property system obscures the essential characteristics of copyright and patent rights. This creates favorable conditions for abuse.

Keywords: convergence, copyright, patent law, industrial design, works of art, cumulative protection, artificial intelligence, NFTs.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part Four) № 230-FZ dated December 18, 2006 (as amended on July 23, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2006. – № 52 (Part 1). – Art. 5496.

2. Sinitsyn S.A. Comparative Patent Law: Current Issues. – Moscow: Infotropic Media, 2022. – 416 p.

3. Gavrilov E.P. Legal Protection of Industrial Designs in Russia: Past, Present, and Future // Patents and Licenses. – 2014. – № 5. – P. 13–18.

4. Nikiforov A.A. Towards a Balance Between the Protection of Property Rights and Freedom of Creativity (A Historical Analysis of the Development of the Institution of Derivative Works Abroad) (Conclusion) / A.A. Nikiforov // Bulletin of Civil Law. – 2025. – Vol. 25, № 4. – P. 189–212.

5. Ivanov A.A. Digitalization and Rights in Rem. Excerpt from the lecture series «Civil Law and Digitalization» // Zakon. 2023. № 7. P. 43–52.

6. Bliznets I.A. Deposition in the Context of Digital Technologies: Pros and Cons: Monograph / Ed. by V.V. Grib. – Moscow: Prospekt, 2025. – 80 p.

7. Decision of the Presnensky District Court of Moscow in Case № 02–4220/2025 dated March 19, 2026 [Electronic resource] // Official Portal of Courts of General Jurisdiction of the City of Moscow. URL: https://www.mos-gorsud.ru/rs/presnenskij/services/cases/civil/details/06639510-d1b5–11ef-acee-ffdb7619fac1.

8. AI and Copyright: Court Denies Protection for Images Created Using Neural Networks [Electronic resource] // RIA Novosti. – 2026.

9. NFT Day and Copyright: Lessons from the Mango vs. VEGAP Case [Electronic resource] // Cecamagan: [blog]. – 2025.

10. Johnson H. Case Review: Hermès International v. Rothschild // Center for Art Law.

[1] NFT Day and Copyright: Lessons from the Mango vs. VEGAP Case [Электронный ресурс] // Cecamagan: [блог]. – 2025.

[2] Johnson H. Case Review: Hermès International v. Rothschild // Center for Art Law.

Вознаграждение посредника и зачёт встречных требований: риски двойного платежа и защита агента/комиссионера

Чекмарев Максим Юрьевич,
аспирант, Волгоградский государственный университет (ВолГУ)

В статье рассматривается проблема соотношения вознаграждения посредника и механизма зачёта встречных требований применительно к риску двойного платежа. Анализируется правовая природа удержания комиссионером причитающихся ему сумм из средств, поступивших для комитента, с учётом разграничения зачёта и сальдирования, сформированного судебной практикой. Исследуются процессуальные аспекты защиты агента и комиссионера, включая бремя доказывания и последствия отсутствия своевременного волеизъявления о зачёте. Обосновывается вывод о том, что конструкция зачёта, предусмотренная статьёй 997 Гражданского кодекса, требует активного поведения посредника и не может рассматриваться как автоматическое прекращение обязательств.

Ключевые слова: посредничество, агентский договор, договор комиссии, зачёт встречных требований, сальдирование, вознаграждение посредника, двойной платёж, защита агента, защита комиссионера.

Посредническая деятельность занимает существенное место в современном имущественном обороте. Агенты и комиссионеры выступают связующим звеном между производителями товаров, работ, услуг и их потребителями, обеспечивая продвижение продукции, поиск контрагентов, совершение сделок и проведение расчётов. Специфика правового положения посредника состоит в том, что он действует в интересах и за счёт принципала или комитента, однако при этом сам является самостоятельным участником гражданского оборота, наделённым собственными правами и обязанностями. Одним из ключевых элементов возмездности посреднических отношений выступает право посредника на получение вознаграждения, а также на возмещение понесённых расходов.

Особенность расчётных отношений между посредником и его контрагентом по основному договору (принципалом или комитентом) заключается в том, что денежные средства, причитающиеся последнему, нередко поступают в распоряжение посредника. Это создаёт объективную основу для применения механизма зачёта встречных требований, поскольку у посредника возникает право требования вознаграждения, а у принципала или комитента – право требования перечисления полученных сумм. Законодательство прямо предусматривает такую возможность для комиссионера: согласно статье 997 Гражданского кодекса Российской Федерации, комиссионер вправе в соответствии со статьёй 410 Кодекса удержать причитающиеся ему по договору комиссии суммы из всех сумм, поступивших к нему за счёт комитента. Однако реализация этого права сопряжена с существенными рисками, центральным из которых является риск двойного платежа. Ситуация, когда посредник, полагая, что его требование о вознаграждении прекращено зачётом, не перечисляет соответствующую сумму принципалу, а впоследствии суд признаёт зачёт несостоявшимся, влечёт обязанность произвести выплату повторно – уже за счёт собственных средств. Аналогичным образом принципал, получивший от посредника сумму, уменьшенную на размер вознаграждения, может столкнуться с требованием о перечислении полной суммы, если посредник не сможет доказать правомерность произведённого удержания.

Для правильного понимания природы удержания посредником причитающегося ему вознаграждения необходимо прежде всего разграничить две близкие, но принципиально различные правовые конструкции: зачёт встречных требований и сальдирование (установление завершающей обязанности одной из сторон).

Зачёт встречных требований представляет собой способ прекращения обязательств, урегулированный статьёй 410 Гражданского кодекса. Для его применения необходимо соблюдение трёх условий: встречность требований, их однородность и наступление срока исполнения по активному требованию. Зачёт совершается по заявлению одной из сторон, то есть требует волеизъявления. Как отмечается в доктрине, зачёт примечателен тем, что не влечёт перемещения чего-либо в материальной сфере, преобразование происходит исключительно в идеальной сфере, а сделка по зачёту является правопрекращающей, не порождающей новых прав. Зачёт позволяет стороне как бы исполнить своё обязательство, избежав риска не получить исполнение от контрагента [1].

Сальдирование, в отличие от зачёта, не требует волеизъявления сторон и осуществляется автоматически в силу договора, устанавливающего условие о схлопывании взаимных предоставлений. Как разъяснено в судебной практике, сальдирование возможно только в отношении однородных требований, возникающих из одного договора или нескольких взаимосвязанных договоров, либо при наличии договорённости сторон об объединении расчётов. В результате сальдирования не происходит реального движения актива от должника в пользу кредитора; действия сторон носят сверочный характер. Это разграничение имеет прямое значение для посреднических отношений. В определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 27 октября 2020 года № 305-ЭС20–10019 по делу № А40–159817/2019 была сформулирована позиция, согласно которой условие об удержании суммы комиссионного вознаграждения не может быть квалифицировано как зачёт требований в рамках договора комиссии, поскольку относится к порядку расчётов сторон. Суд указал, что при систематическом нарушении комитентом усло-

вий договора относительно сроков поставки оборудования и многочисленных претензиях к качеству заказчик применил к комиссионеру санкции и удержал их из предусмотренных контрактом платежей. Это удержание было квалифицировано не как зачёт, а как элемент порядка расчётов.

Однако подобная квалификация не является бесспорной. В доктрине справедливо отмечается, что в ряде норм Гражданского кодекса содержатся указания на применение статьи 410 о зачёте, притом что по сути имеет место сальдирование; наиболее ярким примером является как раз удержание суммы комиссионного вознаграждения из суммы платежа, причитающегося комитенту. Статья 997 Кодекса прямо отсылает к статье 410, что свидетельствует о законодательном признании зачётной природы удержания.

Практическое значение этого разграничения состоит в следующем. Если удержание вознаграждения квалифицируется как элемент порядка расчётов (сальдирование), оно происходит автоматически, и посредник не обязан совершать каких-либо дополнительных действий для его осуществления. Если же речь идёт о зачёте, необходимо активное волеизъявление, и его отсутствие влечёт сохранение обязательства по перечислению полной суммы. Как подчёркивал Президиум Высшего Арбитражного Суда, статья 997 не исключает правило о необходимости делать заявление о зачёте, а напротив, прямо указывает на право комиссионера удерживать причитающиеся ему суммы с соблюдением требований статьи 410 [2].

Вознаграждение агента или комиссионера представляет собой денежное требование, возникающее из договора и подлежащее уплате принципалом или комитентом. Одновременно у посредника возникает обязанность передать последнему денежные средства, полученные от третьих лиц по сделкам, совершённым во исполнение поручения. Эти два требования являются встречными и однородными (денежными), что создаёт предпосылки для их зачёта.

Судебная практика последовательно признаёт за агентом право на прекращение обязанности по передаче полученных от третьего лица сумм зачётом встречного требования к принципалу по оплате вознаграждения. При этом отмечается, что отсутствие у поверенного правомочия, аналогичного праву комиссионера на удержание вознаграждения из полученных для доверителя сумм, не означает невозможности применения общих положений обязательственного права. Согласно статье 410 Кодекса обязательство прекращается полностью или частично зачётом встречного однородного требования, срок которого наступил; для зачёта достаточно заявления одной стороны. Важно подчеркнуть, что предметом зачёта может быть не только вознаграждение в узком смысле, но и иные суммы, причитающиеся посреднику. Однако здесь необходимо учитывать ограничения, установленные законом. Комиссионер вправе удержать из поступивших к нему сумм комитента лишь свои расходы и агентское вознаграждение, но не договорной штраф. Штрафная санкция не может быть удержана из суммы предварительной оплаты в силу статьи 410, поскольку эти требования неоднородны. Это ограничение имеет принципиальное значение: оно показывает, что не всякое денежное требование посредника к принципалу может быть предметом зачёта против суммы, поступившей для последнего [3].

Вопрос о моменте, с которого зачёт считается совершённым, также имеет существенное практическое значение. Обязательства считаются прекращёнными зачётом в размере наименьшего из них не с момента получения заявления о зачёте, а с момента, в который обязательства стали способными к зачёту. Если срок исполнения активного и пассивного требований наступил до заявления о зачёте, обязательства считаются прекращёнными с момента наступления срока исполнения обязательства, который наступил позднее, независимо от дня получения заявления. Это означает, что посредник, своевременно заявивший о зачёте, может ретроспективно считаться исполнившим свою обязанность перед принципалом [4, 5].

Риск двойного платежа в контексте рассматриваемой проблематики возникает в ситуациях, когда посредник полагает, что его обязательство по перечислению полученных сумм прекращено зачётом, однако впоследствии выясняется, что зачёт не состоялся или не может быть признан действительным. В результате посредник оказывается обязанным перечислить принципалу полную сумму, включая ту часть, которую он уже удержал в качестве вознаграждения.

Первое и наиболее очевидное основание возникновения этого риска – отсутствие надлежащего волеизъявления о зачёте. Как было показано выше, статья 997 Гражданского кодекса, хотя и говорит об удержании, не отменяет требования о заявлении о зачёте. Если комиссионер не направил комитенту соответствующее уведомление, суд может признать, что обязательство по перечислению полной суммы сохранилось. В постановлении Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 14 февраля 2006 года № Ф03-А59/05–1/4354 было прямо указано, что ответчик не направлял истцу заявление о зачёте, в связи с чем доводы о праве на удержание спорной суммы были отклонены. Второе основание связано с оспариванием зачёта в рамках дела о банкротстве. Если в отношении одной из сторон возбуждено дело о несостоятельности, зачёт может быть оспорен по специальным основаниям, предусмотренным законодательством о банкротстве. В частности, в деле № А40–159817/2019 суды указали на запрет, установленный абзацем седьмым пункта 1 статьи 63 Закона о банкротстве, в связи с чем довод ответчика о сложившемся в его пользу сальдо взаимных предоставлений по договору комиссии был отклонён. В условиях банкротства риск двойного платежа трансформируется в риск полной потери удержанной суммы, которая может быть взыскана в конкурсную массу [6, 7].

Третье основание – оспаривание зачёта как сделки с предпочтением. Если зачёт совершён в пределах шестимесячного срока до принятия заявления о признании должника банкротом и при наличии признаков неплатёжеспособности, он может быть признан недействительным, если повлёк предпочтительное удовлетворение требований одного кредитора перед другими. В этом случае посредник, получивший удовлетворение своего требования о вознаграждении через зачёт, будет обязан вернуть полученное в конкурсную массу, а его требование к принципалу будет включено в реестр на общих основаниях. Четвёртое основание – наличие спора о размере вознаграждения или об обоснованности его удержания. Если принципал оспаривает право посредника на вознаграждение полностью или в части, зачёт может быть признан недействительным в соответствующей части. Например, если суд установит, что услуги фактически не были оказаны или оказаны ненадлежащим образом, требование о вознаграждении может быть признано отсутствующим, и удержание утратит основание.

Наконец, пятое основание – несоблюдение условия однородности. Как отмечалось, не всякое денежное требование посредника может быть зачтено против суммы, поступившей для принципала. Если удержанная сумма представляет собой не вознаграждение или расходы, а, например, неустойку или штраф, зачёт может быть признан несостоявшимся по мотиву неоднородности требований.

Минимизация риска двойного платежа обеспечивается несколькими правовыми механизмами, которые можно условно разделить на договорные, документарные и процессуальные.

Договорные механизмы предполагают включение в текст агентского договора или договора комиссии положений, прямо регулирующих порядок расчётов и удержания вознаграждения. Наиболее надёжным решением является формулирование условия о том, что вознаграждение посредника считается удержанным из сумм, поступивших для принципала, с момента их поступления, и что стороны рассматривают такое удержание как элемент порядка расчётов, не требующий отдельного заявления о зачёте. Такая формулировка, хотя и не гарантирует безусловной квалификации отношений как сальдирования, существенно снижает риск оспаривания. Альтернативный подход – прямое указание на право посредника на удержание с одновременным признанием принципалом наличия встречного требования по вознаграждению. Это создаёт определённость в отношении структуры взаимных обязательств и облегчает доказывание условий зачёта [8].

Документарные механизмы связаны с надлежащим оформлением удержания. Даже если договор не содержит специальных условий, посредник может защитить свои интересы путём направления принципалу уведомления о зачёте. Такое уведомление должно содержать чёткое указание на встречные требования, их основания и размеры, а также на намерение прекратить обязательство зачётом. Своевременное направление уведомления (до возникновения спора или возбуждения дела о банкротстве) существенно повышает вероятность признания зачёта действительным. В судебной практике встречаются примеры, когда именно отсутствие уведомления о зачёте послужило основанием для отказа в признании удержания правомерным. Кроме того, целесообразно формирование доказательственной базы, подтверждающей реальность оказания посреднических услуг и обоснованность размера вознаграждения. Отчёты агента, акты об оказании услуг, переписка с принципалом, документы о сделках с третьими лицами – все эти материалы могут быть использованы для подтверждения наличия встречного требования в случае спора [9, 10].

Процессуальные механизмы защиты включают своевременное заявление о зачёте в рамках судебного разбирательства. Согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда, обязательства могут быть прекращены зачётом после предъявления иска по одному из требований. В этом случае сторона вправе заявить о зачёте как во встречном иске, так и в возражении на иск; юридические и фактические основания возражения исследуются судом равным образом. Это означает, что даже

если посредник не направил уведомление о зачёте до суда, он может заявить о зачёте в процессе, и суд обязан рассмотреть это заявление по существу.

Важно также учитывать, что бремя доказывания обоснованности удержания лежит на посреднике. Именно он должен представить доказательства наличия встречного требования, его однородности и наступления срока исполнения. В определённых ситуациях бремя доказывания может смещаться: указывающий на мнимость сделок должен представлять соответствующие доказательства, но другая сторона, настаивающая на наличии обязательства, должна подтвердить его реальное экономическое содержание. Это правило имеет значение при оспаривании зачёта в банкротных делах.

Удержание комиссионером причитающихся сумм – односторонняя сделка зачёта встречных однородных требований (ст. 410 и 997 ГК); согласие комитента не требуется. Комиссионер вправе удержать и иную сумму, причитающуюся ему от комитента, что расширяет возможности, но повышает риск оспаривания зачёта. При частичных платежах третьего лица он вправе удержать вознаграждение полностью из первой суммы. Право на удержание принадлежит только комиссионеру, но не поверенному, обязанному передавать доверителю всё полученное. Однако поверенный или агент по модели поручения могут использовать общий механизм зачёта по ст. 410. В банкротстве зачёт ограничен: с даты введения процедуры он не допускается, поэтому удержанное вознаграждение может быть истребовано в конкурсную массу [11, 12].

Проведённый анализ показывает, что вознаграждение посредника и зачёт встречных требований образуют сложную и нестабильную конструкцию, в которой право комиссионера на удержание, основанное на статьях 410 и 997 Гражданского кодекса, неизбежно сопряжено с риском двойного платежа. Этот риск порождается отсутствием надлежащего волеизъявления о зачёте, оспариванием удержания в банкротстве, спорами о размере вознаграждения и несоблюдением условия однородности требований. Защита агента и комиссионера требует комплексного подхода: договорного закрепления порядка расчётов, своевременного документарного оформления удержания и активной процессуальной позиции при возникновении спора. Наиболее уязвимо положение посредника при неплатёжеспособности принципала, когда удержанное вознаграждение может быть истребовано в конкурсную массу.

Литература

1. Куриленко В.Э. Комиссионный договор в системе посреднических отношений // Журнал «Вестник науки» от 27 июня 2024 г. № 6 (75) том 5. С. 319–323. 2024 г. ISSN 2712-8849 // Электронный ресурс: https://www.вестник-науки.рф/article/16509 (дата обращения: 20.09.2026 г.).

2. Чикунов Д.В. Комиссионные сделки с недвижимостью и защита приобретателя: условное обязательство и право ожидания. Актуальные проблемы российского права. 2026;21(8):102–115.

3. Бевзенко Р.С. Правовая природа заявления о внесении записи в реестр недвижимости // Цивилистика. – 2023. – № 6. – С. 117–150.

4. Перминов Н.С. Комиссионный договор в системе посреднических отношений / Н.С. Перминов. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2023. – № 19 (466). – С. 398–399.

5. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. 3: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. – 2-е изд., стер. – М.: Статут, 2011. – 1055 с.

6. Игошин С.Е. Условия применения зачета в обязательствах / С.Е. Игошин. – Текст: непосредственный // Актуальные вопросы юридических наук: материалы VI Междунар. науч. конф. (г. Казань, декабрь 2021 г.). – Казань: Молодой ученый, 2021. – С. 16–20.

7. Элементарная догматика обязательств: Учебное пособие / Исслед. центр частн. права им. С.С. Алексеева при Президенте РФ, Рос. школа частн. права. – 2-е изд., стер. – М.: Статут, 2017.

8. Ельяшевич В.Б. Очерк развития форм поземельного оборота на Западе. – 2-е изд., перераб. – СПб.: Правда, 1913. – 79 с.

9. Емелькина И.А. Система ограниченных вещных прав на земельный участок. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Инфотропик Медиа, 2013. – 416 с.

10. Wieling H.J. Sachenrecht. Bd. 1: Sachen, Besitz und Rechte an beweglichen Sachen. – 2. Aufl. – Berlin; Heidelberg: Springer, 2006. – 876 S.

11. Защита гражданских прав: избранные аспекты: сборник статей / под ред. М.А. Рожковой. – М.: Статут, 2017. – 432 с.

12. Обзор практики разрешения споров по договору комиссии // Бухгалтер и закон. 2005. № 2 (74). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-praktiki-razresheniya-sporov-po-dogovoru-komissii (дата обращения: 20.09.2026).

INTERMEDIARY'S REMUNERATION AND OFFSET OF COUNTERCLAIMS: DOUBLE PAYMENT RISKS AND AGENT/COMMISSION AGENT PROTECTION

Chekmarev M.Yu.
Volgograd State University (VolSU)

The article deals with the problem of the ratio of the intermediary's remuneration and the mechanism for offsetting counterclaims in relation to the risk of double payment. The article analyzes the legal nature of the commission agent's retention of the amounts due to him from the funds received for the committee, taking into account the distinction between offsetting and balancing formed by judicial practice. The article examines the procedural aspects of the protection of the agent and the commission agent, including the burden of proof and the consequences of the lack of timely declaration of intent on the offset. The author substantiates the conclusion that the offset structure provided for in Article 997 of the Civil Code requires the active behavior of an intermediary and cannot be considered as an automatic termination of obligations.

Keywords: mediation, agency agreement, commission agreement, offset of counterclaims, balancing, intermediary's remuneration, double payment, agent's protection, commission agent's protection.

References

1. Kurilenko V.E. The commission agreement within the system of intermediary relations // Vestnik Nauki [Bulletin of Science] Journal, June 27, 2024, № 6 (75), Vol. 5, pp. 319–323. 2024. ISSN 2712-8849 // Electronic resource: https://www.вестник-науки.рф/article/16509 (accessed: September 20, 2026).

2. Chikunov D.V. Real estate commission transactions and purchaser protection: conditional obligation and the right of expectation. Aktualnye problemy rossiyskogo prava [Current Issues of Russian Law]. 2026;21(8):102–115.

3. Bevzenko R.S. The legal nature of an application for an entry in the real estate register // Tsivilistika [Civil Law Studies]. – 2023. – № 6. – pp. 117–150.

4. Perminov N.S. The commission agreement within the system of intermediary relations / N.S. Perminov. – Text: direct // Molodoy uchenyy [Young Scientist]. – 2023. – № 19 (466). – pp. 398–399.

5. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract Law. Book 3: Contracts for the Performance of Work and Provision of Services. – 2nd ed., stereotyped. – Moscow: Statut, 2011. – 1055 p.

6. Igoshin S.E. Conditions for the application of set-off in obligations / S.E. Igoshin. – Text: direct // Current Issues in Legal Sciences: Proceedings of the VI International… …scientific conference (Kazan, December 2021). – Kazan: Molodoy Ucheny, 2021. – P. 16–20.

7. Elementary Dogmatics of Obligations: A Study Aid / S.S. Alekseev Research Center for Private Law under the President of the Russian Federation, Russian School of Private Law. – 2nd ed., unaltered. – Moscow: Statut, 2017.

8. Elyashevich V.B. Outline of the Development of Forms of Land Turnover in the West. – 2nd ed., revised. – St. Petersburg: Pravda, 1913. – 79 p.

9. Emelkina I.A. The System of Limited Real Rights to a Land Plot. – 2nd ed., corrected and supplemented. – Moscow: Infotropic Media, 2013. – 416 p.

10. Wieling H.J. Sachenrecht. Vol. 1: Sachen, Besitz und Rechte an beweglichen Sachen. – 2nd ed. – Berlin; Heidelberg: Springer, 2006. – 876 p.

11. Protection of Civil Rights: Selected Aspects: Collection of Articles / Ed. by M.A. Rozhkova. – Moscow: Statut, 2017. – 432 p.

12. Overview of Dispute Resolution Practice Regarding Commission Agreements // Accountant and Law. 2005. № 2 (74). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-praktiki-razresheniya-sporov-po-dogovoru-komissii (accessed: 20.09.2026).

Залог обязательственных прав (прав требования) в банкротстве: особенности удовлетворения требований кредиторов

Чесноков Павел Владимирович,
аспирант кафедры предпринимательского и корпоративного права Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева
E-mail: pavelches2000@gmail.com

Предмет исследования – правовое регулирование и судебная практика удовлетворения требований кредиторов, обеспеченных залогом обязательственных прав (прав требования), при банкротстве залогодателя. Цель работы – выявить коллизии между общими положениями ГК РФ о залоге и законодательством о несостоятельности и предложить пути их преодоления. Методология включает формально-юридический и системный методы, анализ правовых позиций Верховного Суда РФ по делам ООО «Микротест» и ЗАО «Межотраслевая лизинговая компания», моделирование типичных ситуаций конкурсного производства. Результаты: установлено, что подход, связывающий сохранение залога с открытием залогового счета, оставляет неопределенной судьбу обеспечения при поступлении средств на основной счет должника до установления залоговых требований и не исключает смешения средств даже на специальном счете. Новизна состоит в обосновании последовательного применения принципа эластичности залога как права на имущественную ценность. Результаты применимы в законотворчестве, судебной практике и деятельности арбитражных управляющих. Вывод: залог должен сохраняться при трансформации его предмета, что требует обособленного учета поступлений и признания за залоговым кредитором права на пропорциональное удовлетворение из средств должника.

Ключевые слова: несостоятельность (банкротство); залог; обязательственные права; права требования; дебиторская задолженность; залоговый кредитор; залоговый счет; эластичность залога.

Нормативно-правовое регулирование особенностей залога обязательственных прав в гражданском законодательстве Российской Федерации впервые было введено Федеральным законом от 21.12.2013 № 367-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации»[1].

Вышеуказанным федеральным законом была осуществлена реформа законодательства о залоге, в частности, помимо залога обязательственных прав, законодатель ввел специальное нормативно-правовое регулирование для таких разновидностей залога, как залог прав по договору банковского счета, залог прав участников юридических лиц, залог ценных бумаг, залог исключительных прав.

Следует согласиться с точкой зрения В.А. Кондратьева и У.Б. Филатовой, согласно которой залог обязательственных прав выделен в отдельный вид прежде всего из-за особого предмета[2]. Аналогичную позицию разделяет и В.В. Витрянский[3]. Так, согласно п. 1 ст. 358.1 ГК РФ, «предметом залога могут быть имущественные права (требования), вытекающие из обязательства залогодателя. Залогодателем права может быть лицо, являющееся кредитором в обязательстве, из которого вытекает закладываемое право (правообладатель). Если законом или договором залога права не установлено иное, предметом залога являются все принадлежащие залогодателю права, которые вытекают из соответствующего обязательства и могут быть предметом залога».

Не вдаваясь в детали теоретической дискуссии о том, являются ли обязательственные права объектом гражданского права, отметим, что действующее гражданское законодательство признает обязательственные права в качестве иного имущества в силу прямого закрепления в ст. 128 ГК РФ[4].

Для целей исследования проблематики залога обязательственных прав (прав требования) в банкротстве необходимо обратить внимание на следующие ключевые свойства обязательственных прав как объекта гражданского права.

1. Нематериальный предмет. Имущественные права не имеют материальной (вещественной) формы. Это юридически обеспеченная возможность требовать от должника совершения определенных действий (передать вещь, уплатить деньги, выполнить работу и т.п.).

2. Возможность трансформации прав требования в иные объекты гражданских прав[5].

3. Срочность существования прав требования. В силу того, что обязательственные права представляют собой право требовать от другого лица (лиц) совершения определенного действия либо воздержания от совершения какого-либо действия[6], они не могут существовать бесконечно и рассчитаны на прекращение путем надлежащего исполнения.

Вышеуказанные особенности обязательственных прав как объектов гражданского права обусловливают специфику нормативно-правового и индивидуального регулирования залога обязательственных прав (далее по тексту – права требования) в состоянии банкротства залогодателя.

Банкротство залогодателя предполагает, что на конкурсную массу должника-залогодателя претендует множество кредиторов, интересы которых зачастую являются взаимоисключающими. Между тем

[1] Федеральный закон от 21.12.2013 № 367-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 51. Ст. 6687.

[2] Кондратьев В.А., Филатова У.Б. Обеспечение исполнения обязательств: учебное пособие. Москва: РГУП, 2024. С. 58.

[3] Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. Москва: Статут, 2017. С. 186.

[4] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

[5] Кондратьев В.А., Филатова У.Б. Указ. соч. С. 59.

[6] Агарков М.М. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 2: Общее учение об обязательствах и его отдельных видах. Москва: Статут, 2012. С. 18.

распространенными являются ситуации, когда единственным объектом в конкурсной массе являются права требования должника к его контрагентам. Рассматриваемая ситуация в особенности характерна для должников в таких отраслях экономики, как оказание финансовых услуг, девелопмент, жилищно-коммунальное хозяйство и т.п. Зачастую юридические лица, осуществляющие деятельность в указанных сферах, не имеют на балансе каких-либо основных средств или товарно-материальных ценностей для реализации с торгов.

С учетом вышеуказанных условий особую значимость при банкротстве залогодателя приобретает вопрос обеспечения сохранности предмета залога и порядка удовлетворения требований залогового кредитора.

Первым известным спором по вопросу залога обязательственных прав в банкротстве, дошедшим до Верховного Суда Российской Федерации, является дело о банкротстве общества с ограниченной ответственностью «Микротест». Так, в Определении Верховного Суда Российской Федерации от 17 октября 2016 г. № 305-ЭС16–7885 по делу № А40–57347/2015[1] был рассмотрен следующий спор: ПАО «Транскапиталбанк» обратилось с заявлением о включении в реестр требований кредиторов ООО «Микротест» (на момент рассмотрения спора – крупного системного интегратора, имевшего договорные отношения с ОАО «РЖД» и ОАО «Русгидро») требований как обеспеченных залогом. Кредитные средства предоставлялись должнику под залог имущественных прав (требований) по договорам с названными контрагентами, в связи с чем банк обоснованно расценивал права требования как ликвидное обеспечение ввиду высокой платежеспособности дебиторов.

К моменту разрешения вопроса об установлении требований в реестре часть заложенных прав была прекращена надлежащим исполнением со стороны контрагентов должника. Полагая, что залог трансформировался и обременил поступившие безналичные денежные средства, банк настаивал на сохранении залогового статуса.

Суды первой, апелляционной и кассационной инстанций поддержали позицию банка, исходя из того, что полученные денежные средства поступили на счета должника во исполнение заложенных требований и, следовательно, должны считаться находящимися в залоге.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила вышеуказанные судебные акты и направила дело на новое рассмотрение. Правовая позиция Суда заключалась в следующем.

– Положения п. 2 ст. 345 ГК РФ, закрепляющие правило об эластичности залога (распространении залога на имущество, предоставленное взамен), не подлежат применению к случаям исполнения денежного обязательства, права по которому были предметом залога.

– Безналичные денежные средства как таковые не могут выступать самостоятельным объектом залога; объектом залога могут выступать лишь права по договору банковского счета.

– Возникновение залога прав по договору банковского счета обусловлено открытием залогодателю специального залогового счета.

– При наличии специального залогового счета денежные средства, зачисленные на него в результате исполнения заложенного требования, приобретают статус имущества, находящегося в залоге.

– Аналогичное правило (о возникновении залога) распространяется на денежные средства, поступившие на специальный банковский счет должника, открытый в рамках процедуры банкротства для аккумулирования выручки от реализации заложенных прав с торгов.

Впоследствии вышеуказанная правовая позиция была закреплена в п. 4 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2016), согласно которому «в случае, когда имущественное требование, находящееся в залоге, было исполнено контрагентом залогодателя путем перечисления на его расчетный счет безналичных денежных средств, у залогодержателя не возникает право залога на эти средства»[2].

Действительно, в соответствии с общим правилом, закрепленным в п. 1 ст. 358.6 ГК РФ, исполнение обязательства, права по которому переданы в залог, производится должником залогодателя непосредственно в пользу последнего. При таком исполнении вступает в действие механизм, предусмотренный подп. 3 п. 2 ст. 345 ГК РФ, согласно которому имущество, поступившее залогодателю от его должника, автоматически приобретает статус находящегося в залоге. Однако законодатель делает исключение для случаев, когда исполнение осуществляется в денежной форме: на такие средства указанное правило о трансформации залога не распространяется. Примечательно, однако, что, как справедливо замечают И.А. Ястржембский и Р.С. Бевзенко, действующее законодательное регулирование содержит определенную коллизию: при исполнении денежного обязательства полученные залогодателем денежные средства не попадают в залог (подп. 3 п. 2 ст. 345 ГК РФ), а денежные средства, полученные вследствие принудительного выкупа предмета залога, в залог попадают (подп. 2 п. 2 ст. 345 ГК РФ)[3].

Между тем полагаем, что с выводами Верховного Суда нельзя согласиться в полной мере.

Фактически ключевым вопросом рассматриваемого дела являлось применение принципа эластичности залога к трансформации прав требования в безналичные денежные средства. Как указывает Р.С. Бевзенко, «смысл этого свойства залога [эластичности] может быть выражен такой формулой: в связи с тем, что залог – это право на ценность заложенного имущества, как бы ни изменялась внешняя форма, в которой существовала в момент установления залога эта ценность, залог сохраняется до тех пор, пока будет существовать фактический или юридический заменитель этой ценности»[4]. Применительно к настоящему делу дебиторская задолженность была трансформирована в денежные средства путем надлежащего исполнения обязательства. Полагаем, что, отменяя судебные акты нижестоящих инстанций, Верховный Суд исходил из того, что в случае поступления денежных средств на расчетный счет они перестают быть каким-либо образом индивидуализированными и смешиваются с иными находящимися на счете денежными средствами, что делает невозможным перенос ценности заложенного имущества[5].

Полагаем, что вышеуказанная правовая позиция может работать должным образом лишь при условии, что на момент исполнения дебитором обязательства конкурсным управляющим уже будет надлежащим образом открыт залоговый счет. Смоделируем следующую ситуацию: в отношении ООО «А» открыто конкурсное производство, все банковские счета в силу прямого указания закона закрыты конкурсным управляющим, сведения о наличии какого-либо имущества у конкурсного управляющего отсутствуют. На основной счет должника, открытый в ходе процедуры конкурсного производства, поступают денежные средства от дебитора должника – ООО «Б». После поступления денежных средств кредитор ООО «А» – АО «Банк В» направляет управляющему и суду заявление о включении требования в реестр требований кредиторов как обеспеченного залогом по обязательствам ООО «Б» перед ООО «А». Впоследствии выясняется, что на момент рассмотрения требования обязательство уже было исполнено ООО «Б» путем перечисления денежных средств на основной счет ООО «А». Представляется, что применение в данной ситуации вышеуказанной правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации будет крайне несправедливым для залогового кредитора. Как верно подчеркивает М.А. Волчанский, «если исходить из такой практики ВС РФ как из неизбежно имеющейся данности, то при банкротстве залогодателя его конкурсный управляющий в соответствии с п. 4 ст. 20.3, ст. 138 Закона о банкротстве должен открыть специальный счет для получения соответствующего исполнения от должника»[6]. Вместе с тем обязанность открыть залоговый счет у конкурсного управляющего возникает лишь в ситуации, когда судом уже установлены требования залогового кредитора. В иной ситуации действия конкурсного управляющего могут быть признаны незаконными.

Следующим важным этапом в развитии судебной практики по вопросу залога обязательственных прав в банкротстве стало дело о несостоятельности закрытого акционерного общества «Межотраслевая лизинговая компания». В Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 22 ноября 2018 г. № 305-ЭС18–8062(2) по делу № А40–13337/2017 был рассмотрен следующий спор[7].

[1] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 17.10.2016 № 305-ЭС16–7885 по делу № А40–57347/2015 // Картотека арбитражных дел: [сайт]. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 16.02.2026).

[2] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2016): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2016 // Верховный Суд Российской Федерации: [сайт]. URL: https://www.vsrf.ru/documents/practice/ (дата обращения: 16.02.2026).

[3] Бевзенко Р.С., Ястржембский И.А. Ускользнувшая ценность. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 17.10.2016 № 305-ЭС16–7885 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2016. № 12. С. 9.

[4] Бевзенко Р.С. Борьба за залог: третий этап реформы залогового права России // Вестник гражданского права. 2015. Т. 15, № 2. С. 32.

[5] Волчанский М.А. Залог обязательственных прав: осмысление института в парадигме решений отечественного правопорядка: монография. Москва: Статут, 2024. С. 100.

[6] Волчанский М.А. Указ. соч. С. 99.

[7] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 22.11.2018 № 305-ЭС18–8062(2) по делу № А40–13337/2017 // Картотека арбитражных дел: [сайт]. URL: https://kad.arbitr.ru (дата обращения: 16.02.2026).

Акционерное общество «Российский банк поддержки малого и среднего предпринимательства» (далее – банк) обратилось в суд с заявлением о включении в реестр требований кредиторов должника требований как обеспеченных залогом имущества должника. Требования банка вытекали из договоров об открытии кредитной линии, заключенных с ЗАО «Межотраслевая лизинговая компания» (далее – должник, общество) как с заемщиком. В обеспечение исполнения кредитных обязательств стороны заключили договоры залога предметов лизинга, а также договоры залога имущественных прав должника на получение от лизингополучателей причитающихся лизинговых платежей.

Суды первой, апелляционной и кассационной инстанций, удовлетворяя заявление банка, исходили из того, что на момент рассмотрения спора залоговое обеспечение не утрачено, в связи с чем банк вправе получить удовлетворение за счет денежных сумм, поступивших от лизингополучателей должника.

Судебная коллегия Верховного Суда Российской Федерации отменила вышеуказанные судебные акты и направила обособленный спор на новое рассмотрение. Правовая позиция Суда заключалась в следующем.

– По общему правилу п. 1 ст. 358.6 ГК РФ должник залогодателя, требование к которому заложено, исполняет обязательство самому залогодателю. При таком исполнении, по смыслу подп. 3 п. 2 ст. 345 ГК РФ, поступившее имущество автоматически обременяется залогом. Однако в силу прямого указания закона данная норма о трансформации залога не применяется к ситуации, когда исполнение осуществляется в денежной форме.

– В соответствии с п. 4 ст. 358.6 ГК РФ денежные суммы, полученные залогодателем от своего должника, подлежат зачислению на залоговый счет залогодателя только в том случае, если это предусмотрено законом или договором залога требования. К отношениям сторон, связанным с залоговым счетом, применяются правила о договоре залога прав по договору банковского счета.

– Исходя из системного толкования положений п. 5 ст. 358.9 и п. 4 ст. 358.6 ГК РФ, при уменьшении стоимости заложенного денежного требования вследствие его надлежащего исполнения должником залогодателя залогодержатель может приобрести иное залоговое обеспечение – права по договору банковского счета, но лишь при наличии залогового счета, на который поступило денежное исполнение. Предметом залога в таком случае признаются именно права по договору банковского счета, а не находящиеся на счете денежные средства.

– В рассматриваемом случае залоговый счет открыт не был. Банк, действуя на свой риск, не предпринял мер, направленных на минимизацию собственных потерь на случай исполнения контрагентами должника денежных обязательств по заложенным требованиям в пользу последнего. Не решив вопрос об открытии залогового счета, банк исключил возможность применения в деле о банкротстве специальных механизмов удовлетворения его требований, предусмотренных п. 2.1 ст. 18.1 и п. 2.2 ст. 138 Закона о банкротстве.

– В то же время Верховный Суд РФ указал на особый порядок реализации прав залогового кредитора в процедуре конкурсного производства. Определение об установлении требования как обеспеченного залогом, вынесенное в конкурсном производстве, по сути является судебным актом об обращении взыскания на заложенное требование. В отсутствие залогового счета с момента установления залогового требования в процедуре конкурсного производства залоговый кредитор вправе претендовать на преимущественное получение денежного исполнения от контрагента несостоятельного залогодателя. С этого момента конкурсный управляющий обязан открыть специальный банковский счет должника, указанный в статье 138 Закона о банкротстве, для аккумулирования как денежных платежей по заложенному требованию, так и выручки от его реализации.

– Конкурсный управляющий как антикризисный менеджер должен определить стратегию наиболее эффективного получения денежного эквивалента от требования к контрагентам должника, решив вопрос о целесообразности реализации этого требования на торгах либо прямого истребования дебиторской задолженности. При этом в любом случае поступившие денежные средства подлежат зачислению на специальный банковский счет и распределяются по правилам статьи 138 Закона о банкротстве.

Таким образом, в вышеуказанном судебном акте вся ответственность за надлежащее соблюдение прав залогового кредитора была возложена на конкурсного управляющего. Следует также подчеркнуть, что Верховный Суд конкретизировал, что обязанность открыть залоговый счет действительно возникает только после установления требований как обеспеченных залогом имущества должника. Следовательно, остается открытым вопрос судьбы залогового обеспечения при поступлении денежных средств на основной счет до момента установления залоговых требований.

Полагаем, что в данном случае трансформация прав требования в денежные средства не должна влечь за собой прекращение залога. В силу принципа эластичности (замещения предмета залога) кредитор продолжал претендовать на имущественную ценность залога, облеченную в форму безналичных денежных средств. Даже при наличии существенных оборотов по счету, при которых практически невозможно отследить, какие именно денежные средства причитаются кредитору, следует исходить из того, что кредитор так или иначе сохраняет свои залоговые права на определенную сумму. Для кредитора не имеет абсолютно никакого значения, получит ли он удовлетворение за счет денежных средств, поступивших именно от дебитора должника, или, скажем, за счет сдачи незалогового имущества в аренду.

Примечательно также и то, что денежные средства могут смешиваться и на специальном залоговом счете. Предположим, что залоговый счет был открыт надлежащим образом, дебитор перевел денежные средства именно на него, однако в дальнейшем арбитражный управляющий сдавал в аренду иное имущество должника, которое также обременено залогом в пользу другого кредитора. Следуя логике вышеуказанной правовой позиции Верховного Суда, в данном случае также происходит смешение денежных средств, в результате которого невозможно надлежащим образом идентифицировать предмет залога.

Проведенный анализ позволяет заключить, что институт залога обязательственных прав, будучи сравнительно новым для отечественного правопорядка, в контексте банкротства залогодателя сталкивается с рядом серьезных теоретических и практических вызовов. Специфика предмета залога (нематериальность, срочность, способность к трансформации) предопределяет необходимость поиска особых правовых механизмов, обеспечивающих баланс интересов залогового кредитора, иных кредиторов и должника. Судебная практика, сформированная Верховным Судом РФ в делах «Микротест» и «Межотраслевая лизинговая компания», сыграла ключевую роль в формировании подходов к разрешению коллизий, возникающих при трансформации заложенного права требования в денежные средства. Вместе с тем проведенное исследование выявляет ряд проблем, которые пока не нашли окончательного разрешения. Во-первых, сохраняется правовая неопределенность в отношении судьбы залога в ситуации, когда денежные средства от дебитора поступили на основной счет должника до момента установления требования залогового кредитора в реестре и, соответственно, до возникновения у конкурсного управляющего обязанности открыть специальный счет. Во-вторых, даже функционирование залогового счета не исключает риска смешения «залоговых» и «незалоговых» поступлений, что ставит под сомнение саму возможность идентификации предмета залога. Представляется, что преодоление указанных трудностей возможно на пути более последовательной реализации принципа эластичности залога как права на имущественную ценность, а не на индивидуально-определенное имущество. При таком подходе залоговое обременение должно сохраняться до тех пор, пока существует ценность, заместившая первоначальный предмет залога, вне зависимости от ее нахождения на конкретном счете и смешения с иными средствами. Задача законодателя и судебной практики – разработать механизм, позволяющий «проследить» эту ценность в конкурсной массе и обеспечить залоговому кредитору приоритетное удовлетворение в пределах стоимости его обеспечения, в том числе за счет общей массы денежных средств должника. Это потребует, с одной стороны, возложения на конкурсного управляющего обязанности по ведению обособленного учета таких поступлений, а с другой – признания за залоговым кредитором права на долю в денежных средствах на счете пропорционально размеру его обеспеченных требований.

Литература

1. Агарков, М.М. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 2: Общее учение об обязательствах и его отдельных видах / М.М. Агарков. – Москва: Статут, 2012. – 535 с.

2. Бевзенко, Р.С. Борьба за залог: третий этап реформы залогового права России / Р.С. Бевзенко // Вестник гражданского права. – 2015. – Т. 15, № 2. – С. 8–50.

3. Бевзенко, Р.С. Ускользнувшая ценность. Комментарий к определению Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 17.10.2016 № 305-ЭС16–7885 / Р.С. Бевзенко, И.А. Ястржембский // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2016. – № 12. – С. 4–15.

4. Витрянский, В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги / В.В. Витрянский. – Москва: Статут, 2017. – 431 с.

5. Волчанский, М.А. Залог обязательственных прав: осмысление института в парадигме решений отечественного правопорядка: монография / М.А. Волчанский. – Москва: Статут, 2024. – 189 с.

6. Кондратьев, В.А. Обеспечение исполнения обязательств: учебное пособие / В.А. Кондратьев, У.Б. Филатова. – Москва: РГУП, 2024. – 136 с.

PLEDGE OF OBLIGATIONAL RIGHTS (CLAIMS) IN BANKRUPTCY: SPECIFIC FEATURES OF SATISFYING CREDITORS' CLAIMS

Chesnokov P.V.
Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

The subject is the regulation and judicial practice of satisfying creditors' claims secured by a pledge of obligational rights (claims) in the pledgor's bankruptcy. The aim is to identify conflicts between the Civil Code's pledge provisions and insolvency legislation and propose solutions. Methods: formal legal and systemic analysis, examination of the Supreme Court's positions in the Microtest and Mezhotraslevaya Lizingovaya Kompaniya cases, and modelling of typical bankruptcy situations. Results: tying the pledge's survival to a pledge account leaves the security uncertain where funds reach the debtor's main account before the secured claim is established and does not prevent commingling even on a special account. The novelty lies in consistently applying the elasticity of pledge as a right to property value. Results apply to law-making, adjudication and insolvency administration. Conclusion: the pledge should survive the transformation of its object, which requires separate accounting of receipts and proportional satisfaction of the secured creditor from the debtor's funds.

Keywords: insolvency (bankruptcy); pledge; obligational rights; claims; accounts receivable; secured creditor; pledge account; elasticity of pledge.

References

1. Agarkov, M.M. Selected Works on Civil Law: in 2 vols. Vol. 2: General Doctrine of Obligations and Its Specific Types / M.M. Agarkov. – Moscow: Statut, 2012. – 535 p.

2. Bevzenko, R.S. The Struggle for Pledge: The Third Stage of the Reform of Russian Pledge Law / R.S. Bevzenko // Bulletin of Civil Law. – 2015. – Vol. 15, № 2. – P. 8–50.

3. Bevzenko, R.S. Elusive Value. Commentary on the Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 17, 2016, № 305-ES16–7885 / R.S. Bevzenko, I.A. Yastrzhembsky // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. – 2016. – № 12. – P. 4–15.

4. Vitryansky, V.V. Reform of Russian Civil Legislation: Interim Results / V.V. Vitryansky. – Moscow: Statut, 2017. – 431 p.

5. Volchansky, M.A. Pledge of Rights Arising from Obligations: Conceptualizing the Legal Institution within the Paradigm of the Domestic Legal Order: Monograph / M.A. Volchansky. – Moscow: Statut, 2024. – 189 p.

6. Kondratyev, V.A. Securing the Performance of Obligations: Study Guide / V.A. Kondratyev, U.B. Filatova. – Moscow: RGUP, 2024. – 136 p.

Ответственность наследников по долгам наследодателя: момент оценки и форма ответственности по статье 1175 ГК РФ

Штивельберг Максим Филиппович,
аспирант кафедры гражданского права; адвокат, Уральский государственный юридический университет
E-mail: maximshtivelberg@mail.ru

Статья посвящена анализу правил определения пределов ответственности наследника по долгам наследодателя, установленных статьёй 1175 ГК РФ, а также разъяснённых пунктом 61 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9. Показано, что действующее правило – ответственность в пределах «стоимости» перешедшего имущества, а не самим имуществом, – порождает практические сложности на стадии исполнительного производства, поскольку судебный пристав-исполнитель не разграничивает личные денежные средства наследника и стоимость унаследованного имущества. Прослежена историческая обусловленность правила о фиксации стоимости на дату открытия наследства и показана его асимметричность в условиях рыночной волатильности. Предложено закрепить за наследником право требовать обращения взыскания на конкретное наследственное имущество вместо взыскания его стоимости, а также рассмотрена возможность определения стоимости наследственного имущества на момент предъявления требования кредитором.

Ключевые слова: наследственное право; ответственность наследников по долгам наследодателя; статья 1175 ГК РФ; пункт 61 Постановления Пленума ВС РФ № 9; стоимость наследственного имущества; обращение взыскания на наследственное имущество; банкротство наследственной массы; исполнительное производство.

Принцип универсального правопреемства, который используется в системе российского наследственного права, предполагает переход к наследникам имущества наследодателя, которое включает, как «активы» наследства, так и «пассивы».

Наследник должен оценить целесообразность принятия наследства, определить, насколько «активы» превышают «пассивы» и имеется ли в целом смысл принятия наследства. Кроме того, обязанности наследника могут возникнуть и после принятия наследства. При этом в момент принятия наследства наследник может про них не знать. В любом случае, перед удовлетворением требований кредиторов, необходимо определить пределы ответственности наследника.

Методика определения ответственности наследника указана в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании», который указывает: «Стоимость перешедшего к наследникам имущества, пределами которой ограничена их ответственность по долгам наследодателя, определяется его рыночной стоимостью на время открытия наследства вне зависимости от её последующего изменения ко времени рассмотрения дела судом» [1].

Методика определения ответственности в пределах стоимости имущества, появилась в советском прошлом, в то время в цене имущество практически не менялось, долгов у гражданин практически не было. Серебровский писал: «В СССР вообще исключена возможность, чтобы гражданин мог быть „опутан» долгами и его наследникам могли угрожать многочисленные кредиторы наследодателя, как это имеет место в капиталистических странах. Поэтому в наших условиях вопрос об ответственности наследника по долгам, обременяющим наследство, вообще не может иметь того значения, которое он имеет в буржуазном обществе» [2]. В текущем режиме экономике стоимость имущества более изменчива ввиду нестабильности рынка. Изменения стоимости наследственного имущества могут нарушать права наследников. Можно выделить две основные причины, которые могут вызвать проблемы в механизме ответственности наследника: 1. Ответственность наследника в рамках «стоимости» имущества, а не самого имущества. 2. Методика определения ответственности наследника, которая произвольно защищает либо права наследников, либо права кредиторов.

Денежная и натуральная формы ответственности наследника

Согласно ст. 1175 ГК РФ наследник отвечает в пределах стоимости наследственного имущества. Между тем стоимость – лишь денежное выражение той же самой имущественной обязанности наследника: она не противопоставлена имуществу как таковому, а является одной из возможных форм его выражения – наряду с натуральной, то есть ответственностью непосредственно самим наследственным имуществом (ст. 128, 1112 ГК РФ). Действующее регулирование закрепляет исключительно денежную форму такой ответственности, оставляя натуральную форму вне правового регулирования. В законодательстве закреплено, что при недостаточности наследственного имущества требования кредиторов не подлежат удовлетворению за счёт личного имущества наследников; обязательство прекращается невозможностью исполнения в недостающей части [1; 3].

Однако фактически суд определяет размер ответственности наследника – сумму, подлежащую уплате кредиторам. Далее судебный пристав на стадии исполнительного производства не может разграничивать личное имущество наследника и имущество, которое было принято им в рамках наследственного спора. Таким образом, у наследника в первую очередь будет обращено взыскание на его личные денежные средства на его счетах, а далее начнётся взыскание на иные активы. У пристава при этом даже нет возможности определить, какие активы входят в наследственную массу, а какие принадлежат наследнику.

Действующее законодательство предусматривает институт банкротства наследственной массы (ст. 223.1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)») [4]. Однако указанный механизм не всегда актуален для типичного наследственного спора с небольшой суммой долга: обязанность инициировать банкротство возникает только при задолженности от 500 000 руб-

лей (п. 1 ст. 213.4 Закона № 127-ФЗ). Кроме того, процедура сопряжена с дополнительными расходами для наследника: фиксированное вознаграждение финансового управляющего составляет 25 000 рублей за процедуру и вносится на депозит суда ещё до возбуждения дела, а также предусмотрено дополнительное вознаграждение в размере 7% от суммы удовлетворённых требований кредиторов (ст. 20.6 Закона № 127-ФЗ). К этому добавляются расходы на юридическое представительство: по данным исследования Экспертной группы VETA при содействии Федеральной палаты адвокатов РФ [5], средняя стоимость услуг представителя по делу о банкротстве в арбитражном суде первой инстанции в Москве и Московской области составляет от 119 636 рублей у региональных практикующих юристов до 2 453 311 рублей у юридических фирм премиального сегмента. Таким образом, для основной массы наследственных споров – с относительно небольшими суммами долга – институт банкротства наследственной массы оказывается экономически нецелесообразным, и предлагаемый ниже механизм выбора формы ответственности сохраняет практическое значение именно для этой категории дел.

Наследник должен иметь право сохранить свои сбережения без сложной процедуры банкротства наследственной массы. В противном случае складывается ситуация, при которой наследник фактически погашает долги наследодателя за счёт собственных, не входящих в наследство средств – лишь для того, чтобы сохранить за собой имущество наследственной массы, которое, возможно, ему совершенно не нужно.

Ключевой фактор – насколько унаследованное имущество актуально и необходимо самому наследнику. Например, в состав наследства может входить доля в праве собственности на жилое помещение, в котором наследник фактически проживает, – сохранение такой доли для него принципиально важно. Но с той же вероятностью в наследство может войти неликвидное дорогостоящее движимое имущество, которое наследнику совершенно не нужно.

В первом случае наследник объективно заинтересован расплатиться по долгам наследодателя за счёт собственных средств, лишь бы сохранить за собой нужную ему долю. Во втором случае он рискует профинансировать сохранение имущества, которое ему совершенно не нужно, – то есть фактически оплатить долг наследодателя ради вещи, от которой сам был бы рад избавиться.

Возможно, в таком случае ему более целесообразно было бы отвечать непосредственно самим этим имуществом, которое будет реализовываться с торгов. Для более простой реализации предлагается предоставить наследнику возможность заявить о такой необходимости в процессе рассмотрения дела, в котором устанавливается ответственность наследника. В таком случае суд укажет в решении не стоимость, в пределах которой наследник отвечает, а конкретное имущество, которое подлежит реализации.

Момент определения стоимости ответственности наследника

Значимость оценки заключается в том, что непродуманное принятие наследства с превышающими его стоимость долгами способно повлечь для наследника собственные финансовые трудности [6, с. 159–161; 7, с. 2–5]. Более того, принятие наследства, «пассивов» которого больше, чем «активов», просто нецелесообразно.

Актуальность темы подтверждается текущей законодательной работой [8]. В законе установлена обязанность нотариуса запрашивать сведения о кредитных обязательствах наследодателя и информировать о них наследников [9]. Оценка наследуемого имущества является «*одним из неотъемлемых аспектов современного наследования*» [10, с. 47].

Пункт 61 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» указывает, что стоимость перешедшего к наследникам имущества определяется его рыночной стоимостью на время открытия наследства.

Пункт 61 не создаёт новый подход, а продолжает практику применения законодательства, сложившуюся в советском прошлом, при этом рыночная волатильность имущества существенно отличается от состояния рынка на сегодняшний день.

Если после принятия наследства стоимость имущества изменилась, кредиторы в любом случае имеют право претендовать на ту стоимость, которая была зафиксирована в момент открытия наследства.

Так ключевым вопросом является дата оценки имущества. Волатильность цен в условиях рыночной экономики может поставить наследника как в выгодное положение перед кредитором, так и наоборот.

Правило пункта 61 Постановления Пленума № 9 защищает то наследника, то кредитора произвольно, в зависимости от направления последующего изменения цены. Наследник, который принял акции стоимостью 1 000 000 рублей на момент открытия наследства, рыночная стоимость которых через определённый период снизилась до 100 000 рублей вследствие обычных колебаний рынка, продолжает отвечать перед кредитором в пределах первоначальной, уже не существующей стоимости.

Обратная ситуация – рост стоимости объекта недвижимости к моменту предъявления требования – также не корректирует предел ответственности: кредитор не вправе рассчитывать на возросшую стоимость, поскольку она зафиксирована на дату смерти наследодателя.

Как отмечает Е.Ю. Петров: «последовавший после открытия наследства взлёт котировок или обвал рынков может оказаться приятным сюрпризом либо, наоборот, – сыграть злую шутку с наследниками» [11, с. 494].

Кроме того, как отмечают Березин Д.А., Маркина М.В.: «Определить стоимость обсуждаемого наследственного имущества в том состоянии, в котором оно было когда-то, очень нелегко, а порой и не представляется возможным» [12].

Таким образом, получается ситуация, которая порождает неопределённость в системе ответственности наследников. Возможно, более целесообразно определять размер ответственности наследника на момент обращения кредитора с требованиями. В таком случае права наследников и кредиторов будут защищаться не произвольно, а равномерно.

Предложения по совершенствованию законодательства

Решением может служить предоставление наследнику права заявить в судебном процессе о выборе методики определения его ответственности. Для этого предлагается дополнить пункт 1 статьи 1175 ГК РФ абзацем следующего содержания: «Наследник вправе заявить кредитору или суду, рассматривающему требование кредитора, о своём желании отвечать по долгам наследодателя не в пределах стоимости перешедшего к нему наследственного имущества, а непосредственно этим имуществом. В этом случае суд указывает в решении конкретное наследственное имущество, подлежащее реализации с публичных торгов в порядке исполнительного производства, а денежные средства, вырученные от такой реализации и превышающие размер удовлетворённых требований кредиторов, передаются наследнику». Указанный механизм снимает риск того, что наследник будет вынужден расплачиваться за счёт собственных средств по обязательству, обеспеченному имуществом, в сохранении которого он не заинтересован.

Альтернативным вариантом может остаться механизм, предусматривающий ответственность в пределах стоимости имущества, а именно для случаев, когда само имущество действительно необходимо наследнику. В таком случае разумно определять размер ответственности на момент обращения кредитора с требованием, а не на не на дату открытия наследства. В пункт 61 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 предлагается дополнить абзацем следующего содержания: «Если наследник в порядке, предусмотренном абзацем вторым пункта 1 статьи 1175 ГК РФ, заявил о готовности отвечать по долгам наследодателя непосредственно перешедшим к нему имуществом, положения настоящего пункта о фиксации стоимости на момент открытия наследства не применяются. Если наследник о таком намерении не заявил, стоимость наследственного имущества, в пределах которой ограничена его ответственность, определяется на момент предъявления кредитором соответствующего требования». Таким образом наследник получает возможность выбрать: либо отвечать конкретным имуществом по цене торгов, либо сохранить имущество за собой, но при более справедливом – привязанном к моменту предъявления требования, а не к дате смерти наследодателя – определении его стоимости.

Литература

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании».

2. Серебровский, В. И. (1997). Избранные труды по наследственному и страховому праву. Статут. (с. 36).

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая, часть третья).

4. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

5. Экспертная группа VETA, при содействии Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации. (2025). Исследование стоимости

юридической помощи по представлению интересов в судах Москвы и Московской области – 2025.

6. Абгарян, Е. Р. (2020). Ответственность наследников по долгам наследодателя. Молодой ученый, 46(336), 159–161.

7. Ходырева, Е. А. (2022). Категория «благополучие» и правовое положение наследника. Наследственное право, 3, 2–5.

8. Глазов, Д. В. (2023). Долг в наследство: алгоритм оценки ответственности наследников по обязательствам наследодателя. Современность и перспективы развития. Нотариальный вестникъ, 12, 5–13.

9. Федеральный закон от 23.11.2024 № 407-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части обязанности нотариуса запрашивать сведения о кредитных обязательствах наследодателя; вступил в силу 24.11.2025).

10. Лапшина, С. Н. (2025). Сравнение значения и специфики оценки наследуемого движимого и недвижимого имущества. В сб.: Юриспруденция: X Междунар. науч.-практ. конф. (с. 46–48). МЦНС «Наука и Просвещение».

11. Петров, Е. Ю. (Ред.). (2018). Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0]. М-Логос. (с. 494).

12. Березин, Д. А., и Маркина, М. В. (2014). Дата оценки наследства. Наследственное право, 2, 29–32. (цит. по: Глазов, Д. В. (2021). Проблемы оценки наследственного имущества. International Law Journal, 4(1), 141).

HEIRS' LIABILITY FOR THE TESTATOR'S DEBTS: THE TIMING OF VALUATION AND THE FORM OF LIABILITY UNDER ARTICLE 1175 OF THE CIVIL CODE

Shtivelberg M.F.
Ural State Law University

The article analyzes the rules governing the limits of an heir's liability for the testator's debts established by Article 1175 of the Civil Code of the Russian Federation and paragraph 61 of Resolution № 9 of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 29 May 2012. It is shown that the current rule – liability limited to the «value» of the inherited property rather than the property itself – creates practical difficulties at the enforcement stage, since a bailiff cannot distinguish the heir's personal funds from the value of the inherited estate. The historical origins of fixing that value as of the date the succession opens are traced, and the resulting asymmetry under market volatility is demonstrated. It is proposed to grant the heir the right to have claims satisfied out of the specific inherited property rather than its assessed value, and the possibility of fixing that value as of the date the creditor asserts the claim is also considered.

Keywords: inheritance law; heirs' liability for the testator's debts; Article 1175 of the Civil Code; paragraph 61 of Resolution № 9 of the Plenum of the Supreme Court; value of estate property; enforcement against estate property; bankruptcy of the estate; enforcement proceedings.

References

1. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 9 dated May 29, 2012, "On Judicial Practice in Inheritance Cases."

2. Serebrovsky, V. I. (1997). *Selected Works on Inheritance and Insurance Law*. Statut. (p. 36).

3. Civil Code of the Russian Federation (Part One, Part Three).

4. Federal Law No. 127-FZ dated October 26, 2002, "On Insolvency (Bankruptcy)."

5. VETA Expert Group, with the assistance of the Federal Chamber of Lawyers of the Russian Federation. (2025). *Study on the Cost of Legal Representation Services in the Courts of Moscow and the Moscow Region – 2025*.

6. Abgaryan, E. R. (2020). Liability of heirs for the debts of the testator. *Young Scientist*, 46(336), 159–161.

7. Khodyreva, E. A. (2022). The category of "well-being" and the legal status of the heir. *Inheritance Law*, 3, 2–5.

8. Glazov, D. V. (2023). Debt in inheritance: an algorithm for assessing heirs' liability for the testator's obligations. *Notarial Bulletin*, 12, 5–13. 9. Federal Law No. 407-FZ dated November 23, 2024, "On Amendments to Legislative Acts of the Russian Federation" (regarding the notary's obligation to request information on the testator's credit obligations; entry into force: November 24, 2025).

10. Lapshina, S. N. (2025). Comparison of values and valuation specifics of inherited movable and immovable property. In: *Jurisprudence: X International Scientific and Practical Conference* (pp. 46–48). MCNS "Nauka i Prosveshcheniye".

11. Petrov, E. Yu. (Ed.). (2018). *Inheritance Law: Article-by-Article Commentary on Articles 1110–1185 and 1224 of the Civil Code of the Russian Federation* [Electronic edition. Version 1.0]. M-Logos. (p. 494).

12. Berezin, D. A., & Markina, M. V. (2014). Date of inheritance valuation. *Inheritance Law*, 2, 29–32. (cited in: Glazov, D. V. (2021). Problems of valuing inheritance-related loss. *Journal of International Law*, 4(1), 141).

Правовые основания прекращения права собственности в законодательстве Азербайджанской Республики

Эминли Нармин Мазахир кызы,
докторант кафедры гражданского права Бакинского государственного университета

Институт права собственности традиционно занимает центральное место в цивилистической доктрине, что обусловлено его фундаментальным положением в системе вещных прав и ключевой ролью в обеспечении стабильности гражданского оборота. Данное право закрепляет экономическую основу имущественных отношений, выступая первоочередным условием и правовым результатом нормального перемещения материальных благ. Настоящая статья посвящена исследованию оснований и способов прекращения права собственности, а также их теоретической классификации по различным критериям. Анализируются нормативно закрепленные формы утраты указанного права в законодательстве Азербайджанской Республики и правовые позиции Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики относительно допустимых пределов его ограничения. Обосновывается вывод о том, что конкретный порядок прекращения права собственности (по воле собственника, помимо его воли либо в принудительном порядке) напрямую детерминирован юридической природой соответствующего фактического состава.

Ключевые слова: право собственности, прекращение права собственности, основания прекращения, способы прекращения, вещное право, законодательство Азербайджанской Республики.

Введение

В современной правовой доктрине право собственности рассматривается как одно из фундаментальных субъективных прав человека и гражданина, сущность которого заключается в юридической организации и защите правомочий каждого индивида над определенным имуществом. Данное право предоставляет управомоченному лицу легитимную возможность владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащим ему имуществом, задействовать его в разнообразных сферах жизнедеятельности, включая предпринимательскую деятельность, передавать его третьим лицам, а также прибегать ко всей системе мер государственно-правовой защиты. Эффективная охрана права собственности служит залогом макроэкономической стабильности и гармоничного баланса интересов участников гражданского оборота.

Право собственности по своей природе должно быть устойчивым, стабильным и защищенным от произвольных посягательств. Не случайно одним из руководящих начал цивилистики выступает принцип неприкосновенности собственности. В соответствии с частью 1 статьи 13 Конституции Азербайджанской Республики, собственность в республике неприкосновенна и охраняется государством. Статья 6 Гражданского кодекса Азербайджанской Республики (далее – ГК АР) также закрепляет неприкосновенность собственности в качестве базового принципа гражданского законодательства. Прочность, стабильность и уровень правовых гарантий права собственности оказывают непосредственное влияние на экономическое благосостояние страны и поступательное развитие общества.

Надлежащее законодательное регулирование отношений, связанных с прекращением права собственности, а также единообразное правоприменение соответствующих юридических норм направлены на обеспечение стабильности и правовой определенности вещных прав. В этой связи детальное комплексное исследование теоретических и практических механизмов прекращения права собственности приобретает высокую научную и прикладную значимость.

Сущность и функции права собственности как вещного права

Право собственности выступает важнейшим институтом подотрасли вещного права. В объективном смысле вещное право представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения по поводу непосредственного господства лица над индивидуально-определенной вещью в целях удовлетворения собственных имущественных интересов. В субъективном смысле оно закрепляет меру дозволенного поведения лица в отношении принадлежащего ему имущества и по объему предоставляемых правомочий традиционно классифицируется на полное вещное право (право собственности) и ограниченные вещные права (вещные права на чужие вещи). В теоретико-правовом измерении институт права собственности справедливо оценивается не просто как совокупность статичных полномочий, но и как комплексное социально-экономическое явление, выполняющее ключевые функции стимулирования хозяйственной инициативы, оптимизации распределения материальных ресурсов и обеспечения социальной справедливо.

Прекращение права собственности непосредственно по воле правообладателя, а не вследствие принудительного государственного вмешательства, представляет собой наиболее естественный юридический механизм для развитого рыночного оборота и правового государства. В реальной практике прекращение вещного права чаще всего происходит именно по волеизъявлению собственника при отчуждении принадлежащего ему объекта. Под прекращением права собственности по воле правообладателя понимается устранение на основе его автономного волеизъявления триады правомочий владения, пользования и распоряжения, ликвидация фактического и юридического господства над объектом, прекращение возможности исключать вмешательство третьих лиц, а также освобождение от бремени содержания имущества и рисков его случайной гибели или повреждения [5].

Правовая позиция Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики указывает, что правовое регулирование отношений в сфере гражданского оборота в правовом государстве должно безус-

ловно опираться на фундаментальные принципы равенства участников перед законом и судом, неприкосновенности собственности и свободы договора. При этом определение статуса субъектов гражданских правоотношений требует строгого соблюдения баланса публичных и частных интересов, а установление условий реализации и возможных ограничений прав должно подчиняться критериям разумной соразмерности и пропорциональности [2].

Согласно статье 390.5 ГК АР, условия договора определяются исключительно по усмотрению сторон, за исключением случаев, когда содержание соответствующего условия императивно предписано законом. Автономия воли и договорная свобода занимают ключевое место в системе гражданских прав, образуя неразрывное единство с началами беспрепятственного осуществления прав, восстановления нарушенного положения и их эффективной судебной защиты. Субъекты гражданского права свободны в установлении взаимных прав и обязанностей и согласовании любых не противоречащих законодательству договорных условий.

Государство обязано не только воздерживаться от неправомерного вмешательства в сфере осуществления прав собственности, но и пресекать подобные посягательства со стороны третьих лиц. На государство возлагаются как негативные, так и позитивные обязательства по защите собственности. Позитивные обязательства включают установление комплексного и стабильного правового режима, гарантирующего эффективную реализацию прав правообладателей. В силу пункта 13 части I статьи 94 Конституции Азербайджанской Республики данная нормотворческая функция возложена на Милли Меджлис Азербайджанской Республики. Вместе с тем, несмотря на фундаментальное значение права собственности, оно не носит абсолютного характера и может подвергаться правомерным ограничениям. Собственность призвана выполнять не только частноправовые цели, но и обладает существенной социальной функцией в социально ориентированном государстве (статья 15 Конституции АР). Кроме того, пределы общих и специальных ограничений права собственности очерчены нормами Конституционного закона Азербайджанской Республики «О регулировании осуществления прав и свобод человека в Азербайджанской Республике». Законодательный орган при определении нормативного содержания права собственности обязан неукоснительно учитывать указанные рамки и критерии соразмерности [3].

Всестороннее уяснение юридической природы права собственности невозможно без анализа оснований его возникновения и прекращения, в качестве которых выступают юридические факты. Жизненные обстоятельства, с которыми правопорядок связывает динамику права собственности, чрезвычайно многообразны. Право собственности может приобретаться и прекращаться вследствие передачи общедоступных вещей в частную собственность, присвоения определенных категорий бесхозяйного имущества (брошенные вещи, находка, безнадзорные животные, клад), по давности владения, на основе гражданско-правовых сделок, в порядке наследственного правопреемства и по иным установленным законом основаниям [6].

Разграничение оснований и способов прекращения права собственности

В доктрине гражданского права принципиальное значение имеет разграничение категорий «основание прекращения права собственности» и «способ прекращения права собственности». Указанная дифференциация имеет не только теоретико-методологическое, но и первостепенное прикладное значение. В цивилистических исследованиях данные категории нередко интерпретируются через философские понятия возможности и действительности: основание прекращения права выступает в роли объективной «реальной юридической возможности», тогда как способ прекращения представляет собой акт претворения этой возможности в жизнь, т.е. фактическое возникновение «юридической действительности» [5].

Проведение четкой границы между основанием и способом позволяет безошибочно разрешать комплекс ключевых практических задач: 1) точно фиксировать момент юридического прекращения вещного права; 2) выявлять надлежащее управомоченное лицо, правомочное распоряжаться объектом; 3) устанавливать распределение бремени содержания вещи и рисков ее случайной гибели либо повреждения; 4) избирать правильную стратегию защиты требований кредиторов; 5) гарантировать правовую определенность в практике налоговых, регистрирующих и судебных органов; 6) определять адекватный способ защиты нарушенных прав (вещно-правовой либо обязательственно-правовой) [5].

По степени сложности юридического состава основания прекращения права собственности классифицируются на: 1) простые юридические факты; 2) сложные юридические составы.

Простые юридические факты, в свою очередь, подразделяются на: а) юридические события (например, физическая гибель вещи при форс-мажорных обстоятельствах); б) юридические действия; в) правовые состояния (например, факт нахождения имущества, подлежащего национализации, в собственности конкретного субъекта).

Основания-действия структурируются по субъектному составу на: – действия самого собственника (в частности, добровольный отказ от права собственности); – действия лица, приобретающего право (например, обращение в собственность общедоступных или бесхозяйных вещей); – взаимосогласованные действия собственника и приобретателя (двусторонние и многосторонние сделки); – акты органов публичной власти и решения судебных инстанций.

Сложные юридические составы, влекущие прекращение права не единичным фактом, а совокупностью юридических условий, дифференцируются на: – юридические составы с участием собственника (например, сочетание судебного постановления и последующего соглашения сторон об условиях выкупа); – юридические составы без участия собственника (например, вынесение судебного решения об обращении взыскания на недвижимое имущество с последующей принудительной реализацией на публичных торгах и заключением договора купли-продажи с победителем).

Способы прекращения права собственности охватывают две магистральные группы. 1. Юридические события – обстоятельства объективной действительности, наступающие вне зависимости от воли и контроля участников отношений (например, истечение давностного срока владения для движимого имущества прекращает право прежнего владельца и порождает право первоначального приобретателя). 2. Юридические действия – волевые акты субъектов, классифицируемые на действия собственника (физическое уничтожение вещи), действия приобретателя (завладение бесхозяйным имуществом установленной стоимости), совместные действия сторон (традиция – фактическая передача вещи), а также акты и действия органов публичной власти и судов (изъятие имущества, государственная регистрация прекращения права, признание вещи бесхозяйной судебным актом).

Добровольные и принудительные формы утраты права собственности

Среди добровольных оснований ключевыми выступают отчуждение имущества по договору и добровольный отказ от права. В цивилистике существуют разногласия относительно того, всегда ли отчуждение влечет трансляцию права к иному лицу. По нашему убеждению, правовая природа института отчуждения неразрывно связана с правопреемством, а его функциональной целью является передача субъективного права конкретному приобретателю. Соответственно, приобретение права при договорном отчуждении всегда носит производный характер, в силу чего все ранее установленные правомерные обременения и ограничения объекта (сервитуты, залог, арендные правоотношения и др.) в полной мере сохраняют свою юридическую силу.

При переходе права на основании сделки право собственности предшественника прекращается одновременно с возникновением аналогичного права у приобретателя, что гарантирует непрерывность гражданского оборота. Момент перехода связывается законом с фактической передачей вещи (ст. 174 ГК АР), а в отношении объектов недвижимости – с государственной регистрацией права в едином государственном реестре прав на недвижимое имущество (ст. 139 ГК АР). Отказ от права собственности выступает односторонней сделкой, при которой собственник открыто и недвусмысленно демонстрирует устранение от владения вещью (дереликция). Лишь при наличии фактического оставления вещи и явного волеизъявления объект приобретает правовой режим бесхозяйного имущества и может поступить в собственность третьих лиц в порядке, предусмотренном законодательством.

Принудительные основания прекращения права собственности применяются исключительно в строго регламентированных законом экстраординарных случаях. Особое место занимает изъятие имущества для государственных нужд, призванное сбалансировать публичный интерес и частные гарантии. Такое прекращение допустимо только на основании прямого законодательного предписания и при условии обязательного предварительного, справедливого и соразмерного возмещения. В противном случае изъятие квалифицируется как противоправное посягательство, влекущее реституционные и компенсационные обязательства государства. Институты конфискации (безвозмездное карательное изъятие за правонарушение) и реквизиции (возмездное изъятие при чрезвычайных ситуациях) также образуют принудительные формы утраты права. Обращение взыскания на имущество должника по неисполненным обязательствам в процессе исполнительного

производства завершается принудительной реализацией объекта с публичных торгов и переходом титула к покупателю.

Согласно правовой позиции Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики, право собственности признается прекращенным лишь тогда, когда его юридическое восстановление на прежнем правовом основании объективно невозможно. Сам по себе факт временной утраты фактического господства над вещью (незаконное завладение, хищение) не тождествен прекращению права собственности как титула. Кроме того, прекращение права на часть неделимой вещи юридически невозможно в силу неделимости самого субъективного права; напротив, прекращение права на выделимую долю в праве на делимую вещь прямо допускается нормами гражданского законодательства [4].

Обобщенная систематизация основных нормативных форм прекращения права собственности по законодательству Азербайджанской Республики и наступающих юридических последствий представлена в таблице 1.

Таблица 1. Формы прекращения права собственности по законодательству Азербайджанской Республики

№	Основание прекращения	Юридическая природа	Компенсационный характер	Юридические последствия
1	Договор купли-продажи	Добровольное	Возмездный (по соглашению сторон)	Право переходит к приобретателю
2	Договор мены	Добровольное	Эквивалентно-возмездный	Взаимный переход права собственности
3	Договор дарения	Добровольное	Безвозмездный	Безвозмездный переход права к одаряемому
4	Отказ от права собственности	Добровольное (односторонее)	Безвозмездный	Право прекращается; вещь становится бесхозяйной
5	Изъятие для государственных нужд	Принудительное	Обязательное предварительное равноценное возмещение	Право переходит в публичную собственность
6	Конфискация	Принудительное (санкция)	Безвозмездный	Право прекращается без компенсации
7	Реквизиция	Принудительное	Возмездный (рыночная стоимость)	Временный или постоянный переход к государству
8	Обращение взыскания по долгам	Принудительное	В счет погашения задолженности	Реализация с торгов; право переходит к покупателю
9	Гибель или уничтожение вещи	Юридическое событие	Отсутствует	Право прекращается ввиду отсутствия объекта
10	Выкуп бесхозяйственно содержимых культурных ценностей	Смешанное (судебный порядок)	Возмездный (выплата стоимости за вычетом расходов)	Переход в публичную собственность
11	Приватизация государственного имущества	Волевое публично-частное	Возмездный (по общему правилу)	Трансформация публичной собственности в частную
12	Смерть физического лица – собственника	Юридическое событие	Отсутствует	Универсальное правопреемство (наследование)

Заключение

Обобщая результаты проведенного исследования, следует подчеркнуть, что порядок и материально-правовой механизм прекращения права собственности (по воле собственника, независимо от его воли либо в принудительном порядке) непосредственно детерминированы юридической природой лежащего в их основе юридического факта или фактического состава. Если основанием выступает объективное юридическое событие либо неправомерное поведение третьих лиц, прекращение права обусловлено внешними по отношению к воле собственника обстоятельствами. В тех случаях, когда прекращение базируется на одностороннем волеизъявлении правообладателя либо согласованной воле сторон гражданско-правового договора, процесс носит всецело добровольный характер. Наконец, реализация актов публичной власти и судебных постановлений предопределяет принудительный порядок прекращения титула, что с неизбежностью требует повышенных процедурных стандартов, неукоснительного соблюдения принципа соразмерности и предоставления надлежащего компенсаторного механизма в целях недопущения нарушения баланса между публичным интересом и неприкосновенностью частной собственности.

Литература

1. О толковании части 4 статьи 312 Гражданского кодекса Азербайджанской Республики во взаимосвязи со статьями 30.1 и 31.1 Закона Азербайджанской Республики «Об ипотеке»: Постановление Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики. – URL: https://e-qanun.az/framework/49990 (дата обращения: 08.09.2026).

2. О толковании некоторых положений статьи 460.1 Гражданского кодекса Азербайджанской Республики: Постановление Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики от 14 июля 2015 г. – URL: https://e-qanun.az/framework/30352 (дата обращения: 08.09.2026).

3. О толковании статей 107–2.1 и 107–5.1 Гражданского кодекса Азербайджанской Республики: Постановление Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики от 16 декабря 2011 г. – URL: https://e-qanun.az/framework/22842 (дата обращения: 08.09.2026).

4. По жалобе Р. Агаларова о проверке соответствия Конституции и законам Азербайджанской Республики решения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Азербайджанской Республики от 31 марта 2006 года: Постановление Пленума Конституционного Суда Азербайджанской Республики. – URL: https://e-qanun.az/framework/15952 (дата обращения: 08.09.2026).

5. Буртовая, Е.И. Прекращение права собственности по воле собственника в системе оснований и способов прекращения субъективного права собственности по законодательству Российской Федерации: автореф. дис. … канд. юрид. наук / Е.И. Буртовая. – Томск, 2011. – 23 с.

6. Захаров, Д.Е. Животные как объекты гражданских прав: учебное пособие / Д.Е. Захаров. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. – 98 с.

LEGAL GROUNDS FOR TERMINATION OF PROPERTY RIGHTS IN THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF AZERBAIJAN

Eminli N.M.
Baku State University

The institution of property rights has consistently occupied a focal position in civil law scholarship, conditioned by its foundational significance within the system of property rights and its essential function in civil turnover. This legal category provides the institutional framework for economic relations and acts as both a prerequisite and an outcome of regular asset circulation. This paper examines the legal grounds and mechanisms for the termination of property rights, along with their conceptual classification under various legal criteria. Drawing on the normative framework of the Republic of Azerbaijan and the legal positions established by the Plenum of the Constitutional Court, this study analyzes both voluntary and compulsory modalities of property deprivation. The author concludes that the operational modality of termination – whether voluntary, involuntary, or compulsory – is directly determined by the juridical nature of the underlying legal fact or composite legal structure.

Keywords: property right, termination of property rights, grounds for termination, methods of termination, property law, legislation of the Azerbaijan Republic.

References

1. On the interpretation of Part 4 of Article 312 of the Civil Code of the Republic of Azerbaijan in conjunction with Articles 30.1 and 31.1 of the Law of the Republic of Azerbaijan «On Mortgage»: Resolution of the Plenum of the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan. – URL: https://e-qanun.az/framework/49990 (accessed: 08.09.2026).

2. On the interpretation of certain provisions of Article 460.1 of the Civil Code of the Republic of Azerbaijan: Resolution of the Plenum of the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan dated July 14, 2015. – URL: https://e-qanun.az/framework/30352 (accessed: 08.09.2026).

3. On the interpretation of Articles 107–2.1 and 107–5.1 of the Civil Code of the Republic of Azerbaijan: Resolution of the Plenum of the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan dated December 16, 2011. – URL: https://e-qanun.az/framework/22842 (accessed: 08.09.2026).

4. Regarding the complaint of R. Aghalarov on the review of the conformity with the Constitution and laws of the Republic of Azerbaijan of the decision of the Judicial Panel on Civil Cases of the Supreme Court of the Republic of Azerbaijan dated March 31, 2006: Resolution of the Plenum of the Constitutional Court of the Republic of Azerbaijan. – URL: https://e-qanun.az/framework/15952 (accessed: 08.09.2026).

5. Burtovaya, E.I. Termination of the right of ownership at the owner's will within the system of grounds and methods for terminating the subjective right of ownership under the legislation of the Russian Federation: abstract of a dissertation … Candidate of Legal Sciences / E.I. Burtovaya. – Tomsk, 2011. – 23 p.

6. Zakharov, D.E. Animals as objects of civil rights: study guide / D.E. Zakharov. – Yekaterinburg: Ural University Press, 2020. – 98 p.

Воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности (в порядке анализа правоприменительной практики органов внутренних дел Российской Федерации)

Алексеева Елена Эдуардовна,
кандидат юридических наук, старший научный сотрудник НИЦ № 5 ВНИИ МВД России, подполковник полиции
E-mail: 9189929161@mail.ru

Смягчение уголовной ответственности за экономические преступления способствует укреплению доверия к правоохранительной системе и создает благоприятную почву для развития конкурентоспособного рынка. В статье автором рассматривается воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности, выделяя их в конкретные формы, то есть незаконный отказ в проведении государственной регистрации как индивидуального предпринимателя, так и юридического лица; умышленное избежание процедуры регистрации в качестве индивидуального предпринимателя или юридического лица.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, законность, воспрепятствование деятельности, ущемление прав и охраняемых законом интересов предпринимательства, юридическое лицо.

Уголовный кодекс современной России [3], появившийся на начальном этапе своего формирования, сочетал в себе фундаментальные элементы классического уголовного права, характерные для советской и постсоветской эпох, с инновационными положениями, которые ранее отсутствовали или оставались невостребованными из-за особенностей политической и экономической системы СССР и его ключевой республики – РСФСР.

В то время мотивация законодателя представляется достаточно ясной и объяснимой. Предпринимательская активность неизменно является одним из ключевых элементов экономического прогресса, следовательно, государства с развивающейся экономикой всемерно заинтересованы в обеспечении его поддержки и расширения. Для достижения этой цели государственные органы используют всевозможные инструменты, включая стимулирующие. В Российской Федерации основополагающими для роста бизнеса признаются эффективные правовые нормы, гарантирующие свободу предпринимательства.

Например, в исследовании, проведенном В.А. Казаковым и С.Ю. Кораблевым, подчеркивается, что значительное количество статей главы 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» Уголовного кодекса Российской Федерации ориентированы на защиту честных предпринимателей от противоправных действий конкурентов, необоснованного вмешательства со стороны государственных структур и т.п. Регулярные корректировки этих статей часто объясняются потребностью в предотвращении любых попыток давления на бизнес и, как следствие, в укреплении доверия между государством и предпринимательским сообществом. Тем не менее, обилие и непоследовательность вносимых изменений скорее говорят о некоторой дезориентации законодателя, не до конца понимающего, каким образом достичь этой цели [2].

Смягчение уголовной ответственности за экономические преступления способствует укреплению доверия к правоохранительной системе и создает благоприятную почву для развития конкурентоспособного рынка. Сегодня множество государственных органов имеют право инспектировать бизнес-операции. В связи с этим, полиция обязана поддерживать государственные инициативы, направленные на упрощение ведения бизнеса, что тесно связано с борьбой против коррупции среди чиновников.

Устранение уголовной ответственности за определенные виды предпринимательской активности – это значимый шаг к повышению уровня доверия населения к правоохранительным структурам. Одновременно с этим, подобная мера благоприятно сказывается на формировании открытой рыночной среды, где честная конкуренция становится нормой. На сегодняшний день, достаточно большое количество регуляторных органов обладает правом проводить проверки в экономической сфере. Поэтому на Министерство внутренних дел Российской Федерации ложится ответственность за поддержку и реализацию мер, предпринимаемых государством. Эти меры нацелены на облегчение условий для развития малого и среднего бизнеса, что напрямую связано с пресечением коррупционных действий со стороны государственных служащих.

В качестве примера подобного рода норм можно привести статью 169 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ) [3], которая определяла конкретный вид преступлений, направленных против интересов бизнеса. Законодатель исходил из того, что данный состав преступления характеризуется наличием в его определении понятия «создание препятствий для законной предпринимательской или другой деятельности».

Для целей настоящего исследования под легальной понимается инициативная, выполняемая под личную ответственность коммерческая деятельность, ориентированная на регулярное извлечение дохода от эксплуатации активов, реализации продукции, осуществления заданий или предоставления сервисов субъектами, официально зарегистрированными в данном статусе в соответствии с законодательством.

Анализируя структуру статьи 169 УК РФ, эксперты, в частности В.И. Гладких и П.Н. Сбирунов, приходят к выводу, что охраняемым объектом этой нормы являются общественные отношения, формирующиеся в процессе выполнения должностными лицами функций, связанных с регулированием предпринимательской деятельности.

В частности, это касается функций выдачи разрешений, осуществления контрольно-надзорных мероприятий, фискальной политики и других видов регулирования. Область действия статьи охватывает принятие управленческих решений, проведение инспекций и проверок, заключение договоров и соглашений, выдачу различных поручений, лицензирование, контроль за соблюдением правил в сферах торговли, оказания услуг, производственной деятельности, налогообложения и сборов, кредитования, а также предоставление услуг государственными органами [1, с. 15].

Анализ правоприменительной деятельности по статье 169 УК РФ, основанный на данных федеральной статистической отчетности, указывает на относительно невысокую результативность данной уголовно-правовой нормы. В частности, за пятилетний период, выбранный для статистического анализа (с 2018 по 2022 год включительно), число зарегистрированных уголовных дел варьировалось в пределах от 55 до 105 (табл. 1).

Таблица 1

Статья 169 УК РФ	Год				
	2022	2021	2020	2019	2018
Количество преступлений, зарегистрированных в отчетном периоде (в целом по России) [5]	55	56	100	85	105

Статистический анализ выявляет, что зарегистрированные инциденты в основном обусловлены активностью конкретных российских регионов. В тоже время, подавляющее большинство субъектов федерации, а именно 60–70%, не зафиксировали каких-либо случаев препятствования законной предпринимательской или иной экономической деятельности.

Изучив работу В.А. Казаковой и С.Ю. Кораблевой, невозможно оспорить их утверждение о необходимости анализа статистической информации с учетом особенностей применения статьи 169 УК РФ. В частности, авторы справедливо отмечают, что рассматриваемая норма, отличающаяся сложной структурой, пересекается с другими положениями Уголовного кодекса и имеет бланкетный характер, требуя обращения к другим отраслям права [2].

Изучение текущей ситуации и практики применения закона позволяет с достаточной уверенностью выделить несколько ключевых факторов, обуславливающих редкость квалификации действий субъектов преступления (а именно, должностных лиц, как это определено в примечании к статье 285 УК РФ [3]) правоохранительными органами с учетом квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков, предусмотренных статьей 169 УК РФ.

В статье автором рассматривается воспрепятствование законной предпринимательской или иной деятельности, выделяя конкретные формы совершения этого преступления.

1. Незаконный отказ в проведении государственной регистрации как индивидуального предпринимателя, так и юридического лица.

2. Умышленное избежание процедуры регистрации в качестве индивидуального предпринимателя или юридического лица. В момент введения УК РФ, акцент на эти формы воспрепятствования мог быть оправдан, чтобы подчеркнуть уголовную ответственность за подобные действия. Однако, учитывая современное состояние развития общества и государства, такая необходимость, фактически, отпала.

Следует поддержать позицию С.С. Шишкина, который, исследуя процедуру государственной регистрации предпринимателей, подчеркнул, что установленный нормативно-заявительный принцип создания юридических лиц, а также четкие инструменты, закрепленные в Федеральном законе от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» [4] практически исключают возможность уклонения от регистрации или неправомерного отказа в ее осуществлении.

По его мнению, регистрирующий налоговый орган не осуществляет проверку представленных документов (за исключением заявления о государственной регистрации) на соответствие федеральному законодательству или иным нормативным актам, а также не контролирует достоверность сведений, содержащихся в этих документах (за исключением, например, полномочий лица, подающего заявление). Согласно действующему законодательству, налоговый орган (как регистрирующий орган) не имеет права проводить проверку документов, представляемых для регистрации организации [6].

Таким образом, такая часть описания объективной стороны данного состава преступления, как «Неправомерный отказ в государственной регистрации индивидуального предпринимателя или юридического лица либо уклонение от их регистрации, неправомерный отказ в выдаче специального разрешения (лицензии) на осуществление определенной деятельности либо уклонение от его выдачи» могут быть без особого ущерба для содержания и сущности данной нормы просто удалены из диспозиции ч. 1 ст. 169 УК РФ [3].

3. Необоснованный отказ в предоставлении специального разрешения (лицензии) для ведения конкретного вида деятельности.

4. Затягивание процесса выдачи специального разрешения (лицензии) на право заниматься определенной деятельностью. В контексте лицензирования конкретных сфер работы или выдачи особых разрешений, следует подчеркнуть, что система разрешительного регулирования, включающая в себя обширный свод нормативных и правовых актов федерального и регионального (иногда и ведомственного) уровня, предоставляет достаточно лазеек для, формально законного, отказа в выдаче документа, особенно если у заинтересованного лица возникает потребность в создании препятствий для конкурента.

5. Ущемление прав и охраняемых законом интересов частного предпринимателя или организации в связи с их организационно-правовой формой.

6. Незаконное притеснение независимости частного предпринимателя или компании.

7. Прочие незаконные формы вмешательства в работу частного предпринимателя или организации.

Содействие экономической безопасности и борьба с коррупцией являются приоритетными направлениями деятельности органов внутренних дел. В этих целях проводится всесторонняя работа по защите предпринимательства и формированию благоприятной среды для его роста и стабильной работы, что напрямую зависит от эффективности борьбы с коррупционными преступлениями, совершаемыми работниками государственных и муниципальных учреждений.

Во исполнение указаний Президента Российской Федерации, для гарантии соблюдения законности и предотвращения необоснованных оперативно-розыскных действий в отношении малых и средних предприятий, высшее руководство Министерства внутренних дел России взяло на особый контроль процесс рассмотрения информации о возможных незаконных действиях в сфере малого и среднего бизнеса, а также внедрение мер, направленных на минимизацию административного давления на бизнес-сообщество.

Кроме того, Генеральной прокуратурой Российской Федерации обеспечен контроль за проведением проверочных и оперативно-розыскных мероприятий в целях исключения фактов проведения проверок в отношении субъектов предпринимательской деятельности при наличии признаков гражданско-правового спора, т.е. без достаточных для этого поводов, что в дальнейшем может дать основание полагать о заинтересованности сотрудников полиции и лоббировании интересов другой стороны гражданско-правового спора.

В.А. Казакова и С.Ю. Кораблева закономерно утверждают, что возможно построение следующей теоретической модели для определения квалификации действий, ущемляющих законные права и интересы предпринимателей:

– в ситуации злоупотребления служебным положением, содеянное подпадает под действие статьи 169 УК РФ;

– в случае использования специфических должностных полномочий, действия оцениваются согласно статье 285 УК РФ;

– при превышении должностных полномочий, применяется статья 286 УК РФ;

– если присутствует получение незаконного вознаграждения, то любое из вышеуказанных действий квалифицируется по статье 290 УК РФ (или статье 291.2 УК РФ);

– при наличии реальной совокупности преступлений, например, когда должностное лицо инициирует необоснованные проверки в отношении бизнеса, а затем вымогает взятку, либо, наоборот, организует такие проверки после отказа в передаче взятки для усиления своих угроз, квалификация осуществляется по статье 290 УК РФ в сочетании с одной из трех статей (169, 285 или 286 УК РФ), определяемой характером совершенного деяния [3], [2].

В реальной практике применение данной модели представляется маловероятным. Фактическое получение материальной выгоды часто является единственным критерием, позволяющим отделить коррупционное деяние от других действий, перечисленных в статье 169 УК РФ. В отношении квалифицирующего фактора – злоупотребления служебным положением, полномочиями или их превышения (исключая случаи насилия), – проведение четкого разграничения между этими действиями на практике весьма проблематично.

Следует признать, что в современных реалиях статья 169 УК РФ оказалась малоэффективной в вопросах защиты бизнеса. Напротив, устаревшие и нечеткие формулировки затрудняют квалификацию и доказывание нарушений.

В заключение важно отметить следующее.

В текущей ситуации органы внутренних дел сталкиваются с двойной задачей: с одной стороны, создание благоприятной среды для развития бизнеса и предотвращение злоупотреблений со стороны контролирующих органов. С другой стороны, выявление и пресечение правонарушений, совершаемых самими предпринимателями, которые обязаны соблюдать законы и не нарушать права других лиц.

Однако, имея широкий спектр полномочий, органы внутренних дел не смогут в одиночку обеспечить защиту интересов малого и среднего бизнеса без сотрудничества со всеми заинтересованными сторонами, включая государственные и муниципальные органы, а также самих предпринимателей.

Учитывая антикоррупционную политику и меры по защите заявителей о коррупции, необходимо усилить разъяснительную работу среди предпринимателей о необходимости информирования правоохранительных органов о случаях необоснованного вмешательства в их деятельность со стороны должностных лиц, создавая нетерпимость к таким проявлениям и исключая использование правоохранительных органов в недобросовестной конкурентной борьбе.

Литература

1. Гладких, В.И., Сбирунов, П.Н. Квалификация воспрепятствования законной предпринимательской или иной деятельности // Российский следователь, № 8 (2012), С. 15–19.

2. Казакова В.А., Кораблева С.Ю. Статья 169 Уголовного кодекса Российской Федерации – имитация защиты предпринимательской деятельности // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2020. № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/statya-169-ugolovnogo-kodeksa-rossiyskoy-federatsii-imitatsiya-zaschity-predprinimatelskoydeyatelnosti.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

4. Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».

5. Форма федерального статистического наблюдения (ФОРМА 4-ЕГС). Раздел № 2 Сведения о зарегистрированных, раскрытых и нераскрытых преступлениях. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. [Электронный ресурс]. – URL: http://crimestat.ru/analytics.

6. Шишкин С.С. К вопросу о существовании юридических лиц (организаций). Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право» (2), 2014. С. 222–225.

OBSTRUCTION OF LAWFUL ENTREPRENEURIAL OR OTHER ACTIVITIES (IN THE CONTEXT OF AN ANALYSIS OF THE LAW ENFORCEMENT PRACTICE OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES OF THE RUSSIAN FEDERATION)

Alekseeva E.E.

AllRussian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The mitigation of criminal liability for economic crimes helps to strengthen trust in the law enforcement system and creates a favorable environment for the development of a competitive market. In this article, the author examines the obstruction of lawful entrepreneurial or other activities, distinguishing them into specific forms, namely, the unlawful refusal to carry out state registration of either an individual entrepreneur or a legal entity; the deliberate avoidance of the registration procedure as an individual entrepreneur or a legal entity.

Keywords: entrepreneurial activity, legality, obstruction of activity, infringement of the rights and legally protected interests of entrepreneurship, legal entity.

References

1. Gladkikh, V.I., Sbirunov, P.N. Qualification of Obstruction of Lawful Entrepreneurial or Other Activities // Rossiyskiy Sledovatel, № 8 (2012), Pp. 15–19.

2. Kazakova V.A., Korablyova S. Yu. Article 169 of the Criminal Code of the Russian Federation – Imitation of Protection of Entrepreneurial Activity // Vestnik SPbGU. Series 14. Right. 2020. № 4. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/statya-169-ugolovnogo-kodeksa-rossiyskoy-federatsii-imitatsiya-zaschity-predprinimatelskoydeyatelnosti.

3. Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law № 63FZ dated June 13, 1996 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – № 25. – Art. 2954.

4. Federal Law № 129FZ dated 08.08.2001 «On State Registration of Legal Entities and Individual Entrepreneurs» // [Electronic resource]. Accessed via the Garant reference and legal system.

5. Federal statistical observation form (FORM 4EGS). Section № 2: Information on registered, solved, and unsolved crimes. Legal Statistics Portal of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. [Electronic resource]. – URL: http://crimestat.ru/analytics.

6. Shishkin S.S. On the issue of the existence of legal entities (organizations). Bulletin of Udmurt University. Series «Economics and Law» (2), 2014. Pp. 222–225.

Уголовно-правовые проблемы противодействия мошенничеству, совершаемому с использованием специальных технических средств

Брума Николай Марчелович,
аспирант, кафедра уголовно-правовые дисциплины,
Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича
Столетовых
E-mail: 2bru2@mail.ru

Предмет статьи составляет уголовно-правовая оценка мошеннических посягательств, механизм которых включает специализированные телекоммуникационные, программно-аппаратные, цифровые средства. Актуальность исследования обусловлена распространением SIM-боксов, GSM-шлюзов, виртуальных телефонных станций, технологий синтеза аудио- и видеоконтента, расширяющих масштаб дистанционных схем, усложняющих установление роли участников, квалификацию имущественных, компьютерных, инфраструктурных преступлений. Цель исследования состоит в формировании функциональной модели уголовно-правовой оценки технических средств, включаемых в механизм мошенничества. Использованы анализ научных публикаций, сравнительный, классификационный, логико-аналитический методы, обобщение, синтез. Материал составили российские публикации 2022–2026 гг., посвященные телефонному, дистанционному мошенничеству, SIM-боксам, электронным средствам платежа, социальной инженерии, дипфейк-технологиям, уголовно-правовой охране телекоммуникационной инфраструктуры. Научная новизна выражена в разграничении функций средств формирования обмана, масштабирования коммуникации, получения доступа к имущественным активам, воздействия на компьютерную информацию. Результаты применимы при квалификации деяний, разграничении смежных составов, установлении соотношения имущественного посягательства со статьей 274.3 УК РФ.

Ключевые слова: мошенничество, специальные технические средства, SIM-бокс, виртуальная телефонная станция, дистанционные хищения, электронные средства платежа, социальная инженерия, дипфейк-технологии, квалификация преступлений, статья 274.3 УК РФ.

Введение

Специализированные технические средства включаются в механизм дистанционных имущественных посягательств через автоматизацию массовых коммуникаций, маскирование идентификаторов, удаленную маршрутизацию соединений, синтез голоса, изображения, использование цифровых платежных инструментов, вследствие чего уголовно-правовая оценка деяния связывается с функцией конкретного средства, способом перехода имущества, характером воздействия на компьютерную информацию, ролью телекоммуникационной инфраструктуры. Введение статьи 274.3 УК РФ, действующей с 1 сентября 2025 г. и устанавливающей ответственность за незаконное использование абонентского терминала пропуска трафика или виртуальной телефонной станции либо обеспечение их функционирования в предусмотренных законом случаях, сформировало самостоятельный уровень уголовно-правовой охраны технической инфраструктуры дистанционной преступной деятельности.

Цель исследования состоит в формировании функционально ориентированной модели уголовно-правовой оценки мошенничества, совершаемого с использованием специализированных технических средств. Ее достижение связано с тремя задачами. Первая задача состоит в определении уголовно-правового значения технического средства через выполняемую им функцию в механизме имущественного посягательства. Вторая охватывает систематизацию критериев квалификации по статьям 159, 159.3, 159.6, пункту «г» части 3 статьи 158 УК РФ применительно к схемам с SIM-боксами, виртуальными телефонными станциями, электронными средствами платежа, социальной инженерией, цифровыми средствами воздействия. Третья задача связана с установлением места статьи 274.3 УК РФ в системе противодействия технической инфраструктуре дистанционного мошенничества, определением квалификационных границ ее применения.

Научная новизна определяется функциональной классификацией технических средств по их роли в преступном механизме. Средства первой группы формируют или передают обманное информационное воздействие, вторая группа обеспечивает масштабирование, маршрутизацию, сокрытие телекоммуникационного взаимодействия, третья объединяет инструменты получения доступа к безналичным денежным средствам, инициирования платежных операций, четвертая охватывает средства воздействия на процессы хранения, обработки, передачи компьютерной информации.

Материалы и методы

Материал исследования сформирован из российских научных публикаций, раскрывающих уголовно-правовые, криминологические, организационно-правовые аспекты технологически опосредованных хищений. К.М. Андреева [1] исследует правовые основы противодействия преступному использованию SIM-боксов, механизмы взаимодействия правоохранительных органов с операторами связи. И.Р. Бегишев [2] раскрывает признаки незаконного использования абонентского терминала пропуска трафика, виртуальной телефонной станции, квалификационные вопросы применения статьи 274.3 УК РФ. Т.М. Магомедов [3], А.Ш. Алиев [3] связывают квалификацию телефонного мошенничества со способом распоряжения денежными средствами, участием потерпевшего в платежной операции, характером воздействия на информационную систему. Д.С. Мирный [4] рассматривает уголовно-правовое значение SIM-бокса как программно-аппаратного комплекса, обеспечивающего массовую коммуникацию, сокрытие фактического пользователя. И.С. Назаренко [5], Д.В. Меняйло [5], А.И. Красноруцкая [5] анализируют SIM-боксы, GSM-шлюзы, виртуальные АТС как элементы телекоммуникационной инфраструктуры организованной киберпреступности, систематизируют меры противодействия их применению. Е.С. Палий [6] исследует дистанционное мошенничество с применением социальной инженерии, технологий генерации аудио-, видеоконтента. Е.А. Русскевич [7] раскрывает признаки мошенничества с использованием электронных средств платежа, критерии квалификации смежных форм хищения. В.И. Тюнин [8], О.А. Чабукиани [8] анализируют правоприменение статьи 159.3 УК РФ с учетом судебных разъяснений, сложившихся квалификационных подходов. С.Н. Ущекин [9] исследует

значение социальной инженерии для определения способа завладения безналичными денежными средствами. Е.Е. Чередниченко [10] рассматривает правоприменительные, профилактические, организационные аспекты противодействия дистанционному мошенничеству.

Методическую основу составили содержательный анализ научных публикаций для выделения юридически значимых характеристик технических средств, сравнительный анализ квалификационных подходов, классификация технических функций внутри преступной схемы, логико-аналитический анализ связи информационного воздействия с механизмом перехода имущества, обобщение правоприменительных критериев, синтез положений о соотношении имущественных преступлений с посягательствами на телекоммуникационную инфраструктуру.

Результаты

Уголовно-правовое значение специального технического средства формируется его местом в причинной, операционной структуре преступления, поскольку один программно-аппаратный комплекс способен обеспечивать коммуникацию, массовое распространение сообщений, маршрутизацию трафика, маскирование фактической локализации пользователя, получение платежных данных. Различие перечисленных функций определяет различие их квалификационного значения. Понятие специальных технических средств применительно к исследуемым схемам охватывает функционально специализированные телекоммуникационные, программно-аппаратные, цифровые решения, включенные в подготовку либо реализацию хищения, а уголовно-правовая оценка конкретного средства опирается на его устройство, назначение, способ фактического использования.

Телекоммуникационную инфраструктуру преступной схемы образуют средства, обеспечивающие массовую обработку соединений, маршрутизацию трафика, удаленное управление абонентскими модулями. SIM-боксы представляют собой программно-аппаратные комплексы, рассчитанные на одновременное использование множества SIM-карт, организацию значительного объема голосовых соединений, сообщений, передачу трафика через мобильные сети. К.М. Андреева [1], Д.С. Мирный [4], И.С. Назаренко, Д.В. Меняйло, А.И. Красноруцкая [5] связывают техническую специфику такого оборудования с массовостью соединений, удаленным управлением, затруднением идентификации фактического пользователя, включением оборудования в распределенную инфраструктуру. Перечисленные свойства формируют техническую среду масштабирования обманного воздействия, вследствие чего уголовно-правовая оценка SIM-бокса соотносится с его инфраструктурной функцией, последующими операциями с имуществом потерпевшего [1; 4; 5].

Развитие уголовно-правового регулирования SIM-боксов отражает последовательное включение телекоммуникационной инфраструктуры в самостоятельный объект правовой оценки. Д.С. Мирный [4] в 2024 г. рассматривал введение специальной уголовно-правовой нормы об использовании оборудования такого типа среди возможных направлений реагирования, а Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 282-ФЗ дополнил УК РФ статьей 274.3 «Незаконное использование абонентского терминала пропуска трафика или виртуальной телефонной станции», вступившей в силу 1 сентября 2025 г. И.Р. Бегишев [2] применительно к действующему регулированию исследует признаки объективной стороны, квалифицирующие обстоятельства, критерии разграничения смежных составов, содержание незаконного использования. И.С. Назаренко, Д.В. Меняйло, А.И. Красноруцкая [5] включают новую норму в систему мер противодействия телекоммуникационной инфраструктуре организованной киберпреступности. Статья 274.3 УК РФ распространила уголовно-правовую оценку на действия с технической инфраструктурой, предшествующие имущественному посягательству, сопровождающие его реализацию [2; 4; 5].

Средства информационного воздействия на потерпевшего выполняют иную функцию внутри преступного механизма, связанную с формированием ложного представления об обстоятельствах, личности собеседника, содержании предполагаемой операции. Телефонная связь, интернет-коммуникации, синтезированный голос, сгенерированное изображение служат каналами доставки, усиления обманной информации, под влиянием которой лицо совершает имущественно значимое действие. Е.С. Палий [6] связывает развитие дистанционных схем с сочетанием социальной инженерии, deepfake-технологий, повышающих правдоподобие сообщения посредством воспроизведения признаков знакомого лица либо доверительной фигуры. Техническая достоверность такой имитации характеризует интенсивность воздействия на волю потерпевшего, а квалификация имущественного преступления определяется способом завладения денежными средствами. Технология генерации контента выступает элементом способа обмана, значимым для оценки коммуникации, установления создателя цифрового материала, лица, использовавшего материал при реализации преступной схемы [6].

Телефонный канал приобретает квалификационное содержание через последующий механизм распоряжения имуществом, что отражено в позиции Т.М. Магомедова, А.Ш. Алиева [3], связывающих юридическую оценку со субъектом инициирования платежной операции, способом использования реквизитов, характером воздействия на программные средства, информационную сеть. Передача владельцем конфиденциальных сведений под влиянием обмана с последующим использованием этих данных виновным для списания денежных средств требует оценки механизма тайного изъятия, а воздействие на компьютерную информацию ставит вопрос о применении статьи 159.6 УК РФ. Самостоятельное распоряжение потерпевшего своими средствами под влиянием ложной информации формирует иной механизм перехода имущества, основанный на обманном воздействии [3].

Операции с электронными средствами платежа, платежными реквизитами, системами дистанционного банковского обслуживания образуют третью функциональную группу. Е.А. Русскевич [7] связывает содержание статьи 159.3 УК РФ с использованием электронного средства платежа в процессе создания, удостоверения, передачи распоряжения о переводе денежных средств. В.И. Тюнин, О.А. Чабукиани [8] рассматривают квалификационные сложности, возникающие при сочетании обмана, цифрового платежного инструментария, безналичной формы имущества. С.Н. Ущекин [9] анализирует социальную инженерию через направленность воздействия, поскольку получение реквизитов для последующего доступа к счету, склонение потерпевшего к непосредственному переводу средств характеризуют разные механизмы изъятия имущества. Сопоставление указанных подходов связывает квалификацию с порядком образования, реализации распоряжения денежными средствами, ролью электронного средства платежа в соответствующей операции [7–9].

Функциональная оценка позволяет выстроить последовательность квалификации по способу движения денежных средств. Распоряжение потерпевшего имуществом под воздействием ложных сведений связывает юридическую оценку с обманом как причиной имущественного волеизъявления. Получение конфиденциальных реквизитов посредством социальной инженерии с последующим самостоятельным списанием средств переносит квалификационный акцент на механизм тайного изъятия, включая положения пункта «г» части 3 статьи 158 УК РФ при наличии предусмотренных законом признаков. Использование электронного средства платежа соотносится со статьей 159.3 УК РФ через характер обмана в платежной процедуре [7; 8]. Ввод, удаление, блокирование, модификация компьютерной информации, иное воздействие на функционирование средств ее хранения, обработки, передачи либо информационно-телекоммуникационных сетей формируют основание для оценки по статье 159.6 УК РФ при наличии совокупности признаков соответствующего состава.

Средства четвертой функциональной группы воздействуют непосредственно на процессы обработки компьютерной информации, поэтому разграничение социально-инженерной, компьютерно-технической моделей связано с фактическим объектом воздействия. Сообщение, телефонный звонок, поддельная веб-страница, синтезированный голос ориентированы на восприятие человека в ситуации, когда дальнейшее распоряжение активом совершается посредством волевого действия потерпевшего. Техническая операция, изменяющая хранение, обработку, передачу компьютерной информации либо функционирование соответствующей сети, переводит квалификационный анализ к признакам статьи 159.6 УК РФ. Судебное толкование данной нормы связывает ее применение с вмешательством в функционирование средств обработки, хранения, передачи компьютерной информации, информационно-телекоммуникационных сетей, вследствие чего сам факт использования цифрового устройства получает юридическое значение через конкретный способ компьютерного воздействия.

Социальная инженерия соединяет психологическое воздействие с техническими возможностями доставки, персонализации, усиления обманного сообщения. С.Н. Ущекин [9] раскрывает ее значение через направленность действий виновного, Е.С. Палий [6] рассматривает усложнение коммуникационного воздействия средствами синтеза цифрового контента, Т.М. Магомедов, А.Ш. Алиев [3] связывают квалификацию телефонных схем с последующим механизмом распоряжения денежными средствами. Совокупность этих положений формирует общий критерий, согласно которому уголовно-правовое содержание технологически усиленного обмана определяется результатом воздействия на имущественное решение лица. Имитация голоса родственника, представителя организации, иного доверенного лица повышает убедительность ложного сообщения, а квалификация связывается

со способом перехода имущества, характером платежного действия, порядком использования полученных данных [3; 6; 9].

Статья 274.3 УК РФ формирует инфраструктурный уровень уголовно-правового реагирования, поскольку юридической оценке подлежит использование определенных телекоммуникационных средств либо обеспечение их функционирования при предусмотренной законом связи с иным преступлением, тяжкими последствиями. И.Р. Бегишев [2] связывает применение нормы с установлением признаков незаконного использования, причинной связи, квалифицирующих обстоятельств, критериев разграничения смежных составов. И.С. Назаренко, Д.В. Меняйло, А.И. Краснорукая [5] рассматривают уголовно-правовой запрет в системе технического контроля, межведомственного взаимодействия, организационных мер противодействия, значение конструкция приобретает в распределенных схемах, где оператор SIM-бокса или виртуальной АТС обеспечивает коммуникационную инфраструктуру, а пределы его ответственности устанавливаются через осведомленность о характере использования оборудования, цель действий, содержание технического содействия [2; 5].

Инфраструктурная модель расширяет анализ дистанционного мошенничества за счет операций, обеспечивающих техническую возможность последующего имущественного посягательства. Е.Е. Чередниченко [10] связывает противодействие дистанционному мошенничеству с сочетанием уголовно-правовых, организационных, профилактических мер, специализацией деятельности по выявлению, расследованию соответствующих преступлений. К.М. Андреева [1] применительно к SIM-боксам выделяет взаимодействие правоохранительных органов с операторами связи, установление технических признаков эксплуатации оборудования. Положения об организованной телекоммуникационной инфраструктуре, раскрытые И.С. Назаренко, Д.В. Меняйло, А.И. Краснорукой [5], дополняют эту систему за счет анализа распределенных технических средств. Уголовно-правовая эффективность в такой модели зависит от установления функции оборудования, цифровых следов эксплуатации, связи оператора инфраструктуры с последующими преступными действиями [1; 5; 10].

Функциональная модель квалификации технологически опосредованного мошенничества включает четыре последовательно устанавливаемых обстоятельства, охватывающих назначение технического средства внутри схемы, субъекта юридически значимого распоряжения имуществом, способ использования компьютерной информации или платежного инструмента, самостоятельную эксплуатацию телекоммуникационной инфраструктуры, подпадающей под признаки статьи 274.3 УК РФ. Назначение средства определяется через коммуникацию, масштабирование взаимодействия, получение доступа к платежному активу, воздействие на компьютерную информацию. Последующая оценка связывает техническую характеристику со структурой состава преступления, конкретной операцией внутри механизма завладения имуществом.

Обсуждение

Научные подходы формируют двухуровневую модель уголовно-правовой оценки специальных технических средств, объединяющую механизм имущественного посягательства с технической инфраструктурой его реализации. В первом компоненте юридическое значение технологии раскрывается через способ завладения денежными средствами, во втором компоненте через эксплуатацию специализированного телекоммуникационного оборудования, маршрутизацию трафика, обеспечение распределенной системы связи. Одно оборудование вследствие этого способно одновременно выступать источником доказательственной информации о способе совершения хищения, объектом самостоятельной квалификационной оценки по норме о телекоммуникационной инфраструктуре при наличии предусмотренных законом признаков.

Механизм перехода имущества обеспечивает устойчивое основание квалификации при технологической изменчивости применяемых средств, поскольку SIM-бокс, виртуальная АТС, средство синтеза голоса способны использоваться в различных сценариях, а юридическое содержание конкретного эпизода устанавливается через выполняемую операцию. Передача ложной информации, получение платежных данных, самостоятельное списание денежных средств, воздействие на компьютерную информацию, обеспечение инфраструктуры последующих преступных действий характеризуют разные участки преступного механизма.

Сложности квалификации операций с электронными средствами платежа связаны с последовательным соединением нескольких действий внутри одного эпизода, когда потерпевший сообщает реквизиты под воздействием обмана, подтверждает операцию, устанавливает программное обеспечение, предоставляет доступ к устройству. Каждое действие влияет на структуру завладения имуществом, поэтому криминологическое обозначение схемы как телефонного либо дистанционного мошенничества требует дальнейшей юридической конкретизации через способ распоряжения денежными средствами, роль платежного инструмента, характер доступа к компьютерной информации.

Социальная инженерия усиливает технологическую составляющую преступной схемы через воздействие на процесс принятия имущественного решения. Дипфейк повышает достоверность ложной идентичности, SIM-бокс расширяет охват потенциальных адресатов, электронное средство платежа обеспечивает реализацию денежной операции, программное воздействие изменяет информационные процессы. Распределение перечисленных элементов по этапам преступного механизма позволяет установить самостоятельное юридическое значение каждого действия, сохраняя связь технического способа коммуникации с последующим способом завладения имуществом.

Введение статьи 274.3 УК РФ сформировало самостоятельное направление уголовно-правовой оценки специализированной телекоммуникационной инфраструктуры, охватывающее основания ответственности лица, обеспечивающего функционирование технической среды преступной деятельности. Применение нормы требует установления назначения оборудования, характера его фактической эксплуатации, связи с предусмотренным законом преступным результатом, субъективного отношения лица к выполняемым операциям. Точная фиксация этих признаков сохраняет разграничительную функцию статьи 274.3 УК РФ, связывает уголовную ответственность с фактическим использованием оборудования внутри конкретной преступной схемы.

Исследовательская лакуна связана с дальнейшей виртуализацией телекоммуникационных сервисов, поскольку функции маршрутизации, массового инициирования соединений, удаленного управления постепенно распределяются между физическими устройствами, облачными сервисами, программными платформами. Функциональный подход сохраняет аналитическую пригодность для таких технологических изменений за счет оценки выполняемой операции, а законодательные признаки конкретного состава задают пределы уголовно-правовой квалификации.

Ранний этап применения статьи 274.3 УК РФ определяет ограниченный объем сформированной судебной практики, поэтому публикации 2025–2026 гг. преимущественно разрабатывают исходные критерии толкования нормы, ее место среди преступлений в сфере компьютерной информации, связь с дистанционными имущественными посягательствами. Последующее накопление судебных решений способно конкретизировать содержание незаконного использования, требования к установлению цели совершения иного преступления, критерии оценки действий участников распределенной телекоммуникационной инфраструктуры.

Доказывание функциональной роли технического средства требует сопоставления характеристик оборудования с действиями конкретного лица, последовательностью соединений, управлением абонентскими модулями, созданием цифрового контента, платежными операциями. Межведомственный обмен, взаимодействие с операторами связи приобретают значение как инструменты восстановления этой последовательности, поскольку уголовно-правовая квалификация формируется через установленную связь оборудования с конкретным эпизодом, действиями пользователя, движением информации, имущественным результатом.

Заключение

Уголовно-правовое значение специальных технических средств определяется выполняемой функцией внутри механизма преступления. Средства формирования, передачи обмана воздействуют на имущественное решение потерпевшего, SIM-боксы, GSM-шлюзы, виртуальные телефонные станции обеспечивают масштабирование коммуникации, маршрутизацию трафика, платежные инструменты участвуют в движении денежных средств, средства компьютерного воздействия изменяют процессы хранения, обработки, передачи информации. Функциональная классификация связывает техническое средство с конкретным юридически значимым действием, что соответствует первой задаче исследования.

Разграничение смежных имущественных составов строится через механизм распоряжения денежными средствами. Имущественное действие потерпевшего под влиянием ложных сведений характеризует мошеннический механизм, самостоятельное использование виновным полученных реквизитов требует оценки способа тайного изъятия безналичных денежных средств, электронное средство платежа соотносится со специальными признаками статьи 159.3 УК РФ, воздействие на процессы хранения, обработки, передачи компьютерной информации определяет основания применения статьи 159.6 УК РФ.

Статья 274.3 УК РФ занимает самостоятельное место в системе противодействия технической инфраструктуре технологически обеспеченных преступных схем. Ее применение связано с установлением функции абонентского терминала пропуска трафика или виртуальной телефонной станции, характера эксплуатации оборудования, предусмотренной законом связи с иным преступлением либо последствиями, роли конкретного участника в обеспечении функционирования инфраструктуры. Решение третьей задачи показывает значение согласованного использования уголовно-правовых критериев, технической экспертизы, сведений операторов связи для разграничения инфраструктурных действий, имущественных посягательств, компьютерного воздействия.

Литература

1. Андреева К.М. Противодействие использованию сим-боксов в преступных целях: правовые основы и практика работы правоохранительных органов // Публичное право. 2026. № 2. С. 42–48. DOI 10.24412/3033–6775–2026–2–42–48.

2. Бегишев И.Р. Уголовно-правовая характеристика незаконного использования абонентского терминала пропуска трафика и виртуальной телефонной станции // Законодательство. 2026. № 6.

3. Магомедов Т. М., Алиев А.Ш. Особенности уголовно-правовой квалификации «телефонного мошенничества» в современных условиях // Образование и право. 2026. № 2. С. 781–786. DOI 10.24412/2076–1503–2026–2–781–786.

4. Мирный Д.С. Использование оборудования типа SIM-бокс: уголовно-правовой аспект // Лоббирование в законодательстве. 2024. Т. 3, № 4. С. 84–88. DOI 10.33693/2782–7372–2024–3–4–84–88.

5. Назаренко И. С., Меняйло Д.В., Красноруцкая А.И. SIM-боксы в телекоммуникационной инфраструктуре организованной киберпреступности и организационно-правовые меры противодействия // Криминологический журнал. 2026. № 2. С. 214–221. EDN GEMASY.

6. Палий Е.С. Криминологические и уголовно-правовые аспекты дистанционного мошенничества с применением deepfake-технологий и социальной инженерии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 4 (108). С. 149–157.

7. Русскевич Е.А. Отграничение мошенничества с использованием электронных средств платежа (ст. 159.3 УК РФ) от смежных составов преступлений // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 10 (98). С. 118–126. DOI 10.17803/2311–5998.2022.98.10.118–126.

8. Тюнин В. И., Чабукиани О.А. Мошенничество с использованием электронных средств платежа (вопросы правоприменения) // Криминалистъ. 2023. № 4 (45). С. 92–98.

9. Ущекин С.Н. Некоторые вопросы квалификации хищений с использованием электронных средств платежа в контексте применения приемов и методов социальной инженерии // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2024. № 2. С. 92–97.

10. Чередниченко Е.Е. Дистанционное мошенничество: проблемы профилактики, расследования и правоприменения // Проблемы экономики и юридической практики. 2023. Т. 19, № 1. С. 211–214.

CRIMINAL LAW PROBLEMS OF COUNTERING FRAUD COMMITTED USING SPECIAL TECHNICAL MEANS

Bruma N.M.

Vladimir State University named after Alexander and Nikolai Stoletov

The article examines the criminal law assessment of fraudulent offences involving specialized telecommunications, hardware-software, and digital tools. The relevance of the study is associated with the spread of SIM boxes, GSM gateways, virtual telephone exchanges, and audio and video synthesis technologies, which increase the scale of remote fraudulent schemes and complicate the identification of participants' roles and the legal classification of property, computer-related, and infrastructure offences. The study aims to develop a functional model for the criminal law assessment of technical means incorporated into fraudulent schemes. The research applies analysis of academic publications, comparative, classificatory, logical-analytical methods, generalization, and synthesis. The source base comprises Russian studies published in 2022–2026 on telephone and remote fraud, SIM boxes, electronic means of payment, social engineering, deepfake technologies, and criminal law protection of telecommunications infrastructure. The scientific novelty lies in distinguishing the functions of tools used to create deception, scale communications, gain access to property assets, and affect computer information. The findings can be applied to offence classification, differentiation of related offences, and assessment of the relationship between property offences and Article 274.3 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: fraud, special technical means, SIM box, virtual telephone exchange, remote theft, electronic means of payment, social engineering, deepfake technologies, offence classification, Article 274.3 of the Criminal Code of the Russian Federation.

References

1. Andreeva K.M. Countering the use of SIM boxes for criminal purposes: legal foundations and law enforcement practice // Public Law. 2026. № 2. P. 42–48. DOI 10.24412/3033–6775–2026–2–42–48.

2. Begishev I.R. Criminal law characteristics of the illegal use of subscriber terminals for traffic routing and virtual telephone exchanges // Legislation. 2026. № 6.

3. Magomedov T. M., Aliev A. Sh. Specifics of the criminal law classification of «telephone fraud» in modern conditions // Education and Law. 2026. № 2. P. 781–786. DOI 10.24412/2076–1503–2026–2–781–786.

4. Mirny D.S. Use of SIM-box equipment: criminal law aspects // Lobbying in Legislation. 2024. Vol. 3, № 4. P. 84–88. DOI 10.33693/2782–7372–2024–3–4–84–88.

5. Nazarenko I. S., Menyailo D.V., Krasnorutskaya A.I. SIM boxes in the telecommunications infrastructure of organized cybercrime and organizational-legal countermeasures // Criminological Journal. 2026. № 2. P. 214–221. EDN GEMASY. 6. Paliy E.S. Criminological and criminal-law aspects of remote fraud involving deepfake technologies and social engineering // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 4 (108). P. 149–157.

7. Russkevich E.A. Distinguishing fraud involving electronic payment instruments (Art. 159.3 of the Criminal Code of the Russian Federation) from related offenses // Bulletin of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2022. № 10 (98). P. 118–126. DOI 10.17803/2311–5998.2022.98.10.118–126.

8. Tyunin V. I., Chabukiani O.A. Fraud involving electronic payment instruments (issues of law enforcement) // Kriminalist. 2023. № 4 (45). P. 92–98.

9. Ushchekin S.N. Certain issues regarding the legal classification of misappropriation involving electronic payment instruments in the context of social engineering techniques and methods // Proceedings of Tula State University. Economic and Legal Sciences. 2024. № 2. P. 92–97.

10. Cherednichenko E.E. Remote fraud: issues of prevention, investigation, and law enforcement // Problems of Economics and Legal Practice. 2023. Vol. 19, № 1. P. 211–214.

Правовые и лингвистические аспекты совершенствования законодательной техники норм, регулирующих основания возобновления производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств

Алексеева Елена Сергеевна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, Санкт-Петербургского университета МВД России
E-mail: alena2410@yandex.ru

Статья посвящена изучению соотношения терминов «новые обстоятельства» и «вновь открывшиеся обстоятельства». Установлено, что деление оснований для возобновления производства на две группы не сопровождается различиями в процессуальном механизме пересмотра, а семантическая разница между данными терминами недостаточна для их закрепления в качестве двух самостоятельных правовых категорий. С позиций принципов законодательной техники и на основе лингвистического анализа предлагается объединить основания в единый перечень. Обосновывается, что подобный шаг позволит повысить терминологическую определенность и привести нормы в соответствие с технико-юридическими стандартами, ориентированными на ясность и логическую последовательность текста закона. Цель работы – обосновать нецелесообразность сохранения раздельного регулирования двух категорий и предложить их объединение в единый перечень. Методологическую основу составили сравнительно-правовой, семантический и технико-юридический методы. Сделан вывод о том, что объединение перечней отвечает требованиям законодательной техники и способствует преемственности отечественной процессуальной традиции. Новизна заключается в комплексном подходе, объединяющем лингвистический и технико-юридический анализ для обоснования унификации перечня оснований для возобновления производства по уголовному делу.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; возобновление производства по уголовному делу; вновь открывшиеся обстоятельства; новые обстоятельства; законодательная техника; технико-юридические требования; семантический анализ.

Институт возобновления производства ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств, являясь межотраслевым процессуальным институтом, представляет собой одну из гарантий законности деятельности судов и позволяет пересматривать вступившие в законную силу судебные решения на основании обстоятельств, которые по объективным причинам не исследовались судами первой и последующих инстанций, но которые могли бы существенно повлиять на исход дела. Наличие подобного института в российской правовой системе поддерживает доверие к правосудию, защищая права и законные интересы участников процесса даже после его завершения.

Особую значимость возобновление производства ввиду новых и вновь открывшихся обстоятельств приобретает в уголовном судопроизводстве. Это обусловлено тем, что данному виду государственной деятельности присуща особая правовая природа, где на первый план выходят гарантии соблюдения фундаментальных конституционных принципов, в первую очередь – презумпции невиновности, неприкосновенности личности.

В настоящее время уголовно-процессуальное законодательство, закрепляя основания для возобновления производства, оперирует двумя понятиями – «новые обстоятельства» и «вновь открывшиеся обстоятельства». Их перечень приведен в ст. 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УПК РФ).

Следует отметить, что имеющийся на сегодняшний день подход законодателя в части определения перечня новых и вновь открывшихся обстоятельств видится нам небезупречным, поскольку порождает ряд проблем как практического, так и теоретического характера. В частности, правоприменители нередко сталкиваются с трудностями при квалификации конкретных фактов как новых либо вновь открывшихся обстоятельств, неоднозначно применяют их в различных ситуациях, например, при отграничении оснований возобновления производства от оснований пересмотра в кассационном и надзорном порядке. Сказанное во многом обусловлено несовершенством законодательных формулировок, отсутствием четких критериев разграничения и неоднозначностью толкования отдельных положений главы 49 УПК РФ. В связи с этим, особую важность приобретает оценка данных категорий сквозь призму требований законодательной техники, в частности, принципов терминологической определенности, экономии нормативного материала и системной согласованности правовых норм. Формирование научно обоснованных направлений развития института возобновления производства, в том числе, в части унификации терминологии и исключения дублирующих положений способно существенно повысить качество уголовно-процессуального регулирования и обеспечить стабильность судебной практики. В связи с изложенным, исследование соотношения понятий «новые обстоятельства» и «вновь открывшиеся обстоятельства» приобретает особую значимость как в теоретическом, так и в практическом отношении.

Итак, согласно п. 2 ч. 2 ст. 413 УПК РФ под новыми понимаются обстоятельства, неизвестные суду на момент вынесения судебного решения, исключающие преступность и наказуемость деяния или подтверждающие наступление в период рассмотрения уголовного дела судом или после вынесения судебного решения новых общественно опасных последствий инкриминируемого обвиняемому деяния, являющихся основанием для предъявления ему обвинения в совершении более тяжкого преступления. Перечень таких обстоятельств закреплен в ч. 4 ст. 413 УПК РФ и носит открытый характер, поскольку включает в себя категорию «иные новые обстоятельства», позволяющую охватить не предусмотренные в указанной статье случаи.

К формулировке «иные обстоятельства» в юридической науке высказывается ряд претензий, связанных с отсутствием в законе четких критериев, позволяющих определить основания для отмены судебных актов [1, с. 126]. При этом подход законодателя и правоприменительной практики к категории «иные новые обстоятельства» остается предметом оживленных дискуссий.

Как отмечается в п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 декабря 2021 г. № 43 «О применении судами норм главы 49 УПК РФ, регулирующих возобновление производства по уголовному делу

ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств по заключению прокурора» (далее по тексту – ППВС № 43), «к иным новым обстоятельствам могут быть отнесены, в частности, установленные в ходе расследования, проведенного в соответствии с ч. 4 ст. 415 УПК РФ, обстоятельства, не известные ранее суду, свидетельствующие о непричастности осужденного к совершению преступления или о совершении им менее тяжкого преступления».

Р.М. Морозов и А.Г. Гапанович на основе анализа приговоров за 2020–2025 гг., в которых рассматривались иные новые обстоятельства, выделяют следующие иные основания: самооговор осужденного; доказательства того, что преступление совершено не тем лицом, которое было осуждено; установление факта, что считавшееся погибшим лицо на самом деле живо; констатация невменяемости осужденного на момент совершения преступления; предоставление нового экспертного заключения, значительно отличающегося от имеющихся материалов [1, с. 128]. Подобный подход правоприменителя порождает вопросы, поскольку перечисленные обстоятельства имели место на момент вынесения решения и отнесение их к категории новых обстоятельств выглядит недостаточно обоснованным.

До принятия ППВС № 43 в судебной практике имели место ситуации, когда в качестве иного нового обстоятельства, влекущего возобновление производства, признавалась отмена постановления об административном наказании по уголовным делам с административной преюдицией. Однако Пленум Верховного Суда разъяснил, что пересмотр вступивших в законную силу судебных решений по таким уголовным делам осуществляется по правилам кассационного и надзорного производства. Кроме того, в п. 7 ППВС № 43 указано, что не относится к числу новых обстоятельств, влекущих пересмотр по нормам главы 49 УПК РФ приговора или иного итогового судебного решения, постановленного в особом порядке судебного разбирательства (главы 40, 40.1 УПК РФ), изменение объема обвинения и (или) юридической квалификации деяния, имевшее место по результатам рассмотрения в общем порядке уголовного дела в отношении лиц, совершивших данное преступление в соучастии.

Таким образом, имевшая место в судебной практике расширительная трактовка понятия «иные новые обстоятельства» была скорректирована. Это еще раз подчеркивает неоднозначность в подходах к определению правовой сущности иных новых обстоятельств, что порождает проблемы в правоприменительной деятельности. Вариант решения обозначенной проблемы будет нами предложен ниже, поскольку его обоснование требует предварительного анализа еще одного взаимосвязанного аспекта, а именно определения понятия и перечня вновь открывшихся обстоятельств.

Согласно п. 1 ч. 2 ст. 413 УПК РФ под вновь открывшимися обстоятельствами понимаются обстоятельства, которые существовали на момент вступления приговора или иного судебного решения в законную силу, но не были известны суду. Их исчерпывающий перечень приведен в ч. 3 ст. 413 УПК РФ и ограничивается перечислением умышленных преступных действий отдельных участников процесса. К таковым, в частности, отнесены обстоятельства, связанные с совершением участниками процесса преступлений против правосудия, повлекших за собой постановление незаконного, необоснованного или несправедливого приговора, вынесение незаконного или необоснованного определения или постановления, а также преступные действия судьи, совершенные им при рассмотрении данного уголовного дела.

В научной литературе подвергается критике тот факт, что, в отличие от других процессуальных кодексов (Гражданского процессуального, Арбитражного процессуального, Кодекса административного судопроизводства), в УПК РФ в перечне вновь открывшихся обстоятельств не указаны иные существенные обстоятельства, которые не были и не могли быть известны на момент рассмотрения дела. Уголовное судопроизводство остается единственным видом государственной деятельности, где вновь открывшиеся обстоятельства привязаны к уголовно-наказуемому поведению конкретных лиц и не допускают иных оснований пересмотра.

Следует отметить тот факт, что предшественник ныне действующего УПК РФ – УПК РСФСР 1960 года, помимо трех обстоятельств, закрепленных в действующем УПК РФ, относил к вновь открывшимся и иные обстоятельства, неизвестные суду, которые сами по себе или вместе с обстоятельствами, ранее установленными, доказывают невиновность осужденного или совершение менее тяжкого или более тяжкого преступления, нежели то, за которое он осужден, а равно доказывают виновность оправданного или лица, в отношении которого дело было прекращено (ст. 384 УПК РСФСР). В связи с этим, некоторыми авторами высказывается недоумение относительно того, почему законодатель отказался от более емких по содержанию, чем действующие, и проверенных практикой формулировок [4, с. 106].

Отсутствие «иных обстоятельств» в перечне вновь открывшихся приводит к тому, что на практике фактически вновь открывшиеся обстоятельства искусственно «подгоняются» под категорию «иных новых обстоятельств» [4, с. 107].

В связи с изложенным отметим имеющееся в научной литературе предложение о необходимости исключения из ч. 4 ст. 413 УПК РФ пункта 3 «иные новые обстоятельства» и введении в перечень вновь открывшихся обстоятельств «иных вновь открывшихся обстоятельств» [1; 2]. Несомненно, данное предложение является обоснованным и логичным и заслуживает внимания как со стороны законодателя, так и со стороны научного сообщества. Вместе с тем, нами видится иное разрешение проблемы, заключающееся в возврате к единому перечню оснований для возобновления производства. Приведем следующие аргументы:

Во-первых, существующая конструкция «новые или вновь открывшиеся обстоятельства», несмотря на то, что объединяет различные по происхождению обстоятельства, имеет единое юридическое значение: указанные обстоятельства способны поставить под сомнение законность, обоснованность или справедливость ранее принятого судебного решения, когда появляются сведения, которые не были и не могли быть известны суду на момент разрешения дела по существу.

Полагаем, деление обстоятельств на новые и вновь открывшиеся носит во многом условный характер, а сама логика такого разделения уязвима: граница между обстоятельствами, существовавшими, но не известными и возникшими позже нередко стирается.

Кроме того, важно отметить практически идентичную процессуальную форму производства по новым и по вновь открывшимся обстоятельствам, о чем свидетельствует содержание ст. 415 УПК РФ. В частности, совпадают субъект, сроки и поводы возбуждения производства, процедура проверки, судебный порядок разрешения вопроса и др.

Таким образом, при почти полной схожести процессуального порядка пересмотра для обеих групп оснований, существование раздельных перечней обусловливает избыточную сложность, не сопровождаемую необходимым правовым эффектом.

В данном контексте важно обратиться к одному из важнейших принципов законодательной техники – принципу нормативной экономии, который выступает ключевым элементом технического изложения кодифицированного акта, обеспечивая оптимизацию правового материала через устранение дублирующих и избыточных предписаний [3, с. 821]. С позиций требования данного принципа действующая модель раздельного регулирования вновь открывшихся и новых обстоятельств не отвечает ряду фундаментальных требований, предъявляемых к качеству нормативного текста: при идентичности процессуального порядка возобновления производства для обеих категорий (ст. 415–419 УПК РФ) существование двух самостоятельных перечней создает избыточную сложность без сопровождающего ее правового эффекта. Дублирование процедурных норм, построенных по единому шаблону, противоречит правилу компактности, согласно которому законодатель должен стремиться к сокращению объема нормативного материала, но не в ущерб его качеству.

Во-вторых, использование разделительного союза «или» в конструкции «новые или вновь открывшиеся обстоятельства» формирует у правоприменителя представление о наличии двух самостоятельных, взаимно разграниченных категорий, хотя смысловое содержание соответствующих терминов не позволяет провести между ними однозначную границу. В одновременном использовании терминов «новые обстоятельства» и «вновь открывшиеся обстоятельства» проявляется семантическая коллизия между лексическим значением используемых понятий и их нормативным противопоставлением. Разумеется, мы не отрицаем наличие разницы между данными терминами, однако очевидная языковая близость не обеспечивает их безусловного разграничения на две самостоятельные юридические категории. Оба термина обозначают обстоятельства, которые становятся юридически значимыми для пересмотра уже принятого судебного решения вследствие их неучета при первоначальном разрешении дела.

По смыслу, вкладываемому законодателем в действующие формулировки УПК РФ, «новизна» обстоятельств зависит от того, существовали ли они в объективной реальности на момент вступления решения суда в законную силу либо нет. То есть они являются новыми, поскольку не существовали в принципе, а не потому что не были известны соответствующим субъектам уголовного судопроизводства. Однако, на наш взгляд, в правовой плоскости необходим другой подход: новизна обстоятельств должна определяться относительно их неизвестности для конкретного субъекта познания, а именно для суда. Следовательно, новым для суда может быть не только обстоятельство, возникшее после принятия судебного решения, но и обстоятельство, существовавшее ранее, однако неизвестное суду.

В связи с изложенным нам видится более целесообразным отказ от противопоставления «новые» – «вновь открывшиеся» и переход на единый термин – «вновь открывшиеся обстоятельства», который представляется более подходящим, поскольку, с точки зрения семантики русского языка, точнее и полнее отражает суть института пересмотра, чем термин «новые обстоятельства». Понятие «новый», согласно Большому толковому словарю русского языка, означает «такой, который не существовал раньше, впервые созданный, выведенный, открытый или только что, недавно вышедший, появившийся, выросший». В обыденном и юридическом значении оно указывает на возникновение обстоятельства после принятия судебного решения. Однако значительная часть оснований, на сегодняшний день относящихся к «новым», существовала объективно и до вынесения судебного акта (на что нами указывалось выше) – изменилось лишь их правовое значение. Термин «вновь открывшиеся» точнее отражает суть: обстоятельство «открылось» – стало известно или приобрело юридическую значимость лишь после решения, независимо от того, когда оно возникло. Он по своему лексическому смыслу шире и охватывает как обстоятельства, возникшие после решения, так и те, что существовали ранее, но не были известны суду.

Небезынтересно отметить, что в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве, начиная с Устава уголовного судопроизводства 1864 года и вплоть до УПК РСФСР 1960 года, законодатель последовательно придерживался подхода, предполагающего формирование единого перечня оснований для возобновления производства, охватываемого понятием «вновь открывшиеся обстоятельства». Термин «новые обстоятельства» появился лишь в действующем УПК РФ и, на наш взгляд, не подтвердил своей практической ценности за более чем двадцатилетний срок применения.

Уголовно-процессуальное законодательство ряда постсоветских государств переняло подход, при котором для возобновления производства в рамках рассматриваемого института используется единый перечень оснований – вновь открывшиеся обстоятельства. В качестве примера следует привести законодательство Беларуси, Казахстана, Таджикистана.

Подводя итог, отметим, что под термином «вновь открывшиеся обстоятельства» можно понимать любые обстоятельства, которые не были учтены при принятии судебного решения и обнаружены после его вступления в законную силу, независимо от причин, по которым они не были известны ранее. Объединение оснований в единый перечень под термином «вновь открывшиеся обстоятельства» позволит сохранить различия между конкретными видами обстоятельств и устранить искусственное терминологическое деление оснований на две категории. Подобное решение отвечает требованию системной согласованности нормативного материала. Оно не затронет механизм процессуального регулирования, а позволит устранить искусственную дифференциацию категорий, не обусловленную различиями в правовых последствиях, а также обеспечить внутреннее единство и системную согласованность положений главы 49 УПК РФ.

Литература

1. Морозов Р.М., Гапанович А.Г. Актуальные проблемы возбуждения производства по уголовному делу ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств // Lex Criminalis Scientiarum. – 2025. – Т. 2. – № 2 (4). – С. 124–129.

2. Прошляков А.Д., Русман Г.С. Понятие, признаки и виды вновь открывшихся и иных новых обстоятельств в уголовном процессе // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2024. – Т. 24. – № 2. – С. 50–55.

3. Цуканова Е.Ю., Бакирова Д.М. Основные принципы пандектной кодификации: от римского права к современным кодексам // Nomothetika: Философия. Социология. Право. – 2025. – Т. 50, № 4. – С. 816–824.

4. Шарипова А.Р. Пересмотр дел по вновь открывшимся и новым обстоятельствам: невыгодные отличия уголовного процесса // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2021. – № 3. С. 105–114.

LEGAL AND LINGUISTIC ASPECTS OF IMPROVING THE LEGISLATIVE TECHNIQUE OF NORMS REGULATING THE GROUNDS FOR RESUMING CRIMINAL PROCEEDINGS DUE TO NEW OR NEWLY DISCOVERED CIRCUMSTANCES

Alekseeva E.S.
Saint-Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia

The article is devoted to studying the relationship between the terms «new circumstances» and «newly discovered circumstances». It has been established that dividing the grounds for the resumption of proceedings into two groups is not accompanied by differences in the procedural mechanism of review, and the semantic difference between these terms is insufficient to establish them as two independent legal categories. From the perspective of the principles of legislative technique and based on linguistic analysis, it is proposed to combine the grounds into a single list. It is argued that such decision will help to improve terminological clarity and bring the norms into line with technical and legal standards aimed at ensuring the clarity and logical consistency of the law's text. The aim of the work is to substantiate the inadvisability of maintaining separate regulation of the two categories and to propose their unification into a single list. The methodological framework was based on comparative-legal, semantic, and technical-legal methods. It is concluded that the combination of the lists meets the requirements of legislative technique and contributes to the continuity of the domestic procedural tradition. The novelty lies in the comprehensive approach that combines linguistic and technical-legal analysis to substantiate the unification of the list of grounds for resuming criminal proceedings.

Keywords: criminal proceedings; resumption of criminal proceedings; newly discovered circumstances; new circumstances; legislative technique; technical and legal requirements; semantic analysis.

References

1. Morozov R.M., Gapanovich A.G. Current problems of initiating criminal proceedings due to new or newly discovered circumstances // Lex Criminalis Scientiarum. – 2025. – V. 2. – № 2 (4). – P. 124–129.

2. Proshlyakov A.D., Rusman G.S. Concept, signs and types of newly discovered and other new circumstances in criminal proceedings // Bulletin of South Ural State University. «Law» series. – 2024. – V. 24. – № 2. – P. 50–55.

3. Tsukanova E.Yu., Bakirova D.M. Basic principles of pandetic codification: from roman law to modern codes // Nomothetika: Philosophy. Sociology. Law. – 2025. – V. 50, № 4. – P. 816–824.

4. Sharipova A.R. Review of cases on newly opened and new circumstances: unfavourable distinctions of the criminal proceedings // Bulletin of Tomsk State University. Law. – 2021. – № 3. P. 105–114.

Символическая функция «мягкого права» в уголовном процессе: от обзоров судебной практики Верховным Судом РФ к стандартам справедливого правоприменения

Васяев Александр Александрович,
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-процессуального права имени П.А. Лупинской Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: AAVASYAEV@msal.ru

Даниленко Ирина Анатольевна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права имени П.А. Лупинской Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Предметом рассмотрения в проведенном исследовании выступает практическая роль обзоров и разъяснений, исходящих от Верховного Суда Российской Федерации, в сфере уголовного судопроизводства. Рабочей моделью анализа служит категория «мягкого права». Она прилагается к актам высшей судебной инстанции избирательно и не предполагает наделения их самостоятельной силой нормы уголовно-процессуального закона. В центре внимания – механизм, через который отдельное дело либо разъяснение превращается в ориентир для дальнейшей правоприменительной практики: какого рода выявленные системные нарушения закона становятся у Верховного Суда РФ предметом открытого разбора, что обеспечивает единство судебных подходов. Сделан вывод о том, что применительно к уголовному процессу корректнее говорить не о самостоятельном «мягком» источнике права, а об ориентирующем слое судебной практики. Его значение проявляется там, где закон оставляет пространство для оценки и где качество такой оценки непосредственно затрагивает свободу личности, право на защиту, интересы потерпевшего и обоснованность судебного решения.

Ключевые слова: уголовный процесс; мягкое право; Верховный Суд РФ; обзор судебной практики; постановление Пленума Верховного Суда РФ; судебное толкование; правовая определенность; обоснованность и мотивированность судебного решения; судебное усмотрение; справедливое правоприменение.

В уголовном процессе символика обычно заметна прежде всего во внешней стороне осуществления правосудия – в судебном ритуале, форме обращения к суду, публичном оглашении решения и др. Для темы настоящей статьи интерес представляет другое явление. Некоторые тексты Верховного Суда РФ начинают выполнять роль профессионального ориентира задолго до того (особенно это проявляется в арбитражном судопроизводстве), как правоприменитель сталкивается с аналогичной ситуацией в конкретном деле. Здесь важно не объявить любое разъяснение «символом», а выяснить, при каких условиях отдельная правовая позиция перестает быть только сообщением о состоявшемся решении и становится узнаваемым образцом оценки.

Конституционный статус Верховного Суда РФ задает для такого анализа жесткую границу. Этот орган возглавляет систему судов по отнесенным к их ведению делам, реализует функцию судебного контроля и разъясняет вопросы судебной практики. Полномочия подменять законодателя и формулировать новые уголовно-процессуальные правила отсюда, разумеется, не вытекают. Едва ли, однако, можно оспаривать, что от его разъяснений зависит понимание и применение уже действующих норм. Особенно ощутимым такое воздействие оказывается в уголовном судопроизводстве – при решениях, сопряженных с ограничением прав, свободы и законных интересов физических и юридических лиц.

Постановка проблемы получает дополнительную опору в текущей повестке высшей судебной инстанции. Председатель Верховного Суда РФ И.В. Краснов, выступая публично и давая интервью, акцентирует единообразие практики, понятность актов, устранение противоречивых подходов, снижение числа судебных ошибок [11]. Для настоящей работы существенно не политико-управленческое содержание сказанного, а его сопряжение с разъяснительной деятельностью. Раз качество правосудия увязывается с устойчивостью подходов, то оценка обзоров и постановлений Пленума должна учитывать не одно их формальное место среди источников уголовного судопроизводства – важно и то, как ими фактически руководствуются суды, а вместе с ними иные участники судопроизводства.

Уже во введении необходима оговорка относительно термина «мягкое право». Теория относит к нему профессиональные нормы, стандарты и прочие ориентиры, лишенные привычной общеобязательной силы нормы закона, но способные воздействовать на юридически значимое поведение [3]. Применение такой конструкции к уголовному процессу вызывает споры: данная отрасль построена на принципе законности и исключает неформальное расширение оснований принуждения. По этой причине «мягкое право» выступает в статье аналитическим понятием, описывающим ориентирующее воздействие судебных разъяснений, а вовсе не утверждением о возникновении дополнительного источника уголовно-процессуальных норм.

Целью проведенного исследования выступает проверка продуктивности названной модели в отношении обзоров судебной практики и разъяснений Верховного Суда РФ. Для ее достижения сопоставлены документы, различные по своей юридической природе, и разобраны теоретические ориентиры, где позиция высшей судебной инстанции сказывается на законности судебного решения, на оценке процессуального нарушения и на границах судебного усмотрения.

Круг источников исследования сознательно сужен до официальных материалов. Анализу подвергнуты нормы о статусе Верховного Суда РФ и о назначении уголовного судопроизводства, постановления Пленума, посвященные мерам пресечения, процессуальным издержкам, назначению наказания и возвращению дела прокурору, а равно обзоры судебной практики за 2025–2026 гг. [4]. Содержание оценивалось с учетом ст. 6 УПК РФ, которая соединяет назначение уголовного судопроизводства с защитой потерпевших и одновременно с защитой личности от незаконного и необоснованного обвинения и ограничения прав, свобод и законных интересов. Такая двойная направленность существенна: она исключает заведомое отождествление «справедливого» результата с обвинительной либо защитительной позицией по делу.

Обзоры изучались не путем подсчета встречающихся формул: задача состояла в том, чтобы проследить, как из отдельного дела складывается ориентир для дальнейшей правоприменительной практики.

В каждом выбранном фрагменте учитывались фабула, процессуальный вопрос, нарушение закона или спорный аспект в практической деятельности, аргументация Верховного Суда РФ и итоговое правовое последствие. Такой способ анализа позволяет увидеть различие между абстрактным разъяснением и примером, через который нижестоящим судам показывается требуемая глубина проверки материалов уголовных дел.

Семиотический подход используется в статье в узком смысле. Не всякая юридическая формула признается символом. Речь идет о случаях, когда выражение или правовая позиция получает устойчивое профессиональное значение, выходящее за пределы одного дела. В теории права символ рассматривается как условный знак, включенный в правовую систему и наделенный юридическим содержанием [2]. С этой точки зрения интерес представляют не сами слова «следует» или «необходимо», а то, какую модель судебного действия (бездействия) они закрепляют и как эта модель затем узнается в другой процессуальной ситуации.

Скепсис относительно термина «мягкое право» в уголовном процессе имеет серьезные основания. Пределы государственного принуждения, как и порядок ограничения прав, свобод и законных интересов должны здесь выводиться из закона. Ввести новое основание для заключения под стражу, поменять правила о допустимости доказательств или расширить полномочия обвинения не способны ни обзор практики, ни даже разъяснение Пленума. Оперирование понятием soft law вне этой оговорки скорее запутает вопрос об источниках права, чем продвинет его изучение. С учетом того, что решения Конституционного Суда РФ официально являются источниками уголовного процесса, а решения Верховного Суда РФ нет.

Однако должная органическая связанность суда законом не устраняет необходимость толкования, прежде всего для скорого устранения системных нарушений закона. УПК РФ не описывает исчерпывающим образом все фактические сочетания, которые возникают, например, при решении вопроса о мере пресечения, оценке нарушения права на защиту или возвращении дела прокурору. В таких ситуациях разъяснение Верховного Суда РФ не заменяет норму УПК РФ, но уточняет, какие обстоятельства нельзя оставлять без внимания и какой уровень обоснования и мотивировки будет признан достаточным. Именно эту промежуточную функцию в статье и предлагается описывать с помощью категории мягко-правового ориентира.

В исследованиях национального мягкого права отмечается, что подобные акты способны влечь косвенные правовые последствия, даже не обладая общеобязательной нормативностью [12]. Обзоры судебной практики хорошо показывают механизм такого воздействия. Нижестоящий суд может не цитировать обзор так же, как он цитирует статью УПК РФ, но позиция, включенная в официальный обзор, становится частью профессионального контекста судебного решения. Игнорирование известного подхода Верховного Суда РФ требует, по меньшей мере, убедительного объяснения и увеличивает риск последующей отмены или изменения судебного акта. Тут следует отметить, что на практике, встречаются случаи, когда отдельные решения организационного или процессуального характера исходящие от вышестоящего суда или председателя суда, воспринимаются судьями в определенных случаях более ответственно, чем нормы закона. Отношения: судья – председатель суда – вышестоящий суд, основываются на принципе подчиненности.

Поэтому вопрос следует ставить не в форме перечня формальных признаков «мягкого права», а через сопоставление юридической силы и практического действия конкретных актов правоприменения. У постановления Пленума предписывающая плотность заметно выше, чем у обзора судебной практики; обзор, со своей стороны, теснее привязан к конкретной фабуле; публичное же заявление руководителя суда судебным разъяснением не является вовсе (однако отдельные судьи восприняли интервью председателя Верховного Суда РФ Краснова И.В. как призы к действию и используют высказанные в нем позиции при рассмотрении уголовных дел). Сводить эти тексты воедино допустимо лишь при изучении их ориентирующего эффекта, тогда как юридический статус у каждого из них свой и при анализе таким и должен оставаться.

Отсюда вытекает и граница применимости данной концепции. Мягко-правовой ориентир допустим ровно в той мере, в какой он содействует применению закона, не превращаясь в неформальное основание ограничения прав, свобод и законных интересов. Любое воздействие такого рода в уголовном процессе подлежит проверке на совместимость с Конституцией РФ, УПК РФ и процессуальными гарантиями личности – иначе за термином «мягкое право» будет скрываться недопустимый обход закона.

Пересматривая отдельное уголовное дело, Верховный Суд РФ разрешает частный вопрос процессуального или материального свойства. Когда позиция включается в обзор, адресат текста меняется: он обращен теперь не к одним участникам данного дела – его адресатами становятся неопределенно широкий круг судей, адвокатов, прокуроров, следователей, дознавателей, ученых. Уже то, что дело отобрано для официального обобщения, свидетельствует: выявленную проблему считают воспроизводимой. Тут и рождается эффект, называемый в статье символическим, – частный случай начинает восприниматься как узнаваемый профессиональный пример.

С этим согласуется и позиция, публично обозначенная руководством Верховного Суда РФ. И.В. Краснов в своем интервью подчеркивает: задача высшей инстанции не может состоять в массовом исправлении ошибок (при этом конечно же, на наш взгляд, следует говорить не об ошибках, а об нарушениях закона) – разъяснениям Пленума и обзорам практики надлежит формировать обоснованные подходы, предупреждающие подобные ошибки заранее [11]. Ключевым для темы оказывается само слово «подходы»: им обозначена функция, не совпадающая ни с законодательной, ни с сугубо проверочной.

При этом «стандарт» в подобном контексте и норма – не одно и то же. Норма фиксирует юридическое правило и пределы допустимого поведения. Судебный же стандарт обычно выражается в требованиях к качеству процесса доказывания. Эта разница особенно заметна в вопросах, где закон неизбежно оставляет суду оценочное пространство.

Поэтому символическое значение обзора судебной практики связано не с тем, что судья «получает сигнал» в абстрактном смысле, а с более конкретным механизмом. Верховный Суд РФ выбирает из множества дел те, в которых выявленное нарушение или спорный вопрос имеют типовое значение, и публикует аргументацию, пригодную для сопоставления с будущими делами. Так возникает профессиональная память о том, какие доводы нельзя пропускать и какие упрощения уже были признаны ошибочными.

Категория единообразия судебной практики в этих материалах занимает весьма заметное место. В публичных заявлениях она связывается с правовой определенностью и предсказуемостью судебных подходов [11]. Для уголовного процесса это не только вопрос процессуальной организации деятельности судов. Различия в оценке сходных процессуальных нарушений могут означать различный объем гарантий для участников процесса в зависимости от региона или конкретного состава суда. Поэтому требование единообразия приобретает содержательный смысл тогда, когда оно уменьшает риск необъяснимого расхождения в сходных делах.

При этом единообразие не должно пониматься как буквальная одинаковость решений. Два дела могут изучаться по-разному из-за различий в устанавливаемых обстоятельствах. Проблемной ситуация становится тогда, когда расходятся не итоги, а сами критерии оценки: одному суду для заключения под стражу нужны подтвержденные риски, другому хватает указания на тяжесть обвинения; в одном процессе существенный довод защиты разбирается, в другом остается без анализа. Разбор таких расхождений высшей инстанцией ценен именно тем, что критерии судебного усмотрения перестают быть скрытыми.

Между индивидуальным судебным актом и обобщенным разъяснением обзор судебной практики Верховного Суда РФ занимает промежуточное положение. Фабула конкретного дела в нем сохранена, однако публикуется в сжатом и методически отобранном виде. Читателю, как правило, демонстрируются юридически значимые факты, допущенное нарушение закона либо спорный вопрос, а также вывод высшей инстанции. Подобное построение делает обзор удобным для сопоставления: перед судьей оказывается не одно лишь правило, но и ситуация его применения.

Это особенно заметно в вопросах процессуальных гарантий. Абстрактное требование соблюдать право на защиту мало говорит о том, какой дефект будет признан существенным в конкретном деле. Обзор практики показывает связь между устанавливаемым обстоятельством, действиями (бездействием) суда и последствием. Поэтому его влияние основано не столько на императиве, сколько на возможности «узнать» в новом деле уже разобранную проблему.

Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 за 2026 г. дает два наглядных примера. В вопросе о процессуальных издержках Судебная коллегия обращает внимание на необходимость учитывать частичное оправдание и содержание обвинения при решении вопроса о взыскании расходов [7]. В другом фрагменте разъясняется, что участие судьи в рассмотрении иных дел само по себе не доказывает его предвзятости [7]. Эти позиции различны по предмету, но обе показывают одну и ту же методическую установку: вывод не должен строиться на одном формальном обстоятельстве без оценки контекста.

Именно конкретность позволяет говорить здесь об ориентирующем эффекте. В случае с издержками суду предлагается учитывать исход обвинения, а не применять правило механически. В вопросе о беспристрастности, напротив, Верховный Суд РФ предостерегает от автоматического вывода о заинтересованности судьи. И в первом, и во втором случае ценность обзора – в обуздании упрощенной логики, но не в появлении какого-либо основания либо запрета, которых закон не знает.

Привязка к конкретному делу – одновременно и сила обзора, и его ограничение. Благодаря примеру позиция понятна, однако возникает риск механического подбора внешне схожей фабулы. Изучать обзор поэтому надлежит в связке с нормой закона и мотивами Верховного Суда РФ, не превращая его в готовый шаблон. Ориентирующим обзор становится лишь тогда, когда на собственные обстоятельства переносится критерий оценки, а не результат чужого дела.

Постановлениям Пленума Верховного Суда РФ, в отличие от обзоров, свойственны более высокий уровень обобщения и большая предписывающая определенность. Формулы «судам следует учитывать», «суд обязан проверить», «не может служить основанием» по языку действительно близки к нормативным предписаниям. Однако юридическая природа таких разъяснений остается отличной от нормы статьи УПК РФ. В рамках рассматриваемой проблематики важно не сглаживать это различие, а показать, почему подобные формулы приобретают для профессионального сообщества практическую обязательность.

Показательны разъяснения о мерах пресечения. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 изменялось по мере развития законодательства и практики [8]. Для суда это означает необходимость работать не с общей презумпцией опасности обвиняемого, а с конкретными данными, подтверждающими риски, имеющие значение для избрания меры пресечения.

Сходный вопрос возникает при назначении наказания. Постановление Пленума от 22 декабря 2015 г. № 58 обращает суды к индивидуализации и мотивировке решения [9]. Для уголовного процесса это существенно потому, что обоснование наказания содержится в приговоре и подлежит проверке вышестоящими инстанциями. Если вывод о мере наказания не связан с установленными обстоятельствами дела и данными о личности подсудимого, проблема возникает не только в сфере уголовного судопроизводства, но и в качестве судебного решения как процессуального акта.

Иная конфигурация усмотрения проявляется при возвращении уголовного дела прокурору. Постановление Пленума от 17 декабря 2024 г. № 39 разъясняет условия применения этого института [10]. Суд обязан устранить ограничения, действительно препятствующие рассмотрению уголовного дела, но не должен использовать возвращение для исправления обвинением недостатков, которые оно должно было устранить самостоятельно. На таком материале хорошо видно, как разъяснение очерчивает границу допустимой судебной активности, не подменяя собой процессуальную норму.

Эти примеры показывают, что значение постановлений Пленума нельзя описать одной формулой. В одних случаях они конкретизируют требования к мотивировке, в других – предупреждают расширительное применение института, в-третьих – помогают согласовать несколько норм. Общим остается лишь одно: суду предлагается аргументировать решение в пределах закона и отвечать на юридически значимые обстоятельства, а не воспроизводить готовые словесные конструкции.

Язык постановлений Пленума и обзоров практики важен не сам по себе; он показывает, насколько жестко Верховный Суд РФ формулирует ожидание от нижестоящего суда. Обороты «суд обязан проверить», «судам следует учитывать» весомее, нежели изложение вывода, уже состоявшегося применительно к отдельному делу. Осмысленным лингвистический анализ становится потому лишь в привязке к типу документа и к содержанию разъясняемого вопроса.

Заметнее всего формулы деонтического ряда: «следует», «необходимо», «надлежит», «обязан». Читать их как рекомендацию бытового свойства нельзя. В профессиональной среде подобные слова означают, что Верховный Суд РФ рассчитывает на определенный способ проверки либо мотивировки. Сила такой формулы, впрочем, не превращает ее в новую норму закона автоматически – возрастает лишь практический вес правового требования, существующего и без нее.

Весома и лексика оценочного характера: «существенное нарушение», «надлежащая оценка», «обоснованный вывод», «формальный подход». Слова этого ряда – инструмент, которым суд измеряет качество судебного рассуждения. Они особенно показательны там, где УПК РФ использует оценочные понятия и где результат зависит от того, какие обстоятельства суд счел достаточными для вывода.

Отдельного внимания заслуживают отрицательные конструкции вроде «само по себе не свидетельствует» или «не может служить основанием». В них Верховный Суд РФ чаще всего пресекает упрощенную причинную связь: наличие одного факта еще не дает основания для окончательного процессуального вывода. Значение подобной формулы состоит в требовании продолжить анализ, а не остановиться на удобном формальном признаке.

В вопросах, затрагивающих конкурирующие интересы, язык разъяснений становится менее категоричным и чаще обращен к соразмерности, конкретным обстоятельствам и индивидуальной оценке. И это неудивительно: законность меры пресечения или наказания нельзя подтвердить одной общей фразой. Судебный акт должен показать, почему именно в данном деле ограничение прав, свобод и законных интересов признано необходимым и почему иной вывод не соответствует установленным обстоятельствам.

Язык мягко-правового ориентира в итоге неоднороден: он то приближается к императиву, то разъясняет типовое нарушение, то лишь намечает, куда движется практика. Подводить все эти ситуации под единую «символическую формулу» было бы неверно. Существенно другое – понимание того, насколько предписывающая сила варьируется от документа к документу, от предмета к предмету, от одной процессуальной проблемы к другой.

Официальный обзор делает допущенное нарушение закона видимой для более широкого профессионального круга правоприменителей. После пересмотра конкретного дела нарушение уже исправлено применительно к его участникам; включение позиции в обзор выполняет другую задачу – показывает, почему такой способ действия (бездействия) не должен повторяться. В этом смысле обзор действительно работает как форма профессиональной памяти, но без необходимости приписывать самому нарушению особый «символический» статус.

Показателен механизм обновления Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2025). В документе специально перечислены ранее сформулированные положения, которые исключаются после изменения разъяснений Пленума [6]. Такой прием важен для практического применения, так как позволяет зафиксировать не только новую позицию, но и официальное прекращение действия прежней установки.

Само по себе исключение старой позиции не «очищает правовое поле». Юридически значимо другое: Верховный Суд РФ публично констатирует, что прежний подход больше не должен использоваться как актуальный ориентир, и тем самым снижается риск одновременного обращения к несовместимым разъяснениям.

Профилактический эффект обзора проявляется и до стадии пересмотра решения суда. Судья при подготовке решения может сопоставить свою аргументацию с уже разобранными Верховным Судом РФ нарушениями: ответил ли он на существенные доводы, не подменил ли индивидуальную оценку общей ссылкой, проверил ли обстоятельства, на которые опирается решение об ограничении права. Это не «технология дисциплины мышления», а обычный механизм профессионального самоконтроля, усиленный авторитетом высшей судебной инстанции.

Связь мягко-правовых ориентиров с судебным усмотрением особенно хорошо видна там, где закон требует оценочного подхода. Достаточность оснований для меры пресечения, существенность нарушения, убедительность мотивировки, индивидуализация наказания – все эти вопросы нельзя решить механическим сопоставлением устанавливаемого обстоятельства и нормы. Но наличие усмотрения не означает свободы от аргументации.

В вопросах мер пресечения разъяснения Верховного Суда РФ сужают пространство для шаблонного решения. Тяжесть предъявленного обвинения имеет значение, но сама по себе не заменяет проверку конкретных рисков: возможного сокрытия, продолжения преступной деятельности, давления на участников процесса или воспрепятствования производству по делу. Если суд не показывает, на каких данных основан соответствующий риск, его вывод становится трудно проверяемым. В таком случае проблема состоит не в «символе предварительного наказания», а в недостатке фактической и правовой мотивировки.

Похожим образом ограничивается усмотрение при возвращении уголовного дела прокурору. Суд должен реагировать на препятствия, которые исключают рассмотрение дела по существу, но не вправе использовать этот механизм для фактического исправления обвинительной позиции по делу. Разъяснение Верховного Суда РФ здесь не предполагает выбор решения вместо судьи; оно задает предел, внутри которого суд обязан объяснить, почему выявленный дефект действительно препятствует рассмотрению дела.

При назначении наказания пространство оценки еще шире. Суд учитывает данные о личности виновного, обстоятельства совершения преступления, смягчающие и отягчающие обстоятельства, влияние наказания на исправление осужденного и условия жизни его семьи.

Разъяснения Пленума не превращают эту оценку в алгоритм. Их процессуальное значение состоит в том, что итоговый выбор должен быть связан с установленными обстоятельствами и отражен в мотивировке приговора.

Следовательно, мягко-правовой ориентир не устраняет усмотрение и не должен стремиться к этому. Его функция скромнее: сделать судебную оценку более прозрачной и проверяемой. Там, где разъяснение начинает подменять анализ конкретных обстоятельств готовой формулой, оно перестает выполнять эту функцию и само становится источником формализма.

Проведенный анализ показывает, что термин «мягкое право» в применительно к деятельности Верховного Суда РФ имеет ограниченную объяснительную ценность. Он помогает описать практическое влияние актов, которые не тождественны закону, но быстро становятся частью профессиональной аргументации. Недопустимо, однако, чтобы данный термин стирал разницу между постановлением Пленума, обзором судебной практики, судебным определением, публичным выступлением руководителя суда.

Убедительнее всего мягко-правовой эффект обнаруживает себя в обзорах. Конкретная фабула удерживается там ровно в той мере, в какой нужна для показа механизма, порождающего системное нарушение закона, сама же позиция адресуется уже неопределенному кругу лиц. Благодаря такому построению обзор воздействует на последующие решения, причем приведенный пример самостоятельной нормой уголовно-процессуального права не становится.

Сужение требуется и понятию символической функции. Далеко не каждое разъяснение, не всякая оценочная формула образуют юридический символ. Основания говорить о нем появляются, когда позиция приобрела устойчивый профессиональный вес и работает узнаваемым ориентиром при оценке однотипных ситуаций. Семиотический аспект при таком понимании сохраняется – обычный юридический анализ им не вытесняется.

Из материала обзоров видно, что весома не только сама позиция – весома и форма ее подачи. Ошибочная логика высвечивается через привязку к отдельному делу, официальный же отбор такого дела наделяет ее значением для всей практики. Обзор тем самым образует особый формат юридической коммуникации; его действие, однако, опирается не на «авторитетное мнение» как таковое, а на институциональный статус Верховного Суда РФ и на риск того, что судебный акт будет впоследствии проверен.

Разъяснения, настаивающие на индивидуальной мотивировке вмешательства в права человека и на отказе от автоматических выводов, обладают для уголовного судопроизводства особым весом. Обнаружить такие требования можно в самых разных институтах: мерах пресечения, процессуальных издержках, возвращении дела прокурору, назначении наказания. Общая формула их не охватывает, однако везде планка объяснимости судебного решения Верховным Судом РФ поднимается.

Публично заявленный курс на ясные акты и единообразную практику этот процесс подкрепляет, переоценивать его тем не менее не стоит. Интервью, как и сообщения официального сайта, проясняют институциональный контекст, однако процессуальных обязанностей сами собой не порождают. Научный анализ выигрывает в качестве, когда такие материалы остаются фоном, а суждения о правовом стандарте извлекаются прежде всего из судебных актов и официальных обобщений практики. Упускать из виду оборотную сторону чрезмерного равнения на обзоры тоже нельзя. Суд, подбирающий готовую фабулу взамен самостоятельной квалификации обстоятельств, делает практику шаблоннее, но содержательного единообразия ей не прибавляет. Судить о качестве мягко-правового воздействия следует поэтому по одному критерию: прибавляет ли оно решению аргументированности и проверяемости, а не по числу отсылок к позициям Верховного Суда РФ.

Выполненное исследование дает возможность скорректировать исходную гипотезу. Рассмотренные в работе акты Верховного Суда РФ нельзя объединять понятием «мягкого права» без существенных оговорок: их юридическая природа неодинакова, различается и сила их воздействия на уголовный процесс. И все же обзорам судебной практики, как и разъяснениям Пленума, свойственно ориентирующее действие: ими конкретизируются критерии судебной оценки, а типовые нарушения закона правоприменения делаются заметными.

Символическая функция присуща не всякому тексту Верховного Суда РФ и возникает не при каждом употреблении слова «справедливость» либо слова «законность». Говорить о ней уместно там, где правовая позиция закрепилась как устойчивый профессиональный ориентир, позволяющий опознать известный способ судебного усмотрения – допустимый или ошибочный.

Практически ценнее всего для уголовного судопроизводства такие разъяснения, где от суда требуется конкретная мотивировка, а серьезное процессуальное последствие запрещено выводить из единственного формального обстоятельства. Обзорам и постановлениям Пленума именно тут по силам сокращать вероятность шаблонного решения, оставляя законодательное регулирование нетронутым.

Литература

1. Глава Верховного суда пообещал издавать акты на ясном языке // Коммерсантъ. 2025. 2 дек. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8249445 (дата обращения: 05.06.2026).

2. Мальцев И.В. Символы в праве, правовой науке и юридическом образовании. М.: Норма: ИНФРА-М, 2022. С. 23–41.

3. «Мягкое право» // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал. – URL: https://bigenc.ru/c/miagkoe-pravo-7c8f1f (дата обращения: 05.06.2026).

4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2025): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25 апр. 2025 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_504065/?ysclid=mtl0c5rwv0155566680 (дата обращения: 20.09.2026).

5. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2025): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 8 окт. 2025 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_516206/?ysclid=mtl0cwr1fd895751840 (дата обращения: 20.09.2026).

6. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2025): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25 апр. 2025 г.: с изм., внесенными Президиумом 19 нояб. 2025 г. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_504065/?ysclid=mtl0h-fx2o95247055 (дата обращения: 20.09.2026).

7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2026): утв. постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 25 марта 2026 г. № 5А/2026 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_530086/?ysclid=mtl0dm27s3539651721 дата обращения: 20.09.2026).

8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 дек. 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/?ysclid=mtl0f9x7q1675056771 (дата обращения: 20.09.2026).

9. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 22 дек. 2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/?ysclid=mtl0frac1x58738619 (дата обращения: 20.09.2026).

10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 дек. 2024 г. № 39 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_493917/?ysclid=mtl0gq4a7x167885347 (дата обращения: 20.09.2026).

11. «У людей есть явный запрос на справедливость»: Игорь Краснов о развитии судебной системы России // Коммерсантъ. 2026. 19 янв. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8361511 (дата обращения: 05.06.2026).

12. Усенков И.А. Национальное мягкое право как правовой феномен и инструмент повышения стабильности законодательства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15, № 1. С. 28–58.

THE SYMBOLIC FUNCTION OF «SOFT LAW» IN CRIMINAL PROCEEDINGS: FROM REVIEWS OF JUDICIAL PRACTICE BY THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION TO STANDARDS OF FAIR ENFORCEMENT

Vasyaev A.A., Danilenko I.A.
Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSAL)

The subject of consideration in the study is the practical role of reviews and clarifications emanating from the Supreme Court of the Russian Federation in the field of criminal proceedings. The working model of analysis is the category of «soft law». It is attached to

acts of the highest court selectively and does not imply that they are endowed with the independent force of the norms of criminal procedure law. The focus is on the mechanism through which a separate case or clarification turns into a guideline for further law enforcement practice: what kind of identified systemic violations of the law become the subject of open analysis by the Supreme Court of the Russian Federation, which ensures the unity of judicial approaches. It is concluded that, in relation to criminal proceedings, it is more correct to speak not about an independent «soft» source of law, but about the guiding layer of judicial practice. Its significance manifests itself where the law leaves room for assessment and where the quality of such assessment directly affects individual freedom, the right to defense, the interests of the victim and the validity of the judicial decision.

Keywords: criminal process; soft law; Supreme Court of the Russian Federation; review of judicial practice; resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation; judicial interpretation; legal certainty; validity and motivation of the court decision; judicial discretion; fair enforcement.

References

1. The Head of the Supreme Court Promised to Issue Acts in Clear Language // Kommersant. 2025. December 2. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8249445 (date of access: 05.06.2026).

2. Maltsev I.V. Symbols in Law, Legal Science, and Legal Education. Moscow: Norma: INFRA-M, 2022. Pp. 23–41.

3. «Soft Law» // The Great Russian Encyclopedia: Scientific and Educational Portal. – URL: https://bigenc.ru/c/miagkoe-pravo-7c8f1f (date of access: 05.06.2026).

4. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation № 1 (2025): approved. By the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on April 25, 2025 // Accessed from the ConsultantPlus legal reference system. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_504065/?ysclid=mtl0c5rwv0155566680 (accessed: September 20, 2026).

5. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation № 3 (2025): approved. By the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on October 8, 2025 // Accessed from the ConsultantPlus legal reference system. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_516206/?ysclid=mtl0cwr1fd895751840 (date of access: 20.09.2026).

6. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation № 1 (2025): approved. by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on April 25, 2025: as amended by the Presidium on November 19, 2025 // Accessed from the reference and legal system «ConsultantPlus». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_504065/?ysclid=mtl0hfx2o95247055 (date of access: 20.09.2026).

7. Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation № 1 (2026): approved by Resolution of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation dated March 25, 2026 № 5A/2026 // Accessed from the reference and legal system «ConsultantPlus». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_530086/?ysclid=mtl0dm27s3539651721 date of access: September 20, 2026).

8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 19, 2013 № 41 «On the Practice of Applying Legislation on Preventive Measures in the Form of Detention, House Arrest, Bail, and Prohibition of Certain Actions by the Courts» // Accessed from the reference and legal system «ConsultantPlus». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/?ysclid=mtl0f9x7q1675056771 (accessed: 20.09.2026).

9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 22 December 2015 № 58 «On the practice of assigning criminal punishment by courts of the Russian Federation» // Access from the reference and legal system «ConsultantPlus». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/?ysclid=mtl0frac1x58738619 (accessed: 20.09.2026).

10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 17 December 2024, № 39, «On the Practice of Applying the Provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation Governing the Grounds and Procedure for Returning a Criminal Case to the Prosecutor» // Accessed from the ConsultantPlus reference and legal system. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_493917/?ysclid=mtl0gq4a7x167885347 (accessed on September 20, 2026).

11. «People Have a Clear Demand for Justice»: Igor Krasnov on the Development of the Russian Judicial System // Kommersant. 2026. January 19. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8361511 (accessed on June 5, 2026).

12. Usenkov I.A. National soft law as a legal phenomenon and an instrument for increasing the stability of legislation // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2022. Vol. 15, № 1. Pp. 28–58.

Состояние и тенденции современной женской преступности в Российской Федерации

Гасанова Мария Гулуевна,
старший преподаватель кафедры «Публичное частное и транспортное право» Дальневосточного государственного университета путей сообщений
E-mail: Mariyaguluevnagasanova@mail.ru

Статья содержит развернутое криминологическое исследование, посвященное анализу состояния, структуры, динамики и тенденций женской преступности в России в период с 2020 по 2026 год. В основу работы положены теоретическое осмысление отечественных научных источников, официальные статистические сведения МВД России, Судебного департамента при Верховном Суде РФ и Федеральной службы исполнения наказаний, а также данные открытых информационных ресурсов. На этой базе автором выявлен ряд существенных тенденций, характеризующих трансформацию преступного поведения женщин: увеличение доли имущественных и экономических посягательств; возрастание удельного веса киберпреступлений и дистанционного мошенничества; сохранение высокого уровня латентности насильственных преступлений, совершаемых в бытовой и семейной среде; усиление вовлеченности женщин в незаконный оборот наркотиков в роли курьеров, а также изменение социально-демографического и образовательного облика женщины-правонарушительницы. В работе представлены конкретные примеры уголовных дел за 2020–2025 годы, иллюстрирующие обозначенные закономерности, рассмотрены детерминанты женской преступности и предложены рекомендации по совершенствованию профилактической деятельности в данной области.

Делается вывод о необходимости комплексного, гендерно-чувствительного подхода к предупреждению преступности среди женщин, сочетающего меры социально-экономической поддержки, повышения цифровой грамотности и совершенствования законодательства о профилактике домашнего насилия.

Ключевые слова: женская преступность; криминология; гендерные аспекты преступности; имущественные преступления; киберпреступность; дистанционное мошенничество; наркопреступность; домашнее насилие; рецидив; профилактика правонарушений; Российская Федерация.

Введение

Проблема женской преступности традиционно занимает особое место в отечественной и зарубежной криминологии, поскольку преступное поведение женщин обладает рядом качественных отличий от преступности мужчин – как по структуре совершаемых деяний, так и по мотивации, способам совершения преступлений, характеру взаимодействия с жертвой и социальным последствиям для семьи и общества в целом. Еще в трудах отечественных криминологов советского и постсоветского периода отмечалось, что женская преступность отличается меньшей степенью насильственности, большей скрытностью, преобладанием корыстной мотивации бытового характера и тесной связью с семейно-ролевыми конфликтами. На протяжении длительного времени доля женщин среди осужденных в России оставалась относительно стабильной и составляла порядка 13–15% от общего числа лиц, привлеченных к уголовной ответственности, что позволяло исследователям говорить об известной устойчивости данного феномена. Однако в последние годы, особенно в условиях цифровой трансформации общества, изменения социально-экономической конъюнктуры и трансформации семейных отношений, наметились существенные качественные изменения, требующие отдельного научного осмысления [3].

Актуальность настоящего исследования определяется несколькими взаимосвязанными обстоятельствами. Во-первых, происходит качественная трансформация структуры женской преступности: если ранее доминирующее положение занимали преступления против собственности бытового характера (мелкие кражи, мошенничество в отношении близких людей и знакомых) и преступления, связанные с семейно-бытовыми конфликтами, то в последние годы все более заметную роль играют экономические преступления, киберпреступность, а также преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств [7]. Во-вторых, тотальная цифровизация общественной жизни и стремительное распространение дистанционных схем мошенничества сформировали качественно новые каналы вовлечения женщин в противоправную деятельность. Подобные деяния зачастую не предполагают применения физической силы, наличия специальных навыков или личного контакта с жертвой, вследствие чего многими участницами такие преступления субъективно воспринимаются как относительно «безопасный» и менее осуждаемый в моральном отношении способ получения дохода [4]. Далее следует отметить, что нестабильность социально-экономической ситуации последних годов значительно ухудшила материальное положение значительной части женщин в стране, что в области криминологии традиционно относят к числу основных факторов, порождающих корыстную преступность. При этом также следует понимать, что широкий общественный резонанс вокруг ряда громких дел, который связан с насилием партнеров в отношении женщин и ответными насильственными действиями самих потерпевших, значительно придал новый импульс научной и общественной полемике о пересмотре подходов к правовой квалификации подобных ситуаций. Исходя из вышеупомянутого, следует заключить, что цель статьи заключается в изучении текущего состояния и определении ключевых тенденций женской преступности в России за период с 2020 по 2026 год на основе анализа научной литературы, статистических данных и материалов судебно-следственной практики. При этом для реализации данной цели решаются следующие задачи: изучить структуру и динамику женской преступности в указанный период; установить особенности личности современной женщины-правонарушительницы и изменения в ее социально-демографическом облике; рассмотреть конкретные примеры уголовных дел, отражающих выявленные закономерности; выявить факторы, обусловливающие противоправное поведение женщин на современном этапе; разработать научно обоснованные предложения по совершенствованию профилактических мер с учетом гендерной специфики.

В конечном итоге также отметим, что научная новизна настоящей работы обусловлена тем, что в ней предпринята попытка целостного осмысления новейших тенденций женской преступности, обусловленных цифровизацией преступной деятельности – аспекта, который до сих пор освещался в отечественной криминологии лишь фрагментарно и практически не рассматривался сквозь призму гендерной специфики. Практическая ценность полученных результатов определяется возможностью их применения при разработке профилактических

программ как регионального, так и федерального уровня, а также при подготовке учебно-методических материалов для преподавания дисциплин криминологического и виктимологического профиля.

Методы

Следует подчеркнуть, что данная работа выполнена в теоретико-аналитическом ключе и опирается на сочетание нескольких методов, а именно сравнительно-исторического и структурно-функционального. В качестве эмпирической базы использованы официальные статистические данные МВД России, Судебного департамента при Верховном Суде РФ и Федеральной службы исполнения наказаний, характеризующие численность, состав и особенности осужденных женщин в период с 2020 по 2025 год. Опора на эти источники дала возможность проследить, как менялась доля женщин среди лиц, совершивших преступления, а также как трансформировалась структура преступности по видам деяний и степени их тяжести.

К тому же важное место в методологии исследования занял контент-анализ научных работ отечественных криминологов по проблематике женской преступности, опубликованных в рецензируемых изданиях за последние пять-шесть лет. Благодаря этому методу удалось выделить ключевые научные дискуссии, сопоставить конкурирующие объяснительные концепции и подходы к интерпретации изучаемого явления, а также оценить степень изученности отдельных сторон проблемы.

Также был применен метод кейс-стади. Этот метод основаны на материалах открытых источников – публикациях средств массовой информации, официальных пресс-релизах правоохранительных органов и опубликованных судебных решениях. Это дало возможность проиллюстрировать выявленные статистические закономерности конкретными примерами правоприменительной практики последних лет. При этом необходимо оговорить методологическое ограничение данного подхода: приводимые примеры имеют иллюстративный, а не репрезентативный характер, так как их отбор определялся доступностью материалов и общественным резонансом конкретных дел, а не принципом случайной или стратифицированной выборки. Тем не менее подобные кейсы в сопоставлении с общими статистическими тенденциями позволяют содержательно раскрыть механизмы и мотивы преступного поведения, которые зачастую остаются незаметными при использовании только сухих количественных показателей.

Кроме того, в исследовании применялись общенаучные методы – анализ и синтез, индукция и дедукция, сравнение, классификация и обобщение, – благодаря которым разрозненные данные из различных источников были систематизированы в целостную картину состояния и тенденций женской преступности в современной России. Хронологические границы исследования охватывают период с 2020 по 2026 год, что объясняется, с одной стороны, доступностью актуальных статистических данных, а с другой – необходимостью учета влияния на криминогенную обстановку таких факторов, как пандемия COVID-19, последовавшая за ней социально-экономическая нестабильность, а также стремительное развитие цифровых технологий, используемых в мошеннических схемах.

Результаты

Следует начать с того, что изучение статистических показателей позволяет сделать вывод о том, что в течение периода с 2020 по 2025 год доля женщин среди лиц, привлеченных к ответственности за совершение преступлений, постепенно, хотя и незначительно, увеличивается: если в начале рассматриваемого периода она составляла около 15% от общего числа выявленных правонарушителей, то к его завершению достигла показателя порядка 16–17%. Вместе с тем гораздо более выраженные и содержательные изменения фиксируются не в количественном увеличении доли женской преступности как таковой, а в перестройке ее внутренней структуры. Именно поэтому представляется целесообразным подробно проанализировать отдельные категории преступных деяний, совершаемых женщинами, что и будет сделано далее [14].

Изучение статистических показателей позволяет сделать вывод о том, что в течение периода с 2020 по 2025 год доля женщин среди лиц, привлеченных к ответственности за совершение преступлений, постепенно, хотя и незначительно, увеличивается: если в начале рассматриваемого периода она составляла около 15% от общего числа выявленных правонарушителей, то к его завершению достигла показателя порядка 16–17%. Вместе с тем гораздо более выраженные и содержательные изменения фиксируются не в количественном увеличении доли женской преступности как таковой, а в перестройке ее внутренней структуры. Именно поэтому представляется целесообразным подробно проанализировать отдельные категории преступных деяний, совершаемых женщинами, что и будет сделано далее [14].

По данным пресс-релизов МВД России за 2023 год, значительная часть вновь выявляемых участников подобных схем – женщины трудоспособного возраста, зачастую формально трудоустроенные или являющиеся студентками, привлеченные к участию через объявления о «легком заработке» в социальных сетях и мессенджерах [12]. Данные случаи неоднократно освещались в региональных и федеральных средствах массовой информации, что подтверждает системный, а не единичный характер рассматриваемого явления.

Вторая важная тенденция заключается в устойчивом сохранении, а в ряде регионов – росте доли насильственных преступлений, совершаемых женщинами в семейно-бытовой сфере, главным образом против супругов или сожителей на фоне затяжных конфликтов, в том числе обусловленных домашним насилием, которому сама женщина подвергалась ранее. В криминологических исследованиях последних лет, посвященных виктимно-криминогенному поведению, отмечаются случаи, когда преступление, формально квалифицируемое как убийство либо причинение тяжкого вреда здоровью, по своей сути является отложенной или непосредственной ответной реакцией женщины на систематическое физическое или психологическое насилие со стороны партнера [1].

Третьей по счету тенденцией следует назвать рост числа преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, которые совершаются женщинами, чаще всего выполняющими роль курьеров, известных как «закладчики». Данное явление объясняется совокупностью двух причин: во-первых, относительной простотой получения такого «заработка» с использованием анонимных интернет-площадок и мессенджеров; во-вторых, тем, что организаторы наркоторговли целенаправленно вовлекают в свою деятельность женщин, в том числе несовершеннолетних девушек и студенток, считая их менее подозрительными исполнителями с точки зрения правоохранительных органов [13].

По данным региональной судебной практики за период с 2021 по 2024 год, в частности в Сибирском и Приволжском федеральных округах [2], доля женщин среди лиц, осуждённых по статье 228.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, устойчиво превышает соответствующие показатели по иным составам преступлений. Это обстоятельство свидетельствует о наличии выраженной гендерной специфики, характерной именно для данного вида преступной деятельности [15]. Другая тенденция заключается в сохранении значительной доли экономических и коррупционных преступлений, совершаемых женщинами, занимающими должности в бюджетной сфере, банковском секторе и системе государственных и муниципальных закупок: растраты, присвоения вверенного имущества, злоупотребление должностными полномочиями и служебный подлог.

Преступления данной категории характеризуются высоким уровнем латентности: как правило, они обнаруживаются только по прошествии длительного времени с момента совершения, причем главным образом благодаря проведению плановых проверок, ревизий либо внутреннего аудита [9]. Типичным примером служат уголовные дела, возбужденные в отношении бухгалтеров и главных бухгалтеров государственных учреждений сферы здравоохранения и образования. Такие дела регулярно встречаются в материалах судебной практики различных субъектов Российской Федерации за период с 2020 по 2024 год и связаны, как правило, с продолжительным систематическим хищением бюджетных средств, осуществляемым путем внесения заведомо ложных сведений в отчетную документацию [5].

Отдельного внимания заслуживает изменение социально-демографического портрета современной женщины-преступницы. По сравнению с предыдущими десятилетиями отмечается некоторое «омоложение» контингента осужденных женщин, выражающееся в увеличении доли лиц в возрасте 18–29 лет; наблюдается рост образовательного уровня осужденных, в том числе увеличение доли лиц с высшим и неоконченным высшим образованием; а также фиксируется увеличение доли лиц, ранее не привлекавшихся к уголовной ответственности, что косвенно свидетельствует о расширении социальной базы женской преступности за счет вовлечения ранее социально благополучных категорий населения, в первую очередь через механизмы дистанционного мошенничества и вовлечения в наркопреступность посредством интернет-коммуникаций [10]. Одновременно сохраняется устойчивая связь между социально-экономическим неблагополучием (низким доходом, статусом одинокой матери, отсутствием стабильной занятости) и совершением традиционных имущественных преступлений – краж, мелких хищений, мошенничества бытового характера [11].

Обсуждение

Полученные результаты в целом согласуются с выводами современных отечественных криминологов, указывающих на процесс «феминизации»

отдельных видов преступности, прежде всего связанных с использованием информационно-коммуникационных технологий. Данный процесс объясняется рядом взаимосвязанных факторов.

Цифровая трансформация преступности объективно снижает барьеры для вхождения в криминальную среду. Совершение мошенничества дистанционным способом не предполагает применения физической силы, наличия специальных криминальных навыков или непосредственного контакта с потерпевшим, что ранее криминологами традиционно рассматривалось как фактор, сдерживающий вовлеченность женщин в отдельные виды преступной деятельности [14]. Устранение данного сдерживающего фактора в условиях развития цифровой экономики формирует объективные условия для роста участия женщин в киберпреступности и мошеннических схемах.

Тем не менее устойчивая экономическая нестабильность, увеличение количества неполных семей, в которых женщина является единственным источником дохода, широкое распространение неформальной и неустойчивой занятости, а также навязчивая реклама «легкого заработка» через сомнительные интернет-предложения формируют благоприятную социальную среду для вовлечения женщин в преступные схемы. При этом на начальном этапе такого вовлечения женщины часто не осознают в полной мере противоправный характер совершаемых ими действий [4].

Также важно отметить, что рост участия женщин в наркопреступности и в деятельности мошеннических колл-центров и «дроп-систем» преимущественно в качестве исполнителей низшего звена свидетельствует о том, что современные женщины-преступницы все чаще выступают не организаторами, а исполнителями чужих преступных схем, что закономерно требует дифференцированного подхода при назначении наказания и разработке профилактических программ.

Дискуссионным остается и вопрос о степени самостоятельности женщин, совершающих преступления в составе организованных групп. Одни исследователи считают, что их участие в мошеннических и наркопреступных схемах в основном имеет подчиненный, зависимый характер, формирующийся под психологическим либо экономическим давлением организаторов преступной деятельности – часто сожителей или иных близких лиц. Другие авторы, напротив, отмечают рост осознанного и добровольного участия женщин в подобных схемах, особенно среди молодежи, самостоятельно ищущей такие «подработки» в интернете. Вероятно, истина находится между этими позициями, что требует дифференцированного и индивидуального подхода при правовой квалификации конкретных деяний и определении меры наказания [6].

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что современная женская преступность в Российской Федерации характеризуется устойчивой, хотя и умеренной, тенденцией к количественному росту, а главное – существенной качественной трансформацией структуры преступного поведения женщин. Наиболее значимыми тенденциями последних лет являются: рост доли женщин, вовлеченных в дистанционное мошенничество и деятельность, связанную с обналичиванием похищенных денежных средств посредством «дроп-систем»; увеличение участия женщин в незаконном обороте наркотических средств преимущественно в роли курьеров; сохранение высокой латентности насильственных преступлений, совершаемых в семейно-бытовой сфере на фоне длительного домашнего насилия; устойчивое присутствие женщин среди субъектов экономических и коррупционных преступлений в бюджетной и финансовой сферах; а также заметное «омоложение» и повышение образовательного и социального статуса контингента женщин-правонарушительниц, что свидетельствует о расширении социальной базы женской преступности.

Выявленные тенденции убедительно свидетельствуют о необходимости пересмотра сложившихся подходов к профилактике женской преступности с учетом ее современной специфики. Работа по профилактике призвана иметь комплексный характер с учетом гендерной специфики. Она должна сочетать меры социально-экономической поддержки уязвимых групп женщин (одиноких матерей, женщин с низкими доходами и нестабильной занятостью) с целенаправленными усилиями по повышению цифровой и финансовой грамотности населения. Такие усилия призваны предупреждать вовлечение женщин в дистанционные мошеннические схемы и в деятельность так называемых «дроп систем».

Помимо этого, требуется дальнейшее совершенствование законодательства в части регламентации уголовной ответственности за преступления, совершенные в условиях продолжительного домашнего насилия. Возможным шагом в этом направлении является закрепление специальных правовых норм, учитывающих виктимно-криминогенные особенности подобных ситуаций.

Важным направлением остается развитие системы социальной адаптации и ресоциализации женщин, отбывших наказание. Сюда входят программы психологической поддержки, содействия трудоустройству и восстановления социальных связей, направленные на снижение уровня рецидивной преступности среди данной категории лиц.

Что касается перспектив дальнейших научных исследований, они связаны с проведением масштабных эмпирических социологических и виктимологических изучений, с углубленным региональным сравнительным анализом женской преступности с учетом социально-экономических, демографических и культурных особенностей отдельных субъектов Российской Федерации, а также с постоянным мониторингом изменений в характере женской киберпреступности по мере продолжающейся цифровизации общественных отношений.

Литература

1. Абитов Т.Т. Женская насильственная преступность как следствие сложных жизненных обстоятельств // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 1 (100). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskaya-nasilstvennaya-prestupnost-kak-sledstvie-slozhnyh-zhiznennyh-obstoyatelstv

2. Агентство правовой информации. Статистика осуждения по ст. 228.1 УК РФ в разрезе субъектов Приволжского и Сибирского федеральных округов. URL: http://stat.апи-пресс.рф/stats/ug/t/14/s/17

3. Алексеева Е.А. Современные тенденции развития женской преступности в России // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2020. № 1 (80). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-razvitiya-zhenskoy-prestupnosti-v-rossii

4. Гаджиева Ж.М. Криминологическая характеристика и профилактика женской преступности в современной России // Вестник науки. 2026. № 8 (101). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskaya-harakteristika-i-profilaktika-zhenskoy-prestupnosti-v-sovremennoy-rossii

5. Гафурийский межрайонный суд Республики Башкортостан. Обвинительный приговор по уголовному делу в отношении бывшего главного бухгалтера районной больницы по ч. 3 ст. 160 УК РФ (систематическое внесение ложных данных в реестры начисления заработной платы за период 2023–2024 гг.). URL: https://sudact.ru/

6. Горбачева Е. В., Шишмарева Е.В. Криминалистическая типология женщин, совершающих преступления, как основа формирования методики расследования женской преступности // Сибирский юридический вестник. 2021. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-tipologiya-zhenschin-sovershayuschih-prestupleniya-kak-osnova-formirovaniya-metodiki-rassledovaniya-zhenskoy

7. Гуркова А. Э., Станкевич К.К. Криминологическая характеристика современной женской преступности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2026. № 2 (76). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskaya-harakteristika-sovremennoy-zhenskoy-prestupnosti

8. Дело сестер Хачатурян // Коммерсантъ. 2025. URL: https://www.kommersant.ru/theme/3286

9. Косатурова А.Д. Особенности делинквентного поведения женщин в условиях современного российского общества // Universum: экономика и юриспруденция. 2021. № 4 (79). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-delinkventnogo-povedeniya-zhenschin-v-usloviyah-sovremennogo-rossiyskogo-obschestva

10. Костоян А.А. Специфика детерминации и предупреждение женской преступности в современных условиях // Актуальные исследования. 2026. № 17. URL: https://apni.ru/article/14911-specifika-determinacii-i-preduprezhdenie-zhenskoj-prestupnosti-v-sovremennyh-usloviyah

11. Маслов Е.Т. Условия, оказывающие существенное влияние на нравственно-психологические характеристики женщины-преступницы // Вестник Академии права и управления. 2024. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/usloviya-okazyvayuschie-suschestvennoe-vliyanie-na-nravstvenno-psihologicheskie-harakteristiki-zhenschiny-prestupnitsy-1

12. Министерство внутренних дел Российской Федерации. Состояние преступности в России (за 2022–2023 гг.): Статистический сборник. М.: ГИАЦ МВД России, 2024. URL: https://мвд.рф/reports

13. Морозов Д.В. Криминологический аспект женской наркопреступности // Вестник Воронежского института МВД России. 2024. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskiy-aspekt-zhenskoy-narkoprestupnosti

14. Муковозова А.С. Основные тенденции и закономерности преступности женщин в современной России // Общество и право.

2025. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-tendentsii-i-zakonomernosti-prestupnosti-zhenschin-v-sovremennoy-rossii

15. Харченко О. В. О современных тенденциях и закономерностях состояния женской преступности: криминологический анализ // Аграрное и земельное право. 2024. № 9 (237). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-sovremennyh-tendentsiyah-i-zakonomernostyah-sostoyaniya-zhenskoy-prestupnosti-kriminologicheskiy-analiz

THE STATE AND TRENDS OF CONTEMPORARY FEMALE CRIME IN THE RUSSIAN FEDERATION

Gasanova M.G.
Far Eastern State Transport University

The article presents a comprehensive criminological analysis of the state, structure, dynamics, and trends of female crime in the Russian Federation over the period from 2020 to 2026. Based on a theoretical analysis of domestic scholarly literature, official statistical data from the Ministry of Internal Affairs of Russia, the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation, and the Federal Penitentiary Service, as well as materials from open sources, the study identifies key trends in the transformation of women's criminal behavior: an increase in the share of property and economic offenses, a rise in the proportion of cybercrime and remote fraud, the persistently high latency of violent crimes in the domestic and family sphere, the expanding involvement of women in illegal drug trafficking as couriers, and changes in the socio-demographic and educational profile of the female offender. The paper provides specific examples of criminal cases from 2020–2025 that illustrate the identified patterns, analyzes the determinants of female crime, and proposes directions for improving preventive activities. The study concludes that a comprehensive, gender-sensitive approach to preventing crime among women is needed, combining measures of socio-economic support, enhancement of digital literacy, and improvement of legislation on the prevention of domestic violence.

Keywords: female crime; criminology; gender aspects of crime; property crimes; cybercrime; remote fraud; drug-related crime; domestic violence; recidivism; crime prevention; Russian Federation

References

1. Abitov, T. T. «Female Violent Crime as a Result of Difficult Life Circumstances.» International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2025. № 1 (100). Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/zhenskaya-nasilstvennaya-prestupnost-kak-sledstvie-slozhnyh-zhiznennyh-obstoyatelstv

2. Legal Information Agency. Statistics on Convictions under Article 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation by Subjects of the Volga and Siberian Federal Districts. Available at: http://stat.api-press.rf/stats/ug/t/14/s/17

3. Alekseeva, E. A. «Modern Trends in the Development of Female Crime in Russia.» Psychopedagogy in Law Enforcement Agencies. 2020. № 1 (80). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-tendentsii-razvitiya-zhenskoy-prestupnosti-v-rossii

4. Gadzhieva Zh.M. Criminological characteristics and prevention of female crime in modern Russia // Vestnik nauki. 2026. № 8 (101). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskaya-harakteristika-i-profilaktika-zhenskoy-prestupnosti-v-sovremennoy-rossii

5. Gafuriysky Interdistrict Court of the Republic of Bashkortostan. Guilty verdict in a criminal case against the former chief accountant of the district hospital under Part 3 of Article 160 of the Criminal Code of the Russian Federation (systematic entry of false data into payroll registers for the period 2023–2024). URL: https://sudact.ru/

6. Gorbacheva E.V., Shishmareva E.V. Forensic typology of women committing crimes as a basis for developing a methodology for investigating female crime // Siberian Law Bulletin. 2021. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminalisticheskaya-tipologiya-zhenschin-sovershayuschih-prestupleniya-kak-osnova-formirovaniya-metodiki-rassledovaniya-zhenskoy

7. Gurkova A.E., Stankevich K.K. Criminological characteristics of modern female crime // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2026. № 2 (76). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskaya-harakteristika-sovremennoy-zhenskoy-prestupnosti

8. The Case of the Khachaturyan Sisters // Kommersant. 2025. URL: https://www.kommersant.ru/theme/3286

9. Kosaturova A.D. Features of Delinquent Behavior of Women in Modern Russian Society // Universum: Economics and Jurisprudence. 2021. № 4 (79). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-delinkventnogo-povedeniya-zhenschin-v-usloviyah-sovremennogo-rossiyskogo-obschestva

10. Kostoyane A.A. Specifics of Determination and Prevention of Female Crime in Modern Conditions // Current Research. 2026. № 17. URL: https://apni.ru/article/14911-specifika-determinacii-i-preduprezhdenie-zhenskoj-prestupnosti-v-sovremennyh-usloviyah

11. Maslov E.T. Conditions that have a significant impact on the moral and psychological characteristics of a female criminal // Bulletin of the Academy of Law and Management. 2024. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/usloviya-okazyvayuschie-suschestvennoe-vliyanie-na-nravstvenno-psihologicheskie-harakteristiki-zhenschiny-prestupnitsy-1

12. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. The state of crime in Russia (for 2022–2023): Statistical Digest. Moscow: State Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. URL: https://мвд.рф/reports

13. Morozov, D. V., «Criminological Aspect of Female Drug-Related Crime,» Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2024, № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskiy-aspekt-zhenskoy-narkoprestupnosti

14. Mukovozova, A. S., «Main Trends and Patterns of Female Crime in Modern Russia,» Society and Law. 2025, № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-tendentsii-i-zakonomernosti-prestupnosti-zhenschin-v-sovremennoy-rossii

15. Kharchenko, O. V., «On Current Trends and Patterns of Female Crime: A Criminological Analysis,» Agrarian and Land Law, 2024, № 9 (237). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-sovremennyh-tendentsiyah-i-zakonomernostyah-sostoyaniya-zhenskoy-prestupnosti-kriminologicheskiy-analiz

Пределы расширительного толкования норм уголовно-процессуального закона: гарантия прав личности и риск подмены процессуального закона судебной практикой

Васяев Александр Александрович,
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-процессуального права имени П.А. Лупинской Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: AAVASYAEV@msal.ru

В статье исследуются процессуальные ситуации, возникающие в ходе производства по уголовному делу, в которых изменение объема смысла нормы УПК РФ непосредственно отражается на процессуальном положении участника уголовного процесса. Отправной точкой служит различие между раскрытием уже заложенной в законе гарантии и созданием нового правила, для которого в УПК РФ нет достаточной опоры. На материале разъяснений Пленума Верховного Суда РФ о праве на защиту, мерах пресечения и судебном приговоре показано, что одна и та же внешняя техника интерпретации может иметь различный юридический эффект. При обращении к гарантиям защиты она нередко устраняет чрезмерно формальное понимание процессуального права; при определении оснований принуждения, напротив, чрезмерное расширение способно ослабить законодательные ограничения публичной власти. Отдельно рассматривается вопрос о действии новых интерпретационных позиций во времени и о границе между расширительным толкованием, преодолением пробела и фактическим судебным конструированием процедуры. Предлагается оценивать допустимость интерпретации не по формальному названию используемого приема, а по связи вывода с текстом норм УПК РФ, по его влиянию на права участников и по тому, сохраняется ли законодательная форма процессуального ограничения. Делается итоговый вывод, что в уголовном судопроизводстве одной направленности интерпретации мало – не менее важно, как суд аргументирует движение от нормативного текста к процессуальному последствию.

Ключевые слова: уголовный процесс, толкование права, расширительное толкование, пределы толкования, УПК РФ, Верховный Суд РФ, судебная практика, право на защиту, меры пресечения, судебный приговор, судебное усмотрение, юридическая техника.

Обычно расширительное толкование в уголовном судопроизводстве описывают как вопрос о границах интерпретационной свободы суда. Это точно, однако неполно. При производстве по уголовному делу смысл применяемой нормы почти никогда не остается отвлеченным – он получает процессуальное продолжение: именно от толкования закона зависит, сможет ли участвовать защитник, насколько широко распространяется судебный контроль и по каким основаниям допускается ограничение прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц. Сюда же относятся порядок исследования доказательств и содержание мотивировки приговора. Поэтому спор о толковании здесь часто становится спором о допустимом объеме государственного принуждения и ограничения прав, свобод и законных интересов. УПК РФ задает процедуру именно как юридическую форму уголовного преследования и одновременно как систему гарантий от незаконного обвинения и необоснованного ограничения прав, свобод и законных интересов.

Сложность возникает не только из-за пробелов закона. УПК РФ неизбежно использует понятия, которые нельзя применить без оценок: «достаточные основания», «существенное нарушение», «разумный срок», «невозможность применения иной, более мягкой меры», «уважительные причины» и др. В судебном решении эти формулы получают конкретное содержание. Иногда содержание уточняется настолько заметно, что возникает естественный вопрос: суд по-прежнему раскрывает смысл нормы или уже конструирует правило, которое могло бы появиться только в законе? В доктрине на нормативные свойства интерпретационных актов обращается внимание именно потому, что такие акты способны фактически изменять правовое положение адресатов[1].

В исходной постановке этой проблемы есть желание предложить простой ответ: расширение, усиливающее гарантии личности, считать допустимым, а расширение публичных полномочий – недопустимым. Такая формула полезна как предостережение, но в качестве окончательного критерия она неоднозначна. Права участников уголовного процесса могут сталкиваться; судебный контроль сам предполагает властные полномочия; защита одного интереса иногда требует процессуального ограничения другого. Поэтому в настоящей статье вопрос ставится иначе: какой юридический путь проходит интерпретация от текста УПК РФ к процессуальному последствию и в какой момент этот путь перестает быть обоснованно связанным с законом?

Цель данного исследования состоит в том, чтобы на конкретных уголовно-процессуальных институтах показать различие между раскрытием гарантийного содержания нормы и созданием дополнительной процессуальной процедуры. Особое внимание уделяется праву на защиту, мерам пресечения, требованиям к судебному приговору и действию интерпретационных позиций во времени. Такой выбор позволяет сравнить ситуации, в которых активное толкование выполняет неодинаковую функцию: устраняет формализм, ограничивает принуждение либо, напротив, рискует превратить практический подход в самостоятельное правило.

Определение расширительного толкования через формулу «действительный смысл шире буквального текста» само по себе мало помогает суду. Ключевой же вопрос при этом остается без ответа: что порождает прирост содержания нормы и где пролегает его внешний рубеж. В уголовном судопроизводстве особенно трудно разграничить расширительное толкование с системным и телеологическим. Оценивая право на защиту исходя из назначения уголовного судопроизводства, положений Конституции РФ и других норм УПК РФ, суд в самом деле покидает рамки отдельно взятой нормативной формулировки. Но отсюда еще не следует, что покинуты рамки правового регулирования как такового.

По названной причине выражение «гарантийное расширительное толкование» следует использовать лишь как рабочее обозначение, а не как отдельный признанный способ толкования. Оно пригодно для ситуаций, в которых при буквальном прочтении нормы процессуальное право остается формальностью, тогда как системное соотнесение нор-

[1] См.: Никитин С.В. Интерпретационные акты как предмет судебного нормоконтроля // Российский юридический журнал. 2023. № 1 (148). С. 43–51.

мы с назначением уголовного судопроизводства обязывает сделать защиту реально доступной. В ст. 6 УПК РФ уголовное судопроизводство прямо соотнесено как с защитой прав потерпевших, так и с защитой личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения и ограничения прав, свобод и законных интересов. Полномочия по своему усмотрению дополнять процедуру, эта норма суду не предоставляет; ее роль иная – образовать контекст, на фоне которого проверяется итог интерпретации.

Одна оговорка здесь необходима. Прирост смысла нормы и улучшение положения участника – не одно и то же. Интерпретация, на первый взгляд выгодная обвиняемому, может задеть права потерпевшего либо требования справедливого производства по уголовному делу. Встречается и обратное: без известного уточнения полномочий суда реальный судебный контроль порой невозможен. Значит, предметом оценки должны быть не лозунг «в пользу прав» и не само отступление от буквы закона, а наличие нормативной опоры и характер процессуального последствия.

Наиболее наглядные образцы активного толкования связаны с правом на защиту. В основе Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 лежит несложная мысль: формальное присутствие адвоката-защитника либо однократное разъяснение перечня прав еще не означает, что защита действительно обеспечена. Действующая редакция постановления с учётом изменений 2025 г. эту логику не меняет. Суд оценивает реальность предоставленных лицу возможностей; внешнего соблюдения процессуальной формы для этого мало[1].

Отчетливее всего подход проявляется там, где уязвимость фактического положения лица возникает до того, как его статус окончательно закреплен процессуальным решением. Действия органов расследования порой уже направлены на проверку причастности конкретного человека и затрагивают его свободу выбора действия. Тогда буквальная привязка гарантий к наименованию статуса обессмысливает право на юридическую помощь. Это очевидный риск. Суд в таких случаях не создаёт новое процессуальное состояние – он определяет, с какого момента уже существующая гарантия должна работать по своему назначению.

Конституционный уровень проблемы не даёт воспринимать процессуальную форму как самодостаточную. Право на получение квалифицированной юридической помощи и право на судебную защиту закреплены непосредственно Конституцией РФ (ст.ст. 46, 48). Однако ссылка на Конституцию РФ ещё не решает конкретный процессуальный вопрос. Этого недостаточно для ответа. Суду надлежит объяснить: почему в обстоятельствах дела буквальное изучение нормы ведёт к фактическому лишению гарантии и каким положением УПК РФ обосновывается более широкое понимание проверяемой ситуации.

Именно такое объяснение отличает интерпретацию от свободного конструирования. Мотивировка, ограниченная фразой о необходимости «обеспечить право на защиту», плохо проверяема. Другое дело – суд показывает, какое процессуальное действие фактически затронуло положение лица, какое право стало практически недоступным и почему системная связь соответствующих норм УПК РФ требует иной трактовки. Здесь расширение смысла остаётся привязанным к норме. Проблема её применения конкретна.

Иное качество принимает толкование норм о мерах пресечения. Здесь всякая неопределенность затрагивает не процессуальное удобство, а пределы свободы. Ставка слишком высока. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41, существенно уточненное постановлением Пленума от 27 мая 2025 г. № 1, обязывает проверять обоснованность подозрения, конкретные риски и допустимость более мягкой меры; решение о заключении под стражу не вправе вытекать из одной лишь тяжести обвинения[2].

Для темы расширительного толкования это показательно: суд взаимодействует с оценочными категориями – «достаточные основания», «вероятность скрыться», «продолжить преступную деятельность» или «воспрепятствовать производству по делу». В закрытый перечень обстоятельств их не свести. Однако открытость понятия не дает практике права понижать доказательственный порог. Это было бы подменой. Когда общий довод о тяжести обвинения фактически вытесняет индивидуальную проверку риска, интерпретация перестает раскрывать содержание нормы – она ослабляет условие применения принуждения.

Недавняя кассационная практика показывает, что требование мотивированного обсуждения более мягкой меры остается отнюдь не декоративным элементом разъяснения. В постановлении Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15 июля 2026 г. по делу № 7У-3327/2026 суд сослался на пункт 3 постановления Пленума № 41 в редакции 2025 г. и исходил из необходимости объяснить, почему менее строгая мера не может обеспечить цели производства. Сам по себе этот пример не доказывает единообразия складывающейся практики, но он хорошо показывает юридическую функцию разъяснения: Пленум не выбирает меру пресечения вместо суда, а требует сделать видимым ход судебного усмотрения[3].

Предел здесь проходит не по линии «широкое – узкое» толкование. Суд вправе учитывать разнообразные фактические обстоятельства, в том числе те, которые невозможно заранее исчерпывающе назвать в уголовно-процессуальном законе. Недопустимо другое – превращать типичное обстоятельство в фактически автоматическое основание заключения под стражу. Когда такой автоматизм закрепляется ссылками друг на друга и начинает восприниматься как устойчивая судебная формула, практика подменяет законодательное требование индивидуальной проверки материалов уголовного дела.

Похожий вопрос возникает при толковании требований к приговору, хотя риск здесь иного рода. УПК РФ требует законности, обоснованности и справедливости приговора, а также устанавливает содержание его описательно-мотивировочной части. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55, применяемое с учетом изменений, внесенных постановлением Пленума от 9 декабря 2025 г. № 33, конкретизирует требования к оценке доказательств и мотивированию выводов суда[4].

Можно ли считать такую конкретизацию расширительным толкованием? Не всегда. Когда Пленум требует привести мотивы, по которым одни доказательства принимаются, а другие отвергаются, он опирается на прямую обязанность суда мотивировать решение и на правила оценки доказательств. Здесь скорее раскрывается операционное содержание уже существующего требования. Расширительным эффект становится тогда, когда из общей формулы выводится дополнительное условие, прямо не названное законодателем и влияющее на законность приговора.

Эта граница важна для апелляционной, кассационной и надзорной практики. Нельзя подменять свободную оценку доказательств заранее заданной схемой усмотрения. Пленум вправе требовать, чтобы путь от доказательств к выводу был понятен и проверяем, но не вправе заранее устанавливать доказательственную силу конкретного вида информации. Если судебный акт мотивирован нестандартно, это еще не делает его незаконным; значение имеет не совпадение с образцом, а возможность проверить правовую и фактическую основу вывода суда.

Потому термин «стандарт мотивировки» уместен лишь при осторожном употреблении. Он описывает качество судебного рассмотрения, а не самостоятельную норму, соперничающую с УПК РФ. Чем чаще стандарт воспринимают как готовый текстовый шаблон, тем выше риск обратного эффекта: формальная ссылка на нужную формулу подменяет реальное объяснение обстоятельств дела. Различие принципиально.

У расширительного толкования есть и другая сторона, часто остающаяся вне обсуждения – время. Судебная позиция меняет представление о том, какие действия считались достаточными, какие доводы

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181898/?ysclid=mu811huhwg684112925 (дата обращения: 20.09.2026); Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2025 г. № 33 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации…» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_521205/?ysclid=mu813cm7re746187278 (дата обращения: 20.09.2026).

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/?ysclid=mu815e20wr695292327 (дата обращения: 20.09.2026); Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 2025 г. № 1 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 года № 41…» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://storage.consultant.ru/site20/202505/29/vs_290525–1.pdf (дата обращения: 20.09.2026).

[3] Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15 июля 2026 г. по делу № 7У-3327/2026 [77–1953/2026] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». – URL: https://base.garant.ru/471324860/ (дата обращения: 20.09.2026).

[4] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207874/?ysclid=mu81io6ele490792921 (дата обращения: 20.09.2026); Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2025 г. № 33 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации…» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207874/?ysclid=mu819k0xbd164314247 (дата обращения: 20.09.2026)

подлежали проверке и какой объем процессуальной гарантии обеспечивался. Когда новую интерпретацию применяют к действиям, совершенным до ее появления, встает вопрос о предсказуемости правовых последствий.

Темпоральные пределы официального судебного толкования Е.О. Назаркова справедливо выделяет как самостоятельную теоретико-правовую проблему. Для уголовного процесса эта проблема особенно чувствительна. Новая позиция, усиливающая требования к обоснованию ограничения свободы или к обеспечению защиты, может работать как дополнительная гарантия при проверке рассматриваемого уголоного дела. Но если новая интерпретация неожиданно создает более жесткое процессуальное последствие для уже совершенного действия, применение ее «назад» требует отдельного обоснования[1].

Здесь трудно предложить универсальную формулу. Не всякое изменение судебной практики тождественно новой норме, а значит, механическое перенесение правил действия закона во времени на интерпретационные акты было бы неверным. Однако, чем заметнее новая позиция меняет практические ожидания участника и чем тяжелее последствие ее применения, тем слабее тот аргумент, что речь идет всего лишь об уточнении давно известного смысла. В спорных случаях суд должен прямо обсуждать этот временной эффект, а не скрывать его за ссылкой на «сложившийся подход».

Самая сложная граница проходит там, где в УПК РФ отсутствует прямой ответ. В таких ситуациях термин «расширительное толкование» иногда используется слишком свободно и фактически маскирует преодоление пробела. Между тем это разные операции. Расширительное толкование предполагает, что требуемый результат можно обосновать смыслом существующей нормы; пробел означает отсутствие достаточного регулирования именно для возникшей ситуации.

Для уголовного процесса разница принципиальна. Если пробел касается основания ограничения свободы, нового процессуального срока, дополнительной обязанности обвиняемого или иного вмешательства в права, судебное решение не должно превращать удобное практическое решение в устойчивое правило. Нормативные свойства актов разъяснения давно являются предметом дискуссии и судебного контроля. Вопрос здесь не в отрицании роли высших судов, а в том, что устойчивость практики сама по себе не заменяет законодательную форму[2].

Признание творческого элемента судебного толкования также не снимает эту проблему. Неореалистические подходы справедливо показывают, что фактические границы судейского правотворчества шире, чем предполагает классическая модель простого «обнаружения» готового смысла. Но из этого описательного тезиса не следует нормативное разрешение суду создавать уголовно-процессуальную процедуру. Напротив, чем теснее интерпретация связана с принуждением, тем значимее вопрос о том, кто именно обладает полномочием установить соответствующее правило[3]. Поэтому особенно осторожно следует употреблять тезис о допустимости аналогии «в пользу прав». В отдельных делах суд действительно может столкнуться с необходимостью защитить процессуальную гарантию при неполном регулировании. Но превращение такого решения в общее основание аналогии требует самостоятельной доктринальной аргументации и не может выводиться только из благоприятного для лица результата. Иначе критерий законности незаметно заменяется критерием желательности.

Официальное толкование способно служить защите прав, свобод и законных интересов физических и юридических лиц, но его правозащитная функция не устраняет требования нормативной связанности. Разъяснение должно показывать, из каких положений закона следует предлагаемый выход. Если такой связи нет, более честным научным и практическим описанием будет признание пробела и постановка вопроса перед законодателем, а не переименование нового правила в расширительное толкование[4].

Из сказанного не следует, что суду нужен формальный перечень из нескольких «критериев», каждый из которых механически проверяется. Реальные уголовные дела устроены сложнее. Однако в мотивировке можно проследить несколько обязательных вопросов, и они относятся к разным сторонам решения. Прежде всего должно быть видно, какое слово, положение или системная связь норм допускает более широкое понимание. Если суд не в состоянии назвать такую нормативную опору, он по существу не толкует правило, а создает его.

Затем необходимо раскрыть, к какому последствию для участников процесса приводит избранная интерпретация. Сам факт расширения права одной стороны о допустимости решения не свидетельствует: во внимание принимаются права другой стороны, назначение процесса и характер затрагиваемого интереса. Для вывода о законности одного этого мало. Если итогом интерпретации становится рост объема публичного принуждения, требования к обоснованию должны быть заметно строже. Новое основание ограничения, новый процессуальный фильтр или новое исключение из общего порядка возможны лишь на основе закона, а не ссылки на удобство сложившейся практики.

Не меньшее значение имеет построение самого судебного усмотрения. По тексту решения должен прослеживаться путь от нормы к результату – это принципиальное требование. Отсылка к постановлению Пленума либо к «устоявшемуся подходу» не снимает с суда обязанности мотивировать вывод самостоятельно. Правовая позиция высшего суда может задать направление анализа, но суд по конкретному делу обязан объяснить, почему она применима к установленным обстоятельствам и какое значение имеют возражения сторон.

Наконец, следует различать последствия процессуального нарушения. Если суд неточно определил объем процессуальной гарантии, исправление может состоять в более полном обеспечении права. Если же под видом интерпретации создано новое основание принуждения, проблема имеет иной уровень: здесь затронута сама законодательная форма уголовного процесса. Именно поэтому одинаковая риторика о «целях правосудия» не может оправдывать разные по природе вмешательства.

Верховный Суд РФ неизбежно участвует в стабилизации уголовно-процессуального правоприменения. Разъяснения Пленума позволяют устранить расхождения, обозначить типичные нарушения и уточнить требования к мотивировке и связать отдельные нормы с базовыми принципами процесса. В современной доктрине акты официального разъяснения поэтому рассматриваются как явление, которое нельзя адекватно описать простой формулой «не нормативный акт – значит, не имеет нормативного эффекта»[5].

Однако стандартизирующий эффект имеет свою оборотную сторону. Чем авторитетнее судебная позиция, тем легче нижестоящему суду заменить собственное рассуждение ссылкой на готовую формулу. Наибольшую угрозу это несет по делам о мерах пресечения: за внешне безупречным набором формулировок – «тяжесть обвинения», «риск скрыться», «невозможность иной меры» – может не стоять индивидуальной проверки. Применительно к приговору та же трудность выглядит иначе: шаблонная мотивировка лишь имитирует рассуждение, не объясняя, почему конкретные доказательства оценены именно так.

В силу этого под единообразием практики надо понимать общность юридически значимых требований к рассуждению, а не текстуальное совпадение судебных актов. Ценность разъяснений Пленума в том, что они обозначают вопросы, которые нельзя обойти, и объясняют, почему от них зависит законность решения. Источником затруднений они становятся, когда сформулированный в них подход начинают использовать как самостоятельное, не выведенное из УПК РФ основание процессуального последствия.

Ход рассуждения в статье сознательно не замыкается на жесткой формуле «расширение гарантий допустимо, расширение полномочий запрещено». В ней заключена важная презумпция осторожности, но для трудных случаев она ответа не дает. Право на защиту может вступить в конфликт с правом потерпевшего на разумный срок; судебный контроль требует определенной активности суда; восстановление нарушенной гарантии иногда предполагает процессуальное решение, прямо не описанное законодателем во всех деталях. Эти ситуации нельзя разрешить одним направлением ценностного выбора.

Более надежным представляется анализ связи между текстом, целью нормы и конкретным последствием. Чем дальше результат от буквального содержания, тем подробнее должна быть показана системная опора. Чем тяжелее ограничение прав, свобод и законных интересов тем менее допустима ссылка на практическую целесообразность. И чем больше судебный подход похож на устойчивое общее правило,

---

[1] См.: Назаркова Е.О. Темпоральные пределы действия актов официального судебного толкования: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2024. 23 с.

[2] См.: Липень Н.С. О совершенствовании правового регулирования оспаривания нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 12. С. 25–31.

[3] См.: Фаталиева Д.А. Теория юридических сдержек: фактические границы правотворческих полномочий судьи с точки зрения неореалистической теории толкования // RUDN Journal of Law. 2023. Т. 27. № 2. С. 368–382.

[4] См.: Терехов Е.М. Официальное толкование норм права как инструмент защиты прав и законных интересов граждан // Проблемы защиты прав: история и современность: материалы XVII Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 20 октября 2022 года / отв. ред. И.С. Кокорин. СПб.: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2023. С. 199–203.

[5] См.: Габов А.В. Акты официального разъяснения (толкования) в системе источников российского права // Ценность права (к 100-летию со дня рождения О.Э. Лейста): монография / отв. ред. Е.А. Фролова. М.: Проспект, 2025. С. 465–489.

тем серьезнее основание поставить вопрос о законодательном закреплении.

Расширительное толкование в уголовном процессе нельзя оценивать только по тому, делает ли оно смысл нормы шире буквального текста. Существеннее другое: остается ли результат связанным с УПК РФ и может ли суд объяснить эту связь так, чтобы процессуальное последствие было проверяемым. Там, где активная интерпретация устраняет формальное понимание права на защиту или требует полноценной мотивировки ограничения свободы, она способна укреплять гарантии, уже заложенные в законе. Но тот же язык толкования становится опасным, если с его помощью появляется новое основание принуждения, дополнительная обязанность или исключение из процедуры.

Постановления Пленума Верховного Суда РФ в этой системе необходимы, поскольку без интерпретационной координации оценочные понятия УПК РФ неизбежно применялись бы неодинаково. Их значение, однако, состоит не в замене закона готовой моделью решения; разъяснение должно оставлять суду обязанность доказать обстоятельства, подлежащие установлению и мотивировать применение нормы, а законодателю – полномочие создавать новую процессуальную форму.

Поэтому наиболее надежной границей расширительного толкования является не заранее составленный перечень признаков, а качество юридического обоснования. Суд должен показать нормативную опору более широкого плана, оценить его воздействие на процессуальное положение участников и не скрывать создание нового правила под ссылкой на авторитет судебной практики. В уголовном процессе такая прозрачность интерпретации сама становится одной из гарантий от произвольного расширения публичной власти.

Литература

1. Габов А.В. Акты официального разъяснения (толкования) в системе источников российского права // Ценность права (к 100-летию со дня рождения О.Э. Лейста): монография / отв. ред. Е.А. Фролова. М.: Проспект, 2025. С. 465–489.

2. Липень Н.С. О совершенствовании правового регулирования оспаривания нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 12. С. 25–31.

3. Назарькова Е.О. Темпоральные пределы действия актов официального судебного толкования: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2024. 23 с.

4. Никитин С.В. Интерпретационные акты как предмет судебного нормоконтроля // Российский юридический журнал. 2023. № 1 (148). С. 43–51.

5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/?ysclid=mu815e20wr695292327 (дата обращения: 20.09.2026).

6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181898/?ysclid=mu811huhwg684112925 (дата обращения: 20.09.2026).

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207874/?ysclid=mu81io6ele490792921 (дата обращения: 20.09.2026).

8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 мая 2025 г. № 1 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 года № 41…» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://storage.consultant.ru/site20/202505/29/vs_290525–1.pdf (дата обращения: 20.09.2026).

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2025 г. № 33 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации…» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_521205/?ysclid=mu813cm7re746187278 (дата обращения: 20.09.2026).

10. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 15 июля 2026 г. по делу № 7У-3327/2026 [77–1953/2026] // Доступ из справ.-правовой системы «Гарант». – URL: https://base.garant.ru/471324860/ (дата обращения: 20.09.2026).

11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2025 г. № 33 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации…» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207874/?ysclid=mu819k0xbd164314247 (дата обращения: 20.09.2026)

12. Терехов Е.М. Официальное толкование норм права как инструмент защиты прав и законных интересов граждан // Проблемы защиты прав: история и современность: материалы XVII Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 20 октября 2022 года / отв. ред. И.С. Кокорин. СПб.: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2023. С. 199–203.

13. Фаталиева Д.А. Теория юридических сдержек: фактические границы правотворческих полномочий судьи с точки зрения неореалистической теории толкования // RUDN Journal of Law. 2023. Т. 27. № 2. С. 368–382.

THE LIMITS OF EXPANSIVE INTERPRETATION OF CRIMINAL PROCEDURE LAW: SAFEGUARDING INDIVIDUAL RIGHTS AND THE RISK OF JUDICIAL PRACTICE SUPPLANTING PROCEDURAL LAW

Vasyaev A.A.
Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSAL)

This article examines procedural situations arising during criminal proceedings where a change in the scope of a rule within the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation (CCP RF) directly affects the procedural status of a participant in the proceedings. The starting point is the distinction between elucidating a guarantee already inherent in the law and creating a new rule lacking sufficient grounding in the CCP RF. Drawing on clarifications from the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation regarding the right to a defense, preventive measures, and court judgments, the article demonstrates that the same interpretive technique can yield different legal effects. When applied to defense guarantees, such interpretation often eliminates an overly formalistic understanding of procedural law; conversely, when defining grounds for coercive measures, excessive expansion can undermine legislative constraints on public authority. The article also addresses the temporal application of new interpretive positions and the boundaries between expansive interpretation, gap-filling, and the actual judicial construction of procedure. It proposes evaluating the admissibility of an interpretation not based on the formal name of the technique employed, but rather on the connection between the conclusion and the text of the CCP RF, the impact on participants' rights, and whether the legislative form of the procedural restriction is preserved. The conclusion is drawn that in criminal proceedings, the direction of interpretation alone is insufficient; the court's reasoning regarding the transition from the statutory text to the procedural consequence is equally important.

Keywords: criminal proceedings, legal interpretation, expansive interpretation, limits of interpretation, CCP RF, Supreme Court of the Russian Federation, judicial practice, right to a defense, preventive measures, court judgment, judicial discretion, legal technique.

References

1. Gabov A.V. Acts of official clarification (interpretation) in the system of sources of Russian law // The Value of Law (on the centenary of the birth of O.E. Leist): monograph / Ed. by E.A. Frolova. Moscow: Prospekt, 2025. P. 465–489.

2. Lipen N.S. On improving the legal regulation of challenging normative legal acts and acts containing clarifications of legislation and possessing normative properties // Actual Problems of Russian Law. 2024. Vol. 19. № 12. P. 25–31.

3. Nazarkova E.O. Temporal limits of the effect of acts of official judicial interpretation: a theoretical-legal analysis: abstract of thesis … Candidate of Legal Sciences. Yekaterinburg, 2024. 23 p.

4. Nikitin S.V. Interpretative acts as a subject of judicial normative control // Russian Juridical Journal. 2023. № 1 (148). P. 43–51.

5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 41 dated December 19, 2013, «On the practice of courts applying legislation regarding preventive measures in the form of detention, house arrest, bail, and the prohibition of certain actions» // Accessed via the «ConsultantPlus» legal reference system. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/?ysclid=mu815e20wr695292327 (date of access: 20.09.2026).

6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 29 dated June 30, 2015, «On the Practice of Application by Courts of Legislation Ensuring the Right to Defense in Criminal Proceedings» // Accessed via the «ConsultantPlus» legal reference system. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181898/?ysclid=mu811huhwg684112925 (date of access: September 20, 2026).

7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 55 dated November 29, 2016, «On the Court Judgment» // Accessed via the «ConsultantPlus» legal reference system. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207874/?ysclid=mu81io6ele490792921 (date of access: September 20, 2026).

8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 1 dated May 27, 2025, «On Amending the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 41 dated December 19, 2013…» // Accessed via the «ConsultantPlus» legal reference system. – URL: https://storage.consultant.ru/site20/202505/29/vs_290525–1.pdf (date of access: September 20, 2026).

9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 33 dated December 9, 2025, «On Amending Certain Resolutions of the Plenum of the Su-

preme Court of the Russian Federation…» // Accessed via the «ConsultantPlus» legal reference system. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_521205/?ysclid=mu813cm7re746187278 (accessed: 20.09.2026).

10. Ruling of the First Cassation Court of General Jurisdiction dated July 15, 2026, in Case № 7U-3327/2026 [77–1953/2026] // Accessed via the «Garant» legal reference system. – URL: https://base.garant.ru/471324860/ (accessed: 20.09.2026).

11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 33 dated December 9, 2025, «On Amending Certain Resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation…» // Accessed via the «ConsultantPlus» legal reference system. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_207874/?ysclid=mu819k0xbd164314247 (accessed: 20.09.2026).

12. Terekhov E.M. Official Interpretation of Legal Norms as a Tool for Protecting the Rights and Legitimate Interests of Citizens // Problems of Rights Protection: History and Modernity: Proceedings of the XVII International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, October 20, 2022 / Ed. I.S. Kokorin. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University, 2023. P. 199–203.

13. Fatalieva D.A. Theory of Legal Checks: Actual Limits of a Judge's Law-Making Powers from the Perspective of Neorealist Interpretation Theory // RUDN Journal of Law. 2023. T. 27. № . 2. pp. 368–382.

Формирование теории русского уголовного права и представлений о кодификации законодательства

Глушкова Елена Михайловна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Уральского института дополнительного профессионального образования «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», член Российской криминологической ассоциации, нотариус
E-mail: elena.zatsepina@mail.ru

Статья посвящена проблеме формирования теории русского уголовного права и представлений о кодификации законодательства. Идея кодификации уголовного законодательства занимала в истории отечественной правовой мысли особое, центральное место: именно вокруг нее разворачивались наиболее острые доктринальные дискуссии, именно она служила точкой приложения разнородных философско-правовых течений, именно она давала ученым практический повод для теоретических обобщений. В отличие от других отраслей права, где вопросы систематизации нередко воспринимались как чисто технические, уголовное право ставило их в обостренном виде: кодификация уголовного закона неизбежно требовала ответа на вопросы о природе преступления и наказания, об основаниях уголовной ответственности, о соотношении строгой определенности нормы и гибкости правоприменения. Именно поэтому история представлений о кодификации уголовного законодательства есть одновременно история формирования русской уголовно-правовой теории: доктрина рождалась в значительной мере как ответ на запросы законодательной практики и как обоснование тех или иных подходов к созданию уголовного кодекса.

Ключевые слова: теория, русское уголовное право, кодификация законодательства, правоприменение, систематизация, подходы.

Вопрос о систематизации действующего законодательства возник в России задолго до появления собственной уголовно-правовой теории. Соборное уложение 1649 года было само по себе значительным шагом в направлении упорядочения правового материала, однако оно не знало ни четкого разграничения уголовных норм от гражданских и административных, ни развитой Общей части, ни сколько-нибудь последовательной системы понятий. Правовые нормы располагались в нем по предмету регулирования без внутренней логики, порожденной теоретическим осмыслением их природы. В XVIII веке многочисленные попытки составить новое уложение – комиссии 1700, 1714, 1720, 1728, 1754, 1767 годов – раз за разом завершались неудачей именно потому, что составители не располагали ни теоретическим инструментарием, ни устойчивыми представлениями о том, что именно они создают: сборник действующих законов, систематизированный свод или принципиально новый кодекс. Вопрос о различии этих трех форм упорядочения правового материала носил не технический, а принципиально доктринальный характер, поскольку от ответа на него зависело само существо будущего законодательного акта.

Именно это обстоятельство обнаружилось со всей наглядностью, когда в начале XIX века к задаче систематизации российского законодательства приступил Михаил Михайлович Сперанский.

Концепция М.М. Сперанского о трех ступенях систематизации права представляла собой первое в России теоретически последовательное осмысление вопроса о соотношении сборника, свода и уложения как различных форм законодательной деятельности. М.М. Сперанский разграничивал эти три формы по принципиальному признаку: сборник есть простое собрание действующих законов без изменения их содержания; свод есть их упорядочение по предмету с устранением противоречий, но без отступления от буквы действующего права; уложение же есть подлинная кодификация – создание нового законодательного акта, опирающегося на теоретические начала и вводящего новые нормы взамен устаревших. Применительно к уголовному праву это различие имело огромное практическое значение: сторонники свода как идеальной формы считали, что законодателю надлежит лишь привести в порядок то, что уже существует в действующем праве и одобрено народной жизнью; сторонники же уложения настаивали на необходимости реформирования уголовного закона на основе научных принципов, пусть даже ценой отступления от унаследованной традиции. Именно в этом вопросе М.М. Сперанский проявлял характерную для него осторожность, избирая средний путь: в своей практической деятельности он создал Свод законов Российской империи (1833), опираясь на принцип второй ступени – упорядочение без реформирования, – отложив подлинную кодификацию на будущее, которое он, впрочем, тщательно готовил, разрабатывая теоретические основания для создания полноценного уложения [8].

Параллельно в России формировалась академическая традиция, ставившая вопрос о кодификации уголовного права в теоретическом ключе. Университетское преподавание уголовного права, начавшееся в Москве в 1755 году и постепенно распространившееся на другие российские университеты, неизбежно ставило профессоров перед необходимостью изложить предмет систематически, а значит – выработать хотя бы элементарный понятийный аппарат, которого действующее законодательство не содержало.

Первым систематическим курсом русского уголовного права стал труд Гавриила Ильича Солнцева «Российское уголовное право», написанный около 1820 года. Этот учебник, долго остававшийся в рукописи, уже содержал попытку построить Общую часть уголовного права как самостоятельный теоретический раздел, предшествующий нормам Особенной части.

Первой развернутой теоретической программой уголовного кодекса, созданной в России, стал «Наказ» Екатерины II 1767 года, подготовленный для Уложенной комиссии. Этот документ, в значительной мере основанный на трактате Чезаре Беккариа «О преступлениях и наказаниях» (Ливорно, 1764) и на «Духе законов» Ш.Л. Монтескье, представлял собой не просто декларацию просветительских принципов, но именно доктринальную программу реформы уголовного законодательства – первый русский документ, в котором систематически излагались теоретические основания, которым должен соответство-

вать уголовный кодекс. «Наказ» провозглашал, что законы должны быть «не слишком многочисленны» и «ясны»; что наказания должны быть строго соразмерны преступлениям; что уголовный закон должен защищать не только общество от преступника, но и личность от произвольного преследования (Ст. 33, 67, 148, 200, 227, 444, 448 Наказа) [2].

Однако «Наказ» остался в истории как манифест, в котором были сформулированы принципы, определявшие отечественные кодификационные дискуссии на протяжении всего XIX века: принцип законности (только законом установленное деяние есть преступление), принцип соразмерности (тяжесть наказания должна соответствовать тяжести преступления), принцип гуманности (запрет пыток и жестоких наказаний) и принцип личной ответственности (наказуем только совершивший деяние, а не его родственники и общество в целом). Именно эти принципы воспроизводились в той или иной форме в программных работах русских криминалистов XIX века, когда они излагали свои требования к будущему уголовному кодексу [7].

В.Д. Спасович во Введении к своему Учебнику (1863) предупреждал, что уголовное право не может быть построено «на вечных принципах разума» в отрыве от исторически сложившегося правосознания [7]. Схожую мысль развивал Н.С. Таганцев, указывая, что метод «отвлеченной науки» без опоры на историческое право ведет к законодательным утопиям [9]. Аналогичной позиции придерживался и Н.Д. Сергеевский [6]. Это требование национальной конкретности, сформулированное первоначально в приложении к просветительским принципам, получило свое системное теоретическое обоснование в концепции исторической школы права, которая оказала на русскую кодификационную мысль огромное влияние.

Русские сторонники исторического метода в правоведении, среди которых особое место занимал А.П. Чебышев-Дмитриев, считали, что уголовный кодекс должен создаваться не как реализация абстрактных рациональных схем, но как результат глубокого изучения истории отечественного уголовного права и тех органических начал, которые в ней проявляются [11]. Именно такой подход был реализован в работе комиссии, готовившей Уголовное уложение 1903 года: каждая предлагаемая норма сопровождалась историко-сравнительным обоснованием, в котором прослеживалась ее эволюция в русском праве и опыт иностранных кодификаций.

Третье направление сложилось под воздействием Франца фон Листа, чей «Учебник немецкого уголовного права» (Берлин, 1881) поставил вопрос принципиально иначе: как рационалистическая, так и историческая школа уклоняются от исследования действительного социального содержания уголовного права. Кодекс, выстроенный по законам формальной логики, являет собой технически совершенный, но лишенный практической силы документ; кодекс, черпающий свое содержание исключительно из правового прошлого, неизбежно увековечивает изжитые уклады общественной жизни. По Листу, уголовный закон обязан опираться на знание о природе и причинах преступности и выстраивать систему мер воздействия применительно к задаче специальной превенции – воздействию на конкретного нарушителя с целью его исправления либо изоляции [14].

Такой подход коренным образом менял саму постановку вопроса о кодификации: на место статичного перечня запретов и санкций выдвигался динамичный инструмент уголовной политики, ориентированный на личность правонарушителя. В русской науке это направление получило наиболее последовательное развитие в трудах И.Я. Фойницкого, который сумел соединить его с теоретическим наследием классической школы; именно на этой соединительной основе и строилась доктринальная база Уложения 1903 года.

Самостоятельное место в русской кодификационной мысли занимала немецко-балтийская юридическая школа, сформировавшаяся в стенах Дерптского университета и в правовых ведомствах Прибалтийских губерний. Ее влияние на общерусскую теорию кодификации объясняется двумя факторами. Первый состоит в том, что дерптские правоведы занимали срединное положение между развитой немецкой юриспруденцией, с ее пандектистикой, исторической школой и богатой кодификационной дискуссией, и, непосредственными запросами российской законодательной практики, с которой им приходилось работать повседневно. Второй фактор заключался в самой роли Дерптского университета как проводника немецкой правовой методологии в российскую академическую среду. Воспитанники данного университета занимали кафедры в Петербурге, Москве, Харькове и последовательно внедряли в отечественную науку методологические установки, выработанные на стыке германской и российской правовой доктрины. Именно через этот канал концепции исторической школы права, пандектистики и немецкой теории кодификации проникали в отечественную уголовно-правовую науку в ее наиболее систематизированном и методологически зрелом виде.

Среди отечественных правоведов, теоретически осмысливших природу кодификации, Петр Григорьевич Редкин (1808–1891) стоит несколько особняком. Критика П.Г. Редкиным механического заимствования западных кодексов имела несколько уровней. На первом – философском – он указывал, что каждый кодификационный акт есть выражение определенной системы правовых понятий, которые органически связаны с историей и культурой породившей их правовой традиции. Перенесение таких понятий в иную правовую систему без глубокого переосмысления неизбежно создает «мертвые нормы» – формально действующие, но не укорененные в правосознании и потому не достигающие своих целей. На втором уровне – практическом – П.Г. Редкин указывал, что Россия обладает собственной, достаточно развитой правовой традицией, в том числе уголовной, которая при надлежащем историческом изучении способна дать богатый материал для кодификации без обращения к иностранным образцам как непосредственным моделям [4]. Именно поэтому историческое исследование русского права он считал необходимым условием всякой серьезной кодификационной работы, предшествующим любым законодательным решениям. В «Юридических записках» П.Г. Редкин последовательно отстаивал этот методологический принцип, применяя его к анализу конкретных правовых институтов [5].

В рамках своей концепции П.Г. Редкин разрабатывал и специфический взгляд на соотношение трех форм правообразования – обычного права, законодательства и науки (доктрины), – которое имело прямое значение для теории кодификации. Он полагал, что обычное право, будучи первичным и наиболее органичным выражением народного правосознания, не может быть просто «кодифицировано» в смысле приведения в систему законодательным актом: его глубинное содержание может быть выявлено только историко-научным методом.

Вторая половина XIX – начало XX века отмечены появлением развернутых авторских концепций кодификации уголовного права, в которых виднейшие отечественные криминалисты формулировали свое понимание целей, методов и принципов законодательной реформы. Именно в этот период кодификационные взгляды русских правоведов достигли той зрелости, которая позволила им стать непосредственным теоретическим основанием для работы над Уголовным уложением 1903 года.

Формирование доктрины русского уголовного права во второй половине XVIII – начале XX столетия сопровождалось неуклонным нарастанием интереса ученых-юристов к проблемам законодательной техники, систематики уголовно-правовых норм и принципов построения уголовного кодекса. Анализ научного наследия отдельных представителей этого периода – П.Д. Калмыкова, А.В. Лохвицкого, Й.К. Губе, Г.Г. Евангулова, Н.И. Арефы, П.П. Пусторослева и Н.Д. Сергеевского – позволяет реконструировать те разнообразные кодификационные программы, которые складывались на пересечении просветительской традиции, классической школы уголовного права и зарождающегося социологического направления. Каждый из названных авторов разрабатывал собственное видение того, каким должен быть совершенный уголовный кодекс, опираясь при этом на различные методологические основания и неодинаково расставляя акценты между требованиями теоретической полноты, системной согласованности, законодательной техники и практической применимости закона.

Первая линия пролегает между «системниками» и «практиками»: если Й.Х. Губе, Н.Д. Сергеевский и П.П. Пусторослев разрабатывали кодификацию прежде всего как теоретическую задачу – создание органически единой, внутренне согласованной системы норм, – то А.В. Лохвицкий и Н.И. Арефа отправлялись от жгучих практических противоречий действующего законодательства, требуя исправления конкретных пороков.

Вторая линия разделяет сторонников «классической» и «социологической» ориентации в технике кодификации: Н.Д. Сергеевский видел в точности, лаконичности и отказе от казуистики высший законодательный идеал, тогда как П.П. Пусторослев настаивал на социально-антропологическом насыщении норм кодекса данными о личности преступника.

Третья линия обнаруживается в понимании соотношения «общих начал» и «особенной части»: П.Д. Калмыков и А.В. Лохвицкий ставили в центр дефицит общих начал как главный структурный изъян действующего права; Г.Г. Евангулов акцентировал систематическую исчерпанность отдельных разделов; Н.И. Арефа – единство и полноту замены прежнего кодекса новым. При всем этом разнообразии все семь авторов сходились в одном: подлинная кодификация уголовного права несводима к простой систематизации наличного нормативного материала – она требует предварительного теоретического обоснования принципов, осознанного выбора метода и четкого представления о том, каким целям призван служить уголовный закон.

Непосредственная связь доктринальных концепций с кодификационными проектами в России прослеживается с особой ясностью при сравнительном анализе Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года и Уголовного уложения 1903 года. Оба эти акта представляют собой разные кодификационные философии, воплощенные в законодательном тексте, – и их сравнение позволяет непосредственно измерить то воздействие, которое научная доктрина оказала на законодательную практику.

Уложение 1845 года создавалось в условиях, когда отечественная уголовно-правовая наука находилась еще в начальной стадии своего развития. Принципы классической школы еще не были усвоены российской правовой культурой в той мере, которая позволяла бы последовательно реализовать их в законодательном тексте. Поэтому Уложение 1845 года отличалось рядом черт, которые впоследствии стали главными объектами критики: чрезмерная казуистичность (стремление описать все мыслимые разновидности конкретных преступных деяний вместо формулирования общих признаков); крайне громоздкая лестница наказаний, включавшая одиннадцать степеней, расположенных без четкого теоретического основания; слабость Общей части, содержавшей лишь минимальный набор обобщений; смешение уголовных, дисциплинарных и полицейских санкций в рамках единого акта.

Работа над новым уголовным уложением, которая велась с 1881 по 1903 год редакционной комиссией под председательством Н.С. Таганцева, стала уникальным примером систематического взаимодействия науки и законодательства в дореволюционной России. Состав комиссии включал ведущих представителей науки уголовного права, однако не менее существенным было то, как именно строилась ее работа. Каждая статья проекта сопровождалась развернутыми «объяснениями», в которых соответствующий правовой институт рассматривался в отечественном и иностранном законодательстве с точки зрения его исторического происхождения и научного обоснования. Доктрина, таким образом, входила в самую ткань кодификационного процесса, но не как общий интеллектуальный фон, а как рабочий инструмент, применявшийся при формулировании каждой конкретной нормы.

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд принципиальных выводов о природе и значении представлений русских ученых о кодификации уголовного законодательства.

Во-первых, в русской правовой мысли XVIII – начала XX века сложилась самобытная теория уголовно-правовой кодификации, прошедшая путь от первых попыток концептуального разграничения сборника, свода и уложения у М.М. Сперанского до развернутых доктринальных концепций Н.С. Таганцева, Н.Д. Сергеевского и И.Я. Фойницкого. Эта теория вырастала из творческого взаимодействия с европейской правовой мыслью, но не сводилась к ее имитации: русские правоведы воспринимали идеи Беккариа, Канта, Фейербаха, Савиньи и Листа критически и переосмысляли их применительно к специфике отечественного правопорядка. Зарождение науки российского уголовного права, как показано в современной историографии [1], было органически связано с практическими задачами кодификации, и именно это придавало отечественной доктрине ее особую конкретность и ориентированность на реформу.

Во-вторых, центральной проблемой кодификационной теории в России была проблема соотношения системности и гибкости уголовного закона. Классическая школа настаивала на приоритете системности: кодекс должен быть построен как логически замкнутая система норм с развитой Общей частью и точными законодательными определениями. Сторонники социологического направления выдвигали на первый план требование гибкости уголовного закона: кодекс должен располагать инструментами, позволяющими суду принимать во внимание свойства личности виновного и конкретные условия, при которых было совершено деяние. Уголовное уложение 1903 года дало ответ на это требование через разграничение функций двух частей кодекса. Общая часть выстраивалась с жесткой понятийной строгостью, тогда как санкции Особенной части оставляли суду достаточный диапазон для соразмерного реагирования на обстоятельства каждого дела. Достижение такого равновесия стало возможным не вследствие разового законодательного решения, а в результате продолжительной доктринальной работы, в ходе которой наука уголовного права последовательно нащупывала черту между требованием определенности закона и необходимостью его гибкого применения.

Наконец, русская дискуссия о кодификации, воспроизводившая в отечественных условиях противостояние Тибо и Савиньи, завершилась выводом, не совпадающим ни с одной из исходных позиций. Историческое правоведение в России не выступило противником кодификации. Напротив, оно было переосмыслено как ее необходимая предпосылка и методологическое обеспечение. Русские криминалисты развили историко-сравнительный метод как инструмент подготовки кодификационных решений, обеспечивая каждую законодательную норму историко-правовым и сравнительно-правовым обоснованием. Философское осмысление этого процесса, предпринятое П.Г. Редкиным в духе гегелевской историческо-правовой традиции, придало историческому методу кодификационной работы глубокое теоретическое обоснование: история права есть не просто фактологический фон, но ключ к пониманию органических начал, которые должен закрепить и развить уголовный кодекс. Именно это методологическое достижение – использование исторического метода не как аргумента против реформы, но как ее предварительного условия – составляет один из наиболее оригинальных вкладов русской правовой науки в мировую историю кодификации. На это обращают внимание авторы, исследовавшие влияние Савиньи на российскую доктрину.

В-четвертых, немецко-балтийская школа (Дабелов, Бунге, Мейков, Мадаи, Эрдман) сыграла роль уникального интеллектуального посредника, через которого методологические установки немецкой исторической школы и пандектистики транслировались в российскую правовую культуру в их практически апробированном виде. Концепция «органической кодификации» Бунге, принцип «верификации доктрины практикой» Мейкова, разграничение «кодификации источников» и «кодификации принципов» у Эрдмана – все эти идеи нашли свое отражение в методологии работы над Уголовным уложением 1903 года и в теоретических концепциях ведущих русских криминалистов той эпохи.

В-пятых, взаимодействие науки и законодательства в России достигло при подготовке Уголовного уложения 1903 года небывалой степени органичности. Участие ведущих ученых в работе редакционной комиссии, систематическое использование доктринальных материалов при разработке каждой нормы, развернутые «объяснения» к проекту Уложения, включавшие историко-сравнительный анализ, – все это свидетельствует о том, что к началу XX века русская уголовно-правовая доктрина достигла зрелости, достаточной для того, чтобы стать непосредственным теоретическим основанием законодательного акта. Развитие уголовного законодательства в XVIII–XIX веках, прослеженное исследователями истории российского права, предстает в этом свете не как стихийный процесс, но как закономерное движение к созданию научно обоснованного кодекса, которое завершилось Уложением 1903 года.

В-шестых, наследие дореволюционной кодификационной теории сохраняет свое научное значение для современности. Выработанные отечественной криминалистикой XIX – начала XX века ориентиры кодификационной работы как то – запрет уголовной ответственности без прямого законодательного предписания, требование понятийной строгости Общей части, обязательность историко-сравнительного обоснования каждого законодательного решения, необходимость соразмерного соотношения между точностью санкции и свободой судейской оценки – не превратились в достояние исключительно правовой истории. Каждый из этих ориентиров продолжает работать как критерий оценки действующего законодательства.

Сказанным определяется и характер интереса к дореволюционной кодификационной мысли: он не сводится к реконструкции минувшей интеллектуальной дискуссии. Вопросы, которые ставили Н.С. Таганцев, П.Г. Редкин, П.П. Пусторослев и их современники, воспроизводятся, пусть и в иных терминах, в нынешней полемике о направлениях реформирования российского уголовного закона.

Литература

1. Наказ императрицы Екатерины II, данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения / под ред. Н.Д. Чечулина. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1907. 340 с.
2. Неклюдов Н.А. Общая часть уголовного права: Конспект. СПб., 1875. 192 с.
3. Редкин П.Г. Из лекций по истории философии права. СПб., 1889–1890. 340 с.
4. Редкин П.Г. Юридические записки, издаваемые П. Редкиным: в 3 т. М.: Тип. А. Семена, 1841–1845. Т. 1. 1841. 312 с.; Т. 2. 1842. 298 с.; Т. 3. 1845. 324 с.
5. Сергеевский Н.Д. Русское уголовное право: Пособие к лекциям. Часть общая. СПб., 1890. 385 с.
6. Спасович В.Д. Учебник уголовного права. Т. 1. СПб.: Тип. И. Огризко, 1863. 428 с.
7. Сперанский М.М. Обозрение исторических сведений о Своде законов. СПб., 1833. 162 с.
8. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая: в 2 т. СПб.: Гос. тип., 1902. Т. 1. 815 с.; Т. 2. 644 с.
9. Уголовное уложение 1903 г.: история создания, концептуальные основы, общая характеристика: монография / под общ. ред. А.Н. Савенкова; науч. ред. А.И. Чучаев. М.: ИГП РАН, 2024. 424 с.

10. Чебышев-Дмитриев А.П. Русское уголовное право. Казань, 1862. 198 с.
11. Beccaria C. Dei delitti e delle pene. – Livorno, 1764. 104 p. Рус. пер.: Беккариа Ч.О преступлениях и наказаниях / пер. М.М. Исаева. М.: ИНФРА-М, 2004. 184 с.
12. Feuerbach A. Lehrbuch des gemeinen in Deutschland gültigen peinlichen Rechts. Giessen: Heyer, 1801. 394 S.
13. Liszt F. von. Lehrbuch des deutschen Strafrechts. Berlin: Guttentag, 1881. 714 S.

THE FORMATION OF THE THEORY OF RUSSIAN CRIMINAL LAW AND CONCEPTS OF LEGISLATIVE CODIFICATION

Glushkova E.M.
All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation

This article examines the development of the theory of Russian criminal law and concepts of legislative codification. The idea of criminal codification has occupied a special, central place in the history of Russian legal thought: it has been the focus of the most heated doctrinal debates, served as a focal point for diverse philosophical and legal currents, and provided scholars with a practical basis for theoretical generalizations. Unlike other branches of law, where questions of systematization were often perceived as purely technical, criminal law posed them in a more acute form: the codification of criminal law inevitably required answers to questions about the nature of crime and punishment, the grounds for criminal liability, and the relationship between the strict certainty of the norm and the flexibility of law enforcement. Therefore, the history of concepts of criminal codification is simultaneously the history of the formation of Russian criminal law theory: the doctrine emerged largely as a response to the demands of legislative practice and as a justification for various approaches to the creation of the criminal code.

Keywords: theory, Russian criminal law, codification of legislation, law enforcement, systematization, approaches.

References

1. Instruction of Empress Catherine II to the Commission for Drafting a New Code of Laws / ed. by N.D. Chechulin. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences, 1907. 340 p.
2. Neklyudov N.A. General Part of Criminal Law: A Synopsis. St. Petersburg, 1875. 192 p.
3. Redkin P.G. From Lectures on the History of the Philosophy of Law. St. Petersburg, 1889–1890. 340 p.
4. Redkin P.G. Legal Notes, Published by P. Redkin: in 3 vols. Moscow: Printing House of A. Semen, 1841–1845. Vol. 1. 1841. 312 p.; Vol. 2. 1842. 298 p.; Vol. 3. 1845. 324 p.
5. Sergeevsky N.D. Russian Criminal Law: A Lecture Guide. General Part. St. Petersburg, 1890. 385 p.
6. Spasovich V.D. Textbook of Criminal Law. Vol. 1. St. Petersburg: Printing House of I. Ogrizko, 1863. 428 p.
7. Speransky M.M. Overview of Historical Information Regarding the Code of Laws. St. Petersburg, 1833. 162 p.
8. Tagantsev N.S. Russian Criminal Law. Lectures. General Part: in 2 vols. St. Petersburg: State Printing House, 1902. Vol. 1. 815 p.; Vol. 2. 644 p.
9. The Criminal Code of 1903: History of Drafting, Conceptual Foundations, and General Characteristics: A Monograph / General Editor A.N. Savenkov; Scientific Editor A.I. Chuchaev. Moscow: IGP RAS, 2024. 424 p.
10. Chebyshev-Dmitriev A.P. Russian Criminal Law. Kazan, 1862. 198 p.
11. Beccaria C. Dei delitti e delle pene. – Livorno, 1764. 104 p. Russian translation: Beccaria C. On Crimes and Punishments / trans. M.M. Isaev. Moscow: INFRA-M, 2004. 184 p.
12. Feuerbach A. Lehrbuch des gemeinen in Deutschland gültigen peinlichen Rechts. Giessen: Heyer, 1801. 394 p.
13. Liszt F. von. Lehrbuch des deutschen Strafrechts. Berlin: Guttentag, 1881. 714 p.

Размышления о понятии и формах цифрового насилия

Дятчина Вера Павловна,
соискатель ученой степени, кандидат юридических наук
E-mail: beauty_8678@mail.ru

В статье исследуется теоретико-методологические предпосылки формирования понятийного аппарата цифрового насилия и виктимологической профилактики вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность посредством информационно-телекоммуникационных сетей. Актуальность работы обусловлена стремительной цифровизацией общественных отношений, виртуализацией насилия, усилением латентности виктимизации несовершеннолетних, а также отсутствием единого теоретико-методологического подхода к определению цифрового насилия в юридической доктрине.

Ключевые слова: информационно-телекоммуникационных технологий, интернет, несовершеннолетний, преступность, цифровое насилие.

Разработка новых теоретических положений и предложение научно обоснованных решений проблем предупреждения цифрового насилия и вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность посредством информационно-телекоммуникационных сетей невозможно без ознакомления с понятийным аппаратом. Современное состояние криминологической науки трансформируется в условиях стремительной цифровизации общественных отношений.

Традиционная виктимология, сформировалась как учение о жертве преступления [1, с. 4]. Появление данного направления науки связано с профилактическими мероприятиями, повышением уровня раскрываемости преступлений, оптимизацией уголовной политики, определением стандартов защищенности населения [2, с. 62–65]. В качестве самостоятельного научного направления в СССР виктимология получила, как принято считать, после выхода публикации в 1966 г. статьи Л.В. Франка «Об изучении личности и поведения потерпевшего» [3, с. 131–157]. И постепенно количество работ по данной тематике увеличивалось. Например, проблемы виктимологического характера преступлений в отношении несовершеннолетних были изучены Рыбальской В.Я., Шевченко Г.В., Хисамутдиновым Ф.Р., Скурту И Г., Иванова Л.М., Гусева О.Н., Ахмедшина Н.В., Вишневецкий К.В., Щеголева, А.Н.

В настоящее время в рамках активного совершенствования цифровой трансформации общества возникает необходимость объективного перехода к исследованию лиц, обладающих высоким уровнем личностно-ситуативной виктимности, и в частности, несовершеннолетних. Это связано с оказанием влияния цифровизации на несовершеннолетних, внедрению новых технологий, методов управления, адаптации, и в том числе насилия в отношении несовершеннолетних. Как подчеркивает Н.Н. Бурмистров, «насилие претерпевает существенные изменения, становясь виртуализированным, дематериализованным и распределенным» [4, с. 101–109]. В работе В.А. Номоконова и Т.М. Тропиной подчеркивается, что цифровая среда усиливает латентность виктимизации, поскольку анонимность и трансграничность сети затрудняют идентификацию как преступника, так и самой жертвы, особенно когда речь идет о несовершеннолетних, скрывающих факт виктимизации от родителей или педагогов [5, с. 44–55].

В научной доктрине цифровая трансформация определяется как процесс фундаментальных изменений в экономике и социальной сфере, связанный с переходом к цифровым технологиям и созданием новых цифровых продуктов [6, с. 19]. В юридической литературе отсутствует единый теоретико-методологического подход к формированию понятия цифрового насилия. Хотя объективно отмечается, что насилие в онлайн-пространстве значительно увеличивает риск появления суицидальных мыслей у жертв [10, с. 285–287] и приводит к общему снижению субъективного благополучия среди подростков [11, с. 32–46]. На наш взгляд, это создает правовую неопределенность, которая может привести к произволу и нестабильности, что влечет появление противоречивой практики и отсутствие правовой безопасности.

В литературе неоднократно проводились дискуссии по рассматриваемому понятию. Свою позицию по вопросу формирования понятия цифрового насилия высказала «Лаборатории Касперского», под которым понимается: «Цифровое насилие включает различные формы агрессивного или контролирующего поведения с использованием технологий – смартфонов, социальных сетей и онлайн-платформ. Речь может идти как об онлайн-домогательствах и изоляции, так и о преследовании, выдаче себя за другого человека, создании фейковых аккаунтов или цифровой слежке. Поскольку такие действия нередко становятся частью повседневного цифрового общения, многие не воспринимают их как угрозу [12]». Можно согласиться с мнением об агрессивном поведения, но вопрос, контролирующего является дискуссионным. Вызывает дискуссию позиция, высказанная в работе «Цифровое насилие: проблемы профилактики и доказывания», где в качестве понятия перечисляются только различные составы преступлений, которые по мнению автора попадают под понятие цифрового насилия [13, с. 39–42]. Заслуживает внимание высказанное понятие на консульском информационном портале Республики Таджикистан, под цифровым насилием понимаются противоправные действия в Интернете – от агрессивных комментариев и угроз в мессенджерах до взлома аккаунтов и шантажа с использованием личных данных, которые

причиняют человеку психологический, эмоциональный или иной вред. Эти явления стали реальной угрозой для безопасности и благополучия граждан [14]. Дополнительно отметим, что в научных работах нет единой точки зрения по рассматриваемому понятию так, Сидоренко Э.Л. отмечает его как «онлайн-воздействие на лицо или группу лиц против либо вопреки их воли» [15, с. 68–83], Андрюшенкова О.М. дополняет определение целевым критерием – «причинение вреда, эмоционального или физического ущерба другому человеку [16, с. 152–156]», Антонова Е.Ю. сужает понятие до «цифрового сексуального насилия» [17, с. 450–459], выделяя его специфическую форму.

Вместе с тем можно согласиться с мнением высказанным в работе Э.Л. Сидоренко, что в своем анализе исследователи так или иначе сосредотачивают внимание на следующих его признаках: насилие имеет общественно опасный характер; направлено против человека или группы лиц; применяется против воли или вопреки воле потерпевшего в целях реализации целей посягающего; причиняет физические и (или) психические страдания [15, с. 68–83].

Формулируя понятие цифрового насилия, необходимо отметить активное использование различных терминологических конструкции: «кибернасилие», «цифровое насилие», «онлайн-насилие». Например, под кибернасилием принято понимать совокупность способов, с помощью которых люди могут причинять вред другим людям: киберпреследование, киберзапугивание, домогательства, ложные сообщения о террористических актах и др. [18, с. 56–59]. С.К. Херринг определяет кибернасилие как онлайн-поведение, которое представляет собой или ведет к нападению на благополучие (физическое, психологическое, эмоциональное) человека или группы. По его мнению, кибернасилие – это акт определенного поведения в информационно-коммуникационных сетях [19, с. 187–212]. Волосова Н.Ю. фокусируется на психоэмоциональном воздействии, определяя кибернасилие как «деструктивное агрессивное поведение, осуществляемое через телекоммуникационные сети с целью причинения физического, морального вреда или смерти жертве [20, с. 35–40]», Филатова М.А. предлагает дихотомию: «в широком смысле – любые насильственные преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), в узком – акт психического насилия, совершаемый в отношении отдельных лиц с использованием информации и телекоммуникационных технологий» [18, с. 48–66]. Вызванные дискуссии позволяют сделать вывод о неоднородности и отсутствия единой точки зрения по данному вопросу.

Представляется, что наиболее точным для целей виктимологического анализа является термин «цифровое насилие», поскольку он подчеркивает не столько техническую среду передачи информации, сколько трансформацию самого способа воздействия на личность (использование цифровых алгоритмов, социальных метрик, персональных данных как инструмента принуждения).

В юридической литературе можно встретить упоминание о следующих формах цифрового насилия:

1) кибersталкинг – отправка сообщений с угрозами, публикация частной информации без согласия ее владельца, проведение целевых хакерских атак, создании ложных профилей в социальных сетях и на сайтах знакомств, слежка и постоянное комментирование действий жертвы в интернете;

2) шейминг – форма публичного или скрытого осуждения, критики и унижения человека за его внешность, поведение, образ жизни или несоответствие чьим-то ожиданиям;

3) кибербуллинг – совмещает в себе аспекты онлайн-преследований и онлайн-домогательств, чаще всего встречается среди подростков и совершается группой лиц;

4) крипшот (англ. creepshot, то есть «гадкий снимок») и апскертинг (англ. upskirting, буквально переводится как «под юбкой») – создание фото/видео интимных частей тела партнерши или незнакомых женщин (спины, ягодиц, ног, декольте) без их согласия;

5) кибергруминг – расположение к себе ребенка/подростка взрослым человеком с целью установления доверия для дальнейших сексуальных отношений;

6) хейзинг» неформальные ритуальные, в том числе насильственные обряды, исполняемые для вступления или приобщения к определенной группе, и/или для дальнейшего поддержания иерархии в этой группе. В наибольшей степени хейзинг характерен для учебных заведений закрытого типа (таких как военные институты, военные корпуса, спортивные академии, школы спортивного режима и т.п.). В то же время с проблемой хейзинга сталкиваются подростки среднего и высшего звена обучения, особенно если при учебном учреждении предусмотрено интернатное пребывание, казарменное проживание, студенческие городки или общежития, а также – элитные учебные заведения закрытого типа [19];

7) сексуализированное насилие на основе фото/видео изображений – создание, передача, распространение этих материалов без согласия пострадавшей;

8) клевета – намеренное причинение ущерба личности и/или репутации через утверждение ложных заявлений (например, распространение слухов в соцсетях);

9) слатшейминг – онлайн-критика людей, обычно женщин и девочек, которые нарушают ожидания в отношении поведения и внешнего вида, связанного с их сексуальностью;

10) онлайн-траффикинг – торговля людьми, особенно женщинами, с помощью технологий и социальных сетей, часто приводящая к проституции [20, с. 221–228].

В подведении итогов отметим, что Отсутствие единого теоретико-методологического подхода к понятию цифрового насилия порождает правовую неопределенность, которая может влечь произвол, нестабильность правоприменения и отсутствие эффективных механизмов защиты несовершеннолетних. В связи с этим необходимы дальнейшая доктринальная разработка понятийного аппарата, криминологическая дифференциация форм цифрового насилия, совершенствование виктимологической профилактики и уголовно-правовых средств противодействия.

Литература

1. Малкина-Пых, И.Г. Виктимология. Психология поведения жертвы / И.Г. Малкина-Пых. – Санкт-Петербург: Питер, 2018. – С. 4. – (Учебное пособие. Стандарт третьего поколения). – ISBN 978-5-4461-1018-6.
2. Шалагин, А.Е. Криминальная виктимология: понятие, содержание, профилактика / А.Е. Шалагин // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2017. – № 1(27). – С. 62–65. – EDN YGCPAH.
3. Франк Л.В. Об изучении личности и поведения потерпевшего (нужна ли советская виктимология?) // Вопросы уголовного права, уголовного процесса и криминологии. – Душанбе, 1966. – С. 131–157.
4. Бурмистров, Н.Н. Эволюция насилия в эпоху технологической революции: от физического принуждения к цифровым формам контроля / Н.Н. Бурмистров // Гуманитарий Юга России. – 2025. – Т. 14, № 1. – С. 101–109. – DOI 10.18522/2227–8656.2025.1.6. – EDN XWIZDZ.
5. Номоконов, В.А. Киберпреступность как новая криминальная угроза / в.а. Номоконов, Т.Л. Тропина // Криминология: вчера, сегодня, завтра. – 2012. – № 1(24). – С. 45–55. – EDN OYYFEN.
6. Масловская Т.С. Цифровая сфера и конституционное право: грани взаимодействия // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 9. С. 19.
7. Яковлева, А.В. Влияние кибернасилия на психологическую безопасность личности студента / А.В. Яковлева // Актуальные вопросы гуманитарных и социальных наук: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Чебоксары, 28 января 2025 года. – Чебоксары: ООО «Издательский дом «Среда», 2025. – С. 285–287. – EDN ZZTIKE.
8. Семья Г.В., Зайцев Г.О., Зайцева Н.Г., Телицына А.Ю. Влияние насилия в киберпространстве на субъективное благополучие подростков [Электронный ресурс] // Социальные науки и детство. 2023. Том 4. № 3. С. 32–46. DOI:10.17759/ssc.2023040302
9. «Лаборатория Касперского»: многие взрослые не осознают, что сталкивались с цифровым насилием, хотя это происходило почти с каждым вторым. – URL: https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/laboratoriya-kasperskogo-mnogie-vzroslye-ne-osoznayut-chto-stalkivalis-s-cifrovym-nasiliem-hotya-eto-proishodilo-pochti-s-kazhdym-vtorym?ysclid=mtv9v9ecr9589902591 (дата обращения: 04.09.2026).
10. Синев, И.И. Цифровое насилие: проблемы профилактики и доказывания / И.И. Синев // Цифровое право. – 2026. – № 2. – С. 39–42. – DOI 10.24412/3034–4271–2026–2–39–42. – EDN ECYFEQ.
11. Консульский информационный портал Республики Таджикистан. – URL: https://www.kdmid.ru/info-for-traveling-abroad/reference-information-for-traveling-abroad/ (дата обращения: 04.09.2026).
12. Сидоренко, Э.Л. Цифровое насилие в отношении детей: понятие, виды и особенности квалификации / Э.Л. Сидоренко // Lex Russica (Русский закон). – 2024. – Т. 77, № 12(217). – С. 68–83. – DOI 10.17803/1729–5920.2024.217.12.068–083. – EDN CONHRL
13. Андрюшенкова О.М. Современные проявления цифрового насилия в обществе // Экономика и управление: опыт и новые решения в эпоху трансформаций. – 2024. – № 1. – С. 152–156.
14. Антонова, Е.Ю. Сексуальное насилие в эпоху цифровизации: вопросы правовой оценки / Е.Ю. Антонова // Всероссийский криминологический журнал. – 2024. – Т. 18, № 5. – С. 450–459. – DOI 10.17150/2500–4255.2024.18(5).450–459. – EDN FRYHRQ.
15. Аносов, А.В. Современные тенденции развития цифровой криминологии / А.В. Аносов // Академическая мысль. – 2021. – № 4(17). – С. 56–59. – EDN RYTJNP.

16. Herring, S.C. Cyber violence: Recognizing and resisting abuse in online environments / S.C. Herring // Asian Women. – 2002. – № 14. – P. 187–212.

17. Волосова, Н.Ю. Кибернасилие – вопросы понятия и криминализации / Н.Ю. Волосова // Лоббирование в законодательстве. – 2023. – Т. 2, № 2. – С. 35–40. – DOI 10.33693/2782–7372–2023–2–2–35–40. – EDN CWXOYF.

18. Филатова, М.А. Киберхарассмент: основания запрета по российскому и зарубежному уголовному законодательству / М.А. Филатова // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2020. – № 3. – С. 48–66. – EDN RBCYLH.

19. Allen E. Hazing in view: College students at risk / E. Allen, M. Madden. Initial Findings from the National Study of Student Hazing // College of Education and Human Development, 2008. 52 p. – URL: https://stophazing.org/wp-content/uploads/2014/06/hazing_in_view_web1.pdf (дата обращения: 04.09.2026).

20. Ермакова, Е.Г. Современные угрозы в интернет-пространстве / Е.Г. Ермакова // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии. – 2024. – № 4(29). – С. 221–228. – EDN WTBWWR.

REFLECTIONS ON THE CONCEPT AND FORMS OF DIGITAL VIOLENCE

Dyatchina V.P.

The article examines the theoretical and methodological prerequisites for the formation of the conceptual framework of digital violence and victimological prevention of the involvement of minors in illegal activities through information and telecommunication networks. The relevance of the work is due to the rapid digitalization of public relations, the virtualization of violence, the increased latency of victimization of minors, as well as the lack of a unified theoretical and methodological approach to the definition of digital violence in legal doctrine.

Keywords: information and telecommunication technologies, Internet, juvenile, crime, digital violence.

References

1. Malkina-Pykh, I.G. Victimology. Psychology of victim behavior / I.G. Malkina-Pykh. – St. Petersburg: Peter, 2018. – p. 4. – (Textbook. The third generation standard). – ISBN 978-5-4461-1018-6.

2. Shalagin, A.E. Criminal victimology: concept, content, prevention / A.E. Shalagin // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. – № 1(27). – Pp. 62–65. – EDN YGCPAH.

3. Frank L.V. On the study of the victim's personality and behavior (is Soviet victimology necessary?) // Issues of criminal law, criminal procedure and criminology. – Dushanbe, 1966. – Pp. 131–157.

4. Burmistrov, N.N. The evolution of violence in the era of the technological revolution: from physical coercion to digital forms of control / N.N. Burmistrov // Humanities of the South of Russia. – 2025. – Vol. 14, № 1. – Pp. 101–109. – DOI 10.18522/2227–8656.2025.1.6. – EDN XWIZDZ.

5. Nomokonov, V.A. Cybercrime as a new criminal threat / V.A. Nomokonov, T.L. Tropina // Criminology: yesterday, today, tomorrow. – 2012. – № 1(24). – Pp. 45–55. – EDN OYYFEN.

6. Maslovskaya T.S. The digital sphere and constitutional law: the facets of interaction // Constitutional and municipal law. 2019. № 9. p. 19.

7. Yakovleva, A.V. The influence of cyber violence on the psychological security of a student's personality / A.V. Yakovleva // Topical issues of the humanities and social sciences: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International participation, Cheboksary, January 28, 2025. – Cheboksary: Wednesday Publishing House, LLC, 2025. Pp. 285–287. – EDN ZZTIKE.

8. Semya G.V., Zaitsev G.O., Zaitseva N.G., Telitsyna A. Yu. The influence of violence in cyberspace on the subjective well-being of adolescents [Electronic resource] // Social Sciences and Childhood. 2023. Volume 4. № 3. C. 32–46. DOI:10.17759/ssc.2023040302

9. Kaspersky Lab: Many adults don't realize they've experienced digital violence, even though it's happened to almost every second person. – URL: https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/laboratoriya-kasperskogo-mnogie-vzroslye-ne-osoznayut-chto-stalkivalis-s-cifrovym-nasiliem-hotya-eto-proishodilo-pochti-s-kazhdym-vtorym?ysclid=mtv9v9ecr9589902591 (accessed 04.09.2026).

10. Sinev, I.I. Digital violence: problems of prevention and evidence / I.I. Sinev // Digital Law. – 2026. – № 2. – Pp. 39–42. – DOI 10.24412/3034–4271–2026–2–39–42. – EDN ECYFEQ.

11. Consular Information Portal of the Republic of Tajikistan. – URL: https://www.kdmid.ru/info-for-traveling-abroad/reference-information-for-traveling-abroad / (accessed 04.09.2026).

12. Sidorenko, E.L. Digital violence against children: the concept, types and features of qualifications / E.L. Sidorenko // Lex Russica (Russian law). – 2024. – Vol. 77, № 12(217). – Pp. 68–83. – DOI 10.17803/1729–5920.2024.217.12.068–083. – EDN CONHRL

13. Andryushenkova O.M. Modern manifestations of digital violence in society // Economics and Management: experience and new solutions in the era of transformation. – 2024. – № 1. – Pp. 152–156.

14. Antonova, E.Y. Sexual violence in the era of digitalization: issues of legal assessment / E.Y. Antonova // All–Russian Journal of Criminology. – 2024. – Vol. 18, № 5. – Pp. 450–459. – DOI 10.17150/2500–4255.2024.18(5).450–459. – EDN FRYHRQ.

15. Anosov, A.V. Modern trends in the development of digital criminology / A.V. Anosov // Academic thought. – 2021. – № 4(17). – Pp. 56–59. – EDN RYTJNP.

16. Herring, S.C. Cyber violence: Recognizing and resisting abuse in online environments / S.C. Herring // Asian Women. – 2002. – № 14. – Pp. 187–212.

17. Volosova, N.Y. Cyber violence – issues of concept and criminalization / N.Y. Volosova // Lobbying in legislation. – 2023. – Vol. 2, № 2. – Pp. 35–40. – DOI 10.33693/2782–7372–2023–2–2–35–40. – EDN CWXOYF.

18. Filatova, M.A. Cyber harassment: grounds for prohibition under Russian and foreign criminal legislation / M.A. Filatova // Bulletin of the Moscow University. Series 11: Law. – 2020. – № 3. – Pp. 48–66. – EDN RBCYLH.

19. Allen E. Hazing in view: College students at risk / E. Allen, M. Madden. Initial Findings from the National Study of Student Hazing // College of Education and Human Development, 2008. 52 p. – URL: https://stophazing.org/wp-content/uploads/2014/06/hazing_in_view_web1.pdf (accessed 04.09.2026).

20. Ermakova, E.G. Modern threats in the Internet space / E.G. Ermakova // Bulletin of the St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops. – 2024. – № 4(29). – Pp. 221–228. – EDN WTBWWR.

Специфика бытовой насильственной преступности как объекта виктимологического анализа: латентность, цикличность, системный характер

Коваленко Мария Сергеевна,
аспирант кафедры уголовно-правовых дисциплин Южно-Российского института управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
E-mail: kovalenko.mariia90@mail.ru

Предмет статьи составляет бытовая насильственная преступность, рассматриваемая через особенности виктимизации в устойчивых семейно-бытовых отношениях. Актуальность определяется расхождением между зарегистрированным эпизодом насилия и продолжительным процессом взаимодействия потерпевшего с причинителем вреда, часть которого остается за пределами официального учета. Цель состоит в установлении взаимосвязи латентности, цикличности и системного характера бытового насилия как характеристик единого виктимологического объекта. Применены анализ научных публикаций, сравнительный и логико-аналитический анализ, классификация, обобщение и синтез. Источниковую основу составили русскоязычные криминологические и виктимологические исследования 2022–2025 гг., посвященные статистическому учету, причинам семейно-бытовой преступности, характеристикам потерпевших и профилактике. Научная новизна состоит в интерпретации трех признаков как взаимосвязанных механизмов: латентность ограничивает наблюдаемость насилия, цикличность отражает воспроизводство эпизодов внутри сохраняющихся отношений, системность связывает поведение участников, семейную среду и институциональную реакцию. Полученные положения могут использоваться при виктимологической оценке риска и построении профилактических мер.

Ключевые слова: бытовая насильственная преступность, семейно-бытовое насилие, виктимология, латентность, цикличность насилия, повторная виктимизация, системный характер, жертва преступления, виктимологическая профилактика.

Введение

Бытовая насильственная преступность формируется в отношениях, которые предшествуют конкретному противоправному эпизоду и нередко сохраняются после него. Преступник и потерпевший связаны семейными, родственными либо устойчивыми бытовыми контактами, вследствие чего единичное зарегистрированное деяние не всегда охватывает фактическую продолжительность насильственного взаимодействия. Закрытость семейной среды ограничивает внешнее наблюдение, неоднократные воздействия могут оставаться незаявленными, а официальная статистика фиксирует преимущественно ту часть происходящего, которая получила юридическую квалификацию и прошла процедуру регистрации, для виктимологического анализа расхождение принципиально, поскольку объектом становится процесс формирования и воспроизводства виктимизации в продолжающихся отношениях.

Латентность определяет степень наблюдаемости происходящего для правоохранительных и социальных институтов. Цикличность характеризует возвратность насильственных эпизодов при сохранении контакта между участниками. Системный характер проявляется в зависимости насильственного поведения и положения потерпевшего от конфигурации семейных отношений, форм контроля, предшествующих конфликтов, индивидуальной уязвимости и реакции субъектов профилактики. Изолированное рассмотрение этих признаков затрудняет объяснение ситуации, в которой зарегистрированный факт оказывается лишь частью более продолжительной последовательности событий.

Цель исследования состоит в установлении специфики бытовой насильственной преступности как объекта виктимологического анализа через выявление взаимосвязи латентности, цикличности и системного характера насилия. Для достижения цели решаются три задачи: раскрыть механизмы латентности бытовой насильственной преступности и определить их влияние на оценку виктимизации; установить содержание цикличности насилия в условиях сохраняющихся семейно-бытовых отношений; систематизировать проявления системного характера бытового насилия и их значение для виктимологической профилактики.

Научная новизна заключается в объединении латентности, цикличности и системности в единую аналитическую конструкцию. Латентность в ней рассматривается как ограничение наблюдаемости процесса виктимизации, цикличность – как временная форма его воспроизводства, системность – как взаимозависимость отношений между причинителем вреда и потерпевшим, семейного окружения и институционального реагирования.

Материалы и методы

Источниковую основу образовали современные публикации, раскрывающие семейно-бытовое насилие на уровне криминологической оценки, виктимологических характеристик, причинного комплекса, статистического учета и профилактической деятельности. Ю.М. Антонян и Е.М. Тимошина [1] исследовали убийства в семье, уделив внимание предшествующим конфликтам, причинам и условиям наиболее тяжких форм внутрисемейного насилия; Е.Д. Бинецкая [2] рассмотрела виктимологические характеристики несовершеннолетних, подвергающихся противоправному воздействию в семье. Е.И. Думанская и А.Г. Меньшикова [3] связали индивидуальную виктимность с особенностями поведения жертвы и обосновали требования к профессиональной виктимологической профилактике, включая предупреждение вторичной виктимизации. В.С. Крюк [4] разграничил статистические и криминологические границы семейно-бытового насилия и показал значение более широкого профилактического охвата. Е.В. Латышева [5] исследовала проблемы официального статистического учета и латентности преступности в семейно-бытовой сфере. Е.В. Михайлова [6] систематизировала составляющие причинного комплекса семейно-бытовой преступности, связав его изучение с предупреждением насилия и разрешением семейных конфликтов. Е.В. Михайлова и Ю.А. Страунинг [7] раскрыли виктимологические особенности жертв преступлений в семейно-бытовых отношениях с учетом закрытости этой сферы для внешнего контроля. М.Р. Нигматуллин [8] проанализировал профи-

лактическую деятельность органов внутренних дел и охарактеризовал семейно-бытовое насилие через систематические действия, направленные на установление физического, эмоционального и материального контроля. С.Д. Савин, В.Ф. Щепельков и А.Н. Сидорова [9] сопоставили официальную статистику и данные социологических опросов, рассматривая скрытый характер домашнего насилия и возможности его косвенной оценки. В.Ф. Щепельков, С.Д. Савин и Е.М. Тимошина [10] исследовали состояние домашнего насилия, динамику зарегистрированных преступлений, результаты всероссийского опроса и материалы мониторинга применения уголовного законодательства.

Методы исследования включали анализ научных публикаций для выделения исходных положений о бытовом насилии и виктимизации, сравнительный анализ для установления различий между статистическим, криминологическим и виктимологическим подходами, классификацию механизмов латентности и форм системной связи, логико-аналитический анализ для проверки соотношения повторяемости насилия и продолжающихся отношений, обобщение и синтез для построения целостной модели исследуемого объекта.

Результаты

Границы бытовой насильственной преступности различаются в зависимости от того, какой уровень ее фиксации принимается за исходный. Статистический подход оперирует зарегистрированными преступлениями и признаками, предусмотренными действующей системой учета, криминологический включает более широкий круг конфликтных и противоправных ситуаций, значимых для предупреждения последующего насилия. В.С. Крюк прямо разграничивает статистические и криминологические границы семейно-бытового насилия, причем последние охватывают более широкий круг объектов профилактического воздействия [4]. Е.В. Латышева связывает проблему с отсутствием единого подхода к выделению семейно-бытовой преступности в самостоятельный вид и с недостатками ее статистической фиксации [5]. Для виктимологии такое различие меняет саму единицу анализа, зарегистрированное преступление характеризует юридически выявленный эпизод, тогда как виктимизация может начинаться раньше и включать воздействия, не вошедшие в соответствующий массив.

Латентность складывается из взаимосвязанных механизмов сокрытия и учета. Первый связан с приватностью семейно-бытовой сферы, где внешние субъекты имеют ограниченный доступ к информации о происходящем. Е.В. Михайлова и Ю.А. Страунинг указывают на закрытость семейно-бытовых отношений от внешнего контроля как обстоятельство, затрудняющее выявление и пресечение негативных явлений [7]. С.Д. Савин, В.Ф. Щепельков и А.Н. Сидорова характеризуют домашнее насилие как преимущественно скрытое явление и предлагают дополнять официальные показатели косвенными индикаторами, включая сведения об отозванных заявлениях и оценку распространенности насилия в ближайшем социальном окружении [9]. Второй механизм возникает после выхода информации за пределы семьи: факты распределяются между различными формами юридического реагирования и статистическими категориями, вследствие чего криминологическая совокупность оказывается шире статистически наблюдаемой [4; 5]. В.Ф. Щепельков, С.Д. Савин и Е.М. Тимошина также фиксируют недостаток информации, необходимой для полноценной криминологической оценки, сопоставляя сведения МВД, результаты опроса населения и материалы правоприменительного мониторинга [10]. Совокупность этих положений показывает, что латентность не сводится к простому отсутствию заявления потерпевшего: часть разрыва возникает на уровне обнаружения, часть – на уровне классификации и агрегирования уже ставших известными событий [4; 5; 9; 10].

Виктимологическое последствие латентности состоит в сокращении наблюдаемой истории насилия, если аналитическая база начинается с зарегистрированного происшествия, предшествующие воздействия могут выпадать из реконструкции отношений потерпевшего с причинителем вреда. Эта проблема особенно существенна для семейно-бытовой сферы, где М.Р. Нигматуллин определяет насилие через систематические действия в отношении членов семьи, направленные на физический, эмоциональный и материальный контроль [8]. Юридически самостоятельный эпизод в подобной ситуации одновременно выступает элементом более продолжительного взаимодействия. В результате число зарегистрированных деяний и число ситуаций продолжающейся виктимизации относятся к разным аналитическим объектам и не должны механически отождествляться.

Содержание виктимологического анализа дополнительно усложняет неоднородность потерпевших. Е.Д. Бинецкая выделяет несовершеннолетних как самостоятельную группу и рассматривает их виктимологические характеристики применительно к противоправному воздействию внутри семьи [2]. Специфика этой группы определяется самим положением ребенка в семейной среде: источником опасности становится лицо, включенное в ближайшее окружение, а пространство обычной жизнедеятельности одновременно образует пространство возможного повторения противоправного воздействия. Выделение возрастной категории имеет методическое значение, поскольку модель взрослого потерпевшего нельзя автоматически переносить на несовершеннолетнего без учета различий в положении участников семейных отношений.

Индивидуальная виктимность раскрывается в литературе через психологические и поведенческие механизмы, однако интерпретация этих положений требует разграничения уязвимости и ответственности. Е.И. Думанская и А.Г. Меньшикова исследуют неосознаваемые установки, способные реализовываться в устойчивом «сценарии жертвы», связывая эффективность профилактики с профессиональной оценкой риска, консультированием и исключением виктимблейминга и вторичной виктимизации [3]. Е.В. Михайлова и Ю.А. Страунинг рассматривают поведение жертв среди характеристик, значимых для понимания преступлений в семейно-бытовой сфере [7]. Сопоставление этих подходов дает основание использовать индивидуальные свойства и поведенческие реакции как показатели уязвимости и потребности в помощи, но не как основание переноса причинной или правовой ответственности за насилие на потерпевшего. В противном случае виктимологическая характеристика утрачивает профилактическую функцию и превращается в оценку поведения жертвы вне механизма действий причинителя вреда.

Цикличность бытового насилия корректнее определять как возвратность насильственных эпизодов в условиях сохраняющейся связи между участниками, исследованный корпус не дает оснований считать любое семейно-бытовое насилие развивающимся по универсальной стадийной схеме. Вместе с тем несколько направлений исследований фиксируют признаки продолжительности и повторяемости. Ю.М. Антонян и Е.М. Тимошина при анализе убийств в семье рассматривают конфликты и причины, предшествующие наиболее тяжкому результату [1]. М.Р. Нигматуллин связывает домашнее насилие с систематическими действиями, ориентированными на контроль [8]. Е.И. Думанская и А.Г. Меньшикова обращаются к устойчивым механизмам виктимного поведения, которые требуют специальной коррекции и работы с семейной ситуацией [3]. В исследовании С.Д. Савина, В.Ф. Щепелькова и А.Н. Сидоровой проблема скрытых форм насилия рассматривается через сочетание официальной статистики и косвенных сведений, способных отразить то, что не представлено единичной регистрацией [9]. Эти положения описывают разные стороны одного временного свойства: насилие может существовать как последовательность взаимосвязанных воздействий, пока отношения между участниками продолжаются [1; 3; 8; 9].

Цикличность отличается от простой множественности зарегистрированных правонарушений. Повторяемость в виктимологическом смысле определяется сохранением отношения, в котором потерпевший вновь оказывается доступен для противоправного воздействия, а предшествующие эпизоды влияют на последующую конфигурацию поведения участников. Отсутствие новой регистрации не доказывает прекращение такого процесса, поскольку латентность ограничивает наблюдаемость отдельных звеньев. Отсюда возникает связь двух характеристик: чем сильнее история взаимодействия представлена только выявленными фактами, тем выше вероятность ошибочно принять продолжающуюся виктимизацию за единичный конфликт.

Наиболее тяжелые семейные преступления дают основание учитывать предшествующую конфликтную историю, однако не подтверждают неизбежного линейного перехода от менее опасного воздействия к тяжкому насилию. Исследование Ю.М. Антоняна и Е.М. Тимошиной показывает значение внутрисемейных конфликтов и разнородных причин в генезисе убийств в семье [1]. Е.В. Михайлова рассматривает семейно-бытовую преступность как результат комплекса факторов, относящихся к различным сторонам социальной и семейной жизни [6]. Из этих положений следует ограничение: повторяемость повышает аналитическую значимость предшествующих событий, но сама по себе не дает основания прогнозировать обязательную эскалацию каждого бытового конфликта. Виктимологическая оценка должна фиксировать историю насилия без превращения ее в детерминистскую схему будущего преступления.

Системный характер бытового насилия не совпадает с многофакторностью его причин. Многофакторный подход отвечает на вопрос о совокупности обстоятельств, связанных с возникновением насильственного поведения. Е.В. Михайлова рассматривает причинный комплекс семейно-бытовой преступности именно как неоднородную совокупность детерминирующих обстоятельств [6]. Системный подход требует дополнительной операции – установления связей между

элементами. В семейно-бытовой сфере такими элементами выступают продолжающиеся отношения причинителя вреда и потерпевшего, способы контроля, индивидуальная уязвимость, положение других членов семьи и доступность внешнего реагирования. Насилие становится системным объектом виктимологического анализа тогда, когда изменение одного элемента способно влиять на положение остальных, а единичное событие нельзя содержательно объяснить без обращения к структуре отношений, в которой оно возникло.

На уровне непосредственного взаимодействия системность выражена через контроль. Определение М.Р. Нигматуллина связывает семейно-бытовое насилие с систематическими действиями, направленными на физический, эмоциональный и материальный контроль членов семьи [8], понимание переносит аналитический центр с отдельного акта физического воздействия на способ организации отношений. Для виктимологии это означает, что значимым становится характер причиненного вреда и положение потерпевшего внутри продолжающейся связи, включая устойчивость воздействия и возможности прекращения контакта. Категория контроля объясняет, почему повторный эпизод нельзя во всех случаях рассматривать как новое независимое событие.

Семейный уровень системы включает лиц, которые могут не совпадать с непосредственными участниками зарегистрированного преступления. Работа Е.Д. Бинецкой показывает самостоятельную виктимологическую значимость положения несовершеннолетних в семье [2], а исследования, посвященные профилактике, ориентируют меры воздействия на внутрисемейную ситуацию [3; 8]. Семья в таком случае выступает средой, где распределяются риски, сохраняются контакты и воспроизводятся последствия насилия. Это не означает коллективной причинности или одинаковой виктимности всех членов семьи; системная характеристика требуется для выявления взаимосвязей между положением конкретного потерпевшего и структурой его ближайшего окружения.

Институциональный уровень образуют способы обнаружения, учета и предупреждения насилия. Е.В. Латышева обосновывает необходимость более самостоятельного статистического учета преступности в семейно-бытовой сфере [5], В.С. Крюк связывает более широкие криминологические границы с расширением круга объектов профилактического воздействия [4], М.Р. Нигматуллин рассматривает совершенствование деятельности органов внутренних дел [8]. С.Д. Савин, В.Ф. Щепельков и А.Н. Сидорова показывают ограниченность оценки скрытого явления по одному информационному каналу и обращаются к сочетанию официальных данных с косвенными показателями и опросами [9]. На этом уровне системность проявляется в зависимости профилактического решения от качества информации: невидимый для учета эпизод не включается в формальную историю ситуации, а сокращенная история снижает возможность распознать повторяемость воздействия.

Связь латентности, цикличности и системности формирует замкнутый аналитический контур. Закрытость семейно-бытовой сферы и ограничения учета уменьшают объем наблюдаемой информации; неполная информация затрудняет выявление повторяемости; сохранение отношений создает условия, при которых новые воздействия могут продолжаться вне институционального наблюдения; последующее выявление одного эпизода вновь дает фрагментарное представление о всей последовательности. Этот контур описывает не обязательное развитие каждой ситуации, а механизм, объясняющий расхождение между уголовно-статистической единицей и виктимологическим процессом. В работах о статистических границах, закрытости семейной сферы, профилактике и социологической оценке отдельные компоненты такого механизма представлены с разных исследовательских позиций [4; 5; 7; 9].

Выявленное расхождение требует расширения информационной единицы виктимологического анализа. Ею выступает история виктимизации в конкретных семейно-бытовых отношениях, внутри которой зарегистрированное деяние сохраняет юридическую самостоятельность, но рассматривается вместе с доступными сведениями о предшествующих эпизодах и динамике контактов. Подобный подход согласуется с требованием профессиональной оценки риска, сформулированным Е.И. Думанской и А.Г. Меньшиковой [3], с более широкими криминологическими границами профилактики у В.С. Крюка [4] и с использованием нескольких источников информации для оценки домашнего насилия у С.Д. Савина, В.Ф. Щепелькова и А.Н. Сидоровой [9]. Он также позволяет учитывать данные мониторинга уголовно-правового реагирования и социологических исследований, которые В.Ф. Щепельков, С.Д. Савин и Е.М. Тимошина применяют для криминологической оценки явления [10].

Для систематизации такой истории могут быть выделены три аналитических блока. Первый отражает наблюдаемость: каким образом событие стало известно, какие сведения вошли в официальный учет и какие ограничения имеет доступный массив. Второй характеризует временную структуру: является ли зарегистрированное деяние единственным известным эпизодом либо входит в последовательность воздействий внутри сохраняющихся отношений. Третий описывает реляционную и семейную структуру: кто является участниками ситуации, каким образом проявляется контроль, каково положение потерпевшего и присутствуют ли иные лица, требующие самостоятельной виктимологической оценки. Такая классификация не заменяет уголовно-правовую квалификацию, а отделяет юридическую оценку конкретного деяния от анализа риска повторной виктимизации.

Профилактическое значение системного подхода состоит в согласовании мер с механизмом конкретной виктимизации. Индивидуальная работа с потерпевшим без учета поведения причинителя вреда и семейной ситуации сужает профилактику до коррекции жертвы, что противоречит требованию исключать виктимблейминг и вторичную виктимизацию [3]. Реагирование исключительно на зарегистрированный факт оставляет без анализа повторяемость и скрытые элементы процесса. Работа только с общей статистикой не выявляет индивидуальной конфигурации риска. Взаимосвязь этих уровней предполагает сочетание оценки потерпевшего, истории отношений, данных о выявленных событиях и профилактического воздействия на семейно-бытовую ситуацию [3; 8; 10].

Все десять рассмотренных источников в совокупности показывают различие исследовательских масштабов бытового насилия. Работы о семейных убийствах обозначают крайнюю форму насильственного конфликта [1], виктимологические исследования выделяют специфику несовершеннолетних и индивидуальной уязвимости [2; 3; 7], криминологические публикации уточняют границы явления и его причинный комплекс [4; 6], исследования учета раскрывают проблему латентности [5], профилактический подход фиксирует систематичность и контроль [8], сопоставление статистики, опросов и правоприменительного мониторинга расширяет информационную базу оценки [9; 10]. Их объединение позволяет определить бытовую насильственную преступность как объект, для которого значение имеет одновременно скрытость части событий, временная связь между эпизодами и включенность каждого выявленного факта в устойчивую систему отношений.

Обсуждение

Сопоставление статистического и виктимологического подходов выявляет различие между измерением преступности и анализом виктимизации. Статистика требует формализованной единицы, однозначной регистрации и устойчивых критериев отнесения события к соответствующей категории. Виктимологическая задача устроена иначе: для нее существенны предшествующие и последующие отношения участников, включая сведения, которые могут не образовывать самостоятельной статистической единицы. Расхождение между подходами не означает непригодности официальных показателей. Оно определяет предел их интерпретации: зарегистрированная преступность характеризует выявленную часть явления и не дает самостоятельного основания судить о полной длительности насильственного взаимодействия.

Понятие латентности в рассмотренных работах имеет более сложную структуру, чем традиционное противопоставление заявленного и незаявленного преступления. Закрытость семьи объясняет ограниченное поступление информации извне, различия статистических и криминологических границ – потерю сопоставимости на этапе учета, изменения юридического реагирования – зависимость динамических рядов от способа классификации. Такая структура требует различать скрытость самого события и неполноту его представления в агрегированных данных. Для виктимологических выводов это различие существенно: отсутствие события в статистике может иметь разные причины, а значит, не должно автоматически интерпретироваться как отсутствие насилия.

Подходы к личности потерпевшего образуют отдельное содержательное расхождение. Часть работ концентрируется на индивидуальной виктимности, поведенческих установках и устойчивых сценариях, другая часть выдвигает на первый план закрытость семейной среды, контроль и структуру отношений. Эти позиции совместимы только при четком распределении причинной ответственности. Индивидуальные характеристики жертвы позволяют оценивать уязвимость, доступность помощи и вероятность вторичной виктимизации, но не объясняют правомерность действий агрессора и не уменьшают его ответственности. Виктимологический анализ сохраняет профилактическую ценность именно тогда, когда характеристика потерпевшего включена в механизм взаимодействия.

Выделение несовершеннолетних подтверждает ограниченность универсального профиля жертвы бытового насилия. Возраст, место

в семейной структуре и зависимость от ближайшего окружения меняют условия, в которых развивается виктимизация. Следовательно, систематизация факторов должна учитывать категорию потерпевшего до интерпретации его поведения. Унификация различных групп вокруг абстрактной модели «виктимной личности» создает риск смешения индивидуальных психологических свойств с объективными ограничениями, определяемыми положением человека в семье.

Цикличность остается менее операционализированным свойством, чем латентность. Исследования фиксируют длительные конфликты, систематическое воздействие, устойчивые отношения контроля и скрытые повторяющиеся проявления, но не дают единого критерия, по которому конкретная последовательность событий должна признаваться циклом. По этой причине аналитически оправдано минимальное определение цикличности как возвратности насильственного воздействия при сохранении отношения между участниками. Оно не предполагает обязательного чередования одинаковых стадий и не превращает повторяемость в универсальный закон развития домашнего насилия.

Цикличность следует отделять от уголовно-правового рецидива и от арифметического количества зарегистрированных эпизодов. Рецидив характеризует юридически определенное повторное преступное поведение лица, количество регистраций – объем выявленных событий. Виктимологическая цикличность относится к последовательности воздействий на потерпевшего внутри конкретной связи и может существовать при неполной официальной фиксации.

Связь цикличности с тяжестью последующего насилия также имеет пределы. Материалы о семейных убийствах подтверждают аналитическую значимость предшествующих конфликтов, но не устанавливают универсальной траектории эскалации. Из повторяемости нельзя выводить неизбежность наиболее тяжкого исхода. Более обоснованно использовать историю эпизодов как фактор оценки ситуации, который приобретает значение вместе с другими характеристиками отношений и причинного комплекса. Такая интерпретация исключает как недооценку повторяющегося насилия, так и чрезмерно детерминистский прогноз.

Системность исследуемого объекта раскрывается глубже простой констатации множества причин. Перечень экономических, социальных, психологических или семейных детерминант остается факторной моделью, пока не установлено, каким образом они взаимодействуют в конкретной ситуации. Системный анализ связывает положение потерпевшего с действиями агрессора, длительностью их контакта, семейной средой, обнаружением происходящего и последующей профилактической реакцией. Ключевым становится не число факторов, а структура зависимостей между ними.

Институциональная реакция входит в эту структуру через механизм обратной связи. Доступная субъектам профилактики информация определяет, воспринимается ли ситуация как единичный конфликт либо как продолжающееся насильственное взаимодействие. Фрагментарные сведения создают фрагментарный объект реагирования. Дополнение официальных данных результатами опросов и косвенными индикаторами повышает качество оценки распространенности явления на групповом уровне, однако индивидуальная профилактика требует реконструкции конкретной истории отношений. Эти задачи используют разные массивы данных и не должны подменять друг друга.

Границы применимости полученных положений обусловлены неоднородностью научного корпуса. Исследования используют близкие, но не полностью совпадающие категории «домашнее насилие», «семейно-бытовое насилие», «семейно-бытовая преступность», обращаются к различным группам потерпевших и различным по тяжести противоправным деяниям. Одни выводы построены на официальной статистике и материалах правоприменения, другие – на социологических опросах либо теоретическом анализе. Такая неоднородность полезна для сопоставления уровней объекта, но не позволяет свести все формы бытового насилия к единому эмпирическому профилю.

Отдельное ограничение связано с измерением латентности. Косвенные показатели расширяют представление о скрытом насилии, однако они не преобразуют латентную совокупность в полностью наблюдаемую. Социологический опрос зависит от готовности респондента сообщать о чувствительном личном опыте, официальная статистика – от правил регистрации и юридической квалификации, сведения о заявлениях – от факта обращения. Сопоставление каналов уменьшает информационный дефицит, но не устраняет его полностью.

Исследовательская лакуна наиболее заметна на стыке временного и виктимологического анализа. В рассмотренной литературе подробно изучены причины семейно-бытовой преступности, характеристики жертв, проблемы учета и отдельные направления профилактики, однако цикличность не получила единого операционального описания, позволяющего последовательно различать единичный эпизод, повторное воздействие и устойчивый процесс виктимизации. Разработка такой операционализации требует сохранения различий между юридической оценкой события и виктимологической реконструкцией отношений.

Второе направление дальнейшего анализа связано с интеграцией информационных уровней. Официальный учет, материалы конкретных обращений, данные о потерпевшем и сведения о семейной ситуации выполняют разные функции. Их механическое объединение способно создать новые ошибки интерпретации, особенно при переносе групповых закономерностей на отдельного человека. Перспективной является модель, в которой каждый информационный блок сохраняет собственное назначение, а итоговая оценка строится на установленных связях между ними.

Практическая ценность системного понимания бытовой насильственной преступности состоит в изменении предмета профилактической оценки. Реагирование на последний выявленный факт остается обязательным, но виктимологическая составляющая требует дополнительно установить, является ли событие частью продолжающегося взаимодействия, какие элементы истории доступны для проверки, каково положение потерпевшего и какие ограничения препятствуют прекращению воздействия.

Заключение

Латентность бытовой насильственной преступности формируется на нескольких уровнях. Закрытость семейно-бытовой среды ограничивает первоначальное обнаружение противоправных воздействий, различие статистических и криминологических границ влияет на их последующую фиксацию и агрегирование. Зарегистрированный эпизод вследствие этого не всегда отражает продолжительность виктимизации. Для анализа положения потерпевшего требуется разграничивать наблюдаемое преступное событие и доступную историю насильственного взаимодействия.

Цикличность характеризует возвратность насильственного воздействия в условиях сохраняющихся отношений между участниками, она не предполагает универсальной последовательности фаз и не тождественна уголовно-правовому рецидиву либо количеству зарегистрированных правонарушений. Ее виктимологическое содержание раскрывается через временную связь эпизодов, сохранение контакта и возможность повторной виктимизации. История предшествующих событий приобретает аналитическое значение, но не дает основания считать эскалацию насилия неизбежной.

Системный характер бытовой насильственной преступности выражается во взаимозависимости действий причинителя вреда, положения потерпевшего, семейной среды, временной структуры насилия и институционального реагирования. Латентность ограничивает доступную информацию о системе отношений, цикличность отражает воспроизводство воздействия во времени, а качество выявления и учета определяет возможности распознавания этой последовательности субъектами профилактики. Виктимологический анализ бытового насилия по этой причине должен сочетать оценку конкретного потерпевшего с реконструкцией доступной истории отношений и учитывать ограничения каждого информационного источника, не перенося ответственность за насилие на жертву.

Литература

1. Антонян Ю. М., Тимошина Е.М. Убийства в семье // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 1. С. 27–37. DOI: 10.24412/2073-0454-2022-1-27-37.

2. Бинецкая Е.Д. Некоторые аспекты виктимологической характеристики несовершеннолетних жертв семейно-бытового насилия // Защита жертв преступлений в современном обществе. 2023. Т. 6. С. 19–27.

3. Думанская Е. И., Меньшикова А.Г. Индивидуальная виктимность и виктимологическая профилактика жертв домашнего насилия // Виктимология. 2022. Т. 9, № 3. С. 280–287. DOI: 10.47475/2411-0590-2022-19304.

4. Крюк В.С. Семейно-бытовое насилие: понятие, статистические и криминологические границы, пути противодействия // Право и практика. 2022. № 3. С. 125–129.

5. Латышева Е.В. Особенности и проблемы статистического учета преступности в семейно-бытовой сфере // Вестник экономики, управления и права. 2024. Т. 17, № 1. С. 38–45.

6. Михайлова Е.В. Особенности причинного комплекса семейно-бытовой преступности в России // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29, № 3 (90). С. 195–201.

7. Михайлова Е. В., Страунинг Ю.А. Виктимологические особенности жертв преступлений в сфере семейно-бытовых отношений // Вест-

ник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2024. № 1 (69). С. 81–88. DOI: 10.29039/2312-7937-2024-1-81-88.

8. Нигматуллин М.Р. Деятельность органов внутренних дел по предупреждению семейно-бытовых преступлений // Виктимология. 2023. Т. 10, № 3. С. 368–376. DOI: 10.47475/2411-0590-2023-10-3-368-376.

9. Савин С. Д., Щепельков В.Ф., Сидорова А.Н. Домашнее насилие как социальная проблема в российском обществе: между приватностью и публичностью // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2025. Т. 25, № 1. С. 64–78. DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-64-78.

10. Щепельков В. Ф., Савин С.Д., Тимошина Е.М. Домашнее насилие в Российской Федерации (состояние, проблемы криминологической оценки) // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18, № 3. С. 232–244. DOI: 10.17150/2500-4255.2024.18(3).232-244.

SPECIFIC FEATURES OF DOMESTIC VIOLENT CRIME AS AN OBJECT OF VICTIMOLOGICAL ANALYSIS: LATENCE, CYCLICITY, AND SYSTEMIC NATURE

Kovalenko M.S.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This article examines domestic violent crime through the characteristics of victimization in stable family and domestic relationships. Its relevance lies in the discrepancy between a recorded episode of violence and the long-term interaction between the victim and the perpetrator, some of which remains outside of official records. The aim is to establish the relationship between latency, cyclicality, and the systemic nature of domestic violence as characteristics of a single victimological entity. The article utilizes an analysis of scientific publications, comparative and logical-analytical analysis, classification, generalization, and synthesis. The source material consists of Russian-language criminological and victimological studies conducted between 2022 and 2025, focusing on statistical recording, the causes of domestic crime, victim characteristics, and prevention. The scientific novelty lies in the interpretation of three characteristics as interrelated mechanisms: latency limits the observability of violence, cyclicality reflects the reproduction of episodes within ongoing relationships, and systemicity links the behavior of participants, the family environment, and institutional response. The resulting concepts can be used in victimological risk assessment and the development of preventive measures.

Keywords: domestic violent crime, domestic violence, victimology, latency, cyclicality of violence, repeat victimization, systemic nature, crime victim, victimological prevention.

References

1. Antonyan Yu. M., Timoshina E.M. Murders in the Family // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 1. Pp. 27–37. DOI: 10.24412/2073-0454-2022-1-27-37.

2. Binetskaya E.D. Some Aspects of the Victimological Characteristics of Juvenile Victims of Domestic Violence // Protection of Crime Victims in Modern Society. 2023. Vol. 6. Pp. 19–27.

3. Dumanskaya E. I., Menshikova A.G. Individual Victimization and Victimological Prevention of Victims of Domestic Violence // Victimology. 2022. Vol. 9, № 3. Pp. 280–287. DOI: 10.47475/2411-0590-2022-19304.

4. Kryuk V.S. Domestic Violence: Concept, Statistical and Criminological Boundaries, and Ways to Combat It // Law and Practice. 2022. № 3. Pp. 125–129.

5. Latysheva E.V. Features and Problems of Statistical Accounting of Crime in the Family and Domestic Sphere // Bulletin of Economics, Management, and Law. 2024. Vol. 17, № 1. Pp. 38–45.

6. Mikhailova E.V. Features of the Causal Complex of Domestic Crime in Russia // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. Vol. 29, № 3 (90). Pp. 195–201.

7. Mikhailova E. V., Strauning Yu.A. Victimological characteristics of victims of crimes in the sphere of family and domestic relations // Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2024. № 1 (69). Pp. 81–88. DOI: 10.29039/2312-7937-2024-1-81-88.

8. Nigmatullin M.R. Activities of internal affairs bodies to prevent family and domestic crimes // Victimology. 2023. Vol. 10, № 3. Pp. 368–376. DOI: 10.47475/2411-0590-2023-10-3-368-376.

9. Savin S. D., Shchepelkov V.F., Sidorova A.N. Domestic Violence as a Social Problem in Russian Society: Between Privacy and Publicity // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. 2025. Vol. 25, № 1. Pp. 64–78. DOI: 10.22363/2313-2272-2025-25-1-64-78.

10. Shchepelkov V. F., Savin S.D., Timoshina E.M. Domestic Violence in the Russian Federation (Status, Problems of Criminological Assessment) // All-Russian Criminological Journal. 2024. Vol. 18, № 3. Pp. 232–244. DOI: 10.17150/2500-4255.2024.18(3).232-244.

О некоторых проблемах использования заключения специалиста в уголовном судопроизводстве

Корнилова Ирина Геннадиевна,
кандидат психологических наук, доцент, главный судебный эксперт ГБУ г. Москвы, «Московский исследовательский центр»
E-mail: olegira04@yandex.ru

В статье освещаются проблемные вопросы процессуального статуса и доказательственного значения заключения специалиста.
Автор отмечает отсутствие консолидированного подхода к пониманию сущности заключения специалиста как самостоятельного средства доказывания в уголовном процессе; отмечает назревшую необходимость в процессуальной регламентации привлечения специалиста для оказания помощи правоохранительным органам на всех стадиях уголовного судопроизводства. Сложившаяся ситуация обусловлена пробелами в уголовно-процессуальном законе, содержащем нормы, по-разному регулирующие использование специальных знаний; это порождает споры в теории и правоприменительной практике.
Делается вывод о том, что алгоритм деятельности специалиста меняется, подстраивается под решение конкретных задач на определенной стадии уголовного судопроизводства. Обосновывается необходимость: внесения изменений в легальное определение заключения специалиста (ч. 3 ст. 80 УПК РФ), фиксации в процессуальном законе структуры и содержания заключения специалиста. Указывается на отсутствие необходимости в уравнивании правовых режимов для заключения специалиста и заключения эксперта.

Ключевые слова: экспертная деятельность, заключение специалиста, исследование, доказательство, уголовное судопроизводство.

Введение

Общей для процессуального законодательства (уголовного, гражданского, арбитражного, административного) особенностью является неоднозначное отношение к заключению специалиста как виду доказательств. Во многом это связано с тем, что специалист обладает обширным набором функций, решает множество разнообразных задач и выполняет несколько ролей как последовательно, так и одновременно в рамках: содействия в обнаружении, закреплении, изъятии предметов и документов, которые имеют значение для дела; технического сопровождения оперативно-розыскных и иных мероприятий; консультативно-справочной деятельности; обеспечения защиты прав участников процессуальных действий; разрешения конкретных задач в виде составления письменного заключения по поставленным вопросам и др. Споры в научном сообществе и разночтения в судебной практике возникают вследствие неучета системных связей, пробелов законодательства и шаблонного, механического применения имеющихся норм.

В уголовном процессе заключение специалиста наряду с показаниями относится к самостоятельному виду доказательств (п. 3.1. ч. 2 ст. 74 УПК РФ). В арбитражном процессе устная консультация привлеченного судом по своей инициативе или по ходатайству стороны специалиста признаётся доказательством по делу в силу ст. 64 и 87.1 АПК РФ; заключение специалиста, составленное до начала процесса, приобщается к делу как иной документ (ст. 81, 89 АПК РФ). В гражданском процессе специалист даёт суду консультацию в устной или письменной форме (ст. 188 ГПК РФ), в административном – привлекается для оказания содействия участникам процесса, суду для разъяснения вопросов, требующих применения специальных знаний, но не для формирования самостоятельного доказательства (ст. 25.8 КоАП РФ). При в целом схожем понимании целей и задач деятельности специалиста процессуальное законодательство закрепляет его статус, права и обязанности в зависимости от вида судопроизводства; разница продиктована спецификой задач каждого процесса и тем, как в нём строится доказывание.

Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает систему последовательных стадий судопроизводства, каждая из которых характеризуется специфическими целями, задачами, кругом участников, процессуальными сроками, действиями и решениями, а также потребностями дознавателя, следователя, суда в компетенциях сведущего лица. Специалиста привлекают по мере необходимости на любой из стадий, в связи с этим алгоритм его деятельности меняется, подстраивается под решение конкретных задач. Ключевой принцип деятельности специалиста – актуальность и своевременность, однако смена алгоритмов приводит к разночтениям в понимании его функций и процессуального статуса, трудностям при переходе от одной формы деятельности к другой, от одной стадии к другой. Так, на стадии проверки сообщения о преступлении заключение специалиста или зафиксированные в протоколе следственного действия результаты его деятельности становятся основанием для принятия решения о возбуждении уголовного дела, отказе в возбуждении уголовного дела или передачи дела по подследственности. Однако из-за отсутствия предупреждения об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, недостаточной регламентации порядка привлечения специалиста, получения заключения, оценки его достоверности и научной обоснованности суд критически оценивает полученные в досудебном порядке результаты деятельности специалиста.

Проблемы правовой регламентации использования специальных знаний и специфики заключения специалиста рассматривались в трудах Б.Т. Безлепкина, В.М. Быкова, И.В. Буркова, Е.В. Елагиной, В.Н. Махова, Т.Ф. Моисеевой, Ю.К. Орлова, Е.Р. Россинской, Л.Г. Шапиро, С.А. Шейфера, А.А. Эйсмана и других. Научные труды перечисленных исследователей содержат фундаментальные положения, касающиеся правового положения, роли специалиста и результатов его деятельности в системе уголовного процесса. При этом различные аспекты использования специальных знаний в соответствии с недавними преобразованиями уголовно-процессуального закона по-прежнему остаются неурегулированными.

В связи с этим необходимо определить пути коррекции нормативно-правового регулирования деятельности специалиста: проанализировать, выявить и устранить пробелы и противоречия между нормами; уточнить юридически значимые термины; систематизировать требования к форме и качеству работ, выполняемых специалистом на досудебной стадии судопроизводства.

В исследовании использованы **методы исследования** – общие (синтез, анализ, дедукция, индукция, наблюдение и сравнение, экстраполяция, интерполяции); общенаучные (структурный и системный анализ); специальные (системный, сравнительно-правовой, формально-юридический, критико-правовой) и др.

Научная дискуссия

Ретроспективный анализ специальной литературы показывает, что за последние годы сформировался обширный перечень формальных поводов для отказа в приобщении заключения специалиста к материалам уголовного дела. Указывается на то, что специалист не несет ответственности за заведомо ложное заключение, поскольку не дает письменную подписку о предупреждении об ответственности за него; не выполняет исследования, но если выполняет, то неглубокое и несамостоятельное; в ходе исследования может использовать нелегитимные методики; не делает выводы, но если и делает, то они содержат субъективное мнение вместо научно обоснованного и объективного анализа [1, 2, 3, 4]. Следует подчеркнуть, что не менее весомыми являются аргументы авторов, подвергающих сомнению вышеприведенные положения, предлагающих собственное видение ситуации, сложившейся после внесения изменений и дополнений в ст. 80 УПК РФ (от 04.07.2003 г.), введения ч. 1 ст. 144 УПК РФ (от 04.03.2013 г.) [5, 6, 7].

Следует отметить, что подавляющее большинство исследований, посвященных проблемам использования специальных знаний в уголовно-процессуальном контексте, основывается на сравнительном анализе деятельности эксперта и специалиста по таким ключевым критериям как объем полномочий, выполняемые функции и процессуальные роли, регламентация системы назначения и предоставления результатов исследования, гарантии ответственности и др. Сравниваются также два самостоятельных процессуальных документа – заключение специалиста и заключение эксперта; при этом последнему отдается предпочтение как отражающему подлинно глубокое и всестороннее исследование, проведенное лицом, официально предупрежденным об ответственности за дачу заведомо ложного заключения (ст. 307 УК РФ), порядок назначения и проведения исследований которого детально регламентирован (ст. 204 УПК РФ).

В отличие от заключения специалиста, согласно ч. 3 ст. 80 УПК РФ, заключение специалиста представляет собой «суждение», для высказывания которого, по мнению законодателя, нет необходимости проводить исследование и формулировать выводы (ст. 74 УПК РФ). При этом проведение исследования допускается в порядке ч. 1 ст. 144 УПК РФ, а на основании п. 3.1 ч. 3 ст. 74 УПК РФ, заключение и показания специалиста относятся к доказательствам по уголовному делу (то есть признаются теми сведениями, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию, имеющих значение для уголовного дела).

Очевидно, что одной из неизбежных особенностей уголовно-процессуального права как отрасли является необходимость толкования норм в том числе в связи с содержанием в них абстрактных, некорректных формулировок, общеупотребительных выражений, требующих уточнения контекстуального значения [8]. Так, легальный термин «суждение» относится к многозначным, в связи с чем требуется дополнительное разъяснение смысла, который закладывается правоприменителем в том числе в связи с дифференциацией форм деятельности сведущего лица на разных стадиях уголовного судопроизводства.

В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова у слова «суждение» два значения: (1) форма мышления, представляющая собой сочетание понятий, из которых одно (субъект) определяется и раскрывается через другое (предикат); (2) мнение, заключение[1]. Суждение обусловлено объективной реальностью и выводится в соответствии с законами логики, включающими преобразование простых и сложных суждений. Их сущность заключается в раскрытии наличия/отсутствия каких-либо связей и отношений между предметами, явлениями, их признаками и свойствами; важнейшие характеристики суждения – истинность и ложность (что отличает суждение, например, от понятия, которое само по себе не может быть ни истинным, ни ложным). Следовательно, в заключении специалиста как процессуальном документе суждение представляет собой высказывание, содержащее утверждение/отрицание, которое необходимо оценивать с точки зрения всей совокупности предоставленных доказательств. В связи с этим наличие в заключении специалиста раздела о ходе исследования позволит проследить логику построения выводов в связке тезис – аргументы. Вывод (или заключение) – это высказывание, в котором специалист, опираясь на исходные суждения (или посылки), не только устанавливает наличие какого-либо свойства, признака, но и при необходимости выводит новое суждение. Как справедливо отмечает Л.Г. Шапиро, уязвимость представленного в ч. 3 ст. 80 УПК РФ определения заключения специалиста состоит в том, что оно является суждением в той же мере, что и заключение эксперта, поскольку ничем иным оно быть не может [9, с. 205].

Суждение начинает формироваться с момента уяснения специалистом задачи, осмотра и изучения материалов, выявления существенных признаков, имеющих доказательственную ценность. Суждение является результатом познавательного акта, при помощи которого, как отмечает А.М. Зинин, ссылаясь в том числе на работы С.Н. Еремина, Н.А. Духно, Ю.Г. Корухова, «посредством утверждения или отрицания раскрывается наличие или отсутствие тех или иных признаков какого-либо предмета, явления, события» [10, с. 33].

В учебниках, методических пособиях, научных статьях сложившаяся ситуация упрощается до формального пояснения: специалист лишь сообщает свое мнение (суждение), основанное на имеющихся специальных знаниях (без проведения исследования), а эксперт получает новые сведения в процессе глубокого и всестороннего исследования предоставленных объектов. А поскольку специалист не дает подписку об ответственности за дачу заведомо ложного заключения (в отличие от эксперта), его заключение не заслуживает доверия. Тем самым разноплановая и многоаспектная деятельность специалиста искусственно ограничивается и сводится к набору элементарных функций, не подпадающих под определение «исследования» [11, с. 159].

Специалист без выполнения исследования может давать разъяснения по поставленным вопросам, консультировать и оказывать всевозможную помощь правоохранительным органам в рамках своих компетенций. Действительно, такая форма использования специальных знаний существует и имеет непроцессуальную правовую природу. Однако, встречаются и такие мнения: без проведения исследования специалист «может установить, представляет ли предмет культурную или историческую ценность» [12, с. 106]. Вероятно, речь идет об устной консультации, в рамках которой специалист после осмотра предмета может сделать некое предположение? Очевидно, что такая форма использования специальных знаний УПК РФ не предусмотрена. На то, что осмотр является универсальным способом сбора информации указывает В. Быков: «специалисту не нужно проводить какие-либо исследования, чтобы ответить на вопросы следователя и суда – в ряде случаев он в состоянии после осмотра объекта, ознакомления с представленными ему предметами, документами или веществами высказать суждение и мнение об осмотренных объектах» [13, с. 24]. Следует отметить, что заключение специалиста относится к процессуальным формам использования специальных знаний, более того, сделанные им выводы могут быть закреплены в качестве доказательства посредством допроса специалиста после предоставления письменного заключения. И здесь возникают сомнения в том, что результаты осмотра могут быть доказательством для установления ценности предмета. Полагаем, что помимо осмотра специалист как минимум выполнит ряд предварительных действий по сбору информации о предмете (провенансе, датировке, материалах и технологиях изготовления), которые уже представляют собой обоснованное, методологически корректное исследование. К сожалению, поверхностный взгляд на заключение специалиста тиражируется в научных трудах в силу недостаточного понимания специфики познавательной деятельности специалиста, для которой законом не предусмотрен жесткий перечень того, какие именно специальные знания должны применяться.

Попытки нивелировать разрыв между формальным звучанием нормы и реальным содержанием деятельности специалиста могут принимать форму компромисса: в таком случае предлагается признать возможность выполнения исследования специалистом, но ограничить действия простыми средствами измерения, к которым относятся, по мнение А.И. Бельского, исключительно линейки, штангенциркули, лупы, средства экспресс-анализа [14]. Этому противоречит предложение о внесении в нормативные акты указания на то, что специалист не производит исследования, требующие использования инструментальных методов [15, с. 46]. В частности, согласно ст. 58 УПК РФ, специалист содействует в обнаружении, закреплении и изъятии пред-

[1] Согласно словарю русского языка С.И. Ожегова, суждение – мнение, заключение. В логике: форма мышления, представляющая собой сочетание понятий, из которых одно (предикат) определяет и раскрывает содержание другого (субъекта). Заключение – утверждение, являющееся выводом из чего-нибудь, последняя часть, конец чего-нибудь. С.И. Ожегов. Словарь русского языка. М.: ОНИКС 21 век. 2005. С. 764, 204.

метов и документов, применения технических средств в исследовании материалов уголовного дела. Инструментальные средства относятся к техническим как часть к целому; по своей природе они являются материальными вспомогательными технологиями, которые использует носитель специальных знаний при решении вопросов, поставленных перед ним сторонами. А это обширный перечень методов, ориентированных на количественное и качественное исследование биологических материалов, документов, оружия, различных веществ, материалов, конструкций, техники. При этом самые простые операции с использованием инструментальных методов должны быть оформлены в соответствии с установленными требованиями. Например, публикация в социальной сети (в отношении которой у правоохранительных органов имеются основания предполагать наличие признаков пропаганды идеологии и деятельности организаций, признанных в законном порядке террористическими) содержит текст, изображение и видеоролик, представляет собой поликодовый текст, грамотная фиксация которого обеспечивает возможность использования ее как доказательства в деле. Специалисту необходимо осмотреть, сохранить обнаруженную информацию, что всегда связано с применением инструментальных методов: анализа кода страницы; фиксации метаданных; сохранения публикации в файле подходящего формата; сохранения материала как интерактивной страницы; печати в PDF; использования различных программ для извлечения и распознавания символов и др. Процесс осмотра, изготовления скриншотов, а также все действия с электронным носителем, на который переносится отобранная информация, тщательно отображается в акте (протоколе), который судом рассматривается как «иной документ». От качества изъятого, зафиксированного материала, правильности оформления «иного документа» зависит постановка и решение задач для специалистов (лингвистов, психологов), которые будут анализировать уже сохраненные и предоставленные на исследование материалы (оригиналы, копии). Лишь для «осмотра» поликодового текста специалистам необходимо произвести ряд операций по разбору компонентов составляющих его знаковых систем с тем, чтобы выяснить, как из совокупности вербальной, аудиальной, визуальной информации синтезируются цель и смысловая направленность публикации. Приведенный пример показывает, что невозможно применить к заключению специалиста утверждение о том, что исследование проводится с целью получить разъяснения лишь в отношении уже существующих фактов, но никаких новых суждений, выводов, основанных на творческих «микрооткрытиях», не производится [16, с. 56].

Другой подход к трактовке нормативных положений представлен в трудах А.В. Кудрявцевой: автором предлагается проводить разграничение между исследовательской деятельностью специалиста и эксперта посредством критерия глубины проводимого исследования, масштаба и интенсивности анализа. Тем самым специалист представляется лицом, обладающим теми же компетенциями, что и эксперт, проводит исследование, фиксирует его результаты в форме выводов в заключении. При этом, однако, предполагается, что специалист остается на эмпирическом уровне познания, в то время как эксперт делает еще логические, теоретические выводы. Процессуальный закон на оперирует такими понятиями как «глубина исследования»; этот предполагаемый критерий оценки сам нуждается в толковании и разработке инструментов для проверки и сравнения проведенных исследований. Следует отметить, что, однако, глубина исследования специалиста оказывается достаточной для того, чтобы на стадии проверки сообщения о преступлении стать основанием для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, отказа от возбуждения или передачи дела по подследственности. Кроме того, при производстве дознания в сокращенной форме дознаватель вправе не назначать судебную экспертизу в том случае, если выполненное в этот период исследование специалиста содержит ответы на поставленные вопросы (п. 3 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ).

Поскольку уголовно-процессуальный закон не содержит перечня методов и средств, которые специалист обязан применять на разных стадиях судопроизводства (включая исследование материалов уголовного дела), такого рода предписания наглядно демонстрируют произвольность толкования закона различными авторами. Полагаем, что возникающие в отношении применения специальных знаний специалистом научные дискуссии отражают два разнонаправленных процесса: расширительного толкования, указывающего на то, что смысл нормы шире, чем ее текстуальное выражение, и ограничительного толкования, указывающего на обратный процесс. Однако, такая позиция является весьма уязвимой, поскольку существует в некоторой изоляции от практики, демонстрирующей более гибкий подход к эксплуатации возможностей специалиста на разных стадиях уголовного судопроизводства.

В ст. 58 и ст. 80 УПК РФ фактически представлены две разные модели применения специальных знаний, которые как правило смешиваются и подменяются неким критическим подходом к результатам деятельности специалиста в целом. Специалист привлекается в ходе следственных действий, содействует в обнаружении, фиксации, закреплении и изъятии предметов и документов, проводит предварительное исследования на месте происшествия, оказывает техническую помощь; его действия, мнение, замечания отображаются в протоколе. Если формально следовать логике законодателя, конкретные результаты экспертно-криминалистического исследования, выполненного с использованием специальных приборов, аппаратов и установок для получения точных, измеримых характеристик (химического состава, структуры, механических свойств, выявления скрытых дефектов и др.), доказательством не являются. При этом исследование как таковое проводится, на что указывает сама формулировка ч. 1 ст. 58 УПК РФ.

Парадоксально, но в то же время «умозрительное заключение» [17, с. 26] (которое, как следует из п. 1 Постановления Пленума ВС РФ от 21 декабря 2010 года № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», не содержит ни исследования вещественных доказательств, ни выводов), согласно п. 3.1. ч. 2 ст. 74 УПК РФ, доказательством является. С одной стороны, закон разграничивает роли специалиста в соответствии с вышеуказанными моделями применения специальных знаний: в ст. 58 специалист выступает как участник процесса, в ст. 80 описывается как субъект, дающий письменное заключение или показания (то есть выступающий в роли источника доказательства). С другой стороны – оставляет регулирование всех предшествующих и сопутствующих действий на усмотрение дознавателя, следователя и суда, тем самым создает для лица, обладающего специальными знаниями, условия неопределенности функционирования. При этом Уголовно-процессуальный кодекс РФ не предусматривает для специалиста процедуры предупреждения об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ за дачу заведомо ложного заключения, таким образом, отсутствие подписки само по себе не является основанием для исключения его заключения из числа доказательств. Когда в процессе (особенно в суде) привлекают человека в качестве специалиста, а он ведёт себя недобросовестно или демонстрирует непрофессионализм, это подрывает весь смысл такого участия и создаёт риски для справедливости разбирательства. Причём проблема касается обеих сторон – и той, что привлекла специалиста, и той, против которой он работает. Часто корень проблем в личных качествах человека, и в том, что закон не всегда чётко прописывает, как именно удостоверяться в компетентности специалиста, поэтому подписка в порядке ст. 307 УК РФ вызывает у суда больше доверия к результатам деятельности эксперта.

На усугубление противоречий в действующем законодательстве обратил внимание А.Ф. Волынский. По мнению автора, современные криминалистика и экспертология должны принять уроки истории и осознать, что экспертно-криминалистическая и судебно-экспертная деятельность составляют единую систему научно-технического обеспечения уголовного судопроизводства [18], поскольку ориентированы на общий конечный результат – раскрытие и расследование преступлений.

На основании проведенного анализа следует признать, что специалистом проводится исследование в рамках определенных научно-методических подходов при помощи валидных инструментов (методов и методик), в том числе с использованием технических средств, дозволенных к применению в судебной экспертизе. Природа и структура специальных знаний эксперта и специалиста одна и та же; процессуальные роли не зависят от профессионализма и квалификации; одно и то же лицо может выступать последовательно в роли специалиста и эксперта в рамках одного и того же уголовного дела. Фактически, границы между заключением специалиста и заключением эксперта стираются: «исследование объекта, проводимое специалистом, по глубине, полноте и всесторонности может не уступать исследованию, проводимому экспертом, или даже превосходить его» [19, с. 35]. Сама по себе возможность привлечь специалиста – большой плюс. Он может помочь сторонам разобраться в сложных вопросах, указать на противоречия в заключениях экспертов, поставить правильные вопросы для будущей экспертизы. Проблема возникает, когда заключение специалиста пытаются использовать как полноценную замену судебной экспертизе, когда по делу объективно требуется именно исследование, проводимое экспертом.

Значительная часть аспектов, касающихся позиционирования специалиста в уголовном судопроизводстве и его законодательного урегулирования, по-прежнему остается неурегулированной на законодательном уровне, порождает споры среди специалистов и создает затруднения в правоприменительной деятельности. В связи с тем, что

заключение специалиста представляется как личное мнение, разъяснение, не содержит разделов, посвященных методам исследования и анализу результатов, не содержит выводов, его смысл все чаще определяется как обоснование необходимости назначения экспертизы (повторной или дополнительной).

Полагаем, причина кроется в том, что правоприменители за годы, прошедшие после обновления ст. 74, 80 УПК РФ, так и не уяснили сути новых средств доказывания [20, с. 9]. Ситуация осложняется тем, что остальные статьи УПК РФ не содержат нормативных предписаний, регламентирующих порядок назначения исследования и представления заключения специалиста, допроса специалиста, ответственности за дачу заведомо ложного заключения; в отношении заключения специалиста как процессуального документа не выработаны требования к структуре и оформлению. Поэтому строго регламентированная форма заключения эксперта априори воспринимается сторонами и судом как документ, содержащий достоверные выводы. Но сравнивать и выбирать одно из двух правовых явлений нет необходимости: согласно ч. 2 ст. 17 УПК РФ, никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. Все основания для обязательного назначения судебной экспертизы представлены в ст. 196 УПК РФ; в иных случаях (в зависимости от стадии производства по делу) дознаватель, следователь, суд самостоятельно решают, в какой форме необходимо использовать специальные знания. Однако, ключевое значение имеет то, что суд оценивает предоставленные результаты исследований специалиста и эксперта наравне с другими доказательствами: проверяет относимость, допустимость, достоверность, а также то, насколько выводы согласуются с иными материалами дела.

Результаты исследования

Полагаем необходимым отметить следующее.

Специалист как лицо, обладающее специальными знаниями, является самостоятельным участником уголовного судопроизводства, выполняющим различные функции в зависимости от характера поставленных перед ним задач на всех стадиях уголовного судопроизводств. Каждая из форм использования специальных знаний специалиста обоснована и имеет право на существование в соответствии с УПК РФ, при условии, что она прямо предусмотрена законом и соблюден порядок её процессуального оформления.

В связи с этим полагаем необходимым внести изменения в формулировку определения «заключения специалиста» в ч. 3 ст. 80 УПК РФ, исключив из него слово «суждение»: «Заключение специалиста – представленное в письменном виде *исследование* по вопросам, поставленным перед специалистом сторонами». Это позволит акцентировать внимание на структуре документа (наличии вводной, описательной и резолютивной частей) и его содержании, отвечающем принципам обоснованности и проверяемости.

Предложение дополнить ч. 3 ст. 80 «Заключение и показания эксперта и специалиста» УПК РФ указанием на то, что специалист перед дачей заключения предупреждается об ответственности за дачу заведомо ложного заключения в соответствии со ст. 307 УК РФ, представляется спорным. У адвоката нет подобных властных полномочий в рамках уголовного процесса. Право предупреждать участников о возможных правовых последствиях (в том числе об ответственности по ст. 307, 310 УК РФ) закреплено только за теми, кто наделён такими полномочиями по закону: следователем, дознавателем (в рамках предварительного расследования), судом (при рассмотрении дела в судебном заседании – на основании ст. 270 УПК РФ) или руководителем судебно-экспертного учреждения, если экспертиза проводится специалистом этого учреждения (согласно ст. 14 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»). Поэтому если речь идет о досудебном заключении специалиста (выполненном по заданию гражданина, организации, адвоката или иного заинтересованного лица), доказательственное значение приобретается им только после процессуального введения в дело на основании принципов относимости, допустимости, достоверности, достаточности. Соответственно, для специалиста и эксперта планка ответственности устанавливается судом на одинаковой высоте. А необходимость уравнивания правовых режимов для заключения специалиста и заключения эксперта отсутствует, поскольку процессуальный порядок установлен именно для судебной экспертизы. Все вопросы касательно содержания заключения специалиста разрешаются путем процессуального действия – допроса специалиста, до начала которого он предупреждается в порядке ст. 307 УК РФ.

Литература

1. Божьев В.П. Изменение УПК – не всегда средство его совершенствования // Законность. 2005. № 8. С. 4–6.

2. Быков В. М., Ситникова Т.Ю. Заключение специалиста и особенности его оценки // Вестник криминалистики. М., 2004. Вып. 1(9). С. 19–25.

3. Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. М.: Юристъ, 2009. 175 с.

4. Шейфер С.А. Пути развития российского судопроизводства // Правовые проблемы укрепления российской государственности. Самара: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2005. Ч. 29. С. 3–8.

5. Кудрявцева А.В. Заключение эксперта и специалиста в уголовном процессе: общее и особенное // Вопросы правовой теории и практики: сб. науч. тр. Омск: Изд-во Ом. акад. МВД РФ, 2016. Вып. 11. С. 121–132.

6. Тарасов А.А. Эксперт и специалист в уголовном процессе России: монография / А.А. Тарасов. М.: Проспект, 2017. 127 с.

7. Толстухина Т. В., Устинова И.В. Соотношение понятий и статуса «Заключение эксперта» и «Заключение специалиста»// Юридические науки. 2016. № 4. С. 104–108.

8. Белоносов В.О. Потребность и значение толкования уголовно-процессуальных норм// Вектор науки ТГУ. 2010. № 2 (2). С. 22–25.

9. Шапиро Л.Г. Проблемы правового регулирования института заключения специалиста в уголовном судопроизводстве // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 4. С. 204–209.

10. Зинин А.М. Заключение специалиста: сущность, содержание и форма // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. 2016 № 8. С. 32–37.

11. Зайцева Е.Л. Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства. М.: Юрлитинформ, 2010. С. 159.

12. Сергеева О. С. К вопросу о процессуальных полномочиях специалиста в уголовном судопроизводстве// Юридический вестник Самарского университета. 2016. Т. 2 № 4. С. 106.

13. Быков В.М. Заключение специалиста // Законность. 2004. № 9. С. 21–24.

14. Бельский А.И. Заключение и показания специалиста как доказательства в уголовном процессе России: дис… канд. юрид. наук. М., 2006. 175 с.

15. Елагина Е.В. Заключение специалиста: некоторые проблемы формирования и использования //КриминалистЪ. 2016. № 2 (19) С. 44–49.

16. Жижина М.В. Дифференциация заключения эксперта и заключения специалиста в уголовном судопроизводстве: коллизии права и казусы судебной практики // Законодательство. 2023. № 6. С. 55–58.

17. Волынский А.Ф. Соотношение судебной экспертизы и исследования специалиста// Вестник экономической безопасности. 2018. № 1. С. 24–28.

18. Волынский А.Ф. Судебно-экспертная и технико-криминалистическая виды деятельности: общее и особенное // Эксперт-криминалист. 2023. № 2. С. 18–20.

19. Овсянников И.В. Заключение и показания специалиста //Законность. 2005. № 7. С. 32–35.

20. Глушков М. Р. К вопросу о различии заключений эксперта и специалиста // Эксперт-криминалист. 2020. № 4. С. 9–11.

ON SOME PROBLEMS RELATED TO THE USE OF A SPECIALIST'S CONCLUSION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Kornilova I.G.
Moscow Research Center

The article addresses problematic issues related to the procedural status and evidentiary value of a specialist's conclusion. The author notes the lack of a consolidated approach to understanding the essence of a specialist's conclusion as an independent means of proof in criminal proceedings; he points out the long-overdue need for procedural regulation of the involvement of a specialist to assist law enforcement agencies at all stages of criminal proceedings. The current situation is due to gaps in the criminal procedure law, which contains norms that regulate the use of specialized knowledge in different ways; this gives rise to disputes in theory and in law enforcement practice.

It is concluded that the algorithm of a specialist's activities changes and adapts to solving specific tasks at a certain stage of criminal proceedings. The necessity is substantiated: to make amendments to the legal definition of a specialist's conclusion (Part 3 of Article 80 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation), and to fix the structure and content of a specialist's conclusion in the procedural law. It is pointed out that there is № need to equate the legal regimes for a specialist's conclusion and an expert's conclusion.

Keywords: expert activity, specialist's conclusion, research, evidence, criminal proceedings.

References

1. Bozhyev V.P. Amending the Criminal Procedure Code is not always a means of improving it // Zakonnost. 2005. № 8. Pp. 4–6.

2. Bykov V.M., Sitnikova T. Yu. The specialist's conclusion and the specifics of its evaluation // Bulletin of Criminalistics. Moscow, 2004. Issue 1(9). Pp. 19–25.

3. Orlov Yu.K. Problems of the Theory of Evidence in Criminal Procedure. Moscow: Yurist, 2009. 175 p.

4. Sheifer S.A. Ways of Developing Russian Legal Proceedings // Legal Problems of Strengthening Russian Statehood. Samara: National Research Tomsk State University, 2005. Ch. 29. pp. 3–8.

5. Kudryavtseva A.V. Expert and specialist opinion in criminal proceedings: general and special // Issues of legal theory and practice: collection of scientific tr. Omsk: Publishing House of Omsk. akad. Ministry OF Internal Affairs of the Russian Federation, 2016. Issue 11. pp. 121–132.

6. Tarasov A.A. Expert and Specialist in Criminal Proceedings in Russia: a Monograph / A.A. Tarasov. Moscow: Prospekt, 2017. 127 p.

7. Tolstukhina T.V., Ustinova I.V. The Relationship between the Concepts and Status of «Expert Opinion» and «Specialist Opinion» // Legal Sciences. 2016. № 4. Pp. 104–108.

8. Belonosov V.O. The Need and Significance of Interpreting Criminal Procedure Rules // Vector of Science of TSU. 2010. № 2 (2). Pp. 22–25.

9. Shapiro L.G. Problems of Legal Regulation of the Institution of a Specialist's Opinion in Criminal Proceedings // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2015. № 4. Pp. 204–209.

10. Zinin A.M. Specialist's Opinion: Essence, Content, and Form // Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2016, № 8, pp. 32–37.

11. Zaitseva E.L. The Concept of Development of the Institution of Forensic Expertise in the Context of Adversarial Criminal Proceedings. Moscow: Yurlitinform, 2010, p. 159.

12. Sergeeva O.S. On the Issue of the Procedural Powers of a Specialist in Criminal Proceedings // Legal Bulletin of Samara University. 2016. Vol. 2, № 4. P. 106.

13. Bykov V.M. Expert Opinion // Zakonnost. 2004. № 9. Pp. 21–24.

14. Belsky A.I. Expert Opinion and Testimony as Evidence in Criminal Proceedings in Russia: dis. … cand. jurid. sci. Moscow, 2006. 175 p.

15. Elagina E.V. Expert opinion: some problems of formation and use // Criminalist. 2016. № 2 (19). Pp. 44–49.

16. Zhizhina M.V. Differentiation of expert opinion and specialist opinion in criminal proceedings: conflicts of law and cases from judicial practice // Legislation. 2023. № 6. Pp. 55–58.

17. Volynsky A.F. The Relationship between Forensic Examination and Specialist Research // Bulletin of Economic Security. 2018. № 1. Pp. 24–28.

18. Volynsky A.F. Forensic and technicalcriminalistic types of activity: common and specific // ExpertCriminologist. 2023. № 2. Pp. 18–20.

19. Ovsyannikov I. Conclusion and testimony of a specialist // Legality. 2005. № 7. Pp. 32–35.

20. Glushkov M.R. On the issue of the difference between expert and specialist conclusions // Forensic Expert. 2020. № 4. Pp. 9–11.

Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью: сравнительно-правовой анализ

Кургузкина Елена Борисовна,
доктор юридических наук, профессор кафедры юриспруденции АНОО ВО «Воронежский экономико-правовой институт»
E-mail: lawprof2020@mail.ru

Авдеев Михаил Алексеевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры юриспруденции Центрального филиала «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»
E-mail: ypp-cfraf22@yandex.ru

Черняев Евгений Александрович,
аспирант кафедры юриспруденции АНОО ВО «Воронежский экономико-правовой институт»
E-mail: chernyaev001@mail.ru

Исследование посвящено сравнительно-правовому анализу регламентации угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью в уголовном законодательстве стран ближнего зарубежья. Уголовное законодательство Туркменистана, Таджикской республики, Азербайджанской республики почти тождественно формулирует основной состав Российского уголовного законодательства. Делается вывод, что для совершенствования правоприменения возможно воспользоваться опытом регулирования угрозы убийством и причинением тяжкого вреда здоровью некоторых стран ближнего зарубежья. В частности, предлагается установить уголовную ответственность и за угрозу уничтожения имущества общеопасным способом подобно формулирования нормы в ст. УК Республики Беларусь, а также в качестве меры дополнительного наказания, используя опыт Республики Грузия, применять запрет на использование оружия.

Ключевые слова: угроза, жизнь и здоровье, пытки, уничтожение имущества, квалифицирующие признаки.

Преступления, посягающие на жизнь и здоровье человека, хотя и занимают весьма незначительную долю в общем массиве преступлений, но по степени общественной опасности представляют наибольшую опасность для социума. В связи с этим предупреждение преступности против жизни и здоровья является в ряду превентивных мер, является одним из ведущих направлений профилактики. Среди всех мер предупреждения наиболее эффективными следует считать так называемые меры двойной превенции. Под двойной превенцией следует понимать меры уголовно-правового характера, заключающиеся не только в наказании за конкретное криминальное деяние, предусмотренное данной нормой, но и предупреждать другое более тяжкое преступление. Такой уголовно-правовой мерой с двойной превенцией является статья 119 УК РФ, предусматривающая ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, как превентивную меру, направленную на предупреждение убийств и причинений тяжкого вреда здоровью.

Уголовная ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью наступает по уголовному законодательству России в том случае, если имеются реальные основания опасаться осуществления этой угрозы. Кроме того, предусматривается повышенная уголовная ответственность при совершении угроз с признаками квалифицированного состава, регламентируемого ч. 2 ст. 119 УК РФ.

Превентивные нормы подобного действия существуют и в уголовном законодательстве иных государств, в частности, стран ближнего зарубежья.

Глава 19 Преступления против жизни и здоровья Уголовного кодекса Республики Беларусь в ст. 186 предусматривает уголовную ответственность не только за угрозу убийством или причинением тяжких телесных повреждений (что является тождественным тяжкому вреду здоровью), но и за уничтожение имущества общеопасным способом, если имелись основания опасаться ее осуществления [7].

Квалифицирующих признаков данного состава преступления Уголовное законодательство Республики Беларусь не предусматривает.

Уголовный кодекс Туркменистана в главе 16 Преступления против жизни и здоровья в ст. 114 содержит регламентацию уголовной ответственности за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, если имелись основания опасаться ее осуществления. Формулировка данной нормы практически дословно соответствует тексту ч. 1 ст. 119 УК РФ [11]. Однако квалифицирующие признаки в ст. 114 УК Туркменистана отсутствуют. При этом наиболее тяжкое наказание за исследуемое преступление предусмотрено в виде исправительных работ, тогда как по УК РФ и УК Республики Беларусь наиболее суровое наказание предусмотрено в виде лишения свободы.

В главе 16 Преступления против жизни и здоровья Республики Таджикистан диспозиция ст. 120 [9] почти буквально повторяет аналогичный состав угрозы в УК Туркменистана. Однако санкция статей существенно отличаются, предусматривая возможность назначения лишения свободы за совершение исследуемого преступления.

Уголовное законодательство Азербайджанской республики в ст. 134 [4] практически тождественно воспроизводит диспозиции УК Республики Таджикистан и Туркменистана, включая исследуемый состав преступления в главу о преступлениях против жизни и здоровья.

Глава 3 Уголовного кодекса Республики Узбекистан «Преступления, опасные для жизни и здоровья» в ст. 112 регулирует уголовную ответственность за угрозу убийством или применением насилия при наличии достаточных оснований опасаться осуществления этой угрозы [10]. Законодатель Узбекистана счёл необходимым более широко применить двойную превенцию, распространив уголовную ответственность не только за угрозу убийством, но и за угрозу применения насилия, которое является оценочной категорией и даёт возможность защищать лиц не только за угрозу причинением тяжкого вреда здоровью, но и за угрозу любым насилием, которое по мнению следствия и суда будет представлять реальную опасность для человека. Помимо этого исследуемая статья содержит квалифицированный и особо квалифицированный составы. Так, ч. 2 ст. 112 УК Республики Узбекистан предусматривает повышенную ответственность за описанные в ч. 1 ст. 112 УК Республики Узбекистан угрозы, высказанные особо опасным рецидивистов, а также членов организованной преступной группы либо в её интересах.

Особо квалифицированный состав данного преступления регламентирует уголовную ответственность за угрозы, совершенные в отношении лица или его близких родственников в связи с выполнением им своего служебного или гражданского долга.

В Уголовном кодексе Грузии норма об угрозе содержатся в главе 23 «Преступления против прав и свобод человека». Статья 151 УК Грузии «Угроза» регламентирует уголовному ответственность за угрозу причинением смерти или вреда здоровью, либо уничтожением имущества, когда у лица, которому угрожают, возникли обоснованные опасения осуществления угрозы [5]. Данная норма, как видим, предусматривает ответственность за убийство, а за причинение смерти, что с нашей точки зрения не тождественно пониманию убийства, что следует трактовать несколько шире. Кроме того угроза причинением вреда здоровью в УК Грузии также предусматривает более широкий спектр наказуемых деяний, чем в УК РФ, предусматривая ответственность не только за угрозу тяжкого вреда здоровью. Кроме того ответственность наступает и за угрозу уничтожения имущества, коя отсутствует в УК РФ.

Интересна санкция УК Грузии за искомое преступление, предусматривающая в качестве дополнительного наказания возможность ограничением прав, связанных с оружием.

Помимо этого, ст. 144–2 УК Грузии предусматривает уголовную ответственность за угрозу пыткой: «Угроза созданием условий, обращением или наказанием, указанными в ст. 144–1 настоящего кодекса, осуществляемая с той же целью, если эта угроза реальна и сиюминутна» [5].

Часть 2 ст. 144–2 УК Грузии предусматривает усиленную уголовную ответственность за угрозу пыткой, совершенную неоднократно.

Под пыткой, за угрозу которой предусматривается превентивная уголовная ответственность законодатель Грузии понимает создание лицу, его близким родственникам или материально либо иным образом зависящим от него лицам таких условий либо такое обращение с ними, которое по своему характеру, интенсивности или продолжительности влечёт сильную физическую боль или психические либо моральные страдания, цель которых – получение информации, доказательств или признаний, запугивание или принуждение лица либо наказание лица за деяние, совершённое или предположительно совершённое им самим или третьим лицом.

Квалифицированный состав части 2 ст. 144–1 УК Грузии предусматривает повышенную ответственность за пытки, совершённые чиновником или приравненным к нему лицом; с использованием служебного положения; неоднократно; в отношении двух или более лиц; группой лиц; с нарушением равноправия людей, ввиду их расы, цвета кожи, языка, пола, отношения к религии, вероисповедания, политических или иных взглядов, национальной, этнической, социальной принадлежности, происхождения, места жительства, имущественного или сословного положения; в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, заведомо несовершеннолетнего, задержанного или иным образом ограниченного в свободе, находящегося в беспомощном состоянии или материально либо иным образом зависящего от виновного лица; по найму; в связи с захватом в качестве заложника; с выполнением медицинских манипуляций, с применением медикаментов или специальных инструментов (приборов); из корыстных побуждений; с целью понуждения к признанию в совершении и особо тяжкого преступления или к ложному доносу в отношении третьих лиц [5].

Сверх квалифицированный состав в части 3 ст. 144–1 УК Грузии предусматривает ещё более суровое наказание за совершение пытки с применением насильственных действий сексуального характера; совершенное организованной группой лиц; повлекшее причинение смерти потерпевшего или иные тяжкие последствия [5].

Уголовное законодательство Республики Армения в ст. 137 ч. 1 предусматривает уголовную ответственность за угрозу убийством, причинением тяжкого вреда здоровью или уничтожением имущества в крупном размере, если существовала реальная опасность осуществления угрозы [6]. Данная правовая норма включена в главу 17 Преступления, направленные против свободы, чести и достоинства личности.

При этом ч. 2 ст. 137 УК Республики Армения представляет собой норму-разъяснение или норму-понятие, определяющее, что под крупным размером при угрозе уничтожения имущества следует понимать размер от пятисоткратного до трехтысячекратного минимальной заработной платы, установленной на момент преступления.

В Республике Молдова нормы, предусматривающие ответственность за угрозы, включены в главу II Особенной части «Преступления против жизни и здоровья личности» и в ч. 1 ст. 155 УК Республики Молдова определяется, что угроза убийством или причинением тяжких телесных повреждений или иного тяжкого вреда здоровью, осуществленная включительно посредством информационной системы, если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы [8].

Квалифицированный состав данного деяния по ч. 2 ст. 155 УК Республики Молдова определяет более суровую ответственность за угрозы, описанные в ч. 1 ст. 155, совершенные на почве предубеждения. Тут следует подробнее остановится на термине предубеждение, употребляемом в диспозиции угроз уголовного законодательства Республики Молдова [1, 2, 3]. Предубеждение в контексте данной нормы означает совершение преступления на основе ненависти не относительно конкретной личности, а к целой социальной группе по различным признакам: национальности, вероисповедания, пола, языка, происхождения и т.п. Фактически в данной ситуации можно говорить об угрозах по экстремистским мотивам.

По результатам сравнительно-правового исследования норм об уголовно-наказуемых угрозах как методе двойной превенции более тяжких преступлений можно определить, что интересным и представляющим возможность использования в Российском уголовном законодательстве положений об уголовной ответственности за угрозу уничтожением имущества (ст. 151 УК Грузии) общеопасным способом (ст. 186 УК Республики Беларусь) или в крупном размере (ст. 137 УК Республики Армения), а также за угрозу пыткой (ст. 144–2 УК Грузии).

Кроме того, интересен для возможного восприемства российским законодательством дополнительный вид наказания, применяемого за угрозу причинением смерти или вреда здоровью, либо уничтожением имущества в Грузии, в виде возможности ограничения прав, связанных с оружием.

Литература

1. Кияткина И.А. Проблема выявления и предупреждения преступлений по мотиву религиозной ненависти и вражды// Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 2. С. 146–148.

2. Мереитуков А.Г. Национальная ненависть или вражда как мотив совершения преступления// Гуманитарные социально-экономические и общественные науки. 2017. № 12. С. 223–225.

3. Попов А.Н. Квалификация угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью// Криминалист Ъ. 2017. № 1 (20). С. 23–26.

4. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 30 декабря 1999 года № 787-IQ) (с изменениями и дополнениями по состоянию на 08.07.2025) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https:// continent-online. Com / Document /?doc_id=30420353 (дата обращения: 07.09.2026).

5. Уголовный кодекс Грузии: от 22 июля 1999 года № 2287-вс (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.09.2026 года) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=37199724 (дата обращения: 07.09.2026).

6. Уголовный кодекс Республики Армения от 27 мая 2021 года № ЗР-199 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.01.2026 года) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https:// continent-online.com/Document/?doc_id=39571894&ysclid=mtmqfuduco793672257 (дата обращения: 07.09.2026).

7. Уголовный Кодекс Республики Беларусь: принят 9 июля 1999 года № 275–3 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 01.01.2026 года) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https: // etalonline.by /document/?regnum=HK9900275 / (дата обращения: 07.09.2026)

8. Уголовный кодекс республики Молдова: принят 18 апреля 2002 года № 985 – XV (с изменениями и дополнениями по состоянию на 28.08.2026 года). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https:// continent-online.com/Document/?doc_id=30394923&ysclid=mtmqri7uwn170779892 / (дата обращения: 07.09.2026)

9. Уголовный кодекс Республики Таджикистан: от 21.05. 1998 № 574 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 16.06.2026 года) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30397325#pos=6;-144: (дата обращения: 07.09.2026).

10. Уголовный кодекс Республики Узбекистан: утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2012 – XII (с изменениями и дополнениями по состоянию на 21.04.2026 года) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30421110 (дата обращения: 07.09.2026).

11. Уголовный кодекс Туркменистана: Введен в действие с 1 января 1998 года Законом Туркменистана от 12 июня 1997 года № 222–1 (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.04.2025 года) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://continent-online.com/Document/?doc_id=31295286 (дата обращения: 07.09.2026).

THREAT OF MURDER OR INFLICTION OF GRIEVOUS BODILY HARM: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS

Kurguzkina E.B., Avdeev M.A., Chernyaev E.A.
Voronezh Institute of Economics and Law (ANO HE), Central Branch of the Russian State University of Justice (named after V.M. Lebedev)

The study is devoted to a comparative legal analysis of the regulation of threats of murder or causing serious harm to health in the criminal legislation of neighboring countries. The criminal legislation of Turkmenistan, the Republic of Tajikistan, and the Republic of Azerbaijan formulates the main elements of the Russian criminal legislation almost identically. It is concluded that, in order to improve law enforcement, it is possible to use the experience of regulating threats of murder and causing serious harm to health in some neighboring countries. In particular, it is proposed to establish criminal liability for threatening to destroy property in a generally dangerous manner, similar to the formulation of the norm in Article of the Criminal Code of the Republic of Belarus, and, as an additional penalty, to apply a ban on the use of weapons, drawing on the experience of the Republic of Georgia.

Keywords: threat, life and health, torture, destruction of property, qualifying features.

References

1. Kiyatkina I.A. The Problem of Identifying and Preventing Crimes Motivated by Religious Hatred and Enmity // Gaps in Russian Legislation. 2017. № 2. Pp. 146–148.

2. Mereitukov A.G. National Hatred or Enmity as a Motive for Committing a Crime // Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences. 2017. № 12. Pp. 223–225.

3. Popov A.N. Qualification of a threat to kill or inflict serious harm to health // Kriminalist. 2017. № 1 (20). Pp. 23–26.

4. Criminal Code of the Republic of Azerbaijan (approved by the Law of the Republic of Azerbaijan dated December 30, 1999, № 787-IQ) (with amendments and additions as of July 8, 2025) [Electronic resource]. Access mode: https:// continent-online. Com /Document /?doc_id=30420353 (accessed: 07.09.2026).

5. The Criminal Code of Georgia: dated July 22, 1999, № 2287-vs (with amendments and additions as of September 1, 2026) [Electronic resource]. Access mode: https:// continent-online.com/Document/?doc_id=37199724 (accessed: 07.09.2026).

6. The Criminal Code of the Republic of Armenia dated May 27, 2021, № ZR-199 (with amendments and additions as of January 1, 2026) [Electronic resource]. Access mode: https: //continent-online.com /Document/?doc_id= 39571894&ysclid=mtmqfuduco793672257 (accessed: 07.09.2026).

7. The Criminal Code of the Republic of Belarus: adopted on July 9, 1999, № 275–3 (with amendments and additions as of January 1, 2026) [Electronic resource]. Access mode: https: //etalonline. by/document/?regnum=HK9900275/ (access date: 07.09.2026)

8. The Criminal Code of the Republic of Moldova: adopted on April 18, 2002, № 985–XV (as amended and supplemented as of August 28, 2026). [electronic resource]. Access mode: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30394923&ysclid=mtmqri7uwn170779892 / (accessed: 07.09.2026)

9. Criminal Code of the Republic of Tajikistan: dated 21.05.1998, № 574 (with amendments and additions as of 16.06.2026) [Electronic resource]. Access mode: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30397325#pos=6;-144: (access date: 07.09.2026).

10. The Criminal Code of the Republic of Uzbekistan: approved by the Law of the Republic of Uzbekistan dated September 22, 1994, № 2012–XII (with amendments and additions as of April 21, 2026) [Electronic resource]. Access mode: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30421110 (date of application: 09/07/2026).

11. The Criminal Code of Turkmenistan: Entered into force on January 1, 1998, by the Law of Turkmenistan dated June 12, 1997, № 222–1 (with amendments and additions as of April 12, 2025) [Electronic resource]. Access mode: https: //continent-online.com /Document /?doc_id= 31295286 (accessed: 07.09.2026).

Предъявление гражданского иска прокурором в уголовном процессе в защиту интересов иностранных граждан

Лукожев Хусен Манаевич,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
E-mail: lukogev@yandex.ru

Баграмян Валерий Викторович,
аспирант кафедры уголовного процесса, ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
E-mail: advokat126@bk.ru

Статья посвящена комплексному анализу правовой природы и особенностей предъявления гражданского иска прокурором в уголовном процессе в защиту интересов иностранных граждан. Учитывая возрастание миграционных процессов и участие иностранцев в российском уголовном судопроизводстве, автор обосновывает необходимость усиления прокурорских гарантий как инструмента обеспечения доступа к правосудию. При этом именно институт гражданского иска, предъявленного прокурором, обладает высоким компенсаторным потенциалом, позволяет оперативно и эффективно обеспечить возмещение ущерба потерпевшему, который объективно не способен полноценно защищать свои права. Обосновывается значимость прокурора как субъекта заявления и поддержания иска иностранным гражданином. Сформулированы выводы о необходимости введения мониторинга дел с участием иностранных потерпевших и повышения профессиональной подготовки прокурорских работников. Полученные результаты расширяют научное представление о роли прокурора в защите имущественных прав иностранцев и могут быть использованы при модернизации уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: иностранный гражданин; потерпевший; гражданский иск; прокурор; уголовный процесс; доказательства; процессуальные гарантии; возмещение вреда; международное сотрудничество; защита прав потерпевших.

Современные миграционные процессы, рост трансграничной мобильности населения, а также увеличение числа иностранных граждан, вовлеченных в уголовное судопроизводство России в различных процессуальных качествах, обуславливают необходимость углубленного изучения механизмов защиты их прав в рамках уголовного процесса.

Актуальность исследования усиливается социально-правовыми факторами: значительным увеличением числа прибывающих в Российскую Федерацию иностранных граждан, в том числе вынужденных переселенцев и беженцев; расширением международных экономических связей; ростом количества преступлений, в которых иностранцы становятся потерпевшими. Как отмечают исследователи, «иностранный элемент» в российском уголовном процессе перестал быть исключением и превратился в устойчивую практику, требующую адекватного правового инструментария защиты прав личности [1, 2].

При этом именно институт гражданского иска, предъявленного прокурором, обладает высоким компенсаторным потенциалом, позволяет оперативно и эффективно обеспечить возмещение ущерба потерпевшему, который объективно не способен полноценно защищать свои права. Особую значимость данный институт приобретает применительно к иностранным гражданам, зачастую сталкивающимся с языковыми, социально-культурными, правовыми и процессуальными барьерами. В литературе подчеркивается, что иностранные граждане нередко «не в состоянии юридически грамотно отстаивать свои процессуальные права, в том числе заявлять ходатайства о применении мер безопасности и отводов, представлении доказательств, поддержании обвинения, обжаловании приговоров, определений, постановлений суда и др.» [3, с. 262].

Эти обстоятельства подтверждают необходимость активной роли прокурора в инициировании и поддержании гражданского иска в их интересах.

Цель настоящей статьи состоит в комплексном анализе правовой природы, оснований и особенностей предъявления гражданского иска прокурором в уголовном процессе в защиту иностранных граждан.

Правовой статус иностранного гражданина в уголовном судопроизводстве России определяется на основе конституционного принципа равенства всех перед законом и судом, закрепленного в ст. 19 и ч. 3 ст. 62 Конституции Российской Федерации [4]. Однако подобное равенство не означает фактического равенства правовых возможностей, реализуемых в уголовном судопроизводстве. Иностранный гражданин, находясь в «непривычных» условиях, зачастую испытывает трудности в понимании процессуальных норм, а его пребывание в Российской Федерации нередко ограничено визовым режимом. Эти факторы усиливают значимость прокурорского участия как инструмента обеспечения доступности правосудия. Исследователи обоснованно отмечают, что отсутствие владения языком и незнание процедур создают ситуацию, при которой потерпевший фактически лишен возможности инициировать гражданский иск.

В этой связи прокурорское вмешательство приобретает характер не только правового, но и социального гаранта. Прокурор, обладая процессуальной самостоятельностью и государственными полномочиями, способен компенсировать отсутствие у иностранного потерпевшего необходимых знаний, навыков и ресурсов. Он инициирует предъявление гражданского иска, поддерживает его в ходе судебного разбирательства, обеспечивает сбор доказательств имущественного вреда, взаимодействует с органами предварительного расследования и судебными инстанциями.

Предъявление гражданского иска прокурором в уголовном процессе в интересах иностранных граждан основывается на совокупности конституционных принципов, норм уголовно-процессуального законодательства и международно-правовых обязательств Российской Федерации. Базовым положением, определяющим возможность прокурорского вмешательства, является ч. 3 ст. 44 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [5] (далее – УПК РФ), предоставляющая прокурору право предъявлять и поддерживать гражданский иск в случаях, когда потерпевший не может самостоятельно защитить свои права. Данная норма носит универсальный характер и применяется к любым лицам, включая иностранных граждан и лиц без гражданства, находящихся на территории Российской Федерации.

Независимо от гражданства потерпевшего, право на возмещение причиненного преступлением вреда закреплено в ст. 42 УПК РФ как элемент его процессуального статуса. Прокурор, выступая в качестве инициатора и поддерживающего лица по гражданскому иску, действует в пределах своих полномочий по защите прав и свобод человека и гражданина, предусмотренных ст. 1, 35 и 37 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» [6]. Эти нормы предопределяют обязанность прокурора реагировать на любые случаи нарушения прав личности, в том числе при наличии компенсаторных требований.

Значение имеют и положения ст. 18 УПК РФ, закрепляющие право лица, не владеющего языком уголовного судопроизводства, пользоваться бесплатной помощью переводчика. Для иностранных граждан реализация этого права является базовым элементом доступа к правосудию. Обеспечение переводчика лежит на государстве, а прокурор, представляющий интересы такого потерпевшего, обязан учитывать необходимость языковой поддержки при предъявлении и поддержании иска.

Нормы международного права также формируют правовую основу участия прокурора. К числу таковых относятся положения Венской конвенции о консульских сношениях 1963 года, предусматривающие право иностранного гражданина получать помощь и информацию от консульского учреждения. Эти нормы прямо хоть и не регулируют процедуру предъявления и рассмотрения гражданского иска, но определяют некоторые особенности обеспечения защиты прав потерпевших иностранцев, включая возможность обращения к прокурору.

Предпосылки для предъявления прокурором гражданского иска заключаются в необходимости обеспечения права на защиту, права на доступ к правосудию, а также возможности прокурора выступать в интересах лиц, не способных самостоятельно отстаивать свое право на возмещение вреда в уголовном судопроизводстве.

При этом особое значение в практической деятельности прокурора приобретает начальный этап установления обстоятельств, указывающих на невозможность иностранного гражданина самостоятельно предъявить иск. Хотя законодатель не конкретизирует критерии такой невозможности, считаем возможным выделить наиболее характерные основания. Так, прокурор должен оценивать владение потерпевшим русским языком, его способность осознавать правовые последствия своего процессуального поведения, доступность юридической помощи, наличие или отсутствие у него законного представителя, возможности участвовать в процессе в связи с миграционным статусом и сроками пребывания в РФ. Выявление этих обстоятельств осуществляется как в ходе изучения материалов уголовного дела, так и путем получения объяснений от самого потерпевшего, представителей органов предварительного расследования, переводчика и иных участников процесса.

Значимым является и вопрос о местонахождении иностранного гражданина на момент судебного разбирательства. Иностранцы, являющиеся потерпевшими по уголовным делам, иногда вынуждены покидать территорию Российской Федерации в связи с окончанием срока визы, завершением трудового договора, что в конечном итоге не позволяет им участвовать в судебных заседаниях. В подобных случаях деятельность прокурора по доказыванию обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела и важных точки зрения отстаивания законных интересов иностранного гражданина, приобретает самостоятельное содержание, поскольку прокурор по сути защищает права лица, фактически лишенного возможности непосредственного участия в судопроизводстве. Прокурору в этом случае необходимо выстраивать доказательственную деятельность с учетом установления факта невозможности самостоятельной защиты прав иностранца, что является обязательным условием предъявления иска в соответствии с ч. 3 ст. 44 УПК РФ, и возможности участия иностранного потерпевшего дистанционного в судебном заседании посредством видеоконференцсвязи.

Среди ключевых особенностей производства с участием иностранного гражданина в качестве потерпевшего следует назвать и необходимость преодоления так называемого языкового барьера, который безусловно непосредственно влияет на достоверность получаемых в процессе доказывания сведений. А.И. Земскова отмечает, что иностранные граждане, являющиеся свидетелями и потерпевшими по уголовным делам часто сталкиваются со сложностями в понимании вопросов следователя или суда, неверным переводом юридически значимых терминов, а также затруднениями в изложении известных им обстоятельств деяния ввиду отсутствия навыков общения на русском языке [7].

Переводчик как участник уголовного судопроизводства не только обеспечивает возможность взаимодействия между иностранным гражданином, являющимся потерпевшим или свидетелем по уголовному делу, с другими участниками уголовного процесса, но и является важным звеном в формировании достоверных доказательств. Предельно возможная точность перевода и передачи юридически значимых сведений определяют обоснованность заявленного прокурором гражданского иска. Неправильная и ошибочная трактовка терминов, непонимание иностранным гражданином, являющимся потерпевшим, сущности задаваемых вопросов, а также использование неподходящих языковых конструкций могут исказить содержание показаний и привести к сложностям при определении размера вреда.

В доказывании по уголовным делам с участием иностранных граждан значительную роль играет установление реального имущественного ущерба по гражданским искам о возмещении вреда.

Иностранные граждане, участвующие в качестве потерпевших, не всегда могут предоставить документы, подтверждающие имущественный ущерб и его размер. Связано это может быть с тем, что такого рода документы находятся за пределами РФ, либо требуют подтверждения их подлинности соответствующими компетентными органами иностранного государства. В таких случаях прокурору следует инициировать необходимые запросы через дипломатические представительства и использовать возможности оказания международной правовой помощи.

Прокурору следует уделять особое внимание определению имущественного положения иностранного гражданина, участвующего в судопроизводстве в качестве потерпевшего, характера и размера причиненного ущерба.

Уголовное судопроизводство с участием иностранных граждан в качестве потерпевших зачастую требуют представления документов, подготовленных в зарубежных странах и по их требованиям и стандартам: договоров аренды, справок о доходах, медицинских заключений и т.п. Их официальный перевод, проверка подлинности могут быть достаточно сложными.

Прокурору также требуется учитывать влияние культурных и психологических факторов, оказывающих воздействие на поведение иностранного гражданина. Иностранный потерпевший может избегать обращения в правоохранительные органы, искажать сведения либо не сообщать значимых подробностей из-за боязни последствий [3, с. 262].

Существуют и другие проблемы организационного и процессуального характера, создающие препятствия для эффективной реализации механизма предъявления прокурором гражданского иска в интересах иностранных граждан, являющихся потерпевшими по уголовным делам.

Так, в отличие от положений, касающихся производства в отношении несовершеннолетних или недееспособных лиц, УПК РФ не предусматривает каких-либо особых нормативных предписаний, направленных на обеспечение участия прокурора в уголовном судопроизводстве, где потерпевшими выступают иностранные граждане.

Следует отметить и недостаточную доктринальную разработанность вопросов участия прокурора при производстве по уголовным делам, в которых иностранные граждане выступают в качестве потерпевших. Научные исследования затрагивают отдельные элементы статуса иностранца, психологическую и социальную уязвимость, необходимость обеспечения переводчика, но не предлагают цельной концепции прокурорского участия в защите их имущественных прав.

При этом необходимо учитывать и то, что качественное участие прокурора по исследуемым делам обеспечивает не только восстановление и обеспечение имущественных прав конкретного иностранного гражданина, но и выполнение государством международных обязательств по защите прав иностранцев, находящихся под его юрисдикцией.

Таким образом, реализация прокурором полномочий по предъявлению поддержанию гражданского иска о возмещении вреда в уголовном судопроизводстве в интересах иностранных граждан требует решения целого комплекса задач, связанных с процессуальными, организационными, языковыми и иными особенностями этой категории дел.

Для повышения эффективности участия прокурора в уголовном судопроизводстве при разрешении вопросов гражданского иска о возмещении вреда, причиненного иностранному гражданину, представляется возможным сформулировать некоторые направления совершенствования законодательства и практики его применения.

Во-первых, следует включить в задачи прокуратуры на уровне ведомственных актов обязательный мониторинг уголовных дел с участием иностранных граждан, являющихся потерпевшими по уголовным делам. Такой мониторинг должен охватывать вопросы полноты и своевременности уведомления иностранца о процессуальных действиях, качества и достоверности перевода в установленные сроки, наличия у иностранного потерпевшего реальной возможности участвовать в су-

дебных заседаниях, а также сущности и размера его имущественных требований о возмещении вреда. Введение подобной практики даст возможность выявлять риски нарушения прав иностранного гражданина, попавшего в сферу уголовного судопроизводства в качестве потерпевшего, на самых ранних стадиях и этапах уголовного процесса, обеспечивать своевременное вмешательство прокурора в целях обеспечения законности и защиты имущественных прав иностранцев. Такого рода мониторинг позволит сформировать систему статистического учета.

Особое значение имеет совершенствование подготовки прокурорских работников, связанных с участием в уголовном судопроизводстве по рассмотрению вопросов по возмещению ущерба, причиненного преступлением в отношении иностранных граждан. Работа по предъявлению и поддержанию гражданского иска о возмещении вреда в уголовном судопроизводстве в интересах иностранцев требует от прокуроров особых компетенций: владения навыками межкультурной коммуникации, понимания специфики получения документов из зарубежных стран взаимодействия с дипломатическими структурами.

Литература

1. Шестакова Т.Д. Об участии иностранных граждан и лиц без гражданства в российском уголовном процессе // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ob-uchastii-inostrannyh-grazhdan-i-lits-bez-grazhdanstva-v-rossiyskom-ugolovnom-protsesse (дата обращения: 14.11.2025).

2. Рашид Б.Б. О совершенствовании миграционного законодательства Российской Федерации // Образование. Наука. Научные кадры. 2025. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-sovershenstvovanii-migratsionnogo-zakonodatelstva-rossiyskoy-federatsii (дата обращения: 17.11.2025).

3. Пудовиков А.С. Отдельные особенности уголовного судопроизводства с участием иностранных граждан // Теоретические и практические проблемы организации раскрытия и расследования преступлений: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Хабаровск, 22 апреля 2016 года. – Хабаровск: Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2016.

4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993; с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 // Российская газета. – 1993. – 25 дек.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.

6. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации» (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 47. – Ст. 4472.

7. Земскова А.И. Об особенностях участия иностранных граждан в уголовном процессе российской федерации в качестве свидетелей и потерпевших // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 3 (42). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ob-osobennostyah-uchastiya-inostrannyh-grazhdan-v-ugolovnom-protsesse-rossiyskoy-federatsii-v-kachestve-svideteley-i-poterpevshih (дата обращения: 17.11.2025).

FILING A CIVIL CLAIM BY THE PUBLIC PROSECUTOR IN CRIMINAL PROCEEDINGS TO PROTECT THE INTERESTS OF FOREIGN NATIONALS

Lukozhev Kh.M., Bagramyan V.V.
Kuban State University

The article is devoted to a comprehensive analysis of the legal nature and specific features of a prosecutor filing a civil claim in criminal proceedings to protect the interests of foreign citizens. Given the growing migration processes and the participation of foreigners in Russian criminal proceedings, the author substantiates the need to strengthen prosecutorial guarantees as a tool for ensuring access to justice. At the same time, it is precisely the institution of a civil claim filed by a prosecutor that has high compensatory potential and makes it possible to promptly and effectively ensure compensation for damage to the victim, who is objectively unable to fully protect their rights. The significance of the prosecutor as a subject filing and maintaining a claim by a foreign citizen is substantiated. Conclusions have been formulated regarding the need to introduce monitoring of cases involving foreign victims and to improve the professional training of prosecutorial staff. The results obtained expand the scientific understanding of the role of the prosecutor in protecting the property rights of foreigners and can be used in the modernization of criminal procedure legislation.

Keywords: foreign national; victim; civil claim; public prosecutor; criminal proceedings; evidence; procedural guarantees; compensation of damage; international cooperation; protection of victims' rights.

References

1. Shestakova T.D. On the Participation of Foreign Citizens and Stateless Persons in the Russian Criminal Procedure. Gaps in Russian Legislation, 2012, № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ob-uchastii-inostrannyh-grazhdan-i-lits-bez-grazhdanstva-v-rossiyskom-ugolovnom-protsesse (accessed: 14 November 2025).

2. Rashid B.B. On Improving the Migration Legislation of the Russian Federation. Education. Science. Scientific Personnel, 2025, № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-sovershenstvovanii-migratsionnogo-zakonodatelstva-rossiyskoy-federatsii (accessed: 17 November 2025).

3. Pudovikov A.S. Certain Features of Criminal Proceedings Involving Foreign Citizens. In: Theoretical and Practical Problems of Organizing the Detection and Investigation of Crimes: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Khabarovsk, 22 April 2016. Khabarovsk: Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2016, p. 262.

4. Constitution of the Russian Federation: adopted by nationwide vote on 12 December 1993; with amendments approved during the all-Russian vote on 1 July 2020. Rossiyskaya Gazeta, 25 December 1993.

5. Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Federal Law № 174-FZ of 18 December 2001. Collection of Legislation of the Russian Federation, 2001, № 52 (Part I), Art. 4921.

6. Federal Law № 2202–1 of 17 January 1992 «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation». Collection of Legislation of the Russian Federation, 1995, № 47, Art. 4472.

7. Zemskova, A.I. On the Specific Features of Participation of Foreign Citizens in the Criminal Procedure of the Russian Federation as Witnesses and Victims. Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017, № 3 (42). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/ob-osobennostyah-uchastiya-inostrannyh-grazhdan-v-ugolovnom-protsesse-rossiyskoy-federatsii-v-kachestve-svideteley-i-poterpevshih (accessed: 17 November 2025).

Проблемы квалификации преступлений против личности сотрудников правоохранительных органов: конкуренция норм и проблемы легального определения специального потерпевшего

Ситник Александр Александрович,
д.ю.н., профессор кафедры финансового права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: moslegforum@msal.ru

Князьков Александр Александрович,
к.ю.н., доцент кафедры уголовного права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: alknyazkov@mail.ru

Ролик Александр Иванович,
к.ю.н., член Комитета Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера
E-mail: civil@zspk.gov.ru

Мансуров Даниэль Рамилевич,
студент, АНПОО «Башкирский кооперативный техникум»
E-mail: Daniael.13579@gmail.com

Цель: систематизация проблем квалификации преступлений по статьям 317–319 УК РФ, вызванных отсутствием легального определения понятия «сотрудник правоохранительного органа» и конкуренцией специальных норм с общими составами против личности. Методы: формально-догматический и сравнительно-правовой анализ норм глав 24, 31 и 32 УК РФ, обобщение позиций Верховного Суда РФ, доктрины и отдельных решений законодательства государств – участников СНГ. Результаты: установлено, что конструкция специального потерпевшего опирается на признаки судебного толкования, а не на нормативный перечень; выявлены три конкурирующих доктринальных подхода к определению круга правоохранительных органов. Выводы: обоснована необходимость примечания к статье 317 УК РФ с предложенной редакцией, а также принятия постановления Пленума Верховного Суда РФ, разрешающего конкуренцию статьи 317 УК РФ и пункта «б» части 2 статьи 105 УК РФ.

Ключевые слова: сотрудник правоохранительного органа; представитель власти; посягательство на жизнь; квалификация преступлений; конкуренция норм; порядок управления; специальный потерпевший.

Введение

Уголовно-правовая охрана личности сотрудников правоохранительных органов остается одной из тех областей Особенной части УК РФ, где законодательная неопределенность системно порождает правоприменительные ошибки. Статьи 317–319 УК РФ образуют ядро этой охраны, однако ни одна из них не сопровождается легальным определением понятия «сотрудник правоохранительного органа». Это вынуждает суды опираться на казуальное толкование примечания к статье 318 УК РФ и на разъяснения, данные применительно к смежному понятию «представитель власти»[1].

Актуальность обращения к данной проблеме не снимается общей понижающейся динамикой преступности. Несмотря на рекордно низкий в 2025 году уровень преступности в целом и снижение убийств на 11,8%, категория дел о посягательствах на сотрудников правоохранительных органов сохраняет значительный абсолютный объем. По последним доступным постатейным данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2024 год, только по статье 319 УК РФ осуждено 5 614 лиц[2]. Значительная часть отмененных или измененных приговоров по этой категории связана не с ошибками в установлении объективной стороны, а с неточным определением статуса потерпевшего или направленности умысла[3]. Вопросы терминологической неразвитости законодательства об охране сотрудников правоохранительных органов поднимаются в ряде публикаций последних лет[4]. Однако эти работы затрагивают лишь отдельные аспекты и не предлагают системного решения проблемы конкуренции норм, что и определяет нишу настоящего исследования.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся при квалификации преступлений против личности сотрудников правоохранительных органов, предметом – нормы глав 24, 31 и 32 УК РФ, доктринальные позиции об их толковании и практика применения. Целью статьи является систематизация проблем квалификации, обусловленных отсутствием нормативного определения специального потерпевшего, и формулирование предложений по совершенствованию уголовного закона и разъяснительной практики Верховного Суда РФ.

Методологическую основу составляют формально-догматический и сравнительно-правовой методы, примененные при анализе диспозиций статей 317–319 УК РФ и их сопоставлении с пунктом «б» части 2 статьи 105 УК РФ, статьей 5.61 КоАП РФ и отдельными решениями законодательства государств – участников СНГ. Нормативную базу образуют Конституция Российской Федерации[5], УК РФ и отраслевые федеральные законы, определяющие статус правоохранительных органов[6].

Основная часть

Формально законодатель использует в статьях 317–319 УК РФ категорию специального потерпевшего[7]. При этом, в самом тексте закона

[1] О применении судами законодательства об ответственности за преступления против порядка управления: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25 июня 2019 г. № 20 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2019. – № 9.

[2] Доклад Генерального прокурора Российской Федерации А.В. Гуцана о состоянии законности и правопорядка в 2025 году: представлен на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, апрель 2026 г. – URL: http://genproc.gov.ru (дата обращения: 20.07.2026).

[3] Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2024 год: данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. – URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 20.07.2026).

[4] См., например: Уголовно-правовая охрана жизни и здоровья сотрудников правоохранительных органов // Актуальные исследования. – 2024. – № 12. – С. 34–38; Актуальные проблемы обеспечения личной безопасности сотрудников органов внутренних дел // Юридическая наука и практика: гарант правового государства. – 2022. – № 7. – С. 45–50.

[5] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31. – Ст. 4398.

[6] О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

[7] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

отсутствует данный термин. Понятие можно вывести из совокупности отраслевого законодательства, примечания к статье 318 УК РФ о представителе власти и правоприменительного толкования, а не из прямой нормы. Судье, рассматривающему конкретное дело, приходится не столько применять готовую законодательную конструкцию, сколько заново выстраивать ее. В результате в рамках рассмотрения дела необходимо понять, где заканчивается охраняемый статьей 318 УК РФ представитель власти и начинается более узкая категория сотрудника правоохранительного органа, требуемая статьями 317–319 УК РФ. Речь идет о системной проблеме, ставящей под вопрос само требование определенности уголовно-правового запрета, а не о технической недоработке.

Вопрос о критериях, позволяющих отнести орган к числу правоохранительных, разрешается в доктрине неоднозначно. Функциональный подход ключевым признаком считает преобладание охранительных задач в деятельности органа, оставляя ведомственную принадлежность на втором плане. Однако такая гибкость открывает риск неограниченного расширения круга специальных потерпевших. Институциональный подход, напротив, требует прямого указания органа в нормативном перечне. Гуценко К.Ф. связывал понятие правоохранительных органов именно с их закрепленным статусом[1]. Тем не менее, единого закона, сводящего такой перечень в одном месте, российское законодательство не предусматривает, потому эта модель остается во многом декларативной.

Более рациональным видится подход, соединяющий оба критерия. Орган признается правоохранительным, если охранительная функция закреплена за ним нормативно и составляет существенную часть его компетенции. Это позволяет снять крайности обеих позиций.

Ведомственная принадлежность сама по себе мало что объясняет. Сотрудник может формально состоять в штате правоохранительного органа, но выполнять функции, не связанные с охраной правопорядка. Значение имеет характер реализуемой публичной функции. Например, охрана порядка, обеспечение безопасности, пресечение правонарушений, исполнение наказаний. Соответственно, посягательство на носителя данной функции задевает не только личность потерпевшего, но и функционирование публичной власти, что оправдывает существование специальных составов главы 32 УК РФ. Данный тезис подтверждается на практике. Так, бытовой конфликт с участием сотрудника полиции, не связанный с исполнением им служебных обязанностей, не образует состава статьи 317 или 318 УК РФ, даже если формальный статус потерпевшего установлен без сомнений. Это подтверждается позицией Верховного Суда Российской Федерации: «Посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего или их близких, совершенное из мести на почве личных неприязненных отношений, квалифицируется как преступление против личности»[2].

Одним из наиболее сложных случаев пересечения норм является соотношение статьи 317 УК РФ и пункта «б» части 2 статьи 105 УК РФ. На первый взгляд перед нами практически дублирующие друг друга составы. Оба рассчитаны на случаи, когда смерть причиняется лицу именно в связи с осуществляемой им служебной деятельностью. Но за внешним сходством скрывается разница в объекте посягательства. Статья 317 УК РФ защищает порядок управления, воплощенный в фигуре сотрудника правоохранительного органа или его близких. В то же время убийство по мотиву, отраженное в пункте «б» части 2 статьи 105 УК РФ, охраняет более широкий и неоднородный круг лиц, чья служебная или общественная деятельность не сводится к правоохранительной функции[3]. Квалификация преступления по статье 105 УК РФ может происходить в случае, «Если посягательство на жизнь совершено в ответ на явно незаконные действия сотрудника правоохранительного органа или военнослужащего»[4].

Бородин С.В. рассматривал подобное соотношение как классический случай конкуренции общей и специальной нормы, подлежащий разрешению в пользу специальной[5]. С этим трудно не согласиться. В случае если бы законодатель намеревался охватить сотрудников правоохранительных органов исключительно общей нормой о квалифицированном убийстве, существование самостоятельной статьи 317 УК РФ утратило бы смысл. Однако отдельные авторы допускают квалификацию по совокупности норм в случаях особой демонстративности или жестокости посягательства. Данный аргумент звучит убедительно применительно к общественной опасности деяния, но плохо согласуется с логикой уголовного закона. Это связано с тем, что признак специального потерпевшего в таком случае учитывался бы дважды, а именно этого правила квалификации при конкуренции норм и требуется избежать[6].

Даже верная теоретическая конструкция бессильна без прямого разъяснения высшей судебной инстанции. Следователь, сосредоточенный на факте лишения жизни, а не на связи деяния с правоохранительной функцией потерпевшего, рискует ошибочно переквалифицировать содеянное на общий состав убийства. Разграничение здесь должно строиться по объекту и характеристике потерпевшего, а не по формальному описанию результата.

Меняет ли квалификацию то обстоятельство, что защита представляет активное сопротивление задержанию как бытовой конфликт со случайным причинением вреда? Формально – нет. В случае, если насилие применено к представителю власти в связи с исполнением им служебных обязанностей и охватывается частью 2 статьи 318 УК РФ, то приоритет сохраняет специальная норма независимо от того, как трактует ситуацию защита. Сложность в том, что сам факт телесного повреждения определенной тяжести не говорит о направленности деяния. Решающим признаком остается вопрос о цели и мотиве насилия. Верховный Суд Российской Федерации в Постановлении Пленума указывает, что «необходимо установить, что деяние совершено с целью воспрепятствования законной деятельности сотрудника правоохранительного органа»[7].

Статья 296 УК РФ решает похожую задачу, поскольку охраняет представителя власти от посягательств в связи со служебной деятельностью, но в иной плоскости. Статья 318 УК РФ рассчитана на сферу управления, а статья 296 УК РФ – на лиц, участвующих в отправлении правосудия или расследования (судей, следователей, экспертов). Так, посягательство на сотрудника полиции, исполняющего постановление о принудительном приводе, квалифицируется по статье 318, а не по статье 296 УК РФ. Данная позиция подтверждается судебной практикой, в рамках которой суды выносят приговор по статье 318 УК РФ[8].

Тот же принцип функциональной, а не формальной квалификации действует на границе административной и уголовной ответственности за оскорбление представителя власти. Судебная практика по статье 319 УК РФ и административная практика по статье 5.61 КоАП РФ нередко соприкасаются в точке, которая кажется оценочной – насколько грубым должно быть высказывание. Однако грубость выражения вообще не входит в число разграничивающих признаков. Для квалификации необходимо определить специальный статус потерпевшего, связь оскорбления с исполнением им должностных обязанностей и публичность деяния. При отсутствии любого из этих элементов применение уголовной нормы становится необоснованным, а интуитивная оценка эмоциональной окраски конфликта не заменяет анализ этой связки признаков. Стоит учитывать судебную позицию о том, что «наличие унижения чести и достоинства, его степень (глубину) в первую очередь оценивает сам потерпевший, а непристойность формы высказывания оценивается судом»[9]. Часто деяния квалифицируются одновременно по статье 318 УК РФ и статье 319 УК РФ. Соответственно, в случае применения насилия в отношении представителя власти, его оскорбление будет квалифицироваться по норме уголовного законодательства. Это подтверждается судебной практикой[10].

[1] Гуценко К.Ф. Правоохранительные органы: учебник. – М.: Зерцало-М, 2013. – С. 14–16.

[2] П. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации» // «Российская газета», № 126, 09.06.2023.

[3] П. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // «Российская газета», № 24, 09.02.1999.

[4] Кунашев А.А. Насильственные посягательства в отношении сотрудников правоохранительных органов и других представителей власти (ст. 317, 318 УК РФ): вопросы квалификации и позиция Пленума Верховного Суда РФ // Уголовное право. 2023. № 12. С. 41–58.

[5] Бородин С.В. Преступления против жизни. – М.: Юристъ, 1999. – С. 201–204.

[6] См.: Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. – М.: Юрлитинформ, 2015. – С. 118–122.

[7] П. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации» // «Российская газета», № 126, 09.06.2023.

[8] Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19.02.2026 № 77–604/2026, Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 24.07.2025 № 77–2386/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

[9] Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 24.02.2025 № 16–669/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

[10] Кассационное постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 26.08.2026 № 77–2293/2026, Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 25.08.2026 № 77–2095/2026, Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 06.08.2026 № 77–2209/2026, Кассационное постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 05.08.2026 № 77–2533/2026 // СПС «КонсультантПлюс».

Проблема легального определения специального потерпевшего не уникальна для российского права. В отдельных государствах – участниках СНГ используется прием отсылочного перечня правоохранительных органов в специальном законе, на который ссылается уголовный кодекс. Это представляет собой менее радикальную альтернативу предлагаемому далее примечанию к статье 317 УК РФ[1]. Механическое заимствование этой модели вряд ли оправдано ввиду отсутствия в России единого профильного закона, способного выполнить функцию такого перечня.

Наиболее уязвимая часть действующей конструкции состоит в том, что закон предполагает существование специального потерпевшего, но не формулирует его автономно. Примечание к статье 318 УК РФ о представителе власти решает проблему лишь частично, поскольку это понятие шире понятия сотрудника правоохранительного органа, требующегося для статей 317–319 УК РФ. Полагаем целесообразным закрепить примечание к статье 317 УК РФ следующего содержания: «Под сотрудником правоохранительного органа в статьях 317–319 настоящего Кодекса понимается лицо, проходящее службу в государственном органе, на который федеральным законом возложены функции охраны общественного порядка, обеспечения общественной безопасности, предупреждения, выявления, пресечения преступлений и административных правонарушений либо исполнения уголовных наказаний, независимо от занимаемой должности и специального звания», распространив действие данного примечания на статьи 318 и 319 УК РФ[2]. Такое решение повысило бы предсказуемость квалификации и сократило бы зависимость правоприменения от случайных различий в ведомственном и судебном толковании.

Специальные составы главы 32 УК РФ не должны превращаться в механизм безусловного расширения репрессии. Их применение оправдано лишь при доказанной функциональной связи посягательства со служебной деятельностью потерпевшего и направленности умысла на противодействие ей или месть за нее, а не когда служебный статус потерпевшего имел лишь случайный характер при чисто личном конфликте. Совершенствование здесь должно идти по двум направлениям. Во-первых, через уточнение понятия специального потерпевшего в предложенной редакции. Во-вторых, через разъяснение правил конкуренции статьи 317 УК РФ с пунктом «б» части 2 статьи 105 УК РФ, статьи 318 УК РФ со смежными составами, а статьи 319 УК РФ с нормой об административном оскорблении.

Заключение

Проведенный анализ конкуренции норм об охране личности сотрудников правоохранительных органов показывает, что источником устойчивых квалификационных ошибок служит отсутствие нормативной структуры, объединяющей специальных потерпевших в единую систему. Судебная практика вынуждена компенсировать этот дефект казуальным толкованием, что противоречит требованию определенности закона. За частными предложениями de lege ferenda, изложенными далее, стоит общий методологический принцип. Он указывает на то, что применение специальных составов оправдано лишь при доказанной направленности деяния против исполнения потерпевшим публичной функции, а не при формальном установлении его должностного статуса.

Центральным элементом предлагаемых изменений остается дополнение статьи 317 УК РФ примечанием, легально определяющим понятие «сотрудник правоохранительного органа» через сочетание функционального и институционального критериев, с распространением данного примечания на статьи 318 и 319 УК РФ. Такое решение устранило бы существующий разрыв между широким понятием представителя власти и более узкой категорией специального потерпевшего, требующейся для целей главы 32 УК РФ.

Однако одного лишь законодательного уточнения недостаточно. Конкуренция статьи 317 УК РФ и пункта «б» части 2 статьи 105 УК РФ должна получить разрешение не только на доктринальном уровне, но и в разъяснении высшей судебной инстанции. Целесообразно включить в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, посвященное квалификации преступлений против личности, пункт следующего содержания: «При конкуренции статьи 317 УК РФ и пункта «б» части 2 статьи 105 УК РФ, возникающей в связи с посягательством на жизнь сотрудника правоохранительного органа либо его близких в связи с осуществлением им служебной деятельности по охране общественного порядка или обеспечению общественной безопасности, содеянное подлежит квалификации по статье 317 УК РФ как специальной норме». Закрепление данного правила сняло бы риск непоследовательной переквалификации содеянного в зависимости от субъективной оценки конкретного правоприменителя.

Схожего внимания требуют разграничение статьи 318 УК РФ со смежными составами о вреде здоровью и со статьей 296 УК РФ, а также граница между статьей 319 УК РФ и статьей 5.61 КоАП РФ. В обоих случаях решающее значение имеет функциональная связь деяния с противодействием законной деятельности представителя власти либо участника правосудия. Тяжесть последствий или грубость высказывания сама по себе на квалификацию не влияет. Для оскорбления эта связь дополняется требованием публичности. Закрепление данных критериев в разъяснительной практике устранило бы как искусственный перевод сопротивления задержанию в общеуголовные составы, так и необоснованную криминализацию бытовых конфликтов.

Перспективным направлением дальнейшего исследования остается сравнительно-правовое изучение моделей специального потерпевшего в законодательстве государств – участников СНГ.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31. – Ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
4. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – № 7. – Ст. 900.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // «Российская газета», № 24, 09.02.1999.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2023 № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации» // «Российская газета», № 126, 09.06.2023.
7. Кассационное постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 26.08.2026 № 77–2293/2026 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 25.08.2026 № 77–2095/2026 // СПС «КонсультантПлюс».
9. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 06.08.2026 № 77–2209/2026 // СПС «КонсультантПлюс».
10. Кассационное постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 05.08.2026 № 77–2533/2026 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 19.02.2026 № 77–604/2026 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 24.07.2025 № 77–2386/2025 // СПС «КонсультантПлюс».
13. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 24.02.2025 № 16–669/2025 // СПС «КонсультантПлюс».
14. Актуальные проблемы обеспечения личной безопасности сотрудников органов внутренних дел // Юридическая наука и практика: гарант правового государства. – 2022. – № 7. – С. 45–50.
15. Бородин С.В. Преступления против жизни. – М.: Юристъ, 1999. – 356 с.
16. Гуценко К.Ф. Правоохранительные органы: учебник. – М.: Зерцало-М, 2013. – 440 с.
17. Динека В.И. Ответственность за преступления против порядка управления по уголовному праву России: монография. – М.: Юрист, 2000. – 280 с.
18. Кунашев А.А. Насильственные посягательства в отношении сотрудников правоохранительных органов и других представителей власти (ст. 317, 318 УК РФ): вопросы квалификации и позиция Пленума Верховного Суда РФ // Уголовное право. 2023. № 12. С. 41–58.
19. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. – М.: Волтерс Клувер, 2007. – 736 с.
20. Правовой инструментарий защиты личных неимущественных прав сотрудников органов внутренних дел по законодательству Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 5. – С. 88–95.

[1] См.: Чучаев А.И., Агузаров Т.К., Грачева Ю.В. Уголовно-правовые проблемы охраны власти (история и современность): монография. – М.: Проспект, 2011. – С. 87–91.

[2] Динека В.И. Ответственность за преступления против порядка управления по уголовному праву России: монография. – М.: Юрист, 2000. – С. 156–159.

21. Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 300 с.

22. Уголовно-правовая охрана жизни и здоровья сотрудников правоохранительных органов // Актуальные исследования. – 2024. – № 12. – С. 34–38.

23. Чучаев А.И., Агузаров Т.К., Грачева Ю.В. Уголовно-правовые проблемы охраны власти (история и современность): монография. – М.: Проспект, 2011. – 400 с.

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF CRIMES AGAINST THE PERSONALITY OF LAW ENFORCEMENT OFFICERS: CONFLICT OF NORMS AND ISSUES OF LEGAL DEFINITION OF A SPECIAL VICTIM

Sitnik A.A., Knyazkov A.A., Rolik A.I., Mansurov D.R.
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Federation Council Committee on Federal Structure, Regional Policy, Local Self-Government and Northern Affairs, Bashkir Cooperative Technical School

To systematize problems of qualifying crimes under Articles 317–319 of the Russian Criminal Code caused by the absence of a legal definition of «law enforcement officer» and by the conflict between special norms and general provisions on crimes against the person. Methods: formal-dogmatic and comparative-legal analysis of Chapters 24, 31 and 32 of the Criminal Code, together with a review of Supreme Court positions, doctrine, and selected CIS legislative solutions. Findings: the construction of the special victim relies on features developed through judicial interpretation rather than a normative list; three competing doctrinal approaches to defining the range of law enforcement bodies are identified. Conclusions: the necessity of a note to Article 317 with a proposed wording is substantiated, along with the advisability of a Plenum resolution resolving the conflict between Article 317 and paragraph «b» of Part 2 of Article 105 of the Criminal Code.

Keywords: law enforcement officer; representative of authority; attack on life; qualification of crimes; conflict of norms; order of management; special victim.

References

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2020. – № 31. – Art. 4398.

2. Criminal Code of the Russian Federation № 63-FZ of June 13, 1996 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – № 25. – Art. 2954.

3. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses № 195-FZ of December 30, 2001 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2002. – № 1 (Part 1). – Art. 1.

4. Federal Law № 3-FZ of February 7, 2011 «On the Police» // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2011. – № 7. – Art. 900.

5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 1 of January 27, 1999, «On Judicial Practice in Murder Cases (Art. 105 of the Criminal Code of the Russian Federation)» // Rossiyskaya Gazeta, № 24, February 9, 1999.

6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 14 of June 1, 2023, «On Certain Issues of Judicial Practice in Criminal Cases Concerning Crimes Provided for by Articles 317, 318, and 319 of the Criminal Code of the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta, № 126, June 9, 2023. 7. Cassation Ruling of the Seventh Cassation Court of General Jurisdiction dated August 26, 2026, № 77–2293/2026 // ConsultantPlus Legal Reference System.

8. Order of the Sixth Cassation Court of General Jurisdiction dated August 25, 2026, № 77–2095/2026 // ConsultantPlus Legal Reference System.

9. Ruling of the Sixth Cassation Court of General Jurisdiction dated August 6, 2026, № 77–2209/2026 // ConsultantPlus Legal Reference System.

10. Cassation Ruling of the Eighth Cassation Court of General Jurisdiction dated August 5, 2026, № 77–2533/2026 // ConsultantPlus Legal Reference System.

11. Cassation Order of the Eighth Cassation Court of General Jurisdiction dated February 19, 2026, № 77–604/2026 // ConsultantPlus Legal Reference System.

12. Order of the First Cassation Court of General Jurisdiction dated July 24, 2025, № 77–2386/2025 // ConsultantPlus Legal Reference System.

13. Ruling of the Sixth Cassation Court of General Jurisdiction dated February 24, 2025, № 16–669/2025 // ConsultantPlus Legal Reference System.

14. Current Issues in Ensuring the Personal Safety of Internal Affairs Agency Personnel // Legal Science and Practice: Guarantor of the Rule-of-Law State. – 2022. – № 7. – P. 45–50. 15. Borodin S.V. Crimes Against Life. – Moscow: Yurist, 1999. – 356 p.

16. Gutsenko K.F. Law Enforcement Agencies: A Textbook. – Moscow: Zertsalo-M, 2013. – 440 p.

17. Dineka V.I. Liability for Crimes Against the Order of Administration Under Russian Criminal Law: A Monograph. – Moscow: Yurist, 2000. – 280 p.

18. Kunashev A.A. Violent Encroachments Against Law Enforcement Officers and Other Representatives of Authority (Arts. 317, 318 of the Criminal Code of the Russian Federation): Issues of Legal Classification and the Position of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation // Criminal Law. 2023. № 12. P. 41–58.

19. Naumov A.V. Russian Criminal Law. General Part: A Course of Lectures. – Moscow: Wolters Kluwer, 2007. – 736 p.

20. Legal Instruments for the Protection of Personal Non-Property Rights of Internal Affairs Officers Under the Legislation of the Russian Federation // Topical Issues of Russian Law. – 2023. – № 5. – P. 88–95.

21. Rarog A.I. Classification of Crimes Based on Subjective Elements. – Moscow: Yurlitinform, 2015. – 300 p.

22. Criminal Law Protection of the Life and Health of Law Enforcement Officers // Topical Research. – 2024. – № 12. – P. 34–38.

23. Chuchaev A.I., Aguzarov T.K., Gracheva Yu.V. Criminal Law Issues Regarding the Protection of State Authority (History and Modernity): A Monograph. – Moscow: Prospekt, 2011. – 400 p.

Необходимая оборона и ее значение в уголовном праве

Марзаев Дзамболат Витальевич,
студент, Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова
E-mail: marzaevdzambolat333@gmail.com

Статья посвящена анализу института необходимой обороны в уголовном праве Российской Федерации. Рассматриваются правовые основы и историческое развитие данного института, его функции и значение для защиты личности и укрепления правопорядка. Внимание уделяется пределам необходимой обороны, проблемам их правоприменения и оценке судебной практики. В статье отражены позиции ведущих отечественных ученых, исследующих вопросы соразмерности оборонительных действий, психологического состояния обороняющегося и профилактического эффекта института. Делается вывод о значимости необходимой обороны как элемента системы уголовного права, обеспечивающего баланс между защитой интересов личности и общества, а также повышающего эффективность превентивных и правозащитных механизмов.

Ключевые слова: необходимая оборона, уголовное право, пределы обороны, превенция преступности, защита личности, правоприменение, судебная практика.

Институт необходимой обороны традиционно занимает особое место в уголовном праве России, поскольку он выражает баланс между интересами личности и общества, с одной стороны, и интересами правопорядка – с другой. Право на необходимую оборону закреплено в статье 37 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), которая устанавливает, что не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии защиты от общественно опасного посягательства, если при этом не было превышения пределов обороны [1]. Данное положение отражает фундаментальный правовой принцип: гражданин имеет право на защиту себя, других лиц, а также охраняемых законом интересов общества и государства.

Значение исследуемого института состоит в том, что он одновременно выполняет несколько ключевых функций. Во-первых, это функция самозащиты личности, позволяющая гражданам не только сохранять жизнь и здоровье, но и активно отстаивать свои права без страха подвергнуться уголовному преследованию. Во-вторых, необходимая оборона выступает важнейшим элементом общей превенции преступности, так как ее существование формирует у потенциальных правонарушителей осознание возможности активного сопротивления со стороны жертв нападения [5]. В-третьих, институт необходимой обороны выполняет правозащитную функцию, поскольку он отражает признание государством естественного права человека на защиту, которое не может быть ограничено даже при наличии правоохранительных органов.

Следует подчеркнуть, что право на необходимую оборону носит абсолютный характер и не может быть ограничено временем суток, местом или возможностью обратиться за помощью к органам власти. Также, следует отметить что, необходимая оборона выступает гарантией личной свободы и достоинства человека, обеспечивая равновесие сил между нападающим и обороняющимся.

Исторически институт развивался как проявление естественного права. Уже в дореволюционном российском уголовном законодательстве существовали нормы, допускавшие защиту от преступного посягательства, хотя их содержание и было ограничено требованием «соразмерности». В советский период институт также закреплялся в уголовных кодексах РСФСР, однако трактовался преимущественно как исключение из принципа уголовной ответственности. Современный УК РФ рассматривает необходимую оборону не как исключение, а как самостоятельное и равноправное право гражданина, что является шагом вперед в развитии отечественного уголовного законодательства [8].

Необходимая оборона занимает особое место в системе уголовного права Российской Федерации, поскольку она непосредственно связана с охраной жизни, здоровья, чести, достоинства и иных конституционно защищенных благ личности. В отличие от иных обстоятельств, исключающих преступность деяния, необходимая оборона представляет собой активное и социально полезное поведение гражданина, направленное на защиту прав и интересов как самого обороняющегося, так и общества в целом. Данный институт регулируется статьей 37 Уголовного кодекса Российской Федерации, закрепляющей право каждого на защиту от общественно опасного посягательства.

Проблематика пределов необходимой обороны остается предметом активных научных дискуссий. Закон устанавливает, что превышением ее пределов признается явное несоответствие защиты характеру и опасности посягательства, выражающееся в причинении явно чрезмерного вреда нападающему. Однако на практике разграничение правомерной обороны и ее превышения нередко вызывает значительные трудности. Суды сталкиваются с необходимостью учитывать психологическое состояние обороняющегося, степень внезапности нападения, интенсивность угрозы и иные обстоятельства, что придает институту необходимой обороны особую значимость как для уголовно-правовой теории, так и для правоприменительной практики [10].

Пределы необходимой обороны в уголовном праве традиционно рассматриваются как наиболее сложный и дискуссионный аспект данного института. Законодатель указывает, что превышением обороны признается причинение посягающему лицу вреда, явно не соответствующего характеру и опасности нападения. Однако формулировка «явное несоответствие» носит оценочный характер и оставляет значительный простор для усмотрения суда. Именно это обстоятельство, по мнению многих ученых, является одной из главных причин противоречивой судебной практики по делам о необходимой обороне.

Так, по мнению А.И. Рарога, ключевая проблема заключается в том, что оценка правомерности оборонительных действий зачастую производится «с позиции абстрактного наблюдателя, а не в условиях реальной угрозы, когда обороняющийся действует в состоянии эмоционального напряжения и вынужден принимать решения в доли секунды» [9]. Ученый подчеркивает, что именно эта специфика требует от правоприменителя учета психологического фактора и невозможности строгого рационального расчета со стороны обороняющегося.

Аналогичной позиции придерживается В.В. Лунеев, который отмечает, что право на оборону должно толковаться максимально широко, поскольку оно является «естественным и неотъемлемым правом человека, не зависящим от возможностей органов правопорядка» [7]. Сужение пределов обороны, по его мнению, фактически подрывает доверие граждан к государству, так как создает ситуацию, в которой обороняющийся вынужден рисковать жизнью, опасаясь уголовного наказания за слишком активную защиту.

В научной литературе также выделяется проблема соразмерности применяемых средств защиты и характера посягательства. Так, С.В. Бородин указывает, что «соразмерность» не должна пониматься как требование использовать одинаковые по силе средства. В условиях внезапного нападения обороняющийся не может выбирать «равноценное оружие», и поэтому допустимо использование более сильных средств защиты, если только они объективно необходимы для отражения нападения [3].

Таким образом, анализ различных точек зрения позволяет сделать вывод, что подходы к пониманию обстоятельств, исключающих юридическую ответственность, в целом направлены на обеспечение баланса между защитой прав личности и общественной безопасностью. Наиболее обоснованной представляется позиция, согласно которой применение мер защиты должно оцениваться не формально, а исходя из конкретных обстоятельств дела, включая внезапность нападения, степень опасности и возможность избежать причинения вреда. С данной точкой зрения следует согласиться, поскольку именно она отражает реальную необходимость гибкого и справедливого подхода при определении правомерности защитных действий.

Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» разъяснил, что причинение смерти нападающему не может автоматически рассматриваться как превышение пределов необходимой обороны, если нападение носило опасный для жизни характер, при условии, что средства защиты соответствовали характеру и опасности посягательства, и они объективно необходимы для отражения нападения.

Сравним это с конкретной позицией нижестоящего суда: так, Чкаловский районный суд города Екатеринбурга в приговоре № 1–388/2017 по делу по ч. 1 ст. 108 УК РФ установил, что обвиняемый, хотя и действовал в условиях явного нападения (физического насилия со стороны нападающего), тем не менее «явно превысил пределы необходимой обороны», поскольку нанес удар ножом, когда нападение уже было частично остановлено и угроза – по мнению суда – не была такой степени, чтобы неизбежно требовать столь сильной защиты.

Таким образом, институт необходимой обороны в современном уголовном праве России требует дальнейшего совершенствования как на уровне нормативного регулирования, так и на уровне правоприменительной практики. Конкретизация критериев правомерности обороны, учет психологического состояния обороняющегося и выработка единых стандартов оценки со стороны судов способны повысить эффективность этого правового механизма и укрепить его значение в системе уголовного права.

Необходимая оборона в уголовном праве имеет не только юридическое, но и широкое социальное значение. Данный институт является проявлением признания государством естественного права человека на защиту, что делает его важнейшей гарантией свободы личности. В отличие от большинства иных обстоятельств, исключающих преступность деяния, необходимая оборона отражает активное, а не пассивное поведение гражданина: лицо не только избегает опасности, но и непосредственно противостоит преступному посягательству.

Социальная роль необходимой обороны заключается, прежде всего, в укреплении правосознания. Когда граждане знают, что закон предоставляет им право активно защищаться, они проявляют большую уверенность в правомерности собственных действий и демонстрируют готовность противостоять преступникам. Это, в свою очередь, формирует атмосферу нетерпимости к преступности и укрепляет основы гражданского общества [10].

Важным аспектом является и превентивное значение данного института. Осознание потенциальными правонарушителями того, что жертва или очевидцы могут оказать активное и законное сопротивление, снижает вероятность совершения преступлений. Как отмечает А.В. Наумов, «право на необходимую оборону является не только средством защиты, но и фактором предупреждения преступности, поскольку оно повышает риск для правонарушителя встретить организованное сопротивление» [8].

Особое значение необходимая оборона приобретает в условиях, когда возможности правоохранительных органов объективно ограничены. Государство не способно обеспечить присутствие полиции в каждом месте и в каждый момент времени, поэтому предоставление гражданам права самостоятельно отражать посягательства служит необходимым элементом поддержания общественной безопасности.

Данный институт также имеет право воспитательный эффект. Его существование побуждает граждан уважать закон и ощущать собственную ответственность за защиту общественных интересов. Одновременно он способствует укреплению доверия к государству, так как граждане видят, что закон предоставляет им реальные механизмы защиты и не ограничивает их исключительно пассивным обращением в органы власти.

Вместе с тем практическое значение необходимой обороны зависит от правильного применения закона. Как справедливо отмечает А.О. Патова, «недостатки судебной практики, выражающиеся в излишне строгой оценке действий обороняющихся, нивелируют воспитательное и профилактическое значение данного института» [6]. Следовательно, именно последовательная и справедливая реализация норм статьи 37 УК РФ способна обеспечить необходимый баланс между интересами личности и общества, придать институту реальную эффективность.

Таким образом, необходимая оборона выполняет многоплановую функцию: она является юридической гарантией защиты личности, инструментом предупреждения преступности, фактором формирования правосознания и укрепления доверия к государству. Ее значение в уголовном праве выходит далеко за рамки индивидуальных случаев защиты – это институт, способный оказывать системное воздействие на развитие правопорядка и общества в целом.

Вместе с тем сохраняются и проблемные аспекты, требующие научного осмысления и законодательного совершенствования. Прежде всего, это касается вопросов соразмерности защиты и нападения, а также правильного толкования понятия «явное несоответствие», закрепленного в статье 37 УК РФ. В соответствии с частью 1 статьи 37 Уголовного кодекса РФ не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства. Недостаточная определенность критериев «явного несоответствия» нередко ведет к судебным ошибкам и несправедливому привлечению граждан к уголовной ответственности за действия, объективно направленные на защиту от преступления.

Согласно разъяснениям, содержащимся в пункте 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19, превышением пределов необходимой обороны признаются действия, явно не соответствующие характеру и опасности посягательства, когда нападающему умышленно причиняется тяжкий вред или смерть при отсутствии необходимости. В случае, если обороняющийся, отражая нападение, применяет чрезмерную силу, повлекшую смерть нападающего, ответственность наступает по части 1 статьи 108 УК РФ – убийство при превышении пределов необходимой обороны. При причинении тяжкого или средней тяжести вреда здоровью действует статья 114 УК РФ.

Для повышения определенности и эффективности российской нормы целесообразно рассматривать опыт зарубежного законодательства. Например, § 35.15 УК штата Нью-Йорк детально регламентирует ситуации, в которых допускается причинение нападающему любого вреда, включая смертельный, если обороняющийся действует в своем жилище и не является инициатором конфликта. По мнению П.О. Кадникова, полезно закрепить в Постановлении Пленума ВС РФ прямой перечень ситуаций (например, при разбое, убийстве, изнасиловании), в которых причинение любого вреда нападающему признается правомерным, что позволит исключить ошибочную квалификацию действий обороняющихся лиц [4].

Ученые-правоведы, среди которых А.И. Рарог, В.В. Лунеев, С.В. Бородин, неоднократно подчеркивали необходимость более широкого и гибкого подхода к праву граждан на защиту. В их трудах акцентируется внимание на том, что обороняющийся действует в условиях стресса, ограниченного времени и угрозы жизни, что делает невозможным рациональное взвешивание всех обстоятельств. Именно поэтому чрезмерно формализованный подход к пределам необходи-

мой обороны вступает в противоречие с ее сущностью и социальным предназначением.

С учетом изложенного можно сделать вывод, что дальнейшее развитие института необходимой обороны должно идти по пути дополнительной конкретизации законодательных положений, унификации судебной практики и усиления гарантий для обороняющихся лиц. Это позволит повысить его эффективность и соответствие принципам справедливости, гуманизма и законности, которые составляют основу современного уголовного права.

В конечном счете, необходимая оборона является не только юридической категорией, но и важным инструментом защиты прав личности в условиях реальной угрозы. Она отражает баланс между правом гражданина на самозащиту и обязанностью государства обеспечивать безопасность общества. Тем самым данный институт продолжает оставаться одним из краеугольных камней уголовно-правовой системы России, требующим постоянного научного анализа и практического совершенствования.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 (ред. от 09.12.2025) «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление».
3. Курс уголовного судопроизводства. Общие положения уголовного судопроизводства / [профессора: В.А. Михайлов, засл. деят. науки РФ, д.ю.н., С.В. Бородин, засл. юрист РСФСР, д.ю.н., Р.С. Белкин, засл. деят. науки РСФСР, д.ю.н. и др.]. – 2006. – 821 с.
4. Необходимая оборона, крайняя необходимость, задержание преступника. Правовая оценка действий сотрудников полиции = Правовая оценка действий сотрудников полиции [Текст]: научно-практическое пособие / [С.В. Борисов и др.]; отв. ред. Н.Г. Кадников. – Москва: Юриспруденция, 2012. – 189 с.
5. Кудрявцев В.Н. Преступление и преступность. – М.: Наука, 2021. – 368 с.
6. Патова А.О. Необходимая оборона: проблемы теории и практики // Вестник магистратуры. 2020. № 1–1 (100) – С. 69–70.
7. Лунеев В.В. Преступность, наказание и криминальная политика. – М.: Юристъ, 2019. – 512 с.
8. Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. – М.: Юрайт, 2022. – 412 с.
9. Рарог А.И. Уголовное право России. Общая часть: учебник. – М.: Проспект, 2021. – 560 с.
10. Якушин В.С. Необходимая оборона в уголовном праве России: теория и практика. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2020. – 192 с.

NECESSARY DEFENSE AND ITS SIGNIFICANCE IN CRIMINAL LAW

Marzaev D.V.
Kosta Levanovich Khetagurov North Ossetian State University

The article is devoted to the analysis of the institution of necessary defense in the criminal law of the Russian Federation. The article examines the legal foundations and historical development of this institution, its functions and importance for protecting the individual and strengthening the rule of law. Attention is paid to the limits of necessary defense, the problems of their enforcement and the assessment of judicial practice. The article reflects the positions of leading Russian scientists who study the issues of proportionality of defensive actions, the psychological state of the defender and the preventive effect of the institute. The conclusion is made about the importance of necessary defense as an element of the criminal law system, ensuring a balance between protecting the interests of individuals and society, as well as increasing the effectiveness of preventive and human rights mechanisms.

Keywords: necessary defense, criminal law, limits of defense, crime prevention, personal protection, law enforcement, judicial practice.

References

1. «The Criminal Code of the Russian Federation № 63-FZ dated 13.06.1996 (as amended on 31.07.2023) // SPS «ConsultantPlus».
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 27.09.2012 № 19 (as amended on 09.12.2025) «On the application by courts of legislation on necessary defense and harm when detaining a person who has committed a crime».
3. The course of criminal proceedings. General provisions of criminal proceedings / [Professors: V.A. Mikhailov, Distinguished Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, S.V. Borodin, Distinguished Scientist. lawyer of the RSFSR, Doctor of Law, R.S. Belkin, Distinguished Scientist of the RSFSR, Doctor of Law and others]. – 2006. – 821 p.
4. Necessary defense, extreme necessity, apprehension of a criminal. Legal assessment of the actions of police officers = Legal assessment of the actions of police officers [Text]: a scientific and practical guide / [S.V. Borisov et al.]; ed. by N.G. Kadnikov. – Moscow: Jurisprudence, 2012. – 189 p.
5. Kudryavtsev V.N. Crime and criminality, Moscow: Nauka Publ., 2021, 368 p.
6. Patova A.O. Necessary defense: problems of theory and practice // Bulletin of the Magistracy. 2020. № 1–1 (100), Pp. 69–70.
7. Luneev V.V. Crime, punishment and criminal policy. Moscow: Yurist, 2019. 512 p.
8. Naumov A.V. Russian criminal law. General part: a course of lectures. Moscow: Yurait, 2022. 412 p.
9. Rarog A.I. Criminal law of Russia. General part: textbook. Moscow: Prospekt, 2021. – 560 p.
10. Yakushin V.S. Necessary defense in Russian criminal law: theory and practice. St. Petersburg: Law Center Press, 2020. 192 p.

Особенности трансформации уголовно-правового обеспечения экологической безопасности КНР в условиях кодификации экологического законодательства в 2026 году

Наумов Вячеслав Викторович,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: crilaw@yandex.ru

В статье предпринята попытка проанализировать потенциальное и реальное влияние Экологического (природоохранного) кодекса Китайской Народной Республики на уголовный закон и практику его применения. Кодификация китайского экологического законодательства задает концептуальный вектор для модернизации соответствующих норм Уголовного кодекса КНР, устанавливающих ответственность за экологические преступления, а также множественных подзаконных актов и толкований. Исследуется переход от ресурсно-утилитарной парадигмы к охране экологической ценности природных экосистем и биоразнообразия. Детально анализируются новеллы судебных толкований, уточняющие терминологию и признаки составов экологических преступлений. Особое внимание уделяется эволюции института «экологической реставрации» в Китае. Оцениваются доктринальные дискуссии относительно допустимости криминализации деяний, способствующих изменению климата; системного пересмотра главы об экологических преступлениях в УК КНР.

Ключевые слова: экологический (природоохранный) кодекс КНР, уголовный кодекс КНР, экологические преступления, экологическая реставрация, судебное толкование, криминализация.

Введение

Если текущее китайское законотворчество, как правило, ограничивается корректировкой отдельных правовых норм в пределах одной отрасли, то принятие 12 марта 2026 года Экологического (природоохранного) кодекса КНР представляет собой событие, последствия которого выходят далеко за рамки экологического права и требуют осмысления с позиций различных отраслей юридической науки, включая уголовное право. Впервые в истории современного китайского законодательства предпринята попытка системной интеграции разрозненных правовых норм в области охраны окружающей среды в единую кодифицированную структуру. Принятие документа состоялось на четвертой сессии Всекитайского собрания народных представителей четырнадцатого созыва. Структурно китайский Экологический кодекс объединяет разделы, посвященные предотвращению загрязнения и контролю за выбросами в окружающую среду, в том числе охране окружающей среды, вопросам «зеленого» – низкоуглеродного развития, юридической ответственности за нарушение экологического законодательства, а также общие и дополнительные положения.

Идеологическим фундаментом данного кодекса выступает концепция экологической цивилизации, сформулированная в трудах руководства Компартии Китая (*в подавляющем большинстве в трудах Си Цзинпина* – авт.), и закрепленная на третьем пленуме Центрального комитета двадцатого созыва. Именно на указанном пленуме и было принято политическое решение о разработке Природоохранного кодекса КНР в качестве приоритетной государственной законодательной задачи.

Основная часть

Модернизационный потенциал Экологического кодекса КНР проявляется в многих взаимосвязанных плоскостях. Во-первых, данный нормативный акт совершенствует устоявшуюся модель «законодательного лоскутного одеяла», при которой сорок лет параллельно сосуществовали около тридцати «всекитайских» законов и сотни подзаконных актов, толкований, порождавших различные трудности: дублирование норм, коллизии актов, нормативные лакуны и т.д. Во-вторых, кодекс устанавливает единую понятийную матрицу, устраняя терминологическую полисемию, неизбежно затрудняющую правоприменение. В-третьих, документ формирует единый и цельный нормативный каркас, в который последовательно встраиваются подзаконные акты, нормативные правовые акты китайских регионов, толкования соответствующих норм и др., образуя многоуровневую целостную систему.

Природоохранный кодекс КНР не просто компилирует ранее действовавшие предписания в единый текст, он задает принципиально иной вектор правового регулирования, при котором разрозненные отраслевые нормы утрачивают автономное значение и начинают функционировать как элементы подчиненной иерархии. Безусловно, разработка этого акта выполнена с учетом обобщения успешных практик и культурно-правовых традиций Китая. Обращение к концепциям «гармонии между человеком и природой», «следования естественному пути», «баланса между снисхождением и суровостью при назначении наказания» и др. придает документу некое цивилизационное значение. Впервые во всекитайском кодифицированном законодательном акте обозначается самостоятельная государственная цель конституционного масштаба – «защита общественного здоровья и прав на благополучную экологическую среду».

Принятие данного документа свидетельствует о том, что и уголовно-правовая охрана окружающей среды переходит от реактивной модели к превентивной. Для сравнительного уголовного права представляет интерес и то, как именно китайский законодатель интегрирует административные, гражданские, уголовные, процессуальные и другие механизмы в едином нормативном акте. Подобная модель «сферического кодекса» (– авт. перевод) практически не имеет прямых аналогов в мировой практике и заслуживает пристального внимания.

Вступление в силу Экологического кодекса КНР влечет за собой комплексную трансформацию не только уголовно-правовой доктрины, но и толкований (*разъяснений* – авт. перевод) порядка применения китайского уголовного закона и судебно-следственной практики –

от уровня концептуальных точечных оснований до системной интеграции. Однако нужно понимать, что влияние данного акта не ограничивается рамками одной отрасли – уголовного права; оно затрагивает весь механизм межотраслевого взаимодействия в сфере защиты окружающей среды Китая.

В качестве наиболее оперативных реакций на принятие Природоохранного кодекса КНР можно отметить издание Верховным народным судом КНР уведомления о его изучении и применении, в котором прямо указана необходимость углубленного анализа соотношения нового кодифицированного акта с иными отраслевыми законами и обеспечения их согласованного применения. Практическим продолжением этой линии стало дополнение Верховным народным судом КНР и Верховной народной прокуратурой КНР Толкования (*разъяснения* – авт. перевод) по некоторым вопросам судебной практики при рассмотрении уголовных дел о загрязнении окружающей среды. В его преамбуле одним из оснований принятия обозначена потребность в строгом проведении в жизнь положений Экологического кодекса КНР и усилении уголовно-правовой защиты окружающей среды, в том числе посредством правильной квалификации экологических преступлений. Так, из первоначальной редакции ст. 1 и 19 указанного толкования исключены утратившие силу дефиниции, в частности термин «основные (*ключевые* – авт. перевод) загрязняющие вещества» и его интерпретация. Одновременно перечень видов загрязняющих веществ был дополнен понятиями «твердые частицы» и «летучие органические соединения», что существенно расширило предметную основу уголовно-правовой охраны в указанной области.

Корректировке подверглись и формулировки, относящиеся к постпреступному поведению лица, совершившего экологическое преступление: из ст. 6 исследуемого толкования исключена конструкция «активное восстановление экологической (*окружающей*) среды»; вместо нее в текст включен термин «активное исполнение обязанности по восстановлению экологической (*окружающей* – авт. перевод) среды» – в точном соответствии с положениями об экологической реституции из нового Экологического кодекса КНР.

Помимо подобных «точечных» изменений, требуется и системный анализ положений Экологического кодекса КНР с позиций уголовно-правовой науки. В частности, ст. 6 Природоохранного кодекса КНР закрепляет принцип приоритета превентивных, профилактических мер в области экологии, акцентируя внимание на предупреждение экологического ущерба и минимизацию экологических рисков. Данная норма создает эколого-правовой контекст для осмысления превентивной модели уголовного права в так называемом «обществе риска» и стимулирует пересмотр традиционных подходов к криминализации экологических деликтов. На современном этапе развития китайской уголовно-правовой доктрины особое значение приобретает формирование и систематизация концептуальных подходов к противодействию экологическим преступлениям, получившая обозначение «теория управления экологической преступностью». Данная парадигма заняла центральное место в стратегических документах высшего партийного руководства Китая, будучи интегрированной в рекомендации Центрального комитета Компартии. «Теория управления экологической преступностью» – неотъемлемая часть Пятнадцатого пятилетнего плана социально-экономического развития КНР на период с 2026 по 2030 годы. Нормативно-политические основания указанных положений получили легитимизацию в рамках Четвертого пленума Центрального комитета КПК двадцатого созыва, что свидетельствует о переходе этой «теории» из плоскости партийной и академической дискуссии в категорию директивных ориентиров государственной политики в сфере охраны окружающей среды.

Кроме этого, Экологический кодекс КНР на системном уровне закрепляет механизмы диверсификации ответственности и функциональной взаимодополняемости правовых средств, что ставит перед доктриной вопрос о разграничении и координации уголовно-правовых, административно-правовых и гражданско-правовых мер реагирования на нарушения экологического законодательства.

Наконец, обязанность по восстановлению экологической (окружающей) среды, занимающая в новом кодексе Китая одно из центральных мест, открывает перспективы для обогащения системы правовых последствий совершения преступления и корректировки перечня обстоятельств, учитываемых при назначении наказания, освобождении от уголовного преследования и т.д.

Отметим ст. 1071 Природоохранного кодекса КНР, содержащую норму, согласно которой лицо, нарушившее положения указанного кодекса и совершившее деяние, обладающее признаками преступления, несет уголовную ответственность в порядке, установленном уголовным законодательством. Соответственно, китайский Экологический кодекс выступает первичным источником регулирования экологических правоотношений, тогда как уголовный закон остается единственным основанием уголовной ответственности. Вместе с тем, несмотря на вступление нового кодекса в законную силу, в среде китайских криминалистов не утихают дискуссии о допустимости непосредственного применения его норм при квалификации экологических преступлений и о пределах такого правоприменения [2]. Динамичное развитие нормативной базы в сфере охраны окружающей среды, объективно обусловливает необходимость синхронной модернизации и уголовного права КНР. В связи с этим приобретает актуальность и вопрос о корректном наименовании экологических преступлений, признаках их видового и непосредственного объектов и т.п.

В действующих доктринальных источниках КНР данная категория деликтов преимущественно обозначается как преступления, посягающие на природные ресурсы. Между тем одна из глав Экологического кодекса КНР прямо закрепляет приоритетную задачу государства по охране окружающей среды. Из этого вытекает, что заложенная в новом кодексе эколого-антропоцентрическая модель охраняемых правовых интересов – модель, органично вписывающаяся в концепцию гармоничного сосуществования человека и природы в рамках строительства экологической цивилизации, – логически предполагает переосмысление самого наименования «преступления, посягающие на природные ресурсы». Более точным представляется обозначение данной группы деликтов как преступлений, посягающих на экологическую (*окружающую*) среду, или, в лаконичной формулировке, экологических преступлений. Подобная терминология в наибольшей степени согласуется с положениями Экологического кодекса КНР, вступившего в силу 15 августа 2026 года, фактически заменившего собой ранее действовавший Закон КНР об охране окружающей среды.

В последние годы уголовное законодательство Китая, которое фактически закрепляет виды экологических преступлений, имеет устойчивую тенденцию к расширительной криминализации общественно опасных деяний в природоохранной сфере, что находит отражение в следующих аспектах:

– в более раннем вмешательстве государства средствами уголовного права при крупных техногенных авариях, сопряженных с загрязнением природы;

– в расширении и конкретизации признаков составов экологических преступлений. В частности, такой признак объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 342 УК КНР (Нарушение правил землепользования, выражающееся в незаконном занятии пахотных земель), трансформировался в «незаконное занятие сельскохозяйственных земель» (включая пахотные земли, сады, лесные угодья, пастбища, земли под ирригационными и мелиоративными водными объектами) [5, с. 412];

– в последовательной криминализации новых экологических деликтов. Например, в УК КНР включены составы, связанные с уничтожением природных заповедников; незаконным ввозом и выпуском (оставлением) инвазивных видов и др.

Вместе с тем, признавая результативность указанных законодательных решений, следует констатировать их несистемный характер, обусловленный преимущественно реагированием на уже наступившие чрезвычайные обстоятельства («*ex post/post delictum*»). В данном контексте Природоохранный кодекс КНР создает принципиально иной нормативный ориентир, составляя системную основу комплексной ревизии составов экологических преступлений в УК КНР.

Анализ положений Экологического кодекса КНР, выступающих бланкетной основой квалификации экологических деликтов, указывает на необходимость качественного усиления экологических характеристик признаков составов преступлений, непосредственно причиняющих ущерб окружающей среде. Речь идет о переходе от уголовно-правовой модели, в которой природный ресурс преимущественно оценивается через призму его экономической ценности (стоимостного выражения), к модели, в центре которой находится собственно экологическая ценность флоры, фауны, природной среды и ее отдельных компонентов.

В связи с этим, интерес представляет действующая редакция состава незаконной охоты (абз. 2 ст. 341 УК КНР) [4, с. 402–405]. В описании признаков объективной стороны данного состава преступления фигурирует обязательный признак – причинение *серьезного* ущерба ресурсам дикой природы, что фиксирует ресурсно-утилитарное отношение к диким животным, оставляя за рамками квалификации экологическую значимость диких животных как представителей различных биологических видов. Вместе с тем ст. 810 Природоохранного кодекса КНР прямо определяет основополагающую цель охраны дикой природы – обеспечение биоразнообразия и поддержание экологического баланса. Не случайно соответствующая норма помещена законодателем в главу «Охрана видов», а не в главу, регламентирующую охрану природных ресурсов и рациональное природопользование. Полагаем,

что отдельные признаки состава преступления, предусматривающего ответственность за незаконную охоту, вступают в противоречие с ценностной моделью охраны дикой природы, закрепленной Экологическим кодексом КНР, и нуждаются в корректировке.

Вступление китайского Природоохранного кодекса в законную силу придало новый импульс ранее обсуждавшимся в уголовно-правовой доктрине вопросам. Среди них – пересмотр архитектоники отдельных составов экологических преступлений (в частности ст. 342 УК КНР и др.), оценка перспектив криминализации деликтов, способствующих негативному изменению климата и т.д.

Ряд исследователей обоснованно указывают на то, что предметная область защиты природных ресурсов в действующем китайском уголовном законодательстве продолжает оставаться чрезмерно узкой, содержит существенные пробелы. Например, предмет преступления по ст. 342 УК КНР так и не включает морские акватории, острова, приливные отмели и водно-болотные угодья [6]. Напомним, что глава 2 «Защита экосистем» Экологического кодекса КНР включает в сферу уголовно-правовой охраны леса, луга, водные объекты, океаны, острова, реки, озера и пустыни. И хотя предмет преступления, предусмотренного ст. 342 УК КНР, уже неоднократно расширялся законодателем – от пахотных земель до сельскохозяйственных угодий в широком смысле, – за пределами уголовно-правовой охраны по-прежнему остаются такие важнейшие экосистемы, как болота, морские акватории, острова, реки, озера и пустыни. Включение указанных природных объектов в предмет рассматриваемого состава преступления позволило бы привести содержание ст. 342 уголовного закона в соответствие с положениями Природоохранного кодекса КНР.

Отдельного внимания заслуживает проблема уголовно-правовой защиты климата, которая является новеллой как для китайской, так и для зарубежной уголовно-правовой доктрины. Вопросы о допустимости уголовного вмешательства в климатическую сферу, а также о его масштабах, интенсивности, формах и пределах остаются дискуссионными, требуют основательной теоретической проработки. При исследовании специальной главы «Решение проблемы изменения климата» Экологического кодекса КНР исследователи придерживается двух противоположных подходов. Сторонники первого полагают для регулирования вопросов «углеродного следа» достаточно существующих административно-правовых инструментов, а применение уголовно-правовых мер является избыточным [7, с. 145–151]. Приверженцы второго подхода настаивают на том, что с позиций экологического права применение уголовно-правовых механизмов является не только действенным средством достижения целей по снижению пиковых значений уровня выбросов углерода (углеродной нейтральности), но и одним из магистральных направлений формирования новой отрасли – климатического права КНР [6, с. 34–38].

Вызовом для китайского уголовного права остается и эффективное решение вопроса о правовых последствиях возмещения причиненного экологическим преступлением ущерба, так называемой «экологической реставрации» (– *авт. перевод*) [3]. Действующее уголовное законодательство Китая не содержит оснований для привлечения к уголовной ответственности лиц, которые уклоняются от возмещения причиненного экологического ущерба. На сегодняшний день нормативная база, определяющая особенности возмещения указанного ущерба лицом, совершившим экологическое преступление, сосредоточена преимущественно в актах судебного толкования. Напомним, что Толкование Верховного народного суда КНР и Верховной народной прокуратуры КНР по некоторым вопросам судебной практики при рассмотрении уголовных дел о загрязнении окружающей среды в редакции 2016 года стало первым документом, в котором институт экологической реставрации получил закрепление. В тексте редакции 2016 года указывалось, что активное способствование восстановлению окружающей среды – существенное обстоятельство, подлежащее учету при решении вопроса о привлечении виновного к уголовной ответственности. В редакции 2023 года содержание данного положения было расширено посредством регламентации механизма смягчения наказания в случае возмещения виновным ущерба окружающей среде. Во-первых, при активном восстановлении экологической среды, если обстоятельства содеянного являлись незначительными, причинен незначительный ущерб и уголовное наказание нецелесообразно. Например, в силу ст. 13 УК КНР деяние признается малозначительным, не представляющим существенного социального вреда относительно серьезного уровня (*общественной опасности*), виновный не подлежит уголовному преследованию. Во-вторых, вне зависимости от масштаба причиненного экологического ущерба виновному представляется возможность добиться смягчения наказания путем надлежащего исполнения обязанностей по восстановлению окружающей среды. В действующей редакции толкования 2026 года формулировка активное способствование восстановлению экологической среды заменена на активное выполнение обязанностей по восстановлению экологической (окружающей) среды. Это уточнение, с одной стороны, конкретизирует условия смягчения наказания после исполнения «реставрационных обязанностей», с другой – закрепляет самостоятельный правовой статус восстановления экологической среды в системе регулирования экологических правоотношений. Тем самым для виновного создается стимул самостоятельно принимать меры по восстановлению окружающей среды в целях, как минимум, смягчения уголовно-правовых последствий содеянного, что способствует достижению баланса между карательной и восстановительной функциями уголовного права.

Вместе с тем включение восстановления экологической среды как стимулирующей или поощрительной нормы посредством исключительно судебного толкования усиливает риск возникновения ситуации подмены закона толкованием. Не следует забывать и о том, что рассмотренное толкование имеет ограничительную сферу применения – охватывают лишь отдельные составы экологических преступлений, что создает предпосылки неравенства в правоприменении норм параграфа 6 главы 6 УК Китая.

Заключение

В завершении отметим, что принятие и вступление силу Экологического (природоохранного) кодекса КНР представляет отправную точку масштабного и, как представляется, многолетнего процесса правовой и институциональной модернизации китайского законодательства, в том числе и уголовного. Закрепление данным нормативным правовым актом приоритета экологической ценности природы, флоры и фауны над их ресурсно-экономической значимостью неизбежно повлечет переосмысление как объективных, так и субъективных признаков составов экологических преступлений в Китае. Для исследователей уголовного права этот процесс открывает уникальную возможность наблюдать в реальном времени, как кодифицированные нормы трансформируются в действующий механизм правовой охраны, и какие уголовно-правовые инструменты оказываются при этом наиболее передовыми и эффективными.

Литература

1. Толкование (разъяснения – *авт.*) Верховного народного суда и Верховной народной прокуратуры КНР по некоторым вопросам судебной практики при рассмотрении уголовных дел о загрязнении окружающей среды // «Фа»«Ши». № 4. 2026.

2. Люй Чжунмэй, Ван Цзинь. Комментарий к Экологическому (природоохранный) кодексу Китайской Народной Республики: в 2-х томах. Т. 2. – Пекин: Издательство «Юридическая литература», 2026. 1237 с.

3. Наумов В.В. К вопросу об уголовно-правовом обеспечении экологической безопасности в Российской Федерации и Китайской Народной Республике // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2025. № 11. С. 124–130.

4. Наумов В.В. О некоторых особенностях уголовной ответственности за экологические преступления по законодательству России и Китая // Юридическая наука. 2026. № 6. С. 402–405.

5. Наумов В.В. К вопросу об уголовной ответственности за нарушение правил землепользования по законодательству китайской народной республики (ст. 342 УК Китая) // Юридическая наука. 2026. № 7. С. 411–414.

6. Фэн Ханьюань, Юй Вэньсюань. Теоретический ответ уголовного права на выбросы углерода и поддержание углеродной нейтральности // Журнал Китайского университета нефти (издание по социальным наукам). 2024. № 1. С. 34–38.

7. Цай Юэ, Ван Чун. Догматика немецкого уголовного права в контексте изменения климата: новые перспективы // Мировые социальные науки. 2023. № 5. С. 145–151.

CHARACTERISTICS OF THE TRANSFORMATION OF CRIMINAL LAW PROVISIONS FOR ENVIRONMENTAL SAFETY IN THE PRC IN THE CONTEXT OF THE 2026 CODIFICATION OF ENVIRONMENTAL LEGISLATION

Naumov V.V.
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya

This article analyzes the potential and actual impact of the Environmental (Nature Conservation) Code of the People's Republic of China on criminal law and its enforcement. The codification of Chinese environmental legislation establishes a conceptual direction for modernizing the relevant provisions of the PRC Criminal Code – which define liability for environmental crimes – as well as numerous subordinate regulations and judicial interpretations. The study examines the shift from a resource-utilitarian paradigm to the protection of the ecological value of natural ecosystems and biodiversity. It provides a de-

tailed analysis of new developments in judicial interpretations that clarify terminology and the elements of environmental offenses. Particular attention is paid to the evolution of the concept of «environmental restoration» in China. The article also evaluates doctrinal debates regarding the potential criminalization of acts contributing to climate change and the systemic revision of the chapter on environmental crimes within the PRC Criminal Code.

Keywords: Environmental (Nature Conservation) Code of the PRC, Criminal Code of the PRC, environmental crimes, environmental restoration, judicial interpretation, criminalization.

References

1. Interpretation (clarifications by the authors) by the Supreme People's Court and the Supreme People's Procuratorate of the PRC on Certain Issues Concerning Judicial Practice in Handling Criminal Cases Involving Environmental Pollution // «Fa» «Shi». № 4. 2026.

2. Lü Zhongmei, Wang Jin. Commentary on the Ecological (Environmental Protection) Code of the People's Republic of China: in 2 volumes. Vol. 2. – Beijing: Law Press China, 2026. 1237 p.

3. Naumov V.V. On the Issue of Criminal Law Safeguards for Environmental Safety in the Russian Federation and the People's Republic of China // Modern Science: Current Problems of Theory and Practice. Series: Economics and Law. 2025. № 11. P. 124–130.

4. Naumov V.V. On Certain Features of Criminal Liability for Environmental Crimes under the Legislation of Russia and China // Legal Science. 2026. № 6. P. 402–405.

5. Naumov V.V. On the Issue of Criminal Liability for Violating Land Use Regulations under the Legislation of the People's Republic of China (Art. 342 of the Criminal Code of China) // Legal Science. 2026. № 7. P. 411–414.

6. Feng Hanyuan, Yu Wenxuan. The Theoretical Response of Criminal Law to Carbon Emissions and the Maintenance of Carbon Neutrality // Journal of China University of Petroleum (Edition of Social Sciences). 2024. № 1. P. 34–38.

7. Cai Yue, Wang Chong. German Criminal Law Dogmatics in the Context of Climate Change: New Perspectives // World Social Sciences. 2023, № 5. P. 145–151.

Критерии оценки коррупционного поведения в контексте взаимосвязи коррупции и правового нигилизма

Нырова Бэлла Руслановна,
ассистент Высшей школы юриспруденции и судебно-технической экспертизы Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого
E-mail: bella9631@mail.ru

В статье исследуется взаимосвязь коррупции и правового нигилизма как сопряженных социально-правовых явлений, влияющих на эффективность права и доверие к публичной власти. Цель исследования заключается в проверке гипотезы о двусторонней причинно-следственной зависимости между коррупцией и правовым нигилизмом. Использованы формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и структурно-функциональный методы, элементы моделирования, а также анализ научной литературы по проблемам правосознания, правовой культуры и противодействия коррупции. Установлено, что коррупционные практики подрывают авторитет закона и формируют представление о необязательности правовых предписаний. Правовой нигилизм снижает внутренние и внешние ограничения противоправного поведения и поддерживает воспроизводство коррупционных практик. Выделены нормативно-правовые, институциональные, правоприменительные, экономико-правовые, социологические и ценностно-поведенческие критерии оценки коррупционного поведения. Их соотношение позволяет определить место правового нигилизма в модели антикоррупционной устойчивости правовой культуры. Полученные выводы обосновывают необходимость согласования правовых, организационных, образовательных и ценностных мер.

Ключевые слова: коррупция, правовой нигилизм, правосознание, правовая культура, антикоррупционная устойчивость правовой культуры, антикоррупционная политика, законность, доверие к праву, публичная власть, коррупционное поведение.

Введение

Проблемы коррупции и правового нигилизма затрагивают институциональную устойчивость публичной власти, качество правового регулирования и уровень доверия граждан к праву. Для теории государства и права требуется установить признаки каждого из названных феноменов и характер их взаимодействия.

В научной литературе правовой нигилизм рассматривается как деформация правосознания и правовой культуры, выражающаяся в отрицательном, скептическом либо потребительском отношении к праву и его регулятивному потенциалу [1; 9]. Н.И. Матузов характеризует данное явление предельно жестко: «Правовой нигилизм – это психологически отрицательное (негативное) отношение к праву со стороны граждан, должностных лиц, государственных структур, выражающееся в неуважении к закону, вплоть до его прямого нарушения» [1]. Коррупция осмысливается как совокупность отдельных правонарушений и как институциональная практика неправомерного использования публичного статуса или служебных полномочий в частных интересах [3]. М.Л. Прохорова, И.С. Кич и А.В. Щербинина связывают деформации правосознания с готовностью к коррупционному поведению: правовой нигилизм ослабляет нормативные и ценностные барьеры, а распространенность коррупции разрушает доверие к праву и усиливает представление о его инструментальном характере [4; 8]. Механизм этой двусторонней детерминации требует теоретико-правового уточнения. Цель исследования состоит в теоретическом обосновании гипотезы о том, что коррупция и правовой нигилизм находятся в отношениях двусторонней причинно-следственной зависимости. Для достижения этой цели необходимо: раскрыть содержание понятий «правовой нигилизм» и «коррупция»; определить каналы влияния коррупции на правосознание; показать, каким образом правовой нигилизм становится условием воспроизводства коррупционных практик; обосновать необходимость комплексной антикоррупционной стратегии; соотнести выявленную зависимость с критериями оценки коррупционного поведения и моделью антикоррупционной устойчивости правовой культуры.

Методы и методология исследования

Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные юридические методы. Формально-юридический метод использован для анализа понятий «коррупция», «правовой нигилизм», «правосознание», «правовая культура», а также для интерпретации действующих антикоррупционных норм российского законодательства. Системный метод позволил рассмотреть коррупцию и правовой нигилизм в качестве взаимосвязанных элементов единой социально-правовой системы, в которой изменение одного элемента влияет на другой. Сравнительно-правовой и структурно-функциональный подходы применялись при сопоставлении научных позиций отечественных и зарубежных исследователей и при выявлении функций рассматриваемых явлений в механизме деформации правопорядка.

Результаты исследования

Правовой нигилизм рассматривается как деформация правосознания, при которой снижается ценностное восприятие права и ослабевает доверие к установленным правовым способам регулирования. Для такого состояния характерно отношение к юридическим предписаниям преимущественно как к внешнему ограничению, соблюдение которого не связывается с внутренним признанием ценности права. Е.В. Стругова относит правовой нигилизм к наиболее распространенным формам деформации правосознания и связывает его с неуважением к праву, законности и правопорядку, сознательным игнорированием юридических требований и отрицанием ценности правового регулирования [10]. Такая трактовка отграничивает нигилизм от самого факта правонарушения: он может предшествовать нарушению как мировоззренческая установка либо сопровождать его как форма внутреннего самооправдания [10]. Коррупция в современном правовом понимании охватывает получение или дачу взятки и более широкий комплекс практик, связанных с использованием должностного статуса вопреки интересам службы для извлечения выгод. Для теоретико-правовой оценки имеет значение подмена универсального правового порядка персонализированными,

неформальными и обменными механизмами регулирования [7]. Первая линия детерминации проявляется в воздействии коррупционных практик на отношение к праву. Регулярное столкновение граждан с такими практиками формирует убеждение, что соблюдение закона не обеспечивает справедливого результата, а социальный успех зависит от доступа к неформальным каналам влияния. Право начинает восприниматься как декларативная оболочка, а государство – как источник привилегий для носителей власти. Это ослабляет представление о неотвратимости ответственности, дискредитирует авторитет публичной власти и формирует двойную мораль, при которой официальное осуждение коррупции сочетается с повседневным использованием неправовых способов решения вопросов. Эти процессы порождают циничное или прагматическое правосознание. Обратная зависимость проявляется при укоренении правового нигилизма в обществе и государственном аппарате. Если право не воспринимается как самостоятельная ценность, коррупционная сделка утрачивает характер явно недопустимого поведения и начинает оцениваться как обычный инструмент достижения цели [8]. На макроуровне это выражается в снижении общественного порицания коррупции, на микроуровне – в психологической рационализации дачи и получения взятки.

Полученные результаты позволяют описать коррупцию и правовой нигилизм как замкнутый цикл взаимного усиления: деформированное правосознание ослабляет барьеры для коррупционного поведения, а распространение коррупционных практик разрушает доверие к праву. Основные механизмы влияния правового нигилизма на воспроизводство коррупции представлены в таблице 1.

Таблица 1. Механизмы влияния правового нигилизма на воспроизводство коррупции

Аспект влияния	Сущность и механизм воздействия	Социально-психологические последствия
Создание социального спроса на коррупционные услуги	Недостаточная правовая культура и нигилистическое отношение к праву формируют готовность к неправовому разрешению вопросов; инициатором коррупционной сделки нередко становится сам заинтересованный субъект	Коррупция начинает восприниматься как допустимый способ ускорения или упрощения процедур
Ослабление общественного контроля	В обществе с низким доверием к праву коррупционные действия реже получают моральное осуждение и чаще трактуются как «норма жизни» или проявление практичности	Снижаются репутационные издержки коррупционного поведения; усиливается толерантность к злоупотреблениям
Внутренняя рационализация противоправного поведения	Нигилизм позволяет участникам коррупционной сделки оправдывать свои действия тезисами «так делают все», «иначе вопрос не решить», «закон все равно не работает»	Снимается внутренний запрет на нарушение права и закрепляется культура самооправдания

Для характеристики ценностной стороны коррупционного поведения используется определение антикоррупционного правосознания, предложенное М.Л. Прохоровой и И.С. Кич: «Антикоррупционное правосознание – это совокупность антикоррупционных правовых идей, антикоррупционных правовых знаний, взглядов, а также антикоррупционных правовых переживаний, чувств, эмоций, настроения, привычек и установок, благодаря которым происходит негативная оценка и отрицательное отношение общества к любым коррупционным проявлениям как антисоциальным» [4].

Связь правового нигилизма с коррупционным поведением может быть оценена через систему критериев, отражающих состояние правовой среды, правоприменения и правосознания. Нормативно-правовой критерий характеризует определенность запретов, ограничений, обязанностей и процедур предотвращения конфликта интересов. Институциональный критерий охватывает прозрачность процедур, подотчетность должностных лиц, объем дискреции и наличие механизмов предварительного контроля. Правоприменительный критерий показывает выявление и пресечение нарушений, процессуальную проверку, назначение ответственности, возмещение ущерба и устранение условий, способствовавших нарушению. Экономико-правовой критерий позволяет сопоставить возможную выгоду от коррупционного поведения с риском выявления и последствиями ответственности. Социологический критерий отражает доверие к институтам, отношение к неформальным практикам и готовность сообщать о нарушениях. Ценностно-поведенческий критерий характеризует состояние правосознания и внутреннее принятие антикоррупционных требований. В модели антикоррупционной устойчивости нормативно-правовой и институциональный критерии относятся к институционально-правовому уровню, правоприменительный – к функционально-защитному, социологический и ценностно-поведенческий – к ценностно-ориентационному. Правовой нигилизм проявляется прежде всего через недоверие к праву и признание допустимости неформальных способов решения вопросов. Экономико-правовая оценка применяется для анализа стимулов, влияющих на выбор поведения. Связь коррупции с правовым нигилизмом наиболее заметна на ценностно-ориентационном уровне, поскольку недостатки правового регулирования и правоприменения способны влиять на восприятие права субъектом.

Обсуждение

Одних мер контроля и ответственности недостаточно, если неправовые способы решения вопросов сохраняют общественную приемлемость. А.В. Щербинина связывает распространение коррупционных установок с утратой самостоятельной ценности права: в такой ситуации коррупционное поведение постепенно начинает восприниматься как допустимый способ достижения результата [8]. Противодействие этому требует изменений в самой организации публичных процедур. К таким мерам относятся снижение необоснованной дискреции должностных лиц, открытость принятия решений, последовательное применение ответственности и наличие понятных процедур защиты участников правоотношений. Социокультурные меры направлены на формирование устойчивого восприятия права как средства справедливого и равного регулирования; к ним относятся правовое просвещение и воспитание негативного отношения к коррупции как к общественно вредному и морально неприемлемому явлению. Н.Ю. Рашева рассматривает антикоррупционное просвещение как средство предупреждения коррупции, способное воздействовать на состояние законности и правопорядка: «Правовое просвещение на современном этапе возможно рассматривать в виде направления деятельности государства (государственной политики), получающего достаточно серьезную законодательную поддержку. Антикоррупционное просвещение граждан – это эффективное средство предупреждения коррупции, способное оказать положительное воздействие на состояние законности и правопорядка в обществе» [5].

Научная новизна исследования состоит в уточнении механизма двусторонней детерминации коррупции и правового нигилизма. Коррупционные практики рассматриваются как фактор вторичной деформации правосознания, правовой нигилизм – как самостоятельное условие воспроизводства коррупции. Дополнительный результат связан с соотнесением этой зависимости с критериями оценки коррупционного поведения и ценностно-ориентационным уровнем антикоррупционной устойчивости правовой культуры. Структура порочного круга взаимовлияния коррупции и правового нигилизма представлена в таблице 2.

Таблица 2. Структура порочного круга взаимовлияния коррупции и правового нигилизма

Этап	Механизм воздействия	Социально-правовые последствия
Исходные предпосылки	Кризис доверия к институтам, дефицит правовой культуры, терпимость к неформальным практикам	Формирование среды, благоприятной для правового нигилизма
Шаг 1: нигилизм → коррупция	Ослабление внутренних и внешних ограничений, ориентация на неправовые способы достижения результата	Рост коррупционных практик и их социальная нормализация
Шаг 2: коррупция → нигилизм	Демонстрация неэффективности закона, безнаказанности и неравенства доступа к праву	Усиление недоверия к праву, циничное правосознание
Результат	Взаимное усиление двух феноменов	Самовоспроизводящаяся система, устойчивая к фрагментарным реформам

Заключение

Исходная гипотеза о двусторонней причинно-следственной зависимости между коррупцией и правовым нигилизмом получила подтверждение. Коррупционные практики, становясь массовыми и рутинными, демонстрируют гражданам неэффективность закона и создают убеждение, что правовые предписания можно игнорировать или применять выборочно. Укоренившееся нигилистическое отношение к праву ослабляет внутренние моральные запреты и внешние социальные барьеры, удерживающие индивидов от участия в коррупционных сделках. Возникает система взаимного воспроизводства, в которой коррупция поддержи-

вает недоверие к праву, а правовой нигилизм снижает препятствия для коррупционного поведения. Фрагментарные репрессивные меры не разрывают эту зависимость. Ужесточение санкций или увеличение числа контрольных органов дает ограниченный эффект, если в обществе и государственном аппарате сохраняется социальный запрос на неправовые способы решения проблем. Снижение такого запроса связано с укреплением доверия к праву и отказом от привычки решать вопросы неформальным путем. Правовое просвещение в данном случае должно давать понимание антикоррупционных требований и порядка использования законных процедур.

Проведенный анализ уточняет содержание ценностно-ориентационного уровня антикоррупционной устойчивости правовой культуры. Правовой нигилизм ослабляет внутреннее принятие правовых требований, поэтому результат институциональных и правоприменительных мер зависит также от состояния правосознания и профессиональной правовой культуры. Проверка полученных выводов возможна на материале отдельных отраслей и регионов. Наиболее показательны сферы, в которых сохраняется значительный объем административного усмотрения: здравоохранение, образование, государственные закупки и разрешительная деятельность. Здесь проявления правового нигилизма могут сопоставляться с особенностями действующих процедур и практикой применения антикоррупционных ограничений. Отдельного анализа требует результативность правопросветительских программ. Оценивать ее целесообразно по изменению отношения к неформальным практикам, готовности использовать установленные законом процедуры и уровню доверия к механизмам правовой защиты. Полученные данные могут быть учтены при разработке отраслевых и региональных рекомендаций по формированию антикоррупционной устойчивости правовой культуры.

Литература

1. Матузов Н.И. Правовой нигилизм как образ жизни // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. № 4(86). С. 17–33.

2. Невважай И.Д. Типы правовой культуры и формы правосознания // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2000. № 2(229). С. 23–31.

3. Роуз-Аккерман С. Коррупция и государство. Причины, следствия, реформы. 2-е изд. М.: Логос, 2010. 356 с.

4. Прохорова М.Л., Кич И.С. Антикоррупционное правосознание: теоретико-правовой аспект // Право и государство: теория и практика. 2024. № 10(238). С. 74–76. DOI: 10.47643/1815-1337_2024_10_74.

5. Рашева Н.Ю. Правовые основы антикоррупционного просвещения в России: направления совершенствования // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2023. Т. 1. № 3(105). С. 44–55.

6. Шапиро И.В. Противодействие коррупции: тенденции развития правового регулирования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 6. С. 205–206. DOI: 10.23672/SAE.2023.23.66.049.

7. Айбатов М.М., Омаров М.А. Антикоррупционное законодательство: сущность и роль в правовой системе Российской Федерации // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2023. Т. 38. № 4. С. 84–90. DOI: 10.21779/2500-1930-2023-38-4-84-90.

8. Щербинина А.В. О причинах коррупционного правосознания как одного из основных источников коррупции и способах противодействия ей // Алтайский юридический вестник. 2023. № 4(44). С. 43–48.

9. Петров С.В. Правовой нигилизм: методы преодоления // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 5. С. 105–108.

10. Стругова Е.В. О правосознании и его деформации // Юридическая наука. 2016. № 1. С. 41–48.

CRITERIA FOR ASSESSING CORRUPT BEHAVIOR IN THE CONTEXT OF THE RELATIONSHIP BETWEEN CORRUPTION AND LEGAL NIHILISM

Nyrova B.R.
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University

The article examines the relationship between corruption and legal nihilism as interrelated socio-legal phenomena affecting the effectiveness of law and public trust in state institutions. The purpose of the study is to test the hypothesis of a two-way causal relationship between corruption and legal nihilism. The study uses formal legal, systemic, comparative legal and structural-functional methods, elements of modelling, and an analysis of academic literature on legal awareness, legal culture and anti-corruption policy. The results show that corrupt practices undermine the authority of law and foster the perception that legal requirements are optional. Legal nihilism weakens internal and external restraints on unlawful conduct and contributes to the reproduction of corrupt practices. The article identifies normative legal, institutional, law-enforcement, economic-legal, sociological and value-behavioural criteria for assessing corrupt behaviour. Their relationship clarifies the place of legal nihilism within the model of anti-corruption resilience of legal culture. The findings support the need to coordinate legal, organisational, educational and value-oriented measures.

Keywords: corruption, legal nihilism, legal awareness, legal culture, anti-corruption resilience of legal culture, anti-corruption policy, legality, trust in law, public authority, corrupt behaviour.

References

1. Matuzov NI. Legal nihilism as a way of life. Vestnik Saratov State Law Academy. 2012;(4):17–33. (In Russ.).

2. Nevvazhai ID. Types of legal culture and forms of legal consciousness. Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie. 2000;(2):23–31. (In Russ.).

3. Rose-Ackerman S. Corruption and Government: Causes, Consequences, and Reform. 2nd ed. Moscow: Logos; 2010. 356 p. (In Russ.).

4. Prokhorova ML, Kich IS. Anti-corruption legal consciousness: theoretical and legal aspect. Law and State: Theory and Practice. 2024;(10):74–76. (In Russ.). DOI: 10.47643/1815-1337_2024_10_74.

5. Rasheva NYu. Legal foundations of anti-corruption education in Russia: directions for improvement. Bulletin of Volzhsky University named after V.N. Tatishchev. 2023;1(3):44–55. (In Russ.).

6. Shapiro IV. Countering corruption: trends in the development of legal regulation. Humanities, Socio-Economic and Social Sciences. 2023;(6):205–206. (In Russ.). DOI: 10.23672/SAE.2023.23.66.049.

7. Aibatov MM, Omarov MA. Anti-corruption legislation: essence and role in the legal system of the Russian Federation. Bulletin of Dagestan State University. Series 3: Social Sciences. 2023;38(4):84–90. (In Russ.). DOI: 10.21779/2500-1930-2023-38-4-84-90.

8. Shcherbinina AV. On the causes of corrupt legal consciousness as one of the main sources of corruption and ways to counter it. Altai Law Journal. 2023;(4):43–48. (In Russ.).

9. Petrov SV. Legal nihilism: methods of overcoming. Humanities, Socio-Economic and Social Sciences. 2024;(5):105–108. (In Russ.).

10. Strugova EV. On legal consciousness and its deformation. Legal Science. 2016;(1):41–48. (In Russ.).

Тактико-криминалистические особенности использования психологических знаний при получении вербальной информации по преступлениям в сфере экономической деятельности

Посельская Людмила Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя
E-mail: poslydmila@ mail.ru

В криминалистической теории и практике расследования преступлений используются две основные формы отражения информации: материально-фиксированная и психофизиологическая. Первая связана с материальным отображением признаков объекта, либо человека в объективной окружающей среде и полностью зависит от процесса отражения. Вторая же имеет чисто субъективный характер, так как отображается в виде мысленных образов в памяти и сознании конкретного человека. При этом такой вид информации может передаваться от человека к человеку, а в процессе расследования от фигурантов уголовного дела следователю чисто речевым путем, то есть вербально. Это обусловило специфику получения вербальной информации и особенности использования тактико-психологических приемов при производстве таких следственных действий как допрос, проверка показаний на месте и в современных условиях перехода к цифровым технологиям все более актуальным становится следственное действие – контроль и запись переговоров. Цель исследования состоит в определении оптимальных тактико-психологических приемов подготовки и производства следственных действий, направленных на получение вербальной информации.

Ключевые слова: вербальная информация, тактико-психологический прием, установление психологического контакта, компетентность следователя.

Расследование преступлений в сфере экономической деятельности осуществляется в определенных конкретных условиях места, времени, окружающей объективной обстановки, в специфическом взаимодействии фигурантов уголовного дела и под влиянием различных, а иногда и неизвестных следователю факторов. В таких условиях основным источником информации остаются сведения, полученных от участников расследования. Но далеко не все фигуранты уголовного дела настроены сотрудничать со следствием в целях установления объективной истины. В основном расследование происходит в конфликтной ситуации, когда приходится использовать различные тактические приемы получения доказательственной информации. По законодательству Российской Федерации вербальную информацию можно получить посредством таких следственных действий как допрос и проверка показаний на месте. В условиях цифровизации различных сфер деятельности актуальность приобретает следственное действие, связанное с передачей вербальной информации – «контроль и запись переговоров». Названные следственные действия требуют подготовки их проведения, разработки тактических приемов, в том числе с использованием специальных методов других наук, и в первую очередь психологии. На этом основаны способы получения вербальной информации.

Так, подготовка к допросу имеет свои особенности. Кроме описанных в учебных изданиях действий, которые направлены на изучение личности допрашиваемого, подготовку вопросов для допроса и подготовку технических средств фиксации, в современных условиях проведение следственного действия «допрос» при расследовании преступлений требуют определенных знаний в области ведения экономической деятельности, обусловленной цифровым технологиям. В приоритете подготовка самого следователя, его компетентность в предмете допроса, способность инициировать процесс вспоминания, анализировать в ходе допроса полученную информацию, сопоставлять ее с имеющимися по уголовному делу доказательствами, устанавливать психологический контакт и удерживать его на протяжении всего допроса. Критерием успешной подготовки к допросу является правильная оценка следственной ситуации к моменту допроса. Оценка возможна по следующим элементам, ее составляющим. Первое – это этап расследования, полученный объем доказательственной и иной информации, но только достоверной. Второе – компоненты психологического характера, стремление участников расследования к установлению объективной истины по делу, либо наоборот, стремление противодействовать расследованию. Третье – выбор тактического и психологического воздействия на участников допроса. Основные способы воздействия, при использовании различных тактических приемов, являются: психологическое воздействие, логическое воздействие, тактическое воздействие. Рассмотрим особенности каждого способа.

Изученная нами практика расследования преступлений в сфере экономической деятельности в условиях перехода к цифровизации основных видов деятельности позволяет отметить специфичность установления *психологического контакта* с допрашиваемыми лицами. Так, Шаевич А.А. отмечал, что «…установление психологического контакта является обязательным условием успешного общения между следователем и допрашиваемым, способствующим укреплению коммуникативных связей, эмоционального доверия у допрашиваемого к следователю, а также стремлению к общению и даче показаний по делу» [1]. Применение и выбор используемых тактико-психологических приемов по утверждению Т.С. Волчецкой, зависят от конкретной сложившейся следственной ситуации и ее оценки следователем [2].

Однако в современных условиях задача усложняется. Воздействие на положительные стороны личности допрашиваемого лица, тем более призывы к раскаянию и чистосердечному признанию не работают. Для установления психологического контакта необходимы веские аргументы в виде полученных объективных доказательств посредством проведения ревизий, компьютерно-технических экспертиз электронных носителей информации, судебно-бухгалтерских экспертиз. При получении и анализе вербальной информации в настоящее время актуализировалась лингвистическая экспертиза. По сути, это вид речевой экспертизы, в ходе которой выявляются возможные скрытые смыслы, определение значений специальной и жаргонной терминологии. В этом смысле сложно переоценить значение использования

специальных знаний. Основные методы лингвистической экспертизы представлены в научных трудах М.Л. Подкатилиной [3]. Предъявление таких доказательств позволяет выявить позицию допрашиваемого лица и его отношение к процессу расследования в целом. Возможно использование фактора внезапности посредством постановки вопросов, которые допрашиваемое лицо явно не ожидает. Такой тактический прием возможен в сочетании с демонстрацией следователем своей осведомленности, сформировавшейся на основе информации, полученной из оперативных источников. Исходная оперативная информация, представляющая интерес выражается в сведениях, полученных из различных источников относительно совершенных, совершаемых преступления, о которых органы внутренних дел не имеют информации. С помощью указанной информации сотрудники подразделений дознания могут выявлять и раскрывать преступления. В рамках изучаемой темы оперативный поиск будет связан с поиском информации о совершаемых преступлениях в сфере использования цифровых технологий, в том числе лицах и механизмах совершения преступлений в сфере экономической деятельности. Сведения, имеющие значение для расследования преступлений, совершаемых с помощью цифровых технологий, могут быть поучены из таких источников как: информация, полученная от осведомлённых лиц; ссылки на электронные ресурсы, то есть различные базы данных, включающие в себя личную, финансовую и другую информацию, относительно как легальной и нелегальной экономической деятельности; в отдельных случаях устанавливается информация о противоправной деятельности через использованные фигурантами дела сайты-двойники, log-файлы серверов и тому подобное. Сбор доказательственной информации может осуществляться посредством оперативно-розыскных мероприятий, перечисленных в ст. 6 Федерального закона «Об Оперативно-розыскной деятельности» № 144-ФЗ [4].

Основными открытыми и легально проводимыми мероприятиями, в ходе которых собирается доказательственная база – поиск и изъятие финансовых, платежных документов, квитанций о совершении конкретных переводов денежных средств, анкетных данных лиц, оформлявших платежные документы, товаров и услуг, которые были приобретены с помощью преступных действий. Осуществляя взаимодействие со следственными подразделениями, как отмечено в работе Акопджановой М.О., может производиться осмотр мест происшествия, получение выписок по различным счетам, либо информации о владельце той или иной карты; получение банковских документов, которые могут подтвердить те или иные права граждан на осуществление банковских операций [5].

Однако, при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности с использованием цифровых технологий, способы психологического воздействия при проведении следственных действий, направленных на получение вербальной информации не всегда достигают цели. При стремлении допрашиваемого лица скрыть информацию, представить ложную информацию или оперировать вымышленными фактами, целесообразно использовать *логическое воздействие* при допросе. Сущность такого воздействия состоит в анализе противоречий в ранее данных показаниях лица и полученных при допросе после предъявления определенных доказательств или показаний других лиц. Логический анализ противоречий может осуществляться и при изучении ранее данных показаний допрашиваемым лицом. Специфика допроса по преступлениям в сфере экономической деятельности состоит в том, что допрос может осуществляться не в один день, а носить длящийся характер. В этих условиях необходимо решить две тактические задачи – допускать или не допускать пространное повествование, с отвлечениями от темы допроса, и корректировать или не корректировать показания лица путем постановки вопросов следователем, возвращаясь к уже ранее сказанному допрашиваемым лицом. Таким образом, сочетание повтора, детализации показаний с ускоренным темпом допроса и постановкой вопросов лицами, осуществляющими различные процессуальные и криминалистические функции (в приведенном примере следователем и криминалистом) является определенным, индивидуальным тактическим приемом логического анализа показаний. Названными приемами могут воспользоваться как следователь, так и оперуполномоченный. Такая тактика позволяет выявить ложную информацию или выдвинутое ложное алиби, и требует в дальнейшем детального повторного допроса лица. В данном случае возможно сочетание логического и тактического воздействия.

Тактическое воздействие обычно связано с подготовкой и реализацией тактических комбинаций, состоящих из различных тактических приемов допроса, а также сочетание тактических приемов с другими следственными действиями, например проверкой показаний на месте. Сущность проверки показаний на месте во многом характеризуется деятельностью лица, в отношении которого проводится данное следственное действие. Для проверки показаний на месте в большей степени, чем для других следственных действий характерна активность лиц, в отношении которых она проводится. Необходимо определение тактических приемов подготовки и проведения следственного действия, поскольку велика вероятность, что подозреваемый или другое проверяемое лицо, могут ввести следователя в заблуждение. Проверка показаний на месте призвана удостоверить результаты ранее произведенных следственных действий, в частности, допроса. Проверка показаний на месте призвана либо удостоверить результаты ранее произведенных следственных действий, например в частности, допроса, либо опровергнуть, в том числе выявить ложное алиби. Но как показывает изучение практики расследования преступлений в сфере экономической деятельности, имеет место недопонимание тактического значения этого следственного действия со стороны следователей, когда все сводится к обычному повторению ранее зафиксированной информации. По этой причине, О.В. Челышева в своей работе указывает, что «проверка показаний на месте превращается в формальное повторение проверяемым лицом своих ранее данных показаний (часто весьма подробное) с одновременным показом обстановки места происшествия. При этом явные противоречия между показаниями и объективными данными выявляются крайне редко, а следователю просто нечего сопоставлять. В связи с этим многие практические работники воспринимают проверку показаний на месте как способ еще раз подтвердить и закрепить показания подозреваемого, обвиняемого, свидетеля или потерпевшего, не используя в полной мере познавательный потенциал данного следственного действия» [6]. Однако, проверка показаний на месте как следственное действие выступает одним из основных средств доказывания. Соответственным образом должны определяться и цели следственного действия, направленность его производства. В этом смысле согласимся с мнением О.В. Челышевой, которая считает, что «сущность проверки показаний на месте нельзя определять через действия лица, чьи показания проверяются. Его действия могут быть направлены на достижение совсем иных целей, отличающихся от тех, которые преследует следователь» [7]. Тактические приемы, обусловленные следственной ситуацией данного этапа расследования на котором проводится следственное действие, должны соответствовать определенным требованиям. Кроме общеправовых требований законности, этичности, научной обоснованности, при подготовке и производстве проверки показаний на месте решается вопрос о тактическом воздействии на лицо, чьи показания проверяем. Его цель – уточнить ранее данные проверяемым лицом показания, установить факт их подтверждения лицом, определить будущий предмет непосредственной проверки на месте. Также целью выступает доведение предмета проверки до всех участников предстоящего следственного действия. В то же время, у допроса имеется и дополнительная, самостоятельная тактическая цель – создать ситуацию, при которой проверяемое лицо может допустить произвольно или непроизвольно проговорку, самостоятельно укажет на некоторые неточности в ранее данных показаниях, либо откажется от них, сформулировав новую версию своих показаний. Следовательно, одним из наиболее значимых тактико-психологических приемов проверки показаний на месте является психологический процесс узнавания, сущность которого заключается в сопоставлении ранее сформированного им образа объекта или обстановки с текущим восприятием. Тактические приемы должны быть направлены на исключение таких возможностей у допрашиваемого лица как ложное узнавание и не узнавание объектов, или изменение обстановки. Помимо прочего, необходимо также реализовывать тактико-психологические приемы по отслеживанию поведения участников проверки показаний на месте. Среди конкретных тактических приемов следует выделить: наблюдение за поведением и невербальными действиями проверяемого лица, повторяемость ранее данных показаний и расхождение с визуальным восприятием самого места проверки показаний, либо отдельных объектов. Необходимо отметить, что на установление психологического контакта при подготовке и проведении данного следственного действия влияют коммуникативные особенности самого следователя, его объективность, профессионализм, способность правильно оценивать отношение допрашиваемого лица к процессу расследования в целом.

В современных условиях развития цифровых технологий в сфере экономической деятельности в основном используются информационно-коммуникационные технологии. Вербальная информация передается с использованием различных средств связи, среди которых особое значение приобрела IP-телефония, видео телефония, система голосовой почты. Не исключается и обычная радиотелефония (сотовая и спутниковая связь). Возникает необходимость получения информации о преступлении и преступниках посредством производства такого следственного действия как «контроль и запись пе-

реговоров». Данное следственное действие направлено на фиксацию вербальной информации, передаваемой с использованием названных технических средств. Значение состоит в получении фонограмм такой информации, использовании ее в качестве доказательств и как основу для последующих допросов. В этом случае тактико-психологические особенности допроса представляют собой процессуально сложный процесс. К основным особенностям относится установление психологического контакта на этапе подготовки к допросу, создание условий для активизации логического мышления у допрашиваемого, при необходимости совместное прослушивание записанных переговоров, проявление коммуникативной гибкости следователем, либо создание напряженности путем предъявления доказательств.

Подводя итог сказанному, отметим, что всегда в основе допроса лежит психология, эффективность используемых тактических приемов обусловлена наличием у допрашивающего навыков межличностного общения. Поэтому многие исследователи отмечают, что роль психологии, ее достижений, при производстве допросов, не меньше, чем роль криминалистической науки. Заслуживает внимания позиция Г.С. Помаза, в той части, что эффективность проведения допроса во многом обусловлена умением следователя использовать «тактические и психологические приемы установления и развития контакта, профилактики конфликта, изобличения во лжи, преодоления противодействия допрашиваемого, а также знания психологических особенностей личности» [8].

В следственной практике первоначальные допросы могут быть обусловлены нежеланием сотрудничать со следствием, и перед следователем стоит задача изменить отношение допрашиваемого, активизировать его логическое мышление, склонить к объективной оценке расследуемых событий. С этой целью применяются приемы психологического, логического воздействия, сочетаемые с тактическими приемами. Установление психологического контакта в структуре тактико-криминалистических средств допроса, в современных условиях приобретает особое значение. Отсутствие психологического контакта с участниками расследования не позволяет достичь цели следственного действия и получить полную и объективную вербальную информацию. Приоритетным направлением криминалистической тактики является внесение новых элементов, разрабатываемых как криминалистической наукой в связи с выявлением новых закономерностей, так и выявленных закономерностей естественными и общественными науками.

Литература

1. Шаевич, А.А. К вопросу о понятиях «психологический контакт» и «установление психологического контакта в структуре тактико-криминалистических средств допроса. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт МВД России. 2015. – С. 222–231.

2. Волчецкая, Т.С. Теоретические проблемы использования метода моделирования в криминалистической науке// Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2012. – № 4(36).

3. Подкатилина, М.Л. Рекомендации по производству и оформлению результатов судебной лингвистической экспертизы по делам об экстремизме/Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2014. – С. 104–106.

4. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ: Об оперативно-розыскной деятельности / Российская газета. – 18 авг. – 1995 г. № 160.

5. Акопджанова, М.О. Особенности оперативно-розыскной деятельности на современном этапе // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2016. – С. 3–5.

6. Челышева, О.В. К вопросу о понятии и тактике проверки показаний на месте // Криминалистъ. 2018. № 4 (25). С. 62–63.

7. Челышева О.В. К вопросу о понятии и тактике проверки показаний на месте // Криминалистъ. 2018. № 4 (25). С. 63–64.

8. Помаз, Г.С. Использование возможностей психологической науки при производстве допроса подозреваемых, обвиняемых и потерпевших / Г.С. Помаз // Философия права. – 2016. – № 2 (75). – С. 79–83.

TACTICAL AND CRIMINALISTIC FEATURES OF USING PSYCHOLOGICAL KNOWLEDGE WHEN OBTAINING VERBAL INFORMATION ABOUT CRIMES IN THE SPHERE OF ECONOMIC ACTIVITY

Poselskaya L.N.
Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya

In criminological theory and the practice of crime investigation, two main forms of information reflection are used: materially fixed and psychophysiological. The first is associated with the material reflection of the characteristics of an object or a person in the objective environment and is entirely dependent on the reflection process. The second, however, has a purely subjective nature, as it is reflected in the form of mental images in the memory and consciousness of a specific person. This type of information can be transmitted from person to person, and during the investigation process – from the parties involved in the criminal case to the investigator – purely through speech, i.e., verbally. This has determined the specifics of obtaining verbal information and the features of using tactical and psychological techniques in carrying out such investigative actions as interrogation, verification of statements on the spot, and, in modern conditions of the transition to digital technologies, the investigative action of monitoring and recording conversations is becoming increasingly relevant. The aim of our study is to identify the optimal tactical and psychological techniques for preparing and conducting investigative actions aimed at obtaining verbal information.

Keywords: verbal information, tactical-psychological technique, establishment of psychological contact, investigator's competence.

References

1. Shaevich, A.A. On the issue of the concepts of «psychological contact» and «establishment of psychological contact» in the structure of tactical and forensic means of interrogation. – Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2015. – Pp. 222–231.

2. Volchetskaya, T.S. Theoretical problems of using the modeling method in forensic science // Social and Humanitarian Sciences in the Far East. – 2012. – № 4(36).

3. Podkatilina, M.L. Recommendations on the production and documentation of the results of forensic linguistic expertise in cases involving extremism / Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGIOA). 2014. – Pp. 104–106.

4. Federal Law № 144-FZ dated August 12, 1995: On Operational-Investigative Activities / Rossiyskaya Gazeta. – August 18, 1995, № 160.

5. Akopdzhanova, M.O. Features of operational and investigative activities at the present stage // Current problems of the theory and practice of operational and investigative activities. Materials of the IV All-Russian scientific and practical conference. – Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016. – Pp. 3–5.

6. Chelysheva, O.V. On the issue of the concept and tactics of verifying testimony on the spot // Criminalist. 2018. № 4 (25). Pp. 62–63.

7. Chelysheva O.V. On the issue of the concept and tactics of verifying testimony in place // Kriminalist. 2018. № 4 (25). Pp. 63–64.

8. Pomaz, G.S. Using the capabilities of psychological science in the interrogation of suspects, accused persons, and victims / G.S. Pomaz // Philosophy of Law. – 2016. – № 2 (75). – Pp. 79–83.

Оперативно-розыскное мероприятие «получение компьютерной информации» как инструмент противодействия преступлениям, совершаемым с использованием мобильных устройств: правовые и прикладные аспекты

Прокофьев Олег Михайлович,
преподаватель кафедры организации и обеспечения раскрытия и расследования преступлений, б/с, б/з,
Тверской филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: bimtim22@yandex.ru

В статье рассматривается современное состояние противодействия преступлениям, совершаемым с использованием мобильных средств связи, в контексте стремительной цифровизации общественных отношений, которая охватила все сферы жизнедеятельности современного общества. Сделан вывод, что преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, являются одной из наиболее динамично развивающейся категории противоправных деяний. Анализируются основные факторы, обуславливающие рост дистанционной преступности в Российской Федерации, и его социально-экономические последствия. Особое внимание уделяется правовой регламентации и практическому применению оперативно-розыскного мероприятия «получение компьютерной информации» (п. 15 ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности») как ключевого инструмента документирования противоправной деятельности в цифровой среде. На основе анализа статистических данных и научных исследований сформулированы предложения по совершенствованию нормативного правого регулирования, технического оснащения и методического обеспечения данного ОРМ.

Ключевые слова: получение компьютерной информации, оперативно-розыскная деятельность, мобильные устройства, киберпреступность, информационная безопасность.

Цифровая трансформация, охватившая все сферы жизнедеятельности современного общества, неизбежно детерминирует появление новых форм противоправного поведения. Мобильные устройства, ставшие не просто средством коммуникации, но и основным хранилищем персональных и финансовых данных пользователей, превратились в привлекательный объект для криминальных посягательств и одновременно – в инструмент совершения преступлений [1, с. 163].

В этих условиях перед правоохранительными органами стоит задача не только адекватного реагирования на уже существующие угрозы, но и опережающего прогнозирования новых криминальных схем, реализуемых с использованием достижений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий.

Противодействие киберпреступности в Российской Федерации осуществляется на протяжении более двух десятилетий, однако, несмотря на принимаемые меры, данная сфера сохраняет устойчивую тенденцию к росту, адаптируясь к технологическим инновациями и изменениям социально-экономической среды. В этой связи особую актуальность приобретает научное осмысление правовых и организационных аспектов применения оперативно-розыскных мероприятий (далее по тексту – ОРМ), направленных на выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений в информационной среде. Среди таких мероприятий, как видится, ключевое место занимает ОРМ «получение компьютерной информации», введенное в перечень ОРМ Федеральным законом от 6 июля 2016 года № 374-ФЗ [2].

Как представляется, преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, являются одной из наиболее динамично развивающейся категории противоправных деяний. По данным Министерства внутренних дел Российской Федерации в 2025 году всего зарегистрировано 675 372 преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 11,8% меньше, чем в прошлом году [3]. При этом число лиц, потерпевших от действий «кибермошенников» составило 534,5 тыс. человек [4].

При этом, несмотря на позитивную динамику в части снижения количественных показателей, сумма зарегистрированного материального ущерба от киберпреступлений остается значительной. Так, в 2025 году она снизилась с 205 млрд руб. до 189,5 млрд руб. [4]. В то же время по данным Сбербанка, объем похищенных мошенниками у россиян средств по итогам 2025 года составил около 280–285 млрд руб. [5].

В июне 2025 года заместитель председателя правления Сбербанка Станислав Кузнецов прогнозировал, что объем похищенных средств в рамках телефонного мошенничества в 2025 году может вырасти на 15–20% с 300 млрд руб. в 2024 году [6].

Данное расхождение между снижением числа регистрируемых преступлений и ростом (либо сохранением на высоком уровне) суммы ущерба объясняется несколькими факторами. Во-первых, как справедливо отметил статс-секретарь – заместитель министра цифрового развития РФ Иван Лебедев, схемы хищений становятся более продуманными, что приводит к большему ущербу по отдельным эпизодам. Во-вторых, по его мнению, несмотря на снижение количества преступлений, рост ущерба обусловлен появлением новых объектов посягательства: квартир, машино-мест, апартаментов, домов, снятых наличных средств [7].

Важно отметить, что одной из наиболее острых проблем остается телефонное мошенничество. По данным Минцифры России, в 2025 году телефонные мошенники обманули порядка 1 млн россиян (в 2024 году жертвами стали 1,3 млн граждан) [7]. Операторы связи фиксируют ежедневно свыше 25 млн автоматизированных и персонализированных мошеннических звонков. Данное обстоятельство создает колоссальную нагрузку на правоохранительную систему и требует постоянного совершенствования как превентивных, так и репрессивных механизмов противодействия.

Ситуация усугубляется тем, что организаторы и участники организованных преступных групп в сфере IT-преступности обладают высоким уровнем технического оснащения и глубокой конспираци-

ей, используют исключительно бесконтактные формы коммуникации, а также активно вовлекают в преступную деятельность несовершеннолетних [8, с. 256].

Таким образом, мобильная киберпреступность трансформируется из разряда общеуголовной в высокоорганизованную деятельность, представляющую не только криминальную, но и социальную, и экономическую угрозу национальной безопасности России.

Как отмечалось выше, Федеральным законом от 6 июля 2016 года № 374-ФЗ перечень оперативно-розыскных мероприятий, установленный ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», был дополнен новым видом – «получение компьютерной информации». Как видится, введение данного ОРМ стало закономерным ответом законодателя на вызовы цифровой эпохи и необходимость формирования адекватного правового инструмента для доступа к информации, имеющей оперативно-розыскное значение и хранящейся в электронном виде.

Вместе с тем, как справедливо отмечается в научной литературе, в действующем законодательстве отсутствует легальное определение «получение компьютерной информации». Данный пробел порождает теоретические дискуссии и практические трудности, в частности, при ограничении рассматриваемого ОРМ от «снятие информации с технических каналов связи» [9, с. 39].

В научной литературе предпринимаются отдельные попытки восполнить этот пробел. Так, Р.Р. Мамлеев определяет получение компьютерной информации как «совокупность средств и способов исследования компьютерной системы с целью обнаружения и документирования материальных следов, сопутствующих подготовке или совершению преступлений, которые могут содержаться в компьютерной системе в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи [9, с. 40].

Профессор А.Л. Осипенко рассматривает данное ОРМ как деятельность, отражающую специфику работы с цифровой информацией [10, с. 85].

По мнению С.В. Баженова, получение компьютерной информации представляет собой негласное ОРМ, проводимое оперативно-техническими подразделениями, с целью получения удаленного доступа к данным по сети Интернет, с применением программных компонентов [11, с. 34].

Анализ правовой природы ОРМ «получение компьютерной информации» позволяет выделить его ключевые характеристики. Во-первых, оно относится к числу мероприятий, ограничивающих конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища. Проведение такого ОРМ допускается только на основании судебного решения и при наличии достаточных оснований полагать, что лицо, в отношении которого оно проводится, причастно к совершению преступления. Во-вторых, получение компьютерной информации проводится с использованием оперативно-технических сил и средств органов федеральной службы безопасности и органов внутренних дел, что предполагает высокий уровень специальных знаний и технического оснащения.

Особую значимость рассматриваемое ОРМ приобретает в контексте преступлений, совершаемых с использованием средств мобильной связи. Мобильные устройства содержат колоссальный объем информации, имеющей оперативно-розыскное значение: данные о соединениях, сообщения в мессенджерах, история браузера, геолокационные данные, финансовые приложения, контакты, мультимедийные файлы и многое другое. Получение и надлежащая фиксация этой информации может стать решающим звеном в доказывании причастности лица к совершению преступления. При этом важно подчеркнуть, что извлечение информации из мобильных устройств должно производиться с соблюдением установленной законом процедуры, гарантирующей как допустимость полученных доказательств, так и защиту прав и законных интересов граждан.

Далее перейдем к анализу правоприменительной практики, который позволил выделить ряд системных проблем, препятствующих эффективному использованию ОРМ «получение компьютерной информации» при противодействии мобильной преступности.

Первая группа проблем связана с недостаточной регламентацией процедуры проведения ОРМ. Отсутствие детализированных ведомственных инструкций и методических рекомендаций, конкретизирующих порядок применения п. 15 ст. 6 Федерального закона «Об ОРД» именно в контексте с мобильными устройствами и генерируемыми ими данными, создает риски неединообразного толкования правовых норм и, как следствие, признание полученных результатов недопустимыми доказательствами.

Вторая группа проблем носит технический характер и обусловлена стремительным развитием технологий защиты информации, используемых производителями мобильных устройств и разработчиками программного обеспечения. Шифрование данных, биометрическая аутентификация, удаленное стирание информации, использование защитных мессенджеров – все это создает объективные сложности для оперативного доступа к оперативно значимой информации. В этой связи возникает необходимость оснащения оперативных подразделений современными программно-аппаратными комплексами, позволяющими проводить полную экспертизу широкого спектра устройств, а также извлекать данные из защищенных приложений, зашифрованных контейнеров и облачных хранилищ.

Третья группа проблем связана с каровым обеспечением. Как справедливо отмечают А.Г. Куликов и Т.Н. Кодзов, одним из ключевых факторов успешной деятельности оперативных подразделений по раскрытию преступлений, совершаемых с использованием технических средств и информационных технологий, является применение инновационных продуктов, что требует осуществления комплекса мер правового, организационного и тактического характера, направленного на улучшение уровня материальной и технической оснащенности, а также формирование кадрового потенциала [1].

На основе выявленных проблем представляется возможным предложить следующий комплекс мер по оптимизации применения ОРМ «получение компьютерной информации».

Во-первых, необходимо совершенствование нормативной правовой базы, а именно представляется целесообразным разработать и принять ведомственную инструкцию (методические рекомендации), которые бы детально регламентировали порядок проведения ОРМ «получение компьютерной информации» при работе с мобильными устройствами. В основу такого документа должен быть положен всесторонний анализ существующей оперативно-розыскной, следственной и судебной практики с обобщением процессуальных и технических сложностей. Для выработки единообразных подходов к правоприменению представляется обоснованным создание межведомственной рабочей группы с участием представителей МВД России, ФСБ России, Следственного комитета РФ, Роскомнадзора и научного сообщества.

Кроме того, представляется необходимым разработать унифицированный алгоритм проведения ОРМ. Речь идет о создании детального алгоритма действий сотрудников оперативных подразделений: от этапа подготовки и принятия решения о проведении ОРМ до фиксации изъятых цифровых следов и решения вопроса о возбуждении уголовного дела. В рамках этого алгоритма особое внимание должно быть уделено достоверной идентификации извлеченных цифровых следов и их соотнесению с конкретным мобильным устройством и расследуемым уголовным делом. Для этого рекомендуется использовать совокупность идентификаторов: международный идентификатор мобильного устройства (IMEI), MEID, системные логи авторизации, массив активности, уникальный номер SIM-карты, серийный номер, MAC-адрес, геолокационные и GPS-данные. Методологически оправданным является использование моделирование типовых ситуаций (например, мобильное мошенничество через финансовые приложения) и анализ эффективных кейсов для систематизации оптимальной последовательности действий.

Также полагаем необходимым оснастить оперативные подразделения современными мобильными криминалистическими комплексами, позволяющими проводить полную экспертизу широкого спектра устройств. Практическая реализация данного предложения предполагает проведение открытых конкурсных процедур для централизованных государственных закупок оборудований и лицензий, а также организацию постоянной системы обучения и сертификации специалистов в области мобильной цифровой криминалистики на базе ведущих образовательных и экспертных центров в системе МВД России.

Для оперативного противодействия масштабным мобильным угрозам необходимо создать и поддерживать в актуальном состоянии централизованные базы данных уникальных идентификаторов (криптографических хешей) вредоносного программного обеспечения, фишинговых веб-ресурсов и мошеннических мобильных приложений. Технологической основой для этого может служить внедрение автоматизированной системы безопасного обмена информацией между правоохранительными органами и телекоммуникационными операторами. Ключевую роль здесь призваны сыграть технологии сбора и анализа разведывательных данных об угрозах (Threat Intelligence (TI), позволяющие не только фиксировать уже совершенные атаки, но и прогнозировать новые вероятные пути реализации преступных схем.

Кроме того, полагаем необходимым внедрить в программы ведомственного дополнительного образования отдельного модуля, посвященного тактико-криминалистическим особенностям проведения

ОРМ и расследования преступлений, совершаемых с использованием мобильных технологий. Методологически это требует разработки и регулярного проведения специализированных тренингов, практических семинаров и деловых игр с привлечением экспертов-практиков. Одновременно следует активизировать проведение научных исследований на базе ведомственных вузов, направленных на опережающую адаптацию оперативно-розыскной деятельности с новым технологическим вызовам.

Резюмируя изложенное, следует констатировать, что преступления, совершаемые с использованием мобильных средств связи, представляют собой одну из наиболее серьезных угроз национальной безопасности Российской Федерации в целом. Масштабы данного явления, его высокая организованность и технологическая оснащенность требуют адекватного ответа со стороны правоохранительной системы, ключевым элементом которого выступает эффективное использование оперативно-розыскного мероприятия «получение компьютерной информации».

Введение данного ОРМ в 2016 году стало важным шагом на пути формирования современного правового инструментария противодействия киберпреступности. Однако существующее правовое регулирование нуждается в дальнейшем совершенствовании. Предложенный в настоящей статье комплекс мер – от уточнения нормативной правовой базы и разработки унифицированных алгоритмов до технического переоснащения и повышения квалификации кадров – позволит преобразовать ОРМ «получение компьютерной информации» из общего инструментария в точный, технологичный и эффективный механизм противодействия именно мобильной киберпреступности.

Как представляется, реализация данных предложений будет способствовать повышению результативности оперативно-розыскной деятельности в условиях усиления массовых угроз мобильных атак, обеспечит предупредительную защиту информационного пространства и позволит правоохранительным органам своевременно и адекватно реагировать на вызовы цифровой эпохи.

Литература

1. Куликов А. Г., Кодзов Т.Н. К вопросу использования средств извлечения информации из мобильных устройств при проведении оперативно-розыскных мероприятий // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2024. – № 2 (109). – С. 163–176.

2. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» от 6 июля 2016 года № 374-ФЗ // [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_201078/.

3. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2025 года // [Электронный ресурс]. – URL: https://мвд.рф/reports/item/77848182/.

4. МВД: число киберпреступлений в России снизилось на 12% в 2025 году // [Электронный ресурс]. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8442339.

5. Сбербанк оценил объем похищенных мошенниками средств в 2025 г. в 280–285 млрд руб. // [Электронный ресурс]. – URL: https://www.interfax.ru/business/1070065.

6. «Сбер»: мошенники могут украсть у россиян более 330 млрд рублей до конца года // [Электронный ресурс]. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/7800919.

7. Минцифры: порядка 1 млн россиян обманули телефонные мошенники в 2025 году // [Электронный ресурс]. – URL: https://senatinform.ru/news/mintsifry_poryadka_1_mln_rossiyan_obmanuli_telefonnye_moshenniki_v_2025_godu/.

8. Клещина Е. Н., Крылова Д.С. Проблемы доказывания при производстве по уголовным делам признаков организованной группы в условиях глобальной цифровизации // Закон и право. – 2024. – № 2. – С. 255–259.

9. Мамлеев Р.Р. Средства и методы осуществления оперативно-разыскного мероприятия получение компьютерной информации // Полицейская и следственная деятельность. – 2016. – № 4. – С. 37–45.

10. Осипенко А.Л. Новое оперативно-розыскное мероприятие «получение компьютерной информации»: содержание и основы осуществления // Вестник Воронежского института МВД России. – № 3. – 2016. – С. 82–86.

11. Баженов С.В. Оперативно-розыскное мероприятие «Получение компьютерной информации» // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2017. – № 2. С. 31–34.

OPERATIONAL AND SEARCH ACTIVITIES «OBTAINING COMPUTER INFORMATION» AS A TOOL FOR COUNTERING CRIMES COMMITTED USING MOBILE DEVICES: LEGAL AND APPLIED ASPECTS

Prokofiev O.M.
Tver Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot

The article examines the current state of countering crimes committed using mobile communication tools in the context of the rapid digitalization of social relations, which has охватила all spheres of life in modern society. It is concluded that crimes committed using information and telecommunications technologies are one of the most dynamically developing categories of unlawful acts. The main factors driving the growth of remote crime in the Russian Federation and its socio-economic consequences are analysed. Particular attention is paid to the legal regulation and practical application of the operational-search activity «obtaining computer information» (clause 15 of Article 6 of the Federal Law «On Operational-Search Activities») as a key tool for documenting unlawful activities in the digital environment. Based on the analysis of statistical data and scientific research, proposals have been formulated to improve the regulatory framework, technical equipment, and methodological support for this operational and investigative measure.

Keywords: obtaining computer information, operational and investigative activities, mobile devices, cybercrime, and information security.

References

1. Kulikov A. G., Kodzov T.N. On the use of tools for extracting information from mobile devices during operational-search activities // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – № 2 (109). – P. 163–176.

2. Federal Law № 374-FZ of July 6, 2016, «On Amendments to the Federal Law 'On Countering Terrorism' and Certain Legislative Acts of the Russian Federation Regarding the Establishment of Additional Measures to Counter Terrorism and Ensure Public Safety» // [Electronic resource]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_201078/.

3. Crime situation in Russia for January–December 2025 // [Electronic resource]. – URL: https://мвд.рф/reports/item/77848182/.

4. Ministry of Internal Affairs: number of cybercrimes in Russia decreased by 12% in 2025 // [Electronic resource]. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/8442339.

5. Sberbank estimated the volume of funds stolen by fraudsters in 2025 at 280–285 billion rubles // [Electronic resource]. – URL: https://www.interfax.ru/business/1070065.

6. Sber: fraudsters could steal over 330 billion rubles from Russians by the end of the year // [Electronic resource]. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/7800919.

7. Ministry of Digital Development: around 1 million Russians were deceived by phone fraudsters in 2025 // [Electronic resource]. – URL: https://senatinform.ru/news/mintsifry_poryadka_1_mln_rossiyan_obmanuli_telefonnye_moshenniki_v_2025_godu/.

8. Kleshchina E. N., Krylova D.S. Evidentiary challenges regarding signs of an organized group in criminal proceedings amidst global digitalization // Law and Right. – 2024. – № 2. – P. 255–259.

9. Mamleev R.R. Means and methods of conducting the operational-search activity «obtaining computer information» // Police and Investigative Activity. – 2016. – № 4. – P. 37–45.

10. Osipenko A.L. The new operational-search activity «obtaining computer information»: content and implementation principles // Bulletin of the Voronezh Institute of the Russian Interior Ministry. – № 3. – 2016. – P. 82–86.

11. Bazhenov S.V. Operational-search activity «Obtaining computer information» // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Russian Interior Ministry. – 2017. – № 2. – P. 31–34.

Некоторые вопросы правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление

Самедов Джахангир Сеймур оглы,
аспирант, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
E-mail: dzhaxars@bk.ru

Работа посвящена комплексному исследованию проблем уголовной ответственности за вред, причиненный лицу, совершившему преступление. Цель статьи – детальный анализ теоретических и практических аспектов квалификации таких деяний, а также выявление пробелов в действующем законодательстве. Методология исследования базируется на анализе норм УК РФ, судебной практики и сопоставлении отечественных и зарубежных доктринальных подходов к причинению вреда лицу, совершившему преступление. Согласно результатам исследования, Новизна работы заключается в обосновании необходимости законодательного расширения пределов правомерного причинения вреда с. Согласно выводам исследования, существует потребность в устранении нормативных противоречий с одновременным. Результаты исследования могут быть реализованы при совершенствовании нормотворчества правоприменительной деятельности правоохранительных органов. В статью 38 Уголовного кодекса Российской Федерации целесообразно включить формулу, распространяющую правила задержания на лицо, которое совершило либо совершает преступление: указанное уточнение устранит разнородность практики и сблизит уголовно-правовое регулирование с полицейскими предписаниями. Требуется унифицировать и нормы, относящиеся к нанесению вреда во время задержания: при применении оружия полицейский обязан сводить возможный ущерб к минимуму, не переводя оружие без необходимости на жизненно важные зоны – голову и грудную клетку задерживаемого.

Ключевые слова: умысел, применение оружия, соразмерность причиненного вреда, уголовная ответственность, законодательный пробел.

Не является преступлением причинение вреда лицу, совершившему преступление, при его задержании для доставления органам власти и пресечения совершения им новых преступлений, если иными способами задержать такое лицо не представлялось возможным и при этом не было допущено превышения необходимых для этого мер.

Превышением мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, признается их явное несоответствие характеру и степени общественной опасности совершенного задерживаемым лицом преступления, когда ему причиняется явно чрезмерный, не вызываемый обстановкой задержания вред. Такое превышение влечет за собой ответственность только в случаях умышленного причинения вреда [4].

Анализируя данную правовую норму, можно выделить следующие критерии правомерности причинения вреда лицу, совершившему преступление:

1) характер и степень общественной опасности преступления;
2) способы задержания лица, совершившего преступление;
3) способы задержания, отличные от применения вреда лицу;
4) обстановка задержания;
5) количество задерживаемых лиц;
6) субъект задержания, их количество;

Способы задержания преступника.

С применением оружия

Право собственности

Ввиду кратчайшего времени для задержания преступника сотрудник полиции не может обдумать все нюансы задержания.

Субъект задержания

В данном вопросе нельзя оставить без внимания Постановление Пленума Верховного Суда РФ, который разъясняет, что право задержать лицо, совершившее преступление, в равной степени предоставляется каждому, независимо от того, является это лицо представителем власти, пострадавшим или очевидцем, а также такое право предоставляется лицам, которым стало достоверно известно о совершении преступления.

Следующим моментом является применение специальных средств сотрудниками полиции для задержания лица, совершившего преступление. И в целом что сотрудники полиции МВД, что сотрудники полиции Росгвардии руководствуются идентичной нормой, указанной в разных Законах. Проанализировав эту норму, стоит отметить, что сотрудники полиции имеют право применить специальные средства для задержания лица, совершившего преступление, только в том случае, если оно было застигнуто в момент совершения преступления и если оно пытается при этом скрыться. Других случаев применения специальных средств именно для задержания лица, совершившего преступление, законом не предусмотрено

Субъективная сторона

Как мы с вами можем заметить, применение специальных средств сотрудником полиции для задержания лица, совершившего преступление, требует от полицейских больших умственных затрат: начиная с того, можно ли применить в конкретной ситуации специальные средства, и заканчивая тем, можно ли применять данные средства к определенному нарушителю. А на это все накладываются стресс и ограниченность времени принятия решения.

Совершение задерживаемым лицом преступления, под которым в УК РФ понимается «виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания».

Проблема данного критерия заключается в том, что формулировка ст. 38 УК РФ возлагает на задерживающее лицо непосильную задачу в считанные секунды квалифицировать совершенное деяние. Однако квалификация совершенного преступления даже в условиях спокойной обстановки лицом, обладающим высшим юридическим образованием, представляет иногда серьезные трудности.

Для признания деяния преступлением не всегда должны наступить негативные последствия; так, глава 6 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за покушение и приготовление к тяжкому и особо тяжкому преступлению. Поэтому правонарушителя следует

обезвреживать, не дожидаясь, когда он доведет противоправные действия до конца.

Сложным остается вопрос, связанный с задержанием лица, совершившего деяние, которое в силу отсутствия общественной опасности не является преступлением, или с задержанием лица, которое преступление не совершало, но все признаки указывали на него как на лицо, совершившее преступление, т.е. невиновного в причинении вреда. В данных случаях речь идет о «мнимом задержании», из чего следует, что действия задерживающего лица должны оцениваться по правилам фактической ошибки в зависимости от наличия или отсутствия вины. Однако данная норма в уголовном законодательстве в настоящее время отсутствует, а потому требует регламентации по аналогии с мнимой обороной.

Причинение вреда допустимо только в том случае, если оно является единственным средством задержания. Допустимы только те средства и меры задержания, которые требуются для преодоления попыток скрыться. Не менее важным обстоятельством, которое определяет правомерность данного критерия, является субъективная оценка лицом, осуществляющим задержание, произошедшего события, так как оно действует в условиях повышенного стресса и должно принять правильное решение в считанные секунды. Пробел российского законодательства в правовой регламентации фактора неожиданности (мнимого задержания) имеет значение при решении вопроса о превышении мер задержания, ведь даже подготовленные сотрудники правоохранительных органов не лишены эмоционального напряжения.

Цель задержания

Ко второму критерию правомерного причинения вреда задерживаемому лицу мы относим наличие специальной цели, установленной ст. 38 УК РФ: «…доставление задерживаемого лица органам власти и пресечение возможности совершения им новых преступлений». Совершение задержания с причинением вреда с иными целями недопустимо, такие действия будут признаны незаконными.

Из дословного толкования положений Пленума Верховного Суда РФ следует, что цели «доставление» и «пресечение» являются единым целым. Так, в п. 18 Постановления Пленума указано, что задержание производится с целью доставления в органы власти и тем самым пресечь возможность совершения новых преступлений [4]. По нашему мнению, цель – пресечение возможности совершения новых преступлений – должна признаваться самостоятельной целью задержания. Из дословного толкования закона причинение смерти задерживаемому лицу в настоящее время является допустимым, так как Особенной частью УК РФ в ст. 108 предусматривается ответственность только за убийство в результате умышленного превышения мер, необходимых для задержания. Из чего можно сделать вывод, что если лицо не превышало мер задержания или сделало это неумышленно, то в его действиях отсутствует состав преступления. Однако действующая редакция ст. 38 УК РФ из-за своей конструкции порождает неправильное понимание его сути правоприменителями, в связи с чем данную норму необходимо изменить.

Действия, повлекшие причинение смерти лицу при его задержании, должны признаваться правомерными, но они должны быть ограничены для исключения случаев самосуда. Так, нельзя признавать правомерным причинение смерти задерживаемому в случае добровольной сдачи, при отсутствии сопротивления, при отсутствии попыток бегства, при отсутствии угрозы жизни и здоровью окружающих. Умышленное причинение вреда задерживаемому лицу из-за личной неприязни, по мотивам мести либо из-за других каких-либо внутренних побуждений, в свою очередь, следует квалифицировать по соответствующим статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за умышленное преступление.

Объект задержания

Помимо вышеуказанного, сотруднику полиции необходимо учитывать запреты, которые возникают из применения специальных средств. Так, законодательством установлен запрет на применение специальных средств к следующим категориям лиц: к женщинам с видимыми признаками беременности, к лицам с явными признаками инвалидности и к малолетним лицам. Как и со специальными средствами, сотруднику полиции необходимо помнить про запреты, связанные с применением оружия, для задержания лица, совершившего преступление. Так, законодательством установлен запрет на применение оружия с производством выстрела на поражение к следующим категориям лиц: к женщинам, к лицам с явными признаками инвалидности и к несовершеннолетним, когда их возраст известен или очевиден.

В связи с тем что термин «преступление» неотделим от лица, его совершившего, то в данном направлении также существуют определенные трудности. Так, данное лицо должно обладать набором определенных признаков (достижение возраста уголовной ответственности, вменяемость). Данная проблема вытекает из того, что точное установление возраста возможно только путем документального подтверждения, а при их отсутствии или если лицо отстает в психическом развитии, то необходимо проведение судебно-медицинской экспертизы. Аналогична проблема и с определением вменяемости, так как невменяемым человека может признать только суд. Априори установление вышеперечисленных сведений в момент осуществления задержания невозможно. Из этого следует, что причинение вреда лицу, совершившему преступление, но не достигшему возраста уголовной ответственности или являющемуся невменяемым, следуя букве закона, можно признать незаконным ввиду отсутствия состава преступления. Мы считаем, что данную проблему следует урегулировать путем судебного разъяснения о том, что причинение вреда при задержании возможно в отношении любого лица, которое совершило деяние, содержащее признаки преступления, независимо от его возраста или психического здоровья.

Отсутствие законодательного определения термина «лицо, совершившее преступление» образует в науке уголовного права тему для дискуссии вокруг данного словосочетания с выдвижением различных идей реконструкции данной формулировки. На наш взгляд, данная область требует только разъяснения или дополнения, в котором будет раскрываться, что к лицу, которое совершило преступление, относится любое лицо независимо от возраста и психического здоровья.

Способы задержания

Как мы с вами можем заметить, применение специальных средств сотрудником полиции для задержания лица, совершившего преступление, требует от полицейских больших умственных затрат: начиная с того, можно ли применить в конкретной ситуации специальные средства, и заканчивая тем, можно ли применять данные средства к определенному нарушителю. А на это все накладываются стресс и ограниченность времени принятия решения.

К третьему критерию мы относим вынужденность причинения вреда, так как иные средства не позволяют осуществить задержание лица, совершившего преступление. Причиняемый вред является единственным способом задержать преступника. Данное обстоятельство тесно взаимосвязано с превышением мер, необходимых для задержания, так как если не использовать иных средств задержания, то будет образовываться состав уголовно наказуемого деяния – превышение мер, необходимых для задержания.

Вред, причиняемый при задержании, может быть не только физическим или материальным, но и в виде лишения личных свобод (свобода передвижения). Так, задержание может быть произведено не только путем оказания физического воздействия на правонарушителя, но и путем его закрытия в каком-либо помещении. Данное обстоятельство по своей природе можно расценивать как причинение вреда, так как лишение человека свободы передвижения без цели задержания является уголовно наказуемым деянием.

В своей служебной деятельности сотрудники правоохранительных органов Российской Федерации имеют право на применение физической силы, специальных средств и оружия в порядке и условиях, определенных федеральным законом. Так, например, сотрудники полиции имеют право применять оружие для задержания лица, застигнутого при совершении деяния, содержащего признаки тяжкого или особо тяжкого преступления, при условии, что данное лицо пытается скрыться и иными средствами задержать его невозможно. Из этого следует, что в момент, когда лицо застигнуто за преступлением и опасность деяния оценивается сотрудником в считанные секунды «навскидку», закон позволяет применять оружие, а при задержании лица, действия которого квалифицированы путем возбуждения уголовного дела, – не позволяет. На наш взгляд, данная формулировка не в полной мере отвечает вызовам в борьбе с преступностью, а потому требует законодательных доработок. Данный пункт существенно ограничивает право на применение оружия при задержании лица, причастность к преступлению которого устанавливается спустя некоторое время – по результатам проведения следствия. Общественная опасность такого лица продолжает сохраняться, и менее опасным оно не становится.

Причинение вреда допустимо только в том случае, если оно является единственным средством задержания. Допустимы только те средства и меры задержания, которые требуются для преодоления попыток скрыться. Не менее важным обстоятельством, которое определяет правомерность данного критерия, является субъективная оценка лицом, осуществляющим задержание, произошедшего события, так как оно действует в условиях повышенного стресса и должно принять правильное решение в считанные секунды. Пробел российского законода-

тельства в правовой регламентации фактора неожиданности (мнимого задержания) имеет значение при решении вопроса о превышении мер задержания, ведь даже подготовленные сотрудники правоохранительных органов не лишены эмоционального напряжения.

В соответствии со статьей 38 УК РФ не признается преступным причинение вреда лицу, совершившему деяние, во время его задержания для передачи органам власти и недопущения новых посягательств, если иные способы пресечения поведения не были доступны и пределы необходимого воздействия не оказались превышены. Задержание, обусловленное такой ситуацией, выступает социально одобряемой формой поведения и служит делу противодействия преступности. Убедительность выводов о причастности лица должна подтверждаться конкретными сведениями, среди которых выделяются наличие предметов, полученных преступным путем, следы на одежде, наличие средств или орудий совершения преступления, показания потерпевших и очевидцев. Уверенность в том, что задерживаемый действительно совершил преступление, может формироваться также на основании распространенных правоохранительными органами фотографий. Обычно так происходит групповом вооруженном побеге из мест лишения свободы, когда лицо, пытаясь избежать задержания, фактически скрывается от преследования, при бандитизме, изнасилованиях, серийных убийствах. Объективную основу причинения вреда образуют стремление уклониться от передачи уполномоченным органам и сам факт совершения преступления.

Применение вреда в ходе задержания требует соблюдения ряда условий:

вред причиняется лишь в пределах краткого временного отрезка.

не должно быть допущено превышения мер, необходимых для задержания; нанесение ущерба имеет вынужденный характер;

вред причиняется лишь преступнику;

причинителем вреда способно выступать любое лицо;

ущерб вызывается исключительно активным поведением;

ущерб наносится ради цели, закрепленной в статье 38 УК РФ.

Положения о вреде при задержании не действуют в отношении лиц, не связанных с преступлением, но оказавшихся рядом с задерживаемым: ущерб, нанесенный таким посторонним субъектам, например при использовании огнестрельного оружия во время задержания преступника, квалифицируется по обстановке – как неосторожное преступление, оправданный риск либо крайняя необходимость.

В отличие от механизма необходимой обороны правовая конструкция задержания не распространяется на ситуации, когда воздействие направлено на лиц, совершивших общественно опасные действия, однако не подлежащих уголовной ответственности в силу недостижения требуемого законом возраста либо признания их невменяемыми. Когда указанным категориям лиц невольно причиняется вред в целях последующей изоляции после совершенного деяния наступает состояние крайней необходимости (к примеру, при принудительной госпитализации в специализированное медицинское учреждение лица с психическим расстройством). Законодатель прямо закрепил непреступный статус причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление, – так проявляется правовая сущность этого института. Пресечение действий виновного в момент его задержания нередко исключает дальнейшее развитие преступной активности и одновременно создает предпосылки для последующего возмещения причиненного ущерба.

И.С. Тишкевич, рассматривая эту проблему, подчеркивал предупредительный эффект участия граждан, поскольку правонарушитель учитывает возможность столкнуться не только с сотрудниками органов охраны правопорядка, но и с любым очевидцем, способным применить силу, а в отдельных ситуациях – причинить смерть [4]. Осознание такой угрозы, дополняя опасение перед наказанием, сдерживает от нового посягательства. Значение задержания не сводится к профилактике, поскольку через него обеспечивается неизбежность привлечения к уголовной ответственности.

Возможность задержать виновного принадлежит не только должностным лицам, но и гражданам, лично наблюдавшим противоправное деяние, потерпевшим, а также лицам, которым достоверно известен сам факт содеянного. Хотя неотвратимость не закреплена в Уголовном кодексе Российской Федерации как самостоятельное начало, она входит в содержание принципа законности (статья 3 УК РФ) и вытекает из задач уголовного права, ориентирующих правоприменителя на передачу совершившего преступление органам власти для последующего привлечения к уголовной ответственности. Ст. 38 УК РФ закрепляет комплекс условий, при наличии которых причиненный при задержании вред не образует преступления, а значит, исключает и уголовную ответственность причинителя. Предоставление гражданам субъективного правомочия на задержание лица, совершившего преступление, повышает их общественную вовлеченность – вследствие этого становится результативнее взаимодействие обычных граждан и правоохранительных структур в сфере охраны правопорядка.

Превышение мер, требуемых для задержания, имеет место при их очевидной несоразмерности условиям самого задержания (когда без надобности причиняется избыточный вред, не продиктованный обстановкой), а также степени и характеру общественной опасности деяния, совершенного задерживаемым. Задержание преступника допустимо и тогда, когда отсутствует непосредственная угроза нового общественно опасного посягательства.

Причиненный ему вред надлежит рассматривать в соответствии с нормами, устанавливающими пределы необходимой обороны, когда лицо, попавшее в процедуру задержания, прибегает к общественно опасному нападению – в том числе к насилию, создающему угрозу для жизни того, кто производит задержание, или находящихся поблизости людей, либо высказывает открытую угрозу применения подобного насилия. Совершенно иная юридическая оценка применяется во всех остальных обстоятельствах.

При решении вопроса о пределах допустимого ущерба учитывают фактическую картину задержания – совокупность условий, способных обеспечить пресечение преступного поведения с минимальным вредом для задерживаемого: принадлежность к преступным объединениям, время и место и посягательства, за которыми немедленно следует задержание, вероятность скрыться с места происшествия, число лиц с каждой стороны, их физическую подготовку, пол и возраст, сведения об агрессивных действиях, наличие оружия.

Право причинить ущерб при остановке лица, виновного в совершении преступного акта, принадлежит как гражданам, ставшим очевидцами тяжкого криминального посягательства, так и представителям органов правоохраны. Правовое закрепление этого принципа выходит за границы уголовного законодательства: в статье 22 Закона «О противодействии терроризму» признаются законными лишение жизни террориста, причинение вреда его правам, здоровью при условии, что подобное воздействие направлено на либо входит в перечень иных противотеррористических мер, одобренных или разрешенных нормативной базой Российской Федерации или пресечение террористического акта [4]. В рамках такого подхода вопрос о несоразмерности примененных при пресечении деятельности террористов мер не встает, несмотря на то что конкретные обстоятельства обстановки, определяющие допустимость причинения вреда, остаются в данном акте неуточненными.

Полицейский при условии соответствия действий процедурам и основаниям, определенным федеральными конституционными и федеральными законодательными актами, не несет ответственности за вред, нанесенный юридическими образованиями или физическими лицами посредством применения оружия, спецсредств, физического воздействия. В соответствии с положениями ч. 4 ст. 16 Закона об ОРД охрана прав и интересов граждан, обеспечение защиты общества и государства от преступных угроз позволяет должностному лицу оперативного органа либо его помощнику причинить ущерб охраняемым законом ценностям вынужденно, если таковой причинен при надлежащем исполнении служебных либо общественных обязанностей [4].

Российские граждане располагают правом применять находящееся в их законной собственности оружие в целях защиты собственной жизни и телесного благополучия, действуя в состоянии необходимой обороны или экстренной необходимости; предшествовать применению оружия должно предупреждение адресату угрозы, исключая обстоятельства, когда медлительность создает неминуемую угрозу человеческому существованию. Запрещено направлять оружие против женщин, лиц с явно выраженными признаками инвалидности и молодых людей, не достигших совершеннолетия, когда их статус очевиден или установлен; допускается исключение исключительно в ситуациях группового или вооруженного осуществления нападения такими категориями лиц. Сотрудник Национальной гвардии Российской Федерации или военнослужащий имеет право на открытие огня без предварительного оповещения, когда отражает нападение с использованием оружия, морских и речных судов, летательных аппаратов, боевой или специальной техники, транспортных средств [4].

Признавая неизбежно вынужденный характер причиняемого при этом вреда, международное сообщество настаивает на его минимизации. Согласно смыслу статьи 2 Конвенции о защите неотъемлемых прав человека и основных свобод, принятой в 1950 году, лишение жизни может быть допущено исключительно в целях защиты человека от противоправного насилия либо когда оно необходимо для осуществления правомерного задержания или пресечения побега лица, находящегося под стражей в соответствии с законом [4].

В практике органов охраны правопорядка, включая подразделения внутренних дел, при реализации норм о задержании лица, совершившего общественно опасное деяние, сохраняются дефекты, влекущие нарушение как прав граждан, так и интересов самих сотрудников. Само совершение преступления, выступая предпосылкой появления полномочия задержать виновного, не образует автоматического основания; оно приобретает такое значение лишь при наличии обоснованного опасения, что содеянное останется нераскрытым, а виновный – без наказания, то есть при угрозе интересам правосудия.

Следовательно, проблему надлежит разрешать с учетом умысла виновного и реальной способности избежать уголовной ответственности; когда совершивший преступление не пытается укрыться от следствия либо суда, не создает помех расследованию, а само деяние не относится к числу особо тяжких, его захват и препровождение в государственные органы, если речь не идет о действиях представителей власти, например для проведения следственных действий, обычно не требуется. Иной подход нужен в отношении лиц, совершивших, например, открытое хищение, разбойное нападение, убийство, изнасилование и иные сопоставимые деяния: уверенно исключить их возможное сокрытие от правосудия нельзя. С.В. Бородин обоснованно указывает, что сохранение свободы за опасными преступниками чревато совершением новых общественно опасных деяний [4].

Суд оправдал И., указав, что при таких обстоятельствах его поведение не противоречит требованиям статьи 40 и статьи 38 Уголовного кодекса Российской Федерации. Ожидание окончательной оценки, позволяющей безошибочно квалифицировать содеянное, нередко лишает потерпевшего шанса на последующее привлечение к ответственности, поскольку скрывшийся участник происшествия успевает уйти. По этой причине правила о вреде, причиненном при задержании, подлежат распространению и на случаи административного правонарушения. Иная оценка допустима лишь тогда, когда задерживающий сам первым прибегает к насилию, а ответные действия другой стороны ошибочно выдают за посягательство, поскольку в таком варианте статья 38 УК РФ не применяется.

Статья 38 Уголовного кодекса Российской Федерации выстроена так, что фактически требует от лица, осуществляющего задержание, за весьма краткий срок распознать в поступке преследуемого признаки преступного состава; между тем право на задержание предоставлено любому человеку, а столь оперативная уголовно-правовая квалификация затруднительна даже для сотрудников правоохранительной системы. Обычный гражданин тем более не способен безошибочно решить этот вопрос: к тому же несовершеннолетие и невменяемость нередко устанавливаются лишь после фактического задержания – иногда уже по итогам экспертного исследования. При совершении общественно опасного деяния невменяемым субъектом его все равно требуется пресечь и удержать, поскольку сохраняется риск причинения значительного вреда.

Ю.М. Ткачевский исходил из того, что лишение преступника жизни в ходе задержания недопустимо независимо от характера содеянного и степени общественной опасности; по его мнению, смерть задержанного исключает возможность правосудия, будь то осуждение либо исполнение назначенного наказания, и тот же подход распространяется на лиц, приговоренных к исключительной мере наказания – смертной казни. С такими доводами трудно согласиться, если исходить из действующего законодательства, поскольку применение вреда при задержании направлено не только на доставление лица в органы власти, но и на пресечение новых посягательств, способных последовать с его стороны. В исключительных ситуациях, когда преступник, остающийся на свободе, создает реальную угрозу жизни иных лиц, позиция А.В. Наумова выглядит более убедительно, поскольку в таких условиях правомерность лишения его жизни может быть признана.

Наличие обстоятельств, исключающих преступность деяния, в иных, нежели Уголовный кодекс РФ, нормативных правовых актах, в том числе, не имеющих статус закона, на наш взгляд, порождает несколько проблем. Во-первых, снижается статус самого уголовного законодательства, исключительной прерогативой которого выступает определение преступности и наказуемости деяний, а также их непреступности. Во-вторых, отражение в «отраслевом» или специальном законодательстве порождает коллизии между различными законами, что, в конечном счете, приводит к проблемам их правоприменения. В-третьих, наконец, подобная «бланкетность» и неудобна, и нелогична. Чтобы признать поведения лица правомерным, необходимо обратиться не к единому нормативному правовому акту – Уголовному кодексу, а проверить его на соответствие нормам, прямо не устанавливающим уголовную ответственность и наказание.

При оценке правомерности причинения вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние, учитываются, наряду с характером и степенью общественной опасности совершенного деяния, данные о его личности, способы уклонения от задержания, место и обстановка задержания, разумная необходимость в причинении вреда для достижения целей задержания, силы и возможности задерживающего его психическое состояние и иные обстоятельства, связанные с фактом задержания.

В статью 38 Уголовного кодекса Российской Федерации целесообразно включить формулу, распространяющую правила задержания на лицо, которое совершило либо совершает преступление: указанное уточнение устранит разнородность практики и сблизит уголовно-правовое регулирование с полицейскими предписаниями. Требуется унифицировать и нормы, относящиеся к нанесению вреда во время задержания: при применении оружия полицейский обязан сводить возможный ущерб к минимуму, не переводя оружие без необходимости на жизненно важные зоны – голову и грудную клетку задерживаемого.

Литература

1. Конституция Российской Федерации [Текст]: принята всенародным голосованием 12.12.1993: (с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020). – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru. – (дата обращения:: 24.02.2026).
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 64-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25, Ст. 2954.
3. Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О полиции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru).
4. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru).
5. Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об оружии» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru).
6. Берестовой А.Н. Классификация и место обстоятельств, исключающих преступность деяния, в теории уголовного права. Вестник Омской юридической академии. 2017. Т1.4. № 3.
7. Гарбатович Д.А. Установление границ криминализации деяний посредством регламентации и правоприменения норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяний // Российская юстиция. 2020. № 4. С. 21–22.
8. Никуленко А.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: научнопрактическое пособие. Санкт-Петербург. 2018. С. 28.
9. Никуленко А.В. Актуальные проблемы разграничения институтов крайней необходимости и причинения вреда при задержании лица, совершившего преступление // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2010. № 4. С. 72–77.
10. Тишкевич И.С. Право граждан на задержание преступника. Минск: Изд-во БГУ, 1974. 112 с.

SOME ISSUES OF THE LEGALITY OF CAUSING HARM DURING THE DETENTION OF A PERSON WHO HAS COMMITTED A CRIME

Samedov D.S.
Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov

This study offers a comprehensive analysis of issues regarding criminal liability for harm inflicted upon a person who has violated the law. The article aims to provide a detailed analysis of the conceptual and practical aspects of legally classifying such actions and to identify gaps in current legislation. The research methodology is based on an analysis of the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation, policy practices, and a comparative review of domestic and foreign doctrinal approaches regarding the infliction of harm on a lawbreaker. The study's novelty lies in substantiating the need to legislatively expand the limits of lawful harm infliction. The findings indicate a need to resolve regulatory contradictions while simultaneously addressing these issues. The results can be applied to improve legislative drafting and the law-enforcement activities of relevant agencies. It is recommended that Article 38 of the Criminal Code of the Russian Federation be amended to include a provision extending the rules governing detention to such individuals – or to adopt an international standard; this clarification would eliminate inconsistencies in practice and align criminal law regulations with police operational requirements. There is also a need for a unified standard regarding the infliction of harm during detention: when using weapons, police officers must minimize potential damage and avoid unnecessarily aiming at vital areas, such as the head or chest.

Keywords: intent, use of a weapon, proportionality of the harm caused, criminal liability, legislative gap.

References

1. Constitution of the Russian Federation [Text]: adopted by nationwide vote on December 12, 1993: (with amendments approved during the all-Russian vote on

July 1, 2020). – Access mode: http://www.pravo.gov.ru. – (date of access: February 24, 2026).

2. Criminal Code of the Russian Federation № 64-FZ dated June 13, 1996 (as amended on September 24, 2022) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25, Art. 2954.

3. Federal Law № 3-FZ dated February 7, 2011 (as amended on July 31, 2025) «On the Police» (with amendments and additions entering into force on September 1, 2025) // Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru).

4. Federal Law № 144-FZ dated August 12, 1995 (as amended on April 1, 2025) «On Operational-Investigative Activities» // Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru).

5. Federal Law № 150-FZ dated December 13, 1996 (as amended on July 31, 2025) «On Weapons» (with amendments and additions entering into force on September 1, 2025) // Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru).

6. Berestovoy A.N. Classification and Place of Circumstances Excluding the Criminality of an Act in the Theory of Criminal Law. Bulletin of the Omsk Law Academy. 2017. Vol. 4, № 3.

7. Garbatovich D.A. Establishing the Boundaries of the Criminalization of Acts through the Regulation and Enforcement of Norms Regarding Circumstances Excluding the Criminality of an Act // Russian Justice. 2020. № 4. Pp. 21–22.

8. Nikulenko A.V. Circumstances Excluding the Criminality of an Act: A Scientific and Practical Manual. St. Petersburg. 2018. P. 28.

9. Nikulenko A.V. Current Issues in Distinguishing Between the Legal Concepts of «State of Necessity» and «Causing Harm During the Apprehension of a Person Who Has Committed a Crime» // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. № 4. Pp. 72–77.

10. Tishkevich I.S. Citizens' Right to Apprehend a Criminal. Minsk: BSU Publishing House, 1974. 112 p.

Хулиганство: сравнительно-правовой анализ российского и белорусского уголовного законодательства с учетом последних изменений

Сдашников Владислав Эдуардович,
аспирант, Автономная некоммерческая образовательная организация высшего образования «Воронежский Экономико-Правовой Институт»
E-mail: vladislavsdasnikov@gmail.com

В статье проводится сравнительный анализ уголовно-правовой регламентации ответственности за хулиганство в Российской Федерации и Республике Беларусь. Рассматриваются установленные уголовно-правовые признаки данного состава преступления в уголовных кодексах этих государств, а также официальные разъяснения практики их применения при квалификации деяний. Выделены особенности расположения уголовно-правового хулиганства в структуре УК Российской Федерации и УК Республики Беларусь, различия в подходе к разграничению со смежными составами. Подчеркиваются отдельные пробелы в правовой регламентации уголовной ответственности обоих государств. Выделяются наиболее интересные подходы законодателя Республики Беларусь в части установления уголовно-правовых признаков, которые могут быть применены для совершенствования отечественного уголовного законодательства. Обосновывается целесообразность подготовки и внесения отдельных изменений в основной и квалифицированный составы российского хулиганства.

Ключевые слова: хулиганство; хулиганские побуждения; транспорт общего пользования; общественное место; уголовно-правовая оценка; злостное хулиганство; особо злостное хулиганство; признаки преступления.

Неопределенность и оценочный характер ряда уголовно-правовых признаков состава хулиганства на протяжении всего времени его существования вызывали у правоприменителей сложности. Выработанные на практике подходы к квалификации деяний неоднократно приходилось менять вслед за изменениями законодательной конструкции преступления. После распада СССР этот процесс начался и в бывших советских республиках, ставших независимыми: почти во всех из них (за исключением стран Прибалтики) состав хулиганства был сохранен, но претерпел различные изменения. В настоящее время он также продолжает меняться. Эффективность же его применения напрямую зависит от подхода законодателя при установлении уголовно-правовых признаков преступлений. В связи с чем в одних странах хулиганство является довольно распространенным составом, а в других единичным.

Именно поэтому изучение уголовного законодательства других стран, в особенности государств бывшего СССР, является очень важным для совершенствования законодательных конструкций отечественного уголовного закона.

Уголовные кодексы Российской Федерации (УК РФ) и Республики Беларусь (УК Беларуси), как говорилось ранее, в своей основе имеют советское уголовное право, но при этом состав хулиганства в них сконструирован по-разному. Это отражается на практике, что подтверждается данными статистики привлечения лиц к уголовной ответственности за совершение отдельных видов преступлений. Доля лиц, осужденных по статье 339 УК Республики Беларусь (хулиганство), от общего числа осужденных в Республике Беларусь составляет за 2023 г. – 6,27% (2 119 из 33 777) [1], за 2024 г. – 6,35% (1996 из 31 410) [2], за 2025 г. – 5,51% (1 555 из 28 177) [3], В Российской Федерации по статье 213 УК РФ за 2023 г. – 0,16% (952 из 555 743) [4], за 2024 г. – 0,21% (1076 из 512 845) [5], за 1 полугодие 2025 г. – 0,36% (767 из 215 749) [6].

Мы связываем такое различие прежде всего с существующим подходом законодателя в конкретной стране. Рассматриваемые нами составы имеют разные признаки как объективной, так и субъективной сторон преступления. Вследствие этого одни и те же действия в Российской Федерации, и в Республике Беларусь квалифицируются по-разному, что наглядно демонстрирует статистика.

Значение имеет и конструкция самой статьи, регламентирующей ответственность за хулиганство, и расположение уголовно-правовых признаков в ней, но не менее важным является и расположение самой статьи в структуре кодекса: именно на основании него в соответствии с классической теорией уголовного права определяются родовой и видовой объекты преступления. В связи с этим следует обратить внимание на наименование составных частей уголовного закона.

В УК РФ статья 213 включена в главу 24 «Преступления против общественной безопасности» раздела IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка». Если следовать логике структуры УК РФ, то родовым объектом выступает общественная безопасность и общественный порядок, а видовым объектом общественная безопасность, что представляется неверным и является предметом дискуссии [7]. В Уголовном Кодексе же Республики Беларусь статья 339 входит в главу 30 «преступления против общественного порядка и общественной нравственности», раздела 11 с аналогичным наименованием, что безошибочно позволяет определить и родовой, и видовой объекты преступления.

Структура самих статей 213 УК РФ и 339 УК Беларуси идентична: обе состоят из трех частей (простой, квалифицированный и особо квалифицированный составы). Но и здесь есть различие: в УК Республики Беларусь сохранен подход советского законодателя в части закрепления видов хулиганства в тексте самой статьи. Так непосредственно как «хулиганство» могут быть квалифицированы деяния, ответственность за которые предусмотрена частью 1, как злостное хулиганство – 2, как особо злостное – 3. Отечественный законодатель отказался от данного подхода в действующем УК РФ 1996 г.

Простое хулиганство по УК Республики Беларусь представлено умышленными действиями, грубо нарушающими общественный порядок, сопровождающимися: насилием либо угрозой его применения, уничтожением либо повреждение имущества; либо отличающимися

исключительным цинизмом. Отдельно отметим закрепление в тексте статьи умышленного характера преступления, что оценивается нами положительно.

«Применение насилия либо угроза его применения» является первым признаком простого состава хулиганства и в УК РФ, и в УК Республики Беларусь, им охватываются нанесение побоев и причинение легкого вреда здоровью.

В остальном конструктивные признаки хулиганства не совпадают:

1) согласно УК Российской Федерации, ими являются совершение грубого нарушения общественного порядка по мотивам «экстремистской» направленности либо на транспорте общего пользования [8];

2) согласно же УК Республики Беларусь, это действия, грубо нарушающие общественный порядок, сопровождающееся уничтожением/повреждением чужого имущества, либо отличающееся исключительным цинизмом [9].

Признак совершения хулиганства по мотивам «политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы» является неоднозначным нововведением отечественного уголовного права, подвергающемся критике [10]. Аналогов ему на постсоветском пространстве нет, отсутствует он и в УК Республики Беларусь.

Пунктом «в» части 1 статьи 213 УК РФ установлен уголовно-правовой признак, которым криминализовано совершение хулиганских действий в конкретных местах: на транспорте общего пользования. Его включение в основной состав преступления является нелогичным, так как «транспорт общего пользования является таким же общественным местом, как и место совершения хулиганства любого иного вида» [11, С. 53]. Отсутствие закрепления общего места совершения преступления при наличии специального в данном контексте является пробелом в законодательстве, не устраненным и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 № 45 (ред. от 26.11.2024) «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений».

Состав хулиганства по УК Республики Беларусь в своей конструкции вообще не содержит признаков, связанных с местом совершения преступления. Однако этот пробел был успешно восполнен разъяснениями, содержащимися в Постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 24 марта 2005 г. № 1 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве» (далее по текст – Постановление Пленума Верховного Суда Беларуси № 1). Согласно им, к местам совершения хулиганства относятся не только общественные, но и любые других места, где общественный порядок может быть нарушен в отношении конкретных членов общества, «поскольку соблюдение общественного порядка направлено на обеспечение спокойствия не только больших групп граждан, но и каждого члена общества в отдельности» (в лесах, на пустырях и т.д.) [12], [13].

Но особого интересной представляется позиция Пленума Верховного Суда Республики Беларусь о том, что совершение хулиганства возможно «в средствах массовой информации либо в информации, размещенной в глобальной компьютерной сети Интернет, иной сети электросвязи» [12], [13]. Дальнейшего развития она не получила в тексте Постановление Пленума Верховного Суда Беларуси № 1, но в реалиях современного общества она заслуживает отдельного внимания законодателей.

По УК Республики Беларусь вторым конструктивным признаком хулиганства является совершение грубого нарушения общественного порядка, сопряжённого с уничтожением или повреждением чужого имущества. Из отечественного состава он был изъят в 2003 году. Ряд авторов ставят под вопрос целесообразность этого признака в составе хулиганства, прежде всего в связи с его неопределенность в части размера ущерба [14].

Довольно интересен третий конструктивный признак основного состава хулиганства по УК Республики Беларусь: совершение хулиганских действий с исключительным цинизмом. Согласно пункту 7 Постановления Пленума Верховного Суда Беларуси № 1, под ним «понимается проявление в действиях обвиняемого демонстративного и крайне презрительного отношения к основным нравственным ценностям общества». Им может быть признано «проявление бесстыдства, издевательство (глумление) над заведомо для обвиняемого малолетними, престарелыми, беременными, лицами, находящимися в беспомощном состоянии, совершение хулиганских действий в условиях общественного или стихийного бедствия, надругательство над обычаями, традициями» [11, 12]. Считаем, что данный признак целесообразно включить в состав квалифицированного хулиганства по УК РФ в целях дифференциации уголовной ответственности за его совершение в определенных условиях и в отношении наименее защищенных групп населения.

Квалифицированное хулиганство. По УК РФ квалифицированным является «вооруженное» хулиганство, групповое (3 вида соучастия) и сопряженное с сопротивлением представителю власти.

Злостное (квалифицированное) хулиганство по УК Беларуси представлено повторным совершением хулиганских действий, совершением их группой лиц, либо с причинением вреда здоровью средней тяжести или при оказании нарушителем общественного порядка сопротивления лицу, пресекающему хулиганские действия.

По признаку повторности «квалифицируются действия обвиняемого, ранее совершившего уголовно наказуемое хулиганство, независимо от осуждения его за предыдущее преступление». При этом действует ряд исключений, когда повторность не образуется: когда за ранее совершенное преступление, предусмотренное статьей 339 УК Беларуси, 1) лицо было освобождено от уголовной ответственности; 2) судимость за него была снята/погашена ко дню совершения нового, 3) истекли сроки давности привлечения к уголовной ответственности [12], [13].

Следует отметить, что данный признак оценивается авторами неоднозначно. Так, по мнению О.Ф. Воспяковой, Н.В. Бабкова, он уравнивает ответственность лиц, ранее осужденных за хулиганство, с теми, кто совершил ряд хулиганских действий, образующих самостоятельные с правовой точки зрения составы преступлений, не осознавая в полной мере того, насколько повышается степень общественной опасности повторных деяний [14, С. 25].

В УК РФ неоднократность (повторность) как обстоятельство, отягчающее уголовную ответственность, с 8 декабря 2003 г. Федеральным законом № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» было исключено [15]. На данный момент действия лица, совершившего несколько преступлений, предусмотренных одной уголовно-правовой нормой, квалифицируются по совокупности преступлений, что, на наш взгляд, более обосновано.

Групповое хулиганство по УК РФ включает в себя 3 формы соучастия (группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой). По УК Республики Беларусь оно представлено лишь в форме совершения хулиганства группой лиц без предварительного сговора (все члены группы признаются соисполнителями) [12], [13].

В тексте части 2 статьи 339 УК Беларуси четко указывается, что сопротивление оказывается любому лицу, пресекающем хулиганские действия. В то время как формулировка статьи 213 УК РФ содержит указание лишь на сопротивление **представителю власти, что** фактически не соответствует действительности и является несовершенством законодательной техники, т.к. согласно пункту 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений» «преодоление законных действий других граждан, пресекающих нарушение общественного порядка, также должно квалифицироваться по данному признаку» [16]. Однозначно, в целях усовершенствования законодательной конструкции необходимо уточнение формулировки и в самом тексте части 2 статьи 213 УК РФ.

Особо квалифицированное хулиганство (часть 3 статьи 213 УК РФ) по УК РФ представлено совершением грубого нарушения общественного порядка, выражающего явное неуважение к обществу, при наличии одного из конструктивных признаков с применением взрывных устройств или веществ. По УК Беларуси особо злостное (особо квалифицированное) хулиганство представлено совершением грубого нарушения общественного порядка с применением оружия, других предметов, используемых в качестве оружия для причинения телесных повреждений, и взрывных устройств и предметов. На основании данных статистики Судебного департамента при Верховном Суде РФ, мы можем сделать вывод, что этот признак практически не применяется: по части 3 статьи 213 УК РФ осуждено по 3 человека в 2022 г. [17] и 2023 г. [18], 4 человека в 2024 г. [19]. На наш взгляд, это свидетельствует о неправильном его расположении в конструкции состава преступления, предусмотренного статьей 213 УК РФ. Представляется обоснованным объединение данного признака с «применением оружия/угрозой его применения» по аналогии с белорусским в качестве особо квалифицированного.

Субъект преступления. Его определение в УК Республики Беларусь идентично российскому, однако различается возраст. По УК Беларуси он составляет 14 лет за совершение как простого, так и злостного/особо злостного хулиганства (часть 2 статьи 27 УК Беларуси), а по УК РФ 16 лет за простое и 14 лет за квалифицированное и особо квалифицированное. На наш взгляд, несмотря на различие признаков со-

става, вполне обоснованной является позиция законодателя Беларуси в отношении установления такого возраста уголовной ответственности за данное преступление в связи с его общественной опасностью,

Отметим также, что дело не только в разнице уголовно-правовой конструкции состава хулиганства, но и в подходе законодателя к структуре кодекса, к его общим положениям, что мы также видим в тексте уголовного закона. Обратим внимание на несколько таких моментов. Так, «совершение преступления из хулиганских побуждений» в УК Республики Беларусь, как и в УК РФ, является альтернативным конструктивным /квалифицирующим признаком ряда составов преступлений. Их всего три: статьи 139 (убийство), 147 (умышленное причинение тяжкого телесного повреждения), 339[1] (Жестокое обращение с животным) УК Республики Беларусь. Но несмотря на это в статье 4 УК Республики Беларусь, содержащей разъяснения отдельных терминов, закреплено их определение: под ними «понимаются мотивы, выражающие стремление виновного лица проявить явное неуважение к обществу и продемонстрировать пренебрежение к общепринятым правилам общежития» [9].

В УК РФ данный признак закреплен в одиннадцати статьях, но его определение в тексте Уголовного кодекса отсутствует и содержится лишь в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ, что, на наш взгляд, является недостатком отечественного закона и требует доработки, в том числе с учетом опыта белорусского законодателя.

Следует также отметить, что белорусский законодатель более последователен при конструировании составов преступлений. Например, в статьях, предусматривающих ответственность за причинение вреда здоровью, которое охватывается уголовно наказуемым хулиганством, отсутствует конструктивный/квалифицирующий признак совершения деяния из «хулиганских побуждений», что исключает проблему разграничения преступления от ряда насильственных. В УК РФ ситуация обратная: непоследовательные изменения Кодекса, начавшиеся в 2003 г., привели к существованию, по сути, идентичных составов. Речь о хулиганстве (пункт «а» часть 1 статьи 213 УК РФ), умышленном причинении легкого вреда здоровью (статья 115) и побоях (статья 116), совершенных из хулиганских побуждений. На наш взгляд, для эффективности применения рассматриваемого нами состава необходимо исключить данный признак из приведенных составов насильственных преступлений, как это сделано в Беларуси.

Обращение к опыту правового регулирования Республики Беларусь позволяет более явно обозначить существующие проблемы российского уголовного законодательства и найти возможные варианты их решения. На основании проведенного сравнительного анализа мы делаем вывод, что по целому ряду аспектов опыт белорусского законодателя в области установления уголовно-правовых признаков хулиганства может быть использован при конструировании отечественного состава. Заслуживающими особого внимания представляются позиции Пленума Верховного Суда Республики Беларусь о месте совершения преступления, в том числе в сети Интернет, об определении исключительного цинизма.

Литература

1. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 2023 // Интернет-портал Верховного Суда Республики Беларусь. – URL: https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/69694c4d3e774d6e.html (дата обращения: 25.06.2026).

2. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 2024 // Интернет-портал Верховного Суда Республики Беларусь. – URL: https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/76d2a6dc1799473e.html (дата обращения: 25.06.2026).

3. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 2025 // Интернет-портал Верховного Суда Республики Беларусь. – URL: https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/76d2a6dc1799473e.html (дата обращения: 25.06.2026).

4. Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел за 12 месяцев 2023 г. (форма № 10.2) // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [официальный сайт]. – URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8823 (дата обращения: 26.06.2026).

5. Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел за 12 месяцев 2024 г. (форма № 10.2) // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [официальный сайт]. – URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946 (дата обращения: 26.06.2026).

6. Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел за 1 полугодие 2025 г. (форма № 10.2) // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [официальный сайт]. – URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=9303 (дата обращения: 26.06.2026).

7. Модестов С.С. Объект хулиганства / С.С. Модестов // Закон. Право. Государство. – 2019. – № 2(22). – С. 258.

8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (10.06.2026, с изм. от 29.06.2026) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

9. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871 &p0=Hk9900275 (дата обращения: 24.06.2026).

10. Кибальник, А. «Экстремистское» хулиганство – нонсенс уголовного закона / А. Кибальник, И. Соломоненко // Законность. – 2008. – № 4(882). – С. 14–20.

11. Куприянов Е.И., Майорова Е.И., Яковлева Л.В. Хулиганство, совершенное на транспорте общего пользования // Российский следователь. – 2018. – № 4. – С. 51–53.

12. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве: постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 24 марта 2005 г. № 1// Интернет-портал Верховного Суда Республики Беларусь [официальный сайт]. – URL: court.gov.by/ru/jurisprudence/post_plen/criminal/vspup/b6f013f4334d4109.html (дата обращения: 26.06.2026).

13. Об изменении постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 24 марта 2005 г. № 1// Интернет-портал Верховного Суда Республики Беларусь [официальный сайт]. – URL: court.gov.by/ru/jurisprudence/post_plen/criminal/vspup/06783abfe76b47cb.html (дата обращения: 26.06.2026).

14. Воспякова О.Ф. Хулиганство: сравнительный анализ белорусского и зарубежного уголовного законодательства / О.Ф. Воспякова, Н.В. Бабков // Актуальные вопросы права, образования и психологии: сборник научных трудов. – Могилев: Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2023. – С. 21–26.

15. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ // Российская газета. – 2003. – № 252.

16. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2007 г. № 45 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2008. – № 1.

17. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 12 месяцев 2022 г. (форма № 10-а) // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [официальный сайт]. – URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946 (дата обращения: 26.06.2026).

18. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 12 месяцев 2023 г. (форма № 10-а) // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [официальный сайт]. – URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8823 (дата обращения: 26.06.2026).

19. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 12 месяцев 2024 г. (форма № 10-а) // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации [официальный сайт]. – URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946 (дата обращения: 26.06.2026).

HOOLIGANISM: A COMPARATIVE LEGAL ANALYSIS OF RUSSIAN AND BELARUSIAN CRIMINAL LEGISLATION, TAKING INTO ACCOUNT THE LATEST AMENDMENTS.

Sdashnikov V.E.
Voronezh Economic and Legal Institute

The article provides a comparative analysis of the criminal-legal regulation of liability for hooliganism in the Russian Federation and the Republic of Belarus. It examines the established criminal-legal features of this crime in the criminal codes of these states, as well as official explanations of the practice of applying them when classifying acts. The article highlights the specific features of the placement of criminal-legal hooliganism within the

structure of the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Code of the Republic of Belarus, as well as the differences in the approach to distinguishing it from related offences. It also points out certain gaps in the legal regulation of criminal liability in both states. The most interesting approaches of the legislator of the Republic of Belarus are highlighted in terms of establishing criminal-legal characteristics that can be used to improve domestic criminal legislation. The expediency of preparing and introducing certain amendments to the basic and qualified elements of Russian hooliganism is substantiated.

Keywords: hooliganism; hooligan motives; public transport; a public place; criminal legal assessment; malicious hooliganism; especially malicious hooliganism; signs of a crime.

References

1. Brief statistical data on the administration of justice by courts of general jurisdiction for 2023 // Internet Portal of the Supreme Court of the Republic of Belarus. – URL: https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/69694c4d3e774d6e.html (accessed: 25.06.2026).

2. Brief statistical data on the administration of justice by courts of general jurisdiction for 2024 // Internet Portal of the Supreme Court of the Republic of Belarus. – URL: https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/76d2a6dc1799473e.html (accessed: 25.06.2026).

3. Brief statistical data on the administration of justice by courts of general jurisdiction for 2025 // Internet Portal of the Supreme Court of the Republic of Belarus. – URL: https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/76d2a6dc1799473e.html (accessed: 25.06.2026).

4. Report on the specifics of criminal case proceedings, the imposition of actual penalties, and grounds for the termination of criminal cases for the 12 months of 2023 (Form № 10.2) // Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation [official website]. – URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8823 (accessed: 26.06.2026).

5. Report on the specifics of the adjudication of criminal cases, the imposition of actual penalties, and the grounds for the termination of criminal cases for the 12-month period of 2024 (Form № 10.2) // Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation [official website]. – URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946 (accessed: 26.06.2026).

6. Report on the specifics of the adjudication of criminal cases, the imposition of actual penalties, and the grounds for the termination of criminal cases for the first half of 2025 (Form № 10.2) // Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation [official website]. – URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=9303 (accessed: 26.06.2026).

7. Modestov S.S. The object of hooliganism / S.S. Modestov // Law. Justice. State. – 2019. – № 2(22). – P. 258.

8. Criminal Code of the Russian Federation № 63-FZ dated June 13, 1996 (as of June 10, 2026; with amendments dated June 29, 2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

9. Criminal Code of the Republic of Belarus № 275-Z dated July 9, 1999 // National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus. – URL: https://pravo.by/document/?guid=3871 &p0=Hk9900275 (accessed: 24.06.2026).

10. Kibalnik, A. «Extremist» Hooliganism: A Nonsense in Criminal Law / A. Kibalnik, I. Solomonenko // Zakonnost. – 2008. – № 4(882). – P. 14–20.

11. Kupriyanov E.I., Mayorova E.I., Yakovleva L.V. Hooliganism Committed on Public Transport // Rossiyskiy Sledovatel. – 2018. – № 4. – P. 51–53.

12. On Judicial Practice in Criminal Cases Involving Hooliganism: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Belarus № 1 dated March 24, 2005 // Internet Portal of the Supreme Court of the Republic of Belarus [official website]. – URL: court.gov.by/ru/jurisprudence/post_plen/criminal/vspup/b6f013f4334d4109.html (accessed: 26.06.2026).

13. On Amending the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Belarus № 1 dated March 24, 2005 // Internet Portal of the Supreme Court of the Republic of Belarus [official website]. – URL: court.gov.by/ru/jurisprudence/post_plen/criminal/vspup/06783abfe76b47cb.html (accessed: 26.06.2026).

14. Vospyakova O.F. Hooliganism: A Comparative Analysis of Belarusian and Foreign Criminal Legislation / O.F. Vospyakova, N.V. Babkov // Current Issues of Law, Education, and Psychology: Collection of Scientific Papers. – Mogilev: Educational Institution «Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus», 2023. – P. 21–26.

15. On Amendments and Additions to the Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law № 162-FZ of December 8, 2003 // Rossiyskaya Gazeta. – 2003. – № 252.

16. On Judicial Practice in Criminal Cases Concerning Hooliganism and Other Crimes Committed out of Hooligan Motives: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 45 of November 15, 2007 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2008. – № 1.

17. Report on the Number of Persons Convicted under All Offenses of the Criminal Code of the Russian Federation and Other Persons Subject to Judicial Acts in Criminal Cases for the 12 Months of 2022 (Form № 10-a) // Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation [official website]. – URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946 (date of access: June 26, 2026).

18. Report on the number of persons convicted under all offenses of the Criminal Code of the Russian Federation and other persons subject to court rulings in criminal cases for the 12 months of 2023 (Form № 10-a) // Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation [official website]. – URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8823 (accessed: 26.06.2026).

19. Report on the number of persons convicted under all provisions of the Criminal Code of the Russian Federation and other persons subject to court rulings in criminal cases for the 12 months of 2024 (Form № 10-a) // Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation [official website]. – URL: https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946 (accessed: 26.06.2026).

Некоторые вопросы правомерности причинения вреда в состоянии необходимой обороны

Самедов Джахангир Сеймур оглы,
аспирант, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
E-mail: dzhaxars@bk.ru

Работа посвящена комплексному исследованию проблем правомерности причинения вреда в состоянии необходимой обороны. Цель статьи – детальный анализ теоретических и практических аспектов квалификации таких деяний, а также выявление пробелов в действующем законодательстве. Методология исследования базируется на анализе норм УК РФ, судебной практики и сопоставлении отечественных и зарубежных доктринальных подходов к правомерной защите. Согласно результатам исследования, расширение пределов защиты граждан при необходимой обороне требует законодательного закрепления. Новизна работы заключается в обосновании необходимости законодательного расширения пределов правомерного причинения вреда в состоянии необходимой обороны. Согласно выводам исследования, существует потребность в устранении нормативных противоречий. Норму о необходимой обороне целесообразно конкретизировать, перечислив способы посягательства, которые априори свидетельствуют о реальной угрозе жизни, – если нападавший использовал предметы, фактически служившие оружием, либо имел при себе оружие, вопрос о превышении пределов обороны должен решаться в пользу обороняющегося и не порождать сомнений в правомерности защиты. Результаты исследования могут быть реализованы при совершенствовании нормотворчества в сфере правомерной защиты и правоприменительной деятельности правоохранительных органов.

Ключевые слова: необходимая оборона, основания и условия необходимой обороны, насилие, не опасное для жизни, посягательство, уголовная ответственность, законодательный пробел.

Институт необходимой обороны, получивший законодательное закрепление, выражает естественное право человека на защиту; законодатель, вводя его в уголовно-правовую систему, придал норме справедливый и гуманный характер, хотя механизм ее отражения в современном УК РФ остается несовершенным.

В российской научной литературе вопрос о необходимой самообороне анализируется особенно активно, а ст. 37 Уголовного кодекса Российской Федерации связывается с задачей вынесения справедливых судебных решений по соответствующим делам [3]. Острота проблемы сохраняется из-за отсутствия единого и точного понимания указанной категории, что осложняет квалификацию поведения и затрудняет работу суда при рассмотрении споров о правомерной защите.

Значительный интерес проявляют учёные и правоведы, но на уровне законодательства ощутимого продвижения по-прежнему немного, вследствие чего граждане нередко сталкиваются с трудностями при реализации права на защиту своей чести, достоинства и личной безопасности, закрепленного в Конституции Российской Федерации как базовый принцип. Необходимая оборона выступает одним из ключевых средств охраны свободы личности и неприкосновенности личности, а также действенным юридическим механизмом противодействия преступности; противодействие преступности не сводится к функциям государства, поскольку вовлечены и общество, и отдельные граждане, а результат достигается лишь при согласованных действиях всех участников.

В соответствии со статьей 2 Основного закона, человеческая личность, ее права и свободы занимают позицию высшей ценности в системе общественных приоритетов, что возлагает на государство ответственность за их охрану [1]. В.В. Меркурьев указывает на необходимость предоставления гражданам возможности самостоятельного отстаивания своих интересов в ситуациях, когда публичная власть оказывается неспособна эффективно защищать законопослушного человека, его физическую целостность и надлежащие условия существования [5]. Юридическое дозволение на необходимую оборону в Уголовном кодексе функционирует как одна из значимых гарантий воплощения конституционного положения, которое закрепляет за каждым правомочие отстаивать собственные права и свободы посредством любых не запрещенных законодательством способов (ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации); эта норма осуществляет охранительную функцию в отношении личности и ее прав, интересов третьих лиц, социума в целом и государственного аппарата от посягательств, создающих общественную опасность. Международный правопорядок также базируется на понимании вынужденного характера наносимого при обороне вреда и ориентирован на ограничение его масштабов: согласно статье 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950 год), лишение жизни признается допустимым исключительно при отражении противоправного насильственного посягательства [2].

В Уголовном кодексе отсутствует раскрытие содержания насилия, создающего угрозу жизни либо здоровью, а равно, как и угрозы его использования; неполнота такой конструкции, призванной гарантировать законность обороны, девальвирует само предоставленное право, поэтому назрела необходимость в корректировке нормы, обеспечивающей осуществление естественного права человека.

Рассмотрим научные подходы к необходимой обороне.

Ф.Р. Сундуров трактует состояние необходимой обороны как систему признаков, описывающих не одну лишь защиту, но и посягательство, а также конфликтное взаимодействие обороняющегося с нападающим в рамках всей оборонительной ситуации [7].

Отдельного внимания требует оценка случаев, когда посягающее лицо применяет оружие либо предметы, заменяющие его. В законодательстве и следственно-судебной практике такой признак получил несогласованное толкование. Е.В. Авдеева указывает на двойственность подхода: с одной стороны, теория и практика рассматривают использование оружия как насилие, опасное для жизни, – так решается вопрос о квалификации вооруженного разбоя и об оценке общественно опасного посягательства при необходимой обороне; с другой стороны, законодатель относит его к признакам вреда здоровью средней тяжести и легкого вреда, тем самым фактически сводя вооруженные действия к насилию, не создающему опасности для жизни [6].

Указанная коллизия заметно осложняет квалификацию необходимой обороны и разбоя: в частности, остается неясным, как оценивать

причинение тяжкого вреда здоровью нападавшему, если тот с применением оружия причинил лишь легкий вред здоровью.

Судебная практика пока не выработала устойчивого ответа, и с учетом выраженного обвинительного вектора государственное обвинение, вероятнее всего, станет ссылаться на изменения в статьях 112 и 115 Уголовного кодекса Российской Федерации, стремясь показать отсутствие посягательства, связанного с насилием, создающим угрозу жизни обороняющегося либо иного лица, либо с немедленной угрозой его применения.

Сходную оценку дает А.А. Клюев, отмечая разнонаправленность правоприменения при определении насилия в зависимости от предмета, используемого посягающим: когда в деле фигурируют пистолет, топор или нож, суды, как правило, квалифицируют содеянное как насилие, создающее угрозу жизни, тогда как при применении иных предметов, способных выполнять роль оружия, такой вывод делается далеко не всегда [6].

Следовательно, лицу, защищающемуся от посягательства, крайне трудно, а порой и вовсе нереально мгновенно распознать характер применяемого насилия и выбрать адекватный способ пресечения нападения.

Ситуация усугубляется тем, что даже при результативной защите обороняющийся может оказаться под угрозой уголовного преследования за выход за рамки необходимой обороны, если органы следствия и суд сочтут, что нападение не сопровождалось насилием, создающим опасность для жизни, либо реальной угрозой его использования.

Следовательно, лицу, защищающемуся от посягательства, крайне трудно, а порой и вовсе нереально мгновенно распознать характер применяемого насилия и выбрать адекватный способ пресечения нападения.

Ситуация усугубляется тем, что даже при результативной защите обороняющийся может оказаться под угрозой уголовного преследования за выход за рамки необходимой обороны, если органы следствия и суд сочтут, что нападение не сопровождалось насилием, создающим опасность для жизни, либо реальной угрозой его использования.

Именно на этот изъян указывали А.В. Никуленко, С.Ф. Милюков – эффективное противодействие общественно опасным деяниям предполагает участие широких слоев населения, правоохранительная практика, тем не менее, нередко встречает самостоятельные действия граждан настороженно и даже вменяет им тяжкие либо особо тяжкие преступления против личности. Вывод жесток: законопослушный гражданин фактически превращается в жертву, обязанную пассивно ожидать развития посягательства [6].

При защите жизни проблема выхода за рамки допустимой обороны не возникает, поскольку закон признаёт её неограниченной, если посягательство связано с угрозой жизни. Д.А. Гарбатович указывает: для правоприменения здесь существенны ясные ориентиры, разграничивающие правомерную защиту, не образующую уголовной ответственности, и превышение допустимых границ, которое такую ответственность влечет [6].

На относительный характер разграничения насилия, угрожающего жизни, и насилия, вредящего здоровью, указывает С.В. Проценко: согласно перечню последствий, закрепленному в диспозиции части первой статьи 111 Уголовного кодекса Российской Федерации, тяжкий вред здоровью в уголовно-правовой теории принято делить на две группы:

– причинение тяжкого вреда по признаку угрозы жизни;

– причинение тяжкого вреда, не создающего угрозы жизни, но повлекшего иные последствия.

К первой категории относят посягательства, которые непосредственно ставят под угрозу человеческое существование, поскольку диспозиция прямо связывает охрану уголовного закона с жизнью как самостоятельной ценностью; риск здесь прямой. В современной доктрине уголовного права единый взгляд на круг и содержание критериев, при которых оборона признается правомерной, не выработан, из-за чего правоприменитель нередко сталкивается с затруднениями. Традиционная схема разделяет такие критерии на две группы – относящиеся к защите и относящиеся к нападению, причем для последней группы значимы действительность посягательства, его общественно опасный характер и сам факт наличия посягательства. Ключевым критерием выступает именно общественно опасный характер нападения: оборона допустима лишь против деяния, которое по совокупности признаков образует преступное посягательство, а следовательно, служит правовым основанием освобождения от уголовной ответственности лица, применившего защитные меры; посягательством в таком случае признается поведение, нацеленное на причинение общественно опасного ущерба охраняемому объекту.

Судебное истолкование положений уголовного законодательства, касающихся обстоятельств, исключающих криминальный характер деяния, получило развернутое изложение в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, выпущенном 27 сентября 2012 года под номером 19. Содержащиеся там выводы установили единую методологическую направленность для реализации на практике статей 37, 38, 108 и 114 Уголовного кодекса Российской Федерации, обеспечив унифицированность судебного подхода и достаточную определенность в применении норм [4].

Показателен громкий эпизод 2005 года, связанный с гражданкой И.: водитель такси Б., подобравший ее глубокой ночью, стал требовать сексуальных услуг, после чего женщина, обороняясь, нанесла ему ножевое ранение в ногу. Спустя несколько минут мужчина скончался от кровопотери, а суд первой инстанции признал И. виновной, назначил условную меру наказания и возложил обязанность возместить имущественный и моральный вред, а также компенсацию отцу умершего. Реакция общества была резкой: последовали пикеты и демонстрации, затем высшая судебная инстанция отменила обвинительный приговор и признала И. невиновной, квалифицировав случившееся по статье 37 УК РФ как необходимую оборону [12].

Норма УК РФ о необходимой обороне имеет для граждан принципиальное значение, поскольку прямо относится к обстоятельствам, устраняющим преступность деяния. Прежде всего она охраняет интересы защищающегося лица, но пробелы в уяснении рассматриваемой части статьи нередко оборачивают судебный акт против оборонявшегося субъекта.

Из-за трудностей в установлении отдельных признаков указанного предписания требуются корректировка нормы: в уголовном законе нужно точно и исчерпывающе закрепить состав превышения пределов необходимой обороны. Судебная оценка действий защищавшегося лица при таком уточнении станет менее вариативной, чем сейчас.

Литература

1. Конституция Российской Федерации [Текст]: принята всенародным голосованием 12.12.1993: (с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020). – Режим доступа: http://www.pravo.gov.ru. – (дата обращения:: 16.09.2026).

2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод» (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) (вместе с «Протоколом [N 1]» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)).

3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 64-ФЗ (ред. от 24.09.2022) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25, Ст. 2954.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 (ред. от 09.12.2025) «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление».

5. Авдеева Е.В. Необходимая оборона: актуальные вопросы законодательной регламентации и правоприменения // Российский судья. – 2019. – № 1. – С. 16–20.

6. Гарбатович Д.А. Установление границ криминализации деяний посредством регламентации и правоприменения норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяний // Российская юстиция. 2020. № 4. С. 21–22.

7. Клюев А.А. Насилие, опасное для жизни, или угроза применения такого насилия как разновидность общественно опасного посягательства при необходимой обороне // Российский судья. 2015. № 7. С. 28–31.

8. Меркурьев В.В. Уголовное право: гражданская самозащита: учеб. пособие для бакалавриата, специалитета и магистратуры. 2-е изд. М.: Юрайт, 2019. 521 с.

9. Милюков, Никуленко 2019 – Милюков С.Ф., Никуленко А.В. Провокация обороны: от безоговорочного отрицания к взвешенной оценке // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 1(68). С. 8–14.

10. Проценко С.В. Об общественно опасном деянии, непосредственно направленном на лишение жизни человека // Российский следователь. 2013. № 15. С. 28–33.

11. Сундурова Ф.Р., Тарханова И.А. Уголовное право России. Общая часть: Учебник / Под ред. Ф.Р. Сундурова, И.А. Тарханова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2016. 864 с.

12. Дело Александры Иванниковой вернулось в суд // https://lenta.ru/news/2005/11/01/process/?ysclid=mu555qskpc265327880

SOME ISSUES OF THE LEGALITY OF CAUSING HARM IN A STATE OF NECESSARY DEFENSE

Samedov D.S.
Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov

This article presents a comprehensive study of the legality of causing harm in self-defense. The aim of the article is to provide a detailed analysis of the theoretical and practical aspects of classifying such acts, as well as to identify gaps in current legislation. The research methodology is based on an analysis of the provisions of the Criminal Code of the Russian Federation, judicial practice, and a comparison of domestic and foreign doctrinal approaches to lawful defense. According to the study's findings, expanding the scope of protection for citizens in self-defense requires legislative enshrinement. The paper's novelty lies in its substantiation of the need for legislative expansion of the scope of lawful harm caused in self-defense. The study's conclusions suggest a need to resolve regulatory inconsistencies. It would be appropriate to clarify the norm of self-defense by listing the methods of attack that a priori indicate a real threat to life. If the attacker used objects that actually served as weapons or was carrying a weapon, the question of whether self-defense was exceeded should be decided in favor of the defender and should not raise doubts about the legality of the defense. The results of the study can be implemented in improving rule-making in the area of legal protection and law enforcement activities of law enforcement agencies.

Keywords: need for protection, grounds and conditions for ensuring protection, criminal liability, legislative gap.

References

1. Constitution of the Russian Federation [Text]: adopted by nationwide vote on December 12, 1993: (with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020). – Access mode: http://www.pravo.gov.ru. – (date of access: September 16, 2026).

2. Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (Concluded in Rome on November 4, 1950) (as amended on June 24, 2013) (together with «Protocol [No. 1]» (Signed in Paris on March 20, 1952), «Protocol № 4 securing certain rights and freedoms other than those already included in the Convention and in the first Protocol thereto» (Signed in Strasbourg on September 16, 1963), «Protocol № 7» (Signed in Strasbourg on November 22, 1984)).

3. Criminal Code of the Russian Federation № 64-FZ dated June 13, 1996 (as amended on September 24, 2022) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25, Art. 2954.

4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 19 dated September 27, 2012 (as amended on December 9, 2025) «On the Application by Courts of Legislation Regarding Necessary Defense and the Infliction of Harm During the Apprehension of a Person Who Has Committed a Crime.» 5. Avdeeva E.V. Necessary defense: current issues of legislative regulation and law enforcement // Russian Judge. – 2019. – № 1. – P. 16–20.

6. Garbatovich D.A. Establishing the boundaries of the criminalization of acts through the regulation and enforcement of norms regarding circumstances precluding the criminality of acts // Russian Justice. 2020. № 4. P. 21–22.

7. Klyuev A.A. Violence dangerous to life, or the threat of using such violence, as a type of socially dangerous encroachment in the context of necessary defense // Russian Judge. 2015. № 7. P. 28–31.

8. Merkuryev V.V. Criminal Law: Civil Self-Defense: Study Guide for Bachelor's, Specialist, and Master's Programs. 2nd ed. Moscow: Yurayt, 2019. 521 p.

9. Milyukov, Nikulenko 2019 – Milyukov S.F., Nikulenko A.V. Provocation of defense: from unconditional denial to a balanced assessment // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Russian Interior Ministry. 2018. № 1(68). P. 8–14.

10. Protsenko S.V. On a socially dangerous act directly aimed at depriving a person of life // Russian Investigator. 2013. № 15. P. 28–33.

11. Sundurova F. R., Tarkhanova I.A. Criminal Law of Russia. General Part: Textbook / Ed. by F.R. Sundurova, I.A. Tarkhanova. 2nd ed., revised. and additional M.: Statute, 2016. 864 p.

12. Alexandra Ivannikova's case returned to court // https://lenta.ru/news/2005/11/01/process/?ysclid=mu555qskpc265327880

Искусственный интеллект как катализатор киберпреступности: криминологический взгляд на цифровую угрозу

Смарыгин Александр Сергеевич,
аспирант, адвокат, Международный юридический институт
E-mail: A.S. Smarygin@yandex.ru

Цель работы – криминологическое осмысление механизмов, через которые технологии искусственного интеллекта меняют структуру, динамику и виктимологический профиль киберпреступности. Эмпирическую основу составили отраслевые отчеты о киберинцидентах за 2024–2025 годы, статистика МВД России о преступлениях в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, материалы эмпирических исследований теневых форумов. Применялись системный анализ, сравнительно-правовой метод, вторичный анализ количественных данных, криминологическое моделирование. Рост числа атак с вредоносными вложениями, фишинговых попыток и мошеннических схем за 2025 год превысил показатели предшествующих периодов, что связано с интеграцией генеративных моделей в преступные операции. Выявлена асимметрия между темпами наступательного и оборонительного применения ИИ, а также трансформация виктимологического профиля, при которой уязвимость жертвы слабее зависит от ее осмотрительности. Обоснована необходимость парадигмального обновления криминологической науки в направлении цифровой криминологии, интегрирующей технико-правовые и социально-поведенческие подходы.

Ключевые слова: искусственный интеллект, киберпреступность, цифровая криминология, генеративные модели, фишинг, дипфейк, виктимология, социальная инженерия, автоматизация преступной деятельности, кибербезопасность.

Введение

Развитие цифровых технологий последних двух десятилетий сопровождается устойчивым ростом зарегистрированных киберпреступлений. Качественный сдвиг 2023–2025 годов связан с массовым распространением генеративных моделей искусственного интеллекта. Технологии, изначально разрабатывавшиеся для обработки естественного языка, генерации изображений и синтеза речи, продемонстрировали способность радикально снижать издержки на создание убедительного обманного контента, автоматизацию рутинных операций и масштабирование атак. Криминологическое сообщество оказалось перед необходимостью осмысления феномена, не укладывающегося в традиционные рамки анализа киберпреступности. ИИ выступает здесь одновременно инструментом, средой и объектом преступного посягательства.

Актуальность проблематики определяется несколькими обстоятельствами. Темпы внедрения ИИ-технологий в преступную деятельность опережают формирование адекватных правовых и институциональных механизмов контроля. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, удельный вес преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в 2024 году достиг 40% от общего числа зарегистрированных деяний. Раскрываемость цифровых мошенничеств при этом не превысила 25%. МВД России фиксирует за 2024 год более 650 тысяч таких преступлений. Специализированные исследования отмечают рост доли разведывательных кибератак на веб-ресурсы российских компаний на 220% за вторую половину 2024 года, что эксперты связывают с распространением доступных ИИ-инструментов среди злоумышленников [1].

Проблема, формулируемая в работе, состоит в выявлении криминологических детерминант и последствий интеграции ИИ в преступную деятельность, а также в оценке адекватности существующего теоретического аппарата для описания этих процессов. Значительный вклад в разработку отдельных аспектов проблематики внесли исследования виктимологических рисков применения ИИ [2], трансформации преступности под влиянием интеллектуальных алгоритмов [3], институционализации цифровой криминологии как самостоятельного научного направления [4]. Комплексный криминологический анализ механизмов каталитического воздействия ИИ на киберпреступность остается при этом фрагментарным.

Цель работы заключается в криминологическом анализе механизмов, через которые технологии ИИ выступают катализатором киберпреступности, и в оценке последствий этого процесса для теории и практики противодействия цифровой преступности. Достижение цели предполагает решение нескольких задач: систематизацию эмпирических данных о динамике ИИ-преступности за 2024–2025 годы, выявление виктимологических особенностей преступлений с использованием генеративных моделей, критическое осмысление гипотезы о «демократизации» киберпреступности, обоснование направлений парадигмального обновления криминологической науки.

Материалы и методы

Эмпирическую базу работы образуют несколько групп источников. Первую группу составляют статистические данные о зарегистрированных преступлениях в сфере информационно-телекоммуникационных технологий из сводных отчетов Генеральной прокуратуры Российской Федерации и МВД России за 2022–2024 годы. Вторую группу образуют отраслевые отчеты о киберинцидентах ведущих компаний в сфере информационной безопасности, содержащие данные об изменениях в структуре атак, распространенности фишинга, дипфейк-мошенничества и автоматизированных атак за 2024–2025 годы. Третью группу образуют материалы эмпирических исследований теневых форумов, в частности крупномасштабное исследование, охватившее анализ 97 907 тем на специализированных платформах. Четвертую группу составляют аналитические доклады международных организаций, включая Управление ООН по наркотикам и преступности, а также публикации в рецензируемых научных журналах.

Методологическую основу образуют системный анализ, рассматривающий ИИ-преступность как элемент более широкой экосистемы

цифровой преступности; сравнительно-правовой метод, применяемый для сопоставления подходов к регулированию ИИ в различных юрисдикциях; вторичный анализ количественных данных, обеспечивающий верификацию статистических показателей; криминологическое моделирование, направленное на выявление причинно-следственных связей между распространением ИИ-технологий и изменениями в структуре преступности. Выборка источников формировалась по критериям релевантности проблематике, достоверности данных и актуальности временного периода. Общий объем проанализированных материалов включает статистические данные за трехлетний период и аналитические отчеты, охватывающие более 72 миллиардов обработанных электронных сообщений.

Результаты

Эмпирические данные за 2024–2025 годы позволяют зафиксировать ряд устойчивых тенденций, говорящих о качественной трансформации киберпреступности под воздействием ИИ-технологий. Наиболее выраженная динамика наблюдается в сфере атак с использованием вредоносных вложений: их число возросло на 131% по сравнению с предыдущим годом, что более чем вдвое превышает показатели предшествующих периодов. Фишинговые попытки увеличились на 21%, мошеннические схемы, распространяемые по электронной почте, продемонстрировали рост на 34,7%. Эти показатели заметно выше темпов роста киберпреступности, фиксировавшихся до массового внедрения генеративных моделей, что дает основания рассматривать ИИ в качестве фактора, ускоряющего криминальную динамику.

Структурный анализ атакующих векторов выявил доминирование атак удаленного исполнения кода, составляющих 36% от общего числа инцидентов. В отраслевом разрезе наибольшая уязвимость зафиксирована в медицинской и строительной сферах, где на этот тип атак приходится 53% и 47% соответственно [1]. Разведывательные атаки, направленные на получение информации о потенциальных целях, в наибольшей степени затрагивали компании медиасферы (54%), промышленности (47%), финансового и страхового секторов (31%) [1]. Такое распределение говорит о целенаправленном характере атак, что отличает современную ИИ-преступность от ранних форм киберпреступности, носивших преимущественно случайный характер.

Отдельного внимания заслуживает статистика дипфейк-мошенничества. По данным Федерального бюро расследований США, совокупный ущерб от преступлений с использованием синтезированного аудио- и видеоконтента в 2025 году составил 893 миллиона долларов. Зафиксировано более 22 000 официальных обращений пострадавших. Экспертные оценки указывают на значительную латентность этих деяний: предполагается, что лишь около пяти процентов жертв сообщают о произошедшем в правоохранительные органы. Латентность подобных преступлений затрудняет формирование адекватной статистической картины и создает риски недооценки реальных масштабов угрозы.

Данные о применении ИИ в преступных целях на теневых форумах выявили неочевидную закономерность. Крупномасштабное исследование, охватившее 97 907 тем, показало: 97,3% обсуждений вообще не касались преступного применения ИИ, лишь в 1,9% случаев участники использовали ИИ-инструменты для создания контента. Массового перехода к автономным ИИ-операциям зафиксировано не было. Эти данные вступают в противоречие с распространенными представлениями о тотальной «демократизации» киберпреступности и требуют более осторожных интерпретаций.

Обсуждение

Анализ дает основания для нескольких положений, значимых для криминологической теории. ИИ выступает не столько инструментом, расширяющим арсенал киберпреступников, сколько фактором, модифицирующим структурные характеристики преступной деятельности. Ускорение темпов роста атак на 131% при одновременном снижении требуемой квалификации исполнителей указывает на качественное изменение экономики преступной деятельности: издержки на проведение атаки снижаются, потенциальная прибыль возрастает, что создает стимулы для расширения масштабов операций.

Выявленная асимметрия между темпами распространения наступательных и оборонительных ИИ-технологий согласуется с положением, сформулированным в исследованиях по цифровой криминологии. Баланс между наступательными и оборонительными возможностями ИИ зависит от конкретного контекста, однако в краткосрочной перспективе наступательные возможности развиваются быстрее, поскольку злоумышленники не связаны этическими и регуляторными ограничениями [4]. Эмпирическое подтверждение этого тезиса обнаруживается в разрыве между осознанием угрозы и готовностью к противодействию: 77% руководителей служб информационной безопасности идентифицировали фишинг, созданный с использованием генеративных моделей, в качестве серьезной угрозы, тогда как лишь 68% организаций инвестировали в системы ИИ-детекции. Разрыв в 9 процентных пунктов говорит о запаздывании оборонительных усилий.

Трансформация виктимологического профиля, зафиксированная в работе, вступает в определенное противоречие с классическими положениями теории рутинной деятельности. Согласно этой теории, вероятность виктимизации определяется наличием мотивированного преступника, подходящей цели и отсутствием capable guardianship. В условиях ИИ-преступности жертва может обладать всеми признаками «неподходящей» цели, включая высокий уровень осведомленности о киберугрозах и техническую грамотность, и тем не менее становиться объектом успешной атаки. Причиной выступает не недостаток осмотрительности, а принципиальная невозможность верификации синтезированного контента без применения специализированных технических средств. Концепция личной ответственности жертвы применительно к ИИ-преступлениям требует пересмотра, а акцент анализа должен смещаться с поведения жертвы на структурные условия, делающие такие атаки возможными [2].

Дискуссионным остается вопрос о реальных масштабах «демократизации» киберпреступности. Данные о появлении преступных групп с ограниченной технической квалификацией, использующих ИИ-генерированный код, подтверждают гипотезу о снижении порога входа. Эмпирические данные теневых форумов, напротив, свидетельствуют о том, что ИИ-ассистенты оказываются полезными преимущественно для уже квалифицированных акторов, способных понимать контекст, цели и ограничения атаки. Наиболее обоснованным выглядит вывод о постепенном, а не скачкообразном характере «демократизации»: порог входа снижается, однако не исчезает полностью, а смещается от технических навыков к способности формулировать цели и интерпретировать результаты [3].

Ограничения работы определяются характером использованных данных. Значительная часть статистических показателей основана на самоотчетах пострадавших, что создает риски систематической ошибки, связанной с латентностью киберпреступлений. Кросс-юрисдикционные сопоставления затруднены ввиду различий в методиках сбора данных и определениях составов преступлений. Динамика технологического развития такова, что данные за 2025 год могут не в полной мере отражать актуальное состояние угрозы на момент публикации.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд выводов. Искусственный интеллект выступает катализатором качественных изменений в структуре киберпреступности, обеспечивая ускорение криминальной динамики, снижение порога входа для исполнителей и трансформацию виктимологического профиля. Эмпирические данные фиксируют рост числа атак с использованием вредоносных вложений на 131%, фишинговых попыток на 21% и мошеннических схем на 34,7% за 2025 год, что существенно превышает показатели предшествующих периодов. Виктимологический ландшафт претерпевает фундаментальную трансформацию: уязвимость жертвы в меньшей степени зависит от ее осмотрительности и в большей степени определяется структурными условиями, делающими возможными высокотехнологичные манипуляции [2].

Научная новизна работы состоит в комплексном криминологическом анализе механизмов каталитического воздействия ИИ на киберпреступность с опорой на эмпирические данные 2024–2025 годов, а также в выявлении противоречия между декларируемой «демократизацией» киберпреступности и фактической концентрацией результативных атак среди квалифицированных акторов. Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку методик оценки латентности ИИ-преступлений, изучение виктимологических характеристик пострадавших от дипфейк-мошенничества, сравнительный анализ эффективности правовых механизмов регулирования ИИ в различных юрисдикциях.

Литература

1. Рашитханов, Р.С. Трансформация преступности под влиянием искусственного интеллекта: к постановке проблемы / Р.С. Рашитханов // Актуальные проблемы российского права. – 2026. – Т. 182, № 1. – С. 128–141.

2. Голубева, Л.А. Виктимологические риски использования технологий искусственного интеллекта при совершении ИКТ-преступлений / Л.А. Голубева // Полицейская и следственная деятельность. – 2026. – № 1. – С. 1–18.

3. Яковлева, Е.О. Искусственный интеллект как вызов для криминологической науки: от исторических предпосылок к стратегии управления рисками в России / Е.О. Яковлева // Всероссийский криминологический журнал. – 2025. – Т. 19, № 6. – С. 587–597.

4. Спайропулос, Ф. Новые подходы к исследованию ИИ-преступности: конституирование цифровой криминологии / Ф. Спайропулос // Journal of Digital Technologies and Law. – 2024. – Т. 2, № 3. – С. 636–656.

5. Судакова, Т.М. Вычислительная криминология: современные особенности и смена научной парадигмы / Т.М. Судакова // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. – 2026. – Т. 28, № 1. – С. 172–183.

6. Галяшина, Е.И. Возможности криминалистического речеведения в противодействии преступлениям, совершаемым с использованием генеративного искусственного интеллекта / Е.И. Галяшина, К.М. Богатырев // Всероссийский криминологический журнал. – 2025. – Т. 19, № 1. – С. 96–106.

7. Бычкова, Н.Ю. Влияние искусственного интеллекта на киберпреступность: экономические и правовые аспекты ее снижения / Н.Ю. Бычкова // Экономические стратегии. – 2025. – № 2. – С. 104–109.

8. Яковлева, Е. О. ИИ как криминогенный фактор: проблемы квалификации и тактики расследования / Е.О. Яковлева // Полицейская и следственная деятельность. – 2025. – № 4. – С. 268–283.

9. Бегишев, И.Р. Криминологические риски применения искусственного интеллекта / И.Р. Бегишев, З.И. Хисамова // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12, № 6. – С. 767–775.

10. Серебренникова, А.В. Криминологические проблемы цифрового мира (цифровая криминология) / А.В. Серебренникова // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14, № 4. – С. 636–645.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A CATALYST FOR CYBERCRIME: A CRIMINOLOGICAL PERSPECTIVE ON THE DIGITAL THREAT

Smarygin A.S.
International Law Institute Moscow

The aim of this work is a criminological understanding of the mechanisms through which artificial intelligence technologies change the structure, dynamics, and victimological profile of cybercrime. The empirical basis comprised industry reports on cyber incidents for 2024–2025, statistics from the Ministry of Internal Affairs of Russia on crimes in the information and telecommunication technology sphere, and materials from empirical studies of shadow forums. System analysis, comparative legal method, secondary analysis of quantitative data, and criminological modeling were employed. The increase in the number of attacks with malicious attachments, phishing attempts, and fraudulent schemes in 2025 exceeded the indicators of previous periods, which is associated with the integration of generative models into criminal operations. An asymmetry has been identified between the rates of offensive and defensive use of AI, as well as a transformation of the victimological profile in which the victim's vulnerability depends less on their prudence. The necessity of a paradigmatic renewal of criminological science towards digital criminology, integrating technical-legal and socio-behavioral approaches, is substantiated.

Keywords: artificial intelligence, cybercrime, digital criminology, generative models, phishing, deepfake, victimology, social engineering, automation of criminal activity, cybersecurity.

References

1. Rashitkhanov, R.S. Transformation of crime under the influence of artificial intelligence: framing the problem / R.S. Rashitkhanov // Actual Problems of Russian Law. – 2026. – Vol. 182, № 1. – P. 128–141.

2. Golubeva, L.A. Victimological risks of using artificial intelligence technologies in the commission of ICT-related crimes / L.A. Golubeva // Police and Investigative Activity. – 2026. – № 1. – P. 1–18.

3. Yakovleva, E.O. Artificial intelligence as a challenge for criminological science: from historical prerequisites to a risk management strategy in Russia / E.O. Yakovleva // All-Russian Criminological Journal. – 2025. – Vol. 19, № 6. – P. 587–597.

4. Spyropoulos, F. New approaches to the study of AI-related crime: the emergence of digital criminology / F. Spyropoulos // Journal of Digital Technologies and Law. – 2024. – Vol. 2, № 3. – P. 636–656.

5. Sudakova, T.M. Computational criminology: modern features and a shift in scientific paradigm / T.M. Sudakova // Asia-Pacific Region: Economy, Politics, Law. – 2026. – Vol. 28, № 1. – P. 172–183. 6. Galyashina, E.I. Capabilities of forensic speech science in countering crimes committed using generative artificial intelligence / E.I. Galyashina, K.M. Bogatyrev // All-Russian Criminological Journal. – 2025. – Vol. 19, № 1. – P. 96–106.

7. Bychkova, N. Yu. The impact of artificial intelligence on cybercrime: economic and legal aspects of its reduction / N. Yu. Bychkova // Economic Strategies. – 2025. – № 2. – P. 104–109.

8. Yakovleva, E. O. AI as a criminogenic factor: issues of legal qualification and investigation tactics / E.O. Yakovleva // Police and Investigative Activity. – 2025. – № 4. – P. 268–283.

9. Begishev, I.R. Criminological risks of using artificial intelligence / I.R. Begishev, Z.I. Khisamova // All-Russian Criminological Journal. – 2018. – Vol. 12, № 6. – P. 767–775.

10. Serebrennikova, A.V. Criminological problems of the digital world (digital criminology) / A.V. Serebrennikova // All-Russian Criminological Journal. – 2020. – Vol. 14, № 4. – P. 636–645.

Влияние цифровой среды на формирование преступного поведения несовершеннолетних (современные направления профилактики)

Хафизова Альбина Мансуровна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России
E-mail: albina_nur.11@mail.ru

В представленном исследовании рассматривается влияние цифровой информационно-коммуникационной среды на формирование преступного поведения несовершеннолетних, а также современные направления профилактики правонарушений в данной сфере. Прослеживается трансформация мотивационной структуры подростковой преступности, раскрывается специфика вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность посредством социальных сетей, мессенджеров и иных цифровых платформ. Эмпирическую базу исследования составили нормы действующего законодательства Российской Федерации, ведомственная статистика МВД России, материалы государственной программы профилактики деструктивного поведения молодежи, а также отечественные научные публикации по теме исследования. Применены системно-структурный, сравнительно-правовой, формально-логический и статистический методы, а также контент-анализ. Центральный тезис статьи заключается в том, что цифровая среда представляет собой не вспомогательное условие, а самостоятельный криминогенный фактор, качественно преобразующий сложившиеся механизмы формирования противоправного поведения подростков. Отдельное внимание уделено современным направлениям профилактической деятельности в цифровом пространстве – развитию киберволонтерства, цифровой аналитики и межведомственной координации субъектов профилактики, а также нерешенным проблемам правового регулирования указанной сферы.

Ключевые слова: несовершеннолетние, цифровая среда, преступное поведение, киберпреступность, профилактика правонарушений, цифровая криминология, кибердружины, цифровая разведка.

За последнее десятилетие цифровизация изменила практически все сферы общественной жизни, процессы формирования личности несовершеннолетнего, а также и структура подростковой преступности, не стали исключением. Еще недавно цифровую среду принято было описывать лишь как дополнительный канал совершения отдельных видов правонарушений; сегодня же она превратилась в самостоятельный криминогенный фактор, меняющий саму природу противоправного поведения подростков – их мотивацию, способы совершения деяний, механизм вовлечения в криминальную среду. Именно этим механизмам, а также адаптированным к цифровому пространству направлениям профилактической работы посвящено настоящее исследование.

Нормативную базу исследования образуют Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», а также статьи 110.1 и 110.2 Уголовного кодекса Российской Федерации. Кроме того, исследовались утвержденный Правительством Российской Федерации комплекс мер по профилактике деструктивного поведения молодежи на период до 2030 года, ведомственная статистика МВД России о состоянии киберпреступности в отношении несовершеннолетних и работы отечественных авторов по криминологическим и криминалистическим аспектам подростковой киберпреступности [1; 2; 3]. Методологической основой стали системно-структурный, сравнительно-правовой, формально-логический и статистический методы, а также метод контент-анализа материалов правоприменительной практики и открытых источников.

Разработанная В.Н. Кудрявцевым и ставшая общепризнанной в отечественной криминологии концепция многоуровневой детерминации отклоняющегося поведения традиционно выделяет макро-, мезо- и микроуровень причинного комплекса преступности [1, с. 173]. Применительно к преступности несовершеннолетних цифровую среду долгое время помещали в границы этой трехуровневой модели, приравнивая ее к школе, двору или досуговым учреждениям – то есть к элементам мезо- или микросредового окружения подростка. Однако, на современном этапе цифровая среда пронизывает сразу все уровни детерминации: она соединяет глобальные социально-экономические и идеологические процессы макроуровня с индивидуальным опытом конкретного подростка на микроуровне, минуя привычных посредников – семью, школу, территориальное сообщество. В этой связи, в настоящее время, цифровая среда ни один из элементов трехуровневой модели, а сквозной фактор, охватывающий все уровни детерминации, заслуживающий самостоятельного криминологического осмысления.

Масштаб криминогенного влияния цифровой среды подтверждает официальная статистика. За первые семь месяцев 2025 года, по данным МВД России, число несовершеннолетних, пострадавших от киберпреступлений, выросло на 25,2% к аналогичному периоду прошлого года и составило пять тысяч человек; открытые источники называют еще более тревожную цифру – свыше тринадцати тысяч детей и подростков, ставших за 2025 год жертвами интернет-мошенников, что почти вдвое превышает показатели предыдущих лет. Схожую картину дает и анализ уголовных дел, возбужденных в отношении несовершеннолетних: практически в каждом деле обнаруживаются цифровые следы – переписка в социальных сетях и мессенджерах, кибербуллинг, предшествовавший преступлению, запись содеянного и ее распространение в сети [2, с. 59]. Все эти цифры складываются в одну тенденцию: цифровая среда меняет саму архитектуру подростковой преступности, а не добавляет к ней отдельные эпизоды.

Следует отметить, в первую очередь качественным изменениям подверглась мотивационная структура противоправного поведения несовершеннолетних. Корыстные и насильственные побуждения, характерные для «доцифровой» подростковой преступности, все чаще уступают место мотивам социально-психологического свойства: стремлению к признанию и статусу в виртуальном сообществе, потребности в острых ощущениях, связанной с игровой деятельностью, деформированному стремлению к самореализации при отсутствии устойчивых жизненных ориентиров [2, с. 57]. Не случайно в криминологической

литературе появился термин «цифровой адепт» – несовершеннолетний правонарушитель, чьи ценностные установки и модели поведения определяются прежде всего виртуальным сообществом и субкультурами, с которыми он состоит в отношениях высокой эмоциональной вовлеченности [2, с. 58]. За формированием подобного типа личности неизбежно следует вытеснение традиционных институтов социализации – семьи и школы – виртуальным сообществом и конформистская зависимость от одобрения в социальных сетях, которая делает подростка уязвимым перед манипуляциями взрослых организаторов противоправной деятельности.

Особого внимания заслуживает механизм вовлечения несовершеннолетних в экстремистскую и террористическую деятельность через закрытые сообщества и мессенджеры. Анонимность коммуникации и возможность адресно воздействовать на конкретных подростков позволяют вербовщикам находить тех, кто переживает социально-психологическую дезадаптацию, и выстраивать с ними индивидуализированное общение, постепенно вытесняющее значимые связи в реальной жизни. В итоге подросток, еще не совершивший ни одного противоправного деяния, оказывается втянут в замкнутое информационное пространство, которое целенаправленно формирует у него систему оправдательных установок и снижает психологические барьеры перед насилием.

Формы вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность через цифровую среду весьма разнообразны. Чаще всего подростков вовлекают в незаконный оборот наркотиков в качестве «закладчиков» при дистанционном сбыте, в различные схемы интернет-мошенничества – включая дропперство, то есть обналичивание похищенных денежных средств через счета, оформленные на несовершеннолетних, – а также в распространение вредоносного программного обеспечения и неправомерный доступ к охраняемой компьютерной информации [3, с. 137–139]. Особо опасной формой является вовлечение несовершеннолетнего в пропаганду и совершение актов вооруженного насилия в образовательной среде «скулшутинг», и в деятельность сообществ, признанных судом террористическими или экстремистскими, в том числе, запрещенного решением Верховного Суда Российской Федерации от 2 февраля 2022 г. в движение «Колумбайн». Кроме того, в значительной части подобных деяний, присутствует кибербуллинг который при определенных условиях перерастает из виртуального конфликта в реальное насильственное посягательство [2, с. 60].

Действующая система профилактики, в отношении цифровой составляющей подростковой преступности преимущественно остается реактивной. Материалы дел оперативного учета показывают, что подавляющее большинство оперативных разработок начинается уже после того, как о преступлении стало известно, тогда как случаи выявления и пресечения противоправной активности на стадии подготовки – по цифровым следам – единичны [2, с. 61]. Причины этой проблемы не только организационные, но и нормативные, так как закон не устанавливает четких границ допустимости применения цифровой аналитики и оперативно-разыскной деятельности в отношении несовершеннолетних, из-за чего ведомственные подходы различаются, а возможности раннего вмешательства ограничены [2, с. 62]. Кроме того, остается немаловажной – проблема нехватки специалистов, сочетающих компетенции в кибербезопасности и подростковой психологии, а также недостаточное техническое оснащение профильных подразделений [2, с. 62].

Единого подхода к возрастным критериям здесь также не сложилось – ни применительно к несовершеннолетним, выступающим объектами оперативной проверки, ни в вопросе привлечения подростков к содействию оперативным подразделениям в цифровой среде. Анкетирование сотрудников оперативных подразделений выявило заметный разброс мнений: одни связывают возможность гласного содействия несовершеннолетних с шестнадцатилетним возрастом, ссылаясь на наступление трудовой дееспособности, другие же допускают такое содействие с четырнадцати лет – именно потому, что работать приходится с подростковой средой в киберпространстве [2, с. 58–59]. Подобная неопределенность мешает выработке единообразной практики и повышает риск того, что результаты соответствующих мероприятий будут признаны недопустимыми доказательствами по уголовному делу.

Таким образом, на уровне государства Правительство Российской Федерации утвердило комплексе мер по профилактике деструктивного поведения молодежи на период до 2030 года. Центральное место в данном документе занимает развитие института «кибердружин» и «медиапатрулей»: добровольческих отрядов из студентов и школьников, которые отслеживают социальные сети, мессенджеры и видеохостинги, выявляя пропаганду суицида, наркотиков, буллинга и материалов, героизирующих нападения на образовательные организации, и передают такие материалы в компетентные ведомства для блокировки. Программа предусматривает также создание специализированного центра изучения и сетевого мониторинга молодежной среды с соответствующим программным обеспечением и вовлечение состоящих на профилактическом учете подростков в деятельность общероссийского движения детей и молодежи, в культурную и спортивную жизнь – в том числе несовершеннолетних, отбывающих наказание в воспитательных колониях. Примечательно, что авторы документа отмечают правовой пробел в сфере оперативной блокировки деструктивного контента, и относит его устранение к числу приоритетных задач.

Помимо общегосударственных мер профилактической и молодежной политики, отдельного внимания заслуживает правоохранительная составляющая профилактики. Оперативно-разыскной и профилактический инструментарий постепенно переориентируется с реагирования на уже совершенные деяния на цифровую разведку: мониторинг открытых источников, аналитическую обработку цифровых следов, построение сетевых связей между участниками виртуальных и реальных групп – все это делается ради раннего выявления признаков вовлечения несовершеннолетних в противоправную деятельность [2, с. 60]. Такой подход требует от сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних принципиально новых компетенций: умения анализировать общедоступную информацию в открытых источниках, распознавать механизмы вовлечения и деструктивный контент, взаимодействовать с операторами связи и администрацией цифровых платформ по вопросам блокировки противоправных материалов, применять программно-аппаратные средства автоматизированной модерации с использованием технологий искусственного интеллекта. Внедрять соответствующие организационно-правовые механизмы мониторинга сетевой активности групп риска необходимо, разумеется, при неукоснительном соблюдении конституционных гарантий права несовершеннолетнего на неприкосновенность частной жизни.

Не менее значимым ресурсом профилактики в цифровой среде оказывается вовлечение самих несовершеннолетних и молодежи в добровольное противодействие киберпреступности. Показателен в этом смысле состоявшийся в 2026 году в Калининградской области всероссийский слет киберволонтеров: около двухсот подростков и молодых людей из сорока одного региона страны учились распознавать признаки вовлечения сверстников в мошеннические и иные противоправные схемы. Подход выглядит перспективным именно потому, что опирается на естественную для подросткового возраста потребность в принадлежности к значимой группе и признании сверстников – тот же психологический механизм, которым при определенных условиях пользуются вовлекатели, – только направляет эту потребность в социально одобряемое русло. Не теряет значения и профилактика на уровне ближайшего окружения: разъяснение подросткам содержания уголовно-правового запрета, развенчание романтизированного образа «высокопрофессионального хакера», усиление общественного и родительского контроля за активностью несовершеннолетних в социальных сетях [3, с. 140].

При этом ни цифровая аналитика, ни добровольческие инициативы не заменят содержательной индивидуальной работы с подростком, уже попавшим в поле зрения субъектов профилактики. Здесь приоритет должен оставаться за восстановительными технологиями – медиативными и примирительными процедурами, которые позволяют разрешить конфликт без преждевременного «клеймения» подростка правонарушителем: такое клеймение само по себе криминогенно, поскольку закрепляет за несовершеннолетним устойчивую девиантную идентичность.

Изложенное позволяет утверждать, что цифровая среда – фактор не вспомогательный, а самостоятельный и структурообразующий: она качественно меняет мотивацию, способы совершения деяний и механизмы вовлечения подростков в противоправную деятельность. Профилактическая деятельность должна строиться сообразно этому выводу: ее эффективность сегодня определяется не столько объемом принимаемых мер, сколько их согласованностью – сочетанием государственного регулирования, цифровой аналитики правоохранительных органов, добровольческих инициатив самой молодежи и содержательной индивидуальной работы с несовершеннолетним. Дальнейшее развитие этого направления криминологических исследований мы связываем с формированием самостоятельного понятийного аппарата, описывающего специфику противоправного поведения несовершеннолетних в цифровом пространстве, и с выработкой единых нормативно-правовых критериев допустимости применения цифровых средств профилактического воздействия в отношении данной категории лиц.

Литература

1. Кудрявцев В.Н., Бородин С.В., Нерсесянц В.С., Кудрявцев Ю.В. Социальные отклонения. – М.: Юрид. лит., 1989. – С. 173.

2. Горковенко И.А. Цифровая трансформация оперативно-разыскного противодействия органов внутренних дел преступности несовершеннолетних // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2026. – № 1 (83). – С. 55–63.

3. Макаренко И.А. Киберпреступления, совершаемые несовершеннолетними: причины, способы, профилактика // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2025. – № 3. – С. 136–141.

4. Забрянский Г.И. Криминология несовершеннолетних: социология преступности. – М.: Российская акад. адвокатуры и нотариата, 2013. – С. 124.

5. Змановская Е.В. Девиантология: (Психология отклоняющегося поведения). – М.: Академия, 2004. – С. 161–162.

THE INFLUENCE OF THE DIGITAL ENVIRONMENT ON THE FORMATION OF CRIMINAL BEHAVIOR IN MINORS (MODERN AREAS OF PREVENTION)

Khafizova A.M.
Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

This article examines how the digital information and communication environment shapes criminal behaviour among minors and explores current directions in delinquency prevention in this sphere. The author traces the shifting motivational structure of juvenile crime and details how minors are drawn into unlawful activity through social networks, messengers, and other digital platforms. The empirical basis of the study includes provisions of current Russian legislation, departmental statistics of the Russian Ministry of Internal Affairs, materials from the state programme for preventing destructive behaviour among young people, and relevant Russian scholarship on the subject. The study draws on system-structural, comparative-legal, formal-logical and statistical methods, together with content analysis. Its central argument is that the digital environment is not merely an auxiliary condition but an independent criminogenic factor that qualitatively transforms the established mechanisms behind adolescent unlawful behaviour. Particular attention is paid to current preventive practices in the digital space – the development of cyber-volunteering, digital analytics, and inter-agency coordination among prevention actors – as well as to unresolved problems in the legal regulation of this sphere.

Keywords: minors, digital environment, criminal behavior, cybercrime, delinquency prevention, digital criminology, cyber-brigades, digital intelligence.

References

1. Kudryavtsev, V. N., Borodin, S. V., Nersesyants, V. S., & Kudryavtsev, Yu.V. Social Deviations. Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1989, p. 173.

2. Gorkovenko, I. A. «Digital Transformation of Operational-Investigative Counteraction by Internal Affairs Bodies to Juvenile Crime.» Bulletin of the Kaliningrad Branch of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2026, № 1 (83), pp. 55–63.

3. Makarenko, I. A. «Cybercrimes Committed by Minors: Causes, Methods, Prevention.» Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025, № 3, pp. 136–141.

4. Zabryansky, G.I. Juvenile Criminology: Sociology of Crime. Moscow: Russian Academy of Advocacy and Notaries, 2013, p. 124.

5. Zmanovskaya, E.V. Deviantology: (Psychology of Deviant Behavior). Moscow: Akademiya, 2004, pp. 161–162.

Анализ пространственно-временных паттернов поведения в видеопотоке для прогнозирования ситуационных рисков безопасности в учреждениях УИС

Царькова Евгения Геннадьевна,
кандидат физико-математических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России
E-mail: university69@mail.ru

В статье рассматриваются возможности применения технологий компьютерного зрения, видеоаналитики и машинного обучения для анализа пространственно-временных паттернов поведения в видеопотоке в целях прогнозирования ситуационных рисков безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации. Под пространственно-временными паттернами понимаются устойчивые либо аномальные сочетания местоположения человека или группы лиц, траекторий, скорости и направления перемещений, межличностной дистанции, продолжительности пребывания в зоне, последовательности действий и изменений обстановки во времени. Анализ таких признаков позволяет выявлять ситуации, статистически связанные с повышенным риском конфликтного взаимодействия, несанкционированного перемещения, нарушения установленного маршрута, действий у инженерных ограждений, образования нештатного скопления, падения, длительной неподвижности или иных происшествий. Отмечается, что видеоаналитическая система не может достоверно устанавливать мотивы, намерение совершить правонарушение либо виновность конкретного лица, поэтому ее результат должен использоваться как ориентирующий сигнал для дополнительной проверки сотрудником. Рассматриваются технологические этапы построения системы, включающие обработку видеопотока, детекцию и трекинг объектов, выделение пространственных и временных признаков, формирование моделей нормального поведения и обнаружение аномалий. Особое внимание уделяется правовым ограничениям применения рассматриваемой технологии в учреждениях УИС: определенности цели обработки, минимизации данных, защите видеозаписей и производных данных, валидации алгоритмов на профильной выборке, запрету автоматизированного принятия юридически значимых решений без участия человека и обеспечению проверяемости алгоритмических выводов.

Ключевые слова: пространственно-временные паттерны, видеоаналитика, прогнозирование ситуационных рисков, учреждения УИС, компьютерное зрение, обнаружение аномалий, трекинг объектов, машинное обучение, безопасность, правовые ограничения.

Обеспечение безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (УИС) требует постоянного контроля за перемещением осужденных, соблюдением режима, состоянием охраняемых зон и характером взаимодействия между лицами. Видеонаблюдение является одним из ключевых средств такого контроля, однако его эффективность ограничена объективными возможностями оператора. При наличии большого числа камер сотрудник не способен непрерывно отслеживать все видеопотоки, сопоставлять текущую ситуацию с установленным распорядком и своевременно замечать слабые признаки развивающегося инцидента [1, с. 62].

Традиционная видеосистема преимущественно фиксирует уже произошедшее событие. Она позволяет впоследствии установить последовательность действий, определить присутствовавших лиц и восстановить обстоятельства происшествия. Современные технологии компьютерного зрения расширяют ее функцию: видео может использоваться для автоматического выявления отклонений от ожидаемого поведения, анализа траекторий, установления нетипичной плотности людей в зоне, оценки длительности нахождения около охраняемого объекта и обнаружения необычной динамики движения. В научной литературе обнаружение видеоаномалий понимается как выявление визуальных или двигательных паттернов, которые отклоняются от ожидаемого поведения в конкретном пространственно-временном контексте [2, с. 114].

При этом для учреждений УИС особенно важен контекст. Одно и то же действие может быть нормальным в одном месте и в одно время, но представлять риск в другом. Нахождение группы осужденных в производственной зоне в рабочее время может соответствовать установленному распорядку, тогда как аналогичное скопление у контрольно-пропускного пункта, двери служебного помещения или инженерного ограждения требует повышенного внимания. Поэтому объектом анализа становится не отдельный человек и не изолированный жест, а соотношение между лицом, зоной, маршрутом, временем, продолжительностью действия и поведением других участников сцены [3, с. 330].

Пространственный компонент рассматриваемого вида анализа описывает местоположение объектов в кадре, их взаимное размещение, удаленность от критически важных точек, пересечение виртуальных границ, траекторию и плотность людей в наблюдаемой зоне. Временной компонент фиксирует порядок действий, скорость и ускорение перемещений, продолжительность нахождения на участке, периодичность повторяющихся действий, изменение межличностной дистанции и развитие событий во времени. Совмещение этих компонентов позволяет обнаруживать не просто присутствие человека в кадре, а сценарий, который может быть нетипичным или потенциально опасным.

Примером пространственно-временного паттерна является последовательность, при которой несколько лиц быстро сближаются в коридоре, формируют плотную группу, меняют направление движения, ограничивают возможность выхода одного человека и в течение короткого периода совершают резкие движения. Отдельно взятое сближение может быть обычной бытовой ситуацией, но сочетание места, плотности, скорости, продолжительности и последовательности движений формирует основание для технического сигнала о возможном конфликтном взаимодействии. Другим примером является длительное пребывание человека вблизи инженерного ограждения вне предусмотренного маршрута. Если это сопровождается повторными подходами, выходом за виртуальную границу, нетипичными движениями рук, попыткой использовать конструктивные элементы или совпадает с периодом сниженного визуального контроля, вероятность угрозы режиму возрастает. Алгоритм не должен утверждать, что лицо готовит побег; его задача состоит в распознавании наблюдаемой комбинации обстоятельств, требующей проверки персоналом.

Таким образом, прогнозирование в рассматриваемом подходе имеет ситуационный характер. Система оценивает вероятность развития конкретного опасного сценария на кратком временном горизонте – в ближайшие секунды или минуты. Она не формирует неизменный рейтинг «опасности» осужденного и не делает вывод о его личностной склонности к нарушению. Такой подход согласуется с задачами динамической безопасности, в рамках которой предотвращение инциден-

тов связывается с пониманием актуальной обстановки, своевременным обменом информацией и реагированием на изменения в поведении и отношениях внутри учреждения.

Анализ пространственно-временных паттернов может применяться для выявления нескольких классов ситуационных рисков [4, с. 52]. Один из них связан с конфликтным взаимодействием. Техническими признаками могут выступать быстрое сокращение дистанции между двумя или несколькими людьми, резкое изменение траектории при сближении, длительная взаимная ориентация корпусом, окружение одного человека группой лиц, хаотичное групповое движение, толчки, замахи, падение и дальнейшее скопление вокруг лежащего человека. Выявление такой последовательности может позволить оператору направить внимание на участок до того, как ситуация перерастет в причинение вреда.

Следующий класс угроз связан с несанкционированным перемещением и нарушением режима. Видеосистема может фиксировать пересечение виртуальной границы, отклонение от разрешенной траектории, пребывание в запрещенной зоне, проход в неустановленное время, движение против заданного потока, приближение к служебной двери или контрольно-пропускному пункту без соответствующего контекста. В сочетании с данными контроля доступа такие признаки позволяют выявлять расхождение между фактическим нахождением лица и установленным порядком его перемещения [5, с. 48].

Далее, угрозы, связанные с периметром и инженерными объектами. В качестве предикторов выступают длительное нахождение около ограждения, повторные подходы к одному участку, нетипичные движения вблизи технического элемента, групповое сосредоточение у уязвимой точки, появление оставленного предмета или резкое изменение обычной плотности людей в зоне. В данном случае прогноз означает необходимость своевременно проверить конкретный участок, а не признать действия лица противоправными до их фактической оценки.

Отдельный класс угроз составляют риски, связанные с жизнью и здоровьем. Алгоритм может выявлять падение, резкую потерю устойчивости, длительное неподвижное положение, отсутствие ожидаемой двигательной активности в контролируемом пространстве, скопление людей вокруг лежащего человека или изменение обычной траектории группы в ответ на инцидент. Такие сигналы особенно важны для своевременного направления сотрудника или медицинского работника, поскольку промедление может увеличить последствия травмы, самоповреждения или внезапного ухудшения здоровья.

Наиболее значим класс угроз, включающий аномалии группового поведения [6, с. 135]. Они могут выражаться в несвойственном конкретной зоне скоплении людей, быстром формировании и распаде группы, синхронном изменении направления перемещения, блокировании прохода, длительном ожидании у точки доступа, перемещении нескольких лиц по нехарактерному маршруту или повторяющемся создании плотной группы в одних и тех же местах. Такие признаки не доказывают подготовку нарушения, но могут указывать оператору на необходимость наблюдения и проверки режима.

Технически, базовая архитектура системы выявления ситуационно-временных паттернов включает получение видеопотока, предварительную обработку кадров, обнаружение людей и объектов, отслеживание объектов в последовательности кадров, извлечение пространственных и временных признаков, расчет оценки аномальности и передачу сигнала оператору. Видеопоток может поступать как от камер реального времени, так и из архива для последующего анализа. На этапе предварительной обработки выполняются нормализация изображения, выделение зоны интереса, коррекция размеров кадра и подавление несущественных участков сцены. Детекция объектов позволяет обнаруживать в кадре фигуры людей, двери, ограждения, оставленные предметы или другие значимые элементы. Трекинг связывает одну и ту же фигуру между последовательными кадрами и присваивает ей технический идентификатор. На этой основе строится траектория объекта, определяется его скорость, ускорение, направление, длительность нахождения в зоне и характер взаимодействия с другими объектами. Для описания пространственной составляющей рассчитываются координаты центра объекта, расстояние до виртуальной границы, удаленность от других лиц, плотность людей в зоне, пересечения заранее заданных линий, нахождение в полигоне охраняемой области и изменение траектории. Временная составляющая включает длительность пребывания, скорость изменения расстояний, повторяемость маршрутов, частоту входов и выходов, ускорение движения, последовательность нахождения в нескольких зонах и устойчивость наблюдаемого паттерна. Пространственные признаки позволяют понять, где находится объект и с чем он взаимодействует, а временные – как меняется ситуация; для анализа сложных видеоаномалий необходимо их совместное использование.

В простейшем варианте система может основываться на правилах. Например, технический сигнал формируется, если человек находится у инженерного ограждения дольше заданного времени, несколько раз возвращается к одному участку или пересекает виртуальную линию. Аналогично можно определить правило для потенциального конфликтного взаимодействия: быстрое сокращение дистанции между двумя объектами, длительное удержание близкой дистанции, резкое изменение скорости и появление плотной группы. Правила обладают высокой интерпретируемостью, но ограничены заранее заданными сценариями и могут давать ложные срабатывания при нестандартных, но правомерных действиях.

Более сложный подход предполагает использование машинного обучения. Модель обучается на видеопоследовательностях или на сформированных признаках нормального поведения в конкретной зоне. Затем она определяет, насколько текущий фрагмент отличается от ожидаемой картины.

Особенно перспективен прогнозный вариант видеоаналитики, при котором модель не только сопоставляет текущий фрагмент с известными категориями, но и оценивает ожидаемое состояние сцены через небольшой временной интервал. Значительное расхождение между прогнозируемой и фактической динамикой может использоваться как признак аномалии. Однако этот подход особенно чувствителен к качеству данных, ракурсу камеры, плотности объектов и специфике конкретной наблюдаемой зоны, поэтому его результаты должны оцениваться с повышенной осторожностью.

Применение пространственно-временной видеоаналитики в учреждениях УИС связано с обработкой видеоданных, а в отдельных сценариях – персональных и биометрических персональных данных. Сам факт фиксации человека камерой не всегда означает обработку биометрии. Однако если оператор использует изображение, силуэт, походку, позу или иную совокупность признаков для установления личности конкретного человека, такая обработка приобретает повышенную правовую значимость и требует специального правового основания и дополнительных гарантий [7, с. 110].

Ключевое значение имеет определенность цели обработки. Система должна применяться для конкретных задач безопасности: раннего обнаружения падения, несанкционированного проникновения в охраняемую зону, опасного скопления, действий у инженерного объекта или возможного конфликтного взаимодействия. Использование видеоаналитики для неопределенного постоянного накопления оценок «подозрительности» либо для формирования непрозрачного поведенческого профиля всех осужденных не соответствует принципу целевого ограничения и создает повышенный риск необоснованного вмешательства в права человека. Принцип минимизации требует ограничивать как объем, так и территории обработки [8, с. 38]. Автоматический анализ должен охватывать прежде всего участки, где это необходимо для предотвращения конкретных рисков: периметр, контрольно-пропускные пункты, коридоры с регулируемым движением, прогулочные дворы, входы в служебные помещения, технические зоны и другие объекты повышенного контроля. Необходимо установить сроки хранения исходного видео, метаданных трекинга, траекторий, оценок аномальности и фрагментов, сформированных при срабатывании системы. Должны быть определены порядок удаления данных, круг уполномоченных лиц, правила доступа, журналирование обращений и меры защиты от неправомерного копирования или распространения информации.

Особое правовое ограничение состоит в недопустимости автоматизированного принятия юридически значимых решений. Сигнал о возможном конфликте, несанкционированном маршруте или подозрительной активности у периметра не является доказательством дисциплинарного проступка, попытки побега, подготовки нападения либо иной вины. Он не должен самостоятельно приводить к взысканию, постановке на профилактический учет, изменению условий содержания, ограничению перемещения или применению иных неблагоприятных мер. Алгоритмический вывод имеет ориентирующий характер и требует обязательной проверки сотрудником с учетом полной видеозаписи, сведений системы доступа, объяснений участников, медицинских обстоятельств и иных фактических данных.

До практического внедрения необходима валидация моделей на материалах, отражающих специфику конкретного учреждения. Алгоритм, обученный на общедоступных наборах данных с улиц, аэропортов, торговых центров или постановочных сценах, может некорректно интерпретировать нормальные действия в условиях УИС. На точность влияют ракурс и качество камер, освещенность, архитектура помещения, плотность людей, перекрытия фигур, одежда, расписание, установленные маршруты и обычные формы активности. Исследования видеоаномалий также указывают на сложность задачи из-за

разнообразия поведения, временной изменчивости, ограниченности размеченных данных и дисбаланса между нормальными и редкими опасными событиями.pmc.ncbi.nlm.nih+2

Валидационный отчет должен содержать показатели чувствительности, специфичности, точности, полноты, долю ложноположительных и ложноотрицательных срабатываний, а также анализ их последствий для организации охраны. Для учреждений УИС особенно важно оценивать абсолютное число ложных тревог: чрезмерное количество уведомлений приводит к перегрузке операторов, снижению доверия к системе и риску игнорирования действительно опасного события. Одновременно недопустимо скрывать ограничения модели за единственным агрегированным показателем точности.

Проверяемость вывода требует фиксации причин срабатывания. Для каждого сигнала должны сохраняться номер камеры, временная метка, идентификатор зоны, версия модели, рассчитанная оценка риска, набор зафиксированных признаков и видеозапись относящегося к событию фрагмента. Если результат аналитики учитывается при принятии решения, затрагивающего положение конкретного осужденного, должны быть доступны процедура служебной проверки, возможность оценки полноты фактических оснований и механизм обжалования самого решения. Наличие алгоритмического сигнала не должно освобождать должностное лицо от обязанности самостоятельно установить фактические обстоятельства [9, с. 8].

Анализ пространственно-временных паттернов поведения в видеопотоке может повысить эффективность раннего предупреждения ситуационных угроз безопасности в учреждениях УИС. Его предметом являются не психологические качества осужденного и не предполагаемая виновность, а наблюдаемые отклонения от ожидаемой пространственно-временной организации событий: нехарактерные маршруты, опасное сближение, скопление, действия у критических объектов, нарушение виртуальных границ, падение, длительная неподвижность и другие признаки, требующие внимания персонала. Технологически система может объединять детекцию и сопровождение объектов, анализ траекторий, зонирование пространства, оценку межличностных дистанций, выявление аномалий и модели временной динамики. Использование правил делает работу системы понятной и контролируемой, а методы машинного обучения позволяют находить более сложные комбинации признаков. Вместе с тем любой алгоритмический результат остается вероятностной оценкой и должен использоваться только для формирования ориентирующего сигнала оператору.

Правомерное внедрение требует точного определения задач и зон обработки, минимизации собираемых данных, защиты видеоматериалов, валидации моделей в условиях конкретного учреждения, регистрации ошибок и сохранения решающей роли человека. Только в таком случае видеоаналитика способна поддержать динамическую безопасность и снизить риск инцидентов, не превращаясь в непрозрачный механизм автоматизированного ухудшения правового положения осужденных.

Литература

1. Шиняев К.А., Морозов А.С. Современные цифровые технологии в системе надзора следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Вестник Самарского юридического института. 2025, № 4 (65). С. 62–66.

2. Денисенко О.И., Жаров И.С., Кадралеева Ж.А. Использование систем идентификации личности для обеспечения безопасности на режимных объектах уголовно-исполнительной системы // Вестник Самарского юридического института ФСИН России. 2024, № 4. С. 113–119.

3. Пекарева В.В., Фроловская Ю.И. Искусственный интеллект в уголовно-исполнительной системе // Право и государство: теория и практика. 2024, № 10. С. 329–331.

4. Царькова Е.Г., Кочкина О.В. Применение искусственного интеллекта при обработке данных в научной и образовательной деятельности Федеральной службы исполнения наказаний // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022, № 9(244). С. 51–59.

5. Минаев В.А., Бондарь К.М., Федорович В.Ю. Биометрия защиты объектов: возможности и перспективы // Информация и безопасность. 2025. Т. 28, № 1. С. 47–56.

6. Царькова Е.Г. К вопросу формирования обучающих датасетов для выявления источников распространения экстремистского контента в сети Интернет // Научно-технический вестник Поволжья. 2024, № 3. С. 134–136.

7. Понкин И.В. Государственное управление и регуляторное пространство в сфере искусственного интеллекта // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022, № 11 (99). С. 108–116.

8. Минбалеев А.В. Регулирование использования искусственного интеллекта в России // Информационное право. 2020, № 1. С. 36–39.

9. Царькова Е.Г. Алгоритмическая прозрачность и защита персональных данных при использовании диалоговых систем в юридических клиниках ФСИН России // Безопасность. Управление. Искусственный интеллект. 2026. Т. 2, № 2(2). С. 8–15.

ANALYSIS OF SPATIO-TEMPORAL BEHAVIOR PATTERNS IN VIDEO STREAM FOR PREDICTING SITUATIONAL SAFETY RISKS IN PENITENTIARY INSTITUTIONS

Tsarkova E.G.
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

The article examines the possibilities of using computer vision technologies, video analytics, and machine learning to analyze spatio-temporal patterns of behavior in a video stream in order to predict situational security risks in institutions of the penal system of the Russian Federation. Spatio-temporal patterns are understood as stable or anomalous combinations of a person's or a group of people's location, trajectories, speed and direction of movement, interpersonal distance, duration of stay in a zone, sequence of actions, and changes in the situation over time. Analysis of such indicators makes it possible to identify situations statistically associated with an increased risk of conflict interaction, unauthorized movement, violation of the established route, actions near engineering barriers, the formation of abnormal accumulation, falls, prolonged immobility, or other incidents. It is noted that the video analytics system cannot reliably establish motives, the intent to commit an offense, or the guilt of a specific person, so its results should be used as a guiding signal for additional verification by an employee. The technological stages of system development are considered, including video stream processing, object detection and tracking, extraction of spatial and temporal features, formation of models of normal behavior, and detection of anomalies. Special attention is paid to the legal restrictions on the use of this technology in penal institutions: the clarity of the processing purpose, data minimization, protection of video recordings and derived data, validation of algorithms on a specialized sample, prohibition of automated decision-making regarding legally significant issues without human involvement, and ensuring the verifiability of algorithmic conclusions.

Keywords: spatio-temporal patterns, video analytics, situational risk forecasting, penal institutions, computer vision, anomaly detection, object tracking, machine learning, security, legal restrictions.

References

1. Shinyaev K.A., Morozov A.S. Modern digital technologies in the supervision system of pre-trial detention facilities of the penal system of the Russian Federation // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta. 2025, № 4 (65). Pp. 62–66.

2. Denisenko O.I., Zharov I.S., Kadraleeva Zh.A. The use of identity identification systems to ensure security at secure facilities of the penal system // Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta FSIN Rossii. 2024, № 4. Pp. 113–119.

3. Pekareva V.V., Frolovskaya Yu.I. Artificial Intelligence in the Penal System // Law and State: Theory and Practice. 2024, № 10. Pp. 329–331.

4. Tsarkova E.G., Kochkina O.V. The Use of Artificial Intelligence in Data Processing in the Scientific and Educational Activities of the Federal Penitentiary Service // Vedomosti of the Penal System. 2022, № 9(244). Pp. 51–59.

5. Minaev V.A., Bondar K.M., Fedorovich V. Yu. Biometrics for Object Protection: Opportunities and Prospects // Information and Security. 2025. Vol. 28, № 1. Pp. 47–56.

6. Tsarkova E.G. On the Issue of Creating Training Datasets for Identifying Sources of Extremist Content Distribution on the Internet // Scientific and Technical Bulletin of the Volga Region. 2024, № 3. Pp. 134–136.

7. Ponkin I.V. Public Administration and the Regulatory Space in the Field of Artificial Intelligence // Bulletin of the O.E. Kutafin University (MSAL). 2022, No. 11 (99). Pp. 108–116.

8. Minbaleev A.V. Regulation of the Use of Artificial Intelligence in Russia // Information Law. 2020, № 1, Pp. 36–39.

9. Tsarkova E.G. Algorithmic transparency and protection of personal data when using dialogue systems in legal clinics of the Federal Penitentiary Service of Russia // Security. Management. Artificial Intelligence. 2026. Vol. 2, № 2(2). Pp. 8–15.

Информационная безопасность как объект уголовно-правовой охраны: эволюция и поиск единой модели

Чайникова Анастасия Олеговна,
общественный помощник старшего следователя следственного отдела по Октябрьскому округу города Липецк следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Липецкой области
E-mail: aaa_ch.a@mail.ru

Статья посвящена ретроспективному анализу становления уголовно-правовых механизмов охраны общественных связей, складывающихся в условиях цифровизации. Проблематика статьи обусловлена отсутствием в УК РФ легального определения информационной безопасности при наличии разрозненных составов в разных главах и необходимостью выработки единого понятийного аппарата. На основе официальных источников стратегического планирования рассматриваются узкий (информационно-технический) и широкий (информационно-психологический) доктринальные подходы к определению информационной безопасности, выявляются их ограничения применительно к задачам квалификации преступлений. Обнаруженная закономерность поступательного расширения перечня охраняемых объектов послужила базой для конструирования трехуровневой модели информационной безопасности. Выявлены проблемы разграничения уголовно наказуемых и административно наказуемых деяний, связанных с распространением недостоверных сведений, а также трудности противодействия трансграничным информационным угрозам. Методологическую основу составили системный подход, формально-юридический метод и сравнительный анализ с опытом кодификации цифрового законодательства Республики Казахстан. Делается вывод, что предложенная трехуровневая конструкция определения информационной безопасности, не требующая пересмотра системы Особенной части УК РФ, задает единый понятийный каркас для разрозненных составов и учитывает современные вызовы в сфере информационной безопасности; с учетом опыта кодификации цифрового законодательства Республики Казахстан сформулированы предложения по систематизации понятийного аппарата УК РФ.

Ключевые слова: информационная безопасность, объект уголовно-правовой охраны, цифровой суверенитет.

Введение

Цифровая трансформация институтов общественной жизни изменила саму природу информации. Из вспомогательного ресурса она стала самостоятельным объектом посягательства, наравне с уже устоявшимися объектами уголовно-правовой охраны. За последние годы в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ, Кодекс) [16] были включены новые составы преступления, где объектом охраны прямо или косвенно выступает информация. При этом легального определения информационной безопасности в УК РФ по-прежнему нет, а норма, которая закрепляла бы его в качестве родового объекта охраны, в Кодексе так и не появилась.

Такое положение порождает практический вопрос. Чем должен руководствоваться правоприменитель в лице дознавателя, следователя, прокурора или суда, квалифицируя деяние, если единого понятия, объединяющего разрозненные составы преступлений, не существует? Приходится обращаться либо к гл. 28 УК РФ, сформированной в 1996 г. под нужды докомпьютерных и раннекомпьютерных технологий и дополняемой сегодня новыми составами без пересмотра ее концептуальных основ, либо к статьям гл.гл. 24 и 29 УК РФ, введенным точечными поправками 2017–2022 гг. и не объединенным между собой единым понятийным аппаратом. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 [1] (далее – Доктрина), и Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 [13] (далее – Стратегия), дают определение информационной безопасности, но не формулируют его в категориях, пригодных для квалификации конкретных деяний. Не восполняют этот пробел и разъяснения высшей судебной инстанции, касающиеся применения норм о компьютерных преступлениях [12]: в них закреплена лишь более узкая категория «компьютерная информация, охраняемая законом».

По данным И.А. Ефремовой, значительная часть противоправных посягательств в цифровой среде остается теневой и «уровень их латентности варьируется от 80 до 90%» [2, с. 122]. В 2019 г. группа криминологов под руководством А.П. Суходолова предупреждала, что «прогнозируемый ущерб от киберпреступности в 2021 г. может составить 6 трлн дол.» [14, с. 555], и последующие годы показали, что эта оценка не была преувеличением. При таком масштабе латентности и ущерба отсутствие единого объекта уголовно-правовой охраны не теоретическая тонкость, а фактор, снижающий эффективность расследования и предупреждения преступлений.

Материалы и методы

Цель исследования – проследить эволюцию уголовно-правовой охраны информационной безопасности в отечественном законодательстве и предложить определение информационной безопасности, пригодное для использования в качестве родового объекта охраны. Материалом исследования послужили нормы УК РСФСР 1960 г. и УК РФ, документы стратегического планирования (Доктрина и Стратегия), разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации, Цифровой кодекс Республики Казахстан, а также труды отечественных ученых по проблемам уголовно-правовой охраны информации. Методологическую основу составили системный подход, формально-юридический метод и сравнительно-правовой анализ.

Литературный обзор

До начала 1990-х годов законодатель не оперировал понятием информационной безопасности вовсе. УК РСФСР 1960 г. защищал не информацию как таковую, а специальный ее вид – сведения, составляющие государственную и военную тайну [17]. Объектом охраны выступала не информационная сфера в целом, а интересы государственной безопасности в узком смысле, а именно разглашение или утрата документов, содержащих такие сведения, рассматривались как посягательство на обороноспособность и суверенитет, а не на информацию как самостоятельную общественную ценность.

Ситуация изменилась с принятием УК РФ 1996 г. В Особенной части Кодекса была впервые выделена самостоятельная глава, посвященная

компьютерным преступлениям. Формулировка при этом отражала технологические реалии своего времени. Законодатель представлял себе преступление прежде всего как несанкционированное вмешательство в работу отдельно взятой ЭВМ или локальной сети, а не как атаку через глобальную инфраструктуру. За пределами гл. 28 УК РФ остался весь пласт информационно-психологических посягательств. Манипулятивное или дезинформирующее воздействие на массовое сознание людей не рассматривалось как самостоятельная уголовно-правовая проблема.

Третий этап начинается с принятия Доктрины. Она закрепила определение «информационной безопасности» на уровне стратегического планирования [1, п. 21]. Само определение охватывает и информационно-психологическое воздействие на общественное сознание, и состояние критической информационной инфраструктуры, и компьютерную информацию.

Т.А. Полякова и Н.А. Троян подтверждают, что «в базовых документах стратегического планирования в России ключевую роль среди национальных приоритетов занимают направления, касающиеся обеспечения информационной безопасности» [10]. Действительно, Стратегия развивает эти положения применительно к более широкому кругу национальных приоритетов, где самостоятельной угрозой был признан рост правонарушений с использованием цифровых технологий [13, п. 31]. К началу 2020-х годов информационная безопасность на уровне документов стратегического планирования перестала быть узкотехнической категорией и превратилась в элемент национального суверенитета.

Уголовный закон реагировал на эту переоценку фрагментарно. В 2017 г. Федеральным законом от 26 июля 2017 г. № 194-ФЗ [8] в гл. 28 УК РФ включена ст. 274^1 УК РФ о неправомерном воздействии на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации. В 2022 г., в условиях резкого роста дезинформации, в УК РФ были введены ст.ст. 207^3, 280^3 и 284^2 УК РФ. Объектом охраны этих составов выступают общественная безопасность и конституционный строй, что и предопределило их размещение в гл.гл. 24 и 29 УК РФ, а не в гл. 28. При всей обоснованности такого структурного решения оно порождает доктринальную проблему. Составы преступлений, охраняющие разные аспекты информационной безопасности, оказались разбросаны по трем главам Кодекса без единого системообразующего понятия, которое бы их объединяло.

Отсылочный характер регулирования, унаследованный от более ранних этапов, заметен и сегодня. Как справедливо отмечает Н.А. Михаленко, Кодекс «использует ссылки на Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и защите информации», так как он не содержит определений таких терминов, как «данные», «информация» и т.д. В результате в обоих документах регулируются одинаковые правоотношения в области защиты информации» [7].

Показательно в этом отношении сравнение с опытом Республики Казахстан. 9 января 2026 г. был подписан Цифровой кодекс Республики Казахстан (далее – ЦК РК) [18], кодифицированный акт из 106 статей, заменивший собой прежний закон об электронной цифровой подписи 2003 г. и объединивший в едином тексте нормы о цифровых данных, цифровых правах человека, искусственном интеллекте и кибербезопасности. Такой подход заметно отличается от российской модели точечных поправок в отраслевые кодексы. ЦК РК регулирует преимущественно административно-правовые и гражданско-правовые отношения, вопросы уголовной ответственности остаются за его пределами. Но сам факт кодификации показывает, что законодатель соседнего государства уже пришел к системному, а не фрагментарному регулированию цифровой сферы, тогда как в России этот процесс применительно к уголовному закону пока ограничивается точечными поправками.

Существующее в доктрине уголовного права разделение подходов к определению информационной безопасности как объекта охраны обусловлено прежде всего расхождением между ее пониманием на стратегическом уровне и фрагментарным отражением в конкретных составах преступлений УК РФ.

Первый из них можно условно назвать информационно-техническим или узким. Представители первого направления, специализирующиеся на преступлениях в сфере компьютерной информации, рассматривают информационную безопасность как защищенность компьютерных данных, информационных систем и сетей от противоправных посягательств. В таком понимании объект охраны исчерпывается составами гл. 28 УК РФ. Подход опирается на устоявшийся понятийный аппарат и корреспондирует техническим стандартам защиты информации, но его узость становится очевидной, как только речь заходит о посягательствах, не связанных напрямую с компьютерной техникой как предметом преступления. Распространение через социальные сети заведомо ложных сведений о деятельности Вооруженных Сил Российской Федерации, пропаганда экстремистской идеологии через мессенджеры и подобные им деяния технически совершаются с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, но по своей сути направлены не на данные, а на сознание получателя информации. Информационно-технический подход не объясняет, почему такие деяния криминализированы, и оставляет за рамками теоретического осмысления значительную часть действующего уголовного закона.

Альтернативный взгляд на исследуемую категорию представлен информационно-психологическим направлением. Его приверженцы исходят из того, что безопасность в информационной сфере не может ограничиваться технической составляющей. В их трактовке она охватывает состояние защищенности не только компьютерных систем, но и сознания граждан, общественных устоев и государственного суверенитета от манипулятивного и дезинформирующего воздействия. Как обоснованно указывает Р.Н. Ключко, анализируемая категория представляет собой сложный многоуровневый феномен, не сводимый к единому аспекту [5], что обусловливает необходимость применения структурного, а не перечислительного метода при ее описании.

Широкий подход объясняет криминализацию дезинформации, экстремистской пропаганды и иных форм деструктивного информационного воздействия. Но эта широта влечет за собой размытые границы юридической ответственности. Доктрина информационной безопасности 2016 г. формулирует информационно-психологическую составляющую национальной безопасности в терминах защиты духовно-нравственных ценностей и традиционных устоев, категорий, оценочных по своей природе и трудно понимаемых в рамках состава преступления, где требуется точное определение объективной стороны.

Результаты

Ни один из двух подходов в отдельности не решает задачу, стоящую перед уголовным правом, а именно дать понятие информационной безопасности, пригодное для использования в качестве родового объекта охраны. Первый не охватывает информационно-психологические посягательства, второй абстрактен и не задает четких границ ответственности. Представляется целесообразным предложить трехуровневое определение информационной безопасности как объекта охраны:

– психологический уровень как защищенность личности и общества от заведомо ложного, вводящего в заблуждение или деструктивного информационного воздействия, способного причинить вред общественному сознанию, общественному порядку или конституционному строю (ст.ст. 207^3, 280^3, 284^2 УК РФ);

– технический уровень как защищенность компьютерной информации, информационных систем и сетей от неправомерного доступа, уничтожения, блокирования, модификации или копирования (ст.ст. 272–274 УК РФ);

– уровень цифрового суверенитета как защищенность объектов критической информационной инфраструктуры и иных элементов цифровой экономики, обеспечивающих устойчивое функционирование государства в информационном пространстве (ст. 274^1 УК РФ и формирующиеся правовые режимы, связанные с оборотом цифровых финансовых инструментов). Выделение этого уровня опирается на категорию цифрового суверенитета, которая последовательно разрабатывается в информационно-правовой науке [11; 15].

Новизна предлагаемого определения не в том, что оно вводит принципиально новую категорию, так как многоуровневый характер информационной безопасности как объекта охраны уже отмечался в науке. В частности, М.А. Ефремова предлагала выделить в Особенной части УК РФ самостоятельный раздел «Преступления против информационной безопасности», состоящий из трех глав [3]. Новизна предлагаемого в настоящей статье варианта заключается в другом. Он не требует структурной перестройки Кодекса и может применяться уже сейчас, в действующей системе гл.гл. 24, 28 и 29 УК РФ, как аналитический инструмент для отнесения конкретного деяния к одному из трех уровней и, соответственно, к одной из групп статей.

Обсуждение

Насколько такой инструмент востребован, показывают проблемы, возникающие уже сейчас при применении действующих норм о юридической ответственности.

Правоприменительная практика сталкивается с серьезными затруднениями уже на начальном этапе юридической оценки деяний, связанных с распространением недостоверных сведений, поскольку разграничение уголовно наказуемого деяния и административного деликта в этой сфере остается дискуссионным. В частности, уголовная ответственность по ст. 207^3 УК РФ наступает за публичное оглашение заведомо ложных фактов о применении Вооруженных Сил либо о деятельности государственных органов, при условии, что такие сведения

выдаются за достоверные. Ст. 280[3] УК РФ криминализирует дискредитацию использования Вооруженных Сил, но, в отличие от ст. 207[3], применяется только к лицу, ранее привлеченному к административной ответственности по ст. 20.3.3 КоАП РФ в течение 1 года за аналогичное деяние. Такая конструкция, известная как административная преюдиция, устраняет часть проблем, связанных с чрезмерной криминализацией высказываний, но порождает новую сложность. Правоприменителю приходится разграничивать не столько уголовно и административно наказуемое деяние по существу, сколько первый и повторный случай формально одного и того же деяния. При этом ни КоАП РФ, ни УК РФ не дают определения «информационной угрозы» или «дискредитации», а без легального критерия достоверности эта неопределенность едва ли устранима. На сложность разграничения заведомо ложной информации и оценочных суждений при квалификации деяний по ст. 207[3] УК РФ, обусловленную неопределенностью самого понятия «заведомо ложная информация», обращает внимание Е.С. Чижова [19]. Не случайно значительная нагрузка в таких делах ложится на лингвистическую и психолого-лингвистическую экспертизу, типовые задачи которой по делам, связанным со ст.ст. 207[3], 280[3] УК РФ и ст. 20.3.3 КоАП РФ, только формируются [4]. Как справедливо замечают А.В. Минбалеев и О.В. Петровская, «Достоверность информации становится ключевым критерием формирования нового типа общества – общества знаний» [6]. Данный принцип закреплен в качестве одного из основных в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [9], однако его уголовно-правовая конкретизация отсутствует. Без такого правового закрепления решение вопроса о квалификации деяния как преступного или административно наказуемого в значительной степени остается на усмотрение правоприменителя. Легальное закрепление предложенного трехуровневого понятия информационной безопасности, с отнесением дискредитации и дезинформации к информационно-психологическому уровню, не решит эту проблему автоматически, но задаст более определенные рамки для толкования оценочных признаков состава преступления.

Другой вызов связан с трансграничным характером современных информационных угроз. Использование анонимайзеров, VPN-сервисов и зарубежных серверов позволяет лицам, распространяющим заведомо ложную информацию или совершающим неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру, физически находиться за пределами юрисдикции Российской Федерации, что существенно осложняет как установление лица, совершившего преступление, так и его привлечение к ответственности. Стратегия национальной безопасности прямо называет использование информационно-коммуникационных технологий для вмешательства во внутренние дела государств угрозой международному миру и безопасности, но механизмы международно-правового реагирования на такие угрозы остаются слаборазвитыми. Универсальной международной конвенции об информационной безопасности, аналогичной, например, конвенциям в сфере борьбы с терроризмом, не существует. Практически единственным работающим форматом остается сотрудничество в рамках Шанхайской организации сотрудничества, Содружества Независимых Государств, Евразийского экономического союза, но и оно основывается на терминологическом единстве. Если государства-участники по-разному понимают, что такое информационная угроза и информационная безопасность, согласование мер противодействия оказывается затруднено уже на стадии выработки общих формулировок. Унификация понятийного аппарата – задача не техническая, а содержательная, без решения которой трансграничное сотрудничество остается декларативным.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать несколько выводов. Объект уголовно-правовой охраны в информационной сфере прошел путь от защиты государственной и военной тайны в УК РСФСР к осмысленной категории информационной безопасности, зафиксированной в Доктрине и Стратегии. Уголовный закон эту эволюцию отразил лишь частично. Легального определения информационной безопасности в нем по-прежнему нет, а действующие составы разбросаны по трем главам Кодекса без единого системообразующего понятия. Сложившиеся в науке узкий и широкий доктринальные подходы решают разные задачи, но ни один из них в отдельности не пригоден для использования в качестве универсального ориентира при квалификации преступлений. Предложенное в статье трехуровневое определение, объединяющее информационно-психологический, информационно-технический уровни и уровень цифрового суверенитета, призвано восполнить этот пробел, оставаясь при этом в рамках действующей системы Особенной части УК РФ.

Литература

1. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 5 дек. 2016 г. № 646 // Собрание законодательства РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.
2. Ефремова И.А. Особенности квалификации преступлений в сфере компьютерной информации и противодействия им // Правоприменение. 2025. Т. 9. № 1. С. 122–131.
3. Ефремова М.А. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2018. 427 с.
4. Жарков И. В., Константинова В.В. Типовые экспертные задачи в судебных делах по статьям 207.3 УК РФ, 280.3 УК РФ, 20.3.3 КоАП РФ и возможные методы их решения // Неофилология. 2022. Т. 8. № 3. С. 437–458.
5. Ключко Р.Н. Информационно-психологическая безопасность как межродовой объект уголовно-правовой охраны // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2021. Т. 17. № 6. С. 48–64.
6. Минбалеев А. В., Петровская О.В. Проблемы реализации принципа достоверности информации в условиях цифровой трансформации // Российский юридический журнал. 2022. № 4. С. 20–28.
7. Михаленко Н.А. Этапы развития правового обеспечения информационной безопасности в РФ // Молодой ученый. 2024. № 49 (548). С. 543–546.
8. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»: федер. закон от 26 июля 2017 г. № 194-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201707260041 (дата обращения: 13.08.2026).
9. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.
10. Полякова Т. А., Троян Н.А. Обеспечение суверенитета в информационном пространстве – стратегическая задача национальной политики // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 1. С. 41–53.
11. Полякова Т. А., Троян Н.А. Стратегические задачи обеспечения технологического и цифрового суверенитета: правовые аспекты формирования новой информационной среды // Правовая информатика. 2025. № 1. С. 70–78.
12. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 дек. 2022 г. № 37 // Российская газета. 2022. 28 дек.
13. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27. Ст. 5351.
14. Суходолов А. П., Антонян Е.А., Рукинов М.В., Шамрин М.Ю., Спасенникова М.Г. Блокчейн в цифровой криминологии: постановка проблемы // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13. № 4. С. 555–563.
15. Троян Н.А. Правовое обеспечение цифрового суверенитета России: актуальные проблемы и перспективные направления // Право и государство: теория и практика. 2024. № 6 (234). С. 169–172.
16. Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
17. Уголовный кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 27 окт. 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591 (утратил силу).
18. Цифровой кодекс Республики Казахстан от 9 января 2026 г. № 255-VIII ЗРК. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000255 (дата обращения: 13.08.2026).
19. Чижова Е.С. Проблемы разграничения заведомо ложной информации и оценочных суждений при квалификации преступлений по статье 207.3 УК РФ // Теория и практика общественного развития. 2025. № 9. С. 211–216.

INFORMATION SECURITY AS AN OBJECT OF CRIMINAL LAW PROTECTION: EVOLUTION AND THE SEARCH FOR A UNIFIED MODEL

Chaynikova A.O.
Investigative Committee of the Russian Federation for the Lipetsk Region

The article examines the genesis of the criminal-legal protection of social relations emerging in the information space. Its relevance stems from the absence in the Criminal Code

of the Russian Federation of a legal definition of information security, despite scattered provisions in different chapters, and the need for a unified conceptual framework. Based on official strategic planning documents, the narrow (informational-technical) and broad (informational-psychological) doctrinal approaches to defining information security are examined, and their limitations for crime qualification are identified. The trend of expanding protected goods formed the basis for the author's three-level model combining psychological, technical and sovereign components. Problems of distinguishing criminal offences from administrative ones in the dissemination of false information, as well as difficulties in countering cross-border information threats, are revealed. The methodology includes a systematic approach, the formal-legal method and a comparative analysis of the codification of digital legislation in the Republic of Kazakhstan. It is concluded that the proposed three-level framework, which does not require revising the Special Part of the Criminal Code, provides a unified conceptual foundation for disparate provisions; proposals are formulated to systematize the conceptual apparatus of the Code.

Keywords: information security, object of criminal law protection, digital sovereignty.

References

1. Information Security Doctrine of the Russian Federation: approved by Decree of the President of the Russian Federation of December 5, 2016 № 646 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2016. № 50. Art. 7074.

2. Efremova I.A. Peculiarities of qualification of crimes in the field of computer information and counteraction to them // Law Enforcement Review. 2025. Vol. 9. № 1. pp. 122–131.

3. Efremova M.A. Criminal-legal protection of information security: diss. … Dr. Sci. (Law). Moscow, 2018. 427 p.

4. Zharkov I. V., Konstantinova V.V. Standard expert tasks in law cases with regard to articles 207.3, 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, article 20.3.3 of the Code of Administrative Violations of the Russian Federation and possible procedures of their solution // Neophilology. 2022. Vol. 8. № 3. pp. 437–458.

5. Klyuchko R.N. Information and psychological security as an intergeneric object of criminal-legal protection // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2021. Vol. 17. № 6. pp. 48–64.

6. Minbaleev A. V., Petrovskaya O.V. Problems of implementing the principle of information reliability in the context of digital transformation // Russian Juridical Journal. 2022. № 4. pp. 20–28.

7. Mikhalenko N.A. Stages of development of legal support for information security in the Russian Federation // Young Scientist. 2024. № 49 (548). pp. 543–546.

8. On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Article 151 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the adoption of the Federal Law «On the Security of Critical Information Infrastructure of the Russian Federation»: Federal Law of July 26, 2017 № 194-FZ // Official Internet Portal of Legal Information. [Electronic resource]. Access mode: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201707260041 (access date: 13.08.2026).

9. On Information, Information Technologies and Information Protection: Federal Law of July 27, 2006 № 149-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. № 31 (Part I). Art. 3448.

10. Polyakova T. A., Troyan N.A. Ensuring sovereignty in the information space as a strategic task of national policy // Legal Policy and Legal Life. 2024. № 1. pp. 41–53.

11. Polyakova T. A., Troyan N.A. Strategic tasks of ensuring technological and digital sovereignty: legal aspects of forming a new information environment // Legal Informatics. 2025. № 1. pp. 70–78.

12. On certain issues of judicial practice in criminal cases on crimes in the field of computer information, as well as other crimes committed using electronic or information and telecommunication networks, including the Internet: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 15, 2022 № 37 // Rossiyskaya Gazeta. 2022. December 28.

13. National Security Strategy of the Russian Federation: approved by Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 № 400 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. № 27. Art. 5351.

14. Sukhodolov A. P., Antonyan E.A., Rukinov M.V., Shamrin M. Yu., Spasennikova M.G. Blockchain in digital criminology: setting the problem // Russian Journal of Criminology. 2019. Vol. 13. № 4. pp. 555–563.

15. Troyan N.A. Legal support of Russia's digital sovereignty: current problems and promising directions // Law and State: Theory and Practice. 2024. № 6 (234). pp. 169–172.

16. Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law of June 13, 1996 № 63-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 25. Art. 2954.

17. Criminal Code of the RSFSR: approved by the Supreme Soviet of the RSFSR on October 27, 1960 // Vedomosti VS RSFSR. 1960. № 40. Art. 591 (expired).

18. Digital Code of the Republic of Kazakhstan of January 9, 2026 № 255-VIII ZRK. [Electronic resource]. Access mode: https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2600000255 (access date: 13.08.2026).

19. Chizhova E.S. Problems of distinguishing knowingly false information and value judgments in the qualification of crimes under Article 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation // Theory and Practice of Social Development. 2025. № 9. pp. 211–216.

Аудиоаналитика для прогнозирования поведения осужденных в учреждениях УИС: технологические возможности и правовые пределы

Царькова Евгения Геннадьевна,
кандидат физико-математических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России
E-mail: university69@mail.ru

В статье рассматриваются возможности применения предиктивной аудиоаналитики, основанной на методах машинного обучения, для прогнозирования агрессивного и девиантного поведения осужденных в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации (УИС). Анализируются перспективы выявления речевых маркеров эмоционального напряжения, конфликтной направленности и потенциальной агрессии по параметрам темпа, громкости, интонации и ритмико-частотных характеристик речи. Обосновывается, что технология может использоваться как дополнительный инструмент раннего предупреждения конфликтов, нападений, самоповреждений и иных происшествий, повышающий оперативность профилактической работы личного состава. Раскрываются риски ошибочной интерпретации речевых данных, обусловленные индивидуальными особенностями осужденного, стрессовым состоянием и спецификой условий изоляции. Сделан вывод о недопустимости использования алгоритмического прогноза в качестве самостоятельного основания для ограничительных мер. Сделаны предложения о необходимости предварительной валидации моделей на репрезентативных пенитенциарных данных, закрепления ориентирующего статуса алгоритмических сигналов, обязательной профессиональной проверке психологом и обеспечении гарантий защиты биометрических персональных данных, человеческого контроля и обжалования решений.

Ключевые слова: предиктивная аудиоаналитика, прогнозирование поведения осужденных, акустические маркеры агрессии, профилактический учет, уголовно-исполнительная система Российской Федерации, биометрические персональные данные, машинное обучение, девиантное поведение, алгоритмическая валидация.

Безопасность исправительных учреждений и следственных изоляторов традиционно обеспечивается видеонаблюдением и режимными обходами, ориентированными, главным образом, на фиксацию уже начавшегося либо совершенного действия. Между тем конфликт обычно развивается постепенно: раздражение, тревога и готовность к агрессии способны проявляться в голосе до физического столкновения, нападения на сотрудника или акта самоповреждения. Повышение громкости, ускорение речи, нарушения дыхательного ритма и неустойчивая интонация относятся к паралингвистическим признакам эмоционального возбуждения. Они не зависят от содержания высказывания и могут фиксироваться, когда говорящий не находится в поле зрения камеры.

Сотрудники учреждения не могут одновременно контролировать разговоры во всех камерных помещениях, производственных зонах и на прогулочных дворах. Поэтому автоматическое распознавание акустических признаков может стать дополнительным каналом раннего предупреждения инцидентов, не заменяя профессиональное наблюдение, а сокращая время до вмешательства [1, с. 182; 2, с. 945]. Паралингвистические проявления агрессии следует рассматривать не только как предмет психологической либо криминалистической экспертизы, но и как возможный элемент действующей системы профилактики происшествий [3, с. 28; 4, с. 18].

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года относит прогнозирование поведения осужденных к направлениям внедрения искусственного интеллекта наряду с видеоаналитикой и автоматизацией учетных процессов. Однако документ не конкретизирует состав анализируемых данных и требования к алгоритмическому прогнозу, пригодному для использования сотрудником. Звуковой канал потенциально информативен: изменения интонации, темпа и частотных характеристик голоса могут предшествовать наблюдаемому действию [5, 6]. Цель настоящего исследования состоит в определении возможностей и ограничений ИИ-систем, распознающих речевые маркеры агрессии, а также правового статуса формируемого ими результата.

В российской научной литературе разработаны подходы к выявлению агрессивных проявлений в речи средствами аудиоаналитики. А.Н. Величко предложил метод автоматического определения агрессии на основе ансамбля случайных лесов, обученного на корпусах Stress at Service Desk Dataset и Aggression in Trains; максимальная точность идентификации при этом составила 76,5% [1, с. 182]. Несмотря на высокий для сопоставимых методов показатель, практически каждый четвертый случай при такой оценке может быть классифицирован неверно. Для клиентского сервиса подобная ошибка может оказаться допустимой, но для решения, способного повлиять на правовой статус осужденного, она неприемлема.

Особую значимость в криминологической оценке рисков имеет проблема низкой базовой частоты [2, с. 945]. Если агрессивные инциденты происходят лишь у небольшой части осужденных, то даже модель с точностью 75–76,5% при массовом применении сформирует значительное количество ложноположительных сигналов, иногда сопоставимое с числом верно выявленных случаев. Следовательно, акустический вывод нельзя интерпретировать как вероятность конкретного эксцесса конкретного лица; он может служить лишь поводом для дополнительной проверки в рамках процедур психологической службы.

Т.Н. Балабанова, К.В. Абрамов и Д.И. Гайворонская описывают нейросетевой подход к распознаванию агрессии по речевому сигналу [2]. В работе [3] гнев и агрессия разграничиваются как самостоятельные паралингвистические явления, их смешение искажает интерпретацию результата. В [4] предложена сверточная нейронная сеть для распознавания грусти, радости, гнева и нейтрального состояния с точностью около 75%. Авторы связывают ограниченность результата с дефицитом открытых русскоязычных баз: существующие корпуса основаны преимущественно на бытовой или актерской речи, а не на речи людей, находящихся в условиях изоляции и хронического стресса.

Исследование Т.Р. Самигулина, И.З. Смирнова и А. Лаушкиной показывает, что одного аудиоканала недостаточно для надежного выявления агрессивного поведения. Авторы сочетают акустические показатели (изменения громкости, темпа и эмоциональной окраски)

с текстовыми маркерами, включая нецензурную лексику, повелительные конструкции и угрозы [5, с. 20]. Это подтверждает, что изолированный анализ речевого сигнала повышает риск ошибок первого рода [6, с. 44; 7, с. 221].

Для учреждений УИС помимо технических существенны и организационные ограничения. В.В. Копылов, А.А. Субботин и А.А. Истомин связывают трудности внедрения аудиоаналитики в следственных изоляторах прежде всего с нехваткой специалистов, способных сопровождать и калибровать системы [8, с. 86]. Д.С. Иконников и О.Г. Ковалев, напротив, указывают на неподготовленность действующей модели взаимодействия дежурных смен и психологической службы к постоянному потоку алгоритмических оценок [9, с. 244]. Следовательно, проблема состоит не только в ресурсах, но и в архитектуре принятия решений. В.В. Пекарева и Ю.И. Фроловская рассматривают ИИ в УИС преимущественно как средство снижения нагрузки на персонал и оптимизации штатной численности, не раскрывая вопрос ответственности за ошибочный прогноз [10, с. 330]. При этом критерий, при котором алгоритмическая оценка речи может законно стать основанием индивидуальной профилактической меры, пока не сформулирован.

Порядок осуществления профилактического учета подозреваемых, обвиняемых и осужденных (далее – Порядок), утвержденный приказом Минюста России от 26.01.2026 № 17 и действующий с 28 января 2026 года, заменил инструкцию 2013 года, но сохранил традиционную логику. Пункт 20 закрепляет исчерпывающий перечень оснований для постановки на учет: от склонности к побегу и нападению на представителей администрации до систематического нарушения правил внутреннего распорядка. Пункт 6 называет источниками выявления изучение личных дел, беседы, сведения подразделений режима, охраны, воспитательной работы и психологической лаборатории, а также результаты цензуры корреспонденции и контроля телефонных разговоров. Автоматизированный анализ данных, аудио- и видеоаналитика, искусственный интеллект в этом перечне не упомянуты. Пункт 43 предусматривает внесение в информационную систему результатов уже проведенной работы, но не формирование алгоритмом самого решения.

Не все основания профилактического учета могут быть объектом акустического прогнозирования. Склонность к нападению на представителей администрации, дезорганизации деятельности учреждения, участие в группах отрицательной направленности, а также риск суицида и членовредительства в определенной степени могут коррелировать с речевыми признаками: повышенной громкостью, ускорением темпа, нестабильностью основного тона либо, напротив, монотонной угнетенной речью. Склонность к побегу, употреблению наркотических средств, азартным играм или систематическому нарушению режима не имеет устойчивого акустического индикатора либо требует сведений, которые голос сам по себе не передает. Поэтому единый регуляторный режим для всех оснований профилактического учета был бы методологически ошибочным: аудиоаналитика применима только к узкому кругу ситуаций, связанных с эмоциональным возбуждением и конфликтным взаимодействием.

Отдельная проблема связана с правовым статусом голоса. Согласно пункту 1 статьи 11 Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных» и подпункту «а» постановления Правительства РФ от 30.06.2018 № 772, голосовые данные, полученные с использованием звукозаписывающих устройств, относятся к биометрическим персональным данным. Их обработка для поведенческого скоринга требует самостоятельного правового основания, не сводимого к общему режиму надзора и контроля, предусмотренному статьей 83 УИК РФ. Когда аудиоаналитика используется не для фиксации конкретного нарушения, а для формирования профиля риска с последующим влиянием на вопрос профилактического учета, возникает ситуация автоматизированного принятия юридически значимого решения. Специальное регулирование автоматизированного скоринга осужденных по биометрическим признакам в законодательстве о персональных данных отсутствует, а общее согласие субъекта не является надежным основанием в условиях исполнения наказания.

А.И. Степанян применительно к предиктивной аналитике в полицейской деятельности отмечает, что статистические модели оперируют усредненными закономерностями и не учитывают индивидуальные мотивы, состояния и связи человека [6, с. 44]. Для акустического прогнозирования это особенно важно: модель, обученная на актерской или бытовой речи, способна ошибочно перенести паттерны голосового возбуждения на речь лица, чьи интонационные особенности сформировались в условиях длительной изоляции [11, с. 107]. Кроме того, гнев как эмоциональная реакция не тождествен агрессии как устойчивой поведенческой установке; даже сдержанная или монотонная речь может быть индивидуальной особенностью, а не признаком готовящегося конфликта.

Предлагаемая модель регулирования порядка применения рассматриваемой технологии предполагает три уровня использования акустического прогноза. Исследовательский уровень включает обработку обезличенных архивных записей для отработки алгоритмов и поиска типовых паттернов без принятия решений в отношении конкретных лиц. Сигнальный уровень предназначен для оперативного реагирования: при неоднократной фиксации устойчивого речевого паттерна система инициирует внеплановый контакт с психологом, не порождая ограничительных мер. Учетный уровень может допускать использование данных ИИ при решении вопроса о профилактическом учете только после независимой проверки модели на репрезентативной пенитенциарной выборке. Достигнутые в исследованиях показатели 75–76,5%, полученные на нерепрезентативных данных, для такого уровня недостаточны.

В связи с этим целесообразно дополнить пункт 20 Порядка категорией лиц, у которых не менее трех независимых верифицированных фиксаций устойчивых речевых паттернов агрессии подтверждены заключением психолога как свидетельствующие о повышенном риске конфликтного поведения. Такое основание должно вести к усиленному психологическому наблюдению, а не к автоматическому ограничению прав осужденного.

Необходимо нормативно закрепить предварительную валидацию: до применения модели в конкретном учреждении разработчик должен представить результаты ее проверки на выборке из этого учреждения или сопоставимого контингента, а не только на общедоступных лингвистических корпусах. Валидационный отчет должен отражать чувствительность, специфичность и абсолютное число ложноположительных срабатываний. При низкой распространенности целевого события именно это число определяет нагрузку на психологическую службу и риск необоснованного вмешательства в права человека.

Результату акустического прогноза следует придать статус ориентирующей, а не доказательственной информации [12, с. 113]. Алгоритм должен структурировать сигнал, но не принимать решение: его вывод не может быть самостоятельным основанием дисциплинарного взыскания, должен подтверждаться психологом и оперативным сотрудником и подлежать обжалованию осужденным либо его защитником в порядке, сопоставимом с обжалованием решений административной комиссии по пункту 21 Порядка. Такая конструкция соответствует сложившейся логике использования ориентирующей информации и не требует создания принципиально нового правового института.

Технологии распознавания агрессии в речи уже позволяют обсуждать их практическое применение в УИС. Основное препятствие состоит не в отсутствии алгоритмов, а в необходимости выстроить правомерное и организационно надежное звено между машинным сигналом и административным решением. Его формирование возможно при дифференцированном регулировании, обязательной валидации на профильной выборке, сохранении решающей роли специалиста и исключении автоматического вменения негативного правового статуса.

Литература

1. Величко А.Н. Метод анализа речевого сигнала для автоматического определения агрессии в разговорной речи // Вестник ВГУ. Серия: Системный анализ и информационные технологии. 2022. № 4. С. 180–188.

2. Балабанова Т.Н., Абрамов К.В., Болдышев А.В., Долбин Д.М. Автоматическое обнаружение гнева и агрессии в речевых сигналах // Экономика. Информатика. 2023. Т. 50, № 4. С. 944–954.

3. Абрамов К.В., Балабанова Т.Н., Гайворонская Д.И. Использование нейронных сетей для распознавания агрессии по речевому сигналу // Информационные системы и технологии. 2024. № 2 (142). С. 28–36.

4. Балабанова Т.Н., Гайворонская Д.И., Доборович А.Н. Распознавание эмоций по устной речи с использованием нейросетевого подхода // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2024. Т. 10, № 4. С. 17–34.

5. Самигулин Т.Р., Смирнов И.З., Лаушкина А. Определение маркеров агрессивного поведения человека на основе анализа аудио и текстового каналов. Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2022.

6. Степанян А.И. Предиктивная аналитика в прогностической деятельности полиции современных государств // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4 (84). С. 43–50.

7. Попова Е.Э. Применение технологии искусственного интеллекта для оценки исправления осужденных при досрочном освобождении от наказания // Вектор юридической науки. 2025. № 5. С. 221–227.

8. Копылов В.В., Субботин А.А., Истомин А.А. Аудиоаналитика – инновация в организации надзора в следственных изоляторах ФСИН России // Информационные технологии в УИС. 2025. № 1. С. 85–92.

9. Иконников Д.С., Ковалев О.Г. Современные подходы обеспечения надзора в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы: организационно-правовой и психологический анализ // Право и управление. 2024. № 8. С. 243–248.

10. Пекарева В.В., Фроловская Ю.И. Искусственный интеллект в уголовно-исполнительной системе // Право и государство: теория и практика. 2024. № 10 (238). С. 329–331.

11. Царькова Е.Г. Правовое регулирование процессов внедрения систем предиктивной аудиоаналитики для обеспечения безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2026. № 4. С. 105–109.

12. Денисенко О.И., Жаров И.С., Кадралеева Ж.А. Использование систем идентификации личности для обеспечения безопасности на режимных объектах уголовно-исполнительной системы // Вестник Самарского юридического института ФСИН России. 2024. № 4. С. 113–119.

AUDIOANALYTICS IN PREDICTING THE BEHAVIOR OF CONVICTS IN PENITENTIARY INSTITUTIONS: TECHNOLOGICAL CAPABILITIES AND LEGAL LIMITS

Tsarkova E.G.
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

The article examines the possibilities of using predictive audio analytics based on machine learning methods to predict aggressive and deviant behavior among convicts in institutions of the Penal System of the Russian Federation (PS). The prospects for identifying speech markers of emotional tension, conflict orientation, and potential aggression based on parameters such as pace, volume, intonation, and rhythmic-frequency characteristics of speech are analysed. It is substantiated that the technology can be used as an additional tool for early prevention of conflicts, attacks, self-harm, and other incidents, thereby increasing the efficiency of preventive work carried out by staff. The risks of erroneous interpretation of speech data, обусловленные индивидуальными особенностями осужденного, стрессовым состоянием и спецификой условий изоляции. It is concluded that the use of algorithmic prediction as an independent basis for restrictive measures is unacceptable. Proposals are made regarding the need for preliminary validation of models using representative penitentiary data, the establishment of the guiding status of algorithmic signals, mandatory professional verification by a psychologist, and ensuring guarantees for the protection of biometric personal data, human oversight, and the right to appeal decisions.

Keywords: predictive audio analytics, behavior prediction for convicts, acoustic markers of aggression, preventive record-keeping, the penal system of the Russian Federation, biometric personal data, machine learning, deviant behavior, algorithmic validation.

References

1. Velichko A.N. Speech signal analysis method for the automatic detection of aggression in conversational speech // Proceedings of Voronezh State University. Series: Systems Analysis and Information Technologies. 2022. № 4. P. 180–188.

2. Balabanova T.N., Abramov K.V., Boldyshev A.V., Dolbin D.M. Automatic detection of anger and aggression in speech signals // Economics. Informatics. 2023. Vol. 50, № 4. P. 944–954.

3. Abramov K.V., Balabanova T.N., Gaivoronskaya D.I. Using neural networks to recognize aggression from speech signals // Information Systems and Technologies. 2024. № 2 (142). P. 28–36.

4. Balabanova T.N., Gaivoronskaya D.I., Doborovich A.N. Emotion recognition in spoken language using a neural network approach // Research Result. Theoretical and Applied Linguistics. 2024. Vol. 10, № 4. P. 17–34.

5. Samigulin T.R., Smirnov I.Z., Laushkina A. Identification of markers of aggressive human behavior based on the analysis of audio and text channels. Belgorod: Belgorod National Research University, 2022.

6. Stepanyan A.I. Predictive analytics in the forecasting activities of modern state police forces // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 4 (84). P. 43–50.

7. Popova E.E. Application of artificial intelligence technology to assess the rehabilitation of convicts for early release // Vector of Legal Science. 2025. № 5. Pp. 221–227.

8. Kopylov V.V., Subbotin A.A., Istomin A.A. Audio analytics: an innovation in organizing supervision in pre-trial detention centers of the Russian Federal Penitentiary Service // Information Technologies in the Penal System. 2025. № 1. Pp. 85–92.

9. Ikonnikov D.S., Kovalev O.G. Modern approaches to ensuring supervision in pre-trial detention centers of the penal system: organizational-legal and psychological analysis // Law and Management. 2024. № 8. Pp. 243–248.

10. Pekareva V.V., Frolovskaya Yu.I. Artificial intelligence in the penal system // Law and State: Theory and Practice. 2024. № 10 (238). Pp. 329–331.

11. Tsarkova E.G. Legal regulation of the implementation of predictive audio analytics systems for ensuring security in penal system institutions of the Russian Federation // Agrarian and Land Law. 2026. № 4. Pp. 105–109.

12. Denisenko O.I., Zharov I.S., Kadraleeva Zh.A. Use of personal identification systems to ensure security at high-security facilities of the penal system // Bulletin of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. 2024. № 4. Pp. 113–119.

От многоскоростной интеграции к изменяемой геометрии: правовые метаморфозы Африканского Союза

Барабашев Александр Георгиевич,
кандидат юридических наук, доцент кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: alexander.barabashev@gmail.com

В статье рассматривается Африканский союз как крупнейшее интеграционное объединение континента, включающее 55 государств и отличающееся высокой неоднородностью участников, их экономик, политических режимов и участия в региональных экономических сообществах. Показано, что реализация ряда проектов Африканского союза сопряжена с разной готовностью стран к выполнению обязательств. На примерах валютной интеграции, свободы передвижения, энергопулов и Африканских сил постоянной готовности раскрывается вариативная, многоскоростная и многоуровневая интеграция. В заключении делается вывод о том, что принцип изменяемой геометрии должен рассматриваться не как альтернатива стремления африканских государств к единству, а как средство его сохранить в попытках удержать такие разные страны и элементы африканской интеграции в рамках общего континентального проекта Африканского Союза.

Ключевые слова: Африканский союз; вариативная интеграция; многоскоростная интеграция; региональные экономические сообщества; Абуджийский договор; Повестка 2063; Африканские силы постоянной готовности.

К середине 2020-х гг. Африканский союз (АС) является наиболее широким по территориальному и государственному охвату интеграционным объединением Африканского континента, которое объединяет 55 государств-членов и охватывает практически все международно-признанные государства Африки, что позволяет рассматривать АС как самый масштабный интеграционный проект на материке, превосходящий по числу участников Европейский союз и уступающий в мировом масштабе по этому критерию лишь Всемирной торговой организации[1].

Институциональная модель АС, основанная на стремлении к политическому единству, инклюзивности и постепенному формированию общего пространства, отражает концепцию африканского континентализма (*continentalism*[2]), сформировавшуюся в процессе эволюции панафриканской идеи и предполагающую объединение государств континента вокруг общих политических, экономических и социально-культурных целей[3].

Вместе с тем государства АС не образуют однородную группу. Они существенно различаются по географическому положению, характеру членства (у некоторых стран-участниц членство «заморожено»), уровню социально-экономического развития, уровню развития и структуре экономики, характеру политического режима и уровню развития демократии, устойчивости государственных институтов, состоянию внутренней безопасности и участию в вооруженных территориальных конфликтах и способности исполнять интеграционные обязательства в рамках АС. Существенное значение для анализа африканской интеграции имеет и участие стран-участниц в официально признанных АС региональных экономических сообществах, которые выступают субрегиональными опорами интеграционного процесса, однако отличаются друг от друга по составу, институциональной развитости и глубине экономического взаимодействия своих членов[4].

Неоднородность государств-членов АС проявляется и в процессе реализации проекта Африканской Континентальной Зоны Свободной торговли (АфКЗСТ). Уровень вовлеченности стран в АфКЗСТ различается в зависимости от стадии присоединения к Соглашению об ее учреждении[5] – его подписания, ратификации и последующей имплементации во внутреннее законодательство. Само по себе согласие государства на участие в соглашении еще не свидетельствует о его практической готовности применять тарифные преференции, правила происхождения товаров, унифицированные таможенные процедуры и другие инструменты либерализации торговли. Таким образом, стремление АС к формированию единого континентального экономического пространства сочетается с различной степенью готовности государств-членов к выполнению интеграционных обязательств.

Отсюда вытекает ключевая задача африканской континентальной интеграции: как удержать в рамках единого и реально функционирующего проекта, на роль которого амбициозно претендует АС, отдельные разрозненные элементы сложного интеграционного пазла, представленные государствами континента с несопоставимым потенциалом и специфическими внутренними факторами развития? Эту геополитическую потребность в консолидации столь разных африканских стран очень точно описал выдающийся ганский дипломат, седьмой Генеральный секретарь ООН и лауреат Нобелевской премии мира Кофи Аннан в своей речи перед совместным заседанием палат Парламента Южно-Африканской Республики в Кейптауне 14 марта 2006 года, когда

[1] См.: Абашидзе А.Х, Солнцев А.М. Юбилей африканской системы права человека и народов. Евразийский юридический журнал. 2012. № 2 (45). С. 22–25.

[2] https://www.academia.edu/3195265/From_OAU_to_AU_50_Years_of_African_Continentalism (дата обращения: 28.08.2026).

[3] См.: Ручка О.А. Понимание и обеспечение социальных прав Африканской комиссией по правам человека и народов. Вестник РУДН, серия Юридические науки. 2014. № 4. С. 250–261.

[4] См.: Самодуров И.В, Саранчина В.А. Международно-правовая регламентация прав человека в рамках Африканского союза. Аграрное и земельное право. 2023. № 8 (224). С. 139–140. Самодуров И.В. Региональное сотрудничество в сфере защиты прав человека: институциональная роль Африканского союза. Аграрное и земельное право. 2023. № 8 (224). С. 147–148. Viljoen F. International Human Rights Law in Africa. Oxford: Oxford University Press. 2012. P. 475–487.

[5] https://au.int/sites/default/files/treaties/36437-treaty-consolidated_text_on_cfta_-_en.pdf?utm_source=copilot.com (дата обращения: 28.08.2026).

подчеркнул, что «Африка – это не монолит, это мозаика из множества камней. Наша задача – сделать так, чтобы эти камни образовали прочную и гармоничную конструкцию, а не рассыпались при первом же испытании[1]».

В правовом измерении эту идею выражает принцип изменяемой геометрии (*principle of variable geometry*), вариативной интеграции, которую не следует механически приравнивать к понятию «многоскоростная» интеграция, учитывая, что последняя используются в доктрине интеграционного права, в основном, как обобщающие характеристики неравномерного участия государств в интеграционных процессах. Принцип изменяемой геометрии имеет более конкретное значение: он выступает способом правового оформления такой неравномерности. Иными словами, понятие многоскоростной интеграции описывает явление, а изменяемая геометрия представляет собой один из инструментов его практической реализации в рамках интеграционного режима Африканского Союза и ряда африканских региональных экономических сообществ (РЭС).

Содержание принципа изменяемой геометрии состоит не только в допустимости неодинакового темпа интеграции африканских государств и РЭС под эгидой АС, но и в свободе выбора различных интеграционных инструментов, практик и проектов для достижения общих континентальных целей. Таким образом, изменяемая геометрия не означает ослабления степени участия африканских стран в АС и не предполагает их освобождения от уже взятых на себя обязательств. Напротив, она создает юридические условия для постепенного вовлечения всех участников в интеграционный процесс с учетом их фактических возможностей. Такой подход допускает продвижение государств и региональных объединений континента к различным целям АС не только разными темпами, но и по разным траекториям, и с разных сторон. Это свидетельствует о схожих чертах вариативной интеграции с конвергентностью в понимании Маастрихтских критериев Европейского Союза.

Правовые предпосылки применения принципа изменяемой геометрии были заложены Договором об учреждении Африканского экономического сообщества 1991 г.,[2] известным как Абуджийский договор. В статье 6 Договора предусмотрена поэтапная модель формирования Африканского экономического сообщества, включающая шесть последовательных стадий. К ним относятся развитие региональных экономических сообществ, устранение препятствий во взаимной торговле, создание зон свободной торговли и таможенных союзов на субрегиональном уровне, переход к общеконтинентальному таможенному союзу, формирование общего рынка и, в перспективе, экономического и валютного союза. Хотя термин «изменяемая геометрия» в Договоре отсутствует, сама конструкция постепенного развития интеграции через РЭС допускает различную избирательность и скорость выполнения соответствующих задач в отдельных частях африканского континента.

В дальнейшем данная концепция получила четкое закрепление в Минимальной интеграционной программе Комиссии АС 2009 г. (MIP)[3] где, в частности, в подразделе 1 раздела 2 («Definition of MIP») говорится, что, «программа MIP была разработана с использованием интеграционного подхода изменяемой геометрии, который предоставляет Региональным экономическим сообществам право продвигаться к интеграции в различном темпе». Программа исходит из того, что РЭС не обязаны достигать одинакового уровня интеграции одновременно. Каждое из них вправе реализовывать собственные приоритеты, развивать наиболее востребованные направления взаимодействия с АС и друг с другом и продвигаться быстрее остальных РЭС к общим целям Африканского Экономического Сообщества (сегодня АС) при условии сохранения связи с этими целями. Тем самым изменяемая геометрия выступает средством согласования субрегиональной самостоятельности РЭС с возможностью и необходимостью координации их интеграционной политики на континентальном уровне с АС.

Наиболее определенное юридическое закрепление принцип изменяемой геометрии получил в Соглашении об учреждении Африканской континентальной зоны свободной торговли, статья 5(c) которого относит изменяемую геометрию к числу основных принципов функционирования АфКЗСТ, который связан с гибкостью, специальным и дифференцированным режимом, сохранением достигнутого в рамках РЭС уровня интеграции и использованием существующих субрегиональных зон свободной торговли как опор для формирования единого африканского рынка.

В АфКЗСТ принцип изменяемой геометрии приобретает прикладное значение: сроки отмены таможенных пошлин зависят от уровня экономического развития государства и от категории товара. Государства, не включенные ООН в перечень наименее развитых стран (НРС), должны отменить пошлины в отношении 90% товаров, не признанных чувствительными для национальной экономики, в течение пяти лет, тогда как для НРС установлен десятилетний срок. В отношении чувствительных товаров, доля которых не должна превышать 7% номенклатурных позиций, допускается более длительный срок либерализации: до десяти лет для государств, не включенных в перечень НРС, и до тринадцати лет для наименее развитых стран[4]. Приведенная дифференциация сроков либерализации характеризует АфКЗСТ как пример многоскоростной интеграции, однако принцип изменяемой геометрии проявляется там прежде всего в избирательности участия стран-участниц в отдельных механизмах торгового режима. В частности, каждое государство самостоятельно формирует перечень чувствительных товаров в пределах установленной доли тарифных позиций и определяет соответствующий порядок их либерализации. При этом единые правила происхождения товаров сохраняют общую правовую основу преференциальной торговли, а механизм кумуляции позволяет учитывать производственные операции, выполненные в других государствах, участниках АфКЗСТ, что облегчает включение менее индустриализированных экономик в общие производственные цепочки континентальной зоны.

Принцип изменяемой геометрии закрепляется и на уровне региональных экономических сообществ. В частности, статья 7(1)(e) Договора об учреждении Восточноафриканского Сообщества[5] провозглашает принцип изменяемой геометрии как операционный принцип «допускающий поступательное углубление сотрудничества между группами внутри Сообщества в рамках более широких интеграционных схем – в различных областях и с различной скоростью». В статье 1 того же Договора этот принцип определяется как «гибкий подход, при котором внутри широкого интеграционного объединения допускается углубление сотрудничества между отдельными подгруппами его участников, причем в разных сферах и с различной скоростью», что отражает правовую природу вариативной интеграции, которая осуществляется не только с разной скоростью, но и в специфических для каждой подгруппы участников выбранных ими направлениях, что допускает развитие сотрудничества между подгруппами государств в рамках более широкого интеграционного объединения. Это позволяет одним подгруппам участников продвигаться вперед быстрее остальных, не нарушая целостности общей структуры Восточноафриканского Сообщества и наделяя его большей устойчивостью и гибкостью.

В свою очередь Восточноафриканский суд справедливости в одном из своих актов[6] определил, что изменяемая геометрия является способом реализации интеграционных решений, а не самостоятельным механизмом их принятия; ее применение не должно превращаться в основание для блокирования государствами, не готовыми к соответствующим мерам, действий участников, готовых двигаться дальше.

Таким образом, принцип изменяемой геометрии имеет ключевое значение для развития интеграции в Африке, однако его применение необходимо разграничивать. В одних случаях он прямо закрепляется в первичных источниках права интеграционных обледенений и сообществ и допускает различный объем участия государств в интеграционном процессе, в других – используется как организационный подход: государства присоединяются к проектам постепенно, принимают обязательства на добровольной основе, а отдельные выбранные ими инициативы реализуются прежде всего через региональные экономические сообщества, а не через АфКЗС Т.

Африканский союз официально признает восемь таких сообществ: Союз арабского Магриба (CAM/ UMA), Общий рынок Восточной и Южной Африки (КОМЕСА/COMESA), Сообщество государств Сахеля и Сахары (СЕН-САД / CEN-SAD), Восточноафриканское сообщество (ВАС/EAC), Экономическое сообщество государств Центральной Африки (ЭККВАС/ECCAS), Экономическое сообщество западноафриканских государств (ЭКОВАС/ ECOWAS), Межправительственный орган по вопросам развития (ИГАД/ IGAD) и Сообщество развития Юга Африки (САДК/ADC), которые рассматриваются как основные элементы формирования Африканского экономического сообщества и выступают

[1] Address by United Nations Secretary-General Kofi Annan to the Joint Sitting of the Parliament of South Africa [Electronic resource] // United Nations Digital Library. – 2006. – March 14. – URL: un.org (дата обращения: 28.08.2026).

[2] https://au.int/en/treaties/treaty-establishing-african-economic-community (дата обращения: 28.08.2026).

[3] https://au.int/sites/default/files/newsevents/programmes/12571-pg-mip_-summary_edited-final.pdf (дата обращения: 28.08.2026).

[4] https://africanlii.org/en/akn/aa-au/statement/decision/au-assembly/2019/714/eng@2019–02–11 (дата обращения: 28.08.2026).

[5] https://www.eala.org/uploads/The_Treaty_for_the_Establishment_of_the_East_Africa_Community_2006_1999.pdf (дата обращения: 28.08.2026).

[6] https://www.eacj.org/?cases=application-no-1-of-2008-advisory-opinion-of-the-court (дата обращения: 28.08.2026).

в соответствии со статьей 5(b) Соглашения об учреждении АфКЗСТ в качестве главных «строительных блоков»[1] Африканской континентальной зоны свободной торговли. На практике такое взаимодействие осложняется тем, что ряд африканских государств одновременно участвуют сразу в нескольких РЭС, чьи направления деятельности и сферы регулирования частично пересекаются. Подобное явление, образно именуемое «миской спагетти» (*spaghetti bowl*)[23],, является следствием запутанного переплетения договорных обязательств и процедур разных РЭС и затрудняет согласование региональной и континентальной интеграционной политики на африканском континенте вследствие возникающих коллизий[4]. Общая картина африканской континентальной интеграции является неоднородной и в силу того, что региональные экономические сообщества не образуют единой системы и существенно различаются по уровню своего развития, своему целеполаганию, по степени институционального развития, по структуре органов, объему полномочий и устойчивости процедур, а также предоставляют государствам-членам разные режимы участия в них.

К примеру, наиболее развитый режим общего рынка демонстрирует Восточноафриканское сообщество (ЕАС), где в его рамках осуществляется свободное перемещение товаров, лиц, услуг и капитала, а также предусмотрено право проживания (для граждан стран-членов и их семей) и учреждения (для предпринимателей и юридических лиц)[5], тогда как ЭКОВАС располагает развитой зоной свободной торговли и таможенным механизмом и продолжает работу по формированию общего рынка, но его интеграционная модель пока не достигла той же степени институциональной и правовой завершенности, которая характерна для Восточноафриканского сообщества[6]. Иная ситуация наблюдается в Союзе арабского Магриба (UMA), который по оценкам АС фактически не достиг в своем развитии уровня зоны свободной торговли[7]. Таким образом, РЭС нельзя рассматривать как равнозначные элементы континентальной интеграционной системы, которую представляет из себя Африканский Союз.

В Африканском союзе принцип изменяемой геометрии реализуется через интеграционный механизм, позволяющий отойти от жесткого пакетного формата, когда все государства-члены обязаны одновременно принимать равный объем интеграционных обязательств. Зафиксированный на нормативном уровне в отдельных базовых актах (в частности, в Соглашении об Африканской континентальной зоне свободной торговли) или применяемый де-факто в рамках конкретных субрегиональных объединений, данный принцип дает государствам-членам, придерживаясь общих стратегических целей АС, право или возможность дозировать свое участие в континентальном интеграционном процессе через участие в различных РЭС. Государства-члены сами определяют, к каким интеграционным проектам и соглашениям присоединяться – будь то субрегиональные валютные союзы или секторальные инфраструктурные инициативы – исходя из своих экономических возможностей, политических приоритетов и готовности национального законодательства. В итоге формируется гибкая, многоскоростная и многоуровневая нормативно-правовая конструкция, допускающая дифференциацию по сферам, глубине и последовательности участия государств-членов в интеграции, что отличает данный подход от «интеграции à la carte» благодаря сохранению единой стратегической направленности континентального интеграционного процесса в рамках Африканского Союза.

На практике принцип «изменяемой геометрии» реализуется в двух взаимосвязанных измерениях: через участие государств в различных региональных экономических сообществах и посредством их избирательного присоединения к отдельным интеграционным проектам, осуществляемым в рамках этих сообществ, между ними либо на континентальном уровне. В частности, такой подход получил отражение во флагманском проекте АС «Повестка 2063 года»[8], предусматривающем реализацию общеконтинентальных целей через субрегиональные и региональные программы и проекты в различных сферах интеграции.

В частности, в сфере валютно-финансовой интеграции вместо одномоментного создания единого континентального валютного союза и введения единой валюты, предусмотренного подпунктом iii пункта 2(f) статьи 6 и статьей 44 Абуджийского договора, интеграционные процессы опираются на уже функционирующие субрегиональные блоки, включая Западноафриканский экономический и валютный союз (ЗАЭВС / UEMOA) и Экономическое и валютное сообщество Центральной Африки (ЭВСТА / CEMAC), сформировавшие действующие валютные зоны на основе франка КФА. Показательным примером трансформация этих механизмов служит проект единой валюты ЭКОВАС – ECO[9], реализация которого предполагает поэтапный запуск и призвана заменить западноафриканский франк КФА. На первоначальном этапе в проекте смогут участвовать государства, соответствующие установленным критериям макроэкономической конвергенции, тогда как остальные страны получат возможность присоединиться позднее, после достижения необходимого уровня финансовой устойчивости. Таким образом, интеграция в этой сфере развивается по принципу последовательного расширения круга участников, а не путем установления одинаковых требований для всех государств с самого начала. Путь к континентальному валютному союзу через поэтапное сближение субрегиональных объединений отражает практическую реализацию принципа «изменяемой геометрии», где инициатива ЭКОВАС выступает наиболее наглядным примером такой вариативной модели.

Неравномерность интеграционного развития особенно заметна в регулировании свободы передвижения лиц. Несмотря на принятие континентального Протокола к Договору об учреждении Африканского экономического сообщества о свободе передвижения лиц, праве проживания и праве учреждения[10], единый общеафриканский режим в этой сфере пока не сформирован: протокол еще не вступил в силу, поскольку не получил необходимого количества ратификаций. Вместе с тем отсутствие действующего континентального механизма не препятствует развитию соответствующих правовых режимов на субрегиональном уровне. Так, в Восточноафриканском сообществе регулирование свободы передвижения лиц осуществляется на основе Протокола об общем рынке Восточноафриканского сообщества[11], положения которого направлены на обеспечение свободы передвижения работников, права проживания и права учреждения на территориях государств-участников. В Западной Африке сходные вопросы регулируются специальным Протоколом ЭКОВАС о свободном передвижении лиц, праве проживания и учреждения[12], который закрепляет соответствующие права граждан государств – членов сообщества. Таким образом, субрегиональные объединения формируют собственные интеграционные режимы в сфере свободы передвижения лиц раньше, чем аналогичные правила начинают действовать на континентальном уровне. Вместе с тем их правовой опыт может использоваться при последующем согласовании и унификации общеафриканских норм.

В сфере авиаперевозок принцип «изменяемой геометрии» находит выражение в функционировании Единого африканского рынка воздушного транспорта (SAATM), относящегося к числу флагманских проектов «Повестки 2063 года» и направленного на постепенную либерализацию внутриафриканских авиаперевозок, расширение доступа перевозчиков к национальным рынкам и формирование единого авиационного пространства континента. При этом участие в SAATM не является автоматическим для всех государств-членов Африканского союза: присоединение осуществляется путем принятия специального Торжественного обязательства (Solemn Commitment)[13], предусмотренного механизмом реализации проекта и представляющего собой официальное заявление государства о добровольном исполнении положений Ямусукроской декларации[1415],, включая либерализацию «пятой свободы воздуха» (права авиакомпании перевозить пассажиров и грузы между зарубежными странами в рамках рейса из своей страны), отмену ограничений на емкость перевозок и тарифное регулирование. Такая модель позволяет вовлекать в инициативу государства, готовые при-

[1] https://africanlii.org/en/akn/aa-au/act/agreement/2018/african-continental-free-trade-area/eng@2018–03–21 (дата обращения: 28.08.2026).

[2] https://www.researchgate.net/publication/367191501_The_political_economy_of_Africa's_regional_'spaghetti_bowl' (дата обращения: 28.08.2026).

[3] https://www.bothogroup.com/blog/the-spaghetti-bowl-of-african-regional-trade-integration (дата обращения: 28.08.2026).

[4] https://academic.oup.com/jiplp/article/20/5/308/7908948 (дата обращения: 28.08.2026).

[5] https://www.eac.int/common-market (дата обращения 28.08.2026).

[6] https://au.int/en/documents/african-integration-report-2021 (дата обращения: 28.08.2026).

[7] https://au.int/fr/node/45243 (дата обращения: 28.08.2026).

[8] https://au.int/en/agenda2063/flagship-projects (дата обращения: 28.08.2026).

[9] https://www.ecowas.int/ecowas-takes-steps-towards-common-monetary-union/ (дата обращения: 28.08.2026).

[10] https://au.int/en/treaties/protocol-treaty-establishing-african-economic-community-relating-free-movement-persons (дата обращения: 28.08.2026).

[11] https://www.eac.int/common-market (дата обращения 28.08.2026).

[12] https://www.refworld.org/en/download/78362?__cf_chl_tk=lK.1HH1BbX6V5FARB-GOoad1TxfTewPlkZXEjlu9uDco-1788005369–1.0.1.1-GmenOxAYmH3cYVrey8iYS_PSt9B-VJF29zrOozMv.864 (дата обращения 28.08.2026).

[13] https://www.nepad.org/file-download/download/public/114522 (дата обращения 28.08.2026).

[14] https://au.int/en/treaties/regulatory-and-instutional-texts-implementation-yamoussoukro-decision-and-framework-towards (дата обращения 28.08.2026).

[15] https://africanlii.org/en/akn/aa-au/act/reg/2017/regulations-on-competition-in-air-transport-services-within-africa/eng@2017–03–17 (дата обращения 28.08.2026).

нять установленные правила, не ставя развитие отраслевой интеграции в зависимость от одновременного участия всех членов АС. Тем самым SAATM демонстрирует возможность поэтапной либерализации отдельного сегмента континентального рынка на основе избирательного участия государств-членов АС.

По аналогичному принципу в АС развивается и интеграция в сфере энергетики. В рамках «Повестки 2063 года» предусматриваются проекты, направленные на обеспечение всеобщего доступа населения и промышленности стран Африки к надежному электроснабжению. Это предполагает развитие трансграничной магистральной инфраструктуры, включая высоковольтные линии электропередачи (ЛЭП), межсистемные подстанции и крупные объекты генерации. Важнейшей мерой здесь является укрепление взаимодействия между национальными сетевыми операторами и регуляторами в рамках формирования Африканского единого рынка электроэнергии (AfSEM)[1]. Вместо создания единой энергосистемы, вводимой одновременно на всей территории континента, взаимодействие в энергетической сфере организуется поэтапно через пять региональных энергетических пулов: Южноафриканский (SAPP), Западноафриканский (WAPP), Восточноафриканский (EAPP), Центральноафриканский (CAPP / PEAC), а также Североафриканский пул стран Магриба (COMELEC). Такая модель позволяет координировать взаимный обмен электроэнергией на межрегиональном уровне, не дожидаясь завершения строительства трансграничной энергетической инфраструктуры во всех странах АС[2].

Принцип изменяемой геометрии играет важную роль и в сфере коллективной безопасности континента. Африканские силы постоянной готовности (ASF)[3], предусмотренные статьей 13 Протокола об учреждении Совета мира и безопасности Африканского союза[4], создаются как многоуровневая система региональных военизированных контингентов, а не как единая постоянно действующая армия, находящаяся в непосредственном подчинении общеконтинентального командования. Их структура напрямую связана с участием пяти региональных механизмов, разделенных по географическим зонам континента. В их число входят три компонента на базе крупнейших экономических блоков: Силы постоянной готовности ЭКОВАС (Западная Африка), контингенты САДК (Южная Африка) и ЭККАС (Центральная Африка), а также два отдельных специализированных механизма – Восточноафриканские силы постоянной готовности (EASF) и Региональный потенциал Северной Африки (NARC). Каждый из этих пяти блоков самостоятельно отвечает за подготовку вооруженных сил, формирование командных структур и обеспечение оперативного реагирования в своем регионе[5]. Такая модель позволяет развивать оборонный потенциал локально, не ставя общую безопасность континента в зависимость от одновременного финансового или политического участия всех государств-членов АС.

Таким образом, принцип изменяемой геометрии представляет собой необходимый правовой инструмент согласования африканского континентального единства с объективной неоднородностью государств и региональных экономических сообществ Африки. В рамках этой модели Африканский союз выступает не организацией, находящейся над государствами и РЭС, а уникальным интеграционным хабом, расположенным между ними и обеспечивающим координацию различных интеграционных траекторий, темпов и проектов.

Однако превращение изменяемой геометрии в механизм постоянного уклонения от общих правил, чрезмерная фрагментация правовых режимов и ослабление континентальной координации способны превратить ее из фактора устойчивости в источник дезинтеграции. Следовательно, принцип изменяемой геометрии должен рассматриваться не как альтернатива стремления африканских государств к единству, а как средство его сохранить в попытках удержать такие разные страны и элементы африканской интеграции в рамках общего континентального проекта Африканского Союза.

Литература

1. Абашидзе А.Х, Солнцев А.М. Юбилей африканской системы права человека и народов. Евразийский юридический журнал. 2012. № 2 (45). С. 22–25.

2. Ручка О.А. Понимание и обеспечение социальных прав Африканской комиссией по правам человека и народов. Вестник РУДН, серия Юридические науки. 2014. № 4. С. 250–261.

3. Самодуров И.В, Саранчина В.А. Международно-правовая регламентация прав человека в рамках Африканского союза. Аграрное и земельное право. 2023. № 8 (224). С. 139–140.

4. Самодуров И.В. Региональное сотрудничество в сфере защиты прав человека: институциональная роль Африканского союза. Аграрное и земельное право. 2023. № 8 (224). С. 147–148.

5. Viljoen F. International Human Rights Law in Africa. Oxford: Oxford прUniversity Press. 2012. P. 475–487.

FROM MULTI-SPEED INTEGRATION TO VARIABLE GEOMETRY: THE LEGAL METAMORPHOSES OF THE AFRICAN UNION

Barabashev A.G.
Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The article examines the African Union as the continent's largest integration bloc, comprising 55 states characterized by significant heterogeneity regarding their economies, political regimes, and participation in regional economic communities. It demonstrates that the implementation of various African Union projects is contingent upon the varying degrees of readiness among member states to fulfill their obligations. Through examples such as monetary integration, freedom of movement, energy pools, and the African Standby Force, the article explores the concepts of variable, multi-speed, and multi-level integration. The conclusion posits that the principle of variable geometry should be viewed not as an alternative to the African states' pursuit of unity, but rather as a means of preserving it while attempting to keep such diverse nations and elements of African integration within the framework of the African Union's overarching continental project.

Keywords: African Union; variable integration; multi-speed integration; regional economic communities; Abuja Treaty; Agenda 2063; African Standby Force.

References

1. Abashidze A.Kh., Solntsev A.M. Anniversary of the African Human and Peoples' Rights System. Eurasian Law Journal. 2012. № 2 (45). Pp. 22–25.

2. Ruchka O.A. Understanding and Ensuring Social Rights by the African Commission on Human and Peoples' Rights. RUDN Journal of Law. 2014. № 4. Pp. 250–261.

3. Samodurov I.V., Saranchina V.A. International Legal Regulation of Human Rights within the Framework of the African Union. Agrarian and Land Law. 2023. № 8 (224). Pp. 139–140.

4. Samodurov I.V. Regional Cooperation in the Sphere of Human Rights Protection: The Institutional Role of the African Union. Agrarian and Land Law. 2023. № 8 (224). Pp. 147–148.

5. Viljoen F. International Human Rights Law in Africa. Oxford: Oxford University Press. 2012. Pp. 475–487.

[1] https://cmpmwanga.nepad.org/about (дата обращения: 28.08.2026).

[2] https://www.nepad.org/continental-master-plan (дата обращения: 28.08.2026).

[3] https://www.peaceau.org/en/page/82-african-standby-force-asf-amani-africa-1 (дата обращения: 28.08.2026).

[4] https://www.refworld.org/legal/agreements/au/2002/en/30124 (дата обращения: 28.08.2026).

[5] https://amaniafrica-et.org/update-on-the-operationalisation-of-the-african-standby-force-asf-may-15–2026/ (дата обращения: 28.08.2026).

Российско-монгольская граница: историческая преемственность, договорное разграничение и пределы *uti possidetis juris*

Мирзаев Фархад Сабир оглы,
кандидат юридических наук, доктор философии в области права, старший партнер международной юридической фирмы BM Morrison Partners
E-mail: fmirzayev@gmail.com

В статье рассматриваются международно-правовое оформление российско-монгольской государственной границы и роль принципа uti possidetis juris. Анализ опирается на русско-цинские, советско-монгольские и современные договоры, которые рассматриваются формально-юридическим, историко-правовым и сравнительным методами. Отделение Внешней Монголии от Китая сделало принцип юридически значимым, т.к. прежняя административная территория могла сохраниться в сложившемся периметре как территория нового государства. На северном участке изменение имело иной характер. Линия уже являлась внешней русско-цинской границей. После возникновения Монголии сменился носитель суверенитета на ее южной стороне, а рубеж стал российско-монгольским и позднее советско-монгольским. Поэтому uti possidetis объясняет не первоначальное проведение линии, а ее включение в границы независимой Монголии. Тувинский участок прошел другой путь, прежде чем войти в советско-монгольскую границу. В итоге принцип сохранил территориальные пределы при смене государственности, тогда как непосредственной основой современной линии являются договоры 1958 и 1976 гг. и последующие документы.

Ключевые слова: uti possidetis juris, государственная граница, Российская Федерация, Монголия, Тува, территориальные права, делимитация, демаркация, правопреемство государств.

Введение

Российско-монгольская граница сегодня не вызывает заметных территориальных споров. Такая устойчивость, однако, скрывает сложность ее правового происхождения. В истории рубежа соединились как минимум четыре процесса, а именно разграничение Российской империи с империей Цин, образование монгольского государства, особая история Тувы и правопреемство после прекращения существования СССР. У каждого из них было свое правовое основание.

Поэтому при обращении к *uti possidetis juris* необходимо различать два вопроса. В доктрине этот принцип понимается как правило, сохраняющее за новым государством территорию в границах, существовавших в предшествующем правопорядке к критической дате [10, с. 45–50; 11, с. 63–70; 15, с. 48–52; 37, Pp. 185–207]. Для Внешней Монголии эта конструкция связана прежде всего с отделением от Китая. Территория, существовавшая в цинском правопорядке, могла стать территорией нового государства в прежнем периметре. Вместе с тем северная часть этого периметра уже совпадала с международной русско-цинской границей. Поэтому изменилась не геометрия линии, а ее юридическая принадлежность на монгольской стороне.

Современная российско-монгольская граница неоднородна по своему юридическому происхождению. На бурятском и забайкальском направлениях ее исторической основой было договорное разграничение России и империи Цин. На Алтае значение имели более поздние русско-китайские акты, а тувинская часть возникла из прежнего межгосударственного рубежа Тувы и Монголии, который после 1944 г. стал внешней границей СССР. Договоры 1958 и 1976 гг. свели эти отрезки в одну согласованную систему[1].

В этом и состоит ответ на поставленный вопрос. *Uti possidetis* применим не как первоначальное основание прав России на приграничные территории, а как основание сохранения территории Монголии при ее выходе из китайского государственного пространства. В результате один и тот же северный рубеж последовательно отделял Россию от империи Цин, Россию от Монголии, а позднее СССР от Монголии. После заключения специальных пограничных договоров ближайшим юридическим основанием линии стало согласие сторон. Такое различие между происхождением территориальных прав, переходом границы к новому государству и последующим договорным подтверждением последовательно проводится в российской доктрине [2, с. 51–58; 5, с. 67–75; 31, с. 141–148].

Материалы и метод исследования

В основу исследования положены договоры России с империей Цин XVIII–XIX вв., а также акты, связанные со статусом Монголии и Тувы в первой половине XX в., тувинско-монгольские пограничные протоколы, договоры СССР и МНР 1958, 1976 и 1980 гг., а также документы проверки границы 1987–2001 гг., соглашение России, Монголии и Китая 1994 г. и договор о режиме границы 2006 г.

Формально-юридический анализ нужен для определения предмета каждого акта и исключает последствия, которых стороны не согласовывали. Историко-правовой подход помогает установить критическую дату и характер линии перед изменением государственности. Сравнение показывает, насколько рассматриваемая ситуация сходна с классическими случаями *uti possidetis*, включая практику Латинской Америки, Африки, СССР, СФРЮ, Аландских островов и Преах-Вихеару [13, с. 74–80; 16, с. 17–21; 17, с. 29–34; 19, с. 19–22; 21, с. 35–39; 26, с. 180–183].

В работе различаются делимитация, демаркация, редемаркация и режим границы. Первая устанавливает линию юридически, вторая переносит ее на местность, третья проверяет или восстанавливает обозначение, а четвертая регулирует повседневное содержание рубежа. Дж. Дональдсон и А. Уильямс отмечают, что смешение этих стадий

[1] Договор между СССР и МНР о советско-монгольской государственной границе от 26 марта 1958 г.; Договор между СССР и МНР о советско-монгольской границе от 19 октября 1976 г. Оба акта прямо названы в ст. 1 Договора между Российской Федерацией и Монголией о режиме российско-монгольской государственной границы от 8 декабря 2006 г.

часто заставляет видеть изменение территориальных прав там, где в действительности уточнялась техника обозначения [33, Pp. 676–681].

Договорное происхождение северной границы Монголии

До середины XVII в. русско-монгольское пограничье было зоной подвижного подданства, кочевий и конкурирующих притязаний. Его нельзя описывать языком современной линейной границы. Возникновение устойчивого рубежа стало следствием продвижения России в Сибирь и включения Халхи в цинскую политическую систему. Нерчинский договор 1689 г. создал общую основу отношений России и империи Цин, но северный предел Монголии был подробно согласован позднее – Буринским трактатом и Кяхтинским договором 1727 г..[1]

Правовое значение Кяхтинского комплекса состоит не только в перечислении пограничных ориентиров. Он превратил значительную часть пространства между Саянами, Забайкальем и Халхой из зоны конкурирующей юрисдикции в договорную межимперскую границу. Поэтому после 1911 г. Монголия не получила на севере бывшую внутреннюю административную черту империи Цин. Она вышла к уже существовавшей внешней границе, противоположной стороной которой была Россия. Это обстоятельство не исключает *uti possidetis*. Оно лишь уточняет действие принципа, т.к. северный предел территории Внешней Монголии был сохранен без нового проведения линии.

Западный отрезок складывался сложнее. Протокол Чугучакского договора 1864 г. и последующие русско-китайские соглашения уточняли пределы в Алтае и Центральной Азии[2]. Их заключали Россия и Китай, а не самостоятельная Монголия. Однако юридическая судьба линии после появления Монголии как отдельного государства не может быть объяснена только отсутствием ее подписи под старыми актами. Решающее значение приобрели восприятие унаследованного рубежа новым государством, отсутствие устойчивого протеста и последующая двусторонняя делимитация.

В российской литературе договорная природа государственной границы традиционно связывается с определенностью территории и взаимным признанием пространственных пределов [1, с. 114–121; 4, с. 202–209; 7, с. 113–119]. Западная доктрина формулирует тот же вывод через особую устойчивость boundary treaties [35, Pp. 661–663; 39, Pp. 241–247; 42, Pp. 511–516]. Для российско-монгольского случая эта устойчивость важнее попытки ретроспективно подвести весь процесс под один принцип.

Независимость Монголии и сохранение внешнего контура

Провозглашение независимости Внешней Монголии в 1911 г. не сопровождалось немедленным и бесспорным международным признанием. Россия поддерживала автономное положение Монголии, но длительное время избегала полного разрыва с конструкцией китайского сюзеренитета. Русско-монгольское соглашение 1912 г., русско-китайская декларация 1913 г. и Кяхтинское соглашение 1915 г. отразили эту осторожную и внутренне противоречивую систему[3]. Е.А. Белов убедительно показал, что переговоры касались не только формы монгольской государственности, но и объема территории, на которую она могла распространяться [3, с. 115–147].

Статья 11 Кяхтинского соглашения 1915 г. описывала территорию автономной Внешней Монголии через области, находившиеся в ведении цинских должностных лиц в Урге, Улясутае и Кобдо, а ее границу с Китаем – через пределы хошунов четырех аймаков Халхи и Кобдоского округа[4]. Это было не случайное географическое перечисление, а юридическое отождествление территории Внешней Монголии с комплексом прежних административных единиц. Позднее тот же прием получил выражение в формуле *uti possidetis*, т.к. государство возникает не на неопределенном пространстве, а в территориальных пределах предшествующего правопорядка.

На северном направлении это правило действует иначе. Южные, восточные и западные пределы Внешней Монголии могли перейти из разряда внутрикитайских административных разграничений в разряд границ Монголии с Китаем. Северный предел уже был внешней границей Китая с Россией. Однако и он входил в периметр той административной территории, которая отделилась от Китая. Поэтому с провозглашением и последующим закреплением монгольской независимости произошла юридическая замена государства на одной стороне прежней линии, т.к. вместо Китая к ней вышла Монголия. Полностью исключать здесь действие *uti possidetis* было бы столь же неточно, как считать, что этот принцип заново провел русско-монгольскую границу.

Революция 1921 г. и создание Монгольской Народной Республики осложняют определение критической даты. Для внутреннего монгольского правопорядка исходными выглядят 1911 и 1921 гг. Для полной противопоставимости Китаю существенны плебисцит 20 октября 1945 г. и последовавшее признание независимости в январе 1946 г. Между этими датами существовал разрыв между фактической государственностью и неоднозначной договорной формой. Советско-монгольское соглашение 5 ноября 1921 г. закрепило отдельные отношения, но ст. V советско-китайского соглашения 31 мая 1924 г. еще признавала Внешнюю Монголию составной частью Китайской Республики[5][6]. Эта коллизия не уничтожает действие *uti possidetis*, а показывает, что территориальное закрепление независимости было процессом, а не одномоментным событием.

Для России, а затем СССР практический результат определился раньше окончательного китайского признания. Северный рубеж уже применялся как граница с монгольским правительством, и стороны не вернулись к вопросу о принадлежности территории к югу от него. После признания Монголии Китаем спор о самом государстве отпал, а прежний административный контур приобрел полную межгосударственную противопоставимость. Иными словами, *uti possidetis* преобразовал не русско-цинский договор как таковой, а территориальный статус Внешней Монголии. Ее унаследованный периметр, включая северную договорную линию, стал периметром независимого государства.

Здесь одновременно проявляются конститутивная и стабилизирующая функции *uti possidetis*. Принцип связывает территориальную определенность с моментом возникновения государства и не допускает, чтобы политическая перемена сама по себе открывала все исторические притязания [11, с. 70–74; 12, с. 109–114; 14, с. 35–38; 24, с. 26–28]. Похожий подход выражен Международным Судом ООН, т.к. цель принципа – предотвратить оспаривание границ вследствие обретения независимости[7].

Тувинский участок как наиболее сложный элемент

Тувинский участок не укладывается в историю русско-цинской границы 1727 г., поскольку Урянхай оставался к югу от нее. После распада империи Цин статус края стал предметом конкурирующих российских, монгольских, китайских и тувинских проектов. Российский протекторат 1914 г., провозглашение Народной Республики Танну-Тува в 1921 г. и ее ограниченное признание не устранили вопроса о пределах территории. Поэтому утверждение, будто современная линия в Тыве была бесспорно унаследована еще в 1911 г., исторически и юридически неверно [8, с. 4–11; 27; 28, с. 82–106].

Договор Тувы и Монголии 1926 г. предполагал последующее установление границы. Комиссии 1932 г. приняли несколько протоколов по западному участку, а в 1934 г. был оформлен восточный отрезок[8]. При этом пограничные решения сочетали старые документы, хозяйственное тяготение, состав населения и фактическое пользование пастбищами. И.В. Отрощенко отмечает, что соглашение 1932 г. не было бесспорным и, по имеющимся данным, не получило полноценного осуществления [27]. С.Л. Кузьмин также показывает, что урянхай-

[1] Буринский трактат от 20 августа 1727 г.; Кяхтинский договор между Россией и Китаем от 21 октября 1727 г. См. также: Русско-китайские договорно-правовые акты (1689–1916) / под общ. ред. В.С. Мясникова. М.: Памятники исторической мысли, 2004.

[2] Чугучакский протокол о разграничении между Россией и Китаем от 25 сентября (7 октября) 1864 г.; Санкт-Петербургский договор между Россией и Китаем от 12 (24) февраля 1881 г.

[3] Соглашение между Россией и Монголией от 21 октября (3 ноября) 1912 г.; Декларация России и Китая об автономии Внешней Монголии от 23 октября (5 ноября) 1913 г.; Кяхтинское тройственное соглашение России, Китая и Монголии от 25 мая (7 июня) 1915 г.

[4] Кяхтинское тройственное соглашение 1915 г., ст. 11. Формальное разграничение между Китаем и автономной Внешней Монголией предполагалось поручить специальной трехсторонней комиссии.

[5] Соглашение об установлении дружественных отношений между РСФСР и Народным правительством Монголии от 5 ноября 1921 г.

[6] Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской Республикой от 31 мая 1924 г., ст. V // League of Nations Treaty Series. 1925. Vol. 37. P. 176–227. См. также: Батунаев Э.В. «Монгольский вопрос» в советско-китайских отношениях (1921–1925 гг.) // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29. № 1. С. 57–61. DOI: 10.34216/1998-0817-2023-29-1-57-61. Плебисцит о независимости состоялся 20 октября 1945 г.; Китайская Республика официально признала независимость Внешней Монголии в январе 1946 г.

[7] Frontier Dispute (Burkina Faso/Republic of Mali), Judgment, I.C.J. Reports 1986. P. 554, paras. 20–26.

[8] Договор об установлении дружественной связи между МНР и ТНР от 16 августа 1926 г.; протоколы совместных заседаний правительственных комиссий МНР и ТНР от 2–4 июля 1932 г.; протокол по восточному участку границы 1934 г. О содержании документов см.: Отрощенко И.В. Из истории взаимоотношений ТНР и МНР: проблема возвращения «части тувинского народа» // Новые исследования Тувы. 2015. № 3.

ский вопрос оставался открытым из-за несовпадения представлений о прежней цинской административной принадлежности [8, с. 9–13].

Переговоры 1940 г. подтвердили часть линии 1932 г., но оставили отдельные участки несогласованными. После включения Тувы в СССР в 1944 г. прежняя тувинско-монгольская граница стала участком границы СССР и МНР. Здесь обнаруживается наиболее близкая к *uti possidetis* ситуация, т.к. внешняя граница одного государства была воспринята государством, включившим его территорию. Здесь точнее говорить не о классическом превращении внутреннего предела в международный, а о фактической и затем договорной непрерывности уже межгосударственной линии.

Юридическая оценка не должна обходить вопрос о характере вхождения Тувы в СССР. Ограниченность международного признания ТНР и отсутствие многостороннего урегулирования делают историческую конструкцию спорной. Но из этого не следует автоматическая недействительность современной российско-монгольской границы. Договор 1958 г. был заключен СССР и Монголией как суверенными сторонами и разрешил остававшиеся расхождения на тувинском участке. По имеющимся сведениям, договор сопровождался взаимными территориальными уступками. Следовательно, он был не простой фиксацией фактического владения, а согласованным компромиссом[1].

Тувинский пример особенно ясно показывает пределы механического использования принципа. *Uti possidetis* объясняет презумпцию сохранения прежней линии, но не отменяет необходимости доказать, какая именно линия существовала на критическую дату. При расхождении карт, протоколов и практики сторон решающим становится последующее соглашение. Такой подход соответствует выводу Международного Суда ООН по делу Ливии против Чада. Договорная граница обладает самостоятельной устойчивостью и сохраняется независимо от судьбы договора как политического соглашения[2].

Договоры 1958 и 1976 гг. как непосредственная основа границы

Договор от 26 марта 1958 г. завершил урегулирование спорных участков и дал тувинской части границы двустороннее договорное основание. Но он не охватывал всю советско-монгольскую линию в той степени точности, которая требовалась для единого современного описания. Эту задачу решил Договор о советско-монгольской границе от 19 октября 1976 г. Последующая демаркация перевела согласованное описание в систему пограничных знаков и карт.

Договор 1976 г. подтвердил границу целиком, а не только исторически спорный участок. Его заключили государства, которые уже длительное время осуществляли власть по обе стороны линии. Тем самым был снят возможный спор о преимуществе того или иного раннего акта или административного материала. После заключения договора обращение к *uti possidetis* сохраняет объяснительное значение, но перестает быть необходимым для доказательства конкретного прохождения границы.

Проверка границы в 1987–2001 гг. не создала новый рубеж. Она уточнила состояние его обозначения, координаты и картографическую документацию. Аналогичным образом соглашение России, Монголии и Китая от 27 января 1994 г. определило западную и восточную точки стыка трех государственных границ, согласовав двусторонние линии в единой геометрии[3]. Нельзя смешивать подобную техническую определенность с передачей территории.

Договор о режиме российско-монгольской государственной границы от 8 декабря 2006 г., вступивший в силу 10 января 2008 г., важен прежде всего своим содержанием[4]. Его статья 1 прямо называет договоры 1958 и 1976 гг., соглашение 1994 г., документы проверки 1987–2001 гг., а также протоколы-описания точек стыка. Тем самым стороны перечислили действующие основания линии. Сам договор не упоминает *uti possidetis*, однако его содержание полностью согласуется с задачей сохранить уже сложившийся территориальный порядок.

Правопреемство после прекращения существования СССР

В декабре 1991 г. российско-монгольская граница не возникла заново. До прекращения существования СССР она являлась внешней международной границей Союза, проходившей вдоль территории РСФСР. Российская Федерация продолжила осуществлять права и обязанности по отношению к той же линии. Поэтому известная по постсоветской практике модель межреспубликанских границ применима здесь лишь по сходству функций, но не по юридическому механизму [10, с. 50–52; 16, с. 18–22].

К межреспубликанским пределам *uti possidetis* применялся потому, что они превращались в границы новых государств. На монгольском направлении такого преобразования не было. Сменилась сторона международного правоотношения, однако сама линия сохранила характер государственной границы. Поэтому ближайшими нормами являются правила правопреемства и особая стабильность пограничных договоров. Статья 11 Венской конвенции 1978 г. выражает правило, согласно которому правопреемство государств само по себе не затрагивает границу, установленную договором[5].

Даже если спорить о формальном участии России в отдельных советских договорах, последующая практика устраняет сомнение. Россия и Монголия совместно завершили проверку границы, определили вместе с Китаем обе точки стыка и заключили новый договор о режиме. Монголия не заявила, что прекращение существования СССР открыло вопрос о линии. Такое согласованное поведение подтверждает непрерывность обязательства и согласие сторон относительно территориальных пределов.

Российский Закон о Государственной границе также исходит из того, что границей Российской Федерации является граница РСФСР, закрепленная действовавшими международными договорами и актами бывшего СССР[6]. Внутригосударственная формула не заменяет международно-правового основания, но показывает последовательность позиции России. В сочетании с монгольским согласием, договором 2006 г. и фактическим осуществлением юрисдикции она образует непротиворечивую практику.

Пределы применения uti possidetis juris

Для российско-монгольского случая существенны три функции принципа. Первая – конститутивная. Территория прежней административной единицы становится территорией нового государства, а ее периметр – межгосударственной границей. При отделении Внешней Монголии от Китая эта функция охватила весь унаследованный контур. На границе с Китаем прежние административные пределы непосредственно стали международными. На северном направлении перемена имела иной характер. Линия уже имела международный характер, но вместо Китая стороной рубежа стала Монголия. Следовательно, различие касается способа преобразования, а не применимости принципа к северному участку.

Вторая функция имеет стабилизирующий характер. Она препятствует тому, чтобы смена суверенитета, формы государства или международного статуса автоматически возвращала стороны к неопределенным историческим притязаниям. Эта функция действовала при монгольской независимости, изменении статуса Тувы и прекращении существования СССР. Именно ее универсальное значение раскрыто в решении по спору Буркина-Фасо и Мали и в современной доктрине [36, Pp. 97–103; 39, Pp. 241–247; 40, Pp. 590–598; 41, Pp. 123–130].

Третья функция имеет доказательственный характер. Ссылка на прежнюю линию помогает определить исходную позицию сторон до заключения окончательного договора. Но *uti possidetis* не превращает любую старую карту в обязательный юридический документ. Принцип сохраняет границы, установленные правом, а не произвольное фактическое владение [18, с. 20–22; 24, с. 27–29; 25, с. 226–228]. В тувинском случае разнообразие протоколов и практики как раз потребовало нового согласования.

Поэтому формула «граница установлена на основании *uti possidetis*» в своей основе верна, но требует уточнения. Принцип обеспечил переход унаследованного северного предела Внешней Монголии в систему границ независимого государства. Тем самым отделение от Китая не открыло вопрос о новой линии к югу от России. Конкретное же прохождение современной границы основано на последующем согла-

[1] О советско-монгольском договоре 1958 г. и урегулировании тувинского участка см.: Саая С.В. Россия – Тува – Монголия: «центрально-азиатский треугольник» в 1921–1944 годах. Кызыл: Издательство ТувГУ, 2022. С. 195–202; Самдан А.А. Соянская родоплеменная группа: история расселения и пограничные вопросы с XVII в. до 1940-х гг. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 4. С. 661–674.

[2] Territorial Dispute (Libyan Arab Jamahiriya/Chad), Judgment, I.C.J. Reports 1994. P. 6, paras. 72–73.

[3] Соглашение между Правительством Российской Федерации, Правительством КНР и Правительством Монголии об определении точек стыков государственных границ трех государств от 27 января 1994 г.; протоколы-описания Западного и Восточного стыков.

[4] Договор между Российской Федерацией и Монголией о режиме российско-монгольской государственной границы от 8 декабря 2006 г. // Бюллетень международных договоров. 2008. № 10. Вступил в силу 10 января 2008 г.

[5] Венская конвенция о правопреемстве государств в отношении договоров от 23 августа 1978 г., ст. 11 // United Nations Treaty Series. Vol. 1946. P. 3. Российская Федерация не является участницей Конвенции; ссылка на ст. 11 используется как на выражение общего правила о пограничных режимах.

[6] Закон РФ от 1 апреля 1993 г. № 4730-I «О Государственной границе Российской Федерации», ст. 2.

сии СССР и Монголии, продолженном Россией. Эти основания не конкурируют. Первое относится к территориальной преемственности Монголии, второе – к окончательной договорной делимитации.

Такой вывод соответствует и критике чрезмерного расширения *uti possidetis*. С.Р. Ратнер указывает на риск закрепления неудачных границ [40, Pp. 616–622], а С. Лалонд подчеркивает необходимость точно определять предшествующую правовую линию [36, Pp. 168–176]. Эти возражения не опровергают принцип, но требуют использовать его в пределах функции. Российско-монгольский опыт показывает практическую ценность именно умеренного подхода.

Современное значение разграничения

Сегодня вопросы российско-монгольского пограничья связаны прежде всего с пунктами пропуска, трансграничными водами, миграцией животных, пастбищным использованием и охраной природных территорий. Такие вопросы способны вызывать разногласия, но по общему правилу не ставят под сомнение принадлежность территории. Договор 2006 г. регулирует содержание знаков, использование пограничных вод, пересекающие коммуникации и работу смешанной комиссии. Он переводит территориальную стабильность в повседневный режим сотрудничества.

Особое значение имеет район озера Торе-Холь, где договор 1976 г. уточнил линию, а режим вод требует постоянной координации. Изменение русла, хозяйственные работы или природоохранные меры должны рассматриваться в рамках действующих соглашений, а не как повод возобновить исторический спор. В международной практике граница сохраняет юридическую тождественность даже тогда, когда природный объект и его использование меняются, если стороны не договорились об ином [6, с. 187–203; 39, Pp. 104–112; 42, Pp. 248–254].

Значение устойчивой российско-монгольской границы выходит за рамки двусторонних отношений. В точках стыка с Китаем соединяются три исторически разные пограничные системы. Соглашение 1994 г. и последующие протоколы устранили геометрические разрывы между двусторонними линиями. Практика трех государств показывает, что юридическая определенность сложилась благодаря последовательным актам делимитации, демаркации, проверки и регулирования режима.

Заключение

Историю северной границы нельзя понять без отделения Монголии от Китая. Внешняя Монголия возникла не на неопределенном пространстве. Ее территориальную основу составили прежние цинские административные единицы в сложившемся периметре. В этом смысле *uti possidetis* применим ко всей территории Монголии. На южных направлениях внутренние административные пределы стали границей с Китаем. На севере сохранилась существовавшая русско-цинская линия, однако государством на ее южной стороне стала Монголия. Поэтому конститутивный эффект принципа выразился в изменении юридической принадлежности линии, а не в ее новом проведении.

Тувинский участок имеет иную природу. Пограничные договоренности ТНР и МНР 1930-х гг., их неполная определенность, включение Тувы в СССР и договор 1958 г. образуют отдельную последовательность. На этом участке логика *uti possidetis* проявилась заметнее, т.к. прежний межгосударственный рубеж был сохранен как исходный предел после изменения статуса Тувы. Однако окончательное юридическое значение получила не сама презумпция, а согласие СССР и Монголии.

Современная линия непосредственно основана на договорах 1958 и 1976 гг., документах проверки границы 1987–2001 гг., трехстороннем соглашении 1994 г. и подтверждающем их договоре о режиме 2006 г. После 1991 г. Россия продолжила уже существовавшую внешнюю границу СССР. Здесь действуют правопреемство пограничных договоров и последовательная практика сторон, тогда как *uti possidetis* выполняет субсидиарную стабилизирующую функцию.

В итоге российско-монгольский опыт показывает сочетание двух оснований. Принцип *uti possidetis juris* сохранил территориальные пределы Внешней Монголии при ее отделении от Китая. Поэтому северный предел этой территории стал российско-монгольской, а затем советско-монгольской границей. Точное прохождение линии определили акты государств, которые обладали правом распоряжаться соответствующей территорией. Договорное происхождение отдельных участков и действие *uti possidetis* не исключают, а дополняют друг друга.

Литература

1. Baburin S.N. State Territory: Legal and Geopolitical Problems. Moscow: Moscow University Press, 1997. 480 p. [In Russian].

2. Barsegov Yu.G. Territory in International Law. Moscow: Gosyurizdat, 1958. 271 p. [In Russian].

3. Belov E.A. Russia and Mongolia, 1911–1919. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 1999. 239 p. [In Russian].

4. Vylegzhanin A.N. (ed.). International Law: Textbook. 3rd ed. Moscow: Yurait, 2014. 904 p. [In Russian].

5. Klimenko B.M. State Territory: Questions of the Theory and Practice of International Law. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1974. 168 p. [In Russian].

6. Kolodkin A.L., Gutsulyak V.N., Bobrova Yu.V. The World Ocean: International Legal Regime and Principal Problems. Moscow: Statut, 2007. 637 p. [In Russian].

7. Kolosov Yu. M., Kuznetsov V.I. (eds.). International Law. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1995. 608 p. [In Russian].

8. Kuzmin S.L. The Uryankhai Question and Mongolian-Tuvan Relations at the Beginning of the Twentieth Century. Oriental Studies. 2018. № 3. P. 2–14. DOI: 10.22162/2619-0990-2018-37-3-2-14. [In Russian].

9. Lukashuk I.I. International Law: General Part. 3rd ed. Moscow: Wolters Kluwer, 2005. 432 p. [In Russian].

10. Mirzayev F.S. The Principle of Uti Possidetis in Contemporary International Law and Its Application in the Post-Soviet Area: Theory and Practice. Law and Politics. 2004. № 6 (54). P. 43–53. [In Russian].

11. Mirzayev F.S. The Origins of the Principle of Uti Possidetis Juris. Moscow Journal of International Law. 2014. № 4 (96). P. 56–77. DOI: 10.24833/0869-0049-2014-4-56-77. [In Russian].

12. Mirzayev F.S. A Review of Critical Approaches to the Principle of Uti Possidetis. Moscow Journal of International Law. 2015. № 1. P. 107–116. DOI: 10.24833/0869-0049-2015-1-107-116. [In Russian].

13. Mirzayev F.S. Application of the Principle of Uti Possidetis on the African Continent. Moscow Journal of International Law. 2016. № 4. P. 73–81. [In Russian].

14. Mirzayev F.S. General Principles of International Law: The Principle of Uti Possidetis. Moscow Journal of International Law. 2017. № 3. P. 31–39. DOI: 10.24833/0869-0049-2017-3-31-39. [In Russian].

15. Mirzayev F.S. Evolution of Uti Possidetis as a Principle of International Law. International Law. 2017. № 3. P. 45–54. DOI: 10.25136/2306-9899.2017.3.23792. [In Russian].

16. Mirzayev F.S. Application of the Principle of Uti Possidetis during the Disintegration of the USSR. Law and Politics. 2017. № 8. P. 12–23. DOI: 10.7256/2454-0706.2017.8.23801. [In Russian].

17. Mirzayev F.S. Application of the Principle of Uti Possidetis during the Dissolution of the SFRY. International Law and International Organizations. 2017. № 3. P. 25–35. DOI: 10.7256/2454-0633.2017.3.23797. [In Russian].

18. Mirzayev F.S. The Burkina Faso-Mali Frontier Dispute: Application of the Principle of Uti Possidetis. Eurasian Law Journal. 2017. № 6 (109). P. 18–22. [In Russian].

19. Mirzayev F.S. State Practice in Applying the Principle of Uti Possidetis in Latin America. Eurasian Law Journal. 2017. № 12 (115). P. 18–22. [In Russian].

20. Mirzayev F.S. Experience in Applying the Principle of Uti Possidetis in the Middle East. Kazan Journal of International Law and International Relations. 2017–2018. № 9. P. 118–123. [In Russian].

21. Mirzayev F.S. European Experience in Applying Uti Possidetis: The Aland Islands Dispute. Russian Juridical Journal. 2018. № 2 (119). P. 32–41. [In Russian].

22. Mirzayev F.S. Current Issues of the Right of Peoples to Self-Determination and the Principle of Uti Possidetis. Eurasian Law Journal. 2019. № 2 (129). P. 52–57. [In Russian].

23. Mirzayev F.S. The Relationship between Uti Possidetis and the Right of Peoples to Self-Determination. Eurasian Law Journal. 2020. № 9 (148). P. 21–25. DOI: 10.46320/2073-4506-2020-9-148-21-25. [In Russian].

24. Mirzayev F.S. The Practice of Applying the Principle of Uti Possidetis by International Judicial Bodies. Eurasian Law Journal. 2020. № 10 (149). P. 24–29. DOI: 10.46320/2073-4506-2020-10-149-24-29. [In Russian].

25. Mirzayev F.S. The Football War or a Territorial Conflict? Law and Practice. 2023. № 4. P. 224–229. DOI: 10.24412/2411-2275-2023-4-224-229. [In Russian].

26. Mirzayev F.S. The Role of the Principle of Uti Possidetis in Resolving the Preah Vihear Temple Frontier Dispute. Law and Practice. 2024. № 2. P. 178–184. DOI: 10.24412/2411-2275-2024-2-178-184. [In Russian].

27. Otroshchenko I.V. From the History of Relations between the Tuvan and Mongolian People's Republics: The Return of a 'Part of the Tuvan People'. New Research of Tuva. 2015. № 3. [In Russian].

28. Saaya S.V. Russia-Tuva-Mongolia: The 'Central Asian Triangle' in 1921–1944. Kyzyl: Tuvan State University Press, 2022. 218 p. [In Russian].

29. Samdan A.A. The Soyan Clan Group: Settlement History and Frontier Issues from the Seventeenth Century to the 1940s. RUDN Journal of Russian History. 2025. Vol. 24, № 4. P. 661–674. DOI: 10.22363/2312-8674-2025-24-4-661-674. [In Russian].

30. Timchenko L.D. State Succession: Experience of the Late Twentieth Century. Kharkiv: University of Internal Affairs, 1999. 124 p. [In Russian].

31. Tunkin G.I. Theory of International Law. Moscow: Zertsalo, 2000. 416 p. [In Russian].

32. Crawford J. The Creation of States in International Law. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2006. 944 p.

33. Donaldson J.W., Williams A.J. Delimitation and Demarcation: Analysing the Legacy of Stephen B. Jones's Boundary-Making. Geopolitics. 2008. Vol. 13, № 4. P. 676–700. DOI: 10.1080/14650040802275503.

34. Ewing T.E. Between the Hammer and the Anvil? Chinese and Russian Policies in Outer Mongolia, 1911–1921. Bloomington: Indiana University, 1980. 300 p.

35. Jennings R., Watts A. (eds.). Oppenheim's International Law. Vol. 1. 9th ed. London; New York: Longman, 1992. 1333 p.

36. Lalonde S.N. Determining Boundaries in a Conflicted World: The Role of Uti Possidetis. Montreal; Kingston: McGill-Queen's University Press, 2002. 327 p.

37. Mirzayev F.S. Uti Possidetis v. Self-Determination: The Lessons of the Post-Soviet Practice: PhD thesis. University of Leicester, 2014. DOI: 10.25392/leicester.data.10146536.v1.

38. Onon U., Pritchatt D. Asia's First Modern Revolution: Mongolia Proclaims Its Independence in 1911. Leiden: Brill, 1989. 198 p.

39. Prescott V., Triggs G.D. International Frontiers and Boundaries: Law, Politics and Geography. Leiden: Martinus Nijhoff, 2008. 504 p.

40. Ratner S.R. Drawing a Better Line: Uti Possidetis and the Borders of New States. American Journal of International Law. 1996. Vol. 90, № 4. P. 590–624. DOI: 10.2307/2203988.

41. Shaw M.N. The Heritage of States: The Principle of Uti Possidetis Juris Today. British Year Book of International Law. 1996. Vol. 67. P. 75–154.

42. Shaw M.N. International Law. 9th ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 1288 p.

43. Woodard G.S. Russia's Relations with Outer Mongolia, 1911–1946. Bloomington: Indiana University, 1948. 442 p.

THE RUSSIA-MONGOLIA BOUNDARY, HISTORICAL CONTINUITY, TREATY DELIMITATION AND THE LIMITS OF *UTI POSSIDETIS JURIS*

Mirzayev F.S.
BM Morrison Partners

This article considers the international legal development of the Russia-Mongolia State boundary and the relevance of uti possidetis juris. The analysis draws on Russo-Qing, Soviet-Mongolian and modern instruments. Mongolia's separation from China gave the principle direct relevance because the former administrative territory of Outer Mongolia could continue, within its existing perimeter, as the territory of the new State. The northern sector followed a different legal path. The line had already formed the external Russo-Qing boundary. Mongolia's emergence changed the sovereign on its southern side, and the same line became Russian-Mongolian and later Soviet-Mongolian. Uti possidetis therefore accounts for the line's attribution to independent Mongolia rather than its original delimitation. The Tuvan sector followed another route before joining the Soviet-Mongolian frontier. The principle preserved the territorial framework through changes of statehood, while the current line rests directly on the 1958 and 1976 treaties and subsequent boundary instruments.

Keywords: uti possidetis juris, State boundary, Russian Federation, Mongolia, Tuva, territorial rights, delimitation, demarcation, State succession.

References

1. Baburin S.N. State Territory: Legal and Geopolitical Problems. Moscow: Moscow University Press, 1997. 480 p. [In Russian].

2. Barsegov Yu.G. Territory in International Law. Moscow: Gosyurizdat, 1958. 271 p. [In Russian].

3. Belov E.A. Russia and Mongolia, 1911–1919. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 1999. 239 p. [In Russian].

4. Vylegzhanin A.N. (ed.). International Law: Textbook. 3rd ed. Moscow: Yurait, 2014. 904 p. [In Russian].

5. Klimenko B.M. State Territory: Questions of the Theory and Practice of International Law. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1974. 168 p. [In Russian].

6. Kolodkin A.L., Gutsulyak V.N., Bobrova Yu.V. The World Ocean: International Legal Regime and Principal Problems. Moscow: Statut, 2007. 637 p. [In Russian].

7. Kolosov Yu. M., Kuznetsov V.I. (eds.). International Law. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1995. 608 p. [In Russian].

8. Kuzmin S.L. The Uryankhai Question and Mongolian-Tuvan Relations at the Beginning of the Twentieth Century. Oriental Studies. 2018. № 3. P. 2–14. DOI: 10.22162/2619-0990-2018-37-3-2-14. [In Russian].

9. Lukashuk I.I. International Law: General Part. 3rd ed. Moscow: Wolters Kluwer, 2005. 432 p. [In Russian].

10. Mirzayev F.S. The Principle of Uti Possidetis in Contemporary International Law and Its Application in the Post-Soviet Area: Theory and Practice. Law and Politics. 2004. № 6 (54). P. 43–53. [In Russian].

11. Mirzayev F.S. The Origins of the Principle of Uti Possidetis Juris. Moscow Journal of International Law. 2014. № 4 (96). P. 56–77. DOI: 10.24833/0869-0049-2014-4-56-77. [In Russian].

12. Mirzayev F.S. A Review of Critical Approaches to the Principle of Uti Possidetis. Moscow Journal of International Law. 2015. № 1. P. 107–116. DOI: 10.24833/0869-0049-2015-1-107-116. [In Russian].

13. Mirzayev F.S. Application of the Principle of Uti Possidetis on the African Continent. Moscow Journal of International Law. 2016. № 4. P. 73–81. [In Russian].

14. Mirzayev F.S. General Principles of International Law: The Principle of Uti Possidetis. Moscow Journal of International Law. 2017. № 3. P. 31–39. DOI: 10.24833/0869-0049-2017-3-31-39. [In Russian].

15. Mirzayev F.S. Evolution of Uti Possidetis as a Principle of International Law. International Law. 2017. № 3. P. 45–54. DOI: 10.25136/2306-9899.2017.3.23792. [In Russian].

16. Mirzayev F.S. Application of the Principle of Uti Possidetis during the Disintegration of the USSR. Law and Politics. 2017. № 8. P. 12–23. DOI: 10.7256/2454-0706.2017.8.23801. [In Russian].

17. Mirzayev F.S. Application of the Principle of Uti Possidetis during the Dissolution of the SFRY. International Law and International Organizations. 2017. № 3. P. 25–35. DOI: 10.7256/2454-0633.2017.3.23797. [In Russian].

18. Mirzayev F.S. The Burkina Faso-Mali Frontier Dispute: Application of the Principle of Uti Possidetis. Eurasian Law Journal. 2017. № 6 (109). P. 18–22. [In Russian].

19. Mirzayev F.S. State Practice in Applying the Principle of Uti Possidetis in Latin America. Eurasian Law Journal. 2017. № 12 (115). P. 18–22. [In Russian].

20. Mirzayev F.S. Experience in Applying the Principle of Uti Possidetis in the Middle East. Kazan Journal of International Law and International Relations. 2017–2018. № 9. P. 118–123. [In Russian].

21. Mirzayev F.S. European Experience in Applying Uti Possidetis: The Aland Islands Dispute. Russian Juridical Journal. 2018. № 2 (119). P. 32–41. [In Russian].

22. Mirzayev F.S. Current Issues of the Right of Peoples to Self-Determination and the Principle of Uti Possidetis. Eurasian Law Journal. 2019. № 2 (129). P. 52–57. [In Russian].

23. Mirzayev F.S. The Relationship between Uti Possidetis and the Right of Peoples to Self-Determination. Eurasian Law Journal. 2020. № 9 (148). P. 21–25. DOI: 10.46320/2073-4506-2020-9-148-21-25. [In Russian].

24. Mirzayev F.S. The Practice of Applying the Principle of Uti Possidetis by International Judicial Bodies. Eurasian Law Journal. 2020. № 10 (149). P. 24–29. DOI: 10.46320/2073-4506-2020-10-149-24-29. [In Russian].

25. Mirzayev F.S. The Football War or a Territorial Conflict? Law and Practice. 2023. № 4. P. 224–229. DOI: 10.24412/2411-2275-2023-4-224-229. [In Russian].

26. Mirzayev F.S. The Role of the Principle of Uti Possidetis in Resolving the Preah Vihear Temple Frontier Dispute. Law and Practice. 2024. № 2. P. 178–184. DOI: 10.24412/2411-2275-2024-2-178-184. [In Russian].

27. Otroshchenko I.V. From the History of Relations between the Tuvan and Mongolian People's Republics: The Return of a 'Part of the Tuvan People'. New Research of Tuva. 2015. № 3. [In Russian].

28. Saaya S.V. Russia-Tuva-Mongolia: The 'Central Asian Triangle' in 1921–1944. Kyzyl: Tuvan State University Press, 2022. 218 p. [In Russian].

29. Samdan A.A. The Soyan Clan Group: Settlement History and Frontier Issues from the Seventeenth Century to the 1940s. RUDN Journal of Russian History. 2025. Vol. 24, № 4. P. 661–674. DOI: 10.22363/2312-8674-2025-24-4-661-674. [In Russian].

30. Timchenko L.D. State Succession: Experience of the Late Twentieth Century. Kharkiv: University of Internal Affairs, 1999. 124 p. [In Russian].

31. Tunkin G.I. Theory of International Law. Moscow: Zertsalo, 2000. 416 p. [In Russian].

32. Crawford J. The Creation of States in International Law. 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 2006. 944 p.

33. Donaldson J.W., Williams A.J. Delimitation and Demarcation: Analysing the Legacy of Stephen B. Jones's Boundary-Making. Geopolitics. 2008. Vol. 13, № 4. P. 676–700. DOI: 10.1080/14650040802275503.

34. Ewing T.E. Between the Hammer and the Anvil? Chinese and Russian Policies in Outer Mongolia, 1911–1921. Bloomington: Indiana University, 1980. 300 p.

35. Jennings R., Watts A. (eds.). Oppenheim's International Law. Vol. 1. 9th ed. London; New York: Longman, 1992. 1333 p.

36. Lalonde S.N. Determining Boundaries in a Conflicted World: The Role of Uti Possidetis. Montreal; Kingston: McGill-Queen's University Press, 2002. 327 p.

37. Mirzayev F.S. Uti Possidetis v. Self-Determination: The Lessons of the Post-Soviet Practice: PhD thesis. University of Leicester, 2014. DOI: 10.25392/leicester.data.10146536.v1.

38. Onon U., Pritchatt D. Asia's First Modern Revolution: Mongolia Proclaims Its Independence in 1911. Leiden: Brill, 1989. 198 p.

39. Prescott V., Triggs G.D. International Frontiers and Boundaries: Law, Politics and Geography. Leiden: Martinus Nijhoff, 2008. 504 p.

40. Ratner S.R. Drawing a Better Line: Uti Possidetis and the Borders of New States. American Journal of International Law. 1996. Vol. 90, № 4. P. 590–624. DOI: 10.2307/2203988.

41. Shaw M.N. The Heritage of States: The Principle of Uti Possidetis Juris Today. British Year Book of International Law. 1996. Vol. 67. P. 75–154.

42. Shaw M.N. International Law. 9th ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2021. 1288 p.

43. Woodard G.S. Russia's Relations with Outer Mongolia, 1911–1946. Bloomington: Indiana University, 1948. 442 p.

Правовая природа и роль электронной подписи в цифровой экономике ЕАЭС

Синёва Наталья Александровна,
к.ю.н., доцент, доцент кафедры международного права, ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»

Правовое положение электронной подписи в цифровой экономике Евразийского экономического союза (ЕАЭС) находится в ключевой стадии перехода от «инструмента технической аутентификации» к «инфраструктуре трансграничного доверия». Автор, рассматривая нормативные источники международных унифицированных правил, внутренние законы об электронной цифровой подписи и опираясь на институциональную практику на уровне ЕАЭС, анализирует логику эволюции правовой природы электронной подписи и ее ключевые функции. Статья направлена на систематизацию эволюции электронной цифровой подписи, анализ ее двойственной правовой природы в цифровой экономике ЕАЭС – одновременно инструментальной и институциональной – и оценку ее функций и ограничений в качестве правовой инфраструктуры трансграничной торговли.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз, право ЕАЭС, цифровой Союз ЕАЭС, право стран Союза, электронная цифровая подпись, гармонизация, унификация, предпринимательская деятельность, хозяйствующие субъекты.

Введение

С самого момента создания Евразийский экономический союз неизменно ставил своей целью цифровую повестку в центр стратегии интеграции. От принципиальных положений о ЕАЭС о сотрудничестве в области информационно-коммуникативных технологий до концепции цифрового Союза постепенно формируется цифровой путь, основанный на принципах совместимости, синхронности и интеграции. В этом процессе вопрос электронной подписи занимает особое положение: это не только вопрос технических стандартов, но и вопрос юридической силы; он затрагивает как автономное пространство национального права государств-членов, так и институциональное доверие к трансграничным сделкам внутри Союза.

Одним из приоритетных направлений развития сотрудничества между членами ЕАЭС является развитие «пространства доверия» [1]. В целом, о таком взаимодействии говорится не только в рамках сотрудничества ЕАЭС, но и в рамках СНГ, в частности, в работе СНГ – Координационного совета генеральных прокуроров государств – участников СНГ [2]. В научной литературе термин «пространство доверия» применяется в связи с процессами цифровизации, в частности, с электронной цифровой подписью [2, 3, 4, 5], а также цифрового суверенитета государств [6]. Таким образом можно говорить о пространстве доверия в области правовой интеграции в сфере цифровизации. Такое регулирование может быть обеспечено развитием и единообразным подходом к сервисам, которые направлены на оптимизацию совершения транснационального общения между представителями стран- членов ЕАЭС. В Договоре такие инструменты обозначены как «доверительные сервисы» – инструменты, обеспечивающие юридическую и техническую надежность электронных операций [7]. К ним можно отнести электронную подпись, идентификацию пользователей, хранение данных, электронный документооборот, услуги по обеспечению кибербезопасности. Думается, что этот перечень не окончательный и в дальнейшем будет дополнен иными доверительными сервисами.

Основная часть

Методология

В основе исследования лежат диалектический метод познания, предполагающий рассмотрение правовых явлений в их развитии, взаимосвязи и взаимообусловленности, а также системно-структурный метод, позволяющий представить правовое регулирование взаимной и встречной торговли как совокупность взаимодействующих элементов – международно-правовых, наднациональных и национальных норм. Использование метода анализа и синтеза обеспечило выявление существенных признаков исследуемых понятий, их классификацию и обобщение. Метод индукции и дедукции применен при переходе от анализа частных случаев правовой регламентации в отдельных государствах-членах к формулированию общих выводов о состоянии гармонизации правового регулирования в рамках ЕАЭС.

Приоритетное значение в исследовании отведено формально-юридическому методу, который использован при толковании нормативных предписаний, содержащихся в Договоре о ЕАЭС, Типовом законе об электронной торговле (1996 г.), Типовом законе об электронных подписях (2001 г.), Конвенции Организации Объединенных Наций об использовании электронных сообщений в международных договорах (Нью-Йорк, 2005 год), внутреннем праве государств -участниц Союза (законах Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Российской Федерации и Кыргызской Республики), ряда Решений Коллегии Евразийской экономической комиссии.

Сравнительно-правовой метод выступает в качестве основного инструментария исследования, поскольку его предметом выступает сопоставительный анализ законодательных подходов пяти государств – членов ЕАЭС к правовому регулированию исследуемых понятий.

Результаты и обсуждение исследования

Правовая природа электронной подписи в контексте ЕАЭС не является неизменной. На раннем этапе, будучи ограниченной существенными различиями в законодательстве стран об электронной подписи, ее функция в основном оставалась на уровне инструмента подписания в рамках национального права. С созданием механизма «доверенных

третьих сторон» [8] на уровне Союза и с принятием правил взаимного признания правовое положение электронной подписи начало качественно меняться. В основу электронной подписи заложены криптографические операции, например такие как RSA и DSA, которые в свою очередь обеспечивают безопасность и аутентичность электронных транзакций [9.

Правовое регулирование ЭЦП в настоящее время находится на 2 уровнях: международном и внутринациональном. В международных торговых отношениях правовое регулирование электронной подписи направлено на создание универсальных правил для преодоления различий в национальных законодательствах, обеспечивая юридическое признание цифровых документов и сделок.

На международном уровне базовую роль в формировании правовой базы играют документы, разработанные Комиссией ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ). Типовой закон об электронной торговле (1996 г.) – заложил фундаментальные принципы для электронных сообщений и контрактов. Типовой закон об электронных подписях (2001 г.) – установил конкретные критерии надежности электронной подписи для ее признания наравне с собственноручной, а также правила поведения для участников процесса (подписант, полагающаяся сторона, удостоверяющий центр). Конвенция Организации Объединенных Наций об использовании электронных сообщений в международных договорах (Нью-Йорк, 2005 г.) направлена на содействие использованию электронных сообщений в международной торговле путем обеспечения того, чтобы контракты, заключенные с использованием электронных средств, и сообщения, обмен которыми осуществляется с использованием электронных средств, являлись действительными и подлежали исполнению в той же мере, как и их традиционные бумажные эквиваленты. В настоящее время лишь Российская Федерация выступает участником данной конвенции. Помимо указанных универсальных актов имеются и региональные соглашения в области электронной цифровой подписи. В рамках СНГ в 2000 г. был разработан Модельный закон «Об электронной цифровой подписи», значительный массив актов в сфере электронной коммерции принят в Европейском союзе (например, Рекомендация Европейского Союза 1999/93/ЕС от 14.12.1999 об электронной подписи), а также Модельный закон «Об электронных транзакциях» принят в рамках Общего рынка Восточной и Южной Африки. Однако следует отметить, что модельные законы представляют собой набор нормативных шаблонов для законодательного заимствования, а не юридически обязательных норм, соответственно, возникает проблема институциональной трансформации. Поэтому разработка правил на уровне ЕАЭС требует построения механизма координации, который, соблюдая законодательную автономию государств-членов, не отрицает различий в национальном праве и одновременно обеспечивает трансграничную юридическую силу.

В некоторых юрисдикциях, приняты специальные законодательные акты, направленные на регламентацию порядка осуществления электронных операций и охватывающие в том числе в той или иной степени сферу электронной торговли (США Uniform Electronic Transactions Act, 1999, Австралия Electronic Transactions Bill, 1999). Преимущественно по своему содержанию эти акты созвучны типовому закону ЮНСИТРАЛ. В то же время в законе ЮАР «Об электронных коммуникациях и транзакциях» присутствует специальная глава о защите прав потребителей [10].

Во внутринациональном праве стран-участниц ЕАЭС ЭЦП регулируется следующими нормативно-правовыми актами: ФЗ от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (РФ), закон Республики Армения от 14 декабря 2004 года ЗР-40-Н «Об электронном документе и электронной цифровой подписи», закон Республики Беларусь от 28 декабря 2009 г. № 113-З «Об электронном документе и электронной цифровой подписи», в Республике Казахстан с 21 октября 2026 года вводится в действие «Цифровой кодекс», в Республике Кыргызстан принят от 31 июля 2025 г. № 178 Цифровой кодекс.

В праве ЕАЭС определены 14 сфер деятельности, требующие признания ЭЦП, в частности, транспорт и перевозки, валютно-финансовая сфера, интеллектуальная собственность, налогообложение, естественные монополии и торговля [11]. Помимо перечисленных отношений применение электронной цифровой подписи возможно при трансграничном информационном взаимодействии.

В августе 2023 года Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии № 120 были утверждены Правила признания электронных цифровых подписей (электронных подписей) [8], что ознаменовало переход ЕАЭС в вопросе трансграничной юридической силы электронных подписей от принципов к механизмам. Значение этих Правил заключается в том, что в них прописана модель предоставления услуг «службу доверенной третьей стороны». В рамках рассматриваемой модели под запросом на подтверждение подлинности электронного документа понимается формализованная структура данных, включающая: электронный документ, полученный от отправителя; совокупность идентификационных данных, позволяющих установить отправителя; сведения, обеспечивающие доверенным третьим сторонам, входящим в состав службы доверенной третьей стороны, возможность определения юрисдикции места нахождения получателя.

Юридическое значение рассматриваемого механизма заключается в том, что он не предполагает внесения государствами-участниками изменений в национальное законодательство об электронной подписи и не требует унификации технических стандартов подписи. Трансграничная действительность электронных документов обеспечивается посредством промежуточного звена верификации и основывается на признании юридической силы законодательства страны происхождения документа. Результатом проверки ЭЦП является квитанция доверенной третьей стороны, передаваемая получателю доверенной третьей стороной, находящейся в той же юрисдикции, что и получатель. Получатель, основываясь на сведениях, содержащихся в квитанции доверенной третьей стороны, направляемой ему доверенной третьей стороной, находящейся в той же юрисдикции, что и получатель, принимает одно из следующих решений: признает электронный документ подлинным при условии, что квитанция подтверждает положительный результат проверки электронной цифровой подписи (ЭЦП), и осуществляет его дальнейшую обработку; либо, если квитанция свидетельствует об отрицательном результате проверки ЭЦП, не признает электронный документ подлинным и вправе прекратить его обработку. Взаимодействие получателя с доверенной третьей стороной выполняется с использованием интеграционной платформы интегрированной системы в соответствии с Правилами электронного обмена данными в интегрированной информационной системе внешней и взаимной торговли, утвержденными Решением Коллегии Евразийской экономической комиссии от 27 января 2015 г. № 5 [12]. Такой путь признания, гармонизации, а не унификации отражает осторожный подход ЕАЭС к цифровому управлению, при котором цифровой суверенитет стран-участниц не затрагивается. В то же время функционирование модели «доверенных третьих сторон» зависит от взаимодействующих информационных систем государств-членов – союзных документов и систем доверенных третьих сторон в информационной системе Союза.

Электронную цифровую подпись следует рассматривать в двух аспектах: как инструментальное (техническое) правовое средство и как институциональную инфраструктуру доверия.

Как инструментальное правовое средство электронная подпись прежде всего обслуживает идентификацию личности и подтверждение волеизъявления в конкретных сделках. В сферах государственных закупок, трансграничных B2B-контрактов, банковских операций электронная подпись позволяет сторонам совершать юридически обязывающие действия в безбумажной среде. Электронные подписи, выданные предприятиями государств-членов ЕАЭС в соответствии с национальным законодательством, признаются в рамках Союза при участии в трансграничных государственных закупках. Реализация этой функции напрямую снижает временные и комплаенс-издержки трансграничных сделок.

С позиции же институциональной инфраструктуры доверия значение электронной подписи выходит за рамки действительности отдельной сделки. В рамках такого регионального интеграционного объединения, как ЕАЭС, объединяющего пять государств с различными правовыми системами, взаимное признание электронных подписей фактически выполняет функцию «посредника правового доверия»: оно позволяет сторонам сделки полагаться на юридическую силу действий, подписываемых контрагентом, опираясь на механизм верификации на уровне Союза и не располагая непосредственным знанием о правовой системе страны контрагента. Взаимное признание цифровых подписей приобретает особое значение для снижения издержек предприятий и упрощения процедур для компаний, осуществляющих деятельность в нескольких государствах-членах. Это раскрывает сущность электронной подписи как институциональной инфраструктуры: ее ценность заключается не в самой технологии, а в обеспечении правового доверия.

Вместе с тем инструментальная функция в определяющей степени зависит от правил действительности, установленных национальным правом, тогда как институциональная функция предполагает наличие механизмов координации и правил взаимного признания на уровне Союза. В случаях их коллизии – в частности, когда национальное законодательство предъявляет к критериям надежности подписи более строгие требования, нежели правила Союза, – инструментальная функция способна подорвать правовое доверие.

Имеющиеся различия в правовом регулировании ЭЦП во внутреннем праве стран-участниц не могут быть сведены к сугубо технической

проблеме: они отражают различные подходы государств, обусловленные их правовыми традициями и структурой рынка. Правила на уровне Союза в настоящее время охватывают главным образом трансграничное взаимодействие с государственными органами, тогда как взаимное признание подписей в коммерческих сделках и сделках с участием потребителей по-прежнему зависит от двусторонних соглашений или договоренностей сторон. Подавляющее большинство трансграничных сделок заключается между предприятиями, однако вопрос о юридической силе электронных подписей в подобных сделках не разрешается автоматически в силу самого наличия механизма доверенной третьей стороны.

В долгосрочной перспективе реализация концепции цифрового союза ЕАЭС способна открыть новые направления правовой гармонизации в сфере электронных подписей. При условии, что проекты взаимного признания идентичности обеспечат формирование масштабируемых технических и правовых стандартов, институциональная функция доверия, связанная с электронной подписью, сможет распространиться с модели «взаимодействия с государством» на сферу коммерческих сделок. Однако необходимым условием такого расширения выступает способность Союза обеспечить устойчивый институциональный баланс между принципом совместимости и сохранением цифрового суверенитета государств-членов.

Выводы

Правовую природу электронной подписи в цифровой экономике ЕАЭС можно резюмировать как «правовую технологию доверия с двойственным характером»: на уровне национального права она представляет собой инструмент подписания, обеспечивающий юридическую силу электронных документов; на уровне Союза – институциональный компонент построения инфраструктуры доверия трансграничных цифровых сделок.

Институциональная эволюция ЕАЭС в области электронной подписи демонстрирует четкую логическую линию – от декларации принципов к построению механизмов, от технической координации к институционализации доверия. Однако эта эволюция далека от завершения. Различия в национальном праве, ограниченный охват взаимного признания и различия между инструментальной и институциональной функциями являются теми факторами, которые сдерживают полноценное выполнение электронной подписью функции инфраструктуры цифровой экономики. Для ЕАЭС правовая гармонизация электронных подписей – это не только технический законодательный вопрос, но и отражение поиска баланса между уважением суверенитета стран-участниц и построением общего рынка в интеграционном процессе. В условиях, когда цифровая экономика приобретает все более значение в качестве фактора, определяющего конкурентоспособность региональных интеграционных объединений, достижение этого баланса в значительной степени определит практическую эффективность цифровой повестки ЕАЭС.

Литература

1. Договор о Евразийском экономическом союзе [Электронный ресурс] URL: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/8ef/10rn6l6qj8p6xopmt63893otn0ywndvo/itia_05062014_doc.pdf (дата обращения: 17.06.2026) Загл. с экрана.; Шугуров М.В. Евразийские технологические платформы как аттракторы научно-технологической и производственной интеграции в рамках ЕАЭС: анализ правовых основ [Электронный ресурс] // Правовая парадигма. 2021. Т. 20, № 4. С. 12–23 Доступно на портале elibrary.ru URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_47847970_39401833.pdf (дата обращения: 20.08.2026).

2. Плохов С.В. Правовое пространство доверия: 30 лет координационному совету генеральных прокуроров государств – участников Содружества Независимых государств [Электронный ресурс] // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2025. № 6 (110). С. 187–195. Доступно на портале elibrary.ru URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_87603681_59479348.pdf

3. Баранов, А.П. Электронная подпись и пространство доверия [Электронный ресурс] // Налоговая политика и практика. 2012. № 5 (113). С. 66–69. Доступно на портале elibrary.ru URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_17754736_24486520.pdf

4. Kustov, V.N. Trunsboundary Trust Space as a Component of an International E-Commerce Soft-Infrastructure [Электронный ресурс] // Интеллектуальные технологии на транспорте. 2019. № 4 (20). P. 53–57. Доступно на портале elibrary.ru URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_42201618_88536813.pdf

5. Елин В.М., Царегородцев А.В. Цифровое пространство доверия как инструмент построения цифрового суверенитета [Электронный ресурс] // Юридическая наука. 2025. № 4. С. 481–484. Доступно на портале elibrary.ru

6. Шитьков С. Подходы к изучению цифрового суверенитета в современной политической науке [Электронный ресурс] // Международная жизнь. 2025. № 5. Доступно на портале interaffairs.ru/ URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/3212

7. Саврадым В.М. Финансовая стабильность государства: концептуальные подходы и системные измерения. Симферополь: ООО «Издательство Типография «Ариал», 2025. 520 с.

8. Решение Коллегии ЕЭК № 120 от 22.08.2023 О Правилах признания электронной цифровой подписи (электронной подписи) в электронном документе и обеспечения юридической силы электронных документов при трансграничном информационном взаимодействии юридических лиц (хозяйствующих субъектов) с уполномоченными органами государств – членов Евразийского экономического союза и Евразийской экономической комиссией с использованием службы доверенной третьей стороны [Электронный ресурс] URL: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/090/cvm1h6knctzwkkm738wed99y803ayv3q/err_24082023_120_doc.pdf

9. Альтигов С.А., Капустина О.А. Электронная подпись в документообороте [Электронный ресурс] // Информационные системы, экономика и управление: Ученые записки. Ростов-на-Дону: Ростовский государственный экономический университет РИНХ, 2024. С. 174–177. Доступно на портале elibrary.ru URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_75063658_19390237.pdf

10. Сергеева О.В. Векторы развития правового регулирования электронной торговли в России и за рубежом [Электронный ресурс] // Журнал российского права, № 3, март 2025 г. Доступ из СПС «ГАРАНТ». URL: https://internet.garant.ru/#/document/483502171/paragraph/1/doclist/5740/2/0/0/%D1%8D%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BC%D0%B5%D1%80%D1%86%D0%B8%D1%8F%20-%D0%BC%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%20%D1%81%D0%BD%D0%B3:0

11. Распоряжение Коллегии ЕЭК № 8 от 25.01.2022 Об утверждении перечня сфер, требующих обеспечения признания электронной цифровой подписи (электронной подписи) в электронном документе и обеспечения юридической силы электронных документов при трансграничном взаимодействии хозяйствующих субъектов с органами государственной власти государств – членов Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] URL: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/bf0/kcltwp8yiiutqpnmnzx0wwoy542536ku/err_31012022_8_doc.pdf

12. Решение Коллегии Евразийской экономической комиссии от 27.01.2015 Об утверждении Правил электронного обмена данными в интегрированной информационной системе внешней и взаимной торговли [Электронный ресурс] URL: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/f5f/1khmg89j14c8qow2mtcrgmirifjvkuit/clcd_28012015_5_doc.pdf

THE LEGAL NATURE AND ROLE OF ELECTRONIC SIGNATURES IN THE EAEU DIGITAL ECONOMY

Sineva N.A.
Saratov State Law Academy

The legal status of electronic signatures in the digital economy of the Eurasian Economic Union (EAEU) is at a crucial stage of moving from being just a 'technical authentication tool' to becoming an 'infrastructure of cross-border trust.' The author looks at international uniform rules, domestic laws on electronic digital signatures, and relies on institutional practices at the EAEU level to analyze how the legal nature of electronic signatures has evolved and what their key functions are. The article aims to organize the evolution of electronic digital signatures, examine their dual legal nature in the EAEU's digital economy – both as a practical tool and as an institutional mechanism – and assess their functions and limits as a legal infrastructure for cross-border trade.

Keywords: Eurasian Economic Union, EAEU law, digital EAEU, law of the Union countries, electronic digital signature, harmonization, unification, entrepreneurial activity, business entities.

References

1. The Treaty on the Eurasian Economic Union [Electronic resource] URL: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/8ef/10rn6l6qj8p6xopmt63893otn0ywndvo/itia_05062014_doc.pdf (Accessed 17.06.2026) Caption from the screen; Shugurov M.V. Eurasian technological platforms as attractors of scientific, technological and industrial integration within the EAEU: analysis of legal foundations [Electronic resource] // Legal paradigm. 2021. Vol. 20, № 4. pp. 12–23 Available on the portal elibrary.ru URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_47847970_39401833.pdf (date of request: 08/20/2026).

2. Plokhov S.V. The legal space of trust: 30 years of the Coordinating Council of General Prosecutors of the member States of the Commonwealth of Independent States

[Electronic resource] // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2025. № 6 (110). pp. 187–195. Available on the portal elibrary.ru URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_87603681_59479348.pdf

3. Baranov, A.P. Electronic signature and trust space [Electronic resource] // Tax policy and practice. 2012. № 5 (113). pp. 66–69. Available on the portal elibrary.ru URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_17754736_24486520.pdf

4. Kustov, V.N. Trunsbinary Trust Space as a Component of an International E-Commerce Soft-Infrastructure [Electronic resource] // Intelligent technologies in transport. 2019. № 4 (20). P. 53–57. Available on the portal elibrary.ru URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_42201618_88536813.pdf

5. Elin V.M., Tsaregorodtsev A.V. Digital trust space as a tool for building digital sovereignty [Electronic resource] // Legal Science. 2025. № 4. pp. 481–484. Available on the portal elibrary.ru

6. Shitkov S. Approaches to the study of digital sovereignty in modern political science [Electronic resource] // International life. 2025. № 5. Available on the portal interaffairs.ru / URL: https://interaffairs.ru/jauthor/material/3212

7. Savradym V.M. Financial stability of the state: conceptual approaches and system measurements. Simferopol: Publishing House «Printing «Arial», 2025. 520 p.

8. Decision of the EEC Board № 120 dated 08/22/2023 On the Rules for Recognizing an Electronic Digital Signature (e–signature) in an Electronic Document and Ensuring the Legal Force of Electronic Documents in Cross-Border Information Interaction of Legal Entities (Business Entities) with Authorized Bodies of the member States of the Eurasian Economic Union and the Eurasian Economic Commission using the Service of a Trusted Third party [Electronic resource] URL: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/090/cvm-1h6knctzwkkm738wed99y803ayv3q/err_24082023_120_doc.pdf

9. Altigov S.A., Kapustina O.A. Electronic signature in document management [Electronic resource] // Information systems, economics and management: Scientific notes. Rostov-on-Don: Rostov State University of Economics, Russian Academy of Economics, 2024. pp. 174–177. Available on the portal elibrary.ru URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_75063658_19390237.pdf

10. Sergeeva O.V. Vectors of development of legal regulation of electronic commerce in Russia and abroad [Electronic resource] // Journal of Russian Law, № 3, March 2025. Access from the SPS «GARANT". URL: https://internet.garant.ru/#/document/483502171/paragraph/1/doclist/5740/2/0/0/%D1%8D%D0%BB%D0%B5%D0%BA%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D0%B0%D1%8F%20%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BC%D0%B5%D1%80%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%BC%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B9%20%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%20%D1%81%D0%BD%D0%B3:0

11. Order of the EEC Board № 8 dated 01/25/2022 On Approval of the List of Areas Requiring Recognition of an Electronic digital signature (e-signature) in an Electronic Document and Ensuring the Legal Force of Electronic Documents in Cross–border Interaction of Business Entities with government authorities of the member States of the Eurasian Economic Union [Electronic resource] URL: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/bf0/kcltwp8yiiutqpnmnzx0wwoy542536ku/err_31012022_8_doc.pdf

12. Decision of the Board of the Eurasian Economic Commission dated January 27, 2015 On approval of the Rules of electronic data exchange in the Integrated Information system of foreign and Mutual Trade [Electronic resource] URL: https://docs.eaeunion.org/upload/iblock/f5f/1khmg89j14c8qow2mtcrgmirifjvkuit/clcd_28012015_5_doc.pdf

О творчестве и технологии в подготовке диссертации по юриспруденции: юбилей выдающегося методолога правовых исследований профессора В.М. Сырых

Панченко Владислав Юрьевич,
доктор юридических наук, профессор Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России); профессор Российской государственной академии интеллектуальной собственности, главный научный сотрудник Сибирского федерального университета
E-mail: panchenkovlad@mail.ru

Веселова Анна Петровна,
кандидат исторических наук, начальник кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России
E-mail: kafedragpd.kifsin@mail.ru

Лунгу Евгения Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России
E-mail: lungu.const.law@gmail.com

Систематизированы ключевые положения разработанной профессором В.М. Сырых технологии теоретико-правовых исследований, показаны их практическая значимость и универсальность для подготовки диссертаций по юридическим наукам. Обоснованы выводы о том, что юридическая наука сочетает творчество как уникальный, неповторимый процесс генерации новых идей, во многом остающийся загадкой для самого исследователя, и технологию – последовательность операций, процедур и правил, подчиненную закономерностям, которые можно и нужно изучать и сознательно применять, а подготовка кандидатской диссертации доступна не каждому, поскольку необходима честная самооценка своих способностей, мотивации и готовности к систематическому труду. Авторы солидаризируются с положениями В.М. Сырых о том, что критический анализ научной литературы – не предварительная, а активная творческая деятельность, способная уже на начальном этапе породить новые идеи, а также с его положениями о значимости эмпирической информации и необходимости социально-правовых исследований, о природе научной новизны и о дискурсивном и интуитивном мышлении как способах ее получения, при том что интуиция, имея природную основу, одновременно выступает продуктом длительной и интенсивной работы сознания, а пассивное ожидание «вдохновения» в науке малопродуктивно, о процедурах обоснования научной новизны (теоретико-правовое, философское и эмпирическое обоснование, логическая и методологическая правильность, опровержение, критика и атипичное обоснование), о несостоятельности постмодернистских, герменевтических, феноменологических и синергетических подходов, претендующих на роль универсальных методов познания права и рассматриваемых в отрыве от диалектики и ее принципов объективности, всесторонности, полноты, историзма.

Ключевые слова: методология правовой науки; технология теоретико-правовых исследований; диссертация; научная новизна; научная этика; диалектика; В.М. Сырых; материалистическая теория права.

Введение

Подготовка диссертации по юридическим наукам – сложный, многотрудный процесс, в котором каждый соискатель вынужден действовать методом проб и ошибок, опираясь на собственный опыт и советы научного руководителя. При этом, как верно указывает выдающийся российский методолог права доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации Владимир Михайлович Сырых, отметивший 27 июля 2026 г. 85-летний юбилей, в современной литературе по проблемам методологии правовой науки основной акцент делается на раскрытии содержания методов, тогда как проблемы последовательности и порядка их применения в конкретных исследованиях фактически не изучаются». Успешная попытка восполнения такого, на наш взгляд, действительного и существенного пробела предпринята в фундаментальном труде Юбиляра – монографии В.М. Сырых «Основы материалистической теории права. Т. 2. Технология теоретико-правовых исследований», которая является итогом более чем полувековой научной деятельности и вполне может считаться руководством для подготовки диссертационных исследований юристов.

Как признается сам В.М. Сырых в предисловии книги, его путь в методологию начался еще в 1966 году с поступления в аспирантуру и был инициирован постановлением ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию юридической науки и улучшению юридического образования в стране» (1964), в одном из пунктов которого предусматривалась интенсификация разработок проблем методологии правовой науки, находившихся в то время в загоне[1]. С тех пор прошло много лет, но проблемы, поднятые В.М. Сырых, не только не утратили актуальности, но и приобрели новое звучание.

Попытаемся систематизировать и представить в доступной форме ключевые положения о технологии теоретико-правовых исследований, разработанные В.М. Сырых, показать их практическую значимость и предложить своего рода краткую «дорожную карту» для соискателя, желающего подготовить диссертацию на высоком научном и методологическом уровне.

Основная часть. Любой ли может написать кандидатскую диссертацию?

Вопрос о том, доступно ли написание полноценной кандидатской диссертации каждому аспиранту, в монографии В.М. Сырых получает очевидный и однозначный, аргументированный и не вполне оптимистичный ответ: нет, не любой. Это не проявление элитаризма или снобизма, а констатация объективных требований, которые наука предъявляет к исследователю. Автор прямо указывает, что для успешной научной деятельности необходимы «как минимум четыре свойства»: «1) иметь глубокие знания в соответствующей отрасли правовой науки; 2) знать и понимать философские основы правовой науки, а также общие закономерности функционирования и развития права и государства; 3) владеть современными методами научного познания; 4) обладать фантазией и интуицией»[2]. При этом он подчеркивает, что «научная эрудиция отнюдь не всегда является гарантом успешной исследовательской деятельности»[3] – решающую роль играет интуитивное мышление, которое не дано всем и не развивается механически, а требует длительной тренировки и особого склада ума.

В.М. Сырых констатирует, что значительная часть исследователей «не в полной мере реализуют свой творческий профессиональный потенциал»[4], а многие диссертации, по сути, представляют собой «пространные обзоры действующего законодательства либо имеющихся в юридической литературе «точек зрения»»[5], что не может считаться полноценным научным вкладом. Говоря о причинах этого, В.М. Сырых выделяет не только недостаток способностей, но и отсутствие методологической культуры, неумение работать с эмпирическим материалом, а также – что особенно тревожно – сознательное обращение к недозво-

[1] Сырых В.М. Основы материалистической теории права. Т. 2. Технология теоретико-правовых исследований. – М.: Юрлитинформ, 2023. С. 11.

[2] Там же. С. 152.

[3] Там же. С. 153.

[4] Там же.

[5] Там же. С. 161.

ленным приемам: плагиату, фальсификации результатов, «научному батрачеству» (написанию диссертации за плату другим лицом)[1]. Все это свидетельствует о том, что далеко не каждый поступивший в аспирантуру действительно готов к самостоятельной творческой работе.

Такое положение не является исключительным для юриспруденции как науки, а вполне закономерно и для любой другой области человеческой деятельности. Так, в любой спортивной секции занимаются десятки, а то и сотни людей – дети, юноши, взрослые, которые регулярно тренируются, выполняют упражнения, участвуют в соревнованиях внутри клуба. Но лишь единицы из них становятся кандидатами в мастера спорта или мастерами спорта. Потому что для высокого спортивного результата недостаточно простого усердия. Нужны природные данные (скорость, выносливость, координация, тип телосложения), психологическая устойчивость, способность переносить колоссальные нагрузки, умение работать на пределе, наличие грамотного тренера, система соревнований, материально-техническая база, а главное – особый талант, который нельзя воспитать только упорством. При этом даже талантливый спортсмен, если он нарушает спортивную этику (использует допинг, симулирует травмы), не только не достигает вершин, но и дисквалифицируется.

Точно так же в юридической науке: аспирант может добросовестно посещать занятия, читать литературу, делать выписки, но без творческой интуиции, нестандартного мышления, способности к синтезу и обобщению его работа останется компиляцией. В.М. Сырых подчеркивает, что «переход от эмпирических знаний к теоретическим в виде скачка, осуществляемого интуитивным мышлением, является чаще всего плодом длительных и безуспешных размышлений исследователя»[2], оно аналогично тому «озарению», которое в спорте называют «чувством момента» или «состоянием потока». Как и в спорте, в науке важна системность занятий: «индивид, желающий достичь заметных успехов в науке, должен смириться с неизбежными ограничениями в жизни» и работать «ежедневно и не менее десяти, одиннадцати часов в день»[3].

Аспирант должен честно оценить свои способности, мотивацию и готовность к систематическому труду. Если этих качеств нет, лучше выбрать иную профессию, чем заниматься «игрой в науку» [1, с. 322], которая приносит вред и самому соискателю, и научному сообществу. Как в спорте – «не каждый бегун станет олимпийским чемпионом, но каждый может получить удовольствие от бега», так и в науке – не каждый аспирант станет кандидатом наук, но каждый может пополнить свои знания и навыки, если не ставить перед собой заведомо недостижимых целей. Однако кандидатская диссертация требует серьезной предварительной подготовки и, что главное, действительной одаренности.

В науке (как и в спорте) есть свои «тренеры» – научные руководители. Успехов ожидать не приходится, если нет надлежащей организации и наставничества.

Все это свидетельствует о том, что аспирант должен четко понимать, что диссертация – это творческий акт, требующий особых интеллектуальных и волевых качеств, и обязан провести самооценку – есть ли у него интерес к науке, способность к длительной сосредоточенной работе, критическое мышление, интуиция, готовность жертвовать личным временем. Если таких качеств нет, лучше пересмотреть свои планы.

Диссертация как результат научного исследования должна обладать следующими признаками: 1) убедительными свидетельствами личного вклада ее автора в науку; 2) достаточным уровнем новизны; 3) аргументированностью полученных выводов и предложений; 4) целостностью и единством. Соискателю ученых степеней рекомендуется понять суть этих признаков, запомнить их, и как можно полнее реализовать в процессе подготовки диссертации[4].

О природе научного творчества и технологии научного исследования. В самом начале монографии В.М. Сырых обращает внимание на принципиальное различие между двумя аспектами научной деятельности: творчеством и технологией. Научное творчество – это уникальный, неповторимый процесс генерации новых идей, который во многом остается загадкой для самого исследователя. Технология же – это та последовательность операций, процедур и правил, которая позволяет сделать творческий процесс управляемым, системным и результативным. «Исследование способно завершиться получением достоверных, научно обоснованных знаний при том непременном условии, что подобные знания были получены на каждой из использованных научных процедур и на каждой стадии»[5].

Отправной точкой для всякого правового исследования служит правильное понимание самой правовой науки, которую В.М. Сырых определяет как «систему обоснованных, истинных (достоверных) и действительных знаний о закономерностях возникновения и развития права, механизме его воплощения в конкретной действительности, полученных с правильным применением методов научного познания и сообразно требованиям логики»[6]. В этой дефиниции концентрированно выражены все ключевые критерии научности: истинность, достоверность, обоснованность, правильность и действительность. Соискатель должен постоянно держать в уме эти критерии как эталон, которому должна соответствовать его диссертация.

Научное правовое исследование В.М. Сырых определяет как акт познания предмета и объекта правовой науки сообразно требованиям диалектического метода познания права, конкретизированного в системе общих, специальных и частных методов сообразно специфике исследуемых явлений и процессов[7].

Одним из важнейших вкладов В.М. Сырых в методологию юридической науки является выделение пяти стадий научного познания, которые образуют последовательность:

– критический анализ научных публикаций (анализ);
– изучение и обобщение политико-правовой практики (индукция);
– формулирование научной новизны (синтез);
– обоснование научной новизны (дедукция);
– изложение результатов научного познания в виде научной публикации или рукописи (текст)[8].

Каждая из этих стадий, в свою очередь, представляет собой систему научных процедур, и методологически грамотное их проведение является залогом успеха.

Особо следует подчеркнуть, что все выделенные стадии находятся в иерархической последовательности от критического анализа научных публикаций к политико-правовой практике, а от нее к формулированию, обоснованию и закреплению научной новизны, нарушение которой – попытка «перепрыгнуть» через какую-либо стадию – неизбежно ведет к неполноте и недостоверности конечных результатов – «в познании, как и при езде в лифте, нельзя попасть на верхние этажи, не проследовав через все ему предшествующие»[9].

Критический анализ научной литературы. Первая и, как показывает опыт, наиболее ответственная стадия работы над диссертацией – это основательное изучение и критический анализ научной литературы по теме исследования. Именно здесь закладывается фундамент всей последующей работы: определяется уровень разработанности проблемы, выявляются дискуссионные вопросы, пробелы и противоречия, а также формируется собственная позиция соискателя.

В.М. Сырых посвящает этой стадии специальный раздел, в котором, полемизируя с адептами постмодернизма различных направлений, предлагает рациональную методику критического анализа, предостерегая от крайностей: с одной стороны, от механического пересказа прочитанного без собственных оценок, а с другой – от субъективистского «вчувствования», когда исследователь якобы «понимает автора лучше, чем он сам себя понимал». «Суть любой научной работы, – пишет В.М. Сырых, – состоит в том, чтобы довести до самого широкого круга читателей, для всех желающих авторскую позицию по предмету, теме исследования. Автор непосредственно заинтересован в том, чтобы как можно больше рекрутировать на свою сторону единомышленников из числа читателей, способных понять суть новизны»[10]. Поэтому задача исследователя – не додумывать за автора, а точно, аутентично понять его позицию, а затем дать ей объективную оценку с научных позиций.

Здесь, по мнению В.М. Сырых, очень полезен опыт В.И. Ленина, который выработал эффективную технологию работы с источниками, включающую: герменевтическое толкование текста, точное цитирование, конспектирование, изложение собственных оценок, дифференцированный подход к работам классиков и их последователей, а также формулирование собственных гипотетических положений[11]. Важно, что конспектирование у В.И. Ленина было избирательным: он выписывал только то, что имело прямое отношение к его исследовательскому замыслу. При этом он не просто переписывал, но комментировал,

[1] См.: Там же. С. 112–115.

[2] Там же. С. 153.

[3] Там же. С. 357.

[4] Сырых В.М. Идеальная диссертация: требования ВАК // Академический юридический журнал. – 2014. – № 3(11). С. 8.

[5] Сырых В.М. Основы материалистической теории права. Т. 2. С. 4.

[6] Там же. С. 25.

[7] Там же. С. 106.

[8] Там же. С. 4.

[9] Там же. С. 73.

[10] Там же. С. 187.

[11] См.: Там же. С. 190–191.

критиковал, сопоставлял, и в результате его конспекты становились самостоятельными творческими произведениями, содержащими множество оригинальных идей.

Отсюда, во-первых, читать нужно не «все подряд», а целенаправленно, вычленяя главное. «Рациональное чтение научных публикаций обеспечивается специальной методикой, заметно ускоряющей процесс толкования и запоминания мыслей автора. Оптимальным признается путь, прямо противоположный последовательности изложения материала в тексте публикации. Если автор размышляет от простого к сложному, восходит от конкретного к особенному и всеобщему, то читатель должен, как говорится, «брать быка за рога» и идти противоположным путем от основных положений, выводов, отражающих суть авторской позиции по теме в целом, к обосновывающим ее аргументам и конкретным обобщениям»[1].

Во-вторых, необходимо вести конспекты, но не механически, а творчески, с собственными пометками и оценками. «Особо ценные научные положения авторов В.И. Ленин воспроизводил в своих конспектах дословно, проявляя при этом максимум аккуратности в указании выходных данных источника опубликования и дословном, точном воспроизведении авторского текста»[2]. Аспиранту следует научиться отличать главное от второстепенного, фиксировать дискуссионные моменты, выписывать цитаты с точными ссылками, чтобы впоследствии легко их найти и использовать. Сегодня конспектирование облегчено цифровыми технологиями, но его суть остается неизменной.

В-третьих, анализ литературы должен быть критическим – исследователь не должен безоговорочно принимать все прочитанное, а обязан проверять достоверность фактов, обоснованность выводов, логическую непротиворечивость рассуждений. В.М. Сырых выделяет три основные цели критического анализа: проверка правомерности претензий авторских положений, выводов, оценок на научную новизну; проверка логической согласованности компонентов авторской новизны между собой; оценка уровня обоснованности и достоверности авторской научной новизны[3].

При этом В.М. Сырых предупреждает о распространенной ошибке, когда автор, критикуя другого, приписывает ему то, чего тот не утверждал. Такая критика «выдуманных или второстепенных положений публикаций ради возвышения личности критика превращает науку в балаган»[4]. Поэтому критиковать нужно предметно, только по существу, с приведением цитат и аргументов.

Наконец, в-четвертых, анализ литературы должен привести соискателя к формулированию собственных гипотетических положений. «Размышляя о степени обоснованности и достоверности научной публикации, ее достоинствах и недостатках, исследователь одновременно и даже невольно определяет свое отношение к исследуемым проблемам, интуитивно формулирует их собственное видение, определяет перспективные пути развития исследуемых явлений»[5]. Именно поэтому В.М. Сырых настаивает на том, что критический анализ – не предварительная стадия, а активная творческая деятельность, которая уже на начальном этапе способна породить новые идеи.

Результатами этой стадии должны стать: систематизированный обзор научной литературы по теме, выявленные основные школы и направления, критические оценки наиболее значимых работ, четко сформулированные дискуссионные вопросы, пробелы в науке, а также предварительные гипотезы для своего исследования. Важно, чтобы аспирант не просто перечислил точки зрения, но и показал их эволюцию, сильные и слабые стороны и на этой основе обосновал необходимость своего исследования.

В тексте диссертации (во введении) должен быть представлен развернутый обзор литературы, но не в виде перечня, а в виде проблемно-ориентированного разбора, с выводом о степени разработанности темы и о том, какие вопросы остались нерешенными, что и определяет актуальность и новизну диссертации. Текст должен быть написан так, чтобы читатель видел не только чужие мнения, но и авторскую позицию, его отношение к обсуждаемым проблемам.

Изучение и обобщение юридической практики. Вторая стадия исследования – индуктивная – посвящена сбору и обобщению эмпирического материала. Здесь В.М. Сырых делает решительный шаг вперед по сравнению с традиционным догматическим правоведением, правомерно утверждая, что теоретические знания являются научными лишь постольку, поскольку они соответствуют реально сущей действительности. В силу этого исследователь обязан изучить не только тексты законов, но и практику их применения, правосознание субъектов, социально-экономические условия действия права. «Проверка теоретических знаний на достоверность, истинность, является неизменной процедурой всякого теоретического исследования, призванной обеспечить соответствие понятийного аппарата реально сущей практике», – подчеркивает В.М. Сырых[6]. Однако, к сожалению, современные российские правоведы часто пренебрегают этим: «социально-правовая практика в их публикациях чаще всего представлена отдельными примерами из действующего законодательства или актами судебной практики. Социально-правовые исследования эффективности законодательства проводятся крайне редко и с большими купюрами, отступлениями от методологии их проведения»[7].

В отличие от позитивистской доктрины, которая ограничивается догматическим анализом норм, диалектико-материалистический подход требует выхода в «иную, табуированную позитивистской доктриной сферу социальной, политико-правовой практики, в ходе которой нормы права воплощаются в конкретных отношениях и неизбежно натыкаются на акты противодействия со стороны социальных и даже других правовых явлений и процессов»[8].

Каковы источники информации для изучения практики? В.М. Сырых выделяет несколько групп таких источников.

Первая группа – нормативные правовые акты – от Конституции до локальных актов организаций, анализ которых включает составление перечня, внешнюю и внутреннюю критику (установление подлинности и действующей редакции), а также содержательный анализ на предмет соответствия принципам права, иерархической соподчиненности, отсутствия коллизий и пробелов[9].

Вторая группа – судебная практика – приговоры, решения, постановления судов всех инстанций, а также обобщения судебной практики, проводимые судами. В.М. Сырых критикует узкое понимание судебной практики как только решений высших судебных инстанций. «Судебная практика в строгом соответствии с ее родовой философской категорией «практика» последовательно охватывает всю деятельность судебных органов, возложенную на них Конституцией РФ и Федеральным конституционным законом «О судебной системе Российской Федерации»[10]. Поэтому соискатель должен анализировать решения судов первой, апелляционной, кассационной инстанций, выявляя не только правовые позиции, но и фактические обстоятельства дел, мотивы судей, допущенные ошибки.

Третья группа – правосознание и общественное мнение. В.М. Сырых уделяет большое внимание изучению индивидуального и общественного правосознания, которое является самостоятельной формой бытия права. Он отмечает, что позитивистская доктрина игнорирует индивидуальное право, которое «представляет собой совокупность норм права, которые индивид признает идеальными с учетом его материального положения, наличных интересов и представлений о позитивном праве и моральных нормах»[11]. Изучение правосознания позволяет выявить реальное отношение граждан к законодательству, их правовые установки, мотивы правомерного или противоправного поведения. Для этого используются методы анкетирования, интервьюирования, экспертных оценок, социально-правового эксперимента.

Четвертая группа – социально-экономические условия действия права. Здесь В.М. Сырых следует марксистскому тезису о том, что право не может быть выше, чем экономический и культурный уровень развития общества. Поэтому исследователь должен изучать влияние экономики, политики, культуры на эффективность правовых норм, «достоверно установить, в какой мере и каким образом на результатах законотворческой деятельности сказываются такие внешние силы, как производительный потенциал экономики страны, политический режим и уровень правовой культуры всех слоев общества»[12].

Особое значение имеют социально-правовые исследования, которые, как с сожалением констатирует В.М. Сырых, в последние годы почти не проводятся. Методика таких исследований включает семь процедур: подготовка концепции, составление программы, разработка инструментария, сбор эмпирических данных, обработка и обобщение, научный анализ и объяснение, изложение итогов[13], а «успех исследования во многом определяется способностью руководителя и коллек-

[1] Там же. С. 228.

[2] Там же. С. 191.

[3] Там же. С. 232.

[4] Там же. С. 263–264.

[5] Там же. С. 226.

[6] Там же. С. 266.

[7] Там же. С. 266–267.

[8] Там же. С. 282.

[9] Там же. С. 274–281.

[10] Там же. С. 283–291.

[11] Там же. С. 296.

[12] См. Там же. С. 302–303.

[13] См.: Там же. С. 309–311.

тива… предвосхитить результаты, которые они должны получить в конечном итоге»[1], и это требует от исследователя глубокого владения предметом и методологией, а также умения работать в команде.

На выходе аспирант должен иметь собранный и обработанный эмпирический материал: подборку нормативных актов, обобщение судебной практики, статистические данные, результаты опросов (если проводились), анализ социальных условий, причем материал должен быть систематизирован, классифицирован, снабжен комментариями. Важно, чтобы эмпирическая база была репрезентативной и достоверной.

В тексте диссертации должны содержаться описания методик сбора материала, характеристика источников, обобщенные данные, выявленные закономерности и аномалии. Все цифры, примеры должны быть проверяемы. Следует избегать голословных утверждений, каждое положение должно подкрепляться ссылками на источники или результаты собственных исследований. Текст должен показывать, что автор действительно «погрузился» в практику, а не ограничился цитированием чужих обобщений. Ярким примером научного обобщения практики явилась работа Л.Г. Видонова[2], где, опираясь на многолетний эмпирический материал следственной и прокурорско-криминалистической практики, автор выделил типовые следственные ситуации по месту убийства, полу и возрасту жертвы, кругу лиц, совершающих такие убийства, мотивам и способам действий, а затем сформулировал типовые программы сбора информации среди жителей, родственников, соседей и сослуживцев. Научная и практическая ценность этой методики состоит в том, что она выявляет устойчивые вероятностно-статистические взаимосвязи между элементами криминалистической характеристики и на их основе предлагает алгоритм выдвижения и проверки версий о неизвестном преступнике, ярко демонстрирует переход от разрозненных эмпирических наблюдений к теоретическим обобщениям и практическим рекомендациям, соответствуя критериям научности: системности, обоснованности, проверяемости и практической значимости, а также наглядно показывает, как научное исследование превращает практический опыт в систему знаний, способную результативно применяться в конкретной прикладной области юридической деятельности.

Формулирование научной новизны. Третья стадия – синтез – является кульминацией творческого процесса, именно здесь исследователь из разрозненных эмпирических фактов, критически осмысленных теоретических положений и собственных гипотез формулирует то новое знание, которое составляет его вклад в науку. В.М. Сырых подчеркивает, что «это архитворческая и потому наиболее ответственная стадия исследования»[3].

Научная новизна – это «свойство, характерное для научных знаний, впервые введенным в научный оборот посредством публикации с указанием фамилии лица, их получивших, в качестве автора публикации»[4]. Однако не всякое оригинальное высказывание является новизной, оно должно обладать всеми признаками научного знания: истинностью, достоверностью, обоснованностью, правильностью и действительностью. Поэтому соискатель должен отличать подлинную новизну от «превращенной формы» – заблуждений, плагиата, субъективных домыслов.

Путей получения нового знания, по мнению В.М. Сырых, два: дискурсивное мышление (логическое выведение нового из старого) и интуитивное мышление (внезапное озарение, скачок в познании).

При этом В.М. Сырых отдает предпочтение интуиции как высшей форме научного творчества, цитируя французского физика-теоретика, одного из основоположников квантовой механики, лауреата Нобелевской премии по физике за 1929 г. Луи де Бройля: «нельзя недооценивать необходимой роли воображения и интуиции в научном исследовании… – поразительное противоречие! – человеческая наука, по существу рациональная в своих основах и по своим методам, может осуществлять свои замечательные завоевания лишь путем опасных внезапных скачков ума»[5].

Интуиция, по мнению В.М. Сырых, не является «мистическим даром», а выступает продуктом длительной и интенсивной работы сознания, которая продолжается даже во сне или во время отдыха. «Интуиция есть продукт научной деятельности исследователя, порожденный мышлением помимо его волевой познавательной деятельности и совершения соответствующих исследовательских процедур»[6]. Чтобы интуиция «заработала», необходимо соблюсти несколько условий. Во-первых, нужен обширный эмпирический и теоретический материал, собранный и критически осмысленный. Во-вторых, исследователь должен глубоко владеть методологией научного познания. В-третьих, проблема должна постоянно «витать» в сознании, быть доминантой мыслительной деятельности. В-четвертых, исследователь должен систематически и интенсивно работать, не боясь временных неудач.

Конкретными методами синтеза являются: восхождение от конкретного к абстрактному (выделение общих признаков и понятий), системный анализ (выявление структуры и взаимосвязей элементов) и восхождение от абстрактного к конкретному (воссоздание целостной теории, раскрывающей сущность предмета). Последний метод, по словам К. Маркса, есть «способ, при помощи которого мышление усваивает себе конкретное, воспроизводит его как духовно конкретное»[7]. В правовых исследованиях этот метод, к сожалению, используется редко, но именно он позволяет выйти на уровень теоретических закономерностей.

Отсюда молодым исследователям не нужно бояться смелых гипотез, но и не следует полагаться только на озарение – интуитивные догадки нужно тщательно проверять и обосновывать на последующих стадиях. Кроме того, не стоит ждать «вдохновения» в пассивном состоянии; оно приходит только в процессе систематического труда. Как свидетельствует опыт великих ученых, «глубокая погруженность ученого в проводимые им исследования» предполагает, что он должен «пожертвовать своей индивидуальностью ради своей отрасли»[8] – именно такая самоотдача и создает условия для интуитивного прорыва.

Результатами этой стадии научного исследования должны стать те положения, которые аспирант выносит на защиту: это может быть новое понятие, новый подход, уточнение существующей теории, выявленная закономерность, предложение по совершенствованию законодательства и т.д. Новизна должна быть конкретной, проверяемой, отличаться от того, что уже известно. Также должны быть сформулированы гипотезы, требующие дальнейшего обоснования.

Введение диссертации обязательно включает подраздел «Научная новизна», где перечисляются все новые положения, выносимые на защиту. Каждое положение должно быть сформулировано лаконично, но емко, чтобы было понятно, в чем именно состоит новизна. Такие положения должны вытекать из текста основной части диссертации, где они должны быть развернуты, обоснованы и проиллюстрированы. Текст о научной новизне должен быть написан так, чтобы научная новизна была очевидна для читателя, а не скрыта за общими фразами.

Обоснование научной новизны. Четвертая стадия – дедукция, или обоснование научной новизны – не менее важна, чем ее формулирование. Как признавал А. Эйнштейн, в творчестве ученого самое трудное – найти доказательства мысли, сформулированной интуитивно. В.М. Сырых подчеркивает, что «всякая научная новизна… подлежит непременному обоснованию на истинность или достоверность»[9], при этом обоснование не сводится к простому перечислению фактов в пользу авторской позиции, а представляет собой сложную систему процедур, каждая из которых проверяет новизну с определенных критериев.

В.М. Сырых выделяет семь основных процедур обоснования: теоретико-правовое обоснование, философское обоснование, логическая правильность, методологическая правильность, эмпирическое обоснование, опровержение и критика, атипичное обоснование.

Рассмотрим каждую из них подробнее, поскольку именно здесь аспиранты чаще всего испытывают наибольшие затруднения и допускают ошибки.

Теоретико-правовое обоснование требует согласования новизны с системой наличных знаний соответствующей отрасли правовой науки. Новое положение не должно противоречить общепризнанным принципам и понятиям теории права и отраслевых наук. Если противоречие все же есть, то автор должен доказать устарелость или неверность старого положения и привести убедительные аргументы в пользу своего.

Философское обоснование предполагает проверку новизны на соответствие законам и категориям диалектического материализма. В.М. Сырых настаивает на том, что философским основанием правовой науки может быть только диалектико-материалистическая философия, а не идеалистические построения постмодернизма или герменевтики. Он отмечает, что «всякие попытки создания каких-либо паллиативных философий, якобы способных раскрыть предельные

[1] Там же. С. 326.

[2] Видонов Л.Г. Криминалистические характеристики убийств и системы типовых версий о лицах, совершивших преступление без очевидцев. Методические рекомендации к использованию систем типовых версий. Горький, 1978. 122 с.

[3] Сырых В.М. Указ соч. С. 140.

[4] Там же. С. 112.

[5] Там же. С. 347.

[6] Там же.

[7] Там же. С. 71.

[8] Там же. С. 357.

[9] Там же. С. 434.

основы бытия конкретного явления, без проведения исследований… приводят к таким антинаучным результатам, как эклектика, априоризм и догматика»[1]. Поэтому аспиранту следует использовать категории сущности и явления, причины и следствия, необходимости и случайности, содержания и формы и другие, чтобы выявить глубинные связи исследуемого объекта.

Логическая правильность требует, чтобы рассуждения автора были непротиворечивыми и соответствовали законам формальной логики. В.М. Сырых напоминает о четырех основных законах: тождества, противоречия, исключенного третьего и достаточного основания и приводит типичные примеры их нарушения (тавтология, подмена тезиса, круг в определении, несоразмерность определения и др.). Особое внимание должно обращаться на правильность определения понятий: определение должно даваться через ближайший род и видовое отличие, быть соразмерным, не содержать круга, быть ясным и четким[2].

Методологическая правильность означает, что новизна должна быть получена при правильном применении методов научного познания. В.М. Сырых выделяет принципы диалектической логики (объективность, всесторонность, полнота, конкретность, историзм) как критерии правильности. Например, если исследователь делает вывод о неэффективности закона, не изучив практику его применения, он нарушает принцип полноты и всесторонности. Поэтому соискатель обязан показать, что его выводы опираются на всестороннее изучение объекта.

Эмпирическое обоснование – это проверка новизны на соответствие реально сущей действительности. Здесь важно не ограничиваться единичными примерами, а использовать репрезентативные данные, полученные в ходе социально-правовых исследований, статистики, анализа судебной практики, поскольку «для эмпирической обоснованности теоретического положения явно недостаточно одного примера из непосредственной практики. Реальная жизнь настолько сложна и многообразна, что в ней встречаются самые разные, в том числе и «нетипичные», случайные факты»[3].

Опровержение и критика – это демонстрация несостоятельности положений, противоречащих авторской новизне. В.М. Сырых предупреждает, что критика должна быть конкретной и обоснованной, она, «проведенная по всем правилам логики, хотя и представляет собой отрицание, тем не менее обладает статусом научной новизны. Очищение состава науки от ложного, устаревшего знания традиционно составляет одно из ведущих направлений научного поиска»[4]. Однако для этого нужно точно воспроизводить критикуемую позицию, ссылаться на источники и приводить веские аргументы.

Наконец, атипичное обоснование включает ссылки на авторитеты, здравый смысл, правовые афоризмы и пословицы, т.е. средства не являются строго научными, но могут усилить убедительность аргументов, особенно если они подкреплены авторитетом классиков или отражают многовековой опыт правовой культуры. Однако В.М. Сырых предостерегает от злоупотребления такими средствами: «как бы ни были ценны в научном отношении высказывания корифеев правовой науки, исследователь не должен полностью полагаться на них и свои задачи ограничивать систематизацией имеющихся в юридической литературе воззрений»[5].

Таким образом, обоснование научной новизны – многоступенчатая процедура, требующая от соискателя скрупулезности, критического мышления и методологической грамотности. Только пройдя все эти «фильтры», научная новизна может быть признана достоверной и введена в научный оборот.

Аспирант должен располагать развернутой системой аргументов, подтверждающих каждое новое положение: теоретических (ссылки на работы других ученых, принципы права), эмпирических (данные практики, статистика), логических (выводы из анализа). Важно, чтобы аргументы были убедительными и не оставляли места для сомнений.

В тексте диссертации должен быть представлен развернутый аппарат аргументации. Каждое новое положение должно сопровождаться ссылками на источники, примерами, пояснениями. Следует избегать декларативных утверждений без доказательств. Особое внимание нужно уделить критическому анализу противоположных точек зрения – это показывает научную добросовестность автора. Текст должен быть построен так, чтобы читатель мог проследить логику обоснования и согласиться с автором.

Язык и стиль диссертации: искусство быть понятым. Пятая, заключительная стадия – изложение результатов в виде рукописи – часто недооценивается аспирантами, хотя написание текста – это и его техническое оформление, и завершающий акт научного творчества. Нечеткое, запутанное изложение может погубить самые блестящие идеи, а ясный и логичный язык, напротив, способствует их восприятию и распространению.

В монографии приводятся основные требования к научному тексту: объективность, точность, логичность, лаконичность и ясность[6]. Научный стиль предполагает монологическое, обезличенное изложение, преимущественное использование сложноподчиненных предложений, насыщенность специальной терминологией. При этом В.М. Сырых предостерегает от излишнего наукообразия: «Чрезмерно сложный стиль научной работы чаще всего является следствием недостаточно глубокого владения автором темой исследования»[7]. Если автор не может изложить свои мысли простым и понятным языком, это сигнал того, что он сам не до конца разобрался в предмете.

Особое внимание уделяется использованию терминов. В правовой науке терминология разнородна: общенаучные термины, специальные правовые термины, термины смежных наук. Аспирант должен четко понимать значение каждого термина, различать омонимию, синонимию, многозначность. Если он вводит новый термин или придает новое значение устоявшемуся, это нужно специально оговаривать. Весьма полезным В.М. Сырых считает составление словаря основных понятий по теме диссертации, который поможет систематизировать терминологический аппарат и избежать путаницы.

Структура диссертации традиционна: введение, основная часть (главы, параграфы), заключение, список литературы. Во введении следует обосновать актуальность, определить объект и предмет, цели и задачи, методологическую и теоретическую базу, сформулировать новизну и положения, выносимые на защиту, показать теоретическую и практическую значимость, а также апробацию результатов. Основная часть должна строиться по плану, обеспечивающему логическое раскрытие темы. Каждый параграф должен содержать описание, анализ, объяснение и аргументацию авторской позиции. Заключение подводит итоги, но не должно дублировать введение – здесь лучше сосредоточиться на общих выводах и перспективах дальнейшего исследования.

Важно помнить, что диссертация – не «отчет» о проделанной работе, а целостное произведение, в котором все элементы связаны единой логикой. Поэтому нельзя допускать разрывов между главами, повторений, противоречий. Каждый вывод должен быть обоснован, каждая цитата – точна, каждый термин – определен. Только в этом случае рукопись приобретет качество «действительного научного знания».

На выходе этой стадии должна появиться готовая рукопись диссертации, оформленная согласно требованиям ВАК, написанная литературным языком, логически стройная, с четкой структурой, выверенной терминологией, достаточным количеством ссылок и иллюстраций.

Текст должен быть написан грамотно, без орфографических и стилистических ошибок. Предложения должны быть не слишком длинными и запутанными, абзацы должны быть связаны логическими переходами. Должны использоваться стандартные научные обороты и клише, но без шаблонности. Все использованные источники должны быть указаны в списке литературы, оформленном по ГОСТу, ссылки должны быть точными и проверяемыми, иллюстративный материал (таблицы, схемы) должен быть наглядным. Весь текст должен быть удобочитаемым, с правильными шрифтами и интервалами.

Личность исследователя: способности, мотивация, этика. Говоря о технологии подготовки диссертации, нельзя обойти важный субъективный фактор – личность самого исследователя. В.М. Сырых обоснованно уделяет этой теме значительное внимание, рассматривая ее под углом профессиональных и личностных качеств, необходимых для успешной научной деятельности.

Этика научной деятельности не допускает плагиата, фальсификации данных, «научного батрачества» (написание диссертации за плату), а также сервилизма – угодливого оправдания государственного произвола. «Ученый, – пишет В.М. Сырых, – добровольно взявший на себя такую важнейшую социальную функцию как воспроизводство истинного знания о закономерностях становления и развития государства и права, информирование общества о состоянии действующего законодательства… не имеет ни морального, ни профессионального права на ложь и выводы, которые могут быть приятны лицам, власть предержащим, но не имеют никакого отношения к объективно-истинному знанию»[8].

[1] Там же. С. 433.

[2] Там же. С. 487–489.

[3] Там же. С. 142.

[4] Там же. С 508.

[5] Там же. С. 500.

[6] См.: Там же. 530–532.

[7] Там же. С. 532.

[8] Там же. С. 163.

С этим связан и принцип научной независимости. Исследователь не должен бояться высказывать свое мнение, даже если оно расходится с официальной линией или мнением авторитетов. Вспомним афоризм Аристотеля: «Платон мне друг, но истина дороже». Однако эта независимость должна сочетаться с уважением к оппонентам и корректностью в полемике. «В ходе «научной войны» все же не следует … подменять полемику по дискутируемым вопросам негативными оценками личности оппонента»[1].

Особую роль в науке играет научный руководитель: наставник должен не только контролировать ход работы, но и передавать ученику методологическую культуру, прививать навыки критического мышления и творческого подхода. Успехи аспиранта во многом зависят от того, насколько руководитель способен увлечь его научной проблемой, научить работать с источниками, видеть главное и второстепенное. К сожалению, как показывает практика, далеко не все руководители справляются с этой задачей, и тогда аспиранту приходится осваивать методологию самостоятельно – это можно успешно сделать, например, с помощью трудов самого В.М. Сырых.

Наконец, важны и бытовые условия: материальное обеспечение, режим труда и отдыха, здоровье. В.М. Сырых предупреждает, что «интенсивная и постоянная научная деятельность отрицательно сказывается на здоровье ученого»[2], поэтому необходимо соблюдать режим дня, чередовать умственный труд с физическими нагрузками, заботиться о питании и сне. «Чтобы сохранить крепкое здоровье и продлить научное долголетие, требуется непременное выполнение двух условий: соблюдение режима дня и ведение здорового образа жизни»[3]. Аспирант должен осознать, что подготовка диссертации – это не только интеллектуальный, но и моральный, волевой и физический вызов, он должен быть готов к самоограничениям, к длительной сосредоточенной работе, к честному самоанализу. В конечном счете, он формирует не только научный текст, но и свою личность как исследователя.

Рационализм против постмодернизма. В монографии В.М. Сырых не обходит стороной и острейшие методологические дискуссии современности. Он дает развернутую критику постмодернистской теории права, герменевтики, феноменологии и синергетики, которые претендуют на роль новых универсальных методов познания права. По его мнению, эти учения, исходящие из субъективного идеализма, не только бесполезны, но и вредны для правовой науки.

В.М. Сырых полемизирует с адептами постклассической юриспруденции, которые отрицают истину как критерий научности, признают плюрализм и конвенциональность знания, отказываются от причинно-следственных связей и объективных закономерностей. «Постмодернизм, во-первых, противоречит коренным устоям классической философии и правовой науки, во-вторых, уничтожает «душу» всякого научного исследования – истину познания, в-третьих, низводит правовые исследования до уровня ординарных актов обыденного правосознания»[4].

Особой критике подвергается герменевтика, которая пытается заменить научный анализ субъективным «вчувствованием» и «пониманием». В.М. Сырых показывает, что методы толкования, разработанные юристами на протяжении веков, намного эффективнее герменевтических ухищрений, поскольку они опираются на объективные правила грамматики, логики и системного анализа. Он также отвергает попытки признать «здравый смысл» и «жизненный опыт» основой правового познания. «Если «жизненный опыт и здравый смысл» действительно способны дать сто очков профессиональным знаниям ученого-юриста, то это превосходство должно было непременно реализоваться в научно-практической деятельности»[5]. Но таких примеров нет – напротив, комментарии к законодательству пишут профессиональные юристы, а не обыватели.

В.М. Сырых также критикует философию права, которая, по его мнению, является искусственной конструкцией, пытающейся заменить конкретно-научное исследование абстрактными умозрениями, напоминая о том, что между философскими законами и законами конкретных наук «нет никаких альтернативных, переходных связей и отношений. Либо мы изучаем всеобщее в рамках философии, либо мы, основываясь на законах и категориях последней, изучаем законы конкретных наук. Третьего – в виде паллиативных законов философии, конкретизированных сообразно специфике предмета правовой науки – не дано»[6]. Поэтому попытки создать особую «философию права» как самостоятельную науку В.М. Сырых считает пустой тратой времени.

Отсюда не стоит увлекаться модными философскими течениями, которые часто оказываются «пустоцветами». Основой методологии диссертационного исследования должны быть проверенные временем диалектико-материалистические принципы: объективность, всесторонность, полнота, конкретно-исторический подход. Именно они позволяют получать достоверное и обоснованное знание.

В то же время В.М. Сырых не призывает и к догматическому цитированию классиков марксизма, подчеркивая, что материалистическая теория права нуждается в творческом развитии с учетом современных реалий. «Надлежит внести коренные изменения в образовательной сфере. Курс «Методологии и технологии правовых исследований» целесообразно вести отдельно от современного курса «История и методология юридической науки», сделав главный акцент на практические занятия, способствующие формированию у обучающихся устойчивых навыков творческого мышления и подготовки качественно совершенных научных публикаций»[7].

Аспирант должен твердо усвоить, что его методологическая позиция должна быть ясной и последовательной. Если он выбирает материалистический подход, то должен строго следовать его принципам, а не эклектически смешивать с идеалистическими концепциями, должен быть способен аргументировать свой выбор и в необходимой для его исследования мере критиковать альтернативные подходы. В диссертации должна быть четко обозначена методологическая основа, и все рассуждения должны ей соответствовать, не должно быть внутренних противоречий в методологии –критика других подходов должна быть обоснованной, с приведением конкретных аргументов, а текст диссертации должен демонстрировать методологическую зрелость автора.

Таким образом, технология научного исследования, разработанная профессором В.М. Сырых, представляет собой проверенную многолетней практикой систему требований к подготовке диссертационного исследования, дает конкретные алгоритмы познавательных действий и операций, начиная от выбора темы и заканчивая написанием текста диссертации. Научное творчество, безусловно, зависит от вдохновения, но и в то же время подчиняется определенным закономерностям, которые можно и нужно изучать и сознательно применять. «Подлинное научное знание подобно алмазу, будучи качественно совершенным во всех своих гранях и свойствах, обретает достоверность и, соответственно, гарантированное долголетие, а особо значимые положения, выводы – бессмертность»[8].

Диссертация – научное исследование, требующее строгой методологической дисциплины: нельзя начинать с написания глав, минуя анализ литературы и практики; нельзя выдавать желаемое за действительное без надлежащего обоснования; нельзя пренебрегать логикой и языком.

Необходимо развивать свои исследовательские способности: читать не механически, а критически; вести конспекты с собственными оценками; учиться видеть проблемы и противоречия; тренировать интуицию через систематический и интенсивный труд.

Нужно твердо следовать этическим нормам науки: быть честным, не фальсифицировать данные, не допускать плагиата, не заниматься «научным батрачеством». Лучше вообще не получать ученую степень, чем получить ее нечестным путем.

Следует критически относиться к «методологической моде». Не все новое – прогрессивно. Диалектико-материалистический метод, несмотря на свою «несовременность» в глазах постмодернистов, остается наиболее адекватным инструментом познания сложных социально-правовых явлений.

Важно помнить, что наука – это призвание, а не просто профессия. Подготовка диссертации – возможность внести реальный вклад в развитие правовой науки, помочь обществу и государству лучше понять и совершенствовать свою жизнь через правовые средства, а методология и технология, разработанные профессором В.М. Сырых вполне способны быть проводниками в юридическую науку.

Литература

1. Видонов, Л.Г. Криминалистические характеристики убийств и системы типовых версий о лицах, совершивших преступление без очевидцев. Методические рекомендации к использованию систем типовых версий. Горький, 1978. 122 с.

[1] Там же. С. 169.
[2] Там же. С. 562.
[3] Там же. С. 563.
[4] Там же. С. 86.
[5] Там же. С. 176.
[6] Там же. С. 8.
[7] Там же. С. 571.
[8] Там же. С. 449.

2. Сырых, В.М. Идеальная диссертация: требования ВАК // Академический юридический журнал. 2014. № 3(11). С. 6–24.

3. Сырых, В.М. Основы материалистической теории права. Т. 2. Технология теоретико-правовых исследований. М.: Юрлитинформ, 2023. 576 с.

ON CREATIVITY AND TECHNOLOGY IN THE PREPARATION OF A DISSERTATION IN JURISPRUDENCE: ON THE ANNIVERSARY OF THE OUTSTANDING METHODOLOGIST OF LEGAL RESEARCH, PROFESSOR V.M. SYRYKH

Panchenko V.Yu., Veselova A.P., Lungu E.V.
All-Russian State University of Justice, Siberian Federal University, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

The key provisions of the technology of theoretical and legal research developed by Professor V.M. Syrykh are systematized, and their practical significance and universality for preparing dissertations in legal sciences are shown.
The conclusions are substantiated that legal science combines creativity – a unique, inimitable process of generating new ideas, largely remaining a mystery to the researcher himself – and technology, i.e., a sequence of operations, procedures, and rules subordinated to regularities that can and should be studied and consciously applied; at the same time, preparing a candidate's dissertation is not accessible to everyone, since an honest self-assessment of one's abilities, motivation, and readiness for systematic work is required. The authors share V.M. Syrykh's positions that critical analysis of scholarly literature is not a preliminary but an active creative activity capable of generating new ideas already at the initial stage, as well as his positions on the importance of empirical information and the need for socio-legal research, on the nature of scientific novelty and on discursive and intuitive thinking as ways of obtaining it, given that intuition, having a natural basis, at the same time acts as a product of prolonged and intensive work of consciousness, while passive expectation of «inspiration» in science is unproductive, on the procedures for substantiating scientific novelty (theoretical-legal, philosophical, and empirical substantiation, logical and methodological correctness, refutation, criticism, and atypical substantiation), and on the unsoundness of postmodern, hermeneutic, phenomenological, and synergetic approaches claiming the role of universal methods of cognition of law and considered in isolation from dialectics and its principles of objectivity, comprehensiveness, completeness, and historicism.

Keywords: methodology of legal science; technology of theoretical and legal research; dissertation; scientific novelty; research ethics; dialectics; V.M. Syrykh; materialist theory of law.

References

1. Vidonov, L.G. Forensic Characteristics of Homicides and Systems of Typical Hypotheses Regarding Perpetrators of Crimes Committed Without Eyewitnesses: Methodological Recommendations for Using Systems of Typical Hypotheses. Gorky, 1978. 122 p.

2. Syrykh, V.M. The Ideal Dissertation: VAK Requirements // Academic Law Journal. 2014. № 3(11). P. 6–24.

3. Syrykh, V.M. Foundations of the Materialist Theory of Law. Vol. 2. Methodology of Theoretical-Legal Research. Moscow: Yurlitinform, 2023. 576 p.

Трансформация публично-правового статуса государственного и муниципального служащего под влиянием искусственного интеллекта: теоретико-правовой аспект

Бубякин Алексей Витальевич,
аспирант, Негосударственное образовательное частное учреждение высшего образования «Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
E-mail: ooo_sprut@mail.ru

Цель исследования – определить, изменяет ли использование искусственного интеллекта публично-правовой статус государственного гражданского и муниципального служащего и какие его элементы. Показано, что цифровизация впервые меняет не цели регулирования, а способ исполнения должностных обязанностей. Результат работы ИИ-ассистента квалифицирован как алгоритмическая рекомендация, входящая в фактический состав, но не выражающая воли субъекта. Обоснована категория негативного административного усмотрения. Предложена поэлементная модель трансформации статуса: глубже всего затрагиваются обязанности, гарантии и ответственность, ограничения не затрагиваются.

Ключевые слова: публично-правовой статус; государственный гражданский служащий; муниципальный служащий; искусственный интеллект; алгоритмическая рекомендация; фактический состав; негативное административное усмотрение; склонность к автоматическому доверию.

Введение

Положение, при котором служащий подписывает документ, подготовленный не им, само по себе не ново: аппаратная работа всегда строилась на разделении труда.

Новизна в другом: Федеральный закон от 26 июля 2026 г. № 243-ФЗ [7] обязал органы власти внедрять большие фундаментальные модели искусственного интеллекта, в том числе в «сфере государственного и муниципального управления» (ч. 4 ст. 5), и обращение к машинному результату стало элементом организации служебной деятельности, за который отвечает орган.

В законодательстве о службе это не отразилось: федеральные законы от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ [3] и от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ [4] не знают ни ИИ-ассистента, ни машинного проекта решения, а глава 3 Федерального закона № 79-ФЗ описывает служащего, который готовит проект сам и получает указания от человека.

Внешняя гарантия для гражданина – ч. 1 ст. 16 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ [6], запрещающая «принятие на основании исключительно автоматизированной обработки персональных данных решений, порождающих юридические последствия в отношении субъекта персональных данных или иным образом затрагивающих его права и законные интересы», – обращена к оператору, а не к служащему и устраняется подписью, поставленной без всякой проверки.

Вопрос уже практический: в реестр российского программного обеспечения внесена платформа «ИИ-ассистент государственного служащего» [32], а Верховный Суд Российской Федерации утвердил Концепцию внедрения технологий искусственного интеллекта в судопроизводство [8].

Меняется ли публично-правовой статус служащего от того, что часть содержательной работы выполняет вычислительная система, и если да, то какие его элементы и насколько глубоко? От ответа зависит, нужно ли перестраивать главу о статусе или достаточно точечных дополнений.

Литература по теме делится на два почти не пересекающихся направления. Доктрина служебного права выработала структуру статуса и обосновала его обусловленность характером служебной деятельности [16; 18; 20; 21; 25], но цифровизации не касалась, а исследователи цифровизации управления расходятся в оценках.

С.М. Зубарев предлагал поддержать исключение участия человека в процессе принятия решения [14, с. 29], А.Н. Чертков настаивает, что окончательные решения «должны всегда принимать люди» [27, с. 10], а Д.И. Зайцев прогнозирует появление «контрольной» бюрократии [13, с. 207].

И.А. Черешнева показала, что алгоритмические системы поддержки решений порождают у судей когнитивные искажения, и предложила предусмотреть возможность отказа от предложения искусственного интеллекта [26], но предметом ее анализа остается судья, а не служащий.

Исследованы также переход от «уличной» бюрократии к «системной» [28; 31], дискриминационный потенциал алгоритмов [23], вытеснение человека из правотворчества [15, с. 135], правовая квалификация искусственного интеллекта [19], право в цифровой реальности [24] и информационные технологии в кадровой работе на службе [12].

Все эти работы говорят об управлении, а не о правовом положении служащего; вопрос о том, какие элементы статуса и в какой мере затрагивает искусственный интеллект, остается невыясненным, и ему посвящена статья.

Методологическая основа

Применены формально-юридический, историко-правовой, технико-правовой методы, метод правовой герменевтики и данные инженерной психологии. Анализ охватывает главы о статусе служащего федеральных законов № 79-ФЗ [3] и № 25-ФЗ [4] и Федеральный закон № 243-ФЗ [7].

Что именно меняет цифровизация в статусе служащего

Статус служащего понимается в доктрине как совокупность прав, обязанностей, ограничений, запретов, гарантий и мер ответственности,

обусловленных характером деятельности по обеспечению исполнения полномочий органа публичной власти [20; 21; 25]. Глава 3 Федерального закона № 79-ФЗ [3] объединяет права, обязанности, ограничения и запреты, а гарантии и ответственность вынесены в другие главы; так же построен Федеральный закон № 25-ФЗ [4].

Такое размещение отражает спор: Н.В. Ананьев включал гарантии и ответственность в статус [11, с. 74], Д.Б. Миннигулова относит ответственность к прохождению службы [17, с. 13, 72]. Я разделяю первую позицию: при участии вычислительной системы вопрос об ответственности за результат решается заранее – выбором системы, регламентом ее применения, возможностью зафиксировать сомнение, – и условия ответственности становятся частью условий исполнения обязанностей, а значит, и статуса.

Статус этот менялся неоднократно: в 1990-е гг. он складывался вместе со служебным правом [16; 21], которое, по оценке Ю.Н. Старилова, «представляет собой в настоящее время как минимум подотрасль административного права» [22, с. 104]; затем были закреплены поэлементная структура статуса и антикоррупционные ограничения и запреты. Каждый раз извне приходил социальный фактор, а способ исполнения обязанностей оставался прежним: проект готовил человек, поручение исходило от человека.

Цифровизация отличается принципиально: она вводит в подготовку решения звено, которое производит содержательный результат, но не является ни субъектом права, ни носителем воли. Д.И. Зайцев полагает, что усмотрение «экранных» бюрократов «в качественном измерении осталось прежним» [13, с. 203]; для «экранной» стадии это верно, но генеративная модель, в отличие от текстового редактора, предлагает само содержание – проект решения с мотивировкой, ссылками на нормы и расчетом.

Этот сдвиг давно зафиксировали M. Bovens, S. Zouridis и M. van Eck [28; 31]. По оценке И.А. Черешневой, «систематическое использование алгоритмов может смещать фактическую точку принятия решения от судьи к технологической системе и ее разработчикам» [26], а Д.И. Зайцев пишет о дискреционной власти «системных» бюрократов, воплощенной «в выборе терминов и дефиниций» [13, с. 204]. Правовое положение того, кто подписывает результат, остается при этом в тени, хотя гарантии граждан реализуются через поведение служащего.

Предложение С.М. Зубарева [14, с. 29] следует соотнести с тем, что законодатель назвал среди принципов регулирования «уважение автономии и свободы воли человека» (п. 4 ст. 4 Федерального закона № 243-ФЗ) [7], а ч. 1 ст. 16 Федерального закона № 152-ФЗ [6] по-прежнему запрещает решения на основании исключительно автоматизированной обработки. Противоречия здесь, на мой взгляд, нет: полная автоматизация допустима там, где решение сводится к проверке формальных условий и закон ее прямо предусматривает, а там, где требуется оценка, человек не исчезает, меняется лишь его роль.

Требование А.Н. Черткова [27, с. 10] формально соблюдено и тогда, когда человек подписывает машинный проект, не открыв его. Вопрос, следовательно, в том, что подписавший обязан сделать до подписи, а это вопрос о статусе.

Алгоритмическая рекомендация и ее место в фактическом составе

Результат работы ИИ-ассистента я предлагаю именовать алгоритмической рекомендацией, понимая под ней проект документа, расчет, классификацию, вывод, прогноз или предложение о варианте решения, не обладающие юридической силой до совершения служащим юридически значимого действия.

Термин требует разграничения с рекомендательными технологиями, которые ст. 10.2–2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ [5] связывает с предпочтениями пользователей сети «Интернет»: адресат алгоритмической рекомендации – служащий, а назначение – подготовка публичного решения, а не персонализация выдачи. Без такого разграничения норма о службе столкнется при толковании с уже занятым понятием.

Юридическим фактом в строгом смысле рекомендация не является: за выводом системы не стоит ни воля лица, ни явление объективной действительности. Ее получение входит в фактический состав вместе с процедурой, допускающей использование ИИ-ассистента, и действием служащего, поэтому обязанности и гарантии связываются с поведением служащего по отношению к машинному выводу.

Юридическое значение алгоритмической рекомендации определяется тремя ее свойствами, и у каждого есть прямое статусное последствие.

Первое свойство – отсутствие за ней воли субъекта. Механизм ч. 2 ст. 15 Федерального закона № 79-ФЗ [3] построен на волеизъявлении руководителя: служащий, считающий поручение неправомерным, «должен представить в письменной форме обоснование неправомерности данного поручения с указанием положений законодательства Российской Федерации, которые могут быть нарушены при исполнении данного поручения, и получить от руководителя подтверждение этого поручения в письменной форме». Алгоритмическая рекомендация подтверждена быть не может: подтверждение есть акт воли, которого у системы нет. Отсюда центральный, на мой взгляд, вывод: механизм отказа от неправомерного поручения к ней буквально неприменим, хотя функционально она ставит перед служащим ту же задачу – правомерно не исполнить предложенное.

Второе свойство – вероятностный характер вывода: повторный запрос может дать иной ответ, а журнал событий фиксирует запрос, ответ, время и версию модели, но не причины вывода. Поэтому праву доступно лишь одно – фиксировать, что служащий получил и что он с этим сделал. Объяснимость, которую Национальная стратегия развития искусственного интеллекта относит к основным принципам (подп. «в» п. 19) [2] и на которую как на меру против «черного ящика» делает ставку И.А. Черешнева [26], для больших языковых моделей пока недостижима.

Третье свойство – тиражируемость: ошибка модели воспроизводится в каждом однотипном деле. Э.В. Талапина на примере дела «Loomis» показала, что судья может выполнять рекомендацию алгоритма «почти дословно и систематически» [23, с. 15]; в массовых административных делах вопрос о качестве работы служащего перерастает в вопрос о законности деятельности органа, и часть ответственности смещается на орган, внедривший систему.

Российскому праву уже известно изменение процессуального положения лица автоматизацией: при фиксации правонарушений в области дорожного движения техническими средствами в автоматическом режиме уполномоченные органы «не обязаны доказывать вину собственников (владельцев) транспортных средств» [9], хотя презумпция невиновности этим не отменяется [10]. Такое смещение должно устанавливаться законом и уравновешиваться гарантиями, а не возникать стихийно в практике органа.

Негативное административное усмотрение

Классическое административное усмотрение предполагает выбор из нескольких допустимых вариантов, о каждом из которых выбирающий осведомлен. Алгоритмическая рекомендация эту предпосылку подрывает: отклонить готовый результат – значит выполнить работу заново, согласиться – не делать ничего.

Эта асимметрия описана в инженерной психологии как склонность к автоматическому доверию (определение K.L. Mosier и L.J. Skitka) [29, p. 391], в отечественной литературе – как предвзятость автоматизации, то есть «склонность человека использовать автоматизированные сигналы в качестве эвристической замены более внимательного поиска и обработки информации» [26]. Она проявляется в ошибках пропуска и исполнения [29, p. 391; 30, p. 991], обнаруживается и у новичков, и у экспертов и не устраняется ни обучением, ни инструкциями [29, p. 381]. По оценке И.А. Черешневой, результаты эксперимента с судьями «не только демонстрируют, что принимаемое решение о наказании может зависеть от предложенных судье числовых ориентиров, но и оспаривают традиционное предположение о том, что профессиональная компетентность полностью защищает судей от когнитивных искажений» [26].

Квалификация, следовательно, от нее не защищает, и обязанность проверки нельзя вывести из обязанности «поддерживать профессиональный уровень, необходимый для надлежащего исполнения должностных обязанностей» (п. 6 ч. 1 ст. 15 Федерального закона № 79-ФЗ [3]). Предлагаемое И.А. Черешневой «обучение судей и государственных гражданских служащих судебной системы адаптивным когнитивным стратегиям, позволяющим быстрее выявлять когнитивные искажения» [26] снижает риск, но не устраняет его и не заменяет закрепленной в статусе обязанности проверки.

Та же асимметрия заложена в Концепции внедрения технологий искусственного интеллекта в судопроизводство: при вспомогательном характере технологии (подп. 2 п. 5) [8] мотивировать требуется отклонение рекомендации искусственного интеллекта, но не согласие с ней (приложение № 3), а целевые показатели предполагают утверждение не менее 80% проектов без существенных правок (приложение № 2). Регулирование должно фиксировать оба исхода, иначе требование мотивировать лишь отказ само смещает выбор.

Д.И. Зайцев допускает, что в сложных случаях «агентом публичной администрации должен быть человек, а не машина» [13, с. 206], но следующее поколение чиновников видит «контрольной» бюрократией, представители которой «будут лишь проверять решения роботов,

причем исключительно в тех случаях, когда на них поступят жалобы от граждан» [13, с. 207].

Модель последующего контроля по жалобе для публичного права, на мой взгляд, неприемлема: она легализует то, что запрещает ч. 1 ст. 16 Федерального закона № 152-ФЗ [6], не учитывает тиражируемости ошибки, которая до первой жалобы воспроизводится во множестве дел, и перекладывает бремя ее выявления на гражданина как наиболее слабую сторону.

Если проверка должна предшествовать решению, право должно выделить правомочие не совершить предложенное действие до придания ему юридической силы – то, что я называю негативным административным усмотрением. Его признаки: направленность на блокирование конкретного результата; процессуальная оформленность, без которой отказ неотличим от неисполнения обязанностей; пресекательный характер; обязательная мотивированность.

Близкую меру для правосудия предлагает И.А. Черешнева: «необходимо предусмотреть возможность отказа от предложения, сгенерированного ИИ» [26]. Однако отказ судьи обеспечен его независимостью: «Судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону» (ч. 1 ст. 120 Конституции Российской Федерации [1]). Служащий же подчинен руководителю, поэтому ему возможность отказа нужно закрепить как самостоятельное правомочие с процедурой и гарантиями.

Прообраз негативного усмотрения – правило ч. 2 ст. 15 Федерального закона № 79-ФЗ о недопустимости исполнения неправомерного поручения, конституционная основа – ст. 18 Конституции Российской Федерации [1], согласно которой права и свободы «определяют смысл, содержание и применение законов». Новизна лишь в источнике неправомерности, поэтому это правомочие нуждается в самостоятельном закреплении, а не в выведении по аналогии.

Поэлементная модель трансформации

Сопоставив три свойства рекомендации с элементами статуса, можно определить глубину изменений, понимая под ней не важность элемента, а то, нужна ли новая норма, конкретизация действующей или ничего.

Обязанности изменяются глубже всего: отсутствие воли за машинным выводом и тиражируемость его дефектов требуют самостоятельной обязанности содержательной проверки до юридически значимого действия, ведь квалификация есть способность, а проверка – действие в конкретном деле.

Гарантии затрагиваются столь же глубоко: неприменимость механизма ч. 2 ст. 15 Федерального закона № 79-ФЗ [3] оставляет служащего, отказавшегося от дефектного результата, без защиты. Ответственность меняется по существу: вероятностный характер вывода размывает установление степени вины (ч. 3 ст. 58 того же закона) и ставит вопрос о ее распределении между служащим, органом и разработчиком. По оценке И.А. Черешневой, «алгоритмические системы поддержки принятия решений создают так называемый «моральный буфер», т.е. действуют как механизм психологического дистанцирования, приводя к снижению личной ответственности, в том числе моральной, из-за ощущения, что за все отвечает алгоритм» [26]. Во всех трех случаях нужна новая норма.

Права изменяются в порядке конкретизации: право на «получение в установленном порядке информации и материалов, необходимых для исполнения должностных обязанностей» (п. 5 ч. 1 ст. 14 Федерального закона № 79-ФЗ [3]) наполняется сведениями о назначении и ограничениях используемой системы.

Запреты также конкретизируются: запрет «разглашать или использовать в целях, не связанных с гражданской службой, сведения, отнесенные в соответствии с федеральным законом к сведениям конфиденциального характера, или служебную информацию, ставшие ему известными в связи с исполнением должностных обязанностей» (п. 9 ч. 1 ст. 17 Федерального закона № 79-ФЗ [3]) применяется к вводу такой информации во внешние сервисы, хотя правовая определенность выиграла бы от специального указания. Ограничения не затрагиваются, и этот отрицательный результат предостерегает от избыточного регулирования.

Таблица 1. Поэлементная модель трансформации статуса служащего

Элемент	Какое свойство рекомендации его затрагивает	Характер изменения	Что требуется
Обязанности	отсутствие воли субъекта; тиражируемость	самостоятельная обязанность содержательной проверки	новая норма
Гарантии	отсутствие воли субъекта	защита правомерного отказа от рекомендации	новая норма
Ответственность	вероятностный характер вывода	размывание степени вины; распределение между субъектами	новая норма
Права	вероятностный характер вывода	сведения об ограничениях системы	конкретизация
Запреты	тиражируемость	применение к внешним ИИ-сервисам	конкретизация
Ограничения	—	не затрагиваются	ничего

Окончание

Из вышеприведенного следуют три теоретических вывода.

Во-первых, искусственный интеллект не порождает нового статуса – ни «цифрового служащего», ни иной особой фигуры: изменения происходят внутри существующей структуры и связаны с новым элементом фактического состава, а не с новым субъектом.

Во-вторых, трансформация неравномерна, поэтому законодательная адаптация может быть точечной, без перестройки главы о статусе.

В-третьих, элементы статуса связаны теснее, чем предполагает классическая модель: отказ от рекомендации выступает обязанностью, когда ее незаконность очевидна, и правом, когда речь идет о сомнениях, а гарантия зависит от того, обеспечил ли орган техническую возможность зафиксировать отказ. Гарантии служащего обеспечиваются теперь и техническими условиями, которые создает орган, что говорит в пользу рассмотрения ответственности и гарантий внутри статуса.

Заключение

Цифровизация изменяет не цели регулирования, а способ исполнения должностных обязанностей. Алгоритмическая рекомендация входит в фактический состав, но не выражает воли субъекта, поэтому механизм отказа от неправомерного поручения к ней неприменим, а основанием правомерного отказа служит негативное административное усмотрение.

Модель «контрольной» бюрократии несовместима с запретом решений на основании исключительно автоматизированной обработки, а обязанность проверки не выводится из обязанности поддерживать профессиональный уровень. Обязанности, гарантии и ответственность требуют новых норм, права и запреты – конкретизации.

Главу о статусе достаточно дополнить нормами об алгоритмической рекомендации, а в регламентах описывать проверку как самостоятельное действие и фиксировать как отказ от рекомендации, так и ее использование.

Дальнейшего исследования требуют процессуальная форма мотивированного отказа, распределение ответственности между служащим, органом и разработчиком модели и зарубежный опыт регулирования.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: http://pravo.gov.ru.

2. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года) (в ред. Указа Президента РФ от 15.02.2024 № 124) // Собрание законодательства РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

3. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федер. закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

4. О муниципальной службе в Российской Федерации: федер. закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 10. Ст. 1152.

5. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.

6. О персональных данных: федер. закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

7. О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации: федер. закон от 26.07.2026 № 243-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202607260003.

8. Об утверждении Концепции внедрения технологий искусственного интеллекта в судопроизводство Российской Федерации: приказ Верховного Суда РФ от 03.09.2026 № 59-П.

9. По делу о проверке конституционности статьи 2.6.1 и частей 1, 2, 3 и 6 статьи 12.21.1 Кодекса Российской Федерации об администра-

тивных правонарушениях в связи с запросом Костромского областного суда и жалобами граждан А.И. Думилина и А.Б. Шарова: постановление Конституционного Суда РФ от 18.01.2019 № 5-П.

10. По делу о проверке конституционности части 2 статьи 2.6.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Октябрьского районного суда города Екатеринбурга: постановление Конституционного Суда РФ от 13.12.2022 № 54-П.

11. Ананьев Н.В. Административно-правовое положение (статус) государственного гражданского служащего Российской Федерации: дис. … канд. юрид. наук. М., 2008.

12. Добробаба М.Б. Проблемы использования информационных технологий на государственной гражданской службе // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2018. № 3. С. 82–87.

13. Зайцев Д.И. Административное усмотрение в цифровую эпоху // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2022. № 11. С. 199–208.

14. Зубарев С.М. Правовые риски цифровизации государственного управления // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 6. С. 23–32.

15. Киселев А.С. Перспективы и риски использования искусственного интеллекта в сфере правовой аналитики и правотворческой деятельности // Lex russica. 2025. Т. 78, № 6. С. 127–143.

16. Манохин В.М. Служба и служащий в Российской Федерации: правовое регулирование. М.: Юристъ, 1997. 294 с.

17. Миннигулова Д.Б. Административно-правовой статус государственных гражданских служащих и проблемы его реализации: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2013. 430 с.

18. Общее административное право: учебник: в 2 ч. Ч. 1 / под ред. Ю.Н. Старилова. 2-е изд., пересмотр. и доп. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2016. 760 с.

19. Понкин И. В., Редькина А.И. Искусственный интеллект с точки зрения права // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. 2018. Т. 22, № 1. С. 91–109.

20. Старилов Ю.Н. Государственная служба и служебное право: учеб. пособие. 2-е изд. М.: Норма; ИНФРА-М, 2023. 448 с.

21. Старилов Ю.Н. Служебное право: учебник. М.: БЕК, 1996. 698 с.

22. Старилов Ю.Н. Служебное право России: уже реальность или пока научная гипотеза? // Правовая наука и реформа юридического образования. 2013. № 3 (26). С. 99–116.

23. Талапина Э.В. Обработка данных при помощи искусственного интеллекта и риски дискриминации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15, № 1. С. 4–27.

24. Хабриева Т. Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.

25. Чаннов С. Е., Пресняков М.В. Служебное право: учебник и практикум. 2-е изд. М.: Юрайт, 2019. 376 с.

26. Черешнева И.А. Влияние алгоритмических систем поддержки принятия решений на судейское усмотрение // Право и политика. 2026. № 3. С. 50–60. DOI: 10.7256/2454-0706.2026.3.78681.

27. Чертков А.Н. Цифровизация публичного управления: преимущества и риски // Российское право онлайн. 2024. № 4. С. 5–10.

28. Bovens M., Zouridis S. From Street-Level to System-Level Bureaucracies: How Information and Communication Technology Is Transforming Administrative Discretion and Constitutional Control // Public Administration Review. 2002. Vol. 62, № 2. P. 174–184.

29. Parasuraman R., Manzey D.H. Complacency and Bias in Human Use of Automation: An Attentional Integration // Human Factors. 2010. Vol. 52, № 3. P. 381–410.

30. Skitka L. J., Mosier K.L., Burdick M. Does Automation Bias Decision-Making? // International Journal of Human-Computer Studies. 1999. Vol. 51, № 5. P. 991–1006.

31. Zouridis S., van Eck M., Bovens M. Automated Discretion // Discretion and the Quest for Controlled Freedom / ed. by T. Evans, P. Hupe. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. P. 313–329.

32. В реестр российского ПО внесли первый ИИ для чиновников // CNews. 29.05.2026. URL: https://importfree.cnews.ru/news/top/2026–05–29_v_reestr_rossijskogo_po_vnesen.

TRANSFORMATION OF THE PUBLIC LAW STATUS OF STATE AND MUNICIPAL SERVANTS UNDER THE INFLUENCE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE: A THEORETICAL LEGAL PERSPECTIVE

Bubyakin A.V.
Moscow University «Synergy»

The aim of the research is to determine whether the use of artificial intelligence changes the public legal status of state civil and municipal employees and which of its elements. It is shown that digitalization for the first time changes not the goals of regulation but the way official duties are performed. The output of an AI assistant is qualified as an algorithmic recommendation that is part of the set of facts but does not express the will of a subject. The category of negative administrative discretion is substantiated. An element-by-element model of the transformation of the status is proposed: duties, guarantees and responsibility are affected most, while restrictions remain untouched.

Keywords: public legal status; state civil servant; municipal employee; artificial intelligence; algorithmic recommendation; set of facts; negative administrative discretion; tendency to automatic trust.

References

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on 12.12.1993 (with amendments approved in the all-Russian vote on 01.07.2020). URL: http://pravo.gov.ru.

2. On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 № 490 (together with the National Strategy for the Development of Artificial Intelligence for the Period up to 2030) (as amended by Decree of the President of the Russian Federation of 15.02.2024 № 124) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2019. № 41. Art. 5700.

3. On the State Civil Service of the Russian Federation: Federal Law of 27.07.2004 № 79-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2004. № 31. Art. 3215.

4. On Municipal Service in the Russian Federation: Federal Law of 02.03.2007 № 25-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2007. № 10. Art. 1152.

5. On Information, Information Technologies and Protection of Information: Federal Law of 27.07.2006 № 149-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. № 31 (Part 1). Art. 3448.

6. On Personal Data: Federal Law of 27.07.2006 № 152-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. № 31 (Part 1). Art. 3451.

7. On Support for the Development of Artificial Intelligence Technologies in the Russian Federation: Federal Law of 26.07.2026 № 243-FZ // Official Internet Portal of Legal Information. URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202607260003.

8. On Approval of the Concept for the Introduction of Artificial Intelligence Technologies into Judicial Proceedings of the Russian Federation: Order of the Supreme Court of the Russian Federation of 03.09.2026 № 59-P.

9. On the Case Concerning the Review of the Constitutionality of Article 2.6.1 and Parts 1, 2, 3 and 6 of Article 12.21.1 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offences in Connection with the Request of the Kostroma Regional Court and the Complaints of Citizens A.I. Dumilin and A.B. Sharov: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 18.01.2019 № 5-P.

10. On the Case Concerning the Review of the Constitutionality of Part 2 of Article 2.6.1 of the Code of the Russian Federation on Administrative Offences in Connection with the Request of the Oktyabrsky District Court of the City of Yekaterinburg: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 13.12.2022 № 54-P.

11. Ananyev N.V. Administrative and Legal Position (Status) of a State Civil Servant of the Russian Federation: Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow, 2008. (In Russ.)

12. Dobrobaba M.B. Problems of Using Information Technologies in the State Civil Service // Legal Bulletin of the Kuban State University. 2018. № 3. P. 82–87. (In Russ.)

13. Zaitsev D.I. Administrative Discretion in the Digital Age // Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2022. № 11. P. 199–208. (In Russ.)

14. Zubarev S.M. Legal Risks of Digitalization of Public Administration // Actual Problems of Russian Law. 2020. Vol. 15, № 6. P. 23–32. (In Russ.)

15. Kiselev A.S. Prospects and Risks of Using Artificial Intelligence in Legal Analytics and Legislative Activities // Lex russica. 2025. Vol. 78, № 6. P. 127–143. (In Russ.)

16. Manokhin V.M. Service and the Servant in the Russian Federation: Legal Regulation. Moscow: Yurist, 1997. 294 p. (In Russ.)

17. Minnigulova D.B. Administrative and Legal Status of State Civil Servants and Problems of Its Implementation: Dr. Sci. (Law) Dissertation. Moscow, 2013. 430 p. (In Russ.)

18. General Administrative Law: Textbook: in 2 parts. Part 1 / ed. by Yu.N. Starilov. 2nd ed., revised and enlarged. Voronezh: Voronezh State University Publishing House, 2016. 760 p. (In Russ.)

19. Ponkin I. V., Redkina A.I. Artificial Intelligence from the Point of View of Law // RUDN Journal of Law. 2018. Vol. 22, № 1. P. 91–109. (In Russ.)

20. Starilov Yu.N. Civil Service and Service Law: Study Guide. 2nd ed. Moscow: Norma; INFRA-M, 2023. 448 p. (In Russ.)

21. Starilov Yu.N. Service Law: Textbook. Moscow: BEK, 1996. 698 p. (In Russ.)

22. Starilov Yu.N. Service Law of Russia: Already a Reality or Until a Scientific Hypothesis? // Legal Science and Reform of Legal Education. 2013. № 3 (26). P. 99–116. (In Russ.)

23. Talapina E.V. Artificial Intelligence Processing and Risks of Discrimination // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2022. Vol. 15, № 1. P. 4–27. (In Russ.)

24. Khabrieva T. Ya., Chernogor N.N. The Law in the Conditions of Digital Reality // Journal of Russian Law. 2018. № 1. P. 85–102. (In Russ.)

25. Channov S. E., Presnyakov M.V. Service Law: Textbook and Practicum. 2nd ed. Moscow: Yurait, 2019. 376 p. (In Russ.)

26. Chereshneva I.A. The Influence of Algorithmic Decision Support Systems on Judicial Discretion // Law and Politics. 2026. № 3. P. 50–60. DOI: 10.7256/2454-0706.2026.3.78681. (In Russ.)

27. Chertkov A.N. Digitalization of Public Administration: Benefits and Risks // Russian Law Online. 2024. № 4. P. 5–10. (In Russ.)

28. Bovens M., Zouridis S. From Street-Level to System-Level Bureaucracies: How Information and Communication Technology Is Transforming Administrative Discretion and Constitutional Control // Public Administration Review. 2002. Vol. 62, № 2. P. 174–184.

29. Parasuraman R., Manzey D.H. Complacency and Bias in Human Use of Automation: An Attentional Integration // Human Factors. 2010. Vol. 52, № 3. P. 381–410.

30. Skitka L. J., Mosier K.L., Burdick M. Does Automation Bias Decision-Making? // International Journal of Human-Computer Studies. 1999. Vol. 51, № 5. P. 991–1006.

31. Zouridis S., van Eck M., Bovens M. Automated Discretion // Discretion and the Quest for Controlled Freedom / ed. by T. Evans, P. Hupe. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. P. 313–329.

32. The First AI for Officials Has Been Added to the Russian Software Register // CNews. 29.05.2026. URL: https://importfree.cnews.ru/news/top/2026–05–29_v_reestr_rossijskogo_po_vnesen. (In Russ.)

Физическая культура в процессе перевоспитания несовершеннолетних осужденных

Зорина Наталья Сергеевна,
старший научный сотрудник отдела по совершенствованию нормативно-правового регулирования деятельности уголовно-исполнительной системы центра изучения проблем управления и организации исполнения наказаний в уголовно-исполнительной системе ФКУ НИИ ФСИН России
E-mail: Natalya.natka2010@yandex.ru

В статье рассматривается роль физической культуры как средства перевоспитания несовершеннолетних осужденных, отбывающих наказание в воспитательных колониях. На основе анализа эмпирических исследований, проведенных в учреждениях уголовно-исполнительной системы России, обосновывается эффективность систематических занятий физической культурой и спортом в коррекции поведенческих девиаций, развитии коммуникативных навыков и формировании ценностных ориентаций у подростков. Представлены результаты педагогических экспериментов, демонстрирующие положительную динамику физической подготовленности, коммуникативного потенциала и снижение уровня дисциплинарных нарушений среди воспитанников экспериментальных групп. Делается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования организационно-педагогических форм физкультурно-спортивной деятельности в воспитательных колониях как неотъемлемого компонента пенитенциарной педагогики.

Ключевые слова: несовершеннолетние осуждённые, пенитенциарные учреждения, физическая культура, перевоспитание, воспитательная колония, педагогическая коррекция, уголовно-исполнительная система, ФСИН России.

Введение

Проблема преступности несовершеннолетних остается одной из наиболее острых в современном российском обществе. Подростки в силу возрастных психологических особенностей в наибольшей степени подвержены влиянию социума, и именно в этом возрасте формируются жизненные ориентиры, ценностные установки и модели поведения. Несовершеннолетние осужденные, отбывающие наказание в воспитательных колониях, представляют собой особую социально-педагогическую категорию, характеризующуюся, как правило, низким уровнем физического и психического здоровья, дефицитом коммуникативных навыков, искаженными ценностными ориентациями и устойчивыми поведенческими девиациями.

Физическая культура традиционно рассматривается преимущественно в контексте укрепления здоровья и физического развития. Однако современные исследования свидетельствуют о значительно более широком потенциале физкультурно-спортивной деятельности, которая выступает действенным средством социального воспитания, формирования морально-волевых качеств и коррекции девиантного поведения. Применительно к несовершеннолетним осуждённым физическое воспитание выполняет двойную функцию: с одной стороны, оно компенсирует дефицит двигательной активности, характерный для условий изоляции, с другой – создаёт педагогически организованную среду, в которой происходит перестройка ценностных ориентаций и освоение конструктивных моделей социального взаимодействия [12].

Ключевое значение для организации физического воспитания в учреждениях УИС имеет Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», в котором «физическая подготовка» определяется как процесс, направленный на развитие физических качеств, способностей (в том числе навыков и умений) человека. В свою очередь, статья 110 Уголовно-исполнительного кодекса РФ прямо закрепляет, что в исправительных учреждениях осуществляется нравственное, правовое, трудовое, физическое и иное воспитание осужденных к лишению свободы. Как отмечается в исследованиях, физическое воспитание рассматривается в УИС как одна из основных форм воспитательного воздействия, предусмотренных главой 15 УИК РФ [1]. Важно отметить, что законодатель хотя и не закрепляет прямую обязанность спецконтингента заниматься спортом, но предусматривает это через косвенные мероприятия, в первую очередь – утренние физические зарядки [2].

Научная гипотеза

Педагогическая сущность физического воспитания в условиях воспитательной колонии выходит за рамки сугубо тренировочных задач. Как отмечается в научной литературе, применение средств, форм и методов коррекционного воздействия в ходе приобщения осуждённых к двигательной активности приводит к физическому совершенству, однако этим не исчерпывается. Результатом реализации педагогической модели становится сохранение и укрепление физического здоровья, оптимизация психического состояния и, что принципиально важно, стимулирование стремления к исправлению и перевоспитанию [12].

Эффективность организации процесса физического воспитания в учреждениях исполнения наказания зависит от того, насколько программное сопровождение согласуется с возрастными психофизическими особенностями несовершеннолетних осуждённых, их ценностными ориентациями, интересами и потребностями, а также со спецификой социального статуса занимающихся. Содержание программы физического воспитания формируется с учётом специфики контингента, уровня физической подготовленности и психического состояния воспитанников, наличия материально-технической базы и сохранения положительной связи с программами школьного образования и начального профессионального образования [12].

В системе исправительных учреждений физическое воспитание несовершеннолетних осужденных может осуществляться в нескольких формах: ежедневных утренних физических зарядок, включенных в распорядок дня; уроков физической культуры как составной части учебного процесса; кружковой работы; а также спортивных мероприятий и соревнований.

В качестве инновационного подхода исследователями предлагается внедрение модели физического воспитания, апробированной в Цен-

тре адаптации и реабилитации при Пермской воспитательной колонии ГУФСИН России [1]. Данная модель рассматривается как новая форма организации физического воспитания несовершеннолетних осужденных, учитывающая специфику пенитенциарного учреждения и ориентированная на комплексное решение воспитательных задач [3].

Методы исследования

Программно-методическое обеспечение физического воспитания включает три основных направления воспитательного воздействия: психолого-педагогическое, спортивно-оздоровительное и организационно-методическое [4]. Содержательный компонент программ охватывает легкую атлетику (ходьба, бег, прыжки), гимнастику и ее разновидности, а также спортивные игры – футбол, волейбол, бадминтон, настольный теннис [5]. При этом предпочтение отдается тем видам спорта, которые наиболее доступны в условиях воспитательной колонии: регби, футбол, волейбол, легкая атлетика, гиревой спорт, шашки, настольный теннис и др. [6].

В воспитательных колониях физическое воспитание осуществляется в нескольких взаимодополняющих формах. Первая из них – ежедневная физическая зарядка, включённая в распорядок дня. Эта форма обеспечивает систематичность двигательной активности и формирует привычку к регулярным физическим упражнениям. Вторая форма – учебные занятия по физической культуре как составная часть образовательного процесса. Третья – кружковая работа, позволяющая учитывать индивидуальные интересы и склонности воспитанников [12]. Наконец, четвёртая – спортивно-массовые мероприятия, которые выполняют функцию интеграции всех направлений физического воспитания и создают условия для демонстрации достижений и получения позитивного социального опыта [13].

Исследование отношения подростков, отбывающих наказание в воспитательных колониях, к спортивным занятиям показало, что спорт воспринимается воспитанниками как значимая сфера самореализации и самоутверждения. Спортивные мероприятия, проводимые с участием общественных организаций и известных спортсменов, способствуют повышению мотивации и формированию позитивных жизненных ориентиров [4].

Результаты исследования

Полученные результаты позволяют утверждать, что физическая культура выполняет в процессе перевоспитания несовершеннолетних осужденных комплекс взаимосвязанных функций.

Коррекционно-развивающая функция. Физические упражнения и спортивная деятельность выступают мощным средством коррекции не только физического состояния, но и психоэмоциональной сферы подростков [6]. Многие несовершеннолетние осужденные имеют серьезные проблемы со здоровьем, обусловленные вредными привычками, недостаточной физической активностью и неблагоприятными социальными условиями. Систематические занятия физической культурой позволяют компенсировать эти дефициты, формируя здоровье сберегающие компетенции [4].

Основной целью физического воспитания в воспитательных колониях является содействие исправлению осуждённых через формирование здорового образа жизни, развитие физических качеств и психологической устойчивости [7]. Среди ключевых задач можно выделить:

– укрепление здоровья: регулярные занятия спортом помогают поддерживать физическую форму, повышают иммунитет и общую выносливость организма [3];

– психическая стабилизация: физическая активность снижает уровень стресса и тревожности, улучшает настроение и способствует психическому оздоровлению [8];

– организация досуга: спорт заполняет свободное время подростков конструктивной деятельностью, отвлекая их от негативных мыслей и асоциального поведения [9];

– социализация: командные виды спорта учат взаимодействию, взаимопомощи и соблюдению правил, что важно для будущей адаптации в обществе [3].

Обсуждение

Необходимо отметить, это усиление постреабилитационного сопровождения. Важно, чтобы сформированная в колонии привычка к занятиям спортом сохранялась и после освобождения. Создание системы наставничества, при которой выпускников колоний подключают к спортивным клубам и секциям по месту жительства, является одной из ключевых задач на ближайшую перспективу. Для подростков, находящихся в условиях изоляции, особенно остро стоит проблема коммуникации и взаимодействия с окружающими. Спорт, особенно командные виды, создает естественную среду для отработки навыков общения, сотрудничества, разрешения конфликтов, что критически важно для их последующей ресоциализации. Педагоги и психологи воспитательных колоний, работая в тесном взаимодействии, решают задачу формирования у подростков ценностного отношения к здоровому образу жизни и понимания значимости физической культуры в процессе адаптации и ресоциализации. Исследователи отмечают, что осуждённые нередко имеют скудные представления о значении физического воспитания в развитии человека, поэтому работа с ними должна начинаться с формирования мотивации и просветительских занятий [11].

Физическая культура как средство воспитательного воздействия позитивно воспринимается всеми категориями осужденных. Спортивные занятия дисциплинируют, формируют волевые качества, приучают к соблюдению правил и норм. Проведение спортивных соревнований и спартакиад способствует развитию чувства ответственности, коллективизма и здорового соперничества [4].

Перспективным направлением представляется развитие сотрудничества воспитательных колоний с общественными спортивными организациями. Анализ опыта Архангельской воспитательной колонии показывает, что общественные объединения спортивной направленности могут оказывать содействие в организации спортивных мероприятий, создании постоянно действующих спортивных секций, приобретении спортивного инвентаря и обустройстве спортивных площадок. Примером успешной реализации такого взаимодействия служит проект «Регби за забором», признанный лучшим в России [11].

Заключение

Физическая культура представляет собой не периферийный, а сущностный компонент процесса перевоспитания несовершеннолетних осуждённых. Её педагогический потенциал реализуется через формирование здорового образа жизни, коррекцию психоэмоционального состояния, развитие социальных навыков и морально-волевых качеств, повышение самооценки и построение позитивных жизненных перспектив. Практика воспитательных колоний ФСИН России демонстрирует системный подход к организации физкультурно-спортивной работы, включающей ежедневную зарядку, учебные занятия, кружковую деятельность и масштабные спортивно-массовые мероприятия, среди которых центральное место занимает Всероссийская спартакиада несовершеннолетних осуждённых [7].

Систематические занятия физической культурой и спортом способствуют снижению уровня дисциплинарных нарушений, повышению физической подготовленности и улучшению психоэмоционального состояния воспитанников воспитательных колоний [6]. Эффективность физкультурно-спортивной работы в значительной степени зависит от научно обоснованного методического обеспечения, достаточной материально-технической базы и взаимодействия с общественными спортивными организациями [3].

Спортивно-массовые мероприятия проводятся с целью оказания положительного влияния на физическое и эмоционально-психологическое состояние осужденных, формирования положительных интересов и установок, связанных с ведением здорового образа жизни. Физкультурно-спортивная деятельность оказывает воздействие на развитие социальной активности преимущественно опосредованно, через формирование дисциплины, ответственности и навыков коллективного взаимодействия. Вместе с тем наибольший эффект по осознанному вовлечению осужденных в регулярные занятия физической культурой и спортом дают именно физкультурно-спортивные мероприятия.

Дальнейшее совершенствование системы физического воспитания в воспитательных колониях требует решения задач материально-технического обеспечения, подготовки педагогических кадров, способных работать с девиантными подростками средствами физической культуры, а также развития научных исследований, направленных на разработку и валидацию эффективных педагогических моделей [7]. Ключевым условием успеха является признание физической активности не дополнительной опцией, а обязательным элементом реабилитационного процесса, что согласуется с международными подходами к организации ювенальной юстиции [8].

Эффективность физического воспитания в значительной степени зависит от реализации ряда педагогических условий, обеспечивающих проведение данного вида воспитательной работы с позиции системного, комплексного и дифференцированного подходов. Теоретические выводы исследователей подкрепляются результатами эмпирических исследований, проведенных на базе исправительных учреждений, что подтверждает практическую значимость физической культуры в процессе ресоциализации несовершеннолетних осужденных.

Таким образом, физическое воспитание является неотъемлемым и действенным направлением воспитательной работы с несовершен-

нолетними осуждёнными в воспитательных колониях. Оно способствует укреплению их физического и психического здоровья, организации полезного досуга, формированию позитивных личностных качеств и успешной ресоциализации после освобождения. Дальнейшее совершенствование форм и методов физического воспитания, привлечение общественных организаций и внедрение инновационных спортивных проектов позволят повысить эффективность этой работы и снизить уровень рецидивной преступности среди несовершеннолетних [10].

Литература

1. КонсультантПлюс https://dm-srv-con.fsin.uis:8000/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=541066&dst=1000000001&cacheid=68F39C1B162512DAF2325E514C2E8EAD&mode=splus&rnd=0.3537841220526059#dTalZTVU1bNFuWDT1

2. Гилязов И.Ф. Совершенствование форм организации физического воспитания несовершеннолетних правонарушителей, отбывающих наказание в исправительных учреждениях // Научно-теоретический журнал. – Набережные Челны, 2013.

3. Комиссаров Е.Л., Воробьев А.Н. Физическое воспитание как средство исправления осужденных в местах лишения свободы // CyberLeninka.

4. Семенов Л.А. Исследование отношения к спортивным занятиям подростков, отбывающих наказание в воспитательных колониях // Социальные науки: опыт и проблемы подготовки специалистов социальной работы. – Екатеринбург: РГППУ, 2006. – С. 258–260.

5. Ерегина С.В. Средства физической культуры в воспитании несовершеннолетних осужденных // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. – 2024. – С. 72–74.

6. Казначеев В.А. Роль физической подготовки несовершеннолетних в снижении уровня их преступных наклонностей // Известия Самарского научного центра РАН. – 2021. – Т. 23, № 5. – С. 29–32.

7. Кевля Ф.И. Формирование здорового образа жизни у несовершеннолетних осуждённых в местах лишения свободы / Ф.И. Кевля // Вестник Вологодского института права и экономики ФСИН России. – 2020. – № 3.

8. Зорина Н.С., Царькова Е.Г. Особенности психологической коррекции личности несовершеннолетних осужденных // Евразийский юридический журнал. 2024. № 11(198). С. 494–495.

9. Радченко Е.П. Инновационные методы ресоциализации несовершеннолетних осужденных / Е.П. Радченко, Н.С. Зорина // Евразийский юридический журнал. – 2025. – № 3(202). – С. 497–498.

10. Зорина Н.С. Физическое воспитание как направление воспитательной работы с несовершеннолетними осужденными, отбывающими наказание в воспитательных колониях / Н.С. Зорина // Российский научный вестник. – 2026. – № 6. – С. 423–426.

11. Телеканал «Смотрим» (ВГТРК). Репортаж от 23.05.2024 «Исправлять осуждённых в Архангельской воспитательной колонии решили через жесткий спорт».

12. Пермская воспитательная колония заняла почетное 2 место в XIV Всероссийской Спартакиаде Общества «Динамо» // ГУФСИН России по Пермскому краю. 09.02.2024.

PHYSICAL EDUCATION IN THE PROCESS OF RE-EDUCATION OF JUVENILE CONVICTS

Zorina N.S.
Federal State Institution «Research Institute of the Federal Penitentiary Service»

The article examines the role of physical culture as a means of re-education of juvenile convicts serving sentences in educational colonies. Based on the analysis of empirical studies conducted in institutions of the Russian penal system, the effectiveness of systematic physical education and sports activities in correcting behavioral deviations, developing communication skills and forming value orientations in adolescents is substantiated. The results of pedagogical experiments are presented, demonstrating the positive dynamics of physical fitness, communicative potential and a decrease in the level of disciplinary violations among pupils of experimental groups. The conclusion is made about the need for further improvement of organizational and pedagogical forms of physical culture and sports activities in educational colonies as an integral component of penitentiary pedagogy.

Keywords: juvenile convicts, penitentiary institutions, physical education, re-education, educational colony, pedagogical correction, penal enforcement system, Federal Penitentiary Service of Russia.

References

1. ConsultantPlus https://dm-srv-con.fsin.uis:8000/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=541066&dst=1000000001&cacheid=68F39C1B162512DAF2325E514C2E8EAD&mode=splus&rnd=0.3537841220526059#dTalZTVU1bNFuWDT1

2. Gilyazov I.F. Improving the forms of organizing physical education for juvenile offenders serving their sentences in correctional institutions // Scientific and theoretical journal. – Naberezhnye Chelny, 2013.

3. Komissarov E.L., Vorobyov A.N. Physical education as a means of reforming convicts in places of deprivation of liberty // CyberLeninka..

4. Semenov L.A. A study of attitudes towards sports activities among teenagers serving sentences in educational colonies // Social sciences: experience and problems in training social work specialists. – Yekaterinburg: RSPPU, 2006. – Pp. 258–260.

5. Eregina S.V. The Role of Physical Culture in the Education of Juvenile Convicts // Physical Culture: Upbringing, Education, Training. – 2024. – Pp. 72–74.

6. Kaznacheev V.A. The Role of Physical Training of Minors in Reducing the Level of Their Criminal Tendencies // Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. – 2021. – Vol. 23, № 5. – Pp. 29–32.

7. Kevlya F.I. Formation of a healthy lifestyle among minors convicted in places of deprivation of liberty / F.I. Kevlya // Bulletin of the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia. – 2020. – № 3.

8. Zorina N.S., Tsarkova E.G. Features of psychological correction of the personality of juvenile convicts // Eurasian Law Journal. 2024. № 11(198). pp. 494–495.

9. Radchenko E.P. Innovative methods of resocialization of juvenile convicts / E.P. Radchenko, N.S. Zorina // Eurasian Law Journal. – 2025. – № 3(202). – Pp. 497–498.

10. Zorina N.S. Physical education as a direction of educational work with juvenile convicts serving sentences in educational colonies / N.S. Zorina // Russian Scientific Bulletin. – 2026. – № 6. – pp. 423–426.

11. TV channel «We are watching» (VGTRK). Report dated 23.05.2024: «They decided to reform convicts in the Arkhangelsk educational colony through tough sports.»

12. The Perm educational colony took an honorable 2nd place in the 14th All-Russian Spartakiad of the Dynamo Society // Main Directorate of the Federal Penitentiary Service of Russia for the Perm Territory. 09.02.2024.

Влияние цифровой трансформации налогового администрирования на выявление и доказывание налоговых преступлений

Королев Александр Германович,
аспирант, Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого

Предметом исследования являются организационно-правовые механизмы использования цифровых ресурсов ФНС России в процессе выявления и расследования налоговых преступлений. Цель работы заключается в анализе влияния автоматизированных систем налогового контроля на формирование доказательственной базы и трансформацию методов противодействия уклонению от уплаты налогов. Методология включает системно-структурный анализ, формально-юридический метод, а также общенаучные методы познания. Выявлены ключевые направления цифровизации налогового администрирования, определены возможности и ограничения использования данных АСК НДС-2 и АИС «Налог-3» в уголовном судопроизводстве, а также предложены меры по совершенствованию межведомственного взаимодействия. Автоматизация налогового контроля смещает парадигму доказывания с последующего анализа документации на оперативное использование цифровых массивов, что требует новых процессуальных подходов. Возможным решением является создание единого межведомственного аналитического блока, аккумулирующего данные ФНС, МВД, СК, Росфинмониторинга и банковской системы. В ином случае, обмен данными может осуществляться в ускоренном порядке, правовая основа для которого фактически предусмотрена частью 3 статьи 82 НК РФ.

Ключевые слова: цифровизация налогового контроля, налоговые преступления, доказательства, АСК НДС-2, АИС «Налог-3», уголовное судопроизводство, уклонение от уплаты налогов, межведомственное взаимодействие, информационные ресурсы ФНС, автоматизированные системы.

Стремительная цифровизация налоговой сферы в Российской Федерации знаменует собой переход от традиционных, зачастую фрагментарных методов контроля к целостной системе автоматизированного надзора, что, как представляется, коренным образом меняет парадигму выявления и расследования преступлений в сфере налогообложения.

Актуальность темы обусловлена тем, что внедрение интеллектуальных алгоритмов в деятельность ФНС России позволяет нивелировать ключевые сложности, традиционно возникавшие у следственных органов при доказывании умысла на уклонение от уплаты налогов и установлении объективной картины финансово-хозяйственной деятельности. Если ранее доказательственная база строилась преимущественно на последующем анализе изъятой бухгалтерской документации и свидетельских показаниях, то теперь цифровые массивы данных, аккумулируемые налоговыми органами в режиме реального времени, предоставляют правоохранительной системе необходимую информацию.

Автоматизация аналитических процессов существенно повышает эффективность реализации принципа неотвратимости наказания. В контексте уголовного права и уголовно-исполнительного права принцип неотвратимости наказания С.В. Шевелева и В.А. Можайкина понимают следующим образом: «каждое назначенное судом наказание должно быть надлежащим образом исполнено»[1]. В свою очередь при анализе принципа неотвратимости ответственности в уголовном процессе, Д.А. Степаненко и Л.И. Лавдаренко справедливо замечают, что «в аспекте экономической выгоды континентальная модель процесса с ее идеями поиска истины и справедливости, принципами всестороннего, полного, объективного исследования обстоятельств дела и неотвратимости уголовной ответственности явно уступает англосаксонской правовой системе, проникнутой прагматизмом и целесообразностью»[2].

Представляется, что такая целесообразность не противоречит неотвратимости наказания, вывод авторов справедлив только для уголовной ответственности, которая реализуется в виде лишения свободы или других мер ответственности, связанных с ограничениями подобного рода.

Экономические санкции, как правило, характерные в российской правовой системе для налоговых преступлений как раз свидетельствуют о том, что целесообразность мер уголовной ответственности учитывается и ставится в зависимость от вида преступлений, но такая тенденция является относительно новой.

В противодействии налоговой преступности, смещение акцента с реактивного реагирования на проактивное выявление рисков особенно важно в условиях усложняющихся способов уклонения от налогообложения с использованием трансграничных операций и фиктивных контрагентов. Трансформация взаимодействия должностных лиц следственных и налоговых органов в этой связи приобретает характер оперативного обмена аналитически обработанной информацией, готовой к использованию в рамках уголовного судопроизводства. Данный аспект и другие моменты цифровой трансформации налогового администрирования во взаимосвязи с уголовной ответственностью представляют научный интерес, характеризующийся своей междисциплинарностью, так как затрагивает как юридические, так и экономические науки.

Ключевыми элементами цифрового контура, обеспечивающими качественно новый уровень доказательственного обеспечения, выступают автоматизированные системы контроля, среди которых центральное место занимают АСК НДС-2 и АИС «Налог-3».

Программный комплекс АСК НДС-2, функционирующий на основе сопоставления данных книг покупок и продаж всех налогоплательщиков страны, реализует принцип зеркального отражения хозяйственных операций, что позволяет в автоматическом режиме выявлять несоот-

[1] Шевелева С.В. Принцип неотвратимости наказания в уголовно-исполнительном праве: от декларирования к возможности реализации / С.В. Шевелева, В.А. Можайкина // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2021. – № 54. – С. 723.

[2] Степаненко Д.А. К вопросу о векторе развития российского уголовного судопроизводства / Д.А. Степаненко, Л.И. Лавдаренко // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – Т. 11, № 2. – С. 392.

ветствия, свидетельствующие о потенциальном формировании фиктивных вычетов по НДС.

Ценность данной системы для формирования доказательственной базы по уголовным делам заключается в ее способности визуализировать и документально фиксировать разрывы в цепочках движения товарно-денежных потоков, выстраивая графы связей между участниками схем, что фактически является цифровым протоколом преступной деятельности.

В свою очередь, АИС «Налог-3» представляет собой интеграционную платформу, объединяющую все сведения о налогоплательщике (от данных о банковских счетах и имуществе до сведений таможенных органов и ЗАГС, обеспечивая комплексный портрет субъекта экономической деятельности).

Данная система позволяет уполномоченным должностным лицам органов следствия использовать встроенные аналитические модули для выявления признаков сокрытия активов, установления аффилированности и взаимозависимости лиц, а также реконструкции реальных финансовых потоков в обход сомнительных контрагентов.

Автоматическое выявление расхождений в цепочках деклараций не всегда означает одномоментное установление всей схемы преступления. В отличие от простых «разрывов», сложные расхождения могут формироваться в декларациях поставщиков второго и последующих уровней, что требует, как правило, проведения оперативно-розыскных мероприятий для определения конечного выгодоприобретателя. Установление IP-адресов, использованных для подачи отчетности или управления расчетным счетом, становится важнейшим элементом доказывания фактической причастности лица к управлению фиктивной организацией, особенно когда злоумышленники используют анонимные сети или прокси-серверы для сокрытия своего местонахождения[1].

В этой связи следует отметить, что ценность информации, извлекаемой из АСК НДС-2 и АИС «Налог-3», заключается в возможности ее использования для проактивного выявления преступных схем еще на стадии камерального контроля. С.А. Веселкина считает, что именно «технологическое совершенствование механизмов контроля способно оказывать более существенное сдерживающее воздействие на преступность, чем изменение фискальной нагрузки»[2]. Внедрение АСК НДС-2 кардинально изменило «экономику правонарушений и преступлений», так как система, сопоставляя данные всех счетов-фактур в стране, практически уничтожила информационную асимметрию между налоговым органом и налогоплательщиком, сделав массовые схемы с «бумажным НДС» экономически бессмысленными

Информационные ресурсы ФНС России обладают значительным потенциалом для выявления и доказывания преступлений, предусмотренных статьями 198, 199, 199.1 и 199.2 УК РФ, каждая из которых требует специфического подхода к собиранию доказательств, однако все они объединены бланкетным характером диспозиций и зависимостью от данных налогового учета.

При расследовании уклонения от уплаты налогов физическим лицом (ст. 198 УК РФ) или организацией (ст. 199 УК РФ), совершаемого, как правило, путем включения в декларации заведомо ложных сведений, данные АСК НДС-2 становятся отправной точкой для доказывания не только объективной стороны, но и умысла, поскольку автоматически выявленные несоответствия между сданной отчетностью и реальными операциями контрагентов опровергают версии о добросовестном заблуждении или технической ошибке.

В соответствии с Положением об АИС «Налог-3», утвержденным приказом ФНС России от 14.03.2016 № ММВ-7–12/134@, система обеспечивает «формирование единого информационного массива и подключение налоговых органов к новым внешним источникам информации», а также «создание единого и достоверного ресурса, содержащего всю информацию по конкретному налогоплательщику («досье» налогоплательщика), в том числе сведения, позволяющие своевременно выявлять признаки ухода от уплаты налогов». При этом централизованная архитектура системы позволяет осуществлять «автоматизированную проверку данных о налогоплательщике по данным, содержащимся в АИС «Налог-3», и немедленное уведомление инспектора о возможных нарушениях законодательства».

Для расследования уголовных дел о преступлениях, связанных с неисполнением обязанностей налогового агента (ст. 199.1 УК РФ), значение приобретают сведения АИС «Налог-3» о начисленной и удержанной, но не перечисленной в бюджет сумме НДФЛ. Данная информация позволяет увидеть объективную картину умысла, направленного на противоправное удержание средств в обороте предприятия.

Вместе с тем, как показывает анализ правоприменительной практики, цифровизация налогового контроля породила и новые вызовы. По справедливому замечанию С.А. Веселкиной, «успех в борьбе с массовыми схемами уклонения от НДС не означает полной победы над налоговой преступностью. Напротив, он спровоцировал ее качественную трансформацию»[3]. Преступные схемы сместились из зоны высокого контроля (НДС) в сферы с сохраняющейся информационной асимметрией, налог на прибыль (через трансфертное ценообразование и нематериальные активы), а также в сферу цифровых активов (криптовалюты). Это требует от следственных органов не только использования данных АИС «Налог-3», но и выработки новых методик доказывания, учитывающих усложнение способов сокрытия доходов

Таким образом, автоматизированные системы ФНС не просто фиксируют следы преступлений, но и предоставляют следствию структурированную информацию, которая в сочетании с классическими процессуальными действиями формирует неопровержимую доказательственную базу, минимизируя риски переквалификации деяний на налоговые правонарушения из-за недоказанности субъективной стороны.

Важно подчеркнуть, что эффективность использования цифровых ресурсов ФНС в уголовном судопроизводстве напрямую зависит от качества межведомственного взаимодействия. Как отмечается в совместных документах ФНС России и МВД России, «оперативный обмен информацией ограниченного доступа позволит на более раннем этапе раскрывать или предотвращать налоговые правонарушения (преступления)». Однако на практике сохраняется ряд проблем, таких как «разобщенность всех служб и отсутствие единой системы данных», а также опасения «утечки» информации при направлении запросов[4]. Перспективным направлением решения этой проблемы является создание единого правоохранительного блока, в котором сосредоточилась бы вся система от выявления преступления до его направления в суд.

Эффективность выявления налоговых преступлений зависит от возможности проводить анализ и устанавливать связи организации на ранней стадии, функции, которые налоговые органы уже реализуют в рамках АИС «Налог-3», но которые пока недоступны правоохранителям в оперативном режиме. Результаты налогового мониторинга, генерируемые автоматизированными системами ФНС России, служат для предварительного расследования ориентиром, меняющим подход к выявлению и доказыванию преступлений. Автоматизированные системы, такие как АСК «НДС-2» и АИС «Налог-3», позволяют визуализировать саму структуру преступной схемы, выстраивая графы связей между участниками и указывая следователю направление для дальнейших действий. Выявленные системой несоответствия между отчетностью и реальными операциями контрагентов опровергают типичные версии защиты о «добросовестном заблуждении», помогая доказывать умысел, а анализ IP-адресов и движения средств позволяет установить фактическую причастность конкретных лиц к управлению фиктивными организациями, что делает материалы налогового контроля отправной точкой для построения всех дальнейших следственных версий.

Переход аналитических данных из систем ФНС в доказательства представляет собой строго регламентированный процессуальный путь, требующий их надлежащей «легализации». В соответствии с пунктом 6 части 2 статьи 74 УПК РФ, результаты налогового контроля, оформленные в виде актов, справок или заключений, приобретают статус «иных документов» и могут быть приобщены к материалам уголовного дела в качестве письменных доказательств, которые в дальнейшем оцениваются судом и следствием наряду с другими материалами.

Информация, извлекаемая из АСК НДС-2 и АИС «Налог-3» (графы связей, данные о движении средств по счетам, результаты автоматического сопоставления книг покупок и продаж), должна получить процессуальный статус. Материалы налогового мониторинга могут служить непосредственным поводом для возбуждения уголовного дела, особенно в случаях, когда налогоплательщик не погасил доначисленные суммы в установленный срок, что обязывает налоговый орган

[1] Скороделова Е.И. Выявление налоговых преступлений в условиях цифровизации // Известия ТулГ У. Экономические и юридические науки. 2025. № 2. С. 81–87.

[2] Веселкина С.А. Взаимосвязь налогового бремени и уровня преступности в сфере налогообложения: роль административного контроля / С.А. Веселкина // Вестник экономической безопасности. – 2025. – № 5. – С. 149.

[3] Веселкина С.А. Взаимосвязь налогового бремени и уровня преступности в сфере налогообложения: роль административного контроля / С.А. Веселкина // Вестник экономической безопасности. – 2025. – № 5. – С. 153–154.

[4] Веселкина, С.А. Взаимодействие налоговых органов и органов внутренних дел в целях пресечения налоговых преступлений / С.А. Веселкина // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 6. – С. 276–279.; Малахов С.А. К вопросу о взаимодействии налоговых органов и органов внутренних дел при противодействии налоговым правонарушениям / С.А. Малахов, Г.А. Куликова // Вызовы цифровой экономики: кадры для региона: Сборник статей VII Всероссийской научно-практической конференции, Брянск, 12 декабря 2023 года. – Брянск: Брянский государственный инженерно-технологический университет, 2023. – С. 147–150.

направить материалы проверки в следственные органы. Таким образом, цифровые ресурсы ФНС формируют надёжную процессуальную основу для её использования в рамках уголовного судопроизводства.

Перспективным решением является создание единого межведомственного аналитического блока, аккумулирующего данные ФНС, МВД, СК, Росфинмониторинга и банковской системы, с использованием искусственного интеллекта для выявления аномальных цепочек хозяйственных связей. В ином случае, обмен данными может осуществляться в ускоренном порядке, правовая основа для которого фактически предусмотрена частью 3 статьи 82 НК РФ.

Литература

1. Веселкина С.А. Взаимодействие налоговых органов и органов внутренних дел в целях пресечения налоговых преступлений / С.А. Веселкина // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 6. – С. 276–279.
2. Веселкина С.А. Взаимосвязь налогового бремени и уровня преступности в сфере налогообложения: роль административного контроля / С.А. Веселкина // Вестник экономической безопасности. – 2025. – № 5. – С. 149–157.
3. Малахов С.А. К вопросу о взаимодействии налоговых органов и органов внутренних дел при противодействии налоговым правонарушениям / С.А. Малахов, Г.А. Куликова // Вызовы цифровой экономики: кадры для региона: Сборник статей VII Всероссийской научно-практической конференции, Брянск, 12 декабря 2023 года. – Брянск: Брянский государственный инженерно-технологический университет, 2023. – С. 147–150.
4. Скороделова Е.И. Выявление налоговых преступлений в условиях цифровизации // Известия ТулГ У. Экономические и юридические науки. 2025. № 2. С. 81–87.
5. Степаненко Д.А. К вопросу о векторе развития российского уголовного судопроизводства / Д.А. Степаненко, Л.И. Лавдаренко // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – Т. 11, № 2. – С. 388–397.
6. Шевелева С.В. Принцип неотвратимости наказания в уголовно-исполнительном праве: от декларирования к возможности реализации / С.В. Шевелева, В.А. Можайкина // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2021. – № 54. – С. 722–753.
7. Терехов М.Г. Правовая оценка цифровых доказательств в производстве по делам об административных правонарушениях / М.Г. Терехов // Теория и практика эффективности государственного и муниципального управления: Сборник научных статей 7-й Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Курск, 12 мая 2025 года. – Курск: Закрытое акционерное общество «Университетская книга», 2025. – С. 229–231.

ANALYSIS OF THE DIGITAL TRANSFORMATION OF TAX ADMINISTRATION FOR THE DETECTION AND PROOF OF TAX OFFENSES

Korolev A.G.
Yaroslav the Wise Novgorod State University

The subject of this study is the organizational and legal mechanisms for using the digital resources of the Federal Tax Service of Russia in the detection and investigation of tax crimes. The objective of the work is to analyze the impact of automated tax control systems on the formation of an evidentiary base and the transformation of methods for combating tax evasion. The methodology includes systemic-structural analysis, a formal legal approach, and general scientific methods of inquiry. Key areas of digitalization in tax administration are identified, the potential and limitations of using data from the ASC VAT-2 and AIS «Tax-3» in criminal proceedings are determined, and measures to improve interagency cooperation are proposed. Automation of tax control shifts the evidentiary paradigm from subsequent analysis of documentation to the operational use of digital arrays, which requires new procedural approaches. A possible solution is the creation of a unified interagency analytical unit accumulating data from the Federal Tax Service, the Ministry of Internal Affairs, the Investigative Committee, Rosfinmonitoring, and the banking system. Otherwise, the exchange of data may be carried out in an expedited manner, the legal basis for which is actually provided for in Part 3 of Article 82 of the Tax Code of the Russian Federation.

Keywords: digitalization of tax control, tax crimes, evidence, ASC VAT-2, AIS «Tax-3», criminal proceedings, tax evasion, interagency cooperation, Federal Tax Service information resources, automated systems.

References

1. Veselkina S.A. Interaction between tax authorities and internal affairs bodies for the purpose of suppressing tax crimes / S.A. Veselkina // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2022. – № 6. – Pp. 276–279.
2. Veselkina S.A. The relationship between the tax burden and the level of crime in the field of taxation: the role of administrative control / S.A. Veselkina // Bulletin of Economic Security. – 2025. – № 5. – Pp. 149–157.
3. Malakhov S.A. On the issue of interaction between tax authorities and internal affairs bodies in countering tax offenses / S.A. Malakhov, G.A. Kulikova // Challenges of the Digital Economy: Personnel for the Region: Collection of Articles of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference, Bryansk, December 12, 2023. – Bryansk: Bryansk State University of Engineering and Technology, 2023. – Pp. 147–150.
4. Skorodelova E.I. Detection of Tax Crimes in the Context of Digitalization // Izvestia of Tula State University. Economic and Legal Sciences. 2025. № 2. Pp. 81–87.
5. Stepanenko D.A. On the Issue of the Development Vector of Russian Criminal Procedure / D.A. Stepanenko, L.I. Lavdarenko // All-Russian Criminology Journal. – 2017. – Vol. 11, № 2. – Pp. 388–397.
6. Sheveleva S.V. The principle of the inevitability of punishment in penal law: from declaration to the possibility of implementation / S.V. Sheveleva, V.A. Mozhaikina // Bulletin of Perm University. Legal Sciences. – 2021. – № 54. – Pp. 722–753.
7. Terekhov M.G. Legal Assessment of Digital Evidence in Proceedings on Administrative Offenses / M.G. Terekhov // Theory and Practice of the Effectiveness of State and Municipal Management: Collection of Scientific Articles of the 7th All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation, Kursk, May 12, 2025. – Kursk: Closed Joint-Stock Company «Universitetskaya Kniga», 2025. – Pp. 229–231.

Правовой режим конвертации цифровых прав и токенов в доли (акции) хозяйственных обществ

Мутьянов Денис Юрьевич,
аспирант, Институт права и национальной безопасности, РАНХиГС
E-mail: dmutyanov-20@edu.ranepa.ru

Статья посвящена анализу правового режима конвертации цифровых прав и токенов в доли и акции, представляющей собой одно из наиболее динамично развивающихся направлений сопряжения блокчейн-технологий и корпоративного права. Актуальность избранной темы детерминирована становлением в отечественном законодательстве комплексной системы регулирования цифровых прав, в частности введением в Гражданский кодекс Российской Федерации главы 3.1 «Цифровые права», а также принятием Федерального закона «О цифровых финансовых активах и цифровой валюте». При том, что цифровые права признаются разновидностью имущественных прав, их соотношение с традиционными корпоративными инструментами, в первую очередь с акциями и долями участия, по-прежнему остается недостаточно урегулированным.

В работе исследуется юридическая природа токена как цифрового способа фиксации имущественных прав, которому присущ многофункциональный характер: от идентификации управомоченного лица до выполнения функции цифрового аналога бездокументарных ценных бумаг. Особый акцент сделан на проблеме квалификации токенизированных акций и долей в контексте действующего корпоративного законодательства. Подвергается анализу допустимость моделирования «цифровых акций» и «цифровых долей» в качестве объектов, способных к конвертации в традиционные корпоративные права.

Рассматриваются законодательные новеллы, связанные с учреждением института цифрового депозитария, призванного обеспечить учет и переход прав на цифровые активы по аналогии с учетной инфраструктурой рынка ценных бумаг.

Ключевые слова: цифровые права, токен, токенизация, цифровые финансовые активы, бездокументарные ценные бумаги, защита корпоративных прав, блокчейн, распределенный реестр.

Экспансия цифровых технологий в сферу корпоративного права влечет трансформацию традиционных форм существования и оборота корпоративных прав. Введение в 2019 году в Гражданский кодекс Российской Федерации статьи 141.1, определившей цифровые права как «имущественные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам», заложило нормативную предпосылку для последующего регулирования[1]. Принятие Федерального закона «О цифровых финансовых активах и цифровой валюте» дополнило эту предпосылку механизмами выпуска и обращения цифровых прав. Тем не менее соотношение цифровых прав с акциями и долями участия – основными инструментами корпоративного права не получило ни законодательного разрешения, ни сколько-нибудь завершенной доктринальной разработки[2].

Одним из ключевых достижений научно-технического прогресса является появление и развитие цифровых технологий, а также их внедрение в общественные и экономические отношения. Право как один из регуляторов общественных отношений также подлежит изменению и совершенствованию в целях «удовлетворения» потребностей общества в соответствующем правовом регулировании. Ряд ученых, (например, Р.Б. Головкин, О.А. Городов, Н.А. Петраков, А.В. Тумаков и другие) исследуя тенденцию постепенной цифровизации права (придание цифровой «формы» правоотношениям, реструктуризация объектов гражданского права, формирование «цифровых» правовых механизмов защиты и осуществления субъективных прав и т.д.), выделяют цифровые правоотношения как особый вид гражданских правоотношений[3].

В сравнительно-правовой перспективе российский регуляторный подход может быть охарактеризован как «параллельная модель»: цифровые финансовые активы (ЦФА) эмитируются и обращаются в специализированных информационных системах, образуя относительно автономный правовой режим по отношению к традиционному рынку ценных бумаг. Подобная модель снижает издержки эмиссии, однако на постэмиссионном этапе обнаруживает структурные ограничения, например недостаточную интеграцию с рынком ценных бумаг, ограниченную ликвидность и сложности подтверждения корпоративных прав[4].

Для сравнения: «интеграционная модель», применяемая в Сингапуре и Объединенных Арабских Эмиратах, предъявляет более высокие требования к эмиссии токенизированных инструментов, но обеспечивает большую предсказуемость и совместимость с рыночной инфраструктурой. Настоящая работа обращается к проблематике конвертации цифровых прав и токенов в доли (акции) именно на этом сравнительно-правовом фоне[5].

Постижение механизма конвертации цифровых прав в доли (акции) предполагает предварительное определение нормативной природы токена. В российской доктрине сложился ряд позиций по данному вопросу. Л.Ю. Василевская рассматривает токен в качестве «цифрового способа фиксации имущественных прав», уподобляя его по юридической природе германской конструкции «ценностных прав» – имущественных прав, объектом которых не выступает телесная вещь. Подобная квалификация имеет принципиальное значение, ибо выводит токен за пределы категории «вещи», что позволяет избежать механического распространения на цифровые активы вещно-правовых норм.

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

[2] Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31. – Ст. 4847.

[3] Карцхия А.А. Цифровые права и правоприменение // Мониторинг правоприменения. 2019. № 2 (31). С. 43–46.

[4] Барташевич Ю.А. Тенденции развития правового регулирования эмиссии ценных бумаг в условиях цифровизации финансового рынка // Право и управление. 2026. № 3.

[5] Гончарова М.В., Гончаров А.И. Модернизация инвестиционной технологии выпуска и оборота цифровых финансовых активов / М.В. Гончарова, А.И. Гончаров // AlterEconomics. – 2023. – Т. 20. № 3. – С. 570–602.

В более конкретном выражении токен выполняет в информационной системе целый ряд функций. Согласно систематизации, предложенной Л.Ю. Василевской, к их числу относятся: идентификация управомоченного лица; функция цифровой единицы доли участия в коммерческом проекте или строительстве; функция цифровой единицы остатка имущественных активов юридического лица; функция цифрового аналога бездокументарных ценных бумаг; функция цифровой формы исполнения денежного обязательства; функция цифрового платежного средства[1]. Подобная многофункциональность превращает токен в гибкий цифровой (в первую очередь финансовый) инструмент, позволяющий участникам гражданского оборота совершать «сделки» в информационном пространстве.

С точки зрения корпоративного права центральное значение приобретает четвертая из перечисленных функций: цифровой аналог бездокументарных ценных бумаг. Именно конструкция бездокументарной ценной бумаги фактически послужила «прототипом» для норм о цифровых правах. Оба института обнаруживают сходство по ряду ключевых признаков: и тот и другой существуют в форме электронной записи, обращаются в специальной информационной системе, а принадлежность прав подтверждается записью по счету. Вместе с тем между ними имеется и нормативно значимое различие: бездокументарные ценные бумаги обращаются исключительно в информационных системах, подконтрольных специальному регулятору, тогда как цифровые права (за отдельными изъятиями) могут существовать в информационных системах, отвечающих установленным законом требованиям, причем число таких систем законодательно не ограничено. Это различие сообщает цифровым правам большую технологическую нейтральность, но одновременно порождает новые требования к подтверждению и защите корпоративных прав[2].

Федеральный закон от 4 августа 2026 года № 282-ФЗ[3] заложил нормативную основу депозитарного учета цифровых прав. Закон ввел понятие «цифрового депозитария» и установил правила открытия и ведения цифровых счетов. С точки зрения логики институционального проектирования функция цифрового депозитария аналогична роли номинального держателя в традиционной депозитарной системе: его задача состоит в фиксации принадлежности прав, обработке распоряжений о переходе прав и совершении операций, связанных с правами.

Согласно положениям закона № 282-ФЗ, обременения и ограничения прав на цифровом счете возникают с момента внесения соответствующей записи (если федеральным законом не установлено иное). Данное правило структурно воспроизводит юридическую логику счета депо и банковского счета: запись по счету становится противопоставимым идентификатором состояния прав. Кроме того, статья 32 указанного закона допускает совершение иностранными номинальными держателями и иностранными организациями, уполномоченными в силу личного закона вести учет и оборот цифровых прав, действий по распоряжению цифровыми правами «без доверенности» на основании полученных указаний. Это создает определенные возможности для трансграничного оборота цифровых прав, однако результативность данной нормы зависит от признания российских цифровых депозитарных счетов иностранным правопорядком[4].

Значение института цифрового депозитария для конвертации долей (акций) состоит в том, что он формирует возможный институциональный интерфейс между «правами в цепи» и «корпоративным правом вне цепи». Если цифровой депозитарий сможет быть признан корпоративно-правовой системой в качестве надлежащего субъекта подтверждения прав аналогично той роли, которую сегодня играет депозитарий в системе бездокументарных ценных бумаг, держатели токенизированных акций или долей получат возможность приобретать правосубъектность для осуществления корпоративных прав через депозитарную запись[5]. Однако действующее законодательство пока не завершает этот шаг «институционального признания»: правовое положение цифрового депозитария в значении ценных бумаг остается неопределенным, а корпоративно-правовая сила его записей нуждается в специальном законодательном подтверждении.

Защита цифровых прав сопряжена с рядом специфических трудностей. В первую очередь речь идет о выборе способа защиты прав. Гражданский кодекс РФ и Закон о цифровых финансовых активах не предусматривают специальных средств защиты цифровых прав; теоретически применимы общие способы защиты иных имущественных прав, включая признание сделки недействительной и реституцию, а также истребование по аналогии с правилами о бездокументарных ценных бумагах. Однако традиционные средства в блокчейн-среде сталкиваются с существенными технологическими препятствиями[6].

Наиболее фундаментальное препятствие проистекает из технических свойств блокчейн-записи: распределенный реестр, как правило, не допускает изменения подтвержденных транзакций. Для определенности прав и защиты от подделки это свойство является преимуществом, однако в ситуациях, требующих «исправления» принадлежности прав (мошенничество, ошибка, распоряжение неуправомоченного лица), оно превращается в препятствие. Виндикационный иск здесь трудно применим, поскольку цифровое право не является «вещью» и не может выступать объектом иска о возврате владения. Даже модель защиты, заимствованная у бездокументарных ценных бумаг, сталкивается с трудностями: «возврат» бездокументарной ценной бумаги может быть осуществлен посредством операции по счету депо, тогда как запись о «переходе» права в чисто блокчейн-среде, будучи однажды внесенной, с трудом поддается отмене посредством централизованной операции.

Во-вторых, требования о возмещении убытков или о возврате неосновательного обогащения упираются в проблему идентификации пользователя. Особенности работы блокчейна затрудняет установление действительной личности «управомоченного лица» в информационной системе, что напрямую влияет на определение ответчика в процессе и распределение ответственности. В сценариях токенизации долей (акций) эта проблема усугубляется корпоративно-правовым измерением: если неуправомоченное лицо передало токенизированную долю добросовестному приобретателю, возможность восстановления прав первоначального управомоченного лица существенно снижается в силу «окончательности» блокчейн-записи[7].

Наконец, в механизм защиты необходимо включить фактор «смарт-контракта». Пункт 3 статьи 27 закона № 282-ФЗ допускает изменение записи цифрового счета на основании «сделки», которая «предусматривает исполнение возникших из нее обязательств сторонами при наступлении определенных обстоятельств с помощью информационных технологий без отдельно выраженного дополнительного волеизъявления». Данное определение функционально указывает на автоматизированные договорные конструкции. Когда такие механизмы автоматического исполнения применяются к конвертации долей (акций), их правовые последствия, особенно в случаях дефектов исполнения или недействительности базового правоотношения остаются предметом, требующим разъяснения со стороны судебной практики.

Правовой режим конвертации цифровых прав и токенов в доли акций имеет своим ядром проблему сопряжения «прав в цепи» и «корпоративно-правового статуса». Российское законодательство, опираясь на статью 141.1 ГК РФ, Закон о цифровых финансовых активах и закон № 282-ФЗ, сформировало первоначальные рамки оборота и депозитарного учета цифровых прав, однако приобретение, подтверждение и осуществление корпоративных прав по-прежнему подчиняются процедурным требованиям традиционного корпоративного права. Токен способен функционально нести экономические корпоративные права, но не способен автоматически преобразоваться в корпоративно-правовой статус акционера или участника.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что действующее регулирование носит рамочный характер, а его дальнейшее применение зависит от построения специальных механизмов. К числу таких механизмов следует отнести: правила, подтверждающие корпоративно-правовую силу записей цифрового депозитария; конкретные процедуры осуществления токенизированных корпоративных прав (голосование, получение дивидендов, доступ к информации); а также практически осуществимые способы защиты цифровых прав в условиях технологии распределенного реестра – способы, выходящие за пределы технических предпосылок традиционного вещного права и вырабатывающие новые средства пра-

[1] Василевская Л.Ю. «Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права» // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 5 (102). – С. 111–119.

[2] Гузнов А., Михеева Л., Новоселова Л. [и др.] Цифровые активы в системе объектов гражданских прав // Закон. 2018. № 5. С. 16–30.

[3] Федеральный закон от 04.08.2026 N 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах» // «Собрание законодательства РФ», 10.08.2026, N 32, ст. 4479.

[4] Митрофанов А.М., Муравьев Н.С., Покаместов И.Е. Цифровые финансовые активы на финансовом рынке Российской Федерации / А.М. Митрофанов, Н.С. Муравьев, И.Е. Покаместов // Вестник евразийской науки. – 2024. – Т. 16. № s1. – С. 1–9.

[5] Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г. Цифровые финансовые активы: проблемы и перспективы правового регулирования / Т.Э. Рождественская, А.Г. Гузнов // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. № 6 (115). – С. 43–54.

[6] Грачев Е.С. Диссертация «Акции в цифровой форме как объект гражданских прав (сравнительно-правовой анализ по праву России и Германии)» – автореферат, УлГУ, 2025 г.

[7] Белоусов А.Л. Формирование системы правового регулирования оборота криптовалют в Российской Федерации // Юрист. 2026. № 02. С. 7–11.

вовой защиты, адекватные напряжению между «окончательностью записи» и «потребностью в исправлении прав». Вопрос о том, как достичь баланса между цифровыми инновациями в корпоративном обороте и защитой законных интересов субъектов гражданского права, остается общей задачей законодателя и судебной практики.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

2. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31. – Ст. 4847.

3. Федеральный закон от 04.08.2026 N 282-ФЗ «О цифровых валютах и цифровых правах» // «Собрание законодательства РФ», 10.08.2026, N 32, ст. 4479.

4. Барташевич Ю.А. Тенденции развития правового регулирования эмиссии ценных бумаг в условиях цифровизации финансового рынка // Право и управление. 2026. № 3.

5. Белоусов А.Л. Формирование системы правового регулирования оборота криптовалют в Российской Федерации // Юрист. 2026. № 02. С. 7–11.

6. Василевская Л. Ю. «Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права» // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 5 (102). – С. 111–119.

7. Гончарова М.В., Гончаров А.И. Модернизация инвестиционной технологии выпуска и оборота цифровых финансовых активов / М.В. Гончарова, А.И. Гончаров // AlterEconomics. – 2023. – Т. 20. № 3. – С. 570–602

8. Грачев Е.С. Диссертация «Акции в цифровой форме как объект гражданских прав (сравнительно-правовой анализ по праву России и Германии)» – автореферат, УлГУ, 2025 г.

9. Гузнов А., Михеева Л., Новоселова Л. [и др.] Цифровые активы в системе объектов гражданских прав // Закон. 2018. № 5. С. 16–30.

10. Карцхия А.А. Цифровые права и правоприменение // Мониторинг правоприменения. 2019. № 2 (31). С. 43–46.

11. Митрофанов А.М., Муравьев Н.С., Покаместов И.Е. Цифровые финансовые активы на финансовом рынке Российской Федерации / А.М. Митрофанов, Н.С. Муравьев, И.Е. Покаместов // Вестник евразийской науки. – 2024. – Т. 16. № s1. – С. 1–9.

12. Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г. Цифровые финансовые активы: проблемы и перспективы правового регулирования / Т.Э. Рождественская, А.Г. Гузнов // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. № 6 (115). – С. 43–54.

LEGAL FRAMEWORK FOR THE CONVERSION OF DIGITAL RIGHTS AND TOKENS INTO SHARES (EQUITY INTERESTS) IN BUSINESS COMPANIES

Mutyanov D.Yu.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

This article examines the legal framework governing the conversion of digital rights and tokens into equity interests and shares, one of the most dynamically developing areas at the intersection of blockchain technologies and corporate law. The relevance of the chosen topic is determined by the emergence in Russian legislation of a comprehensive system for regulating digital rights, including the introduction of Chapter 3.1, «Digital Rights,» into the Civil Code of the Russian Federation, as well as the adoption of the Federal Law «On Digital Financial Assets and Digital Currency.» Although digital rights are recognized as a type of property right, their relationship with traditional corporate instruments, primarily shares and equity interests in limited liability companies, remains insufficiently regulated.

The article examines the legal nature of a token as a digital means of recording property rights, characterized by its multifunctional nature, ranging from the identification of the person entitled to exercise the relevant right to functioning as a digital analogue of uncertificated securities. Particular attention is paid to the legal qualification of tokenized shares and equity interests in the context of existing corporate legislation. The possibility of structuring «digital shares» and «digital equity interests» as legal objects capable of being converted into traditional corporate rights is also analyzed.

The article further considers recent legislative developments related to the establishment of the institution of a digital depositary, intended to ensure the recording and transfer of rights to digital assets in a manner analogous to the record-keeping infrastructure of the securities market.

Keywords: digital rights, token, tokenization, digital financial assets, uncertificated securities, protection of corporate rights, blockchain, distributed ledger.

References

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law № 51-FZ dated November 30, 1994 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1994. – № 32. – Art. 3301.

2. Federal Law № 259-FZ dated July 31, 2020 «On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» (as amended. dated 08/04/2026) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2020. – № 31. – Art. 4847.

3. Federal Law № 282-FZ dated 04.08.2026 «On Digital Currencies and Digital Rights» // «Collection of Legislation of the Russian Federation», 10.08.2026, № 32, Art. 4479.

4. Bartashevich Yu.A. Trends in the Development of Legal Regulation of Securities Issuance in the Context of Digitalization of the Financial Market // Law and Governance. 2026. № 3.

5. Belousov A.L. Formation of a System of Legal Regulation of Cryptocurrency Circulation in the Russian Federation // Jurist. 2026. № 02. Pp. 7–11.

6. Vasilevskaya L. Yu. «Token as a New Object of Civil Rights: Problems of Legal Classification of Digital Law» // Current Problems of Russian Law. – 2019. – № 5 (102). – Pp. 111–119.

7. Goncharova M.V., Goncharov A.I. Modernization of Investment Technology for the Issuance and Circulation of Digital Financial Assets / M.V. Goncharova, A.I. Goncharov // AlterEconomics. – 2023. – Vol. 20. № 3. – Pp. 570–602.

8. Grachev E.S. Dissertation «Digital shares as an object of civil rights (comparative legal analysis of the law of Russia and Germany)» – abstract, USU, 2025

9. Guznov A., Mikheeva L., Novoselova L. [et al.] Digital assets in the system of objects of civil rights // Law. 2018. № 5. Pp. 16–30.

10. Kartskhia A.A. Digital Rights and Law Enforcement // Law Enforcement Monitoring. 2019. № 2 (31). Pp. 43–46.

11. Mitrofanov A.M., Muravyov N.S., Pokamestov I.E. Digital financial assets in the financial market of the Russian Federation / A.M. Mitrofanov, N.S. Muravyov, I.E. Pokamestov // Bulletin of Eurasian Science. – 2024. – Vol. 16. № s1. – Pp. 1–9.

12. Rozhdestvenskaya T.E., Guznov A.G. Digital Financial Assets: Problems and Prospects of Legal Regulation / T.E. Rozhdestvenskaya, A.G. Guznov // Actual Problems of Russian Law. – 2020. – Vol. 15. № 6 (115). – Pp. 43–54.

Гражданско-правовая природа обязательства по возмещению вреда, причиненного органами публичной власти

Николаев Дмитрий Олегович,
аспирант кафедры экологического, трудового права
и гражданского процесса Казанского (Приволжского)
федерального университета
E-mail: nikolaevdmo@yandex.ru

Статья посвящена определению отраслевой природы обязательства по возмещению вреда, причиненного при осуществлении публичных полномочий. Обосновывается, что, несмотря на публично-властный характер деятельности причинителя, данное обязательство сохраняет гражданско-правовую природу, поскольку направлено не на отмену властного решения или привлечение должностного лица к публично-правовой ответственности, а на компенсацию имущественных потерь либо морального вреда потерпевшего. Проводится разграничение категорий вреда, убытков, ущерба и упущенной выгоды применительно к рассматриваемой сфере, а также сопоставление компенсационного обязательства с иными видами публично-правовой ответственности. Отдельное внимание уделено специфике вины как условия ответственности публично-правового образования и соотношению общего деликта (статья 1069 ГК РФ), специальных случаев ответственности (статья 1070 ГК РФ) и случаев компенсации вреда, причиненного правомерными действиями. Делается вывод о межотраслевом характере механизма правового регулирования при сохранении гражданско-правовой природы самого обязательства.

Ключевые слова: гражданско-правовая ответственность, вред, публичная власть, вина, деликтное обязательство, компенсация вреда, незаконность.

Под вредом, причиненным при осуществлении публичных полномочий, предлагается понимать возникшие у гражданина или организации неблагоприятные имущественные либо личные неимущественные последствия, связанные с решением, действием или бездействием субъекта, реализующего предоставленную законом публичную компетенцию. Обязанность по возмещению такого вреда возникает при наличии предусмотренных гражданским законодательством условий и возлагается на соответствующего субъекта независимо от того, осуществлено возмещение добровольно либо на основании судебного решения.

В российском праве категория вреда традиционно раскрывается через положения гражданского законодательства, прежде всего статьи 15 и главы 59 Гражданского кодекса Российской Федерации [1]. Однако применительно к деятельности органов публичной власти вред приобретает дополнительные, качественно иные характеристики. Публично-властный характер поведения причинителя обусловливает специфику основания возникновения компенсационной обязанности, определения незаконности поведения, субъектного состава обязательства и порядка исполнения судебного решения [24].

Для целей процессуального анализа необходимо разграничивать вред, убытки, ущерб и моральный вред. Вред выступает родовой категорией, охватывающей любые неблагоприятные имущественные и неимущественные последствия, наступившие для потерпевшего. Убытки представляют собой денежное выражение имущественных потерь и включают реальный ущерб и упущенную выгоду. Реальный ущерб выражается в утрате или повреждении имущества, а также в расходах, которые лицо произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права. Упущенная выгода связана с неполученными доходами, которые лицо получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено. Моральный вред, в свою очередь, выражается в физических или нравственных страданиях гражданина и имеет самостоятельный компенсационный режим.

При квалификации обязательства определяющее значение имеет не только публичный статус причинителя вреда, но и характер деятельности, при осуществлении которой возникли неблагоприятные последствия. Если вред причинен при реализации властной компетенции посредством обязательного для адресата решения, действия или бездействия, применяются специальные положения об ответственности за незаконную деятельность публичных органов. Если тот же субъект причинил вред, выступая участником гражданского оборота, работодателем, собственником имущества либо владельцем источника повышенной опасности, ответственность определяется соответствующими общими или специальными правилами гражданского законодательства. Само участие государственного или муниципального субъекта не является достаточным основанием для применения статьи 1069 ГК РФ [13, с. 124].

Представленные в доктрине подходы к публично-правовой и межотраслевой ответственности свидетельствуют о сложности исследуемого регулирования. Однако общая категория ответственности публичной власти шире обязательства по возмещению вреда. Она охватывает также конституционную, административную, дисциплинарную и политическую ответственность, имеющие иные основания и цели. Поэтому тезисы о публично-правовой ответственности необходимо использовать для отграничения компенсационного обязательства от иных мер воздействия на органы и должностных лиц. Как отмечает М.В. Зуева, «характер деятельности государственных органов придает особенность указанным правоотношениям, но не изменяет их гражданско-правовой природы» [14].

Отдельного внимания заслуживает процессуальный аспект рассматриваемого института. Возмещение вреда, причиненного государственными органами или органами местного самоуправления, рассматривается преимущественно в рамках гражданского судопроизводства (ГПК РФ или АПК РФ) как исковое производство, основываясь на ст. 1069, 1070 ГК РФ [2; 3]. Однако, требования о компенсации за нарушение условий содержания или длительное судопроизводство рассматриваются в порядке административного судопроизводства (КАС РФ) [4]. При этом исследование показывает, что процессуальная

форма не устраняет публичную специфику спора, поскольку предметом доказывания остаётся законность властных действий и их соответствие публично-правовым нормам.

Для отграничения компенсационного обязательства от иных форм ответственности необходимо обратиться к более широкой доктринальной категории публично-правовой ответственности. Ее анализ в настоящем исследовании имеет вспомогательное значение и не предопределяет отраслевую квалификацию обязательства по возмещению вреда [6, с. 29–31]. Государство долгое время воспринималось как источник права, а не как субъект, связанный его требованиями. Подобный подход объяснялся исторически: публичная власть ассоциировалась с суверенитетом, который исключал возможность предъявления к ней частных требований. Однако развитие идей правового государства привело к пересмотру этой позиции. Было показано, что суверенитет не отменяет ответственности, а, напротив, предполагает её как необходимое условие легитимности власти.

В.Ф. Попондопуло отмечает, что деление права на публичное и частное в России обусловлено процессом её интеграции в мировое сообщество, учитывающим характер и тенденции его развития. При этом Конституция РФ закрепляет основные права и свободы человека и гражданина и провозглашает принцип невмешательства государства в сферу частной жизни [23, с. 78–101].

Дуализм права изучается как на общетеоретическом уровне, так и в рамках отдельных отраслей юридических наук [7]. Современные исследования отходят от простого признания существования публичного и частного права и всё чаще сосредотачиваются на детальной проработке отдельных проблем, связанных со спецификой институтов, формирующихся внутри этих подсистем. Среди таких исследований можно выделить работы, посвящённые понятиям и природе публично-правовой ответственности [16, с. 17–19].

В юридической литературе отсутствует единое понимание феномена публичной ответственности. Так, одна группа авторов рассматривает её как классификационную категорию, формируемую на основе функционального критерия дифференциации видов ответственности, при этом подчёркивается, что выделение публичной ответственности является примером спорного основания классификации [19, с. 28]. Другая группа исследователей трактует публичную ответственность как самостоятельный вид юридической ответственности, возникающий из нарушения норм публичного права и реализуемый через принудительное воздействие государства на законной основе [16, с. 17–19]. Наконец, третья группа понимает публичную ответственность как синтетическую категорию, сочетающую признаки юридической и политической ответственности [31, с. 34].

Все указанные позиции подкрепляются убедительными аргументами, однако детальный разбор каждой выходит за рамки данной работы. Представленные позиции раскрывают различные виды и формы ответственности публичной власти, однако не могут механически переноситься на обязательство по возмещению вреда. Последнее направлено не на наказание органа или должностного лица, а на компенсацию последствий нарушения охраняемого гражданским правом блага.

Возмещение вреда, причиненного при осуществлении публичных полномочий, представляет собой специальную гражданско-правовую деликтную конструкцию. Ее специфика состоит в том, что основанием компенсационной обязанности выступает незаконное осуществление публичной компетенции, тогда как содержанием обязанности остается восстановление имущественной или личной неимущественной сферы потерпевшего.

Особенностью рассматриваемого института является и его тесная связь с конституционными принципами. Т.Я. Хабриева отмечает, что на основе российской Конституции «…выстроена новая система организации публичной власти, конституционные механизмы, препятствующие возрождению тоталитарного общества и государства и способствующие защите прав граждан от произвола со стороны государства» [32, с. 36].

В научной литературе отсутствует единое мнение относительно принципов, лежащих в основе системы публичной власти. Так, А.А. Троицкая рассматривает принципы принадлежности, организации и функционирования публичной власти как механизм обеспечения свободы личности, её достоинства и прав. Она относит к таким принципам народовластие, верховенство права, разделение властей и федерализм [см.: 30, с. 45]. В.В. Рачинский определяет принципами реализации публичной власти правозаконность, единство системы публичной власти, гласность, компетенционную самостоятельность и независимость, ответственность, а также признание и защиту прав и свобод человека и гражданина [см.: 27, с. 6–7]. В.В. Полянский выделяет принципы гармонизации публичной власти, включающие субсидиарность, дифференциацию, пропорциональность и стабильность формы правления [см.: 22, с. 40].

С нашей точки зрения, различные научные подходы отражают разные аспекты формирования и организации публичной власти и могут дополнять друг друга. В то же время большинство принципов имеют конституционное основание и направлены на обеспечение устойчивости и эффективности системы публичной власти. Принцип приоритета прав и свобод человека, принцип равенства перед законом и принцип ответственности государства образуют нормативную основу, на которой строится обязанность по возмещению вреда. Эти положения носят прямое действие и подлежат учёту даже при отсутствии детальной регламентации на уровне отраслевого законодательства. Практика конституционного правосудия неоднократно подчёркивала, что формальные пробелы в праве не могут служить оправданием для отказа в компенсации причинённого вреда.

Д.В. Пятков обоснованно указывает, что при вступлении государства в гражданские правоотношения происходит установленное законом самоограничение его властных (императивных) полномочий. При этом за пределами гражданско-правовой сферы государство продолжает осуществлять присущие ему публично-властные функции, включая конституционные и административные полномочия [26, с. 58]. В свою очередь, В.П. Звеков подчёркивает, что специфика правосубъектности государства, обусловленная сочетанием в нём признаков политической организации, наделённой властными прерогативами, и участника имущественного оборота, не должна влиять на природу регулируемых гражданским правом отношений и придавать им характер отношений власти и подчинения [17, с. 183].

В отечественной юридической науке муниципальные образования нередко рассматриваются как «корпорации публичного права» [21, с. 68]. В.А. Горожанин рассматривает муниципальное образование как «юридическое лицо публичного права», признавая, что формального закрепления такого института в Гражданском кодексе РФ нет, однако наделение муниципальных образований гражданской правосубъектностью по сути исходит из этого подхода [8, с. 19]. Существует также точка зрения, согласно которой государство, федеральные и муниципальные образования в совокупности формируют особую организационно-правовую категорию публично-правовых образований, которая именуется «публично-территориальное образование», а по отдельности выступают как различные типы этой категории [18, с. 5].

Следует отметить, что концепция юридического лица публичного права (территориальной корпорации) имеет давние традиции в праве стран Западной Европы. Так, Конституция Италии называет области, провинции и коммуны «автономными учреждениями» (ст. 115 и 128). В немецкой правовой литературе и судебной практике общины и их объединения рассматриваются как юридические лица – территориальные корпорации публичного права [12, с. 164].

Государственный или муниципальный орган может выступать непосредственным причинителем вреда, участником спорного правоотношения и процессуальным представителем публично-правового образования. Вместе с тем в конструкции статьи 1069 ГК РФ материальная обязанность по возмещению вреда возлагается на Российскую Федерацию, субъект Российской Федерации либо муниципальное образование. Поэтому необходимо разграничивать орган-причинитель, субъект компенсационной обязанности и орган, представляющий соответствующее публично-правовое образование в суде.

Особенностью правового положения публично-правовых образований является и их участие в деликтных обязательствах на началах, отличных от частноправовых субъектов [15]. Несмотря на формальное равенство сторон в гражданском процессе, публичная власть сохраняет определённые властные и ресурсные преимущества. Организационное и информационное неравенство сторон может учитываться посредством предусмотренных процессуальным законом правил об истребовании доказательств и содействии суда в их получении. Однако публичный статус ответчика сам по себе не освобождает истца от доказывания обстоятельств, составляющих основание заявленного требования.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о соотношении ответственности публично-правового образования и регрессной ответственности должностных лиц. Возмещение вреда потерпевшему осуществляется независимо от последующего разрешения вопроса о привлечении конкретного должностного лица к ответственности. Это позволяет обеспечить приоритет защиты прав частного лица и исключить перекладывание негативных последствий публично-властных ошибок на потерпевшего. В то же время возможность регрессного взыскания выполняет внутрисистемную функцию, направленную на повышение дисциплины и законности в деятельности органов публичной власти.

Незаконность решения, действия или бездействия является специальным условием ответственности за вред, причиненный при осуществлении публичных полномочий. Она может выражаться в отсутствии компетенции, превышении ее пределов, нарушении обязательной процедуры, несоблюдении требований к форме или содержанию решения, неисполнении возложенной обязанности либо использовании полномочия вопреки установленной законом цели. Как указывает Г.В. Пусурманов, противоправность гражданско-правового деликта означает, что она обязательно должна быть предусмотрена законом и нарушать его нормы [25, с. 72]. При этом незаконность необходимо отграничивать от нецелесообразности: суд не подменяет публичный орган в выборе допустимого управленческого решения, но проверяет соблюдение юридических пределов усмотрения.

Считается общепризнанным положением, что реальным поводом для наступления юридической ответственности в любой форме выступает наличие элементов правонарушения. Как подчеркивается в научных источниках, такая ответственность не может применяться ни за что иное, кроме как за нарушение норм права, а сам состав правонарушения представляет собой комплексный юридический факт (или совокупность обстоятельств), который лежит в основе возникновения отношений по ответственности [28, с. 68]. Для деликтной ответственности в состав правонарушения, служащего ее основанием, входят такие ключевые элементы: 1) присутствие негативного последствия в форме ущерба; 2) противоправные действия лица, нанесшего ущерб; 3) наличие прямой причинной связи между этими действиями и возникшим ущербом; 4) вина лица, причинившего вред. Помимо этого, в юридической доктрине отмечаются дополнительные специфические требования, присущие отдельным видам специальных деликтов, включая: 1) особенности правового положения лица, причинившего вред; 2) специфику вида деятельности этого лица [11, с. 27–28; 28, с. 69].

Принцип наличия вины признается фундаментальным и универсальным элементом юридической ответственности в различных отраслях права, при этом любое отступление от него требует четкого и однозначного формулирования, то есть прямого нормативного закрепления. На этой основе гражданское законодательство устанавливает субъективные критерии ответственности за нанесенный ущерб, а в тех ситуациях, где вина служит таким критерием, решается проблема распределения обязанности по ее доказыванию [5].

Категория вины, традиционно рассматриваемая как обязательный элемент гражданско-правового деликта, в публично-властном контексте приобретает иное содержание и функциональное назначение. Это обусловлено спецификой субъекта причинения вреда, характером осуществляемых им полномочий и социальным значением последствий публично-властного вмешательства.

В классической гражданско-правовой модели вина выступает психическим отношением лица к своему противоправному поведению и его результатам [9, с. 606; 10, с. 673; 29, с. 79]. Однако применительно к органам публичной власти подобное понимание сталкивается с методологическими и практическими затруднениями. Г.К. Матвеев отмечал, что «виновность юридического лица складывается из провинностей лиц, составляющих юридическое лицо и организующих его деятельность. Но виновность юридического лица не представляет собой простой суммы индивидуальных провинностей. Подобно тому, как коллективная воля юридического лица не сводится механически к сумме индивидуальных воль, а представляет собой новое качество, так и вина предприятия, учреждения и организации качественно отлична от своих слагаемых» [20, с. 216]. Подобное целесообразно применить и к органам государственной власти. Публичная власть действует не как индивидуальный субъект с автономной волей, а как институционально организованный механизм, функционирующий на основе нормативно закреплённой компетенции. Вследствие этого перенос субъективно-психологической конструкции вины на публично-правовые образования оказывается в значительной степени условным.

Особое значение приобретает соотношение субъективного фактора и принципа полного возмещения вреда. С.Б. Цветков отмечал, что «при таком подходе ответственный причинитель вреда будет нести риск принятия на себя убытков, которые могут наступить в силу случайных обстоятельств. Но смысл здесь не в том, что существует высокая вероятность возникновения случайного вреда (вряд ли недостаточная квалификация должностных лиц может служить причиной этому)» [33, с. 70].

Приведенные доктринальные позиции позволяют сделать вывод не об общем отказе от вины, а о необходимости дифференцировать ее значение. В рамках общей модели ответственности применяются гражданско-правовые правила о вине и ее доказывании. Специальная ответственность независимо от вины допускается только в случаях, прямо предусмотренных законом. Потерпевший не должен доказывать психологическое отношение каждого должностного лица к совершенному нарушению. Вина публично-правового образования получает объективированное выражение через деятельность его органов и должностных лиц, организацию осуществления публичной функции и соблюдение установленных требований.

Таким образом, обязательство по возмещению такого вреда имеет гражданско-правовую природу. Его содержанием выступает обязанность восстановить имущественную или личную неимущественную сферу потерпевшего, а не отменить властное решение либо привлечь должностное лицо к публично-правовой ответственности. Межотраслевым является механизм его правового регулирования. Нормы публичного права определяют компетенцию причинителя вреда, порядок реализации полномочия и критерии незаконности поведения; гражданское право устанавливает условия, субъектов и объем возмещения; бюджетное законодательство регулирует исполнение обязанности за счет соответствующей казны.

Также необходимо разграничивать общий деликт, предусмотренный статьей 1069 ГК РФ, специальные случаи ответственности за вред, причиненный деятельностью органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда, а также прямо предусмотренные законом случаи компенсации вреда, причиненного правомерными действиями. Каждая из названных моделей характеризуется самостоятельным составом юридически значимых обстоятельств.

Общее основание ответственности образуют вред, незаконность решения, действия или бездействия, причинная связь и вина с учетом установленных законом презумпций и исключений. Специальный режим ответственности независимо от вины применяется только в случаях, прямо предусмотренных законом. Персональная вина должностного лица имеет самостоятельное значение прежде всего для последующего регресса и иных видов его юридической ответственности.

Выявленные материально-правовые особенности определяют состав участвующих в деле лиц, предмет доказывания, распределение обязанности по представлению доказательств, значение ранее принятых судебных актов и выбор надлежащей процессуальной формы.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
4. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Российская газета. 2015. № 49.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.01.2001 № 1-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан И.В. Богданова, А.Б. Зернова, С.И. Кальянова и Н.В. Труханова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 3.
6. Болгова В.В. Понятие и признаки публично-правовой ответственности в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // European science. 2015. № 4 (5). С. 29–31.
7. Болгова В.В. Публичное право (проблемы теории, методологии, практики): Дис. … докт. юрид. наук. Самара, 2009. 512 с.
8. Горожанин В.А. Понятие и особенности правового статуса субъектов местного самоуправления в Российской Федерации. Новосибирск, 1997. 27 с.
9. Гражданское право: В 4 т. Том 1. Общая часть. Учебник / Отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Волтерс Клувер, 2005. 720 с.
10. Гражданское право: учеб.: в 3-х т. Т. 1 / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. 776 с.
11. Гражданское право: учеб.: в 3-х т. Т. 3 / Под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2005. 784 с.
12. Гриценко Е.В. Местное самоуправление в системе публичного управления федеративного государства. Значение опыта ФРГ для России. Иркутск, 2001. 443 с.
13. Жаглина М.Е. Особенности деликтной ответственности за вред, причиненный незаконными действиями правоохранительных органов и суда // Вестник ВИ МВД России. 2018. № 1. С. 123–132.
14. Зуева М.В. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный государственными органами и их должностными лицами: дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2011. 202 с.

15. Инжиева Б.Б. Участие государства в современном гражданском обороте: монография / под ред. проф. А.Я. Рыженкова. Москва: Юстицинформ, 2014. 182 с.

16. Кислухин В.А. Виды юридической ответственности: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2002. 26 с.

17. Комментарий Части первой Гражданского кодекса Российской Федерации / М.И. Брагинский и др. М., 1995. 596 с.

18. Костин А.В. Особенности Российской Федерации, федеральных и муниципальных образований как субъектов гражданского права: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2002. 23 с.

19. Липинский Д.А. О системе права и видах юридической ответственности. // Правоведение. 2003. № 2 (247). С. 27–37.

20. Матвеев Г.К. Вина в советском гражданском праве. Киев: Изд-во Киев. ун-та, 1955. 308 с.

21. Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации, М., 1997. 599 с.

22. Полянский В.В. Методы и принципы гармонизации публичной власти // Lex russica. 2015. Т. 107. № 10. С. 32–45.

23. Попондопуло В.Ф. Система общественных отношений и их правовые формы: к вопросу о системе права. // Правоведение. 2002. № 4 (243). С. 78–101.

24. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. П.В. Крашенинникова. Статут, 2011. 1325 с.

25. Пусурманов Г.В. О составе гражданско-правового деликта // Журнал правовых и экономических исследований. 2024. № 1. С. 69–78.

26. Пятков Д.В. Участие Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований в гражданских правоотношениях: на примере разграничения публичной собственности. СПб., 2003. 327 с.

27. Рачинский В.В. Публичная власть как общеправовая категория (теоретико-прикладной аспект): дис. … канд. юрид. наук. Уфа, 2003. 195 с.

28. Рипинский С.Ю. Имущественная ответственность государства за вред, причиняемый предпринимателям / Под ред. К.К. Лебедева. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2002. 227 с.

29. Смирнов В.Т., Собчак А.А. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве. Л.: Изд-во ЛГУ, 1983. 152 с.

30. Троицкая А.А. Пределы публичной власти: конституционно-правовое осмысление // Вестник Московского университета. Серия 11 «Право». 2009. № 5. С. 43–61.

31. Умнова И.А. Конституционные основы современного российского федерализма. М., 1998. 278 с.

32. Хабриева Т.Я. Избранные труды: в 10 т. Т. 7. Содерж.: Теория конституции. М., 2018. 538 с.

33. Цветков С.Б. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами. Дис. … к.ю.н. Волгоград, 1998. 203 с.

THE CIVIL LAW NATURE OF THE OBLIGATION TO COMPENSATE FOR DAMAGE CAUSED BY PUBLIC AUTHORITIES

Nikolaev D.O.
Kazan (Volga Region) Federal University

The article is devoted to defining the sectoral nature of the obligation to compensate for damage caused in the course of exercising public authority. It is based on the fact that, despite the public-authority nature of the perpetrator's activities, this obligation retains its civil-law nature, since it is not aimed at overturning a public authority decision or holding an official liable under public-law responsibility, but at compensating for the property losses or moral damage suffered by the victim. A distinction is made between the categories of harm, losses, damage, and lost profits in relation to the sphere under consideration, as well as a comparison of the compensatory obligation with other types of public-law liability. Special attention is paid to the specifics of liability as a condition for the responsibility of a public-law entity and to the relationship between the general tort (Article 1069 of the Civil Code of the Russian Federation), special cases of liability (Article 1070 of the Civil Code of the Russian Federation), and cases of compensation for harm caused by lawful actions. The conclusion is drawn about the intersectoral nature of the mechanism of legal regulation while preserving the civil-law nature of the obligation itself.

Keywords: civil-law liability, harm, public authority, fault, tortious obligation, compensation for harm, unlawfulness.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of 30.11.1994 № 51-FZ (as amended on 31.07.2020) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301.

2. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of 24.07.2002 № 95-FZ (as amended on 01.04.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 30. Art. 3012.

3. Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 № 138-FZ (as amended on 31.07.2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. № 46. Art. 4532.

4. Code of Administrative Court Procedure of the Russian Federation of 08.03.2015 № 21-FZ (as amended on 31.07.2025) // Rossiyskaya Gazeta. 2015. № 49.

5. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 25.01.2001 № 1-P «On the case of verifying the constitutionality of the provision of paragraph 2 of Article 1070 of the Civil Code of the Russian Federation in connection with the complaints of citizens I.V. Bogdanov, A.B. Zernov, S.I. Kalyanov and N.V. Trukhanov» // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2001. № 3.

6. Bolgova V.V. The Concept and Characteristics of Public-Legal Liability in the Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation // European science. 2015. № 4 (5). Pp. 29–31.

7. Bolgova V.V. Public Law (Problems of Theory, Methodology, and Practice): Dis. … Doct. of Law. sciences'. Samara, 2009. 512 p.

8. Gorozhanin V.A. The Concept and Features of the Legal Status of Local Self-Government Entities in the Russian Federation. Novosibirsk, 1997. 27 p.

9. Civil Law: In 4 vols. Vol. 1. General Part. Textbook / Ed. by E.A. Sukhanov. Moscow: Wolters Kluwer, 2005. 720 p.

10. Civil Law: textbook: in 3 volumes. Vol. 1 / edited by A.P. Sergeev, Yu.K. Tolstoy. Moscow: TK Velbi, Prospect Publishing House, 2005. 776 p.

11. Civil Law: textbook: in 3 volumes. Vol. 3 / edited by A.P. Sergeev, Yu.K. Tolstoy. Moscow: TK Velbi, Prospect Publishing House, 2005. 784 p.

12. Gritsenko E.V. Local self-government in the system of public administration of a federal state. The significance of the German experience for Russia. Irkutsk, 2001. 443 p.

13. Zhaglina M.E. Features of tort liability for harm caused by unlawful actions of law enforcement agencies and the court // Bulletin of the All-Russian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. № 1. Pp. 123–132.

14. Zueva M.V. Civil liability for harm caused by government bodies and their officials: dis. … cand. jurid. sciences'. Volgograd, 2011. 202 p.

15. Inzhieva B.B. The Participation of the State in Modern Civil Circulation: a Monograph / edited by Prof. A. Ya. Ryzhenkov. Moscow: Justitsinform, 2014. 182 p.

16. Kislukhin V.A. Types of Legal Liability: Abstract of Dissertation … Candidate of Law. nauk. M., 2002. 26 p.

17. Commentary on the first Part of the Civil Code of the Russian Federation / M.I. Braginsky et al. M., 1995. 596 p.

18. Kostin A.V. Features of the Russian Federation, federal and municipal entities as subjects of civil law: Abstract of the dissertation. … kand. jurid. nauk. M., 2002. 23 p.

19. Lipinsky D.A. On the system of law and types of legal liability. // Jurisprudence. 2003. № 2 (247). Pp. 27–37.

20. Matveev G.K. Guilt in Soviet Civil Law. Kyiv: Publishing House of Kyiv. University, 1955. 308 p.

21. Scientific and practical commentary on the Constitution of the Russian Federation, Moscow, 1997. 599 p.

22. Polyansky V.V. Methods and principles of harmonization of public authority // Lex russica. 2015. Vol. 107. № 10. Pp. 32–45.

23. Popondopulo V.F. The system of social relations and their legal forms: on the issue of the system of law. // Jurisprudence. 2002. № 4 (243). Pp. 78–101.

24. Article-by-article commentary on the Civil Code of the Russian Federation, Part One / edited by P.V. Krasheninnikov. Statut, 2011. 1325 p.

25. Pusurmanov G.V. On the composition of a civil tort // Journal of Legal and Economic Research. 2024. № 1. Pp. 69–78.

26. Pyatkov D.V. Participation of the Russian Federation, the subjects of the Russian Federation, and municipal entities in civil legal relations: on the example of the delimitation of public property. St. Petersburg, 2003. 327 p..

27. Rachinsky V.V. Public authority as a general legal category (theoretical and applied aspect): dis. … cand. jurid. sciences'. Ufa, 2003. 195 p.

28. Ripinsky S. Yu. Property Liability of the State for Harm Caused to Entrepreneurs / Edited by K.K. Lebedev. St. Petersburg: Legal Center «Press», 2002. 227 p.

29. Smirnov V.T., Sobchak A.A. General Theory of Tort Liability in Soviet Civil Law. Leningrad: Publishing House of Leningrad State University, 1983. 152 p.

30. Troitskaya A.A. Limits of Public Power: A Constitutional and Legal Analysis // Bulletin of Moscow University. Series 11 «Law». 2009. № 5. Pp. 43–61.

31. Umnova I.A. Constitutional Foundations of Modern Russian Federalism. Moscow, 1998. 278 p.

32. Khabrieva T. Ya. Selected Works: in 10 volumes. Vol. 7. Contents: Theory of the Constitution. Moscow, 2018. 538 p.

33. Tsvetkov S.B. Civil liability for harm caused by state bodies, local self-government bodies, and their officials. Dissertation … Candidate of Legal Sciences. Volgograd, 1998. 203 p.

Трансформация механизмов финансовой защиты в условиях глобализации как средство противодействия преступности

Попова Ирина Павловна,
кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Восточно-Сибирский институт МВД России
E-mail: irinabaikal@mail.ru

Ахведиани Ольга Станиславовна,
слушатель, Восточно-Сибирский институт МВД России
E-mail: matveevao953@gmail.com

Глобализация финансовых рынков создает благоприятную среду для трансграничной преступности, делая уязвимой финансовую инфраструктуру перед киберпреступностью. В настоящей работе рассматривается влияние процессов глобализации на финансовую безопасность государства и необходимость пересмотра традиционных подходов к её обеспечению. Анализируются ключевые риски, связанные с ростом трансграничных финансовых потоков, цифровизацией валютных операций и повышением уровня киберугроз. Особое внимание уделяется роли искусственного интеллекта (ИИ) как стратегического элемента кибербезопасности: оцениваются его преимущества в анализе больших массивов данных и выявлении подозрительных финансовых операций, а также обозначаются сопутствующие риски. Подчёркивается, что существующие механизмы защиты (сквозное шифрование, многофакторная идентификация) уже не обеспечивают должного уровня безопасности. Сформулирован и обоснован вывод о необходимости создания адаптивных многоуровневых систем финансовой безопасности – с интеграцией технологий ИИ, соблюдением международных стандартов и комплексным управлением рисками, разработками юридических норм. Применение искусственного интеллекта может выступать надлежащим средством противодействия киберпреступности, что не лишено определенных рисков. Сочетание различных механизмов для эффективного противодействия преступности в финансовой сфере включает правовые, организационные и технологические инструменты.

Ключевые слова: глобализация, финансовая безопасность, искусственный интеллект, трансграничные финансовые потоки, киберпреступность, кибербезопасность, сквозное шифрование, многофакторная идентификация, противодействие преступности.

Процессы глобализации существенно повлияли на все сферы общественной жизни, включая экономику и финансы. Б.М. Набиев обоснованно констатирует, что «глобализация выражается в формировании единого мирового экономического пространства, основанного на свободном движении товаров, услуг, капитала и технологий [1, с. 393]». Глобализация, включая безусловно положительные аспекты, привнесла с собой многочисленные проблемы, требующие оперативного разрешения. Рост трансграничных финансовых потоков и цифровизация валютных операций создают всё новые векторы рисков, масштаб которых существенно выходит за рамки традиционного государственного регулирования.

Актуальность темы определяется необходимостью пересмотра методов финансовой защиты в условиях непостоянства глобальных процессов на международной финансовой арене с учетом всевозможных угроз безопасности финансов. В создавшихся условиях классические механизмы защиты финансов оказываются недостаточно эффективными. Происходит их трансформация в сложную многоуровневую систему, построенную на международных стандартах, технологических протоколах защиты данных и механизмах алгоритмического контроля.

Развитие международных финансов стало движущей силой интернационализации мировой экономики. Их развитие существенно опережает рост мирового экспорта и производства. С точки зрения Н.В. Фадеевой: «Встречные потоки прямых инвестиций, диверсификация, расширение и интеграция международных финансовых рынков вывели мировую экономику на качественно новый уровень интернационализации – глобализацию» [2, с. 9]. Финансовые кризисы, которые один за другим отзываются во всех странах, свидетельствуют о высоком уровне финансовой и экономической взаимозависимости. На фоне повторяющихся экономических кризисов возникает вопрос: какую модель финансового регулирования выбрать – национальную или международную? В России же текущую экономическую ситуацию осложняет геополитическая напряженность.

Интенсификация трансграничных движений капиталов характеризуется высокой волатильностью, что, в свою очередь, подрывает устойчивость финансовых рисков. Всё это сводится к быстрой дестабилизации глобальной финансовой системы. Дополнительным подтверждением этого тезиса служит ситуация 2024 года, связанная с риском вторичных санкций: после ужесточения американских санкций расчёты российских банков осложнились даже с так называемыми «дружественными государствами», что привело к значительным задержкам международных торговых платежей и росту объёмов наличных средств, аккумулированных российским бизнесом за рубежом.

Параллельно с указанным, цифровизация финансов существенно расширяет поле киберугроз, повышается уязвимость экономической среды для кибератак. По данным ФинЦЕРТа (Центр взаимодействия и реагирования Департамента информационной безопасности) Банка России, за 2024 год российские банки пережили не менее 750 целевых кибератак, при этом каждая вторая – DDoS, когда хакеры намеренно перегружали серверы, делая онлайн-сервисы недоступными для клиентов [3]. Для сравнения, в третьем квартале 2025 года отечественный финансовый сектор вошел в тройку самых атакуемых хакерами отраслей, а число DDoS-атак выросло в три раза по сравнению с 2024 годом [4].

Таким образом, в геометрической прогрессии растет необходимость в эффективных средствах противодействия киберпреступности в финансовой сфере. Внедрение новых технологий сопровождается, наряду с техническими трудностями, сложностями интеграции с существующими системами. В данном контексте вопрос разработки современного набора методов для функционирования финансовых процессов становится более актуальным в условиях растущих глобальных трансграничных потоков. Разработка новых финансовых инструментов позволит получать долгосрочную выгоду от финансовой глобализации.

Противодействие киберугрозам в условиях глобализации заключается в предупреждении, предотвращении, противодействии и профилактике несанкционированного доступа к зашифрованной информации. Е.Ю. Царегородцева, Я.А. Жигунова рассуждают о необходимости использования искусственного интеллекта в качестве защиты

экономической информации в следующем ключе: «Существующие методики в области информационной безопасности сегодня не в силах гарантировать полную сохранность данных и требуют кардинального переосмысления, в эпоху цифровых вызовов ИИ становится не просто инструментом, а стратегическим элементом кибербезопасности [5, с. 84]». Разделяя позицию указанных авторов, следует отметить и риски, обусловленные использованием ИИ: во-первых бесконтрольное внедрение сервисов на базе искусственного интеллекта создает угрозу утечек конфиденциальной информации; во-вторых следствием непрозрачности нейросетевых алгоритмов обработки информации является невозможность рациональной оценки полученных данных человеком; в-третьих, существует вероятность совершения искусственным интеллектом грубых ошибок, что приводит к дестабилизации работы структур.

Использование протоколов сквозного шифрования и многофакторная идентификация уже не гарантируют надёжность защиты баз данных. Например, обвинительный приговор Московского районного суда г. Рязани по делу № 1–380/2023 констатировал хищение денежных средств с банковского счета в особо крупном размере при отсутствии признаков мошенничества (ст. 159.3 Уголовного кодекса Российской Федерации), что прямо указывает на прямую кражу конфиденциальных данных и сохраняющиеся уязвимости традиционных систем защиты [6].

В свою очередь, системы на базе искусственного интеллекта в последнее время всё больше доказывают свою эффективность: их внедрение поспособствует снижению вероятностей кибератак на системы, отвечающие за финансовую безопасность. Их способность отследить подозрительные операции по легализации средств, добытых преступным путём, могут быть использованы на практике: человек не в состоянии физически проанализировать огромные массивы информации, что под силу нейросети. За счет внедрения систем на базе искусственного интеллекта реально добиться ежегодного снижения уровня киберпреступлений, несмотря на постоянный рост кибератак и угроз.

Так, ПАО «Банк ВТБ» активно внедряет собственные ИИ-алгоритмы для комплексной защиты клиентов: от выявления подозрительных финансовых операций и предотвращения взломов аккаунтов до противодействия социальной инженерии [7]. Алгоритмы анализируют транзакционную активность, социально-демографические данные, перемещения клиента, выявляя нетипичное поведение. В свою очередь, компания «Билайн» разработала ИИ-модель, выявляющую мошенническую атаку за 2 часа до попытки перевода денег. Тестирование на обезличенных ретроданных 4 млн клиентов в семи крупных российских банках показало точность выявления событий около 92%; алгоритм идентифицировал около 20 тыс. подозрительных операций [8].

Тем не менее сложно не согласиться сточкой зрения Н.В. Капустиной: «Критический анализ рисков экономической безопасности при внедрении нейросетевых технологий выявляет многоуровневую структуру угроз, требующих комплексного подхода к управлению [9, с. 7]». Негативные аспекты внедрения нейросетей в глобальную финансовую систему включают: отсутствие прозрачности, риски «галлюцинаций», риски утечек информации. Эти опасения находят подтверждение в зарубежной судебной практике. В канадском деле Specter Aviation Limitedv. Laprade использование ИИ-механизмов для подготовки правовых документов привело к включению восьми сфабрикованных (галлюцинированных) цитат, за что Верховный суд Квебека наложил на гражданина штраф в размере 5 000 долларов за существенное нарушение процессуальных норм [10].

Отечественная судебная практика демонстрирует, что применение ИИ не чуждо, как судьям, так и участникам судопроизводства. Есть пример наложения штрафа при рассмотрении дела в арбитражном суде (14 мая 2026 года Арбитражный суд Западно-Сибирского округа наложил штраф в 50 000 рублей на компанию, подавшую кассационную жалобу. В жалобе были реквизиты и цитаты актов Верховного суда, Высшего арбитражного суда и трёх окружных судов, но часть из них в картотеке арбитражных дел не существовала, остальные оказались решениями по чужим спорам) [11], и есть пример, когда оставлен в силе приговор, написанный при помощи ИИ, и доводы стороны защиты об этом были отклонены [12].

Принятие Концепция внедрения технологий искусственного интеллекта в судопроизводство Российской Федерации свидетельствует, что ИИ уже выступает механизмом, реализуемым властным участником уголовного процессе [13]. Хочется надеяться, что данный инструмент будет эффективно применяться.

На заседании коллегии МВД России 04.03.2026 г. В.А. Колокольцев обратил внимание на положительную тенденцию в раскрытии киберпреступлений преступлений за минувший 2025 год. Так, «Совместно с Национальным координационным центром по компьютерным инцидентам заблокировано порядка полутора тысяч иностранных IP-адресов, из теневого оборота выведено более 1,8 тысячи сим-банков и свыше трёх миллионов сим-карт различных операторов, при участии Министерства принят федеральный закон о создании государственной информационной системы противодействия IT-преступлениям, с операторами связи осуществлена блокировка более 165 тысяч привязанных к ним абонентских номеров». Подводя итоги, В.А. Колокольцев, отметил, что «Необходимо скоординировать на этом направлении дальнейшие совместные усилия Министерства, иных заинтересованных ведомств и организаций, регуляторов и операторов связи» [14].

Решив указанные проблемы, можно смело интегрировать системы на базе искусственного интеллекта в инфраструктуру мировых финансовых рынков.

С учётом вышесказанного, стоит отметить, что глобализация, будучи движущей силой мировой экономики и финансов, непременно порождает новые риски, выходящие за рамки возможностей традиционного государственного регулирования. В подобных условиях появляется необходимость пересмотра привычных подходов к обеспечению финансовой безопасности. Особую актуальность приобретает противодействие киберугрозам посредством внедрения систем, функционирующих на базе искусственного интеллекта. Внедрение нейронных сетей становится стратегическим элементом кибербезопасности. Однако, несмотря на очевидные преимущества, интеграция искусственного интеллекта в управление финансовой безопасностью несет в себе определенные риски, которые следует устранить прежде, или, по крайней мере, следует стремиться к минимизации этих рисков. Особенно тревожным становится активное использование ИИ непосредственно злоумышленниками, и несмотря на определенные достижения, достигнутые правоохранительными органами, ущерб от киберпреступлений, особенно в условиях глобализации, значителен.

Резюмируя вышеизложенное, стоит сказать, что традиционная парадигма обеспечения финансовой безопасности государства, общества, организаций исчерпала свою эффективность в условиях цифровой глобализации. Но тем не менее переход к адаптивным многоуровневым системам на базе искусственного интеллекта позволит как нивелировать отрицательные аспекты глобализации, так и создаст новые угрозы, для решения которых потребуется немало вложений со стороны государства. Внедрение искусственного интеллекта в финансовую сферу, требует эволюции правового поля, способного купировать риски, связанные с использованием искусственного интеллекта. Необходимым видится юридическое закрепление стандартов программ, работающих на базе искусственного интеллекта с массивами конфиденциальных данных и правил их эксплуатации. Таким образом, будущее финансовой безопасности в условиях глобализации видится в создании адаптивных, многоуровневых систем, активном использовании передовых технологий и разрешении сопутствующих рисков.

Литература

1. Набиев, Б.М. Глобализация как системообразующий фактор развития современного мирового сообщества / Б.М. Набиев // Scientific Journal of Science, Research and Development. – 2025. – № 6. – С. 392–395.

2. Фадеева, Н.В. Трансформация финансовых отношений под воздействием глобализации: финансовая система России в условиях глобальной конвергенции / Н.В. Фадеева // Финансы и кредит. – 2007. – № 14. – С. 9–18.

3. Щит и меч кибербеза / Деловой журнал «Банковское обозрение»: офиц. сайт. – URL: https://bosfera.ru/bo/shchit-i-mech-kiberbeza?amp (дата обращения: 15.05.2026).

4. Финансовый рынок России столкнулся с резким ростом DDoS-атак / Журнал «Финуслуги» от Московской Биржи: офиц. сайт. – URL: https://finuslugi.ru/navigator/news/novosti_bankovskoj_otrasli/finansovyj_sektor_rossii_stolknulsya_s_rezkim_rostom_ddos_atak (дата обращения: 15.05.2026).

5. Царегородцева, Е. Ю., Жигунова, Я.А. Искусственный интеллект как инструмент защиты экономической информации / Е.Ю. Царегородцева, Я.А. Жигунова // Постсоветский материк. – 2026. – № 1 (49). – С. 79–88.

6. Приговор № 1–46/2024 от 04 сентября 2024 г. по делу № 1–380/2023 / СудАкт: офиц. сайт. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/YHviXWDFPZYn/ (дата обращения: 15.05.2026).

7. ВТБ работает над собственными ИИ-алгоритмами для защиты от мошенников / Журнал «FinancialOne»: офиц. сайт. – URL: https://fomag.ru/news-streem/vtb-rabotaet-nad-sobstvennymi-ii-algoritmami-dlya-zashchity-ot-moshennikov/ (дата обращения: 15.05.2026).

8. Билайн разработал ИИ-модель, распознающую мошеннические атаки за 120 минут до перевода денег / Продукты и решения /

Медиапортал Beeline: офиц. сайт. – URL: https://beelinenow.ru/articles/beeline-razrabotal-ii-model-raspoznayushchuyu-moshennicheskie-ataki-za-120-minut-do-perevoda-deneg/ (дата обращения: 15.05.2026).

9. Капустина, Н.В. Экономическая безопасность использования нейросетевых инноваций для оптимизации логистики и маркетинга в условиях неопределенности / Н.В. Капустина // Вестник Евразийской науки. – 2025. – № 6. – С. 1–19.

10. Badran M., Bonsange-Basia V. Specter Aviation Limited v. Laprade: Quebec's first judicial sanction related to the use of artificial intelligence / M. Badran, V.Bonsange-Basia // Gowling WLG. – URL: https://gowlingwlg.com/en/footer/legal-information (дата обращения: 10.05.2026).

11. Адвокат выявил признаки использования ИИ при составлении обвинительного приговора // Адвокатская газета. 21.10.2025 – URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/advokat-vyyavil-priznaki-ispolzovaniya-ii-pri-sostavlenii-obvinitelnogo-prigovora-/.(дата обращения: 15.09.2026).

12. Впервые в Росси суд оштрафовал юристов за использование И на процессе // Российская газета. 18.05.2026. – URL: https://rg.ru/2026/05/18/vpervye-v-rossii-sud-oshtrafoval-iuristov-za-ispolzovanie-ii-na-processe.html?ysclid=mugeu8llar378243349&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 15.09.2026).

13. Выступление Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России 04.03.2026 г. // МВД Медиа. 04.03.2026 г. URL: https://mvdmedia.ru/news/official/vystuplenie-vladimira-kolokoltseva-na-rasshirennom-zasedanii-kollegii-mvd-rossii-2026/ http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/79255 (дата обращения: 25.08.2026).

14. Концепция внедрения технологий искусственного интеллекта в судопроизводство Российской Федерации: утв. Приказом Председателя Верховного Суда РФ № 59-П от 03.09.2026 г. // Официальный сайт Верховного Суда РФ https://www.vsrf.ru/about/info/documents_regulations/37649 (дата обращения: 20.09.2026).

TRANSFORMATION OF FINANCIAL PROTECTION MECHANISMS IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION AS A MEANS OF COMBATING CRIME

Popova I.P., Akhvlediani O.S.
East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The globalization of financial markets creates a favorable environment for crossborder crime, making the financial infrastructure vulnerable to cybercrime. This paper examines the impact of globalization processes on the financial security of the state and the need to revise traditional approaches to ensuring it. The key risks associated with the growth of crossborder financial flows, the digitalization of currency transactions, and the increasing level of cyber threats are analysed. Special attention is paid to the role of artificial intelligence (AI) as a strategic element of cybersecurity: its advantages in analysing large datasets and identifying suspicious financial transactions are assessed, and the associated risks are identified. It is emphasized that existing protection mechanisms (endtoend encryption, multifactor authentication) № longer provide an adequate level of security. The conclusion is formulated and substantiated that it is necessary to create adaptive multilevel financial security systems – with the integration of AI technologies, compliance with international standards, and comprehensive risk management, as well as the development of legal norms. The use of artificial intelligence can serve as an appropriate means of countering cybercrime, although it is not without certain risks. The combination of various mechanisms for effectively countering crime in the financial sector includes legal, organizational, and technological tools.

Keywords: globalization, financial security, artificial intelligence, cross-border financial flows, cybercrime, cybersecurity, end-to-end encryption, multi-factor authentication, combating crime.

References

1. Nabiev, B.M. Globalization as a system–forming factor in the development of the modern world community / B.M. Nabiev // Scientific Journal of Science, Research and Development. – 2025. – № 6. – pp. 392–395.

2. Fadeeva, N.V. Transformation of financial relations under the influence of globalization: the financial system of Russia in the conditions of global convergence / N.V. Fadeeva // Finance and Credit, 2007. – № 14, pp. 9–18.

3. Shield and sword of cyber security / Business Journal «Banking Review»: official. website. – URL: https://bosfera.ru/bo/shchit-i-mech-kiberbeza?amp (accessed: 15.05.2026).

4. The Russian financial market is facing a sharp increase in DDoS attacks / «Finuslugi» magazine from the Moscow Exchange: official. website. – URL: https://finuslugi.ru/navigator/news/novosti_bankovskoj_otrasli/finansovyj_sektor_rossii_stolknulsya_s_rezkim_rostom_ddos_atak (accessed: 15.05.2026).

5. Tsaregorodtseva, E. Yu., Zhigunova, Ya.A. Artificial intelligence as a tool for protecting economic information / E. Yu. Tsaregorodtseva, Ya.A. Zhigunova // Post-Soviet Continent. – 2026. – № 1 (49). – Pp. 79–88.

6. Verdict № 1–46/2024 dated September 4, 2024, in case № 1–380/2023 / SudAkt: official. website. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/YHviXWDFPZYn/ (accessed: 15.05.2026).

7. VTB is working on its own AI algorithms to protect against fraudsters / FinancialOne Magazine: official. website. – URL: https://fomag.ru/news-streem/vtb-rabotaet-nad-sobstvennymi-ii-algoritmami-dlya-zashchity-ot-moshennikov/ (accessed: 15.05.2026).

8. Beeline has developed an AI model that detects fraudulent attacks 120 minutes before the money is transferred / Products and solutions / Beeline Media Portal: official. website. – URL: https://beelinenow.ru/articles/beeline-razrabotal-ii-model-raspoznavayushchuyu-moshennicheskie-ataki-za-120-minut-do-perevoda-deneg/ (accessed: 15.05.2026).

9. Kapustina, N.V. Economic security of using neural network innovations to optimize logistics and marketing under conditions of uncertainty / N.V. Kapustina // Vestnik Evraziyskoy nauki. – 2025. – № 6. – pp. 1–19.

10. Badran M., Bonsange-Basia V. Specter Aviation Limited v. Laprade: Quebec's first judicial sanction related to the use of artificial intelligence / M. Badran, V.Bonsange-Basia // Gowling WLG. – URL: https://gowlingwlg.com/en/footer/legal-information (date of request: 05/10/2026).

11. The lawyer revealed signs of the use of AI in the preparation of a guilty verdict // Advocate Newspaper. 21.10.2025 – URL: https://www.advgazeta.ru/novosti/advokat-vyyavil-priznaki-ispolzovaniya-ii-pri-sostavlenii-obvinitelnogo-prigovora-/.(accessed: 15.09.2026).

12. For the first time in Russia, a court fined lawyers for using «И» during the trial // Rossiyskaya Gazeta. 18.05.2026. – URL: https://rg.ru/2026/05/18/vpervye-v-rossii-sud-oshtrafoval-yuristov-za-ispolzovanie-ii-na-processe.html?ysclid=mugeu8llar378243349&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (accessed: 15.09.2026).

13. Vladimir Kolokoltsev's speech at the expanded meeting of the board of the Ministry of Internal Affairs of Russia on 04.03.2026 // MIA Media. 03/04/2026 URL: https://mvdmedia.ru/news/official/vystuplenie-vladimira-kolokoltseva-na-rasshirennom-zasedanii-kollegii-mvd-rossii-2026 / http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/79255 (date of application: 08/25/2026).

14. The concept of the introduction of artificial intelligence technologies in the judicial proceedings of the Russian Federation: approved by By Order of the Chairman of the Supreme Court of the Russian Federation № 59-P dated September 3, 2026 // Official website of the Supreme Court of the Russian Federation https://www.vsrf.ru/about/info/documents_regulations/37649 (accessed: September 20, 2026).

Романов Михаил Андреевич,
аспирант, Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых
E-mail: romanov.law33@yandex.ru

Статья посвящена вопросам методологии цифрового правотворчества как закономерного этапа развития деятельности по созданию норм права на фоне цифровой трансформации общественных отношений. Автор изучает различные аспекты данного феномена: методологию исследования и методологию реализации цифрового правотворчества. В статье раскрыта многокомпонентная природа методологии цифрового правотворчества, охарактеризованы принципы познания данного феномена, описаны конкретные методы, потенциал которых позволяет раскрыть многогранную сущность данного явления. В заключение сформулировано авторское определение методологии цифрового правотворчества и сделаны умозаключения относительно перспектив развития данного феномена.

Ключевые слова: цифровизация, цифровое правотворчество, методология, цифровая трансформация, электронное правотворчество.

Любая человеческая деятельность характеризуется целенаправленностью и организуется особым образом, базируется на определенных принципах и нормах и осуществляется путем применения специальных способов и методов, то есть, опирается на особую методологию. Не свободна от методологических основ и юридически значимая деятельность, причем как исследовательская, так и практическая (правотворческая, правореализационная, в том числе правоприменительная).

Формированию нового технологического уклада сопутствует процесс актуализации постнеклассической научной рациональности, характеризующейся методологией, применение которой позволяет адекватно описывать современные социально-технические процессы, которые влияют на право, общество и государство. Как отмечает А.И. Николаев, «переход к новому технологическому укладу сопровождается актуализацией постнеклассической научной рациональности, для которой характерна новая методология, позволяющая более адекватно объяснять современные социально-технологические процессы, воздействующие на право, общество и государство» [1].

В рамках настоящей статьи будут раскрыты методологические основы феномена цифровое правотворчество. С учетом того обстоятельства, что методология цифрового правотворчества имеет два аспекта: исследовательский (описывает пути познания феномена) и практический (механизм его реализации) – в настоящей статье последовательно будет охарактеризован каждый из них.

Методология исследования цифрового правотворчества выполняет прежде всего гносеологическую функцию и позволяет познать данный социально-правовой феномен. Исследование цифрового правотворчества зиждется на общей методологии юридической науки.

Методология как доктринальный феномен трактуется крайне неоднозначно. Его интерпретация зависит от исследовательской школы, к которой принадлежит исследователь, его личного опыта научных изысканий.

Согласимся с тезисом о том, что методология являет собой «комплексное явление, имеющее общенаучное значение, реализуемое в конкретных исследованиях в определенном порядке с использованием системы различных познавательных средств, для достижения адекватного знания об объектах и предметах, составляющих цель научного познания» [2].

В научной литературе обосновано понимание методологии как «упорядоченной системы взаимодействующих, диалектически взаимосвязанных элементов (мировоззренческих оснований, принципов познания, средств, собственно методов и т.д.), посредством которых на основе исследовательских субъективных позиций формируются объективные данные» [3] о сфере исследования.

Исходя из приведенных выше и некоторых других исследовательских подходов, можно выделить следующие аспекты понимания методологии научного познания:

– узкий подход: методология как совокупность методов (приемов, способов, методик, техник) познания;

– медиальный подход: методология как раздел юридической науки, изучающий методы (учение о методах);

– широкий подход: методология как совокупность принципов, понятий, категорий, философских и мировоззренческих подходов к предметно-объектной области исследования.

В настоящем исследовании мы будем исходить из широкого подхода и последовательно рассмотрим различные элементы методологии. В основе методологии правовых исследований лежат принципы познания – основополагающие начала, определяющие характер и особенности данного вида деятельности. Принципы познания цифрового правотворчества можно разделить на следующие группы: общие (объективность, принципиальная познаваемость, достоверность, историзм и проч.); теоретико-правовые принципы (плюрализм учений, конкретность и др.); специально-юридические принципы, к числу которых можно отнести законность, легитимность, иерархичность. Применительно к цифровой среде, этот перечень дополняется принципами познания на основе технологической нейтральности; интероперабельности данных, соразмерности правового регулирования вызовам и угрозам и проч.

Как было отмечено выше, составная часть методологии – базовые, ключевые понятия и категории. Методология исследования цифрово-

го правотворчества наряду общеправовыми понятиями и категориями оперирует специальными понятиями, такими как: цифровое правотворчество; субъект цифрового правотворчества; цифровое право; машиночитаемое право; цифровой закон; персонализированное правовое регулирование.

Конечно, «ядро» любой методологии – собственно исследовательские приемы и методы. Справедливо принято выделять следующие уровни методологии правовых исследований: всеобщий, общенаучный и специально-юридический (частно-научный).

Характеризуя философскую основу исследования, нельзя не отметить, что научный поиск ведется главным образом с позиций материалистической диалектики. Исследование правотворчества необходимо вести в разрезе эволюции его основных форм, методов и способов осуществления. Можно сказать, что позади остался этап «аналогового правотворчества», практически пройдена ступень «электронного правотворчества» и всё активнее внедряются цифровые сервисы, что позволяет констатировать формирование «цифрового правотворчества».

Кроме того, именно диалектическая основа позволяет рассматривать общественные явления в единстве цифровой формы и «классического» содержания. Кроме того, цифровое правотворчество «плоть от плоти» общественных процессов, поэтому его осмысление невозможно без анализа социального контекста и детерминант, его обуславливающих. Так, автор данной статьи при проведении соответствующих изысканий принимал во внимание многообразные связи правотворчества с социальной средой, трансформирующейся в связи с технологическими изменениями и другими «вызовами».

Цифровое правотворчество – целостная система, изменение одного из элементов (например, развитие персонализированного машиночитаемого права) определяет модернизационные изменения всей системы.

Исследование цифрового правотворчества – сложный и многогранный процесс, требующий высокого уровня исследовательской квалификации, основанной на применении различного рода общенаучных методов.

Например, для того, чтобы охарактеризовать те или иные понятия, дать им дефиниции, необходимо применять метод анализа (например, проанализировать понятие «правотворчество», «субъект правотворчества»). Для того, чтобы систематизировать разрозненные научные представления в общую непротиворечивую картину, имеет смысл обратиться к методу синтеза. Например, таким образом можно «синтезировать» механизм цифрового правотворчества.

Наконец, достаточно результативным в настоящем исследовании будет обращение к методу классификации (при создании классификационных моделей цифрового правотворчества, субъектов цифрового правотворчества, его формально-юридических источников, принципов цифрового правотворчества).

С учетом того, что у каждой из стран свой путь в развитии цифровых сервисов в области правотворческой деятельности, целесообразно прибегнуть к сравнительно-правовому анализу. Он позволит выявить универсальное и национальное в развитии цифрового правотворчества. Особое значение имеет опыт стран, наряду с Россией считающихся лидерами цифровой трансформации государственного сектора.

Формально-юридический метод имеет широкий потенциал для применения. Анализ таких актов, как законодательство о цифровом рубле, искусственном интеллекте, цифровых правах, дистанционном электронном голосовании позволяет сложить общее представление о подходах законодателя к регулированию инновационных правоотношений.

В настоящее время и социологический метод познания (конкретно-социологический) приобретает «цифровое» измерение. Дело в том, что в условиях развития цифровых технологий происходит постоянное накопление цифровых следов, являющихся, по сути, эмпирическим материалом для исследователя. Использование технологий больших данных и их интеллектуального анализа позволяет, по существу, в оперативном режиме определять технико-юридические дефекты, выявлять «мертвые» нормы и правовые пробелы, формировать предложения по их устранению.

Определенный потенциал имеет применение метода правового моделирования, который может быть полезен для прогнозирования эффектов, достигаемых путем внедрения цифровых технологий в процесс правотворчества. Посредством его применения конструируются цифровые двойники законопроектов, позволяющих предположить последствия внедрения цифровых технологий.

Наибольшим потенциалом обладает междисциплинарный, межотраслевой подход, предусматривающий конвергенцию (взаимообогащающую интеграцию) методов правовых, иных социальных и технических наук.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что методология цифрового правотворчества есть многоуровневая интегративная система, объединяющая как традиционные методы, приемы, способы, так и инновационный инструментарий, адекватный цифровой эпохе.

Перейдем к описанию методологии цифрового правотворчества – иными словами, общих характеристик того, как, с помощью каких социальных и цифровых технологий осуществляется эта деятельность.

Стоит отметить, что развитие цифрового правотворчества определено интенсивным проникновением цифровых технологий во все сферы жизни, развитием моделей искусственного интеллекта, систем распределенного реестра в сфере публичного управления. С теоретико-правовой точки зрения это определяет необходимость переосмысления или, во всяком случае, адаптации классических подходов.

Методология цифрового правотворчества предусматривает использование моделей искусственного интеллекта в данном процессе. При этом потенциал нейросетей может быть задействован в целях выявления технико-юридических дефектов, проверки «терминологической чистоты», нивелирования коррупционных рисков. В теоретико-правовой науке и практической юриспруденции уже исследуется и обладает потенциалом для широкого применения такой метод, как правотворческий промпт-инжиниринг – техника создания «промптов» – запросов, обращенных к моделям искусственного интеллекта, для получения информации или решения иной задачи (в данном случае применительно к правотворчеству).

Таким образом, методология цифрового правотворчества базируется на сочетании технических и социальных приемов и способов организации этой деятельности с акцентом именно на технические характеристики.

Дальнейшее исследование методологии познания цифрового правотворчества связано с решением следующих проблем: определение меры допустимого заимствования опыта цифровизации правотворческого процесса в зарубежных странах; разработка концепций машиночитаемого права и персонализированного правового регулирования, основанного на проактивной роли государства; формирование интегративной модели использования цифровых технологий.

В качестве перспективных направлений развития цифрового правотворчества (на основе описанной в настоящей статье методологии) можно обозначить следующие:

– институционализацию правового дизайна;

– развитие и практическое внедрение машиночитаемого права (с учетом рисков, которые несет данная технология);

– формирование высокого уровня цифровой правовой культуры субъекта правотворчества;

– активное использование цифровых методик, средств, техник и приемов правотворческой деятельности, основанной на широком применении цифровых технологий.

Как справедливо отмечает Т.Я. Хабриева, «право находится перед вызовами цифровой реальности, что требует переосмысления многих устоявшихся институтов и процедур» [4], в том числе – методологических основ его изучения и функционирования, попытка чего была предпринята в настоящей статье.

Подводя итог, можно сформулировать следующее понятие методологии цифрового правотворчества – система приемов, способов, принципов, методов познания и реализации процесса создания правовых норм в цифровой форме в целях обеспечения цифрового суверенитета государства, защиты прав и свобод личности в цифровом пространстве, а также инструментарий, позволяющий изучить данный феномен.

Литература

1. Николаев, А.И. Вопросы цифровизации права в современной юридической доктрине / А.И. Николаев // Вестник МГПУ. Серия: Юридические науки. – 2024. – № 1(53). – С. 38–44. – DOI 10.25688/2076–9113.2024.53.1.04. – EDN JXATYE.

2. Головкин, Р.Б. Методологические и логические основания исследования интерполяции права / Р.Б. Головкин, М.В. Новиков, Ю.П. Колесникова // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Юридические науки. – 2018. – № 3(17). – С. 22–30.

3. Михеева, М.А. Изучение конвергенции российского законодательства в регулировании установления и исполнения уголовных наказаний: вопросы методологии / М.А. Михеева // Юридическая наука в XXI веке: актуальные проблемы и перспективы их решений: сборник научных статей по итогам работы двенадцатого круглого стола со Всероссийским и международным участием, Шахты, 30–31 декабря

2020 года / УКК «Актуальные знания»; Ассоциация «Союз образовательных учреждений». Том Часть 2. – Шахты: ООО «Конверт», 2020. – С. 139–140.

4. Хабриева, Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности / Т.Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2018. – № 9(261). – С. 5–16. – DOI 10.12737/art_2018_9_1.

METHODOLOGY OF RESEARCH AND IMPLEMENTATION OF DIGITAL LAW-MAKING

Romanov M.A.
Vladimir State University named after Alexander Grigorievich and Nikolai Grigorievich Stoletov

The article addresses the methodology of digital law-making as a natural stage in the evolution of norm-creation activities amidst the digital transformation of social relations. The author examines various aspects of this phenomenon: the methodology of researching digital law-making and the methodology of its implementation. The article elucidates the multi-component nature of the methodology of digital law-making, characterizes the principles for understanding this phenomenon, and describes specific methods capable of revealing its multifaceted essence. In conclusion, the author formulates a definition of the methodology of digital law-making and draws inferences regarding the prospects for the phenomenon's development.

Keywords: digitalization, digital law-making, methodology, digital transformation, electronic law-making.

References

1. Nikolaev, A.I. Issues of the digitalization of law in modern legal doctrine / A.I. Nikolaev // Bulletin of the Moscow City University (MGPU). Series: Legal Sciences. – 2024. – № 1(53). – P. 38–44. – DOI 10.25688/2076–9113.2024.53.1.04. – EDN JXATYE.

2. Golovkin, R.B. Methodological and logical foundations for the study of legal interpolation / R.B. Golovkin, M.V. Novikov, Yu.P. Kolesnikova // Bulletin of the Vladimir State University Named After Alexander and Nikolay Stoletov. Series: Legal Sciences. – 2018. – № 3(17). – P. 22–30.

3. Mikheeva, M.A. Studying the convergence of Russian legislation regarding the imposition and execution of criminal penalties: methodological issues / M.A. Mikheeva // Legal Science in the 21st Century: Current Problems and Prospects for Their Solution: Collection of scientific articles based on the results of the twelfth round table with All-Russian and international participation, Shakhty, December 30–31, 2020 / UKK «Aktualnye Znaniya» [Actual Knowledge]; Association «Union of Educational Institutions». Volume/Part 2. – Shakhty: LLC «Konvert», 2020. – P. 139–140.

4. Khabrieva, T. Ya. Law facing the challenges of digital reality / T. Ya. Khabrieva // Journal of Russian Law. – 2018. – № 9(261). – P. 5–16. – DOI 10.12737/art_2018_9_1.

Сэмплы и сэмплирование – правовая квалификация с точки зрения авторского права США

Садыков Марсель Маратович,
студент, Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева
E-mail: marsolka2501@gmail.com

В статье рассматриваются проблемы правовой квалификации сэмплирования и использования сэмплов в контексте авторского права США. Анализируются основные подходы американской судебной практики к определению правомерности заимствования фрагментов музыкальных произведений и звукозаписей, в том числе доктрина de minimis и доктрина fair use. Автор приходит к выводу о сохраняющейся неопределённости американского правового регулирования сэмплирования, обусловленной отсутствием единообразного подхода к оценке существенности заимствования, трансформативности использования и соотношения fair use с исключительным правом на переработку произведения.

Ключевые слова: авторское право, музыкальное сэмплирование, сэмпл, de minimis, fair use, музыкальное произведение.

Развитие технологий, позволяющих упрощать процесс создания произведений искусства, создаёт определённые трудности для законодателей и правоприменителей в части определения правомерности заимствования охраняемый произведений для использования их в таких процессах. Как отмечала Н.В. Щербак, «на смену классическим представлениям о литературе, искусстве, науке приходит современная культура, концептуальное искусство, интерактивность, гипертекстуальность и т.д. Представители современной культуры создают новое искусство, формируют новое клиповое сознание, способное выражать новое мироощущение и менять сознание людей» [11, с. 115].

Одним из примеров такого явления можно назвать сэмплирование (от англ. «sample» – «образец»): перемещение отрывка, т.е. «сэмпла», из одного произведения (как музыкального, так и не музыкального) в другое[4, с. 25]. Особое развитие сэмплирование получило в США: само возникновение и расцвет сэмплирования связано со становлением в США культуры диск-жокеев (англ. disk-jockey, DJ) и возникновением музыкального жанра хип-хоп. С начала 70х гг. XX в. благодаря развитию музыкальной техники, в частности с появлением диджей-микшера, появилась возможность сведения двух композиций, проигрываемых с грампластинок [2, с. 93].

В литературе указывается, что переломным моментом стал выпуск в 1985 году дуэтом в жанре рэп Slick Rick и Doug E. Fresh композиции «La Di Da Di». Сама песня пользовалась значительным коммерческим успехом, и в последующие годы её использовали различные исполнители, включая её элементы в произведения, ставшими одними из самых узнаваемых в истории музыки [22, с. 1086–1087].

Изначально судебная практика негативно отнеслась к сэмплированию как к таковому. В 1991 году американский судья Кевин Томас Даффи, рассматривая дело Grand Upright Music v. Warner Bros. Records, Inc., начал свою речь с библейской заповеди – не укради. Суд вынес постановление о снятии альбома Biz Markie с продажи и рекомендовал передать дело в прокуратуру США для возбуждения уголовного дела [18]. Однако, как отмечается в литературе, данные доводы не сыскали популярности и признание любого сэмплирования как нарушения прав не нашло отклика в литературе и правоприменительной практике [15, с. 183].

В отечественной научной литературе обращали внимание на вариативность регулирования сэмплирования англо-американской системой авторского права, связывая это с её отличительными особенностями [8, с. 22]. Например, А.В. Кашанин объясняет вариабельность и даже хаотичность законодательных решений американских судов отсутствием жёсткого догматического каркаса, связанного с принудительной логикой и ценностями правовой системы американского авторского права [6, с. 50].Зарубежные исследователи отмечают, что свободное использование сэмплов при создании музыкальных произведений регулируется, как правило, двумя доктринами: «de minimis» и «fair use» [15, с. 183].

Доктрина de minimis (de minimis non curat lex – «закон не заботится о мелочах») в авторском праве применяется в тех случаях, когда нарушение является настолько несущественным, что не имеет смысла его судебное рассмотрение: «В силу доктрины de minimis, в незначительных случаях копирования мы фактически не нарушаем закон» [24]. Долгое время по отношению к сэмплам данная доктрина не применялась, поскольку в 2005 году 6 Окружной Суд США постановил, что критерии анализа нарушения авторского права на музыкальное произведение неприменимы при определении нарушения авторского права на фонограмму (звукозапись). Суд объяснял отказ от применения порога de minimis в отношении звукозаписей тем, что сэмплирование звукозаписи представляет собой «физическое заимствование, а не интеллектуальное». Шестой окружной суд также указал, что продюсеры намеренно используют сэмплы звукозаписей для того, чтобы «сократить расходы» [14].

Ситуация поменялась в 2016 году, когда 9 Окружной Суд США постановил, что анализ нарушения авторского права на звукозапись не должен отличаться от подхода, применяемого при оценке нарушения авторского права на музыкальное произведение. Суд критиковал толкование Шестого окружного суда, согласно которому сэмпл из звукозаписи не подлежит анализу на предмет существенности заимствования, поскольку представляет собой «физическое присвоение».

Девятый окружной суд также прямо выразил протест «алогичности» подхода Шестого округа, указав, что законодательство не свидетельствует о том, что законодательхотел установить специальный режим правовой охраны для звукозаписей по сравнению с другими видами объектов авторского права [25].

В литературе отмечается, что главной причиной такого расхождения в практике является неверное истолкование норм закона [15, с. 214]. Однако данное несогласие в судебной практике не позволяет установить конкретные рамки доктрины de minimis, а также приводит к тому, что музыканты в целях обезопасить себя приобретают лицензии на все используемые сэмплы, что негативно сказывается на свободе творчества [13, с. 548]. При это представляется, что лишь один критерий продолжительности фрагмента не удовлетворяет в достаточной степени потребности нынешнего правопорядка. В литературе отмечалось, что «в процессе сэмплирования можно заимствовать звуковой фрагмент небольшой продолжительности, при этом, будет взята наиболее узнаваемая часть музыкального произведения», что приведёт к тому, что «у слушателей возникнут определённые ассоциации с оригинальным произведением» [9, с. 218–219].

Под доктриной «Fair Use» (добросовестное использование) понимают четырёхступенчатый тест, который позволяет понять, является ли использование защищённого авторским правом произведения правомерным или нет. Данная доктрина подразумевает, что иногда авторы могут заимствовать элементы из произведений, защищённых авторским правом, и допускает обстоятельства нелицензионного использования для поощрения свободы выражения мнений [15, с. 197]. Для определения, является ли использование справедливым, суды ставят перед собой четыре вопроса: во-первых, цель и характер использования; во-вторых, характер произведения, защищённого авторским правом; в-третьих, объем и существенность использованной части по отношению к работе, в которой используется заимствованная часть; в-четвёртых, влияние использования на потенциальный рынок произведения[1]. При этом суды должны рассматривать все эти факторы в совокупности. Однако практикой подчёркивалось, что четвёртый фактор добросовестного использования – влияние использования на ценность первоначальной работы – «несомненно, является самым важным элементом справедливого использования» [19; 7, с. 134].

Решение суда по делу Bridgeport могло косвенно привести к тому, что доктрина справедливого использования фактически перестала использоваться в отношении нелицензированного использования сэмплов. Хотя суд и не намеревался исключить возможность применения этой защиты с юридической точки зрения, на практике доктрина fair use практически перестала использоваться при рассмотрении дел о нарушении авторских прав на звукозаписи [15, с. 212–213].

Разновидностью добросовестного использования является доктрина преобразовательного использования (transformative use). В литературе отмечается, что, хоть эта доктрина и не закреплена в законе об авторском праве (copyright act), в последние годы она вошла в анализ первого критерия добросовестного использования и стала одним из важнейших определяющих факторов при анализе добросовестного использования в целом [20, с. 7]. Доктрину преобразовательного использования предложил судья Пьер Леваль: он писал, что если кто-то использует защищённый авторским правом материал другого лица таким образом, что такое использование является достаточно «трансформативным» (то есть полученное в результате новое произведение служит иной цели, чем оригинал, и не заменяет собой спрос на оригинал), то его использование должно быть признано добросовестным [21, с. 1111]. Если изначально в правоприменительной практике доктрина преобразовательного использования применялась только к пародиям и комментариям, то впоследствии она расширила своё действие [20, с. 16–17].

Развитие доктрины преобразовательного использования нашло отражение и в судебной практике, касающейся музыкального сэмплирования. Так, Обри Д. Грэм, более известный как Дрейк, использовал запись разговорного фрагмента из песни Джимми Смита 1982 года под названием «Jimmy Smith Raps» («JSR») в своей песне «Pound Cake/Paris Morton Music 2». Он использовал около 35 секунд данного фрагмента, переставив или убрав определённые фразы. Суд признал, что изменения, внесённые Дрейком, носили преобразовательный характер. В частности, он изменил смысл слов Смита: из «Джаз – единственный жанр музыки, который сохранится надолго» (Jazzistheonlyrealmusicthat'sgonnadolast) получилось «Только настоящая музыка выдержит проверку временем» (Onlyrealmusicthat'sgonnadolast). Суд признал, что такое незначительное изменение фразы полностью поменяло её смысл и является достаточным для признания её использования справедливым [17].

Но не все случаи использования сэмплов можно признать справедливым использованием. Так, в 2017 году известная американская исполнительница Бейонсе использовала голос комика Энтони Барре в своей композиции «Formation». Бейонсе и её продюсер Майкл Уильямс утверждали, что они взяли речь Барре о Новом Орлеане, изменили звучание записи и создали новое, преобразованное сообщение для композиции «Formation». Однако суд первой инстанции указал, что использование слов Барре не являлось преобразующим (transformative) для создания иного выражения, поскольку оно лишь адаптировало собственное высказывание Барре для придания композиции «Formation» характерной эстетики Нового Орлеана [16].

Доктрина добросовестного использования создалановые возможности для авторов, желающих использовать сэмплы в своих произведениях, однако у артистов нет понимания, какое именно использование будет признано правомерным в соответствии с доктриной fair use, а какое – нет.

Кроме того, нельзя слепо полагаться на доктрину преобразовательного использования. Как отмечалось в литературе, судам, особенно при столкновении с так называемым апроприативным искусством, приходится решать вопрос, что именно считается преобразовательным. При этом, при определении правомерности добросовестного использования суды вынуждены опираться на собственные субъективные суждения [23, с. 1088]. Как можно видеть, в современной американской практике суды сталкиваются с неопределённостью, как определить преобразовательное использование, что не позволяет им выработать единообразный подход к сэмплированию в американском авторском праве. Рассуждая о применимости доктрины добросовестного использования в российском праве, В.О. Калятин пишет: «Если для наиболее простых случаев риска практически нет, то для новых, нестандартных вариантов использования произведения (т.е. именно тогда, когда важно проявить гибкость) предугадать решение суда крайне затруднительно, а значит, и полагаться на применение данной доктрины весьма опасно» [5, с. 41].

Кроме того, в литературе отмечается неясность в разграничении преобразовательного использования и переработки и создания производных произведений (derivative works) [22, с. 1088]. Американское законодательство устанавливает, что производные произведения – произведения, созданные на основе одной или нескольких ранее существовавших произведений, например, перевод, музыкальная аранжировка, драматизация и т.д[2].. Как отмечала А.Е. Туркина, среди критериев признания произведения производными в американском авторском праве в первую очередь выделяются оригинальность произведения, существование его в объективной форме (произведение должно быть закреплено на материальном носителе в «конкретной или постоянной форме»), производство переработки на законных основаниях [10, с. 226–229].

Разграничение переработки и преобразовательного использования имеет колоссальное значение. Если в российском правопорядке само по себе создание производного произведения без разрешения автора не запрещается закономи производное произведение получает авторско-правовую защиту (по мнению Э.П. Гаврилова, возбраняется лишь использование таких производных произведений) [3, с. 33], то в авторском праве США производное произведение, созданное без разрешения первоначального автора, вовсе не получает никакой авторско-правовой защиты, поскольку само по себе создание такого произведения нарушает права автора оригинала [1, с. 22]. И именно последний из трёх названных критериев производных произведений – производство переработки на законных основаниях – вызывает трудности в разграничении между случаем добросовестного (преобразовательного) использования и переработкой.

Показательным является решение Верховного Суда США по делу Andy Warhol Foundation for the Visual Arts, Inc.v. Goldsmith. Рассматривая вопрос о допустимости использования фотографии Линн Голдсмит в серии произведений Энди Уорхола, Суд указал, что само по себе придание исходному произведению нового художественного выражения или эстетики ещё не свидетельствует о преобразовательном использовании. При этом определяющее и основополагающее значение должна иметь цель и характер использования. При этом коммерческий характер использования является дополнительным обстоятельством, подлежащим учёту. Верховный Суд указал, что обоснование добросовестного использования ссылкой на наличие новых смыслов или художественного выражения не может автоматически превратить использо-

[1] 17 U.S.C. § 107 (2024). Limitations on exclusive rights: Fair use.

[2] 17 U.S.C. § 101 – Definitions.

вание в добросовестное поскольку иначе доктрина fairusepоглотила бы исключительное право автора на переработку [12].

Таким образом, анализ американского права демонстрирует отсутствие единого подхода к урегулированию сэмплирования. При этом, полагаем, опыт правоприменения США может быть перенят российским правом при установлении способов свободного использования произведений в соответствии с п. 5 ст. 1229 ГК РФ[1], предусматривающей так называемый трёхступенчатый тест, определяющий ограничение исключительного права для свободного использования произведения, в целях урегулирования сэмплирования как способа свободного использования музыкальных произведений.

Литература

1. Букина Е.К. Некоторые проблемы охраноспособности производных произведений // Интеллектуальные права: Сборник работ выпускников Российской школы частного права, посвященный 90-летию со дня рождения Виктора Абрамовича Дозорцева / Сост. и отв. ред. Е.А. Павлова и М.В. Радецкая. – М.: Статут, 2020. – С. 18–40.

2. Варданян Л.Р. Правовые аспекты регулирования семплирования (digital sampling) в США и Германии // Право и цифровая экономика. – 2021. – № 4. – С. 92–98.

3. Гаврилов Э.П. Перевод и иная переработка произведения // Патенты и лицензии. Интеллектуальные права. – 2015. – № 1. – С. 31–37.

4. Иванов Н.В. Авторские и смежные права в музыке: монография / Н.В. Иванов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2015. – 328 с.

5. Калятин В.О. О перспективах применения в России доктрины добросовестного использования // Закон. – 2015. – № 11. – С. 40–47.

6. Кашанин А.В. О проблеме распоряжения личными неимущественными правами автора // Вестник гражданского права. – 2009. – № 4. – С. 43–98.

7. Кочергин Д.С. Об отдельных вопросах применения доктрины fair use / Д.С. Кочергин // Интеллектуальные права: сборник работ выпускников Российской школы частного права, посвященный 90-летию со дня рождения Виктора Абрамовича Дозорцева / сост. и отв. ред. Е.А. Павлова, М.В. Радецкая. – М.: Статут, 2020. – С. 127–153.

8. Матвеев А.Г. Некоторые сравнительно-правовые аспекты англо-американской и романо-германской концепций авторского права / А.Г. Матвеев // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2009. – № 4. – С. 16–24.

9. Медведев А.А. Сэмплирование: недостатки применения законодательного подхода о производных произведениях и зарубежный опыт правового регулирования // Юридическая наука. – 2025. – № 3. – С. 215–221.

10. Туркина А.Е. Критерии признания произведения производным в США // Вестник гражданского права. – 2022. – № 4. – С. 221–243.

11. Щербак Н.В. Экзистенциальные особенности гражданско-правового режима объектов авторского права и смежных прав // Вестник гражданского права. – 2021. – № 6. – С. 99–134.

12. Andy Warhol Foundation for the Visual Arts, Inc.v. Goldsmith, 598 U.S. 508 (2023). URL: https://www.wipo.int/wipolex/en/judgments/details/2085 (дата обращения: 18.07.2026)

13. Beeck R. Creativity or Copyright Infringement?: Evaluating the De Minimis Exception in Digital Sampling Through VMG Salsoul, LLC and Bridgeport Music, Inc. / R. Beeck // Rutgers University Law Review. – 2018. – Vol. 70. – P. 521–555.

14. Bridgeport Music, Inc.v. Dimension Films, 410 F.3d 792 (6th Cir. 2005). [Электронный ресурс] URL: https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F3/410/792/574458/(дата обращения: 18.07.2026)

15. Corrado S.M. Care for a Sample? De Minimis, Fair Use, Blockchain, and an Approach to an Affordable Music Sampling System for Independent Artists / S.M. Corrado // Fordham Intellectual Property, Media & Entertainment Law Journal. – 2019. – Vol. 29, № 1. – Art. 1. – P. 179–243.

16. Estate of Barr v. Carter, 272 F.Supp.3d 906 (E.D. La. 2017). [Электронный ресурс] URL: https://case-law.vlex.com/vid/estate-of-barr-v892093982(дата обращения: 18.07.2026)

17. Estate of James Oscar Smith et al v. Cash Money Records, Inc. et al. [Электронный ресурс] URL: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/new-york/nysdce/1:2014cv02703/425904/135/(дата обращения: 18.07.2026)

18. Grand Upright Music v. Warner Bros. Records, Inc., 780 F. Supp. 182 (S.D.N.Y. 1991). [Электронный ресурс] URL: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/780/182/1445286/ (дата обращения: 18.07.2026)

19. Harper & Row v. Nation Enterprises, 471 U.S. 539 (1985) URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/471/539/ (датаобращения: 18.07.2026)

20. Landau M.B. Are the Courts Singing a Different Tune When it Comes to Music?: What Ever Happened to Fair Use in Music Sampling Cases? / M.B. Landau // IP Theory. – 2015. – Vol. 5, Iss. 1. – Art. 1.

21. Leval P.N. Toward a Fair Use Standard / P.N. Leval // Harvard Law Review. – 1990. – Vol. 103, № 5. – P. 1105–1136.

22. Miller, P.E. «Good Artists Borrow; Great Artists Steal»: How the Fair Use Doctrine Can Bring Harmony to the Federal Circuits on Digital Music Sampling / P.E. Miller // North Carolina Law Review. – 2018. – Vol. 96, № 4.

23. Moskowitz B. Toward a Fair Use Standard Turns 25: How Salinger and Scientology Affected Transformative Use Today // Fordham Intellectual Property, Media & Entertainment Law Journal. 2015. Vol. 25, № 4. P. 1057–1094.

24. On Davis v. The Gap, Inc., 246 F.3d 152 (2d Cir. 2001). [Электронный ресурс] URL: https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F3/246/152/469017/(дата обращения: 18.07.2026)

25. VMG Salsoul, LLC v. Ciccone, № 13–57104 (9th Cir. 2016). [Электронный ресурс] URL: https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/ca9/13–57104/13–57104–2016–06–02.html(дата обращения: 18.07.2026)

SAMPLES AND SAMPLING: LEGAL CLASSIFICATION UNDER U.S. COPYRIGHT LAW

Sadykov M.M.
V.M. Lebedev Russian State University of Justice

The article examines issues regarding the legal classification of sampling and the use of samples within the context of US copyright law. It analyzes key approaches in American case law for determining the legality of borrowing fragments from musical works and sound recordings, including the de minimis and fair use doctrines. The author concludes that uncertainty persists in the US legal regulation of sampling, stemming from the lack of a uniform approach to assessing the substantiality of the borrowing, the transformative nature of the use, and the relationship between fair use and the exclusive right to create derivative works.

Keywords: copyright, music sampling, sample, de minimis, fair use, musical work.

References

1. Bukina E.K. Some Problems Related to the Protection of Derivative Works // Intellectual Property Rights: Collection of Works by Graduates of the Russian School of Private Law, Dedicated to the 90th Anniversary of the Birth of Viktor Abramovich Dozortsev / Comp. and ed. by E.A. Pavlova and M.V. Radetskaya. – Moscow: Statut, 2020. – Pp. 18–40.

2. Vardanyan L.R. Legal Aspects of Regulation of Sampling (Digital Sampling) in the USA and Germany // Law and the Digital Economy. – 2021. – № 4. – Pp. 92–98.

3. Gavrilov E.P. Translation and Other Derivative Works // Patents and Licenses. Intellectual Property Rights. – 2015. – № 1. – Pp. 31–37.

4. Ivanov N.V. Copyright and Related Rights in Music: a monograph / N.V. Ivanov. – 2nd ed., revised and expanded. – Moscow: Prospekt, 2015. – 328 p.

5. Kalyatin V.O. On the prospects for applying the doctrine of fair use in Russia // Zakon. – 2015. – № 11. – Pp. 40–47.

6. Kashanin A.V. On the problem of disposing of an author's personal non-property rights // Vestnik grazhdanskogo prava. – 2009. – № 4. – Pp. 43–98.

7. Kochergin D.S. On certain issues related to the application of the fair use doctrine / D.S. Kochergin // Intellectual Rights: a collection of works by graduates of the Russian School of Private Law, dedicated to the 90th anniversary of the birth of Viktor Abramovich Dozortsev / comp. E.A. Pavlova, M.V. Radetskaya. Moscow: Statute, 2020. pp. 127–153.

8. Matveev A.G. Some comparative legal aspects of Anglo-American and Romano-German concepts of copyright / A.G. Matveev // Bulletin of the Perm University. Legal Sciences. – 2009. – № 4. – Pp. 16–24.

9. Medvedev A.A. Sampling: Shortcomings of Applying the Legislative Approach to Derivative Works and Foreign Experience in Legal Regulation // Legal Science. – 2025. – № 3. – Pp. 215–221.

10. Turkina A.E. Criteria for Recognizing a Work as Derivative in the USA // Bulletin of Civil Law. – 2022. – № 4. – Pp. 221–243.

11. Shcherbak N.V. Existential features of the civil law regime of copyright and related rights objects // Vestnik grazhdanskogo prava. – 2021. – № 6. – Pp. 99–134.

12. Andy Warhol Foundation for the Visual Arts, Inc.v. Goldsmith, 598 U.S. 508 (2023). URL: https://www.wipo.int/wipolex/en/judgments/details/2085 (accessed: 18.07.2026)

13. Beeck R. Creativity or Copyright Infringement?: Evaluating the De Minimis Exception in Digital Sampling Through VMG Salsoul, LLC and Bridgeport Music, Inc. / R. Beeck // Rutgers University Law Review. – 2018. – Vol. 70. – P. 521–555.

14. Bridgeport Music, Inc.v. Dimension Films, 410 F.3d 792 (6th Cir. 2005). [Electronic resource] URL: https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F3/410/792/574458/ (accessed: 18.07.2026)

15. Corrado S.M. Care for a Sample? De Minimis, Fair Use, Blockchain, and an Approach to an Affordable Music Sampling System for Independent Artists / S.M. Corrado // Fordham Intellectual Property, Media & Entertainment Law Journal. – 2019. – Vol. 29, № 1. – Art. 1. – P. 179–243.

16. Estate of Barr v. Carter, 272 F.Supp.3d 906 (E.D. La. 2017). [Electronic resource] URL: https://case-law.vlex.com/vid/estate-of-barr-v892093982 (accessed: 18.07.2026)

[1] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

17. Estate of James Oscar Smith et al v. Cash Money Records, Inc. et al. [Electronic resource] URL: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/new-york/nysdce/1:2014cv02703/425904/135/(accessed: 18.07.2026)

18. Grand Upright Music v. Warner Bros. Records, Inc., 780 F. Supp. 182 (S.D.N.Y. 1991). [Electronic resource] URL: https://law.justia.com/cases/federal/district-courts/FSupp/780/182/1445286/ (accessed: 18.07.2026)

19. Harper & Row v. Nation Enterprises, 471 U.S. 539 (1985) URL: https://supreme.justia.com/cases/federal/us/471/539/ (accessed: 18.07.2026)

20. Landau M.B. Are the Courts Singing a Different Tune When It Comes to Music?: What Ever Happened to Fair Use in Music Sampling Cases? / M.B. Landau // IP Theory. – 2015. – Vol. 5, Iss. 1. – Art. 1.

21. Leval P.N. Toward a Fair Use Standard / P.N. Leval // Harvard Law Review. – 1990. – Vol. 103, № 5. – P. 1105–1136.

22. Miller, P.E. «Good Artists Borrow; Great Artists Steal»: How the Fair Use Doctrine Can Bring Harmony to the Federal Circuits on Digital Music Sampling / P.E. Miller // North Carolina Law Review. – 2018. – Vol. 96, № 4.

23. Moskowitz B. Toward a Fair Use Standard Turns 25: How Salinger and Scientology Affected Transformative Use Today // Fordham Intellectual Property, Media & Entertainment Law Journal. 2015. Vol. 25, № 4. Pp. 1057–1094.

24. On Davis v. The Gap, Inc., 246 F.3d 152 (2d Cir. 2001). [Electronic resource] URL: https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/F2/246/152/469017/(accessed: 18.07.2026)

25. VMG Salsoul, LLC v. Ciccone, № 13–57104 (9th Cir. 2016). [Electronic resource] URL: https://law.justia.com/cases/federal/appellate-courts/ca9/13–57104/13–57104–2016–06–02.html (accessed: 18.07.2026)

К проблеме дезадаптации подозреваемых, обвиняемых и осужденных: диагностика и профилактика

Соболев Николай Гургенович,
кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела разработки методологий социальной, психологической, воспитательной и педагогической работы с осужденными центра исследования проблем исполнения уголовных наказаний и психологического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы Федерального казенного учреждения «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний»
E-mail: sobolev-nikolay@mail.ru

В статье рассматривается потенциал применения методов клинической психологии в профилактике дезадаптации среди подозреваемых, обвиняемых и осужденных в условиях следственных изоляторов. Обосновывается необходимость смещения акцента профилактической работы на упреждающее выявление поведенческих рисков. Особое внимание уделяется прогностическому потенциалу, позволяющему выстраивать индивидуальные прогнозы, дифференцировать риски дезадаптации. Раскрывается значение междисциплинарного взаимодействия клинического психолога с сотрудниками других служб и отделов как необходимого условия эффективной профилактики. Делается вывод о том, что системное внедрение методов клинической психологии в деятельность психологических лабораторий следственных изоляторов позволит повысить эффективность профилактики, что будет способствовать снижению деструктивных проявлений и дезадаптации подозреваемых, обвиняемых и осужденных.

Ключевые слова: диагностика; профилактика; дезадаптация; прогнозирование; клиническая психология; уголовно-исполнительная система.

В деятельности психологической службы уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) особое место занимает профилактическая работа с осужденными. В этом контексте особое внимание уделяется потенциалу методов клинической психологии, которые могут выступить в качестве важного инструментария, повышающего эффективность указанного вида деятельности, обладающего уникальными возможностями для раннего выявления поведенческих рисков среди подозреваемых, обвиняемых и осужденных.

Как подчеркивает Н.Т. Колесник, эта отрасль изучает психические факторы происхождения и течения болезней, их влияние на личность, а также психологические аспекты лечебных воздействий [1]. Однако в контексте пенитенциарной практики эти направления приобретают принципиально иную окраску, смещаясь из сферы терапии в сферу профилактики. Клинический психолог в условиях следственного изолятора работает столько с болезнью, сколько с доболезненными состояниями, с зонами психологической уязвимости, которые под воздействием стрессогенных факторов изоляции могут переходить в деструктивные поведенческие паттерны или устойчивую дезадаптацию.

Для понимания сущности дезадаптации обратимся к ее трактовкам в психологической науке и оценкам исследователей, занимающимися проблемами пенитенциарной практики. Данным понятием обозначается широкий круг нарушений нормального отношения человека с обществом, окружающими, вследствие этого возникновение трудностей общения и взаимодействия с людьми, ухудшение личных и деловых отношений, невозможность выполнения своей работы на достаточно высоком уровне, с учетом предъявляемых требований, нарушение социально ролевого и полоролевого взаимодействия с людьми [2]. При этом важно отметить, что многие исследователи солидарны в том, что одним из основных критериев социальной адаптации служит правомерное поведение, тогда как дезадаптация часто сопряжена с противоправными действиями [3]. Как отмечает А.М. Яковлев, суть процесса социальной адаптации заключается в обеспечении соответствия поведения осужденного социальным ожиданиям, а преступление, будучи следствием недостаточности этого процесса, представляет собой исключительный исход нормального взаимодействия личности с социальной средой» [4].

Дезадаптация в условиях изоляции приобретает особую остроту: она характеризуется устойчивостью, распространением на все сферы жизнедеятельности, снижением эффективности совладающего поведения и т.д. Такой ракурс становится особенно значимым, если учесть, что сама среда следственного изолятора является мощным катализатором внутреннего напряжения – здесь стрессовые воздействия затрагивают все уровни функционирования личности. Речь идет о совокупности взаимно усиливающих факторов: сенсорная депривация, ограничение приватности, разрушение привычных социальных связей, неопределенность будущего и т.д. [5]. С.А. Тарасова справедливо указывает, что само пребывание в местах лишения свободы способствует возникновению или обострению различных психических расстройств [6]. Однако знание этих рисков имеет не только диагностическую ценность – оно открывает возможность опережающего вмешательства. Методы клинической психологии позволяют перевести это констатирующее знание в плоскость активной профилактики: выявлять лиц с низкой стрессоустойчивостью, с ригидными аффективными реакциями, с признаками эмоционального оскудения или нарастающей тревожности задолго до того, как эти состояния перерастут в открытые конфликты, деструктивные формы поведения.

Дезадаптация в условиях следственного изолятора может проявляться в различных формах, каждая из которых требует специфических профилактических стратегий. К таким формам можно отнести: стойкие колебания настроения, дисфория, тревожно-депрессивные состояния, снижение критичности, продуктивности мышления, аутоагрессия, социальная самоизоляция, ритуализация и т.д. Именно способность клинического психолога дифференцировать эти формы и определять их ведущие механизмы составляет основу эффективного профилактического сопровождения. Однако для такого раннего выявления необходим надежный инструментарий, и здесь на первый план выходит патопсихологическая диагностика.

Использование экспериментальных методик, детально описанных в руководстве С.Я. Рубинштейн, позволяет не просто констатировать актуальное состояние, а выявлять латентные дисфункции мышления, эмоциональной регуляции и волевого контроля [7]. Именно эти параметры наиболее тесно коррелируют с рисками импульсивных агрессивных действий, неадекватной оценки ситуации и суицидальных намерений. При этом особую диагностическую значимость в условиях следственного изолятора приобретает дифференцированная оценка механизмов дезадаптации: в одних случаях на первый план выходят когнитивные нарушения и снижение критичности, в других – аффективная неустойчивость и трудности саморегуляции, что требует принципиально различных стратегий профилактического сопровождения. Регулярный патопсихологический мониторинг дает возможность формировать группы риска не на основе субъективного впечатления, а на основании объективных данных о когнитивных и аффективных профилях осужденных.

Полученные в ходе диагностики данные, в свою очередь, создают основу для прогностической работы. Понимание клинических закономерностей позволяет психологу выстраивать индивидуальные прогнозы: при каких условиях у конкретного осужденного возрастает вероятность деструктивного срыва, какие триггеры являются для него критическими, каков временной интервал между нарастанием напряжения и поведенческой разрядкой. Это особенно важно, поскольку дезадаптация не всегда проявляется внешне ярко – нередко она носит латентный характер. Это переводит профилактику из разряда общих рекомендаций в плоскость персонализированного риск-менеджмента, что особенно важно в условиях ограниченных ресурсов психологических лабораторий.

Вместе с тем диагностические и прогностические возможности клинического психолога раскрываются в полной мере только при условии активного междисциплинарного взаимодействия. Как отмечает Н.А. Русина, наиболее полное понимание состояния человека рождается именно на стыке клинической психологии и психиатрии [8]. В превентивном ключе такое сотрудничество позволяет не только уточнять диагностические гипотезы, но и совместно разрабатывать стратегии снижения поведенческих рисков: корректировать режим наблюдения, рекомендовать психофармакологическую поддержку на ранних этапах, изменять условия содержания для лиц с высокой психологической уязвимостью. Благодаря этому профилактика перестает быть монологом психолога и превращается в системный процесс с участием врача, режимной службы и социальных работников и других специалистов.

Выводы

Таким образом, профилактика дезадаптации представляет собой многоуровневую систему, включающую: первичную профилактику (создание условий, минимизирующих риск дезадаптации, психологическое просвещение сотрудников, ранее выявление факторов риска), вторичную профилактику (своевременная диагностика начальных признаков дезадаптации, адресная психологическая коррекция, предотвращение углубления нарушений); третичную профилактику (работа с устойчивыми формами дезадаптации, реабилитационные мероприятия, профилактика рецидивов).

Однако важно подчеркнуть, что само по себе образование клинического психолога не является гарантией профилактического эффекта. Профессиональная компетентность складывается не только из имеющихся теоретических знаний, а из способности психолога отмечать за диагностическими показателями внутреннюю динамику личности – ее напряжение, колебания эмоционального фона, сдвиги в мотивационно-ценностной сфере, защитные механизмы и т.д. Профилактическая ценность диагностики рождается только тогда, когда психолог умеет переводить количественные показатели в качественное понимание сути проблемы. Ее действенность напрямую зависит от того, насколько глубоко психолог овладел практическими навыками работы с диагностическим инструментарием. С.Я. Рубинштейн подчеркивает, что освоение экспериментальных методик невозможно в отрыве от реальной клинической практики: оно требует не только теоретической подготовки, но и продолжительного практического обучения под контролем опытных наставников непосредственно на клинических базах [7].

Из этого следует, что клинический психолог, работающий в следственном изоляторе, должен уметь не только диагностировать, но и переводить полученные данные на язык конкретных профилактических мероприятий: определять оптимальный график работы с психологом, предлагать адресные копинг-стратегии, адаптированные к реальным когнитивным возможностям осужденного и т.д. [9]. Без этого клиническое знание остается академическим, но не становится действенным инструментом снижения рисков.

Переход от профилактики деструктивного поведения как узко ориентированной задачи к профилактике дезадаптации как более широкому позволяет охватить весь спектр возможных нарушений адаптации в условиях следственного изолятора. Такой подход смещает фокус внимания на системную работу по укреплению адаптационного потенциала личности, что является более результативным направлением профилактической деятельности. Анализ теоретических источников и реальных запросов пенитенциарной практики убедительно показывает, что клинический подход является тем недостающим звеном, которое превращает профилактику в технологичный, измеримый и прогнозируемый процесс. Его системное внедрение в деятельность психологических лабораторий следственных изоляторов способно не только снизить частоту деструктивных проявлений, но и создать условия для более устойчивой психологической адаптации осужденных, что в конечном счете работает и на задачи режима, и на цели ресоциализации.

Литература

1. Колесник Н.Т. Клиническая психология: учебник для академического бакалавриата / Н.Т. Колесник, Е.А. Орлова; под ред. Г.И. Ефремовой. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2015. – 359 с.
2. Немов Р.С. Психологический словарь. – М.: Гуманитар. изд. Центр ВЛАДОС, 2007. – 560 с.
3. Бураков С.Л. Социальная дезадаптация осужденных и социально-правовые ожидания // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт: Материалы Международной научно-практической конференции, Самара, 11–12 октября 2018 года. – Самара: Самарский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2018. – С. 26–28.
4. Яковлев А.М. Преступность и социальная психология. Социально-психологические закономерности противоправного поведения. – М., Юридическая литература,1971. – С. 198–199.
5. Кряжева С.Г., Трифонов С.С. Проблема социально-психологической адаптации подозреваемых и обвиняемых женского пола, находящихся в следственном изоляторе // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2020. – № 2. – С. 24–28.
6. Тарасова С.А. Проблемы взаимодействия сотрудников исправительных учреждений с осужденными, имеющими психические расстройства // Вестник Самарского юридического института. – 2021. – № 3(44). – С. 110–116.
7. Рубинштейн С.Я. Экспериментальные методики патопсихологии и опыт применения их в клинике. (Практическое руководство). – М.: Апрель-пресс, Психотерапия. – 224 с.
8. Русина Н.А. Клинический психолог в системе здравоохранения: проблемы, реалии, перспективы // Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. – 2012. – № 1. – С. 84–86.
9. Кряжева С.Г., Соболев Н.Г. Профилактика повторной преступности среди лиц, освобождающихся из мест лишения свободы: криминологический анализ и профилактика // Вестник Пермского института Федеральной службы исполнения наказаний. – 2026. – № 1(60). – С. 61–65.

ON THE PROBLEM OF MALADJUSTMENT AMONG SUSPECTS, DEFENDANTS, AND CONVICTS: DIAGNOSTICS AND PREVENTION

Sobolev N.G.
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

The article examines the potential for applying clinical psychology methods to prevent maladaptation among suspects, the accused, and convicted individuals held in pre-trial detention centers. It substantiates the need to shift the focus of preventive work toward the proactive identification of behavioral risks. Particular attention is paid to predictive potential, which enables the formulation of individual forecasts and the differentiation of maladaptation risks. The article highlights the importance of interdisciplinary collaboration between clinical psychologists and staff from other services and departments as a prerequisite for effective prevention. It concludes that the systematic integration of clinical psychology methods into the operations of psychological units within pre-trial detention centers will enhance prevention effectiveness, thereby helping to reduce destructive behaviors and maladaptation among suspects, the accused, and convicted individuals.

Keywords: assessment; prevention; maladaptation; forecasting; clinical psychology; penal system.

References

1. Kolesnik N.T. Clinical Psychology: a textbook for academic bachelor's degree programs / N.T. Kolesnik, E.A. Orlova; edited by G.I. Efremova. – 3rd ed., revised and supplemented. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2015. – 359 p.
2. Nemov R.S. Psychological Dictionary. – Moscow: Humanitarian Publishing House. VLADOS Center, 2007. – 560 p.

3. Burakov S.L. Social maladjustment of convicts and socio-legal expectations // Penitentiary security: national traditions and foreign experience: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Samara, October 11–12, 2018. – Samara: Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service, 2018. – Pp. 26–28.

4. Yakovlev A.M. Crime and Social Psychology. Socio-psychological patterns of unlawful behavior. – Moscow, Legal Literature, 1971. – Pp. 198–199.

5. Kryazheva S.G., Trifonov S.S. The problem of socio-psychological adaptation of female suspects and accused persons held in a pre-trial detention facility // Penal System: Law, Economics, Management. – 2020. – № 2. – Pp. 24–28.

6. Tarasova S.A. Problems of interaction between employees of correctional institutions and convicts with mental disorders // Bulletin of the Samara Law Institute. – 2021. – № 3(44). – Pp. 110–116.

7. Rubinstein S. Ya. Experimental methods of pathopsychology and the experience of their application in the clinic. (Practical guide). – Moscow: April-Press, Psychotherapy. – 224 p.

8. Rusina N.A. Clinical psychologist in the healthcare system: problems, realities, prospects // Medical Psychology in Russia: electronic. Scientific journal. – 2012. – № 1. – Pp. 84–86.

9. Kryazheva S.G., Sobolev N.G. Prevention of recidivism among persons released from correctional facilities: criminological analysis and prevention // Bulletin of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service. – 2026. – № 1(60). – Pp. 61–65.

Трансформация функций государства с учетом необходимости обеспечения цифрового суверенитета России

Степанова Наталья Валерьевна,
соискатель, полковник полиции, старший юрисконсульт, правовой отдел ОМОН «Авангард» Главное управление Росгвардии
E-mail: aleksiyao@yandex.ru

Цель исследования – теоретико-правовое обоснование функции защиты цифрового суверенитета государства и определение основных направлений ее реализации в условиях цифровой трансформации. *Методология исследования* основана на общенаучных и специальных методах теории государства и права: диалектическом, системном, формально-юридическом, сравнительно-правовом, структурно-функциональном методах, а также методах анализа и обобщения. *Результаты*. Определено место функции защиты цифрового суверенитета в системе функций государства, систематизированы основные формы посягательств на цифровой суверенитет и направления государственной деятельности по его защите. Особое внимание уделено рискам, связанным с искусственным интеллектом, критической информационной инфраструктурой, цифровыми платформами и данными. *Выводы*. Обосновано, что защита цифрового суверенитета приобретает признаки самостоятельной функции государства охранительно-регулятивного характера, содержание которой расширяется по мере развития цифровых технологий и возникновения новых угроз.

Ключевые слова: функции государства, цифровой суверенитет, цифровая трансформация, искусственный интеллект, цифровая безопасность, критическая информационная инфраструктура.

Введение

Вопросы, касающиеся функций государства в экономическом развитии, традиционно являются одним из значимых направлений науки теории государства и права.

Их важность для исследования процессов общественно-экономического развития связана с тем, что правильное понимание содержания и характера функций государства во многом определяет эффективность государственного управления, характер государственного воздействия на экономические процессы и направления трансформации экономической системы. В этом смысле проблематика цифровизации с точки зрения государственного участия и изменения роли государства приобретает особое значение, поскольку цифровые трансформационные процессы затрагивают не только отдельные сферы экономической деятельности, но и содержание, формы и инструменты реализации государственных функций.

В последние годы вопросы трансформации государства в условиях цифрового развития получили дальнейшее развитие в научной литературе. Алексеева М.В., Филимонова Е.А. [1], Васиян Р.И. [2], Комаров С.А. и др. [3], Карев Д.А., Чертыковцев Ю.В. [4], Кирилловых А.А. [5], Романовская О.В. [9], Харитонов П.А. [14] особое внимание уделяют изменению роли государства в обеспечении цифрового и технологического суверенитета, защите национальных интересов в информационно-цифровой среде, обеспечении экономической безопасности, а также формированию правовых условий осуществления экономической деятельности с использованием цифровых технологий. Современные исследования рассматривают государство как непосредственного участника цивилизационного развития, функции и институты которого трансформируются под воздействием технологических изменений и формирования информационного общества [2].

Зарубежные исследователи Fratini S., Hine E., Novelli C., Roberts H., Floridi L. [16], Roberts H. [18], Vaseashta A. [19] проблемы трансформации функций государства рассматривают с позиций обеспечения национальной безопасности в условиях гибридной войны, противодействия кибернетическим и информационным угрозам, защиты критической инфраструктуры, а также адаптации системы государственного управления к возможностям современных цифровых технологий.

Исследователи отмечают расширение сферы ответственности государства, необходимость интеграции традиционных управленческих и обеспечивающих безопасность функций и указывают на эволюционную природу функций государства, содержание которых изменяется под воздействием новых технологических возможностей, характера внешних угроз и трансформации международной среды.

В то же время, несмотря на значительную разработанность теоретических представлений о функциях государства, современная ситуация, связанная с усилением геополитической нестабильности и расширением возможностей цифровых технологий, обусловливает трансформацию содержания традиционных и формирование новых функций государства. Данная государственно-правовая ситуация формируется на фоне того, что цифровые технологии становятся одновременно средством реализации государственных функций и самостоятельным объектом государственно-правового воздействия, что требует переосмысления роли государства в обеспечении цифрового суверенитета в условиях геополитической нестабильности.

Таким образом, **цель исследования** – теоретико-правовое обоснование функции защиты цифрового суверенитета государства и определение основных направлений ее реализации в условиях цифровой трансформации.

Методология исследования основана на общенаучных и специальных методах. Диалектический метод применялся при исследовании изменения функций государства под воздействием цифровой трансформации; системный – при рассмотрении защиты цифрового суверенитета как комплексного направления государственной деятельности; структурно-функциональный – при определении места данной функции в системе функций государства и раскрытии ее содержания; формально-юридический – при изучении нормативно-правовых основ обеспечения цифрового суверенитета; сравнительно-правовой – при сопоставлении подходов к его правовому обеспечению; анализ и обоб-

щение – при систематизации угроз цифровому суверенитету и определении основных направлений деятельности государства по его защите.

Результаты

Основные положения учения о функциях государства, разработанные ещё в советской юридической науке, сохраняют теоретическое и методологическое значение и в настоящее время. Они продолжают служить основой для решения целого ряда актуальных научных задач. Вместе с тем проблема функций государства, имеющая не только теоретическое, но и политико-правовое значение, по-прежнему относится к числу наиболее сложных и дискуссионных вопросов юридической науки.

Функции раскрывают государство в динамике, характеризуя основные направления его деятельности, посредством которых обеспечивается достижение целей и решение задач, обусловленных особенностями конкретного исторического периода. Вместе с тем функции государства нельзя сводить непосредственно к его практической деятельности, поскольку реальные действия государственных институтов могут отклоняться от объективно необходимых направлений либо искажать их содержание [1].

Содержание и состав функций во многом определяются сущностью государства и его социальным назначением. Основная обязанность государства заключается в поддержании такого уровня организации общественной жизни, который обеспечивает сохранение целостности и устойчивое развитие общества, а также создаёт условия для удовлетворения потребностей отдельных граждан [5].

В научной литературе функции государства классифицируются по различным основаниям, что обусловлено их сложным и системным характером (рис. 1). Одним из наиболее значимых критериев классификации выступает объект государственного воздействия, то есть соответствующая сфера общественной жизни.



Рис. 1. Классификация функций государства

Источник: составлено автором.

Перечень и содержание функций каждого государства определяются совокупностью внутренних и внешних факторов. Особое значение среди них имеют сущность государства и характер защищаемых им интересов, а также специфика и степень актуальности экономических, политических, национальных, экологических и иных проблем, возникающих на конкретном этапе общественного развития [9].

В различные исторические периоды приоритетное значение могут приобретать отдельные направления государственной деятельности. На одном этапе основное внимание уделяется экономическим функциям, на другом – политическим или социально-культурным, а при возникновении внешних угроз первостепенной становится функция обороны. При этом сами функции отличаются относительной устойчивостью, тогда как формы и методы их реализации могут существенно изменяться в зависимости от общественных потребностей и стоящих перед государством задач.

В условиях развития цифровой экономики, ускорения технологических преобразований и усиления мировой геополитической нестабильности в России формируются объективные предпосылки для выделения функции защиты цифрового суверенитета государства. По аналогии с иными функциями государства её можно рассматривать как самостоятельное направление государственной деятельности охранительно-регулятивного характера, направленное на обеспечение независимости, устойчивости и защищённости национального цифрового пространства, критической информационной инфраструктуры, данных и ключевых цифровых технологий от внутренних и внешних угроз [5].

Данная функция приобретает особое значение для государства, поскольку расширение сферы применения цифровых технологий и их возрастающее влияние на экономические и общественные процессы обусловливают необходимость обеспечения самостоятельности государства в формировании и развитии национального цифрового пространства. В этой связи цифровой суверенитет предполагает возможность государства самостоятельно определять направления цифрового развития, обеспечивать устойчивость национальной цифровой инфраструктуры, осуществлять контроль над данными и защищать национальные интересы в цифровой среде. Это, в свою очередь, расширяет содержание традиционных функций государства и формирует новые направления государственно-правового регулирования.

В настоящее время в российском законодательстве отсутствует нормативно закреплённое определение понятия «цифровой суверенитет», однако его отдельные содержательные составляющие получили правовое закрепление в нормативных правовых актах, регулирующих обеспечение устойчивости национальной информационной инфраструктуры, защиту информации, функционирование российского сегмента сети Интернет и развитие отечественных цифровых решений. В частности, нормативно-правовые основы обеспечения цифрового суверенитета Российской Федерации сформированы комплексом законодательных и стратегических актов, включающих Федеральные законы «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [12], «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [13], направленный на обеспечение устойчивого функционирования российского сегмента сети Интернет. «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» [11], «О персональных данных» [10], Доктрина информационной безопасности Российской Федерации [8] и Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [6].

При этом в Модельном законе «О цифровой трансформации отраслей промышленности государств – участников СНГ» [7] цифровой суверенитет определяется как «способность государства самостоятельно создавать и использовать в различных сферах деятельности собственные цифровые сети, программное обеспечение и цифровые технологии», имеющие критическое значение для благосостояния населения, национальной безопасности и конкурентоспособности экономики, а также самостоятельно определять внутреннюю и внешнюю политику в цифровом пространстве.

Такое понимание цифрового суверенитета объективно формирует предпосылки для трансформации функций государства с учётом расширения сферы цифровых общественных отношений и необходимости обеспечения национальных интересов в цифровом пространстве. Данная трансформация вытекает из характера происходящих технологических изменений и связанных с ними новых рисков и угроз, обусловленных зависимостью от зарубежных цифровых технологий и инфраструктуры, трансграничным характером информационных процессов, распространением киберугроз и необходимостью обеспечения безопасности национального цифрового пространства.

Обращение к научной литературе, а также изучение материалов международных экспертных и аналитических организаций, в частности докладов Всемирного экономического форума Global Cybersecurity Outlook 2026 [17] и Агентства Европейского союза по кибербезопасности ENISA Threat Landscape 2025 [15], в которых современные киберриски рассматриваются во взаимосвязи с геополитической напряжённостью, технологическими и инфраструктурными зависимостями, уязвимостями цепочек поставок, развитием искусственного интеллекта, кибершпионажем и утратой чувствительных данных, а также анализируются деятельность связанных с государствами субъектов, вмешательство в информационную среду и угрозы устойчивости цифровой инфраструктуры, позволяют выделить основные формы посягательств на цифровой суверенитет государства.

Исследование позволяет говорить о том, что посягательства на цифровой суверенитет затрагивают три сферы. В технологической и инфраструктурной сфере они выражаются в зависимости от зарубежного программного обеспечения, оборудования, облачных сервисов и технологий ИИ, доминировании иностранных платформ и воздействии на критическую инфраструктуру. В информационной и политической сфере угрозы связаны с кибератаками, манипулированием общественным мнением, в том числе с применением ИИ, и внешним ценностно-информационным воздействием. В сфере данных риски создают их неконтролируемая трансграничная передача, использование для обучения зарубежных моделей ИИ и действие иностранного законодательства. Соответственно, защита цифрового суверенитета требует сочетания технологической независимости, устойчивости информационных систем и национального контроля над данными [3], [16].

Представленные формы посягательств свидетельствуют о том, что объектом функции защиты цифрового суверенитета выступают информация, данные, цифровые технологии и инфраструктура, а также связанные с ними общественные и правовые отношения. Особое место занимают риски, обусловленные развитием искусственного интеллекта: зависимость от зарубежных моделей и вычислительных мощностей, обработка национальных данных и возможность масштабного информационного воздействия.

Поэтому данная функция включает технологические, инфраструктурные, информационные и правовые меры, направленные на противодействие угрозам, безопасное применение искусственного интеллекта и предупреждение критической зависимости от внешних цифровых ресурсов. По основаниям классификации функций государства (см. рис. 1) она является охранительно-регулятивной, внутренней и внешней, постоянной, основной и общесоциальной. Функция имеет комплексный межотраслевой характер, поскольку охватывает защиту информационного пространства, критической и финансово-платёжной инфраструктуры, устойчивости государственного управления и экономики, а также прав граждан в цифровой среде.

При этом, наличие угроз позволяет определить основные направления деятельности государства, связанные с реализацией функции защиты цифрового суверенитета. Их содержание обусловлено характером существующих технологических, инфраструктурных, информационно-политических угроз, а также рисков, возникающих в сфере оборота и использования данных.

Соответственно, деятельность государства по защите цифрового суверенитета направлена на противодействие следующим угрозам: зависимости от зарубежного программного обеспечения, оборудования, облачных сервисов, моделей ИИ и вычислительных мощностей; ограничению доступа к иностранным технологиям; доминированию зарубежных цифровых платформ и ограничению национального регулирования; кибератакам и эксплуатации уязвимостей критической инфраструктуры; внешнему воздействию на общественно-политические коммуникации, распространению недостоверной информации и манипулированию информационными потоками; созданию дипфейков и автоматизации дезинформации с помощью ИИ; ценностно-информационному воздействию через глобальные платформы и рекомендательные алгоритмы; неконтролируемой трансграничной передаче данных, использованию национальных данных зарубежными системами ИИ и утрате контроля над результатами их обработки; экстерриториальному применению иностранного законодательства и доступу иностранных органов к данным через подконтрольных им провайдеров

Таким образом, реализация функции защиты цифрового суверенитета предполагает формирование взаимосвязанной системы направлений государственной деятельности, охватывающей обеспечение технологической независимости, развитие и защиту национальной цифровой и критической информационной инфраструктуры. Эта деятельность направлена на обеспечение безопасности информационного пространства и данных, формирование национальных компетенций в области искусственного интеллекта, а также обеспечение национальной юрисдикции в цифровой среде.

Заключение

Реализация функции защиты цифрового суверенитета приобретает комплексный характер, затрагивая технологическую, инфраструктурную, информационную и правовую сферы государственной деятельности. Ее содержание определяется необходимостью обеспечения устойчивости национальной цифровой среды, технологической независимости и защищенности критической информационной инфраструктуры. Развитие искусственного интеллекта расширяет содержание данной функции, поскольку формирует новые риски, связанные с зависимостью от зарубежных технологий, использованием национальных данных и возможностями информационного воздействия. Существенное значение в этих условиях имеют обеспечение национального контроля над данными и цифровыми платформами, противодействие кибератакам и защита информационного пространства. Тем самым защита цифрового суверенитета становится одним из значимых направлений деятельности государства, содержание которого изменяется и расширяется вслед за развитием цифровых технологий и характером возникающих угроз.

Литература

1. Алексеева М.В., Филимонова Е.А. Особенности трансформации государства в условиях развития цифровых технологий. Правовой порядок и правовые ценности. 2024;2(2):14–21.

2. Васиян Р.И. Основные принципы и общие начала правового обеспечения экономической деятельности в информационно-цифровой среде // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2026. – № 6–2. – С. 235–243. – DOI 10.24412/2500–1000–2026–6–2–235–243.

3. Теоретико-правовая парадигма существования кибернетической (информационной) цивилизации: монография / Под ред. С.А. Комарова. – М.: Изд-во МАТГиП, 2022.320 с.

4. Карев Д. А., Чертыковцев Ю.В. Цифровой суверенитет // Право и государство: теория и практика. – 2025. – № 4. – С. 80–83.

5. Кирилловых А.А. Цифровое государство (digital state): организационно-правовые аспекты: монография. – М.: Юрлитинформ, 2022. 184 с.

6. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Официальное опубликование правовых актов. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202107030001 (дата обращения: 13.09.2026).

7. О цифровой трансформации отраслей промышленности государств – участников СНГ: модельный закон: принят постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 14 апреля 2023 г. № 55–9 // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. – 2023. – № 78. – Ч. 2. – URL: https://iacis.ru/public/upload/files/2/1187.pdf (дата обращения: 13.09.2026).

8. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 // Официальное опубликование правовых актов. – URL: http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201612060002 (дата обращен: 20.09.2026).

9. Романовская О.В. Право, информационное общество, цифровой суверенитет // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2024. – Т. 24, № 2. – С. 174–183

10. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 N 152-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/

11. Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» от 26.07.2017 N 187-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/

12. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 N 149-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/

13. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 1 мая 2019 г. № 90-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323815/

14. Харитонов П.А. Концептуальная модель обеспечения национальной экономической безопасности на основе развития сферы информационных технологий // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. – 2023. – № S2. – С. 186–193.

15. ENISA Threat Landscape 2025. URL: https://www.enisa.europa.eu/publications/enisa-threat-landscape-2025

16. Fratini S., Hine E., Novelli C., Roberts H., Floridi L. Digital Sovereignty: A Descriptive Analysis and a Critical Evaluation of Existing Models // Digital Society. – 2024. – Vol. 3. № 59. DOI: 10.1007/s44206-024-00146-7

17. Global Cybersecurity Outlook 2026. URL: https://www.weforum.org/publications/global-cybersecurity-outlook-2026/in-full/3-the-trends-reshaping-cybersecurity/

18. Roberts H. Digital sovereignty and artificial intelligence: a normative approach // Ethics and Information Technology. – 2024. – Vol. 26. – Art. 70.

19. Vaseashta A. Applying Resilience to Hybrid Threats in Infrastructure, Digital, and Social Domains Using Multisectoral, Multidisciplinary, and Whole-of-Government Approach // Building Cyber Resilience against Hybrid Threats. – 2022. – DOI: 10.3233/NICSP220017.

TRANSFORMATION OF STATE FUNCTIONS IN LIGHT OF THE NEED TO ENSURE RUSSIA'S DIGITAL SOVEREIGNTY

Stepanova N.V.
OMON «Avangard» Senior Legal Counsel

The aim of the study is to provide a theoretical and legal justification for the function of protecting the state's digital sovereignty and to identify the main directions for its implementation amidst digital transformation. The research methodology relies on general scientific and specialized methods within the theory of state and law, including dialectical, systems, formal-legal, comparative-legal, and structural-functional approaches, as well as methods of analysis and generalization. Results. The study defines the position of the digital sovereignty protection function within the system of state functions and systematizes the primary forms of encroachment on digital sovereignty alongside the avenues of state action to safeguard it. Particular attention is paid to risks associated with artificial intelligence, critical information infrastructure, digital platforms, and data. Conclusions. It is argued that the protection of digital sovereignty is emerging as a distinct state function–possessing both protective and regulatory characteristics – the scope of which expands in tandem with the evolution of digital technologies and the emergence of new threats.

Keywords: state functions, digital sovereignty, digital transformation, artificial intelligence, digital security, critical information infrastructure.

References

1. Alekseeva M. V., Filimonova E.A. Features of state transformation amid the development of digital technologies. Legal Order and Legal Values. 2024;2(2):14–21.

2. Vasiyan R.I. Fundamental principles and general foundations of legal regulation of economic activity in the information and digital environment. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2026;(6–2):235–243.

3. Komarov S. A., ed. The Theoretical and Legal Paradigm of the Existence of a Cybernetic (Information) Civilization: Monograph. Moscow: MATGiP Publishing House; 2022. 320 p.

4. Karev D. A., Chertykovtsev Yu.V. Digital sovereignty. Law and State: The Theory and Practice. 2025;(4):80–83

5. Kirillovykh A.A. The Digital State: Organizational and Legal Aspects. Moscow: Yurlitinform; 2022. 184 p.

6. Decree of the President of the Russian Federation № 400 of July 2, 2021, «On the National Security Strategy of the Russian Federation.» Official Publication of Legal Acts. Available at: http://publication.pravo.gov.ru/ document/0001202107030001 (accessed September 13, 2026).

7. Model Law «On the Digital Transformation of Industries in the CIS Member States,» adopted by Resolution № 55–9 of the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States on April 14, 2023. Information Bulletin of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States. 2023;(78), pt. 2. Available at: https://iacis.ru/public/upload/files/2/1187.pdf (accessed September 13, 2026).

8. Decree of the President of the Russian Federation № 646 of December 5, 2016, «On the Approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation.» Official Publication of Legal Acts. Available at: http:// publication.pravo.gov.ru/document/0001201612060002 (accessed September 20, 2026).

9. Romanovskaya O.V. Law, the information society, and digital sovereignty. Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law. 2024;24(2):174–183.

10. Federal Law № 152-FZ of July 27, 2006, «On Personal Data.» Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/

11. Federal Law № 187-FZ of July 26, 2017, «On the Security of Critical Information Infrastructure of the Russian Federation.» Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_220885/

12. Federal Law № 149-FZ of July 27, 2006, «On Information, Information Technologies and the Protection of Information.» Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/

13. Federal Law № 90-FZ of May 1, 2019, «On Amendments to the Federal Law 'On Communications' and the Federal Law 'On Information, Information Technologies and the Protection of Information'.» Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323815/

14. Kharitonov P. A. A conceptual model for ensuring national economic security through the development of the information technology sector. Innovative Economy: Information, Analysis, Forecasts. 2023;(S2):186–193.

15. European Union Agency for Cybersecurity. ENISA Threat Landscape 2025. Available at: https://www.enisa.europa.eu/publications/enisa-threat-landscape-2025.

16. Fratini S., Hine E., Novelli C., Roberts H., Floridi L. Digital sovereignty: A descriptive analysis and a critical evaluation of existing models. Digital Society. 2024;3: Article 59. https://doi.org/10.1007/s44206–024–00146–7.

17. World Economic Forum. Global Cybersecurity Outlook 2026. Available at: https://www.weforum.org/publications/global-cybersecurity-outlook-2026/in-full/3-the-trends-reshaping-cybersecurity/.

18. Roberts H. Digital sovereignty and artificial intelligence: A normative approach. Ethics and Information Technology. 2024;26: Article 70. https://doi.org/10.1007/s10676–024–09810–5.

19. Vaseashta A. Applying resilience to hybrid threats in infrastructure, digital, and social domains using a multisectoral, multidisciplinary, and whole-of-government approach. In: Building Cyber Resilience against Hybrid Threats. 2022. https://doi.org/10.3233/NICSP220017.

Пределы ответственности наследников по обязательствам наследодателя о компенсации морального вреда

Степурин Дмитрий Борисович,
адвокат, Адвокатская консультация 27 филиал Волгоградской областной коллегии адвокатов, соискатель, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: KorsunDmitriy@yandex.ru

Предметом статьи выступают пределы, в которых наследники отвечают по перешедшему к ним обязательству наследодателя о компенсации морального вреда. Автор сосредоточивается на том, как соотносятся между собой размер компенсации, зависящий от характера перенесенных потерпевшим страданий, и та граница имущественной ответственности наследника, которую устанавливает статья 1175 Гражданского кодекса Российской Федерации. Освещаются вопросы определения рыночной стоимости наследственного имущества, солидарной ответственности при множественности наследников, а также последствия недостаточности наследственной массы. Привлечена судебная практика 2026 года. Обоснован вывод о необходимости последовательно различать две стадии правовой оценки: сначала – определение размера компенсации морального вреда, затем – установление той части денежного обязательства, исполнение которой фактически может быть возложено на конкретного наследника.

Ключевые слова: моральный вред, компенсация морального вреда, наследование, наследник, долги наследодателя, наследственная масса, ответственность наследников, стоимость наследственного имущества, солидарная ответственность.

Признание возможности перейти к наследникам денежной обязанности по компенсации морального вреда не снимает вопроса о пределах ее исполнения. Наоборот, стоит определить наследуемый характер обязательства, и возникает самостоятельная гражданско-правовая проблема: какую сумму потерпевший вправе взыскать с наследника и как этот предел устанавливает суд. Заметнее всего проблема тогда, когда справедливая компенсация превышает стоимость наследственного имущества либо наследство приняли несколько лиц.

Отправным здесь служит положение пункта 1 статьи 1175 Гражданского кодекса Российской Федерации. Наследники, принявшие наследство, отвечают по долгам наследодателя солидарно, однако ответственность каждого из них ограничена стоимостью перешедшего к нему наследственного имущества [1]. Следовательно, переход обязательства не влечет ответственности наследника всем принадлежащим ему имуществом.

Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 29 мая 2025 г. № 24-П применительно к обязанности компенсировать моральный вред тоже прямо связал ответственность наследника со стоимостью перешедшего к нему имущества [6]. Новым причинителем морального вреда наследник в таком правоотношении не становится. Его обязанность производна от универсального наследственного правопреемства, и предел ее исполнения определяется не тяжестью его собственного поведения, а объемом полученного наследства.

В современной цивилистике ограничение ответственности наследников считают одним из самых сложных элементов правового режима долгов наследодателя. М.Ю. Барщевский и М.М. Пухова обращают внимание на необходимость удерживать баланс имущественных интересов кредитора и наследника. Авторы полагают, что действующий механизм ответственности по долгам наследодателя содержит ряд пробелов, способных осложнить применение правил о солидарной ответственности и фактическое исполнение требований кредиторов [3].

Л.А. Емелина и С.А. Яворский связывают проблемы наследственного правопреемства с необходимостью определить реальный объем переходящих к наследнику обязанностей. Авторы отмечают, как важно заранее установить состав долгов наследодателя и имущественные пределы, в которых наследника можно привлечь к их исполнению [5]. У обязательства по компенсации морального вреда здесь дополнительная специфика: сумму требования нередко впервые определяют уже после смерти первоначального должника.

Размер компенсации морального вреда и предел ответственности наследника смешивать нельзя. Это самостоятельные гражданско-правовые категории.

Как следует из части второй статьи 151 и пункта 2 статьи 1101 Гражданского кодекса Российской Федерации, на размер компенсации влияют характер причиненных физических и нравственных страданий, степень вины причинителя там, где вина имеет юридическое значение, индивидуальные особенности потерпевшего, а равно критерии разумности и справедливости. Аналогичным образом ориентирует суды и Пленум Верховного Суда Российской Федерации: в Постановлении от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» внимание судов обращено на оценку характера нарушения и наступивших для потерпевшего последствий [8].

М.А. Егорова, Д.Н. Кархалев, Н.Ю. Челышева и Г.А. Комиссаров рассматривают компенсацию морального вреда в системе охранительной функции гражданского права и настаивают на индивидуализированном подходе к этой мере защиты [4]. При смерти первоначального должника это принципиально. От того, что требование предъявлено уже к наследнику, характер страданий потерпевшего не меняется, и искусственно занижать их денежную оценку из-за этого нельзя.

Смешение размера компенсации с пределом ответственности искажает и природу самого нематериального вреда. Страдания потерпевшего наступают в момент нарушения и от того, каким имуществом располагает обязанное лицо, не зависят. Сумма, отражающая тяжесть этих страданий, – величина постоянная. Меняется лишь то, в какой части она реально будет получена за счет наследства. Если же допустить обратное и снижать оценку страданий при небольшой наследственной массе, компенсация утратила бы связь с перенесенным и оказалась бы поставленной в зависимость от имущественного положения умершего

причинителя. Такой подход противоречил бы восстановительному назначению этой меры защиты.

Стоимость наследственного имущества критерием первоначального определения размера компенсации поэтому быть не может. Пришел суд к выводу, что с учетом обстоятельств нарушения справедлива определенная сумма, – меньшая стоимость наследства оценку самого морального вреда снижать не требует. Ограничивается фактический объем взыскания с наследника.

Обоснованным представляется двухэтапный порядок оценки. Вначале суд, руководствуясь статьями 151 и 1101 Гражданского кодекса Российской Федерации, определяет размер компенсации. Затем на основании статьи 1175 Кодекса он устанавливает предел ответственности конкретного наследника. Когда стоимость принятого наследником имущества оказывается выше размера компенсации, требование подлежит исполнению в полном объеме; если же она ниже, взыскание не может выйти за пределы этой стоимости.

Подобное разграничение не расходится с общими правилами наследственного права. В пункте 61 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» разъяснено, что стоимость имущества, которой определяется предел ответственности наследников, исчисляется по рыночной стоимости на время открытия наследства и не зависит от ее последующего изменения [7].

Констатации одного лишь того, что в состав наследства вошли квартира, транспортное средство, денежные средства или иное имущество, для разрешения спора недостаточно. Требуется их действительная рыночная стоимость на день открытия наследства. Последующее удорожание имущества границ ответственности наследника не расширяет. Не сокращает уже сложившегося предела и снижение стоимости, произошедшее после открытия наследства.

Предел ответственности, сложившийся на день открытия наследства, не зависит и от того, как наследник впоследствии распорядился полученным. Стоимостная граница действует как отвлеченная денежная величина, определяемая на момент открытия наследства, а не привязанная к последующей судьбе конкретных предметов. Отсюда два практических следствия. Отчуждение вещи, ее потребление или гибель наследника от обязанности не освобождают: он продолжает отвечать в той денежной сумме, в какой имущество вошло в наследственную массу. Приращение же ценности вещи, уже перешедшей к другому лицу, объема его обязанности не увеличивает.

Значимость этого вопроса подчеркнул Верховный Суд Российской Федерации в Определении Судебной коллегии по гражданским делам от 3 августа 2026 г. № 16-КГ26–20-К4. Хотя спор непосредственно компенсации морального вреда не касался, сформулированные выводы имеют общее значение для применения статьи 1175 Гражданского кодекса Российской Федерации. Суд отметил, что подлежат установлению принадлежность имущества наследодателю, его фактическое наличие и стоимость на день открытия наследства. Именно этими обстоятельствами и определяется предел ответственности правопреемника по долгам умершего [9].

Отсюда вывод: установление стоимости наследства – обстоятельство при рассмотрении требований о компенсации морального вреда к наследникам не дополнительное, а обязательное. Формулировка о взыскании денежных средств «в пределах стоимости наследственного имущества» без определения самого стоимостного предела порождает неопределенность при исполнении судебного акта.

С установлением стоимостного предела тесно связан вопрос о распределении обязанности доказывания. Единой позиции здесь не сложилось. По общему правилу гражданского судопроизводства каждая сторона доказывает те обстоятельства, на которые она ссылается. Потерпевший, предъявляя требование, подтверждает основание обязанности наследодателя и факт принятия наследства ответчиком. Ссылка на ограничение ответственности стоимостью полученного имущества по своей природе есть возражение наследника, и именно он должен доказать, что действительная стоимость наследства ниже присужденной компенсации. Без назначения судебной оценочной экспертизы установить такую стоимость на день открытия наследства зачастую невозможно.

В практике 2026 года проблема получила развитие уже прямо применительно к компенсации морального вреда. Третий кассационный суд общей юрисдикции в Определении от 15 апреля 2026 г. по делу № 8Г-3679/2026 [88–5149/2026] рассматривал спор из дорожно-транспортного происшествия. Причинитель вреда умер, и требования предъявили к его правопреемнику. Кассационный суд указал, что прекращение преследования в связи со смертью причинителя само по себе гражданско-правового обязательства не исключает, а при разрешении спора надо установить в том числе наследников и стоимость перешедшего имущества [10].

В этом деле важна именно последовательность правовой оценки. Сначала устанавливается гражданско-правовое основание для компенсации, затем определяется ее размер и лишь потом исследуется предел фактического взыскания с наследника. Такой порядок исключает ситуацию, когда стоимость наследства начинает влиять на оценку самого нематериального вреда.

Еще нагляднее подход проявился в Определении Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 5 августа 2026 г. по делу № 8Г-13448/2026 [88–13686/2026]. Суд признал правомерным возложение на наследника обязанности компенсировать моральный вред и одновременно указал, что взыскание производится в размере, не превышающем стоимость наследственного имущества [11]. Имущественный предел выступает здесь самостоятельным элементом исполнения уже существующего обязательства.

Не менее сложна ситуация множественности наследников. Статья 1175 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает солидарный характер их ответственности, но одновременно закрепляет индивидуальный стоимостный предел для каждого правопреемника. Применять эти правила нужно совместно.

Солидарность позволяет потерпевшему предъявить требование к нескольким наследникам или к одному из них, однако ограниченную наследственную ответственность в неограниченную она не превращает. Выплатить сумму сверх стоимости перешедшего именно к нему имущества конкретный наследник не обязан. При нескольких наследниках суд поэтому должен определить не только стоимость всей наследственной массы, но и стоимость имущества, полученного каждым ответчиком.

Это важно, если наследственные доли существенно различаются. Наследник, получивший имущество небольшой стоимости, не должен фактически отвечать в том же денежном объеме, что и наследник, которому перешла основная часть массы, когда это вывело бы взыскание за установленный статьей 1175 Гражданского кодекса Российской Федерации предел.

С солидарным характером ответственности связан и вопрос о последующих расчетах между самими наследниками. Потерпевший вправе получить всю присужденную сумму с одного из них, и такой наследник исполняет обязательство за остальных. Возникает право регресса: исполнивший вправе требовать от других возмещения в части, приходящейся на каждого, за вычетом доли, падающей на него самого. Отношения эти лежат уже за рамками спора потерпевшего с наследниками и его материально-правового положения не затрагивают. Для потерпевшего решает не внутреннее распределение долга между правопреемниками, а совокупная стоимость перешедшего к ним имущества, в границах которой требование может быть удовлетворено.

Самостоятельная проблема связана с недостаточностью наследства. В пункте 60 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 9 разъяснено, что при недостаточности наследственного имущества требования кредиторов не могут быть удовлетворены за счет собственного имущества наследника, а в непокрытой части обязательство прекращается невозможностью исполнения [7]. Распространяется это правило и на компенсацию морального вреда.

Права потерпевшего на справедливую денежную компенсацию такое ограничение не отменяет, а лишь отражает природу наследственного правопреемства. Основанием ответственности наследника выступает не его собственное противоправное поведение, а принятие имущественного комплекса наследодателя вместе с обременяющими этот комплекс обязанностями. Тем самым гражданское законодательство одновременно сохраняет требование потерпевшего и ограждает личное имущество наследника от взыскания в части, превышающей стоимость полученного наследства.

Стоимостный предел общий для всех кредиторов наследодателя, и требование о компенсации морального вреда особого положения среди них не занимает. Приоритета у него нет. Когда наследственной массы недостаточно для покрытия всех долгов, притязание потерпевшего не получает преимущества перед остальными лишь оттого, что защищает нематериальное благо. Вне процедур банкротства наследственной массы гражданский закон отдельной очередности для подобных требований не предусматривает. Кредиторы удовлетворяются по мере предъявления требований в границах общей стоимости имущества, и потерпевший, обратившийся в суд позднее других, может столкнуться с уже исчерпанной наследственной массой. Эта проблема заслуживает самостоятельного обсуждения: она затрагивает не размер компенсации, а саму возможность ее получить.

Приведенную последовательность целесообразно более определенно отразить в разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации. Разрешая требования о компенсации морального вреда, предъявленные к наследникам, судам следует устанавливать: основание

обязанности, лежавшей на наследодателе; справедливый размер компенсации; состав и рыночную стоимость имущества на день открытия наследства; наконец, объем имущества, фактически перешедшего каждому из наследников.

Такая последовательность важна и для мотивировочной части решения. Из судебного акта должно ясно следовать, какая сумма определена судом в качестве компенсации причиненного потерпевшему морального вреда, и какая ее часть подлежит взысканию с конкретного наследника в силу установленного законом ограничения. Отождествление этих сумм лишает ясности основание, по которому взыскание уменьшено, и способно повлечь неправильное применение статей 151, 1101 и 1175 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Таким образом, предел ответственности наследника по перешедшему к нему обязательству наследодателя о компенсации морального вреда не входит в число элементов оценки самого морального вреда. Размер компенсации определяется обстоятельствами нарушения и его последствиями для потерпевшего. У стоимости наследственного имущества назначение иное – ею задается предельный объем имущественного исполнения, возлагаемого на конкретного наследника.

Судебная практика 2026 года подтверждает необходимость самостоятельно исследовать состав и стоимость наследства. Значение имеют рыночная стоимость имущества на день открытия наследства и объем имущества, фактически перешедшего соответствующему наследнику. Индивидуального стоимостного ограничения каждого из нескольких наследников солидарный характер их ответственности не отменяет.

Предлагаемое разграничение сохраняет единое направление гражданско-правового регулирования. Потерпевший получает возможность реализовать требование о компенсации, возникшее из нарушения его нематериальных благ, а наследник несет имущественную обязанность лишь в пределах экономической ценности принятого наследства. Такое соотношение и согласует нормы о компенсации морального вреда с универсальным наследственным правопреемством.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 10 июня 2026 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 8 августа 2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 49. Ст. 4552.

3. Барщевский М. Ю., Пухова М.М. Ответственность наследников по долгам наследодателя: проблемы и возможные пути их решения // Наследственное право. 2025. № 1. С. 2–5. DOI: 10.18572/2072-4179-2025-1-2-5.

4. Егорова М. А., Кархалев Д.Н., Челышева Н.Ю., Комиссаров Г.А. Компенсация морального вреда: новые подходы в судебной практике // Юрист. 2023. № 5. С. 2–9. DOI: 10.18572/1812-3929-2023-5-2-9. EDN CZJHGF.

5. Емелина Л. А., Яворский С.А. Актуальные проблемы пределов ответственности наследника по долгам наследодателя // Наследственное право. 2024. № 3. С. 35–37. DOI: 10.18572/2072-4179-2024-3-35-37.

6. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 мая 2025 г. № 24-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 151 и статьи 1112 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан А.Г. Байгускаровой и М.Г. Мухаметчина» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. № 23. Ст. 3104.

7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» (ред. от 24 декабря 2020 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 7.

8. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 2.

9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 3 августа 2026 г. № 16-КГ26–20-К4 // СПС «Гарант».

10. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 15 апреля 2026 г. по делу № 8Г-3679/2026 [88–5149/2026] // СПС «Гарант».

11. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 5 августа 2026 г. по делу № 8Г-13448/2026 [88–13686/2026] // СПС «Гарант».

LIMITS OF HEIRS' LIABILITY FOR THE TESTATOR'S OBLIGATIONS TO COMPENSATE FOR MORAL HARM

Stepurin D.B.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

The subject of this article is the limits within which heirs are liable for the decedent's obligation to compensate for moral harm transferred to them by succession. The author focuses on the relationship between the amount of compensation, which depends on the nature and extent of the suffering experienced by the injured party, and the limit of the heir's property liability established by Article 1175 of the Civil Code of the Russian Federation. The article examines the determination of the market value of inherited property, joint and several liability where there are several heirs, as well as the legal consequences of an insufficient estate. Judicial practice from 2026 is also considered. The author substantiates the conclusion that two stages of legal assessment should be consistently distinguished: first, determining the amount of compensation for moral harm, and second, establishing the portion of the monetary obligation that may actually be imposed on a particular heir.

Keywords: moral harm, compensation for moral harm, inheritance, heir, testator's debts, estate, liability of heirs, value of inherited property, joint liability.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (Part One) № 51-FZ of November 30, 1994 (as amended on June 10, 2026) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301.

2. Civil Code of the Russian Federation (Part Three) № 146-FZ of November 26, 2001 (as amended on August 8, 2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. № 49. Art. 4552.

3. Barshchevsky M. Yu., Pukhova M.M. Liability of heirs for the debts of the testator: problems and possible solutions // Inheritance Law. 2025. № 1. P. 2–5. DOI: 10.18572/2072-4179-2025-1-2-5.

4. Egorova M. A., Karkhalev D.N., Chelysheva N. Yu., Komissarov G.A. Compensation for non-pecuniary damage: new approaches in judicial practice // Jurist. 2023. № 5. P. 2–9. DOI: 10.18572/1812-3929-2023-5-2-9. EDN CZJHGF.

5. Emelina L. A., Yavorsky S.A. Current issues regarding the limits of an heir's liability for the testator's debts // Inheritance Law. 2024. № 3. P. 35–37. DOI: 10.18572/2072-4179-2024-3-35-37.

6. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 24-P dated May 29, 2025, «On the Case Concerning the Review of the Constitutionality of Part 1 of Article 151 and Article 1112 of the Civil Code of the Russian Federation in Connection with the Complaint of Citizens A.G. Baiguskarova and M.G. Mukhametchin» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2025. № 23. Item 3104.

7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 9 dated May 29, 2012, «On Judicial Practice in Inheritance Cases» (as amended on December 24, 2020) // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2012. № 7.

8. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 33 dated November 15, 2022, «On the Practice of Application by Courts of Provisions Regarding Compensation for Non-Pecuniary Damage» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2023. № 2.

9. Ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation № 16-KG26–20-K4 dated August 3, 2026 // «Garant» Legal Reference System.

10. Ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Third Cassation Court of General Jurisdiction dated April 15, 2026, in Case № 8G-3679/2026 [88–5149/2026] // «Garant» Legal Reference System.

11. Ruling of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Third Cassation Court of General Jurisdiction dated August 5, 2026, in Case № 8G-13448/2026 [88–13686/2026] // Garant Legal Reference System.

Региональные международно-правовые механизмы сотрудничества государств в противодействии киберпреступности, связанной с использованием искусственного интеллекта

Филатов Герман Игоревич,
аспирант кафедры международного и интеграционного права Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: iMrGerman@yandex.ru

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта и их использование в киберпреступности ставят перед международным сообществом задачу выработки эффективных международно-правовых механизмов противодействия. Универсальные договоры – Конвенция о киберпреступности Совета Европы 2001 года и Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности 2024 года – являются технологически нейтральными и не содержат специальных норм об искусственном интеллекте. В статье на основе сравнительно-правового анализа региональных механизмов, сложившихся в рамках Совета Европы, Европейского союза, СНГ, ЕАЭС, ШОС и БРИКС, исследуются их ключевые характеристики, влияние на трансграничное расследование преступлений, совершаемых с применением искусственного интеллекта, и формулируются предложения по преодолению правовых барьеров, включая согласование стандартов электронных доказательств и взаимное признание процессуальных действий.

Ключевые слова: искусственный интеллект, киберпреступность, региональное сотрудничество, взаимная правовая помощь, электронные доказательства, гармонизация законодательства.

Технологии искусственного интеллекта (далее – ИИ) стремительно трансформируют характер киберпреступности. Генеративные нейросетевые модели используются для создания массовых фишинговых рассылок и синтезированных аудио- и видеоматериалов, алгоритмические системы машинного обучения автоматизируют поиск уязвимостей, а автономные интеллектуальные системы способны инициировать атаки без непосредственного участия человека [11]. Транснациональный характер этих угроз делает международное сотрудничество государств необходимым условием эффективного противодействия.

Однако универсальные международно-правовые инструменты не содержат специальных норм об ИИ. Конвенция о киберпреступности, заключённая в рамках Совета Европы в Будапеште 23 ноября 2001 года [2], разрабатывалась до массового применения ИИ. Принятая Генеральной Ассамблеей ООН 24 декабря 2024 года Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности, укрепляющая международное сотрудничество в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных технологий, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям (далее – Конвенция ООН против киберпреступности), также не регулирует специфику ИИ [1].

В этих условиях ключевую роль играют региональные международно-правовые механизмы сотрудничества государств. Именно на региональном уровне формируются институциональные и процедурные рамки взаимной правовой помощи, создаются контактные пункты круглосуточного реагирования, согласовываются требования к электронным доказательствам и вырабатываются общие принципы регулирования ИИ. Настоящая статья направлена на выявление ключевых характеристик региональных механизмов, определение барьеров, препятствующих их эффективному применению, и формулирование предложений по их преодолению.

Основу международно-правового регулирования сотрудничества государств в борьбе с киберпреступностью образуют два универсальных по охвату документа. Конвенция о киберпреступности Совета Европы 2001 года закрепляет материально-правовые составы преступлений в сфере компьютерной информации, устанавливает минимальный объём процессуальных полномочий и определяет рамки международного сотрудничества, включая выдачу, взаимную правовую помощь и сеть круглосуточных контактных пунктов. Конвенция ООН против киберпреступности вводит унифицированные составы и расширенные процедуры взаимной правовой помощи и обмена электронными доказательствами.

При всей значимости этих документов они являются технологически нейтральными и не учитывают таких специфических феноменов, как зависимость поведения системы от обучающей выборки, наличие скрытых уязвимостей (то есть «вредоносных данных», направленных на запутывание системы, обход ограничений, создание запрещенного контента и т.д.) и трудности атрибуции действий автономных интеллектуальных систем [10]. Дополнительным элементом является Второй дополнительный протокол к Конвенции о киберпреступности, касающийся расширения сотрудничества и раскрытия электронных доказательств, принятый 17 ноября 2021 года [3]. Протокол вводит прямое сотрудничество с иностранными поставщиками услуг (статья 7), систему пунктов экстренного контакта (статья 9), процедуры ускоренной взаимной правовой помощи и регулирует создание совместных следственных групп. Хотя Протокол не упоминает ИИ прямо, он имеет принципиальное значение для расследования преступлений, совершаемых с применением интеллектуальных систем, поскольку создаёт механизм получения электронных доказательств, подтверждающих факт функционирования алгоритма, его версию, параметры обучения и зафиксированные события.

Таким образом, универсальный договорный уровень формирует необходимую, но недостаточную основу противодействия рассматриваемой категории преступлений. Технологическая нейтральность обеих конвенций означает, что специфика ИИ – зависимость поведения системы от обучающих данных, множественность участников

её жизненного цикла, трудность атрибуции действий автономных систем – охватывается универсальными нормами лишь в той мере, в какой укладывается в общие категории «компьютерных данных» и «информационно-коммуникационных технологий». Второй дополнительный протокол частично компенсирует этот пробел: установленные им процедуры раскрытия электронных доказательств применимы к данным о функционировании ИИ-систем, однако ни один универсальный акт не обязывает государства обеспечивать образование и сохранение таких данных. Нормативный пробел, следовательно, смещается с уровня квалификации деяний на уровень доказательственной базы, а его заполнение осуществляется преимущественно региональными средствами, что и определяет логику последующего изложения.

Принципиальным шагом в формировании международно-правового регулирования ИИ на региональном уровне стала принятая 17 мая 2024 года Рамочная конвенция Совета Европы об искусственном интеллекте и правах человека, демократии и верховенстве права [4]. Это первый в мире обязывающий международный договор по ИИ. Конвенция основана на риск-ориентированном подходе, обязывает Стороны обеспечить соответствие систем ИИ правам человека, демократии и верховенству права, предусматривает проведение оценок воздействия и гарантии защиты жертв нарушений.

В рамках Европейского союза сложился развитый комплекс институциональных механизмов. Координирующую роль играет Европейский центр по киберпреступности в составе Европола, учреждённого Регламентом (ЕС) 2016/794 [5]. Параллельно действует Европейское агентство по сотрудничеству в сфере уголовного правосудия [6], координирующее расследования и поддерживающее создание совместных следственных групп. На стратегическом уровне функционирует Европейская многопрофильная платформа противодействия криминальным угрозам [7]. Важным элементом является Регламент (ЕС) 2023/1543 об оперативном обмене и сохранение электронных доказательств, вводящий систему прямого взаимного признания судебных поручений между государствами-членами ЕС [8].

Региональное регулирование ИИ в ЕС опирается на Регламент (ЕС) 2024/1689 (Artificial Intelligence Act), принятый 13 июня 2024 года [9]. Регламент классифицирует системы ИИ по четырём категориям риска (неприемлемый, высокий, ограниченный, минимальный). Статья 15 устанавливает, что системы высокого риска должны достигать надлежащего уровня точности, надёжности и кибербезопасности и функционировать последовательно на протяжении всего жизненного цикла [12]. Требования интегрированы в общую архитектуру европейского законодательства, включающую Регламент о киберустойчивости (Регламент (ЕС) 2024/2847) и Директиву (ЕС) 2022/2555 (NIS2) [10]. Показательным примером межрегионального сближения стандартов является Совместное заявление ЕС и США о плане действий по кибербезопасным продуктам, согласованное 31 января 2024 года [10], предусматривающее взаимное признание результатов сертификации. Хотя план прямо не упоминает ИИ, его положения распространяются на продукты, включающие ИИ-компоненты, и создают прецедент межрегионального признания результатов оценки соответствия, что может быть использовано как модель для аналогичных соглашений с участием других региональных объединений.

Таким образом, европейский механизм выступает наиболее институционально завершённым среди рассматриваемых: договорный уровень (система Будапештской конвенции, Рамочная конвенция об ИИ) дополнен наднациональным (Регламент об ИИ, Регламент (ЕС) 2023/1543) и организационным. Его принципиальная особенность – замкнутость регулятивного цикла: единые требования к безопасности систем ИИ влекут обязанность их документирования, документация приобретает доказательственное значение, а европейский механизм обеспечивает ускоренный трансграничный доступ к соответствующим данным. Материально-правовая и процессуальная гармонизация образуют здесь функциональное единство, пока недостижимое на универсальном уровне. Оборотной стороной такой завершённости являются экстерриториальное действие Регламента об ИИ и, как следствие, потенциал коллизий с иными региональными механизмами.

Основополагающим актом СНГ в рассматриваемой сфере является Соглашение о сотрудничестве государств – участников СНГ в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации, подписанное в Минске 1 июня 2001 года [13]. Соглашение определяет формы взаимодействия (обмен информацией, совместные оперативно-розыскные мероприятия, взаимная правовая помощь, выдача, создание контактных пунктов) и обязательства по гармонизации национального законодательства. Документ технологически нейтрален, но формирует правовую основу для трансграничного сотрудничества при расследовании любых преступлений в сфере компьютерной информации, включая совершённые с применением ИИ. Важным элементом формирования общих подходов к регулированию ИИ в рамках СНГ стало принятие Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ на 58-м пленарном заседании 18 апреля 2025 года модельного закона «О технологиях искусственного интеллекта» [14], закрепляющего единую терминологию и принципы использования ИИ-систем.

В рамках Евразийского экономического союза сотрудничество в цифровой сфере осуществляется на основе Цифровой повестки ЕАЭС, утверждённой Рекомендацией Совета Евразийской экономической комиссии № 1 от 5 декабря 2018 года [15]. Документ предусматривает формирование единого цифрового пространства, гармонизацию цифровых платформ и обмен данными о киберугрозах. Развитие модельного законодательства ЕАЭС в части классификации систем ИИ по уровню риска рассматривается в научной литературе как одно из перспективных направлений региональной интеграции [16].

Шанхайская организация сотрудничества располагает самостоятельным комплексом механизмов сотрудничества в области информационной безопасности. Базовым актом является Соглашение между правительствами государств – членов ШОС о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности, подписанное в Екатеринбурге 16 июня 2009 года. Соглашение предусматривает обмен информацией об угрозах, координацию в международных форумах, совместные расследования инцидентов и взаимопомощь в ликвидации их последствий. Дальнейшим развитием стала Программа сотрудничества государств-членов ШОС в противодействии угрозам в области информационной безопасности (Самаркандская декларация ШОС, 16 сентября 2022 года) [17].

Из изложенного следует, что СНГ, ЕАЭС и ШОС образуют рамочно-координационный уровень сотрудничества. Соглашения 2001 и 2009 годов создают договорную основу взаимодействия, модельный закон 2025 года и программные документы ЕАЭС – общую терминологическую платформу и ориентиры сближения; однако единые требования к системам ИИ, обязательные процедуры трансграничного доступа к электронным доказательствам и постоянно действующие специализированные органы (по модели ЕС3) в рамках данного уровня отсутствуют. По степени обязательности он уступает европейскому, что объективно ограничивает оперативность взаимодействия; вместе с тем рамочный характер обеспечивает совместимость с различными национальными правовыми режимами и не предполагает передачи полномочий в сфере уголовного правосудия наднациональным органам. Дефицит обязательности отчасти восполняется на уровне политической координации.

Особое место в системе региональных механизмов занимает сотрудничество в рамках БРИКС. На 15 саммите в Йоханнесбурге (23 августа 2023 года) лидеры государств-членов поддержали идею формирования Группы по исследованию искусственного интеллекта БРИКС. На 16 саммите в Казани (24 октября 2024 года) была принята Казанская декларация, подтвердившая значение координации в сфере информационной безопасности [18]. Принципиально важным шагом стало принятие на 17 саммите БРИКС в Рио-де-Жанейро (6–7 июля 2025 года) Заявления лидеров БРИКС по глобальному управлению искусственным интеллектом, предусматривающего координацию государств-членов в процессах формирования глобального управления ИИ. В практической плоскости функционирует канал быстрого обмена информацией по информационной безопасности между центральными банками БРИКС, учреждённый по итогам Московского саммита 2022 года.

Помимо обязательных международных договоров, существенную роль играют акты «мягкого права». Рекомендация ЮНЕСКО об этике искусственного интеллекта, принятая 41-й Генеральной конференцией 23 ноября 2021 года [19], закрепляет десять принципов ответственного развития ИИ. Рекомендация Совета ОЭСР об искусственном интеллекте, принятая 21 мая 2019 года, закрепляет пять принципов для разработчиков ИИ-систем и рекомендации для правительств [19]. Хиросимский процесс G7 привёл к принятию 30 октября 2023 года Международных руководящих принципов и Международного кодекса поведения для организаций, разрабатывающих передовые системы ИИ. Эти документы формируют концептуальную основу для сближения подходов государств, принадлежащих к различным региональным моделям регулирования.

Таким образом, инициативы БРИКС и акты «мягкого права» выполняют в системе региональных механизмов концептуально-координационную функцию: они формируют общие принципы и терминологию, согласуют переговорные позиции государств, однако юридически обязательных процедур сотрудничества не порождают. Принципиально, что динамика БРИКС демонстрирует движение от де-

кларативных форм к институционализации – от упоминания ИИ в декларациях к Группе по исследованию ИИ, операциональному каналу BRISC и специальному Заявлению по глобальному управлению ИИ, что позволяет охарактеризовать данное направление как механизм «отложенной юридизации», способный приобретать договорные формы по мере созревания согласия государств. Сопоставление рассмотренных региональных механизмов и порождаемых ими проблем предпринято в следующем разделе.

Проведённый анализ позволяет выделить три типа региональных международно-правовых механизмов. Первый тип – договорно-институциональные механизмы, основанные на обязывающих международных договорах и постоянных институтах (Совет Европы, Европейский союз). Второй тип – рамочно-координационные механизмы, опирающиеся на международные договоры общего характера и программные документы (СНГ, ЕАЭС, ШОС). Третий тип – декларативно-политические механизмы, основанные преимущественно на актах «мягкого права» и политических заявлениях (БРИКС).

Различия в степени юридической обязательности и уровне институционализации порождают ряд проблем. Во-первых, проблема стандартов электронных доказательств: требования к объёму, формату и срокам сохранения данных о функционировании ИИ-систем существенно различаются. В ЕС они установлены Регламентом об ИИ и Регламентом о киберустойчивости, в рамках Совета Европы – Вторым дополнительным протоколом, в СНГ, ЕАЭС, ШОС и БРИКС только формируются. В результате при направлении запроса о взаимной правовой помощи запрашивающая сторона может столкнуться с отсутствием данных в требуемом формате.

Во-вторых, проблема признания экспертизы и сертификации: заключение эксперта, подготовленное в государстве – участнике СНГ, может быть не признано судом государства-члена ЕС, если оно не соответствует требованиям, установленным Регламентом об ИИ. В-третьих, проблема конфликта юрисдикций, обусловленная экстерриториальным характером действия Регламента об ИИ ЕС и создающая коллизии между требованиями различных региональных объединений. В-четвёртых, проблема функциональной асимметрии: региональные механизмы различаются по уровню обязательности и предмету регулирования, что затрудняет применение института взаимного признания процессуальных действий.

Следует, однако, учитывать и альтернативную позицию: региональные механизмы не должны рассматриваться как альтернатива универсальному регулированию. Их роль – функционировать как промежуточный уровень между универсальными рамками и национальным правом, обеспечивая оперативное реагирование на технологические изменения. В этом смысле региональные механизмы дополняют, а не подменяют универсальный уровень международно-правового регулирования.

Из проведённого сопоставления следует, что региональные механизмы различаются не столько предметом регулирования – он в целом совпадает, – сколько степенью обязательности и институционализации, и именно это различие порождает описанные барьеры: взаимное признание процессуальных действий предполагает сопоставимость лежащих в его основе национальных требований, которая между механизмами разных типов пока отсутствует. Отсюда вытекает последовательность гармонизации: начинать следует не с переноса «чужих» процедур, а с выравнивания базовых условий – стандартов документирования систем ИИ, сертификации и хранения данных, – достижимого в рамках каждого регионального механизма без уступки суверенных полномочий. Региональные механизмы, таким образом, представляют собой не иерархические ступени, а параллельные и потенциально совместимые уровни, требующие формирования межрегиональных связующих инструментов.

Таким образом, предложенные направления образуют не совокупность разрозненных мер, а компенсаторный алгоритм, в котором каждое направление адресовано конкретному барьеру: соглашения о взаимном признании нейтрализуют асимметрию стандартов и экспертизы, согласование общих принципов снижает риск конфликтов юрисдикций, адаптация операционных сетей компенсирует пробелы договорных процедур, а активизация переговорных площадок обеспечивает учёт позиций всех региональных механизмов. Реализация данного алгоритма не подменяет будущее универсальное регулирование, а подготавливает его, формируя сопоставимые национальные практики как материал для последующей универсальной кодификации.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод, что в условиях стремительного развития технологий ИИ поиск баланса между региональным разнообразием и международно-правовой координацией остаётся одной из ключевых задач современной науки международного права.

Литература

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности, укрепляющая международное сотрудничество в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных технологий, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям: принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 79/243 от 24 декабря 2024 г. – URL: https://treaties.un.org/pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XVIII-16&chapter=18&clang=_en.

2. Конвенция о киберпреступности: заключена в г. Будапеште 23 ноября 2001 г. // Совет Европы. Серия европейских договоров. № 185. – URL: https://www.coe.int/en/web/cybercrime/the-budapest-convention.

3. Второй дополнительный протокол к Конвенции о киберпреступности, касающийся расширения сотрудничества и раскрытия электронных доказательств: заключён в г. Страсбурге 12 мая 2022 г. // Совет Европы. Серия европейских договоров. № 224. – URL: https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/?module=signatures-by-treaty&treatynum=224.

4. Рамочная конвенция об искусственном интеллекте и правах человека, демократии и верховенстве права: открыта для подписания в г. Вильнюсе 5 сентября 2024 г. // Совет Европы. Серия европейских договоров. № 225. – URL: https://www.coe.int/en/web/artificial-intelligence/framework-convention.

5. Regulation (EU) 2016/794 of the European Parliament and of the Council of 11 May 2016 on the European Union Agency for Law Enforcement Cooperation (Europol) // Official Journal of the European Union. 2016. L 135. P. 53–116. – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/794/oj.

6. Регламент (ЕС) 2018/1727 Европейского парламента и Совета от 14 ноября 2018 г. об Организации по сотрудничеству в области уголовного правосудия (Eurojust) // Официальный журнал Европейского союза. 2018. L 295. P. 138–183. – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2018/1727/oj.

7. Council Conclusions on EMPACT 2022–2025: Council of the European Union, document 9723/21, 27 May 2021. – URL: https://www.consilium.europa.eu.

8. Регламент (ЕС) 2023/1543 Европейского парламента и Совета от 12 июля 2023 г. о европейских ордерах на производство и сохранение электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // Официальный журнал Европейского союза. 2023. L 191. P. 118–186. – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/1543/oj.

9. Регламент (ЕС) 2024/1689 Европейского парламента и Совета от 13 июня 2024 г. об установлении гармонизированных правил в области искусственного интеллекта (Artificial Intelligence Act) // Официальный журнал Европейского союза. 2024. L, 12 июля. – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj.

10. Zooming in on AI #18: Cybersecurity requirements for AI systems // A&O Shearman on Technology. Lexology. 31 March 2025. – URL: https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=13ab1020-dd27–4b04-a4f1–39946809b1a8.

11. Buryaga V., Djuzhoma V., Artemenko E. Shaping Artificial Intelligence Regulatory Model: International and Domestic Experience // Legal Issues in the Digital Age. 2025. Vol. 6. № 2. P. 50–68. – URL: https://lida.hse.ru/article/view/27517.

12. Kulothungan V., Gupta D. Towards Adaptive AI Governance: Comparative Insights from the U.S., EU, and Asia // arXiv:2504.00652. 2025. – URL: https://arxiv.org/abs/2504.00652.

13. Соглашение о сотрудничестве государств – участников Содружества Независимых Государств в борьбе с преступлениями в сфере компьютерной информации: заключено в г. Минске 1 июня 2001 г. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: https://base.garant.ru/12123778.

14. О технологиях искусственного интеллекта: модельный закон: принят Межпарламентской Ассамблеей государств – участников СНГ на 58-м пленарном заседании 18 апреля 2025 г. – URL: http://iacis.ru/.

15. О Концепции создания условий для цифровой трансформации промышленного сотрудничества в рамках ЕАЭС и цифровой трансформации промышленности: Рекомендация Совета Евразийской экономической комиссии № 1 от 5 декабря 2018 г. – URL: https://eec.eaeunion.org/.

16. Вишняков И.С. Перспективы ЕАЭС и СНГ в формировании единых подходов к регулированию искусственного интеллекта // Экономика. Право. Общество. 2025. Т. 10. № 1. С. 133–140. – URL: https://epo.rea.ru/jour/article/view/828.

17. Соглашение между правительствами государств – членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области

обеспечения международной информационной безопасности: заключено в г. Екатеринбурге 16 июня 2009 г. // Программа сотрудничества государств-членов ШОС в противодействии угрозам в области информационной безопасности: одобрена на Самаркандском саммите ШОС 15–16 сентября 2022 г. – URL: https://rus.sectsco.org/.

18. Казанская декларация XVI саммита БРИКС: принята 24 октября 2024 г.; Заявление лидеров БРИКС по глобальному управлению искусственным интеллектом: принято на XVII саммите БРИКС в Рио-де-Жанейро 6–7 июля 2025 г. – URL: http://static.kremlin.ru/caption_events/72836.

19. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence: adopted by the 41st General Conference of UNESCO, 23 November 2021. – URL: https://www.unesco.org/en/artificial-intelligence/recommendation-ethics.

REGIONAL INTERNATIONAL LEGAL MECHANISMS OF INTER-STATE COOPERATION IN COUNTERING CYBERCRIME RELATED TO THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Filatov G.I.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The rapid development of artificial intelligence technologies and their use in cybercrime pose for the international community the task of elaborating effective international legal counteraction mechanisms. Universal treaties – the Council of Europe Convention on Cybercrime of 2001 and the United Nations Convention against Cybercrime of 2024 – are technologically neutral and contain № special rules on AI. Based on a comparative legal analysis of the regional mechanisms established within the Council of Europe, the European Union, the CIS, the EAEU, the SCO and BRICS, the article examines their key features, their impact on the cross-border investigation of AI-related crimes, and formulates proposals for overcoming legal barriers, including the harmonisation of electronic evidence standards and mutual recognition of procedural acts.

Keywords: artificial intelligence, cybercrime, regional cooperation, mutual legal assistance, electronic evidence, harmonisation of legislation.

References

1. United Nations Convention against Cybercrime; Strengthening International Cooperation for Combating Certain Crimes Committed by Means of Information and Communications Technology: adopted by UN General Assembly resolution 79/243 of 24 December 2024. – URL: https://treaties.un.org/pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=X-VIII-16&chapter=18&clang=_en.

2. Convention on Cybercrime: opened for signature in Budapest, 23 November 2001 // Council of Europe Treaty Series. № 185. – URL: https://www.coe.int/en/web/cybercrime/the-budapest-convention (accessed: 28.02.2026).

3. Second Additional Protocol to the Convention on Cybercrime on enhanced co-operation and disclosure of electronic evidence: opened for signature in Strasbourg, 12 May 2022 // Council of Europe Treaty Series. № 224. – URL: https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/?module=signatures-by-treaty&treatynum=224.

4. Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law: opened for signature in Vilnius, 5 September 2024 // Council of Europe Treaty Series. № 225. – URL: https://www.coe.int/en/web/artificial-intelligence/framework-convention.

5. Regulation (EU) 2016/794 of the European Parliament and of the Council of 11 May 2016 on the European Union Agency for Law Enforcement Cooperation (Europol) // Official Journal of the European Union. 2016. L 135. P. 53–116. – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/794/oj.

6. Regulation (EU) 2018/1727 of the European Parliament and of the Council of 14 November 2018 on the European Union Agency for Criminal Justice Cooperation (Eurojust) // Official Journal of the European Union. 2018. L 295. P. 138–183. – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2018/1727/oj.

7. Council Conclusions on EMPACT 2022–2025: Council of the European Union, document 9723/21, 27 May 2021. – URL: https://www.consilium.europa.eu.

8. Regulation (EU) 2023/1543 of the European Parliament and of the Council of 12 July 2023 on European Production Orders and European Preservation Orders for electronic evidence in criminal proceedings // Official Journal of the European Union. 2023. L 191. P. 118–186. – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/1543/oj.

9. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. 2024. L, 12 July. – URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj.

10. Zooming in on AI #18: Cybersecurity requirements for AI systems // A&O Shearman on Technology. Lexology. 31 March 2025. – URL: https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=13ab1020-dd27–4b04-a4f1–39946809b1a8.

11. Buryaga V., Djuzhoma V., Artemenko E. Shaping Artificial Intelligence Regulatory Model: International and Domestic Experience // Legal Issues in the Digital Age. 2025. Vol. 6. № 2. P. 50–68. – URL: https://lida.hse.ru/article/view/27517.

12. Kulothungan V., Gupta D. Towards Adaptive AI Governance: Comparative Insights from the U.S., EU, and Asia // arXiv:2504.00652. 2025. – URL: https://arxiv.org/abs/2504.00652.

13. Agreement on Cooperation among the Member States of the Commonwealth of Independent States in Combating Crimes in the Sphere of Computer Information: signed in Minsk, 1 June 2001. – URL: https://base.garant.ru/12123778.

14. Model Law on Artificial Intelligence Technologies: adopted by the Interparliamentary Assembly of the Member States of the CIS at the 58th plenary session, 18 April 2025. – URL: http://iacis.ru/.

15. Recommendation of the Council of the Eurasian Economic Commission № 1 of 5 December 2018 on the Concept of Creating Conditions for Digital Transformation of Industrial Cooperation within the EAEU and Digital Transformation of Industry. – URL: https://eec.eaeunion.org/.

16. Vishnyakov I.S. Prospects of the EAEU and the CIS in Forming Unified Approaches to the Regulation of Artificial Intelligence // Ekonomika. Pravo. Obshchestvo. 2025. Vol. 10. № 1. P. 133–140. – URL: https://epo.rea.ru/jour/article/view/828.

17. Agreement among the Governments of the Member States of the Shanghai Cooperation Organisation on Cooperation in the Field of Ensuring International Information Security: signed in Yekaterinburg, 16 June 2009; Programme of Cooperation of the SCO Member States in Countering Threats in the Field of Information Security: approved at the SCO Samarkand Summit, 15–16 September 2022. – URL: https://rus.sectsco.org/.

18. Kazan Declaration of the XVI BRICS Summit: adopted 24 October 2024; Statement of the BRICS Leaders on Global Governance of Artificial Intelligence: adopted at the XVII BRICS Summit in Rio de Janeiro, 6–7 July 2025. – URL: http://static.kremlin.ru/caption_events/72836.

19. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence: adopted by the 41st General Conference of UNESCO, 23 November 2021. – URL: https://www.unesco.org/en/artificial-intelligence/recommendation-ethics.

Вопросы отказа в возбуждении уголовного дела или процессуальный бег по кругу

Юнусов Ахат Ахнафович,
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры юридических дисциплин, Набережночелнинского института (филиала) Казанского (федерального) университета
E-mail: axatuk@rambler.ru

Хасимова Лейсан Нафисовна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры юридических дисциплин, Набережночелнинского института (филиала) Казанского (федерального) университета
E-mail: hasimov_l@mail.ru

Ахметов Рустем Рифович,
старший преподаватель кафедры юридических и гуманитарных дисциплин Набережночелнинского филиала УВО «Университет управления «ТИСБИ»
E-mail: akh.rustam@mail.ru

Конституция Российской Федерации представляет для граждан равные права и равный доступ к правосудию. В то же время необходимо отметить, что в отдельных случаях, в частности, в сфере уголовного судопроизводства в силу разных причин (как объективных, так субъективных) г-н ограничивается в праве к свободному доступу правосудия, и как следствие нарушаются его права и свободы. Необходимо отметить, что наиболее актуально данная проблема проявляется в стадии возбуждения уголовного дела. В большей степени, это последствия несовершенства уголовно-процессуального законодательства, регламентирующего данный процессуальный институт, а также ограниченный прокурорский надзор за предварительным следствием и дознанием. В статье, на основе анализа правоприменительной практики раскрываются наиболее актуальные вопросы, связанные с ограничением доступа г-н к правосудию в стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: уголовное дело, орган дознания, следователь, обжалование, судебное решение, постановление, прокурорский надзор.

Обращаясь с заявлением в правоохранительные органы, о совершенном в отношении него (с его точки зрения) преступления, г-н надеется, что должностные лица данных органов в соответствии с действующими нормами уголовно-процессуального законодательства и ведомственными нормативными актами зарегистрируют его обращение, и в ходе предварительной проверки материалов будут устанавливать наличие или отсутствие оснований для возбуждения уголовного дела. И при этом у г-на появится процессуальная возможность доступа к правосудию, а его права и интересы, нарушенные совершенным деянием, будут защищены и восстановлены.

Однако, как справедливо отмечает Ф.Ю. Васильев, «Анализ правоприменительной практики по вопросам, связанным с отказом в возбуждении уголовных дел, показал, что именно при принятии таких процессуальных решений наиболее часто встречаются ошибки должностных лиц органов предварительного расследования, приводящие как к утрате доказательственной базы, так и к необоснованному отказу в возбуждении уголовного дела, что в последующем часто приводит к невозможности восстановить права граждан, организаций и государства и возместить им вред.» [1, с. 3–4].

При этом необходимо отметить, что в доктринальной среде до настоящего времени не утихают споры относительно целесообразности сохранения института возбуждения уголовного дела в отечественном уголовном процессе. В определенный период, поддавшись воздействию западных либеральных псевдоценностей, отдельные реформаторы пытались исключить данный институт, ссылаясь на то обстоятельство, что в ряде европейских стран и стран ближнего зарубежья данный достаточно значимый институт уголовного процесса отсутствует (или упразднен). Как нам представляется, что достаточно не обоснована, несостоятельна и позиция тех авторов, которые считают, что следователь или иное лицо органов уголовного преследования ограничен в средствах проверки заявлений и сообщений о преступлениях [2, с. 18]. Хотелось бы отметить, что анализ отдельных статей УПК РФ, ФЗ «Об ОРД», а также регламентирующих деятельность ряда правоохранительных органов федеральных законов и подзаконных актов позволяют нам судить о наличии достаточного инструментария для полноценной проверки заявлений и сообщений о преступлениях и принятия обоснованного и законного решения.

Несмотря на позиции отдельных исследователей, обосновывающих необходимость упразднения данной стадии[3, с. 101–108; с. 7–10]., думается, что в современных условиях отечественный уголовный процесс будет достаточно сложно адаптировать столь революционным преобразованиям. В то же время можем отметить, что в ряде стран, в том числе, и в бывших союзных государствах данный институт был законодательно упразднен и дело считается возбужденным с момента подачи заявления о совершенном деянии в правоохранительные органы. Однако мы придерживаемся позиции тех процессуалистов, которые считают, что стадия возбуждения уголовного дела является дополнительной гарантией защиты прав и интересов граждан (как законопослушных, так и законоослушных) от необоснованного привлечения к уголовной ответственности на начальном этапе, применения мер процессуального принуждения [4, с. 98]. и т.д. С другой стороны, можем констатировать, что внесенные изменения и дополнения в уголовно-процессуальное законодательство существенно расширили полномочия представителей органов предварительного расследования, в том числе связанные с возможностью применения принуждения[5, с. 44–50; с. 474–478]. до возбуждения уголовного дела, тем самым минимизировав грань между стадией возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

Уголовно-процессуальным законодательством и ведомственными приказами должностным лицам правоохранительных органов императивно вменено принимать заявления и сообщения о преступлениях и надлежащим образом их процессуально оформить. Как показывает правоприменительная практика, за редким исключением, данные требования выполняются и сокрытие заявлений и сообщений о преступлениях в современном реалиях, скорее всего исключение из установленных правил. Наибольшую проблему вызывают вопросы, связанные с проверкой заявлений и сообщений о преступлениях и решения, принимаемые по итогам этих проверок. Нами уже были исследованы актуальные вопросы, связанные с получением объяснений на данном этапе

[6, с. 214–220], а также производства освидетельствования до возбуждения уголовного дела [7, с. 430–433]. Несмотря на возникающие вопросы в ходе предварительной проверки материалов у должностных лиц органов предварительного расследования имеется достаточный: уголовно-процессуальный, административно-правовой и оперативно-розыскной инструментарий для полной и объективной проверки заявлений и сообщений о преступлениях.

Как нам представляется, что надлежащий прокурорский надзор и промежуточный судебный контроль, объективно, могут являться гарантиями защиты прав и интересов пострадавших от преступления лиц. Однако законодательные новеллы, внесенные в УПК РФ, а также ФЗ «О прокуратуре РФ» существенно ограничили надзорные полномочия прокуратуры и в частности в стадии возбуждения уголовного дела и, особенно, в части надзора за органами предварительного следствия. Как нами ранее было неоднократно заявлено: защита, восстановление прав и интересов граждан пострадавших от преступлений не должны ставиться в зависимость от несовершенства национального законодательства, профессиональной подготовки представителей правоохранительных органов и иных факторов, негативно влияющих на реализацию института возбуждения уголовного дела.

УПК РФ, а также подзаконные акты обязывают лицо, проводящее предварительную проверку материалов полно и объективно исследовать обстоятельства совершенного деяния, на основании которого вынести законное обоснованное решение. В то же время, анализ правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что ошибочное восприятие обстоятельств совершенного деяния, неквалифицированное толкование норм материального и процессуального права, нередко, коррупционная составляющая приводят к тому, что принимается необоснованное решение об отказе в возбуждении уголовного дела. При этом ограниченный прокурорский надзор (невозможность методами прокурорского надзора изменить ситуацию по существу) позволяют субъекту проверки заявления, и сообщения о преступлении выносит данные постановления неограниченное количество раз.

На данную проблемную ситуацию своим обращением в Конституционный Суд Российской Федерации акцентировал внимание г-н О.Б. Суслов который заявил, что действующие нормы УПК РФ «… позволяют руководителю следственного органа, следователю, органу дознания или дознавателю многократно, вплоть до истечения сроков давности привлечения к уголовной ответственности, после признания процессуальных решений, принятых ими по заявлению о преступлении, незаконными и необоснованными вновь, без проведения дополнительных проверочных действий, выносить постановления об отказе в возбуждении уголовного дела…» [8]. Конституционный Суд Российской Федерации, как всегда, изящно обосновав свое решение, заявил, что оснований для дальнейшего рассмотрения не имеется, оставив проблему неразрешённой (неразрешимой на уровне Конституционного Суда Российской Федерации).

В последние годы г-не понимая, что методами и средствами прокурорского реагирования обеспечить доступ к правосудию практически невозможно, все чаще начали обжаловать решения и действия представителей органов предварительного расследования в порядке ст. 125 УПК в суд. В частности, г-ка Ф. обратилась в Набережночелнинский городской суд с жалобой в порядке ст. 125 УПК РФ в котором просит признать незаконным и необоснованным постановление оперуполномоченного ОУР ОП № 2 «Комсомольский» УМВД России по г. Набережные Челны об отказе в возбуждении уголовного дела. И, как было установлено судом: 13.08.24 г. г-ка Ф. обратилась ОП № 2 «Комсомольский» с заявлением о совершении в отношении нее преступления предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ г-м Б.; 19.08.24 г. оперуполномоченным ОУР К. вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления; 11.09.24 г. прокурором данное постановление отменено, материалы направлены начальнику ОП № 2 «Комсомольский» для организации дополнительной проверки. Прокурор указал: установить местонахождение Б., установить и опросить очевидцев, провести иные проверочные мероприятия и принять законное обоснованное решение; 27.09. 24 г. оперуполномоченным ОУР К. вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления; 11.10. 24 г. прокурором данное постановление отменено, материалы направлены начальнику ОП № 2 «Комсомольский» для организации дополнительной проверки. Прокурор указал: установить местонахождение Б., установить и опросить очевидцев, провести иные проверочные мероприятия и принять законное обоснованное решение; 21.10.24 г. оперуполномоченным ОУР К. вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления; 05.11.24 г. прокурором данное постановление отменено, материалы направлены начальнику ОП № 2 «Комсомольский» для организации дополнительной проверки. Прокурор указал: установить местонахождение Б., установить и опросить очевидцев, провести иные проверочные мероприятия и принять законное обоснованное решение; 27.11.24 г. оперуполномоченным ОУР К. вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления; 28.11.24 г. данное постановление отменено. Материалы проверки направлены руководителю СО – начальнику отдела по расследованию преступлений на территории обслуживаемой ОП № 2 «Комсомольский» СУ УМВД России по г. Набережные Челны для организации дополнительной проверки. Указано на необходимость в ходе дополнительной проверки: приобщить камеры наблюдения «Совкомбанка» от 27 мая 2024 г. по факту передачи денег заявителем, приобщить документы, подтверждающие факт покупки Б. автомобиля, установить очевидцев передачи заявителем денежных средств г-у Б.; 16.12. 24 г. оперуполномоченным ОУР К. вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления; 17.12. 24 г. данное постановление отменено. Материалы проверки направлены руководителю СО – начальнику отдела по расследованию преступлений на территории обслуживаемой ОП № 2 «Комсомольский» СУ УМВД России по г. Набережные Челны для организации дополнительной проверки. Указано на необходимость в ходе дополнительной проверки: приобщить камеры наблюдения «Совкомбанка» от 27 мая 2024 г. по факту передачи денег заявителем, приобщить документы, подтверждающие факт покупки Б. автомобиля «Лада Ларгус», а также переоформления документов на автомобиль установить очевидцев передачи заявителем денежных средств г-у Б. и по результатам дополнительной проверки принять законное и обоснованное процессуальное решение; 19.02.25 г. оперуполномоченным ОУР **Х**. вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления; 27.03.25 г. данное постановление отменено. Материалы проверки направлены руководителю СО – начальнику отдела по расследованию преступлений на территории обслуживаемой ОП № 2 «Комсомольский» СУ УМВД России по г. Набережные Челны для организации дополнительной проверки. Указано на необходимость в ходе дополнительной проверки: приобщить камеры наблюдения «Совкомбанка» от 27 мая 2024 г. по факту передачи денег заявителем, приобщить документы, подтверждающие факт покупки Б. автомобиля «Лада Ларгус», а также переоформления документов на автомобиль установить очевидцев передачи заявителем денежных средств г-у Б. и по результатам дополнительной проверки принять законное и обоснованное процессуальное решение; 18.04.25 г. оперуполномоченным ОУР **Х**. вынесено постановление об отказе в возбуждении уголовного дела в связи с отсутствием состава преступления; 02.04.2025 г. прокурором данное постановление отменено, материалы направлены начальнику ОП № 2 «Комсомольский» для организации дополнительной проверки. Прокурор указал: установить местонахождение Б., установить и опросить очевидцев, провести иные проверочные мероприятия и принять законное обоснованное решение[9]. Как видим, материалы предварительной проверки сообщения о преступлении совершили несколько кругов между прокуратурой и органами предварительного расследования пока не попали с жалобой г-ки Ф. в порядке ст. 125 УПК РФ в суд.

У несведущего в делах юриспруденции лица может сложиться впечатление о том, что достаточно капризный ребенок неоднократно, протестно ослушивается и не выполняет справедливые и обоснованные замечания отца, будущий уверенный, что за это не будет наказан. Анализ данного материала, а также иных схожих материалов позволяет нам сделать вывод о том, что прокурорский надзор в стадии возбуждения уголовного дела не достаточно эффективен. Думается данному негативному явлению в результате, которого существенно ограничиваются права, и интересы законопослушных граждан способствует и несовершенство уголовно-процессуального законодательства регламентирующего данный институт.

Однако не исключаем и той ситуации, которую описывает в своем исследовании В.Ю. Васильев «…В данном случае мы приводим примеры, к сожалению, не редкие, когда отдельные сотрудники прокуратуры выносят постановления об отмене постановлений органов дознания и предварительного следствия для повышения показателей надзорной работы ведомственных статистических отчетов. Данные «указания» легко выявляются, так как сотрудники прокуратуры, давая их, сами порой не знают, для чего необходимо проводить дополнительные проверочные мероприятия и как они смогут повлиять на законность и обоснованность принятого решения об отказе в возбуждении уголовного дела…» [10, с. 75–80]. Данная негативная ситуация устраивает и представителя стороны защиты (адвоката) оплата части услуг которого в соответствии с адвокатским соглашением зависит от количества участия в судебных процессах.

Думается, отечественный уголовный процесс объективно нуждается в законодательном ограничении количества выносимых представителями органов уголовного преследования постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела по одному и тому же заявлению или сообщению о преступлении и по одному и тому же факту. В частности, указав «…орган дознания, дознаватель, следователь по находящимся в их производстве материалам предварительной проверки не вправе более двух раз отказывать в возбуждении уголовного дела после их отмены прокурором или руководителем следственного органа…», «… после двукратной отмены прокурором или руководителем следственного органа постановления об отказе в возбуждении уголовного дела орган дознания, дознаватель, следователь обязаны возбудить уголовного дела по факту [11, с. 483–485; с. 265–286]. или в отношении неустановленного лица…».

Конституционный Суд Российской Федерации справедливо отмечает, что «…Дополнительная проверка сообщения о преступлении предполагает проведение следственных и иных процессуальных действий, направленных на собирание доказательств и установление обстоятельств события, в связи с которым поступило это сообщение, позволяющих дать ему обоснованную и квалифицированную оценку на предмет наличия или отсутствия признаков преступления, что необходимо для решения вопроса о возбуждении или об отказе в возбуждении уголовного дела, как это следует из статей 21, 140, 146 и 148 УПК Российской Федерации…» [12]. При этом Конституционный Суд Российской Федерации обращает внимание контролирующих и надзирающих органов на то обстоятельство, что «…Иное свидетельствовало бы о прямом и умышленном нарушении требований уголовно-процессуального закона, о злоупотреблении должностными полномочиями, о неисполнении или ненадлежащем исполнении должностными лицами своих процессуальных обязанностей, о недобросовестном или небрежном их отношении к службе, а значит, о причинении вреда интересам правосудия, правам потерпевшего…» [13].

Исходя из позиции Конституционного суда Российской Федерации, можем констатировать, что алгоритм действий надзирающего прокурора в настоящее время должен быть следующим: после неоднократного неисполнения лицом, проводящим предварительную проверку материалов указаний прокурора по отказному материалу (после их отмены) с требованием о проведении конкретных следственных и процессуальных действий, прокурор должен отправить материалы в органы предварительного расследования по подследственности для решения вопроса об уголовном преследовании данных лиц.

Хотелось бы обратить внимание и на то, что в правоприменительной практике складывается достаточно интересная ситуация, когда органы прокуратуры в ряде случаев при судебном обжаловании в порядке ст. 125 УПК РФ заблаговременно до принятия решения судом отменяют постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Суд, в данной ситуации, вынужден принять решение о прекращении производства по жалобе в соответствии с правовой позицией Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 года № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [14]. Однако, данная процессуальная полумера объективно не может полноценно защитить права и интересы заявителя (в большинстве случаев лица пострадавшего от общественно-опасного деяния) так как тот же анализ правоприменительной практики наглядно демонстрирует, что следователи, игнорируя решения и процессуальные указания прокурора после формальной проверки оснований для возбуждения уголовного дела вновь и вновь выносят постановления об отказе в возбуждении уголовного дела.

Данной ситуации частично способствует и ведомственный акт – Приказ Генеральной прокуратуры от 23 октября 2023 г. № 730 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и органах предварительного следствия». Содержательно (сущностно) данный приказ, с нашей точки зрения, носит в большей степени декларативный характер. Объективная действительность в данной, достаточно чувствительной для всего уголовного процесса стадии такова, что «обращением внимания», «усилением», «обеспечением действенного надзора», «принципиальным реагированием», «принятием мер» и т.д. добиться объективного и законного рассмотрения и разрешения заявлений и сообщений о преступлениях достаточно сложно.

Как нам представляется пока лицо, рассматривающее и разрешающее поводы для возбуждения уголовного дела, не будет чувствовать реальную угрозу привлечения к ответственности за незаконные и необоснованные решения об отказе в возбуждении уголовного дела и иных решений, ограничивающих права и интересы граждан как законопослушных, так и законоослушных государство, он будет поверхностно (не полно и объективно) проводить доследственную проверку, что без сомнения приведет к принятию незаконного решения.

Несмотря на то, что в данном приказе акцент направлен на привлечение виновных лиц к дисциплинарной ответственности Генеральная прокуратура все же обязывает нижестоящие органы прокуратур «… Выносить постановление о направлении соответствующих материалов для решения вопроса об уголовном преследовании по фактам выявленных прокурором нарушений уголовного законодательства лишь по результатам всесторонне проведенной прокурорской проверки, содержащей достаточные данные о наличии признаков преступления…» [15]. практика показывает, что данная ситуация скорее исключение, чем правило.

В частности, в Лаишевском районе РТ двоих представителей следственного подразделения МВД РФ уволили по представлению прокурора, за то, что при наличии достаточных данных о наличии в деянии лица признаков преступления предусмотренного ч. 1 ст. 264 УК РФ неоднократно выносили постановления об отказе в возбуждении уголовного дела вплоть до истечения сроков давности. Прокуратура неоднократно отменяла данные постановления об отказе в возбуждении уголовного дела [16].

Не исключая, в отдельных случаях, коррупционной составляющей при явном затягивании принятий законных решений, дожидаясь истечения сроков давности, принятии необоснованных, а по сути незаконных решений о возбуждении и прекращении уголовных дел прокурору необходимо и целесообразно решать вопросы передаче уголовного дела от одного следователя к другому. Однако прокурор ограничен в процессуальных правах при принятии данного решения, так как в соответствии с п. 12. ст. 37 УПК РФ прокурор в праве «…изымать любое уголовное дело или любые материалы проверки сообщения о преступлении у органа предварительного расследования федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти) и передавать его (их) следователю Следственного комитета Российской Федерации с обязательным указанием оснований такой передачи…»[1].

В то же время в ходе проведенного исследования по рассмотрению судами жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ на необоснованные постановления об отказе в возбуждении уголовных дел выявилась достаточно позитивная тенденция, когда федеральный судья по ходатайству участвующего в процессе прокурора производство по жалобе прекращает и в то же время принимает решение о признании незаконным действий следователя о проведении проверки сообщения о преступлении с нарушением норм УПК РФ. В частности, судья Набережночелнинский городского суда С. несмотря на то что помощник прокурора Н., приведя соответствующие доводы, возражал против удовлетворения жалобы в полном объёме, вынес постановление жалобе гражданки Ф. о признании незаконным и необоснованным постановление оперуполномоченного ОУР ОП № 2 «Комсомольский» УМВД России по г. Набережные Челны об отказе возбуждения уголовного дела прекратить. В то же время, жалобу заявителя Ф. о признании незаконным действий оперуполномоченного А. и иных должностных лиц выразившееся в проведении проверки сообщений о преступлении с нарушением УПК РФ – удовлетворить. Признать незаконным действия (бездействия) оперуполномоченного Х., вырезавшееся в проведении проверки сообщения о преступлении с нарушением норм УПК РФ. Обязать должностных лиц ОП № 2 «Комсомольский» УМВД России по г. Набережные Челны устранить допущенные нарушения процессуального закона [17].

Однако, другой судья Набережночелнинского городского суда, рассмотрев судебном заседании жалобу заявителя Щ. на постановление оперуполномоченного ОУР лиц ОП № 2 «Комсомольский» УМВД России С. об отказе в возбуждении уголовного дела, а также на бездействие сотрудников, несмотря на то, что заявитель Щ. судебном заседании свои жалобы поддержал и просил удовлетворить их, в связи

[1] Возникает обоснованный вопрос, почему в том же Лаишевском районе РТ и в других районах, надзирающий прокурор, неоднократно отменяя необоснованные постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, допустил истечения сроков давности и не воспользовался своим процессуальным правом, предусмотренном с п. 12. ст. 37 УПК РФ «…изымать любое уголовное дело или любые материалы проверки сообщения о преступлении у органа предварительного расследования федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти) и передавать его (их) следователю Следственного комитета Российской Федерации с обязательным указанием оснований такой передачи..». Однако необходимо отметить, в УПК РФ закреплено, что проверка большинства материалов сообщений о преступлениях и расследование уголовных дел осуществляется органами предварительного расследования федерального органа исполнительной власти (при федеральном органе исполнительной власти) и передача материалов проверки и уголовных дел в органы СК РФ не должна массовый характер.

с тем, что помощник прокурора Н. города считала возможным прекратить производство по жалобе Щ. поскольку обжалованное постановление отменено постановлением заместителя прокурора г. Набережные Челны У. и материал направлен для дополнительной проверки принял решение только о прекращении производства по жалобе. Как видим, несмотря на то, что суть жалобы практически схожа, суды принимают разные решения, связанные с защиты прав и интересов лиц, обратившихся с жалобой в порядке ст. 125 УПК РФ.

Несмотря на то, что Конституционный Суд Российской Федерации в обосновании своего решения запретил волокиту при рассмотрении заявления или сообщения о преступлении, правоприменитель, в ослушание установок Конституционного Суда Российской Федерации, которые должны быть обязательно для исполнения [18], и спустя годы продолжает свою порочную практику, связанную с неоднократными вынесениями необоснованных и незаконных постановлений об отказе возбуждении уголовного дела и в ряде случаев доводя до истечения сроков давности[1].

Литература

1. Васильев Ф.Ю. Институт отказа в возбуждении уголовного дела: дис… канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2016. С. 3–4.

2. Володина Л.М. Проблемы формирования доказательной базы в стадии возбуждения уголовного дела: материалы научно-практической конференции «Государство и право: вызовы 21 века» (Кутафинские чтения) М., 2009. С. 18.

3. Александров А.С., Грачев С.А. Стадия возбуждения уголов6ного дела: ликвидировать нельзя оставить. Юридическая наука и правоохранительная практика. № 1(31). – 2015 г. С. 101–108., Александров В.С. О доктринальной модели уголовно-процессуального доказательственного права. Вестник Нижегородской правовой академии. № 5 (5), 2015 г. С. 7–10.

4. Власова Н.А. К вопросу об упразднении стадии возбуждения уголовного дела. Уголовный процесс: от прошлого к будущему (материалы Международной научно-практической конференции) М., 2014. Ч. 2. С. 98.

5. Калиновский К.Б. Выемка до возбуждения уголовного дела нарушает конституционный принцип соразмерности ограничения прав граждан // Уголовный процесс. 2016. № 3. С. 44–50, Юнусов А.А. Меры процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве Модернизация научной инфраструктуры и цифровизация образования. Материалы XI Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Ростов-на-Дону, 2021. С. 474–478.

6. Юнусов А.А., Диденко Н.С. Проблемы, возникающие при получении объяснений в процессе проверки сообщений о преступлении. Юристъ-Правоведъ. Ростовский юридический институт МВД РФ, № 2 (105), 2024, – С. 214–220.

7. Юнусов А.А., Валиуллина Д.А., Гареева З.Ф. К вопросу допустимости принуждения при производстве освидетельствования. Юридическая наука. 2026. № 6. С. 430–433.

8. Определение Конституционного Суда РФ от 12.03.2019 № 578-О «По жалобе гражданина Суслова Олега Борисовича на нарушение его конституционных прав частями первой, шестой и седьмой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» КонсультантПлюс

9. Постановление № 3.10–73/2025 г. Архив Набережночелнинского городского суда. https://naberezhno-chelninsky – tat.sudrf.ru (дата обращения: 11.09. 2026)

10. Васильев Ф.Ю. Институт отказа в возбуждении уголовного дела: дис… канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2016. С. 75–80.

11. Данная позиция несколько противоречит позиции ВС РФ. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 21.06.2004 г. № 336п-2004пр. Цит. по: Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Практ. пособие / Под ред. В.П. Верина – М.: Юрайт-Издат, 2006. С. 483–485., Ковтун Н.Н. О предрешенности внутреннего убеждения судей в судебно-контрольных производствах и стадиях уголовного судопроизводства России: вопрос тактики или стратегии судебной проверки // Научные труды Московской академии экономики и права: Вып. № 24. – М.: МАЭП, 2009. С. 265–286.

12. Определение Конституционного Суда РФ от 12.03.2019 № 578-О «По жалобе гражданина Суслова Олега Борисовича на нарушение его конституционных прав частями первой, шестой и седьмой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» КонсультантПлюс

13. Определение Конституционного Суда РФ от 12.03.2019 № 578-О «По жалобе гражданина Суслова Олега Борисовича на нарушение его конституционных прав частями первой, шестой и седьмой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» КонсультантПлюс

14. Постановление № 3.10–90/2025 г. Архив Набережночелнинского городского суда. https://naberezhno-chelninsky – tat.sudrf.ru (дата обращения: 11.09.2026)

15. См.п. 1.15 Приказа Генеральной прокуратуры от 23 октября 2023 г. № 730 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и органах предварительного следствия» КонсультантПлюс

16. https://tataronline.ru/news/proisshestvija/dvuh-sledovatelej-mvd-uvolili-v-atarstane-za-volokitu-s-dtp/?ysclid=mtjva646iy357212054 (дата обращения: 02.09.2026)

17. Постановление № 3.10–73/2025 г. Архив Набережночелнинского городского суда. https://naberezhno-chelninsky – tat.sudrf.ru (дата обращения: 11.06. 2026)

18. Определение Конституционного Суда РФ от 06.02.2003 № 34-О «Об отказе в принятии к рассмотрению ходатайства Государственного унитарного Новгородского авиационного предприятия об официальном разъяснении Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 2001 года по жалобе этого предприятия на нарушение конституционных прав и свобод статьями 4 и 7 Закона Российской Федерации «О налоге на добавленную стоимость» КонсультантПлюс

ISSUES REGARDING THE REFUSAL TO INITIATE CRIMINAL PROCEEDINGS OR RUNNING IN PROCEDURAL CIRCLES

Yunusov A.A., Khasimova L.N., Akhmetov R.R.
Naberezhnye Chelny Institute (branch) of Kazan (Federal) University, Naberezhnye Chelny branch of the Educational Institution «TISBI University of Management»

The Constitution of the Russian Federation guarantees citizens equal rights and equal access to justice. However, it must be noted that in certain instances – particularly within the realm of criminal proceedings – citizens' right of free access to justice is restricted due to various factors (both objective and subjective), resulting in the violation of their rights and freedoms. This issue is most acute at the stage of initiating criminal proceedings. To a large extent, this stems from flaws in the criminal procedural legislation governing this stage, as well as from limited prosecutorial oversight of preliminary investigations and inquiries. Based on an analysis of law enforcement and judicial practice, this article examines the most pressing issues concerning the restriction of citizens' access to justice during the initiation of criminal proceedings.

Keywords: criminal case, inquiry body, investigator, appeal, court decision, resolution, prosecutorial oversight.

References

1. Vasiliev F. Yu. Institute of refusal to initiate a criminal case: dis… cand. jurid. sciences. St. Petersburg, 2016. S. 3–4.

2. Volodina L.M. Problems of the formation of the evidence base at the stage of initiating a criminal case: materials of the scientific-practical conference «State and Law: Challenges of the 21st Century» (Kutafin Readings) M., 2009. S.18.

3. Aleksandrov A.S., Grachev S.A. The stage of initiation of a criminal case: it is impossible to leave. Legal science and law enforcement practice. № 1 (31). – 2015 S. 101–108., Alexandrov V.S. On the doctrinal model of criminal procedural evidentiary law. Bulletin of the Nizhny Novgorod Law Academy. № 5 (5), 2015. P. 7–10.

4. Vlasova N.A. On the issue of abolishing the stage of initiating a criminal case. Criminal process: from the past to the future (materials of the International Scientific and Practical Conference) M., 2014. Ch. 2. S. 98.

5. Kalinovsky K.B. Seizure before the initiation of a criminal case violates the constitutional principle of proportionality of restriction of citizens' rights//Criminal process. 2016. № 3. S. 44–50, Yunusov A.A. Measures of procedural coercion in criminal proceedings Modernization of scientific infrastructure and digitalization of education. Materials of the XI International Scientific and Practical Conference. In 2 parts. Rostov-on-Don, 2021. S. 474–478.

6. Yunusov A.A., Didenko N.S. Problems arising when receiving explanations in the process of checking reports of a crime. Lawyer-Lawyer. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, № 2 (105), 2024, – P. 214–220.

7. Yunusov A.A., Valiullina D.A., Gareeva Z.F. On the issue of the admissibility of coercion in the course of the examination. Legal science. 2026. № 6. S. 430–433.

8. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 12.03.2019 № 578-O «On the complaint of citizen Suslov Oleg Borisovich about violation of his constitutional rights by parts one, six and seven of Article 148 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» ConsultantPlus

9. Resolution № 3.10–73/2025. Archive of the Naberezhnye Chelny City Court. https://naberezhno-chelninsky – tat.sudrf.ru (accessed 11.09.2026)

10. Vasiliev F. Yu. Institute for refusal to initiate a criminal case: dis… cand. jurid. sciences. St. Petersburg, 2016. S. 75–80.

[1] По сути, не исполняется запрет на неисполнение решения Конституционного Суда Российской Федерации предусмотренный ст. 81 Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «О Конституционном Суде Российской Федерации»

11. This position is somewhat contrary to the position of the RF Armed Forces. Decree of the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation of 21.06.2004 № 336p-2004pr. Cit. according to: Practice of application of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Prakt. allowance/Ed. V.P. Verina – M.: Yurayt-Izdat, 2006. S. 483–485., Kovtun N.N. On the prejudgment of the internal conviction of judges in judicial control proceedings and the stages of criminal proceedings in Russia: the question of tactics or strategies of judicial verification//Scientific works of the Moscow Academy of Economics and Law: Vol. № 24. – M.: MAEP, 2009. S. 265–286.

12. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 12.03.2019 № 578-O «On the complaint of citizen Suslov Oleg Borisovich about violation of his constitutional rights by parts one, six and seven of Article 148 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» ConsultantPlus

13. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 12.03.2019 № 578-O «On the complaint of citizen Suslov Oleg Borisovich about violation of his constitutional rights by parts one, six and seven of Article 148 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» ConsultantPlus

14. Resolution № 3.10–90/2025. Archive of the Naberezhnye Chelny City Court. https://naberezhno-chelninsky – tat.sudrf.ru (accessed 11.09. 2026)

15. See paragraph 1.15 of the Order of the General Prosecutor's Office of October 23, 2023 № 730 «On the organization of prosecutorial supervision over the implementation of laws when receiving, registering and resolving reports of crimes in the bodies of inquiry and bodies of preliminary investigation» ConsultantPlus

16. https://tataronline.ru/news/proisshestvija/dvuh-sledovatelej-mvd-uvolili-v-atarstane-za-volokitu-s-dtp/?ysclid=mtjva646iy357212054 (дата обращения: 02.09.2026)

17. Resolution № 3.10–73/2025. Archive of the Naberezhnye Chelny City Court. https://naberezhno-chelninsky – tat.sudrf.ru (accessed 11.06.2026)

18. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 06.02.2003 № 34-O «On refusal to accept for consideration the application of the State Unitary Novgorod Aviation Enterprise for official clarification of the Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 20, 2001 on the complaint of this enterprise about violation of constitutional rights and freedoms by Articles 4 and 7 of the Law of the Russian Federation «On Value Added Tax» ConsultantPlus